2842 3.

943

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1877.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1877.

Публичный Музей
Московской Синодальной Типографіи

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XX.

1877.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Рис. К. Брожъ.

Состав. А. Шарлеманъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 НОЯБРЯ 1874 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

Грав. Ив. Пожалостинъ 1868 г.

Филаретъ М. Московскій.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 21 МАРТА 1877 Г.

ПОСОЛЬСКІЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ТУРЦІЮ

въ XVII столѣтіи [1]).

Изъ Москвы въ Царьградъ, въ XVII столѣтіи, прямая, то есть наиболѣе свободная дорога лежала по восточной русской окраинѣ, внизъ по теченію Дона и Азовскимъ моремъ. Это былъ очень далекій обходъ, но ближе, именно на Кіевъ и дальше, Днѣпромъ или степями, проѣхать было невозможно. Та дорога залегла еще со времени татарскаго нашествія. Она теперь принадлежала чужимъ людямъ: Татарамъ, Польшѣ, которая успѣла совсѣмъ отдѣлить Южную Русь отъ Сѣверной, Крымскому хану и, вообще, Соловью-разбойнику, который не пропускалъ мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго.

Къ тому же Донской путь былъ старозавѣтный, свой родной, самостоятельный путь къ Черному морю изо всѣхъ областей нашего сѣверовостока, особенно отъ Оки и Волги, гдѣ находилась Москва и корень русскаго государства. Это былъ путь очень древній,—объ немъ имѣлъ свѣдѣніе еще географъ Птолемей въ половинѣ втораго вѣка [2]). Въ отдаленной древности Донская дорога направлялась къ знаменитому греческому торжищу, лежавшему въ устьяхъ Дона и носившему имя самой рѣки, какъ тогда называли—Танаисъ,—къ торжищу, которое съ незапамятныхъ временъ служило очень важнымъ торговымъ узломъ въ сношеніяхъ просвѣщеннаго міра съ варварами, то есть южной Европы съ ея глубокимъ сѣверомъ, съ при-Каспійскими областями и даже съ далекою Индіею. Еще до конца XIV-го вѣка съ устьевъ Дона Европа получала индѣйскіе пряности и шелкъ, приходившіе туда съ Каспійскаго моря черезъ теперешнюю Астрахань.

Не смотря на то, что дорога пролегала опасными кочевыми мѣстами, что въ теченіе пятнадцати или двадцати вѣковъ нежданныя нашествія

---

[1]) По статейнымъ спискамъ пословъ: Ильи Милославскаго 7150 г., Аѳанасія Нестерова 7175—7176 г. и Прокопія Возницына 7189–7190 гг.

[2]) Исторія Русской Жизни, часть I, стр. 283.

кочевниковъ не одинъ разъ опустошали ее изъ конца въ конецъ и въ самомъ Донскомъ торжищѣ не оставляли камня на камнѣ,—именно торговыя связи этого мѣста всегда были такъ сильны и жизненны, что и городъ, а съ нимъ вмѣстѣ и его торговые пути, вскорѣ снова воскресали и въ извѣстномъ смыслѣ даже процвѣтали подъ защитою тѣхъ-же кочевниковъ. Варвары очень хорошо понимали, какія выгоды, то есть какіе поборы и всякія пошлины, можно было получать отъ привозимаго сюда товара, а слѣдовательно, и отъ охраненія безопасныхъ путей для этого привоза. Въ виду такихъ выгодъ они тотчасъ-же открывали торговымъ людямъ свободный проѣздъ на всѣ стороны, утверждались съ ними договорами и свято исполняли эти договоры. Въ такомъ положеніи Донская сторона находилась, напримѣръ, при владычествѣ Татаръ, когда въ устьяхъ Дона господствовали торговые и предпріимчивые Венеціяне и Генуэзцы, утвердившіе свое пребываніе на этомъ рынкѣ по договорамъ съ татарскими ханами. Донской путь въ то время былъ чистъ и для Московскихъ торговцевъ, для извѣстныхъ сурожанъ, ходившихъ съ своими товарами на Сурожское, то есть Азовское море, къ городу Сурожу, теперешнему Судаку.

Въ концѣ XIV-го столѣтія, русскій митрополитъ Пиминъ, отправившись изъ Москвы въ Царьградъ по этому же Донскому пути, проѣхалъ въ четырехъ судахъ, безъ провожатыхъ, въ полной безопасности и по верхнему Дону и сквозь всѣ татарскія кочевья на нижнемъ Дону. Здѣсь, начиная отъ мѣстности сближенія Дона съ Волгою, путешественникъ по обѣимъ сторонамъ рѣки видѣлъ неисчислимое множество татаръ, „какъ листъ на деревѣ, или какъ песокъ на землѣ“. Они мирно пасли свои безчисленныя стада и, спрашивая, кто ѣдетъ, пропускали путешественниковъ не только безъ задержки, но приносили имъ даже молоко въ подарокъ. Все плаваніе по всему теченію Дона совершилось въ тишинѣ и безъ всякой боязни. За то въ русской землѣ, на перевалѣ изъ Оки въ Донъ, было очень страшно. Тамъ митрополита по необходимости сопровождала дружина рязанскаго князя „съ великимъ опасеніемъ отъ разбойниковъ“. Оказалось, что только чужая сторона—тихій Донъ становился безопаснымъ. Но въ то время онъ былъ совсѣмъ опустошенъ тѣми же татарами, еще при Батыѣ, и представлялъ какъ бы нейтральную, никому не принадлежащую полосу страны между Русью и кочевьями татаръ. Такія полосы между осѣдлымъ и кочевымъ населеніемъ устраивались сами собою и всегда существовали на нашихъ степныхъ окраинахъ. Въ этой полосѣ путешественники не встрѣтили по берегамъ Дона не только разбойниковъ, но и вообще живыхъ людей. „Отсюда наше плаваніе,—говорятъ они,—было печально и унынливо. Вездѣ была пустыня и нигдѣ

не было видно ни города, ни села. Были въ древности города красивые и зѣло нарочитые по своему мѣстоположенію, но отъ нихъ оставались только пустыя мѣста и развалины. Все было пусто и дико, нигдѣ не было видно человѣка. Дикія мѣстности пустыни оживлялись только безчисленнымъ множествомъ всякой птицы и всякаго звѣря". Людское населеніе или погибло или ушло дальше къ сѣверу, какъ оно не одинъ разъ уходило туда на памяти исторіи, спасаясь отъ такихъ-же кочевниковъ.

Но, по закону кочевой жизни, сила кочевниковъ мало по малу исчезала сама собою; они сами же истребляли другъ друга: печенѣги были истреблены половцами, половцы—татарами, а въ концѣ XIV-го вѣка татаринъ Тамерланъ разгромилъ области татарина Тохтамыша и тѣмъ окончательно сломилъ татарскую силу, владѣвшую русскими степями. Послѣ того, ослабленіе татаръ слѣдовало быстро къ своему концу. Ихъ сила на-послѣдяхъ сосредоточилась только въ Крымскомъ ханствѣ; но и они, спасая свою самостоятельность и независимость, добровольно со всѣми своими областями поступили въ подданство Турціи, которая по этому случаю распространила свои границы до устьевъ Дона и засѣла въ Азовѣ. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ исчезали татары, шагъ за шагомъ стала распространяться по пустынному Дону и русская осѣдлость. Въ половинѣ XVI-го вѣка Донскіе казаки, эти севрюки, какъ называли ихъ татары, брали уже оброкъ съ турецкаго Азова и разносилась уже жалоба турецкаго султана, „что по бусурманскимъ книгамъ, какъ въ нихъ пишется, тѣ лѣта пришли, что русскаго царя Ивана рука надъ бусурманы стала высока, уже и султану отъ него обида великая: все поле (степь) да и рѣки поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ опустошилъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова оброкъ берутъ, и воды изъ Дону пити не даютъ"...

Съ той поры Московская Русь, не по замыслу правительства, а по движенію самого народа, неожиданно сдѣлалась сосѣдкою Турціи, бокъ-о-бокъ. Съ той поры началась казацкая борьба за „Божью дорогу", за свободный выходъ на море, и начались тѣ безконечныя пререканія Москвы съ Турціею о казакахъ, которыя почти всегда составляли самый затруднительный предметъ въ посольскихъ переговорахъ и особенно въ сношеніяхъ съ азовскими пашами.

Какъ повелось изстари, и при казакахъ Донской путь въ Черноморье былъ какъ бы свой—русскій, теперь собственно московскій путь. Конечно, казацкія земли были независимы отъ Москвы и представляли какъ бы особое княжество, въ родѣ стараго Рязанскаго, проѣздъ по нимъ не такъ былъ свободенъ, какъ по подмосковной дорогѣ. Онъ

всетаки зависѣлъ отъ воли казаковъ, которыхъ по этому случаю Москва всегда задабривала „государевымъ жалованьемъ", подарками, деньгами, даже хлѣбомъ, и въ особенныхъ случаяхъ свинцомъ и порохомъ, что для казаковъ было еще дороже.

Изъ Москвы къ Дону можно было проплыть водою, внизъ по Москвѣ рѣкѣ, вверхъ по Окѣ до старой Рязани, потомъ рѣками Пронею, Прановою (Рановою) и Хуптою до Рясской Переволоки (городъ Ряжскъ) въ рѣку Воронежъ, которая вливается въ Донъ; или же изъ р. Прановой, переволокою, прямо въ Донъ, повыше города Донкова, какъ ѣхалъ митрополитъ Пиминъ. Это былъ путь самый первобытный и древній. По немъ плавали въ весеннюю воду. По тому-же направленію на Коломну, Рязань, Пронскъ и Рясскъ до Воронежа ѣздили по послѣднему зимнему пути, который былъ удобнѣе и скорѣе. Въ лѣтнюю пору въ этихъ мѣстахъ дорога была болотиста и потому путь избирался на Тулу, а оттуда черезъ Дѣдиловъ, Ефремовъ и Елецъ на тотъ же Воронежъ.

Такъ какъ посольское путешествіе всегда предпринималось цѣлымъ обозомъ, въ которомъ послы везли всякую казну для даровъ и для собственнаго употребленія, то и по сухому пути обыкновенно ѣхали очень медленно, не болѣе 30-ти верстъ въ день.

Въ Воронежѣ находилась судовая пристань; отсюда уже свободно спускались въ Донъ. Плавали въ стругахъ и насадахъ, которые изготовлялись въ самомъ Воронежѣ и въ городахъ, лежавшихъ по верхнему Дону и Соснѣ, въ Ельцѣ, Ливнахъ, Лебедяни и Донковѣ. На переволокахъ суда перевозились на колесахъ. Но такъ случалось въ старыя времена, когда Москва еще не владѣла упомянутыми городами. Въ XIV-мъ вѣкѣ митрополитъ Пиминъ переправилъ такимъ образомъ изъ Рязанскихъ рѣкъ къ Донкову 3 струга и насадъ.

Постройка судовъ на Воронежѣ и въ близьлежащихъ городахъ хотя и производилась заблаговременно по приказу правительства, но почти никогда не исполнялась къ назначенному сроку, такъ что бывали случаи, когда послы сами при себѣ строили суда и съ этою цѣлью проживали на мѣстѣ нѣсколько лишнихъ дней. Претерпѣвъ замедленіе и затрудненіе, они жаловались на воеводъ государю, но изъ этого ничего не выходило даже и на будущее время. Запасныхъ судовъ въ достаточномъ количествѣ и новые послы никогда не находили, быть можетъ, по той причинѣ, что посольскій подъемъ вообще бывалъ очень значителенъ. Посолъ Илья Милославскій, въ 1642 г., отправлялся на 28-ми стругахъ.

Изъ Воронежа дней черезъ 10 послы приплывали въ казацкую землю, къ первому казачьему городку, который назывался Донецкимъ,

отъ р. Сухаго-Донца, повыше теперешней Казанской станицы; обыкновенно, не доѣзжая этихъ мѣстъ, еще изъ Богучарова, послы посылали въ нижніе казацкіе городки, или въ юрты, какъ они въ то время назывались по татарски, съ наказомъ, „что они, послы, идутъ рѣкою Дономъ на судахъ, въ ихъ казацкую землю, что везутъ къ казакамъ государеву грамату и государево жалованье: деньги, сукна, вино, и пр., чтобы казаки ихъ, пословъ, встрѣтили и приняли честно, какъ бывало по прежнему обычаю, и въ Азовъ отпустили бы не задержавъ, и проводили бы до Азова честно, какъ подобаетъ".

Когда казаки бывали въ полной дружбѣ съ московскимъ правительствомъ, то воздавали и больше чести его посламъ. Въ этихъ случаяхъ они встрѣчали и провожали ихъ отъ городка до городка, служа лоцманами для провода струговъ между мелями и каршами и указывая безопасныя и крѣпкія мѣста для остановокъ на ночлегъ. Хотя послы плавали всегда въ сопровожденіи охранительнаго отряда, человѣкъ въ 200 стрѣльцовъ и городовыхъ московскихъ казаковъ, но такая услуга бывала очень полезна, потому что путешествіе въ казацкихъ земляхъ вообще было опасно.

Обыкновенно, какъ только послы входили въ казацкую землю, то и начинались слухи, что въ томъ или другомъ ближайшемъ краю собрались воровскіе казаки и ожидаютъ путниковъ, дабы внезапно на нихъ напасть, побить и пограбить все безъ остатка; что въ томъ или другомъ мѣстѣ казаки пограбили у торговыхъ людей струги съ товаромъ, съ хлѣбомъ или съ другими запасами, многихъ торговыхъ людей мучили и огнемъ жгли и побили до смерти. Особенно опасные слухи распространялись у переволоки изъ Дона въ Волгу, у рѣкъ Иловли и Камышенки. Казакамъ ни почемъ было разбивать и посольскіе караваны, особенно турецкіе или крымскіе. Со стороны Москвы они больше всего боялись не войны, не оружія, а остановки въ привозѣ хлѣба, вина, пороху, свинцу, одежды и всего, чѣмъ надо было жить вольному казачеству. Поэтому съ Москвою казаки очень рѣдко ссорились и по обычаю встрѣчали и провожали ея пословъ съ честью.

Почетная посольская встрѣча обыкновенно происходила версты за двѣ не доѣзжая казацкой столицы, которою въ то время былъ городъ Черкасскъ (старый); отсюда выѣзжали особые встрѣчники, по берегу на коняхъ, по водѣ на судахъ, во всемъ казацкомъ нарядѣ и вооруженіи и, главное, съ знаменами. Для почести пословъ изъ городка съ башень стрѣляли изъ пушекъ, а выступившее войско—изъ ружей. Подобныя встрѣчи и стрѣльба происходили и въ малыхъ городкахъ, конечно, въ маломъ размѣрѣ.

Черкасскій городокъ стоялъ уже почти на границѣ съ турецкою землею, ибо недалекій Азовъ былъ уже городъ турецкій, сильно укрѣпленный, гдѣ сидѣлъ азовскій паша, полный владыка всего при-Азовскаго края.

Казаки, какъ изстари водилось, должны были проводить пословъ до Азова съ подобающей почестью и сдать ихъ съ рукъ на руки азовскому пашѣ. Они торжественно провожали пословъ всѣмъ войскомъ до мѣста, версты за двѣ отъ города, куда такъ же торжественно выѣзжали встрѣчать пословъ азовскіе янычары съ знаменами и татары, при чемъ съ обѣихъ сторонъ происходила обычная стрѣльба, огненный бой изъ ружей, а во время приближенія къ городу—изъ пушекъ со стѣнъ и башенъ. Послы въ это время плыли по рѣкѣ въ своихъ воронежскихъ стругахъ. И на рѣкѣ ихъ встрѣчали тоже янычары въ судахъ, съ распущенными знаменами.

Азовцы въ городъ пословъ не пускали, а ставили ихъ пройдя городъ, на берегу Дона. Здѣсь послы раскидывали свои шатры и начинали переговоры о дальнѣйшей дорогѣ въ Царьградъ.

Этотъ переѣздъ отъ Черкасска къ Азову никогда не происходилъ безъ задержекъ, болѣе или менѣе длинныхъ и затруднительныхъ, по той причинѣ, что казаки тоже почти никогда не живали съ Азовомъ въ мирѣ и дружбѣ. Какъ мы сказали, они обыкновенно добивались свободнаго выхода на море за своимъ промысломъ, который заключался въ томъ, чтобы громить на морѣ турецкіе корабли, а по берегамъ, гдѣ ни придется, въ турецкихъ или татарскихъ селахъ и деревняхъ, добывать что̀ нужно для казацкой жизни. Въ сущности этотъ промыслъ былъ нескончаемою народною войною съ турками и татарами за обладаніе морскими и береговыми угодьями, безъ которыхъ приморскому населенію невозможно было существовать.

Казаки жили и дѣйствовали не по московскому указу, но въ ихъ подвигахъ выражалось то общерусское стихійное стремленіе къ морю, которое началось въ незапамятныя времена, продолжалось само по себѣ помимо воли всякаго русскаго правительства и окончилось неизбѣжною побѣдою при неизбѣжной же помощи того же правительства. Казаки овладѣвали Азовомъ не одинъ разъ еще и въ XVI-мъ столѣтіи, при Грозномъ, который въ потемкахъ повидимому помогалъ имъ, но явно предъ турецкимъ султаномъ отрицался отъ ихъ подвига, говоря, что казаки живутъ на Дону не по его велѣнью, дѣлаютъ сами, что хотятъ, даже и русскихъ грабятъ на Дону и на Волгѣ. Какъ извѣстно, и при царѣ Михаилѣ, въ 1637 г., казаки снова взяли Азовъ и держались къ немъ около 5-ти лѣтъ, прося усердно, но напрасно, помощи изъ Москвы. Москва не помогла, потому что страшилась воевать съ

турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Облитый русскою кровью Азовъ казаки снова возвратили туркамъ и за то сами были вытѣснены изъ своей столицы, изъ Черкасскаго городка, и едва могли утвердиться въ городкѣ Раздорахъ, нѣсколько выше по Дону. Съ такимъ перемѣннымъ счастіемъ эта чисто-народная борьба продолжалась и при Петрѣ, уже въ рукахъ правительства, и совсѣмъ окончилась только при Екатеринѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ было очень естественно, что казаки никогда не ладили съ азовцами, и московскимъ посламъ обыкновенно приходилось очень много хлопотать, какъ бы проѣхать мирно между этихъ двухъ перекрестныхъ огней. Жалобы больше всего неслись отъ азовскаго паши. Казаки выставляли свои оскорбленія и потери, и пререканіямъ не было конца. Отъ пословъ требовалось большое умѣнье и ловкость, чтобы, говоря на ту и на другую сторону твердо и прямо, сохранить добрыя отношенія и тамъ, и здѣсь. Впрочемъ, казаки, дружа Москвѣ, если заблаговременно узнавали, что идетъ посольство, тотчасъ мирились съ азовцами, хотя бы и съ уступками, и жили безъ задоровъ и зацѣпокъ во все время, пока посольство возвращалось въ Москву.

Азовскій паша во многихъ отношеніяхъ бывалъ гораздо сильнѣе самого турецкаго султана и потому даже очень простые переговоры съ нимъ объ отправкѣ пословъ въ Царьградъ продолжались иногда очень долго и рѣдко оканчивались добромъ. По обычаю, изъ Москвы пашѣ посылали грамату и подарокъ съ цѣлью задобрить его на счетъ прямой, удобной и безопасной доставки пословъ къ очамъ султана. Въ передачѣ этой граматы и являлись первыя затрудненія. Послы, сохраняя достоинство своего государя, требовали, чтобы за полученіемъ граматы и подарка паша прибылъ къ нимъ самъ. Паша говорилъ, что этого никогда не бывало, паши никогда не ѣздили за граматою сами, а послы обыкновенно являлись въ городъ и отдавали ее пашамъ лично. Послы доказывали, что въ посольскихъ обычаяхъ того не водится, чтобы, не видавши очей салтанова величества, ѣздить къ пашамъ, и получали спокойный отвѣтъ паши:

— Въ такомъ случаѣ посламъ придется жить подъ Азовомъ до тѣхъ поръ, пока онъ, паша, пошлетъ въ Царьградъ къ султану спросить объ этомъ.

Послы тоже спокойно отвѣчали, что будутъ жить, но, не видавши очей султана, къ пашамъ и ни къ какимъ другимъ чинамъ ѣздить не будутъ.

Получивъ такой отвѣтъ, паша еще спокойнѣе посылалъ сказать посламъ, что въ такомъ случаѣ онъ ихъ совсѣмъ не пропуститъ въ

Царьградъ, потому что безъ граматы не видно, кто они—послы, или иные какіе люди?... Послы тоже посылали прежнее требованіе, чтобы паша пріѣзжалъ самъ за граматою.

Сговорчивый паша, поспоривъ, всетаки соглашался на свиданіе съ послами, разбивалъ подлѣ ихъ шатровъ свой шатеръ и чиновно выѣзжалъ на посольское дѣло; но несговорчивый и не ставившій себѣ мѣры—оканчивалъ тѣмъ, что грамату приходилось посылать къ нему въ городъ.

Съ граматою всегда слѣдовалъ и московскій подарокъ, обычные сорокъ соболей. Азовскому пашѣ такой сорокъ назначался цѣною въ 60 рублей. Иногда послы отдавали и два сорока, но въ ту же цѣну. Паша принималъ подарокъ съ благодарностію; но, смотря по обстоятельствамъ, когда можно было потѣснить пословъ, разсматривалъ соболи, находилъ ихъ негодными и возвращалъ назадъ съ требованіемъ, чтобъ прислали лучшихъ, что такихъ худыхъ соболей онъ никогда не видывалъ и носить ему ихъ не пригоже, чтобъ прислали послы соболей самыхъ черныхъ, а не такихъ бѣлыхъ.

Такъ случилось съ посломъ дьякомъ Возницынымъ въ 1682 году. Выслушавши недовольство паши, дьякъ послалъ ему сказать, что паша такимъ поступкомъ „учинилъ чести великаго государя большое умаленье, что слѣдовало государевъ подарокъ принять съ великою честью и почитать то за превысокую къ себѣ милость, а не хулить и не метать, потому что великій государь изволилъ послать азовскому владѣтелю свое жалованье не для иного чего, токмо показуя свое государское милосердіе, и что такое его, паши, неистовство будетъ вѣдомо и у салтанова величества". На этотъ разъ паша струсилъ, просилъ возвратить ему соболи и очень сокрушался и извинялся, что поступилъ неладно, но безъ всякой хитрости.

Но именно изъ-за такихъ неугодныхъ соболей совсѣмъ другія обстоятельства сопровождали посольское путешествіе стольника Нестерова въ 1667 году.

Въ это время азовскимъ владѣтелемъ былъ паша Моллагипи, человѣкъ высокомѣрный и упрямый взяточникъ. Посолъ, конечно, не поѣхалъ къ нему въ городъ и принужденъ былъ послать грамату и соболи съ переводчикомъ, присовокупивъ обычное требованіе, чтобы паша скорѣе отправилъ посольство въ Царьградъ.

Паша принялъ соболи съ благодарностію. Переводчикъ, исполнивъ порученіе, пошелъ уже домой, но вскорѣ съ дороги былъ позванъ опять къ пашѣ, который, разсмотрѣвши соболи, нашелъ ихъ негодными и отдавалъ ихъ обратно. Переводчикъ заявилъ, что го-

сударево жалованье назадъ не отдаютъ, такъ не водится, и не взялъ соболей.

— Ну, такъ придетъ время,—отвѣтилъ паша,—когда вашъ посолъ пришлетъ мнѣ хорошихъ соболей... А объ отпускѣ въ Царьградъ скажи ему, что теперь время осеннее (было 25-е сентября), кораблей подъ Азовомъ нѣтъ и ѣхать въ Царьградъ не на чемъ.

Посла отвѣтъ не удивилъ. Онъ хорошо зналъ турецкую природу и поспѣшилъ указать пашѣ, что если подъ Азовомъ кораблей нѣтъ, то должно послать за кораблями въ Керчь; для посольства надобно всего два корабля; что онъ посланъ отъ царя къ салтану на-скоро для ихъ государевыхъ общихъ дѣлъ и въ Азовѣ ему мѣшкать нельзя.

— Теперь вѣтеръ стоитъ противный, — отвѣчалъ паша. Послать нарочнаго за кораблями въ Керчь—долго дожидаться. Посолъ вѣдь спѣшитъ, а тогда онъ много промѣшкаетъ. За противнымъ вѣтромъ ходъ будетъ очень долгій. Да и кораблей ожидать уже невозможно: приходитъ зимнее время, корабельное плаваніе уже минуется.

Паша затѣмъ предложилъ, что остается одно средство—ѣхать до Кафы (Ѳеодосіи) сухимъ путемъ; что онъ самъ поѣдетъ провожать посла; что на сухой путь подводы у него готовы, а кораблей нѣтъ; что если посолъ не захочетъ ѣхать сухимъ путемъ, то ему придется зимовать въ Азовѣ, а онъ, паша, донесетъ о томъ султану, что посолъ сухимъ путемъ не поѣхалъ, а кораблей не было.

—Да и на подводахъ,—прибавлялъ паша,—всего уложить нельзя, столькихъ подводъ въ городѣ нѣтъ; придется многія вещи отправить моремъ, на единственномъ маломъ кораблѣ, который теперь есть подъ Азовомъ. Съ собою взять можно только султановы дары, какіе ему посланы, да запасовъ не больше, какъ на три дня. Посольскихъ людей тоже всѣхъ поднять нельзя. Лишніе люди и пожитки должны быть отправлены моремъ, ибо подводъ не достанетъ.

На всѣ эти объясненія посолъ твердилъ, что въ прежнее время никогда послы сухимъ путемъ не хаживали. Паша твердилъ, что кораблей нѣтъ и къ Азову корабли теперь не придутъ, потому что въ осеннее время по Азовскому морю корабли не ходятъ.

Эти пререканія по посольскимъ обычаямъ происходили однако съ соблюденіемъ всякой вѣжливости и, по русскому обычаю, даже съ угощеніемъ паши. Но посольская ласка безъ подарковъ ни къ чему не повела. Находясь въ полной власти азовскаго воеводы, посолъ принужденъ былъ ѣхать сухимъ путемъ.

На другой день паша прислалъ посольству 35 верховыхъ лошадей, да для поклажи 24 телѣженки самыхъ худыхъ, двухколесныхъ.

На заявленіе посла, что этого недостаточно и такъ подняться въ

дальнюю дорогу невозможно, паша отвѣтилъ посланному: „скажи, что лошадей и телѣгъ больше не будетъ. Пусть кладутъ на телѣги, что̀ надобно, а люди могутъ идти за телѣгами пѣшкомъ. Скажи, что если посольство такъ ѣхать не захочетъ, такъ я возьму его съ собою и повезу невольно, или въ городъ запру и зимовать велю. Сколько захочу, столько и буду держать его въ заперти. Да скажи такъ: если посольство въ Азовѣ зимовать не хочетъ, то пусть пришлетъ десять сороковъ соболей самыхъ лучшихъ“.

Выдерживая посольское достоинство, посолъ, конечно, этой взятки не далъ, сказавши, что для паши соболей нѣтъ, какіе ему были присланы—тѣ и отданы. Но въ то же время онъ послалъ подарокъ, четыре пары отличныхъ соболей, другому пашѣ, который завѣдывалъ башнями города и любезно присылалъ посольству кормовые припасы, барановъ, куръ, хлѣбы, калачи и овощи, дыни, арбузы и пр. — чего главный азовскій воевода, вопреки обычаю, не присылалъ во все время пребыванія посольства подъ Азовомъ.

Съ этимъ воеводою бороться было невозможно. Послы уложились и отправились въ путь въ сопровожденіи самого воеводы и отряда изъ 300 ч. татаръ. Посольская рухлядь, всякая поклажа, платье, посуда, запасы—была отправлена на корабль въ лодкахъ. Но и тамъ корабельный воевода не принялъ всего на корабль, иное побросалъ въ море, а иное, что̀ осталось въ лодкахъ, было раскрадено. Паша дѣлалъ свое дѣло при всѣхъ обстоятельствахъ, какія отъ него зависѣли.

Сухопутная дорога лежала восточнымъ берегомъ Азовскаго моря черезъ заливу морскую, черезъ великія болота и черезъ рѣки, Казыевымъ улусомъ, гдѣ кочевали ногаи, до рѣки Кубана (Кубани). По водамъ и болотамъ посольское платье и всякая рухлядь, соболи мѣха и пр., были подмочены и перепорчены.

Ѣхавши дорогою, паша не переставалъ вымогать у посла желаемый подарокъ и въ этомъ смыслѣ велъ съ нимъ разговоры. Прежде всего онъ сталъ устрашать посольство крымскимъ ханомъ. „Въ прошломъ году былъ я у хана,—говорилъ паша,—и сказывалъ мнѣ ханъ, что если вашъ государь ему, хану, за 12 лѣтъ своихъ любительныхъ поминковъ (даровъ) не пришлетъ, то онъ, ханъ, хочетъ идти большою войною близко къ самой Москвѣ. Да надо опасаться, что если и вы, послы, пріѣдете въ Керчь или въ Кафу, то ханъ непремѣнно васъ задержитъ и не пуститъ въ Царьградъ, будетъ писать о томъ къ султану. А моя такая сила,—прибавилъ паша,—что я и хану не позволю васъ взять. Присылайте только подарокъ не малый: немедленно отпущу васъ въ Царьградъ“.

— Какое намъ дѣло до крымскаго хана. Мы посланы къ султану и поѣдемъ къ султану, а подарковъ давать не за что,—отвѣтилъ посолъ.

Слишкомъ восемь дней путешественники тянулись отъ Азова до рѣки Кубана. Приближаясь къ Кубану, паша объявилъ, что здѣсь посольству надо будетъ ѣхать водою въ малыхъ каюкахъ (лодкахъ) до города Темрюка, и что, по его распоряженію, каюки къ пріѣзду будутъ готовы. Между тѣмъ, когда подъѣхали къ рѣкѣ, то каюковъ не оказалось и было видимо, что паша распорядился совсѣмъ иначе.

Онъ поставилъ посольство ожидать каюковъ на самомъ берегу рѣки, на пустомъ мѣстѣ, а самъ удалился повыше съ версту отъ рѣки. У посольской казны, которая была выгружена изъ телѣгъ на землю, и у всѣхъ людей посольства не было ставлено для стражи ни одного человѣка и самыя телѣги и лошади съ проводниками были тотчасъ же отправлены обратно въ Азовъ. Въ такомъ положеніи, на этомъ пустомъ мѣстѣ, въ невѣдомой странѣ, посольство на другой же день было совсѣмъ покинуто подъ охраною только двухъ татаръ.

Это случилось такимъ образомъ. Утромъ на другой день, паша, пріѣхавъ къ посольству, объяснилъ, что по его приказу должны были прислать сюда изъ Темрюка сто каюковъ; а сегодня онъ получилъ извѣстіе, что пришлютъ только 15 каюковъ, потому что всѣ каюки уѣхали на рыбную ловлю и скоро не возвратятся. Онъ предложилъ послу грузить на эти каюки что̀ положится, и отправлять мало по малу въ Темрюкъ. „А мнѣ,—говоритъ,—здѣсь съ вами жить не для чего, поѣду въ Темрюкъ и стану хлопотать о каюкахъ; безъ меня тамъ ничего не сдѣлаютъ; пожалуй и совсѣмъ не пришлютъ каюковъ“. Посолъ объяснялъ, что такъ оставаться съ государевою казною, съ дарами султану,—опасно, и просилъ прислать достаточную охрану.

— Тутъ мѣсто безстрашное,—отвѣчалъ паша.—Опасаться некого. Довольно съ васъ и двухъ татаръ.

Разговоры были напрасны. Паша дѣлалъ свое дѣло и дѣлалъ что̀ хотѣлъ. Въ ожиданіи лодокъ, посольство прожило въ этой пустынѣ, одно одинехонько, четыре дня. Впрочемъ, посолъ и здѣсь не унывалъ и дѣлалъ тоже свое московское дѣло.

Вскорѣ по отъѣздѣ паши, въ посольство неожиданно явились гости, мурзы ногайскихъ татаръ Казыева улуса, Дивей-мурза, да Кучюкъ-мурза. Посолъ принялъ ихъ радушно, сталъ потчивать, и въ разговорахъ замолвилъ слѣдующее: „А чтобы вамъ, мурзамъ, поискать милостиваго жалованья у нашего великаго государя. Вступить бы вамъ къ намъ на службу и въ подданство подъ высокую руку великаго государя со всѣми бы вашими улусными татарами. Было бы вамъ лучше теперешняго и государево жалованье было бы вамъ многое“.

— Объ этомъ мы и прежде крѣпко думали и теперь мыслимъ,—отвѣчали мурзы.—Давно очень желаемъ бить челомъ царскому величеству и просить о вѣчномъ подданствѣ. Вотъ теперь уговариваемся между собою, выберемъ кого разумнаго и тогда пошлемъ въ Москву.

Во все время пустынной стоянки посольства, мурзы съ своими татарами пріѣзжали къ послу каждый день. По обычаю, ихъ угощали, чѣмъ слѣдовало, изъ московскихъ запасовъ, и на прощаньи посолъ обоихъ мурзъ подарилъ соболями. На пустынномъ мѣстѣ неожиданно завязывалась полезная дружба съ степными дикарями.

Наконецъ прибыли каюки и посольство отправилось въ Темрюкъ. Высадилось оно у пристани за 5 верстъ до города и ѣхало туда сухимъ путемъ, при чемъ, по посольскому уставу, ему всетаки сдѣлана была почетная встрѣча изъ 70-ти человѣкъ темрюцкихъ черкасъ. Въ Темрюкѣ посольство было поставлено за городомъ на обывательскихъ дворахъ. Вымогая подарки, паша и здѣсь продержалъ посла 6 дней. Корму не давалъ по прежнему, начиная еще съ Азова. Все покупалось на свои деньги и дорогою цѣною. Каждый день послы твердили, чтобы паша, не мѣшкая, отпустилъ ихъ къ Царюграду, что отъ него, паши, происходитъ великое задержанье и мѣшкота многая. Паша отвѣчалъ, что послалъ за кораблями и необходимо дожидаться. „Да и спѣшить вамъ въ Царьгородъ не для чего,—прибавлялъ онъ: дѣла съ вами къ султану приказаны не скорыя!“

Изъ Темрюка дальше послы ѣхали тоже сухимъ путемъ. На подъемъ паша прислалъ 24 телѣженки самыхъ малыхъ и худыхъ, также о двухъ колесахъ; да верховыхъ лошадей 25, худыхъ же кляченокъ. Теперь посольство ѣхало деревнями крымскаго хана. Посольскіе люди за телѣгами шли пѣшкомъ.

На другой день путешественники прибыли къ корабельной пристани у Таманскаго залива, въ деревню Алипино, принадлежавшую крымскому мурзѣ, Алибею князю Комоданову, въ 10-ти (старыхъ) верстахъ отъ Тамани. Деревня лежала на знаменитомъ городищѣ древней Фанагоріи, теперь хуторъ войсковаго старшины П. Д. Семеняки, не подалеку отъ станціи Сѣдной. На старыхъ картахъ она значится подъ именемъ Алибея.

Паша распорядился такъ, что посла поставилъ подъ открытымъ небомъ, „на берегу у проливы Чернаго моря“, а своихъ людей и татаръ—по дворамъ въ деревнѣ при чемъ своимъ проводникамъ велѣлъ кормъ собирать съ обывателей, а посольству корму давать не велѣлъ.

По прежнему, посолъ твердилъ о скорѣйшемъ отпускѣ въ Царьградъ. По прежнему, паша отвѣчалъ, что онъ тотчасъ отпуститъ, если дадутъ ему подарокъ пять сороковъ лучшихъ соболей, и прибавилъ:

если подарка не пришлютъ, то онъ кораблей не дастъ и придется имъ зимовать въ деревнѣ, на берегу проливы.

—Да и деревня принадлежитъ крымскому мурзѣ, а потому, если случится какое дурно или грабежъ надъ посольствомъ, я не отвѣчаю, до того мнѣ дѣла нѣтъ,—окончилъ паша.

Сказавши такую рѣчь, самъ онъ уѣхалъ изъ Алипина въ Тамань на четыре дня, а посла съ казною и людьми оставилъ одного, даже и безъ пристава.

Когда паша возвратился, посолъ опять сталъ твердить объ отпускѣ, укоряя его, что онъ не радѣетъ о братской дружбѣ и любви между двумя государями и производитъ великую остановку общимъ ихъ дѣламъ. Для подъема посолъ просилъ два корабля, какъ отпускали всегда пословъ въ прежнія времена.

Паша сначала спокойно отвѣчалъ, что когда управитъ свои дѣла и когда захочетъ, тогда и пришлетъ корабли и отпуститъ посольство; а потомъ, при новыхъ просьбахъ, пришелъ въ ярость, сталъ посланцевъ бранить, принимался за саблю и кричалъ, что онъ пословъ и всѣхъ посольскихъ людей велитъ порубить за то, что не присылаютъ ему подарковъ, и безчестилъ посольство всякими бранными словами.

Посолъ наконецъ объявилъ, что онъ будетъ жаловаться, будетъ говорить о нерадѣньи паши ближнимъ думнымъ людямъ султанова величества. Въ отвѣтъ на это паша велѣлъ сказать, что если посолъ соболей лучшихъ пять сороковъ не пришлетъ, то кораблей ему не будетъ и останется онъ зимовать въ деревнѣ; что самъ онъ, паша, скоро совсѣмъ уѣдетъ къ крымскому хану; да чтобъ больше къ нему и не присылали говорить объ отпускѣ: то его послѣдняя рѣчь.

Настойчивость посла поколебалась. Приходилось въ самомъ дѣлѣ зимовать у морской проливы, остановить посольское дѣло, подпасть за то подъ опалу и отвѣтственность въ Москвѣ и ко всему этому перенести на зимовьѣ тысячи всячѣскихъ притѣсненій и оскорбленій: посольство подумало, и послало пашѣ сорокъ соболей въ 70 рублей. Конечно, онъ остался недоволенъ такимъ подаркомъ, говорилъ, что соболи плохи и не хотѣлъ было ихъ взять, но потомъ рѣшилъ, что за эту малую почесть онъ и самъ назначитъ посламъ только одинъ корабль, да и то небольшой, пусть ѣдутъ, какъ знаютъ.

Со всѣми людьми и поклажею послы едва могли помѣститься въ этомъ кораблѣ. Но дѣлать было нечего, пришлось радоваться и этому угодью. 28-го октября они отправились изъ Алипина, проплыли благополучно мимо Тамани, Керчи, Кафы, Балыклавы, и 5-го ноября 1667 г. стали въ морскомъ гирлѣ, недоѣзжая Цареграда за десять верстъ. Отсюда начались другіе порядки и совсѣмъ иной пріемъ для измученнаго

посольства. Можно было сказать, что, пройдя азовскія мытарства, оно попало въ рай. Посольство Нестерова было вообще очень удачно, окончилось очень дружелюбно и сопровождалось въ Цареградѣ большимъ почетомъ.

Морское плаваніе, однако, не всегда бывало такъ благополучно, какъ проплылъ Нестеровъ. Иной разъ въ этомъ плаваніи послы испытывали величайшія бѣдствія. Особенными несчастіями сопровождалось посольство 1681—1682 гг. Тогда были назначены послами окольничій Илья Чириковъ и дьякъ Прокофій Возницынъ. Съ ними посылались султану русскіе подарки, какими искони вѣковъ Русь дарила всѣ окрестныя земли, именно собольи мѣха, кость—рыбій зубъ, двадцать птицъ кречетовъ и два соболя живыхъ. На птицъ былъ расчетъ, что въ дорогѣ нѣкоторыя могутъ помереть, и потому посылалось еще въ запасъ десять кречетовъ. Такого рода живая поклажа требовала особыхъ заботъ и многихъ безпокойствъ о ея доставкѣ.

Послы выѣхали изъ Москвы 10-го іюля 1681 г. на Тулу и благополучно добрались до Воронежа. Здѣсь, по воеводскому обычаю, ничего не было готово. Воевода доставилъ посламъ струги старые, худые, затоплые. Послы выбрали изъ нихъ десять и стали чинить; между тѣмъ, не было ни людей къ дѣлу, ни струговыхъ припасовъ, якорей и канатовъ, которыхъ на Воронежѣ и купить нигдѣ не добыли.

Кое-какъ справившись и съ великимъ утѣсненіемъ погрузившись на эти суда, послы написали обо всемъ въ Москву и отправились въ свой путь, въ первыхъ числахъ августа.

Небольше, какъ черезъ недѣлю, именно 10-го августа, проѣзжая Дономъ, многіе посольскіе люди заболѣли лихорадкою и огневою болѣзнію (тифомъ), несомнѣнно отъ гнилыхъ струговъ. Съ 15-го числа, разговѣвшись, заболѣли и сами послы и едва не всѣ остальные люди. 20-го числа худой стругъ перваго посла потонулъ, посольское платье и многая рухлядь помокли. Между тѣмъ, изъ Москвы присылали граматы съ новыми наказами и повелѣвали ѣхать безъ промедленія. 23-го числа померъ сынъ перваго посла. 29-го числа, не доходя казацкаго городка Чира, скончался и самъ первый посолъ Чириковъ, пролежавъ огневою болѣзнью двѣ недѣли. По наказу, дьякъ Возницынъ принялъ все посольство на себя. Сентября 8-го умеръ переводчикъ турецкаго и татарскаго языковъ, важная посольская сила въ сношеніяхъ съ людьми.

Остальной путь новый посолъ совершилъ благополучно, съ обычною встрѣчею отъ казаковъ изъ Черкасскаго городка, съ обычными ихъ же проводами и встрѣчею у Азова отъ тамошняго бея, съ пушечною и ружейною пальбою, съ обычными хлопотами помирить азов-

цевъ съ казаками, съ обычными переговорами съ азовскимъ беемъ, кто къ кому долженъ пріѣхать первый для передачи граматы, и, наконецъ, съ обычнымъ неудовольствіемъ бея на счетъ подарка, о чемъ мы говорили выше.

На этотъ разъ, азовскій воевода, испугавшись, что посолъ объявитъ султану о его поступкѣ съ подаркомъ, былъ очень снисходителенъ и не замедлилъ отпустить посла безъ всякой задержки. На прощаньи онъ попросилъ только показать птицъ, хоть двухъ или трехъ, которыя везутся къ салтанову величеству. Дьякъ велѣлъ кречетникамъ вынести трехъ кречетовъ лучшихъ.

Смотря на птицъ, бей и всѣ его чиновники очень дивовались и говорили, что „салтаново величество радъ будетъ не только ихъ добычи и потѣхи, но и тому зѣло обрадуется, что на нихъ смотрѣть будетъ. И ничего ему любезнѣйшаго не будетъ, какъ эти птицы".

Сѣсть на корабль, по случаю мелкой воды, надо было далеко отъ Азова, въ 36-ти миляхъ; поэтому посолъ отправился туда въ полукорабляхъ; но и въ этихъ судахъ нельзя было дойти до корабля; воду отъ устья Дона верстъ на 10 погодою выбило въ море, образовались повсюду мели и съ полукораблей пришлось пересѣсть въ лодки. Пока посылали за лодками въ Азовъ, пока достигли корабля и погрузились, прошло восемь дней.

Наконецъ, 5-го октября, 1681 г., корабль пошелъ и благополучно плылъ весь другой день до вечера. Вечеромъ поднялась буря-непогода и плаватели не могли попасть въ устье Азовскаго моря, то есть въ Керченскій проливъ; ихъ прибило на лѣвую сторону къ сѣверному берегу Таманскаго полуострова, подъ деревни горскихъ черкасъ, не доходя Тамани. Увидѣвъ вблизи берегъ, корабельщики поспѣшили кинуть якори. Но корабль сорвался и быстро поволокся къ берегу. Тогда корабельщики, видя неначаемую погибель, пустили разомъ четыре якоря самыхъ большихъ, и успѣли остановить корабль отъ берега на выстрѣлъ изъ лука.

— „И съ того 6-го числа,—говоритъ посольская записка,—на томъ мѣстѣ била насъ погода, и была буря и страшное волненье, какого не токмо мы, они сами, тѣ корабельщики, какъ намъ сказывали, не видали, и у отцовъ своихъ не слыхали. Великой якорь оторвало, каюкъ отбило, сандалы потопило, древа парусныя, шоглы, кромѣ одной большой, все посломало; и ужъ не токмо мы въ страху были, но и сами они, тѣ корабельщики, видя бѣдство велико и смерть предъ очима, молитву дѣявъ, бараны у насъ займавъ, на жертву рѣзавъ, и все сотворше, отчаявшись надежды, лежали, яко мертвы. Мы-жъ, видя, яко нѣсть намъ никого ни откуды помогающаго, возложили на-

дежду и упованіе на Избавителя своего Господа Бога нашего Іисуса Христа и па помощницу нашу Пресвятую Его Богоматерь Дѣву Марію и на угодниковъ ихъ святыхъ. И октября въ 12-й день совѣтъ положиша, еже всѣмъ исповѣдатись и припести ко Господу Богу со слезами комуждо отъ сердца покаяніе и ожидать или спасенія, или смерти. Тогда скоро по совѣту сотворше и разыдошась каждый во свое мѣсто, ожидающе, что̀ будетъ. Море-жъ, ни мало не утихая, но и паче играя, корабль же нашъ вельми обуревая и непрестанно его, какъ въ день, такъ и ночью, ломая; намъ, бѣднымъ, пущій страхъ задавая, и не токмо страхъ, но и смертію претя. Въ ночи-жъ, октября въ 12-й день, возста буря велія, паче прежнихъ, и нача корабль нашъ бити и волнами погружати и якори, кромѣ одного малаго, всѣ оборвало. Тогда-жъ мы, видя ужъ близко конецъ, по совѣту корабельниковъ, купно съ ними рухлядь изъ корабля и запасы пометали и большое корабельное древо, для облегченія корабля, топорами ссѣкли и веревки саблями отрубили и съ корабля древо скинули; и хотя такъ корабль облегчили, однакожъ ожидали смерти, о чемъ и пророкъ Давыдъ глаголетъ: „ходящіи въ морѣ въ корабляхъ, творящіи дѣлапія въ водахъ многихъ, тіи видѣша дѣла Господня и чудеса Его во глубинѣ. Рече: ста духъ буренъ и вознесошася; волны его восходятъ до небесъ и нисходятъ до безднъ, душа же ихъ во злыхъ таяше смутишася, подвигошася, яко піяніи, и вся мудрость ихъ поглощенна бысть, и воззваша ко Господу, внегда скорбѣти имъ, и отъ бѣдъ ихъ изведе ихъ; и повеле бури, и ста въ тишину; и умолкоша волны и возвеселишися, яко умолкоша“. И на томъ мѣстѣ за погодою стояли октября отъ 6-го числа до 14-го числа“.

Въ этотъ день море успокоилось, корабль поплылъ къ Керчи, но, лишившись парусовъ и другихъ снастей, шелъ черезъ проливъ цѣлыхъ два дня.

Въ Керчи уже давно ожидали московскаго посла и встрѣтили его съ большою радостью, какъ по случаю несчастнаго плаванія, а больше всего потому, что и султанъ, и крымскій ханъ безпрестанно дѣлали запросы, ѣдетъ ли московскій посолъ?—онъ былъ очень надобенъ въ Цареградѣ.

Поэтому, какъ только разнеслась вѣсть о кораблекрушеніи, то по всѣмъ берегамъ были посланы розыски съ приказомъ доставить посла въ Кафу, не только что на подводахъ, но и на своихъ головахъ. Очень понятна была радость керченскаго турецкаго начальства, когда посолъ безъ розыска, наконецъ, прибылъ самъ. Въ утѣшеніе ему предлагали все, чего ни пожелаетъ, но онъ просилъ объ одномъ, чтобы безъ промедленія доставили его въ Царьградъ. Въ Керчи, однако,

другаго корабля, такого большаго, не нашлось, а были только малые корабли. Нечѣмъ было и починить и оснастить разбитый корабль. Мачтовыхъ деревьевъ, ни большихъ, ни малыхъ, никакихъ не нашли во всемъ городѣ. Между тѣмъ, на кораблѣ находилось еще много больныхъ донскими болѣзнями. Девять человѣкъ изъ нихъ тутъ же въ Керчи и померли.

Корабль, однако, былъ починенъ. Дождавшись погоды, посолъ отправился дальше. На другой день насталъ южный вѣтеръ, противный плаванію, и корабль прибило въ Кафу. Въ ожиданіи попутнаго вѣтра, онъ простоялъ у Кафы три дня.

Опять утихло и опять поплыли наши путники, и плыли благополучно цѣлый день, а въ ночь снова поднялась противная погода, носила корабль по морю четыре дня и снова ихъ принесло въ ту же Кафу.

Увидѣвши посольскій корабль и зная, что султанъ очень желаетъ, чтобы московскій посолъ скорѣе прибылъ въ Царьградъ, кафинскіе воеводы предложили послу ѣхать въ Царьградъ сухимъ путемъ „легкимъ дѣломъ“, а грузъ съ людьми можно-де отправить послѣ, при попутной погодѣ, или на другое лѣто, потому что морской ходъ уже миновался и благопріятнаго плаванія ожидать нельзя.

Дьякъ согласился и спросилъ только, по какимъ мѣстамъ лежитъ дорога. Получивъ отвѣтъ, что путь идетъ черезъ Крымъ, Бѣлогородскою ордою, а тамъ за Дунай, онъ объявилъ, что „легкимъ дѣломъ“ онъ не желаетъ ѣхать, но чтобы его отправили со всѣмъ грузомъ и со всѣми людьми, чтобы никуда не завозили и дали бы запись, что путь будетъ безопасный. Такой записи кафинскій паша не далъ, сказавъ, что пошлетъ къ крымскому хану, и обѣщалъ устроить это дѣло въ три дня.

Между тѣмъ, въ ту же ночь поднялся вѣтеръ попутный, съ востока; дьякъ, не дожидаясь отвѣта, велѣлъ поднять паруса и плыть въ Царьградъ. Въ морѣ вѣтры перемѣнялись туда и сюда, и путешественниковъ принесло, наконецъ, къ Анатолійскому берегу, къ городу Амастру (теперь Амассера), который отстоялъ отъ Царьграда моремъ на 300 миль, сухимъ путемъ на 500 верстъ. Видимо было, что на кораблѣ въ Царьградъ не попадешь, что бороться съ моремъ уже невозможно. Дьякъ рѣшился послать въ Царьградъ съ вѣстью о своемъ прибытіи къ городу Амастру и, въ ожиданіи отвѣта, сталъ подъ городомъ на якорѣ. Но спустя восемь дней, настала погода тихая. Посолъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ и снова велѣлъ поднять паруса. Цѣлыя сутки плыли благополучно и были уже вблизи Царьграда, какъ снова поднялась страшная буря; противный вѣтеръ, съ

Журнальный фонд
Московской об... библиотеки

дождемъ и снѣгомъ, понесъ корабль въ открытое море и путники, послѣ долгой борьбы, едва добрались опять къ тому же городу Амастру.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ боровшись съ моремъ, какъ свойственно только истинному моряку, московскій посолъ принужденъ былъ, наконецъ, выйти на берегъ. Надо замѣтить, что на кораблѣ во все это время все еще оставалось нѣсколько человѣкъ больныхъ донскими лихорадками. Вскорѣ было получено изъ Царьграда очень привѣтливое и любезное письмо отъ самого великаго визиря, приглашавшаго ѣхать скорѣе, взявши съ собою что необходимо, а объ остальномъ не безпокоиться — все будетъ доставлено въ свое время.

Дьякъ захватилъ съ собою только важнѣйшее — царскихъ кречетовъ и необходимое число людей.

Ѣхали изъ Амастра черезъ горы зѣло высокія, тѣсными юдоліями, самымъ труднымъ путемъ. Въ дорогѣ по деревнямъ посла принимали съ честью, на станахъ давали кормъ, гдѣ что можно было добыть, избы устилали килимами (войлоками) и коврами, а кругомъ стѣнъ подушками; верховыхъ лошадей давали отличныхъ аргамаковъ турецкихъ. Для отдыха птицъ, дьякъ останавливался на день въ городѣ Балѣ. Затѣмъ онъ проѣхалъ городъ Изліитъ (Изникъ-Мидъ). Повсюду дѣлались ему почетныя встрѣчи и проводы, повсюду начальство высылало отличные припасы для корма и всякіе овощи. За любезность дьякъ отдаривалъ всѣхъ московскимъ подаркомъ — соболями.

Подъѣзжая ближе къ Цареграду, дьякъ получилъ вѣсть о повелѣніи султана спросить его о здоровьѣ и принять его въ городѣ съ честью, какой инымъ посламъ ни которыхъ государей прежде того не бывало.

Посолъ ѣхалъ на Халкидонъ (Скутари) и въ ожиданіи торжества встрѣчи, не доѣзжая этого города, останавливался въ Фенерь-Саду, на салтановой загородной дачѣ.

Дѣлая свое дѣло, онъ тутъ же, посредствомъ подарковъ, успѣлъ неожиданно завести дружбу съ однимъ изъ султанскихъ чиновниковъ, услуги котораго въ послѣдствіи были очень ему полезны.

Дѣйствительно, дьякъ Возницынъ былъ принятъ въ Царьградѣ съ небывалыми почестями, что случилось на особенное его счастье. Въ это время турки собирались воевать съ венграми, очень не довѣряли Австріи и Польшѣ, ссорились съ французами, и потому очень желали хорошей дружбы съ московскимъ государемъ и въ нетерпѣніи едва дождались московскаго посла.

Почетная обстановка пріема увеличивалась еще и по той причинѣ, что посолъ въѣзжалъ въ городъ съ азіатскаго берега, черезъ проливъ. Въ Халкидонѣ для переправы была приготовлена великолѣпная султанская каторга (галера), на которой посрединѣ возвышалось особое

„мѣсто“, богато убранное коврами, золотнымъ бархатомъ и кругомъ стѣнокъ золотными подушками. На томъ мѣстѣ и посадили посла, а по сторонамъ его сѣли сопровождавшіе его султанскіе чиновники. Въ то время, какъ посолъ входилъ на каторгу, на ней стрѣляли изъ пушекъ. Когда въ такомъ торжествѣ приплыли подъ Царьградъ, то на той же каторгѣ и на томъ высокомъ мѣстѣ послу давали обѣдъ: чиновники ѣли ѣства мясныя, а послу ставили постныя и въ концѣ стола подчивали его кафою (кофе) и шербетомъ. Такимъ же образомъ угощали обѣдомъ и посольскихъ людей. Во время стола была на каторгѣ забава въ честь пословъ: „корабельники многимъ художествомъ, спускаясь съ верху по веревкамъ, чинили потѣхи“.

Высадка на берегъ происходила тоже при пушечной стрѣльбѣ съ галеры. Высадились у Балацкихъ воротъ. Послу подвели аргамака съ салтановой конюшни, въ большомъ нарядѣ. Въѣздъ былъ торжественный. По сторонамъ стояло войско и повсюду тѣснилось великое множество народа, которое сопровождало посольство не только въ улицахъ Цареграда, но и по всему пути еще въ Халкидонѣ и даже въ морскомъ проливѣ на лодкахъ.

Обыкновенно нашихъ пословъ ставили во дворѣ Валашскаго господаря, гдѣ покои богато убирались коврами и подушками. Если бывало тѣсно, то переводили пословъ въ другія просторныя помѣщенія и доставляли имъ возможныя удобства, разумѣется, на сколько хотѣли ихъ принять ласково и дружелюбно.

По пріѣздѣ, первая посольская мысль была о томъ, какъ бы завязать хорошія, добрыя и полезныя отношенія со всѣми людьми, которые были надобны посольскому дѣлу. Послы обыкновенно разспрашивали своихъ приставовъ и переводчиковъ: каковъ великій визирь, какъ онъ владѣтеленъ надъ султаномъ, кто его друзья и близкіе люди; каковы другіе сановники, вліяющіе на султана, отъ кого будетъ зависѣть то или другое дѣло; съ кѣмъ полезнѣе держать особенную дружбу и дѣловыя сношенія и т. д. Подобныя свѣдѣнія обо всѣхъ входахъ и выходахъ получались тотчасъ, потому что вопросы и разспросы всегда сопровождались русскими подарками, именно собольими мѣхами, до которыхъ турки, да и не одни турки, были большіе охотники и ставили ихъ выше всякихъ другихъ подарковъ. Въ извѣстномъ смыслѣ соболій мѣхъ былъ не только торговою, но и политическою силою Русской земли.

По турецкимъ обычаямъ, сначала надо было видѣться съ великимъ визиремъ или каймаканомъ и потомъ уже послы представлялись султану. Быть можетъ, такой обычай утвердился между прочимъ и по той причинѣ, что турецкое правительство вообще отличалось продажностью

и взяточничествомъ и это была первая зацѣпка для ловли посольскихъ даровъ. По русскому обычаю, не видавши очей государя земли, невозможно было начинать никакого разговора о посольствѣ. Обыкновенно изъ-за этого различія въ посольскихъ порядкахъ происходили длинные переговоры и пересылки между послами и визиремъ, но, конечно, все устраивалось такъ, какъ было въ обычаѣ у турокъ.

Въ посольскихъ пріемахъ у визиря и у султана для чести государства очень важны были всякаго рода даже и мелкія почести и всяческое вниманіе. Особая почесть прежде всего выражалась въ томъ, какъ встрѣчали посла: на улицѣ и у дворца, гдѣ онъ слѣзалъ съ коня, вдали отъ крыльца, или на самую ступень крыльца; какъ встрѣчали въ комнатахъ; гдѣ и какъ его сажали, близко или далеко отъ принимающаго лица; какъ угощали и т. д. Все это очень озабочивало каждаго посла и все это онъ тщательно записывалъ въ свой дневникъ съ необходимыми подробностями для соображеній и руководства на будущее время. Въ старыя времена въ этихъ, на нашъ взглядъ иногда очень смѣшныхъ, мелочахъ, всегда и вполнѣ выражалось политическое достоинство и могущество государства, а потому напрасно думаютъ, что одни русскіе послы, какъ бы только по особой привязанности къ мелочнымъ формамъ жизни, только они одни слишкомъ зорко слѣдили за каждымъ шагомъ своего пріема и пребыванія въ чужомъ государствѣ. Въ старое время мелочная честь составляла, такъ сказать, стихію общаго посольскаго обычая и Москва выучилась этой чести не столько у себя дома, сколько изъ обращенія съ иноземными дворами.

Въ 1681 г. у короля французовъ Людовика XIV произошла большая ссора съ турками изъ-за того, что не такъ былъ принятъ французскій посолъ, что въ его пріѣздѣ къ визирю не воздано было ему той почести, какая водилась прежде. „Прежде бывало,—пишетъ нашъ посолъ Возницынъ,—что французскіе послы саживались въ спорядъ съ визиремъ (возлѣ него), а нынѣ визирь велѣлъ ему сидѣть противъ себя. Тогда посолъ, не хотя стараго обычая презрѣть и тѣмъ чести государя своего умалить, не сѣлъ противъ визиря, и, поваливъ кресла, вышелъ вонъ. Съ того времени, уже близко года, тотъ посолъ живетъ въ Цареградѣ со многимъ безчестіемъ и тѣснотою; у салтана не былъ и о дѣлахъ съ визиремъ не говорилъ“. Вѣроятно, по этому случаю „въ то же лѣто (1681) французскіе корабли разбойническимъ поведеніемъ напали на турецкіе корабли. Одинъ изъ этихъ кораблей былъ взятъ, приведенъ въ Царьградъ, наряженъ полнымъ корабельнымъ нарядомъ, убранъ французскими знаменами, и въ такомъ видѣ, передъ дворцомъ султана и гдѣ жилъ нашъ посолъ, былъ волоченъ по морю

ругательно, при чемъ въ него стрѣляли холостыми зарядами изъ пушекъ, а онъ будто оборонялся. Такое многонародное позорище съ великимъ безчестіемъ для французовъ совершалось не малое время". Въ февралѣ 1682 г. пятьдесятъ французскихъ кораблей пришли почти подъ самый Царьградъ съ требованіемъ, чтобы ихъ послу дали мѣсто по прежнему обычаю, и съ угрозою начать войну. „Только турки мало ихъ боятся,—пишетъ нашъ посолъ,—и дѣлаютъ какъ сами хотятъ. По слухамъ, то дѣло пройдетъ у нихъ безъ большихъ ссоръ, потому что французы для торговыхъ своихъ промысловъ въ большія ссоры не пойдутъ. Однако, Богъ вѣдаетъ, когда у нихъ тѣ ссоры успокоятся".

Послѣ свиданія съ визиремъ послу назначали день для пріема у султана.

Торжество посольскаго пріѣзда къ султанову величеству, въ Византію, какъ назывался главный дворецъ султана, происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

Впереди слѣдовали чауши на коняхъ, съ отрядомъ янычаръ въ 200 человѣкъ. Затѣмъ были несены „любительныя поминки", дары султану, во первыхъ, кости—рыбій зубъ, каждый человѣкъ одинъ за другимъ несъ въ рукахъ по два зуба. За ними въ такомъ же порядкѣ несли собольи мѣха, каждый человѣкъ по сороку соболей. Потомъ кречетники несли кречетовъ во всемъ кречетьемъ нарядѣ. За кречетами ѣхалъ на конѣ посольскій подъячій и везъ государеву грамату, обернутую въ золотной камкѣ. За граматою ѣхалъ самъ посолъ въ сопровожденіи турецкихъ приставовъ. Позади слѣдовали посольскіе люди. Такъ въѣзжалъ въ салтанскую Византію дьякъ Возницынъ 7-го марта 1682 г.

Чтобы видѣть салтановы очи, по турецкому обычаю, прежде надо было пообѣдать съ визиремъ. Визирь первый принималъ гостя и давалъ ему почетный столъ. Это также противорѣчило русскому обычаю, по которому угощеніе посла слѣдовало послѣ царскаго пріема. Наши послы и здѣсь вели безполезные споры, что такъ не водится въ посольскихъ порядкахъ.

Турецкій посольскій обѣдъ устраивался такимъ образомъ: приносили и ставили передъ визиремъ и посломъ, вмѣсто стола, стулъ деревянный, вышиною вровень съ лавкою. На стулѣ, вмѣсто скатерти, ставили серебряную мису (подносъ), кругомъ сажени въ полторы; на эту мису и подавали блюда съ ѣствами, яшмовыя, фарфоровыя и другія. По обычаю, передъ обѣдомъ умывали руки. Когда бывали постные дни, наши послы прежде всего заботливо спрашивали визиря, не будетъ ли въ ѣствахъ чего скоромнаго? Визирь успокаивалъ дорогихъ гостей, говоря, что ѣствы нарочно такъ и готовлены для

пословъ, что и сахаръ въ нихъ кладенъ сырой, каковъ родится. Ѣли послы съ одного блюда съ самимъ визиремъ. Никакихъ винъ за турецкимъ столомъ не подавалось. Подавали пить холодную, студеную воду съ сахаромъ, да шербетъ, да кафу, вареную на водѣ же (кофе). Послѣ стола опять подавали чистую воду умывать руки и ротъ.

Само собою разумѣется, что во время стола визирь держалъ съ посломъ разговоръ и разспрашивалъ далекаго гостя о далекой странѣ, перемѣшивая политическіе вопросы съ вопросами простаго любопытства. Сначала шли толки о дорогѣ, какъ далеко отъ Азова до московскихъ украйныхъ городовъ, а отъ тѣхъ городовъ до самой Москвы? Московскіе послы въ этомъ случаѣ нѣсколько прибавляли, отвѣчая, что вверхъ по Дону до Воронежа судовымъ ходомъ будетъ недѣль семь и больше, а отъ Воронежа до Москвы поспѣваютъ недѣли въ четыре и въ пять.

— Слышалъ я,—говорилъ визирь дьяку Возницыну,—что у вашего государя есть земля, въ которой непрестанно бываетъ темно. Впрямъ-ли есть такая земля и что въ ней родится?“

Дьякъ, выразумѣвъ, что визирь спрашиваетъ о странѣ, гдѣ Кольскій и Пустозерскій остроги, отвѣтилъ, что „есть такая земля, что бываетъ въ тѣхъ странахъ зимою всегда темно, а лѣтомъ и во время ночи всегда свѣтло, что родятся тамъ всякіе звѣри. Привозятъ изъ тѣхъ странъ въ государеву казну рыбій зубъ, бѣлыхъ медвѣдей, жемчугъ“.

— А гдѣ родятся ваши кречеты и соболи? спрашивалъ визирь.

— Тѣ птицы и звѣри родятся въ Сибирской землѣ,—отвѣтствовалъ дьякъ, и на новый вопросъ: что кречетами добываютъ? подробно разсказалъ порядокъ соколиной охоты.

Дальше разговоръ переходилъ на политику и на вопросы о томъ, съ кѣмъ въ ссорѣ и съ кѣмъ въ дружбѣ московскій государь, каковы у него дѣла съ польскимъ королемъ и какова дружба съ персидскимъ шахомъ, и т. д. О польскомъ королѣ, смотря по обстоятельствамъ, послы отзывались различно, но о персидскомъ шахѣ говорили всегда одно, что съ нимъ „искони вѣчная дружба и никогда недружбы не бывало; да и быть нельзя, потому что персидскіе торговые люди въ Московскомъ государствѣ имѣютъ непрестанные свои купецкіе промыслы и ни на малое время безъ тѣхъ промысловъ обойтиться имъ нельзя“.

По окончаніи стола слѣдовалъ пріемъ у султана. Но прежде чѣмъ войти въ залу салтанова величества, въ одной изъ галлерей султанскаго дворца, на пословъ и на всѣхъ посольскихъ людей надѣвали золотные кафтаны. Это былъ обычный посольскій даръ турецкаго государя.

Передъ тронною залою посла встрѣчали ближніе салтановы люди. Двое изъ нихъ брали посла подъ руки, крѣпко прижимали его руки къ своей груди и такъ подводили его къ трону. Тѣмъ же порядкомъ вели и другихъ посольскихъ людей. Дьякъ Возницынъ, не совсѣмъ понявши въ чемъ дѣло, поспѣшилъ заявить при этомъ, чтобы „вели его честно и передъ салтановымъ величествомъ никакой неволи ему не чинили, потому что онъ и самъ знаетъ, какъ турецкому великому государю честь воздавать". Подойдя къ салтану, дьякъ поклонился въ поясъ. Такимъ обычаемъ въ XVII столѣтіи кланялись и другіе наши послы и всѣ посольскіе люди, обозначая этотъ поклонъ выраженіемъ, что „кланялись по низку". По описанію дьяка Возницына, „полата (тронъ), въ которой сидѣлъ салтанъ, была въ длину съ три сажени, въ ширину съ двѣ сажени, писана золотомъ. Гдѣ сидѣлъ салтанъ—сдѣлано мѣсто, подобно постели; въ углу въ задней стѣнѣ полата покрыта алтабасомъ, по немъ низано жемчугомъ. Подлѣ стѣнъ лежали подушки золотныя, низаны жемчугомъ съ каменьи. По лѣвую сторону салтана на мѣстѣ поставлена шкатунка длиною въ поларшина, отворена, учинена съ алмазы и съ инымъ каменьемъ. Ниже мѣста курилось благовоніе. Надъ мѣстомъ повѣшены каменья великіе, изумруды и яхонты съ кистями обнизными. Полъ въ полатѣ устланъ бархатомъ червчатымъ, по немъ шиты часто травы волоченымъ золотомъ. Лицемъ салтанъ (въ 1682 г.—Магометъ IV) черенъ, носъ прямъ долговатъ, очи и усъ черны, борода черна, не велика, рѣдка; ростомъ середней, сказывали—возраста его 43 лѣта. Платье на немъ: чалма небольшая бѣлая, перо въ запанѣ алмазное, привязано къ чалмѣ чѣпью золотою; ферезея алтабасная золотная на соболяхъ съ большимъ ожерельемъ и съ великими алмазными нашивки (петлицами); на рукахъ перстни съ алмазами, зѣло свѣтящимися. Подъ ногами приступъ". По правую сторону салтана близко стоялъ большой визирь, противъ него стояли еще четыре визиря. Дьякъ правилъ посольство съ лѣвой стороны.

Какъ мы сказали, дьякъ Возницынъ былъ принятъ въ главномъ домѣ султана, въ Византіи, что почиталось большою почестью. Другіе послы были принимаемы въ другихъ дворцахъ, гдѣ и троны, по описаніямъ, были другаго устройства, но въ общихъ чертахъ сходные. Мы не касаемся всѣхъ подробностей пріема и указываемъ только существенныя черты.

Отдавши грамату, посолъ являлъ государевы любительныя поминки—дары, во знакъ братской государевой дружбы. Дьякъ Возницынъ, послѣ морскихъ бѣдствій, всетаки представилъ 10 кречетовъ, говоря, что представляетъ по посольскому наказу 20, и что 10 въ

дорогѣ свалились (погибли); потомъ представилъ 30 сороковъ соболей и 20 зубовъ рыбьей кости.

Другой нашъ посолъ, окольничій Кириллъ Хлоповъ, ѣздившій въ Царьградъ осенью 1683 г., повезъ съ собою въ даръ султану пять сороковъ соболей цѣною въ 2,000 руб., да рыбьей кости на 2,000 руб., счетомъ большой, средней и меньшой 336 костей, вѣсомъ 55 пудовъ слишкомъ. Кромѣ того—визирю три сорока соболей на 1,000 руб.; на раздачу за всякія дѣла одиннадцать сороковъ, цѣною на 3,000 руб.; на раздачу милостыни четыре сорока и двѣ пары соболей, цѣною на 460 руб.

Такимъ образомъ, подарки визирю и разнымъ другимъ чиновникамъ за всякія дѣла по цѣнѣ равнялись дарамъ султану. Въ болѣе важныхъ случаяхъ они, вѣроятно, и превосходили султановы дары. Посолъ Илья Милославскій, въ 1642 г., поднесъ визирю соболей четырнадцать сороковъ на 2,345 руб., визиреву другу четыре сорока на 215 руб., кафинскому пашѣ два сорока на 200 руб., кромѣ мелкой раздачи.

Послѣ пріемныхъ церемоній назначались особые дни для отвѣта, то есть для посольскихъ совѣщаній съ визиремъ и съ ближними людьми султана, какъ предписывалось въ наказѣ русскому послу. Но въ Турціи такія совѣщанія по большой части происходили съ однимъ визиремъ, что̀, по русскимъ понятіямъ, было незаконно, и на что̀, однако, послы, вопреки наказу, по необходимости соглашались для достиженія своихъ посольскихъ цѣлей. Если визирь бывалъ человѣкъ склонный и за подарки особенно дружилъ московскому государю, то подобными приватными, личными совѣщаніями дѣла подвигались быстрѣе къ концу и скорѣе исполнялись по желанію посла.

Въ этомъ отношеніи примѣчательны особенныя дружелюбныя отношенія визиря къ послу дьяку Возницыну. Мы уже упомянули о главныхъ причинахъ такой благосклонности. Онѣ заключались въ политическихъ отношеніяхъ Турціи къ сосѣднимъ государствамъ, а умное поведеніе дьяка еще болѣе увеличило склонность визиря на нашу сторону. Видимо, что тогдашній визирь, пользуясь случаемъ и наблюдая свою выгоду, сразу желалъ взять московскія дѣла въ свои руки и все устроить къ обоюдному удовольствію, разумѣется, за приличный подарокъ.

Еще на первыхъ порахъ, какъ только дьякъ прибылъ въ Царьградъ, визирь на третій же день прислалъ ему отъ себя „кормъ: бараны, куры, голуби, груши, лимоны, помаранцы, каштаны, смокви, изюму, хлѣбовъ, сахару, да въ 12-ти кубкахъ стеклянныхъ въ водѣ цвѣтовъ“.

Дьякъ очень благодарствовалъ на пріятельствѣ и заявилъ, что визирева къ нему любовь будетъ извѣстна великому государю. Затѣмъ, визирь сталъ приглашать его къ себѣ на свиданье. Дьякъ сопротивлялся, потому что, по наказу, не видѣвши очей султана, не должно было открывать какія бы то ни было совѣщанія и свиданія, но послѣ многихъ переговоровъ, тянувшихся цѣлый мѣсяцъ, видя, что иначе ничего не устроится, онъ рѣшился поступить противъ государева наказа и быть у визиря, принимая отвѣтственность уже на себя. Онъ прибавилъ только, чтобъ въ пріѣздѣ къ визирю была ему воздана честь большая.

За честью дѣло не стало. Визирь встрѣтилъ посла очень радушно и ласково. Спросилъ его о здоровьѣ, о морскомъ пути и „ужли въ Царьградѣ привыкъ и какъ ему тутъ жить полюбилось?“ Прежде отвѣта на эти вопросы, дьякъ подалъ визирю государеву грамату, которая обыкновенно посылалась изъ Москвы особо на имя визиря. Потомъ отвѣтилъ, что жалованьемъ салтанова величества и любезностью визиря жить ему въ Царьградѣ не худо; однако, окончивъ скорѣе дѣла, онъ очень бы желалъ уѣхать домой. Визирь просилъ не скучать и не печалиться, и впередъ объявилъ, что обоихъ государей дѣла добрый конецъ воспріимутъ.

— Дай Боже, чтобъ все совершилось добромъ! отвѣтилъ посолъ.

Послѣ того, дьякъ, поступая по наказу, „хотѣлъ визирю за его службы похвалить и государево жалованье объявить, сказалъ ему, что есть до него царскаго величества слово и онъ бы его выслушалъ“. Но въ присутствіи другихъ чиновъ визирь тотчасъ замялъ это обстоятельство и отвѣтилъ, чтобы посолъ теперь ни о чемъ не говорилъ: увидится онъ съ нимъ и будетъ говорить, и не въ одно время, и велѣлъ подать кафе съ сахаромъ. „И какъ кафе почали подавать, и положили на колѣни визирю фату, а дьяку другую, обѣ ровны; и давали пить кафе въ чашкахъ фарфуровыхъ—ровнь (то есть въ одинакихъ); и визирь и онъ, дьякъ, пили. А послѣ того имъ дали другія фаты и давали обоимъ пить шербетъ и платки — утираться. А послѣ того имъ давали воду кроповую умыть губы и платки утираться; а послѣ того обоихъ курили“.

Потомъ велѣлъ визирь надѣть на посла кафтанъ, а за нимъ надѣты были кафтаны и на всѣхъ посольскихъ и дорожныхъ его людей.

По возвращеніи домой, сопровождавшіе посла приставы говорили ему, что „визирь показалъ ему великую любовь, какой они ни которымъ посламъ не видали; и говорилъ съ нимъ ласково, чему они всѣ такой его склонности дивились. Да и то визирь чинилъ чрезвычайно, что его, посла, потчивая, самъ пилъ, и во всемъ честь чинилъ. И те-

перь бы онъ, посолъ, государево жалованье отослалъ къ визирю, также и отъ себя бы что̀ послалъ, потому, если онъ визиря удружитъ, то ему во всемъ добро будетъ; да и другихъ ближнихъ людей почтилъ бы, — они у визиря мочны и безъ нихъ ничто не дѣлается. А приставы объявляютъ объ этомъ послу по дружбѣ. А визирю и сановникамъ все то, что онъ къ нимъ пришлетъ, не дорого, только дорога имъ почесть, и за то учнутъ ему въ дѣлахъ спріятствовать".

На другой же день дьякъ послалъ визирю назначенные десять сороковъ соболей на 2,000 руб. Визирь остался доволенъ и принесшимъ подарокъ велѣлъ надѣть кафтаны.

Вскорѣ собольи подарки были разосланы и всѣмъ надобнымъ людямъ, по указанію визирева переводчика, который былъ православной вѣры и съ большою охотою помогалъ единовѣрцамъ, получивши, разумѣется, и самъ не малый подарокъ.

Посолъ не скупился, потому что „поляки и съ цесарской стороны зѣло домогались, чѣмъ бы до совершенія дѣла не допустить".

За то дьяку оказана была ласка даже и въ томъ, что съ прежней квартиры его перевели на новую, на приморье, ближе къ султанову дворцу, въ которомъ султанъ „съ женами своими и съ дѣтьми живетъ". Отсюда дьякъ и любовался поругательнымъ позорищемъ надъ французскимъ кораблемъ.

Послѣ церемоніальнаго пріема у султана, визирь такимъ же образомъ пригласилъ посла къ себѣ въ гости, въ свой приморскій садъ. Дьякъ снова затруднился и сталъ объяснять, что въ посольскихъ обычаяхъ ведется такъ: послы прежде говорятъ о дѣлахъ съ ближними людьми и, покончивъ дѣла, бываютъ и въ гостяхъ; что онъ и теперь желаетъ, чтобы такъ же было. Приставы опять просили его не сомнѣваться ни въ чемъ и говорили, что визирь, приглашая въ гости, дѣлаетъ ему великую почесть; что зоветъ онъ къ себѣ въ гости именно для разговора о посольскихъ дѣлахъ, ибо желаетъ, чтобы о тѣхъ дѣлахъ никто не вѣдалъ. Въ умѣ русскаго посла держался свой русскій порядокъ посольскихъ совѣщаній, не въ гостяхъ, а въ посольской палатѣ, чиновно и въ присутствіи посольской боярской думы. Вотъ почему онъ затруднялся и сомнѣвался, боясь, не скрывается ли тутъ какой обманъ.

Рано утромъ—это было 18-го марта 1682 г., визирь прислалъ за посломъ свои каюки—лодки, такъ какъ онъ жилъ тоже на приморьѣ. Когда доплыли до визирева двора и высадились на берегъ, тотчасъ повели дьяка прямо въ садъ. Надъ берегомъ моря въ саду стоялъ чердакъ—бесѣдка, гдѣ и посадили посла. Вскорѣ пришелъ и визирь въ сопровожденіи трехъ сановниковъ, изъ которыхъ двое были совѣтники

духовнаго чина изъ салтановыхъ ученыхъ людей. Послѣ обычныхъ привѣтствій, всѣ усѣлись въ той бесѣдкѣ, на подушкахъ.

Визирь сталъ говорить первый и объявилъ послу, что онъ у нихъ любимый гость, что салтаново величество указалъ его веселить, „а онъ, будучи въ заѣздѣ, не печалился бы и, смотря на потѣху, тѣшился бы".

— Вы хорошо знаете, что я посланъ за дѣломъ, — отвѣтилъ дьякъ, — и слѣдовало бы теперь говорить о дѣлахъ, а веселиться послѣ.

— Будемъ говорить и о дѣлахъ,—сказалъ визирь,—а теперь посолъ царскаго величества изволилъ бы тѣшиться.

Визирь велѣлъ подать кафе, „и тое кофе самъ пилъ и посла потчивалъ", а послѣ нихъ пили и три сановника. Затѣмъ онъ велѣлъ своей турецкой музыкѣ играть, и играли съ часъ; а послѣ игранья велѣлъ подать питья сладкаго горячаго и велѣлъ стрѣльцамъ стрѣлять въ примѣту изъ луковъ, бѣгаючи на коняхъ. И того стрѣлянья было съ часъ. А послѣ того велѣлъ такимъ же людямъ съѣзжаться, сторона на сторону, съ копьями, и такъ того было съ часъ же. Потомъ такимъ же людямъ велѣлъ сторона на сторону биться джидами, которые то чинили съ часъ же. Было тѣхъ во всякой игрѣ человѣкъ по двѣсти и больше. И какъ то кончилось и визирь говорилъ дьяку, чтобъ онъ погулялъ по палатамъ и по саду, и посмотрѣлъ бы цвѣтовъ и водъ, а онъ, визирь, помолится Богу, потому что у нихъ время полуденное. И дьякъ въ саду гулялъ. Тотъ садъ построенъ нѣмецкимъ строеньемъ, въ которомъ многія проводныя воды и цвѣтутъ цвѣты всякіе".

Послѣ прогулки, дьяка позвали къ обѣду. Ѣлъ онъ съ визиремъ съ одной мисы; передъ визиря давали ѣствы мясныя, а передъ посла— постныя, и пили шербетъ. Во время стола разговаривали. Визирь спрашивалъ о Дорошенкѣ, гдѣ онъ теперь и въ какомъ почетѣ живетъ? Дьякъ отвѣтилъ, что по государеву указу Дорошенко живетъ въ нѣкоторомъ городѣ и даютъ ему кормъ, чѣмъ только можно пропитаться.

Потомъ визирь спрашивалъ о Сибири, сколь далеко тѣ страны и какъ близко города царскаго величества отъ китайскихъ границъ? Дьякъ разсказывалъ что̀ зналъ изъ путешествія въ Китай посла Николая Спатарія.

Но вопросъ о Китаѣ, по всему вѣроятію, сдѣланъ былъ къ тому, чтобы тотчасъ же спросить о казанскихъ и астраханскихъ татарахъ, одни-ли они съ алаторскими? Умный дьякъ понялъ, въ чемъ дѣло, и говорилъ, что теперь „казанскихъ и астраханскихъ татаръ осталось

немного, потому что въ эти времена они излюбили православную вѣру и многіе крестились. Также и въ Алаторѣ татаръ немного. Да и городокъ этотъ малый и незначительный".

— Удивительно мнѣ,— примолвилъ дьякъ,— почему вамъ вѣдомы татары такого малаго городка?

Визирь промолвилъ, что слыхалъ о немъ, а дьякъ спрашивалъ съ умысломъ, ибо зналъ, что „алаторскіе татары передъ тѣмъ были въ Царьградѣ съ челобитьемъ, чтобъ имъ изъ-подъ державы царскаго величества свободнымъ быть".

Визирь былъ веселъ и когда вышли изъ-за стола, сказалъ послу: „видѣлъ посолъ потѣхи прежде стола, теперь еще потѣшимъ дорогаго гостя. Для любимыхъ гостей и веселья прибавимъ". Онъ велѣлъ кликнуть борцовъ, которые выходили по двѣ пары, наги, въ однихъ штанахъ кожаныхъ, вымазанныхъ масломъ,—и боролись до тѣхъ поръ, пока одинъ другаго не положитъ на спину. И такихъ было людей паръ съ пятнадцать. Потомъ стрѣляли въ кружочекъ мѣдный, учиненъ поменьше вершка толщиною, для того, чтобъ его пробить сквозь, и, такъ стрѣляючи, пробивали. Потомъ бились между собою палцатами и саблями поединщики. Послѣ того всего велѣлъ визирь проѣзжать лошадей своихъ, которыя были наряжены во весь конскій нарядъ.

Угостивъ посла вдоволь разными потѣхами, визирь, наконецъ, предложилъ ему говорить о дѣлахъ. Дьякъ примолвилъ, что о дѣлахъ говорить теперь уже время упоздало, не лучше-ли будетъ отложить до другаго дня?

— Еще до вечера часовъ шесть есть,— отвѣтилъ визирь. Намъ можно посидѣть и до самой ночи. Онъ велѣлъ всѣмъ выйти изъ комнаты; оставилъ только одного главнаго совѣтника. Втроемъ, при помощи переводчика, и начались бесѣды о посольствѣ.

Москва въ это время хлопотала о Кіевѣ и Запорожьѣ и желала подробнаго обозначенія границъ. По прежнему договору, рубежомъ между Турціею и Русью опредѣленъ былъ Днѣпръ. Теперь дьякъ Возницынъ домогался, чтобы въ державѣ царскаго величества Кіеву быть со всею его областью, какая лежитъ на правой сторонѣ Днѣпра; чтобы Запорожью быть тоже со всею его областью, которую изстари Запорожье въ себѣ содержало, со всѣми звѣриными и рыбными ловлями и солеными озерами и чтобы „вольно было запорожцамъ безопасно внизъ Днѣпромъ и по всѣмъ его рѣчкамъ, даже до устья Чернаго моря, для ловли рыбной и бранья соли плавать, также и въ степь ходить для ловли всякаго звѣря безо всякаго опасенія. А для того по правой сторонѣ Днѣпра, наченши отъ Бога-рѣки, городовъ ни-

кому не ставить и поселенія никакого не чинить, и юртами не кочевать, и перебѣжчиковъ не принимать, оставить бы тѣ мѣста пусты, чтобъ ни за что у обоихъ великихъ государей ссоры и недружбы не было".

Дьяку вообще было приказано, чтобы при этой статьѣ, „хотя бы то выговорить, чтобъ подданнымъ царскаго величества заднѣпровскимъ и кіевскимъ жителямъ вольно было на правую сторону Днѣпра для всякихъ потребъ выѣзжать, хотя бы по дрова, что люди обойтиться безъ того не могутъ, что государь того желаетъ не для пространства своихъ земель, а для крѣпчайшей съ салтановымъ величествомъ дружбы". Смыслъ домогательства заключался въ томъ, чтобы границу, живое урочище—рѣку Днѣпръ—сдѣлать границею неопредѣленною, какъ она существовала и на самомъ дѣлѣ.

Визирь говорилъ, что самому послу вѣдомъ, „гдѣ салтанова величества нога ступитъ, тѣхъ земель никогда не возвращаютъ, а если отдавать, то не токмо совѣсти было-бъ противно, но и законъ ихъ не повелѣваетъ", и т. д.

Переговоры застала ночь и визирь предложилъ окончить засѣданіе, сказавъ, чтобы дьякъ прислалъ ему запись по статьямъ, а дальнѣйшіе переговоры велъ черезъ переводчика, ибо за многими дѣлами самому ему часто видѣться нельзя.

По возвращеніи домой, не смотря на ночное время, дьяку были присланы овощи: лимоны, поморанцы, и иные всякіе [1]), на 30-ти блюдахъ, да цвѣтовъ двадцать скляницъ.

Посолъ написалъ визирю двѣнадцать статей, въ числѣ которыхъ были просьбы объ освобожденіи изъ неволи русскаго плѣна; о дозволеніи московскимъ людямъ ходить въ Іерусалимъ безопасно и, главное, безъ взиманія различныхъ турецкихъ пошлинъ и поборовъ, и проч.

Когда дьякъ передавалъ свои переговоры съ визиремъ его переводчику Александру Шкарлату, то однажды, въ заключеніе переговоровъ, получилъ отъ него такой отвѣтъ, что хотя обо всѣхъ затруднительныхъ запросахъ онъ донесетъ визирю, „только объявляетъ, по христіанской совѣсти, и клянется небомъ и землею, что если они, турки, при чемъ станутъ стоять и при томъ неизмѣнно стоятъ", то есть, если заупрямятся, то никогда не исполнятъ и малѣйшей просьбы.

Во время пребыванія пословъ въ городѣ, они всетаки оставались подъ надзоромъ и безъ позволенія визиря никуда выходить не могли.

---

[1]) Въ числѣ цареградскихъ овощей посламъ обыкновенно присылали: яблоки, дули, груши, свѣжіе каштаны, смоквы, изюмъ черный и бѣлый, шевтелу, сливы, кизылчикъ, дыни, арбузы, айву, египетскіе сахары и т. п.

Только окончивъ посольскія дѣла, иные просили посмотрѣть церковь Божію Софію. Съ такою просьбою обратился къ визирю на прощаньи дьякъ Возницынъ. Визирь разрѣшилъ ему гулять по городу гдѣ похочетъ и послалъ съ нимъ особаго чиновника. Дьякъ побывалъ только у „Софіи Божіи“, не смотря на то, что эта была уже магометова мечеть. Для православнаго она все еще оставалась досточтимою святынею.

Пребываніе нашихъ пословъ въ Царьградѣ, по многимъ отношеніямъ, походило на пребываніе въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ отовсюду приносились родныя вѣсти или завязывались родныя сношенія. Еще въ первые дни, какъ только послы устраивались въ отведенныхъ имъ жилищахъ, къ нимъ тотчасъ являлись тайно разныя лица изъ греческаго духовенства, особенно митрополиты, провѣдать о московскомъ государѣ и даже передать надобныя свѣдѣнія о турецкихъ дѣлахъ. Отъ нихъ послы узнавали много полезныхъ сообщеній и установляли сношенія и съ Цареградскимъ патріархомъ, который тоже не совсѣмъ явно, но всегда очень благоволилъ московскому посольству. Доброе расположеніе греческихъ духовныхъ властей къ единовѣрному русскому народу больше всего основывалось, конечно, на единовѣріи, но также и на томъ обстоятельствѣ, что московскій посолъ никогда не пріѣзжалъ въ Царьградъ съ пустыми руками, всегда привозилъ такъ называемую милостыню, которая раздавалась не только по всему Цареграду, но разсылалась повсюду, гдѣ были святыя мѣста или святительскіе престолы и монастыри, въ Іерусалимъ, на Синайскую гору, на Аѳонскую гору и т. д.

Милостыня обыкновенно раздавалась золотомъ. Митрополиты получали по 4, 5 или по 7 золотыхъ, архимандриты по 2 зол., игумены по 1 золотому, попы и дьяконы по $^1/_2$ зол., старцы и старицы по $^1/_4$ зол. Самое большое количество старцевъ находилось на Аѳонской горѣ; тамъ, въ четырехъ главныхъ монастыряхъ, числилось 1,070 старцевъ.

Самимъ патріархамъ послы привозили граматы, милостыню золотыми и жалованье соболями и бархатомъ, отъ имени государя и отъ московскаго патріарха. Цареградскому подносили 100, а иногда 150 золотыхъ, сорокъ или три сорока соболей, цѣною на 300 р., и 10 аршинъ золотнаго бархата. Однако, эти дары и граматы, какія бывали, патріархъ просилъ отдавать ему тайно, не при всѣхъ, изъ опасенія отъ митрополитовъ и отъ греческихъ же властей, „дабы нечестивые бусурманы, узнавъ о томъ, не учинили надъ нимъ какого дурна“.

Дружа единовѣрцамъ, греческіе патріархи вообще никогда не от-

казывались сообщать въ Москву надобныя свѣдѣнія, только просили, чтобы дѣлалось это въ тайнѣ. Въ 1682 году іерусалимскій патріархъ говорилъ послу Возницыну, что „если случится о какихъ дѣлахъ писать изъ Москвы, то государь приказалъ бы писать къ нему, патріарху, безъ его имени, и граматы складывать малыя, и печатать какою малою печатью, чтобы того никто не зналъ; и онъ такимъ же образомъ станетъ писать о всякихъ дѣлахъ, о которыхъ потребно и государю надлежитъ вѣдать".

Такъ единовѣріе и щедрая милостыня и всякая другая помощь связывали православную далекую Москву со всѣмъ православнымъ Востокомъ. Поэтому и пріѣздъ московскихъ пословъ въ Царьградъ всегда бывалъ въ нѣкоторомъ отношеніи событіемъ для всего греческаго православія въ Турціи. Еще больше желаннымъ событіемъ этотъ пріѣздъ бывалъ для русскихъ плѣнниковъ, которыхъ въ Царьградѣ всегда бывало множество и продавали ихъ тамъ на базарахъ, какъ всякій товаръ. Услыхавъ про московскихъ пословъ, поднимались эти люди съ турецкихъ каторгъ (галеръ), съ каторжной работы, и приходили къ посламъ, конечно, тайно, просить о свободѣ; присылали изъ тюремъ, гдѣ ихъ держали, между работою, подъ видомъ отдыха, иногда въ ожиданіи покупки и выкупа и т. д.

Въ XVII-мъ столѣтіи въ Турцію, именно въ Царьградъ, для продажи привозилось плѣнныхъ каждый годъ больше двадцати тысячъ, какъ значилось въ записяхъ цареградской таможни, все черезъ руки крымскихъ татаръ съ Чернаго моря, больше всего женщинъ и дѣтей, и больше всего русскихъ, московитовъ. Объ этомъ пишетъ секретарь англійскаго посольства при Оттоманской Портѣ, нѣкто Рикачъ [1]). Онъ къ этому присовокупляетъ, что самая турецкая раса и Великая Имперія турокъ только потому и существуетъ, что постоянно пополняется такимъ приливомъ здоровыхъ невольниковъ, которыхъ по большей части принужденіемъ или ласкою и обѣщаніями разныхъ преимуществъ обращали въ магометанскую вѣру и такимъ способомъ превращали въ настоящихъ турокъ. Англичанинъ говоритъ, что въ его время политики были вообще убѣждены, что паденіе Турціи вполнѣ зависитъ отъ уничтоженія привоза невольниковъ, „дававшихъ питаніе и утученіе сему великому Вавилону".

Наши послы всегда много и горячо хлопотали и домогались у салтанова величества объ отпускѣ съ ними русскаго плѣна, конечно, за выкупъ или на размѣнъ, и получали разрѣшеніе собирать только такихъ, которые сами захотятъ и, главное, которые остаются еще хри-

---

[1]) Монархія Турецкая. Спб. 1741 г., стр. 106.

стіанами. Басурманъ вывозить вовсе не дозволялось. Очень многіе басурманились потому, что иначе невозможно было освободиться отъ каторжной работы.

Дьякъ Возницынъ вывезъ съ собою русскихъ всякихъ чиновъ людей и черкасъ (малороссовъ) съ женами и съ дѣтьми полторы тысячи человѣкъ.

Церемоніальный отпускъ пословъ у султана происходилъ обыкновенно въ его садахъ, для московскихъ пословъ иногда въ самомъ лучшемъ саду, гдѣ султанъ принималъ ихъ въ великолѣпномъ шатрѣ, возсѣдая на мѣстѣ, сдѣланномъ кроватью и убранномъ золотными тканями, съ обычною торжественною обстановкою изъ разныхъ придворныхъ чиновъ.

Послы возвращались въ Москву обыкновеннымъ путемъ—по Черному морю, и плавали до Кафы дней семь, отъ Кафы до Керчи день или полтора, отъ Керчи до Азова дней десять.

И возвратное морское плаваніе не всегда обходилось благополучно. За противными вѣтрами дѣлались долгіе простои. Посолъ Илья Милославскій изъ Цареграда съ простойными днями шелъ до Донскихъ городковъ десять недѣль, причемъ два раза терпѣлъ крушеніе. Одинъ разъ, не доѣзжая Керчи, его корабль разбился объ каменную косу; другой разъ, подходя къ Азову, сѣлъ на мель. Посолъ Аѳанасій Нестеровъ въ Цареградскомъ гирлѣ (проливѣ) за противнымъ вѣтромъ стоялъ 6 дней; потомъ въ Черномъ морѣ его корабль отнесло къ Анатолійскому берегу къ городу Амастру, гдѣ, за вѣтряною погодою, онъ простоялъ пять дней; изъ Амастра до Кафы шелъ 12 дней; въ Кафѣ стоялъ 8 дней, отсюда до Азова шелъ 6 дней. Въ Азовѣ пословъ встрѣчали новыя ссоры и споры казаковъ съ азовцами. Въ 1668 году азовскій паша не хотѣлъ пропустить домой посла Нестерова, по тому случаю, что казаки, послѣ прежняго ихъ морскаго плаванія, затопили въ рѣкѣ Міюсѣ свои струги и не хотѣли ихъ вынуть: ясно,—говорилъ паша,—что они намѣрены въ тѣхъ стругахъ снова идти на море. Оно въ дѣйствительности такъ и было, а потому паша объявилъ послу, что пока струги не будутъ вынуты, до тѣхъ поръ онъ не выпуститъ посла изъ Азова. Начались опять длинные переговоры съ казаками, которые объяснили и послу, и пашѣ, что „тѣ ихъ струги стоятъ въ миромъ мѣстѣ и никакого вреда имъ не дѣлаютъ, да и вынимать нечего, иные струги сгнили, иные пескомъ занесло“.

Слишкомъ двѣ недѣли продолжались споры и пререканія, причемъ посольство потерпѣло даже большое безчестіе и оскорбленіе со стороны будто бы непослушныхъ пашѣ татаръ, которыхъ онъ, конечно,

обѣщалъ даже наказать. По случаю свиданія съ пашою, на выѣздъ посламъ были приведены худыя клячи въ худыхъ сѣдлахъ, измаранныхъ грязью, на которыхъ въ посольскомъ платьѣ стыдно было сѣсть, и послы, конечно, не сѣли. Затѣмъ „азовскіе татары и янычары, человѣкъ съ 300, невѣдомо по чьему злому вымыслу, прибѣжавъ къ лодкамъ, въ которыхъ послы сидѣли, учали пословъ безчестить словами и, вскоча на судно къ дьяку Ивану Вахрамѣеву (второму послу), его, Ивана, зашибли и платье драть было стали и съ судна спихнули въ воду; да переводчика и двухъ толмачей зашибли-жъ, у одного толмача шапку отняли, одного трубника кинжаломъ поколили въ голову слегка". Посольство едва было спасено отъ дальнѣйшихъ оскорбленій янычарскимъ капитаномъ и ихъ приставами. Таково было озлобленіе азовцевъ противъ московскихъ людей и таково было самоволіе азовскаго паши.

Казаки всѣмъ войскомъ рѣшили струговъ отнюдь не вынимать, потому что и безъ того дано увѣреніе, что будутъ жить съ Азовомъ въ мирѣ, „а если бываетъ у насъ размирье съ азовцами, — прибавляли они, — такъ у насъ послѣ размирья положенъ срокъ, три дня, что казакамъ и азовцамъ межъ себя быть опаснымъ".

Вскорѣ посолъ узналъ, что его задержка главнымъ образомъ происходитъ изъ-за того, что изъ Цареграда въ Азовъ идутъ шесть кораблей съ пшеницею и другими запасами и что все азовское населеніе опасается, какъ бы казаки, если отпустить посла, не вышли тотчасъ на море и не пограбили бы и не потопили бы этихъ кораблей. Дѣйствительно, какъ корабли пришли и запасы были выгружены, паша поспѣшилъ отпустить и пословъ.

Несравненно покойнѣе, хотя и затруднительнѣе по подъему, была дорога сухопутная, по которой, однако, не всегда можно было ѣхать. Сухопутьемъ возвращался посолъ Возницынъ и ѣхалъ на Галацъ на Дунаѣ, потомъ на Яссы, на Сороку, Немировъ и на Кіевъ. Послѣ того, сухимъ же путемъ отправленъ былъ изъ Москвы и посолъ Кириллъ Хлоповъ въ 1682 году. Но такъ возможно было ѣздить только въ концѣ XVII-го столѣтія, когда утвердились правильныя границы между Москвою и Турціею, именно въ Днѣпровскомъ краю.

Ив. Е. Забѣлинъ.

Письмо графа Ламсдорфа князю П. А. Зубову.

Митава.—Марта 3-го дня 1797 г.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь! Сейчасъ удостоился я получить высочайшее его императорскаго величества имянное повелѣніе, отъ 28-го прошедшаго февраля, слѣдующаго словеснаго содержанія: „Узнавъ о почестяхъ, сдѣланныхъ князю Зубову въ проѣздъ его чрезъ Ригу и о принятіи имъ оныхъ, повелѣваемъ вамъ по полученіи сего истребовать отъ него именемъ Нашимъ—съ какимъ намѣреніемъ и по какому поводу посмѣлъ онъ оныя принимать: отвѣтъ же въ оригиналѣ имѣете немедленно доставить къ Намъ съ симъ же нарочно посылаемымъ".

По поводу сего, я вашу свѣтлость покорнѣйше прошу, согласно съ вышепрописаннымъ высочайшимъ повелѣніемъ, отвѣтъ вашъ комнѣ вручить подателю сего, господину подполковнику Дикеру, для всеподданнѣйшаго поднесенія онаго въ оригиналѣ его императорскому величеству.

Съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь пребыть, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга Ламсдорфъ.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Объявленія о продажѣ людей,

испещрявшія каждый нумеръ «Академической газеты» въ царствованія Екатерины II и Павла Петровича, обратили на себя вниманіе Александра I, какъ дерзкое наруганіе надъ достоинствомъ человѣческимъ — и, черезъ два мѣсяца по восшествіи Александра Павловича на престолъ, состоялось нижеслѣдующее повелѣніе:

Изъ журнала канцеляріи Императорской академіи наукъ,
мая 29-го дня 1801 года.

Письмо на имя г-на президента академіи и кавалера, отъ его высокопревосходительства г-на генералъ-прокурора и кавалера А. А. Беклешова, коимъ объявляетъ, что Е. И. В—во высочайше повелѣть соизволилъ дабы объявленія о продажѣ людей безъ земли ни отъ кого для припечатанія въ вѣдомостяхъ принимаемы не были, приказали: для вѣдѣнія и точнаго по сему высочайшему повелѣнію исполненія, предписать какъ издателямъ вѣдомостныхъ прибавленіевъ, такъ и фактору, чтобъ они отъ сего числа не токмо впредь не принимали высочайше возбраняемыя публикаціи, но если уже поступили таковыя для припечатанія вторымъ и третьимъ разомъ, то бы, возвратя деньги, выставили и разобрали оныя чрезъ кого слѣдуетъ и крайне бы остерегались какою-либо невнимательностію поступить вопреки высочайшей волѣ. Подписали: Б. Николаи, Степанъ Румовскій, Николай Авсовъ, Иванъ Мейсманъ. (Скрѣпилъ) секретарь VI-го класса Волковъ. Копію свѣрялъ секретарь Фишеръ.

Сообщ. **А. А. Никольскій.**

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812.

VI [1]).

Дѣйствія адмирала Чичагова.

Въ половинѣ іюня мѣсяца 1812 г., адмиралъ Чичаговъ увѣдомлялъ государя, что „армія, которою онъ имѣетъ честь предводительствовать, двинулась въ походъ и въ 25 дней будетъ на Днѣстрѣ. Я посылаю, — говорилъ онъ, — полковника Полева, которому вручаю и это письмо, чтобы справиться о средствахъ переправы черезъ Днѣстръ, узнать о положеніи арміи Тормасова, о движеніяхъ непріятеля и продовольственныхъ средствахъ, а также познакомиться съ духомъ жителей, чтобы видѣть, въ какой степени они будутъ склонны доставить намъ новыя средства продовольствія, если бы они потребовались. Затѣмъ, онъ долженъ ѣхать въ главную квартиру вашего величества и постараться доставить мнѣ свѣдѣнія объ общемъ планѣ дѣйствій. Если я долженъ буду командовать арміею Тормасова, то умоляю васъ, государь, немедленно сдѣлать о томъ распоряженія, чтобы не терять напрасно времени и удобнѣе собрать всѣ средства. Мы горимъ нетерпѣніемъ вступить въ бой и я отвѣчаю вашему величеству, что всѣ исполнятъ свой долгъ безъ малѣйшихъ колебаній. Наши 50 тысячъ зададутъ работы для 100 тысячъ. Они находятся въ превосходномъ положеніи, какъ нравственномъ, такъ и физическомъ“ [2]).

Войска дѣйствительно съ нетерпѣніемъ спѣшили въ Россію, чтобы

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68; 261—307; 419—453; 609—640. Томъ XIX, стр. 191—216.

[2]) Письмо 18-го іюня, изъ Бухареста.

вмѣстѣ со всѣми противоборствовать врагамъ отечества; но мысли Чичагова все еще не оставляли мечтательныхъ предположеній. Едва онъ отправилъ къ императору приведенное нами письмо, какъ въ Бухарестѣ явился изъ Константинополя сэръ Робертъ Вильсонъ, извѣстный агентъ англійскаго правительства, отправлявшійся въ главную квартиру нашихъ войскъ. Чичаговъ, бесѣдуя съ нимъ, сожалѣлъ, что предложенный имъ планъ дѣйствій для Молдавской арміи долженъ быть оставленъ. Смѣтливый англичанинъ утѣшалъ его тѣмъ, что этотъ планъ весьма трудно было бы привести въ исполненіе по недостатку средствъ; но не вѣрилъ, однако же, чтобы самъ Чичаговъ придавалъ ему значеніе. Онъ думалъ, что адмиралъ распуститъ лишь слухъ о немъ, чтобы напугать Австрію [1]). Но, между тѣмъ, изъ письма къ императору, которое адмиралъ отправилъ именно съ Вильсономъ, видно, что онъ еще не отказывался отъ своихъ предположеній. Въ то время, когда Вильсонъ только-что выѣхалъ изъ Константинополя, чтобы ѣхать въ нашу главную квартиру, туда прибылъ французскій посланникъ Андреосси, съ цѣлію помѣшать окончательной ратификаціи султаномъ Бухарестскаго мира. „Если, однако же, Андреосси, — писалъ Чичаговъ, — удастся разорвать этотъ миръ, то я долженъ прибѣгнуть къ одному изъ двухъ способовъ дѣйствій. Если я получу извѣстія, что присутствіе этой арміи необходимо за Днѣпромъ, я пойду впередъ, не заботясь пока о томъ, что станется съ областями, оставляемыми нами туркамъ, сохранивъ только нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ Измаилъ-Бендеры, которыя могутъ защищаться. Но если я узнаю, подвигаясь къ Днѣстру, что наши дѣла на сѣверѣ идутъ хорошо, то я возвращусь назадъ и буду продолжать войну самымъ рѣшительнымъ образомъ. Однако же, мало вѣроятности, чтобы могъ послѣдовать разрывъ; впрочемъ, времени еще довольно для того, чтобы я могъ получить наставленія вашего величества, если сочтете нужнымъ сообщить мнѣ новыя“.

Вѣроятности разрыва и вовсе бы не существовало, еслибъ самъ Чичаговъ не подавалъ Турціи поводъ подозрѣвать русскую политику въ неискренности. Онъ постоянно поручалъ нашему посланнику въ Константинополѣ, извѣстному своимъ умомъ и ловкостію, Италинскому, рѣшительно настаивать, чтобы Порта, кромѣ Бухарестскаго мира, заключила съ нами наступательный и оборонительный союзъ. Онъ писалъ объ этомъ и адмиралу Грейгу, чтобы онъ побуждалъ содѣйствовать намъ въ этомъ случаѣ англійскаго

[1]) Депеша сэра Роберта Вильсона англійскому посланнику въ Константинополѣ Лейстону, изъ Бухареста, 2-го августа 1812 года н. ст. Narrative of events, during the invasion of Russia, стр. 378—379.

посланника Лейстона (Liston); а самъ, между тѣмъ, двинулъ одинъ изъ отрядовъ русскихъ войскъ въ Сербію, и въ Молдавіи и Валахіи предполагалъ вооружить народное ополченіе. Обезсиленная Турція желала мира, не довѣряла Франціи, и Андреосси никакими способами не вынудилъ бы ее нарушить только-что заключенный съ нами договоръ; но она медлила торжественно его обнародовать, опасаясь именно требованія о заключеніи союза съ Россіею, который вовлекъ бы ее въ новую войну и вооружилъ бы противъ нее Австрію, которая также вовлекала ее въ союзъ съ ней и Наполеономъ. Еще болѣе боялась Турція задуманныхъ Чичаговымъ ополченій изъ подвластныхъ ей христіанскихъ народовъ, славянъ, молдаванъ и валаховъ. Но Чичаговъ, сердясь на Рейсъ-эфенди, который, по его словамъ, подъ пустыми только предлогами отдаляетъ обнародованіе Бухарестскаго договора, писалъ императору: „Указаніе на то, что въ послѣднее время часть нашихъ войскъ вошла въ Сербію и что я предполагалъ сдѣлать вооруженія въ Молдавіи и Валахіи, могло бы оправдать эти замедленія со стороны Порты, еслибъ въ свое время я не сообщилъ удовлетворительныхъ объясненій ея уполномоченнымъ въ Бухарестѣ. Посылка небольшаго отряда войскъ въ Сербію была вызвана разбоями турокъ-бродягъ, которые они позволили себѣ производить въ Сербіи, находившейся тогда подъ нашею охраною, такъ какъ миръ еще не былъ утвержденъ (ratifiée). Вооруженіе же княжествъ ограничивалось только сборомъ тѣхъ войскъ, которыя нѣсколько разъ созывали и потомъ распускали мои предшественники. Что же касается до гражданской гвардіи, то должны были составиться списки, по которымъ она была бы созвана лишь въ томъ случаѣ, когда былъ бы заключенъ союзъ. Уполномоченные удовлетворились этими объясненіями и, я полагаю, удовлетворится и Порта, когда получитъ о нихъ свѣдѣнія и,—особенно, когда узнаетъ о выступленіи нашихъ войскъ,—будетъ болѣе довѣрять намъ“. Это послѣднее обстоятельство дѣйствительно не подлежало сомнѣнію: Порта лишь только узнала о движеніи нашихъ войскъ въ предѣлы Россіи, какъ немедленно обнародовала Бухарестскій договоръ; но объясненія, данныя адмираломъ ея уполномоченнымъ, едва ли могли ее успокоить. Предмѣстники Чичагова, дѣйствительно, образовывали и потомъ распускали мѣстныя ополченія изъ славянъ, молдаванъ и валаховъ, но—во время войны съ турками, а онѣ дѣлалъ то же—во время мира. Образа дѣйствій адмирала не только не могла одобрить Порта, съ которой во что бы то ни стало намъ слѣдовало въ это время поддерживать только-что заключенный миръ, но его не одобрялъ и нашъ посланникъ въ Константинополѣ. Побуждаемый безпрерывными настояніями съ его стороны—рѣшительно

дѣйствовать на Порту, чтобы она заключила союзъ съ нами, онъ, наконецъ, отвѣчалъ ему, что его виды вовсе не соотвѣтствуютъ видамъ нашего правительства и что онъ намѣренъ безпрекословно повиноваться только приказаніямъ государя. Посылая это письмо императору, Чичаговъ писалъ: „Ваше величество изъ письма г. Италинскаго увидите, что я выдаю пользы моего государя и дѣйствую вопреки его видамъ, приглашая его, въ послѣднихъ моихъ отношеніяхъ къ нему, вытребовать отъ турокъ положительный отвѣтъ, намѣрены ли они заключить съ нами союзъ, или нѣтъ? Онъ счелъ удобнѣе въ этомъ случаѣ подвергнуться всякаго рода униженіямъ, нежели показать при этомъ случаѣ достоинство того, чей онъ представитель, и выразить необходимую твердость. Это обязываетъ меня отказаться отъ всякихъ сношеній съ такимъ человѣкомъ, а такъ какъ онъ хочетъ повиноваться только положительно выраженнымъ приказаніямъ вашего величества, то вамъ предстоитъ постановить рѣшеніе въ этомъ случаѣ, какое будетъ угодно. Но если онъ и находилъ мои наставленія слишкомъ настоятельными при настоящемъ положеніи дѣлъ и затруднительномъ его положеніи, то, казалось бы, онъ могъ найти возможность обойти ихъ болѣе приличнымъ способомъ, не говоря мнѣ, что онъ не допуститъ, безъ положительнаго приказанія вашего величества, чтобы не могли сказать, что онъ довелъ дѣла до положенія, несогласнаго съ вашими видами. Впрочемъ, это Петръ Фагстонъ заставляетъ его такъ говорить, какъ мнѣ кажется, потому, что его видамъ противно все то, что не нравится туркамъ“.

И прежде въ письмахъ императору Чичаговъ дурно отзывался объ Италинскомъ. „Андреосси пріѣхалъ въ Константинополь, — насмѣшливо писалъ онъ,—опасаюсь, чтобы это еще болѣе не понизило умѣренности г. Италинскаго“. Но въ этомъ случаѣ онъ нашелъ удобнымъ нанесть ударъ въ одно время двумъ: посланнику, который повторяетъ лишь слова своего секретаря, и секретарю, который служитъ туркамъ.

Не смотря, однако же, на личные взгляды вождя, обстоятельства заставили Молдавскую армію подвигаться въ предѣлы Россіи. Адмирала въ этомъ случаѣ прежде всего озабочивала мысль о соединеніи съ арміею Тормасова, или, лучше сказать, о подчиненіи ея всякому начальству. Съ этою цѣлію онъ предлагалъ императору, чтобы части Молдавской арміи, по мѣрѣ ихъ сближенія съ арміею Тормасова, постепенно присоединялись къ ней, не ожидая остальныхъ и сосредоточія всей этой арміи. Испрашивая наставленій, онъ напередъ однако же предлагалъ, въ общихъ чертахъ, планъ будущихъ своихъ дѣйствій. „Въ случаѣ соединенія моей арміи съ арміею генерала Тормасова и направленія къ герцогству Варшавскому, всеподданнѣйше прошу ваше

величество снабдить меня наставленіями, какъ относительно движеній арміи, такъ и предложеній, какія бы я могъ сдѣлать полякамъ, чтобы обѣщать имъ что-нибудь равносильное тому, что́ сулитъ имъ Наполеонъ. Безъ какихъ нибудь средствъ въ этомъ родѣ, однѣ побѣды, по всей вѣроятности, остались бы безъ послѣдствій. Я полагаю, что было бы хорошо объявить имъ, что ваше величество намѣрены обезпечить имъ удовлетворительное политическое существованіе, гораздо болѣе существенное и выгодное, нежели то, которое доставитъ имъ тотъ, кто уже столько народовъ изловилъ на эту удочку; что вы не имѣете намѣренія создать такое королевство, которое въ сущности было бы только провинціею, подъ начальствомъ префекта; что въ виды вашего величества входитъ, напримѣръ, провозгласить себя королемъ польскимъ конституціоннымъ и заставить уважать ихъ неприкосновенность. Наконецъ, государь, если не это, то мы должны предоставить имъ что-либо другое; въ противномъ случаѣ, нѣсколько выигранныхъ сраженій еще недалеко насъ подвинутъ. Никто не знаетъ лучше вашего величества, что въ наше время побѣды велики и полезны лишь по ихъ послѣдствіямъ“ [1]). Изложенныя соображенія показываютъ, къ какому разряду лицъ или партіи принадлежалъ Чичаговъ; онъ зналъ образъ мыслей императора и предполагалъ именно то зданіе, съ увѣренностію, конечно, въ его прочность, которое и было сооружено послѣ Вѣнскаго конгресса, но, безъ сомнѣнія, въ иныхъ размѣрахъ.

Въ то время, когда вся Молдавская армія двигалась къ Днѣстру и адмиралъ намѣревался оставить Бухарестъ и ѣхать въ Фокшаны, онъ получилъ письмо императора изъ Москвы, отъ 18-го іюля, въ которомъ онъ увѣдомлялъ его о призывѣ ополченій и окончательно опредѣлялъ направленіе его арміи. „Письмо вашего величества,—отвѣчалъ онъ государю,—наполнило мою душу полнымъ удовольствіемъ, какое она еще можетъ испытывать. Оказывается, что я отгадалъ ваши намѣренія, а въ этомъ состоитъ вся цѣль моихъ желаній. Представьте себѣ, государь, въ какое бы ужасное положеніе я былъ поставленъ, еслибъ, пользуясь вашимъ благорасположеніемъ, имѣлъ бы несчастіе вамъ не угодить, или дѣйствовать несогласно съ вашими видами. Рѣшимость вашего величества продолжать войну со всею настойчивостію представляетъ чрезвычайную важность для цѣлаго міра, а въ то же время служитъ ручательствомъ успѣха. Опытъ доказалъ, что Наполеонъ постоянно торжествовалъ во всѣхъ войнахъ кабинетовъ и совѣтовъ (des guerres du cabinet et des conseils) и терпѣлъ неудачи

[1]) Письмо изъ Бухареста, отъ 22-го іюня 1812 г.

во всѣхъ войнахъ народныхъ, по свойству правленія или по стеченію особыхъ обстоятельствъ; начиная съ Англіи до Италіи, отъ Египта до С. Доминго, онъ былъ всегда побѣждаемъ. По этому, какъ ваше величество приступили къ дѣлу, воспламеняя умы подданныхъ, которые ничего болѣе не желаютъ, какъ боготворить васъ, призывая ихъ къ добровольному участію для достиженія цѣли, вы дѣлаете войну народною и такимъ образомъ противопоставляете непріятелю непобѣдимую силу. Смѣю сказать, что и планъ, принятый для дѣйствія войскъ, исполненъ мудрости. Наполеонъ на каждомъ шагу встрѣтитъ не то, чего онъ ожидалъ. Для него опасно углубиться во внутрь страны, а между тѣмъ онъ будетъ вовлеченъ туда, такъ сказать, противъ своей воли. Дай Богъ, чтобы не пришлось отступить отъ этой системы и такимъ образомъ воспользоваться всѣми сопряженными съ нею выгодами, и чтобы не сказали, какъ говорятъ про многихъ генераловъ, что, когда они не знаютъ, что̀ дѣлать, то бросаются въ битву“ [1]).

Понимая, по видимому, значеніе народной войны, адмиралъ черезъ нѣсколько дней писалъ, однако же, къ императору: „мнѣ неизвѣстно какое вашему величеству угодно сдѣлать употребленіе изъ новыхъ наборовъ (т. е. ополченій), производимыхъ внутри имперіи; но если мнѣ будетъ позволено выразить мое мнѣніе, то мнѣ кажется, что отъ отдѣльной службы этихъ войскъ можно ожидать немного полезнаго, въ виду тѣхъ затрудненій, постоянно испытываемыхъ, найти офицеровъ для предводительства ими. Я полагаю, что если бы вашему величеству угодно было ихъ употребить единственно для пополненія армій, то это было бы весьма полезно и арміи ваши сдѣлались бы неистощимы. Физическая сила безъ нравственной—ничтожна, она служитъ даже помѣхой; нравственная же сила у насъ весьма ограничена, а, между тѣмъ, съ нею-то и надо соединить физическую. Если бы французы, нападая на насъ, встрѣтили, къ несчастію, такое войско, они бы разсѣяли его какъ простую вооруженную толпу, привели бы въ смущеніе и отчаяніе народъ и могли бы произвесть всеобщее уныніе. Если бы, напротивъ, слить ихъ съ войсками, то это были бы тѣ же регулярныя войска, которыя ослабить непріятель былъ бы лишенъ средствъ. Эта мысль меня поразила и, какъ вѣрноподданный, я счелъ долгомъ повергнуть ее на воззрѣніе вашего величества. Я все опасаюсь, чтобы неопытность и надменность нашего дворянства не вовлекли его въ какое нибудь отважное и даже пагубное предпріятіе. Въ рвеніи у насъ не бываетъ недостатка, а въ

[1]) Письмо изъ Бухареста, отъ 2-го августа.

умѣніи—весьма часто. Рекруты, которыхъ оставляютъ въ запасѣ, не лучше мужиковъ; война несравненно лучшая школа, чѣмъ ихъ ученья. Я это говорю, узнавъ тѣхъ немногихъ рекрутовъ, которыхъ намъ прислали: они не умѣютъ держать ружья, едва понимаютъ что̀ значитъ направо, налѣво; все, что̀ дѣлаютъ—очень не ловко. Если бы вашему величеству возможно было снабдить рекрутами или милиціонерами, чтобы пополнить кадры, мы бы тотчасъ обучили ихъ всему, что дѣйствительно необходимо и полезно. Намъ особенно недостаетъ офицеровъ: здѣсь ихъ убыло очень много“ [1]).

Разсуждая о войнѣ, громившей Россію, понимая, по видимому, ея значеніе, Чичаговъ относился къ ней хладнокровно; его участіе все еще сосредоточивалось на прежнихъ его предположеніяхъ, которыхъ онъ не считалъ оставленными навсегда, но только отложенными на время. Посылая при этомъ письмѣ отчетъ о временномъ правительствѣ, устроенномъ имъ въ Бессарабіи, онъ прибавляетъ: „я надѣюсь, государь, что вы не позволите на время вмѣшиваться вашей администраціи въ это дѣло,—иначе она съумѣетъ разстроить всѣ наши будущіе планы“. Онъ имѣлъ намѣреніе руководить дѣйствіями нашего посольства въ Константинополѣ, и отлагалъ лишь потому, что былъ очень недоволенъ Италинскимъ. „Несмотря на мои предположенія поддерживать сношенія съ нашею миссіею въ Константинополѣ, я долженъ былъ отъ нихъ отказаться, съ тѣхъ поръ какъ Италинскій выразилъ недовѣріе и презрѣніе къ моимъ наставленіямъ,—писалъ онъ государю. Если бы вмѣсто того, чтобы пугаться и унижаться, онъ потребовалъ своихъ паспортовъ, турки немедленно обнародовали бы договоръ о мирѣ и признали его посланникомъ. Союзъ съ ними теперь уже безполезенъ; что же касается будущаго, то надо будетъ дѣйствовать совершенно инымъ образомъ, что̀ и ваше величество, къ моей радости, подтверждаете въ письмѣ, которымъ вы меня удостоили“. Въ томъ же письмѣ, посылая отчетъ о денежныхъ средствахъ его арміи, онъ говоритъ: „подъ величайшею тайною сообщаю вашему величеству финансовое положеніе арміи, потому что если это узнаютъ, то весьма возможно, что эти деньги обратятъ на другое употребленіе, тогда какъ слѣдовало бы ихъ сохранить для нашихъ будущихъ предположеній“. Впрочемъ, въ это время ему и невозможно было забыть о своихъ предположеніяхъ. Взволновавъ ожиданія всѣхъ подвластныхъ Портѣ христіанскихъ народовъ, призывая ихъ на совокупныя военныя дѣйствія съ русскими, ему трудно было успокоить, особенно, Сербію, въ предѣлахъ которой уже дѣйствовалъ, посланный имъ, русскій отрядъ

---

[1]) Письмо изъ Фокшанъ, отъ 6-го августа.

войскъ. „Мнѣ стоило страшныхъ усилій успокоить бѣдныхъ Сербовъ,— писалъ онъ государю въ этомъ же письмѣ. Это по истинѣ одинъ изъ лучшихъ народовъ, которые мнѣ удавалось встрѣтить; они готовы умереть за свою независимость; ихъ ненависть къ туркамъ неукротима. Впрочемъ, я, кажется, успѣлъ ихъ убѣдить, что на нѣкоторое время необходимо притворствовать съ турками, что мы опять возвратимся, какъ только это будетъ возможно, и что не одни они подчиняются въ настоящее время условію дѣйствительно унизительному, но необходимому по обстоятельствамъ, т. е. принятію турецкихъ гарнизоновъ въ свои крѣпости. Я указалъ имъ на Пруссію, которая совершенно подчинилась Наполеону, да и Австрія находится почти въ такомъ же положеніи въ отношеніи къ нему. Все зависитъ отъ спасенія Россіи. Ея торжество подниметъ угнетенныхъ, ея паденіе повлечетъ за собою и паденіе всей Европы. Поэтому Россія должна собрать всѣ свои силы, чтобы отразить нападеніе столькихъ державъ, соединившихся противъ нея, хотя и вопреки ихъ желаніямъ. Вотъ причина, почему ваше величество отзываете эту армію. Я далъ имъ денегъ и припасовъ, конечно, тайно. Надѣюсь еще поддержать ихъ довѣріе къ намъ". Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ далѣе: „я только что сейчасъ получилъ новыя извѣстія изъ Сербіи. Ихъ вождь выказалъ въ этомъ случаѣ всю силу своего характера. Онъ дѣйствовалъ совершенно согласно съ нашими видами; онъ произнесъ рѣчь народу, чтобы успокоить его волненія. Они провожаютъ наши войска, оставляющія Сербію, со слезами и съ изъявленіями истинно братскихъ чувствъ. Снабжаютъ ихъ подводами, припасами и виномъ, съ одной станціи до другой. Это не походъ, а прогулка среди друзей и братьевъ. Они упрекаютъ ихъ единственно въ томъ, что мы не беремъ нѣсколькихъ тысячъ изъ нихъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ французовъ, какъ я ихъ прежде обнадеживалъ. Этотъ народъ для насъ сокровище, государь! Не упущу и не пренебрегу никакими средствами, чтобы поддержать это благородное и драгоцѣнное расположеніе. Они не называютъ васъ иначе, какъ: нашъ императоръ Александръ! Турецкіе уполномоченные, пріѣхавшіе съ требованіемъ ихъ сдачи, были приглашены Кара-Георгіемъ на обѣдъ, за которымъ онъ заставилъ ихъ пить за ваше здоровіе, а потомъ уже пилъ за здоровье султана. Распустили было слухъ о большомъ возмущеніи въ Константинополѣ; но, кажется, это не вѣрно. Впрочемъ, я не имѣю еще извѣстій объ обнародованіи тамъ мира и признаніи Италинскаго посланникомъ. Говорятъ, что предположеніе вооружить христіанскія племена напугало Порту, вслѣдствіе радости, съ которой оно было принято греками и другими христіанами. Нельзя не признаться, государь, что все благопріятствовало нашему перво-

начальному плану! Даже бо́льшая часть жителей Босніи готовы были поднять оружіе за насъ; но это предпріятіе было бы затруднено въ послѣдствіи по отношенію къ продовольствію, безъ содѣйствія англичанъ, которые, впрочемъ, сами въ немъ нуждаются". Нельзя не отдать справедливости Чичагову въ томъ, что онъ, такъ гордившійся своимъ образованіемъ, умѣлъ однако же понять сербовъ и оцѣнить ихъ достоинства и преданность Россіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что онъ, кажется, полагалъ, что это сочувствіе какъ ихъ, такъ и другихъ славянъ и вообще восточныхъ христіанъ, подвластныхъ Пóртѣ, началось, такъ сказать, со вчерашняго дня, т. е. съ его прибытія къ арміи. Онъ какъ будто не зналъ, что оно выражалось всякій разъ, какъ только русскіе приходили съ ними въ соприкосновеніе, что его испытывали постоянно русскія войска и русскіе военачальники при каждой войнѣ съ турками. Возбужденіе въ нихъ этого сочувствія и желанія при помощи Россіи освободиться отъ мусульманскаго ига онъ приписываетъ себѣ и своимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ. Вслѣдъ за приведеннымъ нами письмомъ, черезъ нѣсколько дней, онъ увѣдомлялъ государя о полученномъ имъ извѣстіи, что Порта признала Италинскаго въ качествѣ нашего посланника. „Письмо, которое писалъ Италинскій,—говоритъ онъ,—довольно сильно и поэтому оно произвело хорошее дѣйствіе. Послѣ этого я не могу понять какъ онъ и Лейстонъ могутъ думать, что съ турками надо дѣйствовать умѣренно, снисходительно и мягко, чтобы добиться всего что́ нужно. Если бы ваше величество позволили мнѣ дѣйствовать съ арміею, которою я имѣю честь предводительствовать, то вы могли бы повелѣвать султану и предупредить его, что я попрошу его отправиться въ Азію. Князь Мурузи сказалъ графу Капо-д'Истріа: „я не знаю, что́ такое сдѣлалъ адмиралъ; но всѣ христіане, находящіеся подъ властію турокъ, готовы были возстать и ожидали сигнала".—Какое несчастіе, государь, снова обмануть подобное ожиданіе. Я еще въ Фокшанахъ, а могъ бы быть уже подъ Константинополемъ въ настоящее время. Наслѣдный принцъ шведскій не совѣстился чрезъ Копенгагенъ идти въ Любекъ или Стральзундъ; отчего же намъ чрезъ Константинополь не пройти въ Далмацію или Италію? Всенижайше прошу ваше величество простить мнѣ; но сердце обливается кровью, когда я подумаю объ этомъ упущенномъ случаѣ, который, можетъ быть, и не возвратится. Имѣю честь приложить при семъ списокъ съ письма Георгія Чернаго, который плачетъ, что не можетъ соединить своихъ войскъ съ нашими, чтобы идти на общаго врага. Чего бы нельзя сдѣлать съ 40 тыс. подобныхъ людей!" [1]). Только непониманіемъ дѣйстви-

[1]) Письмо изъ Фокшанъ, 6-го августа, 1812 г.

тельной жизни Россіи и ея исторіи можетъ быть объяснено, что адмиралъ Чичаговъ, при его умѣ, не замѣчалъ внутренняго противорѣчія въ предложенномъ имъ планѣ дѣйствій; противорѣчія, которое, независимо отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ уже находилась Россія въ это время, лишало этотъ планъ всякой возможности быть исполненнымъ на дѣлѣ. Онъ хотѣлъ принудить Порту заключить съ нами союзъ, дозволить намъ вооружать ея христіанскихъ подданныхъ и вмѣстѣ съ нами дѣйствовать въ Далмаціи, или Италіи, противъ Наполеона. Предположивъ, что удалось бы это намѣреніе, что нашествіе французовъ на Россію окончилось бы такъ же, при помощи этой диверсіи Чичагова, какъ оно окончилось безъ нея,—чѣмъ же мы отблагодарили бы нашихъ союзниковъ-турокъ за ихъ содѣйствіе? Возвращеніемъ въ предѣлы Турціи многочисленныхъ вооруженныхъ ополченій ея христіанскихъ и славянскихъ подданныхъ, привыкшихъ къ боямъ и окрѣпшихъ въ военной дисциплинѣ, еще болѣе сроднившихся съ русскими, послѣ долгихъ дѣйствій вмѣстѣ съ ними? Но они шли подъ знамена Россіи единственно съ цѣлію освободиться отъ магометанскаго ига. Неужели они покинули бы эту мысль, вернувшись изъ похода на родину вооруженнымъ и опытнымъ войскомъ? Между тѣмъ, адмиралъ Чичаговъ едва мимоходомъ замѣчаетъ: „говорятъ, что эта мысль испугала Порту!“

Но если бы Порта не согласилась на заключеніе союза съ нами, то онъ предполагалъ идти на Константинополь и, загнавъ султана въ Азію, съ тѣми же христіанскими ополченіями изъ турецкихъ подданныхъ двинуться въ Далмацію или Италію. Оставляя, однакоже, только что завоеванный Константинополь, кому же поручилъ бы онъ охранять это новое пріобрѣтеніе Россіи, хотя бы отъ тѣхъ же турокъ? Быть можетъ, англичанамъ, на содѣйствіе которыхъ къ исполненію его намѣреній расчитывалъ адмиралъ. Въ такомъ случаѣ не могло быть сомнѣнія, что они охранили бы его. но не на время только, а такъ же, какъ Мальту, Іоническіе острова и Гибралтаръ.

Войдя съ войсками въ предѣлы Россіи, адмиралъ, кажется, покинулъ заботы о своихъ прежнихъ предположеніяхъ. По крайней мѣрѣ, о нихъ не встрѣчается болѣе упоминаній въ его письмахъ къ императору, писанныхъ на походѣ до Березины. Перейдя границу, онъ заботился о томъ, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ Тормасову, съ арміею котораго онъ долженъ былъ соединиться. Въ письмѣ изъ Яссъ, сообщая о движеніи его арміи по направленію къ Каменецъ-Подольску, онъ присовокупляетъ: „недавно я получилъ извѣстія изъ 1-й, 2-й и 3-й армій; положеніе дѣлъ таково, что заставляетъ меня, болѣе нежели когда нибудь, соединиться съ тою, которая намъ будетъ доступнѣе; но я надѣюсь, что еще прежде соедине-

нія я буду знать, кто изъ насъ двухъ будетъ предводительствовать: г. Тормасовъ или я. Онъ сообщилъ мнѣ на дняхъ, что всенный министръ его увѣдомилъ, что ваше величество приказали, чтобы часть моей арміи была отдана въ его распоряженіе, для его усиленія, и что на этомъ основаніи онъ уже отправилъ приказанія генералу, командующему моимъ авангардомъ. Въ этомъ случаѣ представляются два неудобства: во 1-хъ, эта часть моихъ войскъ находится не въ такомъ составѣ, чтобы могла образовать особую колонну арміи. Она составилась подъ вліяніемъ того, какъ была размѣщена армія въ Валахіи: полки, которые находились впереди, выступили первыми; отъ этого произошло, что въ этомъ отрядѣ кавалерія многочисленна, а пѣхоты мало. Мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы устроить и раздѣлить армію какъ слѣдуетъ, когда она уже перейдетъ чрезъ Днѣстръ и по крайней мѣрѣ половина ея успѣетъ сосредоточиться. При 28-ми эскадронахъ кавалеріи, не считая казаковъ, всего только 9 баталіоновъ пѣхоты; мы соединили на первый разъ все, что могли и какъ могли, чтобы немедленно выступить, и потомъ уже, при первой возможности, все привесть въ порядокъ. Второе затрудненіе, государь, состоитъ въ томъ, что г. Тормасовъ дѣйствуетъ не такъ, какъ бы я поступилъ. Онъ, мнѣ кажется, слишкомъ разбросалъ войска и повсюду будетъ слабъ, гдѣ бы ни встрѣтилъ непріятеля. Если даже онъ его и поколотитъ,—ибо солдаты дерутся превосходно,—онъ не можетъ достигнуть другихъ результатовъ, какъ послѣ побѣды при Кобринѣ, которая заставила его возвратиться въ Ковель. Можетъ быть, онъ и не можетъ поступать иначе, но я вовсе не намѣренъ дѣлать то же самое. Мнѣ неизвѣстны наставленія, которыми вашему величеству угодно было его снабдить; но мнѣ кажется, въ нихъ не можетъ заключаться ничего другаго, какъ слѣдующее: вотъ средства, которыя я даю въ ваше распоряженіе; сохраните страну и нанесите врагу какъ можно болѣе вреда, а это не уполномочиваетъ разсѣивать эти средства. Обѣщанія, угрозы и деньги—вотъ главное войско, которое должно противопоставить съ тою цѣлію, чтобы предотвратить возмущенія. Затѣмъ, слѣдуетъ стараться быть сильнымъ на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые могутъ подвергнуться нападенію. Таковъ планъ, которому я намѣревался слѣдовать; я самъ бы пошелъ на помощь г. Тормасову, но не допустилъ бы разбросать войскъ до тѣхъ поръ, пока ваше величество не изволите сообщить мнѣ о намѣреніяхъ вашихъ. Если я всегда откровенно говорилъ съ моимъ государемъ, то, конечно, въ настоящее время не позволю себѣ скрывать передъ нимъ своихъ мнѣній. Я не честолюбивъ, государь, но въ настоящую минуту долженъ высказать вамъ сущую правду, хотя можетъ показаться, что я чего

нибудь добиваюсь. Если мои соображенія справедливы, если ваше величество считаете меня способнымъ служить вамъ лучше другаго, то я готовъ. Если же другой можетъ сдѣлать лучше, я удалюсь довольный, подобно тому аѳинянину, который былъ счастливъ, что нашлось столько людей между его соотечественниками, которые были достойнѣе его“ [1]).

Вопросъ поставленъ ясно: или я, или Тормасовъ, вмѣстѣ мы быть не можемъ. Адмиралъ принадлежалъ къ разряду людей, которые не могутъ дѣйствовать съ кѣмъ либо совокупно: они могутъ только повелѣвать, всѣ другіе должны безпрекословно имъ повиноваться. Въ противномъ случаѣ, я удалюсь отъ дѣлъ, какъ Эпоминондъ,—говорилъ онъ государю,—что̀ за дѣло до того, что гибнетъ отечество! Въ этомъ случаѣ адмиралъ дѣйствовалъ иначе, нежели другіе главнокомандующіе нашими войсками. Кн. Багратіонъ добровольно подчинился младшему по службѣ, въ сравненіи съ нимъ, главнокомандующему; кн. Кутузовъ, прибывъ къ дѣйствующимъ войскамъ, нашелъ двухъ главнокомандующихъ съ ихъ начальниками штабовъ и долженъ былъ еще съ собою привесть третьяго. Безъ сомнѣнія, подобное положеніе главнокомандующихъ въ высшей степени затруднительно; но перенося затрудненія, они не возбуждали личныхъ вопросовъ о своей власти въ то время, когда отечеству грозила опасность. Входя по необходимости въ соотношенія съ людьми самостоятельно поставленными и позволявшими себѣ выражать свои мнѣнія, Чичаговъ сердился на нихъ и чернилъ ихъ въ письмахъ къ императору, какъ Италинскаго. Имѣя въ виду войти въ соотношеніе съ такими людьми, онъ напередъ заявлялъ о несогласіи съ ними въ воззрѣніяхъ и порицалъ ихъ дѣйствія, — какъ въ отношеніи къ Тормасову. Такой способъ дѣйствій онъ считалъ откровенностію и искренностію, съ которыми считалъ долгомъ обращаться къ государю, надписывая однакоже, какъ и на этомъ письмѣ: „умоляю ваше величество уничтожить это письмо: искренность хороша только въ глазахъ того, къ кому она обращена и кто достаточно великъ чтобы ее терпѣть“.

Третья резервная армія, Тормасова, отступивъ послѣ сраженія при Городечнѣ, находилась на правомъ берегу Стыри, у Луцка. Значительно уступая въ силѣ соединеннымъ корпусамъ Шварценберга и Ренье, она должна была ограничиться оборонительными дѣйствіями въ ожиданіи прихода Дунайской арміи. Болотистый лѣвый берегъ Стыри, поднявшаяся вслѣдствіе дождей вода въ этой рѣкѣ—затрудняли непріятелю переходъ черезъ нее, а положительныя свѣдѣнія

[1]) Письмо изъ Яссъ, отъ 18-го августа 1812 г.

о приближеніи Дунайской арміи поставили и Шварценберга въ выжидательное положеніе. Послѣ оставленія Смоленска, Барклай-де-Толли постоянно писалъ императору, прося предписать третьей арміи усиленно дѣйствовать на лѣвый флангъ непріятеля, ставя въ зависимость отъ этихъ дѣйствій успѣхъ двухъ первыхъ армій, находившихся подъ его начальствомъ. Онъ полагалъ, что Дунайская армія не только можетъ прикрывать Волынь, но и удѣлить часть 3-й арміи [1]). Не считая себя въ правѣ давать предписанія, онъ въ этомъ смыслѣ писалъ въ частномъ письмѣ къ генер. Тормасову. Свѣдѣніе объ этомъ дошло до адмирала Чичагова, который и поспѣшилъ сообщить его государю. Но г. Тормасовъ, не имѣя предписаній императора, стоялъ, ожидая прибытія Дунайской арміи. Первые ея отряды прибыли на Стырь 7-го сентября, а въ слѣдующіе два дня—и вся почти армія. Соединившись съ арміею Тормасова, ея силы составили слишкомъ 60 т., тогда какъ армія Шварценберга и Ренье простиралась до 43-хъ т.; кромѣ того дѣйствія Тормасова могли подкрѣплять отряды Эссена и Эртеля, а австрійскій главнокомандующій не могъ ожидать подкрѣпленій. Черезъ день послѣ соединенія нашихъ армій на Стыри, онѣ приступили къ наступательнымъ дѣйствіямъ, перешли на лѣвый берегъ этой рѣки и преслѣдовали постоянно отступавшаго непріятеля до Лукомля. Казалось, Шварценбергъ, занявъ позицію, готовъ былъ принять сраженіе. Его войска расположены были за болотами, среди которыхъ находился глубокій каналъ, болѣе двухъ сажень шириною. Къ нему вели длинныя плотины и на немъ устроены были мосты, которые уничтожилъ отступавшій непріятель. Неудачная попытка попасть прямо на позицію, стоившая значительныхъ потерь, вынудила Чичагова сдѣлать распоряженія, чтобы обойти ее съ фланговъ. Но, не дожидаясь сраженія, непріятель отступилъ и продолжалъ отступленіе за Бугъ, переправивъ свои войска у Владовы и Бреста [2]).

Во время движеній за непріятелемъ, Тормасовъ получилъ запоздалыя предписанія кн. Кутузова, которыя не могли быть исполнены вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ [3]). Но вслѣдъ за ними, 17-го сентября, пріѣхалъ въ главную квартиру адмирала флигель-адъютантъ Чернышевъ, который привезъ ему новый планъ дѣйствій, предписанный императоромъ и сообщенный ему кн. Кутузовымъ. „Отдаленіе

---

[1]) Письма Барклая-де-Толли къ императору отъ 30-го іюля, изъ дер. Мащанки, и отъ 14-го августа, изъ с. Коровина.

[2]) Письмо Чичагова къ государю изъ Бреста-Литовскаго, отъ 9-го октября; V. Velden, Der Feldzug der Oestreicher gegen Russland im J. 1812, Wien, 1870, стр. 51—54.

[3]) Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff, Berlin, 1858, стр. 36—37.

непріятельскихъ силъ за Днѣпръ,—говорилось въ наставленіяхъ адмиралу Чичагову, — приготовленные и уже соединенные тамъ способы наши, бывъ достаточны для занятія и пораженія ихъ, даютъ намъ возможность сдѣлать сильное впаденіе въ тылъ непріятеля и дѣйствовать на его операціонную линію: отъ сѣвера черезъ Двину, въ губерніи Виленскую и Минскую, двумя арміями, графа Штейнгеля и графа Витгенштейна; отъ юга въ губерніи Гродненскую и Минскую, тоже двумя арміями, одною бывшею Тормасова, а другою подъ вашимъ предводительствомъ. Отъ излагаемаго здѣсь общаго на врага наступленія послѣдовать должно освобожденіе и спасеніе Россіи. Если бы на столь великомъ пространствѣ всѣ части вообще и каждая особенно не шли къ предметамъ, имъ опредѣленнымъ сообразно и къ лучшему успѣху цѣлаго, тогда и наиполезнѣйшее предпріятіе могло бы обратиться въ предосужденіе. Всякое неединовременное движеніе войскъ нашихъ, въ настоящемъ ихъ положеніи, можетъ произвесть не иное что, какъ утрату людей, безъ важныхъ послѣдствій, если оно будетъ только отдѣльное, а не всеобщее и сообразное съ цѣлымъ и со всѣми другими отдѣльными частями, да и то такъ исполнено, чтобы повсюду дѣйствія совершаемы были даже въ опредѣленное время и къ опредѣленнымъ пунктамъ. И такъ, при общихъ усиліяхъ и при облегченіи другъ друга, самые успѣхи содѣлаются несомнительны, да и послѣдствія будутъ полезнѣе и важнѣе. Намъ, конечно, слѣдуетъ пользоваться отдаленіемъ главныхъ силъ непріятеля, для возстановленія разорванныхъ нашихъ сообщеній". Съ этою цѣлію, съ одной стороны, гр. Витгенштейнъ и гр. Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ должны были дѣйствовать противъ корпусовъ маршаловъ Макдональда, Удино и Сенъ-Сира, а съ другой, армія бывшая Тормасова—сдерживать корпуса Шварценберга и Ренье по дорогѣ отъ Пружанъ до Слонима, до тѣхъ поръ, пока Дунайская армія не достигнетъ Пинска. „Отсюда, — сказано далѣе въ наставленіи Чичагову, — бывъ закрыты движеніями бывшей арміи Тормасова, стремительно должно вамъ броситься черезъ Несвижъ до Минска, и тѣмъ отрѣзавъ Шварценберга и Ренье отъ главной непріятельской арміи, тогда же соединиться въ одну сторону съ бывшею арміею Тормасова, между Смоленскомъ и Несвижемъ, дабы войска Шварценберга и Ренье отъ Минской губерніи тѣмъ еще болѣе совершенно и конечно отрѣзаны были, а въ послѣдствіи и въ другую сторону, черезъ Минскъ, также соединиться съ графомъ Витгенштейномъ, въ одно и то же время присоединивъ къ себѣ въ Минскѣ корпусъ изъ Мозыря, такъ, чтобы, при неразрывномъ соединеніи всѣхъ силъ нашихъ въ Литвѣ, могли быть опрокинуты и принуждены обратиться: саксонцы въ герцогство Варшавское, цесарцы

въ Галицію, пруссаки и виртембергцы за Нѣманъ, а французы искоренены до послѣдняго". Адмиралу Чичагову были сообщены при этомъ списки съ наставленій, данныхъ всѣмъ другимъ начальникамъ войскъ, и къ непремѣнному исполненію предписано: „отъ Острога обратить Дунайскую армію на Пинскъ, гдѣ 25-го сентября должно ей быть непремѣнно, поелику одинъ изъ главныхъ успѣховъ всей операціи есть: закрываясь движеніями Тормасова, выиграть вамъ надъ корпусами Ренье и Шварценберга нѣсколько переходовъ отъ Пинска на Несвижъ и Минскъ, дабы, предупреждая ихъ въ сихъ мѣстахъ, совершенно отрѣзать ихъ отъ Минской губерніи, Березины и главной непріятельской арміи. Не позже какъ къ первому октября, а если ранѣе, тѣмъ лучше, армія, вами предводимая, должна быть въ Несвижѣ. Тутъ учредя сообщеніе съ бывшею арміею Тормасова, къ 5-му октября усилить ее, если нужно, отрядомъ войскъ вашихъ, и тѣмъ поставить въ лучшую возможность сильно поразить и преслѣдовать Шварценберга и Ренье, выгоняя ихъ въ Галицію. Къ 9-му октября наипозднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше, главныя силы ваши должны быть въ Минскѣ, гдѣ къ тому же дню придетъ къ вамъ отрядъ изъ Мозыря. Изъ Минска, какъ можно скорѣе, въ одну сторону займете рѣку Березину и Борисовъ, гдѣ должно укрѣпить сильный лагерь, занимая и далѣе лѣсъ и дефилеи по дорогѣ отъ Борисова до Бобра и укрѣпляя по всей дорогѣ сей всѣ способныя къ тому мѣста, такъ, чтобы на возвратномъ пути главной непріятельской арміи, преслѣдуемой нашими войсками, тутъ на каждомъ шагу могло быть производимо сильное сопротивленіе; а въ другую—къ 15-му октября, соединитесь съ графомъ Витгенштейномъ къ сторонѣ Докшицъ, чѣмъ и прямѣйшія коммуникаціи ваши какъ съ Петербургомъ, такъ и съ Кіевомъ, совершенно утверждены и обезпечены будутъ. Занимая, такимъ образомъ, центръ соединенныхъ трехъ армій и имѣя четвертую резервомъ въ Вильнѣ, подъ начальствомъ гр. Штейнгеля, между тѣмъ происшествія въ главныхъ арміяхъ откроютъ то, чего предвидѣть нѣтъ возможности, и тогда по стремленію непріятеля или на лѣвый флангъ, черезъ Улу, или на центръ, черезъ Бобръ или Борисовъ и Березину, или на правый флангъ къ Бобруйску—и наши три арміи соединиться должны для отраженія непріятеля или въ центрѣ, или на которомъ либо флангѣ. Однимъ словомъ: вездѣ, гдѣ бы онъ только какое покушеніе сдѣлать могъ, всегда съ дѣятельностію и быстротою предупреждая, по крайней мѣрѣ, въ равныхъ силахъ, удерживая такъ расположеніе войскъ нашихъ, чтобы не только въ непріятельскую главную армію изъ-за границъ нашихъ ничего доходить не могло, но чтобы и изъ оной курьеры или шпіоны нигдѣ прокрасться не могли, и ни малѣйшая

часть той главной непріятельской арміи, столь далеко зашедшей внутрь предѣловъ нашихъ, столь изнуренной понесенными уже утратами, тѣми пораженіями и тяжкими походами, какіе еще понести можетъ,— безъ пораженія въ конецъ и совершеннаго истребленія изъ предѣловъ нашихъ отступить не могла. Наконецъ, если отраженный отъ Москвы непріятель покусится обратиться на Кіевъ или Петербургъ, то и тутъ отъ вашей центральной позиціи возможно успѣть обратиться въ ту или другую сторону, закрывая или Днѣпръ или Волховъ, и предупредить тамъ непріятеля, съ другой стороны всегда неотступно поражаемаго въ тылъ отъ главныхъ соединенныхъ армій нашихъ, подъ предводительствомъ князя Кутузова. До того же времени, бывъ тутъ въ неразрывномъ соединеніи и непрестанныхъ сношеніяхъ со всѣми другими частями войскъ нашихъ, въ семъ положеніи ожидать должно, что произойдетъ въ главныхъ арміяхъ, и по тѣмъ происшествіямъ въ свое время безъ дальнѣйшихъ наставленій оставлены не будете".

Въ бывшую армію генерала Тормасова было также прислано наставленіе, и ей поручалось къ 30-му сентября быть въ Пружанахъ и скрывать отъ непріятеля движенія Чичагова отъ Пинска къ Несвижу и потомъ разбить Шварценберга и Ренье и „отдалить ихъ такъ, чтобы, оставя только извѣстительные посты по рѣкѣ Шарѣ, отъ впаденія ея въ Нѣманъ, черезъ Слонимъ до Пинска, дать тѣмъ средство спокойно между Минскомъ и Докшицею соединиться гр. Витгенштейну съ арміею Чичагова. Тогда вы армію свою поставьте при Несвижѣ, откуда равно наблюдать можете въ одну сторону до Шары, а въ другую до Бобруйска и до Березины, при Борисовѣ, бывъ въ неразрывномъ соединеніи и частыхъ сношеніяхъ съ войсками въ Вильнѣ и Минскѣ" [1]).

Только одно изъ наставленій нашимъ военачальникамъ, предназначеннымъ дѣйствовать на фланги и тылъ непріятеля, было подписано самимъ императоромъ, именно—адмиралу Чичагову. Самъ императоръ объяснилъ причину этого различія въ письмѣ къ кн. Кутузову: „Изъ сего плана усмотрите,—писалъ онъ,—что главныя дѣйствія предполагается произвесть арміею адмирала Чичагова, то слѣдуемое ему на сей случай повелѣніе доставляю къ вамъ за моею подписью" [2]). Послѣ отправленія Чернышева къ кн. Кутузову, императоръ немедленно увѣдомилъ, обширнымъ собственноручнымъ письмомъ, адмирала Чичагова, замѣчательнымъ по тому, что онъ изложилъ въ немъ свой взглядъ на военныя дѣйствія нашихъ армій до Бородинскаго сраже-

[1]) Эти инструкціи напечатаны у Михайловскаго-Данилевскаго. Соч. Т. V, стр. 28—33.

[2]) Рескриптъ кн. Кутузову, отъ 31-го августа.

нія, для объясненія новаго плана военныхъ дѣйствій, при исполненіи котораго предназначилъ адмирала главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. „Я нахожу,—писалъ ему государь,—всѣ ваши военныя соображенія какъ нельзя болѣе вѣрными, и убѣжденъ, что съ умомъ и сильнымъ характеромъ (énergique), которыми одарила васъ природа, вы окажете замѣчательныя услуги отечеству и благому дѣлу (à la bonne cause)". Говоря, что наступило время составить общій планъ совокупныхъ дѣйствій всѣхъ армій, находящихся въ тылу непріятеля, императоръ писалъ ему, что „съ этою цѣлію онъ послалъ полковника Чернышева, для сообщенія своихъ предположеній кн. Кутузову; онъ отъ него отправится къ вамъ и сообщитъ ихъ. Я вовсе не предполагаю, чтобы все могло быть исполнено съ буквальною точностію; но это только основа (canevas) и ваше собственное благоразуміе вамъ укажетъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Я вызываю генерала Тормасова въ большую армію, опираясь на то, что князь Багратіонъ раненъ. Вы примете его армію подъ свое начальство, которая сольется въ одно цѣлое съ вашею. Корпуса Эртеля и Сакена также войдутъ въ ея составъ и вы будете руководить ихъ дѣйствіями къ предназначенной цѣли. Войска гр. Витгенштейна передъ Полоцкомъ будутъ состоять изъ 45-ти тыс.; Штейнгель съ рижскимъ гарнизономъ будетъ имѣть 35 тыс.; вотъ уже 80 тыс., и ваша армія будетъ простираться до такого-же количества, если не болѣе, такъ что 160 тыс. окажутся въ тылу у Наполеона" [1]). На основаніи этого письма, адмиралъ Чичаговъ не только получилъ начальство надъ 3-ею арміею, но могъ ее слить въ одну съ своею; это послѣднее обстоятельство не было извѣстно кн. Кутузову. Исполняя приказанія императора, привезенныя ему также Чернышевымъ, онъ вызвалъ къ себѣ генер. Тормасова, поручивъ ему передать свою армію подъ начальство адмирала, а послѣднему принять ее. Мысль о соединеніи двухъ армій въ одну не могла входить въ его соображенія, хотя, безъ сомнѣнія, по собственному опыту, онъ очень хорошо понималъ все неудобство отъ отдѣльныхъ главнокомандующихъ съ разными штабами и управленіями. Онъ самъ долго находился въ такомъ-же, если не болѣе затруднительномъ, положеніи и выносилъ его, предполагая, что такова воля государя. „Приказъ Кутузова,—говоритъ адмиралъ Чичаговъ,— былъ написанъ въ такихъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, что Тормасовъ не считалъ себя въ правѣ передать подъ мое начальство свою армію, но ввѣрилъ ее ген. Маркову, который, впрочемъ, согласился подчиниться мнѣ" [2]). Тормасовъ, напротивъ, передалъ ему свою армію, но, сохраняя ея цѣлость какъ

[1]) Рескриптъ отъ 5-го сентября 1812 г.

[2]) Mémoires inédits, стр. 44.

отдѣльной арміи, передалъ исправленіе своей должности старшему изъ генераловъ Маркову, подчинивъ его адмиралу. Это обстоятельство возбудило пререканія и Марковъ долженъ былъ удалиться въ большую армію. Если самолюбіе и самоувѣренность Чичагова были главнымъ поводомъ къ желанію или подчинить себѣ, или удалить старшаго по службѣ, въ сравненіи съ нимъ, генер. Тормасова, уже оказавшаго заслуги отечеству и въ этой войнѣ, то нельзя не замѣтить, что онъ былъ совершенно правъ, выражая мысль о необходимости единства управленія въ войскахъ, подчиненныхъ одному главнокомандующему. Поручая кн. Кутузову отозвать Тормасова, императоръ заботился о томъ, чтобы не огорчить его. „Важность предстоящихъ обстоятельствъ,—писалъ государь кн. Кутузову,—заставляетъ меня обратить вниманіе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ руководствовалъ 3-ею западною и Молдавскою арміями. Изъ двухъ, я, по искренности съ вами, признаю способнѣе адмирала Чичагова, по рѣшимости его характера. Но не хочу я огорчать генерала Тормасова, весьма уважаемаго мною“ [1]). Не смотря на заботу императора въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, отзывъ ген. Тормасова отъ начальства 3-ею арміею не могъ не огорчить его. Не безъ основанія онъ полагалъ, что общественное мнѣніе „имѣетъ право считать его виновнымъ въ какомъ нибудь важномъ преступленіи, видя лишеннымъ команды и, слѣдовательно, довѣренности государя“. Но будучи увѣренъ въ милости къ нему государя, „по всему, что со мною случилось,—писалъ онъ исправляющему должность военнаго министра,—долженъ думать, что кто нибудь мнѣ недоброжелателенъ“ [2]).

Получивъ привезенный Чернышевымъ планъ военныхъ дѣйствій, адмиралъ Чичаговъ писалъ государю: „я получилъ инструкціи вашего величества, касающіяся плана военныхъ дѣйствій, столько же обширнаго, какъ и важнаго. Какъ военный, я считаю особою честію и глубоко чувствую этотъ знакъ вашего довѣрія; но какъ человѣкъ, преданный вамъ не по приказу только, а по чувству, самому чистому, глубокому и искреннему, не могу видѣть безъ крайняго огорченія, какъ способы и формы, употребленные для приведенія въ исполненіе самыхъ лучшихъ вашихъ намѣреній, всегда оказываются или ошибочными или недостаточными. Намѣренія вашего величества, въ этомъ послѣднемъ планѣ дѣйствій, заключаются въ томъ, чтобы соединить власть въ одномъ пунктѣ, сосредоточить силы и сколько возможно сохранить единство для достиженія цѣли; но во всѣхъ полученныхъ мною сообщеніяхъ и предписаніяхъ ни разу не сказано, что начальство надъ

[1]) Рескриптъ кн. Кутузову, отъ 1-го сентября.
[2]) Письмо къ кн. Горчакову, отъ 7-го ноября, изъ с. Добраго.

этими арміями и соединенными корпусами будетъ поручено мнѣ. Все, что относится до мысли о командованіи, изложено такъ неопредѣленно, такъ неумѣстно многорѣчиво, что съ перваго же шага ген. Тормасовъ не счелъ себя въ правѣ передать мнѣ свою армію. Я рискую встрѣтить то же сопротивленіе и въ начальникахъ всѣхъ корпусовъ, ибо ни одному не сказано, что онъ будетъ находиться подъ моимъ начальствомъ, но только, чтобы мы сговорились о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, что желаніе единства начинается размноженіемъ властей. Потомъ ваше величество изволите требовать величайшей точности въ исполненіи плана; каждый долженъ придти въ извѣстное мѣсто въ извѣстный день, между тѣмъ, какъ мѣсто выступленія опредѣлено не вѣрно. Предполагаютъ, что я въ Острогѣ, тогда какъ я былъ уже въ Любомлѣ; желаютъ, чтобы я препятствовалъ соединенію Шварценберга съ главною арміею, и чтобы съ этою цѣлію направилъ движеніе вправо, тогда какъ мы его прогнали, перейдя, напротивъ, на лѣвый флангъ, чтобы не дать ему ускользнуть, что, впрочемъ, ему удалось. Корпусъ войскъ, находящійся въ Мозырѣ, принадлежащій уже къ 3-й арміи, получаетъ инструкціи изъ Петербурга, основанныя лишь на предположеніяхъ, тогда какъ я былъ бы подлѣ него и могъ бы руководить его движеніемъ, сообразно обстоятельствамъ дѣйствительнымъ, а не гадательнымъ. Кому неизвѣстно, что въ настоящее время ваше величество обременены важными дѣлами, часто непріятными, и что вамъ невозможно наблюдать за подробностями; тѣмъ не менѣе, я счелъ долгомъ представить мои замѣчанія на воззрѣніе вашего величества, дабы, если найдете ихъ справедливыми, вы повелѣли послѣдующія инструкціи излагать съ бо́льшею точностію, не для того только, чтобы устранить сбивчивыя толкованія, которыя могутъ быть послѣдствіемъ неясныхъ инструкцій, но чтобы не возбуждать сомнѣній на счетъ вашихъ первоначальныхъ предначертаній. Но ничто не будетъ упущено, чтобы общее дѣло не пострадало отъ мелкихъ, частныхъ интересовъ, неумѣстныхъ въ настоящее время. Буду дѣйствовать такъ, какъ будто мои инструкціи ясны какъ день. Кто имъ будетъ противиться—тотъ и отвѣтитъ". Сознавая необходимость жертвовать частными и мелкими интересами для общей пользы, Чичаговъ, однако же, о своемъ личномъ положеніи заботился съ особенною предусмотрительностію, какъ доказываютъ слѣдующія строки, которыми оканчивается приведенное нами письмо. „Если г. Чернышевъ останется здѣсь, то онъ не долженъ писать къ вашему величеству. Для меня это не имѣетъ значенія, но это вредитъ дисциплинѣ, даетъ орудіе и надежды интриганамъ, которыхъ вездѣ довольно и, наконецъ, это разсѣиваетъ вниманіе и ослабляетъ повиновеніе. Умо-

ляю ваше величество дать ему это понять“ [1]). Впрочемъ, тревоги адмирала были напрасны въ это время. Письмо императора отъ 5-го сентября запоздало на пути и Чичаговъ получилъ его немного дней спустя послѣ пріѣзда Чернышева. „Всякое слово,—писалъ онъ въ отвѣтъ государю,—милостиваго письма, которымъ вы меня удостоили, служитъ новымъ выраженіемъ вашего особеннаго ко мнѣ благоволенія, вашей крайней ко мнѣ снисходительности. Услуги, которыхъ вы отъ меня ожидаете, будутъ предметомъ исключительныхъ моихъ заботъ, единственнымъ употребленіемъ моихъ способностей и стараній. Послѣ отъѣзда Тормасова, я принялъ начальство надъ обѣими арміями, подъ названіемъ Западной арміи. Если бы я получилъ письмо вашего величества въ одно время съ инструкціями, привезенными мнѣ Чернышевымъ, то не встрѣтилось бы никакого замѣшательства, никакого затрудненія, потому что это письмо пролило бы величайшій свѣтъ на все, что въ инструкціяхъ было темно. Въ дѣлахъ у насъ существуетъ какой-то обратный и весьма печальный характеръ. Какъ бы велика, прекрасна и совершенна ни была первоначальная мысль начальника, переходя черезъ головы подчиненныхъ, она измѣняется, искажается и дѣлается дурною или, по крайней мѣрѣ, ничтожною, тогда какъ въ другихъ странахъ первоначальная мысль, сколько нибудь полезная и свѣтлая, пріобрѣтаетъ полное совершенство въ подробностяхъ, на сколько это возможно, проходя черезъ разныя инстанціи, и производитъ наилучшее дѣйствіе. Я это вижу въ маломъ видѣ, а ваше величество испытываете въ большомъ, что однако же очень прискорбно. Употребляю все стараніе, чтобы разъяснить себѣ истинныя намѣренія вашего величества, и буду соображать съ ними мои дѣйствія самымъ точнымъ образомъ“ [2]). Но истинныя намѣренія императора были ясны и едва-ли нужно было отыскивать иныя, кромѣ тѣхъ, которыя были прямо выражены. Письмо императора указало ему, что онъ не считалъ, что его наставленія должны непремѣнно быть исполнены во всѣхъ подробностяхъ, но служили бы только основою для дѣйствій сообразно обстоятельствамъ, направленныхъ, однако же, къ одной цѣли. Это письмо, безъ сомнѣнія, облегчило бы способъ соединенія двухъ армій, потому что въ немъ прямо выражена мысль о ихъ слитіи въ одну; но тѣ сомнѣнія, которыя по преимуществу волновали адмирала, остались не разрѣшенными. Въ письмѣ также не выражено, что всѣми войсками, которыя со всѣхъ сторонъ приблизятся къ Березинѣ, будетъ начальствовать адмиралъ Чичаговъ, да и не могло быть выражено. Движе-

[1]) Письмо отъ 22-го сентября, изъ дер. Орѣховы, противъ Влодавы на р. Бугѣ.
[2]) Письмо изъ Бреста Литовскаго, отъ 9-го октября.

нія всѣхъ отдѣльныхъ корпусовъ и армій соображены были съ движеніями большой арміи. Она должна была дѣйствовать въ тылъ отступавшему непріятелю, тогда какъ Чичаговъ и Витгенштейнъ должны были его встрѣтить. По мѣрѣ сближенія къ Березинѣ всѣхъ армій, онѣ должны были войти въ сообщеніе между собою. Могъ-ли при этомъ случаѣ быть возбужденъ вопросъ о томъ, кто будетъ начальствовать надъ ними? Очевидно, не адмиралъ, а тотъ, кто и былъ въ то время главнокомандующимъ всѣми арміями, — свѣтлѣйшій князь Кутузовъ-Смоленскій.

Австрійскому главнокомандующему, послѣ соединенія Дунайской арміи съ 3-ею западною, ничего инаго не оставалось дѣлать, какъ отступать съ возможно меньшими потерями и не вступая въ сраженіе съ русскими войсками, значительно превосходившими его количествомъ. Такъ и поступалъ Шварценбергъ, не смотря на то, что императоръ Наполеонъ постоянно побуждалъ его къ наступательнымъ дѣйствіямъ, преувеличивая его силы и уменьшая силы Дунайской арміи. Но эти силы были хорошо извѣстны австрійскому главнокомандующему. При томъ, и самъ Наполеонъ считалъ нужнымъ усилить его корпусъ и графа Ренье и обѣщалъ подкрѣпленія. Только получивъ ихъ Шварценбергъ могъ рѣшить вопросъ: будетъ-ли онъ въ силахъ дѣйствовать наступательно. Но если ему необходимо было отступать, то русскій главнокомандующій долженъ былъ имѣть въ виду совершенно иную цѣль. Послѣ переправы австрійцевъ у Влодавы, придавъ вѣру извѣстіямъ, которыя потомъ оказались ложными, адмиралъ Чичаговъ полагалъ, что Шварценбергъ и Ренье отступили къ Слониму, между тѣмъ, какъ они, переправя къ Бресту понтоны, навели тамъ мостъ, перешли вновь на правую сторону Буга и заняли позицію между рѣчками Мухавцемъ и Лесною [1]). Онъ не имѣлъ намѣренія принять сраженіе, но—присоединить къ себѣ отдѣльные отряды, изъ которыхъ одинъ, генерала Мора, шелъ отъ Пружанъ, а другой, Зигенталя, отъ сел. Ратко, и отступить за Лесну. „Мы полагали,—писалъ адмиралъ Чичаговъ государю,—что непріятель, переправясь чрезъ Бугъ у Влодавы, вошелъ въ герцогство Варшавское, между тѣмъ какъ онъ вновь переправился черезъ эту рѣку у Бреста, и, казалось, хотѣлъ тамъ удержаться. Огромная важность и польза для него Бреста въ настоящее время заставила меня предполагать, что онъ дѣйствительно будетъ въ немъ защищаться. Батареи, которыя онъ построилъ, и другія оборонительныя съ его стороны мѣры предо-

[1]) V. Velden, Der Feldzug der Oestreicher, стр. 58—60; Funck, Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im J. 1812, стр. 120 и слѣд. Журн. воен. дѣйствій Дунайской арміи.

сторожности еще болѣе подкрѣпляли мое предположеніе. Я собралъ свои силы и 29-го сентября мы должны были его атаковать; но, къ крайнему удивленію всей арміи, узнали, что онъ воспользовался ночнымъ временемъ, чтобы отступить. Утро было сумрачное, туманъ, казалось, намъ благопріятствовалъ; а между тѣмъ онъ оказалъ величайшую услугу непріятелю, прикрывъ его бѣгство (sa fuite)". Но было бы гораздо болѣе удивительно, если бы, съ 40 съ небольшимъ тысячами войска Шварценбергъ принялъ сраженіе съ 60-ти-тысячною арміею въ невыгодной позиціи. Едва-ли не слѣдуетъ болѣе удивляться, что съ 22-го сентября до 29-го медлилъ адмиралъ напасть на своего противника, то придавая вѣру ложнымъ извѣстіямъ, то раздробляя войска для преслѣдованія отрядовъ Мора и Зигенталя. Продолжая преслѣдованіе Шварценберга до границъ Варшавскаго герцогства, онъ отступалъ отъ наставленій, привезенныхъ ему Чернышевымъ, на основаніи которыхъ долженъ былъ слѣдовать на Минскъ и Борисовъ; но его образъ дѣйствій вполнѣ могъ быть оправданъ, еслибъ онъ, и не разбивъ даже окончательно, но вынудилъ бы непріятеля понесть значительныя потери, ослабилъ бы его корпусъ и отбросилъ отъ Бреста. Въ такомъ случаѣ онъ безопаснѣе могъ бы двинуться на Минскъ, оставивъ противъ него часть своей арміи. Между тѣмъ, неожиданное для него отступленіе Шварценберга, надѣявшагося въ непродолжительномъ времени получить подкрѣпленія, поставило его въ сомнительное положеніе. Преслѣдуя австрійскій корпусъ до Лесны, на другой день Чичаговъ узналъ, что онъ отступилъ еще далѣе, на Волчинъ. „Мосты были сломаны или сожжены—непріятель не доступенъ; ночью новое бѣгство,—писалъ онъ государю. Впрочемъ, увидавъ, что эта игра завлекаетъ насъ слишкомъ далеко, отдаляя насъ отъ истиннаго пути, я остановилъ главную часть арміи въ Брестѣ, поручивъ нашимъ легкимъ войскамъ преслѣдовать непріятеля, который принялъ ихъ за нашъ авангардъ" [1]). Продолжая отступленіе до Синятичей, Шварценбергъ, по соглашенію съ гр. Ренье, рѣшились переправиться за Бугъ и занять позицію, такъ, чтобы угрожать лѣвому флангу арміи адмирала. Они безпрепятственно совершили эту переправу 3-го октября между Мельникомъ и Дрогичиномъ. Незначительные отряды, ихъ преслѣдовавшіе, наносили имъ нѣкоторыя потери, но незначительныя [2]).

Устроивъ свою главную квартиру въ Брестѣ Литовскомъ, адмиралъ приступилъ къ приготовленіямъ къ движенію по направленію къ Минску. „Во время моего пребыванія въ Брестѣ,—продолжаетъ Чи-

[1]) Письмо адм. Чичагова къ государю, отъ 9-го окт., изъ Бреста.

[2]) V. Velden, Der Feldzug, стр. 62; Funck, Erinnerungen, стр. 133—134.

чаговъ, — я старался снабдить армію продовольствіемъ и наводнить герцогство Варшавское отрядами легкой кавалеріи. Первая изъ этихъ цѣлей была достигнута, частію подошедшими обозами, которые отстали отъ арміи, частію контрибуціями, собранными въ окрестной странѣ и въ герцогствѣ. Здѣсь очень трудно добывать продовольствіе и будетъ еще труднѣе тамъ, куда мы направляемся, что̀ меня весьма безпокоитъ. Я желалъ бы выдти отсюда съ 15-дневнымъ запасомъ продовольствія, и ежедневныя потребности могли бы удовлетворяться контрибуціями, которыя, однако же, я стараюсь дѣлать наименѣе обременительными и по возможности уравнительно". Въ то же время адмиралъ направилъ три летучихъ отряда въ герцогство Варшавское: одинъ подъ начальствомъ генерала Дехтерева, другой — генерала Мелессино и третій — полковника Чернышева. Они произвели сильную тревогу въ герцогствѣ и въ самой Варшавѣ, гдѣ никакъ не ожидали появленія русскихъ, получая извѣстія о постоянныхъ успѣхахъ великой арміи. „Они доходили почти до стѣнъ Варшавы, — писалъ государю адмиралъ.—Одинъ Чернышевъ разорилъ множество магазиновъ; къ намъ ежедневно прибываетъ много фуража и продовольствія". „При появленіи Чернышева въ герцогствѣ,—по свидѣтельству французскаго посланника,—въ Варшавѣ произошло чрезвычайное смятеніе. Всѣ готовились къ отъѣзду и, лишь только отворили ворота города, всѣ семейства хорошаго общества исчезли и я уже не встрѣчалъ ихъ болѣе" [1]). Не одна забота о заготовленіи продовольствія и фуража для предстоящаго похода къ Минску вынуждала адмирала послать многіе отряды въ герцогство. У него соединялась съ этимъ и другая мысль, которая, можетъ быть, была одною изъ причинъ его продолжительнаго пребыванія въ Брестѣ Литовскомъ. Эти отряды разсѣивали повсюду его воззванія къ полякамъ. „Мнѣ было извѣстно,— говоритъ въ своихъ Запискахъ адмиралъ,—благорасположеніе императора Александра къ полякамъ и какъ благосклонно онъ относился къ мысли о возстановленіи Польши. Если онъ не соглашался уступить ихъ желаніямъ и провозгласить себя польскимъ королемъ, то потому только, чтобы не встревожить Наполеона въ отношеніи герцогства Варшавскаго. Но это условіе прекращалось во время начавшейся войны. Что касается до политики, какой должно слѣдовать въ отношеніи къ полякамъ, то императоръ уполномочилъ меня въ этомъ отношеніи. Я составилъ воззваніе къ полякамъ съ цѣлію возбудить въ нихъ недовѣріе къ Наполеону и надежду на императора Александра. Оно убѣдило ихъ и они выражали съ того времени большую готов-

[1]) Pradt, Ambassade en Pologne, стр. 177—179.

ность исполнять всѣ наши требованія и подвергнуться реквизиціи“ [1]). Дѣйствительно, адмиралу были извѣстны взгляды императора на Польшу и поляковъ. Собираясь выступить изъ Дунайскихъ княжествъ въ предѣлы Россіи со своею арміею, онъ писалъ государю изъ Яссъ: „Въ случаѣ соединенія моей арміи съ арміею генерала Тормасова при моемъ движеніи къ герцогству Варшавскому, всепокорнѣйше прошу ваше величество снабдить меня наставленіями какъ въ отношеніи къ направленію арміи, такъ и предложеній, которыя я могъ бы сдѣлать полякамъ, которымъ необходимо выразить обѣщанія, равносильныя тѣмъ, какія даетъ имъ Наполеонъ. Безъ такого средства, одни сраженія, вѣроятно, не привели бы ни къ какимъ послѣдствіямъ. Я думаю, что хорошо бы объявить имъ, что вы намѣрены обезпечить имъ достойное политическое существованіе, дѣйствительное и гораздо болѣе выгодное, нежели то, которое предлагаетъ имъ человѣкъ, уловившій уже на эту удочку столько народовъ; что вы не имѣете намѣренія создать такое королевство, которое было бы только провинціею подъ начальствомъ префекта, но сами себя желаете провозгласить конституціоннымъ польскимъ королемъ, и что ихъ независимость будетъ неприкосновенна. Наконецъ, государь, если не это, то во всякомъ случаѣ что-нибудь другое, иначе и нѣсколько выигранныхъ сраженій не далеко насъ подвинутъ. Никому не извѣстно лучше васъ, что въ наше время побѣды велики и полезны лишь по ихъ послѣдствіямъ“ (см. выше, стр. 39). „Все, что вы мнѣ пишете о полякахъ,—отвѣчалъ ему на это императоръ въ письмѣ, которое онъ получилъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ Чернышевъ привезъ ему новыя наставленія для военныхъ дѣйствій,—совершенно вѣрно и я уполномочиваю васъ такъ говорить съ ними и ихъ настраивать, отклоняя отъ Наполеона, который ихъ обманываетъ. Вашъ здравый смыслъ подскажетъ вамъ, что̀ надо говорить съ ними въ настоящее время“ [2]). Но попытки въ этомъ отношеніи адмирала Чичагова оказались совершенно неудачными, какъ и должно было случиться. „Вы не можете себѣ представить,—писалъ онъ государю изъ Бреста,—бѣгство жителей; въ городахъ мы находимъ однихъ жидовъ; они одни намъ преданы. Что же касается до поляковъ, то одни изъ нихъ не выражаютъ никакого участія (les uns sont passifs), другіе — противъ насъ; но время и обѣщанія, можетъ быть, измѣнятъ ихъ. Я постараюсь всячески успѣть въ этомъ. Необходимо надо заставить ихъ перемѣнить покровителя, что̀ послужитъ для ихъ же пользы. Конечно, нельзя бороться съ ихъ главною мыслью (combattre leur principe)—она спра-

---

[1]) Mémoires inédits, стр. 36.

[2]) Письмо государя къ адмиралу отъ 5-го сентября.

ведлива (il est légitime), но они дурно за нее берутся. Вотъ все, что имъ надо объяснить" [1]). Но обстоятельства того времени, конечно, не давали возможности дѣйствовать на убѣжденія поляковъ совѣтами и настояніями, можетъ быть и полезными на досугѣ; они быстро измѣнялись, нельзя было терять времени и адмиралъ уже готовился выступить къ Минску. Что касается до той готовности къ пожертвованіямъ и расположенія поляковъ, о которыхъ адмиралъ говоритъ въ своихъ Запискахъ, составленныхъ гораздо позднѣе совершившихся событій, то они противорѣчатъ его же собственнымъ современнымъ донесеніямъ императору. Они подчинялись реквизиціямъ лишь потому, что не имѣли силы противодѣйствовать.

Сливъ двѣ арміи въ одну, адмиралъ раздѣлилъ ее на шесть корпусовъ: гр. Ламберта, Маркова, котораго замѣнилъ потомъ кн. Щербатовъ, гр. Ланжерона, Эссена 3-го, Волкова и Булатова. Сверхъ того, образовалъ два отдѣльные отряда подъ начальствомъ Энгельгардта и Сабанѣева — послѣдній въ качествѣ резерва. Послѣ неудачныхъ попытокъ вызвать на сраженіе Шварценберга при Брестѣ и слабаго преслѣдованія его по пути отступленія за Лесну и Бугъ, адмиралъ съ главными силами оставался у Бреста, въ то время, когда отрядъ Чернышева наводилъ ужасъ на герцогство Варшавское, истреблялъ запасы непріятеля и что̀ могъ отправлялъ въ армію Чичагова. Въ первыхъ числахъ октября (5-го) онъ увѣдомилъ адмирала, что непріятель предпринялъ вновь наступательныя движенія и въ значительныхъ силахъ двигается по направленію къ Бресту. Чичаговъ отрядилъ корпусъ генерала Эссена къ Бѣлѣ, а корпусъ Булатова къ мѣстечку Пещацъ, съ цѣлію поддерживать Эссена и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть сообщенія съ Чернышевымъ.

Между тѣмъ, Шварценбергъ и Ренье, опасаясь, чтобы ихъ сообщенія съ Варшавою не были прерваны и уступая просьбамъ поляковъ и французскаго посланника въ Варшавѣ, аббата Прадта, двинулись къ Бѣлѣ. Узнавъ, что противъ нихъ находится только одинъ корпусъ Эссена, гр. Ренье поспѣшилъ напасть на него прежде, нежели къ нему присоединится корпусъ Булатова. Не смотря на храбрость войскъ и на мѣткую стрѣльбу егерей, которая удивляла непріятелей, Эссенъ долженъ былъ уступить превосходнымъ силамъ, и, замѣтивъ притомъ, что Шварценбергъ намѣренъ обойти его съ праваго фланга, отступилъ къ Залѣсью за рѣку Цну, уничтоживъ на ней мосты. Получивъ извѣщеніе отъ Эссена объ этомъ дѣлѣ, Чичаговъ послалъ къ Залѣсью корпусъ Ланжерона ему на помощь и на-

[1]) Письмо Чичагова изъ Бреста, отъ 9-го октября.

мѣревался со всею арміею двинуться противъ сводnаго австро-саксонскаго корпуса. Но Шварценбергъ, удовольствовавшись легкою побѣдою надъ однимъ изъ корпусовъ арміи Чичагова, отступилъ къ Дрогичину, откуда могъ поддерживать сообщенія съ Варшавою и наблюдать за дѣйствіями Чичагова, ожидая немедленнаго прибытія обѣщанныхъ ему и гр. Ренье подкрѣпленій. „Непріятель, чтобы помѣшать нашимъ дѣйствіямъ на той сторонѣ Буга, — писалъ Чичаговъ объ этомъ дѣлѣ государю, — перешелъ на большую дорогу къ Бѣлѣ, недалеко отъ Бреста. Здѣсь мы имѣли дѣло, дурно веденное Эссеномъ, который, вмѣсто того, чтобы согласовать нападеніе вмѣстѣ съ генераломъ Булатовымъ, дѣйствовалъ одинъ, былъ отраженъ, потерялъ пушку и до 300 человѣкъ. Кн. Шварценбергъ и Ренье дѣйствовали вмѣстѣ. Эссенъ въ этомъ случаѣ выказалъ совершенную неспособность, въ какой лишь возможно упрекнуть генерала, потому что, не согласясь съ Булатовымъ, не развѣдавъ силъ непріятеля, онъ рѣшился начать дѣло. Съ своей стороны, Булатовъ, находясь въ одной милѣ отъ него, спокойно слушалъ канонаду. Ваше величество, можетъ быть, упрекнете меня въ томъ, что я поручилъ Булатову начальство надъ корпусомъ, но это вовсе не входило въ мои виды. Начальникъ этого корпуса—генералъ Зассъ; его пріѣзда ожидали каждый день, но онъ не прибылъ. Впрочемъ, и выборъ не великъ. Эссенъ не лучше его, но только честнѣе“ [1]). При этомъ случаѣ самыми рѣзкими выраженіями адмиралъ очернилъ въ глазахъ государя только-что вынужденнаго имъ оставить армію генерала Маркова, котораго, по его словамъ, во всю свою жизнь „видѣлъ 4 или 5 дней“, и бросилъ тѣнь на всѣхъ генераловъ его 60-тысячной арміи, говоря, что у него „выборъ не великъ“, чтобы поручать дѣйствія способнымъ людямъ. Вмѣстѣ съ непріятнымъ, конечно, для императора извѣстіемъ, случай доставилъ ему возможность сообщить и пріятныя. Только что окончивъ это письмо къ государю, онъ получилъ извѣстіе, что генералъ Чаплицъ, отправленный къ Пружанамъ, чтобы преслѣдовать отрѣзанный отъ арміи кн. Шварценберга отрядъ генерала Мора и разгонять литовскія ополченія. Не достигнувъ первой цѣли, потому что генералъ Моръ успѣлъ уже перейти Нѣманъ у Мостовъ, но въ Слонимѣ онъ напалъ неожиданно на отрядъ генерала Капонки, составлявшій третій полкъ гвардейскихъ улановъ, разбилъ ихъ и взялъ его въ плѣнъ почти со всѣми офицерами и распустилъ конскриптовъ. „Цѣль моихъ дѣйствій, — писалъ государю Чичаговъ, — отчасти достигнута отступленіемъ непріятеля въ герцогство; время настало обратиться мнѣ

[1]) Письмо изъ Бреста, отъ 9-го октября.

къ самому существенному дѣлу, на основаніи общаго плана военныхъ дѣйствій, т. е. войти въ сношенія съ гр. Витгенштейномъ и утвердиться на сообщеніяхъ главной непріятельской арміи. Вотъ что, государь, я предполагаю дѣлать: я оставлю въ Брестѣ довольно сильный корпусъ, чтобы охранять этотъ пунктъ и защищать границу. Наши отряды могутъ доходить до Бѣлостока и Гродно и если генералъ Штейнгель достигнетъ Вильны, тогда вся эта страна будетъ занята нами. Съ остальною арміею я направлюсь на Слонимъ, Несвижъ и Минскъ, если ничто не помѣшаетъ моему пути" [1]).

Дѣйствительно, 15-го октября, сосредоточивъ бо́льшую часть своихъ войскъ у деревни Черновщицъ, Чичаговъ незначительными переходами двинулся на Слонимъ, оставивъ у Бреста, подъ начальствомъ Сакена, два корпуса, Булатова и Ливена, простиравшіеся до 18-ти тысячъ. Не зная, что́ предприметъ непріятель, остававшійся еще у Дрогичина, и такъ уже значительно превосходившій въ силахъ корпусъ Сакена и ожидавшій еще подкрѣпленій, онъ замедлялъ движеніе своихъ войскъ, чтобы въ случаѣ необходимости возвратиться назадъ, и въ то же время оставилъ въ Черновщицѣ корпусъ Эссена съ тою цѣлію, чтобы, находясь между его арміею и войсками Сакена, онъ могъ въ случаѣ нужды подкрѣпить его. „Можетъ случиться, —писалъ онъ императору,—что для того, чтобы выиграть время и пріобрѣсть свободу, необходимую для выполненія моего плана дѣйствій, я воспользуюсь сосѣдствомъ и буду преслѣдовать Шварценберга до Варшавы и постараюсь такимъ образомъ съ нимъ совсѣмъ раздѣлаться. Иначе онъ будетъ всегда готовъ возвратиться, лишь только я удалюсь отъ границъ". Но поздно было выигрывать пропущенное уже́ время и надо было поспѣшать къ Минску и Борисову. Колеблясь между опасеніемъ со стороны Шварценберга и желаніемъ исполнить волю государя, адмиралъ, выступивъ къ Смоленску, шелъ медленно и послѣ первыхъ переходовъ получилъ уже извѣстія о томъ, что къ Шварценбергу подошли подкрѣпленія, которыя еще болѣе усиливали его войска въ сравненіи съ корпусомъ Сакена. Конечно, онъ не могъ бы устоять противъ его нападеній и потому адмиралъ приказалъ присоединиться къ нему корпусу Эссена, отдавъ его въ распоряженіе Сакена. Вмѣстѣ съ корпусомъ Эссена, войска Сакена простирались уже до 27 тысячъ. „Съ такими силами, — писалъ ему адмиралъ Чичаговъ,—опасаться вамъ нечего и, можетъ быть, вы будете въ состояніи приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Безпокойте непріятеля

[1]) То же письмо Чичагова; Журн. воен. дѣйствій Дунайской арміи; V. Velden, Feldzug, стр. 60—64; Funck, Erinnerungen, стр. 135—139; Diebestein, Der Krieg Napoleons gegen Russland, т. II, стр. 158—159.

и старайтесь завязать съ нимъ дѣло прежде, нежели я отодвинусь на дальнее разстояніе. Не теряйте его изъ вида, потому что, спустясь по Бугу, онъ можетъ устремиться за мною чрезъ Бѣлостокъ и Вилковискъ. Узнавайте обо всемъ, что̀ съ этимъ намѣреніемъ дѣлаетъ непріятель, и слѣдуйте за нимъ, оставивъ въ Брестѣ небольшое количество войскъ. Соображая по возможности наши взаимныя дѣйствія, можно выиграть у непріятеля нѣсколько переходовъ“ [1]).

Въ то время, когда адмиралъ началъ движеніе по направленію къ Слониму и Минску, къ кн. Шварценбергу постоянно подходили подкрѣпленія. Октября 15-го, генералъ Цейхмейстеръ, котораго онъ посылалъ за ними въ Галицію, привелъ ему два полка пѣхоты и два баталіона конницы, которые совершенно пополнили понесенныя его корпусомъ потери и довели его до первоначальнаго количества въ 30 тысячъ человѣкъ. Въ то же время съ саксонскимъ корпусомъ гр. Ренье соединилась дивизія Дюрутта. Хотя она состояла изъ молодыхъ и неопытныхъ конскриптовъ и притомъ различныхъ народностей, но простиралась до 12-ти и довела силу саксонскаго корпу́са до 20-ти слишкомъ тысячъ. Такимъ образомъ, соединенной австро-саксонской арміи, простиравшейся до 50-ти слишкомъ тысячъ, долженъ былъ противодѣйствовать Сакенъ, котораго силы, послѣ присоединенія къ нему корпуса Эссена, простирались лишь до 27-ми тысячъ [2]).

Шварценбергъ значительно усилилъ свои войска и, зная, что его отступленіе за Бугъ не одобряетъ императоръ Наполеонъ, рѣшился дѣйствовать наступательно. „Дѣйствуйте такъ, чтобы русскіе, которые противъ васъ, не обратились на меня,—вотъ правило, которому слѣдовать постоянно предписывалъ императоръ Наполеонъ Шварценбергу—говоритъ баронъ Фэнъ. Оно повторялось на разные лады. Дѣйствія на Бугѣ въ продолженіе послѣдняго мѣсяца возбуждали опасенія императора Наполеона, что его не понимаютъ или плохо ему служатъ“ [3]). Онъ выразилъ свои подозрѣнія въ предписаніи маршалу Виктору, поручивъ ему отправить надежнаго офицера къ Шварценбергу и Ренье для наблюденія за ихъ дѣйствіями [4]). Соединеніе 3-й западной арміи съ Дунайскою, давшее значительный перевѣсъ нашимъ силамъ передъ австро-саксонскимъ корпусомъ, еще могло оправдывать его дѣйствія и отступленіе за Бугъ; но въ то время, когда Чичаговъ раздѣлилъ свою армію и Шварценбергъ получилъ зна-

[1]) Предписаніе адмирала Чичагова генералу Сакену, отъ 18-го октября.

[2]) V. Velden, Der Feldzug, стр. 65—67.

[3]) Manuscrit de 1812 т. II, стр. 269—270.

[4]) Приказъ изъ Москвы, отъ 6-го октября н. ст. М. Шамбре, Hist. de l'éxped., т. III, стр. 421.

чительныя подкрѣпленія, его бездѣйствіе уже ничѣмъ не могло быть оправдано. Быть можетъ, онъ зналъ о политикѣ своего кабинета въ отношеніи Россіи, но она составляла тайну и обнаруживать ее своими дѣйствіями онъ еще не могъ. Но въ такомъ случаѣ онъ зналъ также, что его корпусъ принесенъ въ жертву и отданъ въ полное распоряженіе Наполеона, котораго приказанія онъ долженъ былъ исполнять. Само австрійское правительство вѣрно исполняло принятыя имъ въ отношеніи къ нему обязательства. Оно не увеличило состава своего корпуса, по желанію императора Наполеона, но не отказало въ войскахъ, чтобы пополнить убылыхъ въ корпусѣ Шварценберга и довести его до первоначальнаго состава въ 30 тысячъ. Поэтому, получивъ подкрѣпленія, онъ писалъ къ герцогу Бассано, чрезъ котораго происходили всѣ его сношенія съ главною квартирою императора Наполеона: „сообщенныя мнѣ вами извѣстія о дѣйствіяхъ другихъ армій для меня чрезвычайно важны. Не подлежитъ уже сомнѣнію, что армія Чичагова идетъ на Слонимъ и Минскъ; я стараюсь достигнуть Вилковиска. Тамъ я могу опредѣлить направленіе непріятеля и дамъ сраженіе, при благопріятныхъ условіяхъ. Корпусъ, который непріятель оставилъ у Бреста, чтобы прикрывать свое движеніе, будучи разобщенъ съ арміею, представляетъ мнѣ возможность выиграть блестящее дѣло; но это задержало бы меня на нѣсколько дней, а между тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ вида главной цѣли, т. е. воспрепятствовать арміи Чичагова соединиться съ Витгенштейномъ и общими силами напасть на меня, если представится случай. Надо надѣяться, что маршалу Виктору, соединившись съ Сенъ-Сиромъ, удастся остановить Витгенштейна и тогда онъ могъ бы двинуться на Чичагова, который оказался бы между двумя арміями. Императоръ найдетъ возможнымъ нанесть сильный ударъ непріятелю, а что касается до насъ, то я могу васъ увѣрить, что мы бездѣйствовать не будемъ“ [1]). Этимъ письмомъ Шварценбергъ отвѣчалъ герцогу Бассано съ гр. Кламомъ, котораго онъ посылалъ въ Вильну съ цѣлію узнать о положеніи дѣлъ. Зналъ-ли Бассано о дѣйствительномъ положеніи императора Наполеона и считалъ нужнымъ скрывать его отъ австрійскаго главнокомандующаго, или и самъ находился въ полномъ заблужденіи, но, извѣщая его о выступленіи великой арміи изъ Москвы, для того чтобы разбить и отбросить за Оку Кутузова, онъ надѣялся скоро сообщить ему извѣстіе о новой побѣдѣ. „Я задержалъ гр. Клама,—писалъ онъ ему,—настолько, чтобы показать ему нашихъ красавицъ и получить нѣкоторыя извѣстія, которыя могъ бы сообщить вамъ. Я имѣю только извѣ-

[1]) Письмо кн. Шварценберга изъ Бѣльска, отъ 3-го ноября н. ст. V. Velden Der Feldzug, стр. 197.

стія отъ маршала Сенъ-Сира; онъ отступаетъ, оставляя насъ между своими и нашими непріятелями. Мы какъ нибудь изъ этого выйдемъ, а пока я хочу танцовать и играть комедію (en attendant je vais danser et jouer la comedie" [1]). Это письмо было писано въ тотъ день, когда Наполеонъ, принужденный отступать по разоренной дорогѣ, отъ Можайска къ Смоленску, приблизился къ Гжатску.

Шварценбергъ, сдѣлавъ демонстрацію къ Бѣлѣ, чтобы отвлечь вниманіе Сакена, переправился черезъ Бугъ (18-го октября), а потомъ Наревъ и, оставивъ на этой рѣкѣ корпусъ Ренье для прикрытія своего движенія, пошелъ къ Вилковиску. Лишь только генералъ Сакенъ получилъ вѣрныя свѣдѣнія о движеніи Шварценберга, не обращая вниманія на демонстрацію къ Бѣлѣ и исполняя предписанія Чичагова, онъ выступилъ изъ Бреста къ Высоколитовску и Волочину на перерѣзъ его войскамъ, намѣреваясь „атаковать гдѣ можно непріятельскій аріергардъ и, по одиночкѣ, корпуса, если представится къ тому случай; не отступать отъ превосходныхъ силъ. Только симъ средствомъ,— какъ сказано въ его походномъ журналѣ,—надѣюсь я подать Чичагову возможность уйти впередъ и принудить непріятеля прекратить преслѣдованіе Дунайской арміи. Если бы я даже былъ разбитъ, до чего однако не дошло, то и самое пораженіе мое, остановивъ непріятеля, способствовало бы Чичагову достигнуть цѣли, опредѣлявшей участь войны". Подвигаясь на встрѣчу съ непріятелемъ, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ передовыхъ отрядовъ, онъ оказался съ нимъ лицомъ къ лицу передъ Вилковискомъ (1 ноября). Это былъ саксонскій корпусъ Ренье, подкрѣпленный дивизіею Дюрутта. Онъ расположился на возвышенномъ берегу рѣки Россы за Вилковискомъ, занявъ этотъ городъ авангардомъ. Всѣ генералы, избѣгая холода на бивуакахъ, заняли на ночь дома въ городѣ. Узнавъ объ этомъ отъ жидовъ, ген. Сакенъ рѣшился ночью (2-го ноября) напасть на городъ, надѣясь захватить въ плѣнъ самого Ренье. Это не удалось, вслѣдствіе случайной причины: Ренье, найдя отведенный ему домъ слишкомъ грязнымъ, занялъ другой и успѣлъ спастись, выпрыгнувъ изъ окна; но городъ былъ взятъ, саксонцы понесли значительныя потери, часть обоза и знамя. Слѣдующій день прошелъ въ неудачныхъ попыткахъ съ ихъ стороны снова овладѣть городомъ, а генер. Сакенъ, узнавъ, что войска Шварценберга повернули назадъ и идутъ на помощь къ Ренье, не дѣйствуя рѣшительно, выжидалъ болѣе точныхъ извѣстій. Показанія плѣнныхъ австрійцевъ ввели его въ заблужденіе. Они увѣряли, что Шварценбергъ ведетъ войска къ Слониму. Тогда Сакенъ рѣ-

[1]) V. Velden, стр. 136. Письмо г. Бассано отъ 29-го окт., изъ Вильны.

шился напасть на Ренье и на другой день завязалъ упорное дѣло (4-го ноября).

Между тѣмъ, Шварценбергъ, получивъ извѣстія о преслѣдованіи Сакеномъ-саксонцевъ и просьбу Ренье поспѣшить къ нему на помощь, находился въ затруднительномъ положеніи. Онъ узналъ, что передовыя войска Сакена захватили обозъ корпуса Ренье; Мелессино разбилъ часть его авангарда, бывшаго подъ начальствомъ Габленца, и самъ онъ ожидалъ нападенія русскихъ, озадаченный неожиданнымъ появленіемъ казаковъ Чернышева. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе отъ герцога Бассано, что гр. Витгенштейнъ разбилъ Сенъ-Сира и долженъ идти къ Березинѣ для соединенія съ адмираломъ Чичаговымъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ главной французской арміи. „Какъ ни удивлялись мы,—говоритъ одинъ изъ участниковъ въ происшествіяхъ,—что Наполеонъ не заботился о своихъ флангахъ, но еще въ большее удивленіе насъ приводилъ необычайный маневръ, который совершали русскіе отъ Риги и Бухареста къ Березинѣ, гдѣ два войска, изъ которыхъ одно шло отъ Балтійскаго моря, другое отъ Чернаго, должны были соединиться въ опредѣленное время“ [1]). Въ томъ же письмѣ герцогъ Бассано приглашалъ Шварценберга дѣйствовать въ тылъ Чичагову, а перехваченное письмо, которое начальникъ штаба корпуса Эссена писалъ, увѣдомляя о дѣйствіяхъ его войскъ, къ начальнику штаба адмирала Чичагова, убѣдило Шварценберга, что назначеніе этихъ войскъ состоитъ въ томъ, чтобы преслѣдовать его и замедлять движеніе къ Минску.

„Непріятель,—писалъ графъ Венансонъ Сабанѣеву,—судя по его движеніямъ, жертвуетъ всѣмъ и даже Варшавою для исполненія главнаго своего назначенія, которое можетъ заключаться только въ томъ, чтобы возстановить сообщенія Бонапарта въ его тылу. Поэтому, наша цѣль должна заключаться въ томъ, чтобы, пожертвовавъ пустою славою занять Варшаву, преслѣдовать его до послѣдней крайности (à outrance“ [2]). Это письмо обличало австрійскому главнокомандующему намѣренія Сакена и онъ рѣшился, оставивъ часть своихъ войскъ на пути въ Слонимъ,—о движеніи которыхъ, вѣроятно, и сообщили свѣдѣніе Сакену плѣнные австрійцы,—съ остальными двинуться на помощь Ренье къ Вилковиску. „Правила военнаго искусства требуютъ во всякомъ случаѣ, — говоритъ участникъ въ событіяхъ, постоянно находившійся при Шварценбергѣ, — изъ двухъ непріятелей дѣйствовать противъ того, кто въ данное время угрожаетъ бо̀льшею опасностію, и

[1]) V. Velden, Der Feldzug, стр. 70.
[2]) Тамъ же, стр. 145—146.

потому князь немедленно принялъ это рѣшеніе“ [1]). Разбивъ Ренье, что̀, принимая въ соображеніе его силы сравнительно съ г. Сакеномъ, представлялось болѣе нежели вѣроятнымъ, русскій военачальникъ, безъ сомнѣнія, преслѣдовалъ бы потомъ кн. Шварценберга, и если бы даже не одержалъ успѣховъ, то во всякомъ случаѣ замедлилъ бы его движеніе къ Минску.

Въ самый разгаръ сраженія подъ Вилковискомъ вѣстовые пушечные выстрѣлы на правомъ флангѣ русскихъ войскъ дали знать о приближеніи кн. Шварценберга. Ударивъ на отрядъ, находившійся у Щабелина, и захвативъ часть обоза Сакена, онъ приближался къ Вилковиску. Нашему военачальнику ничего не оставалось болѣе, какъ отступить предъ превосходными силами непріятеля и увлечь его за собою, чтобы достигнуть главной цѣли своихъ дѣйствій, т. е. отвлечь австрійцевъ отъ Дунайской арміи. Если бы сраженіе при Вилковискѣ было побѣдою, какъ его непріятели считали, потому только, что Сакенъ былъ вынужденъ отступить, и причинило ему такія значительныя потери, какъ они говорятъ, то, безъ сомнѣнія, кн. Шварценбергъ могъ бы предоставить одному корпусу Ренье преслѣдовать нашего военачальника, и двинуться снова по пути къ Минску. Но не отдѣляясь отъ саксонцевъ и постоянно наступая на Эссена до Рудни и Бреста, онъ доказалъ, что потери Сакена не такъ были значительны и онъ не потерпѣлъ рѣшительнаго пораженія и по прежнему могъ угрожать корпусу Ренье. Такимъ образомъ, Сакенъ вполнѣ достигъ предположенной имъ цѣли: отвлекъ австро-саксонскія войска отъ Дунайской арміи. „Сакенъ отлично исполнилъ свою обязанность,—писалъ Чичаговъ императору.—Кн. Шварценбергъ прибылъ въ Слонимъ послѣ меня; но Сакенъ, два дня сряду нападавшій на Ренье, вынудилъ его возвратиться для соединенія съ нимъ; онъ взялъ у нихъ одно знамя и 1,000 человѣкъ плѣнныхъ“ [2]).

Приближаясь къ р. Мухавцу, кн. Шварценбергъ получилъ письмо отъ герцога Бассано, который просилъ его ускорить движеніе на Минскъ, чтобы „принять участіе въ важныхъ событіяхъ“, которыя должны совершиться. „Я опасаюсь,—писалъ онъ,—что ваше движеніе къ Бресту не причинило бы весьма важныхъ затрудненій императору. Я еще не теряю надежды получить отъ васъ извѣстіе, что вы идете впередъ съ австрійскими войсками. Вы еще успѣете не только отрѣзать Чичагова, но и принять участіе въ общихъ дѣйствіяхъ, и передъ глазами императора воспользуетесь плодами вашихъ трудовъ и усилій

---

[1]) Тамъ же, стр. 72—73.

[2]) Письмо отъ 17-го ноября, на походѣ въ Осташевъ.

въ пользу общаго дѣла“ [1]). Кн. Шварценбергъ пошелъ по дорогѣ къ Минску; но ходъ дѣлъ не останавливался и они быстро приближались къ развязкѣ. Онъ выступилъ въ походъ въ то время (17-го ноября), когда Минскъ и Борисовъ уже были взяты русскими и—не дошелъ далѣе Слонима.

Нѣкоторые изъ писателей-французовъ упрекаютъ его образъ дѣйствій и видятъ въ немъ измѣну. Если и можно оправдать его отступленіе отъ р. Стыри послѣ соединенія арміи Тормасова съ Дунайскою, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ отступить не къ Варшавѣ, а къ Кобрину и Пружанамъ, и занять позицію на Изельдѣ, сохраняя возможность сообщеній съ Минскомъ,—разсуждаетъ маршалъ Сенъ-Сиръ. Но кн. Шварценбергъ и Ренье отступали на встрѣчу своимъ подкрѣпленіямъ, которыя подходили къ нимъ со стороны Варшавы. Послѣ пораженія Сакена,—говоритъ полковникъ Шапюи,—при Вилковискѣ, онъ долженъ былъ немедленно двинуться на Минскъ, не съ тою цѣлію, чтобы спасти Минскъ, который уже находился въ рукахъ русскихъ, но чтобы приблизиться къ нему въ то время, когда Наполеонъ подходилъ къ Березинѣ. Чичаговъ, оказавшись между войсками Наполеона и кн. Шварценбергомъ, былъ бы принужденъ оставить Борисовъ и переправа черезъ Березину совершилась бы прежде нежели успѣли подойти къ ней гр. Витгенштейнъ и кн. Кутузовъ. Но это соображеніе основано на той ложной мысли, что Сакенъ былъ совершенно разбитъ, потерялъ почти половину своей арміи, не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій и достаточно было одного Ренье, чтобы принудить его къ бездѣйствію и даже совершенно уничтожить его войско. Но это предположеніе ни на чемъ не основано и совершенно несогласно съ дѣйствительностію. Войска Ренье сильно потерпѣли отступая къ Вилковиску и при этомъ городѣ, корпуса Сакена, не смотря на потери, превосходили его въ силахъ и во всякомъ случаѣ могли ему противодѣйствовать. Нельзя при этомъ забывать, что дивизія Дюрутта была такъ составлена, что отъ недостатка пищи, одежды, при начавшейся зимѣ и трудныхъ переходахъ, въ одинъ мѣсяцъ убавилась на двѣ трети; что войска Шварценберга голодали, обносились, страдали отъ холода и гибли во множествѣ. Но и порицатели дѣйствій кн. Шварценберга, въ концѣ концовъ, приходятъ къ тому заключенію, что величайшимъ бѣдствіемъ для войскъ Наполеона послужило то, что защиту фланговъ и охраненіе сообщеній великой арміи онъ ввѣрилъ пруссакамъ и австрійцамъ. Это не

[1]) V. Velden, Der Feldzug, стр. 81—82.

можетъ подлежать и сомнѣнію, но едва ли можно требовать, чтобы они же исправили эту важную ошибку.

Другіе писатели-французы съ бо̀льшимъ безпристрастіемъ относятся къ австрійцамъ и ихъ предводителю, хотя полагаютъ, что отношенія вѣнскаго кабинета къ нашему въ это время имѣли вліяніе на дѣйствія кн. Шварценберга. Но могло ли это быть иначе? Кн. Шварценбергъ былъ прежде всего австріецъ и потомъ слуга Наполеона. Нельзя требовать отъ него такого образа дѣйствій, послѣдствіемъ котораго могло быть совершенное уничтоженіе его войскъ, особенно потому, что герцогъ Бассано постоянно вводилъ его въ заблужденіе, извѣщая о побѣдахъ императора Наполеона [1]).

Въ то время, когда кн. Шварценбергъ отступалъ отъ Слонима на помощь Ренье, Чичаговъ подвигался къ Минску. Но еще въ Слонимѣ онъ получилъ извѣстіе, что къ кн. Шварценбергу подошли подкрѣпленія, и онъ долженъ развѣдать о его намѣреніяхъ въ отношеніи къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. „Въ Слонимѣ я узналъ,—писалъ онъ императору,—что его армія, получивъ подкрѣпленія, достигла до 50-ти тысячъ и онъ подвигается къ Вилковиску. Отряды были отправлены въ эту сторону и я остался день въ Слонимѣ, чтобы выждать послѣдствій развѣдокъ. Въ то же время я узналъ, что Сакенъ преслѣдуетъ его, отнимая обозы и забирая плѣнныхъ. Между тѣмъ, партизаны мои донесли мнѣ, что онъ направляется къ Нѣману. Я также буду продолжать мой путь“ [2]). Партизанскій отрядъ полковника Чернышева былъ отправленъ адмираломъ Чичаговымъ изъ Слонима съ цѣлію открыть гдѣ находится армія гр. Витгенштейна и войти въ сообщенія съ нею. Но вслѣдъ за тѣмъ получивъ свѣдѣнія о движеніи непріятеля къ Вилковиску и Зельвѣ и видя, что непріятель „угрожалъ перервать сообщеніе между ген. Сакеномъ и его арміею, главнокомандующій приказалъ мнѣ,—говоритъ Чернышевъ,—съ казачьимъ полкомъ Пантелѣева, находившимся тогда въ Слонимѣ, слѣдовать къ Деречину и Зельвѣ для занятія этихъ постовъ и для наблюденія за движеніями непріятеля“. Въ Деречинѣ онъ узналъ, что отрядъ генерала Мора слѣдовалъ отъ Гродно къ мѣстечку Мосты на Нѣманѣ, гдѣ уже подготовлялъ мостъ для переправы. Однѣ изъ посланныхъ имъ партій истребили заготовленный на берегу лѣсъ; другія, направленныя къ Вилковиску, увѣдомили, что

---

[1]) M. Saint-Syr, Mémoires, т. III, стр. 212—215; Vaudancourt, Mémoires pour servir à l'histoire etc., стр. 234; Chapuis, Beresina, стр. 51 и слѣд.; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 319; Тьеръ, Hist. de l'Empire, кн. XXVII; M. Chambray, т. II, стр. 412.

[2]) Письмо изъ Минска, начатое 5-го и отправленное 7-го ноября.

онъ занятъ уже непріятелемъ, который показался и на дорогѣ къ Зельвѣ. Чернышеву удалось истребить три моста у Зельвы и въ Ивашкевичахъ. Переночевавъ въ послѣднемъ мѣстечкѣ, на другой день Чернышевъ замѣтилъ, что „непріятель подается назадъ къ Вилковиску, что̀ произошло, какъ полагать можно,—доносилъ онъ гр. Витгенштейну,—отъ наступательныхъ дѣйствій генерала Сакена противъ главныхъ силъ австрійской арміи". Въ тотъ же день онъ получилъ приказаніе адмирала слѣдовать изъ Деречина въ Дренцоль къ Новогродку, для наблюденія за непріятелемъ по Нѣману, и потомъ въ исполненіе первоначальнаго своего назначенія идти въ армію гр. Витгенштейна [1]). Передъ оставленіемъ Слонима, адмиралъ Чичаговъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора:

— „Пишу вамъ нѣсколько строкъ, чтобы извѣстить васъ объ успѣхахъ, одержанныхъ гр. Витгенштейномъ, который разбилъ Гувіона Сенъ-Сира, взялъ Полоцкъ. Сегодня я получилъ извѣстіе, что баварскій корпусъ разбитъ на дорогѣ въ Глубокое. 8 пушекъ, 24 знамени были трофеями этого дѣла" [2]).

Это письмо напомнило адмиралу о главномъ назначеніи его арміи и онъ ускорилъ движеніе къ Минску. „Ничто не могло придти къ намъ болѣе кстати, какъ извѣстія о побѣдахъ, одержанныхъ гр. Витгенштейномъ,—писалъ онъ императору,—о которыхъ ваше величество благосклонно меня увѣдомили. Теперь всѣ мои усилія будутъ направлены на тѣ пути, которые можетъ избрать Наполеонъ, и на соединеніе съ побѣдителями. Я посылаю во всѣ стороны, чтобы войти съ ними въ сношенія. Полковникъ Чернышевъ уже отправился изъ Слонима, чтобы какъ нибудь пробраться къ нимъ. Дороги къ Борисову, Березинѣ, Докшицѣ—уже очищены; я выдвину мои посты какъ можно далѣе во всѣ направленія и самъ двинусь со всѣми моими силами туда, гдѣ найду непріятеля между мною и Витгенштейномъ. Черезъ нѣсколько дней, можетъ быть, даже черезъ нѣсколько часовъ, я буду положительно знать, что̀ мнѣ дѣлать. Пока я остаюсь здѣсь на одинъ день: это освѣжитъ армію, мы снабдимъ себя продовольствіемъ, больные будутъ сданы, лошади перекованы на острые шипы, безъ чего онѣ не могутъ двигаться болѣе, съ тѣхъ поръ какъ уже два дня наступила гололедица".

Авангардъ Дунайской арміи, подъ начальствомъ гр. Ламберта, подвигался къ Несвижу, между которымъ и Новосверженемъ появился значительный отрядъ непріятелей. Губернаторъ Минска, Броникovскій, отдѣлилъ пять тысячъ человѣкъ отъ 7-ми тысячнаго гарнизона

[1]) Донесеніе Чернышева, отъ 5-го ноября.
[2]) Рескриптъ императора, отъ 17-го октября.

этого города, состоявшаго изъ полковъ, составленныхъ въ Литовскихъ губерніяхъ по приказанію императора Наполеона, и маршевыхъ французскихъ баталіоновъ, послалъ ихъ туда подъ начальствомъ Козецкаго, лишь только узналъ о движеніи русскихъ войскъ къ Минску. Гр. Ламбертъ разбилъ его и занялъ Несвижъ и Новосверженъ, а отрядъ Орурка взялъ Миръ, гдѣ также находился отрядъ, посланный Броникowскимъ. Несвижъ принадлежалъ кн. Радзивилу, который составилъ цѣлый полкъ для Наполеона. „Онъ былъ свидѣтелемъ,—говоритъ адмиралъ Чичаговъ,—какъ исчезалъ этотъ полкъ отъ сраженій и голода. Остатокъ онъ отправилъ въ Несвижъ съ обозомъ изъ 50-ти возовъ съ награбленною въ Москвѣ добычею. Они прибыли въ то время, когда мы входили въ городъ, и попали въ наши руки". Кн. Доминику Радзивилу это не понравилось и онъ позволилъ себѣ нѣкоторые оскорбительные для русскихъ войскъ намеки. „За это въ отплату,—доносилъ адмиралъ Чичаговъ императору,—я позволилъ порыться въ подвалахъ его дома. Тамъ нашли сокровища: жемчугъ, брилліанты и т. п. Я увезъ все, что могъ; это будетъ сложено въ Бобруйскѣ или другомъ мѣстѣ и вы изволите рѣшить, что съ этимъ дѣлать. Я не видалъ, но говорятъ, есть вещи достойныя музеевъ. Все оцѣниваютъ болѣе, нежели на милліонъ рублей".

Разбитый Козецкій собралъ остатки своего отряда въ Кайдановѣ и увѣдомилъ генерала Броникowскаго, что не можетъ дѣйствовать противъ такихъ значительныхъ силъ, и просилъ позволенія возвратиться въ Минскъ; но минскій губернаторъ строго приказалъ ему не отступать далѣе и дѣйствовать противъ русскихъ. Такое приказаніе подвергло его новому пораженію при Кайдановѣ и еще болѣе ослабило и такъ уже слабый гарнизонъ Минска. Отправивъ съ Козецкимъ бо́льшую часть литовскихъ войскъ, онъ оставался почти съ одними французскими маршевыми баталіонами, которыхъ императоръ Наполеонъ не велѣлъ употреблять въ дѣло, какъ неспособныхъ къ битвѣ съ непріятелемъ, а лишь на службу въ городѣ. Появленіе русскихъ въ этомъ краѣ вообще ошеломило не одного Броникowскаго, но и всѣхъ поляковъ. Они вѣровали въ непобѣдимость Наполеона и были убѣждены, что уже навсегда отдѣлились отъ Россіи. Съ свойственною имъ самоувѣренностію и легкомысліемъ, они не знали, въ какихъ силахъ подходятъ къ Минску русскіе и заранѣе не приняли никакихъ мѣръ для обороны. Когда наши войска были почти подъ стѣнами Минска, Броникowскій совѣщался съ ген. Домбровскимъ, который по приказанію Наполеона пришелъ отъ Бобруйска для защиты Минска. Но видя положеніе дѣлъ, Домбровскій совѣтовалъ ему отступить съ гарнизономъ

къ Игумену, но онъ не согласился. „Я удерживалъ Минскъ сколько могъ,—писалъ онъ къ начальнику штаба императора Наполеона,—я еще нахожусь въ немъ, но завтра борьба будетъ тяжела противъ 8-ми тысячъ съ 12-ю пушками, не имѣя ни одной. Генералъ Домбровскій, который пріѣхалъ сегодня сговориться со мною, не считаетъ возможнымъ съ его двумя тысячами человѣкъ и 200 лошадьми противоборствовать этому корпусу. Онъ совѣтовалъ мнѣ собрать всѣхъ моихъ людей и слѣдовать за нимъ на Игуменъ. Но я считалъ невозможнымъ оставить посгъ, который во что бы то ни стало надо сохранить. Я остаюсь здѣсь, не смотря на то, что у меня только 800 человѣкъ; корпусъ Козецкаго совершенно уничтоженъ. Буду оставаться до послѣдней возможности. Погибнуть, служа императору, всегда славно и—таковъ мой жребій". Конечно, иначе и быть не могло. Отрядъ Козецкаго былъ дѣйствительно уничтоженъ: изъ 5,000 тысячъ человѣкъ было 4 тысячи взято въ плѣнъ, и въ томъ числѣ 63 офицера, двѣ пушки и два знамя, а на другой день (4-го ноября) гр. Ламбертъ занялъ Минскъ. Непріятель не успѣлъ даже истребить запасовъ. „Въ Минскѣ мы нашли большіе запасы продовольствія всякаго рода,—писалъ къ императору адмиралъ Чичаговъ.—Ихъ достанетъ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ и, по распоряженію французовъ, ихъ до сихъ подвозятъ ежедневно. Я сохраню въ силѣ это распоряженіе, чтобы доставить удовольствіе здѣшнимъ друзьямъ французовъ. Мы нашли также большое количество пороха, который непріятель началъ было поливать, но меня увѣрили, что его не много подмочено. Онъ хотѣлъ разорить, сжечь и взорвать городъ на воздухъ, но не успѣлъ къ этому приготовиться и побоялся сдѣлать это въ торопяхъ, потому что было очень много пороху и это грозило общей опасностью. Я былъ свидѣтелемъ, съ какою жестокостью французы обращаются съ несчастными жертвами, которыхъ они сюда привлекли. Двѣ тысячи больныхъ и раненыхъ были свалены одинъ на другомъ безъ всякаго попеченія. Мы находили трупы, лежавшіе между живыми по десяти дней, и это не зависѣло ни отъ прибытія арміи, ни отъ какихъ нибудь чрезвычайныхъ причинъ, а просто отъ безпримѣрной жестокости. Мнѣ говорили, что, съ самаго ихъ прихода сюда, госпитали бывали постоянно въ такомъ положеніи. Наполеонъ имъ оставилъ также слѣды того просвѣщенія, которое онъ имъ принесъ; я нашелъ дорогу обставленною висѣлицами, одного повѣшеннаго и до 20 крючковъ, готовыхъ принять новыя жертвы. Не смотря на это, поляки все еще любятъ его. Легкомысленные, или увлеченные, или невѣжественные, они полагаютъ, что служатъ собственному своему дѣлу, между тѣмъ какъ

они только пособляютъ злокозненнымъ планамъ своего тирана, который скоро перестанетъ быть тираномъ всего міра“ [1]).

Адмиралъ Чичаговъ приближался къ цѣли, указанной ему императоромъ; до Борисова оставалось небольшое разстояніе и особенныхъ препятствій со стороны мѣстныхъ непріятелей не предвидѣлось; но онъ долженъ былъ тамъ встрѣтить Наполеона. Естественно, онъ заботился о количествѣ своей арміи. Оставивъ корпусъ Эссена въ распоряженіи генерала Сакена, онъ пошелъ къ Минску слишкомъ съ 32-мя тысячами. Незначительныя потери, конечно, не ослабили его войска, но онъ и прежде считалъ его недостаточнымъ и надѣялся увеличить его до 50-ти тысячъ, присоединивъ корпусъ Эртеля, находившійся въ Мозырѣ и простиравшійся до 15-ти тысячъ, и отрядъ генерала Лидерса, который шелъ изъ Молдавіи, состоявшій изъ 3,500 человѣкъ. „Передъ выѣздомъ изъ Бреста я приказалъ корпусу Лидерса, который еще шелъ ко мнѣ изъ Молдавіи, — писалъ Чичаговъ императору,—направиться на Несвижъ, а генералу Эртелю двинуться на Игуменъ, недалеко отъ Минска. Первый шелъ изъ Пинска, второй изъ Мозыря. Ихъ маршрутъ былъ такъ составленъ, что, съ появленіемъ ихъ въ одно и то же время на всѣхъ пунктахъ, они не только очистили бы все пространство между Припетью и Березиною, но мы должны бы поймать какъ въ сѣти всѣхъ, неуспѣвшихъ бѣжать отсюда. Генералъ Лидерсъ, начальствуя надъ небольшимъ молдавскимъ корпусомъ, исполнилъ приказаніе буквально. Эртель, на оборотъ, не тронулся изъ Мозыря, постоянно находя ничтожные предлоги и предлагая мнѣ пустые вопросы. Это неповиновеніе могло-бы и еще можетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Корпусъ его состоитъ отъ 14-ти до 16-ти тысячъ; у меня 32, у Лидерса 3,500, что все вмѣстѣ составило-бы 50-ти тысячное войско и дало бы мнѣ возможность болѣе сопротивляться непріятелю, если бы даже я соединился съ гр. Витгенштейномъ. Это было бы согласно и съ вашими повелѣніями. Къ тому же, по всѣмъ слухамъ, Викторъ находился недалеко отъ Минска. У него и у Домбровскаго должно бы находиться до 50-ти тысячъ войска. Слѣдовательно, благонадежнѣе было бы ихъ встрѣтить съ равными силами, нежели съ меньшими; но генералъ Эртель благоразсудилъ дѣйствовать иначе, а такъ какъ у насъ неповиновеніе очень часто остается безъ наказанія, то онъ хотѣлъ это испытать. Для очистки совѣсти, я отниму у него начальство надъ корпусомъ и отдамъ его подъ судъ;

[1]) Письмо Чичагова къ государю изъ Минска, отъ 7-го ноября; его донесеніе князю Кутузову отъ того же числа; его же, Mémoires inédits, стр. 48; Воен. жур. Дунайской арміи; M. Chambray, Hist. de l'éxped., т. III, стр. 554—557; Chapuis, Beresina, стр. 83—87.

остальное будетъ зависѣть отъ высочайшей власти. Если бы онъ былъ при мнѣ, то я, оставивъ отрядъ въ Минскѣ, могъ тотчасъ бы идти на встрѣчу Наполеону или Виктору; я бы еще былъ силенъ безъ соединенія съ Витгенштейномъ. Хотя я точно такъ же поступлю и теперь, но силы у меня будутъ иныя, а игра, которую мы ведемъ, требуетъ какъ можно менѣе риску. Я не знаю даже придетъ ли онъ, когда придетъ и какое дать ему направленіе“ [1]).

Нельзя не остановить вниманія на извѣстіяхъ о тѣхъ слухахъ, что будто бы маршалъ Викторъ находится близь Минска, которымъ, по видимому, адмиралъ придавалъ значеніе, сообщая о нихъ императору. Но онъ самъ находился въ Минскѣ, откуда и писалъ государю, и могъ навѣрное развѣдать дѣйствительно-ли былъ маршалъ Викторъ такъ близко отъ него. Что же касается до Эртеля, то его дѣйствія могли озабочивать адмирала Чичагова. По общему плану дѣйствій, корпусъ Эртеля подчинялся адмиралу и долженъ былъ въ одно съ нимъ время прибыть къ Минску. Но Эртель слишкомъ поздно получилъ приказаніе двинуться изъ Мозыря на Игуменъ и притомъ по пути, который представлялъ большія затрудненія, и потому не могъ во-время присоединиться къ войскамъ адмирала [2]). Удаливъ отъ должности Эртеля иославъ на его смѣну Тучкова, адмиралъ, не расчитывая болѣе на Мозырскій корпусъ, предписалъ было Эссену оставить войска Сакена и двинуться на соединеніе съ его арміею; но самъ однакоже, по видимому, опасался ослабить войска, дѣйствовавшія противъ австро-саксонской арміи, и не обвинялъ его въ неповиновеніи. „Я писалъ генералу Сакену,—увѣдомлялъ онъ государя,—чтобы онъ соединился со мною, когда австрійцы примутъ такое направленіе, которое отдалитъ ихъ отъ насъ. Я знаю, что они перешли Нѣманъ и направляются къ Вильнѣ для прикрытія этого города. Но Сакенъ не идетъ и не пишетъ. Можетъ быть, перехватываютъ его курьеровъ. Однакоже, если онъ держитъ на-сторожѣ эту армію, которая въ настоящее время навѣрно состоитъ изъ 50-ти тыс., тогда какъ у него только 25,—то мнѣ кажется, что это для насъ выгодно, тѣмъ болѣе, что мы будемъ достаточно сильны соединившись съ Витгенштейномъ и Штейнгелемъ“. Въ этомъ же письмѣ адмиралъ выражалъ надежду, что „при первомъ случаѣ его освободятъ отъ Ланжерона, Эссена и Эртеля“ и отдавалъ справедливость только гр. Ламберту, кн. Щербатову и Чаплицу [3]).

---

[1]) Письмо къ государю, изъ Минска, отъ 7-го ноября.

[2]) Предписаніе Чичагова Эртелю отъ 17-го окт. получено имъ 24-го; ср. Михайловскаго-Данилевскаго, Сочин. т. V, стр. 332 и слѣд.; г. Богдановича, т. III, стр. 229 и слѣд., 466—468.

[3]) Письмо отъ 7-го ноября.

Занявъ Минскъ, адмиралъ немедленно послалъ гр. Ламберта къ Борисову, Чаплица—къ Зембину, а самъ намѣревался направить свое движеніе между ними, такъ чтобы имѣть возможность подкрѣпить въ случаѣ нужды того или другаго. Ланжеронъ долженъ былъ слѣдовать за Ламбертомъ въ качествѣ его аріергарда, а отряду полковника Луковкина велѣно было двинуться къ Игумену и оттуда на Березино. Въ это время адмиралъ получилъ (17-го ноября) письмо отъ императора, доставленное ему отъ гр. Витгенштейна. „Гр. Витгенштейнъ,—писалъ ему государь,—привелъ въ исполненіе свое движеніе, разбилъ маршала Гувіона Сенъ-Сира, взялъ Полоцкъ и перешелъ Двину. Корпусъ Штейнгеля, вслѣдствіе ошибокъ Эссена, не могъ дѣйствовать въ предписанномъ ему направленіи и, войдя въ сообщеніе съ Витгенштейномъ, разбилъ баварцевъ, взялъ 8 пушекъ и 22 знамени. Потомъ оба корпуса соединились подъ начальствомъ Витгенштейна, который двинулся на Улу къ Чашникамъ и разбилъ остатки корпуса Сенъ-Сира, подкрѣпленные 15-ю тысячами изъ корпуса маршала Виктора, прибывшими подъ его начальствомъ изъ Смоленска, потому что Сенъ-Сиръ получилъ рану и оставилъ начальство надъ корпусомъ.

„Я только что получилъ извѣстія изъ большой арміи, отъ 21-го октября, что Наполеонъ поспѣшно отступаетъ къ Гжатску, потерявъ въ дѣлѣ подъ Колоцкимъ монастыремъ 20 пушекъ. Вы понимаете, до какой степени важно ваше соединеніе съ гр. Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска или Борисова, чтобы спереди встрѣтить войска Наполеона, тогда какъ большая армія ихъ преслѣдуетъ.

„Предоставляю вашему соображенію принять мѣры, которыя наиболѣе способствовали бы къ достиженію цѣли—не выпустить Наполеона изъ нашихъ границъ и постараться уничтожить его войска, поставивъ ихъ между вами, Кутузовымъ, Витгенштейномъ и Штейнгелемъ. Разочтите хорошо время и пространство. 20-го октября Наполеонъ находился около Гжатска, вы были 10-го между Слонимомъ и Брестомъ и вы можете прибыть во-время, чтобы достигнуть этой цѣли. Подумайте, какъ будутъ различны послѣдствія, если Наполеонъ перейдетъ наши границы и составитъ новую армію. Я полагаюсь на вашъ умъ, вашу дѣятельность и силу воли (énergie)“ [1]). Препровождая письмо императора, гр. Витгенштейнъ извѣщалъ его о положеніи своей арміи, а почти въ то же время адмиралъ Чичаговъ получилъ извѣстія прямо отъ кн. Кутузова, который ему писалъ объ отступленіи и бѣдственномъ положеніи непріятельской арміи. „Могу увѣрить

[1]) Письмо отъ 26-го октября; отъ того же числа рескриптъ къ Витгенштейну.

васъ,—писалъ онъ ему,—что ужасы, кои видимы были въ прошедшемъ году въ арміи верховнаго визиря, происходившіе отъ голода, не могутъ сравниться съ ужасами, приключающимися теперь съ французскою арміею“ [1]). Такимъ образомъ наши арміи вошли въ сношеніе между собою и приближались къ Березинѣ. Адмиралу Чичагову предстоялъ блестящій подвигъ преградить путь разстроенной Наполеоновой арміи, задержавъ ее при переправѣ черезъ Березину, пока сблизятся съ нимъ Витгенштейнъ и авангардъ большой арміи. Для достиженія этой цѣли предстояло только занять Борисовъ. „Этотъ городъ,—говоритъ Чичаговъ,—былъ весьма важенъ. Если бы непріятель предполагалъ остановиться внутри Россіи, то обладаніе Борисовомъ давало намъ возможность перерѣзать его сообщенія и не допустить до Минска, гдѣ находились его магазины, и въ Волынь, страну плодородную, гдѣ онъ могъ провесть зиму. Ежели же, наоборотъ, онъ желалъ продолжать отступленіе, то, владѣя главнымъ проходомъ на его прямомъ пути, мы могли если не совсѣмъ преградить переправу черезъ Березину, то во всякомъ случаѣ значительно затруднить и сдѣлать опасною для него“ [2]).

Гр. Ламбертъ 8-го ноября занялъ Жодинъ. Его разъѣзды захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ польскихъ офицеровъ. Изъ ихъ показаній онъ узналъ, что Домбровскій поспѣшно идетъ къ Борисову, и, сдѣлавъ привалъ передъ вечеромъ, ночью намѣревается продолжать путь и придти туда. Гр. Ламбертъ, опасаясь разойтись съ нимъ, не пошелъ противъ него, но въ ту же ночь двинулся прямо къ Борисову. За два дня передъ тѣмъ пришелъ въ Борисовъ съ остатками своихъ войскъ Броникowскій, соединился съ борисовскимъ гарнизономъ, отправилъ разъѣзды по Березинѣ и не подумалъ привесть мостовое укрѣпленіе въ оборонительное положеніе. Ночью на 9-е ноября пришелъ Домбровскій и онъ увѣрялъ его, что всѣ мѣры приняты, движеніе русскихъ наблюдаютъ его отряды и онъ можетъ дать отдыхъ своимъ войскамъ. Увѣренія Броникowскаго и темная ночь не помѣшали Домбровскому занять укрѣпленія. Хотя онъ взялъ квартиру въ Борисовѣ, но „въ 3 часа утра объѣхалъ всѣ свои войска по правой сторонѣ Березины,—говоритъ гр. Солтыкъ. Они не приготовлялись къ сраженію и отдыхали вокругъ огней, исключая 1-го линейнаго полка, бывшаго подъ начальствомъ полковника Малаховскаго, ветерана италіанскихъ легіоновъ. Этотъ предусмотрительный офицеръ, послѣ полуночи, по своему соображенію, поставилъ своихъ солдатъ подъ ружье. Все было тихо, ничто не предвѣщало скораго нападенія и генералъ Домбров-

[1]) Отношеніе кн. Кутузова, изъ Юрова, отъ 3-го ноября.
[2]) Mémoires inédits, стр. 53.

скій возвратился въ городъ. Но въ это самое время, захвативъ разъѣзды Броникovскаго, войска гр. Ламберта тихо подходили къ городу“ [1]). Храбрость войскъ, смѣлость и находчивость предводителя дали возможность безъ особенныхъ потерь совершить гр. Ламберту съ незначительнымъ отрядомъ блестящій подвигъ, разбить Домбровскаго, разсѣять его войска и взять Борисовъ въ то время, когда уже приближался къ нему посланный Наполеономъ корпусъ Удино и когда этотъ маршалъ предписывалъ Домбровскому защищаться до послѣдней возможности. Но значительною потерею уже было то, что при этомъ дѣлѣ самъ гр. Ламбертъ былъ раненъ пулею въ ногу на-вылетъ и долженъ былъ оставить начальство надъ авангардомъ. На другой день (10-го ноября) въ Борисовъ вступилъ адмиралъ Чичаговъ. „Гр. Ламбертъ отлично исполнилъ данное ему порученіе,—писалъ онъ императору;—9-го ноября на разсвѣтѣ, раздѣливъ свои войска на три колонны, онъ атаковалъ редуты. Отпоръ былъ сильный, бой живой и продолжительный; но въ храбромъ и искусномъ гр. Ламбертѣ вы имѣете, государь, генерала, который не знаетъ препятствій. Онъ понялъ всю важность поста, который непріятель рѣшился удерживать во что бы то ни стало. Сраженіе продолжалось цѣлый день, мы хотѣли уже идти на соединеніе съ нимъ, но онъ меня извѣстилъ, что редуты уже взяты приступомъ, 2 тысячи убито, столько же ранено, остальные съ генераломъ Домбровскимъ и другими разсѣены и преслѣдуемы. Орелъ и 7 орудій достались намъ въ добычу“ [2]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Гр. Солтыкъ, Napoléon en 1812, стр. 423—424.
[2]) Письмо отъ 17-го ноября. Воен. журн. Дунайской арміи.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

1779—1831.

XIV [1]).

Константинъ Павловичъ, въ противоположность императору Александру, не сочувствовалъ вовсе проявлявшемуся въ русскомъ обществѣ религіозному мистицизму и отзывался о мистикахъ весьма неодобрительно. Отъ 10-го декабря 1816 года, онъ писалъ начальнику гвардейскаго штаба генералъ-адъютанту Сипягину, что кадету 2-го кадетскаго корпуса, Волотскому, мальчику лѣтъ 15-ти, начало каждую ночь являться видѣніе въ бѣлой монашеской мантіи, въ клобукѣ и съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ, и уговаривало его идти въ монахи; что корпусный іеромонахъ, чтобъ отогнать отъ него это видѣніе, поилъ его святою водою, водилъ въ алтарѣ кругомъ престола, читалъ надъ нимъ молитвы, но когда все это не помогло, то доложилъ директору корпуса, генералъ-маіору Маркевичу. Между тѣмъ, министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, потребовалъ къ себѣ кадета. Великій князь, съ своей стороны, находилъ, что іеромонаху не слѣдовало приступать ни къ чему, „не доложась начальству“, что монахъ—человѣкъ „простаго ума“,—не можетъ быть при корпусѣ законоучителемъ, такъ какъ „онъ долженъ своими убѣжденіями отклонять суевѣрныя, вкоренившіяся въ младенчествѣ, заблужденія въ кадетѣ Волотскомъ, а не вкоренять оныя еще болѣе

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254; 361—388; 539—557. Помѣщаемыя въ главѣ XIV-й свѣдѣнія восполняютъ подробности, изложенныя въ XII-й главѣ, и знакомятъ съ участіемъ Цесаревича въ великой Отечественной войнѣ. По содержанію, эта глава должна предшествовать XIII-й.

въ мысляхъ молодаго человѣка читаніемъ надъ нимъ молитвъ и прочаго". Поэтому, великій князь полагалъ удалить іеромонаха изъ корпуса, а кадета отдать на руки лекарямъ. „На счетъ же того, — писалъ цесаревичъ Сипягину, — что почтенный нашъ князь Александръ Николаевичъ вмѣшивается во всѣ дѣла, даже и въ видѣнія, я вамъ скажу, что я видѣніевъ никакихъ не видывалъ, а если увижу князя Александра Николаевича, то вѣрно увижу его и тогда съ одной и той же стороны, съ которой я, какъ вамъ извѣстно, всегда его вижу".

Кадетъ Волотской поступилъ „въ завѣдываніе князя Волконскаго", а отъ него въ завѣдываніе князя Голицына. О причинѣ такого распоряженія государь предоставилъ себѣ лично объяснить цесаревичу, при первомъ съ нимъ свиданіи, но тѣмъ не менѣе великій князь просилъ Сипягина развѣдать подъ рукою, что́ дѣлается съ Волотскимъ. Сипягинъ не могъ написать въ отвѣтъ ничего опредѣленнаго, но замѣтилъ, что кадета можно было излечить „весьма обыкновеннымъ видѣніемъ ротнаго командира съ розгами". Великій князь, въ письмѣ къ Сипягину, похвалилъ это антимистическое средство, добавляя, что объ этихъ предметахъ „иначе разсуждаютъ и думаютъ", и что поступки іеромонаха одобрены. Однако, въ слѣдующемъ, 1817 году, отчитывальщикъ-іеромонахъ былъ уволенъ, но за то на мѣсто его поступилъ еще болѣе ловкій начетчикъ, будущій архимандритъ Фотій.... съ подробною біографіею котораго читатели „Русской Старины" уже знакомы. (См. „Русскую Старину", изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 301 и 459).

Въ началѣ 1812 года штабъ-квартира великаго князя Константина Павловича, какъ командира 5-го корпуса, находилась въ Петербургѣ. Подъ начальствомъ его въ это время состояли: двѣ пѣхотныя дивизіи, гвардейская—Ермолова, и сводная гренадерская, и одна кирасирская дивизія—Депрерадовича. Такимъ образомъ, весь составъ его корпуса простирался до 26-ти баталіоновъ пѣхоты и до 20-ти эскадроновъ тяжелой кавалеріи. Когда же при предстоявшей войнѣ была организована 1-я западная армія подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, то корпусъ цесаревича вошелъ въ составъ этой арміи и въ началѣ 1812 года выступилъ въ походъ изъ Петербурга. Въ то время, когда Наполеонъ, находясь въ Дрезденѣ, дѣлалъ громадныя приготовленія къ войнѣ съ Россіею, ожидая отвѣта отъ императора Александра Павловича, бывшаго въ Вильнѣ, корпусъ цесаревича стоялъ въ Свенцянахъ и Видзахъ, уѣздномъ городкѣ и мѣстечкѣ Виленской губерніи.

Константинъ Павловичъ былъ чрезвычайно недоволенъ предстоящею войною и не только что настаивалъ на отправкѣ для мирныхъ переговоровъ особаго посла, но и самъ вызывался ѣхать съ этою цѣлью къ Наполеону, военный геній котораго онъ чрезвычайно цѣнилъ и по поводу котораго онъ, бывши въ Твери у великой княгини Екатерины Павловны въ гостяхъ, вступилъ въ самый запальчивый споръ съ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ, рѣзко отзывавшимся объ императорѣ французовъ.

Съ переходомъ Наполеона черезъ Нѣманъ, началось изъ Свенцянъ и изъ Видзъ отступленіе корпуса цесаревича со всею арміею Барклая-де-Толли, который, предполагая дать сраженіе наступавшему на него непріятелю, занялъ укрѣпленный австрійскимъ генераломъ Фулемъ лагерь при Дриссѣ на Двинѣ. Однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ, позиція эта оказалась неудобною, армія вышла изъ Дриссенскаго лагеря и продолжала отступленіе на востокъ, къ Смоленску. Въ „Военномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ упоминается, что Константинъ Павловичъ уѣхалъ отъ арміи изъ Дриссенскаго лагеря, но это не вѣрно. Онъ продолжалъ съ нею отступленіе, и когда она дошла до Смоленска, то тамъ сосредоточилось 120,000 русскаго войска. Подъ Смоленскомъ былъ собранъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ присутствовалъ и цесаревичъ. Члены совѣта единогласно и рѣшительно требовали отъ главнокомандующаго, чтобъ русская армія перешла въ наступательное положеніе. По поводу этого совѣта, Ермоловъ въ своихъ „Запискахъ“ пишетъ: „Я въ первый разъ, въ случаѣ столь важномъ, видѣлъ великаго князя и не могу довольно сказать похвалы какъ о разсужденіи его, чрезвычайно основательномъ, такъ и о скромности, съ каковою предлагалъ онъ его, и съ сего времени удвоилось мое къ нему почтеніе“. Барклай-де-Толли, хотя и неохотно, но принялъ мнѣніе совѣта, который положилъ идти всѣми силами на Рудню, какъ на центръ расположенія непріятельской арміи. Предположеніе это было исполнено: армія наша, на разсвѣтѣ 26-го іюля, двинулась впередъ отъ Смоленска, но главнокомандующій, получивъ неблагопріятныя для русскихъ извѣстія о расположеніи арміи Наполеона, снова попятился назадъ, и сталъ производить около Смоленска различныя стратегическія движенія. Войско громко роптало на безпрестанное отступленіе и въ числѣ ропщущихъ былъ Константинъ Павловичъ. Вѣроятно, обстоятельство это послужило поводомъ къ тому, что, какъ сообщаетъ въ своихъ „Запискахъ“ Ермоловъ, главнокомандующій, въ Витебскѣ, далъ порученіе великому князю отправиться въ Москву къ государю; „не знаю,—добавляетъ Ермоловъ,—но сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ то сдѣлать самъ по собственному побужденію. На первомъ отъ Порѣчья

переходѣ арміи, великій князь возвратился, однако, изъ Москвы и вступилъ въ командованіе 5-мъ корпусомъ".

Относительно этой поѣздки Константина Павловича въ Москву, въ „Запискахъ" графа Ростопчина встрѣчается любопытное извѣстіе: „великій князь,—пишетъ Ростопчинъ,—прибылъ изъ арміи Барклая, который, считая его присутствіе безполезнымъ и затруднительнымъ, отправилъ его курьеромъ въ Москву съ словеснымъ порученіемъ представить отчетъ о состояніи войскъ и предположеніяхъ главнокомандующаго". Императоръ хотѣлъ оставить въ Москвѣ Константина Павловича, поручивъ ему сформировать кавалерійскій полкъ. Цесаревичъ полагалъ окончить это порученіе въ какихъ нибудь пятнадцать дней, употребивъ для этого самое простое средство, а именно, забирая всюду годныхъ людей и лошадей. „Предвидя неудобство отъ пребыванія великаго князя въ Москвѣ и отъ дурнаго впечатлѣнія, какое могъ бы произвести тотъ способъ, какой онъ намѣревался употребить", Ростопчинъ просилъ императора дать великому князю другое назначеніе, чтобъ избавить его, Ростопчина, отъ непріятностей. Вслѣдствіе такой просьбы, государь поручилъ ему сформировать ополченіе въ Нижнемъ-Новгородѣ, но великій князь не захотѣлъ заняться этимъ и императоръ согласился отпустить его снова въ армію.

6-го августа, французы, послѣ кровопролитнаго боя, овладѣли Смоленскомъ. Генералъ Жиркевичъ въ своихъ интересныхъ „Запискахъ" („Русская Старина" 1874 г., стр. 651) разсказываетъ, что онъ „своими ушами слышалъ, какъ при отступленіи отъ Смоленска великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхавъ къ его, Жиркевича, батареѣ, около которой стояло много смольянъ, говорилъ: „что дѣлать, друзья! Мы не виноваты, не допустили насъ выручать васъ. Не русская кровь течетъ въ томъ, кто нами командуетъ, а мы, хоть намъ и больно, да должны слушать его. У меня не менѣе вашего сердце надрывается". Такіе отзывы цесаревича, дѣлаемые въ ущербъ довѣрія къ Барклаю и со стороны войска и со стороны народа, подтверждаются и „Записками" Д. В. Давыдова. Упомянувъ о томъ, что на военномъ совѣтѣ, подъ Смоленскомъ, великій князь предложилъ наступательное движеніе, Давыдовъ прибавляетъ, что Барклай-де-Толли, крайне недовольный тѣмъ, что окружающіе цесаревича позволяютъ себѣ громко осуждать дѣйствія его, главнокомандующаго, и стѣсняясь присутствіемъ великаго князя въ арміи, рѣшился выслать его въ Петербургъ подъ благовиднымъ предлогомъ: ему поручено было отъ Барклая передать государю письмо чрезвычайно важнаго содержанія. О такомъ намѣреніи главнокомандующаго цесаревичъ былъ предваренъ за-

благовременно начальникомъ штаба 1-й западной арміи, Ермоловымъ, и правителемъ канцеляріи Барклая-де-Толли, Закревскимъ.

Невыносимое для Барклая-де-Толли положеніе, занятое цесаревичемъ въ арміи, обрисовывается весьма ясно въ „Изображеніи военныхъ дѣйствій 1-й арміи въ 1812 году". „Изображеніе" это представляетъ, собственно краткій, послѣдовательный отчетъ, поднесенный государю Барклаемъ, который жалуется на „духъ происковъ", „пристрастіе", „обидныя сужденія и слухи, съ намѣреніемъ распространяемые въ Петербургѣ", замѣчая, что слухи эти воспріяли свое начало при соединеніи обѣихъ армій. „Въ сіе самое время,—писалъ Барклай,—его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ возвратился въ армію изъ Москвы. Ко всему оному должно присовокупить особъ, принадлежащихъ къ главной квартирѣ вашего императорскаго величества, для начертанія вамъ, государь, слабаго изображенія всего происходившаго". Особы эти, „побуждаемыя къ осужденію всего", были: герцогъ Виртембергскій, генералъ Бенигсенъ, Корсаковъ, Армфельдтъ и нѣкоторые флигель-адъютанты. Барклай указывалъ и на то, что самъ начальникъ его главнаго штаба—Ермоловъ—„человѣкъ съ достоинствами, но ложный и интригантъ, единственно изъ лести къ нѣкоторымъ вышесказаннымъ особамъ, къ его императорскому высочеству и князю Багратіону, совершенно согласовался съ общимъ положеніемъ". „Люди, преданные этимъ лицамъ, по исторженіи ими какого либо свѣдѣнія, по ихъ мнѣнію новаго, сообщали вымышленные разсказы, иногда всенародно на улицѣ". Барклай, упомянувъ о томъ, что для прекращенія этого онъ удалилъ нѣкоторыхъ особъ, въ томъ числѣ адъютантовъ государя, добавляетъ: „я желалъ бы также имѣть право отправить нѣкоторыхъ особъ высшаго званія". Несомнѣнно, что къ числу этихъ особъ принадлежалъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Графъ Граббе, упоминая въ своихъ „Запискахъ" объ осмотрѣ позиціи при Дорогобужѣ, прибавляетъ: „роль цесаревича стала затруднительна. Онъ слѣдовалъ общему увлеченію противъ Барклая-де-Толли; это было уже слишкомъ много для послѣдняго. Хладнокровный, безпристрастный, онъ рѣшился, однако, выслать цесаревича изъ арміи. Это было въ Дорогобужѣ. Онъ,—замѣчаетъ Граббе,—съ какою-то тайною радостью оставлялъ армію, едва-ли имъ понятую". По отъѣздѣ цесаревича изъ арміи, надъ корпусомъ, которымъ онъ командовалъ, принялъ начальство генералъ-лейтенантъ Лавровъ. Подъѣзжая къ Петербургу, цесаревичъ, на станціи Ижора, встрѣтилъ отправлявшагося въ армію новаго главнокомандующаго, князя М. И. Голенищева-Кутузова, и передалъ ему подробности сраженія, происходившаго подъ

Смоленскомъ. Это было единственное сраженіе, въ которомъ участвовалъ цесаревичъ во все время войны 1812 года. Онъ не появлялся уже при арміи до похода ея за границу.

Если, при отступленіи отъ Свенцянъ къ Смоленску, цесаревичъ позволялъ себѣ и своимъ приближеннымъ относиться рѣзко о стратегическихъ дѣйствіяхъ главнокомандующаго Барклая-де-Толли, за то въ отношеніи къ другимъ лицамъ онъ, противъ своего обыкновенія, велъ себя чрезвычайно сдержанно. По поводу его отъѣзда или благовиднаго удаленія Барклаемъ изъ Витебска, Ермоловъ,—впрочемъ, сторонникъ Константина Павловича,—пишетъ: „я замѣтилъ многихъ сожалѣвшихъ объ его отъѣздѣ и — что̀ еще бо̀льшую дѣлаетъ честь великому князю—людей непосредственно ему подчиненныхъ; о себѣ,—продолжаетъ Ермоловъ,—я не говорю, ибо я обязанъ былъ многими милостями и самымъ благосклоннымъ со мною обращеніемъ, чего я никогда не забуду. Со времени похода изъ Петербурга и въ продолженіе всей кампаніи, великій князь болѣе и болѣе привязывалъ къ себѣ своихъ подчиненныхъ; я, командуя гвардейскою пѣхотною дивизіею и непосредственно завися отъ него, былъ свидѣтелемъ, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго неудовольствія и никто не видалъ и тѣни непріятности“.

Изъ приложеній, напечатанныхъ при „Запискахъ“ Ермолова, а также изъ подлинныхъ, принадлежащихъ редакціи „Русской Старины“, предписаній цесаревича, видно, что онъ въ походѣ 1812 года заботился объ устройствѣ способовъ для продовольствія своего корпуса; хлопоталъ о томъ, чтобъ въ корпусъ этотъ не поступали, подъ видомъ желанія служить въ арміи, подозрительные и вредные люди и предписывалъ объ удаленіи изъ арміи такихъ лицъ. Онъ приказывалъ, чтобъ военные чины не забирали насильно подводъ у обывателей, а также куръ, гусей и тому подобнаго, прибавляя, что въ противномъ случаѣ ничего въ оправданіе принято не будетъ.

При отступленіи французовъ изъ предѣловъ Россіи, великій князь, жившій въ Петербургѣ, снова отправился въ армію и, пріѣхавъ въ Вильну за нѣсколько дней до прибытія туда государя, испросилъ у князя Кутузова позволеніе выбрать изъ хранившагося въ этомъ городѣ огромнаго запаса аммуничныхъ вещей необходимо-нужное для нижнихъ чиновъ гвардейскаго корпуса. „Я былъ свидѣтелемъ разговора объ этомъ,—пишетъ въ своихъ „Запискахъ“ Ермоловъ,—и мнѣ легко было замѣтить, сколько пріятно было фельдмаршалу, что его высочество съ равною настойчивостію не коснулся никакихъ другихъ предметовъ“.

Командуя гвардіею, Константинъ Павловичъ присутствовалъ при

переходѣ, 1-го января 1813 года, русскихъ полковъ за Нѣманъ въ составѣ войскъ бывшей 1-й западной арміи, находившейся подъ предводительствомъ Барклая-де-Толли. Къ этому времени относится слѣдующій разсказъ, напечатанный г. Ульяновымъ въ „Русскомъ Архивѣ“. При выступленіи русскихъ войскъ за границу, Константинъ Павловичъ отдалъ по командуемому имъ корпусу приказъ, чтобъ офицеры ни въ чемъ не отступали отъ установленной формы въ одеждѣ. На походѣ онъ увидѣлъ на одномъ кавалерійскомъ штабъ-офицерѣ, вмѣсто кивера, шапку. Подскакавъ къ полковнику, онъ сорвалъ ее и наговорилъ ему рѣзкихъ словъ. Обиженный объявилъ, что послѣ этого не можетъ оставаться на службѣ. Офицеры признали поступокъ цесаревича оскорбительнымъ для всѣхъ ихъ и подали въ отставку. На одной изъ дневокъ Константинъ Павловичъ назначилъ смотръ, на которомъ объявилъ, что просьбы офицеровъ объ отставкѣ удовлетворены быть не могутъ, но что онъ, вполнѣ сознавая себя виноватымъ и удостовѣрясь, что полковникъ былъ въ шапкѣ по уважительной причинѣ — головной боли, проситъ извиненія, какъ у него, такъ и у всѣхъ офицеровъ, а если кто и этимъ не доволенъ, то дастъ личное удовлетвореніе. Всѣ, разумѣется, остались этимъ довольны, какъ вдругъ изъ фронта выдѣлился одинъ офицеръ, лѣтъ 19—20-ти, и сказалъ: „ваше высочество изволили сейчасъ предложить личное удовлетвореніе; позвольте же мнѣ воспользоваться такою честью“.—„Ну, братъ, для этого ты еще слишкомъ молодъ!“ отвѣчалъ съ улыбкою цесаревичъ. Офицеръ этотъ былъ Лунинъ, извѣстный въ послѣдствіи декабристъ, котораго цесаревичъ тщетно старался спасти отъ постигшаго его наказанія за участіе въ заговорѣ.

Цесаревичъ вступилъ съ своими войсками въ герцогство Варшавское и перешелъ оттуда сперва въ Силезію, а потомъ въ Саксонію. Послѣ присоединенія прусской арміи къ русской, корпусъ цесаревича, во время битвы при Бауценѣ, 8-го (20-го) мая 1813 года, составлялъ резервъ праваго крыла союзныхъ войскъ. Въ составъ этого резерва входили гренадерскій и гвардейскій корпуса, двѣ кирасирскія дивизіи, легкая гвардейская кавалерія и резервная артиллерія. Войска эти были расположены отъ Малышвица до Глейны. Подъ Бауценомъ только къ вечеру пришлось арміи Барклая-де-Толли выдержать въ ея авангардѣ атаку маршала Нея. Послѣ бауценскаго боя, въ ночь съ 8-го (20-го) на 9-е (21-е) мая, войска цесаревича—18,000 пѣхоты—стали въ резервѣ позади Башюца; его кавалерія, тоже въ резервѣ,—за Нейбуршицемъ. На этихъ позиціяхъ корпусъ великаго князя, 9-го (21-го) мая, подвергся сильнымъ нападеніямъ со стороны непріятеля. Союзники принуждены были отступить отъ Бауцена и русская гвар-

дія, — за исключеніемъ войскъ, состоявшихъ въ отрядѣ Ермолова, — пошла на Гохкирхенъ къ Рейхенбаху, подъ начальствомъ цесаревича, и при этомъ движеніи ей пришлось выдерживать натиски самого Наполеона. Испытавъ неудачи, союзныя войска перебрались снова за Эльбу.

Когда, 23-го мая (4-го іюня), заключено было перемиріе, Константинъ Павловичъ съ своими резервными войсками расположился въ Силезіи и присутствовалъ въ Трахенбергскомъ замкѣ на происходившемъ тамъ совѣщаніи о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона. При возобновленіи кампаніи, главнокомандующимъ всей арміи былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, а главная или богемская армія, состоявшая изъ трехъ корпусовъ, находилась подъ начальствомъ Барклая-де-Толли; въ числѣ этихъ трехъ корпусовъ были и прусско-русскіе резервы, подъ командою цесаревича, Численность этихъ резервовъ простиралась до 50,000 человѣкъ при 198 орудіяхъ. Богемская армія двинулась въ Саксонію и 13-го (25-го) августа подошла къ Дрездену, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ котораго, въ Глассгюте, расположился съ своими войсками Константинъ Павловичъ. 14-го (26-го) августа, во время разгара битвы подъ Дрезденомъ, онъ шелъ туда черезъ Котту, когда маршалъ Вандаммъ напиралъ на сообщенія богемской арміи, прикрываемыя принцемъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Угрожаемый слишкомъ значительными силами непріятеля, принцъ послалъ къ цесаревичу полковника Вахтеля просить о подкрѣпленіи, но Константинъ Павловичъ, отозвавшись, что онъ получилъ приказаніе идти съ русско-прусскими резервами на помощь главной арміи, ограничился тѣмъ, что послалъ принцу на помощь только лейбъ-кирасирскій ея величества полкъ, подъ начальствомъ своего шурина, принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго, будущаго короля бельгійцевъ. Подойдя къ Дрездену, великій князь находился во время битвы невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ былъ смертельно раненъ генералъ Моро, и получилъ отъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго записку о присылкѣ 40 сильныхъ рядовыхъ равнаго роста, для переноски съ поля сраженія раненаго Моро.

Послѣ двухдневнаго боя при Дрезденѣ, доставившаго цесаревичу золотую, осыпанную бриллiантами шпагу съ надписью „за храбрость“, онъ, по диспозиціи, съ 17-го (29-го) на 18-е (30-е) августа, стоялъ на лѣвомъ крылѣ арміи, командуя резервами.

При наступленіи къ Лейпцигу, великій князь, по диспозиціи Шварценберга, находился въ резервѣ за Падерборномъ и Гребернымъ. Въ это время у цесаревича были подъ начальствомъ: пѣхота графа Милорадовича, состоявшая изъ русскаго пѣхотнаго корпуса Ермолова и

прусской гвардейской пѣхотной бригады; изъ кавалеріи генералъ-лейтенанта князя Голицына, изъ 1-й и 2-й кирасирскихъ дивизій, изъ прусской гвардейской кавалерійской бригады, русской легкой кавалерійской дивизіи и резервной артиллеріи. На позиціи при Вихау отлично дѣйствовала вся резервная артиллерія Константина Павловича, а во время Лейпцигскаго боя, 4-го (16-го) октября 1813 года, всѣ командуемые имъ резервы сблизились съ центромъ арміи. На второй день этого сраженія, онъ, по повелѣнію государя, ѣздилъ къ отряду Бенигсена, чтобъ благодарить его за пріобрѣтенные надъ непріятелемъ успѣхи, а также, чтобъ поздравить наслѣднаго принца шведскаго съ прибытіемъ на поле сраженія. Наградою ему за сраженіе подъ Лейпцигомъ былъ орденъ св. Георгія 2-го класса.

Когда союзники, приближаясь къ предѣламъ Франціи, пришли къ Рейну, то прусско-русскіе резервы, подъ начальствомъ цесаревича, подошли на кантониръ-квартиры позднѣе другихъ войскъ, а именно только въ концѣ декабря 1813 года. Самъ же Константинъ Павловичъ отправился въ главную квартиру графа Барклая-де-Толли, находившуюся въ Фрейбургѣ.

Перейдя, въ составѣ арміи князя Шварценберга, черезъ Рейнъ, великій князь не принималъ, однако, участія въ сраженіи при Бріеннѣ, такъ какъ, въ продолженіе этого сраженія, русско-прусская гвардія и резервная артиллерія, бывшія подъ его начальствомъ, стояли у Арсонвиля, въ шестнадцати верстахъ отъ поля битвы. Но за то ему привелось не только дѣйствовать съ своими войсками въ битвѣ при Феръ-Шампенуазѣ, но и оказать здѣсь подвигъ личной храбрости. Когда французы стали отступать на Конантре, онъ обошелъ съ конногвардейскимъ и лейбъ-драгунскимъ полками оврагъ съ лѣваго фланга непріятеля и стремительно ударилъ на него. По отзывамъ военныхъ писателей, эта атака составляетъ одно изъ самыхъ блистательныхъ кавалерійскихъ дѣлъ въ исторіи войнъ, веденныхъ во времена Наполеона.

Вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, в. к. Константинъ Павловичъ торжественно вступилъ съ русскою гвардіею въ сдавшійся союзникамъ на капитуляцію Парижъ и тамъ черезъ нѣсколько дней далъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и государь.

Среди торжествъ, празднествъ и увеселеній, происходившихъ въ Парижѣ по случаю вступленія союзниковъ, цесаревичъ не отставалъ отъ своихъ любимыхъ занятій по фронтовой части. Однажды въ домѣ князя Беневентскаго, гдѣ жилъ императоръ Александръ, услышали сильный шумъ, и бросившіеся на этотъ шумъ приближенные императора и его прислуга увидѣли слѣдующее: нѣсколько высокопостав-

ленныхъ въ русской арміи лицъ маршировали по залѣ, а Константинъ Павловичъ, обучая ихъ маршировкѣ, въ одно и то же время командовалъ и по русски, и по польски, и по французски, дѣлая имъ запальчиво свои начальническія замѣчанія.

По заключеніи Парижскаго мира, онъ съ извѣстіемъ объ этомъ прибылъ, 9-го іюня 1814 года, въ Петербургъ. Императрица Марія Ѳедоровна, обрадованная окончаніемъ войны, дала въ честь вѣстника мира праздникъ въ Павловскѣ [См. „Павловскъ", изд. 1877 г., стр. 166—168].

Въ Петербургѣ дворянство и купечество хотѣли въ честь цесаревича дать балъ, но онъ уклонился отъ такого способа выраженія общественнаго къ нему вниманія и высказалъ желаніе, чтобы собранныя на балъ деньги были употреблены въ пользу русскихъ воиновъ, раненыхъ въ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ и при взятіи Парижа. Изъ Петербурга онъ поѣхалъ на Вѣнскій конгрессъ; и въ Вѣнѣ онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. Императоръ австрійскій сдѣлалъ его шефомъ гусарскаго полка, и цесаревичъ тотчасъ же принялся за обученіе своей новой команды, маневрируя съ своимъ полкомъ въ окрестностяхъ Вѣны, не смотря на непогоду и стужу. По окончаніи конгресса, онъ сопутствовалъ Александру Павловичу въ непродолжительномъ походѣ 1815 года, а послѣ этого онъ прибылъ въ Варшаву.

XV.

Недаромъ съ давнихъ временъ Варшава слыла у насъ, русскихъ, веселымъ городомъ и не даромъ приняла она въ свой гербъ сирену. Подобно этой баснословной обольстительницѣ, она привлекала къ себѣ тьму русскихъ, которые хотѣли насладиться пріятностями жизни. Подъ политическими бурями, разразившимися надъ Польшею, пріутихло нѣсколько ея шумное веселье, но вотъ наступила лучшая пора и съ возстановленіемъ королевства Польскаго столица его запировала и запраздновала на славу. Теперь въ нее со всѣхъ сторонъ Европы собирались польскіе вояки, долго разгуливавшіе, то тамъ, то сямъ, подъ знаменами Наполеона; въ Варшаву возвращались эмигранты, съѣзжались магнаты и собиралась мелкая шляхта. Приходъ русскихъ, но уже не какъ враговъ, а какъ друзей, оживлялъ еще болѣе встрепенувшуюся Варшаву. Богатые паны открыли свои палаццо для пріема новыхъ гостей, и начались тамъ роскошныя пиршества. Русскіе въ этомъ отношеніи не оставались въ долгу и, какъ казалось, вѣковая вражда навсегда была забыта. Варшава въ это время имѣла до 80,000 жителей, число которыхъ такъ быстро стало возрастать, что она въ

1826 году была уже городомъ съ населеніемъ въ 126,445 душъ. Умственная жизнь была тамъ также сильно развита, чему можетъ служить доказательствомъ тотъ фактъ, что около этого времени выходило въ Варшавѣ 38 періодическихъ, литературныхъ и политическихъ изданій.

Но среди веселья и разгула, господствовавшихъ въ Варшавѣ, начинался уже слышаться ропотъ. Поляки недовольны были тѣмъ, что падшее королевство Пястовъ и Ягеллоновъ не было возстановлено въ предѣлахъ 1772 года, но умѣренные польскіе патріоты расчитывали на постепенный успѣхъ и въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, большинство поляковъ было вообще на первый разъ довольно новыми порядками: у нихъ официальнымъ господствующимъ языкомъ былъ языкъ польскій, были у нихъ теперь и свой сенатъ, и свои министры, и свой сеймъ, и конституція, и армія, на усовершенствованіе которой цесаревичъ обращалъ свое неусыпное вниманіе: польское войско сдѣлалась предметомъ его постоянныхъ заботъ и попеченій и вскорѣ оно, по своему фронтовому образованію и выправкѣ, достигло, подъ начальствомъ Константина Павловича, такого совершенства, что могло считаться образцомъ для всей Европы. Иностранные принцы и генералы пріѣзжали въ Варшаву, чтобъ позаимствовать у великаго князя искусство организовать и обучать войско. Не безъ тщеславія повторяли и сами поляки, что ихъ армія доведена „do wysokiej doskalnosci“, т. е. высокаго совершенства, а самъ цесаревичъ, слушая воздаваемыя ей похвалы, съ удовольствіемъ твердилъ: „мои ученики, мои ученики!“

Великій князь любилъ всегда тѣ военныя команды, которыя состояли подъ его начальствомъ, но особенно онъ увлекался польскою арміею, считая себя ея творцомъ, наставникомъ и руководителемъ. Онъ безпрестанно посѣщалъ казармы и конюшни; заходилъ въ солдатскіе лазареты и кухни, наблюдалъ за чисткой и ковкой лошадей, провѣрялъ кормъ и постилку, а внѣ службы онъ былъ обходителенъ и ласковъ какъ съ офицерами, такъ и съ солдатами, любилъ покалякать и побалагурить съ ними, и милостиво выслушивалъ ихъ просьбы. Онъ былъ чрезвычайно щедръ: давалъ офицерамъ взаймы деньги безъ отдачи. „Мало было,—пишетъ Вернгинъ,—такихъ офицеровъ, отъ полковничьяго чина до прапорщика гвардейскихъ полковъ, которые не были бы должны его высочеству; объ уплатѣ же долга никто не помышлялъ. Цесаревичъ не приказывалъ напоминать своимъ должникамъ объ ихъ займѣ изъ его кассы. И таково было сердце нашего высокаго благотворителя, что онъ никогда не упрекалъ неблагодарностію даже и тѣхъ, кто иногда забывался противъ него“. Посѣщая тѣхъ изъ офицеровъ, которые были больны и не имѣли своихъ средствъ, цесаревичъ клалъ имъ украдкой подъ подушку пучки

ассигнацій. Ходилъ за гробомъ умершихъ офицеровъ, а генераловъ носилъ до самой могилы. Солдатамъ, отличавшимся исправностью и и усердіемъ къ службѣ, даривалъ разомъ по нѣсколько червонцевъ, посѣщалъ ихъ внѣ службы, бывалъ на свадьбахъ, крестилъ дѣтей и приказывалъ хоронить умиравшихъ служивыхъ съ воинскими почестями. Съ нимъ сживались и русскіе, и польскіе солдаты, и эти послѣдніе, какъ добродушно, такъ и злобно, прозвали его „nasz staruszek", т. е. нашъ старичокъ, еще въ ту пору, когда цесаревичъ былъ въ самой бодрой порѣ своей жизни.

Всѣ эти прекрасныя качества, при которыхъ военачальникъ можетъ, совершенствуя подчиненную ему армію и сохраняя въ ней строгій порядокъ и неослабную дисциплину, пріобрѣтать въ то же время и привязанность своихъ подначальныхъ,—въ первые годы пребыванія цесаревича въ Варшавѣ значительно ослаблялись другими его свойствами. Константинъ Павловичъ и въ званіи главнокомандующаго польскою арміею проявлялъ тѣ же недостатки, какими отличался еще съ дѣтства: вспыльчивость и рѣзкость, переходившія предѣлы предоставленной ему власти, проявлялись безпрестанно въ служебныхъ его отношеніяхъ къ подчиненнымъ. Какъ на службѣ, такъ и по поводу какихъ-либо служебныхъ дѣлъ, налагаемыя имъ взысканія были не только строги, но и чрезвычайно оскорбительны: они унижали и служебное и личное достоинство тѣхъ, къ кому примѣнялись, а такъ какъ распоряженія о взысканіяхъ дѣлались въ припадкахъ сильнаго гнѣва, переходившаго въ безотчетную ярость, то въ большинствѣ случаевъ они были не только несправедливы, но и вовсе незаслужены. Такими отношеніями къ подчиненнымъ онъ возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе. Браня польскихъ офицеровъ, онъ,—какъ разсказываетъ партизанъ Денисъ Давыдовъ,—прибавлялъ: „Я вамъ задамъ конституцію!" и тѣмъ самымъ раздражалъ ихъ политическое недовольство.

Однажды на смотру, во время пребыванія въ Варшавѣ великой княгини Екатерины Павловны, онъ, въ присутствіи принца Виртембергскаго, разсерженный двумя офицерами, поставилъ ихъ во фронтъ на мѣсто рядовыхъ. Офицеры тотчасъ подали въ отставку, а такъ какъ они были люди недостаточные, то товарищи ихъ открыли въ пользу ихъ подписку. Другой разъ, при разводѣ на Саксонской площади, Константинъ Павловичъ пришелъ въ такой гнѣвъ отъ „неудовлетворительности" выправки солдатъ, ружейныхъ пріемовъ и дурнаго командованія взводами, что отдалъ приказаніе арестовать поголовно всѣхъ офицеровъ, осыпавъ прежде ихъ, тутъ же на площади, самою рѣзкою бранью. Адъютантъ генерала графа Красинскаго,

Вильчекъ, публично обиженный великимъ княземъ, съ отчаянія застрѣлился, а другой офицеръ, по той же причинѣ, сбирался повѣситься, но былъ спасенъ отъ самоубійства своими товарищами. Военный нашъ писатель, генералъ М. И. Богдановичъ, сообщая объ этихъ двухъ случаяхъ, говоритъ, что Новосильцевъ, опасаясь еще худшихъ послѣдствій, просилъ государя, чтобъ онъ вызвалъ его изъ Варшавы. Одинъ только Курута умѣлъ сдерживать порывы гнѣва цесаревича. Онъ успокаивалъ его словами: „цейцазъ будетъ исполнено“, а самъ не исполнялъ строгихъ приказаній цесаревича, давая ему время успокоиться и обдуматься, а, для разсѣянія его гнѣва, начиналъ говорить съ нимъ по гречески. Съ своей стороны, великій князь, изливая свое раздраженіе на классическомъ языкѣ Эллады, обзывалъ и Куруту рѣзкою всероссійскою рѣчью, переводимою имъ на эллинскій языкъ. Когда же послѣ того спрашивали Куруту, что̀ говорилъ ему цесаревичъ? то потерпѣвшій грекъ хладнокровно отвѣчалъ, что бранчивый разговоръ его высочества по гречески ничего особенно не значитъ, но что перевести его слова по русски весьма трудно.

Въ рукописи Веригина, принадлежащей въ подлинникѣ редакціи „Русской Старины“, находится чрезвычайно много интересныхъ разсказовъ объ отношеніяхъ в. к. Константина Павловича къ его подчиненнымъ. Въ полной правдивости этихъ разсказовъ, перемѣшанныхъ съ восхваленіями великому князю, нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, и изъ нихъ не трудно вывести заключеніе о странномъ смѣшеніи добра и зла въ характерѣ цесаревича, при чемъ нельзя не замѣтить, что въ общемъ нравственномъ итогѣ послѣднее брало перевѣсъ надъ первымъ, такъ какъ, въ сущности, все сводилось къ широкому самовластію и необузданному произволу. Въ отношеніи военно-служащихъ онъ и теперь держался высказанной имъ мысли, что подчиненный долженъ молча глотать всѣ оскорбленія со стороны своего начальника. Ожье въ своихъ „Запискахъ“ („Рус. Ар.“ 1877 г.) пишетъ, что русскіе въ 1814 году говорили ему: „великій князь смиренъ какъ ягненокъ, только умѣй блѣять съ нимъ за-одно“.

Изъ „Записокъ“ Веригина видно, что не только польскіе офицеры, которые могли быть раздражены противъ главнокомандующаго подъ вліяніемъ политическаго настроенія, но и русскіе очень часто были огорчаемы его поступками.

Русскіе офицеры, — по словамъ Веригина,—нерѣдко составляли оппозицію противъ великаго князя. Особаго шума надѣлала исторія капитана лейбъ-гвардіи Литовскаго полка Пущина, котораго цесаревичъ „за дерзкія объясненія“ отдалъ подъ судъ. Узнавъ объ этомъ, всѣ капитаны Литовскаго полка заявили, что они участники въ от-

вѣтахъ и возраженіяхъ Пущина и просятъ отдать ихъ подъ судъ вмѣстѣ съ Пущинымъ. Эта сильная оппозиція заставила одуматься великаго князя. Созвавъ недовольныхъ капитановъ, онъ сказалъ имъ: „не удивляюсь, господа, что вы стараетесь выручить вашего товарища изъ несчастья. Я самъ люблю и уважаю капитана Пущина и горжусь такими офицерами, какъ онъ; я хочу съ нимъ помириться". И затѣмъ, обратившись къ одному изъ товарищей Пущина, приказалъ, чтобъ онъ привезъ капитана. Цесаревичъ встрѣтилъ Пущина съ приговоромъ военнаго суда въ рукахъ и, сказавъ: „между нами все забыто", разорвалъ приговоръ.

Раздраженіе противъ великаго князя среди русскаго офицерства было, однако, чрезвычайно сильно и оно явно выразилось на одномъ изъ полковыхъ праздниковъ. „Офицеры,—разсказываетъ Веригинъ,—сговорились не дотрогиваться ни до чего за завтракомъ, который долженъ былъ быть въ этотъ день у главнокомандующаго, и не пить за его здоровье. Уговоръ между ними былъ исполненъ и когда цесаревичъ съ бокаломъ въ рукѣ сталъ среди залы, никто изъ офицеровъ не подошелъ къ нему. Онъ поджидалъ ихъ нѣкоторое время, а между тѣмъ графъ Красинскій подталкивалъ то того, то другаго, но никто не шелъ. Увидѣвъ это, цесаревичъ вспыхнулъ отъ гнѣва, схватилъ шляпу и быстро вышелъ изъ залы".

И въ Польшѣ и въ Россіи шла о цесаревичѣ молва какъ о прихотливомъ и до крайности суровомъ начальникѣ. Самъ онъ писалъ однажды къ Ѳ. П. Опочинину, что у него „въ арміи строго и жучковато", производя, конечно, послѣднія слова отъ слова „жучить".

Въ числѣ лицъ, проходившихъ служебную школу цесаревича, былъ князь П. А. Оболенскій. Онъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ, былъ отданъ императоромъ Павломъ на исправленіе Константина Павловича, „поступки коего,—говоритъ лаконически въ своихъ „Запискахъ" Оболенскій,—описывать не желаю". И такое уклоненіе даетъ поводъ предположить, что описаніе вышло бы не очень красиво.

Съ своей стороны, Веригинъ, желая опровергнуть общую молву о Константинѣ Павловичѣ какъ о начальникѣ слишкомъ строгомъ, пишетъ: „скажу, что цесаревичъ послѣ взрыва гнѣва былъ скорѣе до слабости добръ и не настойчиво взыскателенъ, и отъ того порождались новые поступки, къ которымъ нельзя было быть снисходительнымъ".

Совсѣмъ инымъ человѣкомъ былъ цесаревичъ внѣ служебныхъ отношеній; тогда онъ оказывался чрезвычайно привѣтливымъ и ласковымъ: обнималъ и цѣловалъ каждаго офицера, дружески трепалъ по плечу, но въ особенности любилъ трепать по боку, смѣялся, шу-

тилъ и острилъ, допуская даже шутки и остроты на свой собственный счетъ. Съ дамами онъ былъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ; разговаривая бойко по французски и по польски, онъ отличался и остроуміемъ и находчивостію. Одна изъ польскихъ дамъ, о „Запискахъ“ которой мы упомянули, отдаетъ полную справедливость любезности, вѣжливости и обходительности цесаревича въ общественной жизни.

Образъ жизни Константина Павловича былъ простъ и скроменъ; адъютанты и ординарцы обѣдали съ нимъ каждый день и въ этомъ кружку великій князь умѣлъ быть веселымъ и милымъ собесѣдникомъ. Разгнѣвавшись какъ-то на своихъ адъютантовъ, онъ пересталъ приглашать ихъ къ обѣду. Въ числѣ ихъ былъ одинъ полякъ, превосходный разскащикъ, котораго великій князь любилъ слушать. „Что скажешь новенькаго?“,—спросилъ его однажды цесаревичъ. „Новостей, ваше высочество, очень много, да разсказывать теперь некогда, а я разскажу ихъ вамъ за обѣдомъ“. Константинъ Павловичъ понялъ этотъ шутливый намекъ, засмѣялся, и съ тѣхъ поръ адъютанты стали опять получать приглашеніе къ его обѣду.

Оттѣнки его благосклонности или гнѣва къ тому или другому лицу выражались прежде всего въ той одеждѣ, въ которой онъ выходилъ къ являвшимся или вытребованнымъ къ нему лицамъ. Если цесаревичъ былъ въ своемъ обычномъ бѣломъ холстинномъ халатѣ, то не было никакого сомнѣнія въ его отмѣнной благосклонности къ тѣмъ, кого онъ принималъ въ такомъ нарядѣ. Если онъ былъ въ сюртукѣ безъ эполетъ, то это, относительно его расположенія, означало ни то, ни се; при эполетахъ на плечахъ цесаревича—дѣло становилось плохо; но когда онъ выходилъ въ мундирѣ, а тѣмъ болѣе въ парадной формѣ, то въ первомъ случаѣ надобно было ожидать бурю, а въ послѣднемъ—страшнаго урагана. При этомъ лицо цесаревича принимало грозное выраженіе. Впрочемъ, и во всякое другое время наружность его не внушала особаго расположенія. Онъ былъ средняго роста и нѣсколько сутуловатъ, носъ у него былъ маленькій и вздернутый, и густыя, но слишкомъ короткія брови сходились у самаго носа. Когда же онъ бывалъ въ духѣ, то эта непривлекательность скрадывалась пріятною улыбкою и привѣтливымъ выраженіемъ его голубыхъ глазъ.

Время въ Варшавѣ — гдѣ цесаревичъ жилъ зимою въ Брюлевскомъ, а лѣтомъ въ Бельведерскомъ дворцѣ,—проводилъ онъ довольно однообразно. Вставалъ онъ съ своей постели, на которой былъ постланъ жесткій походный матрацъ и лежала только кожанная подушка, зимою въ 6, а лѣтомъ въ 4 часа утра; затѣмъ, около 8-ми часовъ онъ

выходилъ въ пріемную и у него начинались обычныя ежедневныя занятія. Веригинъ описываетъ утро цесаревича въ слѣдующихъ строкахъ:

„Великій князь во всѣ дни принималъ рапорты отъ полковъ, наряды въ караулъ, дежурныхъ, доношенія всѣхъ родовъ, а также и ординарцевъ отъ пѣшихъ гвардейскихъ полковъ, въ комнатѣ передъ большою залой, въ которую, передъ выходомъ его, собирались всѣ генералы и офицеры, а въ воскресные и праздничные дни консулы, члены государственнаго совѣта и другіе сановники. Здѣсь были и величавый Чарторижскій и президентъ польскаго государственнаго совѣта Замойскій. Собравшіеся въ этой залѣ разговаривали между собою довольно громко, но, когда выходилъ изъ сосѣдней комнаты великій князь, все смолкало передъ нимъ, всѣ становились въ одну линію. Въ торжественные дни являлся сюда князь Зайончекъ, лишившійся обѣихъ ногъ въ битвахъ подъ знаменами Наполеона; его вносили въ креслахъ прямо въ пріемную комнату, гдѣ цесаревичъ принималъ ординарцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Зайончекъ возвращался домой черезъ большую залу, привѣтствуемый поклонами, и рѣдко онъ останавливался въ залѣ для разговора съ кѣмъ-нибудь".

Войдя въ залу, великій князь обходилъ представлявшихся, въ числѣ которыхъ были и нижніе чины, какъ-то: вахмистры, дневные пѣшіе ординарцы, солдаты, вновь поступившіе въ полкъ, вновь обмундированные, вновь произведенные въ вахмистры и унтеръ-офицеры, а наконецъ, и рекруты. Окончивъ пріемъ, великій князь отправлялся на разводъ, на Саксонскую площадь. Разводъ отмѣнялся очень рѣдко и здѣсь онъ принимался за свое любимое фронтовое дѣло. Послѣ обѣда онъ уѣзжалъ въ театръ, который очень любилъ, и съ удовольствіемъ присутствовалъ на польскихъ и французскихъ спектакляхъ. Балы онъ не слишкомъ долюбливалъ и въ началѣ 1830 года писалъ Опочинину: „меня, старика, съ женою вытащили на два бала и, кажется, предстоитъ еще два. Стараются, чтобъ я далъ пару, но на это я слишкомъ глупъ и неловокъ".

Пребываніе цесаревича въ Варшавѣ не ослабляло тѣхъ дружескихъ отношеній, какія съ самаго юнаго возраста существовали между нимъ и его братомъ Александромъ Павловичемъ, безъ котораго, какъ говорилъ Константинъ Павловичъ, онъ не могъ бы жить. Отношенія эти поддерживались теперь частыми свиданіями. Порою великій князь пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Варшавы, или же его навѣщалъ здѣсь императоръ, который теперь довольно часто сталъ ѣздить за границу, а также, кромѣ того, братья, время отъ времени, видѣлись на смотрахъ, производимыхъ польскимъ войскамъ и литовскимъ, которыя представлялъ государю ихъ главнокомандующій. Императоръ Александръ бывалъ до-

вольно часто въ Варшавѣ. Въ первый свой пріѣздъ въ Варшаву, онъ, 15-го марта 1818 года, открылъ засѣданіе польскаго сейма рѣчью, въ которой, между прочимъ, говорилъ:

„Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго моего сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку, который только въ мирное время пріобрѣтается и приготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

„Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ [Зайончекъ],—продолжалъ императоръ,—представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ доказывать преданность свою къ отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ мой выборъ".

Въ 1819 году, Александръ Павловичъ былъ опять въ Варшавѣ и осматривалъ тамъ войска. По отзыву бывшаго съ государемъ генералъ-адъютанта Комаровскаго: „удивительно было видѣть до какой степени совершенства во всѣхъ своихъ движеніяхъ польская армія была доведена великимъ княземъ".

Въ 1825 году, Александръ Павловичъ былъ въ Варшавѣ и теперь братья видѣлись уже послѣдній разъ. Императоръ пріѣхалъ сюда 15-го апрѣля. На другой день, цесаревичъ сталъ представлять ему русскія и польскія войска, сперва по частямъ, потомъ на общемъ парадномъ смотру, произведенномъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ, въ окрестностяхъ которой были потомъ большіе маневры. Состояніемъ войскъ государь остался вполнѣ доволенъ. 1-го (13-го) мая начались засѣданія сейма, открытыя лично государемъ. Пробывъ въ Варшавѣ 20 дней, императоръ поѣхалъ по Царству и 24-го мая возвратился опять въ столицу королевства. Теперь онъ занимался исключительно дѣлами сейма и обѣдалъ почти каждый день съ великимъ княземъ. 1-го іюня послѣдовало торжественное закрытіе сейма. При отправленіи государя въ зало засѣданій, цесаревичъ сопровождалъ его изъ внутреннихъ апартаментовъ. Когда государь взошелъ на тронъ, съ котораго онъ читалъ свою рѣчь, Константинъ Павловичъ сталъ немного позади. 2-го іюня, въ 7 часовъ утра, императоръ Александръ Павловичъ въ сопровожденіи брата выѣхалъ изъ Варшавы по ковенскому тракту.

„Во время пріѣздовъ государя въ Варшаву, Константинъ Павло-

вичъ,—пишетъ Веригинъ,—съ благоговѣйною любовью и почтительностію къ брату-императору заботился о томъ, чтобы все было въ исправности и ни малѣйшій случай не показалъ бы государю невнимательности къ чему либо Константина Павловича".

Внѣ Польши и Россіи цесаревичъ видѣлся съ братомъ въ октябрѣ 1818 года, въ Парижѣ. Тамъ онъ состоялъ при императорѣ въ званіи генералъ-адъютанта, и постоянно носилъ польскій мундиръ. Каждое утро онъ занимался тамъ чѣмъ нибудь относящимся къ фронтовой части, а вечера проводилъ у маркизы Кюбьеръ, жены королевскаго шталмейстера. Въ январѣ 1819 года онъ осматривалъ оставшіяся еще во Франціи русскія войска, расположенныя въ Мобежѣ и Валансьенѣ.

XVI.

До рѣшенія участи Польши на Вѣнскомъ конгрессѣ великодушныя завѣренія Александра, при проѣздѣ его черезъ Варшаву, давали полякамъ большія надежды на лучшую будущность. Они слѣдили съ возрастающимъ любопытствомъ за всѣми политическими комбинаціями дипломатовъ и, опасаясь новаго раздѣла Польши, при которомъ могло бы исчезнуть даже и герцогство Варшавское, отправляли къ императору Александру депутатовъ съ просьбою, чтобъ онъ принялъ подъ свою исключительную защиту Польшу, за которую около государя былъ тогда чрезвычайно ревностный и неутомимый ходатай князь Адамъ Чарторижскій. Между тѣмъ поляки, стремясь возстановить свое политическое бытіе, прибѣгали для достиженія этой цѣли и къ другимъ средствамъ. Еще въ 1814 году, между ними возникло вновь тайное общество подъ названіемъ „истинные поляки"; основателями и членами его были профессоры и студенты Варшавскаго университета. Въ 1819 году, маіоръ польской службы Лукашинскій завелъ „народное общество свободныхъ масоновъ". Въ прибавку къ этимъ двумъ тайнымъ обществамъ составились еще и другія такія же общества, носившія названія „косиньеровъ" (косцовъ), „польскихъ карбонаріевъ" и „филатеровъ". При организаціи этихъ обществъ была принята система десятковъ, т. е. каждый вступающій въ общество долженъ былъ привлечь къ обществу десятокъ членовъ и быть ихъ руководителемъ. Въ то же время, революціонныя стремленія—подъ вліяніемъ того ученія, что присяга императору Александру дана была поляками вынужденная, а потому будто бы и не можетъ считаться обязательною—начали проникать и въ польскую армію. Одинъ изъ ея офицеровъ, Крыжановскій, учредилъ въ разныхъ полкахъ тайныя общества, которыя должны были распространить неудовольствіе противъ прави-

тельства и духъ возмущенія исподволь въ цѣломъ полку, такъ чтобы можно было съ увѣренностію располагать цѣлымъ полкомъ въ ту минуту, когда дѣло дойдетъ до возстанія; по системѣ Крыжановскаго, всѣ высшіе чины и старшіе офицеры были отстранены отъ участія въ тайныхъ полковыхъ обществахъ. О замыслахъ, враждебныхъ русскому правительству, дошло до свѣдѣнія Константина Павловича, который, въ 1822 году, назначилъ особую коммисію для изслѣдованія по дѣлу о тайныхъ обществахъ. Занятія коммисіи продолжались уже два года. Въ 1824 году, надъ виновными былъ постановленъ строгій приговоръ. Между тѣмъ, одно тайное общество, „патріотическій союзъ“, ускользнуло отъ преслѣдованія коммисіи и вошло въ переговоры и соглашенія съ русскими заговорщиками, принадлежавшими къ „южному обществу“.

Цесаревичу, впрочемъ, приводилось имѣть на рукахъ политическія дѣла не только въ Польшѣ, но и въ сосѣднихъ съ нею частяхъ имперіи. Такое участіе цесаревича по дѣламъ царства объясняется слѣдующимъ: 29-го іюня 1819 года, данъ былъ сенату указъ такого содержанія: „главнокомандующему Литовскимъ корпусомъ, его императорскому высочеству цесаревичу Константину Павловичу всемилостивѣйше предоставляю надъ губерніями: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Бѣлостокскою областью власть главнокомандующаго дѣйствующею арміею, на основаніи учрежденія оной, генваря 27-го 1812 года изданнаго, впредь до нашего указа“. Въ упомянутомъ же „Учрежденіи“ сказано было: „главнокомандующій представляетъ лицо императора и облекается властью его величества“. Въ частности же главнокомандующему дѣйствующею арміею предоставлялось въ области, занятой ею, право предавать военно-полевому суду за измѣну, шпіонство, разбой, грабежъ и насиліе, но ему не предоставлялось по означенному выше „Учрежденію“ вѣденіе дѣлъ гражданскихъ. Особаго постановленія о предоставленіи такого права Константину Павловичу въ законодательномъ порядкѣ сдѣлано не было, а, между, тѣмъ оказывается, что виленскій генералъ-губернаторъ входилъ къ нему съ рапортами даже по такимъ дѣламъ, какъ, напримѣръ, учрежденіе такъ-называемыхъ „контрактовъ“, т. е. съѣздовъ для торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ въ мѣстечкѣ Шавляхъ, и что подобнаго рода дѣла и даже дѣла меньшей важности, только послѣ одобренія ихъ со стороны цесаревича, шли черезъ министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя. При управленіи гражданскою частію въ распоряженіяхъ главнокомандующаго проглядывалъ произволъ. Одинъ разъ поступалъ онъ совершенно „арбитрарно“, другой же разъ, напротивъ, являлся строгимъ охранителемъ ле-

гальнаго порядка, а иногда смѣшивалъ и то и другое. Такъ, 22-го апрѣля 1825 года, онъ приказалъ виленскаго адвоката Пуциловскаго „въ страхъ другимъ“ выдержать на гауптвахтѣ три мѣсяца, отрѣшить его отъ адвокатской должности и воспретить ему всякое по чужимъ дѣламъ хожденіе, за то, что этотъ адвокатъ, защищая въ судѣ дѣло своего кліента, позволилъ себѣ „рѣзкій“ отзывъ о противной сторонѣ. При такомъ распоряженіи, сдѣланномъ безъ суда, слѣдствія и даже допроса, главнокомандующій ссылался ни болѣе, ни менѣе, какъ на сеймовыя конституціи 1764 и 1766 годовъ.

Такимъ образомъ, Константинъ Павловичъ получилъ главное наблюденіе и надъ гражданскимъ управленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составляли территорію прежняго королевства Польскаго. Теперь положеніе этихъ мѣстностей было чрезвычайно странное. Находясь подъ завѣдываніемъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею, онѣ какъ бы считались состоящими на военномъ положеніи. Въ то же время, состоя подъ властью лица, хотя и не офиціально управлявшаго и Царствомъ Польскимъ, онѣ какъ бы соединялись въ административномъ отношеніи съ этимъ послѣднимъ, и такое ихъ положеніе представляло первый шагъ къ тому, къ чему такъ усердно стремились польскіе патріоты — т. е. къ соединенію бывшихъ польскихъ провинцій съ королевствомъ или Царствомъ Польскимъ, хотя, съ другой стороны, самый способъ такого соединенія представлялъ мѣру строгую, принимаемую только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Еще въ 1817 году, во вновь подчиненныхъ власти цесаревича губерніяхъ начали возникать тайныя общества съ цѣлью возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года, а въ 1823 году виленскій генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ, донося цесаревичу по дѣлу „о неприличныхъ надписяхъ, найденныхъ въ V-мъ классѣ Виленской гимназіи“, выражалъ свои опасенія на счетъ ожидаемыхъ имъ въ краѣ „антиправительственныхъ“ волненій, которыя, — какъ полагалъ генералъ-губернаторъ, — неминуемо въ немъ возникнутъ вслѣдствіе новаго направленія, усвоеннаго начальствомъ Виленскаго учебнаго округа. Въ свою очередь, Константинъ Павловичъ донесъ объ этомъ государю и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ Новосильцеву произвести по этому дѣлу строгое разслѣдованіе. Новосильцевъ, отстранивъ отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа, князя Чарторижскаго, учредилъ особую коммисію, которая и открыла восемь тайныхъ обществъ, составленныхъ преимущественно изъ студентовъ Виленскаго университета и учениковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ задачею возстановленіе прежней Польши въ предѣлахъ 1772 года.

Въ то время, когда Чарторижскій обвинялся въ допущеніи въ подвѣдомственномъ ему учебномъ округѣ существованія зловредныхъ тайныхъ обществъ, въ Литовскомъ корпусѣ, подчиненномъ непосредственно цесаревичу, учреждались такія же общества. Мы уже сказали, что учредителемъ ихъ собственно въ польской арміи былъ офицеръ Крыжановскій, а въ Литовскомъ корпусѣ поссесоръ Рукевичъ основалъ „общество военныхъ друзей". Первыми членами этого тайнаго общества, имѣвшаго въ виду ту же самую цѣль, какъ и другія подобныя ему общества, — были офицеры піонернаго баталіона. Вожакъ этого общества, Рукевичъ, указывалъ офицерамъ на строгую исполнительность по службѣ, какъ на единственно вѣрное основаніе служебной свободы, ибо, — говорилъ онъ, — чѣмъ исполнительнѣе военно-служащій, тѣмъ менѣе даетъ онъ поводовъ къ начальническому снисхожденію, всегда неизбѣжному при упущеніяхъ, и, въ свою очередь, рождающему произволъ со стороны начальниковъ. Такою доктриною поссесоръ Рукевичъ подготовлялъ въ Литовскомъ корпусѣ самыхъ исполнительныхъ, самыхъ усердныхъ служакъ, которыхъ такъ жаловалъ цесаревичъ и которые въ то же время принадлежали къ числу лицъ, приготовлявшихся къ возстанію.

Не смотря на многочисленность тайныхъ обществъ какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ имперіи, Константинъ Павловичъ былъ вполнѣ увѣренъ, что въ управляемомъ имъ краѣ спокойствіе и порядокъ ни въ какомъ случаѣ не будутъ нарушены явнымъ возстаніемъ. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1873 года Юзефовичъ сообщаетъ, что Новосильцевъ давно увѣдомлялъ обо всемъ цесаревича, который не вполнѣ довѣрялъ ему, „не желая допустить мысли, чтобъ поляки могли отплатить ему гнусною неблагодарностью". Цесаревичъ твердо полагался на вѣрность правительству и на преданность лично ему какъ польской арміи, такъ и Литовскаго корпуса, и надѣялся даже, что эти военныя силы подавятъ народное возстаніе, если бы оно когда либо произошло. Такой взглядъ его на подчиненныя ему войска выражался всего очевиднѣе въ тѣхъ заботахъ, какія онъ прилагалъ для доведенія этихъ войскъ до высшей степени совершенства. Управляя же Царствомъ Польскимъ, онъ льстилъ себя надеждою, что имя его будетъ всегда памятно въ исторіи — взаимнымъ примиреніемъ между собою и русскихъ и поляковъ. Подъ вліяніемъ этой утѣшавшей его мечты, онъ не допускалъ никакого различія между представителями какъ русской, такъ и польской національности; выучившись отлично польскому языку, онъ всегда и всюду говорилъ то по польски, то по русски; покровительствовалъ смѣшаннымъ бракамъ, а въ совмѣстномъ

служеніи русской и польской армій видѣлъ братство обоихъ народовъ по оружію.

Однако, глухое броженіе постоянно происходило въ Царствѣ Польскомъ, обращаясь по временамъ, подъ вліяніемъ разныхъ событій, въ явственный ропотъ. Такъ, въ 1821 году, вслѣдствіе волненій, возникшихъ въ Верхней Италіи противъ австрійскаго владычества, императоръ Александръ, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, изъявилъ готовность подавить эти волненія силою русскаго оружія. У насъ стали готовиться къ войнѣ и приготовленія дѣлались въ такихъ большихъ размѣрахъ, что даже войска, находившіяся въ Тамбовской губерніи, получили приказъ выступить въ походъ. Но прежде чѣмъ успѣли русскіе придти на помощь австрійцамъ, они собственными силами усмирили возстаніе италіанцевъ. Слухъ о походѣ въ Италію, въ качествѣ союзниковъ австрійцевъ, сильно взволновалъ поляковъ: они сами ничего такъ сильно не желали какъ послѣдовать примѣру возставшихъ италіанцевъ, а потому предположеніе, что польскія войска будутъ принуждены дѣйствовать противъ италіанцевъ, поразило поляковъ страшнымъ ударомъ и еще болѣе усилило ихъ неудовольствія противъ русской власти.

Главнокомандующимъ войскъ, которымъ слѣдовало идти въ Италію, былъ назначенъ генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Онъ былъ вызванъ съ Кавказа и проѣздомъ черезъ Варшаву гостилъ нѣкоторое время у цесаревича, который былъ съ нимъ чрезвычайно друженъ. Письма свои къ Ермолову онъ начиналъ обыкновенно слѣдующими словами: „любезнѣйшій, почтеннѣйшій, храбрѣйшій другъ и товарищъ“. Но бытность Ермолова въ Варшавѣ поколебала эти добрыя отношенія. Однажды Константинъ Павловичъ, показывая свое войско Ермолову, вызвалъ изъ фронта молодца-гренадера и, представивъ его Ермолову, началъ выхвалять ловкость и обмундировку польскаго воина. Ермоловъ, отъявленный врагъ стѣснительной формы въ одеждѣ, казалось, былъ въ восхищеніи и, какъ будто нечаянно уронивъ платокъ, приказалъ гренадеру поднять его; затянутый мундиромъ и амуничными ремнями, ловкій гренадеръ съ большими усиліями исполнилъ приказаніе генерала. Ермоловъ не сказалъ ничего; не сказалъ ничего и великій князь, но сильно нахмурился, и Ермоловъ въ глазахъ его уже не былъ прежнимъ другомъ. Еще болѣе раздражилъ его Ермоловъ въ то время, когда цесаревичъ, въ сопровожденіи польскихъ генераловъ, показывалъ ему Варшаву. Ермоловъ, принимавшій участіе въ кровопролитномъ штурмѣ Праги Суворовымъ, началъ, въ присутствіи поляковъ, разсказывать подробности происходившаго при этомъ страшнаго побоища. Константину Павловичу разсказъ Ермолова, какъ возбуждавшій при-

скорбныя для поляковъ воспоминанія, былъ крайне непріятенъ. Оставшись потомъ съ Ермоловымъ въ небольшомъ кружку близкихъ людей, Константинъ Павловичъ сказалъ ему: „государь желалъ слить Польшу съ Россіею, но вы, пользуясь огромною репутаціею въ арміи, выказываете явное пренебреженіе къ полякамъ; вы даже не хотѣли принимать являвшихся къ вамъ польскихъ министровъ". Ермоловъ отвѣчалъ на это: „меня въ грубомъ обращеніи съ подчиненными, а тѣмъ менѣе съ поляками, никто не можетъ упрекнуть; подобными качествами можетъ щеголять лишь молодой и заносчивый корнетъ уланскаго вашего императорскаго высочества полка". Выходки Ермолова цесаревичъ помнилъ долго и еще въ 1827 году писалъ Ѳ. П. Опочинину: „въ 1821 году Ермоловъ велъ себя въ Варшавѣ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало; я совершенно прекратилъ мои съ нимъ соотношенія".

Надежды цесаревича на сліяніе Польши съ Россіею были, однако, слишкомъ обманчивы. Кромѣ тайныхъ обществъ, работавшихъ совершенно въ другомъ направленіи, и кромѣ глухаго ропота, даже и въ засѣданіяхъ сейма, почти на глазахъ государя, происходило многое, не предвѣщавшее прочности и долговѣчности существовавшихъ порядковъ. Уже императоръ Александръ былъ крайне недоволенъ ходомъ дѣлъ въ Польшѣ и замѣтно противъ прежняго охладѣлъ къ полякамъ. По поводу этого графъ Ростопчинъ, въ 1821 году, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ графу Воронцову замѣтилъ: „королевство Польское нынѣ не въ модѣ". Политика императора Александра Павловича представляется въ эту пору крайне непослѣдовательною. Въ Варшавѣ на сеймахъ онъ говорилъ либеральныя рѣчи, и въ то же время являлся первенствующимъ членомъ на конгрессахъ Троппаускомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ, на которыхъ предлагались, обсуждались, одобрялись и принимались самыя строгія мѣры къ тому, чтобъ подавить и уничтожить всякое проявленіе свободной мысли. Понятно, что если еще при самомъ возстановленіи Царства Польскаго ходили толки о томъ, что конституція дана полякамъ только для вида, то при крутомъ переворотѣ политики Александра I толки эти какъ будто подтверждались и поляки не могли не тревожиться, зная, что король или царь ихъ усердно началъ слѣдовать системѣ Меттерниха къ водворенію въ Европѣ полнаго абсолютизма. Между тѣмъ, лица, поставленныя во главѣ управленія Царствомъ Польскимъ, вовсе не вызывали къ себѣ ни сочувствія, ни любви поляковъ. Сѣдовласый и безногій князь Зайончекъ былъ у поляковъ въ большомъ уваженіи какъ храбрый военачальникъ, но на должности намѣстника дряхлый старикъ представлялъ собою полное ничтожество: онъ пользовался только внѣшнимъ почетомъ, такъ какъ вся власть по управленію Царствомъ Польскимъ со-

средоточивалась фактически въ рукахъ Константина Павловича и преимущественно въ рукахъ уполномоченнаго императорскаго комисара Новосильцева. Въ свою очередь, цесаревичъ, не смотря на нѣкоторыя хорошія черты своего характера, не только не привлекалъ, но скорѣе отталкивалъ отъ себя поляковъ, обѣщаясь „задать имъ конституцію“. Кромѣ того, Зайончекъ, выбившійся въ люди только своими личными заслугами, не пользовался вовсе расположеніемъ польской аристократіи, имѣвшей въ краѣ такое громадное вліяніе, да и Константинъ Павловичъ своимъ рѣзкимъ обращеніемъ съ магнатами при дѣловыхъ съ ними отношеніяхъ возбуждалъ въ нихъ сильное неудовольствіе. Поэтому, высшіе лица мѣстнаго общества хотѣли быть подальше отъ него и начали выбираться изъ Варшавы на жительство въ Кременецъ.

До сихъ поръ польское возстаніе 1830 года приписываютъ болѣе всего суровымъ мѣрамъ, будто бы принятымъ противъ поляковъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и въ противоположность его образу дѣйствій говорятъ о благодушіи императора Александра Павловича, умѣвшаго такъ сильно привязать къ себѣ поляковъ. Такой взглядъ—скажемъ мы—крайне ошибоченъ: и въ царствованіе Александра Павловича поляки постоянно мечтали о самостоятельной и независимой Польшѣ, а двойственная его политика повліяла гораздо болѣе на подготовку польскаго возстанія, нежели сколько могла бы повліять на это прямодушная суровость императора Николая... При томъ, самымъ главнымъ и наиболѣе побудительнымъ поводомъ была отмѣна публичныхъ засѣданій сеймовъ; распоряженіе же объ этомъ послѣдовало въ февралѣ 1825 года, именно по волѣ императора Александра Павловича.

Е. П. Карновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ БАРОНА Л. П. НИКОЛАИ,

ВЕДЕННЫЙ ИМЪ

во время Венгерской кампаніи 1849 г.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Леонтій Павловичъ Николаи родился 7-го (19-го) января 1820 года, въ Копенгагенѣ, гдѣ отецъ его былъ чрезвычайнымъ русскимъ посланникомъ при Датскомъ дворѣ. Получивъ первоначальное домашнее воспитаніе, онъ, въ 1833 году, поступилъ въ Морской кадетскій корпусъ; по окончаніи курса въ ономъ, въ декабрѣ 1837 года, Л. П. вступилъ въ службу мичманомъ въ Балтійскій флотъ, но продолжалъ научное образованіе въ офицерскихъ классахъ Морскаго корпуса. Въ 1841 году, съ производствомъ въ чинъ лейтенанта, баронъ Николаи былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, подъ главное начальство адмирала Михаила Петровича Лазарева, въ домѣ котораго нашелъ самое благосклонное и радушное гостепріимство. Въ 1842 году, Л. П. отправился, въ составѣ экипажа корвета „Андромаха“, подъ командою капитана Истомина (въ послѣдствіи адмирала, убитаго во время осады Севастополя), въ заграничное плаваніе, въ Средиземномъ морѣ; а въ 1844 году, оставивъ морскую службу, перешелъ въ военно-сухопутную и поступилъ въ военную академію, въ которой окончилъ курсъ высшихъ наукъ въ концѣ 1846 года. Осенью 1847 года, баронъ Николаи прибылъ на Кавказъ и началъ свою боевую службу, которая продолжалась тамъ до окончательнаго умиротворенія Кавказа. Въ 1864 году военная служба барона Николаи на Кавказѣ, продолжавшаяся съ 1847 по 1867 г., была прервана только одинъ разъ, въ 1849 году, когда онъ участвовалъ въ Венгерской кампаніи, состоя при главномъ штабѣ фельдмаршала князя Варшавскаго, и затѣмъ, въ качествѣ флигель-

адъютанта Его Императорскаго Высочества, зимою съ 1849 по 1850 годъ, былъ командированъ къ присутствованію и наблюденію за рекрутскимъ наборомъ въ Вологодской губерніи. Въ 1848 году, баронъ Николаи былъ пожалованъ въ званіе флигель-адъютанта къ Его Величеству; въ 1854 г., съ производствомъ въ генералъ-маіоры, былъ оставленъ въ свитѣ Его Величества, а въ декабрѣ 1862 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ.

Начиная съ 1846 года, по мысли тогдашняго главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, военныя дѣйствія на Кавказѣ были подведены подъ строгую систему, цѣль которой заключалась въ постепенномъ стѣсненіи территоріи, на которой бывшій имамъ Шамиль деспотически властвовалъ: территорія эта обнимала горныя высоты и долины Дагестана и лѣсистую плоскость Чечни и Ичкеріи; въ Дагестанѣ военныя дѣйствія были возможны только лѣтомъ и заключались въ осадѣ и раззореніи укрѣпленныхъ ауловъ, составлявшихъ какъ бы передовыя позиціи непріятеля, и въ лишеніи его черезъ то опорныхъ пунктовъ для вторженія въ земли покорныхъ намъ племенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учреждались съ нашей стороны новыя укрѣпленныя штабъ-квартиры или позиціи, которыя болѣе и болѣе вдавались въ непріятельскую землю. Въ Чечнѣ военныя дѣйствія выражались совершенно въ иномъ видѣ: тутъ, въ странѣ, покрытой густыми лѣсами, въ которыхъ укрывались непріятельскіе аулы и которые служили лучшимъ для оборонительной войны оплотомъ, задача заключалась въ открытіи широкихъ и безопасныхъ путей черезъ эти лѣса, что̀ должно было заставить населеніе, скрывавшееся подъ ихъ защитою, либо покориться, либо выселиться. Но эти военныя дѣйствія могли производиться только зимою, когда лѣсъ былъ безъ листьевъ и, слѣдовательно, не могъ представлять серіозныхъ препятствій. Такимъ образомъ, военныя дѣйствія на восточномъ Кавказѣ раздѣлялись на лѣтнія экспедиціи въ Дагестанѣ и зимнія экспедиціи въ Чечнѣ и Ичкеріи; первыя доставались преимущественно на долю войска, расположеннаго на Шамхальской плоскости и въ предгорьяхъ восточнаго Кавказа; вторыя упадали болѣе всего на долю войскъ, квартировавшихъ въ Владикавказскомъ округѣ и въ предѣлахъ такъ называвшагося лѣваго фланга, а въ послѣдствіи лѣваго крыла Кавказской линіи. Въ числѣ этихъ войскъ, Кабардинскій, прежде ген.-адъютанта кн. Чернышева, а нынѣ ген.-фельдмаршала князя Барятинскаго, полкъ былъ расположенъ сперва въ крѣпости Внезапной, основанной генераломъ Ермоловымъ, а потомъ въ Хасавъ-Юртѣ, и охранялъ такъ называемую Кумыкскую плоскость, ограниченную съ сѣвера Те-

рекомъ, а съ юга рѣкою Сулакомъ, съ востока Каспійскимъ моремъ, и съ запада лѣсистыми предгорьями. Съ Кабардинскимъ полкомъ, однимъ изъ доблестнѣйшимъ въ Кавказской арміи, была связана боевая служба барона Николаи, въ теченіе наибольшей ея дѣятельности. Сперва командируемый изъ Тифлиса для участвованія въ зимнюю экспедицію, баронъ Николаи, въ 1850 году, былъ переведенъ въ Кабардинскій полкъ и назначенъ командиромъ 3-го баталіона, а въ 1852 году—командиромъ полка, въ каковой должности оставался до декабря 1857 года. Въ теченіе этого семилѣтняго періода, баронъ Николаи почти непрерывно находился въ походахъ; въ особенности же его дѣятельность была не лишена трудностей во время Крымской войны, когда не малая часть войскъ была отправлена для дѣйствій въ Малой Азіи и необходимо было ожидать, что Шамиль, пользуясь этими обстоятельствами, предприметъ болѣе рѣшительныя нападенія. Блистательное дѣло подъ Исто-су, 3-го октября 1854 года, въ которомъ баронъ Николаи съ 6-ю ротами командуемаго имъ полка наголову разбилъ Шамиля, пытавшагося съ полчищами до 20 тысячъ человѣкъ вторгнуться на Кумыкскую плоскость, остановило всякія дальнѣйшія попытки имама на эту сторону нашей линіи, и составляетъ одно изъ славныхъ событій въ лѣтописяхъ Кабардинскаго полка. Съ 1857 по 1860 годъ баронъ Николаи состоялъ при главнокомандующемъ Кавказскою арміею, и участвовалъ въ историческомъ походѣ 1859 года, который ознаменовался взятіемъ въ плѣнъ Шамиля, послѣ штурма Гунибской твердыни, и окончаніемъ войны на восточномъ Кавказѣ. Въ 1860 году баронъ Николаи былъ назначенъ начальникомъ Кавказской гренадерской дивизіи, въ каковомъ званіи пребывалъ до 1867 года, когда уѣхалъ въ отпускъ за границу и затѣмъ, въ 1868 году, вышелъ въ отставку.

Дополнимъ эту служебную хронику нѣсколькими словами о личныхъ качествахъ барона Леонтія Павловича Николаи. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ, которые его близко знали, подтвердятъ, что это былъ человѣкъ самыхъ благородныхъ правилъ и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Съ умомъ живымъ, пріятнымъ и многосторонне развитымъ, въ немъ была соединена способность искренно увлекаться всѣмъ добрымъ и высокимъ, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось. Вѣроятно, подъ вліяніемъ боевой жизни на Кавказѣ, гдѣ постоянно приходилось смотрѣть въ глаза смерти, присущее ему глубоко-религіозное направленіе сильно развилось и пріобрѣло преобладающее въ немъ значеніе. Началось съ того, что онъ перешелъ, въ 1858 году, изъ протестантизма въ римско-католическую вѣру, и затѣмъ, все болѣе и болѣе отрѣшаясь отъ всего житейскаго, Л. П., спустя десять

лѣтъ послѣ такого перехода, рѣшился разстаться съ своимъ общественнымъ положеніемъ, въ глазахъ многихъ людей столь блестящимъ и завиднымъ. По выходѣ въ отставку, онъ уѣхалъ во Францію, и здѣсь, покончивъ всѣ мірскіе счеты, постригся въ монахи ордена Картезіанцевъ, въ монастырѣ la Grande Chartreuse, — близъ Гренобля.

Представляемый здѣсь Дневникъ барона Л. П. Николаи о Венгерской кампаніи 1849 г. имѣетъ значеніе, какъ новый вкладъ въ небольшое собраніе частныхъ воспоминаній, обнародованныхъ о помянутой войнѣ. Понятно, что нѣкоторыя свѣдѣнія, изъ множества вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ въ нихъ встрѣчающихся, будучи основаны на современныхъ слухахъ — ошибочны. Но нѣтъ сомнѣнія, что все видѣнное лично барономъ Николаи передано имъ согласно самой строгой истинѣ.

Замѣчательнѣйшую часть этого Дневника составляютъ сужденія самого автора объ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій и критическая ихъ оцѣнка. Они обнаруживаютъ въ немъ вѣрный военный взглядъ и основательную теоретическую подготовку.

Въ заключеніе, редакція „Русской Старины“ долгомъ считаетъ выразить глубочайшую признательность барону Александру Павловичу Николаи за сообщеніе на страницы этого изданія „Дневника“ его брата, матеріала, повторяемъ, весьма важнаго и вполнѣ интереснаго по отношенію къ столь мало разработанной еще въ нашей литературѣ исторіи Русско-Венгерской кампаніи 1849 года.

Ред.

I.

13-го мая 1849 г. Я прибылъ въ Варшаву, въ главную квартиру его величества, и, послѣ короткаго отдыха отъ довольно утомительнаго путешествія, отправился въ Лазенки отыскивать своихъ товарищей, флигель-адъютантовъ, князя Меншикова, Бетанкура, Баранова и недавно прибывшаго изъ Берлина графа Бенкендорфа. Они мнѣ сообщили интересныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Венгріи: по видимому, наступилъ нѣкотораго рода отдыхъ въ военныхъ дѣйствіяхъ между австрійцами и возставшими венгерцами; предполагали даже, что въ лагерѣ сихъ послѣднихъ возникъ раздоръ; польская партія, подъ предводительствомъ Дембинскаго, Бема и др., хотѣла прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ: къ провозглашенію республики и низверженію Австрійскаго дома. Партія эта умѣла пріобрѣсти такую силу,

что она заглушила національно-мадьярскую, и если вѣрить слухамъ, то она успѣла пересилить вліяніе самого Кошута; наконецъ, она желала бы перенести войну въ Галицію, но мадьяры на это не соглашаются.

Впрочемъ, все это пока только слухи; мнѣ даже кажется, что на нихъ основываютъ слишкомъ много надеждъ, полагая, что раздоръ этотъ очень облегчитъ дѣло усмиренія. Можно допустить, что упоеніе успѣха привело къ разногласіямъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надобно подумать, что, при появленіи нашихъ силъ, общая опасность возстановитъ согласіе. Послѣ столь блистательныхъ успѣховъ, венгерцы едва ли захотятъ подчиниться унизительнымъ для нихъ условіямъ, въ особенности, если австрійское правительство будетъ продолжать настаивать на совершенномъ политическомъ сліяніи Венгріи съ остальными его владѣніями. Казалось даже, что такой образъ дѣйствія не оправдывался бы благоразуміемъ, и что Австріи скорѣе бы слѣдовало воспользоваться раздорами въ станѣ своихъ противниковъ, чтобы предложить умѣренныя условія, удовлетворяющія преимущественно національному самолюбію мадьяровъ, и тѣмъ дать послѣднимъ поводъ и возможность сбросить бремя безпокойныхъ и тягостныхъ союзниковъ,— а не соединять ихъ для отчаянной борьбы, чрезъ упорство въ крайнихъ требованіяхъ. Къ сожалѣнію, есть мало надежды, чтобы Австрія, которая расчитываетъ теперь на могущественную помощь, съумѣла бы быть умѣренною.

Я узналъ, что 3-й корпусъ уже въ Краковѣ, и что фельдмаршалъ [Паскевичъ] лично приметъ командованіе арміею; въ настоящее время, одна 8-я дивизія Панютина выдвинута впередъ; но вмѣсто того, чтобы дойти до Вѣны, она, вопреки положительнымъ приказаніямъ фельдмаршала, остановлена генераломъ Бергомъ въ Градишѣ, въ Моравіи. Такимъ образомъ, не исполняя назначенія, обусловленнаго конвенціею — служить резервомъ для главнаго дѣйствующаго австрійскаго корпуса,—дивизія эта брошена во флангъ нашихъ союзниковъ, имѣя передъ собою лишь одинъ баталіонъ австрійскій, который защищаетъ переходъ черезъ рѣку Ваасъ, близъ Тренчина.

16-го мая получено извѣстіе, что Офенъ взятъ приступомъ венгерцами, а австрійскій гарнизонъ уничтоженъ. Таковы-то надежды на миръ!

20-го мая. Расположеніе войскъ нашихъ въ настоящее время слѣдующее:

3-й корпусъ, подъ начальствомъ генерала Ридигера, имѣетъ свою корпусную квартиру въ Краковѣ, гдѣ находится 3-я легкая кавалерійская дивизія. Изъ состава этого корпуса, 8-я пѣхотная дивизія, подъ командою генерала Панютина, изъ Градиша имѣетъ двинуться на Тренчинъ и Бечко, чтобы содѣйствовать австрійскому корпусу, находящемуся на сѣверъ отъ рѣки Дуная. Авангардъ этого корпуса, подъ начальствомъ генерала Засса, занимаетъ Іордановъ, имѣя свои аванпосты въ Карпатскихъ горахъ; онъ получилъ приказаніе овладѣть Розенбергомъ, недалеко отъ рѣчки Верхняя Арва, занятымъ, какъ говорятъ, непріятелемъ, и производить демонстраціи, которыя бы заставили предполагать, что главная наша атака будетъ произведена съ этой стороны.

4-й корпусъ, генерала Чаадаева, находится въ Пржемыслѣ, имѣя свой авангардъ, подъ начальствомъ генерала Анрепа, въ Дуклѣ.

2-й корпусъ также находится въ Галиціи; онъ предназначенъ для усиленія двухъ другихъ корпусовъ. Говорятъ, что главное движеніе, подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала, имѣетъ быть произведено чрезъ Дукла на Дебречинъ; въ этомъ движеніи имѣютъ участвовать три пѣхотныя и двѣ легко-кавалерійскія дивизіи 2-го и 4-го корпусовъ. Одну отдѣльную колонну предположено направить въ Венгрію черезъ Стрый, другая, въ составѣ одной пѣхотной и одной кавалерійской дивизіи, уже вступила въ Буковину, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы въ послѣдствіи дѣйствовать въ Трансильваніи.

Наконецъ, генералъ Лидерсъ съ 5-мъ корпусомъ имѣетъ получить приказаніе вступить въ Трансильванію черезъ Валахію, идти на Германштадтъ, очистить этотъ край отъ отрядовъ, которые Бемъ тамъ оставилъ, и, занявъ оный отрядомъ Пухнера, слѣдовать далѣе черезъ Дева и Добра на Темешваръ, чтобы, по возможности, соединиться съ Іелачичемъ на Дунаѣ, близъ Бездена, или Могатча.

Въ Царствѣ Польскомъ остается 1-й корпусъ. Гренадерскій и 6-й корпуса прибудутъ на границу Царства; первый имѣетъ, кажется, временно остановиться около Ковно и Вильны, до прибытія гвардіи; послѣ чего, уступивъ ей свое мѣсто,—вступитъ въ

Царство. Резервные кавалерійскіе корпуса также направляются въ Царство Польское и къ границѣ Галиціи. Какое огромное сосредоточеніе силъ! Надобно надѣяться, что не замедлятъ воспользоваться ими, чтобы атаковать непріятеля и нанести ему сильный ударъ.

21-го мая. Флигель-адъютантъ Ахматовъ прибылъ изъ Дукла, гдѣ онъ состоялъ въ распоряженіи генерала Анрепа; онъ сообщилъ намъ разныя интересныя подробности.

Главная квартира генерала Анрепа въ Дукла, но аванпосты его уже перешли черезъ хребетъ горъ, по направленію къ Зборо и Свиднику. Непріятель не показывался; но говорятъ, что онъ въ значительныхъ силахъ, подъ начальствомъ самого Дембинскаго, стоитъ около Кашау, который укрѣпляетъ [1]); что въ Эперіесѣ есть небольшой фортъ съ незначительнымъ гарнизономъ.

Четыре дня до прихода нашихъ аванпостовъ, Дембинскій былъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ съ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ, дабы собирать рекрутовъ. Населеніе, занимающее южный склонъ горъ, состоитъ изъ русиновъ, которые съ радостью принимаютъ наши войска. Около Дукла переходъ черезъ Карпаты не представляетъ никакихъ серьозныхъ затрудненій; высота ихъ такъ незначительна, что жители распахиваютъ поля до самой вершины горъ, богатыхъ лѣсомъ.

Численность австрійскихъ силъ въ Галиціи не превышаетъ 33,000 человѣкъ; войска эти состоятъ почти исключительно изъ только что набранныхъ въ этой же провинціи рекрутъ. Не получивъ еще почти никакого военнаго образованія и будучи разбросаны мелкими отрядами какъ по всей Галиціи, такъ и для огражденія переходовъ черезъ горы, войска эти не имѣютъ условій для развитія между ними военнаго духа и столь необходимаго чувства товарищества знамени.

Получено свѣдѣніе, что генералъ Велденъ замѣненъ въ командованіи барономъ Гайнау; говорятъ, что сей послѣдній—человѣкъ съ энергіею; впрочемъ, и о предмѣстникѣ его слыла такая же молва,—а что же онъ сдѣлалъ!

---

[1]) Въ послѣдствіи оказалось, что непріятельскихъ войскъ на сѣверо-востокѣ Венгріи было всего 17—20 т., разбросанныхъ отдѣльными отрядами по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей изъ Дуклы въ Кашау, и на самой дорогѣ этой. Означенныя войска большею частію состояли изъ новобранцевъ.

Большая австрійская армія, въ числѣ около 65,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Гайнау, занимаетъ Пресбургъ и лѣвый берегъ Дуная; на правомъ берегу нѣтъ почти никакихъ войскъ. Генералъ Панютинъ, съ дивизіею своею, имѣетъ идти черезъ Унгришъ-Бродъ и Тирнау на присоединеніе къ австрійцамъ въ Пресбургъ и служить резервомъ ихъ арміи.

Въ ночь съ 27-го на 28-е мая я получилъ приказаніе отправиться къ 11-й дивизіи (генерала Бѣлогуѣва), находиться при ней во время ея перехода черезъ горы Карпатскія и о совершеніи такого перехода привезти донесеніе его величеству.

28-го мая. Колонна, къ которой я командированъ, имѣетъ собраться въ Змигродѣ; оттуда, буде возможно, совершить переходъ черезъ Карпатскія горы по прямому направленію черезъ Бартфельдъ; буде же дорога эта окажется непроходимою, то повернуть на Дукла и идти по главной дорогѣ, совмѣстно съ 12-ю дивизіею.

29-го мая. По полученнымъ свѣдѣніямъ, венгерцы готовятся къ сильной оборонѣ въ окрестностяхъ Эперіеса; для этого они укрѣпили перевалъ Гартникъ, на югъ отъ Бартфельда, и, какъ вторую линію, лѣсъ, находящійся между Демете и Капи, на полдорогѣ между переваломъ и Эперіесомъ. Мы увидимъ на сколько всѣ эти свѣдѣнія подтвердятся. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что не трудно будетъ обойти эти препятствія: сперва посредствомъ нѣсколькихъ колоннъ, отдѣленныхъ отъ главнаго отряда, а потомъ движеніемъ генерала Ридигера съ двумя дивизіями черезъ Кеземаркъ и Лейтшау на Эперіесъ.

2-го іюня. Я прибылъ въ Змигродъ, гдѣ засталъ часть главной квартиры, ибо ожидали государя; для него приготовлено было прекрасное помѣщеніе въ домѣ мѣстнаго помѣщика. Тутъ-же находились уже князь Горчаковъ, баронъ Ливенъ, Бенкендорфъ, Адлербергъ и Шуваловъ. Около 10-ти часовъ вечера прибылъ государь, въ сопровожденіи фельдмаршала, и нѣсколько позже великій князь Константинъ Николаевичъ.

3-го іюня. Между 9-ю и 10-ю часами утра мы пошли представиться его величеству. Въ этотъ день прибылъ герцогъ Вильгельмъ, младшій братъ императора австрійскаго, присланный имъ для привѣтствованія государя; его сопровождалъ графъ Салаба. Въ продолженіи дня сюда-же съѣхались генералы Купріяновъ,

Лабинцевъ, Фрейтагъ, Карловичъ (начальникъ 4-й дивизіи), генералъ Зассъ (4-й легкой кавалерійской дивизіи), Глазенапъ (2-й легкой дивизіи), и начальникъ кавалерійскаго корпуса Сакенъ.

4-го іюня. Я отправляюсь въ Дукла къ генералу Бѣлогужеву, къ которому назначенъ. Мѣстность между Змигродомъ и Дукла волнистая и пересѣченная. Передъ самымъ мѣстечкомъ была расположена на бивуакѣ первая бригада 11-й дивизіи; она имѣла идти въ Змигродъ, дабы служить резервомъ генералу Чаадаеву при переходѣ его, 6-го числа, черезъ горы; 4-я, 5-я, 12-я дивизіи и вторая бригада одиннадцатой дивизіи имѣли, вмѣстѣ съ двумя кавалерійскими полками, совершить этотъ переходъ на слѣдующій день. Прибывъ въ Дукла, около заката солнца, я тотчасъ явился къ генералу Бѣлогужеву; онъ мнѣ показался человѣкомъ открытаго и простаго нрава, весьма напоминавшимъ мнѣ полковника Костьерку, моего кавказскаго знакомаго. Генералъ помѣщался въ замкѣ мѣстнаго владѣльца, графа Меншинскаго; зданіе это четвероугольное, обширное, довольно безобразное, напоминаетъ замки романа Анны Редклифъ: большое количество пустыхъ комнатъ, корридоровъ, лѣстницъ, потайныхъ дверей, ведущихъ неизвѣстно куда; при этомъ весьма мало комнатъ меблированныхъ и тѣ—весьма скудно. Для довершенія этой мрачной картины, вечеромъ поднялась сильная буря, отъ дѣйствія которой дурно вставленныя стекла оконъ разлетались, двери въ комнатахъ постоянно открывались и вѣтеръ съ печальнымъ гуломъ пролеталъ по длиннымъ корридорамъ. Ночной отдыхъ при этихъ условіяхъ былъ очень плохой.

5-го іюня. Въ 5 часовъ утра назначено выступленіе: шесть баталіоновъ (весь полкъ Охотскій и 2 баталіона Камчатскаго), одна легкая батарея изъ 12-ти орудій, триста казаковъ и два конныхъ орудія имѣютъ двинуться и дойти до селенія Нижній Комарникъ, гдѣ и остановятся. Остальнымъ двумъ баталіонамъ Камчатскаго полка, при батарейной батареѣ изъ 12-ти орудій, приказано остаться на позиціи въ Тилавѣ, гдѣ имѣютъ быть устроены лазареты.—Наканунѣ этого дня, 5-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Лабинцева, и одинъ кавалерійскій полкъ должны были двинуться изъ Грибова для одновременнаго съ ними перехода черезъ горы, около Изби, и оттуда идти черезъ Габольто и Тарно. Въ то же время четвертой дивизіи, при которой находился корпусный командиръ, генералъ Купріяновъ, и одному ка-

валерійскому полку предстояло выступить изъ Гуличе и совершить переходъ черезъ горы около Конечна и Полянки, направляясь на Зборо. 12-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Бушина, съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ должна, выступая изъ Змигрода, перейти горы черезъ Грабъ. За ней должна лишь на слѣдующій день послѣдовать первая бригада 11-й дивизіи съ Вознесенскимъ уланскимъ полкомъ и обозомъ. Корпусный командиръ Чаадаевъ будетъ слѣдовать съ этою колонною. Самъ фельдмаршалъ съ штабомъ своимъ предполагаетъ выступить завтра же и быть вечеромъ въ Смильно. Затѣмъ, въ той части Галиціи, изъ которой мы выступали, оставались только: одна бригада 2-й легкой кавалерійской дивизіи, подъ начальствомъ генерала Глазенапа, и генерала Засса съ тремя полками командуемой имъ 4-й кавалерійской дивизіи; но и эти войска должны слѣдовать нѣсколько позже. Начальнику 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералу Сакену, предписано стоять въ Галиціи—кажется, въ мѣстечкѣ Стрый,—съ одной пѣхотною и одной кавалерійскою бригадами. Генералъ Гротенгіелмъ находится въ Буковинѣ съ одною пѣхотною бригадою и одною бригадою уланскою (2-го кавалерійскаго корпуса), для содѣйствія генералу Лидерсу, который съ своимъ корпусомъ долженъ изъ Валахіи вступить въ Трансильванію. Австрійская дивизія Кламъ-Галласъ (бывшая Пухнеръ) имѣетъ его поддерживать. Наконецъ, банъ Іелачичъ долженъ подвигаться съ юга между Дунаемъ и Тиссою. На правомъ нашемъ флангѣ генералу Граббе, съ тремя пѣхотными полками 6-й дивизіи и однимъ казачьимъ полкомъ, предназначено стать въ Кубинѣ и, смѣнивъ въ этой мѣстности генерала Засса, дать сему послѣднему возможность присоединиться къ графу Ридигеру. Такимъ образомъ, графъ Ридигеръ будетъ, для движенія изъ Неймарка на Офалу, располагать двумя дивизіями, съ которыми онъ пойдетъ на Эперіесъ. Въ Дукла одинъ австрійскій баталіонъ охраняетъ склады. Таковъ общій планъ дѣйствій, въ настоящее время.

Погода была прекрасная; генералъ Бѣлогужевъ очень любезно предложилъ мнѣ мѣсто въ своей коляскѣ, въ которой мы проѣхали около восьми верстъ, чтобы догнать выступившія впередъ войска. Въ Барвинкѣ дѣлается привалъ. Мѣстность волнистая; возвышенности направо и налѣво покрыты лѣсомъ; но трудно ихъ

назвать горами. Дорога хорошая. На границѣ венгерской мы нашли слѣды сдѣланныхъ заваловъ и попытки разрыть дорогу; начиная отсюда, идетъ спускъ, но нигдѣ онъ не представляетъ трудностей крутизны или другихъ естественныхъ препятствій. Около полудня мы достигли Нижняго Комарника, довольно большаго селенія, на рѣчкѣ Гункевечъ, при соединеніи двухъ горныхъ ущелій.

Войска расположились на бивуакахъ; три разъѣзда, по 20-ти человѣкъ каждый, были посланы по направленію къ Свиднику, къ Стропко и къ Чертесу. Не прошло болѣе часа послѣ нашего прихода, какъ прискакалъ, весь запыленный, казакъ изъ разъѣзда, посланнаго къ Чертесу, съ донесеніемъ о появленіи непріятельскаго отряда по крайней мѣрѣ до 400 человѣкъ, и съ просьбою о присылкѣ подкрѣпленія. Немедленно было наряжено двѣсти казаковъ, къ которымъ я просилъ дозволенія присоединиться. Мы направились по большой дорогѣ, по которой прошли утромъ, до селенія Верхній Комарникъ, потомъ поворотили направо, проѣхали черезъ великолѣпный лѣсъ, изъ громадныхъ буковъ и сосенъ, и выѣхали къ Черемку, находящемуся уже въ Галиціи; не встрѣтивъ нашего разъѣзда и узнавъ, что тутъ никакой непріятель не показывался, но что онъ будто бы былъ видѣнъ по направленію къ Чертесу, мы отправились туда. Въ Чертесѣ населеніе, состоящее изъ русиновъ, встрѣтило насъ съ хлѣбомъ и солью; народъ видный, съ выраженіемъ добродушія и честности на лицахъ. Намъ объяснили, что, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, 15 человѣкъ непріятелей были въ селеніи и отправились въ Хабура, отстоящее въ 4-хъ или 5-ти верстахъ. Насъ такъ убѣждали слѣдовать туда-же, въ особенности евреи, которыхъ тутъ немалое число, увѣряя, что мы непремѣнно застанемъ тамъ непріятеля,—что, не смотря на томительную жару, мы рѣшились продолжать путь къ Хабура; но и тутъ никакого непріятеля не оказалось, а жители насъ встрѣтили съ тѣмъ же радушіемъ, какъ въ Чертесѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывалось, что за селеніемъ Маза-Лабарцъ, не далеко отъ Красноброда, долженъ быть отрядъ, отъ 100 до 200 непріятелей, преимущественно пѣхоты, который высылаетъ пикеты отъ 15-ти до 20-ти человѣкъ, дабы понуждать жителей къ работамъ для сооруженія какого-то укрѣпленія. Въ виду того, что было уже около 6-ти часовъ вечера, а разстояніе отъ лагеря нашего довольно значительное, мы рѣшились идти въ обратный путь

и, слѣдуя по той же дорогѣ, по которой шли утромъ, достигли лагеря въ 9 часовъ вечера, и застали генерала Бѣлогужева весьма озабоченнаго нашимъ долгимъ отсутствіемъ. Оба другіе разъѣзда, направленные къ Свиднику и къ Стропко, не встрѣтили никакихъ признаковъ присутствія непріятеля.

6-го іюня. Дабы въ точности исполнить полученное мною приказаніе: донести его величеству о переходѣ отряда генерала Бѣлогужева черезъ Карпатскія горы, я рѣшился теперь-же отправиться въ главную квартиру; въ этотъ же день генералъ Бѣлогужевъ предполагалъ отрядить сотню казаковъ къ селенію Стропко; отрядъ же его имѣлъ оставаться въ Комарникѣ. Я доѣхалъ въ бричкѣ до Дукла, гдѣ засталъ уже часть 4-й легкой кавалерійской дивизіи; оттуда я продолжалъ путь свой въ Змигродъ. Отъ графа Орлова, которому я тотчасъ представился, я узналъ, что государь поѣхалъ съ фельдмаршаломъ до Граба, откуда предполагаетъ возвратиться въ Змигродъ. Шуваловъ, котораго я встрѣтилъ, разсказалъ мнѣ, что рекогносцировка, произведенная генераломъ Анрепомъ, была доведена до Зборо, но никакого результата не имѣла. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, я отправился верхомъ въ Грабъ. До Контила дорога слѣдуетъ по берегу рѣчки Вислока; отъ этого мѣстечка начинается довольно значительный подъемъ; спускаясь на противоположной сторонѣ горы, я встрѣтилъ государя, ѣхавшаго въ коляскѣ; остановивъ меня и выслушавъ мое донесеніе, онъ приказалъ мнѣ отправиться къ фельдмаршалу. Подъѣхавъ къ селенію Полянка, я увидѣлъ вдали большое количество огней, и, весьма уставши, очень обрадовался, надѣясь, что застану тутъ главную квартиру; но былъ разочарованъ извѣстіемъ, что тутъ только находится одинъ уланскій полкъ и первая бригада 11-й дивизіи. Въ трехъ верстахъ отъ Полянки, въ селеніи Жмилно, я, наконецъ, засталъ главную квартиру, которая находилась тамъ съ 12-ю пѣхотною дивизіею и однимъ кавалерійскимъ полкомъ. Я нашелъ въ крестьянской избѣ фельдмаршала съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, княземъ Горчаковымъ и генераломъ Фрейтагомъ. Затѣмъ я отыскалъ молодаго Паскевича, а около дома, приготовленнаго для великаго князя,—г. Бибикова, который предложилъ мнѣ ночлегъ, на сѣнѣ въ сараѣ. Съ радостью я воспользовался этимъ предложеніемъ.

7-го іюня. Проснувшись утромъ, я узналъ, что фельдмаршалъ

и Великій Князь уже отправились на рекогносцировку. Вся главная квартира съ бригадою иррегулярныхъ войскъ и съ казаками выступила около 9-ти часовъ утра, по направленію къ Зборо. Мѣстечко это очень живописно раскинуто; но мы только что успѣли расположиться въ ономъ, когда получилось приказаніе идти далѣе къ Бартфельду.

Бартфельдъ, хорошенькій городокъ, расположенъ при соединеніи нѣсколькихъ ущелій; дома его своеобразной архитектуры. Здѣсь мы застали Гейдена, у котораго расположились. Генералъ Куприяновъ занималъ Бартфельдъ съ 4-ю пѣхотною дивизіею, а генералъ Лабинцевъ съ 5-ю дивизію успѣлъ дойти только до Тарно, ибо встрѣтилъ дорогу болѣе трудную, нежели предполагалось.

Было получено извѣстіе, что непріятельскіе аванпосты находятся въ разстояніи только нѣсколькихъ верстъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ произвелъ рекогносцировку къ высотамъ за Бартфельдомъ, около мѣста, называемаго «Забава». При поворотѣ ущелья, донскіе казаки наткнулись на непріятельскіе аванпосты, которые тутъ устроили засаду: взятые въ расплохъ, донцы отступили; тогда около пятнадцати линейныхъ казаковъ изъ конвоя фельдмаршала, и съ ними молодой Паскевичъ, скрытно спустившись съ высоты, подъ прикрытіемъ кустарниковъ, внезапно ударили непріятелю во флангъ, нѣсколько человѣкъ перерубили и одного тяжело раненаго взяли въ плѣнъ. Фельдмаршалъ, говорятъ, высказалъ большое неудовольствіе противъ своего сына, за его самовольную выходку; но, вѣроятно, въ душѣ порадовался его молодечеству.

За ужиномъ у фельдмаршала явились австрійскій генералъ Парротъ, назначенный состоять при князѣ во время кампаніи, и графъ Зичи, главный коммисаръ императора австрійскаго въ усмиренныхъ провинціяхъ. Жители Бартфельда не выказывали намъ сочувствія и многіе изъ нихъ удалились изъ города и присоединились къ непріятелю.

8-го іюня. Около 9-ти часовъ утра фельдмаршалъ выѣхалъ на рекогносцировку. 4-я дивизія была выдвинута до Лафальвы, послѣ того какъ непріятель оставилъ довольно выгодную позицію, которую онъ занималъ на возвышенности, нѣсколько впереди этого мѣстечка.

Изъ Бартфельда двѣ дороги ведутъ на Эперіесъ; онѣ раз-

вѣтвляются въ м. Забава; лѣвая, главная и шоссейная, дорога идетъ черезъ Лафальву и Капи, по мѣстности довольно ровной; но она длиннѣе и, кромѣ того, между Рославичи и Демете проходитъ по узкому, лѣсистому ущелью, которое, по слухамъ, непріятель намѣревается защищать, воздвигая сверхъ того полевыя укрѣпленія въ Капи. Другая, правая, дорога,—старая, болѣе трудная,—проходитъ по мѣстности гористой, имѣя нѣсколько крутыхъ подъемовъ, въ особенности близъ Геральта; но она короче и, повидимому, непріятель насъ по оной вовсе не ожидаетъ. По этой дорогѣ направляется 5-я дивизія, прибывшая вчера вечеромъ изъ Хертнека. Авангардъ, подъ начальствомъ генерала Анрепа, дошелъ, по главной дорогѣ, нѣсколько далѣе Лафальвы. 12-я дивизія и одна бригада 11-й остаются пока въ Бартфельдѣ.

Фельдмаршалъ произвелъ рекогносцировку по обѣимъ дорогамъ; по сю сторону Геральта мы замѣтили непріятельскіе пикеты. Говорятъ, что инсургентами командуетъ Дежефи, но что старикъ Дембинскій, хотя лишенный начальствованія, находится при отрядѣ. Мы возвратились въ 6 часовъ вечера.

9-го іюня. Главная квартира пока остается въ Бартфельдѣ. Опять дѣлается рекогносцировка и фельдмаршалъ довелъ ее до Тернья, по лѣвой дорогѣ. Отсюда онъ отрядилъ князя Бебутова съ Мусульманскимъ полкомъ, чтобы установить сообщеніе съ колонною графа Ридигера по направленію къ Кишъ-Себенъ. Между тѣмъ, 5-я дивизія была выдвинута до Геральта; 4-я дивизія отъ лѣвой дороги перешла на правую, къ мѣстечку Дзико, а 12-я дивизія заняла Лафальву; авангардъ двинулся до Абрамовича. Въ Бартфельдѣ осталась только одна бригада 11-й дивизіи. Мы возвратились довольно поздно вечеромъ.

10-го іюня. Главная квартира оставляетъ Бартфельдъ. Фельдмаршалъ опять предпринялъ рекогносцировку къ Тернье. Тутъ мы узнали отъ князя Бебутова, что онъ установилъ сообщеніе съ графомъ Ридигеромъ и что послѣдній наканунѣ имѣлъ блистательное дѣло около Хетарса: непріятельскій авангардъ безпокоилъ казаковъ, составлявшихъ авангардъ Ридигера; для того, чтобы наказать его, онъ послалъ два баталіона Полоцкаго пѣхотнаго полка съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ полковаго командира, полковника Лысенко, и когда непріятель вновь атаковалъ казаковъ, то они, отступая, завлекли его на наши

орудія, которыя были маскированы. Встрѣченный картечнымъ огнемъ, непріятель былъ опрокинутъ атакою въ штыки нашей пѣхоты. Храбрый Лысенко, преслѣдуя его по пятамъ, послѣдовательно сбивалъ его съ трехъ позицій, пока ему было послано приказаніе остановиться. Утверждаютъ, будто непріятель потерялъ 300 человѣкъ убитыми; но хотя бы потеря эта и не превышала 100 человѣкъ, она была бы весьма чувствительна. Съ нашей стороны было 2 убитыхъ и отъ 20-ти до 30-ти раненыхъ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, фельдмаршалъ имѣлъ основаніе предполагать, что непріятель намѣревается дать сраженіе у Эперіеса, и что силы его достигаютъ 20,000 человѣкъ. Генералъ Фрейтагъ былъ отправленъ для рекогносцированія лѣсистыхъ высотъ около Страца; ему удалось захватить врасплохъ нѣсколько непріятельскихъ пикетовъ, и привести одного плѣннаго. Мы оставили Тернье въ полномъ убѣжденіи, что на слѣдующій день будетъ сраженіе; главная квартира перешла въ Рославичи; мы отправились туда по проселочной дорогѣ черезъ Силва, дабы выѣхать на большую дорогу въ Демете; на пути мы проѣхали то лѣсистое ущелье, о которомъ было говорено, и достигли довольно поздно Рославичи, гдѣ нашли хорошее помѣщеніе въ владѣльческомъ домѣ.

Въ этотъ же день, графъ Ридигеръ дошелъ до Кишъ-Себена, а авангардъ его до с. Михели.—По диспозиціи, для атаки непріятеля на завтрашній день, 2-ой корпусъ имѣетъ подвинуться до Наги-Шарошъ; графъ Ридигеръ съ одной частію своего отряда долженъ продолжать свой путь впередъ; а другая часть пойдетъ по проселочной дорогѣ, ведущей изъ Кишъ-Себенъ въ Бартфельдъ, дабы обойти лѣвый флангъ непріятеля; 4-му корпусу назначено идти черезъ Капи, составляя резервъ.

11-го іюня. Утромъ получено извѣстіе, что непріятель очистилъ Эперіесъ; фельдмаршалъ опять поѣхалъ въ Тернье; тутъ онъ сѣлъ верхомъ и мы всѣ усиленною рысью послѣдовали за нимъ. Въ Эперіесѣ въѣздъ былъ тріумфальный, часть населенія вышла на встрѣчу изъ города, посыпая дорогу букетами и вѣнками цвѣтовъ; изъ оконъ домовъ махали бѣлыми платками.—Эперіесъ весьма красивый городъ, расположенный въ живописной долинѣ.—Непріятель очистилъ его ночью; членъ городоваго управленія и нѣкоторые жители послѣдовали за нимъ; но боль-

шинство населенія встрѣчало насъ съ непритворною радостію. Истоминъ, Глинка, Паскевичъ и я расположились вмѣстѣ въ хорошенькой квартирѣ; вскорѣ къ намъ присоединился Адлербергъ, который сопровождалъ графа Ридигера; послѣдній прибылъ въ городъ вслѣдъ за нами, отрядъ же его остановился на сегодняшній день въ Наги-Шарошѣ и въ Бертготѣ. Главный отрядъ не останавливаясь прошелъ черезъ Эперіесъ; авангардъ, составленный изъ трехъ полковъ регулярной кавалеріи, изъ казаковъ и изъ иррегулярныхъ войскъ, двинулся, подъ начальствомъ генерала Анрепа, по большой дорогѣ за Мочармани; генералъ Купріяновъ съ 4-ою дивизіею дошелъ до мѣстечка С.-Петеръ; 5-я дивизія съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ расположилась около Эньичке, 12-я дивизія и одинъ кавалерійскій полкъ стоятъ на бивакахъ около 2-хъ верстъ впереди отъ Эперіеса, а Чаадаевъ съ одною бригадою 11-ой дивизіи занимаетъ Эперіесъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

12-го іюня. Мы выступили между 8-ю и 9-ю часами утра. Въ двухъ верстахъ отъ города мы застали 12-ую дивизію на бивакахъ; 5-я дивизія направилась по правому берегу рѣчки Турга. Когда мы присоединились въ С.-Петерѣ къ 4-ой дивизіи, то узнали, что наканунѣ происходило небольшое авангардное дѣло между селеніемъ Мочармани и мѣстечкомъ Шомошъ. Изъ нѣсколько преувеличенныхъ описаній, свойственныхъ слогу реляцій, можно было уяснить, что наши казачьи аванпосты неожиданно наткнулись на непріятельскіе разъѣзды, охранявшіе высоты впереди Шомоша; встрѣченные сильнымъ ружейнымъ огнемъ, казаки отступили; первый эскадронъ находившагося позади казаковъ гусарскаго, великой княгини Ольги Николаевны, полка, подъ начальствомъ ротмистра фонъ-Радена, помчался на непріятеля, опрокинулъ его и порубилъ порядочное число людей; при чемъ фонъ-Раденъ собственноручно убилъ непріятельскаго полковника. Между тѣмъ, непріятельская пѣхота, которая занимала дома въ Шомошѣ, открыла по гусарамъ сильный ружейный огонь; одному эскадрону продолжать преслѣдованіе было бы безуміе, и потому онъ возвратился на свое мѣсто, прикрываясь пушечными выстрѣлами.—Непонятно мнѣ однако, почему остальная часть кавалеріи авангарда,—а тутъ было три полка регулярныхъ,—пѣхота 4-й дивизіи, бывшая довольно близко отъ мѣста стычки, не приняли въ дѣлѣ

никакого участія; весьма вѣроятно, что въ такомъ случаѣ удалось бы захватить часть непріятельскаго авангарда и нѣсколько орудій. Вся честь этого дѣла принадлежитъ, по видимому, одному ротмистру фонъ-Радену, который дѣйствовалъ по собственному внушенію.

Въ разстояніи одного часа хода за Шомошемъ приходилось переправляться черезъ рѣчку Турга; мостъ былъ разрушенъ непріятелемъ; но онъ былъ замѣненъ мостикомъ для пѣшеходовъ, близъ котораго оказался бродъ, удобный для артиллеріи и для обоза. Предполагали, что непріятель занимаетъ высоты, отдѣляющія деревню Будамеръ отъ Кашау и посему носящія два названія: Будамерскихъ высотъ и Кашауской горы. Въ виду такой вѣроятности предстоящаго дѣла, 5-я дивизія, съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ, была направлена отъ селенія Лемешъ, по проселочной дорогѣ, которая проходитъ по высотамъ и лѣсамъ по правую сторону отъ Будамера. 4-я дивизія продолжала идти по главной дорогѣ, имѣя при себѣ иррегулярную кавалерію, казаковъ и гусарскій полкъ великой княжны Ольги Николаевны; пройдя селеніе Ценникъ, дивизія эта была расположена въ боевомъ порядкѣ. 12-я дивизія изъ Шомоша пошла по удобной дорогѣ влѣво, слѣдуя не въ дальнемъ разстояніи отъ противоположнаго берега Турги. Фельдмаршалъ со свитою и съ конвоемъ своимъ отправился на высоту, вправо отъ Берета и впереди села Яночка, чтобы слѣдить за движеніемъ войскъ и ожидать извѣстій отъ аванпостовъ; онъ узналъ, что на Будамерской позиціи непріятеля не оказалось.

Ославъ впередъ иррегулярную бригаду, фельдмаршалъ, подъ прикрытіемъ одной сотни казаковъ, поѣхалъ учащенною рысью. Такимъ образомъ, мы поднялись на Кашаускую гору; она представляетъ довольно сильную позицію, которую непріятель, по видимому, началъ было укрѣплять. Позиція эта упирается, налѣво, въ большой лѣсъ, который покрываетъ вершину горы; съ правой стороны она защищена рѣчкою Турга, которая течетъ у подошвы горы. Я не нашелъ однако, чтобы эта позиція была такъ крѣпка, какъ мнѣ ее описывали; самое большое неудобство, которое она представляетъ, заключается въ томъ, что она въ тылу своемъ имѣетъ лѣсъ, черезъ который проходитъ только одна дорога къ рѣчкѣ Хернадъ, къ которой, въ случаѣ неудачи, можно

быть припертымъ. Фельдмаршалъ, по мнѣнію моему, слишкомъ смѣло впереди всей арміи пустился по этому лѣсу, съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, имѣя для прикрытія только одну сотню донскихъ казаковъ. Однако, мы благополучно доѣхали къ Кашау. Мостъ черезъ Хернадъ былъ испорченъ, а потому пришлось переѣзжать вбродъ. При въѣздѣ въ форштадтъ мы были встрѣчены депутаціями съ цвѣтами и крикомъ: ура! Но самый городъ мнѣ показался болѣе молчаливымъ нежели Эперіесъ. Вся пѣхота была остановлена на берегу Хернада и только кавалерія заняла главныя дороги за Кашау. Фельдмаршалъ рѣшился дать здѣсь отдыхъ войскамъ, которыя въ ономъ весьма нуждались послѣ нѣсколькихъ дней усиленнаго марша, и ожидать подвоза провіанта.—Городъ Кашау производитъ весьма пріятное впечатлѣніе; дома въ немъ просторны и удобны; комнаты почти всѣ со сводами. Но лавки оказались весьма плохо снабженными; война и тутъ уже успѣла разстроить благосостояніе; ассигнаціи Кошута, которыхъ мы не принимали, будутъ главною причиною раззоренія страны.

14-го іюня. Одна бригада и три полка 4-ой легкой кавалерійской дивизіи прибыли изъ Дукла; 4-й корпусъ занимаетъ Хидашъ-Немети; 2-й корпусъ выступилъ изъ Кашау и подвинулся до Эньечка, а генералъ Анрепъ съ авангардомъ—нѣсколько еще далѣе. На городской площади сжигаются ассигнаціи и прокламаціи Кошута.

15-го іюня. 4-й корпусъ переходитъ Санто; ему велѣно идти на Токай и произвести демонстрацію на Дебречинъ; генералъ Кузнецовъ съ донскими казаками составляетъ авангардъ этого корпуса. 2-й корпусъ переходитъ въ Хидашъ-Немети, а 3-й корпусъ занимаетъ Кашау; изъ состава его генералъ Лисецкій съ Елецкимъ пѣхотнымъ полкомъ, при 12-ти орудіяхъ, двумя сотнями казаковъ и однимъ эскадрономъ гусаръ, былъ заранѣе отправленъ, изъ Эперіеса, чтобы сдѣлать демонстрацію на Сепешъ-Варалья, гдѣ, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, показалось нѣсколько сотъ непріятелей.

Лазутчики донесли, что непріятельскій отрядъ, въ числѣ до 1,500 человѣкъ, намѣревается ожидать колонну генерала Лисецкаго на лѣсистой горѣ около Гелницы и неожиданно ее атаковать.

16-го іюня. 2-й корпусъ изъ Хидашъ-Немети переходитъ въ Холмая; генералъ Анрепъ съ авангардомъ занимаетъ Сиксо; 3-й корпусъ изъ Кашау двинулся на Хидашъ-Немети; мусульмане занимаютъ Форро; генералъ Бѣлогужевъ дошелъ до Вэзе.

Въ 8½ часовъ утра главная квартира двинулась; въ Хидашъ-Немети мы застали уже графа Ридигера. Между 4-мя 5-ю часами пополудни мы достигли Форро, довольно значительнаго мѣстечка. Обозъ прибылъ лишь поздно вечеромъ.

17-го іюня. Въ Форро мы имѣемъ дневку. 2-му корпусу дается день отдыха. Авангардъ остается въ Сиксо, выдвинувъ до Золци одинъ полкъ кавалерійскій, при одной конной батареѣ, и два казачьихъ полка. Непріятеля нигдѣ не видно. Казаки дошли до Мишколца, не найдя никакого слѣда непріятеля, который исчезъ, неизвѣстно куда! Нельзя не сожалѣть и не покраснѣть немного за то, что, располагая такою многочисленною кавалеріею, мы такъ оплошно потеряли слѣды непріятеля. Это, кажется, происходитъ отъ того, что не захотѣли составить настоящій, состоятельный авангардъ, не менѣе, по крайней мѣрѣ, какъ изъ одной кавалерійской дивизіи съ необходимою артиллеріею, изъ двухъ казачьихъ полковъ и изъ иррегулярной кавалеріи, поручивъ авангардъ этотъ энергическому и предпріимчивому начальнику, снабженному достаточнымъ полномочіемъ на свободу дѣйствій, которому дана была бы задача очищать мѣстность на разстояніи по крайней мѣрѣ одного перехода впереди арміи. И какой опасности могъ бы подвергаться подобный авангардъ, имѣя предъ собою такого непріятеля какъ тотъ, за которымъ мы слѣдуемъ изъ Бартфельда! Нужно было не выпускать изъ рукъ ни одного пѣхотинца непріятельскаго, въ особенности же, ни одно орудіе, а всю кавалерію перебросить черезъ Тиссу. А вмѣсто этого что случилось? эта такъ называемая непріятельская армія, которую сначала опредѣляли въ 40 или 50 т. человѣкъ, но которая, какъ теперь оказывается въ дѣйствительности, по видимому, не доходитъ до 15-ти т. человѣкъ, на досугѣ, насъ подразнивала намѣреніемъ дать будто бы сраженіе передъ Эперіесемъ, а потомъ передъ Кашау, заставляя насъ производить сложные маневры; а потомъ, когда ей это надоѣло, она исчезла какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Все это есть, мнѣ кажется, послѣдствіе системы соединенія всѣхъ своихъ силъ около одного

пункта и не совсѣмъ удачное примѣненіе Наполеоновской системы сосредоточенія силъ. Наполеонъ понималъ эту систему въ смыслѣ содѣйствія всѣхъ отдѣльныхъ частей къ достиженію одной главной цѣли и сохраненія такой неразрывной связи, дабы къ рѣшительному дѣйствію ихъ можно было соединить вмѣстѣ; но отнюдь не въ смыслѣ заботливаго невыпусканія ни одной части изъ-подъ крылышка. При томъ безспорномъ талантѣ и энергіи, которые фельдмаршалъ выказалъ во многихъ моментахъ своего военнаго поприща, трудно бы было объяснить себѣ такой его образъ дѣйствія, еслибы онъ не находилъ себѣ разгадки въ томъ обстоятельствѣ, что настоящая кампанія есть первая настоящая европейская кампанія, въ которой фельдмаршалу приходится маневрировать большими массами и двигать ихъ какъ бы на шахматной доскѣ; онъ привыкъ къ азіатскимъ кампаніямъ, гдѣ большихъ стратегическихъ движеній не существуетъ, но гдѣ нужно идти впередъ со всѣми своими силами, и когда встрѣтится препятствіе,—его уничтожить смѣлостью и энергіею. Таковымъ фельдмаршалъ показалъ себя въ своихъ азіатскихъ кампаніяхъ, обладая кромѣ того рѣдкою способностью вездѣ обезпечивать себѣ продовольствіе для арміи, не смотря на самыя большія затрудненія. Таковымъ же онъ показалъ себя и въ польскую кампанію, гдѣ ему пришлось однимъ энергическимъ ударомъ,—переходомъ черезъ Вислу и взятіемъ Варшавы,—сорвать тогда близкій уже къ созрѣнію плодъ.

Получается извѣстіе о занятіи Токая генераломъ Чаадаевымъ, при чемъ произошло весьма удачное дѣло, а именно: генералъ Кузнецовъ, подойдя наканунѣ въ 6 ч. вечера съ авангардомъ къ Токаю, не засталъ непріятеля въ мѣстечкѣ. Послѣдній, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, при двухъ орудіяхъ, пройдя за день передъ тѣмъ изъ Мишкольца (непонятно—какъ его могли пропустить!), успѣлъ разобрать флахшкотный мостъ при Токаѣ и перетянуть его на противуположный берегъ; поставивъ около моста свои два орудія, онъ ими обстрѣливалъ вдоль главную улицу Токая. Генералъ Кузнецовъ, выдвинувъ нѣсколько орудій и занявъ прибрежныя дома стрѣлками, вооруженными штуцерными ружьями, открылъ по непріятелю усиленный огонь, и въ то же время послалъ два донскіе казачьи полка (№№ 41 и 51) внизъ по теченію, съ приказаніемъ переправиться черезъ рѣку вбродъ,

если таковой найдется; а въ противномъ случаѣ—вплавь, дабы атаковать непріятеля во флангъ. Къ сожалѣнію, брода не оказалось и берега рѣки были такъ круты, что не было возможности спустить лошадей къ водѣ. Тогда 6-я сотня 51-го полка, имѣвъ во главѣ командира своего генерала Губкина, сбросивъ платье, съ одними шашками бросилась въ воду, переплыла рѣку, шириною болѣе 100 сажень, и атаковала флахшкоты, привязанные на противоположномъ берегу. Непріятель, озадаченный такою смѣлостью и обстрѣливаемый въ то же время нашими орудіями и штуцерами, растерялся и обратился въ бѣгство, оставивъ 4 тѣла убитыхъ на мѣстѣ. Съ нашей стороны было только 2 убитыхъ и 5 раненыхъ. Того же вечера мостъ былъ возстановленъ и авангардъ перешелъ на тотъ берегъ.

Вечеромъ прибыли Адлербергъ и молодой Орловъ, съ извѣстіемъ о дѣлѣ у Переда, на рѣкѣ Ваагъ. Оно происходило слѣдующимъ образомъ: Гергей, узнавъ, что главныя силы австрійцевъ переходятъ на другой берегъ Дуная, что генералъ Панютинъ имѣетъ слѣдовать за ними и что у Переда на Ваагѣ осталась одна австрійская дивизія генерала Волгемута, рѣшился воспользоваться этимъ, чтобы ее уничтожить. Для этого онъ, съ силами, доходившими, по свѣдѣніямъ, отъ 25-ти до 30-ти тыс. человѣкъ, перешелъ рѣку Ваагъ, атаковалъ Волгемута, овладѣлъ нѣкоторыми ретраншаментами и принудилъ его къ отступленію. Положеніе послѣдняго, у котораго не было болѣе 8-ти тыс. человѣкъ, сдѣлалось бы безвыходнымъ, если бы, на его счастіе, генералъ Панютинъ не оказался бы въ довольно близкомъ отъ него разстояніи по сю еще сторону Дуная. Услышавъ канонаду, онъ поспѣшилъ на помощь Волгемуту; ободренные приходомъ нашихъ войскъ, австрійцы перешли въ наступленіе, овладѣли вновь ретраншаментами и Гергей, въ свою очередь, былъ принужденъ отступить, претерпѣвъ, по видимому, довольно значительный уронъ. Хотя генералъ Панютинъ составлялъ лишь резервъ австрійцевъ, но и ему пришлось принять непосредственное участіе въ дѣлѣ, что доказывается уже тѣмъ, что подъ товарищемъ моимъ, Герштенцвейгомъ, убита лошадь. Войска наши, по общему свидѣтельству, вели себя отлично [1]).

[1]) О сраженіи при с. Передъ подробности можно найти въ весьма интересной статьѣ И. И. Ореуса: «Дѣйствія русской сводной дивизіи ген.-адъют. Панютина, во время Венгерской войны 1849 г.» («Воен. Сборникъ» 1876 г.).

18-го іюня. Я получилъ приказаніе ѣхать въ Варшаву съ донесеніемъ къ его величеству о настоящей дислокаціи войскъ нашихъ.

Холера въ послѣдніе три дня сильно развилась въ арміи. Изъ офиціальныхъ списковъ, переданныхъ мнѣ главнымъ докторомъ арміи, Четыркинымъ, оказывается, что, къ 18-му іюня, во всей арміи (со включеніемъ лазаретовъ въ Галиціи и въ Пресбургѣ, но за исключеніемъ отряда генерала Лидерса), больныхъ нижнихъ чиновъ 6,662 человѣка, изъ коихъ 1,345 заболѣвшихъ отъ холеры; офицеровъ 80, изъ коихъ холерою 6. Въ этотъ счетъ не вошли больные, находящіеся при частяхъ или на пути въ госпитали. Докторъ Четыркинъ опредѣляетъ число умершихъ въ 150.

19-го іюня. Хотя мой отъѣздъ былъ назначенъ въ 9 часовъ утра, но онъ замедляется. Главная квартира отправляется въ Мишкольцъ. Отпуская меня, фельдмаршалъ поручилъ мнѣ доложить государю императору, что замедленіе въ доставленіи ему провіанта препятствуетъ быстрому его движенію. Передъ отъѣздомъ своимъ я еще узналъ, что генералу Чаадаеву приказано наложить на Дебречинъ контрибуцію изъ 6-ти тыс. четвертей муки и 1 тыс. подводъ, что онъ имѣетъ остаться въ Дебречинѣ до 24-го іюня и затѣмъ, направляясь по лѣвому берегу Тиссы на Тисса-Фюредъ, 27-го числа присоединится къ арміи фельдмаршала, который будетъ его ожидать около Маклара, дабы, 29-го или 30-го іюня, идти далѣе на Хатванъ.

Наконецъ, около 11-ти часовъ до полудня, я выѣхалъ, въ проливной дождь, и около 3-хъ часовъ пополудни прибылъ въ Кашау; послѣ короткаго отдыха у коменданта, продолжая свой путь, къ полуночи достигъ Эперіеса.

20-го іюня. Изъ Эперіеса я подвигался довольно медленно; перемѣнивъ лошадей въ Рославичѣ, я пріѣхалъ въ Бартфельдъ между 6-ю и 7-ю часами утра, и заѣхалъ къ тамошнему коменданту, подполковнику Баранову. Вслѣдъ за мною прибылъ изъ Дукла Потаповъ, присланный фельдмаршаломъ для распоряженій къ ускоренію подвоза провіанта. Онъ сообщилъ мнѣ, что австрійцы отказались доставлять провіантъ изъ Галиціи, по невозможности собрать его въ достаточномъ количествѣ, и что поэтому мы не можемъ на нихъ расчитывать, а должны продовольствоваться собственнымъ провіантомъ, прибывающимъ черезъ Краковъ изъ Цар-

ства Польскаго. До отъѣзда Потапова изъ Дукла, было всего отправлено въ главную квартиру провіанта, на 2,850 подводахъ: 4,997 четвертей муки, 1,907 четвертей крупы, 11,450 четвертей сухарей, 1,280 четвертей овса и 2,425 ведеръ спирта. Оставалось еще въ запасѣ въ Дукла: 12,795 четвертей муки, 264 четверти сухарей, 621 четверть крупы, 12,033 четверти овса 1,483 четверти ячменя, и 10,092 ведра спирта.

Около 8 часовъ утра я выѣхалъ изъ Бартфельда, и къ 2-мъ часамъ пополудни прибылъ въ Змигродъ. Тамъ запрягли мнѣ такихъ плохихъ лошадей, что пришлось до Тасло тащиться почти шагомъ.

21-го іюня. Отъ Пилзно до Бохи я ѣхалъ вмѣстѣ съ австрійскимъ офицеромъ, который былъ отправленъ курьеромъ изъ Лемберга въ Вѣну; онъ мнѣ сообщилъ о полученіи хорошихъ вѣстей изъ Трансильваніи. Прибывъ въ 7 часовъ утра въ Краковъ, я, къ крайнему своему сожалѣнію, узналъ, что поѣздъ желѣзной дороги отправился за два часа передъ тѣмъ; пришлось ожидать слѣдующаго, отходившаго въ 10 часовъ и имѣвшаго прибыть въ Варшаву въ полночь. На послѣдней станціи передъ нашей границей я встрѣтилъ Дубельта, который везъ императору австрійскому георгіевскій крестъ. Отъ него я узналъ, что было дѣло около Рааба. Австрійская армія, въ полномъ составѣ, двинулась на этотъ городъ, укрѣпленный природою и искусствомъ. По видимому, городъ былъ занятъ 12,000 венгерцевъ, которые по приближеніи австрійцевъ открыли по нимъ сильный артиллерійскій огонь. Австрійцы, выдвинувъ свои орудія, принудили венгерскую артиллерію къ молчанію; тогда австрійскіе стрѣлки бросились черезъ мостъ; настилка его была сожжена и пришлось проходить по бревнамъ, которыя уцѣлѣли отъ пожара. Молодой императоръ, увлеченный своимъ мужествомъ, соскочилъ съ лошади и пошелъ вслѣдъ за стрѣлками. Порывъ доблестный, который привелъ армію его въ восторгъ. Непріятель, однако, уже успѣлъ очистить Раабъ, отступая въ Коморну.

Къ новой своей досадѣ, я узналъ, что поѣздъ останавливается на ночь въ Ченстохово и прибудетъ въ Варшаву лишь на слѣдующее утро.

22-го іюня. Въ 1 часъ ночи поѣздъ тронулся; ходъ его замедлился встрѣчею съ нѣсколькими экстренными поѣздами, от-

правленными съ провіантомъ для арміи. Въ 10 часовъ мы прибыли въ Варшаву и я немедленно отправился въ Лазенки и представился его величеству. Онъ принялъ меня очень милостиво, прочиталъ въ моемъ присутствіи привезенныя мною бумаги, содержаніемъ коихъ онъ, по видимому, остался доволенъ. Только развитіе холеры его безпокоило. Одновременно со мною прибылъ фельдъегерь отъ генерала Граббе; онъ доставилъ извѣстіе, что сей послѣдній, не смотря на настоянія австрійскихъ генераловъ Потта и Чорича (послѣдній командуетъ австрійскимъ корпусомъ, въ 15 т.—примѣрно—человѣкъ, расположеннымъ на сѣверѣ отъ Дуная и на нѣсколькихъ пунктахъ по теченію рѣки Ваагъ), не рѣшался двинуться изъ Кубина до полученія подкрѣпленій, въ составѣ уланской бригады 1-го корпуса и Симбирскаго пѣхотнаго полка. Войска эти были оставлены въ Краковѣ, гдѣ, съ движеніемъ впередъ 1-го корпуса, ихъ присутствіе уже оказывалось излишнимъ.

23-го іюня. Ефимовичъ передалъ мнѣ любопытныя подробности о входѣ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Гротенгельма, въ сѣверную Трансильванію, черезъ ущелье Борго, при чемъ было нѣсколько довольно кровопролитныхъ дѣлъ.

24-го, 25-го и 26-го іюня. Графъ Адлербергъ предваряетъ меня, что я имѣю быть отправленъ отъ его величества въ Львовъ къ графу Гаммерштейну, генералъ-губернатору Галиціи. Командировка эта вызывалась полученнымъ отъ австрійскаго коменданта въ городѣ Краковѣ, фельдмаршалъ-лейтенанта Легедича, донесеніемъ, что нѣкоторыя непріятельскія шайки перешли въ Ципскій комитатъ, около мѣстечка Бѣла, и могутъ, ворвавшись въ Галицію, безпокоить нашу главную коммуникаціонную линію. Поэтому мнѣ приказано было отправиться къ графу Гаммерштейну, для полученія отъ него точныхъ свѣдѣній и передачи ихъ, затѣмъ, начальнику драгунскаго корпуса, генералу Шабельскому, который долженъ находиться въ Львовѣ, имѣя въ окрестностяхъ 2-ю дивизію своего корпуса. Я имѣю передать генералу Шабельскому приказаніе, чтобы онъ частью этой дивизіи занялъ нѣсколько центральныхъ пунктовъ венгерской границы между Неймарктъ и Ясло, для наблюденія за непріятелемъ въ Ципскомъ комитатѣ и для нападенія на отряды, которые бы покусились прорваться въ Галицію. Я сталъ готовиться къ отъѣзду; но слу-

чившееся у меня воспаленіе глаза побудило доктора Кареля воспретить мнѣ выѣздъ и порученіе это было передано князю Радзивилу.

27-го іюня утромъ, Глинка прибылъ изъ главной квартиры фельдмаршала съ донесеніемъ о занятіи безъ выстрѣла Дебречина генераломъ Чаадаевымъ; но вмѣсто того, чтобы идти далѣе на Тисса-Фюредъ, генералъ Чаадаевъ получилъ приказаніе возвратиться черезъ Токай, присоединиться къ арміи фельдмаршала въ Мезё-Керештесъ, и замѣнить въ аріергардѣ главнаго отряда 3-й корпусъ, который отъ Мишкольца имѣлъ перейти въ авангардъ. Глинка сообщилъ намъ, что холера сильно распространяется и что ко дню отъѣзда его изъ главной квартиры (23-го іюня) число больныхъ доходило уже до 5,500, изъ коихъ 1,500 умерло.

Вечеромъ узнаемъ, что государь неожиданно въ эту же ночь выѣзжаетъ въ Петербургъ съ графомъ Орловымъ и докторомъ Карелемъ, а графъ Адлербергъ послѣдуетъ за ними на другой день. Такое рѣшеніе его величества было, по видимому, вызвано доставленнымъ Глинкою свѣдѣніемъ, что съ выступленіемъ изъ Мишкольца фельдмаршалъ не будетъ имѣть возможности прислать донесенія до прибытія въ Пештъ, что не могло случиться ранѣе 12-го или 14-го іюля.

29-го іюня. Гейденъ прибылъ изъ главной квартиры, которую оставилъ еще въ Мишкольцѣ; онъ выѣхалъ 27-го, въ тотъ самый день, когда фельдмаршалъ предполагалъ выступить къ Абрани. Холера, къ сожалѣнію, еще сильно свирѣпствовала. Изъ донесенія Тимашева, находящагося въ отрядѣ генерала Гротенгельма, сдѣлалось извѣстнымъ, что Бемъ, очистивъ передъ тѣмъ Быстрицъ, возвратился туда съ отрядомъ въ 15 т. человѣкъ, при 27 орудіяхъ; что 16-го и 17-го числа онъ атаковалъ генерала Гротенгельма въ Борго-Русѣ, вѣроятно, съ намѣреніемъ либо заставить его отступить обратно въ Буковину, либо отрѣзать его отъ ущелья Борго; для этого онъ сдѣлалъ попытку обойти нашъ отрядъ съ праваго фланга, который состоялъ изъ одного только баталіона. Атакованный чрезвычайно превосходными силами, баталіонъ этотъ находился въ крайне опасномъ положеніи, но, къ счастію, на подмогу ему еще во-время поспѣлъ другой баталіонъ, который возстановилъ дѣло и принудилъ непріятеля къ отсту-

пленію. Гротенгельмъ, съ своей стороны, такъ энергически атаковалъ центръ непріятеля, что принудилъ сего послѣдняго ретироваться по всей своей линіи, и преслѣдовалъ его на разстояніи отъ 15-ти до 20-ти верстъ за Быстрицъ. Послѣ этого подвига генералъ Гротенгельмъ возвратился на свою позицію, ибо задача его заключалась исключительно въ прикрытіи ущелья Борго. Бемъ же опять занялъ Быстрицъ.

1-го іюля. Утромъ получается отъ генерала Берга донесеніе о блистательномъ дѣлѣ, бывшемъ передъ Коморномъ 29-го іюня [1]).

Дѣло это доказываетъ нравственное превосходство, которое наши войска пріобрѣли въ глазахъ непріятеля.

3-го іюля. Дубельтъ прибылъ изъ главной квартиры барона Гайнау; независимо нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ подробностей о дѣлѣ 29-го іюня, онъ привезъ извѣстіе, что небольшой австрійскій отрядъ занялъ безъ сопротивленія Офенъ, что Пештъ оставленъ непріятелемъ, но не могъ еще быть занятъ австрійцами потому, что мостъ черезъ Дунай поврежденъ. Въ этотъ же день получается донесеніе отъ генерала Граббе изъ Керешта. Онъ успѣлъ обойти непріятеля, который ожидалъ его въ Нейзолѣ, черезъ Мартосъ, Штубенъ и Кремницъ; для этого онъ самъ прошелъ по весьма трудной дорогѣ, оставивъ въ виду непріятеля Бетанкура съ двумя только баталіонами. Увидѣвъ, что онъ обойденъ, непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ. Аванпосты генерала Граббе были въ Бутѣ; разъѣзды высылались во всѣ стороны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Подробности о сраженіи подъ Коморномъ можно найти въ вышеупомянутой статьѣ И. И. Ореуса: «Дѣйствія русской сводной дивизіи».

ѲЕДОРЪ КАРЛОВИЧЪ ЗАТЛЕРЪ

1805—1876.

Читатели журнала „Русская Старина“, въ продолженіе 8-ми лѣтняго его существованія, имѣли возможность близко ознакомиться какъ съ характеромъ и цѣлями самаго изданія, такъ и оцѣнить его направленіе. Относясь безпристрастно къ событіямъ прошедшаго времени, редакція всегда предоставляла и предоставляетъ мѣсто на страницахъ своего журнала статьямъ, посвященнымъ характеристикѣ многихъ замѣчательныхъ русскихъ людей, оставившихъ по себѣ слѣдъ въ отечественной исторіи тою или другою стороною ихъ дѣятельности.

Къ числу такихъ людей надлежитъ отнести и Ѳедора Карловича Затлера, бывшаго генералъ-интенданта южной и крымской армій во время Восточной войны 1853—1856 годовъ и умершаго, 28-го іюля минувшаго 1876 года, въ Каменецъ-Подольской губерніи.

Да не покажется страннымъ нѣкоторымъ предубѣжденнымъ читателямъ, что мы рѣшаемся говорить о личности, которая въ свое время подверглась карѣ закона и общественному осужденію. Цѣль настоящей статьи заключается, главнымъ образомъ, въ сообщеніи данныхъ для широкаго и всесторонняго обсужденія, путемъ печати, дѣятельности человѣка, занимавшаго, въ годину испытаній нашего отечества, важный постъ генералъ-интенданта арміи, и, затѣмъ, вынесшаго на себѣ грѣхи и несовершенства военной и общественной организаціи того времени.

До сихъ поръ личность Ѳ. К. Затлера знакома русскому обществу съ печальной стороны. Извѣстно, что съ окончаніемъ неудачной для насъ Восточной войны, вслѣдствіе распространившихся въ обществѣ

и въ административныхъ сферахъ различныхъ слуховъ и толковъ о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ въ дѣйствующей арміи по интендантской части, дѣятельность интендантства крымской арміи подверглась всеобщему порицанію. Тогда же, въ іюнѣ 1856 года, по Высочайшему повелѣнію, для раскрытія истины, учреждена была слѣдственная коммисія, а съ окончаніемъ ея дѣйствій — другая. Затѣмъ, дѣло поступило въ особо учрежденный въ Москвѣ (въ 1858 г.) генеральный военный судъ, который, признавъ Затлера, въ числѣ многихъ другихъ интендантскихъ чиновниковъ, виновнымъ въ преступленіяхъ по должности, приговорилъ его: „къ разжалованію въ рядовые, лишенію чиновъ, орденовъ и дворянскаго достоинства, съ наложеніемъ денежнаго взысканія, въ размѣрѣ исчисленнаго судомъ казеннаго ущерба". Приговоръ этотъ, во вниманіе особыхъ заслугъ Затлера, засвидѣтельствованныхъ обоими главнокомандовавшими въ Крыму, княземъ М. Д. Горчаковымъ и графомъ Лидерсомъ, милосердіемъ Государя Императора былъ смягченъ и наказаніе Затлера ограничено исключеніемъ его изъ службы, съ оставленіемъ, однако, денежнаго начета въ полной силѣ.

Спустя десять лѣтъ, именно въ декабрѣ 1869 года, по ходатайству бывшаго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, графа Берга, Затлеру всемилостивѣйше возвращены права, безпорочною службою пріобрѣтенныя, и сложенъ казенный начетъ.

Хотя, такимъ образомъ, участь Ѳедора Карловича была облегчена, тѣмъ не менѣе вся послѣдующая его жизнь, послѣ приговора, протекла подъ гнетомъ тяготѣвшаго на немъ страшнаго обвиненія, въ постоянныхъ военно-литературныхъ трудахъ и тревожныхъ заботахъ по возстановленію своей репутаціи въ глазахъ правительства и общества. Послѣдняго достигнуть ему не удалось; онъ умеръ на 70-мъ году своей жизни, успѣвъ подготовить лишь матеріалы для возстановленія дѣла въ надлежащемъ свѣтѣ [1]).

Въ настоящее время въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" имѣется большое собраніе этихъ матеріаловъ, доставленныхъ вдовою покойнаго. Составитель предлагаемаго очерка знакомитъ своихъ читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ матеріаловъ, при чемъ предпосылаетъ имъ очеркъ жизни Ѳ. К. Затлера. Къ сожалѣнію, многія интересныя свѣдѣнія и данныя, относящіяся до событій и лицъ,

[1]) До какой степени мало удалось Затлеру разсѣять сложившееся о немъ въ большинствѣ русскаго общества мнѣніе, видно изъ того, что, еще въ апрѣлѣ 1877 года, одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ публицистовъ, въ своихъ статьяхъ о злобѣ дня, нѣсколько разъ упоминаетъ фамилію этого генерала какъ синонимъ недобросовѣстности и казнокрадства.

имѣвшихъ къ его жизни отношенія, не могутъ быть теперь же напечатаны, такъ какъ для этого еще не настало время.

Вотъ письмо вдовы Ѳ. К. Затлера, при которомъ редакція „Русской Старины“ получила помянутые матеріалы:

«Милостивый государь, г. редакторъ! Существо дѣла интендантства крымской арміи, надѣлавшаго столько шуму, возбудившаго столько толковъ, мало кому извѣстно.

«При назначеніи слѣдственной коммисіи, у моего мужа были взяты всѣ дѣла и онъ давалъ отвѣты и составлялъ отчетъ, за три года своихъ распоряженій, по восьми губерніямъ по продовольствію арміи, руководясь единственно своею необыкновенною памятью.

«Послѣ окончанія суда, мужъ мой постановилъ не оставлять этого дѣла до тѣхъ поръ, пока не напечатаетъ всѣхъ его подробностей.

«Осуществленіе этой мысли было соединено съ неимовѣрными трудностями. Это обширное и сложное дѣло хранилось въ тайнахъ архивовъ. Всѣ документы приходилось добывать по клочкамъ отъ разныхъ лицъ, связывать въ цѣлое и издавать — но гдѣ? На просьбу покойника напечатать это дѣло въ Россіи послѣдовалъ отказъ, въ которомъ сказано: «что нельзя подвергать разбору окончательно утвержденный приговоръ». Пришлось печатать за границей и самому держать корректуру.

«За нѣсколько недѣль передъ смертію, онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть напечатанными послѣднія страницы этого дѣла, и послѣднія слова умирающаго были: «умираю спокойно, Богъ помогъ мнѣ напечатать все».

«Я была свидѣтельницею душевныхъ страданій этого мученика и теперь сдѣлалась наслѣдницей того великаго горя, которое свело его въ могилу. Подобно ему, я ничего болѣе не желаю и не прошу, какъ гласности и истины!

«Я обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, какъ къ представителю русской исторической литературы, съ надеждой, что изъ представленныхъ мною документовъ, приложенныхъ къ послѣднему сочиненію мужа, вы помѣстите въ издаваемомъ вами журналѣ то, что сами найдете удобнымъ, равно какъ и письма главнокомандующихъ, напечатанныхъ въ отдѣльной брошюрѣ.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ чувствахъ высокаго уваженія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть

Александра Затлеръ».

Варшава.
9-го декабря 1876 г.

Примѣчаніе. Редакція „Русской Старины“ не считаетъ себя въ правѣ, во имя безпристрастія и всесторонняго изслѣдованія истины, по отношенію къ событіямъ и лицамъ—подвизавшимся на поприщѣ общественной дѣятельности,—не считаетъ себя вправѣ не исполнить желанія вдовы покойнаго Ѳ. К. Затлера. Но давая мѣсто настоящему очерку и сопровождая его документами, печатаемыми здѣсь съ подлинниковъ,—„Русская Старина“ съ тѣмъ же безпристрастіемъ открываетъ свои страницы для статей и сообщеній хотя бы направленныхъ и въ осужденіе общественной дѣятельности покойнаго. Ред.

I.

Отставной артиллеріи генералъ-маіоръ Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ происходилъ изъ шведскихъ дворянъ и родился въ Финляндіи, въ 1805 году. Воспитывался онъ въ Императорскомъ военно-сиротскомъ домѣ, переименованномъ въ 1828 году въ Павловскій кадетскій корпусъ, гдѣ и окончилъ съ успѣхомъ курсъ, будучи выпущенъ въ 1825 г. прапорщикомъ въ 18-ю артиллерійскую бригаду. Первые годы своей службы Затлеръ провелъ на боевомъ поприщѣ: онъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи 1828—1829 гг., былъ при осадѣ и взятіи крѣпости Браилова и участвовалъ во многихъ стычкахъ при блокадѣ крѣпости Шумлы. Въ 1831 году, въ чинѣ поручика, состоя на службѣ въ 6-й артиллерійской бригадѣ, онъ принималъ участіе въ польской кампаніи и былъ при штурмѣ укрѣпленія Воли, подъ г. Варшавой. Затѣмъ, онъ былъ назначенъ на должность старшаго адъютанта въ управленіи начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, въ коей состоялъ около 14-ти лѣтъ. Въ 1846 г., будучи въ чинѣ полковника, Ѳедоръ Карловичъ получилъ болѣе важное назначеніе: онъ занялъ высокій постъ генералъ-провіантмейстера дѣйствующей арміи при фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ. Въ 1848 году, во время возстанія въ Венгріи, Затлеръ былъ командированъ въ Галицію для собранія свѣдѣній о средствахъ края для продовольствованія тамъ значительной арміи. Здѣсь князь Паскевичъ имѣлъ возможность лично убѣдиться въ способностяхъ Ѳедора Карловича и оцѣнить его дальновидность и вѣрность соображеній, а потому, въ слѣдующемъ году, съ открытіемъ венгерскаго похода, назначилъ его въ помощь генералъ-интенданту арміи, двинутой въ предѣлы Австріи.

Во время этой войны довѣріемъ фельдмаршала на Затлера возложено было весьма щекотливое и серьозное порученіе: онъ былъ командированъ въ главную квартиру австрійской арміи, къ фельдмаршалу барону Гайнау, для личныхъ съ нимъ переговоровъ и для участія, совмѣстно съ графомъ Зичи, въ коммисіи по опредѣленію величины той суммы, которая причиталась Россіи за продовольствіе нашихъ войскъ въ предѣлахъ Австріи. За отличное исполненіе порученій во время войны Затлеръ былъ произведенъ въ

генералъ-маіоры, а послѣ, по окончаніи счетовъ съ графомъ Зичи, получилъ отъ австрійскаго императора орденъ Желѣзной короны 1-й степени. Въ 1853 году, когда князь Горчаковъ былъ назначенъ командующимъ 4-мъ и 5-мъ пѣхотными корпусами, вступившими въ Придунайскія княжества, Затлеръ, какъ заслуживший уже репутацію способнаго и опытнаго генералъ-интенданта, по рекомендаціи князя Паскевича, занялъ эту должность при князѣ Горчаковѣ. Распоряженія и заботы Затлера по довольствію войскъ въ княжествахъ отличались особою энергіею и настойчивостію: предупреждая своевременно потребности войскъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ княжествъ и находившихся притомъ въ безпрестанныхъ передвиженіяхъ, Затлеръ въ то же время доставилъ казнѣ сбереженій свыше семи милліоновъ рублей [1]). По возвращеніи нашихъ войскъ изъ княжествъ въ предѣлы имперіи, со времени высадки союзниковъ на Крымскій полуостровъ, южная армія, находившаяся до того времени въ главномъ подчиненіи фельдмаршалу Паскевичу, получила независимое самостоятельное значеніе; при чемъ князю Горчакову, въ качествѣ главнокомандующаго, были подчинены объявленныя на военномъ положеніи шесть губерній, ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій, и сѣверная часть Таврической губерніи до Перекопа, со всѣми военными учрежденіями, тамъ находившимися [2]). Вслѣдъ за тѣмъ, императоръ Николай Павловичъ выразилъ желаніе, чтобы князь Горчаковъ содѣйствовалъ во всемъ главнокомандующему въ Крыму князю Меншикову и помогалъ ему всѣми средствами губерній, ему ввѣренныхъ. Въ этихъ видахъ, по представленію Затлера, изъ южной арміи немедленно были отправлены въ Крымъ три полубригады подвижнаго магазина, нагруженныя въ Бериславѣ сухарями. Онѣ прибыли въ Симферополь во второй половинѣ октября и принесли тамъ существенную пользу. Независимо отъ этого, рѣшено было сформировать для крымскихъ войскъ еще двѣ полубригады, каждая въ 1,000 пароконныхъ подводъ. Сверхъ того, въ распоряженіе князя Меншикова были отправлены

[1]) «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время», ч. I, стр. 193—211.

[2]) Губерніи: Подольская, Кіевская, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская и Бессарабія. Въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ назначеніемъ кн. Горчакова главнокомандующимъ и войсками, въ Крыму расположенными, причислены еще Воронежская и Курская губерніи.

въ г. Николаевъ три подвижныхъ госпиталя и значительное количество перевязочныхъ припасовъ, а по недостатку находившихся при крымской арміи интендантскихъ чиновниковъ, въ распоряженіе Симферопольской провіантской коммисіи было командировано, въ полномъ составѣ, коммисіонерство 3-го пѣхотнаго корпуса. Увѣдомляя князя Меншикова, въ октябрѣ мѣсяцѣ, о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, князь Горчаковъ въ то же время спрашивалъ его—въ чемъ именно нуждаются крымскія войска? Но еще до полученія отвѣта [1]) въ главной квартирѣ южной арміи, въ Кишиневѣ, получены были свѣдѣнія [2]), что войска, въ Крыму расположенныя, терпятъ крайній недостатокъ въ продовольствіи.

Встревоженный этимъ извѣстіемъ, князь Горчаковъ призвалъ къ себѣ Затлера и приказалъ вторично написать князю Меншикову; но Ѳедоръ Карловичъ, въ виду неотложности дѣла, самъ вызвался съѣздить въ Крымъ, чтобы, собравъ по пути необходимыя свѣдѣнія, лично доложить главнокомандующему въ Крыму о мѣрахъ, какія необходимо будетъ принять для лучшаго обезпеченія крымскихъ войскъ продовольствіемъ. Затлеръ прибылъ въ Крымъ въ концѣ декабря и мнѣніе свое изложилъ въ особой запискѣ, которую и доложилъ лично кн. Меншикову. Здѣсь, въ видѣ характеристики послѣдняго, считаемъ умѣстнымъ привести разговоръ, который имѣлъ князь съ Ѳедоромъ Карловичемъ во время чтенія имъ своего доклада.

Когда Затлеръ прочиталъ около $^1/_4$ части своей записки, князь Меншиковъ, прервавъ чтеніе, спросилъ его: «гдѣ вы прежде служили?»—«До назначенія въ 1846 году генералъ-провіантмейстеромъ арміи—въ артиллеріи, гдѣ въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ былъ старшимъ адъютантомъ артиллерійскаго управленія арміи при генералѣ Гилленшмидтѣ». Князь Меншиковъ вдался въ разспросы и различныя разсужденія по поводу служебной карьеры Гилленшмидта,—разсужденія, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія къ докладу по тому весьма важному дѣлу, по которому явился къ князю Ѳ. К. Затлеръ. Послѣ минутнаго молчанія Затлеръ спросилъ: прикажете читать записку? — «Да, читайте».

---

[1]) Отвѣтъ былъ полученъ во второй половинѣ декабря, спустя два мѣсяца послѣ вопроса.

[2]) Въ письмѣ къ кн. Горчакову брата его, командира 6-го пѣхот. корпуса.

Послѣ прочтенія около второй четверти записки, князь Меншиковъ опять прервалъ его словами: «Вы вѣдь изъ Варшавы пріѣхали въ армію?»—Изъ Варшавы.—«Живъ ли еще графъ Ожаровскій»?—Не знаю, кажется, что я встрѣтилъ его недавно передъ выѣздомъ.— «Имя Ожаровскаго напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство изъ кампаніи 1813 года. Я состоялъ въ то время при кн. Волконскомъ. Послѣ Кульмскаго сраженія, государь послалъ меня осмотрѣть, какія позиціи заняли наши гвардейскіе полки, и доложить ему. Исполнивъ порученіе, я доложилъ то, что видѣлъ. «Неправда,—сказалъ государь,—полки расположились не тамъ». Ваше Величество, я самъ былъ въ каждомъ полку и докладываю то, что видѣлъ.—«Какъ же Ожаровскій доложилъ мнѣ иначе?» Призвали Ожаровскаго и онъ сознался, что не былъ самъ на позиціяхъ, а доложилъ со словъ другихъ. Вотъ какъ иногда исполняютъ приказанія». Послѣ краткаго молчанія, Затлеръ опять спросилъ: прикажете читать записку?—«Да, читайте, прошу васъ». По прочтеніи записки, Затлеръ вручилъ ее Меншикову, который благодарилъ его за трудъ, на себя взятый, но о запискѣ не упомянулъ ни слова.—Извините, ваша свѣтлость, за нескромный вопросъ,—сказалъ Затлеръ: раздѣляете ли вы мнѣніе мое, изложенное въ запискѣ. Если нужны объясненія, то я готовъ ихъ дать сейчасъ.—«Совершенно раздѣляю», отвѣтилъ князь.

Послѣ того Меншиковъ началъ жаловаться, что не имѣетъ вовсе людей: генералъ Семякинъ—глухарь; Герсевановъ—никуда не годится; офицеровъ генеральнаго штаба нѣтъ, способныхъ чиновниковъ по хозяйственной части—тоже. На это Затлеръ отвѣтилъ: князь Горчаковъ такъ проникнутъ желаніемъ быть полезнымъ для ввѣренной вамъ арміи, что даже съ самопожертвованіемъ готовъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ; вашей свѣтлости стоитъ только написать ему и я увѣренъ, что всѣ желанія ваши будутъ тотчасъ же исполнены.—«О, я увѣренъ въ этомъ; я знаю благородство Михаила Дмитріевича; въ молодости мы служили вмѣстѣ въ артиллеріи».

Надо припомнить, что разговоръ этотъ происходилъ въ то время, когда въ продовольствіи крымскихъ войскъ былъ крайній недостатокъ. О томъ, въ какомъ положеніи была найдена Затлеромъ продовольственная часть въ Крыму, видно изъ письма его

къ князю Горчакову отъ 2-го января 1855 г. [1]), а мѣры, предложенныя Затлеромъ по обезпеченію продовольствіемъ крымскихъ войскъ, изложены въ письмѣ его, отъ того же числа, за № 15, полковнику Вуншу, состоявшему при князѣ Меншиковѣ въ должности генералъ-интенданта [2]). По возвращеніи Затлера въ Кишиневъ, тотчасъ же, по его представленію, была распоряжена заготовка для крымскихъ войскъ значительнаго количества провіанта и отправлена въ Крымъ еще одна полубригада подвижнаго магазина въ 1,020 подводъ.

Вскорѣ, именно въ концѣ февраля 1855 года, послѣдовало назначеніе князя Горчакова главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами, въ Крыму расположенными, и онъ никого не пожелалъ имѣть при себѣ генералъ-интендантомъ, кромѣ Затлера, который, какъ бы предчувствуя свое несчастіе, отказывался отъ этой должности, но долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ князя Горчакова.

Говоря объ обширной дѣятельности Затлера въ Крыму, послужившей главнымъ образомъ къ его осужденію, необходимо прежде указать на тѣ затрудненія, съ которыми приходилось бороться Затлеру до самаго окончанія войны. Крымскій полуостровъ, по своимъ естественнымъ произведеніямъ, не представляетъ почти никакихъ средствъ для обезпеченія нуждъ арміи, кромѣ соли и отчасти сѣна въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи; поэтому, довольствіе войскъ пришлось основать исключительно на подвозѣ запасовъ. Ко времени же прибытія туда князя Горчакова, перевозочныя средства, по причинѣ значительнаго уменьшенія рогатаго скота на мясныя порціи, были крайне истощены; запасовъ сѣна вовсе не существовало. Что касается провіанта, то, хотя наличные припасы, вмѣстѣ съ распоряженными заготовленіями, и обезпечивали войска, тогда тамъ сосредоточенныя, на цѣлый годъ, т. е. до марта 1856 года, но въ наличности при войскахъ находилось его очень мало; отъ этого провіантъ пришлось подвозить къ войскамъ издалека, во время страшной распутицы.

Чтобы составить понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находились дороги въ Крыму въ началѣ февраля 1855 г., т. е. почти непосредственно передъ прибытіемъ туда князя Горчакова и гене-

[1]) См. приложеніе I.
[2]) См. приложеніе II.

рала Затлера, укажемъ на слѣдующій фактъ: Начальникъ отряда подъ Евпаторіею, баронъ Врангель, возвращаясь послѣ вторичной рекогносцировки этого города въ с. Кроненталь, былъ задержанъ въ пути дурными дорогами: почва такъ распустилась, что колеса послѣ двухъ-трехъ оборотовъ рѣшительно переставали вертѣться, и приходилось останавливаться, чтобы очистить съ нихъ грязь. Хотя Врангель ѣхалъ въ легкой телѣжкѣ, запряженной двумя парами воловъ, пространство въ 60 верстъ онъ едва успѣлъ проѣхать въ двое сутокъ.

Подобное состояніе крымскихъ дорогъ, въ связи съ недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, представляло неимовѣрныя трудности для подвозовъ, увеличившіяся еще болѣе, когда Азовское море перешло во власть непріятеля. Съ занятіемъ этого моря англійскимъ флотомъ, крымскія войска лишились единственнаго удобнаго и дешеваго средства къ обезпеченію ихъ продовольствіемъ, такъ какъ хлѣбъ главнымъ образомъ былъ заготовленъ въ Ростовѣ, Геническѣ и другихъ азовскихъ портахъ. Если къ этому прибавить постоянное увеличеніе числа войскъ на Крымскомъ полуостровѣ и уничтоженіе непріятельскимъ флотомъ болѣе 100 т. четвертей разнаго хлѣба, сложенныхъ въ Геническѣ, то положеніе, въ какомъ находился генералъ-интендантъ, должно признать крайне труднымъ, и надо было ему имѣть большую силу воли и энергію, чтобы не поставить армію въ безвыходное положеніе.

На генералъ-интенданта постоянно возлагались и другія порученія, не входившія въ кругъ его обязанностей; въ числѣ этихъ порученій слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ приведеніе въ порядокъ почтъ, находившихся въ крайнемъ разстройствѣ; на немъ лежала забота давать транспорты для перевозки больныхъ и раненыхъ съ театра дѣйствій въ отдаленные госпитали, ему же поручена была доставка войскамъ дровъ и лѣса для постройки землянокъ, а также очистка колодцевъ на коммуникаціонныхъ путяхъ.

Раіонъ дѣйствій Затлера распространялся на восемь губерній; ему подчинена была масса чиновниковъ интендантскаго вѣдомства, по большей части ему вовсе незнакомыхъ и не по его выбору назначенныхъ, а между тѣмъ производившихъ значительныя операціи. Понятно, что во всякомъ дѣлѣ, сопряженномъ съ денежными интересами, не обходится безъ злоупотребленій; такъ было во Фран-

ціи, такъ было въ Англіи, такъ было и есть даже въ Америкѣ. Въ безгласной же и крѣпостной еще въ то время Россіи, искони проржавѣвшей взяточничествомъ и казнокрадствомъ—избытокъ воровъ и мошенниковъ въ массѣ второстепенныхъ чиновниковъ былъ явленіемъ обыденнымъ. Затлеру, въ столь тяжкое и критическое время,—какова была кровавая борьба 1854—1855 гг., было не до того, чтобы искоренять это зло. Ему, какъ генералъ-интенданту, находившемуся при главной квартирѣ, трудно было услѣдить за правильнымъ исполненіемъ всѣхъ своихъ распоряженій и за всѣми чиновниками, дѣйствовавшими на столь обширномъ раіонѣ, каковы восемь губерній Южной Россіи. При такихъ обстоятельствахъ нужна была необыкновенная энергія, опытность, дальновидность и знаніе дѣла,—каковыми качествами несомнѣнно и обладалъ Ѳедоръ Карловичъ,—чтобы не поставить армію совершенно въ критическое положеніе. Дѣятельность Затлера въ этомъ смыслѣ скорѣе заслуживаетъ благодарности, чѣмъ упрека и осужденія. М. И. Богдановичъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Восточная война» говоритъ [1]):

— «Утвердительно можно сказать, что никогда никакая армія не находилась въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, на счетъ снабженія жизненными припасами. Въ августѣ 1855 года, болѣе 200 т. человѣкъ русскихъ войскъ было собрано на большомъ пространствѣ, отдѣленномъ отъ прочихъ областей имперіи обширною степью, чрезъ которую проходили только двѣ дороги: по узкому Перекопскому перешейку и по Чонгарской косѣ, да и тѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, были почти непроходимы. На этихъ сообщеніяхъ нельзя было пріобрѣсти не только какіе либо припасы, но и воду, даже для незначительныхъ частей арміи, либо подвижнаго магазина. Точно такъ же въ степяхъ Таврической и во всей Херсонской губерніи нельзя было найти дровъ для варенія пищи и разведенія бивачныхъ огней, потому что мѣстные жители, за недостаткомъ лѣса, приготовляютъ кизякъ, да и того у нихъ не было».

Въ другомъ мѣстѣ той же исторіи «Восточной войны» сказано [2]): «но продовольствованіе войскъ, по свидѣтельству многихъ

---

[1]) Томъ IV, глава XXXVI, стр. 158.
[2]) Тамъ же, стр. 150.

лицъ, участвовавшихъ въ крымской кампаніи, вообще было весьма удовлетворительно».

Если ко всѣмъ вышеизложеннымъ затрудненіямъ по продовольствію дѣйствующихъ войскъ, въ Крыму расположенныхъ, присоединить еще ту постоянную борьбу, которую пришлось Затлеру вести, въ продолженіе всей войны, съ вмѣшательствомъ въ распорядительную часть главнокомандующаго въ Крыму центральной администраціи военнаго министерства и интендантства и нѣкоторыхъ иныхъ вліятельныхъ лицъ, то станетъ понятно каждому то невыгодное положеніе, въ какомъ находился генералъ-интендантъ. Предписываемыя изъ Петербурга къ исполненію мѣры исходили, безъ всякаго сомнѣнія, изъ патріотическихъ побужденій, но, къ сожалѣнію, онѣ обсуждались далеко отъ театра войны и безъ участія главнокомандующаго и его генералъ-интенданта, единственныхъ отвѣтственныхъ лицъ въ сохраненіи арміи. Бо́льшая часть этихъ мѣръ, въ примѣненіи къ дѣлу, оказывалась непрактичною и потому всякій разъ, вслѣдствіе замѣчаній и представленій князя Горчакова, онѣ были потомъ отмѣняемы, что́, въ свою очередь, не могло не возбудить противъ Затлера, какъ главнаго виновника отмѣны, чувства непріязни и желанія очернить всѣ его дѣйствія. Этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ дѣятельности Ѳедора Карловича. Военная исторія и, преимущественно, войны, веденныя австрійцами, представляютъ множество примѣровъ вмѣшательства центральной администраціи въ распоряженія главнокомандующихъ; извѣстны также печальные результаты такого вмѣшательства. Затлеръ, какъ по своему характеру, такъ и по принципу, вынесенному имъ изъ изученія военной исторіи, ревниво и твердо охранялъ самостоятельность нашего главнокомандующаго отъ сторонніхъ вмѣшательствъ, и эта ревность и твердость послужили въ послѣдствіи ко вреду его репутаціи.

Такъ, были отмѣнены:

1) Распоряженіе о переселеніи крымскихъ татаръ (числомъ до 300,000) въ отдаленныя губерніи; таковое выселеніе—утверждалъ Затлеръ,—превратило бы Крымъ въ безлюдную степь, въ которой невозможно было бы оставаться нашей арміи.

2) Распоряженіе о томъ, чтобы Затлеръ былъ генералъ-интендантомъ одновременно въ трехъ арміяхъ, у князей: Горча-

кова, Меншикова и у генерала Хомутова, дѣйствовавшихъ на обширномъ пространствѣ, независимо одинъ отъ другаго.

3) Распоряженіе о заведеніи прессовъ для сѣна.

4) Распоряженіе о заготовленіи огромныхъ припасовъ въ Ольгополѣ, Вознесенскѣ и Кременчугѣ, какъ совершенно ненужныхъ.

Въ декабрѣ 1855 года, по случаю тяжкой болѣзни фельдмаршала Паскевича, кн. Горчаковъ былъ отозванъ въ Петербургъ, а въ февралѣ 1856 года назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго. На его мѣсто главнокомандующимъ южною арміею и войскъ, въ Крыму дѣйствовавшихъ, былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Лидерсъ. Вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ оставили главный штабъ ближайшіе его сотрудники: начальникъ штаба, генералъ-квартирмейстеръ и дежурный генералъ. Оставался на своемъ посту одинъ Затлеръ, не могшій покинуть арміи въ самое трудное время. При прощаніи съ княземъ Горчаковымъ, который передъ отъѣздомъ посѣтилъ Затлера, послѣдній сказалъ:

— «Здоровье мое не позволяетъ мнѣ оставаться генералъ-интендантомъ; но, не взирая на то, я не покину армію, а буду распоряжаться въ самое опасное, въ самое страшное время, въ теченіе зимы и весны, до наступленія сухихъ дорогъ, зелени и подножнаго корма, т. е. до времени—когда условія продовольствія войскъ сдѣлаются болѣе легкими».

Слова эти характеризуютъ Ѳедора Карловича въ отношеніи сознанія имъ долга службы. Но главную заслугу Затлера составляетъ сбереженіе арміи и удержаніе Крымскаго полуострова. Одинъ изъ высокихъ посѣтителей Крыма, въ октябрѣ 1855 г., лично благодарилъ Затлера въ слѣдующихъ словахъ:

— «Благодарю васъ за сохраненіе арміи».

Въ свою очередь, князь Горчаковъ писалъ въ реляціи объ оборонѣ Севастополя съ 5-го по 28-е августа 1855 года:

«Трудамъ и заботливости генералъ-интенданта, генералъ-маіора Затлера, гарнизонъ обязанъ, что не подвергся ни малѣйшимъ лишеніямъ по части продовольствія».

Съ своей стороны, ген.-ад. Лидерсъ, по случаю принятія Затлеромъ въ свое завѣдываніе почтъ въ Крыму, писалъ ему отъ 2-го марта 1856 г., № 88-й: «Предмѣстникъ мой, князь Горчаковъ, поручая вамъ сіе дѣло, вполнѣ былъ увѣренъ, что, по извѣстному вашему усердію и опытности, вы преодолѣете всѣ препятствія и

исполните оное съ желаемымъ успѣхомъ; таковое лестное о васъ мнѣніе я сообщилъ г. военному министру для всеподданнѣйшаго доклада».

Вообще благоразумныя распоряженія и необыкновенная энергія, обнаруженныя Затлеромъ въ бытность его генералъ-интендантомъ, одинаково цѣнились и уважались обоими главнокомандующими, что видно изъ писемъ къ нему князя Горчакова и генерала Лидерса (полученныхъ Затлеромъ уже по окончаніи войны, во время производства слѣдствія надъ дѣйствіями интендантства). Письма эти помѣщены нами въ приложеніяхъ, гдѣ рядомъ съ ними приводится и письмо Затлера къ князю Горчакову, написанное имъ 28-го іюня 1856 года, по поводу назначенія слѣдственной коммисіи [1]). Кромѣ того, въ перепискѣ Затлера сохранились письма къ нему начальниковъ дивизій, генераловъ Бельгарда, Веселитскаго и другихъ, которые свидѣтельствовали, что, въ командуемыхъ ими частяхъ, войска всегда продовольствовались отлично и никогда не терпѣли недостатка. Не малую заслугу Затлера составляетъ также предложеніе его князю Горчакову, сдѣланное еще въ маѣ 1855 года, объ устройствѣ моста черезъ большую бухту на сѣверную сторону Севастополя для спасенія гарнизона на случай оставленія имъ южной стороны. Мысль эта въ послѣдствіи приведена была въ исполненіе и Затлеръ много тому способствовалъ, доставивъ своевременно лѣсъ для настилки моста за 300 верстъ отъ Севастополя, изъ Каховки.

Въ продолженіе Восточной войны, за свои заслуги Затлеръ былъ всемилостивѣйше награжденъ орденами: Станислава 1-й степени (24-го августа 1854 г.), св. Анны 1-й ст. (6-го декабря 1854 г.), св. Владиміра 2-й ст. (30-го ноября 1855 года).

Главное затрудненіе Затлеръ встрѣчалъ въ недостаткѣ подводъ для перевозки провіанта и другихъ жизненныхъ потребностей, особенно во время распутицы. Это обстоятельство заставило генералъ-интенданта принять самыя энергическія мѣры и употребить всѣ усилія, чтобы предотвратить въ арміи недостатокъ въ продовольствіи, хотя бы для того пришлось выставить послѣднюю подводу. Понятно, что въ суматохѣ войны и въ высшей степени затруднительномъ положеніи, не могло обойтиться безъ множества упу-

[1]) Смотри приложенія №№ III, IV и V.

щеній, безпорядковъ и даже немаловажныхъ злоупотребленій со стороны разныхъ интендантскихъ чиновниковъ, а жестокая цензура, держа въ тискахъ русскую печать, лишала какъ русское общество, такъ и Ѳ. К. Затлера—сильнаго помощника для своевременнаго узнанія и преслѣдованія взяточниковъ и казнокрадовъ. Это-то и подало поводъ къ жалобамъ, и въ публикѣ стали распространяться слухи о большихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ интендантскихъ чиновниковъ. Послѣ кампаніи слухи эти росли болѣе и болѣе.

Для раскрытія истины, по высочайшему повелѣнію, образована была слѣдственная коммисія, подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова. По открытіи дѣйствій этой коммисіи, въ іюнѣ 1856 г., въ г. Николаевѣ, начали поступать доносы какъ на интендантскихъ чиновниковъ, такъ и на самого Затлера. Между тѣмъ, въ обществѣ была пущена молва, будто генералъ-интендантъ отправилъ нѣсколько милліоновъ рублей въ разные иностранные банки. Вообще не было нелѣпости, которой бы не вѣрили: разсказывали, будто интендантство кормило войска мясомъ отъ дохлыхъ воловъ, а чиновники интендантства продавали непріятелю провіантъ; говорили, что въ подвижныхъ магазинахъ вовсе не было лошадей и воловъ, и что командиры ихъ выводили только въ расходъ деньги на фуражъ и обращали ихъ въ свою пользу; на сколько это было справедливо, можно заключить изъ того, что послѣ кампаніи было передано гражданскому вѣдомству 10,485 лошадей и 3,332 вола, что видно изъ сдаточныхъ квитанцій. Во время войны особенно жаловались на Затлера за истощеніе края нарядомъ подводъ и недостаточную за нихъ плату. Стоимость подводы назначена была съ утвержденія главнокомандующаго и деньги выдавались подводчикамъ не интендантскими, а полицейскими чиновниками. Обвиненія росли подобно снѣжной лавинѣ и умы раздражались болѣе и болѣе. Негодованіе на интендантство достигло до того, что чиновникамъ въ Одессѣ не возможно было показаться на улицѣ безъ того, чтобъ на нихъ не указывали пальцами и не говорили громко о неслыханныхъ злоупотребленіяхъ; не обходилось и безъ личныхъ оскорбленій; посылались подметныя письма къ чиновникамъ; приводимъ здѣсь одинъ такой случай. Полковникъ Менхъ, завѣдывавшій почтами въ Таврической губерніи, получилъ безымянное письмо, въ которомъ заключалось требованіе,—чтобъ онъ положилъ въ 12

часовъ ночи у памятника князя Долгорукова (въ Симферополѣ) 3,000 р., съ угрозою, въ противномъ случаѣ, донести о его злоупотребленіяхъ слѣдственной коммисіи. Полковникъ Менхъ положилъ въ указанномъ мѣстѣ, вмѣсто денегъ, старыя газеты въ запечатанномъ конвертѣ, а самъ наблюдалъ въ отдаленіи. И дѣйствительно, за деньгами приходилъ деньщикъ корнета Ф..... Затлеръ счелъ долгомъ довести объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія предсѣдателя коммисіи.

Тотчасъ по окончаніи слѣдствія этою коммисіею, учреждена была, по высочайшему повелѣнію, новая коммисія, въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-лейт. Тучкова. Между тѣмъ, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ стали помѣщаться статьи, направленныя противъ Затлера и дѣйствій интендантства во время войны. Такъ, въ «Военномъ Сборникѣ» за 1858-й годъ были напечатаны, одна вслѣдъ за другою, двѣ статьи: «Изнанка Крымской войны» и «Изнанка Крымской войны, другая сторона». Извѣстно, въ какихъ мрачныхъ краскахъ изображено было въ нихъ безотрадное положеніе нашихъ войскъ въ Крыму, наглое расхищеніе казны и разореніе края [1]). Въ опроверженіе первой статьи Затлеръ написалъ и послалъ въ «Военный Сборникъ» свою статью: «Изнанка на лицо», которая однако не была тамъ напечатана. Тогда Ѳедоръ Карловичъ написалъ возраженіе на «Изнанку Крымской войны, другая сторона» и, имѣя основательныя причины думать, что и эту статью постигнетъ та же участь, представилъ ее князю Горчакову, прося его содѣйствія къ напечатанію. Эта послѣдняя статья была одобрена княземъ Горчаковымъ и напечатана въ № 7-мъ «В. Сб.» за 1859 г. [2]). Послѣ того, противу Затлера были помѣщены статьи въ «Атенеѣ», въ «Русскомъ Словѣ» и другихъ журналахъ и газетахъ. Враги Ѳедора Карловича не ограничились журналами, издававшимися въ Россіи: послана была статья въ «Колоколъ», пользовавшійся въ нашемъ обществѣ полнымъ довѣріемъ и громаднымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Въ этой статьѣ Затлеръ описанъ съ самой грязной стороны и какъ ни бездоказательны были эти обвиненія, но они пустили глубокіе корни въ

[1]) Очевидно, почтенный авторъ «Изнанокъ» имѣлъ въ своихъ рукахъ лишь односторонній матеріалъ, не провѣренный критически.

[2]) Обѣ статьи Затлера помѣщены во II-мъ томѣ «Записокъ» его «о продовольствіи войскъ въ военное время».

общественномъ мнѣніи. Другой заграничный русскій писатель, князь П. В. Долгорукій, перепечаталъ эту статью «Колокола» слово въ слово въ «La verité sur la Russie». Голословныя обвиненія такимъ образомъ достигли цѣли: въ публикѣ ходили о Затлерѣ такіе ужасные слухи, что всѣ бывшіе его знакомые избѣгали даже его посѣщать. Все было тогда возбуждено противъ Ѳ. Затлера; ему приписывали даже то, что́ не находилось въ его завѣдываніи; такъ, напримѣръ, бѣдственное положеніе нашихъ больныхъ и раненыхъ. Никто не осмѣливался сказать въ его пользу слова правды [1]).

По окончаніи занятій второй слѣдственной коммисіи, въ декабрѣ 1858 г., по высочайшему повелѣнію, въ Москвѣ, былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Муравьева (Карскаго), генеральный военный судъ надъ лицами, виновными въ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по довольствію войскъ бывшей южной арміи и въ Крыму расположенныхъ. Русскому обществу извѣстны какъ приговоръ генеральнаго суда, такъ и милость Государя Императора къ Затлеру [2]). Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ мнѣнія ген.-ад. князя Горчакова и Лидерса на препровожденныя имъ на заключеніе выписки изъ суднаго дѣла о генералѣ Затлерѣ и другихъ. Мнѣнія эти оказались благопріятны и участь Затлера была смягчена [3]). Здѣсь надо замѣтить, что приговоръ генеральнаго суда былъ объявленъ Затлеру еще до высочайшей конфирмаціи и до полученія затребованныхъ отъ бывшихъ главнокомандующихъ заключеній, и онъ немедленно по прочтеніи сентенціи былъ арестованъ на своей квартирѣ съ приставленіемъ къ ней жандармовъ. Подъ такимъ арестомъ Ѳедоръ Карловичъ находился шесть мѣсяцевъ, т. е. до объявленія высочайшей конфирмаціи, по которой онъ только исключался изъ службы, безъ разжалованія въ рядовые. Тѣмъ не менѣе, это несчастіе глубоко поразило Затлера на всю его осталь-

---

[1]) До чего велико это предубѣжденіе даже еще въ настоящее время, когда могила приняла въ свои объятія вполнѣ несчастнаго человѣка, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: въ редакцію «Русской Старины» доставлено весьма искренно и горячо написанное воспоминаніе о покойномъ Ѳ. К. Затлерѣ. Авторъ,—извѣстный русскій писатель,—тщательно скрылъ свою фамилію подъ произвольными буквами. Точно также составителю этой статьи многіе совѣтовали не печатать представляемаго здѣсь очерка о Затлерѣ, дабы не вызвать неудовольствія со стороны читателей.

[2]) См. «Русскій Инвалидъ» 1859 г. № 263.

[3]) См. приложеніе VI.

ную жизнь. Мѣстомъ своего жительства онъ избралъ городъ Варшаву, гдѣ его давно знали и гдѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ своихъ знакомыхъ и общества. Доказательствомъ этого уваженія можетъ служить то, что Русское собраніе въ Варшавѣ избрало Ѳедора Карловича, въ 1867 году, въ кандидаты старшинъ, а чрезъ два года въ старшины собранія; еще ранѣе онъ избранъ былъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Варшавскаго мѣстнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ послѣдствіи, въ 1871 году, могилевскій губернскій предводитель дворянства предложилъ Ѳедору Карловичу, съ согласія дворянъ, мѣсто директора земскаго банка, но онъ отказался [1]). Достойно вниманія, что родной братъ бывшаго предсѣдателя генеральнаго надъ нимъ суда, бывшій генералъ-губернаторъ въ Вильнѣ, ген.-отъ-инфантеріи М. Н. Муравьевъ, а также намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ, предлагали, въ 1863 и 1865 гг., Затлеру вступить на службу, но Ѳедоръ Карловичъ не пожелалъ принять предложеній иначе какъ подъ условіемъ смыть съ него незаслуженное пятно посредствомъ новаго пересмотра дѣла и признанія его виновнымъ, какъ нашли это два главнокомандовавшихъ, только въ упущеніяхъ по службѣ, а не въ злоупотребленіяхъ, за что онъ уже и понесъ соразмѣрное наказаніе, именно 6-ти мѣсячный арестъ и исключеніе изъ службы. Такой отказъ со стороны Затлера не помѣшалъ, однако, графу Бергу въ послѣдствіи ходатайствовать о немъ передъ Государемъ Императоромъ и, согласно его представленію, въ декабрѣ 1869 года, высочайше повелѣно было возвратить Затлеру права, безпорочною службою пріобрѣтенныя, и сложить съ него казенный начетъ [2]). Такимъ образомъ, послѣ десяти томительныхъ лѣтъ, онъ въ первый разъ могъ вздохнуть свободнѣе.

Возвращеніе Затлеру правъ безпорочной службы вызвало общую

---

[1]) Письмо къ Затлеру Могилевскаго предводителя дворянства Л. А. Титова, отъ 4-го декабря 1871 г.

[2]) «Русскій Инвалидъ» 1869 г. №150. Общее взысканіе, положенное на Затлера судомъ, за чиновниковъ, не имѣвшихъ никакого состоянія, простиралось до 1.700,000 руб., но въ дѣйствительности взыскано только 1,417 руб. 50 коп., въ томъ числѣ: 500 руб., отобранные у него при описаніи имущества въ Петербургѣ, 750 р. съ имѣнія Віонзовки въ Царствѣ Польскомъ, 7 р. 50 к., вырученные за продажу отобранной у него одежды и бѣлья, и 160 р., вырученные за продажу мебели. Другаго имущества у Затлера не оказалось.

радость его знакомыхъ; многіе изъ нихъ прислали къ нему поздравительныя телеграммы или письма. Сочувствіе варшавскаго общества было такъ велико, что въ «Варшавскомъ Дневникѣ», 27-го декабря 1869 г. № 278, была помѣщена статья «Генералъ Затлеръ», въ которой, между прочимъ, говорилось: «Десять лѣтъ тому назадъ состоялся всѣмъ памятный приговоръ генеральнаго военнаго суда; не смотря на всѣ нравственныя послѣдствія, проистекающія изъ такого приговора, общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ кружкахъ, имѣвшихъ хотя поверхностное понятіе о происходившемъ въ Крыму, скорѣе высказалось въ пользу бывшаго генералъ-интенданта. Люди безпристрастные, по злоупотребленіямъ второстепенныхъ дѣятелей по интендантству, не рѣшались обвинить генерала Затлера, бывшаго исключительно и всецѣло проникнутымъ заботою о спасеніи русской арміи отъ голода. Забота эта, какъ извѣстно, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Всякому наказанію, всякому испытанію есть предѣлъ. Для генерала Затлера предѣлъ этотъ наступилъ, какъ явствуетъ изъ высочайшей милости, и значеніе этой царской милости такъ велико, что теперь ни одинъ недостойный намекъ, ни одно недомолвленное слово не могутъ уже коснуться служебной и общественной репутаціи генерала Затлера. И это возстановленіе служебной и общественной репутаціи генерала Затлера, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, заслужено имъ неутомимымъ трудомъ на пользу общественную».

Какъ смотрѣли на дѣятельность Ѳедора Карловича въ Крыму компетентныя и знающія дѣло лица, приведемъ выдержку изъ письма къ нему, 8-го іюля 1857 г., г. Погодина, бывшаго генералъ-интендантомъ дѣйствующей арміи въ 1829-мъ году въ Турціи и въ 1831 году въ Польшѣ.

«..... Самъ я часто думалъ о томъ, какъ Всевышній помогаетъ вамъ доставлять продовольствіе, въ особенности фуражъ, для столь огромной массы людей и лошадей, на столь тѣсномъ пространствѣ и столь продолжительно сосредоточенной.

«По окончаніи войны и прибытіи вашихъ начальниковъ, удалось мнѣ слышать большія похвалы вашей распорядительности отъ князя Михаила Дмитріевича (Горчакова), естественнаго судьи своего генералъ-интенданта.

«Съ своей стороны, признаюсь вамъ, я не полагалъ возмож-

нымъ фуражнаго у васъ продовольствія на самомъ дѣлѣ, и считалъ, что у васъ погибло два или три комплекта лошадей (какъ это было въ турецкую войну 1828 года). Въ этомъ мнѣніи нарочно заходилъ къ Павлу Евстафіевичу (Коцебу) [1]) и просилъ разсказать мнѣ правду объ этомъ предметѣ. Онъ удостовѣрилъ, что лошади дѣйствительно фуражъ получали въ натурѣ, что онѣ сохранились и не погибли, и что фуражъ для нихъ привозили за 500 и 600 верстъ, изъ котораго, само собою, $^{8}/_{10}$ съѣдено въ дорогѣ.

«Напечатаніе отчета графа Канкрина не повредитъ вамъ [2]), а покажетъ—во сколько разъ положеніе его было легче вашего, и во сколько разъ продовольствіе ваше во время войны отъ интендантства было исправнѣе и обильнѣе. Вы знаете, что я графа Канкрина всегда глубоко уважалъ, какъ умнаго и просвѣщеннаго человѣка и министра, но для интендантства, ни изъ его отчета, ни изъ его сочиненій, заимствовать многаго, признаюсь, не умѣлъ; онъ горечи интендантства вполнѣ не испыталъ. . . . . По окончаніи войны, контрольнаго отчета онъ не далъ, и контроль насчиталъ на него, кажется, милліонъ, если не болѣе; но это дѣло, по приказанію государя Александра I, было оставлено. . . . . Извѣстна ли вамъ брошюра Уврара о продовольствіи во время испанской войны, кажется, 1823 г., при герцогѣ Ангулемскомъ? Его положеніе при переходѣ Пиренеевъ было нѣсколько похоже на ваше, но оно продолжалось всего 4 или 5 мѣсяцевъ, а не годъ. Онъ платилъ цѣны баснословныя и тѣмъ только отвратилъ голодъ въ арміи».

Кстати, упомянемъ здѣсь еще о вниманіи, оказанномъ Затлеру графомъ Бергомъ: по его приглашенію, Ѳедоръ Карловичъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ особой коммисіи въ Варшавѣ, учрежденной для обсужденія вопроса о введеніи въ нашей арміи корпусныхъ управленій въ мирное время (письмо ген.-ад. Минквица, отъ 28-го ноября 1873 года).

Военно-литературная дѣятельность Ѳедора Карловича была

[1]) Бывшему начальникомъ главнаго штаба арміи въ Крыму.

[2]) Графъ Канкринъ былъ генералъ-интендантомъ во время отечественной войны 1812 года, а впослѣдствіи министромъ финансовъ.

довольно значительна. Главнѣйшія его сочиненія: «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время» (4 части), «О госпиталяхъ въ военное время», а также, переведенное съ нѣмецкаго: «Военное хозяйство въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ» Ритгофена (2 тома)—составляютъ капитальные вклады въ нашу военную литературу: они содѣйствовали уясненію правильныхъ взглядовъ на продовольствіе войскъ, а также установленію многихъ теоретическихъ положеній по другимъ отраслямъ военнаго хозяйства [1]).

Состоя членомъ мѣстнаго Варшавскаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ отвѣтъ на приглашеніе главнаго управленія этого общества содѣйствовать его развитію посредствомъ ознакомленія публики съ характеромъ дѣятельности подобныхъ обществъ за границею, Затлеръ написалъ и представилъ безвозмездно рукопись: «Участь раненыхъ во время войны». Рукопись эта найдена была компетентными людьми вполнѣ удовлетворящею цѣли, и напечатана на счетъ общества въ числѣ 2,500 экземпл. (письмо къ Затлеру ген.-ад. А. С. Зеленаго, 16-го мая 1868 года).

Не говоря о газетныхъ статьяхъ, имѣющихъ чисто полемическій характеръ, вообще сочиненія Затлера поставили его наряду лучшихъ военныхъ писателей въ Россіи. Онъ первый у насъ обратилъ вниманіе и разработалъ научнымъ образомъ важные вопросы по продовольствію войскъ, которые до него оставались въ небреженіи. Онъ уяснилъ своими сочиненіями какое громадное вліяніе оказываетъ на ходъ военныхъ операцій надлежащее устройство продовольственной части арміи.

При громадной начитанности, Ѳедоръ Карловичъ былъ вполнѣ умный и образованный человѣкъ. Къ нему неоднократно обращались разныя лица по дѣламъ службы, желая знать его мнѣніе, и Ѳедоръ Карловичъ высказывался всегда съ свойственною ему откровенностію, прямо, не смотря на то—нравится-ли его мнѣніе, или нѣтъ. Онъ былъ большимъ поборникомъ и распространителемъ просвѣщенія: устраивалъ библіотеки (въ управленіяхъ артил-

[1]) См. разборъ источниковъ въ курсѣ «Военной администраціи» II-й части профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба, полковника Газенкампфа, 1875 года.

леріи дѣйствующей арміи и въ интендантскомъ); самъ лично училъ грамотѣ своихъ деньщиковъ, солдатъ и крестьянъ; даже наканунѣ своей смерти училъ читать одного крестьянскаго мальчика, и когда окружающіе просили его перестать и не утомлять себя, то онъ отвѣчалъ: «человѣкъ долженъ каждый день исполнить то, что въ силахъ сдѣлать, потому что неизвѣстно—будетъ-ли онъ въ состояніи это сдѣлать завтра».

Отличительными чертами характера Ѳедора Карловича были энергія и необыкновенная сила воли, строгость къ самому себѣ и крайняя снисходительность и довѣрчивость къ другимъ, что и ввергло его въ пучину злосчастія. Характеристиченъ отвѣтъ Затлера, данный имъ князю М. Д. Горчакову, когда послѣдній, при свиданіи съ Ѳедоромъ Карловичемъ вскорѣ послѣ исключенія его изъ службы, сказалъ: «что это не будетъ мѣшать ему вступить на службу». Затлеръ отвѣтилъ: «до тѣхъ поръ не вступлю, пока не смою брошеннаго на меня незаслуженнаго пятна, и я не лягу въ могилу, пока не оправдаю себя передъ Государемъ и Россіей».

Затлеръ не оставилъ потомства; четверо дѣтей его умерли еще въ дѣтствѣ; осталась вдова, которой средства къ существованію весьма ограничены. Она живетъ пенсіею, оставленною ей въ полномъ размѣрѣ послѣ смерти мужа, около 860 р. въ годъ. Куда же дѣвались пресловутые милліоны, будто бы награбленные генералъ-интендантомъ русской арміи въ Крыму, Ѳ. К. Затлеромъ, во время Восточной войны?....

Тѣло Ѳедора Карловича Затлера, изъ Подольской губерніи, гдѣ онъ былъ похороненъ, въ февралѣ 1877 г., перевезено въ обычное и любимое имъ мѣстопребываніе, въ г. Варшаву.

Всѣ вышеприведенныя нами свѣдѣнія о Ѳедорѣ Карловичѣ Затлерѣ, основанныя на подлинныхъ свидѣтельствахъ, въ связи съ его характеромъ и душевными свойствами, не даютъ ли совершенно иное представленіе, иное понятіе объ этой, выходящей изъ ряда, личности? Припомнимъ, что главнѣйшая государственная дѣятельность Затлера, за которую ему пришлось много выстрадать, происходила четверть вѣка тому назадъ, значитъ, относится къ до-реформенной эпохѣ, когда у насъ не существовало ни той, къ сожалѣнію, крайне еще скромной доли свободы печати, ни гласнаго публичнаго суда. Не въ правѣ-ли мы будемъ, поэтому,

заключить, что Затлеръ, въ глазахъ его соотечественниковъ, является жертвою времени, злополучною жертвою крайне печальныхъ несовершенствъ современнаго ему общества. Только благодаря отсутствію гласности и крайнему, до полнѣйшаго безобразія доходившему стѣсненію печатнаго слова, когда нелѣпые толки и разные темные слухи получаютъ полное значеніе и силу, бываютъ возможны подобныя жертвы. Теперь ни для кого не составляетъ новости, что, при отсутствіи въ обществѣ гласнаго обсужденія вопросовъ жизни и дѣяній человѣческихъ, всякая ложь и неправда находятъ себѣ мѣсто и успѣваютъ проникать въ общество, подрывая въ корнѣ его нравственность. Въ видахъ огражденія общества отъ страшнаго вреда, причиняемаго во всѣхъ видахъ неправдою, необходимо, чтобы оно было достаточно вооружено, а для этого могущественными средствами представляются свобода печатнаго слова, гласность суда, а съ тѣмъ вмѣстѣ широкій контроль общества надъ всѣмъ, что касается внутренней и внѣшней его жизни.

Намъ остается только пожалѣть, что Ѳедоръ Карловичъ не могъ, по условіямъ того времени, воспользоваться ни тѣмъ, ни другимъ, и долженъ былъ роковымъ образомъ вынести на своихъ плечахъ всѣ невзгоды, всѣ печали современнаго ему общества. Позволяемъ себѣ выразить увѣренность, что еслибы дѣло Затлера имѣло мѣсто при иныхъ условіяхъ, при иной обстановкѣ, при всестороннемъ и гласномъ его обсужденіи,—вѣроятно, самые суровые судьи пришли бы къ иному выводу и заключенію, а правительство, равно какъ и общество, не лишилось бы содѣйствія одного изъ полезнѣйшихъ, по своимъ познаніямъ и опытности, дѣятеля въ періодъ общаго нашего государственнаго переустройства.

Такимъ образомъ, примѣръ Затлера еще разъ подтверждаетъ ту историческую истину, что несовершенства общественнаго строя всегда влекутъ за собой вполнѣ для него тяжкія и совершенно невинныя жертвы.

Н.

ПЕРЕПИСКА Ѳ. К. ЗАТЛЕРА

[напечатана съ подлинниковъ].

I.

Ѳ. К. Затлеръ — кн. М. Д. Горчакову.

2-го января 1855 г. (изъ Крыма).

„.....Положеніе крымской арміи дѣйствительно бѣдственное. Въ началѣ военныхъ дѣйствій войска фуражировали и грабили. Многіе радовались и тщеславились, что даромъ кормятъ армію; но эта радость продолжалась недолго. Слухъ о безпорядкахъ распространился повсюду и навелъ паническій страхъ на всѣхъ. Около Севастополя, на разстояніи 30-ти верстъ, жители разбѣжались. Долгое время въ окрестностяхъ Севастополя была на позиціи огромная масса кавалеріи. Не понимаю—для чего? Мѣстность пересѣченная, гдѣ кавалеріи и употребить нельзя. Сверхъ того, непріятель не имѣетъ кавалеріи. Зачѣмъ же намъ было держать сосредоточенныя массы кавалеріи и уничтожать ее безъ надобности? Эти массы лошадей уничтожили, мало по малу, весь фуражъ въ окрестностяхъ Севастополя. Теперь сѣно и ячмень покупаются уже въ окрестностяхъ Симферополя. Насилу, въ послѣднее время, кавалерію, вѣроятно, уже разстроенную, отвели назадъ. Интендантскихъ заготовленій фуража не сдѣлано, и въ Севастополѣ и Бахчисараѣ нѣтъ ни одной четверти (овса). Сто или болѣе покупщиковъ разсѣялись на пространствѣ 60-ти и болѣе верстъ и наперерывъ возвышали другъ другу цѣны. Дѣло шло уже не о цѣнѣ, а о томъ какъ достать фуражъ. Теперь въ Симферополѣ продается четверть ячменя, 6-ти-четвериковой мѣры, по 8 руб., а на сѣно въ Севастополѣ утверждена цѣна по 1 р. 25 к. за пудъ; но, не взирая на огромность этой цѣны, въ Севастополѣ невозможно достать ни четверика ячменя, ни пуда сѣна. Я долженъ былъ кормить лошадей, на которыхъ пріѣхалъ,—хлѣбомъ. Обывательскихъ подводъ между Симферополемъ и Севастополемъ нѣтъ. Нужно все перевозить казенными лошадьми или на подводахъ, нанятыхъ вдали. Но и тутъ худо: во первыхъ, подводчиковъ не скоро удовлетворяютъ деньгами, а во вторыхъ, войска забираютъ все, что имъ попадается. Никто уже не хочетъ ѣхать въ Севастополь.

„Войска удовлетворены деньгами только по 1-е декабря, а денегъ нѣтъ. Я оставилъ въ коммисіонерствѣ главныхъ силъ 100,000 р., взятые мною съ собою на всякій случай....“

II.

Ѳ. К. Затлеръ — полковнику Вуншу.

2-го января 1855 г.

„Жители окрестностей Севастополя покинули свои деревни, а Байдарская долина разорена въ конецъ; сѣна и ячменя въ окрестностяхъ Севастополя достать нельзя, а необходимо покупать эти предметы около Симферополя.

„Цѣны быстро возвышаются и если не принять, теперь же, мѣръ, то возвышенію ихъ не будетъ предѣла. Полковые командиры будутъ требовать, наконецъ, баснословныхъ цѣнъ за то, чтобъ взять на свое попеченіе продовольствіе лошадей. Дорога между Симферополемъ и Севастополемъ гориста, наполнена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязными ямами, въ которыхъ колеса грузнутъ выше ступицъ. Одну повозку вытаскиваютъ изъ ямы въ теченіе часа, и въ это время всѣ обозы останавливаются. Въ особенности велика грязь около Альминской почтовой станціи и Дуванки. Хотя и есть объѣздная дорога, но она не лучше. Теперь, по случаю морозовъ, стянувшихъ грязь, дорога еще лучше, но это продлится не долго; онѣ скоро распустятся и будутъ непроходимы для транспортовъ—примѣрно до апрѣля.

„Дабы доставленіе припасовъ отъ Симферополя до Севастополя шло исправно, я полагаю необходимымъ:

„1) Отпустить въ войска по 3 р. сер. въ каждый пѣхотный полкъ, на 50 орчаковъ, которые они уже частію завели.

„2) Завести въ подвижныхъ магазинахъ 3 или 4,000 вьючныхъ сѣделъ, отпустивъ имъ или деньги, или въ натурѣ сѣдла изъ тѣхъ кавалерійскихъ полковъ, которые пошли на поправку, и на этихъ вьюкахъ транспортировать все въ Бахчисарай до сухаго времени.

„Сверхъ того я полагаю необходимымъ:

„1) Заложить въ Севастополѣ, Бахчисараѣ, и по всей коммуникаціонной линіи, чѣмъ ближе къ войскамъ, тѣмъ бо̀льшіе магазины съ зерновымъ фуражомъ и сѣномъ и продовольствовать войска этими предметами въ натурѣ. Само собою разумѣется, что гдѣ нѣтъ затрудненія въ пріобрѣтеніи фуража, тамъ нѣтъ надобности имѣть магазины.

„Изъ этихъ магазиновъ можно бы разрѣшить продавать, по стоимости припасовъ, сѣно и ячмень вольнонаемнымъ транспортамъ, привозящимъ въ Крымъ порохъ, снаряды и проч., но на это нужно имѣть разрѣшеніе (кн. Меншикова). Это обезпеченіе поощритъ извощиковъ наниматься въ Крымъ. Вообще необходимо наблюдать, чтобъ вольныхъ извощиковъ не задерживали, а удовлетворяли немедленно деньгам и.

„2) Отвести назадъ въ сѣнныя мѣста, сколько позволитъ возможность, лошадей изъ полковъ, а также парковъ. Парковыхъ лошадей можно держать за 40 или 50 верстъ отъ обозовъ.

„Эту мѣру можно бы принять и на счетъ вторыхъ и третьихъ зарядныхъ ящиковъ артиллеріи, а также части патронныхъ.

„Не худо бы установить нормальныя цѣны для уплаты жителямъ за казенныя перевозки. У насъ, во всѣхъ губерніяхъ, плата за пароволовую подводу, поднимающую грузу 35 пудовъ, назначена 3 коп. сер. съ версты".

Примѣчаніе. Князь Меншиковъ назначилъ по 3 коп. съ четверти и версты. Въ южной арміи такса была въ 5 разъ дешевле, а именно по 3 коп. съ версты за повозку. Въ Крыму платили за перевозку четверти изъ Симферополя въ Севастополь по 7 р. 10 к. или съ пуда по 1 руб.

III.

Ѳ. К. Затлеръ — князю М. Д. Горчакову.

28-го іюня 1856 г.

„Ваше сіятельство, милостивый государь князь Михаилъ Дмитріевичъ! Въ 1853 году, когда вашему сіятельству угодно было избрать меня генералъ-интендантомъ войскъ, назначенныхъ для занятія Придунайскихъ княжествъ, вы изволили выразиться, что я увеличу на этомъ мѣстѣ мою репутацію.

„Въ то время я имѣлъ убѣжденіе, что для того, чтобъ быть хорошимъ генералъ-интендантомъ, достаточно исполнить три условія: первое, чтобъ армія была вездѣ обезпечена; второе, чтобъ при распоряженіяхъ были соблюдены существующіе законы, и третье, чтобъ распоряженія были утверждены главнокомандующими.

„Выѣхавъ изъ Варшавы безъ канцеляріи, съ однимъ только молодымъ чиновникомъ, я не страшился предстоящихъ мнѣ трудовъ, заботъ и душевныхъ тревогъ. Въ теченіе всей войны, не взирая на неслыханныя трудности, на внезапную перемѣну театра войны, на тысячу-верстное разстояніе, борьбу въ теченіе прошедшей зимы и весны съ самою природою,—армія наша, смѣю сказать, въ первый разъ продовольствовалась такъ правильно: ни одинъ солдатъ, ни одна лошадь не терпѣли недостатка въ продовольствіи, тогда какъ не было еще примѣра, чтобъ такая многочисленная армія такъ долго была сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, будучи отдѣлена на нѣсколько сотъ верстъ безводными степями отъ хлѣбородныхъ губерній.

„Нѣсколько разъ, въ теченіе трехъ минувшихъ лѣтъ, въ сомнѣніи, буду-ли я въ силахъ нести лежащее на мнѣ тяжкое бремя и оправдать вашу довѣренность, я просилъ ваше сіятельство, словесно и

письменно, уволить меня отъ этой обязанности. Мало того, какъ будто предчувствуя несчастный конецъ этой войны лично для меня, я просилъ ваше сіятельство послать меня въ огонь противъ непріятеля, но вамъ не благоугодно было изъявить согласіе на мои просьбы, и я безропотно покорился своей судьбѣ.

„Наконецъ, при отъѣздѣ вашемъ изъ арміи, я лично доложилъ вамъ, что здоровье мое не позволяетъ мнѣ оставаться долѣе генералъ-интендантомъ, но, не взирая на то, не покину армію, и буду распоряжаться въ самое страшное время—въ теченіе зимы и весны—до наступленія сухихъ дорогъ, зелени и подножнаго корма, т. е. когда условія, отъ коихъ зависитъ исправность продовольствія, сдѣлаются болѣе легкими.

„Напрасно объяснять вашему сіятельству, сколько въ это время я имѣлъ трудовъ, съ какимъ душевнымъ безпокойствомъ я слѣдилъ за показаніями барометра, какъ я ожидалъ каждый транспортъ съ припасами, потому что отъ неприбытія чего нибудь въ свое время зависѣла судьба арміи. Ваше сіятельство не однажды сами испытывали такое же безпокойство. Когда все покоилось отъ дневныхъ трудовъ, можетъ быть, я одинъ, въ цѣлой арміи, проводилъ ночи безъ сна, будучи преслѣдуемъ заботою о благосостояніи войскъ и о будущей судьбѣ ея и моей. Понятно, сколько я страшился подвергнуть армію лишеніямъ и передать Россіи имя мое покрытое вѣчнымъ безславіемъ.

„Но счастіе мнѣ благопріятствовало. Я преодолѣлъ всѣ трудности, борьбу съ людьми, борьбу съ природою; армія сохранена, Крымъ удержанъ, и миръ обрадовалъ Россію. Между тѣмъ, на меня, избѣгнувшаго одного безславія, бросили другое. Три условія, о коихъ я говорилъ выше, мною выполнены, и, не смотря на то, я подвергаюсь преслѣдованіямъ. Нелѣпые толки о похищенныхъ милліонахъ, извлеченные, конечно, изъ самыхъ нечистыхъ источниковъ, нѣсколько истинъ относительно способовъ продовольствія арміи, высказанныя мною, быть можетъ, слишкомъ откровенно, оскорбившія самолюбіе многихъ, были, безъ сомнѣнія, причиною, что по высочайшему повелѣнію назначена слѣдственная коммисія для повѣрки дѣйствій интендантства, по случаю допущенныхъ безпорядковъ по продовольственной части, мнѣ, впрочемъ, неизвѣстныхъ. Такъ обнародовано и въ указѣ правительствующаго сената. Такимъ образомъ, повидимому, всѣмъ извѣстны безпорядки, мною допущенные, только я одинъ еще не знаю, въ чемъ они заключаются; такъ, по предсказанію вашего сіятельства, я увеличилъ свою репутацію.

„Я подалъ на высочайшее имя просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ, и напрасно жду его нѣсколько мѣсяцевъ. Еще въ апрѣлѣ

изъ Петербурга пришелъ отвѣтъ, что отпускъ мнѣ разрѣшенъ, но съ тѣмъ, чтобъ я сдалъ должность на законномъ основаніи тому, кто вмѣсто меня будетъ назначенъ, а между тѣмъ никого не назначили. Такъ я задерживаюсь до сихъ поръ, какъ будто прикосновенный къ мнимымъ злоупотребленіямъ.

„Пока война продолжалась, меня считали необходимымъ для арміи, но едва высохло перо, подписавшее миръ, — на меня смотрятъ какъ на государственнаго преступника!..

„Когда, въ 1854 году, въ Крыму всѣ боялись за продовольствіе арміи, тогда я больной скакалъ туда изъ Кишинева, по волѣ вашего сіятельства, чтобъ указать что̀ дѣлать. А теперь — теперь я уже не нуженъ! Сколько мнѣ извѣстно, меня винили въ томъ, будто я допустилъ недостатокъ въ продовольствіи. Это обвиненіе несправедливо: наличнаго хлѣба было достаточно, но гражданское начальство не наряжало подводъ, да и грязи были такъ велики, что нужно было щадить перевозочныя средства, и потому я прибѣгнулъ къ замѣнамъ, не уменьшивъ, однакоже, солдатской дачи, и, такимъ образомъ, обошелся наличными припасами, на полуостровѣ бывшими, до сухихъ дорогъ. Я далъ по этому обстоятельству объясненіе князю Васильчикову, основанное на фактахъ.

„Всѣ мои распоряженія утверждены главнокомандующимъ и, слѣдственно, за нихъ, по смыслу §§ 11-го и 28-го устава объ управленіи арміями, я отвѣчать не могу.

„Въ самомъ дѣлѣ, къ чему генералъ-интенданту служитъ утвержденіе главнокомандующаго, если оно безсильно его защитить. Судить меня—значитъ осуждать распоряженія главнокомандующаго. Самъ я ничего не покупалъ, и никому изъ подчиненныхъ цѣнъ не утверждалъ. Заготовленія дѣлались большею частію по неуспѣху торговъ, на законномъ основаніи, чрезъ коммисіонеровъ, съ губернаторскаго утвержденія цѣнъ.

„Къ коммерческому способу, по чрезвычайному колебанію цѣнъ, прибѣгать не было возможности, а другихъ законныхъ способовъ не существуетъ по нашимъ государственнымъ постановленіямъ, отъ которыхъ я не могъ отступать. Законъ говоритъ, что если заготовитель представитъ губернатору на утвержденіе преувеличенныя цѣны, то губернаторъ долженъ указывать лицъ, у коихъ можно купить припасы дешевле. Законъ мудрый, ибо у губернатора, какъ хозяина губерніи, сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о посѣвахъ, урожаяхъ, обиліи припасовъ, о справочныхъ цѣнахъ, кои онъ утверждаетъ. Могъ ли я, прикованный, такъ сказать, къ главной квартирѣ, гдѣ долженъ былъ ежеминутно ожидать движенія войскъ и быть готовымъ продоволь-

ствовать войска, куда бы они ни обратились,—могъ ли я видѣть все, что́ дѣлалось въ восьми губерніяхъ? Еслибъ припасы дѣйствительно были заготовлены дорого, то и тогда виноватъ не я, а губернаторы, утвердившіе цѣны. Имъ предоставлено закономъ утверждать цѣны; они ихъ утверждали безъ моего участія, а меня винятъ за дороговизну! Кому неизвѣстно, что еслибы я заготовилъ припасы дѣйствительно дешево, но не соблюлъ при томъ законныхъ формъ, то не имѣлъ бы никакого оправданія. Тогда указывали бы мнѣ на тѣ же законы, которыхъ теперь никто какъ будто не знаетъ.

„Наконецъ, всякій чиновникъ, равно какъ командиръ полка или части, у котораго находятся на рукахъ деньги или припасы, отвѣчаетъ самъ по закону за сохраненіе ихъ и правильный расходъ.

„Несправедливо, кажется, подвергать меня отвѣтственности за вину, которая, если и существуетъ, то допущена не мною, а другими. Неестественно мнѣ одному отвѣчать за всѣхъ. Послѣ того, какъ поступлено со мною, я сомнѣваюсь, чтобъ нашлось лицо, которое согласились-бы принять на себя обязанность, въ которой ни законы, ни подпись главнокомандующаго его не защищаютъ.

„Извѣстный Лоу во второй запискѣ о банкахъ написалъ:

„Les peuples ne s'occupent que de ce qui les afflige dans le moment, ils ne pénètrent pas aux sources de leurs maux. . . . . ils voudraient qu'on rémèdiat dans l'instant aux désordres qui ont duré plusieurs années“....

„Если есть зло, то источника его надобно искать не въ интендантствѣ.

„Въ собственномъ сознаніи правоты моихъ дѣйствій, я до сего времени не рѣшался напоминать вашему сіятельству о себѣ. Но по запросамъ, мнѣ дѣлаемымъ, надобно заключать, что дѣйствія слѣдственной коммисіи, по многосложнымъ обязанностямъ, на нее возложеннымъ, кончатся, вѣроятно, не скоро, и могутъ продолжаться годы; несправедливо удерживать меня, не взирая на болѣзнь, только за то, что нужно повѣрить дѣйствія какого нибудь чиновника; по закону, я могу отвѣчать только за свои распоряженія, и достаточно если они были предварительно разсматриваемы, одобрены и утверждены главнокомандующимъ.

„Къ вашему сіятельству, какъ свидѣтелю моей службы и справедливому судьѣ моихъ дѣлъ, обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою: доложите мое дѣло и испросите соизволеніе на увольненіе меня отъ должности и въ заграничный отпускъ для излеченія болѣзни, согласно съ просьбою моею, поданною на высочайшее его императорскаго величества имя“.

Примѣчаніе. При этомъ письмѣ препровождены для свѣдѣнія князя Горчакова: отзывъ Затлера князю Васильчикову, отъ 18-го іюня 1856 г., и объясненія его на журналъ комитета министровъ, отъ 25-го марта того же года.

IV.

Генералъ-адъютантъ Лидерсъ — Ѳ. К. Затлеру.

27-го сентября 1856 года.—Г. Харьковъ.

Государь императоръ, снисходя къ моей просьбѣ, всемилостивѣйше изволилъ уволить меня по болѣзни отъ командованія арміею.

Хотя бо́льшая часть распоряженій по обезпеченію войскъ, находившихся въ Крыму, на нынѣшній годъ были уже сдѣланы предмѣстникомъ моимъ прежде вступленія моего въ командованіе арміею, но всѣ они приводились въ исполненіе при мнѣ.

Когда въ цѣломъ южномъ краѣ дороги распустились до такой степени, что всѣ перевозки казались невозможными, я самъ началъ безпокоиться о томъ—найдете-ли вы средства обезпечить армію провіантомъ и фуражомъ въ столь неимовѣрно-трудную эпоху. Опасенія мои происходили отъ того, что наличные припасы съ каждымъ днемъ уменьшались на потребности войскъ, а подвозы опаздывали въ назначенныя мѣста и происходила медленность въ назначеніи подводъ; при томъ же, сѣно нужно было перевозить болѣе нежели за 200 верстъ,—примѣръ небывалый въ военныхъ лѣтописяхъ.

Въ такомъ критическомъ положеніи вы прибѣгнули къ замѣнамъ, допускаемымъ закономъ, замѣнивъ муку крупою, при чемъ солдатская дача не уменьшилась. Я самъ пробовалъ солдатскую пищу при этой замѣнѣ и нашелъ ее здоровою, питательною и отнюдь не хуже обыкновенной пищи.

Такимъ образомъ, не взирая на неслыханныя трудности, солдаты въ теченіе всего времени не терпѣли недостатка въ продовольствіи, и ко времени, когда обыкновенно возобновляются военныя дѣйствія, дѣятельными распоряженіями вашими, они были довольно свѣжи, чтобы съ новою бодростію опять вступить въ бой съ непріятелемъ и защищать родную землю.

Сверхъ того, предмѣстникъ мой возложилъ на васъ возстановленіе на полуостровѣ почтъ, которыя пришли въ совершенное разстройство,—обязанность, не входящая въ кругъ вашихъ дѣйствій; но вы и это трудное дѣло, въ самое неблагопріятное время, а именно въ большую распутицу, сколько было возможно, поддержали.

Оставляя армію, не могу не принести вамъ, какъ сотруднику моему въ заботахъ о ея сохраненіи, моей признательности за тѣ услуги, ко-

торыя доставили войскамъ нашимъ возможность, при неслыханныхъ трудностяхъ, оставаться на полуостровѣ, въ чемъ сомнѣвался даже нашъ непріятель. Примите увѣреніе моего къ вамъ почтенія и преданности. „А. Лидерсъ“.

V.

Князь М. Д. Горчаковъ — Ѳ. К. Затлеру.

10-го октября 1856 года.—Г. Варшава.

Почтеннѣйшій Ѳедоръ Карловичъ! Я передъ вами очень виноватъ, не отвѣчая по сіе время на письмо ваше. Передавъ вамъ словесный отвѣтъ черезъ генерала Безака, отъѣзжающаго въ Одессу, я хотѣлъ вслѣдъ за тѣмъ къ вамъ писать, но въ Москвѣ была такая суета [1]), что не имѣлъ свободной минуты. Дѣло въ томъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Карловичъ, что просить для васъ теперь заграничнаго отпуска было бы несовмѣстно и, собственно для васъ, невыгодно. Много нареканій на управленіе интендантства крымской арміи, и Государю угодно, чтобы они были разъяснены. Вы одни можете это сдѣлать, указавъ—какія несправедливы, какія хотя и справедливы, но относятся къ лицамъ исполнительнымъ, за дѣйствіями коихъ, среди крайне трудныхъ обстоятельствъ, въ какихъ мы находились, не было возможности слѣдить, и т. п. Что положеніе ваше было въ высшей степени затруднительно, что вы оказали величайшую услугу Россіи доставивъ намъ возможность держаться на оконечности Крыма, не взирая на отдѣленіе арміи 400 верстною степью отъ своего базиса, словомъ, что къ спасенію полуострова вы способствовали болѣе кого либо: все это я докладывалъ Государю Императору и говорилъ всѣмъ и каждому.

Общія объясненія, которыя вы мнѣ доставили при письмѣ вашемъ, я нахожу вообще основательными, и увѣренъ, что далѣе вы разъясните много и другихъ обстоятельствъ, составляющихъ предметъ нареканій. Присылайте мнѣ сущность сихъ разъясненій—и я буду въ нихъ вникать съ величайшею внимательностію.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности „Михаилъ князь Горчаковъ“.

---

[1]) Было время коронаціи.

VI.

Мнѣнія князя М. Д. Горчакова и ген. А. Н. Лидерса на препровожденныя имъ, по Высочайшему повелѣнію, выписки изъ суднаго дѣла о генералѣ Ѳедорѣ Затлерѣ.

Мнѣніе князя Горчакова [1]).

Прежде разбора каждаго изъ 13-ти дѣлъ, по коимъ обвиненъ Затлеръ, необходимымъ нахожу изложить мое мнѣніе относительно одного рода обвиненія, почти во всѣхъ этихъ дѣлахъ повторяемаго и заключающагося въ томъ, что Затлеръ представлялъ на утвержденіе главнокомандующему такія распоряженія, которыя несогласны съ существующими постановленіями по провіантской части. Мнѣ кажется, что дѣйствія его въ этомъ отношеніи не могутъ почитаться незаконными.

Походъ 1807 года доказалъ, что руководствоваться во время войны провіантскими постановленіями нѣтъ никакой возможности. Русская армія, не весьма многочисленная, въ краю населенномъ и богатомъ, во время не весьма продолжительнаго похода, подверглась величайшимъ лишеніямъ, до того, что солдаты иногда ѣли кожу своихъ сапоговъ.

Удостовѣрясь, что нѣтъ возможности, при соблюденіи обыкновенныхъ правилъ военной администраціи, предохранить войска отъ лишеній и что только рѣшительными мѣрами можно обезпечивать ихъ довольствіе среди военныхъ обстолтельствъ, императоръ Александръ I утвердилъ въ 1812 году особый уставъ для управленія арміями въ военное время. Наиболѣе замѣчательная черта этого устава есть облеченіе главнокомандующаго властію самого императора. Государь Александръ рѣшился на предоставленіе столь огромной власти предводителямъ арміи въ убѣжденіи, что таковая совершенно необходима для веденія войны съ успѣхомъ; и дѣйствительно, при большой числительности арміи, только рѣшительными мѣрами и распоряженіями по обстоятельствамъ, безъ малѣйшаго отлагательства, не стѣсняясь формами, можно обезпечивать ихъ снабженіе и довольствовать среди случайностей войны. Опытъ 1812, 1828, 1829, 1830, 1831 и 1849 годовъ вполнѣ оправдалъ предусмотрѣніе въ семъ отношеніи верховной власти. Въ 1846 году высочайше утвержденъ новый уставъ, въ главныхъ основаніяхъ своихъ согласный съ уставомъ 1812 года. Въ § 16-мъ сказано: „главнокомандующій въ военное время представляетъ лицо императора и облекается

[1]) Князь М. Д. Горчаковъ посвятилъ два мѣсяца на разсмотрѣніе суднаго дѣла и написалъ свой отвѣтъ собственноручно.

властію его величества". Затѣмъ, генералъ-интендантъ не можетъ обвиняться въ томъ, что представлялъ на утвержденіе главнокомандующаго о мѣрахъ, несогласныхъ съ провіантскими постановленіями. Тутъ ничего незаконнаго и быть не можетъ. Это его право; скажу болѣе: его обязанность, если мѣра, выходящая изъ круга существующихъ постановленій, представляется ему полезною для арміи. Идя отъ этого начала, котораго справедливость неоспорима, всѣ обвиненія, возведенныя на генералъ-маіора Затлера, за представленіе на утвержденіе главнокомандующаго мѣръ, несогласныхъ съ провіантскими постановленіями, падаютъ сами собою. Подобныя мѣры могутъ подлежать разбирательству только въ отношеніи существенной ихъ пользы или вреда, а не въ томъ отношеніи — согласны ли онѣ или противны какой либо статьѣ провіантскихъ регулъ. Другое основаніе отвѣтственности генералъ-интенданта, за представленныя имъ на утвержденіе главномандующаго распоряженія, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что если подобная мѣра утверждена главнокомандующимъ съ полнымъ сознаніемъ обстоятельствъ, ее возбудившихъ, то интендантъ по ней не подлежитъ уже взысканію, хотя бы, въ послѣдствіи, она оказалась невыгодною, ибо поводы, ее возбудившіе, были взвѣшены главнокомандующимъ и признаны имъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, полезными.

Изложивъ, затѣмъ, мнѣнія по каждому заготовленію порознь, князь Горчаковъ заключаетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ:

О нѣкоторыхъ поводахъ къ подозрѣнію Затлера въ дѣйствіяхъ съ корыстными видами.

Въ отчетахъ слѣдственной коммисіи усматривается: 1) что провіантскіе чиновники Чиканскій и Чемесовъ, оправдывая себя въ неимѣніи надзора за Цукерманомъ [1]), показали: что этотъ подрядчикъ пользовался полною довѣренностію генералъ-интенданта и, что, поэтому, они, боясь быть изгнанными изъ службы, не имѣли надлежащаго надзора за ходомъ его операцій, и 2) что коммисіонеръ Мошинскій, въ письмѣ къ своему повѣренному, прося его обратить вниманіе и извѣщая о слухахъ относительно перемѣны генералъ-интенданта, между прочимъ, писалъ, что если у него начнутъ браковать муку, то онъ будетъ въ большихъ хлопотахъ, ибо тогда Затлера уже не будетъ и помочь будетъ некому.

Показаніе двухъ коммисіонеровъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ,

[1]) Подрядчикъ Затлера.

которое могло быть сдѣлано ими для облегченія ожидавшей ихъ участи, и письмо коммисіонера къ его повѣренному, съ двусмысленнымъ значеніемъ на счетъ Затлера, по моему мнѣнію, нельзя почитать ни уликами корыстныхъ видовъ съ его стороны, ни даже основательными поводами къ подозрѣнію въ чистотѣ его дѣйствій, тѣмъ болѣе, что отъ Затлера по этимъ нареканіямъ, кажется, не требовано объясненія.

Изъ всего вышеизложеннаго я вывожу слѣдующее мнѣніе на счетъ дѣйствій Затлера:

Въ дѣлѣ нѣтъ доказательствъ, ни даже положительныхъ доводовъ, изъ коихъ можно бы было заключить, чтобы Затлеръ, при исполненіи своихъ обязанностей, дѣйствовалъ съ какою либо корыстною цѣлью. Виновность его состоитъ въ упущеніи и невнимательности къ дѣлу о довольствіи арміи виномъ, въ неоткрытіи своевременно, что фабрика, на коей выдѣлывался бульонъ, не была собственностію поставщика; въ нѣкоторыхъ упущеніяхъ, въ пренебреженіи формъ, въ большомъ безпорядкѣ по канцелярской части и въ отсутствіи достаточнаго надзора за подрядчиками и подчиненными ему коммисіонерами.

Излагая таковое мнѣніе мое, не могу, однако же, не выразить убѣжденія, что крайне трудныя обстоятельства, въ коихъ Затлеръ находился при исполненіи своихъ обязанностей, и весьма большія заслуги его вполнѣ достойны монаршаго воззрѣнія и милостиваго снисхожденія къ его проступкамъ. Едва-ли исторія новѣйшихъ временъ представляетъ примѣръ войны столь трудной, въ отношеніи снабженія и довольствія войскъ, какъ послѣдняя война на Крымскомъ полуостровѣ.

Графъ Канкринъ, мнѣніе котораго въ этомъ отношеніи должно почитать авторитетомъ, въ отчетѣ своемъ о войнѣ 1812 года, говоритъ, что если-бы русская армія стояла подъ Тарутинымъ не лѣтомъ и не осенью, то не могла бы выдержать тамъ такъ долгое пребываніе. Армія князя Кутузова стояла около двухъ мѣсяцевъ на Тарутинской позиціи, которая упиралась на плодороднѣйшія губерніи Россіи.

Въ 1855 году, русская армія, брошенная на оконечности государства, въ безплодной и безлюдной почти странѣ, имѣя въ тылу своемъ нѣсколько сотъ верстъ голой степи, съ путями почти непроходимыми во время осени и зимы, боролась въ теченіе двухъ лѣтъ противъ враговъ многочисленныхъ и не уступила имъ даже 30-ти верстъ русской земли.

Враги наши расчитывали навѣрное, что, въ теченіе зимы 1855 г., я непремѣнно найдусь въ необходимости очистить Крымъ, за невозможностью долѣе въ немъ довольствоваться. Это не сбылось. Армія

осталась всю зиму, не нуждаясь ни въ чемъ, подъ самымъ Севастополемъ, а на весну имѣла все продовольствіе, нужное для возобновленія борьбы. Въ столь исключительно трудныхъ обстоятельствахъ было необходимо безпрестанно употреблять самыя безотлагательныя, самыя рѣшительныя мѣры. Надобно было жертвовать всѣмъ для достиженія главной цѣли—во чтобы то ни стало избавить армію отъ лишеній, которыя вынудили бы ее отойти за Перекопъ; надобно было доставлять жизненные припасы въ излишествѣ и распоряжать перевозки въ кратчайшіе сроки, съ убѣжденіемъ, что они дойдутъ на опредѣленные пункты позже чѣмъ выговорено въ условіяхъ; не прерывать начатыхъ операцій, не взирая на нѣкоторую медленность въ ихъ исполненіи, такъ какъ передача ихъ другимъ лицамъ повлекла бы за собою губительную для арміи утрату времени; словомъ, дѣйствовать съ безпрестанною энергіею и рѣшительностію. Дѣйствуя осторожно, облекаясь формами, отрѣшая коммисіонеровъ при полученіи каждаго доноса о ихъ неисправности и тому подобное, Затлеръ остался бы чистъ передъ судомъ, но послѣдствіе такого эгоизма стоило бы дорого отечеству. Я долженъ по совѣсти сказать, что Затлеръ—въ числѣ тѣхъ, коимъ Россія наиболѣе обязана за спасеніе Крымскаго полуострова. Безъ его дѣятельности и вѣрнаго взгляда на продовольственную часть, всѣ усилія нашихъ воиновъ были бы тщетны.

Въ заключеніе, считаю нужнымъ представить нижеслѣдующее сравненіе между цѣнами на провіантъ, поставленный по Царству Польскому, съ цѣнами нѣкоторыхъ изъ невыгоднѣйшихъ поставокъ крымской арміи въ началѣ 1856 года. Сравненіе это послужитъ, кажется, несомнѣннымъ доводомъ, что расходы на довольствіе крымской арміи, не взирая на неимовѣрно трудныя обстоятельства, въ коихъ она находилась, не могутъ почитаться расточительными.

Въ Царствѣ Польскомъ поставки были только періодическія и въ малыхъ количествахъ. За неимѣніемъ матеріаловъ, я не могъ вывести средней цѣны заготовленій по всему раіону южной и крымской армій, и посему въ сравненіе выведены только самыя невыгодныя поставки крымской арміи, дѣлаемыя почти всѣ экстренно и въ большихъ количествахъ. Не смотря на всѣ эти весьма невыгодныя данныя, для прилагаемаго здѣсь сравненія принятыя, оказывается, что на мѣстахъ средняя цѣна по крымской арміи—до 800 т. четвертей провіанта, составляла: на муку 10 руб. 60 к., на крупу 12 руб. 71 коп., тогда какъ по Царству Польскому—при поставкѣ 200 т. четвертей провіанта—она составляла: на муку 10 руб. 73 коп. и на крупу 13 руб. 26 коп. серебромъ.

Мнѣніе генералъ-адъютанта А. Н. Лидерса [1]).

[Общее заключеніе]. Генеральный судъ, въ приговорѣ своемъ, рѣшилъ, что со стороны Затлера обнаружены упущенія и неправильныя распоряженія и дѣйствія. Значитъ, на него не падаетъ обвиненіе въ корыстолюбіи. Такое заключеніе генеральнаго суда и я, съ своей стороны, признаю справедливымъ, тѣмъ болѣе, что двѣ слѣдственныя коммисіи и генеральный судъ, старательно допрашивая, въ продолженіе трехъ лѣтъ, бывшихъ подчиненныхъ Затлера, изъ коихъ многіе приговорены къ лишенію правъ состоянія, и потому, безъ сомнѣнія, въ случаѣ виновности, не пощадили бы его,—разсмотрѣвъ всю переписку, даже частную, всѣхъ прикосновенныхъ къ суду чиновниковъ и, наконецъ, допросивъ множество подрядчиковъ, заготовлявшихъ продовольствіе для арміи,—рѣшительно не открыли слѣдовъ къ обвиненію въ корыстолюбіи бывшаго генералъ-интенданта крымской арміи. Подозрѣніе въ этомъ еще болѣе должно отстраниться, если взять во вниманіе самый характеръ Затлера, въ высшей степени самолюбивый и честолюбивый, и скромную жизнь, которую онъ постоянно велъ, чего нельзя сказать о подчиненныхъ его, изъ коихъ многіе вели жизнь чрезвычайно расточительную.

Затѣмъ, по моему мнѣнію, Затлеръ можетъ обвиняться въ обнаруженныхъ слѣдствіемъ безпорядкахъ, существовавшихъ въ его канцеляріи, въ несоблюденіи, иногда, формальностей и въ недостаточной повѣркѣ дѣйствій своихъ подчиненныхъ. Но, произнося такое обвиненіе, спрашиваю, имѣлъ ли бывшій генералъ-интендантъ въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя средства, чтобъ не подпасть отвѣтственности? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Назначенный въ генералъ-интенданты при вступленіи нашихъ войскъ въ княжества, онъ прибылъ съ однимъ чиновникомъ. Не имѣя заблаговременно правильно устроенной канцеляріи, онъ долженъ былъ употреблять тѣхъ людей, коихъ находилъ подъ рукою, бо́льшею частію такихъ, кои не хорошо были знакомы съ порядкомъ письменныхъ дѣлъ. При неуспѣхѣ завести необходимый порядокъ въ началѣ войны,—уже потомъ, при безпрерывныхъ передвиженіяхъ и заботахъ, невозможно было устроить свою канцелярію какъ слѣдуетъ.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Лидерсъ доставилъ мнѣніе свое по каждому заготовленію порознь, но здѣсь приводится только общее заключеніе.

Изъ произведеннаго слѣдствія видно, что личный составъ всего провіантскаго вѣдомства арміи былъ крайне ненадеженъ. Въ этомъ Затлера винить также трудно. При началѣ Восточной войны, наше государство находилось въ небываломъ положеніи: оно было атаковано, или ожидало нападенія, со всѣхъ сторонъ. Это побудило сформировать такую огромную армію, какой еще никогда не существовало. Вездѣ нужны были опытные и хорошіе чиновники. Каждое управленіе старалось удержать у себя лучшихъ; а затѣмъ, можно себѣ представить затрудненія, съ какими боролся генералъ-интендантъ въ пріисканіи надежныхъ подчиненныхъ, тѣмъ болѣе, что служба провіантская была у насъ въ неуваженіи и благовоспитанные люди избѣгали ея. Если, во время войны, кто изъ способныхъ людей и рѣшался поступить въ провіантскій штатъ, то лишь съ явнымъ намѣреніемъ быстро обогатиться. И естественно-ли ожидать безкорыстія отъ чиновниковъ, коимъ, съ одной стороны, нѣтъ ходу по службѣ, а жалованье ихъ ограничивается отъ 300 до 750 руб. сер. въ годъ, а съ другой—имъ даютъ милліоны въ руки, для покупки продовольствія? Скорому ихъ обогащенію также способствуютъ военныя обстоятельства, въ особенности, если армія велика и продовольствіе ея затруднительно. А едва ли въ исторіи былъ примѣръ арміи столь большой, какъ крымская, на маломъ пространствѣ, въ концѣ имперіи сосредоточенной и коей продовольствіе было бы труднѣе! При томъ, самыя постановленія о заготовленіи коммисіонерскомъ, по необходимости во время войны употребляемомъ, весьма помогаютъ злоупотребленію провіантскихъ чиновниковъ. По законамъ нашимъ, для разрѣшенія коммисіонерскаго заготовленія въ мирное время, нужно соблюсти условія, ограждающія казну отъ убытковъ, но такія условія въ военное время рѣдко исполнимы. Хотя чиновники для коммисіонерскихъ заготовленій должны избираться самые благонадежные, но такіе въ провіантское вѣдомство не идутъ. Затѣмъ, остается генералъ-интенданту, по крайней мѣрѣ, избирать для своихъ операцій способныхъ и опытныхъ, что́ Затлеръ и дѣлалъ.

На основаніи законовъ:

Для коммисіонерскихъ заготовленій цѣны утверждаются гражданскими губернаторами.

Они должны наблюдать, чтобъ въ доставленіи цѣнъ производителямъ коммисіонерскихъ заготовленій не было никакихъ отступленій отъ законнаго порядка.

Если губернаторъ признаетъ цѣны, открытыя коммисіонеромъ, невыгодными для казны, то въ то же время обнаруживаетъ упущеніе или злоупотребленіе производителя заготовленія передъ начальствомъ.

Цѣны, установленнымъ порядкомъ утвержденныя, считаются по коммисіонерскому заготовленію достаточнымъ документомъ для удостовѣренія въ правильности заготовленія.

Коммисіонерское заготовленіе не обезпечивается залогомъ.

Чиновникъ, на коммисіонерскомъ правѣ, можетъ закупать предметы заготовленія изъ первыхъ рукъ: у крестьянъ, помѣщиковъ и всякаго рода промышленниковъ.

Производители операцій имѣютъ право выдавать денежные задатки подъ непосредственною отвѣтственностію за убытокъ.

Непосредственное начальство производителя операціи обязано входить въ строжайшее разсмотрѣніе всѣхъ его дѣйствій.

За упущенія неумышленныя, которыя не сдѣлали вреда казнѣ, производитель операціи подвергается взысканію по службѣ, по усмотрѣнію начальства; за злоупотребленія, слѣдствіемъ обнаруженныя, предается суду.

На основаніи этой выписки изъ свода законовъ, наблюденіе за дѣйствіями коммисіонеровъ раздѣляется между губернаторами и генералъ-интендантомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что первые, по обширности ввѣренныхъ ихъ управленію губерній и по множеству другихъ дѣлъ, могутъ имѣть только слабое смотрѣніе за производителями коммисіонерскихъ поставокъ, а генералъ-интенданту, который находится за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста заготовленія, остается для повѣрки дѣйствій коммисіонеровъ одно средство, это—посылать, по временамъ, благонадежныхъ чиновниковъ. Предположимъ, что таковые состоятъ. Главная ихъ обязанность должна быть въ томъ, чтобы удостовѣриться—искуплены-ли были продукты и находятся-ли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ назначено быть. За цѣны же отвѣчаетъ губернаторъ. Какъ коммисіонерамъ разрѣшено покупать по мелочамъ въ разныхъ мѣстахъ, то на огромномъ пространствѣ, при медленности переѣздовъ по неустроеннымъ путямъ и сообщеніямъ, при распутицѣ, бывающей весною, осенью и зимою, чрезвычайно трудно объѣхать всѣ пункты заготовленія, особенно при короткихъ срокахъ, назначенныхъ въ военное время для поставокъ, и пока чиновникъ доѣдетъ до мѣста, ему указаннаго для повѣрки, могутъ припасы увезти далѣе. Но положимъ, что онъ удостовѣрился въ неуспѣшности дѣйствій коммисіонера, открылъ даже злоупотребленія и донесъ генералъ-интенданту. Спрашивается, какъ долженъ поступить сей послѣдній, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ, что коммисіонеръ роздалъ значительные задатки? Отрѣшить его и поручить заготовленіе другому? Тогда казна потеряетъ задатки,—а главное, войска могутъ остаться безъ продовольствія. За злоупотребленіе же коммисіонеры подвергаются суду, если

оно слѣдствіемъ доказано. Во время бывшей войны, при крайнемъ недостаткѣ надежныхъ чиновниковъ, коихъ негдѣ было взять даже для необходимѣйшихъ порученій, на кого возлагать слѣдствія? Поневолѣ нужно отложить до окончанія операціи, до заключенія мира.

Вотъ почему Затлеръ, получая свѣдѣнія, что поставки коммисіонеровъ идутъ не такъ успѣшно какъ слѣдуетъ, не щадилъ ихъ на бумагѣ, угрожалъ имъ слѣдствіемъ и судомъ, какъ это ясно видно изъ всего слѣдственнаго дѣла, но въ сущности долженъ былъ терпѣть ихъ неисправность, давая имъ время поправиться для пользы самой арміи и казны.

Изъ всего вышеизложеннаго я вывожу заключеніе, что бывшій генералъ-интендантъ крымской и южной армій, за сдѣланныя имъ упущенія по должности, хотя по закону и подлежитъ отвѣтственности, но заслуживаетъ монаршаго снисхожденія. Вызванный на поприще провіантской службы покойнымъ княземъ Варшавскимъ, онъ постоянно пользовался лестнымъ его вниманіемъ. Генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ имѣлъ къ нему полную довѣренность и нельзя не согласиться, что, въ прежнія наши кампаніи противъ Турціи, войска наши всегда выходили изъ княжествъ изнуренныя и ослабленныя болѣзнями. Въ послѣднюю же войну этого не было.

Нѣтъ сомнѣнія, что ни одна война не обошлась правительству безъ значительныхъ излишнихъ издержекъ, но никогда еще дѣла интендантства не были изслѣдованы по заключеніи мира съ такою подробностію и строгостью, ни одинъ генералъ-интендантъ не подвергался столь строгому осужденію за безпорядки и злоупотребленія своихъ подчиненныхъ, какъ Затлеръ.

Изъ объясненій его видно, что въ продолженіе войны онъ просилъ освободить его отъ должности интенданта, подавалъ даже просьбу на высочайшее имя, но былъ удержанъ, какъ необходимый на своемъ мѣстѣ человѣкъ, а при моемъ вступленіи въ командованіе крымскою арміею, онъ былъ болѣнъ и изнуренъ до такой степени, что только убѣжденія князя Горчакова и мои заставили его продолжать исполненіе своей трудной обязанности.

Къ этому я долженъ присовокупить свое мнѣніе, что, конечно, Затлеръ, при его самолюбіи, долженъ уже былъ много выстрадать въ послѣдніе три года, пока производились слѣдствіе и судъ, въ особенности, когда подвергнутъ былъ аресту.

Все это побуждаетъ меня просить повергнуть къ стопамъ всемилостивѣйшаго государя мое всеподданнѣйшее ходатайство облегчить участь Затлера въ той мѣрѣ, въ какой сердце царево укажетъ. А. Лидерсъ.

Примѣчанія. Подлинники напечатанныхъ выше документовъ сообщены вдовою покойнаго, г-жею А. Затлеръ.

«Отрывки этой статьи читаны генералъ-адъютанту Э. И. Тотлебену, который совершенно раздѣляетъ изложенные въ ней взгляды, находя ее вполнѣ согласною съ истиною.

«Что же касается до суда общественнаго мнѣнія, то едва-ли отъ него можно дождаться въ этомъ дѣлѣ правдиваго слова — оно навсегда останется: «une grande ignorante en fait de choses militaires». — Общество уже привыкло взирать на Ѳ. К. Затлера какъ на «козлище очищенія» невзгодъ, испытанныхъ нами въ эпоху Крымской войны, и не откажется отъ столь удобнаго способа оцѣнивать событія печальной эпохи.

«Позднѣйшее потомство посмотритъ правильно на это щекотливое дѣло и оцѣнитъ въ свое время чувство безпристрастія и неизмѣннаго стремленія къ истинѣ, руководившихъ въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, редакціею «Русской Старины». Н. К. Ш—ръ.

Тульскіе оружейники въ 1797 г.

Смоленскъ, мая 7-го 1797 года.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ! [1]) Ружья, сдѣланныя на Тульскихъ заводахъ для полковъ гвардіи, безъ починки къ употребленію негодны; то ежели вы и въ армію подобныя симъ отпуститѣ (sic) и объ оном дойдетъ рапортъ, то зельныя съ васъ деньги взысканы быть имѣютъ. Павелъ.

Въ Гатчинѣ, сентября 5-го.

Господинъ генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ! Свѣдавъ о неповиновеніи оружейныхъ мастеровыхъ въ Тулѣ, для усмиренія оныхъ Я приказалъ генералъ-лейтенанту Шевину, по сношенію съ вами, ввести столько войскъ изъ его полка, сколько на сей случай потребно; равномѣрно предписано отъ Меня кому слѣдуетъ о понужденіи заводовъ желѣзныхъ къ скорѣйшему доставленію въ Тулу на оружейные заводы годнаго желѣза, каждому этой части, кому какая по нарядамъ слѣдуетъ. А какъ при томъ извѣстно, что ружья для войскъ дѣлаются не самыми мастерами, но ихъ работниками и мальчиками, отъ чего они большею частію и для употребленія негодны, то и по-

---

[1]) Генералъ-маіоръ князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ былъ главнымъ начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода съ 1797 по 3-е декабря 1800 года.

велѣваю вамъ наблюдать, чтобъ сами мастера въ дѣланіи ружей упражнялись, подъ опасеніемъ взысканія на васъ за всякую неисправность. Что касается до строенія тамошняго, объ ономъ вы вскорѣ получите разрѣшеніе на приведеніе онаго въ должный порядокъ. Пребываемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Вслѣдствіе этого рескрипта, тульскіе оружейники обратились къ ближайшему ихъ начальнику съ просьбою о всемилостивѣйшемъ прощеніи.

Князь Долгоруковъ препроводилъ этого прошеніе въ подлинникѣ императору Павлу; отвѣтъ не замедлилъ:

Гатчино, сентября 17-го.

Господинъ г.-м. кн. Долгоруковъ! Не принимая никакихъ просьбъ отъ имени цѣлыхъ обществъ, препровождаю къ вамъ поданное отъ головы Баташева для возвращенія ему обратно съ примѣчаніемъ, чтобъ оружейное общество жило впредь смирнѣе. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Какъ-бы въ вознагражденіе за недавній гнѣвъ, императоръ вскорѣ удостоилъ князя Долгорукова двумя нижеслѣдующими рескриптами:

Гатчино, сентября 19-го.

Господинъ г.-м. кн. Долгоруковъ! Доставьте къ свѣдѣнію моему, можетели вы безъ нанесенія остановки въ работахъ вашихъ удалить, по приложенной при семъ вѣдомости [1]), показанное число работниковъ съ Тульскихъ заводовъ на Сестрорѣцкіе, гдѣ они будутъ черезъ годъ смѣняться и получать во время ихъ тамъ бытности казенное содержаніе. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, октября 11-го.

Господинъ г.-м. кн. Долгоруковъ! Пришлите къ свѣдѣнію моему вѣдомость, коликое число на Тульскихъ заводахъ въ мѣсяцъ поспѣвать можетъ всякаго сорту оружіе, наблюдая при томъ за исправностію оныхъ, дабы, по доставленіи оныхъ въ полки, вмѣсто употребленія не отдавать въ починку Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Сообщ. **В. Н. Бестужевъ-Рюминъ.**

---

[1]) Въ приложенной вѣдомости за подписью ген.-адъютанта Ростопчина, требовалось 298 мастеровъ разныхъ цеховъ.

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

1854 — 1855 гг.

Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Меншикова.

У Сѣвернаго севастопольскаго укрѣпленія.—18-го сентября 1854 г.

Я доводилъ до свѣдѣнія В. И. В—ва, что фланговымъ нашимъ движеніемъ изъ-за Севастополя я намѣревался перейти въ наступленіе, которое тѣмъ болѣе представлялось своевременнымъ, что, послѣ дѣла при р. Алма, французскія войска двинулись къ Севастополю, а англійскія отправились на судахъ въ Балаклавѣ.

Между тѣмъ, послѣдствіемъ нашего фланговаго движенія было то, что и французское войско, избѣгнувъ боя, поспѣшило оставить Сѣверную сторону,—гдѣ я нынѣ нахожусь,—и перешло на южную, для присоединенія къ своимъ союзникамъ.

Въ настоящее время непріятель расположился между Балаклавою и Херсонскимъ маякомъ. Выходцы изъ Балаклавы видѣли вчерашній день какъ съ судовъ выгружали орудія большаго калибра.

Дальнѣйшія наши дѣйствія, а именно усиленіе-ли севастопольскаго гарнизона или наступательное движеніе,—будутъ зависѣть отъ свѣдѣній: въ какихъ силахъ непріятель и какое обнаружитъ онъ съ своей стороны предпріятіе въ теперешнемъ своемъ расположеніи? Долженъ при этомъ сказать, что съ высотъ Севастополя непріятель представляется въ большой числительности, но до сего времени противу города еще ничего рѣшительнаго предпринято не было.

Прибывшему въ Симферополь съ Бутырскимъ пѣх. полкомъ, артиллеріи ген.-маіору Тимофееву я поручилъ, съ отрядомъ изъ двухъ резервныхъ баталіоновъ 14-й пѣх. дивизіи, нѣсколько кавалеріи и двухъ горныхъ орудій, идти горною частію Крыма въ Байдарскую долину, чтобы, съ одной стороны, воспрепятствовать непріятелю производить фуражировку, а съ другой — удерживать жителей отъ присоединенія къ непріятелю. При надобности же—приближу этотъ отрядъ къ себѣ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 135—144; 325—336. Томъ XIX, стр. 81—100; 331—340.

Императоръ Николай — кн. Варшавскому.

Гатчино.—20-го сентября 1854 г.

Нетерпѣливо я ожидалъ первыхъ положительныхъ свѣдѣній отъ кн. Меншикова, чтобъ отвѣчать на твое письмо, любезный отецъ командиръ, отъ 14-го (26-го) сентября [1]). Сегодня утромъ прибылъ, наконецъ, флигель-адъютантъ Альбединскій, посланный княземъ болѣе съ словесными, чѣмъ съ письменными донесеніями, изъ новой позиціи, имъ избранной впереди Бакчисарая. Слава Богу, что мудреное и отважное это движеніе, но спасительное для отряда, который, признаюсь, считалъ я потеряннымъ, могло столь неожиданно благополучно совершиться.

Подробности несчастнаго сраженія 8-го (20-го) сентября, кажется, ясно указываютъ, что главною причиною неудачи было ошибочное расположеніе войскъ на избранной позиціи, хотя крѣпкой съ фронта, но за то подвергавшей войска лѣваго фланга жестокому огню съ кораблей. Другая причина — превосходство огня штуцеровъ непріятеля надъ нашимъ. Потеря наша достигаетъ 6,000 выбывшихъ изъ фронта и чувствительна огромной убылью начальниковъ и офицеровъ. Кажется, и непріятель пострадалъ сильно отъ нашей картечи, иначе мудрено объяснить, что онъ не преслѣдовалъ, до 14-го (26-го) ничего не предпринималъ противъ Севастополя, и, наконецъ, что дозволилъ совершить столь трудное фланговое движеніе у себя подъ носомъ, не препятствуя ему, хотя движеніе это спасло отрядъ и дало Меншикову возстановить дѣла, ставъ на своихъ сообщеніяхъ — на пути подкрѣпленій, къ нему слѣдующихъ, и въ лѣвомъ флангѣ, и угрожая тылу непріятеля

Это дѣлаетъ честь Меншикову, да и честь войску, которое, послѣ неудачнаго дѣла, столь мудреное движеніе совершило въ примѣрномъ порядкѣ. Меншиковъ для обороны Севастополя принялъ всѣ зависящія мѣры, и надѣюсь на милость Божію, дней десять могутъ продержаться и драться отчаянно помощью флота, съ котораго 9,000 че-

---

[1]) Въ этомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ кн. Варшавскій говоритъ нижеслѣдующее о высадкѣ въ Крыму:

«Въ настоящую минуту, экспедиція союзниковъ противъ Крыма, какъ писать изволите, сдѣлалась всего важнѣе, особенно теперь, когда въ Вѣнѣ рѣшено не препятствовать туркамъ преслѣдовать кн. Горчакова; потому полагать должно, что Австрія ожидаетъ только послѣдствій экспедиціи на Крымъ. Кн. Меншиковъ, однако, при помощи 16-й дивизіи, во время къ нему присланной, имѣетъ достаточно силъ, чтобы отразить непріятеля».

ловѣкъ, подъ начальствомъ самого Корнилова, обороняютъ Сѣверное укрѣпленіе, сторону самую слабую. Меншиковъ надѣется по присоединеніи слѣдующихъ подкрѣпленій, часть коихъ уже къ нему прибыла, ежели непріятель начнетъ атаку Севастополя,—самъ атаковать ихъ лѣвый флангъ и тылъ.

Татары Евпаторійскаго уѣзда передались непріятелю и затруднили было сообщеніе съ Перекопомъ; теперь оно возстановлено; прочіе покуда были еще смирны.

Сейчасъ получилъ я курьера отъ Горчакова; онъ предварилъ мое желаніе отправя 12-ю дивизію и резервную уланскую къ Николаеву и двинувъ къ окрестностямъ Одессы 10-ю и 11-ю съ драгунскимъ корпусомъ. Любопытно знать: турки будутъ-ли атаковать изъ княжествъ Бессарабію и двусмысленность австрійцевъ не обратится-ли въ явное на насъ наступленіе? И этому не удивляюсь. Тогда будетъ намъ еще тяжелѣе. Въ этомъ предвидѣніи рѣшаюсь спросить тебя: не лучше-ли считаешь двинуть гвардію къ Кіеву, вмѣсто Варшавы, дабы главный нашъ резервъ былъ на такомъ мѣстѣ, откуда онъ можетъ быть легко двинутъ — гдѣ его появленіе можетъ быть нужнѣе?

Здѣсь ничего новаго; я въ совершенно лихорадочномъ расположеніи отъ всего происходящаго; покоряюсь волѣ Божіей и готовлюсь ко всему лучшему: одна надежда на милосердіе Божіе. Буди Его святая воля.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброжелательный „Николай“.

Ежели узнаешь про какое-либо движеніе въ австрійской арміи, показывающее намѣреніе насъ атаковать, увѣдомь меня по телеграфу.

Императоръ Николай—кн. Меншикову.

Гатчино.—24-го сентября 1854 г.

Сегодня дошли до меня два твоихъ донесенія, любезный Меншиковъ, утромъ отъ 16-го числа изъ Татаръ-Кіой, пополудни—другое, отъ 18-го, изъ-подъ Сѣвернаго укрѣпленія. Слава Богу, что угрожавшая опасность въ сѣверной стороны отстранена; но подлежитъ рѣшенію: теперешнее положеніе не болѣе ли еще опасно городу, чѣмъ прежнее. Признаюсь, зная недостаточность обороны съ сухаго пути и слабость временныхъ укрѣпленій, невольно не могу отстранить крайнихъ опасеній. Вся надежда быть можетъ на одну милость Божію, храбрость войскъ и искусное пользованіе тѣхъ удобствъ къ оборонѣ, которыя

представляетъ мѣстность. Сколько знаю и помню ее, возможность упорно обороняться существуетъ, и я увѣренъ, что ничего упущено не будетъ. Вопросъ—усилить ли гарнизонъ или дѣйствовать въ полѣ—здѣсь я никакъ рѣшить не могу, соглашаясь, что первое удобнѣе представляется, чѣмъ послѣднее. Непонятна скорость, съ которою французскія войска сѣли опять на суда и вновь высадились съ южной стороны. Неужели не будетъ вовсе въ семъ году обычныхъ бурь! Не скрою отъ тебя опасенія мои за отрядъ, тобой посланный въ Байдарскую долину; предпріятіе, во всякомъ случаѣ, отважное и чуть ли не сверхъ силъ молодыхъ новоформированныхъ резервныхъ баталіоновъ, вовсе не свычныхъ съ горной войною. Казалось бы, что тамъ черноморскіе казачьи или линейные баталіоны, по знакомству съ симъ дѣломъ, были-бъ болѣе надежны.

Наконецъ, обращаю твое вниманіе на вѣроятіе высадки новыхъ непріятельскихъ силъ въ Ѳеодосіи и Евпаторіи; нельзя симъ пренебречь; второе еще опаснѣе перваго, угрожая твоему правому флангу и тылу, тогда когда уже не станетъ Севастополя и думать надо будетъ объ отступленіи на встрѣчу спѣшащему къ тебѣ 4-му корпусу.

До прихода его еще почти три недѣли. Надо о семъ весьма подумать. Липранди и резервная уланская дивизія на дняхъ у Перекопа будутъ. Какое ты дашь имъ назначеніе? Не будетъ ли очень мудрено прокормить столь сильную кавалерію, которой въ горахъ и дѣла немного, а въ степяхъ будетъ тебѣ необходима. Жаль будетъ истратить прекрасное это войско безъ явной пользы или необходимости.

Поклонись всѣмъ; скажи, чтобъ не унывали, намъ самъ Богъ защита, ибо деремся за вѣру Христову, противъ враговъ ея, и отступниковъ христіанства! Что ни случись, будемъ уповать и вѣровать и смиряться.

Обнимаю душевно. „Николай“.

Вели непремѣнно присылать мнѣ журналъ военныхъ дѣйствій. Я не могу и не долженъ оставаться въ совершенной безъизвѣстности происходящаго; твои весьма короткія донесенія едва только упоминаютъ объ главныхъ происшествіяхъ. Шеншинъ пишетъ хорошо, Левашевъ тоже, поручи это кому либо изъ нихъ, но оно мнѣ необходимо.

Всеподданнѣйшее письмо кн. Варшавскаго.

Варшава.—27-го сентября 1854 г.

Всемилостивѣйшій государь! Письмо В. И. В—ва отъ 20-го сентября имѣлъ счастіе получить. В. В—во изволили сдѣлать мнѣ вопросъ на счетъ направленія гвардіи, вмѣсто Варшавы, къ Кіеву, на который от-

вѣчать весьма трудно. Расположеніе гвардіи между Кіевомъ и Житоміромъ представляетъ ту выгоду, что, находясь въ одинаковомъ почти разстояніи отъ Замосця—до 450 верстъ, и отъ Скулянъ—до 400 верстъ, гвардія можетъ служить резервомъ для обѣихъ армій: одной, находящейся противу Галиціи, другой на Прутѣ, и подать помощь той или другой, смотря по обстоятельствамъ. Сборъ же большой массы войскъ въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ ту пользу, что угрожаетъ Австріи и въ то же время можетъ служить опорою для Пруссіи и всей Германіи, если бы онѣ были въ опасности отъ Франціи. Весьма многое будетъ зависѣть отъ окончанія дѣлъ въ Крыму.

Положеніе кн. Меншикова было дѣйствительно трудное, но если онъ, послѣ дѣла 8-го (20-го) сентября, могъ свободно отступить и безпрепятственно произвести фланговое движеніе, а союзники до 20-го (2-го окт.) числа ничего не предпринимали, то видно, что они потерпѣли сильно; теперь же, когда англо-французы очистили Сѣверную сторону Севастополя и отошли къ Балаклавѣ, князь же Меншиковъ соединился уже съ частію идущихъ къ нему подкрѣпленій, то можно надѣяться, что онъ воспользуется превосходствомъ своей артиллеріи въ сильныхъ авангардныхъ дѣлахъ, не вводя въ генеральный бой своей пѣхоты, которая, будучи слабѣе числомъ, представляла бы всѣ выгоды союзникамъ; а если непріятель начнетъ осаду Севастополя, тогда онъ будетъ въ состояніи не давать ему покоя безпрерывными и сильными атаками. И такъ, мнѣ кажется, что дѣла наши въ Севастополѣ, при помощи Божіей, не представляютъ еще большой опасности.

Что же касается до Австріи, то поведеніе ея съ каждымъ днемъ объясняется. Изъ послѣдней депеши министра нашего изъ Вѣны, сегодня же къ канцлеру посылаемой, видно, что Австрія все болѣе и болѣе сближается къ западнымъ державамъ и потому уменьшать число войскъ, противъ нея расположенныхъ, едва-ли возможно.

Здѣсь все спокойно,—болѣзни въ войскахъ по немногу начинаютъ уменьшаться; холера въ Новогеоргіевскѣ довольно сильна. Умершихъ доселѣ было 400 человѣкъ; но въ Варшавѣ, въ послѣдніе три дня, было только четыре случая въ проходившемъ полку кн. Меншикова.

Припадая къ ногамъ и проч. Кн. Варшавскій.

Императоръ Николай — кн. Варшавскому.

Гатчино.—1-го октября 1854 г.

Вчера утромъ получилъ я, любезный отецъ-командиръ, письмо твое отъ 27-го сент. (9-го окт.). Полученныя вмѣстѣ съ нимъ донесенія Горчакова изъ Вѣны дозволяютъ ожидать всего дурнаго отъ австрійскаго

правительства . . . . . Богъ милосердъ и одинъ можетъ отвесть грозу. Покуда еще король прусскій твердъ и никакъ не поддается Австріи; но долго ли устоитъ, и это трудно опредѣлить.

Хотя, по донесеніямъ Меншикова, дѣла въ Крыму до 24-го сент. (6-го окт.) приняли видъ нѣсколько благопріятный, но ручаться за счастливый исходъ никакъ нельзя, хотя каждый лишній день въ пользу нашу, ибо резервы подоспѣваютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, при неизвѣстности—чѣмъ въ Крыму кончится и что будетъ на Прутѣ, изъ крайней осторожности должно молчать и терпѣть, сколь оно ни грустно. Ежели непріятель въ Крыму будетъ имѣть удачу, то нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что весной такая же, а быть можетъ, и сильнѣйшая экспедиція явится въ Балтикѣ, и надо намъ быть на это готовыми. Имѣя это въ виду, я нашелъ нужнымъ остановить пѣхоту гвардіи между Вильно и Ковно, оставляя резервный гвардейскій кавалерійскій корпусъ въ Слонимѣ. Такимъ образомъ, что́ ни случится, можно будетъ гвардію тронуть туда, куда нужнѣе будетъ. Между тѣмъ, здѣсь очень успѣшно формируются всѣ резервы. На дняхъ смотрѣлъ гвардію и гренадеръ и нашелъ ихъ въ самомъ блестящемъ видѣ, далеко превзошедшемъ мои ожиданія. Можно сказать, что къ веснѣ здѣсь будетъ готовъ второй гвардейскій и гренадерскій корпуса. Такъ идетъ и по прочимъ, сколько до меня доходитъ. — Ужасная болѣзненность въ Польшѣ меня ужасно огорчаетъ. Прошу тебя обращать на это особое твое вниманіе. Ежели еще пищу улучшить надо, разрѣшаю это вполнѣ, лишь бы войско сохранить; грѣшно бы было за этимъ останавливаться, что—дорого: люди дороже.

Ожидаю съ покорностію что̀ Богъ намъ опредѣлитъ въ Крыму. Буди воля Его.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Цѣлую руку княгинѣ. На вѣки твой искренно доброжелательный „Николай“.

Императоръ Николай—князю Меншикову.

Гатчино.—10-го октября 1854 г.

Флигель-адъютантъ Шеншинъ прибылъ вчера поздно вечеромъ. Благодарю Бога, что по 4-е число ничего дурнаго не произошло. Ты знаешь уже изъ увѣдомленія Горчакова, что остальныя двѣ дивизіи 4-го корпуса слѣдуютъ къ тебѣ безостановочно и такимъ образомъ, любезный Меншиковъ, сдѣлано все и, смѣю сказать, болѣе, чѣмъ почти можно было, чтобъ помочь тебѣ уничтожить замыслы вражьи. Остается молить Бога, чтобъ это послѣднее уже подкрѣпленіе достигло еще во́-время, чтобъ спасти Севастополь. Принятыя тобой

мѣры собственно къ оборонѣ города мнѣ кажутся дѣльными. Опасаюсь только нѣсколько за отрядъ, выдвинутый къ Чоргуну, который мнѣ кажется слишкомъ отдаленнымъ, и, вѣроятно, подвергающійся усиленному нападенію англичанъ, которымъ мудрено дозволить отнимать у себя даромъ воду и угрожать сообщенію съ Балаклавой. Тоже и уланскій полкъ въ Байдарской долинѣ чуть-ли не въ опасномъ положеніи, не имѣя иного отступленія какъ въ горный дефиле; казалось бы мнѣ, что тамъ казаки были-бъ достаточны. Вообще кажется мнѣ, что теперь надо избѣгать тщательно даже частныхъ неудачъ и не дробить войска, а держать сколько можно вмѣстѣ, для сильнаго удара тамъ, гдѣ сіе возможно; прибытіе 12-й дивизіи даетъ къ сему полное удобство, ежели не раздробить по малымъ отрядамъ. Куда назначаешь ты драгунскую дивизію?

Теперь долженъ тебѣ откровенно признаться, что, писавъ тебѣ уже не разъ про необходимость мнѣ знать, что́ происходитъ, и прождавъ цѣлый мѣсяцъ подробнаго донесенія о сраженіи при Альмѣ, мнѣ крайне было странно и непріятно вчера ничего подобнаго не получить отъ тебя, вопреки даннаго мною тебѣ приказанія. Ты меня ставишь въ самое непріятное положеніе, ибо всякій знаетъ мою откровенность и что не въ обычаѣ моемъ скрывать истину, какъ бы ни была горька. Теперь же никто не понимаетъ причины моего страннаго и никому непонятнаго молчанія, тогда какъ всѣ иностранныя газеты полны самыхъ мелочныхъ подробностей всего, что происходило у непріятеля и частью у насъ. Мы же все молчимъ и даже не въ состояніи отвѣчать на все это. Никто не подозрѣваетъ, что причиной сему то, что я самъ отъ тебя ничего не знаю, какъ словесно. Сознайся, любезный Меншиковъ, что тутъ нѣтъ приличія и что на тебя не похоже ставить меня въ столь непріятное положеніе. И такъ, въ послѣдній разъ прошу и приказываю тебѣ писать мнѣ подробно все. Мнѣ одному подобаетъ рѣшить, что́ подлежитъ тайнѣ или слѣдуетъ сдѣлать гласнымъ, а никому другому.

Повторяю вопросъ мой о раненыхъ: много ли умерло, много ли выздоровѣло и поступило во фронтъ, много ли выздоравливающихъ, сколько увѣчныхъ? Пришли списки убитымъ и умершимъ штабъ и оберъ-офицерамъ. Съ устройствомъ твоего штаба, согласно моей волѣ, думаю, что полковникъ Вуншъ могъ быть у тебя за дежурнаго генерала и смотрѣть за исправностью требуемыхъ мною свѣдѣній по сей части.

Полушубки велѣлъ готовить для твоихъ войскъ. Корми вдоволь; давай двойныя чарки водки, коль нужно; ободряй, грѣй и береги войска; подымай въ нихъ духъ, объяви, что я ими доволенъ и надѣюсь на всѣхъ.

Пруссія очень хороша; Австрія только-что не объявляетъ войны, но, быть можетъ, съ часу на часъ; все зависитъ отъ твоихъ успѣховъ, въ чемъ да поможетъ тебѣ Господь. Богъ съ тобой и съ вами.

Обнимаю душевно, навсегда твой искренно доброжелательный „Николай".

Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди и всѣмъ моимъ.

Всеподданнѣйшее письмо князя Меншикова.

Отъ 28-го февраля 1855 г.—Изъ Перекопа.

Рескрипты Вашего Величества, собственноручный отъ 18-го и подписанный Вашимъ Величествомъ отъ 19-го чиселъ истекающаго сего февраля мѣсяца, вручены мнѣ здѣсь, на пути выѣзда моего изъ Крыма. [См. „Русскую Старину", т. XIX, стр. 486].

Осчастливленный Монаршимъ вниманіемъ Вашимъ ко мнѣ, я былъ въ то время невыразимо пораженъ неожиданною горестною вѣстью о кончинѣ благодѣтельствовавшаго мнѣ Государя Императора, августѣйшаго Вашего Родителя, который былъ въ безпредѣльномъ снисхожденіи къ моимъ ошибкамъ, неизбѣжнымъ, конечно, въ 25-ти лѣтнемъ управленіи министерствомъ.

Награжденный превыше моихъ заслугъ наименованіемъ „друга", впервые произнесеннымъ незабвеннымъ монархомъ въ годину холернаго возмущенія, когда я имѣлъ счастіе сопровождать государя,— какъ выражу я то благоговѣйное состояніе до глубины тронутой и удрученной печалію моей души, когда узналъ, что это же наименованіе повторено было для меня и передъ кончиною въ Бозѣ опочившимъ императоромъ. Я облилъ слезами слова рескрипта Вашего Величества, произнося теплыя молитвы объ успокоеніи души Государя и благодѣтеля моего.

По всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ главнаго командованія войсками въ Крыму, я поспѣшилъ бы пасть къ стопамъ В. И. Вечества, если бы тяжкіе припадки той жестокой болѣзни, которая заставила меня просить объ увольненіи, дозволили мнѣ предпринять теперь же этотъ путь. Осмѣлюсь всеподданнѣйше просить высочайшаго В. Величества разрѣшенія мнѣ: принять въ Николаевѣ и Одессѣ признанный медиками необходимымъ для меня курсъ ваннъ и хирургическаго леченія и такимъ образомъ возстановить хотя нѣсколько мои силы, чтобы явиться потомъ въ С.-Петербургъ для продолженія и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, вѣрной и усердной службы моей, буде изволите удостоить не отвергнуть меня.

Вашего Величества вѣрноподданный кн. А. Меншиковъ.

Указъ Е. И. В — ва Самодержца Всероссійскаго изъ Градижскаго нижняго земскаго суда того-же уѣзда сельскимъ сборнымъ избамъ [1]).

По указу Е. И. В—ва Градижскій нижній земскій судъ слушалъ указъ Екатеринославскаго Намѣстническаго правленія, которымъ, по сообщенію Государственной Военной коллегіи, послѣдовавшему по высочайшему именному Е. И. В—ва указу, повелѣваетъ сему суду о сыску выпущенному изъ гвардіи въ армію капитаномъ Сергѣя Турчанинова приложить всемѣрное стараніе и если гдѣ онъ въ Градижскомъ уѣздѣ окажется, то, взявъ его немедленно подъ присмотръ, прислать за онымъ въ то правленіе; когда-жъ его, Турчанинова, нигдѣ и не окажется—рапортовать найскорѣе, опасаясь за медленность по законамъ взысканія,—Приказали—во всѣ здѣшняго уѣзда сборныя избы послать указы и строжайше предписать по содержанію означеннаго предписанія намѣстн. правленія о сыску помянутаго капитана Турчанинова приложить найрачительнѣйшее стараніе и буде гдѣ онъ съищется, то, взявъ его подъ присмотръ, прислать за онымъ въ сей судъ; если-же нигдѣ не окажется, рапортовать съ нарочнымъ какъ наискорѣе, опасаясь и за самомалѣйшую медленность законнаго взысканія, 1797 г. генваря 24-го. (Подписано) Василій Бабичъ.

Письмо императора Павла—А. Н. Сенявину [2]).

С.-Петербургъ.—1797 года февраля 11-го дня.

Снисходя на прошеніе ваше, Алексѣй Наумовичъ, увольняемъ Мы васъ для поправленія здоровья въ ваши деревни на просимое отъ васъ время. Впрочемъ пребываемъ всегда къ вамъ благосклонны (подписано) Павелъ.

---

[1]) Сообщено, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ документовъ, П. А. Кипцынымъ.

[2]) Сообщено Ив. Андреевскимъ.

Анна Карловна Воронцова,

рожденная гр. Скавронская.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XIX, стр. 558, напечатаны указы Петра III и Екатерины II о пожалованіи нѣкоторыхъ деревень графинѣ Воронцовой, причемъ, вслѣдствіе ошибки переписчика документа, въ заглавіи Воронцова эта названа Елисаветой Романовной.

Между тѣмъ, указами этими пожалованы имѣнія не Елисаветѣ Романовнѣ, а графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой, рожд. графинѣ Скавронской (см. объ ней «Русскую Старину», томъ II, стр. 472).

Изъ помянутыхъ въ этихъ документахъ имѣній, особенное вниманіе обращаетъ на себя село Кимра (Тверской губ., Корчевскаго уѣзда). Оно лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Кимерки. Богатое и промышленное населеніе этого села состоитъ преимущественно изъ раскольниковъ Филиппова согласія.

Въ 1635 г. село это, бывшее до того времени, какъ кажется, дворцовымъ, пожаловано было боярину князю Алексѣю Мих. Львову «за его посольскую службу». По его смерти (онъ умеръ бездѣтнымъ, въ 1656 году), оно снова сдѣлалось дворцовымъ, и въ 1684 г. пожаловано было, съ другими вотчинами, боярину Ѳедору Петровичу Салтыкову († 1697), при свадьбѣ его дочери Прасковьи съ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. Отъ Ѳ. П. Салтыкова оно перешло къ его сыну графу Василію Ѳедоровичу Салтыкову († 1730, бездѣтнымъ), а отъ сего послѣдняго къ родной его племянницѣ, графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Головкиной, рожд. княжнѣ Ромодановской.

Со вступленіемъ императрицы Елисаветы Петровны на престолъ, приверженцы прежняго правленія, какъ извѣстно, подверглись гоненіямъ, и все имѣніе графини Головкиной было конфисковано (1741), въ томъ числѣ и село Кимра. Карабановъ полагалъ, что это село тогда же подарено было графу Мартыну Карловичу Скавронскому (см. «Русскую Старину», т. II, стр. 485). Между тѣмъ изъ разсказа Гельбига (въ его Biographie Peter des Dritten, II, стр. 82) можно было заключить, что до самаго восшествія Петра III оно оставалось въ казенномъ завѣдываніи, и только этимъ императоромъ пожаловано было не графу М. К. Скавронскому, а его сестрѣ, графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой. Указы, напечатанные теперь въ «Русской Старинѣ», подтверждаютъ указаніе Гельбига.

О дальнѣйшей судьбѣ селенія Кимры мы не имѣемъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1846 году оно пріобрѣтено было казною (см. П. Семеновъ, Географ.-статистич. словарь Росс. Имперіи, т. II, стр. 584).

Л.

Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1877 Г. ТОМЪ XX.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 7 СЕНТЯБРЯ 1877 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВ. БУМАГЪ.

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812.

VII [1]).

Переправа Наполеона черезъ Березину.

11-го ноября 1812-го года, послѣ того какъ графъ Ламбертъ съ авангардомъ Дунайской арміи разбилъ непріятеля, взялъ приступомъ мостовое укрѣпленіе при Борисовѣ и занялъ самый городъ, подоспѣла къ нему вся армія адмирала Чичагова. Въ домѣ, который занималъ Броникoвскій, найдены были два письма къ нему изъ главной квартиры императора Наполеона, отъ его генералъ-адъютанта Шульковскаго, который извѣщалъ, что эта главная квартира 9-го расположится въ Бобрѣ, а 10-го прибудетъ въ Борисовъ. Онъ, съ своей стороны, постарается предупредить ее однимъ днемъ, чтобы избѣжать суматохи при переправѣ. Эти письма, по свидѣтельству графа Ламберта, читалъ адмиралъ Чичаговъ и, не смотря на то, вопреки совѣтамъ своихъ генераловъ — не переходить въ городъ, отдѣленный рѣкою отъ мостоваго укрѣпленія, къ которой тянулся длинный на 200 саж. мостъ съ гатями по болотистому берегу,—перевелъ туда свою главную квартиру, часть войскъ и большіе обозы. Когда раненый гр. Ламбертъ оставилъ начальство надъ авангардомъ, цѣлый день никто не былъ назначенъ на его мѣсто и не послано никакихъ отрядовъ по направленію къ Лохницѣ, чтобы имѣть свѣдѣнія объ отступленіи разбитыхъ войскъ Домбровскаго и Броникoвскаго и вообще о движеніи непріятеля. „Я прибылъ въ Борисовъ на другой день послѣ взятія мосто-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68; 261—307; 419—453; 609—640. Томъ XIX, стр. 191—216. Томъ XX, стр. 35—76.

ваго укрѣпленія, 10-го ноября вечеромъ,—говоритъ адмиралъ Чичаговъ,—Гр. Ламбертъ, сильно раненый, оставилъ начальство. Гр. Ланжеронъ, который съ своею дивизіею назначенъ былъ въ качествѣ резерва поддерживать въ случаѣ нужды Ламберта, прибылъ послѣ окончанія сраженія. Находя болѣе удобнымъ провесть ночь въ городѣ, онъ вошелъ въ него, не дождавшись моихъ приказаній, съ частію войскъ, которыя перевели за собою много обозовъ. Я немедленно приказалъ оставить городъ; но это приказаніе исполнялось медленно, потому что многіе считали болѣе удобнымъ держать при себѣ свои подводы. Я долженъ былъ подтвердить приказаніе на другой день. Ланжеронъ не позаботился развѣдать мѣстность и не послалъ отрядовъ по дорогамъ, ведущимъ къ Борисову. Чтобы предупредить неожиданныя событія, я немедленно отправилъ на всѣ дороги отряды казаковъ и легкой конницы, поручивъ имъ проникнуть какъ можно далѣе, чтобы развѣдать о непріятелѣ. Въ полученныхъ мною наставленіяхъ, мнѣ предписывалось устроить укрѣпленный лагерь при Борисовѣ и укрѣпить дефилеи со стороны Бобра, такъ чтобы непріятель на каждомъ шагу отступленія встрѣчалъ преграды. Я развѣдалъ окрестности Борисова. Лагерь, устроенный впереди, съ той стороны, откуда Наполеонъ долженъ былъ приблизиться, былъ бы неудобенъ, имѣя въ тылу Березину, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ бы обезпеченъ отъ нападеній со стороны Шварценберга, который, какъ я полагалъ, меня преслѣдуетъ. Онъ встрѣтилъ бы сильную преграду въ мостовомъ укрѣпленіи (tête-de-pont). Но я не нашелъ соотвѣтственной мѣстности, надъ которой господствовали во многихъ мѣстахъ высоты. Впрочемъ, не было и времени устроить укрѣпленія, почва была мерзлая, и въ моей арміи былъ только одинъ инженерный офицеръ, способный распоряжаться работами, и тотъ былъ раненъ при Борисовѣ. Я не могъ получить другихъ инженеровъ и нужно было имѣть мою твердость характера, чтобы этого отстоять, потому что у меня и его хотѣлъ отнять военный министръ. Поэтому я долженъ былъ отказаться отъ устройства укрѣпленнаго лагеря“ [1]). Дѣйствительно, адмиралъ долженъ былъ отъ этого отказаться; но не по тѣмъ причинамъ, на которыя онъ указываетъ въ своихъ Запискахъ, сочиненныхъ на досугѣ, долго спустя послѣ совершившихся событій, своимъ роковымъ ходомъ снесшихъ его съ политическаго поприща дѣйствій и угнавшихъ въ добровольное изгнаніе изъ отечества. Въ наставленіяхъ, данныхъ ему императоромъ, предполагалось, что онъ долженъ былъ „къ 9-му октября не позднѣе, а если прежде, тѣмъ лучше“, быть въ

[1]) Mémoires inédits, стр. 55—56.

Минскѣ и немедленно слѣдовать къ Борисову, гдѣ и устроить укрѣпленный лагерь; между тѣмъ, армія адмирала подошла къ Борисову къ ночи 9-го ноября, а самъ онъ пріѣхалъ утромъ 10-го. Очевидно, въ это время нечего было и думать объ устройствѣ укрѣпленнаго лагеря, а что касается до изученія мѣстности, о которомъ говоритъ адмиралъ, то онъ не имѣлъ для этого и времени, прибывъ въ Борисовъ 10-го ноября и будучи выгнанъ изъ него непріятелемъ на другой же день. Графа Ланжерона считаетъ адмиралъ главнымъ виновникомъ въ томъ, что безъ его приказаній онъ перевелъ войска и обозы въ Борисовъ, и что потомъ онъ два раза приказывалъ перевести ихъ обратно на противоположный берегъ рѣки. Эти показанія находятся въ совершенномъ противорѣчіи не только съ свидѣтельствами всѣхъ очевидцевъ происшествій, но даже съ современными донесеніями самого адмирала. Въ современномъ письмѣ гр. Ланжеронъ говоритъ: „адмиралъ, не смотря на наши возраженія, хотѣлъ перейти рѣку и идти къ Оршѣ на встрѣчу Наполеону; но корпусъ, составлявшій авангардъ французскихъ войскъ, находился уже въ пяти или шести верстахъ отъ Борисова и, встрѣтивъ нашъ, такъ разбилъ его, что мы едва успѣли перейти рѣку, потерявъ множество обозовъ“ [1]). По свидѣтельству гр. Ламберта, 10-го ноября, утромъ, адмиралъ читалъ два письма Шульковскаго, извѣщавшія Брониковскаго о приближеніи Наполеона, и, „несмотря на то, онъ перенесъ свою главную квартиру въ этотъ городъ, и 11-го утромъ послалъ свой авангардъ, подъ начальствомъ гр. Палена, по направленію къ Лохницѣ“ [2]). Собираясь не только препятствовать переправѣ непріятеля при Борисовѣ, но дѣйствовать наступательно на Наполеона и встрѣтить его на пути изъ Орши, адмиралъ долженъ былъ перейти рѣку и ввесть войска въ Борисовъ. Гр. Ланжеронъ, очевидно, безъ его приказаній не могъ его собственную главную квартиру со всею канцеляріею, экипажами и даже повозкою съ его кухонною и столовою посудою, и еще болѣе лично его самого перевесть въ этотъ городъ. Что же касается до приказаній адмирала выступить обратно изъ города и удалить обозы, то, вѣроятно, онъ давалъ ихъ,—но въ то время, когда непріятель уже вступалъ въ Борисовъ и когда дѣйствительно было трудно привесть ихъ въ исполненіе съ надлежащимъ порядкомъ. Такъ это и было, какъ свидѣтельствуютъ современныя донесенія англійскаго военнаго агента, бывшаго въ Дунайской арміи, лорда Тирконеля,

---

[1]) Письмо гр. Ланжерона къ его дядѣ, въ Лондонъ, 19-го ноября (1-го декабря), изъ бивуака между Борисовымъ и Вилейкою.

[2]) Записки гр. Ламберта.

своему посланнику при нашемъ дворѣ и самого адмирала—императору и князю Кутузову.

„Адмиралъ сперва было рѣшился,—говоритъ лордъ Тирконель,—перейти со всѣми своими войсками на другую сторону и для того всѣ обозы, повозки и артиллерія были переведены за мостъ, вступили въ городъ и даже прошли его. Это неосторожное намѣреніе—провесть всю армію черезъ городъ и дать сраженіе непріятелю по ту сторону рѣки—было, однако же, отмѣнено по сильному настоянію всѣхъ генераловъ, и около 11-ти часовъ дано приказаніе исправлять укрѣпленія на противоположномъ берегу; но разнеслась уже вѣсть, что непріятель приближается. Около часу, я былъ удивленъ, увидавъ необычайную суматоху въ городѣ, узналъ о безпорядочномъ отступленіи авангарда и поспѣшилъ къ мосту, гдѣ происходило такое замѣшательство, какого я никогда не видывалъ". Лордъ Тирконель приписываетъ неудачу отчасти гр. Палену, неудачному составу его отряда, большею частію изъ конницы; но „главная причина,—говоритъ онъ,—была нерѣшительность адмирала, который колебался—какой принять планъ, тогда какъ возможно было принять одинъ планъ, не подвергая себя величайшей опасности" [1]).

„Нашъ авангардъ, — писалъ адмиралъ государю, — подвигался по дорогѣ въ Бобръ, который я хотѣлъ занять со своею арміею, чтобы тамъ поставить какъ можно болѣе преградъ непріятелю; но переправа при Борисовѣ была для него слишкомъ важна и онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы удержать ее за собою. Поэтому Удино былъ отправленъ съ тою цѣлью, чтобы поддержать Домбровскаго. Мой авангардъ встрѣтилъ его за 10 верстъ отъ Борисова. Къ несчастью, гр. Ламбертъ былъ раненъ въ дѣлѣ при Борисовѣ, а самый способный замѣнить его г. Чаплицъ былъ въ Зембинѣ; поэтому я поручилъ начальство надъ нимъ гр. Палену, котораго мнѣ указали, какъ одного изъ старшихъ; но онъ дѣйствовалъ такъ, что о немъ можно сказать противоположное тому, что было сказано объ Эпаминондѣ, т. е., что войска, которыя наканунѣ дрались какъ львы, обратились съ нимъ въ бѣгство, какъ бараны. Этотъ авангардъ, который долженъ былъ удержать стремленіе непріятеля, только ускорилъ его прибытіе. Онъ имѣлъ средства и былъ достаточно силенъ, чтобы его удерживать; но принесъ его, такъ сказать, на плечахъ, со всѣхъ ногъ, такъ что *я* съ трудомъ спасся на длинной и затруднительной переправѣ. Къ счастью, непріятель овладѣлъ только нѣсколькими повозками частныхъ лицъ, которыхъ я постараюсь вознаградить, сколько позволятъ

[1]) Письмо къ лорду Каткарту, отъ 17-го (29-го) ноября, изъ д. Стахова.

мнѣ мои средства и великодушіе вашего величества. Мостъ нами сожженъ въ двухъ мѣстахъ, а мостовое укрѣпленіе по сю сторону такъ укрѣплено, что переходъ и нападеніе съ этой стороны почти невозможны“ [1]).

Очевидно, адмиралъ предпринималъ дѣйствія, совершенно несогласныя съ наставленіями, полученными имъ отъ императора въ то самое время, когда задолго составленный планъ общихъ дѣйствій, въ силу сложившихся обстоятельствъ, казался близкимъ къ исполненію на самомъ дѣлѣ. Конечно, успѣхъ могъ оправдать въ послѣдствіи его соображенія; но возможно-ли было съ вѣроятностью расчитывать на успѣхъ въ этомъ случаѣ и такъ ли слѣдовало дѣйствовать? Цѣль, къ которой онъ желалъ направить свои дѣйствія, онъ выразилъ потомъ въ донесеніи къ кн. Кутузову. „Я намѣренъ былъ, — писалъ онъ ему,—идти большою дорогою къ Бобру, чтобы поспѣшнымъ занятіемъ сей позиціи преградить путь не только главнымъ непріятельскимъ силамъ, но побудить корпусъ Виктора, стоявшій въ Черея, къ отступленію, чрезъ что̀ соединеніе гр. Витгенштейна съ ввѣренною мнѣ арміею послѣдовало бы безпрепятственно“ [2]). Но для достиженія этой цѣли, конечно, не было достаточно незначительныхъ силъ авангарда, а Чичаговъ не слишкомъ спѣшилъ слѣдовать за нимъ, отправивъ въ то же утро 3,000 конницы на фуражировку вверхъ по лѣвому берегу Березины.

Авангардъ гр. Палена, состоявшій изъ 2,800 человѣкъ, выступилъ изъ Борисова утромъ 11-го ноября. Впереди его были посланы квартирьеры съ большимъ прикрытіемъ для занятія мѣста для лагеря подъ Лошницею. Они захватили двухъ плѣнныхъ, отъ которыхъ узнали, что французская армія находится въ разстояніи одного перехода, о чемъ и дали знать немедленно начальнику авангарда. Гр. Паленъ, съ своей стороны, также немедленно сообщилъ объ угрожавшей ему опасности адмиралу Чичагову и просилъ подкрѣпленій. Въ его отрядѣ было немного пѣхоты, а конница вовсе не могла дѣйствовать, по свойству мѣстности, такъ что его отрядъ скорѣе походилъ на партизанскій, нежели на авангардъ Дунайской арміи. Адмиралъ не повѣрилъ полученнымъ изъ авангарда извѣстіямъ, такъ же какъ не повѣрилъ письмамъ Шульковскаго и совѣтамъ своихъ генераловъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ предписалъ гр. Палену непремѣнно исполнить данное порученіе и занять мѣстность у Лошницы, а своимъ войскамъ велѣлъ — варить кашу. Послѣдствіемъ

---

[1]) Письмо отъ 17-го ноября, с. Осташево.

[2]) Донесеніе кн. Кутузову, отъ 15-го ноября.

этихъ распоряженій было совершенное пораженіе гр. Палена превосходными силами непріятеля. Корпусъ Удино, соединившись съ остатками войскъ Домбровскаго и Косецкаго, быстро преслѣдовалъ его къ Борисову и около двухъ часовъ пополудни подходилъ къ городу, гдѣ не было принято никакихъ мѣръ для обороны. За самоувѣренностію наступило смущеніе. На-скоро поручивъ кн. Щербатову защищать плотину, адмиралъ приказалъ отступать войскамъ за Березину и самъ отправился за мостъ съ своимъ штабомъ. При поспѣшномъ отступленіи изъ города по единственному двухсотъ-саженному мосту, конечно, возникъ страшный безпорядокъ. Князь Щербатовъ удерживалъ нѣсколько времени плотину; но мимо него пронеслись конница и конная артиллерія нашего авангарда, преслѣдуемыя польскими, за которыми двигалась пѣхота и перешли вбродъ болотистую рѣчку Сху. За ними послѣдовалъ непріятель, который угрожалъ ему обходомъ. Вынужденный отступать, кн. Щербатовъ приблизился къ мосту и едва могъ пробраться отъ скопившихся на немъ обозовъ, артиллеріи. Ему удалось, однако же, по отступленіи сжечь мостъ, что и пріостановило преслѣдованіе. Войска адмирала понесли полное пораженіе, потеряли много плѣнными, значительное количество обозовъ, частныхъ экипажей, канцелярію адмирала и его фургонъ съ столовымъ серебромъ. Въ городѣ были оставлены всѣ наши раненые и больные; фуражиры, находившіеся за рѣкою, по своей смѣтливости, спаслись отъ плѣна, отошли къ старому Борисову, соединились тамъ съ тремя егерьскими полками, отброшенными непріятелемъ отъ авангарда Палена, и, узнавъ, что тамъ можно вбродъ перейти рѣку, переправились черезъ нее и на другой день присоединились къ арміи.

Во время краткой боевой дѣятельности адмирала, въ качествѣ главнокомандующаго сухопутными войсками, ему въ первый разъ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, который дѣйствовалъ наступательно. До сихъ поръ онъ видѣлъ передъ собою или отступавшаго непріятеля и не принимавшаго сраженій, на которыя онъ его вызывалъ, или могъ гордиться побѣдами, издали отъ него одерживаемыми его авангардами. Въ первый разъ при Борисовѣ ему пришлось показать на дѣлѣ свои военныя дарованія и силу характера, которую ему приписывали. Адмиралъ съ замѣчательною легкостію отнесся къ этому пораженію въ донесеніи императору, не придавая ему значенія, скрывая понесенныя потери и обвиняя во всемъ, по обычному ему пріему, своего подчиненнаго генерала, дѣйствовавшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Такъ поступалъ адмиралъ, который въ своихъ Запискахъ постоянно упрекаетъ всѣхъ русскихъ военачальниковъ въ томъ, что они дѣлали ложныя донесенія госу-

дарю. Дѣйствительно, это пораженіе не могло имѣть важнаго вліянія на общій ходъ военныхъ дѣйствій. Обладая линіею Березины и высотами ея праваго берега, адмиралъ справедливо писалъ государю, что переправа для непріятеля была почти невозможна и, слѣдовательно, предположенная общая цѣль военныхъ дѣйствій могла быть достигнута. „Это дѣло не имѣетъ большаго значенія,—говоритъ гр. Ланжеронъ;—мостъ разрушенъ и переправа для непріятеля преграждена". Не могло это пораженіе лечь пятномъ и на закаленную въ трудахъ военныхъ и въ бояхъ Дунайскую армію; но оно стоило напрасныхъ жертвъ, могло имѣть нравственное на нее вліяніе, уронить духъ и внушить недовѣріе къ военачальнику. Во всякомъ случаѣ, это была даровая побѣда Наполеону въ то время, когда его дѣйствіями руководило не желаніе побѣдъ, а чувство самохраненія.

Вся дорога отъ самаго Смоленска и особенно отъ Краснаго до Орши и далѣе къ Борисову представляла такое же ужасное зрѣлище, какъ и дорога отъ Вязьмы къ Смоленску, если не болѣе. Она покрыта была изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудіями и ружьями, мертвыми лошадьми, убитыми или умершими отъ голода и ранъ и замерзшими непріятелями. Значительныя пространства были покрыты мертвыми тѣлами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія; между ними было много умирающихъ, вокругъ которыхъ бродили толпами или порознь оборванные, обросшіе бородами, полузамерзшіе, закоптѣлые отъ дыма бивуачныхъ костровъ, бросившіе оружіе несчастные воины великой арміи. „Одного голода достаточно было, чтобы разрушить эту армію,—говоритъ участникъ въ происшествіи,—не принимая въ расчетъ всѣхъ другихъ бѣдствій" [1]). Въ такомъ положеніи встрѣтили великую армію полки маршаловъ Виктора и Удино. „Они не знали о нашихъ несчастіяхъ, ихъ тщательно скрывали даже отъ самихъ начальниковъ",—говоритъ гр. Сегюръ. „Поэтому, когда, вмѣсто стройныхъ колоннъ завоевателей Москвы, они увидали за Наполеономъ толпы привидѣній, покрытыхъ рубищами, въ женскихъ шубахъ, окутанныхъ клочками ковровъ, грязными и прожженными шинелями, воиновъ, ноги которыхъ были обвиты всевозможнымъ тряпьемъ, они были изумлены. Съ ужасомъ смотрѣли они на проходившихъ мимо ихъ несчастныхъ солдатъ съ почернѣлыми и обросшими бородами лицами; безъ оружія, безъ стыда, они шли безъ всякаго порядка, съ опущенными головами, устремивъ взглядъ въ землю, молча, какъ толпа плѣнныхъ. Болѣе всего удивляло множество полковниковъ и

[1]) D. de Fesenzac, Souvenirs milit., стр. 325—326; B. Peyrusse, Mémorial, стр. 125 и др.

генераловъ, которые шли по одиночкѣ, думая только о себѣ и не зная кого спасать: остатки ли ихъ командъ или самихъ себя. Они шли смѣшавшись съ солдатами, которые не обращали на нихъ вниманія, не ожидая отъ нихъ ничего, которыми они не могли уже командовать: всѣ связи были порваны, всѣ чины уничтожены общимъ бѣдствіемъ. Солдаты Виктора и Удино не вѣрили своимъ глазамъ. Офицеры, тронутые жалостью, со слезами на глазахъ удерживали тѣхъ изъ своихъ сотоварищей, которыхъ они распознавали въ этой толпѣ; они дѣлились съ ними своими средствами продовольствія, одеждою, и спрашивали: гдѣ же ихъ войска? и когда имъ указывали на слабые остатки изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, вмѣсто тысячъ людей, они все еще ихъ искали“ [1]). Это зрѣлище потрясло сразу дисциплину и въ войскахъ Виктора и Удино.

Наши передовыя войска, преслѣдуя по той же дорогѣ непріятеля, были не менѣе поражены зрѣлищемъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій. „Мы находили въ разныхъ мѣстахъ оставленную артиллерію,—говоритъ А. П. Ермоловъ,—и даже брошенную въ воду съ такою торопливостью, что недоставало времени скрыть ее отъ глазъ. Потеря въ людяхъ несравненно превосходила всѣ другія. Тысячи были умершихъ и замерзающихъ людей. Нигдѣ не было пристанища. Мѣстечки и селенія обращены въ пепелъ и умножавшіеся плѣнные, все больные и раненные, большое число чиновниковъ (non combattans) должны были ожидать неизбѣжной смерти. Ежеминутное зрѣлище страждущаго человѣчества истощало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притупляло. Каждый изъ этихъ несчастныхъ, въ глазахъ подобныхъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемыя страданія были общія, бѣдствія свыше всякаго воображенія. Не имѣя средствъ подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть“ [2]).

При такомъ состояніи непріятельскихъ войскъ, едва-ли и возможно опредѣлить не только точно, но даже приблизительно, въ какомъ количествѣ они приблизились къ переправѣ черезъ Березину. Если считать всѣ безоружныя и полуживыя толпы, то, конечно, онѣ болѣе нежели вдвое превосходили Дунайскую армію, какъ и предполагалъ адмиралъ Чичаговъ [3]); но эти толпы не только не могли служить подкрѣпленіемъ тому количеству войскъ, которое еще могло сражаться, но, напротивъ, затрудняли его. Число-же послѣднихъ, безъ сомнѣнія, не

---

[1]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 332—333.

[2]) Записки, т. I, стр. 259; M. Chambray, т. III, стр. 11—12.

[3]) Mémoires inédits, стр. 58; письмо къ императору, отъ 17-го ноября, изъ дер. Брилъ.

превышало силъ, которыми располагалъ адмиралъ [1]). Притомъ относительное положеніе воюющихъ сторонъ было не одинаково. Императору Наполеону во что бы то ни стало слѣдовало устроить мосты и перейти Березину; адмиралу Чичагову предстояло только замедлить переправу до тѣхъ поръ, пока подойдутъ войска Витгенштейна, Платова, Ермолова и Милорадовича. Владѣя правымъ берегомъ Березины, возвышеннымъ противъ лѣваго ея берега и почти повсюду господствовавшимъ надъ нимъ, конечно, онъ имѣлъ достаточно силъ, чтобы исполнить выпавшую на его долю обязанность; но у него были въ это время иные замыслы. Въ своихъ Запискахъ онъ вовсе не говоритъ о томъ, что намѣревался дѣйствовать наступательно и идти противъ Наполеона по дорогѣ на Бобръ, и придаетъ, поэтому, совершенно иное значеніе движенію своего авангарда подъ начальствомъ гр. Палена. „Чтобы убѣдиться въ положеніи непріятеля и въ разстояніи, въ какомъ находился отъ меня гр. Витгенштейнъ,—говоритъ онъ,—котораго прибытіе ко мнѣ утроило бы мои силы и дало бы мнѣ возможность противопоставить Наполеону дѣйствительную преграду, я отправилъ впередъ дивизію моего авангарда“. Изъ этихъ словъ слѣдовало бы предполагать, что онъ не имѣлъ намѣренія со всею арміею идти вслѣдъ за нею, что́, однако-же, совершенно противорѣчитъ его собственнымъ, современнымъ происшествію, донесеніямъ императору и князю Кутузову. Возводя силу непріятеля до ста тысячъ на основаніи показаній плѣнныхъ, которыя онъ считалъ, впрочемъ, преувеличенными, и количества котораго онъ дѣйствительно знать не могъ, онъ, въ то же время, уменьшалъ свою, которая, конечно, была ему извѣстна, до 20-ти тысячъ, вмѣсто 30-ти, какъ самъ-же доносилъ своевременно императору; онъ прибавляетъ: „съ такою-то слабою арміею я долженъ былъ бороться съ Наполеономъ, который располагалъ еще тройными въ сравненіи со мною силами; я долженъ былъ охранять берега Березины по всему протяженію, къ которому подходятъ дороги, ведущія къ его огромнымъ магазинамъ Минска и Вильны. Это протяженіе шло на 20 французскихъ миль между Веселовымъ на сѣверѣ и Нижнимъ Березинымъ на югѣ. Мнѣ было извѣстно, что на ней много бродовъ; что же касается до ея ширины, то французы могли перейти ее по мосту въ 54 тоаза длиною. Мнѣ предстояло встрѣтить Наполеона лицомъ къ лицу. Я боялся, что съ тылу нападетъ на меня Шварценбергъ. Народонаселеніе намъ было враждебно... Правда, что императоръ Александръ обѣщалъ мнѣ содѣйствіе арміи Витгенштейна и присоединеніе подъ мое начальство 35-ти тыс. гр. Штейнгеля и 15-ти тыс. Эртеля.

[1]) M. Chambray, Hist. de l'èxpedition, т. III, стр. 52; Chapuis, Beresina, стр. 93.

Съ такими соединенными силами мы должны были ожидать Наполеона на правомъ берегу. Наполеонъ приближался, а не было слуха ни о Кутузовѣ, ни о Витгенштейнѣ, ни о Штейнгелѣ и Эртелѣ. Никто не думалъ объ исполненіи общаго плана. Кутузовъ оставался позади, Витгенштейнъ и Штейнгель двигались по лѣвому берегу, вмѣсто того, чтобы подкрѣпить меня на правомъ и противодѣйствовать переправѣ непріятеля. Что же касается до Эртеля, то онъ оставался въ Мозырѣ, подъ предлогомъ скотскаго падежа, который препятствовалъ ему выступить. Я остался одинъ передъ Наполеономъ“ [1]).

Составляя свои Записки гораздо позднѣе самыхъ событій, онъ могъ, конечно, забыть нѣкоторыя подробности, которыя придаютъ, однако же, иное имъ значеніе. Находясь внѣ своего отечества, онъ не могъ провѣрить свои воспоминанія, ни воспоминаніями другихъ лицъ, участниковъ въ происшествіяхъ, ни письменными документами. Вѣроятно, у него не было подъ рукою и отпусковъ своихъ собственныхъ сношеній съ кн. Кутузовымъ и Витгенштейномъ, донесеній императору и приказаній подчиненнымъ ему начальникамъ корпусовъ и отрядовъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ воздержался бы писать то, что́ опровергается его же собственными своевременными распоряженіями и донесеніями. Онъ припомнилъ-бы, что кн. Кутузовъ предписывалъ ему обратить особенное вниманіе на Зембинъ, чрезъ который шла дорога на Вильну; что переправу у Ухолоды онъ предписывалъ ему наблюдать лишь партизанскими отрядами; что протяженіе рѣки, за которою ему слѣдовало наблюдать, простиралось не на 80 слишкомъ верстъ, а только на 30, и что кн. Шварценбергъ началъ обратное движеніе къ Слониму только 17-го (29-го) ноября, а до того времени около Несвижа и Слонима появлялись лишь незначительные отряды, которые не могли угрожать его тылу, и что императоръ предполагалъ, что корпусъ гр. Штейнгеля составитъ аріергардъ дѣйствовавшихъ на Березинѣ войскъ и займетъ Вильну, и никогда не выражалъ мысли подчинить его начальству адмирала. Къ этимъ обстоятельствамъ, положившимъ свою печать на Записки адмирала, присоединялось и то, едва ли не самое важное, что адмиралъ Чичаговъ писалъ свои Записки съ единственною цѣлію оправдать свои дѣйствія передъ потомками и защитить себя отъ тѣхъ нареканій, которыми осыпали его современники за его участіе въ военныхъ событіяхъ того времени.

Лишь только Удино занялъ Борисовъ, какъ немедленно приступилъ, исполняя предписанія Наполеона, къ приготовленію переправы

[1]) Mémoires inédits, стр. 56, 57—59.

при Студянкѣ. Но въ то же время онъ распорядился, чтобы при Ухолодѣ, въ самомъ Борисовѣ и въ другихъ мѣстахъ рѣки приготовляли матеріалы для мостовъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе Чичагова отъ мѣста, дѣйствительно избраннаго для переправы. Онъ собралъ нѣсколько евреевъ, выбралъ изъ нихъ проводниковъ до Ухолоды и потомъ, взявъ слово, что они будутъ хранить тайну, отпустилъ ихъ. Цѣль его была достигнута и эта тайна немедленно сдѣлалась извѣстною адмиралу Чичагову и также ввела его въ заблужденіе. Къ вечеру 12-го ноября, Наполеонъ съ гвардіею прибылъ въ Борисовъ и приказалъ еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ дѣлать приготовленія къ мнимой переправѣ, начатыя маршаломъ Удино. Въ виду нашихъ войскъ приносили всѣ необходимые матеріалы для возстановленія Борисовскаго моста и двигались значительные отряды съ артиллеріею по направленію къ Ухолодѣ. Но въ тотъ же день, какъ императоръ Наполеонъ дѣйствовалъ такимъ образомъ, Удино отправился къ Студянкѣ, куда къ вечеру пришелъ его корпусъ, и въ одно время съ нимъ прибыли генералы Эбле и Шасселю, которыхъ еще изъ Лохницы императоръ Наполеонъ отправилъ туда для устройства мостовъ. До ихъ пріѣзда уже приготовляли матеріалы для построенія мостовъ саперы и инженеры, находившіеся въ дивизіи Корбино; но приготовленные ими ко̀злы оказались слабыми и надо было приготовлять новые. Саперы Эбле, съ неутомимою дѣятельностью, воодушевленные своимъ начальникомъ, принялись за работу. Императоръ Наполеонъ расчитывалъ, что къ 14-му ноября будетъ все приготовлено для наведенія мостовъ, отправилъ въ Студянку гвардію и въ этотъ день, къ семи часамъ утра, самъ туда прибылъ. Онъ зналъ, что на другомъ берегу находится вся Дунайская армія: зарево многочисленныхъ огней, которое видѣли по ночамъ, и разъѣзды близъ берега свидѣтельствовали о ея присутствіи и противъ мѣста переправы. Но вся ли она тамъ находилась или незначительная ея часть, обманули-ли адмирала его ложныя демонстраціи, или онъ понялъ ихъ значеніе и сосредоточилъ войска противъ мѣста дѣйствительной переправы? Вотъ вопросы, которые занимали императора Наполеона, потому что отъ нихъ зависѣла если не самая возможность переправы, то во всякомъ случаѣ бо̀льшій или меньшій ея успѣхъ. Дунайская армія могла препятствовать переправѣ и задержать ее, а въ это время подоспѣли бы русскія войска, преслѣдовавшія его съ тылу и фланговъ. Судьба остатковъ его великой арміи висѣла на волоскѣ [1]). Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ,

[1]) Il y avait donc cent chances de l'insuccès contre un ou deux de réussite. Тьеръ, liv. XXVII.

пріѣхавъ въ Студянку, онъ немедленно приказалъ отряду изъ нѣсколькихъ конниковъ дивизіи Корбино, уже разъ переходившей вбродъ Березину въ этомъ мѣстѣ, переправиться на другой берегъ, взявъ съ собою на лошадей по одному стрѣлку. Начальникъ эскадрона, Жакемино, счастливо исполнилъ порученіе и донесъ, что видѣлъ только незначительные казачьи ведеты. Не удовольствовавшись этимъ показаніемъ, чтобы удостовѣриться еще болѣе въ счастливой случайности, Наполеонъ вновь отправилъ его черезъ рѣку, чтобы захватить плѣнныхъ, отъ которыхъ можно бы добыть болѣе подробныя свѣдѣнія; а, между тѣмъ, на трехъ на-скоро сплоченныхъ паромахъ переправилъ туда отъ 300 до 400 пѣхоты, чтобы защитить приготовлявшуюся переправу, и на возвышенности, на которой стояла деревня Студянка, господствовавшей надъ противоположнымъ берегомъ, низменнымъ и болотистымъ, на значительное пространство велѣлъ устроить батарею изъ 40 орудій. Снова переправившись черезъ рѣку, Жакемино съ нѣсколькими удалыми конниками напалъ врасплохъ на нашъ ведетъ, схватилъ одного унтеръ-офицера, на крупѣ перевезъ его на другой берегъ и представилъ Наполеону. Изъ показаній этого плѣннаго узнали, что Чичаговъ со всею арміею въ Борисовѣ, а противъ Студянки находится незначительный наблюдательный отрядъ. Судьба благопріятствовала снова Наполеону. Окружавшіе его съ понурыми лицами, Мюратъ, Евгеній, Коленкуръ, Бертье, Дюрокъ, оживились надеждою на спасеніе и поздравляли своего повелителя. Корбино вызвался снова перейти вбродъ рѣку съ своими конными полками и исполнилъ это предпріятіе, не смотря на большія затрудненія, ибо по рѣкѣ шелъ ледъ и обледенѣлые берега были едва доступны. Послѣ нѣсколькихъ дней оттепели, былъ морозъ, доходившій до 4-хъ градусовъ по Реомюру. Это обстоятельство, съ одной стороны, сильно затрудняло устройство мостовъ, но съ другой—скрѣпляя топкую почву болотъ, благопріятствовало, до нѣкоторой степени, движенію войскъ послѣ переправы черезъ Березину. Каждый часъ былъ дорогъ, надо было воспользоваться благопріятными обстоятельствами. Съ неутомимой дѣятельностію саперы генерала Эбле, въ холодной водѣ, обледенѣлые, въ борьбѣ съ напиравшими льдинами, устраивали козла, скрѣпляли ихъ между собою и настилали полотно мостовъ. Хотя окружающая мѣстность и была покрыта лѣсами, но не было времени рубить лѣсъ и перевозить его къ мѣсту переправы. Мосты дѣлались изъ стараго лѣсу, изъ бревенъ разобранныхъ избъ деревни Студянки, что, конечно, не ручалось за ихъ прочность и устойчивость и требовало самаго тщательнаго наблюденія со стороны распорядителей. Генераловъ Эбле и Шасселю съ ихъ сотрудниками до-

стойно восхваляютъ французскіе историки и съ неменьшею справедливостью говорятъ, что въ это самое трудное время проснулся весь геній Наполеона и вся его первоначальная упорная, неутомимая дѣятельность. Онъ постоянно лично слѣдилъ за ходомъ работъ и ободрялъ всѣхъ своимъ присутствіемъ и, по его распоряженіямъ, спорилось дѣло, побѣждались, повидимому, непобѣдимыя препятствія. Строились два моста, въ разстояніи 80-ти сажень одинъ отъ другаго, простиравшіеся на 35 сажень. Одинъ изъ нихъ, послѣ полудня 14-го ноября, былъ готовъ и, въ своемъ присутствіи, Наполеонъ переправилъ по немъ корпусъ Удино, состоявшій почти изъ 5,500 пѣхоты и 1,200 конницы, только съ двумя орудіями и нѣсколькими зарядными ящиками. Дальнѣйшее движеніе по мостамъ было обезпечено и не потребовалось ни одного выстрѣла съ сооруженной имъ сильной батареи въ Студянкѣ съ цѣлью противодѣйствовать попыткамъ со стороны Дунайской арміи—помѣшать переправѣ и затруднить построеніе мостовъ. Переправившись черезъ рѣку, маршалъ Удино отбросилъ передовые отряды Чаплица и занялъ выгодную позицію. Къ 4-мъ часамъ пополудни, былъ готовъ второй мостъ и началась перевозка военныхъ обозовъ и артиллеріи. Въ продолженіе этого дня и ночи на 15-е ноября, постоянно совершалась переправа и значительное количество войскъ уже перешло на лѣвый берегъ. Но нужно было еще два дня, чтобы всѣ войска, безоружныя толпы и обозы могли переправиться. Между тѣмъ, затрудненія умножались съ каждымъ часомъ. Построенные изъ стараго лѣса мосты, настланные кругляками, не отесанными въ брусья по недостатку времени, часто портились и ломались. По нѣскольку часовъ времени проходило, пока ихъ исправляли, и движеніе прекращалось, а въ то время значительное количество не боевыхъ людей, слѣдовавшихъ за арміею, и бросившихъ оружіе солдатъ сближались къ переправамъ съ многочисленными обозами. Требовались значительныя усилія, чтобы войска могли проложить себѣ путь къ мостамъ, отдаливъ толпы и экипажи, стремившіеся къ нимъ. Тѣснота, давка и безпорядокъ постоянно увеличивались. „15-го и 16-го ноября господствовало страшное смятеніе при переправѣ и безпорядокъ дошелъ до послѣдней крайности. Тысячи экипажей съѣхались у входа на мосты и, за ними, по ту сторону рѣки. Сила брала верхъ надъ правомъ, слабаго сбивали съ ногъ и топтали. Вдругъ, около 9-ти часовъ утра, послышалась сильная канонада справа и слѣва, и обнимала три четверти окружности, въ срединѣ которой находился императоръ. „Лишь только послышались выстрѣлы, онъ потребовалъ лошадь и отправился къ 2-му корпусу“,—говоритъ баронъ Денье. Витгенштейнъ, Платовъ и Ермоловъ приближались. Устранить без-

порядки при переправѣ не было средствъ, не смотря на присутствіе самого императора Наполеона, который, въ виду приближенія русскихъ войскъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы ускорить ее какъ можно болѣе. Узнавъ, на пути къ Борисову, что маршалъ Викторъ, вмѣсто предписаннаго ему направленія по дорогѣ отъ Леппеля къ Борисову, пошелъ къ Лохницѣ, онъ предвидѣлъ, что стѣсненіе войскъ и обозовъ при переправѣ будетъ ужасное и, не смотря на то, не только не могъ замедлять переправы, но, наоборотъ, предписывалъ постоянно начальникамъ частей приближаться къ Студянкѣ и переходить на другую сторону рѣки [1]).

Что же дѣлалъ въ продолженіе этихъ дней, съ 10-го ноября по 16-е, адмиралъ Чичаговъ? Приготовленія непріятеля къ переправѣ при Студянкѣ не укрылись отъ бдительности русскихъ. Графъ Ламбертъ, послѣ блестящихъ подвиговъ получивъ сильную рану въ дѣлѣ 9-го ноября, долженъ былъ, къ прискорбію войскъ, оставить начальство надъ авангардомъ. Удалясь отъ арміи, по дорогѣ въ Зембинъ, онъ пріѣхалъ въ Стаховъ 12-го ноября. Озабоченный военными дѣйствіями, онъ послалъ оттуда къ Березинѣ сдѣлать развѣдки около Студянки. „Офицеръ главнаго штаба, который былъ посланъ развѣдать эту мѣстность, замѣтилъ на противоположномъ берегу, — говоритъ гр. Ламбертъ, — отряды непріятельской конницы, занимавшіеся изслѣдованіемъ мѣстъ, болѣе удобныхъ для переправы. Часть лѣваго берега противъ Студянки представляла въ этомъ случаѣ наибо́льшія удобства. Рѣка образуетъ въ этомъ мѣстѣ изгибъ и возвышенность на лѣвомъ берегу способствуетъ устройству на ней батарей, которыя могли бы обезпечивать здѣсь переправу для войскъ, слѣдовавшихъ отъ Бобра“. Это обстоятельство показалось ему весьма важнымъ. Онъ остановился въ Стаховѣ и оттуда послалъ своего адъютанта къ адмиралу съ письмомъ, въ которомъ онъ изложилъ ему причины, почему непріятель въ этомъ мѣстѣ рѣшится устроить переправу. „Но съ какимъ удивленіемъ, — продолжаетъ онъ, — я узналъ отъ возвратившагося моего адъютанта, что адмиралъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эти извѣстія и намѣревается выступить 12-го ноября пополудни. Онъ не дѣлалъ никакихъ развѣдокъ утромъ 12-го со стороны Бриля, тогда какъ собственными глазами могъ бы убѣдиться о намѣреніи непріятеля приступить къ переправѣ при Студянкѣ, и въ

[1]) B. Denniée, Itinéraire, стр. 158—159; M. Chambray, Hist. de l'éxped., т. III, стр. 43—58; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 358 и слѣд.; Paixhans, Retraite de Moskou, стр. 52—53; B. Peyrusse, Mémorial, стр. 127 и слѣд.; C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 342 и слѣд.; Chapuis, Beresina, стр. 126 и слѣд.

такомъ случаѣ не пошелъ бы къ Шабашевичамъ и имѣлъ бы достаточно времени распорядиться нападеніемъ на непріятельскія войска по мѣрѣ того, какъ они переходили мосты". Адмиралъ Чичаговъ, пробывъ три дня противъ Борисова, видя приготовленія къ мнимой переправѣ непріятеля, вдался въ обманъ; но сообразивъ, однако же, необоримыя затрудненія, которыя бы встрѣтилъ непріятель возстановляя полусожженный мостъ и переходя по длинному его протяженію противъ мостоваго укрѣпленія, господствовавшаго надъ нимъ, полагалъ, что, идя не на Вильну, а на Минскъ, онъ изберетъ болѣе удобную переправу при Ухолодѣ, гдѣ были броды и гдѣ точно также непріятель дѣлалъ приготовленія къ переправѣ. Поэтому онъ оставилъ у мостоваго укрѣпленія гр. Ланжерона. „Находя постъ сей довольно важнымъ,—писалъ онъ ему,—считаю приличнымъ поручить его вамъ. У васъ остаются всѣ полки ввѣреннаго вамъ корпуса, т. е. 15-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и Житомірскій и Арзамазскій драгунскіе полки. Съ сими войсками должны вы оборонять переправу черезъ рѣку Березину, занимая оными тетъ-де-понъ, на правомъ берегу оной, противъ Борисова, находящійся. По соображеніямъ непріятельскихъ движеній и свѣдѣніямъ, полученнымъ мною прошедшей ночи отъ гр. Витгенштейна, рѣшился я сего числа отрядъ гр. Орурка отправить къ Березинѣ, съ остальными же войсками слѣдую я къ Шабашевичамъ". Г. Чаплицу въ то же время онъ предписывалъ: „оставя только извѣстительные посты (у Бриля, противъ Студянки), съ прочими войсками вашими по полученіи сего выступить и прибыть завтрашняго числа къ тетъ-де-пону, что̀ противъ Борисова. Завтра же, въ ночь, будѐ съ аванпостовъ вашихъ ничего не получите, сами съ отрядомъ слѣдуйте до Шабашевичъ и аванпостамъ прикажите всѣмъ собраться и идти за вами" [1]). Такимъ образомъ, непріятелю предоставлены были всѣ способы, безъ всякихъ препятствій со стороны Дунайской арміи, какъ устроить мосты, совершить переправу, такъ и слѣдовать по пути на Зембинъ, который оставался открытымъ, и плотины и мосты по этой дорогѣ не были уничтожены.

Генералъ Чаплицъ имѣлъ свѣдѣнія о предпріятіи непріятеля и приготовленіи мостовъ отъ плѣнныхъ, захваченныхъ по ту сторону рѣки нарочно съ этою цѣлію отправленнымъ имъ полковникомъ Мельниковымъ; не смотря на то, когда начиналась уже переправа, исполняя предписаніе адмирала, онъ подвигался къ Борисову, оставивъ незначительный отрядъ подъ начальствомъ полковника Корнилова, который не стоило много труда отбросить маршалу Удино. На

[1]) Оба предписанія адмирала отъ 13-го ноября, изъ Борисова.

пути г. Чаплицъ получилъ извѣстіе, что послѣ полудня 13-го ноября часть непріятельскихъ войскъ уже перешла по устроенному мосту. „Онъ немедленно повернулъ назадъ и послалъ увѣдомленіе адмиралу“, — говоритъ гр. Ламбертъ,—но, вѣроятнѣе, онъ повернулъ потому, что получилъ новое предписаніе адмирала, который, узнавъ изъ отношенія гр. Витгенштейна, что онъ приближается къ Березинѣ, приказалъ ему возвратиться къ Зембину и войти въ сношеніе, поручивъ даже гр. Ланжерону усилить его отрядъ однимъ полкомъ и батарейною ротою.

Адмиралъ Чичаговъ, вечеромъ 13-го ноября, достигъ до Шабашевичей. На пути онъ получилъ донесеніе ген. Чаплица о переправѣ непріятеля при Студянкѣ, но „не счелъ нужнымъ возвратиться въ Борисовъ, чтобы стать въ центрѣ между Студянкою и Ухолодою и чрезъ то быть готовымъ воспрепятствовать непріятелю при переправѣ черезъ Березину“ [1]). Онъ продолжалъ движеніе, и слѣдующій день (14-го ноября) провелъ при Шабашевичахъ, отправивъ только незначительный отрядъ ген. Рудзевича по дорогѣ къ Борисову въ м. Главень, съ предписаніемъ двинуться „въ ту сторону, куда обстоятельства потребуютъ“. Въ это время гр. Оруркъ, котораго адмиралъ послалъ съ уланскимъ полкомъ и артиллерійскою ротою къ нижней Березинѣ, поручивъ также принять подъ свое начальство отрядъ полковника Луковкина и препятствовать непріятелю, если бы онъ предпринялъ тамъ переправу, донесъ, что разъѣзды, посланные имъ за рѣку, отъ плѣнныхъ и жителей узнали, что непріятель въ этой мѣстности намѣревался переправиться черезъ Березину. Но въ то же время они взяли въ плѣнъ непріятельскаго офицера, котораго гр. Оруркъ препроводилъ къ адмиралу. Офицеръ, принадлежавшій къ корпусу маршала Виктора, объяснилъ, что этотъ корпусъ двигается къ Студянкѣ, гдѣ устраивается переправа, и онъ полагаетъ навѣрное, что мосты уже готовы. Адмиралъ поручилъ гр. Орурку „отправить надежнаго офицера за Березину, чтобы отыскать какой нибудь отрядъ, принадлежащій къ нашей главной арміи; объявить начальнику этого отряда, что пришло извѣстіе о переправѣ непріятеля у Студянки и дать ему отъ имени главнокомандующаго Дунайскою арміею приказаніе немедленно увѣдомить о томъ кн. Кутузова“ [2]). Посылая такое увѣдомленіе фельдмаршалу, самъ адмиралъ оставался въ Шабашевичахъ и, рѣшившись выступить вновь къ Борисову на другой день,

---

[1]) Военн. журналъ г. Толя.

[2]) Записки Храповицкаго, который и былъ посланъ съ этимъ порученіемъ; Записки Орурка.

предписалъ гр. Ланжерону, находившемуся при мостовомъ укрѣпленіи, если получитъ извѣстіе отъ Чаплица о переправѣ непріятеля, идти туда не ожидая о томъ подтвержденія, а при мостовомъ укрѣпленіи оставить не болѣе одного баталіона съ частью артиллеріи", а ген. Рудзевичу, стоявшему въ Главкѣ,—двинуться за Ланжерономъ, также „оставивъ одинъ баталіонъ съ двумя пушками подъ Борисовымъ" [1]). Ноября 15-го, адмиралъ, выступивъ изъ Шабашевичей и сдѣлавъ переходъ въ 20 верстъ, остановился на ночлегъ при Борисовскомъ мостовомъ укрѣпленіи. Въ тотъ же день вечеромъ, партизанъ Сеславинъ, примкнувшій къ арміи Витгенштейна, направлявшейся черезъ Жижково къ Старому Борисову, и посланный имъ вмѣстѣ съ казачьимъ полкомъ Чернозубова войти въ сообщеніе съ гр. Платовымъ, занялъ Борисовъ. Въ одно время съ нимъ подошелъ гр. Платовъ, а Ермоловъ приблизился къ послѣдней почтовой станціи передъ Борисовымъ, с. Лошницѣ. Въ Борисовѣ, по отступленіи оттуда къ Студянкѣ непріятельскихъ войскъ, оставалась одна дивизія ген. Партуно и легкая кавалерійская бригада Делетра, чтобы наблюдать за арміей Чичагова и отвлекать его вниманіе отъ мѣста переправы. Она должна была только на другой день утромъ двинуться вслѣдъ за маршаломъ; но вечеромъ Борисовъ былъ занятъ Сеславинымъ и Платовымъ, выгнавшимъ оттуда занимавшій его отрядъ непріятеля, и въ то же время слышалась канонада и со стороны Стараго Борисова, куда подошла армія графа Витгенштейна. Ген. Партуно двинулся къ Студянкѣ. Темная ночь, множество обозовъ и толпы безоружныхъ (des traineurs) затрудняли движеніе. Съ одной стороны находилась Березина, съ другой русскія войска и впереди и съ тылу. Партуно былъ вынужденъ положить оружіе и сдаться военноплѣннымъ со своею дивизіею гр. Витгенштейну [2]).

Прибытіе войскъ Платова, за которыми вслѣдъ пришелъ бы отрядъ Ермолова—который немедленно могъ бы оказать содѣйствіе адмиралу Чичагову—не только не побудило его не теряя времени двинуться на помощь Чаплицу, извѣстивъ ихъ о положеніи дѣлъ, но, напротивъ,—адмиралъ простоялъ при Борисовскомъ мостовомъ укрѣпленіи полдня 16-го ноября. „По возвращеніи къ Борисову, говоритъ адмиралъ въ своихъ Запискахъ, „мнѣ слѣдовало выбрать одно изъ двухъ: или по-

[1]) Предписаніе отъ 14-го ноября, изъ Шабашевичей.

[2]) Донесенія гр. Витгенштейна императору и кн. Кутузову, отъ 16-го ноября; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 405 и слѣд.; M. Chambray, т. III, стр. 63 и слѣд.; Chapuis, Beresina, стр. 145 и слѣд.; C-te Partouneaux, Explications sur l'hist. de la grande armée du C-te Ségur et refutations du G-l Gourgaud. 2-e Edit. Paris. 1826.

пытаться опрокинуть въ Березину непріятельскія войска, которыя уже переправились, и поэтому немедленно идти, пока они не перешли въ такомъ значительномъ числѣ, что борьба съ ними сдѣлалась бы для меня затруднительна и опасна, или сосредоточить мои разбросанныя вдоль Березины войска прежде, нежели начать атаку, въ надеждѣ, хотя и слабой, что подоспѣютъ подкрѣпленія со стороны или гр. Витгенштейна, или кн. Кутузова, которыя дадутъ мнѣ возможность начать битву съ бо́льшею надеждою на успѣхъ, какое бы ни перешло черезъ Березину количество непріятельскихъ войскъ". Въ слабой надеждѣ на усиленіе своей арміи войсками или гр. Витгенштейна или кн. Кутузова, адмиралъ рѣшился упустить благопріятный случай, если даже не нанесть сильнаго пораженія непріятелю, то, во всякомъ случаѣ, причинить ему значительныя потери и замедлить переправу, которая съ часу на часъ становилась затруднительнѣе отъ скоплявшихся обозовъ и многочисленныхъ отсталыхъ и безоружныхъ, подходившихъ къ мостамъ. „Но съ первымъ приближеніемъ ночи (15-го ноября),—продолжаетъ адмиралъ,—мы услыхали пушечные выстрѣлы по той сторонѣ Березины въ тылу непріятельскихъ войскъ. Наконецъ, послѣ столькихъ замедленій, гр. Витгенштейнъ подходилъ. Я немедленно отправилъ отряды для развѣдокъ на противоположный берегъ. Березину легко можно было перейти противъ Борисова. Я приказалъ пѣхотному полку взять Борисовъ, занятый дивизіею Партуно. Онъ очистилъ городъ. Мы видѣли въ сумеркахъ, какъ его войска выступали на соединеніе съ Наполеономъ, двигаясь по теченію Березины къ Студянкѣ, какъ потомъ они въ недоумѣніи остановились, услыхавъ пушечные выстрѣлы Витгенштейна, раздававшіеся въ противоположной сторонѣ отъ меня, и неподвижно стояли въ полѣ. Вскорѣ другіе пушечные выстрѣлы раздались съ правой стороны: это Платовъ приближался съ своими казаками. Французская дивизія, сбившись съ пути, очутилась посреди арміи Витгенштейна, который взялъ ее въ плѣнъ". Едва ли предстояла нужда занимать Борисовъ пѣхотнымъ полкомъ, который подвергался крайнему затрудненію перебираться по мосту, сожженному въ двухъ мѣстахъ, въ ночное время, тогда какъ онъ былъ уже занятъ отрядомъ Сеславина и Платова, и ослаблять свои войска, разбросанныя, по свидѣтельству самого адмирала, по протяженію Березины, тогда какъ, въ полной увѣренности въ подкрѣпленіи со стороны прибывшихъ войскъ большой нашей арміи, онъ могъ бы немедленно двинуться къ Брилю. Но иныя соображенія занимали адмирала, а именно вопросъ о чиноначаліи. „Около 10-ти часовъ вечера, одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Сеславинъ, явился ко мнѣ отъ лица гр. Витгенштейна,—говоритъ адмиралъ.—Онъ спра-

шивалъ меня—какъ я намѣренъ дѣйствовать—такимъ способомъ, который мнѣ ясно показалъ, что Витгенштейнъ считаетъ себя совершенно независимымъ начальникомъ и будетъ поступать такъ, какъ ему покажется удобнымъ. И такъ, въ то время, когда подошли ко мнѣ эти замедлившія подкрѣпленія, выступили мелкія притязанія личнаго самолюбія, и помѣшали придать необходимое единство, котораго требовали наши дѣйствія! Я отвѣтилъ полковнику, что завтра на разсвѣтѣ я намѣренъ напасть на непріятеля на правомъ берегу, и предполагая, что онъ вчетверо, по крайней мѣрѣ, сильнѣе меня, я приглашаю гр. Витгенштейна напасть на него въ одно и то же время. Я написалъ также записку генералу, чтобы онъ, въ помощь мнѣ, прислалъ двѣ пѣхотныхъ дивизіи. На это Витгенштейнъ мнѣ ничего не отвѣчалъ, но обѣщался напасть на непріятеля на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, чего онъ не исполнилъ: онъ напалъ четырьмя часами позднѣе“ [1]). Такой придирчивый упрекъ, что гр. Витгенштейнъ на 4 часа опоздалъ въ исполненіи своего обѣщанія, что̀ весьма возможно въ военное время, заставляетъ, однако же, предполагать, что адмиралъ, наоборотъ, въ точности исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ всю ночь провелъ подъ Борисовымъ и только на разсвѣтѣ 16-го ноября двинулъ свои войска къ Стахову. Упрекъ едва-ли справедливъ; по свидѣтельству самихъ французовъ, гр. Витгенштейнъ рано утромъ напалъ на маршала Виктора, въ одно время съ войсками адмирала [2]). Но еще болѣе несправедливъ другой упрекъ—въ мелочномъ личномъ самолюбіи. Не думая устранять личнаго самолюбія гр. Витгенштейна,—слабости, свойственной многимъ лицамъ, выдвинутымъ впередъ силою обстоятельствъ,—нельзя не замѣтить, что гр. Витгенштейнъ имѣлъ на это право, оказавъ немаловажныя заслуги отечеству, избавивъ своими дѣйствіями отъ большой опасности, угрожавшей Петербургу. Почему же адмиралъ полагалъ, что онъ препятствуетъ единству дѣйствій, тогда какъ безъ его вызова онъ первый предложилъ ему дѣйствовать совокупно, по общему соглашенію, и его предложеніе—напасть на непріятеля на другой день—привелъ въ исполненіе, единственно съ войсками Чаплица. Но если бы даже онъ напалъ четырьмя часами позже, какъ говоритъ адмиралъ, то и это, конечно, не могло разстроить военныхъ соображеній адмирала, который въ это время только что прибылъ въ Стаховъ. Но этотъ упрекъ объясняется тѣмъ, что адмиралъ надѣялся, что гр. Витгенштейнъ поступитъ подъ его начальство и ожидалъ не дѣйствія, а повиновенія его предписаніямъ. Въ письмахъ къ импе-

[1]) Mémoires inédits, стр. 72—74.
[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 396.

ратору онъ выражалъ это желаніе, но не получилъ отъ государя никакого разрѣшенія, а между тѣмъ онъ писалъ ему: „гр. Витгенштейнъ, кажется, не думаетъ подчиниться начальству, которое ваше величество имѣли намѣреніе поручить мнѣ, и потому исчезаетъ все единство, какъ это всегда у насъ бываетъ“ [1]). Но ни въ одномъ изъ писемъ государя къ адмиралу Чичагову, сохранившихся какъ въ подлинникахъ, такъ и въ черновыхъ, писанныхъ его рукою, не выражено этого намѣренія, да едва-ли и думалъ императоръ о подчиненіи адмиралу гр. Витгенштейна.

Общее правило, которое выражалъ и великій полководецъ того времени, императоръ Наполеонъ, говоря, что „единство въ командованіи представляетъ условіе первостепенной важности въ войскѣ и никогда не должно имѣть двухъ армій на одномъ и томъ же поприщѣ военныхъ дѣйствій“, конечно, не подлежитъ сомнѣнію и, къ сожалѣнію, оно не соблюдалось въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года. Но императоръ не безъ нѣкотораго колебанія отозвалъ Тормасова и отдалъ 3-ю армію адмиралу Чичагову. Гр. Витгенштейнъ хотя былъ моложе по службѣ адмирала и не назывался главнокомандующимъ, но былъ имъ на дѣлѣ съ тѣхъ поръ, какъ его корпусъ, получивъ значительныя подкрѣпленія, превратился въ армію болѣе значительную той, которая находилась подъ начальствомъ Чичагова въ это время. Подчинить дѣйствовавшаго съ самаго начала войны самостоятельно и подчиненнаго уже фельдмаршалу, котораго появленіе на главномъ поприщѣ войны не заставило себя ждать, оказавшаго столько заслугъ, или отозвать его для иного назначенія—едва-ли было возможно, тѣмъ болѣе, что адмиралъ напоминалъ государю о прежнемъ своемъ желаніи въ то время, когда непріятель уже перешелъ Березину. Отъ гр. Витгенштейна онъ попытался потребовать двухъ дивизій для присоединенія къ своей арміи; но, вѣроятно, не рѣшился сдѣлать ту же попытку въ отношеніи къ гр. Платову. Но при свиданіи съ нимъ онъ узналъ, что отрядъ генерала Ермолова находится въ одномъ переходѣ отъ Борисова, и немедленно послалъ къ нему своего адъютанта Лисаневича. „Поздно вечеромъ, окончивъ переходъ 15-го ноября,—говоритъ А. П. Ермоловъ,—расположился я на ночлегъ у селенія Лошницы, послѣдней почтовой станціи къ Борисову. Здѣсь явился ко мнѣ поручикъ Лисаневичъ отъ адмирала Чичагова, съ предложеніемъ присоединиться къ нему въ Борисовѣ съ моимъ отрядомъ, о слѣдованіи котораго онъ узналъ отъ атамана Платова. Отправивъ обратно адъютанта, я представилъ чрезъ него строевой рапортъ

[1]) Письмо отъ 17-го ноября, на походѣ въ Осташевъ.

адмиралу и просилъ доложить ему, что войска, только что сдѣлавшія переходъ, готовы охотно совершить новый, и что я, находя нужнымъ дать время на свареніе каши, поправленіе обуви и отдыхъ, всего не болѣе четырехъ часовъ, выступлю непремѣнно" [1]).

Расчитывая на содѣйствіе гр. Витгенштейна съ лѣваго берега Березины, на совокупныя дѣйствія съ гр. Платовымъ и Ермоловымъ съ правой, адмиралъ въ тотъ же вечеръ отправилъ Ланскаго къ Стахову съ большею частію кавалеріи, поручивъ ему перехватить дорогу изъ Зембина въ Плещеницу и разрушить мосты и плотины. На другой день, 16-го ноября, вслѣдъ за нимъ онъ выступилъ самъ изъ-подъ Борисова, а въ 8 часовъ утра прибылъ въ Стаховъ.

Собираясь выступить къ Стахову, онъ предписалъ Чаплицу на другой день начать наступательныя дѣйствія противъ непріятеля, „не ожидая никого" (sans attendre personne) [2]). Очевидно, онъ считалъ Чаплица уже довольно сильнымъ, послѣ того какъ должны были подойти къ нему направленныя имъ подкрѣпленія, чтобы напасть на непріятеля пока онъ самъ подойдетъ къ мѣсту дѣйствія съ своими войсками. Дѣйствительно, „я еще надѣялся,—говоритъ адмиралъ,—что приду во́время, чтобы разстроить переправу, которая еще не могла быть окончена. Мнѣ представлялась возможность опрокинуть непріятеля къ Березинѣ, прежде нежели онъ успѣлъ бы сильно утвердиться на правомъ берегу,—если бы гр. Витгенштейнъ, по своему обѣщанію, ударилъ бы съ разсвѣтомъ дня на корпусъ непріятелей, находившійся еще на лѣвомъ берегу. У Витгенштейна было шесть дивизій, составлявшихъ до 40 тысячъ войска". Но если на лѣвомъ берегу, какъ видно изъ приведенныхъ словъ адмирала, оставался только одинъ корпусъ непріятеля, какъ это дѣйствительно было, и онъ надѣялся всю остальную армію опрокинуть къ Березинѣ, то дѣйствія гр. Витгенштейна имѣли бы второстепенное значеніе и, опоздавъ на четыре часа, онъ все-таки успѣлъ бы довершить побѣду, одержанную адмираломъ, и нанесть рѣшительный ударъ одному корпусу, находившемуся на лѣвой сторонѣ Березины, отброшенному имъ къ этой рѣкѣ непріятелю. Очевидно, все зависѣло отъ дѣйствій адмирала Чичагова.

Къ 16-му ноября переправа непріятельскихъ войскъ была почти окончена. На правомъ берегу маршалъ Удино занималъ позицію передъ Стаховымъ; за нимъ, готовый подкрѣпить его въ случаѣ нападенія войскъ Чичагова, стоялъ Ней, за которымъ расположилась гвардія. Въ продолженіе ночи перешли на эту сторону вице-король и

[1]) Записки, т. I, стр. 75.
[2]) Mémoires inédits, стр. 74

Даву съ артиллеріею и обозами. Императоръ предписалъ имъ слѣдовать на Зембинъ, „потому что очень важно, чтобы этотъ городъ былъ занятъ“, какъ сказано въ данномъ имъ приказѣ. Съ ними долженъ былъ идти Жюно и польская кавалерія, чтобы потомъ войти въ связь съ генераломъ Вреде, находившимся у Вилейки [1]). На той сторонѣ Березины, на высотахъ Студянки, оставался маршалъ Викторъ, прикрывая мосты и множество отсталыхъ и безоружныхъ, которыхъ сначала съ большимъ трудомъ можно было принудить переходить черезъ мосты. Они находились въ такомъ нравственномъ оцѣпенѣніи отъ голода, холода и усталости, что не искали даже спасенія. Только пушечные выстрѣлы гр. Витгенштейна, раздавшіеся въ ихъ тылу вечеромъ 15-го ноября, вывели ихъ изъ такого положенія, и тогда безпорядочными толпами они бросились къ мостамъ и затруднили переправу войскамъ, которыя должны были силою прокладывать себѣ путь. Эти пушечные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о потерѣ дивизіи Партуно, и постоянно приходившія извѣстія о приближеніи какъ гр. Витгенштейна, такъ и адмирала Чичагова, тревожили также императора Наполеона, неутомимо, личными распоряженіями, ускорявшаго переправу и приготовлявшаго отпоръ нападеніямъ того и другаго. Онъ не желалъ вступать въ сраженіе, которое могло уничтожить всѣ его усилія для блистательно совершенной переправы, но не могъ его избѣгнуть. Желая преимущественно задержать напоръ со стороны гр. Витгенштейна, чтобы подолѣе продлить переправу и не разрушать мостовъ, онъ возвратилъ уже перешедшую на этотъ берегъ дивизію Денделься снова къ маршалу Виктору, которому предстояло задерживать цѣлую армію.

„На разсвѣтѣ (16-го ноября), т. е. въ 7 часовъ утра,—говоритъ очевидецъ-французъ,—послышались пушечные выстрѣлы со стороны Борисова. Это Чичаговъ началъ нападеніе на маршала Удино. Императоръ сѣлъ на лошадь и поскакалъ туда. Едва онъ сошелъ съ лошади на одной изъ луговинъ въ лѣсу, какъ увидалъ, что раненаго маршала Удино уносятъ съ поля сраженія. Немедленно онъ поручаетъ начальство Нею. Въ то же самое время громъ пушекъ раздался по ту сторону рѣки. Это Витгенштейнъ пришелъ отъ Стараго Борисова и вступилъ въ бой съ маршаломъ Викторомъ. Наступило рѣшительное время. Начались два сраженія по ту и по другую сторону мостовъ и гремѣли по обоимъ берегамъ рѣки въ одно и то же время“ [2]).

---

[1]) Приказы имп. Наполеона отъ 27-го и 28-го нояб. н. ст. (15-го и 16-го). M. Chambray, т. III, стр. 467—471.

[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 396.

Цѣлый день продолжался упорный бой; но ни Витгенштейну не удалось сбросить въ Березину маршала Виктора, ни войскамъ адмирала отодвинуть къ мостамъ маршала Нея, затруднить переправу и помѣшать движенію непріятельскихъ отрядовъ съ многочисленными обозами на Зембинъ. Французы приписываютъ себѣ побѣду и восхваляютъ мужество своихъ войскъ, особенно потому, что въ обѣихъ битвахъ имъ приходилось отбивать нападенія цѣлыхъ армій, превышавшихъ ихъ значительно числительною силою. Побѣды собственно не было ни для одной изъ боровшихся сторонъ, но цѣль сраженій одиково была достигнута для обоихъ противниковъ. Наполеонъ совершилъ переправу; русскіе довершили разрушеніе великой арміи, уже сильно разгромленной подъ Краснымъ. Во время переправы черезъ Березину, у Наполеона еще было слишкомъ 30 тысячъ способныхъ сражаться; послѣ переправы осталось восемь тысячъ восемьсотъ. „При Березинѣ окончилась судьба великой арміи, заставлявшей трепетать Европу; она перестала существовать въ военномъ отношеніи, ей не оставалось другаго способа для спасенія, какъ бѣгство“ — по свидѣтельству самихъ французовъ [1]). Но и силы сражавшихся при Березинѣ противниковъ были далеко не такъ неравномѣрны, какъ они предполагаютъ. Во весь день 16-го ноября изъ войскъ гр. Витгенштейна сражалось противъ маршала Виктора сначала одинъ авангардъ Властова, потомъ постепенно подходили къ нему другія части войскъ и вообще участвовали въ боѣ 16 тысячъ; остальныя подошли только къ ночи, когда окончилась битва. Если принять въ соображеніе выгодное положеніе, занятое маршаломъ Викторомъ, то оно почти уравновѣшивало воюющія стороны [2]).

На другомъ берегу Березины, въ то время, когда адмиралъ Чичаговъ пріѣхалъ въ Стаховъ, одинъ отрядъ Чаплица, усиленный нѣсколькими полками изъ авангарда гр. Палена, дѣйствовалъ противъ маршаловъ Удино и Нея, располагавшихъ большимъ количествомъ войскъ. Занимая лѣсистую мѣстность около Стахова, онъ не могъ ввесть въ дѣло конницу; артиллерія могла дѣйствовать только по дорогѣ къ Борисову, въ числѣ одной роты, которыя смѣняли одна другую, осыпаемыя снарядами непріятелей и неся большія потери. Положеніе непріятеля, стоявшаго за лѣсомъ въ болѣе открытой мѣстности и только отстаивавшаго занимаемое имъ пространство, было несравненно выгоднѣе. По прибытіи въ Стаховъ въ подкрѣпленіе Чаплицу, адмиралъ отправилъ двѣ дивизіи подъ начальствомъ Сабанеева, который бо́льшую часть изъ нихъ разсыпалъ въ стрѣлки еще не доходя до поля

[1]) M. Chambray, т. III, стр. 32, 71, 98—99.

[2]) Д'Овре, Précis de la campagne du 1-er Corps.

сраженія, какъ будто бы приходилось только отстаивать лѣсъ, а не нападать на непріятеля. Подаваясь впередъ къ Брилямъ, на открытомъ полѣ стрѣлки съ трудомъ строились въ колонны, громимыя сильною батареею и атакуемыя конницею. Адмиралъ находился въ Стаховѣ съ остальными войсками, пока продолжалось это сраженіе, съ ранняго утра почти до вечера [1]). „Мы сохранили наши позиціи,—говоритъ адмиралъ,—но не могли подаваться впередъ"; но цѣль дѣйствій заключалась въ томъ, чтобы подаваться впередъ и препятствовать переправѣ и движенію непріятеля на Зембинъ. Но она не была достигнута, а наши войска понесли значительныя потери убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Единственнымъ послѣдствіемъ этого упорнаго и кровопролитнаго сраженія было то, что и непріятель понесъ также немалыя потери. „Упорное сопротивленіе, оказанное въ этотъ день войсками Наполеона, совершенно оправдало взглядъ фельдмаршала, выраженный имъ герцогу Виртембергскому послѣ сраженій подъ Краснымъ. Армія Наполеона еще была способна къ отчаянному сопротивленію, не смотря на бѣдственное положеніе и даже именно потому. Сраженія при Березинѣ были замѣчательны и потому, что доказали всю несостоятельность господствовавшаго у насъ въ высшихъ военныхъ кругахъ мнѣнія, пущеннаго въ ходъ иностранцами, и особенно нѣмцами, котораго не раздѣлялъ кн. Кутузовъ,—что разноплеменный составъ лишаетъ ихъ единства и силы, и что поневолѣ увлеченные Наполеономъ иностранцы, и особенно нѣмцы, готовы немедленно оставить его знамена. Объявленіе б. Штейна, выданное съ подписью Барклая-де-Толли [2]), вызывавшее нѣмцевъ къ измѣнѣ Наполеону, комитетъ объ устройствѣ легіоновъ изъ этихъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ—не имѣли никакого успѣха; сраженія при Березинѣ доказали, что войска разныхъ народностей могутъ драться съ одинаковою храбростью, увлекаемыя геніемъ полководца, и подъ начальствомъ французскихъ маршаловъ и генераловъ. У маршала Виктора двѣ дивизіи были изъ нѣмцевъ и одна изъ поляковъ, конница вся нѣмецкая; у Нея было только 300 французовъ, всѣ другія войска—польскія; у маршала Удино были двѣ дивизіи французскія, одна дивизія польская, другая изъ кроатовъ и швейцарцевъ. Гр. Солтыкъ считаетъ, что изъ войскъ, сражавшихся при Березинѣ, половина была изъ поляковъ и, во всякомъ случаѣ, не болѣе трети французовъ [3]).

---

[1]) Записки г. Арнольди, Храповицкаго, гр. Ламберта; ср. Чичагова, Mémoires inédits, стр. 76 и друг.

[2]) Pertz, Das Leben des Freih. v. Stein, т. III, 601—604.

[3]) M. Chambray, т. III, стр. 72; гр. Романъ Солтыкъ, Napoléon en 1812, стр. 451.

Какъ же относился къ этимъ сраженіямъ самъ адмиралъ?

Въ донесеніи императору, писанномъ на другой день послѣ нихъ (17-го ноября), разсказавъ о потерѣ Борисова и возлагая въ этомъ случаѣ всю вину на гр. Палена, онъ говоритъ: „я три дня сохранялъ эту позицію,—т. е. у Борисовскаго мостоваго укрѣпленія,—тогда какъ, остановленный въ своемъ движеніи, непріятель старался проникнуть со всѣхъ сторонъ, дѣлая ложныя демонстраціи въ различныхъ мѣстахъ. Наконецъ, къ концу четвертаго дня, изслѣдовавъ всѣ берега Березины, когда мы убѣдились, что онъ скорѣе направится къ югу, онъ избралъ сильную позицію въ 13-ти верстахъ отъ Борисова, по дорогѣ въ Зембинъ, гдѣ устроилъ батарею изъ 30-ти орудій. Морозъ оказалъ ему услугу при устройствѣ двухъ мостовъ, потому что мѣстность тутъ болотистая. Болото и лѣсъ по этому берегу и возвышенность на другомъ сдѣлали безполезнымъ препятствовать его переправѣ. Впрочемъ, рѣка въ этомъ мѣстѣ узка и мелка, такъ что его пѣхота была перевезена на лошадяхъ, подъ прикрытіемъ сзади устроенной на высотахъ батареи. Я полагалъ, что другія арміи прибудутъ вслѣдъ за нимъ. Дѣйствительно, въ ночь съ 15-го на 16-е ноября мы услыхали перестрѣлку сперва слѣва, потомъ справа: гр. Витгенштейнъ и Платовъ приближались. Сообщеніе между нами было открыто и я началъ нападеніе на непріятеля спереди, тогда какъ гр. Витгенштейнъ сражался съ войсками, защищавшими переправу по ту сторону рѣки. Отъ плѣнныхъ мы вскорѣ узнали, что тутъ находится самъ Наполеонъ и что его войска простираются по крайней мѣрѣ до 70-ти тысячъ, и въ томъ числѣ корпуса Удино и Виктора, не изнуренные усталостью, съ значительною артиллеріею и конницею. Гвардія императора также хорошо сохранилась. Судя по этому, я убѣдился, что съ 18-ю или 19-ю тысячами пѣхоты, которая одна могла дѣйствовать въ занимаемомъ непріятелемъ лѣсу, мнѣ не удастся сдѣлать ничего рѣшительнаго. Впрочемъ, онъ былъ отброшенъ на 4 или 5 верстъ впередъ, съ потерею одного орудія, нѣсколькихъ офицеровъ, сотни плѣнныхъ и многихъ убитыхъ, потому что, признаюсь, я приказалъ солдатамъ не обременять насъ слишкомъ плѣнными, которые намъ въ тягость". Жалуясь на то, что его армія была малочисленна и простиралась только до 30-ти тысячъ, онъ заключаетъ такъ свое донесеніе: „Сію минуту узнаю, что непріятель уходитъ; буду его преслѣдовать; можно надѣяться, что прибудутъ потомъ и всѣ другіе и непріятель отсюда до Парижа потерпитъ еще много потерь". Эти послѣднія слова можно бы принять за насмѣшку, если бы они не заключались въ донесеніи императору. Но во всякомъ случаѣ, вмѣстѣ со всѣмъ приведеннымъ разсказомъ, они служатъ доказательствомъ

изумительной легкости, съ какой относился адмиралъ къ такому важному событію, какъ переправа непріятеля черезъ Березину. Не болѣе двухъ недѣль тому назадъ, онъ получилъ рескриптъ императора, въ которомъ, подтверждая прежній планъ дѣйствій всѣхъ армій при Березинѣ и указывая на то, какъ важно не выпустить Наполеона изъ нашихъ предѣловъ, императоръ говорилъ: „подумайте, какъ различны будутъ послѣдствія, если Наполеонъ перейдетъ наши границы и составитъ новую армію". Въ своемъ донесеніи, адмиралъ обходитъ молчаніемъ какъ этотъ рескриптъ императора, такъ и тѣ его наставленія, которыя привезъ полковникъ Чернышевъ, и утѣшается тѣмъ, что, на пути до Парижа, Наполеонъ понесетъ еще много потерь, какъ будто на этомъ пути мы могли дѣйствовать такъ же какъ въ Московской, Смоленской и даже Литовскихъ губерніяхъ, и забывая о нерѣшительной политикѣ Пруссіи, коварной Австріи и Рейнскомъ союзѣ, покорномъ волѣ своего верховнаго покровителя. Сверхъ того, это донесеніе императору замѣчательно и въ другихъ отношеніяхъ, потому что совершенно несогласно съ сочиненными имъ въ послѣдствіи Записками. Онъ могъ, конечно, не имѣть точныхъ свѣдѣній объ войскахъ непріятеля и увеличивать ихъ количество; но едва ли онъ долженъ былъ говорить, что, предпринявъ преслѣдованіе непріятеля, бѣжавшаго къ Зембину, онъ надѣется, что подойдутъ и другія войска, когда 16-го ноября къ вечеру прибыли уже въ Стаховъ графъ Платовъ и Ермоловъ и за ними слѣдовали ихъ войска. Въ этомъ донесеніи онъ не говоритъ, что, будто бы исполняя предписаніе кн. Кутузова, онъ двинулся къ Шабашевичамъ и будто бы гр. Витгенштейнъ четырьмя часами позднѣе, нежели было условлено, напалъ на Виктора, какъ писалъ въ послѣдствіи въ своихъ Запискахъ, оправдываясь отъ упрековъ, которыми осыпали его въ Россіи, и какъ повторяли нѣкоторые изъ французовъ-писателей, основываясь на его показаніяхъ [1]). Что касается до приказанія кн. Кутузова, то даже въ его Запискахъ нельзя не замѣтить противорѣчія. „Флигель-адъютантъ Михаилъ Орловъ,—говоритъ онъ,—пріѣхалъ ко мнѣ во время этихъ переговоровъ (т. е. 15-го ноября вечеромъ, съ Платовымъ и гр. Витгенштейномъ о нападеніи на непріятеля на слѣдующій день). Кутузовъ послалъ его съ отрядомъ казаковъ, чтобы узнать, наконецъ, гдѣ я нахожусь, что̀ казалось ему необходимымъ прежде, нежели приблизиться къ Борисову. Я съ неудовольствіемъ узналъ, что фельдмаршалъ на-

---

[1]) Г. Воданкуръ, Rélation impartiale du passage de la Beresina; его же, Memoires pour servir à l'histoire etc., т. II, стр. 308. Шапюи, Beresina, стр. 105—110.

ходится въ шести переходахъ отъ меня и отъ непріятеля". Если Орловъ привезъ ему предписаніе кн. Кутузова въ то время, когда подошелъ къ Борисову гр. Платовъ и гр. Витгенштейнъ—къ Старому Борисову, то это былъ къ вечеру 15-го ноября, т. е. послѣ того, какъ адмиралъ уже возвратился отъ Шабашевичей. Поэтому онъ, очевидно, предпринялъ это движеніе по собственному усмотрѣнію, а не исполняя предписанія кн. Кутузова, который вовсе не предписывалъ ему такого движенія, но совѣтовалъ наблюдать партизанскими отрядами броды близъ Ухолоды. „Какъ могъ подумать адмиралъ,—говоритъ гр. Ламбертъ,—чтобы непріятель перемѣнилъ намѣреніе и удалился бы отъ Студянки, гдѣ мѣстность представляла ему всѣ выгоды для переправы черезъ Березину. Однакоже, онъ оставляетъ Борисовъ и двигается съ 12-го на 13-е ноября къ Шабашевичамъ, тогда какъ, прикрываясь лѣсами, подъ Стаховымъ, онъ могъ удобно предпринять всѣ мѣры къ тому, чтобы напасть на передовыя войска непріятеля, лишь только они перешли бы Березину. Какъ бы онъ былъ пораженъ, когда его встрѣтили бы готовыя къ бою колонны, которыя могли бы его отбросить назадъ къ Березинѣ или въ болота, простиравшіяся по ея берегу". Не придавая значенія приготовленіямъ непріятеля къ переправѣ при Студянкѣ, адмиралъ не обратилъ вниманія на Зембинъ, на который особенно указывалъ ему фельдмаршалъ. Это послѣднее предписаніе онъ намѣревался привесть въ исполненіе, но въ то время, когда уже было поздно.

По выступленіи адмирала изъ-подъ Борисова къ Стахову, въ Борисовъ прибылъ съ отрядомъ Ермоловъ. Гр. Платовъ сообщилъ ему желаніе адмирала, чтобы онъ соединился съ нимъ. „Я приступилъ немедленно,—разсказываетъ Ермоловъ,—къ устройству переправы черезъ Березину и ея протоки. Сдѣланы были временные мосты, ихъ настилали соломою, поливали водою, скрѣпляемою морозомъ. Безъ затрудненія перешла пѣхота; артиллерія и зарядные ящики были перевезены не безъ опасности. Особенная способность и ловкость казаковъ отвратили всѣ препятствія. Отыскали броды, два кирасирскіе полка переправились безъ потери времени. Въ позднее время ночи, съ 16-го на 17-е ноября, атаманъ съ войсками присоединился къ арміи адмирала". Рано утромъ 17-го числа, Ермоловъ явился къ Чичагову, который принялъ его благосклонно и объяснилъ свой образъ дѣйствій. Онъ предлагалъ атаману Платову послать отрядъ казаковъ вверхъ по рѣчкѣ Гойнѣ, чтобы, переправясь черезъ нее, разрушить мосты и гати въ Зембинскомъ дефиле. Это распоряженіе дѣлалось въ то время, когда послѣднія войска маршала Виктора переходили черезъ мосты и подвигались вслѣдъ за другими, которыя прошли уже Зембинъ, а

императоръ Наполеонъ ѣхалъ уже въ Каменъ. „Я осмѣлился представить адмиралу мои мысли,—говоритъ Ермоловъ.—Если бы Наполеонъ встрѣтилъ невозможность идти на мѣстечко Зембинъ, то ему оставалось единственное средство овладѣть дорогою на Минскъ, гдѣ, при изобильныхъ всякаго рода запасахъ, которыми снабжается ваша армія и всѣ прочія войска, можетъ доставить своей арміи отдохновеніе, призвать изъ Литвы подкрѣпленія и возстановить въ ней порядокъ. Адмиралъ отвѣчалъ мнѣ, что, защищая Зембинскую дорогу, онъ исполняетъ въ точности повелѣніе фельдмаршала“ [1]).

Въ то время, когда происходилъ этотъ разговоръ, послѣднія войска Наполеона перешли Березину и подвигались къ Зембину. Маршалъ Викторъ всю ночь оставался на своихъ позиціяхъ на высотахъ Студянки, чтобы дать возможность, по свидѣтельству французовъ, наибольшему числу столпившихся у мостовъ безоружныхъ и отсталыхъ перебраться съ ихъ обозами на другой берегъ. Но возникшій при этомъ безпорядокъ былъ причиною того, что онъ не достигъ этой цѣли. Въ продолженіе дня все бросилось къ мостамъ; а потомъ, къ ночи, когда прекратилось сраженіе и близость пушечныхъ выстрѣловъ не тревожила ихъ болѣе, эти толпы несчастныхъ, и такъ уже утомленныя, и истощенныя голодомъ, и коченѣвшія отъ стужи, кое-какъ пріютились на ночлегъ у огней; ихъ никакими уже способами нельзя было принудить продолжать переправу на другой берегъ рѣки. Но и тѣ, сравнительно не многіе, которые сохранили больше силы и рѣшились перебраться чрезъ мостъ, въ темнотѣ ночи только тѣснили одни другихъ; обозы путались, сталкивались одни съ другими и падали въ рѣку. Передъ разсвѣтомъ, исполняя предписаніе императора Наполеона, маршалъ Викторъ рѣшился переправить свои войска на другую сторону рѣки до разсвѣта, не дожидаясь новаго нападенія со стороны гр. Витгенштейна. Получивъ рѣзкій выговоръ за свои нерѣшительныя будто бы дѣйствія противъ неважнаго, по мнѣнію императора Наполеона, противника, онъ желалъ выказать свою дѣятельность въ самое трудное время и достигъ своей цѣли, удержавъ нападенія передовыхъ войскъ гр. Витгенштейна и сохранивъ выгодное положеніе, которое занималъ, и тѣмъ оказалъ дѣйствительную помощь спасавшимъ свое существованіе остаткамъ великой арміи.

А. Н. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Записки, т. I, стр. 264—265.

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГРАНОВСКІЙ.

Воспоминаніе В. В. Селиванова.

Я узналъ Грановскаго въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ Москвѣ, въ пансіонѣ для благородныхъ дѣтей мужскаго пола коллежскаго совѣтника доктора Ѳедора Кистера—какъ значилось это на вывѣскѣ, выставленной на стѣнѣ занимаемаго пансіономъ дома. Не помню въ какомъ домѣ помѣщался нашъ пансіонъ, когда привезли Грановскаго. Въ началѣ 1826 года пансіонъ занималъ еще домъ Лобанова-Ростовскаго, гдѣ потомъ было механическое заведеніе братьевъ Бутенопъ; въ томъ же году, осенью, пансіонъ перебрался въ домъ, что̀ противъ церкви Николы Мясницкаго[1]). Весною 1827 г., возвратившись изъ деревни послѣ Святой недѣли, я нашелъ пансіонъ нашъ переселившимся на Моховую въ домъ Гусятникова, что̀ нынѣ (въ 1858 г.) противъ Экзерциргауза, на углу Воздвиженки; а 1828 года лѣтомъ, во время вакаціи, послѣдовало новое переселеніе пансіона: съ Моховой на Большую Дмитріевку, въ домъ бывшій Салтыкова, въ послѣдствіи занимаемый купеческимъ клубомъ.

Болѣе 30-ти лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, и потому я не могу опредѣлительно сказать, въ какомъ изъ домовъ въ первый разъ узналъ я Грановскаго; но какъ теперь помню его идущаго дорожкою въ саду, бывшему при домѣ Гусятникова, и съ энергіей юности упрекавшаго надзирателя-француза, шедшаго съ нами, въ суровомъ обращеніи съ учениками: «on ne vous aime pas

[1]) Нынѣ домъ этотъ принадлежитъ почтовому вѣдомству.

parce que vous étes trop sévère avec les écoliers»; это было говорено въ маѣ или іюнѣ 1827 года передъ лѣтней вакаціей, и потому изъ этого воспоминанія я полагаю, что Грановскаго привезли въ Москву не задолго до помѣщенія пансіона въ домъ Гусятникова. Надзиратель, котораго поучалъ Грановскій, имѣлъ похвальную привычку, въ рапортичкахъ, подаваемыхъ Кистеру по субботамъ, отмѣчать почти поголовно всѣхъ учениковъ въ дурномъ поведеніи, и потому, въ первую же субботу послѣ разговора въ саду, въ спискѣ замѣченныхъ въ дурномъ поведеніи значился и Грановскій. Прилежаніе и благородное поведеніе Грановскаго, при веселости, никогда не доходившей до шалостей пошлыхъ, были извѣстны всѣмъ ученикамъ. Грановскій составлялъ между товарищами авторитетъ нравственности безукоризненной; и когда нѣкоторымъ изъ шалуновъ, по утру въ субботу, удалось подсмотрѣть приготовленный надзирателемъ и на минуту оставленный имъ случайно на столѣ списокъ, то, увидѣвъ въ немъ имя Грановскаго, повѣстили эту радостную вѣсть по всему пансіону. Всѣ, въ особенности шалуны, дѣйствительно дававшіе въ продолженіе недѣли волю своему отроческому разгулу, были убѣждены, что списокъ, въ который они внесены заурядъ съ именемъ Грановскаго, Кистеръ разорветъ непремѣнно, и угрожающая опасность быть неотпущенными изъ пансіона минуетъ виновныя головы. Такъ и случилось. Когда въ 12 часовъ, по окончаніи утреннихъ классовъ, имѣвшіе родителей и родныхъ въ Москвѣ бросились проситься домой, Кистеръ, взявъ у надзирателя списокъ, сказалъ: «allons, enfants; il faut voir peut-on encore vous laisser», и пошелъ, въ сопровожденіи просителей, въ залу, куда сбѣжались и другіе ученики.

Кистеръ, съ веселымъ на этотъ разъ и добродушнымъ лицомъ, сѣвъ на стулъ посреди залы, вынулъ изъ кармана очки и, смотря изъ-подлобья на окружавшую его толпу, началъ медленно надѣвать ихъ на носъ.

Нетерпѣливое волненіе отражалось на всѣхъ лицахъ; надзиратель-французъ стоялъ съ сіяющимъ лицомъ. Надѣвши очки, Кистеръ такъ же медленно развернулъ списокъ, составленный на цѣломъ листѣ бумаги, сложенномъ вчетверо, развернулъ, и снова, прежде нежели началъ читать, посмотрѣлъ на всѣхъ изъ-подлобья, но уже въ очки. Потомъ взялъ списокъ и лицо его, до этой минуты

веселое, подернулось выраженіемъ сильнаго неудовольствія. Лобъ съежился, брови нависли на глаза. Онъ вскочилъ со стула, изорвалъ списокъ въ мелкіе куски, проговорилъ съ досадой обыкновенную свою поговорку: «этыва, право, ей Богу».... и, проходя мимо совсѣмъ растерявшагося надзирателя, сказалъ ему вполголоса:

— «Vous ne savez pas vous même, comment faut-il se conduire avec les écoliers»...

Потомъ, дойдя до двери, еще разъ обернулся къ ученикамъ и, сказавъ: «Enfants! allez à la maison—qui le voudra», вышелъ изъ залы.

Вскорѣ послѣ этого надзиратель былъ расчитанъ. Въ спискѣ, имъ поданномъ, имя Грановскаго стояло первымъ: ученики не ошиблись; вмѣстѣ со многими и я радовался счастливому для насъ исходу дѣла—по милости Грановскаго.

Въ памяти моей Грановскій какъ будто начинаетъ жить съ описанной мною прогулки въ пансіонскомъ саду. Это былъ ясный и теплый майскій вечеръ... Часъ десятый. Большое каштановое дерево, росшее посрединѣ пушистой зеленой лужайки, было покрыто цвѣтами. Цвѣты на рабаткахъ и сирень наполняли воздухъ ароматомъ. Шумъ отъ колесъ экипажей по Моховой и по Воздвиженкѣ постепенно рѣдѣлъ; набѣгавшіеся ученики шли домой, въ саду становилось пусто. Вдругъ двое учениковъ, одинъ кучеромъ, а другой лошадкой, завозженной веревочкой, въ курточкахъ и башмакахъ, съ пылавшими отъ бѣганья лицами, еще пронеслись по открытой дорожкѣ и скрылись въ аллеѣ изъ акацій, Мнѣ было тогда лѣтъ 15; Грановскій былъ старѣе меня, какъ я полагаю, годами двумя, но ростомъ онъ уже былъ высокъ и тонокъ. Вообще онъ былъ худощавъ, такъ что руки и ноги казались длинными. Щеки имѣлъ нѣсколько впалыя, при разговорѣ быстро оживляемыя румянцемъ; глаза живые, а темные и не коротко остриженные волосы бывали тщательно причесаны. На верхней губѣ чернѣлся пухъ, оттѣнявшійся подобно усамъ. Надъ черными широкими и сросшимися бровями какъ будто витала дума; на губахъ же, если только не говорилъ чего серьезнаго, или не училъ урокъ, постоянно сіяла юношеская улыбка. Я былъ степеннѣе другихъ учениковъ моего возраста, и хотя однимъ классомъ учился ниже Грановскаго, но по возрасту почиталъ себя въ

правѣ быть его товарищемъ и высказывать свои мнѣнія о поэзіи и литературѣ, какъ предметахъ, по тогдашнимъ понятіямъ нашимъ, единственно достойныхъ занятія людей съ высшимъ развитіемъ въ той небольшой средѣ мыслящихъ учениковъ, въ которой обращался Грановскій.

Впрочемъ, нѣкоторые предметы и однихъ учителей я слушалъ въ высшемъ классѣ вмѣстѣ съ Грановскимъ. Эти предметы были: исторія всемірная, проходившаяся по Шреку, географія, по Каменецкому и русская исторія—по книгѣ, изданной для народныхъ училищъ. Исторію русскую, всемірную и географію, по руководствамъ этимъ, преподавалъ экстраординарный профессоръ Московскаго Императорскаго университета, Николай Андреевичъ Бекетовъ [1]). Какъ руководства, такъ и система Николая Андреевича, достойны того, чтобы поговорить о нихъ. Не знаю, удовлетворяла ли исторія Шрека потребностямъ низшихъ учебныхъ заведеній въ Германіи въ то время, когда русскій переводчикъ, кажется, Константиновъ, познакомилъ съ твореніемъ Шрека русское юношество, но въ настоящее время можно сказать положительно, что, при всемъ недостаткѣ нашей педагогической литературы, оно очень плохо. Въ географіи Каменецкаго можно было узнать и о моряхъ, и о рѣкахъ, и о городахъ, но все изложенное сухо и безцвѣтно; и для того, чтобы усвоить себѣ географическія познанія, нужно было имѣть много памяти и упорнаго терпѣнія—учить. Объ «Исторіи россійской», для народныхъ училищъ, еще менѣе можно сказать: эта небольшая книжечка въ 8-ю долю листа, скверно и на скверной бумагѣ напечатанная, не могла дать никакого понятія объ исторіи Россіи. Правда, въ ней по порядку излагались дѣянія князей—Рюрика, Олега, Святослава, Владиміра; но такъ коротко, что исторія каждаго изъ нихъ ограничивалась много если двумя печатными страничками. Еслибъ мы въ свободное время не читали «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, какъ произведенія въ высшей степени литературнаго, т. е. еслибы не находили наслажденія въ чтеніи творенія Карамзина, учебникъ нашъ не помогъ бы намъ не только заглянуть за завѣсу вѣковъ, но и не показалъ бы возможности, какъ приступить къ этому.

[1]) Въ домѣ Салтыкова его, въ послѣдствіи, замѣнилъ Николай Васильевичъ Савельевъ, служившій учителемъ при Екатерининскомъ институтѣ.

Система преподаванія какъ географіи, такъ и исторіи, была несравненно оригинальнѣе руководствъ. Николай Андреевичъ Бекетовъ являлся въ классъ, всегда почти опаздывая получасомъ, а иногда и болѣе. При входѣ въ дверь класса, всѣ ученики встрѣчали его привѣтствіемъ: «Здравствуйте, г-нъ профессоръ!» что онъ очень любилъ; потомъ отдавалъ шляпу и палку кому нибудь изъ встрѣчавшихъ его учениковъ, и тотъ, принимая съ подобострастіемъ эти регаліи, относилъ и складывалъ ихъ на окошко. Николай Андреевичъ былъ видный, здоровый и дебелый мужчина. На лицѣ его всегда изображалась спокойная самоувѣренность, и хотя въ движеніяхъ былъ довольно развязенъ, но развязность эта была груба и неразборчива. Соревнованіе и подобострастіе въ принятіи отъ него шляпы и палки происходили не отъ уваженія къ его личности, а отъ желанія этимъ знакомъ уваженія задобрить его въ свою пользу, на случай незнанія урока, что почти всегда оказывалось напрасною надеждою. Взойдя на каѳедру и сѣвъ на стулъ, онъ закладывалъ обѣ руки на голову, и, упершись колѣнками въ столъ, начиналъ качаться на стулѣ. Веселая безпечность его сообщала веселость всему классу, и хотя многіе ожидали неизбѣжной таски, но всѣ готовы были смѣяться отъ души.

— «Ну-ка, Г.....въ, что новаго у васъ по полиціи? Сказывай»,— спрашивалъ Николай Андреевичъ ученика Г.....ва, сидѣвшаго на первой лавкѣ.

Г.....въ былъ сынъ частнаго пристава С....й части—и такъ какъ онъ былъ полупансіонеръ, то всегда имѣлъ возможность замѣнить собою для Николая Андреевича, тогда еще не существовавшій, полицейскій листокъ. Вопросъ Николая Андреевича давалъ Г.....ву поводъ занять его разсказомъ о случившемся воровствѣ, о смертоубійствѣ, о найденномъ трупѣ или пожарѣ, и разсказы эти продолжались нерѣдко добрыхъ полчаса. Послѣ чего Николай Андреевичъ говорилъ: «довольно» и начиналъ вызывать къ каѳедрѣ учениковъ—для спроса уроковъ—цѣлыми лавками.

— «Ей вы, шестеро изъ бочки!»—крикнетъ бывало онъ, не переставая покачиваться на стулѣ съ заложенными на голову руками; и шестеро самыхъ плохихъ учениковъ подходили къ нему съ послѣдней лавки. На вопросъ его, производившійся обыкновенно по книжкѣ, они поднимали глаза къ потолку и молчали.

— «Мужи галлилейскіе,—восклицалъ тутъ г-нъ профессоръ,—что вы стоите зряще на небо, преклоньте колѣна!»

— «Поближе, поближе къ каѳедрѣ, къ каѳедрѣ-то поближе»,—говоритъ онъ становящимся на колѣна, и становилъ ихъ такъ, чтобъ можно было достать рукою до волосъ виновныхъ. Послѣ этого выкликалъ «четверыхъ изъ бочки», сидѣвшихъ на предпослѣдней скамейкѣ; тѣ сначала отвѣчали кое-что, но подъ конецъ и къ нимъ примѣнялось названіе галлилейскихъ мужей и они становились, какъ и первые, на колѣна возлѣ каѳедры.

За этими слѣдовала третья лавка; и пока онъ спрашивалъ урокъ у вновь подошедшихъ, ради занятія, съ самымъ веселымъ лицомъ, щипалъ стоящихъ на колѣняхъ за волосы, по его словамъ—какъ куръ щиплютъ, приговаривая при этомъ: «полудурье, дуракъ, скаатина!..» На каѳедрѣ его всегда лежала костяная указка, употребляемая обыкновенно при изученіи букварей, и имѣвшая подобіе пѣтуха. Она замѣчательна тѣмъ, что пріобрѣтена для класса Бекетова иждивеніемъ учениковъ; и когда разъ одна указка куда-то пропала или изломалась, ученики немедленно замѣнили её новою. Этою указкою или пѣтухомъ, если г-нъ профессоръ не щипалъ волосъ, то долбилъ по головамъ или хлопалъ по ладонямъ, отъ чего начинался страшный визгъ и пискъ. Самъ же онъ хохоталъ, и за нимъ весь классъ хохоталъ; и что страннѣе всего—что вслѣдъ за визгомъ, или вмѣстѣ съ визгомъ, и нерѣдко сквозь слезы, хохотали и тѣ, которыхъ онъ долбилъ и щипалъ.

Въ этихъ занятіяхъ проходилъ весь классъ, и для 1-й лавки, на которой, въ числѣ прочихъ, сидѣлъ Грановскій, для спроса урока оставалось очень немного минутъ. Передъ концомъ урока, Бекетовъ посылалъ одного изъ учениковъ къ Кистеру за двугривеннымъ на извощика, какъ говорилъ онъ: «за прогонами»; потомъ, задавъ урокъ, т. е. отворотивъ, почти несмотря, полкниги, бралъ шляпу и палку и, напутствуемый восклицаніями учениковъ: «прощайте, г-нъ профессоръ!», выходилъ изъ класса.

Никакого толкованія, никакого изустнаго объясненія—ни даже разговора объ исторіи, какъ предметѣ занятія, мы не слыхали въ классѣ; чтобъ преподавать такъ, какъ преподавалъ Бекетовъ, не нужно было быть профессоромъ. Безсмысленно задать урокъ, безсмысленно спросить его, и, въ случаѣ незнанія, отколотить—

могъ бы и приходскій дьячекъ; но не смотря на эту, болѣе нежели жалкую, методу преподаванія, Грановскій учился хорошо— и уже въ то время замѣтна была въ немъ любовь къ исторіи.

Кто бы, впрочемъ, могъ тогда думать, что изъ класса Бекетова на исторической каѳедрѣ Московскаго университета появится современемъ знаменитый профессоръ!

Кромѣ исторіи и географіи, общимъ классомъ для меня съ Грановскимъ былъ классъ русской словесности. Предметами преподаванія были риторика и поэзія. Преподавателемъ же былъ Петръ (sic) Ѳедоровичъ Калайдовичъ. Для заучиванія на память предметовъ его преподаванія, служили двѣ рукописныя тоненькія тетрадки, и хотя онѣ были переписаны у всѣхъ и каждый разъ приносились въ классы, но уроковъ Калайдовичъ никогда не задавалъ и не спрашивалъ.

Всякій воленъ былъ заучать и не заучать на память этихъ тетрадокъ; Петру же Ѳедоровичу не было нужды до этого: онъ имѣлъ дѣло съ юношами уже взрослыми, которые сами должны были заботиться о своей пользѣ.

Преподаваніе его ограничивалось задаваніемъ небольшихъ сочиненій, а часто и переводовъ изъ французской хрестоматіи, которые онъ исправлялъ—указывая на ошибки противъ языка, грамматики или на неправильность слога. Потомъ онъ читалъ стихотворенія лучшихъ нашихъ поэтовъ минувшаго и настоящаго времени, или, какъ тогда подраздѣляли, на поэтовъ классическихъ и романтическихъ, читалъ увлекательно, разъяснялъ красоты читаемыхъ произведеній и объяснялъ направленіе и духъ школъ.

Изъ класса Калайдовича хотя мы выходили не умнѣе и немного ученѣе, чѣмъ приходили, но за то выходили бодрѣе духомъ, проникнутые прелестью поэзіи, съ сознаніемъ человѣческаго достоинства, и потому Петра Ѳедоровича очень любили.

Двадцатые годы были золотымъ вѣкомъ русской поэзіи. Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій, Дельвигъ, Крыловъ и многіе другіе замѣчательные поэты, какъ, напримѣръ: Вяземскій, Глинка, Языковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе, составляли благородную фалангу писателей, призывавшихъ всѣхъ и каждаго отрѣшиться отъ пошлости существеннаго и нестися вмѣстѣ съ ними въ міръ поэзіи, въ страну незримую, но исполненную всего высокаго и прекраснаго.

Литература вообще и поэзія въ особенности составляли предметъ общественныхъ разговоровъ.

Въ кругу молодыхъ дамъ и дѣвицъ молодые люди читали, напамять, или изъ принесенной тетрадки или альманаха,—новое какое нибудь стихотвореніе. Строфы Пушкина витали постоянно на устахъ молодыхъ людей и дѣвицъ, стихотворенія всѣхъ поэтовъ старыхъ и новыхъ переписывались и списывались всѣми, и кипы тетрадей, наполненныхъ стихотвореніями, составляли существенную принадлежность каждаго кабинета и каждаго щегольскаго будуара свѣтской дамы (разумѣется, умѣвшей читать по русски), и скромной спальни деревенской барышни Татьяны.

Написать какое нибудь стихотвореніе, маленькую элегію или микроскопическое посланіе, или акростихъ, чтобъ имѣть право называться поэтомъ хотя въ своемъ муравейникѣ, было исходной точкой стремленій всей просвѣщенной молодежи. Писать прозой никто не чувствовалъ призванія, всякій хотѣлъ писать стихи.

Увлеченный духомъ времени,—впрочемъ, прекраснаго, хотя далеко не практическаго, какъ теперь, Тимофей Николаевичъ Грановскій созналъ въ себѣ поэта—или, лучше сказать, стихотворцемъ, достойнымъ названія поэта, признали его мы, его товарищи. Плоды его вдохновенія читались съ увлеченіемъ, и такова была похвала молодому поэту, что, мы, сравнивая его стихотворенія съ твореніями князя Шаликова, находили, что талантъ его не ниже. Эти взгляды и приговоры теперь смѣшны; но тогда мы были и молоды и зелены; мы не понимали призванія Грановскаго.

Кромѣ его, стихотворствомъ занимался еще ученикъ Б.....ъ; кто-то и еще подвизался писать стихами или прозою—не помню, только занятія эти дали поводъ къ образованію литературныхъ вечеровъ. Способствовавшимъ къ этому былъ магистръ Московскаго университета Гавриловъ, занимавшій у насъ въ пансіонѣ комнату и обѣдавшій съ нами за однимъ столомъ. Кажется, если не ошибаюсь, онъ платилъ Кистеру за столъ и квартиру,—но какъ мнѣ помнится, уроковъ не давалъ. Вообще отъ учениковъ онъ держалъ себя очень далеко.

Несмотря на это, онъ настроилъ Кистера завести ученическіе литературные вечера; объяснилъ ученикамъ цѣль и значеніе такихъ вечеровъ, и тѣмъ возбудилъ въ нихъ сильное жела-

ніе, чтобъ вечера эти дѣйствительно состоялись. Кистеръ же былъ доволенъ тѣмъ, что литературные вечера въ его пансіонѣ должны были произвести въ публикѣ полезный для заведенія эффектъ.

Въ одинъ прекрасный зимній вечеръ, въ половинѣ 7-го часа, въ танцовальной залѣ дома Салтыкова былъ поставленъ большой продолговатый столъ, покрытый зеленымъ коленкоромъ. Въ одномъ изъ узкихъ концовъ стола, облеченный званіемъ президента, сидѣлъ Грановскій; по сторонамъ стола сѣли члены литературнаго общества, человѣкъ до шести или до восьми. Изъ числа этихъ членовъ я помню только трехъ: Б...на, С.....ва и Пу...ту. На столѣ поставлены были двѣ бронзовыя чернильницы, а передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ положенъ былъ листъ бѣлой бумаги и неочиненное перо. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другаго конца стола, на поставленныхъ полукруженмъ креслахъ, сѣли Кистеръ, Калайдовичъ, Гавриловъ и еще, не помню хорошенько—Куртенеръ или Пельтъ, и князь Шаликовъ, знаменитый издатель «Дамскаго журнала» и долгое время бывшій редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ то время въ пансіонѣ нашемъ учился сынъ кн. Шаликова, въ ожиданіи поступленія въ кадетскій корпусъ; для Кистера же сближеніе съ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дамскаго журнала» было интересно: черезъ него можно было такъ, стороною, косвеннымъ образомъ, довести до свѣдѣнія публики о замѣчательномъ экзаменѣ въ заведеніи такого-то, объ отческой заботливости содержателя пансіона, о необыкновенныхъ успѣхахъ учениковъ и даже о литературныхъ вечерахъ.

Вслѣдъ за посѣтителями впустили и насъ, всѣхъ остальныхъ учениковъ, и мы сѣли на диванахъ, окружавшихъ залу.

Вечеръ открылся рѣчью Грановскаго. Что было сказано въ этой рѣчи, и для чего она была сказана, я рѣшительно не припомню. Послѣ этой рѣчи принесли на подносѣ чай въ чашкахъ, подали его сначала посѣтителямъ, а потомъ и литераторамъ; намъ же, ученикамъ, по обыкновенію, чай поданъ былъ въ кружкахъ. Во время чая посѣтители разсуждали о достоинствѣ рѣчи; литераторы сидѣли молча. Послѣ чая Б...нъ прочелъ стихотвореніе Грановскаго,—прочелъ со всѣмъ жаромъ юности, и возбудилъ общее удовольствіе. Грановскій, за слабостію груди, не читалъ самъ своихъ стиховъ, вѣроятно, увѣренный вполнѣ, что пылкій Б....ъ прочтетъ его стихотвореніе лучше, нежели бы онъ про-

челъ его самъ. Во все продолженіе чтенія и въ остальное время вечера, Грановскій сидѣлъ прямо, неподвижно, какъ будто, что̀ называется, аршинъ проглотилъ; но помню и какъ теперь вижу умное и кроткое выраженіе его худощаваго лица, оттѣненнаго темными волосами. Послѣ стиховъ Грановскаго, Б....ъ читалъ свои стихи; тамъ кто-то читалъ прозу, и наконецъ дѣло, за неимѣніемъ матеріала для чтенія, должно было кончиться; разсуждать же нашимъ литераторамъ было не о чемъ. Дѣйствительная жизнь, безъ которой все мертво и безсознательно, едва только начинала касаться ихъ, да и то прикосновеніе это было еще такъ нѣжно, обаятельно, что не затрудняясь можно его сравнить съ первымъ поцѣлуемъ любви—подъ вліяніемъ котораго ни мыслить, ни говорить не хочется... Конечно, міръ фантазіи и надеждъ внушалъ намъ многое, что̀ нерѣдко высказывалось въ дружескомъ кругу, и когда дорывались мы до чтенія произведеній тогдашней литературы и журналистики, то не рѣдко подвергали все читанное своему критическому разбору, а вслѣдствіе этого возникали и литературные споры; но все это производилось случайно, домашнимъ образомъ, въ надеждѣ, что все, что ни соврешь—все сойдетъ. Быть же на выставкѣ передъ почтенной публикой, и разсуждать какъ по заказу—дѣло совсѣмъ другое: быть профаномъ никому не хотѣлось. Впрочемъ, Гавриловъ предвидѣлъ это, и потому, обратясь къ Грановскому, сказалъ: «Нѣтъ ли у васъ какого вопроса, требующаго обсужденія и разрѣшенія ученымъ образомъ? Ну, чего нибудь такого, о чемъ еще говорено не было. Предложите подобный вопросъ».

Гавриловъ заранѣе уже приготовилъ вопросъ, который долженъ былъ предложить предсѣдатель, и Грановскій предложилъ его. Вопросъ заключался въ томъ, какое различіе имѣютъ слова: литература и словесность?

Члены-литераторы продолжали молчать, но объясненіемъ вопроса занялись посѣтители. Всѣ они говорили и толковали. Болѣе всѣхъ говорилъ Гавриловъ, заранѣе приготовленный къ предвидѣнному спору. Кистеръ началъ было сперва разсуждать по русски: «этыва, этыва, право, ей Богу»... но, видя несостоятельность свою въ русскомъ языкѣ, разгорячился и заспорилъ по нѣмецки.

Не знаю чѣмъ кончился ученый диспутъ, только, какъ мнѣ

помнится, стихотворенія, читанныя на литературномъ вечерѣ, были напечатаны въ «Дамскомъ журналѣ».

Сознавши свое поэтическое призваніе, я тоже написалъ тогда стихотвореніе: «Вечеръ», въ подражаніе «Сельскому кладбищу» Жуковскаго, но втрое короче. Изъ всего моего созданія, остались у меня въ памяти только два послѣднихъ стиха первой строфы:

«Лишь въ отдаленіи далекомъ,
Звучатъ охотничьи рога!»

Несмотря на это «далекое отдаленіе», участники литературнаго общества, изъ которыхъ я только нѣкоторымъ, и то по секрету, рѣшился прочесть «Вечеръ», признали во мнѣ несомнѣнный, хотя еще не созрѣвшій талантъ. Грановскій взялся исправить, какъ «далекое отдаленіе», такъ и другіе недостатки моей элегіи, и обѣщалъ прочесть ее въ слѣдующій литературный вечеръ, предполагая, что вечера эти будутъ продолжаться постоянно, хотя разъ въ двѣ недѣли или въ мѣсяцъ; но ожиданія эти не сбылись: литературнымъ вечерамъ суждено было существовать одинъ только вечеръ.

Стихотвореніе мое, исправленное Грановскимъ по общесоставленному нами плану, должно было явиться на литературномъ вечерѣ, какъ присланное отъ неизвѣстнаго автора.

Въ тайнѣ сердца моего, я очень былъ недоволенъ оставаться въ неизвѣстности; но и обнаружить себя я боялся. Во первыхъ, я не былъ тогда еще формально ученикомъ высшаго класса, во вторыхъ—учился дурно; ну, какъ, помилуй Господи,—думалъ я,—Кистеръ скажетъ съ кисло-насмѣшливымъ выраженіемъ въ лицѣ: «этыва, право, ей Богу—мальшикъ ушится дурно... глюпы стихи писать» и проч. Я не могъ, при всемъ пристрастіи къ себѣ, не сознавать въ предполагаемыхъ словахъ Кистера доли правды, и потому ожидалъ, какой успѣхъ произведетъ мое стихотвореніе въ общество. При хорошемъ впечатлѣніи—я бы умѣлъ открыться.

Между 60-ю или семьюдесятью учениками разныхъ видовъ и возрастовъ, невозможно было, чтобы обходилось безъ усобицъ. Бывали ссоры, бывало и подерутся. Грановскій былъ такого возраста и такъ держалъ себя, что драться было бы для него страннымъ и нелѣпымъ, но разъ,—я какъ теперь вижу—одинъ задорливый малый и уже не маленькій, но много ниже Грановскаго ро-

стомъ, вздумалъ открытымъ единоборствомъ принудить Грановскаго къ уступкѣ и даже лѣзъ ему съ кулаками къ носу. Грановскій также вспыхнулъ, вытянулъ свои длинныя худыя руки, какъ барабанныя палки, сжалъ кулаки, и такъ какъ ростомъ былъ выше своего врага, то и забарабанилъ по немъ самымъ учащеннымъ образомъ дробь. Врагъ былъ окончательно побѣжденъ и со стыдомъ отступилъ. Еще осталось у меня въ памяти празднованіе имъ своего рожденія или имянинъ—хорошо не помню. Товарищъ его, жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, С.....въ, былъ также въ тотъ день или имянинникъ или новорожденный, и потому они положили праздновать за-одно. Грановскій принялъ на себя утреннее угощеніе, т. е. завтракъ, С.....въ—послѣобѣденное, дессертъ.

Учениковъ въ этотъ день въ пансіонѣ оставалось немного, классовъ не было, и потому я полагаю, что день былъ праздничный и чуть-ли не 9-е мая: день перенесенія мощей святителя Николая Чудотворца. Въ числѣ немногихъ приглашенныхъ участвовать въ празднествѣ былъ и я.

Утреннее угощеніе Грановскаго состояло изъ круглаго, заказнаго въ трактирѣ пирога съ фаршемъ, въ родѣ пастета; онъ самъ разрѣзалъ его на равные куски и положилъ каждому на тарелку. Было и еще что-то съѣстное и, наконецъ, завтракъ окончился бутылкою вина. Грановскій былъ веселъ, говорилъ много, и, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, вдругъ остановился, приложилъ палецъ ко лбу и сказалъ: «Господа, я вамъ сейчасъ скажу экспромтъ», и сказавъ это, снова зашагалъ по комнатѣ. Онъ обдумывалъ, мы ѣли пирогъ и ожидали экспромта. Но несмотря на указательный перстъ Грановскаго, то прикладываемый ко лбу, то къ носу, вдохновеніе не пришло, и экспромта мы не слыхали. Ожидаемый дессертъ не былъ такъ роскошенъ, какъ завтракъ: простые самые пряники, орѣхи, патока съ калачомъ, да, кажется, одна-ли, двѣ-ли бутылки меду—вотъ и все.

Дессертъ этотъ, хотя и не было высказано этого С...ву вслухъ по чувству деликатности, не понравился ни Грановскому, ни гостямъ: всѣ находили его далеко несоотвѣтствующимъ завтраку.

Въ 1829 году, я уже не возвратился съ лѣтней вакаціи въ

пансіонъ [1]). Желаніе скорѣй надѣть мундиръ, подпоясать саблю, да гарцовать на лихомъ конѣ—имѣя:

«Ківеръ звѣрски на бекрень»—

дѣлало дальнѣйшее ученіе для меня противнымъ. Вступить въ университетъ и быть студентомъ я бы не былъ прочь; но употребить для этого хотя немного упорнаго труда я не хотѣлъ, и потому въ концѣ того же года поступилъ юнкеромъ въ Казанскій драгунскій полкъ. Въ концѣ 1830 года, въ Царствѣ Польскомъ вспыхнулъ мятежъ, и я, только почти за годъ сшедшій съ школьной скамьи, очутился на дымныхъ бивуакахъ, въ удаломъ кругу веселыхъ товарищей, и мѣсяца черезъ два, по переходѣ за границу, былъ произведенъ въ офицеры. Стукъ оружія, громъ пушекъ, звукъ трубъ и бурный разгулъ, почти изгладили изъ моей памяти воспоминанія о товарищахъ пансіона: и сами они, и жизнь ихъ казались мнѣ блѣдными предъ дѣйствительными опасностями и беззаботной, мишурно-блестящей жизнію офицера-кавалериста.

Но миръ послѣ войны, однообразные смотры и ученья, шагистика и аллюры, и, главное, чтеніе и лѣта—мало по малу охладили меня ко всему тому, къ чему сначала я такъ стремился. Я началъ прислушиваться къ жизни въ другой, чуждой для насъ сферѣ, во мнѣ мало по малу пробуждалась усыпленная мысль о наукѣ, какъ о вѣрнѣйшемъ пособіи къ достиженію нравственной свободы, и наука начала возникать передъ мною высокимъ идеаломъ блага и истины. Мнѣ уже перевалило гораздо за 25 лѣтъ, когда имя Грановскаго дѣлалось извѣстнымъ всей просвѣщенной Россіи.... «Неужели это онъ, тотъ школьный товарищъ»,—думалъ я, услышавъ въ первый разъ о Грановскомъ, какъ о замѣчательномъ профессорѣ Московскаго университета... Дѣйствительно—то былъ онъ.

Выйдя въ отставку и женившись, я часто посѣщалъ Москву. Сердце мое рвалось къ Грановскому, но боязнь отнять у Грановскаго часъ времени отъ его ученыхъ занятій, недостатокъ самоувѣренности—будетъ ли мое посѣщеніе для него пріятно, боязнь, наконецъ, быть ему въ тягость, быть некстати,—меня постоянно удерживали отъ поѣздки къ нему.

---

[1]) Оставилъ ли Грановскій пансіонъ прежде меня, хорошо не помню.

Въ ту зиму, когда Призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ къ упокоенію—призвалъ и Гоголя, я зимовалъ въ Москвѣ; а въ день отпѣванія его тѣла, вмѣстѣ съ другими чтителями великаго таланта, пріѣхалъ къ обѣднѣ въ университетскую церковь. Великій писатель лежалъ въ бѣдномъ гробу; но около этого гроба была тѣснота и давка, и это желаніе—воздать послѣдній долгъ усопшему было краснорѣчивѣе самыхъ лавровъ, вѣнчавшихъ чело покойника. Я стоялъ въ правой сторонѣ церкви, прислонясь къ западной стѣнѣ. Возлѣ меня расположился незнакомый мнѣ господинъ, съ чертами лица серьезными и мрачными. «Вонъ,—сказалъ онъ мнѣ,—собрались всѣ славянофилы», и указалъ движеніемъ головы на нѣсколько лицъ, стоявшихъ у южной стѣны. Грустно мнѣ было слышать эти слова, и гдѣ же—у гроба Гоголя! Неужели и тутъ, имѣя предъ глазами живое доказательство всего преходящаго, предъ лицомъ вѣчности, можно было питать вражду за различіе взглядовъ, за различно избранные пути къ достиженію одной и той же цѣли—осуществленія истины, и тогда именно, когда одна цѣль и одна мысль собрала всѣхъ къ одному гробу. Но тутъ запало мнѣ сомнѣніе въ сердце: дѣйствительно-ли такъ, что во имя одной и той же цѣли и одной мысли собрались всѣ? Всѣ ли вѣрятъ въ покой, обѣщанный Искупителемъ для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ? не пустая ли жажда демонстрацій собрала многихъ? у всѣхъ ли въ сердцѣ молитва, за которую безсмертный духъ Гоголя сказалъ бы больше спасибо, нежели за лавры, которые его христіанская натура еще при жизни отвергала—какъ земныя игрушки. Размышляя такимъ образомъ, я до того увлекся, что во время отпѣванія окинулъ взоромъ тѣсно окружавшую гробъ толпу. Грѣшный человѣкъ! да проститъ мнѣ великая тѣнь мое увлеченіе!... Я началъ считать въ умѣ число лицъ, творившихъ крестныя знаменія о упокоеніи души усопшаго, и думалъ, что количествомъ ихъ успѣю разрѣшить возникшій въ умѣ моемъ вопросъ.

Сознаюсь, что это была фантазія болѣе нежели странная; но что же въ жизни не подчинено подобнымъ случайностямъ фантазіи?... Пока я мыслилъ и озирался во всѣ стороны, близь гроба Гоголя показался мужчина съ длинными волосами. Студенты, стоявшіе толпою, съ почтеніемъ давали ему мѣсто; онъ

оглянулся, и я въ мужественныхъ, благородныхъ чертахъ его узналъ своего пансіонскаго сотоварища Грановскаго.

При видѣ его, легкимъ, быстрымъ видѣніемъ, мгновенно въ памяти моей воскресъ другой образъ—образъ 18-ти лѣтняго юноши, съ IX томомъ «Исторіи Государства Россійскаго» въ рукахъ и съ патріотическимъ одушевленіемъ глядящаго изъ оконъ дома Гусятникова на золотые верхи кремлевскихъ соборовъ, позлащенныхъ послѣ-полуденнымъ солнцемъ, въ то время, когда стада галокъ тучами и съ крикомъ метаются и унизываютъ собою и кресты Ивана Великаго, и шпили башень, и кровли храмовъ и зданій кремлевскихъ. Другое мгновеніе представило мнѣ того же юношу стоящимъ за класснымъ столомъ между сидящими товарищами, и голосомъ, выходившимъ изъ груди, отвѣчающимъ на вопросъ законоучителя священника Арсентія Ивановича Тяжелова, изъ катихизиса; пронеслось и это мгновеніе, и снова предо мною бѣлыя зубчатыя стѣны Кремля, и зелень лужаекъ кремлевскаго сада, и молодыми липками осѣненная дорога. По темному вечернему небу плыветъ серебряная луна, и тотъ же юноша съ двумя или тремя сверстниками идетъ по дорожкѣ; иду и я съ ними, и жадно слушаю читаемые имъ вполголоса мелодическіе стихи Жуковскаго—изъ Шиллеровой «Орлеанской дѣвы». И много и свѣтлыхъ, и дѣтски-тяжелыхъ, и забавно-комическихъ мгновеній быстро смѣнялись и замѣнялись мимолетными видѣніями, а я продолжалъ смотрѣть на Грановскаго, не разставаясь съ вопросомъ, внушеннымъ мнѣ собравшеюся толпою; и когда священникъ возгласилъ «упокой Господи душу усопшаго раба Твоего!» и возгласъ этотъ повторилъ клиръ, я впился глазами въ знаменитаго профессора... И у меня отлегло какъ будто на сердцѣ, когда я увидѣлъ, что за упокой души Гоголя Грановскій перекрестился. Раздвигая толпу, я протѣснился къ нему. Онъ стоялъ въ это время у самаго гроба, куда, по обряду православныхъ, призывается всякій отдать усопшему послѣднее цѣлованіе. «Узнаете ли вы стараго товарища?»—спросилъ я, протягивая руку Грановскому. Онъ посмотрѣлъ на меня привѣтливымъ взоромъ: «Селивановъ!—сказалъ онъ,—вы Селивановъ?... что вы не повидаетесь со мною? гдѣ вы стоите?» Около гроба въ это время началось сильное движеніе: лавровый вѣнокъ разрывали на части,

и счастливъ былъ тотъ, кому удавалось воспользоваться хотя однимъ листочкомъ на память о Гоголѣ.

— Я буду у васъ, сказалъ я.

— «Пріѣзжайте».

Михайло Семеновичъ Щепкинъ накладывалъ гробовую крышку; толпа волновалась.

Въ слѣдующее воскресенье я пріѣхалъ къ Грановскому. Онъ квартировалъ въ приходѣ Харитонія-въ-Огородникахъ, и принялъ меня въ кабинетѣ, но, къ моему сожалѣнію, былъ не одинъ. Я нашелъ въ кабинетѣ двухъ или трехъ незнакомыхъ мнѣ посѣтителей и нѣсколькихъ студентовъ, обращавшихся къ Грановскому съ вопросами и съ просьбою книгъ. Занимаясь съ ними болѣе четверти часа, онъ не могъ посвятить мнѣ ни одной минуты. Наконецъ, онъ сѣлъ, припомнилъ со мною пансіонскую жизнь, поговорилъ о судьбѣ нѣкоторыхъ товарищей....

— «Намъ бы собраться когда нибудь, воспитанникамъ Кистеровскаго пансіона; я это устрою. Гдѣ вы стоите?... Я дамъ вамъ знать. Я позову К...ра, васъ, найдемъ и еще кого нибудь».

Разговоръ этотъ былъ при нѣсколькихъ, молча слушающихъ незнакомыхъ мнѣ лицахъ. Мнѣ было неловко. Я не могъ быть на распашку душою, какъ въ былое время, съ товарищемъ юности... Свидѣтели молчали; они какъ будто дожидали, чтобъ я скорѣе кончилъ, и я взялъ шляпу, и, пожавъ крѣпко руку Грановскаго, вышелъ изъ кабинета, прощаясь «до свиданія». Но свиданію этому, видно, суждено совершиться только въ будущей жизни. Дня черезъ три я долженъ былъ оставить Москву, и когда пріѣхалъ опять въ Бѣлокаменную, Грановскаго уже не было въ этомъ мірѣ.....

В. В. Селивановъ.

Примѣчаніе. Авторъ отрывка изъ „Воспоминаній“, — приведенныхъ выше,—Василій Васильевичъ Селивановъ, родился въ 1813 г. Сперва онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ Польской кампаніи 1830 года, гдѣ получилъ Георгія за храбрость, потомъ вышелъ въ отставку и около 13-ти лѣтъ прожилъ въ деревнѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Къ этому времени, съ 1843 по 1857 г., относятся его труды по археологіи, а также лучшія изъ напечатанныхъ имъ сочиненій. Его превосходные, по исполненію, рисунки рязанскихъ древностей, изъ коихъ изданъ только одинъ (образъ Николая

Чудотворца Зарайскаго), въ 1856 г., обратили на себя вниманіе многихъ любителей старины. Изъ сочиненій заслуживаютъ вниманіе: „Годъ русскаго земледѣльца“, „День помѣщика“ и др., напечатанныя въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856—1857 гг. Въ 1857 г. В. В. Селивановъ поступилъ на службу въ палату государственныхъ имуществъ, гдѣ пробылъ до 1859 г., затѣмъ служилъ около 9-ти лѣтъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ. Послѣдніе года онъ опять поселился въ своемъ Зарайскомъ имѣніи и посвятилъ себя земской дѣятельности: былъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, предсѣдателемъ училищнаго совѣта и, наконецъ, непремѣннымъ членомъ уѣзднаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Будучи губернскимъ гласнымъ, В. В. Селивановъ поднялъ нѣсколько важныхъ вопросовъ. Онъ, между прочимъ, первый заговорилъ о необходимости уничтоженія института мировыхъ посредниковъ, о средствахъ къ ограниченію пьянства и семейныхъ раздѣловъ, и въ особенности настойчиво, но безъуспѣшно, хлопоталъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній между крестьянами. Къ сожалѣнію, ни рѣчи его, ни замѣчательныя пренія въ Рязанскомъ земскомъ собраніи по этому вопросу, по распоряженію губернатора, не были напечатаны въ Журналѣ земскаго собранія. В. В. Селивановъ скончался въ 1875 г., отъ разрыва сердца, оплакиваемый крестьянами и всѣми его знакомыми.

Сообщеніемъ отрывка изъ помѣщенныхъ выше „Воспоминаній В. В. Селиванова“ ред. „Русской Старины“ обязана его сыну Алексѣю Васильевичу Селиванову.

А.

Распоряженіе о паспортахъ иностранцевъ въ Ярославлѣ 1801 г.

Въ Ярославское губернское правленіе отъ губернскаго прокурора Бранта. Небезъизвѣстно губернскому правленію, что въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ Ярославлѣ стекается, какъ по торговымъ, такъ и по другимъ разнымъ промысламъ, нарочитое количество иностранцевъ никакого чина неимѣющихъ. Соображая пребываніе такого роду людей съ даннымъ мнѣ отъ господина генералъ-прокурора по сему предмету секретнымъ наставленіемъ, должностію побуждаюсь: предложить губернскому правленію, не благоволитъ-ли оное, для избѣжанія дальнихъ переписокъ предписать, единожды навсегда, здѣшней градской полиціи, дабы она, по требованіямъ моимъ, подобныхъ иностранцевъ для просмотрѣнія ихъ паспортовъ и исполненія прочаго мнѣ предписаннаго ко мнѣ немедленно высылала.

Сентября 16-го дня 1801 года.

Произвольное сокращеніе Высочайшей резолюціи 1826 года.

[Отношеніе Статсъ Секретаря Николая Назаровича Муравьева къ министру юстиціи отъ 27-го февраля 1826 года].

Государь Императоръ съ удивленіемъ изволилъ увидѣть, что въ печатномъ экземплярѣ указа правительствующаго сената, изданнаго по дѣлу о бывшихъ въ Тверской уголовной палатѣ совѣтникѣ Ефимовичѣ и секретарѣ Петропавловскомъ и объ отрѣшеніи Тверскаго гражданскаго губернатора отъ должности, вслѣдствіе высочайшей собственной Его Величества резолюціи въ 23-й день прошедшаго генваря по меморіи комитета гг. министровъ, о семъ предметѣ послѣдовавшей, резолюція сія не вполнѣ, не отъ слова до слова, напечатана, ибо Его Величество не можетъ представить себѣ мѣру смѣлости или небреженія, которыя, конечно, были причиною того, что оная собственноручная Его Величества высочайшая резолюція цѣлою половиною своею въ народномъ извѣстіи сокращена.

По сему Государь Императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, увѣдомить ваше сіятельство о вышеписанномъ и сообщить вамъ, милос. госуд., Его Величества повелѣніе, чтобъ вы сего же дня сдѣлали зависящее отъ васъ распоряженіе, дабы вышеписанный указъ былъ и сего же дня изданъ отъ правительствующаго сената, печатью, съ полнымъ содержаніемъ высочайшей резолюціи, которая вашему сіят—ву извѣстна должна быть на выпискѣ изъ меморіи комитета гг. министровъ, и сіи новые экземпляры повсюду разосланы, вмѣсто прежнихъ несовершенныхъ, которые должны быть министерствомъ юстиціи отвсюды отобраны и уничтожены, и чтобъ ваше сіят—во, исполняя по сему Высочайшее повелѣніе, немедленно представили Его Величеству въ собственныя руки, какъ донесеніе ваше, отъ чего произошла ошибка, такъ и экземпляръ вновь посему печатный, имѣющій быть изданнымъ отъ правительствующаго сената указа съ полнымъ содержаніемъ вышеозначенной Его Величества собственноручной резолюціи.

Сообщ., въ 1870 г., Н. П. Степановъ.

ДНЕВНИКЪ БАРОНА Л. П. НИКОЛАИ,

ВЕДЕННЫЙ ИМЪ

во время Венгерской кампаніи 1849 г.

II[1]).

Весь день 4-го іюля прошелъ безъ стычки съ непріятелемъ; аріергардъ его продолжалъ занимать Дука [2]), а фельдмаршалъ не атаковалъ его, поджидая пѣхоту, которая прибыла только по полудни. Я нѣсколько удивляюсь этой медленности въ такую рѣшительную минуту, въ которую могъ готовиться значительный ударъ, имѣвшій порѣшить кампанію, и гдѣ болѣе всего было важно не давать времени непріятелю, который идетъ по длиннѣйшему пути, съ явнымъ намѣреніемъ обойти нашъ тылъ. Только 5-го іюля, и лишь въ 8 часовъ, была начата атака. Между тѣмъ, того же утра Вайценъ былъ атакованъ уланскимъ Великаго Князя Константина Николаевича полкомъ; проскакавъ по главной улицѣ до площади, уланы застали на оной и тотчасъ захватили 8 орудій; но когда они стали ихъ увозить, по тому же пути, по которому пришли, вдругъ всѣ окна въ домахъ растворились и непріятельскія войска и жители открыли убійственный огонь; до 40 улановъ были убиты, а изъ 8-ми орудій удалось увезти только одно или два. Между тѣмъ, непріятель успѣлъ очистить городъ и отступить по дорогѣ къ Вадъ-Кертъ. Фельдмаршалъ, который выѣхалъ въ 9 часовъ утра, засталъ 3-й корпусъ на привалѣ въ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 101—126.

[2]) Не Дука, а самый Вайценъ и позицію на востокъ отъ города. О. И.

глубокомъ оврагѣ, не далеко отъ Сендегели; на вопросъ его о причинахъ такого бездѣйствія, ему было доложено, что непріятель разрушилъ мостъ и саперы наши его исправляютъ, а на это время графъ Ридигеръ далъ войскамъ отдыхъ. Фельдмаршалъ приказалъ немедленно отыскать другой переходъ, который дѣйствительно оказался, нѣсколько ниже по оврагу. Пока это происходило, непріятель скрылся; нужно было подниматься на возвышенность, черезъ которую дорога ведетъ на Сендегели. Впереди шелъ уланскій полкъ, въ три ряда, растянувшись длинною кишкою; въ то самое время, когда полкъ начиналъ подниматься на гору, на гребнѣ оной показался дымокъ и послышалось нѣсколько выстрѣловъ; это былъ сюрпризъ, который непріятель приготовилъ: поставивъ секретно три малыхъ орудія, онъ открылъ огонь по растянувшемуся кишкообразно полку. Къ счастію, вреда не было причинено. Фельдмаршалъ немедленно выдвинулъ впередъ пѣхоту и послалъ часть кавалеріи въ обходъ непріятельской позиціи. Непріятель немедленно исчезъ.

Для дальнѣйшихъ дѣйствій была сдѣлана слѣдующая диспозиція: графъ Ридигеръ имѣлъ слѣдовать по пятамъ за непріятелемъ въ продолженіи одного перехода (до Вадъ-Керта), дабы удостовѣриться, что онъ не идетъ обратно на Коморнъ. Затѣмъ, онъ имѣлъ приказаніе оставить въ тылу непріятеля лишь 12 тыс. человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Анрепа, а самъ—идти на Гіенгешъ; фельдмаршалъ будетъ его ожидать на этомъ пути съ 2-мъ корпусомъ. Послѣ этого соединенія, фельдмаршалъ предполагалъ идти на Гіенгешъ и Эрлау, а графъ Ридигеръ имѣлъ слѣдовать на разстояніи одного перехода и занять Гіенгешъ; корпусъ генерала Чаадаева былъ въ Мишкольцѣ [1]). Такимъ образомъ, въ трехъ пунктахъ, Гіенгешѣ, Эрлау и Мишкольцѣ, имѣли находиться три корпуса, которые, смотря по обстоятельствамъ, могли въ теченіе одного дня быть сосредоточены въ Эрлау, или же фельдмаршалъ могъ соединить два корпуса въ Гіенгешѣ, либо въ Мишкольцѣ. Летучіе казачьи отряды должны были слѣдовать за непріятелемъ съ тыла и съ фланговъ. Это движеніе было на-

---

[1]) Ему, напротивъ, было велѣно уйти изъ Мишкольца, во опасеніе того, чтобы не быть разбитымъ выходящею на этотъ пунктъ венгерскою арміею. И. О.

чато 6-го числа утромъ, при выѣздѣ Герштенцвейга. Изъ этого ясно, что Гергей опередилъ насъ двумя днями. Дай Богъ, чтобы его не пропустили, или, по крайней мѣрѣ, его артиллерію; на это есть надежда, ибо ему предстоитъ путь болѣе дальній и трудный, по гористой мѣстности.

Герштенцвейгъ подтвердилъ, что Адлербергъ съ 200-ми казаковъ первый занялъ Пештъ, на слѣдующій день послѣ занятія Офена австрійцами. Населеніе Пешта встрѣтило его холодно и угрюмо; положеніе его было небезопасно, ибо непріятель могъ подойти съ одной стороны отъ Вайцена, а съ другой отъ Моноръ, гдѣ находился уже авангардъ Дембинскаго. Герштенцвейгу было поручено барономъ Гайнау сообщить фельдмаршалу планъ дѣйствія австрійцевъ; онъ заключался въ слѣдующемъ: австрійская армія, вмѣстѣ съ дивизіею Панютина, идетъ отъ Коморна на Офенъ. Въ Офенѣ она переходитъ Дунай и направляется на Солнокъ или Сегединъ, для преслѣдованія Дембинскаго (сей послѣдній занималъ должность начальника главнаго штаба при генералѣ Мессарошѣ); передъ Комориомъ оставляются временно генералы Шликъ и Чоричъ. Баронъ Гайнау проситъ фельдмаршала направить генерала Граббе на Коморнъ, дабы заступить тамъ мѣсто генерала Шлика и дать сему послѣднему возможность присоединиться съ своимъ курпусомъ къ главной австрійской арміи.

Герштенцвейгъ, который участвовалъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ при австрійской арміи, могъ сообщить намъ весьма любопытныя подробности о ея составѣ и о командующихъ генералахъ. Онъ въ особенности отзывается съ похвалою о баронѣ Гайнау, затѣмъ о генералахъ Шликѣ и Волгемутѣ; изъ видимаго имъ въ нѣкоторыхъ стычкахъ Герштенцвейгъ могъ вывести заключеніе, что въ венгерской арміи одна только кавалерія хорошо дерется, дѣлая иногда хорошія атаки; артиллерія, послѣ потери нѣсколькихъ орудій, держится на слишкомъ дальнемъ разстояніи и слишкомъ рано оставляетъ свои позиціи; но когда она правильно взяла дистанцію, то стрѣляетъ мѣтко, и подъ огнемъ ея стоять на мѣстѣ неудобно. Пѣхота мало дѣйствуетъ. Повидимому, въ венгерской арміи число поляковъ гораздо менѣе, нежели предполагалось. Герштенцвейгъ съ большою похвалою отзывается о нашей дивизіи Панютина; наши боевые порядки приводятъ австрійцевъ въ удивленіе, и внушили имъ высокое понятіе о военныхъ способ-

ностяхъ генерала Панютина. Холера, къ счастью, почти прекратилась въ обѣихъ арміяхъ.

5-го іюля. Отъ генерала Лидерса получается извѣстіе, что онъ занялъ Кронштадтъ, послѣ нѣсколькихъ дѣлъ и намѣревался ожидать тамъ прихода австрійской дивизіи Кламъ-Галласа.

6-го іюля. Шуваловъ прибылъ изъ главной квартиры фельдмаршала, черезъ Пештъ; слѣдовательно, сообщеніе между двумя главными арміями установлено. Офенъ былъ занятъ одною австрійскою дивизіею, подъ начальствомъ генерала Бамберга, а Пештъ Николаемъ Адлербергомъ съ 200-ти казаковъ. Непріятель совершенно исчезъ изъ окрестностей Пешта. Инсургентское правительство и все что было войскъ бѣжало въ Сегединъ; рельсы были сняты до первой станціи отъ Пешта.

Получаются вмѣстѣ съ этимъ довольно любопытныя подробности о занятіи Дебречина генераломъ Чаадаевымъ, въ половинѣ прошлаго іюня. Оказывается, что и тутъ военная реляція не обошлась безъ прикрасъ, и что въ дѣйствительности движеніе это совершилось крайне небрежно. Къ счастію, графъ Симоничъ, бывшій при отрядѣ, вмѣстѣ съ Шуваловымъ и съ молодымъ Паскевичемъ, приняли, по собственному побужденію, на себя всѣ распоряженія, касавшіяся продовольствія войскъ, прокламацій, контрибуцій и въ особенности размѣщенія больныхъ; холера, какъ видно, свирѣпствовала въ этомъ отрядѣ съ необыкновенною силою: въ теченіе немногихъ дней, которые отрядъ провелъ за Тиссою, заболѣло до 5,500 человѣкъ, что составляетъ около 1,000 человѣкъ въ день; изъ нихъ болѣе 1,500 умерло. Во время похода, дорога, по обѣ стороны, была усыпана заболѣвшими и умирающими, что не могло не вліять очень невыгодно на духъ войскъ. Отрядъ растянулся кишкою въ видѣ огромнаго конвоя, сопровождающаго повозки, на которыхъ лежали больные. Если бы непріятель, который въ количествѣ 11-ти т. человѣкъ занималъ Дебречинъ, въ это время напалъ на нашъ отрядъ, то онъ поставилъ бы его въ самое критическое положеніе, ибо нельзя бы было противопоставить болѣе 5-ти т. человѣкъ въ одной массѣ. Вступленіе въ Дебречинъ сопровождалось довольно оригинальными подробностями. Городъ этотъ, имѣя до 60-ти т. жителей, похожъ на огромную казачью станицу или на одинъ изъ городовъ нашихъ степныхъ губерній, напримѣръ, Екатеринославъ; малые

и низкіе дома, отдѣленные другъ отъ друга садами и заборами; посреди города большая четыреугольная площадь, окруженная казенными постройками, въ псевдо-греческомъ архитектурномъ стилѣ. При вступленіи былъ соблюденъ слѣдующій порядокъ: впереди выѣхало 50 казаковъ подъ начальствомъ Шувалова; генералъ Кузнецовъ, начальникъ авангарда, присоединился къ нимъ; за казаками ѣхала старомодная коляска, въ которой помѣстились гр. Симоничъ и Ѳедоръ Паскевичъ; этимъ заключался поѣздъ. Авангардъ нашъ отсталъ. Въѣзжавшіе въ городъ увидѣли однѣ пустыя улицы, дома съ запертыми ставнями; отдѣльныя личности, которыя повстрѣчались, не кланялись и имѣли пасмурный видъ. Невольно пришло на память вступленіе французовъ въ Римъ и засада, которая имъ была приготовлена. Такая мысль могла тѣмъ скорѣе представиться, что на послѣднемъ ночлегѣ передъ Дебречиномъ, въ деревнѣ Хадгазъ, было говорено, что въ городѣ находится до 11-ти т. войскъ, которыя вмѣстѣ съ жителями рѣшились погибнуть подъ развалинами Дебречина, и что начальствующіе надъ войсками генералы, въ видахъ понужденія жителей къ отчаянному сопротивленію, заставили ихъ совершить гнусный поступокъ—умерщвленіе бывшихъ тутъ австрійскихъ плѣнныхъ. Дѣйствительно, подтвердилось, что 10 изъ нихъ были до смерти избиты палками, а 8, замертво оставленные, найдены были въ одной хижинѣ. Всего наши войска освободили 35 плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ. При подобныхъ нерадостныхъ размышленіяхъ, малая горсть въѣхала на площадь и увидѣла передъ собою молчаливую и неподвижную толпу. Необходимо было поразить ее смѣлостью; 50 казаковъ были выстроены въ боевомъ порядкѣ съ пиками на перевѣсъ. Шуваловъ потребовалъ бургомистра, ему отвѣтили, что его нѣтъ. Тогда онъ объявилъ, что если черезъ четверть часа бургомистръ съ депутаціею не явится къ генералу Кузнецову, городъ будетъ преданъ пламени. Генералъ Кузнецовъ преспокойно вынулъ свои часы, и затѣмъ маленькая колонна поѣхала назадъ по тому же пути, по которому она въѣхала, не мало довольная въ душѣ, что выбралась такъ благополучно. При выѣздѣ изъ города повстрѣчался вступавшій уже первый баталіонъ авангарда. Между тѣмъ угроза подѣйствовала; черезъ четверть часа явился бургомистръ и депутація, съ блѣдными и испуганными лицами. Оказалось, что 11-ти-тысячный непріятельскій отрядъ на-

канунѣ уже очистилъ городъ. Генералъ Чаадаевъ и начальникъ его штаба Веселицкій могли прибыть не ранѣе какъ черезъ шесть часовъ времени, и такъ какъ никакія предварительныя распоряженія ими не были сдѣланы, то графъ Симоничъ, Шуваловъ и Паскевичъ составили изъ себя нѣчто въ родѣ временнаго правленія и, помѣстившись въ городовой ратушѣ, сочинили и разослали угрожающія прокламаціи, требуя немедленной выдачи австрійскихъ плѣнныхъ, съ уплатою имъ въ двухдневный срокъ годоваго содержанія; наложена контрибуція: она заключалась въ доставкѣ ежедневнаго продовольствія для всего отряда, въ приготовленіи квартиръ и госпиталей, наконецъ, въ поставкѣ 6-ти т. четвертей провіанта и 1,000 подводъ. Все это изложено было слогомъ грознымъ, при угрозѣ смертной казни. Дѣйствіе, произведенное этими прокламаціями, было поразительное.

Въ то же время были приняты мѣры къ отысканію убійцъ несчастныхъ австрійскихъ плѣнныхъ; трое изъ нихъ были схвачены и виновность ихъ доказана. Но тутъ, вмѣсто того, чтобы поразить воображеніе населенія заслуженнымъ примѣромъ строгости наказанія, генералъ Чаадаевъ возъимѣлъ престранную мысль предать ихъ мѣстному суду, учрежденному Кошутомъ, назначивъ Григорія Строганова къ присутствованію въ ономъ, хотя онъ не понималъ ни одного слова по венгерски. Послѣдствіемъ этого было, что убійцы были приговорены лишь къ трехъ-годичному заключенію въ тюрьму!!—24-го іюня отрядъ выступилъ изъ Дебречина; за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ прибылъ туда австрійскій коммисаръ, которому предстояло сопровождать во все время наши войска, для возстановленія императорскаго управленія во всѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя они проходили, въ особенности же въ Дебречинѣ; но, до этого, начальникъ штаба Веселицкій, Богъ вѣсть для чего, отправилъ этого коммисара въ Мишкольцъ, а потому, послѣ безплоднаго странствованія, чиновникъ этотъ прибылъ въ Дебречинъ уже въ то самое время, когда наши войска выступали изъ онаго, и по необходимости долженъ былъ слѣдовать за ними, не успѣвъ ничего устроить. Такимъ образомъ, нашъ приходъ и уходъ изъ Дебречина остались совершенно безслѣдными для той цѣли, для которой они состоялись.

7-го іюля. Получено донесеніе генерала Граббе съ важнымъ извѣстіемъ, что непріятельская армія вышла изъ Коморна по

лѣвому берегу Дуная, направляясь къ Грану и Вайцену. Генералъ Граббе получилъ это извѣстіе отъ австрійскаго генерала Потта, въ то самое время, когда онъ собирался двинуться изъ сел. Керешта на Шемницъ и Батъ, во исполненіе полученнаго имъ приказанія идти на присоединеніе съ фельдмаршаломъ по направленію къ Ипоме-Шагъ; этимъ измѣнялся его собственный планъ, который состоялъ въ движеніи черезъ Алтзоль на Лосончъ. Получивъ извѣстіе о выходѣ непріятеля изъ Коморна, генералъ Граббе остановилъ свое движеніе, и занялъ укрѣпленную позицію въ Керештѣ, направляя рекогносцировки въ различныя стороны. Было извѣстно, что самъ Гергей вывелъ изъ Коморна 45 т. человѣкъ съ 120-ю орудіями [1]), распредѣливъ ихъ на три части, которыя въ продолженіе трехъ ночей, съ 30-го іюня по 1-е іюля, выходили изъ крѣпости. Баронъ Гайнау былъ обманутъ этимъ, принимая эти отряды за малыя партіи и транспорты, которые неоднократно выходили; онъ, по видимому, намѣревался преслѣдовать непріятеля.

10-го іюля. Герштенцвейгъ привезъ изъ главной квартиры весьма интересныя свѣдѣнія: непріятель, по выходѣ изъ Коморна, попытался пройти въ Вайценъ, между арміею фельдмаршала и Дунаемъ, дабы соединиться съ другою арміею, подъ начальствомъ Высоцкаго и Дембинскаго, а буде возможно, и съ главнокомандующимъ венгерскими силами, Мессарошемъ, который двинулся навстрѣчу изъ Сегедина, до Монора и Алберти. Днемъ раньше соединеніе это могло бы состояться. 3-го іюля, по полудни, венгерскій авангардъ показался передъ Вайценомъ, который былъ занятъ княземъ Бебутовымъ съ иррегулярною конницею; сей послѣдній отступилъ къ Хатвану, гдѣ находился фельдмаршалъ. Генералъ Зассъ, который съ авангардомъ, состоящимъ изъ двухъ уланскихъ полковъ, шелъ на Пештъ, отъ котораго уже было не далеко, узнавъ о случившемся, направился прямо на Дука, гдѣ соединился съ княземъ Бебутовымъ. Непріятельскіе аванпосты уже выдвинулись до Икладъ; но, узнавъ о приближеніи генерала Засса, они отступили къ Дука, гдѣ наши войска застали непріятеля въ числѣ 25-ти т. человѣкъ, при 60-ти орудіяхъ. Генералъ Офенбергъ,

---

[1]) Въ арміи Гергея, вышедшей изъ Коморна, было всего около 27-ми тысячъ человѣкъ въ строю. И. О.

начальникъ авангарда въ корпусѣ генерала Ридигера, присоединился съ кавалеріею къ отряду Засса. По видимому, тутъ генералъ Зассъ нѣсколько неосторожно подвергся огню непріятельской артиллеріи, ибо потерялъ до 250 человѣкъ.

Въ числѣ раненыхъ былъ баронъ Лангенау, адъютантъ императора австрійскаго, прикомандированный къ генералу Ридигеру; ему ядромъ раздробило колѣно. Непріятель, однако, отступилъ къ Вайцену. Гергей прибылъ туда. Удостовѣрившись въ близости фельдмаршала, а слѣдовательно, въ невозможности пройти далѣе, онъ тотчасъ приказалъ обозу, а затѣмъ и главнымъ силамъ своимъ, идти обратно, направляясь къ Вадъ-Керту; очевидно, онъ хочетъ избрать дорогу на Лосончъ; какъ жаль, что генералу Граббе не удалось исполнить свое намѣреніе и занять эту мѣстность. — Изъ Лосонча Гергей, по всей вѣроятности, постарается проложить себѣ путь либо черезъ Путнокъ на Мишкольцъ, либо поближе, къ Кашау; въ первомъ случаѣ—съ намѣреніемъ перейти Тиссу у Токая, — что̀ едва-ли ему можетъ удасться, такъ какъ генералъ Чаадаевъ занимаетъ Мишкольцъ,—во второмъ, дабы болѣе круговою дорогою, черезъ Унгваръ и Мункачъ, достигнуть сѣверной Трансильваніи и соединиться съ Бёмомъ.

12-го іюля. Императоръ прибылъ обратно въ Варшаву въ 9 часовъ вечера, съ графомъ Орловымъ.

Отъ генерала Гротенгельма получены донесенія о двухъ успѣшныхъ дѣлахъ, 28-го іюня и 4-го іюля, противъ Бёма. Послѣдствіемъ этихъ дѣлъ было то, что непріятель отброшенъ на 25 верстъ за Быстрицъ. При этомъ взято четыре орудія; самъ Бёмъ раненъ и подъ нимъ убита лошадь.

13-го іюля Адлербергъ прибылъ изъ главной квартиры фельдмаршала; онъ оставилъ ее 9-го числа въ Асодѣ; на югъ отъ этого мѣстечка [1]) происходило дѣло: генералъ Высоцкій пожелалъ, по видимому, воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на нашъ обозъ; но не успѣлъ въ этомъ, ибо графъ Толстой былъ заблаговременно посланъ, чтобы его предупредить; онъ атаковалъ Высоцкаго и тутъ произошло довольно серьезное кавалерійское дѣло; съ нашей стороны въ полку имени великой княгини Ольги Николаевны 8 офицеровъ ранены сабельными ударами.

---

[1]) Около д. Тура.

Я весьма обрадовался приказанію возвратиться въ армію. Государь императоръ повелѣлъ мнѣ отправиться черезъ Змигродъ къ генералу Сакену, и состоять при немъ до того времени, пока я найду удобный случай, чтобы проѣхать къ фельдмаршалу. Его величество присовокупилъ, что фельдмаршалъ нездоровъ и въ особенности страдаетъ упадкомъ силъ. Генералу Сакену велѣно двинуться впередъ, въ надеждѣ, что ему удастся пересѣчь дорогу Гергею; генералу же Граббе приказано слѣдовать въ тылу венгерцевъ, и, пройдя мимо лѣваго фланга ихъ, идти на соединеніе съ генераломъ Сакеномъ, дабы оба эти генерала совокупными силами могли нанести ударъ непріятелю.

Не надѣясь поспѣть во-время къ поѣзду желѣзной дороги, я рѣшился, вмѣстѣ съ Голицынымъ, выѣхать на почтовыхъ между 9-ю и 10-ю часами вечера.

14-го іюля. Въ 9 часовъ утра мы прибыли въ Кельце; здѣсь я разстался съ Голицынымъ и направился на Хмельникъ и Опатовъ. На разстояніи одной версты пониже Опатова, саперы наши навели понтонный мостъ черезъ Вислу; на томъ берегу имѣется въ виду устроить обширный тетъ-де-понъ на одну дивизію. Мѣсто, по видимому, удачно избрано. Въ Тарновъ я прибылъ около 7-ми часовъ вечера и тотчасъ представился генералу Шабельскому, начальнику драгунскаго корпуса, который пребываетъ тутъ со штабомъ своимъ. Онъ предупредилъ меня, что генерала Сакена я, вѣроятно, застану въ Бартфельдѣ.

15-го іюля. Между 3-мя и 4-мя часами утра прибылъ я въ Змигродъ; оттуда до Граба я двигался быстро, но между Грабомъ и Бартфельдомъ лошади были изнурены. Въ Бартфельдѣ узналъ я, что генералъ Сакенъ наканунѣ выѣхалъ оттуда; что на минеральныхъ водахъ близъ этого мѣстечка живутъ многія семейства, бѣжавшія изъ Кашау и Эперіесъ, которыя очень смущены угрожающимъ приближеніемъ Гергея. Вѣсть объ этомъ приближеніи, по видимому, отозвалась было и на нашихъ военныхъ начальникахъ, не говоря о коммисаріатскихъ и разныхъ другихъ чиновникахъ; ибо комендантъ нашъ въ Кашау, по приказанію будто бы князя Горчакова, отступилъ оттуда, оставивъ до 1,500 нашихъ больныхъ подъ прикрытіемъ лишь одного баталіона, а изъ Эперіеса генералъ Сельванъ отступилъ на укрѣпленную позицію въ Капи, оставивъ лишь гарнизонъ въ Фортѣ. По прибытіи въ Барт-

фельдъ, генералъ Сакенъ приказалъ генералу Сельвану вновь занять Эперіесъ и войскамъ нашимъ возвратиться въ Кашау. Слышно было, что холера показалась въ отрядѣ генерала Сакена послѣ выхода его изъ Бартфельда. Я продолжалъ путь свой и, перемѣнивъ лошадей въ Рославичѣ, прибылъ въ Эперіесъ между 3-мя и 4-мя часами по полудни. Я тотчасъ представился генералу Сакену и былъ принятъ имъ весьма привѣтливо. Вечеромъ я узналъ, что, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, непріятель уже въ Мишкольцѣ; значитъ, пересѣчь ему дорогу едва-ли уже возможно.

1-6го іюля. Мы выступили въ $8^1/_2$ часовъ утра. Отрядъ генерала Сакена состоитъ изъ 1-й бригады 10-й дивизіи (полки Екатеринбургскій и Тобольскій), изъ уланской бригады 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса (полки Ново-Архангельскій и Украинскій), изъ шести баталіоновъ, взятыхъ изъ отряда генерала Сельвана (часть этихъ баталіоновъ уже находится въ Кашау и имѣетъ сего числа двинуться къ Хидашъ-Немети, составляя авангардъ отряда), изъ 2-хъ сотень горцевъ, подъ начальствомъ Кундукова, и четырехъ сотень донскихъ казаковъ. При отрядѣ двѣ батареи батарейныя и одна батарея легкой артиллеріи. Погода благопріятствовала намъ. Въ 3 часа по полудни, мы прибыли въ Кашау. Здѣсь получено извѣстіе, что еще наканунѣ непріятель былъ по сю сторону Тиссы, имѣя Токай въ тылу своемъ; что генералъ Граббе прибылъ въ Форро, а фельдмаршалъ переходилъ Тиссу у Тисса-Фюредъ, чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе. Генералъ Сакенъ рѣшается выступить на слѣдующій день рано утромъ, дабы соединиться съ генераломъ Граббе, который поступитъ подъ его начальство; онъ, по видимому, намѣренъ атаковать непріятеля; дай Богъ, чтобы сей послѣдній не перешелъ рѣку; тогда шансы были бы отличные.

Поздно вечеромъ была получена коротенькая записка отъ генерала Граббе, отъ 15-го числа вечеромъ, извѣщавшая, что непріятель занимаетъ крѣпкую позицію между Гестели и Асало, и что генералъ Граббе рекогносцировалъ оную. Ни слова болѣе изъ записки этой нельзя было уяснить,—на какомъ берегу рѣки Хернадъ находится непріятель; но надобно предполагать, что онъ на лѣвомъ берегу. Нужно надѣяться, что генералъ Граббе не будетъ атаковать до нашего прихода; ибо намъ очень удобно бу-

детъ обойти правый флангъ непріятеля, идя въ прямомъ направленіи отъ Хидашъ-Немети на Санто.

17-го іюля. Мы поднялись въ 6 часовъ утра. Два баталіона Камчатскаго полка съ двумя орудіями, которые провели ночь въ Хидашъ-Немети, получили приказаніе двинуться на Висоли; рекогносцировки производятся на право и на лѣво, по направленію къ Форро и Санто.—День прекрасный, но жаркій. Пѣхота выступила въ 5 часовъ утра, а мы съ генераломъ Сакеномъ выѣзжаемъ около 8-ми часовъ, слѣдуя по весьма знакомой мнѣ дорогѣ. Около половины втораго часа по полудни, мы прибыли въ Хидашъ-Немети; почти весь отрядъ расположенъ на правомъ берегу рѣчки Хернадъ, только одинъ баталіонъ и казаки занимаютъ лѣвый берегъ. Присланный изъ главной квартиры подъ Мезо-Кевездъ курьеръ, отправленный туда обратно, неожиданно возвратился и донесъ, что онъ видѣлъ непріятеля, занимающаго укрѣпленную позицію около Асало; что по большой дорогѣ пройти нельзя, и что онъ вынужденъ былъ вернуться, за невозможностью проѣхать. Слухи, ходившіе въ средѣ населенія, были между тѣмъ самые разнорѣчивые; увѣряли, будто наканунѣ слышна была сильная канонада по направленію къ Гес тели и будто даже узнали, что, сего же числа утромъ, обѣ сражавшіяся стороны отступили, генералъ Граббе къ Мишкольцу, а Гергей къ Токаю. Трудно что либо изъ всего этого понять; но что̀ весьма странно, это совершенное отсутствіе извѣстій отъ генерала Граббе, хотя генералъ Сакенъ ему послалъ свою диспозицію для его руководства. Весь день мы провели въ этой неизвѣстности.

18-го іюля. Ламбертъ и я поднялись въ 2 часа утра; намъ предстояло идти съ двумя баталіонами пѣхоты и четырьмя эскадронами Новоархангельскаго полка, при двухъ орудіяхъ, на соединеніе съ двумя баталіонами, которые находились въ Висоли. Эти войска въ совокупности имѣли составить авангардъ, начальство надъ которымъ принималъ графъ Ламбертъ. Въ Форро находились по прежнему сто казаковъ для рекогносцировки и такое же число, подъ командою офицера генеральнаго штаба Краснокутскаго, для той же цѣли — въ Висоли. Ночь была ясная, но свѣжая; мы перешли рѣку Хернадъ по поврежденному мосту и слѣдовали по большой дорогѣ, ведущей въ Токай; намъ сопутство-

валъ австрійскій офицеръ баронъ Іозика, въ которомъ я нашелъ очень пріятнаго собесѣдника.

Въ Висоли мы застали два баталіона, которые были тотчасъ двинуты впередъ. Я выносилъ весьма пріятное впечатлѣніе отъ моего настоящаго, болѣе близкаго, знакомства съ Ламбертомъ; хотя еще молодой, онъ, мнѣ кажется, имѣетъ задатки очень хорошаго военнаго дѣятеля. Пройдя Висоли, мы поднялись на плоскую возвышенность, отдѣляющую Хернадъ отъ другой малой рѣчки—Качонта. При этой рѣчкѣ расположено большое селеніе Керъ. Здѣсь Ламбертъ избралъ весьма удобную позицію, на которой главный отрядъ будетъ имѣть ночлегъ. Отъ селенія Керъ идетъ дорога на Гибартъ, гдѣ имѣется мостъ черезъ Хернадъ; по этой дорогѣ легко бы могъ подойти на присоединеніе съ нами отрядъ генерала Граббе, если онъ находится въ Форро. Но, къ сожалѣнію, оттуда ни слуха ни духа; жители увѣряли насъ, будто 16-го числа они слышали сильную канонаду, и многіе утверждали, что Гергей пошелъ на Токай. Пониже Керъ рѣчка Качонта входитъ въ широкое ущелье, окаймленное съ обѣихъ сторонъ высотами, которыя покрыты виноградниками; не въ дальнемъ разстояніи селеніе Санто, гдѣ нашъ авангардъ имѣетъ остановиться на ночь. Въ отрядѣ холера начала свирѣпствовать довольно сильно. Вечеромъ я поѣхалъ на укрѣпленную позицію, которую Ламбертъ избралъ впереди Санто; разъѣзды были высланы по направленію къ Токаю, Оласъ-Лиска и Чобатъ, дабы разузнать гдѣ находится непріятель и куда направился генералъ Граббе. Слухи продолжали доходить самые разнорѣчивые; иные люди, и въ томъ числѣ казаки, утверждали, что непріятель находится еще въ большихъ силахъ около Асало и Чобадъ, другіе—что онъ уже перешелъ Тиссу; но о генералѣ Граббе никто никакихъ свѣдѣній не имѣлъ. Такая неизвѣстность, трудно объяснимая, ставила генерала Сакена въ весьма затруднительное положеніе, въ виду опасности, чтобы непріятель со всѣми своими силами не бросился на его незначительный отрядъ. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился на слѣдующій день продолжать свое наступательное движеніе.

19-го іюля. Ламбертъ съ авангардомъ выступилъ очень рано утромъ; я остался при баронѣ Сакенѣ. Начиная отъ мѣстечка Талліа, около котораго имѣется отличная военная позиція, кон-

чается ущелье и открывается, на необозримое пространство, равнина, кое-гдѣ усѣянная лѣсками и селеніями; вдали можно узнать теченіе рѣки Тиссы, а влѣво равнина эта окаймлается цѣпью высотъ. Въ большомъ селеніи Мадъ, гдѣ былъ сдѣланъ привалъ, я узналъ, что не далѣе какъ третьяго дня, въ 11 часовъ вечера въ воскресенье, венгерскіе офицеры ужинали въ той самой гостинницѣ, въ которой я остановился. Краснокутскій, который въ прошедшую ночь ходилъ на рекогносцировку до Токая, донесъ, что непріятель уже перешелъ рѣку Тиссу, и казачій офицеръ, посланный въ Чобадъ, доставилъ свѣдѣніе, что тамъ не оказалось никого: ни венгерцевъ, ни генерала Граббе. И такъ, Гергей успѣлъ уйти!—Очень жаль! Успѣхъ кампаніи, быть можетъ, отложенъ опять на неопредѣленное время. Нѣсколько далѣе деревни Мадъ, дорога, по которой мы шли, перерѣзывается другою, идущею изъ Гестели на Серенчъ; по этой дорогѣ прошелъ Гергей. Нѣсколько далѣе дорога на Токай раздваивается; одна ведетъ влѣво къ Бродъ-Керестуру, на Тиссѣ, другая проходитъ направо, черезъ мѣстечко Тарчалъ. Ламбертъ съ частью отряда былъ направленъ по первой, а генералъ Сакенъ съ остальною частью пошелъ послѣднею.

Немного впереди Токая дорога была перерѣзана недавно устроенными ретраншементами; но никто ихъ не занималъ; вдали виднѣлись группы поселянъ, которые уводили своихъ лошадей въ лѣса. Предмѣстья Токая показались намъ опустѣвшими; при въѣздѣ въ самый городъ насъ встрѣтила депутація.—Направившись тотчасъ къ мосту черезъ Тиссу, мы нашли его сгорѣвшимъ; генералъ Сакенъ тутъ же наложилъ на городъ контрибуцію, въ видѣ поставки матеріаловъ и рабочихъ для возобновленія моста.

Вслѣдъ за симъ было получено извѣстіе, что авангардъ генерала Чаадаева, въ составѣ двухъ кавалерійскихъ полковъ и казаковъ, подъ начальствомъ генерала Богушевскаго, прибылъ въ Серенчъ. Вскорѣ послѣ того, прибылъ и самъ генералъ Богушевскій и доставилъ свѣдѣніе, что генералъ Чаадаевъ находится въ Керемъ, на рѣчкѣ Шайо, а фельдмаршалъ въ д. Чеге, на Тиссѣ, располагая идти на Дебречинъ. Я немедленно рѣшился отправиться въ главный отрядъ; разставаясь съ генераломъ Сакеномъ и Ламбертомъ, я уносилъ искреннее къ обоимъ уваженіе. При затрудненіи найти лошадей, отъѣздъ мой замедлился до захожде-

нія солнца, и была уже темная ночь, когда я прибылъ въ Зомборъ, гдѣ уже нашелъ казачьи аванпосты. Около 11-ти часовъ ночи я доѣхалъ до Серенча, гдѣ мнѣ пришлось остановиться на нѣсколько часовъ, чтобы дать отдыхъ лошадямъ.

20-го іюля. Выѣхавъ въ 3 часа утра, я подвигался весьма медленно, въ глубокой темнотѣ. На разсвѣтѣ я прибылъ въ селеніе Лутчъ, на Тиссѣ, и наконецъ достигъ Керема. Явившись къ генералу Чаадаеву, котораго засталъ въ постели, я былъ имъ направленъ къ начальнику его штаба, полковнику Веселицкому. Отъ него я узналъ, что въ Керемѣ находится только одна пѣхотная бригада 11-й дивизіи, одинъ саперный и одинъ стрѣлковый баталіоны и одинъ австрійскій баталіонъ полка Парма. Я успѣлъ собрать здѣсь уже нѣкоторыя весьма любопытныя подробности о проходѣ Гергея; въ отрядѣ Чаадаева жаловались на то, что пришлось 5 или 6 разъ совершить путь между Мишкольцемъ и Капольно; отсюда, наконецъ, ихъ направили обратно въ Мишкольцъ, когда вполнѣ уяснилось, что Гергей, не успѣвъ пройти у Вайцена, направился къ переправѣ у Токая. Казалось бы, что отрядъ Чаадаева никогда не слѣдовало удалять изъ Мишкольца: это былъ стратегическій пунктъ, гдѣ нужно было ожидать непріятеля; а еслибы онъ попытался перейти Тиссу между Мишкольцемъ и Вайценомъ, то, имѣя подъ рукою цѣлые два корпуса, фельдмаршалъ, по видимому, былъ довольно силенъ, чтобы остановить Гергея безъ помощи отряда Чаадаева. Какъ бы то ни было, когда въ послѣдній разъ генералъ Чаадаевъ направился обратно къ Мишкольцу, то уже у мѣстечка Ватта онъ встрѣтилъ непріятельскій отрядъ, посланный Гергеемъ, дабы удержать русскія войска и прикрыть его движеніе на Мишкольцъ. 11-го и 12-го іюля происходили авангардныя дѣла около Ватта и Харсани, въ которыхъ генералъ Кузнецовъ отличился съ своими казаками. Наконецъ, генералъ Чаадаевъ достигнулъ Мишкольца, но непріятель уже очистилъ его и занялъ позицію за рѣчкою Шайо. 13-го числа Чаадаевъ подвинулъ войска къ Золчѣ, но мостъ былъ тутъ уничтоженъ и цѣлый день прошелъ въ канонадѣ съ обѣихъ сторонъ. На слѣдующій день, 4-й корпусъ прибылъ на рѣчку Хернадъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалъ прислалъ приказаніе остановить сраженіе, если оно началось, а генералу Чаадаеву отступить къ с. Абрани, оставивъ передъ непріятелемъ лишь неболь-

шой авангардъ. Приказаніе было положительное и должно было быть исполнено; фельдмаршалъ, вѣроятно, предполагалъ, что непріятель въ большихъ силахъ, и опасался, чтобы Чаадаевъ, у котораго было всего двѣ дивизіи, не былъ разбитъ; самъ же онъ намѣревался идти къ нему на помощь. Предположеніе это было ошибочное; атаковать непріятеля можно было смѣло, и, такимъ образомъ, счастливый случай, который представлялся намъ, былъ потерянъ. Послѣ канонады 13-го числа, непріятель отступилъ за рѣчку Хернадъ и занялъ крѣпкую позицію, имѣя лѣвый флангъ свой въ Гестели, а правый противъ Асало. Данное генералу Чаадаеву приказаніе отступать теряло, такимъ образомъ, всякое значеніе; но онъ счелъ себя обязаннымъ его исполнить, и отошелъ назадъ къ Мишкольцу. Такимъ образомъ, представился, вѣроятно, единственный въ военной исторіи случай двухъ непріятельскихъ армій, до всякаго боя отступающихъ другъ отъ друга въ противоположныя стороны. Фельдмаршалъ, узнавъ на другой день, что силы Гергея вовсе не были значительны, отмѣнилъ свое движеніе на Мишкольцъ.

Того же 13-го числа, генералъ Зассъ, который отъ Вадъ-Керта до выхода рѣки Шайо изъ ущелья на равнину слѣдовалъ по пятамъ за Гергеемъ, примкнулъ къ лѣвому флангу генерала Чаадаева, который, согласно полученнымъ отъ фельдмаршала приказаніямъ, 15-го числа отступилъ до Ватта, и въ этотъ же день генералъ Граббе съ отрядомъ своимъ подходилъ къ Мишкольцу. Генералъ этотъ въ Алтзолѣ получилъ приказаніе идти на линію отступленія Гергея, хотя не для того, чтобы ему перерѣзать таковую, но чтобы безпокоить его сзади и съ лѣваго фланга, и такимъ образомъ способствовать къ разстройству этой арміи, которая безъоглядно торопилась достигнуть переправы черезъ Тиссу. Вслѣдствіе такого приказанія, генералъ Граббе двинулся до Кацке, гдѣ его аванпосты вошли въ сношеніе съ аванпостами генерала Засса. Здѣсь, какъ утверждаютъ, Граббе разсудилъ, что такъ какъ генералъ Зассъ уже слѣдуетъ позади непріятеля, то ему, Граббе, удобнѣе безпокоить его флангъ; но такъ какъ существовала только одна дорога, то ему пришлось отступить до Алтзоля, чтобы оттуда идти на Лосончъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого движенія было то, что, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Гергея, генералъ Граббе преслѣдовалъ своего

товарища Засса, въ разстояніи двухъ переходовъ. Такимъ образомъ онъ, 15-го числа, вышелъ на Мишкольцъ. Тутъ онъ получилъ извѣстіе о приближеніи генерала Сакена, подъ начальство котораго онъ имѣлъ поступить, и отправилъ ему ту записку, о которой было говорено. Вмѣсто того, чтобы ожидать прихода генерала Сакена, генералъ Граббе рѣшился 16-го числа произвести усиленную рекогносцировку непріятельскихъ силъ; для сего, взявъ два баталіона и одну батарею, онъ вышелъ на Золча; недалеко оттуда дорога слѣдуетъ по длинной гати, ведущей до Гестели черезъ болотистую низменность, переходя ручей Бороміосъ. Перейдя ручей около Онга, генералъ Граббе поставилъ свою батарею въ позицію и хотѣлъ развернуть свои баталіоны; но въ это время непріятель открылъ по нимъ такой усиленный артиллерійскій огонь, что Граббе принужденъ былъ поспѣшно отойти; послѣ сего онъ отступилъ къ Путноку, на присоединеніе къ пяти баталіонамъ, которые, неизвѣстно съ какою цѣлью, были имъ тамъ оставлены. Весьма жаль, что обо всѣхъ этихъ движеніяхъ своихъ генералъ Граббе никому не сообщалъ свѣдѣнія.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ весьма мало радостныхъ подробностей, я выѣхалъ изъ Керемъ, около 8-ми часовъ утра, и около 3-хъ часовъ по полудни прибылъ въ с. Чеге. Встрѣтившись съ нѣкоторыми знакомыми, я отправился прямо къ фельдмаршалу, котораго засталъ на подъѣздѣ дома своего, готовящагося сѣсть въ поданную уже коляску; онъ былъ одѣтъ въ какую-то особеннаго рода кисейную рубашку, подбитую шелкомъ. Выраженіе его лица меня поразило; оно несло слѣдъ усталости, и онъ показался мнѣ постарѣвшимъ съ тѣхъ поръ, какъ я его оставилъ. Вручивъ ему письмо отъ его величества и порученныя мнѣ бумаги, я доложилъ ему словесныя приказанія, мнѣ переданныя государемъ императоромъ. Сказавъ, что здоровье его ни въ чемъ не улучшилось и что онъ чувствуетъ слабость, фельдмаршалъ разспросилъ меня о дѣйствіяхъ генерала Сакена подъ Токаемъ, о свѣдѣніяхъ, имѣющихся о числительности непріятеля, которую опредѣлялъ не менѣе какъ въ 40 т. человѣкъ. Отъ фельдмаршала я отправился къ Великому Князю Константину Николаевичу, котораго засталъ въ отличномъ расположеніи духа, и готоваго къ отъѣзду.

Общее насртоеніе умовъ въ главной квартирѣ меня поразило: оно значительно перемѣнилось во время моего отсутствія; замѣт-

но какое-то общее недовольство ходомъ кампаніи; въ особенности слышится много порицанія за то, что грабительство, котораго въ первое время вовсе не было, сильно развилось; преимущественно въ этомъ обвиняютъ мусульманскіе полки и конвойную команду, которые грабятъ безнаказанно. Разсказы о дѣлѣ подъ Вайценомъ невольно поражаютъ; казалось бы, что всѣ условія соединились для того, чтобы непріятель былъ тутъ совершенно задавленъ, а между тѣмъ онъ могъ спокойно отступить, не будучи даже тревожимъ. Хотя генералу Ридигеру и было сначала поручено преслѣдовать непріятеля, но лишь только онъ дошелъ до Баласса-Гіарматъ, то, не смотря на всѣ его настоянія и возраженія, ему дано было приказаніе отступить до Гіенгеша, дабы соединиться съ фельдмаршаломъ, оставляя для слѣдованія за непріятелемъ лишь кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Засса, а для передовыхъ передъ нимъ разъѣздовъ—полковника Хрулева съ двумя эскадронами. Во время этого преслѣдованія случился довольно странный и забавный эпизодъ: полковникъ Хрулевъ нагналъ непріятельскій аріергардъ, который значительно превосходилъ его силами; опасаясь за свои два орудія, польза которыхъ вообще, кажется, была весьма сомнительна, и желая выиграть время, чтобы ихъ отправить назадъ, онъ прибѣгъ къ хитрости; вступилъ въ переговоры съ Гергеемъ и, отправясь на свиданіе съ нимъ въ сопровожденіи гусарскаго ротмистра Котлярова [1]), предложилъ ему положить оружіе, давъ ему надежду, что въ замѣнъ этого ему будетъ предоставлено блестящее положеніе. Гергей, не давая вида, что столь странное предложеніе его оскорбило, согласился на однодневное перемиріе, которое и ему было полезно, ибо онъ выигрывалъ время, что̀ и для него было важно. При этомъ онъ былъ очень вѣжливъ, давая чувствовать въ разговорѣ, что венгерцы весьма дружелюбно расположены въ пользу русскихъ, не желаютъ войны съ ними, а враждуютъ лишь съ австрійцами. Это оригинальное свиданіе не обойдется, кажется, полковнику Хрулеву безъ строгаго выговора.

Между тѣмъ, по прибытіи генерала Ридигера въ Патта, онъ успѣлъ усиленными настояніями получить вновь разрѣшеніе пре-

---

[1]) Самъ Хрулевъ не ѣздилъ на это свиданіе, а послалъ парламентеромъ штабъ-ротмистра Котлярова и подпоручика Ридигера. И. О.

слѣдовать непріятеля; для этого онъ былъ направленъ черезъ Петервазара на Путнокъ, но уже было потеряно время: по прибытіи, трудною горною дорогою, въ Баркани, онъ узналъ, что венгерцы давно уже миновали Путнокъ; по необходимости пришлось идти назадъ на Эрлау, на соединеніе съ главною арміею. Сія послѣдняя двинулась изъ Вайцена черезъ Асодъ, Хатванъ, Гіенгешъ, Капольна, и 14-го іюля прибыла въ Мезо-Кевездъ.

Фельдмаршалъ рѣшился перенести войну на лѣвый берегъ Тиссы. Для сего онъ поручилъ князю Горчакову,—подъ начальство котораго были поставлены 5-я и 8-я пѣхотныя дивизіи, одна кавалерійская бригада и одинъ казачій полкъ, при 112-ти орудіяхъ и австрійскомъ понтонномъ паркѣ,—овладѣть переходомъ черезъ Тиссу въ Тисса-Фюредѣ. Отрядъ этотъ выступилъ изъ Гіенгеша 12-го іюля, въ 4 часа утра, и имѣлъ въ тотъ день ночлегъ въ с. Керестешъ; 13-го онъ выступилъ, въ 2 часа утра, черезъ Мезо-Таркани, и къ 10-ти часамъ авангардъ прибылъ въ Поросло. Тутъ было получено свѣдѣніе, что непріятельскій отрядъ занималъ переправу, съ намѣреніемъ сжечь мостъ при приближеніи нашихъ войскъ, и укрѣпился; но о числительности этого отряда нельзя было добыть свѣдѣній. Въ полдень князь Горчаковъ, съ казачьимъ конвоемъ, отправился на рекогносцировку, но, встрѣченный пушечными выстрѣлами, долженъ былъ вернуться. Въ 4 часа по полудни, была вытребована для рекогносцировки егерьская бригада 5-й дивизіи съ двумя батареями. Оказалось, что непріятель былъ въ незначительныхъ силахъ; но, занимая на противоположномъ берегу рѣки лѣсъ, онъ, подъ прикрытіемъ онаго, сильно обстрѣливалъ шоссейную дорогу, по которой наши войска должны были подвигаться. Къ счастію, болота, которыя эта дорога перерѣзываетъ на протяженіи пяти верстъ, отъ сильной засухи, высохли, что́ дало пѣхотѣ возможность проходить по нимъ; но артиллерія, по необходимости, должна была слѣдовать по шоссе, перерѣзанному въ нѣкоторыхъ мѣстахъ канавами, на коихъ мосты были уничтожены. Непріятель пользовался происходившими отъ этихъ препятствій остановками, направляя преимущественно на эти мѣста артиллерійскій, изъ четырехъ орудій, и сильный ружейный огонь. Наконецъ, однако, онъ оставилъ тетъ-де-понъ, устроенный на правомъ берегу, и, перейдя мостъ, зажегъ его. Ночью наши войска навели новый мостъ, и, рано утромъ 14-го

числа, пѣхота начала переходить на ту сторону. Потеря наша не превышала 60-ти человѣкъ убитыми и ранеными.

Пока это происходило, фельдмаршалъ долженъ былъ двинуться съ 4-ю пѣхотною дивизіею и 1-ю бригадою 2-й легкой кавалерійской дивизіи, изъ Мезо-Кевездъ на Абрани; но въ то самое время было получено донесеніе отъ генерала Чаадаева о дѣлахъ 11-го числа у Ватта, 12-го у Харсани и объ отступленіи непріятеля за Мишкольцъ. Вслѣдствіе этого, диспозиція была измѣнена: 4-я дивизія изъ Мезо-Кевезда, а первая бригада 2-й легкой кавалерійской дивизіи изъ Абрани—были направлены на Тиссa-Фюредъ, 2-я бригада 8-й пѣхотной дивизіи оставлена въ Мезо-Кевездъ, третій корпусъ расположенъ въ Керестешъ, а главная квартира отправилась въ Тисса-Фюредъ. Это происходило 15-го іюля. 16-го, главная квартира имѣла дневку.

Между тѣмъ, было получено отъ генерала Чаадаева извѣстіе, что непріятель удерживалъ позицію на рѣчкѣ Хернадъ, а что съ другой стороны генералъ Граббе подходилъ съ 11-ю баталіонами при 32-хъ орудіяхъ. Не могу себѣ объяснить соображенія, которыя могли вызвать приказаніе, посланное къ генералу Чаадаеву, чтобы онъ направился на Портоло, оставивъ въ Ватта генерала Кузнецова съ аріергардомъ; ибо въ это самое время вся непріятельская армія, проходя по лѣвому берегу Хернада, переходила черезъ Тиссу, направляясь къ Токаю. Впрочемъ, и генералу Граббе было послано приказаніе идти на Ватта, на соединеніе съ генераломъ Кузнецовымъ, дабы совокупно тѣснить непріятеля. По видимому, когда впервые было получено отъ генерала Чаадаева (11-го числа) извѣстіе, что онъ имѣетъ передъ собою Гергея, то затруднились этому повѣрить, полагая, что вмѣсто Гергея тутъ былъ только небольшой отрядъ, прикрывающій движеніе главной венгерской арміи, ибо подобное движеніе Гергея казалось слишкомъ смѣлымъ и, посему, невѣроятнымъ; думали, что онъ непремѣнно пойдетъ на Форро или даже еще сѣвернѣе. И дѣйствительно, движеніе Гергея было очень смѣлое; но оно можетъ объясниться тѣмъ, что ему было извѣстно о незначительности отряда генерала Засса, слѣдовавшаго за нимъ. Какая была бы разница, если бы за нимъ слѣдовалъ по пятамъ корпусъ генерала Ридигера; онъ, вѣроятно, долженъ былъ бы оставить всю свою пѣхоту и бо́льшую часть своей артиллеріи, рискуя при этомъ

быть брошеннымъ въ Тиссу, ибо въ Токаѣ мостъ былъ сожженъ! Нельзя не отдать Гергею справедливости, что онъ показалъ себя весьма искуснымъ начальникомъ, который съумѣлъ отлично воспользоваться ошибками своего противника. Онъ хорошо понялъ, что если бы онъ направился прямо на Токай, то былъ бы припертъ къ рѣкѣ, черезъ которую не было моста; замѣтивъ нерѣшительность въ дѣйствіяхъ противника, онъ смѣло остановился и простоялъ четыре дня на позиціяхъ, за рѣчками Шайо и Хернадъ, развернулъ свою артиллерію, имѣлъ два удачныя дѣла, 13-го и 16-го, и въ это время исправилъ мостъ въ Токаѣ, переправилъ свой обозъ и свою пѣхоту, а когда все это было исполнено, то, въ ночь съ 16-го на 17-е, снялся съ своей позиціи и самъ совершилъ переходъ, а 18-го мостъ въ Токаѣ опять былъ сожженъ! Какъ бы все разыгралось иначе, если бы генералъ Сакенъ могъ поспѣть двумя или тремя днями ранѣе!

Когда въ главной квартирѣ было получено извѣстіе о бывшемъ 13-го іюля у генерала Чаадаева дѣлѣ, то, подъ впечатлѣніемъ угрожающей ему будто бы опасности, ему велѣно было отступать на Абрани. Затѣмъ, дабы воспользоваться общимъ обратнымъ движеніемъ изъ Мишкольца на Тисса-Фюредъ и неподвижностью непріятеля въ Гестели, было рѣшено главныя силы двинуть на Дебречинъ. Въ виду этого, 2-му и 3-му корпусамъ велѣно было 17-го числа идти изъ Тисса-Фюредъ на Ватта, а генералу Зассу, который прибылъ въ Поросло, было приказано присоединиться къ 3-му корпусу. Но вслѣдъ затѣмъ движеніе на Ватта было опять отмѣнено, и вмѣсто того предписано было генераламъ Чаадаеву и Граббе сосредоточиться въ Ватта и отдѣлить отъ себя отрядъ въ Оподъ и Пога. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переправа черезъ Тиссу при Чеге была признана болѣе удобною, нежели предполагавшійся переходъ у Тисса-Фюредъ, гдѣ окружающія болота весьма затрудняли наведеніе моста; а потому дано было приказаніе мостъ устроить въ Чеге; 2-й и 1-й корпуса тутъ перешли рѣку. И такъ, фельдмаршалъ рѣшился главныя силы свои перевести на лѣвый берегъ Тиссы.

Вдругъ, въ ночь съ 16-го на 17-е, была получена коротенькая записка, карандашомъ, отъ генерала Граббе, которою онъ доносилъ, что наканунѣ онъ вознамѣрился попытать силы непріятеля въ Гестели; что онъ засталъ его въ весьма сильной позиціи и

что онъ отступаетъ къ Мишкольцу, чтобы исправить поврежденія, причиненныя его артиллеріи. Болѣе ни слова. 18-го утромъ не было получено никакого дальнѣйшаго извѣстія ни отъ генерала Граббе, ни свѣдѣній отъ генерала Сакена. Фельдмаршалъ подумалъ, что Гергей остановился на Хернадѣ лишь для того, чтобы, по переходѣ главныхъ силъ черезъ Тиссу, остановить генерала Чаадаева и другіе отдѣльные отряды, и возникло уже опасеніе не уничтожены-ли эти отряды. Хотя иныя лица и, въ томъ числѣ, генералъ Фрейтагъ, старались доказывать, что такое опасеніе не можетъ оправдываться, что Гергей на Хернадѣ долго останавливаться не можетъ, что силы его недостаточны для осуществленія приписываемыхъ ему намѣреній, и что вся цѣль его стремленій можетъ быть только—обезпечить свой переходъ черезъ Тиссу у Токая; однако, опасенія взяли верхъ. Адъютантъ фельдмаршала, Потаповъ, былъ спѣшно отправленъ къ Чаадаеву съ безусловнымъ приказаніемъ не подвигаться впередъ, и съ полномочіемъ останавливать своею властію, именемъ фельдмаршала, всякія части, которыя онъ бы засталъ въ движеніи. Потаповъ засталъ между Опадоли и Пога авангардъ генерала Чаадаева, подъ начальствомъ генерала Богушевскаго, готовый перейти черезъ рѣчку Шайо; тутъ онъ узналъ, что Гергей оставилъ свою позицію на Хернадѣ и пошелъ къ Токаю. Объ этомъ было немедленно донесено фельдмаршалу. Генералъ Чаадаевъ былъ въ Ватта, собираясь двинуться впередъ; онъ былъ остановленъ.

Между тѣмъ, 2-му и 3-му корпусамъ, въ составѣ боевомъ, было дано приказаніе идти черезъ Чатъ на Папи. Обозъ и тяжести имѣли переправиться черезъ Тиссу и направиться на Аракто. Самъ фельдмаршалъ съ авангардомъ, подъ начальствомъ генерала Глазенапа, отправился въ Папи. По прибытіи его туда, было получено сперва отъ генерала Богушевскаго, а потомъ и отъ самого генерала Чаадаева, извѣстіе, что непріятель направился на Токай. Это побудило отмѣнить всѣ данныя до того приказанія. Обозу, 2-му и 3-му корпусамъ велѣно остановиться. Но тутъ возникли снова недоумѣнія: что случилось съ генералами Граббе и Сакеномъ? быть можетъ, они были разбиты. Въ этой нерѣшимости прошелъ цѣлый день 19-го іюля. Уже фельдмаршалъ возымѣлъ намѣреніе опять перейти Тиссу, когда, утромъ 20-го числа, было получено донесеніе генерала Сакена изъ Токая, которое

разъяснило положеніе дѣлъ, формально удостовѣряя, что непріятель перешелъ Тиссу и направился къ югу. Немедленно было рѣшено движеніе на Дебречинъ. Отдѣливъ отъ отряда генерала Чаадаева 12-ю дивизію и одну бригаду 8-й дивизіи, этимъ частямъ было приказано идти по направленію къ Токаю, устроить переправу черезъ Тиссу, около Добъ, и присоединиться затѣмъ къ отряду генерала Сакена, которому велѣно остановиться въ Токаѣ.

Около 4-хъ часовъ по полудни, главная квартира выступила. Мѣстность за Тиссою, совершенно ровная, живо напоминаетъ степи полуденной Россіи. Населеніе сохранило азіатскій типъ; это въ особенности замѣтно въ селеніяхъ; сіи послѣднія, съ чистенькими домами, обсаженными деревьями и живою изгородью, походятъ на наши казачьи станицы на Кавказской линіи или на аулы на Кумыкской плоскости. Мужчины носятъ венгерскій костюмъ, но одѣяніе женщинъ совершенно схоже съ нарядами русскихъ бабъ, съ которыми онѣ и въ чертахъ имѣютъ много сходства. Кое-гдѣ мы переѣхали болотистые ручьи, на подобіе тѣхъ, которые встрѣчаются въ степныхъ нашихъ балкахъ. Около ручья Хортабая мы были настигнуты однимъ изъ сильнѣйшихъ ливней, которые я когда либо встрѣчалъ; дождь, смѣшанный съ градомъ, при порывистомъ вѣтрѣ, казалось, долженъ былъ насъ раздавить. Наконецъ, небо прояснилось и мы передъ сумерками прибыли въ большое мѣстечко Уйварошъ, которое носитъ на себѣ типъ венгерскій. Артель наша, состоящая изъ Истомина, генерала Назимова, Лобанова и меня, нашла себѣ весьма удобное помѣщеніе. Вечеромъ, пока Истоминъ и я прогуливались, по двору прошелъ фельдмаршалъ, на пути къ Великому Князю Константину Николаевичу, и сказалъ намъ: «ну, завтра, видно, будетъ у насъ дѣло». Сознаюсь, что въ то время намъ это трудно повѣрилось.

21-го іюля. Утромъ мы узнали, что аванпосты наши открыли непріятеля по сю сторону Дебречина; я тотчасъ сѣлъ верхомъ и засталъ уже всю армію на маршѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Уйвароша, на обширномъ открытомъ мѣстѣ, войска были остановлены; было приказано строиться въ боевой порядокъ въ ожиданіи дѣла; но огромныя кукурузныя поля, препятствуя войскамъ развернуться, заставили нѣсколько далѣе сомкнуть опять войска въ колонны. 2-й корпусъ шелъ по шоссейной дорогѣ; на-

право отъ него, черезъ поле—кавалерія; налѣво—3-й корпусъ. Наконецъ, я доѣхалъ до какой-то фермы или хутора, гдѣ засталъ фельдмаршала съ главнымъ штабомъ; всѣ слѣзли съ коней и происходилъ оживленный разговоръ. Тутъ узналъ я, что рано утромъ князь Бебутовъ съ мусульманскими полками былъ высланъ впередъ, чтобы провѣрить черезъ рекогносцировку показанія нашихъ передовыхъ разъѣздовъ—о присутствіи непріятеля передъ Дебречиномъ. Князь Бебутовъ возвратился и донесъ, что дѣйствительно непріятель видѣнъ передъ городомъ, и что хотя замѣтны только нѣсколько эскадроновъ кавалеріи и небольшое число орудій, но что силы эти стоятъ неподвижно. Князь Горчаковъ и генералъ Фрейтагъ отправились на вторичную рекогносцировку. Вслѣдъ затѣмъ, фельдмаршалъ сѣлъ въ дрожки; мы всѣ послѣдовали за нимъ верхомъ; расположеніе духа его, по видимому, было сердитое. Отъѣхавши около одной версты, мы встрѣтили князя Горчакова и генерала Фрейтага; первый довольно презрительно объявилъ, что у непріятеля всего 3 или 4 орудія и нѣсколько эскадроновъ; второй хотя и опредѣлялъ число орудій до шести, но также, по видимому, не придавалъ большаго значенія этой встрѣчѣ. Нѣсколько далѣе, генералъ Фроловъ, начальникъ штаба 3-го корпуса, подъѣхалъ къ фельдмаршалу съ докладомъ, что непріятель, по видимому, собирается отступить. «Ну, такъ берите ихъ», отвѣтилъ ему фельдмаршалъ. Генералъ Фроловъ поскакалъ впередъ; я рѣшился слѣдовать за нимъ, такъ какъ фельдмаршалъ опять остановился.—Дорога, начиная отъ хутора, почти постоянно шла между полей кукурузы, вышиною въ человѣческій ростъ; когда мы проѣхали нѣкоторое пространство, то налѣво отъ насъ кукурузное поле кончилось, продолжаясь еще направо. Впереди насъ открывалось пространство, въ концѣ котораго виднѣлся городъ Дебречинъ, а въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ передъ нимъ два или три эскадрона непріятеля неподвижно стояли въ боевомъ порядкѣ; болѣе вправо—нѣсколько орудій въ лощинахъ между холмовъ. Выѣхавъ на открытое мѣсто, я встрѣтилъ генерала Фрейтага, разъѣзжавшаго съ небольшою своею свитою, и, по видимому, ни во что не вмѣшивавшагося; я присоединился къ нему. Между тѣмъ, генералъ Фроловъ выдвинулъ двѣ конныя батареи и бригаду уланъ, которая состоитъ при 3-мъ корпусѣ. Въ то самое время, какъ эти двѣ батареи становились нѣсколько впереди насъ, почти

на углу кукурузнаго—на правой нашей сторонѣ—поля, которое закрывало отъ насъ все въ этомъ направленіи происходящее, послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ со стороны непріятеля, и вслѣдъ за тѣмъ линія его огня растянулась гораздо правѣе насъ, изъ-за кукурузы, заслонявшей намъ видъ. Канонада эта вскорѣ такъ усилилась, что нужно было убѣдиться, что силы непріятеля гораздо значительнѣе, нежели предполагалось. Огонь начался около половины втораго часа по полудни. Генералъ Фрейтагъ и я стояли около кукурузы; вскорѣ градъ ядеръ сталъ долетать направо и налѣво отъ насъ; непріятельскія орудія, очевидно, дѣйствовали наискось нашимъ; въ послѣдствіи убѣдились, что положеніе ихъ и не могло быть иное, ибо линія отступленія непріятеля на Гроссъ-Вардейнъ шла по тому направленію. Не болѣе какъ въ 20 минутъ времени, обѣ наши батареи сильно пострадали; много лошадей было убито, немалое число прислуги, офицеровъ, лафетовъ, были поражены ядрами и гранатами, и уланская бригада, которая съ самаго начала неподвижно стояла позади орудій, также подвергалась большой потерѣ. Мнѣ думалось, что держать кавалерію неподвижною подъ такимъ убійственнымъ огнемъ былъ какой-то странный способъ употребленія этого рода оружія!

Оказывалось, что нѣсколько неосторожно поторопились, почитая непріятеля болѣе слабымъ, нежели онъ оказывался въ дѣйствительности; а теперь изъ какого-то чувства самолюбія не хотѣли сойти съ мѣста, поджидая приходъ пѣхоты на поле сраженія. Такое самолюбіе мнѣ кажется неумѣстнымъ и преувеличеннымъ, ибо кавалерію нужно сберегать; и такъ какъ пѣхота была въ недальнемъ разстояніи, слѣдовало, мнѣ кажется, въ виду огромнаго превосходства непріятельской артиллеріи (36 орудій противъ 16-ти), нѣсколько подвинуть назадъ наши орудія и нашихъ улановъ, оставивъ передъ собою линію фланкеровъ на углу кукурузнаго поля. Дѣйствіе непріятельской артиллеріи еще усиливалось отличнымъ способомъ ея употребленія; я, во все продолженіе дѣла, очень ясно могъ видѣть, какъ батареи ихъ переходили быстро съ одного мѣста на другое по мѣстности, тщательно напередъ изученной. Въ дѣлахъ съ венгерцами никогда не слѣдуетъ забывать того начала, которому опытъ уже научилъ австрійцевъ, а именно—никогда не стоять на мѣстѣ подъ дѣйствіемъ ихъ

артиллеріи: либо идти впередъ на нее, либо отступать, дабы не давать ей времени опредѣлить разстояніе.

Наконецъ, около пяти минутъ послѣ того, какъ наша артиллерія должна была прекратить свое дѣйствіе, прибыла пѣхота; первою пришла 5-я дивизія, шедшая по дорогѣ; четыре батарейныя батареи предшествовали ей и были поставлены въ сторонѣ отъ дороги, нѣсколько позади того мѣста, гдѣ стояли конныя батареи. Удостовѣрясь, что направленіе непріятельскаго огня было нѣсколько наискось, и съ нашей стороны была произведена перемѣна фронта, т. е. лѣвое крыло было выдвинуто впередъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени, огонь съ обѣихъ сторонъ былъ учащенный, и у насъ пало не мало людей и лошадей; 5-я дивизія выстроилась въ боевой порядокъ. Нѣсколько влѣво, подходилъ 3-й корпусъ, имѣя 7-ю дивизію впереди. Непріятельскія ядра, перелетая черезъ вторую линію, достигали резервовъ.

Въ это время прибылъ самъ фельдмаршалъ въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Николаевича и своей свиты; онъ направился вправо, слѣдуя около кукурузнаго поля; ядра ложились по всѣмъ направленіямъ вокругъ него; онъ приказалъ начальнику штаба 2-го корпуса, генералу Ушакову, поставить 4-ю дивизію вправо отъ 5-й, въ одну съ нею линію. Казалось, что въ настоящій моментъ слѣдовало бы 4-ю дивизію послать въ атаку непріятельской позиціи, предпославъ ей 2-ю легкую кавалерійскую дивизію, которая была поставлена вправо отъ всей линіи въ кукурузномъ полѣ; этимъ движеніемъ можно было взять во флангъ всю непріятельскую позицію и отбросить ее на городъ Дебречинъ, отрѣзавъ ей путь къ отступленію; вмѣсто того, весь этотъ флангъ нашъ остался неподвижнымъ. Около сего времени, было получено извѣстіе, что начальнику 2-го корпуса, генералу Куприянову, оторвало ногу гранатою, и что артиллеріи генералъ Миллеръ тяжело контуженъ ядромъ.—Въ центрѣ канонада продолжалась сильная; ракетная батарея также дѣйствовала безостановочно; потери въ артиллеріи были значительныя; пѣхота стояла неподвижно; съ одной стороны 5-я дивизія, съ другой 7-я, обѣ въ боевомъ порядкѣ; нѣсколько влѣво 8-я дивизія, а еще лѣвѣе 3-я кавалерійская дивизія была расположена между однимъ хуторомъ и кукурузнымъ полемъ; 12-я дивизія, подошедшая нѣсколько позднѣе, была поставлена въ резервѣ; къ ней присоеди-

нились два полка 4-й кавалерійской дивизіи, Изюмскій гусарскій и другой уланскій, которые подошли передъ окончаніемъ дѣла.

Между тѣмъ, огонь нашей артиллеріи начиналъ производить разстройство у непріятеля; его линія отдалялась, производя одновременно перемѣну фронта; правый флангъ его, отодвигаясь назадъ, открылъ нашему взгляду кирпичный заводъ; въ это время я находился въ свитѣ фельдмаршала, близь пригорка, нѣсколько позади нашей линіи. Вдругъ изъ-за кирпичнаго завода показалась небольшая колонна непріятельской конницы, какъ будто направляясь къ хутору, бывшему влѣво отъ насъ, и какъ бы съ намѣреніемъ обойти нашъ лѣвый флангъ (настоящую цѣль этого движенія я не могъ себѣ разъяснить). Фельдмаршалъ, замѣтивъ это движеніе, приказалъ выдвинуть пѣхоту, и 7-й дивизіи идти впередъ. Она тронулась при барабанномъ боѣ: зрѣлище было прекрасное; 8-я дивизія вскорѣ послѣдовала; наконецъ, 3-я кавалерійская дивизія была послана, чтобы обойти правый флангъ непріятеля, а мусульманскіе полки—еще лѣвѣе 3-й дивизіи. Начальствованіе надъ всѣми этими силами было поручено князю Горчакову. Къ крайнему моему сожалѣнію, я слишкомъ поздно узналъ объ этихъ распоряженіяхъ, и не могъ, поэтому, послѣдовать за генераломъ Плаутинымъ, который командовалъ 3-ею кавалерійскою дивизіей. Я былъ занятъ наблюденіемъ въ подзорную трубу за пространствомъ между кирпичнымъ заводомъ и городскими садами, которое казалось покрытымъ толпою народа; я принималъ ее за собраніе городскихъ жителей, вышедшихъ полюбопытствовать сраженіемъ. Вдругъ вся эта толпа шарахнулась по направленію къ городу; въ то же время малый кавалерійскій отрядъ, до того прикрытый передними садами, поскакалъ вправо. Въ послѣдствіи оказалось, что вся эта суматоха была произведена приближеніемъ нашей 7-й дивизіи, которая направлялась въ прямой линіи на кирпичный заводъ; не смотря на нѣкоторые оттуда еще пущенные пушечные выстрѣлы, дивизія эта дошла безъ особаго сопротивленія до впадины впереди завода. Подполковникъ Веймарнъ намѣревался поставить тутъ батарею, чтобы обстрѣливать картечью часть непріятельской пѣхоты, расположенную карреями позади заводовъ; но онъ во-время остановился, увидѣвъ нашу 3-ю кавалерійскую дивизію, которая уже обгибала кирпичные заводы, а поотдаль—мусульманъ, которые, опрокинувъ непрія-

тельскую конницу, подвигались возлѣ садовъ. Полкъ эрцгерцога Альберта, который шелъ впереди нашей кавалеріи, былъ посланъ въ атаку противъ непріятельскихъ карре; одинъ разъ онъ былъ отброшенъ; но при второй атакѣ, которую повелъ самъ генералъ Плаутинъ, непріятельская пѣхота не выдержала натиска и бросилась бѣжать въ сады; часть была изрублена при переходѣ черезъ ровъ, отдѣлявшій эти сады, другая часть скрылась за живою изгородью и открыла ружейный огонь. Тогда князь Горчаковъ приказалъ поставить по четыре орудія на каждую сторону кирпичныхъ заводовъ и обстрѣливать сады, чтобы вытѣснить изъ нихъ непріятельскую пѣхоту; она не могла тамъ удержаться и бѣжала; часть, вѣроятно, успѣла спастись въ городѣ; но не малое число пало подъ шашками мусульманъ. Сіи послѣдніе и вслѣдъ за ними и 3-я кавалерійская дивизія проскакали черезъ весь городъ, захватывая еще порядочное число плѣнныхъ.

Пока все описанное происходило на нашемъ лѣвомъ флангѣ и пока 7-я, а за нею и 8-я дивизія, занимали городъ Дебречинъ, центръ нашъ продолжалъ обмѣниваться пушечными выстрѣлами съ непріятелемъ, который все болѣе и болѣе удалялся, а правый нашъ флангъ стоялъ неподвижно. Наконецъ, когда непріятельская канонада почти прекратилась, фельдмаршалъ поднялся на холмъ, откуда мы могли ясно различать отступленіе непріятеля двумя длинными колоннами, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи и нѣсколькихъ орудій, которыя стояли на позиціяхъ. Тогда только было дано конвойной командѣ приказаніе преслѣдовать отступавшихъ; но едва она помчалась, какъ была опять остановлена, и раскинута цѣпью. Я не переставалъ слѣдить за непріятелемъ; мало по малу его колонны скрывались за группами деревьевъ и когда послѣдняя часть ихъ исчезла изъ виду, прикрывавшіе эскадроны и орудія преспокойно снялись и послѣдовали за ними. Вокругъ холма, на которомъ мы находились, постепенно собрались 2-й корпусъ, начальство надъ которымъ принялъ генералъ Лабинцевъ, и 2-я легкая кавалерійская дивизія; начальнику сей послѣдней, генералу Глазенапу, было дано приказаніе слѣдовать за непріятелемъ на разстояніи одной мили и затѣмъ остановиться въ ближайшей деревнѣ. Непріятель шелъ по направленію къ Чабочло.

Такъ кончилось это дѣло, которому, по видимому, желаютъ

придать большое значеніе, но которое, по моему разумѣнію, заслуживаетъ болѣе порицанія нежели похвалы. Къ тому же, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что мы передъ собою имѣли не Гергея, но отдѣльный корпусъ Наги-Шандора, числомъ до 15-ти т. человѣкъ, при 36-ти орудіяхъ [1]). Корпусъ этотъ былъ отдѣленъ отъ главныхъ силъ Гергея, шедшихъ отъ Токая; во время бывшаго дѣла, сіи послѣднія находились около Вамошъ-Перчъ, имѣя авангардъ свой въ Наги-Лета и подвигаясь къ Гроссъ-Вардейну. Зная, что фельдмаршалъ идетъ изъ Чеге на Дебречинъ, Гергей, дабы прикрыть свое фланговое движеніе, отрядилъ Наги-Шандора къ Дебречину, оставивъ у себя только два корпуса, Лейнингена и Толтенберга. Безъ сомнѣнія, Шандору было дано приказаніе удерживаться передъ Дебречиномъ на сколько это будетъ возможно, и какъ ни смѣло и рисковано было такое порученіе, примѣръ Вайцена и Мишкольца оправдывали его, а результатъ вполнѣ подтвердилъ правильность расчета. Наги-Шандоръ ввелъ насъ въ заблужденіе относительно значительности своихъ силъ; онъ простоялъ на позиціи отъ $1^1/_2$ до $4^1/_2$ часовъ по полудни; въ это время какъ нельзя лучше воспользовался своею артиллеріею, отступилъ въ полномъ порядкѣ, и, совершивъ небольшой кругъ на Чабочло, присоединился опять къ Гергею около Бестіо-Уйфалу, и оба вмѣстѣ продолжали путь къ Гроссъ-Вардейну, не будучи вовсе тревожимы.—Конечно, крайній правый флангъ Шандора былъ принесенъ въ жертву; но онъ, вѣроятно, на то и присудилъ его; для насъ же четыре плохіе баталіона и горсть кавалеріи, съ присоединеніемъ даже четырехъ или пяти орудій, захваченныхъ мусульманами, составляли весьма скромные трофеи; надобно было уничтожить весь корпусъ Шандора, и поверхностный даже взглядъ на карту убѣждаетъ, что для этого требовалась только небольшая доля рѣшимости. Непріятель съ большою смѣлостью занялъ позицію, имѣя городъ Дебречинъ въ тылу своемъ. Могъ ли онъ отступить черезъ городъ? Очевидно—не могъ, ибо его армія разбрелась бы въ немъ; посему, если бы наша многочисленная кавалерія была употреблена для того, чтобы обогнуть городъ, то непріятельская армія была бы поймана какъ бы въ

[1]) Всего, вмѣстѣ съ войсками Корпоная, отступившими отъ Тиссa-Фюреда, тутъ было 7—8 т. чел. И. О.

мышеловкѣ, либо въ самомъ городѣ, либо за онымъ, на открытомъ мѣстѣ между городомъ и большимъ лѣсомъ, который, въ разстояніи отъ перваго не болѣе какъ на одну милю, тянется съ сѣвера на югъ на протяженіи нѣсколькихъ миль. Изъ этого ясно, что единственно возможная для непріятеля линія отступленія была дорога на Гроссъ-Вардейнъ, идущая параллельно по нашему фронту, что̀ заставляло непріятеля открыть намъ свой лѣвый флангъ. Слѣдовательно, тутъ былъ стратегическій пунктъ для этого сраженія. Почему же, вмѣсто того, чтобы вести атаку съ нашего праваго фланга, она была поведена съ лѣваго,—остается совершенно необъяснимымъ. 4-я пѣхотная и 2-я кавалерійская дивизіи, которыя простымъ движеніемъ впередъ заходили во флангъ и въ тылъ непріятелю, остались во все время неподвижны въ болотѣ [1]). Мы имѣли надъ непріятелемъ такое огромное превосходство силъ, что могли, начавъ дѣйствіе канонадою съ центра, затѣмъ, разомъ подвинуть оба фланга свои; лѣвый притиснулъ бы правый флангъ непріятеля къ городу, а правый отрѣзалъ бы ему отступленіе; тогда, атакуя центромъ, мы бы сдавили непріятеля къ городу и кавалерія наша могла перехватить всѣхъ бѣгущихъ. Въ такомъ видѣ дѣло сего дня имѣло бы огромное значеніе. Вмѣсто всего этого, мы ограничились канонадою и непріятель, на глазахъ нашихъ, совершилъ съ полнымъ досугомъ свое отступленіе! Потеря наша доходитъ до 300 человѣкъ, изъ коихъ около 250 раненыхъ; потеря непріятеля, если не считать тотъ сбродъ пѣхоты, который попалъ въ руки нашимъ мусульманамъ, вѣроятно, менѣе значительна, ибо его позиція была лучше прикрыта холмистою мѣстностью.

Пока мы еще находились на холмѣ, фельдмаршалъ получилъ отъ князя Горчакова донесеніе, что городъ занятъ. Тогда и мы оставили свой наблюдательный постъ и въѣхали въ Дебречинъ, нѣсколько до захода солнца.

Л. П. Николаи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) 2-я кав. дивизія была поставлена въ столь высокой и густой кукурузѣ, что ее никто не могъ видѣть. За то и она сама, вѣроятно, ничего не видѣла.

И. О.

Письмо императрицы Екатерины II къ королю Польскому.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина вторая Императрица и самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ: Государыня и великая княгиня Нова-Города Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣло-озерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея Сѣверныя страны Повелительница и Государыня Иверскія земли—Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и Обладательница. Пресвѣтлѣйшему и державнѣйшему князю-государю Станиславу Августу, Божіею милостію королю Польскому, великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Жмоидцкому, Мазовецкому, Волынскому, Подольскому и Подляшскому, Нашему дружебно-любезному брату, другу и сосѣду, Наше дружебно-сестринское поздравленіе. Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій король, дружебно любезный братъ, другъ и сосѣдъ. За благо Мы разсудили ваше королевское величество, безъ замедленія, увѣдомить о воспослѣдовавшемъ радостномъ для Насъ происшествіи, что сего мѣсяца [апрѣля] 27-го дня, любезнѣйшаго Нашего сына супруга Великая Княгиня всероссійская щастливо отъ бремени разрѣшилась рожденіемъ Великаго Князя Константиномъ нарѣченнаго. По дружбѣ Намъ, всегда отъ вашего величества оказыванной, нимало не сумнѣваемся мы, что вамъ пріятно будетъ такое увѣдомленіе, при которомъ просимъ о нашей къ вашему величеству и яснѣйшей Рѣчи Посполитой Польской непремѣнной дружбѣ быть увѣренными. Въ прочемъ Мы ваше королевское величество защищенію Всевышняго Бога вѣрно препоручая къ оказательству всякихъ дружебно-сестринскихъ благоугодностей готовы и охотно пребываемъ. Дано въ Царскомъ Селѣ, Апрѣля 30-го дня 1779 года, государствованія Нашего седьмаго на десять года. Вашего королевскаго величества вѣрная сестра и пріятельница (подписано) Екатерина. (Контрасигновалъ) графъ Иванъ Остерманъ.

Сообщ. **Р. Ситовскій.**

ШАМИЛЬ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

Изъ статей, посвященныхъ исторіи Кавказской войны, въ двадцати томахъ изданія „Русской Старины“, между прочимъ, напечатаны:

Командиры Кавказской арміи, 1802—1812 гг. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 630).

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 1777—1861 гг. (изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 225—250).

А. П. Ермоловъ. Воспоминаніе М. Н. Похвиснева (изд. 1872 г., т. VI, стр. 475—492).

Донесенія и письма А. П. Ермолова: императору Александру I, графу Аракчееву, кн. Волконскому, кн. Паскевичу и др., 1812—1820 гг. (изд. 1872 г., т. VI, стр. 493—500).

Письма А. П. Ермолова къ П. А. Кикину, 1817—1832 гг. Сообщ. кн. П. Д. Волконскій (изд. 1872 г., т. VI, стр. 501—537).

Посольство А. П. Ермолова въ Персію въ 1817 г. Историческій очеркъ Ад. П. Берже (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 255—274; 389—427).

Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ, 1826—1827 гг. Сообщ. П. И. Вріони (изд. 1872 г., т. V, стр. 706—726; т. VI, стр. 39—68 и 243—280).

Князь В. Г. Мадатовъ, 1826 г. (изд. 1872 г., т. VI, стр. 699). Кн. В. Г. Мадатовъ, 1826—1827 гг. Сообщ. кн-ня С. А. Мадатова (изд. 1873 г., т. VII, стр. 85—102).

Письма А. П. Ермолова: къ историку Устрялову, къ П. Н. Ушакову, къ дежурному генералу (изд. 1872 г., т. VI, стр. 431—544); къ Кучину (изд. 1874 г., т. IX, стр. 562); письмо къ Ермолову Н. Н. Муравьева и отвѣтъ кавказскаго офицера (изд. 1872 г., т. VI, стр. 542—546); письма А. П. Ермолова къ кн. Бебутову 1835—1857 гг. (изд. 1872 г., т. V, стр. 431).

Знакомство съ Ермоловымъ, 1847 г. Сообщ. С. И. Храповицкій, (изд. 1872 г., т. VI, стр. 539—542).

Разсказъ о встрѣчѣ съ Ермоловымъ, В. Б. Хлопова (изд. 1874 г., т. X, ст. 198).

Кончина А. П. Ермолова (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 150 и 452).

Генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау. Очеркъ военныхъ событій на Кавказѣ, 1818—1850 гг. (изд. 1874 г., т. XI, стр. 131—152; 499—515; изд. 1875 г., т. XII, стр. 544—554; изд. 1876 г., т. XV, стр. 144—162, 377—387, 645—658; т. XVI, стр. 351—382).

А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ, 1818—1828 гг. Статья Ад. П. Берже (изд. 1874 г., т. XI, стр. 276—300).

Князь М. С. Воронцовъ (изд. 1873 г., т. VIII, стр. 983).

Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія на Кавказѣ, 22-го марта 1840 г. Очеркъ Ад. П. Берже (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 275).

Генералъ Фрейтагъ и его боевые товарищи. Три эпизода изъ исторіи Кавказа 1843 г. Сообщ. А. А. Волоцкой (изд. 1873 г., т. VII, стр. 815—842).

Діомидъ Пассекъ (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 155).

Письма кн. М. С. Воронцова князю В. О. Бебутову, 1846—1853 гг. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1873 г., т. VII, стр. 103—108 и 254—261).

Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ. Изъ служебныхъ воспоминаній М. П. Щербинина (изд. 1874 г., т. XI, стр. 99—114).

Николай Николаевичъ Муравьевъ во время намѣстничества на Кавказѣ, 1854—1856 гг. Статья Ад. П. Берже (изд. 1873 г., т. VIII, стр. 599—632).

Н. Н. Муравьевъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности (изд. 1874 г., т. X, стр. 139—151).

Н. Н. Муравьевъ. Изъ воспоминаній гр. Д. Е. Остенъ-Сакена (изд. 1874 г., т. XI, стр. 535—543).

Николай Петровичъ Колюбакинъ: Закавказье въ 1855 г. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1876 г., т. XVII, стр. 317—342).

Печатаемый нынѣ на страницахъ „Русской Старины“ Дневникъ пристава при военно-плѣнномъ Шамилѣ служитъ новымъ вкладомъ въ длинный рядъ статей о Кавказѣ, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи. Подъ перомъ разскащика, нѣкогда грозный имамъ Чечни и Дагестана является довольно сварливымъ и слабымъ старичкомъ, обнаруживающимъ въ своемъ характерѣ всѣ черты, не всегда похвальныя, но столь присущія характеру кавказскаго горца. Въ своемъ домашнемъ и семейномъ быту плѣнный Шамиль далеко не тотъ, каковымъ мы его воображали себѣ, судя по долговременной борьбѣ съ Россіею, въ горахъ его роднаго Кавказа. Сойдя съ театра войны за кулисы обыденной, мирной жизни, Шамиль заставлялъ нерѣдко своего пристава сомнѣваться въ тѣхъ высокихъ дарованіяхъ, блестящихъ качествахъ ума и сердца, которыя ему издавна приписывали.

Авторъ „Дневника“, полковникъ П. Г. Пржецлавскій, по особому Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 23-го ноября 1861 года, назначенный приставомъ при военно-плѣнномъ Шамилѣ, прибылъ въ Калугу 1-го апрѣля 1862 года, и въ теченіе четырехъ лѣтъ находился при бывшемъ имамѣ. Въ эти четыре года онъ имѣлъ возможность вполнѣ изучить его нравъ, обычай, складъ ума и всѣ на-

клонности; вникнулъ въ его семейныя отношенія и—совершенно разочаровался въ его характерѣ. Еще въ бытность свою въ Дагестанѣ, читая газетныя статьи о Шамилѣ, авторъ „Дневника“ считалъ его исключеніемъ изъ всего рода кавказскихъ мусульманъ. „Въ этихъ статьяхъ,— говоритъ П. Г. Пржецлавскій въ предисловіи къ своему „Дневнику“,—почти на каждой страницѣ встрѣчались хвалы и панегирики достоинствамъ бывшаго имама; его признавали чуть не геніемъ мусульманскаго міра, человѣкомъ добродушнымъ, справедливымъ, щедрымъ на милостыни, безкорыстнымъ до незнанія счета деньгамъ; наконецъ, чуждымъ хитрости и фанатизма. Всѣ эти мнѣнія крайне ошибочны! Авторы статей смотрѣли на моего калужскаго плѣнника сквозь розовую призму. Не зная ни обстоятельствъ, сопровождавшихъ всѣ дѣйствія Шамиля въ его управленіи страною, въ которой: inter arma silent leges (гдѣ говоритъ оружіе, тамъ молчатъ законы), ни характера горцевъ—они черезъ-чуръ прикрасили геро́я своихъ разсказовъ и, обманываясь сами, ввели въ заблужденіе читателей“.

Нижеслѣдующіе разсказы о событіяхъ, сопровождавшихъ домашній бытъ Шамиля въ Калугѣ, какъ свидѣтельство очевидца, представляютъ самый полный характеристическій очеркъ бывшаго имама, портретъ котораго, гравюра на мѣди, приложенъ къ „Русской Старинѣ“, изд. 1877 г., томъ XVIII.

I.

Семейство Шамиля: Казн-Магометъ; Магометъ-Шафи; Абдурахманъ; Абдурагимъ; Омаръ-Мехтевъ; Шуанетъ; Зайдатъ.—Просьбы Шамиля объ отпускѣ его въ Мекку.—Расходы по содержанію дома бывшаго имама.—Невѣстка Шамиля: Аминатъ.—Семейныя распри по поводу отсылки ея въ Дагестанъ.—Замѣтка о мѣстности Тадъ-Бурты.—Дочери Шамиля: Написатъ и Фатиматъ.

1862 — 1863.

....Однажды, военно-плѣнный Шамиль обратился ко мнѣ съ просьбою объ исходатайствованіи разрѣшеніи начальства—отправить изъ Калуги на постоянное жительство зятьевъ его: Абдурахмана и Абдурагима, сыновей ефендія Джомалъ-Еддина-Кази-Кумухскаго, согласно ихъ желанію, въ Дагестанъ.

Абдурахманъ и Абдурагимъ, съ своей стороны, неоднократно просили меня секретно предоставить имъ возможность выѣхать изъ Калуги и поступить на дѣйствительную службу въ ряды русской кавалеріи. Зная характеръ горцевъ, всегда готовыхъ отка-

заться отъ того сегодня, чего хотѣли вчера, я въ этомъ случаѣ не смѣлъ безпокоить начальство ходатайствомъ объ исполненіи обоихъ домогательствъ, и результатъ оправдалъ мою выжидательную систему.

Причиною вышесказанныхъ просьбъ были семейныя несогласія, для разъясненія которыхъ я долженъ распространиться о домашнемъ бытѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи нашего плѣнника.

Въ домѣ Шамиля существуютъ двѣ партіи, а именно такъ называемая «Джомалъ-Еддиновская», во главѣ которой стоитъ жена имама Заидатъ, поддерживаемая двумя родными братьями: Абдурахманомъ и Абдурагимомъ, и партія сыновей Шамиля—пасынковъ Заидатъ: Кази-Магомета и Магомета-Шафи [1]). Обѣ эти партіи другъ передъ другомъ стараются захватить въ свои руки власть надъ слабымъ по характеру и до смѣшнаго неумѣющимъ располагать своею волею, Шамилемъ... Вліяніе Заидатъ надъ мужемъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, такъ велико, что Кази-Магометъ и Магометъ-Шафи всегда остаются на заднемъ планѣ, въ роли обиженныхъ и признающихъ, что имъ невозможно бороться съ женщиною, которая, умѣя держать въ рукахъ своихъ волю имама Чечни и Дагестана, не выпуститъ изъ нихъ воли и калужскаго плѣнника....

Шамиль въ Калугѣ, ведя жизнь въ самыхъ строгихъ правилахъ «шаріата», постоянно мечтая о выѣздѣ въ Мекку или Медину на жительство, если не съ сохраненіемъ получаемаго нынѣ отъ правительства содержанія, то хотя съ частью его, по мѣрѣ возможности избѣгаетъ сообщительности съ христіанами, одиноко читаетъ коранъ и другія религіозныя книги, совершаетъ абдесты, кричитъ въ свое время «Азамъ», призывая этимъ пѣніемъ свою семью къ «намазамъ», и очень рѣдко оставляетъ свой кабинетъ, въ который имѣетъ свободнѣйшій доступъ Заидатъ.

Послѣдователями столь строгаго образа жизни и прозелитами «мюридизма» онъ хотѣлъ бы видѣть не только членовъ своего семейства, но и всѣхъ горцевъ, послѣ высылки изъ Кавказа находящихся въ Калугѣ подъ надзоромъ полиціи. Между тѣмъ,

[1]) До вступленія моего на должность пристава, Магометъ-Шафи былъ уже принятъ въ Собственный Его Величества конвой—корнетомъ. П.

Абдурагимъ, какъ человѣкъ молодой, желая посѣщать общество и пользоваться свободою въ своихъ дѣйствіяхъ — свободою, хотя не выходящею изъ предѣловъ приличія, но далеко не согласною съ правилами строгаго «мюридизма», подвергается постояннымъ упрекамъ, выговорамъ, и со дня на день болѣе выказывающимся къ нему нерасположеніемъ Шамиля, который, при ожидаемомъ выѣздѣ въ «Святыя мѣста», не желалъ бы оставить ни въ Россіи, ни въ Дагестанѣ ни одного члена своей фамиліи, а тѣмъ болѣе такого члена, который предпочитаетъ «адатъ» «шаріату», и склоненъ превратиться въ презрѣннаго «мунафика!»... [1]).

Подозрѣніе въ неправильномъ и недобросовѣстномъ расходованіи отпускаемыхъ правительствомъ Шамилю на содержаніе 15 т. р. избраннымъ въ домашніе казначеи, братомъ Заидатъ, Абдурахманомъ—подозрѣніе, высказанное предмѣстнику моему—Кази-Магометомъ, было причиною, что послѣ долгихъ словопреній и совѣтовъ, безъ которыхъ Шамиль не приступаетъ ни къ самому пустѣйшему дѣлу, онъ рѣшилъ, что напредъ деньги будутъ расходованы имъ самимъ; но рѣшеніе это, по видимому, не разъяснило подозрѣнія.... Устранивъ себя отъ вмѣшательства въ финансовыя дѣла Шамиля, я, не высказывая теперь въ отношеніи ихъ расходованіи своего мнѣнія, приведу собственныя слова Кази-Магомета:

— «Я очень сожалѣю,—говорилъ онъ,—что возбудилъ подозрѣніе на Абдурахмана! Съ отнятіемъ отъ него званія казначея и денегъ, дѣло расходованія ихъ стало еще темнѣе!... Книги на записку прихода и расхода не имѣется; кому нужны деньги на покупку того или другаго—лично является къ имаму, и онъ, не прерывая чтенія своей книги, машинально передаетъ ключъ отъ бюро, поручая взять оттуда потребную сумму. Вмѣсто пяти или десяти-рублевой депозитки, взять 25-ти или 50-ти рублевую нетрудно, потому что общаго итога наличной суммы имамъ никогда не знаетъ!... Ключъ отъ бюро вручается чаще Заидатъ...»

Отзывъ этотъ ясно выказываетъ подозрѣніе, что предусмотрительная Заидатъ, при жизни своего мужа, не упускаетъ удобнаго случая пріобрѣсти капиталецъ, который, не входя по смерти Ша-

---

[1]) Мунафикъ есть мусульманинъ, отвергающій правила проповѣдуемаго Шамилемъ и другими фанатиками «мюридизма» и придерживающійся «адата», т. е. древняго мѣстнаго обычая.

миля въ составъ общедѣлимаго между семействомъ наслѣдства, обезпечитъ ея собственныхъ дѣтей, конечно, въ ущербъ пасынковъ: Кази-Магомета и Магометъ-Шафи.

Вся семья Шамиля другъ другу не вѣритъ, другъ за другомъ присматриваетъ, и другъ другу старается подставить ножку. Шамиль, 25 лѣтъ успѣшно занимавшійся возбужденіемъ правовѣрныхъ къ священной противу насъ войнѣ, нынѣ занимается возстановленіемъ въ своей семьѣ мира—безъ успѣха.

Вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ Абдурагима о возвращеніи его на родину и завѣреній Кази-Магомета и Магомета-Шафи, что Шамиль готовъ дать согласіе на отъѣздъ Абдурагима и проситъ меня сдѣлать о томъ представленіе военному министру, я и тутъ, не довѣряя окончательному будто бы рѣшенію дѣла, собралъ семейный совѣтъ, и занялъ въ немъ кресло президента.

Запишемъ въ формѣ діалога вопросы и отвѣты по этому дѣлу, которое, какъ бы въ оправданіе моего недовѣрія, окончилось—ничѣмъ!... Оговариваюсь, что въ разговорѣ на кумыкскомъ нарѣчіи мѣстоименіе «вы» не употребляется; не смотря на лѣта и званіе, всѣмъ говорится «ты». Началъ я такимъ образомъ:

— Шамиль! зять твой Абдурагимъ заявилъ мнѣ желаніе быть отправленнымъ въ Дагестанъ. Въ теченіе почти двухъ недѣль, въ каждый почтовый день, являлись ко мнѣ твои посланные съ просьбою, то о составленіи представленія военному министру о возвращеніи Абдурагима на родину, то объ уничтоженіи составленныхъ уже о томъ докладовъ!... Покончимъ это дѣло за одинъ разъ!... Абдурагимъ, выскажи имаму свое желаніе...

Абдурагимъ. Я просилъ и прошу имама отпустить меня въ Дагестанъ, гдѣ намѣренъ поступить на службу.

Шамиль. Желаніе его мнѣ извѣстно. Не одинъ онъ хочетъ оставить меня — есть другой здѣсь стоящій человѣкъ, который также хотѣлъ бы выѣхать изъ Калуги...

Абдурахманъ. Если братъ Абдурагимъ поѣдетъ, то и я поѣду, если онъ останется—то и я останусь!...

Старшій сынъ Шамиля, по обыкновенію, подсказываетъ отцу, на непонимаемомъ мною лезгинскомъ нарѣчіи, отвѣтъ.

Шамиль. Я всегда говорилъ и говорю, что никого не на-

мѣрень удерживать при себѣ, тѣмъ болѣе удерживать такую собаку, какъ Абдурагимъ!... Хотятъ ѣхать—пусть ѣдутъ; съ моей стороны насилія нѣтъ...

— И такъ, Абдурахманъ и Абдурагимъ, ваше намѣреніе оставить Калугу неизмѣнно?

Абдурахманъ и Абдурагимъ. Да; мы хотимъ непремѣнно ѣхать въ Дагестанъ.

— Ты, имамъ, что скажешь на это? спрашиваю вторично, чтобы не было недоразумѣній.

Шамиль. Я согласенъ!...

— Слѣдовательно, дѣло рѣшено?...

— Рѣшено! отвѣчалъ Шамиль, перебирая въ рукахъ четки и нашептывая молитву [1]).

За дверьми слышенъ говоръ женщинъ и плачъ Заидатъ, не желавшей, чтобы братья ея оставили домъ Шамиля.

Возвращаясь домой, я обратился къ провожавшему меня Кази-Магомету съ вопросомъ, какъ онъ полагаетъ, уѣдутъ ли потомки пророка Магомета изъ Калуги, или нѣтъ?

— Едвали, — отвѣчалъ спрошенный, — Заидатъ все передѣлаетъ!...

Такъ и случилось. Въ теченіе почти десяти дней шли переговоры, совѣты и секреты; переводчикъ Мустафа бѣгалъ ко мнѣ съ докладами: сегодня имамъ проситъ написать представленіе; завтра имамъ проситъ не писать представленія, и т. д. Наконецъ, вся семья Шамиля притихла, перемиріе состоялось. На долго ли?...

Въ чемъ же заключается желаніе Шамиля и всѣхъ членовъ его семьи?

Шамиль старается поддержать въ своемъ домѣ правила строгаго «мюридизма» и постоянно мечтаетъ о переселеніи, со всѣмъ своимъ семействомъ, въ предѣлы Блистательной Порты. Считая невозможнымъ просить о томъ прямо, онъ изыскиваетъ предлоги писать письма, то къ военному министру, то къ бывшему намѣстнику Кавказскому князю А. И. Барятинскому, косвенно напо-

[1]) Четки изъ кости, или изъ глины, имѣютъ 99 зернушекъ, именно то число, какое мусульмане даютъ прилагательныхъ эпитетовъ къ имени пророка Магомета, какъ, напримѣръ: добрый, милостивый, добродѣтельный, великій, и т. д. П.

миная ими о себѣ и о своемъ желаніи, которое онъ высказалъ лично въ бытность свою въ Москвѣ и Петербургѣ. Справедливость заставляетъ меня заявить, что въ одномъ калужскомъ домѣ Шамиля столько фанатизма — сколько его нѣтъ нынѣ во всемъ Дагестанѣ!... Для возбужденія къ себѣ сочувствія вліятельныхъ лицъ, на письмахъ своихъ калужскій плѣнникъ подписывался прежде: «Рабъ Божій, Шамуиль», потомъ: «Рабъ Божій, бѣдный Шамуиль», а теперь сталъ писать: «Рабъ Божій, бѣдный старецъ Шамуиль»[1]).

Кази-Магометъ, старшій сынъ Шамиля,—отъявленный фанатикъ, искусно маскирующійся въ обществѣ съ русскими, но для меня понятный. Желанія и поступки свои онъ слѣпо подчиняетъ желаніемъ отца. Впрочемъ, въ случаѣ выѣзда въ Мекку, сынъ имама едвали не попроситъ отпустить его по временному паспорту, для того, чтобы: если будетъ хорошо въ Турціи или Египтѣ, остаться тамъ; а не хорошо, — такъ возвратиться въ Россію, гдѣ онъ расчитываетъ получать отъ правительства огромный пенсіонъ. Болѣе знатные происхожденіемъ или дѣлами мусульмане, при переселеніи изъ нашихъ владѣній въ Турцію, предполагаютъ, что султанъ, обрадованный ихъ появленіемъ, возведетъ ихъ въ санъ пашей, назначитъ правителями отдѣльныхъ областей, и т. д.

Магометъ-Шафи, второй сынъ Шамиля, доволенъ настоящимъ. Въ немъ вовсе нѣтъ фанатизма, и онъ забылъ бы о его существованіи, если бы рѣже бывалъ въ отпускахъ, въ обществѣ отца и брата, отвергающихъ правило, что «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не входятъ».

Абдурахманъ, зять Шамиля, считающій себя «алимомъ» (ученымъ) и гордый происхожденіемъ отъ потомковъ пророка Магомета «Завиль-Курба»—фанатикъ въ душѣ и хитеръ до наглости. При полномъ убѣжденіи, что я хорошо знаю характеръ, обычаи и религіозныя постановленія магометанъ, онъ и меня старается иногда обмануть своими изворотливыми толкованіями и разсказами. Абдурахманъ не знаетъ на что рѣшиться: ѣхать ли съ имамомъ въ Мекку, или остаться въ Дагестанѣ? Разго-

[1]) Стихъ 39-й главы 76-й корана учитъ мусульманъ: «Если вы располагаете какой хитростью, то приводите ее въ исполненіе» (противу невѣрныхъ). Въ дѣлѣ интенціонализма, фанатики-мусульмане не уступятъ іезуитамъ. П.

воры его по этому предмету всегда полны заднихъ мыслей, могущихъ быть понятыми какъ вопросы: «Сдѣлаетъ ли меня турецкій султанъ сановникомъ?» или: «Если я захочу ѣхать въ Мекку, не предпочтетъ ли русское правительство оставить меня здѣсь, и зачислить на службу прямо офицеромъ, подобно Магомету-Шафи?» и т. д. Отрицательный отвѣтъ, что онъ не можетъ расчитывать ни на то, ни на другое—мучитъ тщеславнаго Абдурахмана.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше поѣду въ Турцію,—говоритъ онъ.

— Это еще вопросъ,—отвѣчалъ я ему. Если правительству будетъ угодно отпустить васъ въ Мекку, то это разрѣшеніе коснется только Шамиля и Кази-Магомета, какъ военно-плѣнныхъ, которымъ оказывается помилованіе. Ты же прибылъ съ имамомъ въ Калугу по своей доброй волѣ, и ни болѣе, ни менѣе, какъ житель Дагестана, а, слѣдовательно, долженъ подчиняться тѣмъ правиламъ, которыми тамъ руководствуются при увольненіи жителей въ Мекку;—по этимъ правиламъ, ты еще слишкомъ молодъ для того, чтобы сдѣлаться высокопочтеннымъ «гаджіемъ» [1]).

— Если я уѣду въ Дагестанъ,—сказалъ мнѣ однажды Абдурахманъ,—то поселюсь въ Гимрахъ (притонъ мюридизма). У имама тамъ есть домъ, фруктовые сады и пахатныя земли; онъ мнѣ ихъ подаритъ...

— Ну, это едвали быть можетъ,—отвѣчалъ я; Шамиль уже подарилъ это богатое имѣніе своей племянницѣ. (Казна выкупила его отъ прапорщика Исалъ-Магомета, за 200 р., и желая удовлетворить просьбѣ имама, передала его во владѣніе его племянницѣ. Дѣло это шло черезъ мои руки, когда я былъ еще на Гунибѣ, и, за отсутствіемъ генерала Лазарева въ Ункратль, управлялъ Среднимъ Дагестаномъ).

— Это ничего не значитъ!—Имамъ имѣлъ право подарить свое имѣніе, имѣетъ право и отобрать его, для того, чтобы передать мнѣ, какъ близкому родственнику...

Таковы сужденія будущаго «алима».

Абдурагимъ—зять Шамиля—молодой человѣкъ, чуждый фа-

[1]) Посѣтившіе гробъ пророка Магомета мусульмане секты «Сунни» получаютъ званіе «гаджи», дающее имъ почетъ и нѣкоторыя преимущества въ обществѣ.

натизма и претензіи на ученость. Онъ большею частью проводитъ время въ обществѣ съ русскими, ведетъ себя прилично, и тайкомъ куритъ папиросы, мало заботясь о выѣздѣ въ Мекку и Медину.—Искреннее желаніе его въ томъ, чтобы, поступивъ на службу въ русскую кавалерію, дослужиться до офицерскаго чина. Оба зятя Шамиля самоучкою хорошо говорятъ по русски, а Абдурагимъ порядочно читаетъ и пишетъ.

Омаръ-Мехтевъ, житель селенія Кумухъ, молочный братъ дочери Шамиля, Наджаватъ,—молодой человѣкъ относительно хорошей нравственности, безъ фанатизма, но нерѣшительный. Желаніе его заключается въ томъ, чтобы быть отправленнымъ на родину, и поступить тамъ на службу въ мѣстную милицію.

Шуанетъ (ренегатка—изъ армянъ, Анна Ивановна Улуханова), жена Шамиля, женщина добрая, но въ семейномъ быту безсловесная, уступчиво повинующаяся владычеству въ домѣ имама второй его жены: Заидатъ.—Шуанетъ до того отатарилась, что въ угодность мужу даже не хотѣла видѣть пріѣхавшаго въ Калугу по торговымъ дѣламъ дальнаго своего родственника, моздокскаго армянина Халатова, и помочь ему нѣсколькими рублями при его критическихъ обстоятельствахъ.

Заидатъ, дочь ефендія Джамалъ-Еддина-Кази-Кумухскаго, пропагандировавшаго нѣкогда «таррихатъ» въ Дагестанѣ,—вторая жена Шамиля. Ее можно назвать главою всего дома. Ни одно дѣло не проходитъ безъ ея вмѣшательства; всѣ промахи, какіе только дѣлалъ и дѣлаетъ Шамиль въ Калугѣ, были отчасти слѣдствіемъ ея совѣтовъ; всѣ безпокоющія начальство письма, pro и contra его просьбъ и домогательствъ, писались по ея почину. Когда Шамиль, вопреки моимъ совѣтамъ, написалъ письмо къ военному министру съ просьбою о переселеніи его изъ Калуги въ другой городъ, и потомъ новое письмо, съ просьбою объ оставленіи его въ Калугѣ, то, по передачѣ мнѣ этого послѣдняго письма для отправки на почту, онъ спросилъ переводчика Мустафу:

— Что говоритъ полковникъ? вѣрно онъ сердится, что я не послушался его прежде?

— Полковникъ говоритъ, что вы, имамъ, напрасно слушаетесь женщинъ,—отвѣчалъ Мустафа.

— Это совершенно правда,—отвѣчалъ Шамиль;—онѣ-то именно и не даютъ мнѣ покоя!...

Заидатъ—фанатичка, жадна на деньги и хитра до утонченности; все хозяйство въ ея рукахъ. Упраздненіе должности домашняго казначея было отчасти ея дѣломъ; казначей записывалъ расходы, а слѣдовательно, итогъ ихъ былъ извѣстенъ; теперь же она, полагая, что стоимость содержанія семейства имама никому не вѣдома, имѣетъ возможность безсовѣстно твердить, что ежегодно отпускаемыхъ имъ 15 т. р. сер. недостаточно. Ложь эту поддерживаютъ Шамиль и Кази-Магометъ. Заидатъ первоначально собирала серебряную звонкую монету, но потомъ, узнавъ, что въ ней есть порядочная доля лигатуры, стала скупать брилліанты, жемчугъ, кораллы и драгоцѣнные камни. Въ покупкахъ этихъ она имѣетъ помощниками: Абдурахмана и Омара, вѣроятно, извлекающихъ и для себя маленькую пользу изъ этой операціи.

Въ отношеніи стола, въ домѣ имама развито скряжничество въ высшей степени [1]). Обѣды состоятъ изъ трехъ блюдъ, чаще изъ супа съ клецками, пирожковъ съ сыромъ или лукомъ и компота; когда же нѣтъ компота, то его замѣняетъ молочная каша.—Говядина подается не каждый день, а раза два-три въ недѣлю; ее отпускается на 18 душъ не болѣе шести фунтовъ. Для Шамиля собственно иногда приготовляется кушанье особо. Чай, для экономіи, пьется нерѣдко такой жиденькій, что сквозь него потребители могутъ смотрѣть не только на Кронштадтъ, но и на Кавказъ, на самый Дарго-Ведень. Когда Шамиль приглашаетъ къ себѣ гостей на обѣдъ (а этими гостьми бываю только я), что случается не болѣе четырехъ разъ въ годъ, то обѣдъ приготовляется европейскій, но безъ винъ. Остальные гости, посѣтители, весьма рѣдко навѣщающіе имама, потчуются шоколадомъ и печеніями, что̀ не причиняетъ большаго расхода.

Желающихъ имѣть фотографическія карточки Шамиля и членовъ его семейства очень много; стыдясь обнаружить, что имамъ, получая отъ русскаго правительства въ годъ 15 т. руб., жалѣетъ пожертвовать десяткомъ рублей для русской публики, я обыкновенно

[1]) Въ этомъ отношеніи, Шамиль не слѣдуетъ корану. Главы 3-й стихъ 175-й гл., 4-й стихъ 41-й и главы 70-й стихи 18-й и 19-й осуждаютъ скряжничество и сулятъ адъ людямъ скупымъ и алчнымъ къ собиранію сокровищъ.

покупаю у фотографа ихъ портреты на свой счетъ, что нисколько не конфузитъ ни Шамиля, ни членовъ его семейства.

Просьба Шамиля была поводомъ слѣдующаго со стороны моей представленія къ докладу военному министру:

«По словамъ военно-плѣннаго Шамиля, въ прошломъ (1862) году предполагалось перевести его съ семействомъ на жительство въ г. Москву, съ тѣмъ, что перемѣщеніе это состоится къ 1-му октября настоящаго года, по истеченіи срока найма занимаемой имъ нынѣ въ Калугѣ квартиры. — Съ приближеніемъ этого срока, Шамиль обратился ко мнѣ съ вопросомъ: будетъ ли онъ оставленъ въ Калугѣ, или же переведенъ въ Москву? За разрѣшеніемъ вопроса этого, который есть ни что иное, какъ косвенный со стороны его вопросъ о постоянно ожидаемомъ имъ выѣздѣ въ Мекку, я, по обязанности быть ходатаемъ въ дѣлахъ плѣнника, вынужденъ обратиться къ вашему высокопр—ству.

«Причину желанія жить въ Москвѣ Шамиль объясняетъ, во первыхъ, тѣмъ, что онъ, сдѣлавшись жителемъ столицы, много выиграетъ въ мнѣніи дагестанскаго народа, который, не зная Калуги, считаетъ ее Сибирью; а во вторыхъ, что онъ будетъ ближе отъ своего сына Магомета-Шафи, по роду службы проживающаго въ С.-Петербургѣ. Обѣ эти причины, по моему мнѣнію—предлогъ, настоящая же цѣль желанія ех-имама заключается въ томъ, чтобы, находясь лично вблизи Престола, имѣть случаи часто напоминать собою просьбу объ отпускѣ въ Мекку и этимъ осуществить свое постоянное задушевное стремленіе; въ мнѣніи этомъ я еще болѣе утвердился послѣ словъ Шамиля, высказанныхъ мнѣ откровенно: что онъ годъ-два готовъ прожить не только въ Калугѣ, но даже въ самомъ отдаленномъ уголкѣ Россіи, лишь бы послѣ этого срока ему дозволено было отправиться въ Мекку.

«Представляя обстоятельство это на благоусмотрѣніе ваше, я не лишнимъ считаю доложить, что перевозъ семейства Шамиля въ Москву будетъ сопряженъ съ значительнымъ для казны расходомъ, и, какъ я имѣю нѣкоторое основаніе подозрѣвать, вслѣдъ за перемѣщеніемъ воспослѣдуетъ просьба объ увеличеніи отпускаемой на содержаніе Шамиля суммы».

Отправку этого письма къ докладу я нарочно остановилъ до слѣдующей почты; — наканунѣ почтоваго дня, Шамиль, сообразивъ мой совѣтъ, просилъ меня: просьбу его о выѣздѣ изъ Калуги считать недѣйствительною.

Вотъ приблизительно ежемѣсячный расходъ на содержаніе дома военно-плѣннаго Шамиля:

1) На уплату наемной прислугѣ: лакеевъ 2, повара 1, кучера 1, дворника 1, прачки 1, и кухарки для варенія пищи прислугѣ 1—выходитъ въ мѣсяцъ, по расчету . . . 41 р.

2) На содержаніе пяти лошадей, считая на одну лошадь въ сутки овса 4 гарнца и сѣна 20 фунтовъ, полагая за этотъ фуражъ самыя высокія цѣны,—въ мѣсяцъ . . . . . 45 »

(По показанію Омара, лошади получаютъ въ сутки по 2 гарнца овса).

3) На чай и сахаръ для 18-ти человѣкъ, приблизительно, въ мѣсяцъ чаю 9 фунтовъ и сахару $4^1/_2$ пуда. 63 »

(По показанію Омара, выходитъ только въ мѣсяцъ: чаю 3 ф., сахару $2^1/_2$ пуда).

4) На хлѣбъ къ столу и булки къ чаю, въ мѣсяцъ 40 »

5) На весьма скромный столъ, состоящій изъ одного лишь обѣда, примѣрно въ сутки 3 р., а въ мѣсяцъ . 90 »

6) На освѣщеніе дома, полагая очень роскошно въ сутки по 3 ф. стеариновыхъ свѣчей, которыхъ не выходитъ и половины, въ мѣсяцъ . . . . . 30 »

7) На кофе для гостей собственно, потому что сами его не пьютъ, въ мѣсяцъ . . . . . 6 »

8) На смазку сбруи и починку экипажей. . . . 5 »

9) Домашнему медику въ мѣсяцъ . . . . . 15 »

10) На обнову одежды и обуви, которой не много требуется для людей сидящихъ постоянно дома и имѣющихъ въ изобиліи одежды, сшитой имъ послѣ плѣна на казенный счетъ, примѣрно въ мѣсяцъ. . . . . 100 »

11) Магомету-Шафи, на содержаніе въ С.-Петербургѣ, въ мѣсяцъ. . . . . 125 »

12) На раздачу милостыни неимущимъ ссыльнымъ горцамъ, по пресловутой щедрости ех-имама, въ мѣсяцъ 15 »

(Расходъ этотъ прогрессивно уменьшался).

Итого ежемѣсячный расходъ на содержаніе дома Шамиля, показанный, по образу жизни, преувеличеннымъ . . . . . 575 »

Годовой расходъ . . . . . 6,900 »
Затѣмъ, изъ отпускаемыхъ отъ правительства ежегодно 15 т. руб., чистаго остатка . . . . . 8,100 »
Квартира съ отопленіемъ ничего Шамилю не стоитъ [1]).

Въ какой степени Шамиль не индифферентенъ и щедръ на раздачу милостыни бѣднымъ — какимъ его представили читающей публикѣ нѣкоторые біографы, разъяснитъ слѣдующій случай съ ямщикомъ Калужской почтовой станціи. Для осмотра бумажной фабрики Говарда, имамъ ѣздилъ туда на почтовыхъ лошадяхъ. На обратномъ пути, вблизи Калуги, когда ямщикъ подошелъ поправить постромку, пристяжная лошадь ударила его въ колѣно, и шипомъ подковы раздробила ему чашку. Ямщикъ умеръ. Жена его и дѣти, оставшись безъ отца, безъ куска хлѣба, пришли къ Шамилю просить милостыни:

— А мнѣ до нихъ какое дѣло!—отвѣчалъ имъ ех-имамъ, опасающійся помощью, оказанною невѣрному, погрѣшить противу корана, предписывающаго ненависть къ христіанамъ, въ главѣ III-й стихъ 27-й, 114—117-й, 172-й; глав. V-й ст. 17-й, и т. д.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1862-го года, сынъ Шамиля, корнетъ лейбъ-гвардіи кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя, Магометъ-Шафи, прислалъ изъ С.-Петербурга въ г. Калугу жену свою Аминатъ, съ тѣмъ, чтобы она была отправлена далѣе, въ Дагестанъ, съ всадникомъ того же конвоя, родственникомъ ея, Исмаиломъ Халатау, которому для этой цѣли выданы были отъ казны прогонныя деньги. Аминатъ въ это время была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности; при всемъ томъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, рѣшилась посѣтить родину.

Шамиль, опасаясь, что Аминатъ, какъ женщина беременная, не выдержитъ трудности предстоящаго ей пути въ Дагестанъ, и болѣе—отправку ея съ Исмаиломъ, дальнимъ родственникомъ, находя дѣломъ противнымъ «шаріату»—оставилъ Аминатъ у себя, не смотря на то, что она со слезами умоляла имама или возвратить ее къ мужу въ Петербургъ, или дозволить продолжать

[1]) Съ 1860 по 1868 годъ, все вообще содержаніе и издержки по переѣздамъ Шамиля и его семейства стоили правительству болѣе 200 т. руб. сер. П.

путь на Кавказъ, но никакъ не оставлять въ Калугѣ, гдѣ она, въ семьѣ Шамиля, не встрѣчая родственнаго расположенія, обречена будетъ жизни затворнической и скучной.

Съ своей стороны, я полагалъ лучшимъ отправить жену корнета Магометъ-Шафи въ Дагестанъ, но прибывшій одновременно съ нею въ Калугу, для отвоза тѣла умершей жены Кази-Магомета, Кариматъ [1]), въ г. Нуху, корпуса фельдъегерей капитанъ Гузей Разумовъ, передалъ мнѣ, что желаніемъ правительства есть оставить Аминатъ въ Россіи. Отправка Аминатъ на родину, по моему мнѣнію, сократила бы Магомету-Шафи домашніе расходы и, безъ сомнѣнія, возстановила бы разстроенное здоровье этой бѣдной женщины.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, корнетъ Магометъ-Шафи прибылъ въ Калугу, пользуясь даннымъ ему отпускомъ. Изъ словъ предмѣстниковъ моихъ, полковника Богуславскаго и капитана Руновскаго, сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что Шамиль, при отправленіи сына на службу, назначилъ ему содержаніе по 2 т. руб. въ годъ. При окончаніи срока отпуска, корнетъ Магометъ-Шафи, готовясь къ выѣзду изъ Калуги, обратился къ отцу съ просьбою о выдачѣ ему положенныхъ денегъ, но, получивъ отказъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ моему содѣйствію. На просьбу мою: выдать Магомету-Шафи обѣщанную сумму и дозволить, чтобы на время онъ оставилъ жену свою въ Калугѣ, имамъ далъ весьма странный отвѣтъ, удивившій меня и уклончивостью, и отсутствіемъ здраваго смысла: въ отношеніи денегъ, Шамиль, ссылаясь на ихъ недостатокъ, отозвался, что давать сыну содержанія не можетъ и не хочетъ, потому что «онъ не его сынъ» [2]), и, наконецъ, предлагая 300 руб., заключилъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что Шафи, будучи его гостемъ, три мѣсяца держалъ пару лошадей, прокормленіе которыхъ стоило ему, Шамилю, до 400 рублей. Убѣдивъ старика, что я самъ, имѣя на конюшнѣ три лошади, издерживаю на фуражъ въ мѣсяцъ не много болѣе 30 р., а, слѣдовательно, содержаніе лошадей Шафи стоило не 400, но

---

[1]) Кариматъ, жена Кази-Магомета, дочь Елисуйскаго султана генералъ-маіора Даніель-бека, умершая отъ чахотки, просила, чтобы ея тѣло было отправлено на родину, что и исполнилось на казенный счетъ.

[2]) Старикъ не сочувствовалъ опредѣленію сына на службу въ ряды невѣрныхъ. П.

60 р., я съ большимъ трудомъ упросилъ Шамиля отдать сыну тысячу рублей за прошлое полугодіе. При врученіи денегъ, вычета за содержаніе лошадей не послѣдовало: присутствіе мое стѣснило старика.

Оставалось рѣшить дѣло относительно Аминатъ, жены Магомета-Шафи, которую, до предполагаемаго отправленія въ Дагестанъ, нужно было оставить въ Калугѣ. Шамиль отказалъ наотрѣзъ, отзываясь, что онъ никакъ не обязанъ кормить жену человѣка, получающаго отъ казны жалованье,—но когда, для отстраненія этого мелочнаго расхода, Магометъ-Шафи взялся содержать ее въ Калугѣ на свой счетъ, то Шамиль, ссылаясь на свидѣтельство зятя своего Абдурахмана, сталъ увѣрять, что и въ такомъ случаѣ Аминатъ не можетъ быть оставленною въ его домѣ, потому что какъ она будетъ постоянно плакать и грустить, то черезъ это накличетъ на него—«зульматъ» (мучительную летаргію) и даже, что̀ неизбѣжно, у него, Шамиля, откроется при зульматѣ кровотеченіе изъ ушей!... Предложеніе мое перевести Аминатъ изъ главнаго дома во флигель, или на особую по близости квартиру, не измѣнило желанія, чтобы Магометъ-Шафи взялъ жену съ собою въ Петербургъ.

— «Если она только будетъ жить въ одномъ со мною городѣ и будетъ печалиться, то «зульматъ» посѣтитъ меня неизбѣжно»,— твердилъ почтенный старецъ. Зять Абдурахманъ, врагъ корнета, нагло подтверждалъ справедливость опасенія имама, присовокупляя съ увѣренностью, что «зульматъ» бываетъ всегда у такихъ благочестивыхъ людей, каковъ имамъ.

Замѣчаніе мое, почему у имама не было «зульмата», когда онъ насильно оставилъ Аминатъ въ Калугѣ, черезъ что̀ она три дня плакала, прекратило рѣчь объ этой болѣзни, постигавшей людей святой жизни.

«Зульматъ», въ дословномъ переводѣ «потемнѣніе», есть сильный каталепсическій припадокъ, происходящій внезапно и вслѣдствіе огорченія. Онъ, по мнѣнію фанатиковъ, бываетъ только у избранниковъ Божьихъ, или у людей, отличающихся строгимъ образомъ жизни, усердіемъ къ религіи и безпрестаннымъ чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія, просто выражаясь—до одурѣнія.

И такъ, въ теченіе трехъ сутокъ, дѣло Аминатъ оставалось

нерѣшеннымъ, Шамиль предложилъ сыну взять ее въ Петербургъ и уже оттуда отправить въ Дагестанъ съ всадникомъ Исмаиломъ Халатау. Предложеніе это было слѣдствіемъ того, что на дняхъ имамъ нашелъ въ своихъ умныхъ книгахъ статью, дозволяющую женщинѣ совершать путешествіе съ мужчиною, дальнимъ родственникомъ.

Послѣ домашняго совѣщанія, явился ко мнѣ однажды Кази-Магометъ съ двумя отъ имени отца просьбами: во первыхъ, испросить у военнаго министра о высылкѣ прапорщика Исмаила-Инко-Гаджіева изъ Дагестана въ Калугу, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ сестру свою Аминатъ на родину въ селеніе Чохъ, Гунибскаго округа; и, во вторыхъ, чтобы я сохранилъ въ секретѣ происходившій въ семьѣ имама, по расчету съ сыномъ, скандалъ. Вслѣдствіе первой просьбы я вошелъ съ представленіемъ. Аминатъ, съ согласія Шамиля, оставлена въ его домѣ до испрашиваемаго пріѣзда за нею брата ея, прапорщика Исмаила.

Корнетъ Магометъ-Шафи, отправляясь къ мѣсту служенія, сначала убѣдительно просилъ меня снабдить его письмомъ къ военному министру, испрашивающимъ разрѣшеніе отдѣлить ему изъ суммы, отпускаемой на содержаніе отца, подлежащую часть, съ тѣмъ, чтобы деньги эти онъ получалъ не изъ рукъ имама, а отъ меня. Но потомъ, сообразивъ мой совѣтъ, что подобное распоряженіе можетъ огорчить отца, оставилъ это дѣло при прежнемъ порядкѣ.

По поводу моего представленія, о которомъ говорилось выше, кавказское начальство отозвалось, что полагаетъ болѣе удобнымъ отправить изъ Калуги жену корнета Магомета-Шафи въ сопровожденіи одного изъ лицъ, находящихся при Шамилѣ, потому что прапорщикъ милиціи Исмаилъ-Инко-Гаджіевъ, сынъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ въ Дагестанѣ фанатиковъ-сподвижниковъ Шамиля, вслѣдствіе неблагонамѣреннаго образа мыслей, былъ переселенъ въ 1861 году въ шамхальство Тарковское, потомъ отправленъ въ Мекку, откуда недавно возвратился, такъ что высылка его въ Калугу, для привоза въ с. Чохъ сестры, можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ для насъ толкамъ въ дагестанскомъ народѣ.

Вслѣдствіе этого отзыва, военный министръ, поручая мнѣ узнать у Шамиля, кого онъ пожелаетъ выбрать изъ числа лицъ, при немъ находящихся, для отвоза въ с. Чохъ жены корнета Магометъ-Шафи, присовокупилъ, чтобы я уладилъ это дѣло, не огорчая Шамиля прямымъ отказомъ отправить Аминатъ съ прапорщикомъ Исмаиломъ.

Не могу не замѣтить, что если мѣстное начальство Дагестанской области находитъ вреднымъ отправленіе Исмаила въ Калугу, то такой же вредъ можетъ произвести и поѣздка одного изъ членовъ семейства имама въ Дагестанъ; поэтому, какъ домогательство объ отправкѣ Аминатъ на родину, со стороны Шамиля и ея мужа, притихло, то я нашелъ лучшимъ оставить дѣло, могущее продлить переписку—втунѣ, до будущей тревоги.

Прапорщикъ Исмаилъ извѣстенъ мнѣ лично. Это, дѣйствительно, отъявленный фанатикъ. Въ 1861 году отецъ его, Инко-Гаджи, безъ вѣдома ближайшаго начальства, продавъ все свое имущество, пожелалъ переселиться въ Мекку. Исмаилъ заявилъ намѣреніе послѣдовать за отцомъ, и, совмѣстно съ прапорщикомъ Доутиловымъ, подобнымъ ему фанатикомъ,—сталъ подучать односельцевъ послѣдовать ихъ примѣру. Старикъ Инко-Гаджи отправился въ путь, а Исмаилъ и Доутиловъ, какъ вредные люди, были переселены въ шамхальское владѣніе; но Исмаилъ вскорѣ былъ возвращенъ въ сел. Чохъ, гдѣ и нынѣ (1863 г.) находится, и, по званію офицера милиціи, едва-ли не получаетъ отъ казны содержаніе. Въ бытность мою на Гунибѣ, до 1862 года, онъ въ Мекку отпускаемъ не былъ и кажется, что вовсе не совершалъ этого путешествія. Я никогда не могъ понять цѣли нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ запрещать коноводамъ фанатизма—переселеніе навсегда въ Турцію; по моему мнѣнію, дурную траву нужно вырывать съ поля. Отпустите: Кибитъ-Магомета и Гафни-Кази-Магомета-Тилитлинскихъ, прапорщиковъ Исмаила и Доутилова-Чохскихъ, Гальбарцъ-Дебира-Каратинскаго, и другихъ подобныхъ имъ фанатиковъ, и Дагестанъ будетъ спокоенъ. Какую пользу приносятъ эти люди для края? за что они получаютъ отъ казны денежное содержаніе?.... Фанатики Дагестана, переселен-

ные въ Турцію, не могутъ быть для насъ вредны [1]), а фанатики, удерживаемые въ Дагестанѣ — это язва, которая можетъ развиться во вредъ намъ. «Мунафики» всегда были душимы «мюридами», потому что у нихъ не было энергическихъ предводителей, тогда какъ у мюридовъ были фанатически преданные исламу коноводы.

Если бы высылка прапорщика Исмаила въ Калугу за сестрою могла произвести «разные неблагопріятные для насъ толки въ народѣ», то я никакъ бы не входилъ съ представленіемъ о его высылкѣ. Допускаю, что народъ Дагестана не прочь отъ выдумокъ, и пустилъ бы «хабаръ» (вѣсть), что Исмаилъ отправленъ въ Сибирь, но эта вѣсть нисколько для насъ не была бы вредною. Я лично арестовалъ (въ іюлѣ 1861 г.), въ присутствіи всего сельскаго общества и Куядинскаго наиба, капитана Имамъ-Гозали и шесть человѣкъ кородинцевъ, отправленныхъ въ послѣдствіи за ослушаніе во внутрь Россіи, и этотъ арестъ почетнѣйшихъ въ мѣстномъ обществѣ людей не произвелъ ни толковъ, ни возмущенія. Прапорщикъ Исмаилъ столько насолилъ народу въ бытность свою шамилевскимъ наибомъ, что даже казнь его мало бы возбудила огорченія, и объ немъ столько же бы жалѣли — сколько жалѣли объ убійствѣ его собрата Гаджи-Муссы. Перевозъ Аминатъ въ Дагестанъ ея братомъ Шамиль готовъ былъ принять на свой счетъ, между тѣмъ какъ отправка ея же съ однимъ изъ членовъ семьи имама стоила бы казнѣ огромныхъ издержекъ — это соображеніе можетъ быть ничего незначущимъ только для лицъ, разсуждающихъ, что «казна богата». Наконецъ, если смотрѣть на это дѣло съ дипломатическимъ расчетомъ, то взятіе Исмаиломъ сестры было бы скорѣе полезно. Шамиль ненавидитъ Исмаила за измѣну, за участіе его при сдачѣ намъ укрѣпленія Чохъ, но это не мѣшаетъ Исмаилу уважать и слѣдовать по тенденціямъ имама-родственника. Возвращеніе Аминатъ, безъ сомнѣнія, разорвало бы ихъ родство и Исмаилъ, недовольный этимъ разрывомъ, изъ родственника превратился бы въ непримиримаго врага и, ради неудовольствія, готовъ бы былъ возненавидѣть и Шамиля, и его родныхъ, и имамскія мюридскія идеи.

---

[1]) Къ сожалѣнію, война 1877-го года доказываетъ всю ошибочность этого мнѣнія. Ред.

По возвращеніи изъ Ункратльской экспедиціи (въ августѣ 1861 г.), генералъ-маіоръ Лазаревъ, разсказывая о трудностяхъ успѣшно оконченной экспедиціи и описывая мѣста, съ которыми онъ познакомился, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

— «Болѣе всего обратила на себя мое вниманіе мѣстность, находящаяся за Андійскимъ озеромъ, на правомъ берегу, не доходя рѣки Шаро-Аргуна; она, будучи чрезвычайно изобильна посѣвными полями, травою и лѣсомъ, по своему географическому положенію, командуетъ всѣмъ Дагестаномъ и Чечнею. Съ основаніемъ выше Веденя, на возвышенности Тадъ-Бурты (на картѣ Тадъ-Бутры или Чарбили), поселенія, усиленнаго соотвѣтственнымъ положенію края гарнизономъ, легко и не безъ матеріальной выгоды для правительства можно современемъ соединить Чечню съ Дагестаномъ. Учрежденіе въ Тадъ-Буртинскомъ поселеніи главнаго управленія этими двумя странами, раздѣленными на округи, доставило бы возможность упразднить начальниковъ отдѣловъ, за исключеніемъ мѣста дербентскаго военнаго губернатора (именуемаго нынѣ военнымъ начальникомъ Южнаго Дагестана), въ непосредственное вѣденіе котораго, безъ увеличенія штатовъ и безъ измѣненія системы управленія, при соединеніи Чечни съ Дагестаномъ, могли бы поступить: Кази-Кумухскій, Даргинскій и Кюринскій округи, Мехтулинское и Тарковское ханства и Присулакское наибство».

Однажды, при посѣщеніи меня Шамилемъ, я между прочимъ передалъ ему отзывъ генерала Лазарева, касающійся исключительно вышеописанной мѣстности; разсказъ этотъ вызвалъ со стороны имама слѣдующее объясненіе:

— «Во всей Чечнѣ и Дагестанѣ нѣтъ мѣста здоровѣе, живописнѣе и богаче землею, какъ Тадъ-Буртинская возвышенность. Произрастеніе хлѣбовъ и травъ на поляхъ, которыхъ имѣется даже въ излишествѣ противу потребностей жителей селеній, расположенныхъ въ окрестностяхъ, такъ изобильно, что содержаніе жителями большаго количества скота, даже въ рѣдкихъ случаяхъ неурожая, не представляетъ никакого затрудненія. Порода мѣстныхъ овецъ и мясо ихъ отличительно хороши, а молока, сыра и коровьяго масла, прекраснаго приготовленія и качества — избытокъ. Вода въ родникахъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка, чистая, вкусная и несравненно здоровѣе гунибской воды, хотя

прозрачной какъ хрусталь и холодной всегда какъ ледъ, но вредной для зубовъ и желудка. Лѣсовъ въ окрестностяхъ Тадъ-Бурты достаточно, такъ что, при экономическомъ употребленіи, ихъ достанетъ на продолжительное время. Объ употребленіи въ топливо торфа и о признакахъ его мѣсторожденія горцамъ почти неизвѣстно, поэтому и я (говоритъ Шамиль) о нахожденіи или отсутствіи при Тадъ-Буртинскихъ высотахъ этого горючаго матеріала ничего сказать не могу. На сѣверномъ склонѣ горы Тадъ-Бурты находится большое и очень глубокое озеро, раздѣляющееся на три рукава, съ каменистыми берегами; горцы называютъ его «денгизъ» (т. е. море); въ него впадаетъ множество мелкихъ ручейковъ, но куда убываетъ изъ озера вода — неизвѣстно. Озеро это изобилуетъ форелью» («марджанъ-балыкъ», то-есть: коралловая рыба [1]).

За нѣсколько лѣтъ до паденія мюридизма, извѣстный намъ Юсуфъ-Гаджи, игравшій въ горахъ и при имаматѣ роль инженера, предлагалъ Шамилю, прорывъ канаву, — къ исполненію чего, по близости одного рукава озера къ утесу, не представлялось большаго труда, — спустить воду на плоскость и воспользоваться богатствами, которыя, по повѣрью, всегда можно найти на днѣ моря; но, какъ предложеніе это, обѣщавшее несмѣтное, но при томъ невѣрное богатство, могло навѣрно затопить окрестныя поля и раззорить жителей селеній, расположенныхъ у подошвы горы, то и проектъ Юсуфъ-Гаджія былъ оставленъ Шамилемъ безъ исполненія.

Зять высокостепеннаго Шамиля, Абдурагимъ, въ десятый, если не болѣе разъ, заявилъ мнѣ свое неизмѣнное желаніе: оставить семью имама и поступить на службу въ Россіи или въ Дагестанѣ. Пренія объ этомъ предметѣ опять возобновились. Ша-

[1]) Тадъ-Буртинское плато, подобно Гунибскому, образовалось на группѣ неправильно лежащихъ громадной величины каменныхъ обломковъ, имѣющихъ внутри отверстія, въ которыя просачивается вода, и, достигнувъ дна возвышенности, у подошвы ея, выходитъ ручейками на плоскость. На Гунибѣ, около дома въ шесть комнатъ, который первымъ былъ мною построенъ изъ камня на глинѣ, протекаетъ довольно большой ручей, падающій на плоскость каскадомъ. Въ этомъ ручьѣ вода иногда сильно убывала, и только мѣстные жители сосѣднихъ деревень умѣли найти отверстіе и прекратить просачиваніе. П.

миль, изъявляя согласіе на разлуку съ зятемъ, высказалъ намѣреніе отпустить съ нимъ и Абдурахмана.

— Я не намѣренъ никого удерживать силою,—сказалъ имамъ,—но жены ихъ, а мои дочери, Написатъ и Фатиматъ, сами не хотятъ послѣдовать за мужьями.

— Это не правда,—отвѣчали зятья,—жены наши совершенно готовы ѣхать туда, куда мы поѣдемъ!...

Оставалось спросить самихъ женъ, для чего и былъ посланъ къ нимъ имамомъ Кази-Магометъ. Депутатъ этотъ, возвратясь черезъ пять минутъ, объявилъ, что Написатъ и Фатиматъ послѣдовать за мужьями и разстаться съ отцомъ—рѣшительно не желаютъ.

Опровергая это показаніе, зятья, въ свою очередь, побѣжали къ своимъ женамъ, и, возвратясь, заявили, что онѣ ѣхать съ ними куда бы то ни было—рѣшительно желаютъ.

Съ цѣлью покончить недоразумѣніе, я предложилъ Шамилю свои услуги, именно: лично переговорить съ его дочерьми. Старикъ согласился съ тѣмъ, чтобы Кази-Магометъ служилъ мнѣ переводчикомъ на аварскомъ нарѣчіи. Замѣчая, что Абдурахманъ и Абдурагимъ не довольны этою хитрою комбинаціею, я, сказавъ Шамилю, что буду говорить съ его дочерьми по кумыкски, отправился въ одиночествѣ къ нашимъ султаншамъ. Сынъ и зятья Шамиля послѣдовали за мною, и остались около не совсѣмъ затворенныхъ дверей,—подслушивать мой разговоръ съ прекраснымъ поломъ. Фатиматъ и Написатъ, въ смежныхъ комнатахъ, каждая на своей кровати, сидѣли за занавѣсками и обѣ громко хныкали. Высказавъ цѣль прихода, я спросилъ первую изъ нихъ: желаетъ ли она уѣхать съ мужемъ, или остаться при отцѣ?

— Если Написатъ поѣдетъ, то и я поѣду, если Написатъ останется—то и я останусь; но я не желаю разставаться ни съ отцомъ, ни съ мужемъ,—твердила Фатиматъ.

Повторивъ нѣсколько разъ вопросъ и выслушавъ отвѣтъ на одну тему, я обратился ко второй.

— Если Фатиматъ поѣдетъ, то и я поѣду, если Фатиматъ останется—то и я останусь; но я не желаю разставаться ни съ отцомъ, ни съ мужемъ,—отвѣчала какъ попугай Написатъ.

Изъ-за дверей раздавались голоса суфлеровъ:

— Скажи, что желаешь остаться при отцѣ,— подсказывалъ старшій сынъ имама, по аварски.

— Скажи, что желаешь ѣхать съ мужемъ, — подшептывали на томъ же нарѣчіи зятья его.

Далѣе, за группою мужчинъ, слышался говоръ, похожій на трещотку. Это держала рѣчь главнокомандующая дворомъ имама въ Калугѣ, вѣтвь изъ фамиліи великаго пророка Магомета— Заидатъ. — Шуанетъ, дѣти и двѣ старухи-служанки дополняли этотъ семейный концертъ, хныканіемъ на разные мотивы.

Смиренный старичокъ, «бѣдный рабъ Божій Шамуиль», сидѣлъ въ залѣ, перебиралъ зерна четокъ, и безъ остановки шепталъ «зикру», состоящую изъ повторенія словъ: «Ля-иль-Алла, иль-Алла!»

Я махнулъ рукою, раскланялся, и ушелъ, высказавъ по чести справедливо, что мнѣ гораздо легче было управлять нѣсколькими округами Дагестана, чѣмъ несговорчивою семьею имама.

— Будетъ ли когда нибудь конецъ этимъ комедіямъ? спросилъ я провожавшаго меня Кази-Магомета.

— Едва-ли,— отвѣчалъ онъ,—сегодняшнее рѣшеніе перемѣнится завтра, по желанію Заидатъ.

— Отчего это у васъ вѣчное несогласіе? спросилъ я однажды Омара.

— Оттого, — улыбнувшись отвѣчалъ онъ, — что вся семья имама не изъ одной деревни: есть гимринцы, кази-кумухцы, чохцы, казанищенцы и даргинцы.

— Ради Бога,—умолялъ меня Абдурагимъ,—исходатайствуйте мнѣ опредѣленіе на службу; неужели, изъ-за куска хлѣба и пары сапоговъ, терять мнѣ молодость!... Я не могу и не хочу быть «мюридомъ», Калуга—не Дарго! Удерживать меня насильно—это чистая «зульма» (притѣсненіе) [1]).

— Обратись къ Шамилю, пусть онъ изъявитъ согласіе на твое опредѣленіе въ службу, и я завтра же возьмусь о томъ ходатайствовать; — согласіе Шамиля должно быть выражено на бумагѣ, иначе я не возьму пера въ руки. Я знаю вашъ харак-

[1]) Главы IV-й стихъ 16-й корана запрещаетъ причинять обиды и притѣсненія кому бы то ни было.

теръ, всегда нерѣшительный и изворотливый, и не повѣрю людямъ, которые, по обстоятельствамъ, отказываются отъ того сегодня, чего хотѣли вчера.

— Право, мнѣ иногда и грустно — а иногда смѣшно! «Тамаша» (удивительно), неужели моя просьба служить царю не можетъ быть рѣшена ни по «адату», ни по «шаріату», ни по русскому закону! сказалъ Абдурагимъ, и раскланялся со мною.

Распри на время притихли.

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ

XXXII [1]).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Ну, радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!
Да это, полно-ли, не сонъ?

Лѣтомъ 1858 года просила я о выдачѣ заграничнаго паспорта мнѣ и старшему сыну моему Александру, за годъ передъ тѣмъ окончившему, кандидатомъ, курсъ юридическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ просьбой о паспортѣ, подала я прошеніе московскому военному генералъ-губернатору, графу Арсенію Андреевичу Закревскому, объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія для выѣзда съ нами за границу меньшому сыну моему Владиміру и десятилѣтнему моему племяннику и крестнику Ипполиту Пашкову. Зная, что разрѣшеніе выѣзда за границу несовершеннолѣтнимъ придется ждать довольно долго, мы прожили до конца лѣта въ подмосковной деревнѣ, и только въ первыхъ числахъ сентября возвратились въ Москву.

Не получая официальнаго извѣщенія, ни о выдачѣ намъ паспорта, ни о разрѣшеніи выѣзда изъ Россіи несовершеннолѣтнимъ, старшій сынъ мой поѣхалъ въ канцелярію генералъ-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852. Томъ XVI стр. 89—131; 309—510; 511—544; 649—670. Томъ XVII, стр. 537—579. Изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 665—682. Томъ XIX, стр. 431—474.

губернатора, чтобы обо всемъ этомъ справиться. Когда, возвратясь оттуда, онъ вошелъ ко мнѣ, то, взглянувши на него, я испугалась блѣдности и разстроеннаго его вида.

— Что съ тобой, Саша? спросила я его встревоженнымъ голосомъ.

— Пожалуйста, не безпокойся, мама, и не огорчись,—отвѣчалъ онъ, видимо сдерживая волненіе; бѣда не большая, хотя непріятно, должно быть—недоразумѣніе....

— Въ чемъ недоразумѣніе? прервала его я,—что случилось? если есть что непріятное, надобно же узнать?

— Насъ не пускаютъ за границу,—тихо сказалъ Саша.

— Не можетъ быть! возразила я, чувствуя, что сердце у меня замираетъ. Всѣмъ даютъ заграничные паспорты безъ затрудненія, отчего же намъ не давать? Вѣроятно, тебѣ не такъ передали—ошибка....

— Нѣтъ, мама, ошибки нѣтъ, намъ отказано. Это вѣрно. Когда я пришелъ въ канцелярію, спросилъ о нашемъ паспортѣ и о разрѣшеніи братьямъ ѣхать за границу, мнѣ отвѣчали что дѣло объ насъ находится въ секретномъ отдѣленіи, и я освѣдомился-бы тамъ. Отправляюсь въ секретное отдѣленіе, спрашиваю,—чиновникъ начинаетъ рыться въ бумагахъ, съ видимымъ неудовольствіемъ, наконецъ говоритъ: «вашему семейству выѣздъ за границу запрещенъ».—Какъ запрещенъ? за что?—«По неизвѣстнымъ причинамъ». Я былъ пораженъ.—Если вы знаете,—обратился я къ чиновнику,—скажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?...—«Ну, ужъ извините,—отвѣчалъ онъ нетерпѣливо,—не могу вамъ объяснить, сказано: по неизвѣстнымъ причинамъ»... Какъ-же намъ оправдаться—не зная въ чемъ обвинены?—«Право, не знаю—дѣлайте какъ хотите; отнеситесь къ генералъ-губернатору».

Я написала коротенькое письмо къ графу Закревскому, въ которомъ просила сообщить мнѣ, почему намъ отказываютъ въ выѣздѣ изъ Россіи. Графъ отвѣчалъ, что причина отказа извѣстна только шефу жандармовъ, князю Василію Андреевичу Долгорукому.

Мѣра, принятая противъ насъ, вскорѣ сдѣлалась извѣстною въ московскихъ кружкахъ и возбудила всеобщее недоумѣніе. Безупречная жизнь наша была извѣстна.

Я обратилась за совѣтомъ къ Алексѣю Петровичу Ермолову.

— Вѣроятно, всю эту кашу заварилъ Закревскій,—сказалъ Ермоловъ,—и, конечно, изъ пустяковъ, да навелъ на нее и Долгорукаго. Какъ жаль, что я не зналъ прежде. Долгорукій былъ здѣсь недавно; мы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, переговорили-бы и васъ отпустили бы съ Богомъ на всѣ четыре стороны. Я напишу князю, напишите и вы; надѣюсь, все уладится какъ нельзя лучше.

Поговоривши о Закревскомъ и Долгорукомъ, Ермоловъ сталъ разспрашивать меня о дядѣ моемъ, Александрѣ Ивановичѣ Кучинѣ, вспоминалъ о ихъ молодости, дружбѣ, службѣ, бранилъ его зачѣмъ онъ не ѣдетъ повидаться съ нимъ.

—На-дняхъ былъ у меня его прикащикъ Петръ Семеновъ, видѣли-ли вы его? спросилъ Алексѣй Петровичъ.

— Онъ у насъ останавливался и пробылъ довольно долго: хлопоталъ по дѣламъ дяди.

— Я былъ очень радъ старику, пилъ съ нимъ вмѣстѣ чай и разспрашивалъ какъ они съ бариномъ живутъ, какъ хозяйничаютъ; говоритъ, баринъ ни ногой изъ деревни. «Ну, братъ,—замѣтилъ я,—баринъ твой дрался какъ чортъ, и засѣлъ въ Чертовой» [1]).

По совѣту Алексѣя Петровича, я написала князю Долгорукому, просила его, прежде всего, сообщить мнѣ, за какую вину насъ осудили и наказали лишеніемъ того права, которое всѣмъ предоставлено, такъ, что и голоса нашего было не слышно.

Недѣли черезъ двѣ, однимъ утромъ, пили мы въ залѣ чай, какъ послышалось въ передней брязанье шпоръ, затѣмъ, въ дверяхъ показался жандармъ и подалъ мнѣ письмо отъ Долгорукаго;—князь писалъ, что отвѣтъ на мое письмо мнѣ сообщитъ графъ Закревскій.

Кажется, чего-бы проще отвѣтить самому?

Письмо князя я немедленно отправила къ Закревскому и просила объ отвѣтѣ. Графъ поступилъ посложнѣе Долгорукаго. Онъ написалъ, что отвѣтъ князя сообщитъ мнѣ черезъ нѣсколько дней. Дни эти протянулись мѣсяцы. Наконецъ, 12-го января, въ мои имянины, Закревскій, должно быть—въ видѣ подарка, увѣдомилъ, что мнѣ разрѣшается ѣхать за границу, вмѣстѣ съ

[1]) Тульское имѣніе дяди.

меньшимъ сыномъ и больнымъ племянникомъ; старшій же сынъ удерживается въ Россіи.

Подарокъ оказался неудачнымъ.

Такого рода разрѣшеніе—равнялось запрещенію...

При видѣ печали Саши, стало тяжелѣе и грустнѣе прежняго.

— Саша, сказала я, никто изъ насъ не воспользуется тѣмъ правомъ, котораго лишаютъ тебя. Для тебя же, по преимуществу, и поѣздка эта предпринимается.

Въ это время «Русскій Вѣстникъ» вступилъ въ самый блестящій періодъ своего существованія. Многіе изъ московской интеллигенціи собирались по четвергамъ, на вечера къ редактору «Вѣстника»—Михаилу Никифоровичу Каткову. Нерѣдко и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстностей, особенно изъ круга людей науки, спѣшили познакомиться съ редакторомъ журнала, пользовавшагося большимъ уваженіемъ. Я была довольно близка съ домомъ Михаила Никифоровича, и особенно съ его умной, доброй, образованной невѣсткой, княжной Натальей Петровной Шаликовой. Какъ Михаилъ Никифоровичъ, такъ почти всѣ, посѣщавшіе ихъ, отнеслись съ участіемъ къ нашему дѣлу, и совѣтовали повторить просьбу князю Долгорукому. Жандармскій полковникъ и литераторъ, С. С. Громека, часто бывавшій у Катковыхъ, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ Александру Егоровичу Тимашеву, о которомъ отзывался какъ о человѣкѣ всегда готовомъ на доброе дѣло, и предложилъ лично доставить ему мое письмо. Я написала Александру Егоровичу тепло и откровенно, какъ понимала это дѣло; онъ отвѣчалъ, что постарается исполнить мою просьбу, насколько это будетъ зависѣть отъ него.

Не смотря на желаніе многихъ быть намъ полезными, дѣло наше оставалось до весны все въ одномъ и томъ же положеніи.

Въ половинѣ марта 1859 года, я рѣшилась ѣхать съ дѣтьми въ Петербургъ и лично похлопотать о разрѣшеніи намъ выѣзда въ чужіе краи.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Петербургу, тѣмъ большей тоской и какъ бы страхомъ обдавало душу. Природа, что шагъ, то становилась бѣднѣе и бѣднѣе; безплодныя пажити, болота, бѣдныя деревни, болѣзненныя искривленныя деревья, на сырой тощей почвѣ, увеличивали тяжелое настроеніе духа.

Въ Петербургѣ все намъ было чуждо.

Мы остановились въ гостинницѣ. Мрачныя облака покрывали небо; дождь, пополамъ со снѣгомъ, заливалъ окна; комнаты казались непривѣтливы; чувство одиночества, безпомощности сжимало грудь. Вся надежда наша основывалась на рекомендательномъ письмѣ къ фрейлинѣ Императрицы — Дарьѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, данномъ мнѣ московскими знакомыми.

Отдохнувши дня два, поѣхала я въ Зимній дворецъ. Съ признательностію вспоминаю, какъ радушно приняла меня Дарья Ѳедоровна. Выслушавши съ участіемъ все дѣло, она сказала, что лучше всего обратиться къ Государынѣ, но для этого надобно, что-бы представилась благопріятная минута, и просила увѣдомить ее какъ пойдетъ дѣло съ княземъ Долгорукимъ.

Съ княземъ дѣло не шло никакъ: я писала къ нему, сынъ мой былъ у него, но ничего яснаго, опредѣленнаго добиться не могли; отвѣты были уклончивы, изъ фразъ безъ содержанія. Мы томились въ неизвѣстности и проживались въ гостинницѣ. Наконецъ, видя, что все безполезно, рѣшились уѣхать въ подмосковную деревню и предоставить наше дѣло на волю Божію.

Дня за три до нашего отъѣзда, я получила отъ Дарьи Ѳедоровны письмо.... вскорѣ выѣздъ за границу Сашѣ былъ разрѣшенъ.

. . . . . .

Да будетъ благословеніе Бога надъ Государыней и Высочайшимъ семействомъ Ея. Чувства глубокой благодарности и преданности къ Ея Величеству живы въ душѣ моей, и я позволяю себѣ запечатлѣть ихъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Причина же, по которой намъ отказывали въ выѣздѣ, такъ и осталась въ неизвѣстности. Быть можетъ, Алексѣй Петровичъ былъ правъ, предполагая, что чье нибудь непріязненное чувство косвенно отразилось на насъ и по справкамъ мы оказались невинными.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхала въ Петербургъ княжна Наталья Петровна Шаликова, съ молодой дѣвушкой, дочерью подруги своей юности, Варварой Алексѣевной Кащеевой [1]), и остановилась въ одной гостинницѣ съ нами. Мы вида-

[1]) Въ настоящее время супруга Алексѣя Алексѣевича Гатцука, издателя «Крестнаго календаря» и «Газеты Гатцука». Т. П.

лись почти каждый день. Однажды княжна собралась ѣхать къ графинѣ Толстой, супругѣ вице-президента академіи художествъ, знаменитаго медальера, гр. Ѳедора Петровича Толстаго, и предложила мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нею.

— Какъ же это, княжна, — сказала я, — быть можетъ, они и понятія не имѣютъ обо мнѣ, а если и имѣютъ, то еще желаютъ ли моего знакомства? — Княжна увѣрила меня, что Толстые объ насъ знаютъ и рады будутъ видѣть у себя.

— Не лучше ли переговорить предварительно? замѣтила я.

— Съ такими людьми, какъ Толстые, въ этомъ нѣтъ надобности, — возразила княжна, — они выше мелкихъ общественныхъ условій. — И осыпала ихъ похвалами.

Я рѣшилась, и вмѣстѣ съ княжной отправилась на Васильевскій островъ въ академію художествъ, гдѣ жило въ то время семейство графа Толстаго. Утро было прекрасное, лучи солнца ярко освѣщали великолѣпныя зданія Невскаго проспекта, пестрыя толпы гуляющихъ, памятникъ Петра Великаго, дворецъ, голубую Неву, неподвижную какъ зеркало, и, кажется, проникали въ мою душу: такъ легко, свѣтло и весело я давно себя не чувствовала; или это было предвозвѣстіе встрѣчи съ людьми, съ которыми суждено было мнѣ сблизиться дружески на всю мою жизнь. Семейство графа занимало квартиру въ нижнемъ этажѣ дома. Мы вошли безъ всякихъ предварительныхъ церемоній. Въ свѣтлыхъ, высокихъ комнатахъ была глубокая тишина, и со всѣхъ сторонъ охватывала изящная, художественная жизнь. Въ большой залѣ, убранной въ античномъ вкусѣ, на двухъ противоположныхъ стѣнахъ, во всю ихъ длину, стояли узкіе диваны, съ небольшими спинками въ греческомъ вкусѣ, по сторонамъ которыхъ, на четырехъугольныхъ пьедесталахъ, были поставлены большія античныя статуи; на одномъ Венера, на другомъ Аполлонъ, на третьемъ Меркурій, на четвертомъ ще Венера. Между огромныхъ оконъ, по сторонамъ большаго зеркала, на низкихъ пьедесталахъ, стояли, также античной формы, бюсты Гомера и Софокла, а на двухъ высокихъ печахъ, на одной—превосходный, колоссальный бюстъ Юпитера, на другой — Минервы. На стѣнахъ висѣли картины съ живописными видами, группами, портретами.

Въ диванной мы увидѣли даму среднихъ лѣтъ, съ самой сим-

патичной наружностью, одѣтую очень скромно. Она сидѣла на диванѣ рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, брюнетомъ, небольшаго роста, черты лица котораго выражали умъ, добродушную иронію и наклонность увлекаться. Передъ ними на столѣ лежалъ раскрытый альбомъ великолѣпныхъ рисунковъ большаго формата, которые они внимательно разсматривали. На этой комнатѣ лежала та же печать художественности, какъ и на залѣ. По стѣнамъ виднѣлись картины, на окнахъ цвѣты; въ нишѣ окна, прямо противъ двери изъ залы, среди растеній, на пьедесталѣ, стояла, въ ростъ человѣческій, статуя. Она изображала полуобнаженную нимфу, опиравшуюся колѣномъ правой ноги на невысокую скалу; лѣвой—спускающуюся въ большую раковину, въ которую льетъ воду изъ античнаго кувшина, поддерживая его надъ правымъ плечомъ обѣими руками. Статуя эта, работы графа Ѳ. П. Толстаго, сдѣлана была имъ въ 1845 году и предложена въ совѣтъ академіи художествъ, гдѣ заслужила всеобщую похвалу какъ по идеѣ и граціозности нимфы, такъ и по правильности рисунка всей фигуры.

Графъ представилъ эту нимфу его величеству Николаю Павловичу. Государь долго ее разсматривалъ, нашелъ прекрасной, приказалъ высѣчь ее изъ мрамора, также произвести гальванопластическимъ способомъ мѣдную, для фонтана, и поставить ее въ нижнемъ саду Петергофа, внутри мраморной колоннады (она и теперь тамъ находится). По случаю возникшей войны съ французами и англичанами, государь приказалъ, на время, остановить работу нимфы изъ мрамора, а такъ какъ приказанія возстановить производство ея изъ мрамора больше не было, то она и осталась въ гипсовомъ слѣпкѣ.

При входѣ моемъ и княжны въ диванную комнату, дама, сидѣвшая на диванѣ, встала и встрѣтила насъ такъ искренно, тепло, такъ сердечно, что я почувствовала себя между своими. Это была графиня Анастасія Ивановна Толстая. Она представила намъ сидѣвшаго съ нею молодаго человѣка, говоря: «Николай Ѳедоровичъ Щербина».

Щербина сказалъ мнѣ, что онъ очень хорошо зналъ Вадима Васильевича, напомнилъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы видались съ нимъ въ домѣ А. Ѳ. Вельтмана, когда онъ только

что пріѣхалъ изъ Таганрога и придумывалъ, какую бы избрать себѣ карьеру.

Ему было тогда не болѣе шестнадцати лѣтъ. Вельтманъ и Вадимъ полюбили его, оцѣнили его разцвѣтавшій талантъ и приняли въ немъ участіе.

Мы дружески пожали другъ другу руки.

Спустя часа два, всѣ мы были между собой какъ бы давно и близко знакомые. Насъ пригласили отобѣдать. Незадолго до обѣда, графъ оставилъ свой кабинетъ, гдѣ съ утра занимался работой, и вошелъ къ намъ.

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія смотрѣла я на геніальнаго старца-художника.

Не взирая на преклонныя лѣта, онъ былъ еще свѣжъ, бодръ и сохранилъ остатки прекраснаго лица. Въ глазахъ его, прикрытыхъ зеленымъ зонтикомъ, свѣтился умъ и юность души. Роста графъ былъ высокаго, держался прямо, не смотря на свои лѣта и неутомимые труды. Въ его обращеніи, въ пріемахъ, была простота, благородство и на всемъ на немъ лежалъ типъ породистости того слоя общества, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, воспитанію и возвышенной натурѣ своей. Вслѣдъ за графомъ вошли двѣ миловидныя дѣвочки, въ коротенькихъ платьицахъ, — дочери графа. Одной изъ нихъ казалось около тринадцати, другой около десяти лѣтъ. Видно было, что на этихъ дѣтяхъ сосредоточивалась вся забота, вся любовь, вся радость просвѣщенныхъ родителей. Столько счастія, столько жизни свѣтилось въ ихъ дѣтскихъ взорахъ, столько простоты, свободы въ граціозныхъ движеніяхъ.

Въ небольшомъ кабинетѣ графини остановили мое вниманіе висѣвшіе по стѣнѣ надъ диваномъ четыре барельефа изъ поэмы Гомера «Одиссея», работы графа, вылѣпленные имъ изъ воска въ 1816 году. Первый барельефъ изображалъ пиршество искателей руки Пенелопы, во время отсутствія Одиссея на троянской войнѣ, а въ сторонѣ Минерва, въ видѣ Ментора, совѣтуетъ Телемаку отыскивать отца. Второй—какъ Телемакъ, въ гостяхъ у Менелая, слушая разсказъ Елены о троянской войнѣ и подвигахъ Улисса, заплакалъ и былъ узнанъ. На третьемъ—Улиссъ въ видѣ нищаго является въ свой дворецъ во время пиршества жениховъ Пенелопы. Телемакъ объявляетъ, что тотъ получитъ руку

его матери, кто натянетъ лукъ Одиссея, и пропуститъ стрѣлу сквозь кольцо, повѣшенное въ залѣ. Ни одинъ изъ жениховъ не въ силахъ натянуть лука. Нищій выражаетъ желаніе участвовать въ состязаніи, Телемакъ велитъ передать ему лукъ; онъ легко натягиваетъ его, пропускаетъ стрѣлу сквозь кольцо, второй стрѣлой убиваетъ главнаго преслѣдователя Пенелопы, а потомъ, съ помощію Телемака и одного пастуха, убиваетъ всѣхъ пировавшихъ, кромѣ пѣвца Феміуса. На четвертомъ—Меркурій отводитъ въ адъ прозрачную группу летящихъ тѣней—жениховъ Пенелопы. У входа въ адъ ихъ встрѣчаютъ тѣни Агамемнона и Ахилла, удивленныхъ одновременной смертью столькихъ юношей, и узнаютъ о происшедшемъ на островѣ Итакѣ.

Съ изумленіемъ и восторгомъ всматривалась я въ вѣрную картину древняго быта, въ грацію лицъ, одежды, обстановки, въ сочетаніе группъ, въ красоту и точность работы.

Графъ, первый изъ русскихъ художниковъ, сталъ лѣпить изъ воска барельефы изъ древней, средней и русской исторіи, изъ греческой миѳологіи и изъ преданій гомерическихъ вѣковъ... Онъ изучалъ для этого археологію, читалъ множество описаній образа жизни и утвари въ разные вѣка, имѣлъ большое собраніе костюмовъ какъ древнихъ, такъ и среднихъ вѣковъ всѣхъ странъ и народовъ, и, въ работахъ своихъ, во всемъ держался самой строгой вѣрности.

Съ четырехъ барельефовъ изъ Одиссеи, онъ вырѣзалъ, въ составной, крѣпкой мѣди, формы для выливанія въ нихъ гипсовыхъ слѣпковъ.

На другой стѣнѣ кабинета находилась коллекція осьми-угольныхъ медальоновъ, также съ дивнымъ искусствомъ вылѣпленныхъ графомъ изъ воска. Они изображали отечественную войну 12-го года и войны 13-го и 14-го годовъ.

Графиня объяснила мнѣ содержаніе каждаго медальона и обратила мое вниманіе на мраморный бюстъ работы графа, представляющій дремлющаго Морфея въ густомъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ породы лилій, которымъ древніе греки приписывали усыпляющее свойство, и на грудное изображеніе Спасителя, изсѣченное такъ же, какъ и бюстъ Морфея, изъ мрамора, въ естественную величину.

Изъ трехъ картинъ, написанныхъ графомъ масляными крас-

ками, вниманіе мое остановила картина семейная и въ ней особенно замѣчательная перспектива комнатъ.

Весь этотъ день мы провели съ большимъ наслажденіемъ; съ этого времени стали часто видаться съ Толстыми, и все больше и больше сближались съ ними.

Образованность, теплота души графини, умъ, доброта, многостороннія знанія, юность и свѣжесть духа графа и радушный пріемъ привлекали въ ихъ домъ избранное общество: литераторовъ, артистовъ, художниковъ, образованныхъ людей. Въ кругу графа возбуждены были интересы, какъ отечественнаго просвѣщенія, такъ и общественнаго благоустройства, политики, поэзіи, литературы, науки; всему онъ сочувствовалъ, все ему было близко, все имъ изучено и ставило его высоко, какъ художника и какъ просвѣщеннаго человѣка. Не смотря на все это, онъ былъ такъ простъ, непритязателенъ и исполненъ только стремленіемъ къ пользѣ общей, что передъ авторитетомъ его, котораго онъ не давалъ и замѣтить, рождалась не робость, не чувство своего ничтожества, но порывы къ прекрасному, бодрость духа и желаніе дѣятельности.

Въ домѣ Толстыхъ, чаще всѣхъ, встрѣчала я, кромѣ нѣкоторыхъ художниковъ, поэта Щербину; Ѳедора Николаевича Глинку, друга молодыхъ лѣтъ графа; только что возвратившагося изъ ученаго путешествія на Сыръ-Дарью орнитолога Николая Алексѣевича Сѣверцова, замѣчательнаго, какъ обширнымъ знаніемъ своего предмета и образованіемъ, такъ и поразительною разсѣянностію; случалось, что, входя куда нибудь въ домъ, если какой нибудь предметъ возбуждалъ въ немъ любопытство, то онъ, никого не замѣчая, направлялся прямо къ нему; когда же въ глаза ему бросалась книга, онъ шелъ прямо къ ней, раскрывалъ ее, начиналъ читать и забывалъ, что не у себя въ кабинетѣ. Почти ежедневно бывалъ у Толстыхъ малороссійскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, какъ извѣстно, родился въ крѣпостномъ состояніи, у одного изъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Умный, даровитый, страстный любитель поэзіи и живописи, онъ имѣлъ случай пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія, способствовавшія его развитію, но крѣпостное состояніе тяготѣло надъ нимъ; по счастію, о немъ узналъ Василій Андреевичъ Жу-

ковскій; онъ исходатайствовалъ ему у помѣщика увольненіе и въ 1844 году опредѣлилъ въ академію художествъ, а въ 1848 г. Шевченко получилъ званіе свободнаго художника и уѣхалъ на родину. Тамъ онъ написалъ сатиру, за которую былъ разжалованъ въ солдаты въ Оренбургскій край и назначенъ въ арестантскія роты въ крѣпостныя работы Новопетровской крѣпости. Изъ этого несчастнаго положенія онъ былъ извлеченъ участіемъ графа и графини Толстыхъ, по преимуществу графини, какъ это видно изъ слѣдующихъ писемъ къ ней Тараса Григорьевича.

«22-го апрѣля 1856 г.»

«Христосъ воскресе. Благородное письмо ваше, отъ 20-го февраля, получено мною 15-го апрѣля, и получено такъ кстати, какъ я еще никогда не получалъ (въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія) такого искренняго, сердечнаго письма въ такой день.

«Страстная недѣля была проведена мною въ самомъ тревожномъ, въ самомъ тяжкомъ ожиданіи. И въ продолженіе Великаго поста, и въ особенности на Страстной недѣлѣ, когда уже у насъ открылось водное сообщеніе, я ждалъ изъ Оренбурга почты, которая должна была привезти мнѣ прощеніе, вслѣдствіе высочайшаго манифеста, обнародованнаго по случаю восшествія на престолъ Государя Императора. Оказалось что-же? что я не былъ представленъ къ этой высочайшей милости. Что я не вычеркнутъ изъ реестра мучениковъ. Что я забытъ. Горько, да и какъ еще горько получить такое извѣстіе и въ такой великій день. Это страшная насмѣшка меня карающей судьбы! О, не приведи Господи никому такъ встрѣтить этотъ радостный торжественный день, какъ я его теперь встрѣтилъ. Вообще эти великіе праздники, внѣ семейства и родины, встрѣчаются не весело, каково-же я его встрѣтилъ? я близокъ былъ къ отчаянію, такъ меня ошеломило это безнадежное извѣстіе. Грустно, невыразимо грустно встрѣтилъ и проводилъ я первый день праздника. На другой день ротный командиръ объявилъ мнѣ, что получено страховое письмо на мое имя, и приказалъ писарю отдать его мнѣ. Это было письмо ваше, ваше искреннее, великодушное посланіе.

«Награди васъ Господи и близкихъ вамъ безконечной радостію и невозмутимымъ счастіемъ и спокойствіемъ! Я ожилъ, я воскресъ! И остальные дни праздника я провожу какъ бы въ родномъ семействѣ между васъ и Николая Осиповича, мои милые, мои добрые, мои великодушные друзья! Я такъ обрадованъ, такъ осчастливленъ вашимъ ласковымъ привѣтомъ, что забываю гнетущее меня девятилѣтнее испытаніе. Да, уже девять лѣтъ какъ казнюся я за грѣшное увлеченіе моей безтолковой молодости. Преступленіе мое велико—я это сознаю въ душѣ, но и наказаніе безгранично, и я

не могу понять, что это значитъ. Комфирмованъ я съ выслугою, служу, какъ истинный солдатъ; одинъ мой недостатокъ, что я не могу дѣлать ружьемъ какъ бравый ефрейторъ, но мнѣ уже 50 лѣтъ.

«Мнѣ запрещено писать стихи, я знаю за что, и переношу наказаніе безропотно, но за что мнѣ запрещено рисовать? Свидѣтельствуюсь сердцевѣдцемъ Богомъ—не знаю. Да и судьи мои столько же знаютъ, а наказаніе страшное! Вся жизнь была посвящена божественному искусству. И что-же? не говорю уже о матеріальной пыткѣ, о нуждѣ, охлаждающей сердце. Но какова пытка нравственная? О, не приведи Господи никому на свѣтѣ испытать ее. Хотя съ великимъ трудомъ, я, однакожъ, отказалъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Довольствуюсь тѣмъ, что царь даетъ солдату. Но какъ отказаться отъ мысли, чувства, отъ этой неугасимой любви къ прекрасному искусству. О, спасите меня, или еще одинъ годъ и я—погибъ. Какъ мое будущее? Что у меня на горизонтѣ? Слава Богу, если богадѣльня, и можетъ быть.... О, да не возмутится сердце ваше. Мнѣ снится иногда бѣдный ученикъ Мартоса и первый учитель покойника Витали Малодушное, недостойное пророчество! Но вода на камень падаетъ и камень пробиваетъ.

«Простите мнѣ, я возмущаю ваше доброе сердце своими безконечными жалобами. Что же дѣлать. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

«Я не знаю, писалъ ли обо мнѣ графъ Ѳедоръ Петровичъ оренбургскому генералъ-губернатору? Если нѣтъ, то именемъ Божіимъ молите его—пускай напишетъ; безъ него нельзя для меня ничего сдѣлать. Коронація Государя Императора предѣлъ моей единственной надежды.

«Какъ въ Бога милосердаго, такъ я вѣрую въ ваше милосердіе и, во имя этой святой вѣры, подайте отъ себя прошеніе обо мнѣ ея высочеству нашему августѣйшему президенту. Во имя человѣколюбія, принесите эту жертву. Подобныя жертвы приносятся матерями и сестрами; но у меня ни сестры, ни матери, никого нѣтъ. Замѣните же мнѣ и ту и другую, замѣните мнѣ единственнаго друга!

«Прощайте, мой искренній, мой великодушный анонимъ. Не оставляйте меня и дѣлайте, что вамъ укажетъ ваше доброе сердце, и что можетъ сдѣлать, а чего нельзя—предоставимъ всемогущему человѣколюбію!

«Въ отношеніи книгъ, я не прошу у васъ именно О. З. за прошлый годъ, а полагаюсь совершенно на вашъ выборъ. Не забудьте кисть и плитку сепіи, пускай хоть полюбуюсь на эти предметы сердцу дорогіе.

«Прощайте, не оставляйте безпредѣльно преданнаго вамъ Т. Шевченка».

Адресъ: Оренбургской губерніи, Новопетровское укрѣпленіе, его в—родію Ираклію Александровичу Ускову.

«1857. Генваря 9. Новопетровско укрѣпленіе» [1]).

«Драгоцѣнное письмо ваше, отъ 8 октября минувшаго года. Получено въ укрѣпленіи 26. Декабря, а мнѣ передано распечатанное 1. Генваря, какъ подарокъ на новый годъ. Какое мѣлкое матеріальное понятіе о подаркѣ и о праздникѣ! Дѣтское понятіе. есть люди дожившіе до сѣдыхъ волосъ, и все таки дѣти. Иные тихіе и кроткіе, другіе буйные и шаловливые дѣти. Дѣти не наученные опытомъ понимать самые простые вещи. Какъ напримѣръ, не говорю уже о десятилѣтнемъ моемъ чистилищѣ. Довольно и шестимѣсячнаго, трепетнаго, душу гнѣтущаго ожиданія. И что же? Онѣ, разумѣется безсознательно, крадутъ изъ моей мученической жизни, самые свѣтлые самые драгоценные четырѣ дня. Къ шестимѣсячной пыткѣ прибавляютъ еще четырѣ дня. Дикое преступленіе! А между тѣмъ безсознательное. Слѣдовательно только Вандализмъ а не преступленіе. И я съ умиленіемъ сердца повторилъ слова распятаго человѣколюбца. Прости имъ не вѣдятъ бо что творятъ.

Друже мой благородный лично незнаемый! Сестро моя Богу милая никогда мною невидѣнная! Чѣмъ воздамъ, чѣмъ заплачу тебѣ за радость, за щастье которымъ ты обаяла восхитила мою бѣдную тоскующую душу? Слезы! Слезы безпредѣльной благодарности приношу въ твое возвышенное благородное сердце. Радуйся несравненная благороднѣйшая заступница моя! Радуйся сестро моя сердечная! Радуйся какъ я теперъ радуюсь друже мой душевный! Радуйся ты вивела изъ бездны отчаянія мою малую, мою бѣдную душу! Ты помолилася тому кто кромѣ добра ничего недѣлалъ, ты помолилася ему молитвою безплотныхъ ангеловъ. И радость твоя какъ моя благодарность безпредѣльны.

Шатобріанъ сказалъ. въ замогильныхъ запискахъ—Что истинное щастіе не дорого стоитъ. и что дорого щастіе плохое щастье.—Что онъ разумѣлъ подъ этимъ простымъ словомъ? Щастіе Лукула, или Фамусова? Не думаю. Римскому и московскому барину не дешево обходилась трехчасовая ѣда которая впродолженіи трехъ сутокъ въ желудкѣ не варилась. Слѣдовательно обжора не можетъ похвалится даже щастіемъ скота, и выходитъ, что знаменитый туристъ, эмигрантъ, дипломатъ, и наконецъ авторъ Атталы не имѣлъ никакого понятія о настоящемъ щастіи, а на такого щастливца какъ напримѣръ я теперъ, гордый аристократъ-педантъ и взглянуть не хотѣлъ; нетолько завести рѣчь о щастіи со смердомъ. Бѣдный! Малодушный вы Шевалье де Шатобріанъ де Комбуръ! Флоринтинскій изгнанникъ выдралъ бы васъ за уши какъ болтуна школьника за такую чепуху.

Дантъ Альгіери былъ только изгнанъ изъ отечества, но ему не запрещали писать свой адъ и свою Беатриче... А я... Я былъ нещастніе флоренгинского изгнанника. за то теперъ щастливіе щастливѣйшаго изъ людей. И выходитъ что истинное щастье не такъ дешево какъ думаетъ Шевалье де Шатобріанъ. Теперъ, и только теперъ я вполнѣ увѣровалъ въ слово.—Любя наказую вы.—Теперъ только молюся я и благодарю его за безконечную любовъ ко мнѣ за ниспосланное испытаніе. Оно очистило исцелило мое бѣдное больное серце. Оно отвело призму отъ глазъ моихъ сквозь которую я смотрѣлъ на людей и на самого себя. Оно научило меня какъ любить враговъ и ненавидящихъ насъ. А этому не научитъ никакая школа

[1]) Печатается съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

кромѣ тяжкой школы испытанія, и продолжительной бесѣды съ самимъ собою. Я теперъ чувствую себя, естли не совершеннымъ, то по крайней мѣрѣ безукоризненнымъ христіаниномъ. Какъ золото изъ огня, какъ младенецъ изъ купели, я выхожу теперъ изъ мрачнаго чистилища чтобы начать новый благороднійшій путь жизни. И это я называю истиннымъ настоящимъ щастіемъ, щастіемъ какого Шатобріанамъ и во снѣ не увидѣть.

Пока я могъ взяться за перо чтобы написать вамъ хоть что нибудь непохожее на настоящую чепуху. Я бродилъ нѣсколько дней вокругъ укрѣпленія. и не съ однимъ письмомъ вашимъ неоцененнымъ, а съ вами самимы, сестро моя Богу милая! И очомъ я не говорилъ съ вами? чего не нерасказалъ, чего не повѣрилъ я душѣ вашей воспріимчевой! все. и мрачное минувшее, и свѣтлое будущее. все съ самомалѣйшими подробностями. И естли, какъ вы питаете надежду на личное свиданіе наше. Естли повторится эта сердечная исповѣдь, то боюсь что это будетъ повтореніе слабое и безцвѣтное.

Я до того дошелъ въ своихъ предположеніяхъ что вообразилъ себя на Васильевскомъ островѣ въ какой нибудь отдаленной линіи, въ скромной художнической кельи ободномъ окнѣ работающимъ надъ мѣдною доскою (я исключительно намѣренъ заняться гравированіемъ аква-тента. Живописцемъ я себя уже и вообразить не могу). Далѣе воображаю себя уже искуснымъ граверомъ дѣлаю нѣсколько рисунковъ сепіей съ знаменитыхъ произведеній въ Академіи и въ Эрмитажѣ, и съ такимъ запасомъ отправляюсь въ мою милую Малоросію и на хуторѣ у одного изъ друзей моихъ скромныхъ поклонниковъ музъ и грацій. воспроизвожу въ гравюрѣ знаменитыя произведенія обожаемаго искуства. Какая сладкая, какая отрадная мечта! Какое полное безмятежное щастіе! и я вѣрую я осязаю мое сладкое будущее. Я посвящаю мои будущіе эстампы вашему драгоценному имени, какъ единственной моей радости, какъ единственной причинѣ моего безмятежнаго щастья.

Многое и многое хотѣлбы я сказать и расказать вамъ. Но во мнѣ теперъ такой безпорядокъ, хуже всякаго ералаша. Дождусь ли я того того тихогосладкого щастья, когда вамъ лично стройно, спокойно, съ умѣренностью перерожденнаго христіанина, раскажу вамъ какъ сонъ мое грустное минувшее. А теперъ все что я пишу вамъ приймите за самую безалаберную хотя и искренную, импровизацію. Прыймите и простите мнѣ друже мой единый эту быть можетъ грубую искренность.....[1]) существуетъ на свѣтѣ?

Всѣмъ сердцемъ моимъ целую Графа Ѳедора Петровича, васъ, дѣтей вашихъ и всѣхъ кто близокъ и дорогъ благородному сердцу вашему. До свиданія!

Гдѣ Осиповъ? что съ нимъ? Съ Іюня мѣсяца я жду отъ его посланія и плитку сепіи, и вѣрно не дождуся. Не попалъ ли и онъ въ число друзей моихъ которимъ было запрещено всякое сообщеніе со мною. Храни его Господь».

«12-го ноября 1857 г. Нижній Новгородъ».

«Мой друже милый, мой единый! моя благородная, моя святая заступница! Богъ сердцевѣдецъ наградитъ васъ за ваше дружески родственное участіе въ моемъ безвыходномъ положеніи. Вы такъ искренно, съ такою теплою любовью указываете путь, которымъ я могу достигнуть моей возлюбленной академіи.

[1]) Три строки въ подлинникѣ зачеркнуты.

Благодарю васъ, мой друже милый, мой единый! Завтра же пишу графу Ѳедору Петровичу письмо, и въ ожиданіи благихъ послѣдствій молюсь и уповаю.

«Со дня отбытія моего (со 2-го августа) изъ Новопетровскаго укрѣпленія я совершенно счастливъ и въ особенности сегодня. По прибытіи въ Нижній Новгородъ, неутомимая полиція разрушила мое блаженство, и то на нѣсколько дней. Вскорѣ я пришелъ въ себя отъ этого неожиданнаго щелчка, и, какъ человѣкъ, испытанный подобными щелчками, сказалъ самъ себѣ:—все къ лучшему.— Я совершенно вѣрую въ это старое изреченіе, и на сей разъ увѣренность моя вполнѣ оправдалась; мнѣ необходимъ былъ промежутокъ между Сѣверной Пальмирой и Киргизской пустыней, а иначе я явился бы къ вамъ настоящимъ киргизомъ. А теперь, съ помощію добрыхъ людей, я понемногу дѣлаюсь похожимъ на человѣка. Дѣло въ томъ, что я въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ, кромѣ «Русскаго Инвалида», ничего не читалъ. Такъ можете себѣ вообразить какимъ бы я чудакомъ безграмотнымъ явился въ обществѣ грамотныхъ людей. Теперь же я, благодаря моихъ здѣшнихъ друзей, заваленъ книгами и запоемъ читаю, или, правильнѣе, отчитываюсь, а осенняя грязь мнѣ удивительно какъ много помогла въ этомъ сладкомъ дѣлѣ. Я прочиталъ уже все, что появилось замѣчательнаго въ нашей литературѣ въ продолженіе этого времени. Теперь остались мнѣ одни журналы за нынѣшній годъ, и я наслаждаюсь ими какъ самымъ утонченнымъ лакомствомъ, и выходитъ, что все къ лучшему, что нѣтъ худа безъ добра. Пока позволяла погода, я сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ съ здѣшнихъ старинныхъ церквей. Оригинальная и даже изящная архитектура, а теперь, во время слякоти и грязи, дѣлаю изрѣдка портреты карандашомъ, а въ остальные часы дня и ночи читаю. Вотъ и всѣ мои теперешнія занятія, которыми я безконечно доволенъ.

«Вчера, получивши ваше дорогое, неоцѣненное письмо, отправился я къ В. И. Далю, но не нашелъ его дома. Сегодня отнесу на почту письмо и пойду опять къ Владиміру Ивановичу.

«Прощайте,—не прощайте,—до свиданія, мой милый, мой единый друже! Скоро два часа и мнѣ не хочется упустить сегодняшнюю почту. Завтра пишу графу Ѳедору Петровичу, а пока цѣлую его чудотворящую, святую руку, и молю милосердаго Господа осѣнить васъ и все семейство ваше своимъ святымъ нетлѣннымъ кровомъ. До свиданія, моя сестра, Богу милая! Вѣчно искренній и благодарный Т. Шевченко».

«Не спрашивая знаю, откуда и какія мои деньги у васъ, только прошу васъ, сохраните эту великую чистую жертву у себя до нашего свиданія. Я теперь, слава Богу, кое-какъ пріодѣлся и въ деньгахъ нужды не имѣю».

2-го января 1858 г.

«Простите-ли вы меня, моя святая заступница, за мое долгое молчаніе? Навѣрно простите, когда я вамъ разскажу причину этой грубой невѣжливости. 23-го декабря получилъ я ваше драгоцѣнное письмо, а 24-го пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы гость. И кто бы, вы думали—былъ этотъ дорогой гость, который не далъ мнѣ написать вамъ ни одной строчки? Это былъ— ни больше, ни меньше—какъ нашъ великій старецъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ. Каковъ старецъ? за четыреста верстъ пріѣхалъ навѣстить давно невиданнаго друга. Вотъ что называется другъ. И я безконечно счастливъ, имѣя такого искренняго друга. Онъ гостилъ у меня по 30-е декабря; подарилъ нижегородцамъ три спектакля, привелъ ихъ въ трепетный восторгъ

а меня—меня вознесъ не на седьмое, а на семидесятое небо! Какая живая, свѣжая, поэтическая натура! Великій артистъ и великій человѣкъ, и—съ гордостью говорю—самый нѣжный, самый искренній мой другъ! Я безконечно счастливъ!

«Проводивъ Михайла Семеновича, я долго не могъ придти въ себя отъ этого переполненнаго счастія и только сегодня, и то съ горемъ пополамъ, могъ взяться за перо, чтобы благодарить васъ за драгоцѣнное письмо ваше, и написать вамъ о моемъ безпредѣльномъ счастіи. Простите меня великодушно, моя святая заступница, что я вамъ пишу мало. Ей Богу—не могу. Поздравляю васъ, графа Ѳедора Петровича и милыхъ дѣтей вашихъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ на всю жизнь такой радости, такого счастія, какимъ я теперь наслаждаюсь. Простите и не забывайте меня, искреннѣйшаго и счастливѣйшаго вашего благодарнаго друга Т. Шевченко».

«P. S. На-дняхъ явится къ вамъ П. А. Овсянниковъ, мой здѣшній добрый пріятель и товарищъ по квартирѣ. Онъ вамъ сообщитъ всѣ подробности о мнѣ и о моемъ дорогомъ, незабвенномъ гостѣ. Благодарю васъ за адресъ Осипова, сегодня и ему пишу, и, разумѣется, о М. С. Щепкинѣ. Я теперь не въ силахъ ни о чемъ больше ни писать, ни думать».

«5-го марта 1858 г.»

«Моя святая заступница! Свиданіе наше такъ близко, такъ близко, что я едва владѣю собою отъ ожиданія. 2-го марта я получилъ ваше сердечное, святое письмо, и не зналъ, что съ собою дѣлать въ ожиданіи офиціальной бумаги. Наконецъ эта всемогущая бумага сегодня получена въ губернаторской канцеляріи, и завтра будетъ передана полиціймейстеру. Послѣ завтра я получу отъ него пропускъ, и послѣ завтра-же, т. е. 7-го марта, въ 9 часовъ вечера, я оставлю гостепріимный Нижній Новгородъ. Въ Москвѣ останусь нѣсколько часовъ, для того только, чтобы поцѣловать моего искренняго друга, знаменитаго старца М. С. Щепкина. Говорилъ-ли вамъ Лазаревскій, что этотъ безсмертный старецъ сдѣлалъ мнѣ четырехсотъ-верстный визитъ о рождественскихъ святкахъ? Каковъ старикъ? самый юный, самый сердечный старикъ! и мнѣ было бы непростительно-грѣшно не посвятить ему нѣсколько часовъ въ Москвѣ.

«Во имя всѣхъ святыхъ, простите мнѣ великодушно мой лаконизмъ. Я въ эти долгіе дни буквально не владѣю собой. Не только писать—читать не могу. На дняхъ получилъ я отъ Сергѣя Тимофѣевича Аксакова его новую книгу «Дѣтство Багрова». И она у меня такъ и лежитъ не разрѣзанною. Несносно томительное состояніе.

«До скораго свиданія, моя великодушная, святая заступница. Всѣмъ сердцемъ моимъ цѣлую васъ, графа Ѳедора Петровича и все родное и близкое вашему нѣжному, благородному сердцу. Сердечно благодарный вамъ Тарасъ Шевченко».

Можно смѣло сказать, что графиня Анастасія Ивановна Толстая спасла Малороссіи великаго поэта.

Нерѣдко, что бы помочь ближнему, Толстые забывали свои интересы. Это забвеніе себя для другихъ меня особенно изумляло и трогало въ графинѣ во время ея жестокихъ несчастій и глубокаго горя, когда людямъ бываетъ ни до кого и ни до чего.

Зимой я съ семьей своей поселилась въ Дрезденѣ. Въ это время жила въ Дрезденѣ съ своимъ семействомъ Марья Касперовна Рейхель, рожденная Эрнъ, пріѣхавшая въ чужіе края съ семействомъ Александра; мужъ ея занималъ мѣсто профессора музыки и пѣнія въ дрезденской консерваторіи. Узнавши о нашемъ пріѣздѣ, она немедленно насъ навѣстила; отъ нея я узнала нѣкоторыя подробности о жизни Александра и его семейства съ ихъ отъѣзда изъ Россіи.

Въ одномъ изъ писемъ Маши къ Александру, я написала ему нѣсколько словъ, между строчекъ ея письма; спустя дней десять, Маша получила отъ него отвѣтъ, въ концѣ котораго была слѣдующая приписка:

«Читаю между строчекъ, и что за странность! Мнѣ двѣнадцать лѣтъ, а Танѣ четырнадцать. Зачѣмъ-же между строчекъ? пишите прямо. Богъ знаетъ какъ радъ. Нельзя-ли намъ увидаться. Можно устроить свиданіе на берегу моря. Хочется васъ видѣть, обнять».

Вслѣдъ за письмомъ я получила отъ него ящикъ книгъ и печатный листокъ.

По желанію Александра, я послала ему фотографическіе портреты моихъ дѣтей; онъ отвѣчалъ:

«Безконечно благодаренъ: я здѣсь не избалованъ вниманіемъ. Славныя лица, настоящіе русскіе юноши;—присоединимъ къ моей коллекціи. А знаютъ-ли твои дѣти, что у нихъ дѣдушка пономарь?»

Въ одномъ изъ писемъ онъ предлагалъ намъ слѣдующее лѣто провести на островѣ Вайтѣ, куда и самъ съ дѣтьми намѣренъ былъ переѣхать.

«Воздухъ на островѣ здоровый, прекрасный,—писалъ онъ,—мы заранѣе вамъ все устроимъ и вблизи насъ раскинемъ палатку вашу».

На островъ Вайтъ мы не поѣхали; не была я и на берегу моря, чтобы повидаться съ другомъ моей молодости.

Въ Дрезденѣ мы видѣлись съ Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ и его женою; они пріѣхали изъ Лондона, и, узнавши, что мы въ Дрезденѣ, вечеромъ, въ день своего пріѣзда, навѣстили насъ; мы встрѣтили ихъ съ крикомъ удивленія и радости. Только что расположились пить чай и начались взаимные разсказы и разспросы, какъ дверь быстро растворилась и въ комнату торопливо вошла Каролина Карловна Павлова, извѣстная нѣкоторыми талантливыми произведеніями въ нашей литературѣ; она узнала изъ газетъ о пріѣздѣ Катковыхъ, отыскала ихъ у насъ и тутъ-же пригласила всѣхъ къ себѣ пить чай, куда мы и отправились.

Послѣ чая она прочитала намъ только-что написанный ею разсказъ «За чайнымъ столомъ» и предложила Михаилу Никифоровичу купить его для «Русскаго Вѣстника». Разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ», кажется, въ декабрѣ того-же года.

Михаилъ Никифоровичъ сказывалъ мнѣ, что видѣлся съ Александромъ, и сожалѣлъ, что, вслѣдствіе недоразумѣнія, они разстались съ взаимнымъ неудовольствіемъ.

Мнѣ это было очень непріятно; по разсказу Михаила Никифоровича, я видѣла въ ихъ разладѣ недоразумѣніе и, чтобы разъяснить его, написала Александру, что онъ превратно понялъ отношенія къ нему Михаила Никифоровича. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Тебѣ Богъ попрыскалъ очи такой водой, что ты розы видишь, а шиповъ не можешь видѣть». Такъ стараніе мое и пропало даромъ.

Остальную часть осени и зиму мы провели въ Гейдельбергѣ; пріѣхали прямо къ юбилею Шиллера. Юбилей праздновали торжественно; бюстъ поэта, увѣнчанный цвѣтами, стоялъ на возвышеніи, окруженный молодыми дѣвушками въ вѣнкахъ, съ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ въ рукахъ; говорились рѣчи, пѣлись хоры, портреты поэта продавались на каждомъ шагу; вечеромъ весь университетъ и толпы народа, съ пылающими факелами и музыкой, обходили всѣ улицы города.

Сколько народовъ благословляли въ этотъ день великаго поэта за святыя минуты, за слезы, пролитыя на его поэмы, на его чистыя пѣсни; какой памятникъ сравнится съ тѣмъ, который онъ воздвигнулъ себѣ въ человѣчествѣ! Какой пламенникъ можетъ горѣть ярче его горячей любви къ людямъ!

Въ Гейдельбергѣ мы устроились довольно удобно; нѣкоторые изъ русскихъ молодыхъ профессоровъ, слушавшихъ тамъ лекціи, познакомились съ нами; чаще всѣхъ у насъ бывалъ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ, Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ и покойный профессоръ Ешевскій.

Весной мы отправились въ Швейцарію.

Въ Бернѣ остановились на нѣсколько дней въ гостинницѣ Au Faucon, и тотчасъ же послали записку къ сыну Александра, который кончалъ курсъ медицинскихъ наукъ въ бернскомъ университетѣ, и жилъ въ семействѣ всѣми уважаемаго профессора Фогта. Спустя нѣсколько минутъ, онъ къ намъ явился; это былъ юноша съ длинными бѣлокурыми волосами, добродушнымъ,

пріятнымъ лицомъ, съ синими глазами, напоминавшими его мать; онъ выѣхалъ изъ Россіи семилѣтнимъ ребенкомъ, но насъ не забылъ, обрадовался намъ, и съ перваго-же дня такъ подружился съ нами, что съ простодушіемъ и пылкостію юности довѣрилъ свою любовь къ тринадцатилѣтней внучкѣ Фогта, Эммѣ; говорилъ, что просилъ у отца позволенія сдѣлать ей формальное предложеніе и, женихомъ, ждать ея совершеннолѣтія, но отецъ не соглашается, недоволенъ его ранней любовью и поспѣшностію завестись семействомъ. «Я напомнилъ отцу,—говорилъ онъ,—что онъ былъ немного старше меня, когда любилъ и женился;—это ему не понравилось и теперь у насъ идетъ тяжелая переписка».

— Почему-же твой отецъ такъ противъ твоей любви? сказала я. Семейство Фогтовъ почтенное, онъ уважаетъ его и друженъ съ ихъ сыномъ, знаменитымъ натуралистомъ Карломъ Фогтомъ.

— Ну, вотъ подите, запала у него мысль, чтобы я женился на русской, жилъ для Россіи, любилъ Россію. Какъ это любить то, чего не знаешь! Я едва помню Россію, она мнѣ чужда и что могу для нея сдѣлать? и какой я политическій дѣятель! Я человѣкъ мирный, былъ-бы у меня свой уголокъ земли въ Швейцаріи, Эмма, да книги,—мнѣ и достаточно.

— Знаютъ-ли Фогты о твоей любви къ Эммѣ и какъ на это смотрятъ?

— Знаютъ и очень довольны, тѣмъ затруднительнѣе мое положеніе.

Мы прожили въ Бернѣ около двухъ недѣль; сынъ Александра проводилъ у насъ цѣлые дни; черезъ него познакомились мы и съ Фогтами; они принимали насъ какъ старыхъ друзей и часто удерживали обѣдать. Обѣдали мы у нихъ за знаменитымъ круглымъ семейнымъ столомъ, за которымъ обходились безъ прислуги нѣсколько поколѣній Фогтовъ и Фолленовъ, изъ рода которыхъ была умная, веселая старушка, жена самого профессора. Столъ этотъ занималъ большое пространство въ столовой и былъ неподвижно прикрѣпленъ къ полу; внутренняя часть его двигалась на оси; на эту часть стола ставили все, что надо было для обѣда: вино, воду, хлѣбъ, горчицу, соль, тарелки, и каждый могъ привертывать къ себѣ, что ему надобно.

Послѣ обѣда, сидя въ комнатѣ старушки Фогтъ, подъ окнами которой находился ихъ садъ съ парникомъ и огородомъ, я ви-

дала, какъ два сына ея, снявши съ себя сюртуки, съ заступами въ рукахъ, копали гряды и накрывали парники тяжелыми стеклянными рамами. Въ этомъ семействѣ всѣ, по возможности, справляли дѣла сами, не столько по необходимости, сколько изъ демократическаго принципа; единственная служанка исполняла должность кухарки, чистила сапоги и убирала комнату—только старушки матери. Жизнь этого семейства текла тихо, мирно, однообразно, какъ бо̀льшей части швейцарскихъ семействъ. Они не соображали число дѣтей съ приходо-расходной книгой, и многочисленныя поколѣнія смѣнялись одни другими, поочередно оставляя родимый кровъ. Дочери шли замужъ, сыновья-студенты, кончая курсъ, шли жить какъ знаютъ, и трудиться; изъ нихъ-то выходили извѣстные ученые и литераторы; такъ, изъ семейства Фогта вышелъ талантливый натуралистъ зоологъ Карлъ Фогтъ. Онъ при насъ пріѣзжалъ повидаться съ родными и мы познакомились. Это былъ человѣкъ реальный, свѣтлаго ума и самаго счастливаго характера. Онъ не разъѣдалъ себя тоской по несбывшимся мечтамъ; страстно любилъ природу, въ наукѣ видѣлъ не трудъ, а наслажденіе, и не требовалъ ни отъ природы, ни отъ людей больше того, что они могутъ давать.

Когда Карлъ Фогтъ жилъ въ Ниццѣ, дѣлая наблюденія надъ зоофитами, наполняющими теплые заливы Средиземнаго моря, то познакомился и сблизился съ живущимъ тамъ Александромъ; въ послѣдствіи Александръ разсказывалъ намъ какъ проводилъ время свое Карлъ Фогтъ въ Ниццѣ. Рано утромъ онъ былъ уже за работой, съ микроскопомъ въ рукахъ, наблюдалъ, писалъ, рисовалъ, читалъ; передъ обѣдомъ купался въ морѣ, вмѣстѣ съ Александромъ, и приходилъ къ нему обѣдать; всегда веселый, всегда готовый какъ на ученый споръ, такъ и на забавныя пѣсни и на сказки дѣтямъ, которыя они слушали не отрываясь.

Въ Бернѣ сынъ Александра познакомилъ насъ съ Эммой. Съ разрѣшенія ея бабушки, онъ привезъ ее изъ Цюриха, гдѣ она воспитывалась въ пансіонѣ. Это была дѣвочка, почти дитя, свѣженькая, румяная, съ веселыми голубыми глазками, еще хризолида, какъ выразился о ней Александръ.

Пробывши около двухъ недѣль въ Бернѣ, мы уѣхали въ Женеву; тамъ наняли въ Паки отдѣльный небольшой домъ съ садомъ, полнымъ розоновъ, изъ оконъ котораго виднѣлось Женев-

ское озеро, голубое какъ улыбка младенца; аллея каштановъ съ ихъ блѣднорозовыми пирамидальными цвѣтами; вдали Салевскія горы, а изъ-за нихъ, въ ясное утро и въ тихій вечеръ, какъ бы начерченная на небѣ, бѣлѣла дѣвственнымъ снѣгомъ вершина Монблана. Волшебная красота природы, мягкій, кроткій воздухъ спасительно вліяли на мою, въ то время, больную душу; мнѣ надобно было отдохнуть отъ новой душевной тревоги, отъ грозившаго новаго семейнаго несчастія.

Вскорѣ пріѣхалъ къ намъ въ Женеву нашъ юный другъ изъ Берна и сообщилъ, что сдѣлалъ формальное предложеніе Эммѣ, объявилъ объ этомъ ея бабушкѣ и дѣду, получилъ ихъ согласіе и, въ качествѣ жениха, вмѣстѣ съ своей невѣстой, былъ съ визитами у всѣхъ ея родныхъ и знакомыхъ. Все это онъ устроилъ безъ вѣдома отца, просилъ меня извѣстить его о своемъ подвигѣ и постараться, чтобы дѣло обошлось мирно. Такъ оно и обошлось—наружно; внутренно-же Александръ думалъ какъ-бы устроенное разстроить; но не смотря на это, когда сынъ пріѣхалъ къ нему въ Лондонъ съ своей невѣстой, въ сопровожденіи ея тетки, чтобы познакомить съ своимъ семействомъ, отецъ, предварительно увѣдомленный, выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу на вокзалъ желѣзной дороги въ коляскѣ, въ которую посадилъ съ собой невѣсту-дитя и повезъ къ себѣ на квартиру; тамъ все было приготовлено къ ея пріему, какъ невѣсты сына, и во все время ея пребыванія у него она была окружена вниманіемъ и нѣжностію; но этимъ все и ограничилось.

Когда въ Лондонъ пріѣхали родители Эммы, Александръ принялъ ихъ довольно холодно и посовѣтывалъ, до совершеннолѣтія невѣсты, взять ее съ собою въ ихъ мѣсто жительства—Южную Америку, куда они вскорѣ и уѣхали. Сына же своего, на это время, отправилъ въ ученое путешествіе, предпринятое Карломъ Фогтомъ, кажется, къ берегамъ Норвегіи и Исландіи. Въ продолженіе этой разлуки, молодые люди переписывались; письма изъ Америки не всегда доходили по назначенію; переписка становилась все рѣже и рѣже, наконецъ, совсѣмъ прекратилась; прекратились и отношенія молодыхъ людей.

Эмма, какъ я слышала, вышла замужъ за богатаго банкира въ Южной Америкѣ; сынъ Александра поселился въ Италіи, въ послѣдствіи женился, имѣетъ девять человѣкъ прелестныхъ дѣтей,

купилъ подъ Флоренціей виллу, занимается хозяйствомъ и естественными науками и пріобрѣлъ извѣстность какъ ученый писатель. Мечты двадцатилѣтняго юноши осуществились.

Въ концѣ лѣта мы отправились въ Мюнхенъ, озерами Женевскимъ, Четырехъ-кантоновъ и Констанскимъ; пробыли тамъ около мѣсяца и уѣхали во Францію. Однимъ вечеромъ, широкое зарево возвѣстило намъ близость Парижа. Какое-то лихорадочное чувство охватываетъ при въѣздѣ въ эту столицу, исполненную чарующихъ воспоминаній.

Лѣтомъ прибыло въ Парижъ семейство графа Ѳ. П. Толстаго; они наняли квартиру недалеко отъ насъ и мы стали видаться довольно часто; вмѣстѣ осматривали Парижъ и его окрестности, вмѣстѣ слушали лекціи Жоффруа-Сентъ-Иллера, которыя онъ читалъ работникамъ, и вмѣстѣ проводили по нѣскольку дней въ Версалѣ, осматривали дворецъ, полный трагическихъ воспоминаній, частію превращенный въ картинную галлерею, его семирамидины сады, его игру фонтановъ и романтичный Тріанонъ.

Въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ въ Версаль, мнѣ подали съ почты записку, въ которой было сказано:

«Ѳедоръ Агеевъ отъ тятеньки изъ Корчевы пріѣхалъ за приказаніями».

Когда я училась вмѣстѣ съ Александромъ и жила у нихъ, то отецъ мой нерѣдко присылалъ изъ Корчевы въ Москву кондитора нашего Ѳедора Агеева за покупками, и онъ всегда являлся ко мнѣ узнать не будетъ-ли какихъ приказаній. Насъ это чрезвычайно забавляло въ то время.

За нѣсколько дней передъ нашей поѣздкой въ Версаль, Александръ писалъ, что собирается въ Парижъ. Чтобы не навлечь непріятностей на дѣтей моихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбить Александра, я немедленно обратилась къ совѣтнику нашего посольства, Толстому, съ которымъ иногда видалась въ домѣ графа Ѳ. П. Толстаго; показала ему письмо Александра, гдѣ онъ увѣдомлялъ меня о своемъ пріѣздѣ, и спросила, могу-ли открыто видѣться съ нимъ, не навлекая на насъ подозрѣній и непріятностей; если-же не могу, то сообщу это ему и уѣду изъ Парижа; онъ все пойметъ и не обвинитъ меня, а оставаться тутъ и не видаться съ нимъ мнѣ невозможно. Толстой отвѣчалъ, что уѣзжать мнѣ изъ Парижа нѣтъ никакой надобности и видаться съ

Александромъ могу сколько угодно; что образъ жизни нашей отклоняетъ отъ насъ всякое подозрѣніе.

— Напротивъ,—продолжалъ Толстой,—мы надѣемся, что ваше вліяніе, можетъ, благотворно повліяетъ на Александра Ивановича и возвратитъ его отечеству.

—Едва-ли,—отвѣчала я.—Оставя то, что онъ неизмѣримо выше меня по уму и многостороннему развитію, онъ такъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что если ангелъ съ неба прилетитъ и станетъ разувѣрять его—и тотъ ничего не сдѣлаетъ; развѣ только факты заставятъ его измѣнить свой взглядъ.

Вмѣстѣ съ этимъ я показала Толстому остальныя письма ко мнѣ Александра; въ нихъ рѣчь шла большею частію о семейныхъ дѣлахъ и мѣстами перемѣшивалась безвредными остротами; Толстой взглянулъ на письма, но читать ихъ не сталъ.

По полученіи трогательно-шутливой записки въ Версалѣ, напомнившей мнѣ наше отрочество, я поѣхала въ Парижъ съ меньшимъ сыномъ Владиміромъ и Ипполитомъ; старшій сынъ находился тогда въ Италіи. Въ квартирѣ нашей насъ ждали двѣ дочери Александра съ гувернанткой и однимъ нашимъ родственникомъ. Около половины вечера на лѣстницѣ послышались шаги Александра; я вышла къ нему на встрѣчу и мы обнялись. Онъ былъ въ возбужденномъ состояніи, гдѣ-то обѣдалъ и пилъ много шампанскаго; войдя въ залу, тотчасъ спросилъ сельтерской воды и, выпивая стаканъ за стаканомъ, сталъ съ живостію разсказывать о бывшемъ обѣдѣ, кого видѣлъ, что слышалъ, перебрасывался отъ предмета къ предмету, перемѣшивалъ разсказы то остротами, то воспоминаніями; онъ говорилъ почти одинъ, всѣ слушали молча. Я всматривалась въ него отчасти съ удивленіемъ, отчасти съ грустью, отыскивая знакомыя, близкія мнѣ черты. Передо мной былъ тотъ же Александръ—да не тотъ; самая наружность его много измѣнилась: онъ очень пополнѣлъ, въ волосахъ серебрилась сѣдина, въ пріемахъ была самоувѣренность, во взглядѣ, въ голосѣ—привычка къ авторитету; минутами, въ лицѣ его выступала знакомая мнѣ черта добродушія, а когда обращался ко мнѣ, мелькала его полудѣтская улыбка. Я чувствовала, что между нами протѣснилась пропасть лицъ, событій, страстныхъ интересовъ, понятій мнѣ чуждыхъ и нежеланныхъ. Рѣчь Александра лилась какъ водопадъ; сначала она увлекала меня, потомъ

утомляла до того, что, какъ бы сквозь водяную пыль, мнѣ стало чудиться то Лондонъ и Римъ, то уютный кабинетъ съ полками книгъ, и звѣздочка свѣтитъ въ окно, имена Фази, Гарибальди смѣняли Никъ, Грановскій; изъ-за circolo Romano и tribune des peuples—выступало Васильевское, рѣка съ плотиною, и лѣсъ шумитъ, и отрокъ съ робкимъ взоромъ и восторженною рѣчью.... «Нѣтъ,—говорила я сама себѣ, какъ бы пробуждаясь отъ сна,—между былымъ и настоящимъ святая связь не порвалась».

Къ концу вечера Саша сталъ спокойнѣе и сдержаннѣе. Когда мы остались одни, разговоръ между нами вязался плохо: онъ видимо чѣмъ-то затруднялся; наконецъ, какъ бы вырвавшись изъ этого состоянія, сказалъ съ упрекомъ въ голосѣ:

— До меня доходятъ слухи, что ты не одобряешь нѣкоторыя статьи моего изданія?

Кто-то, по пріѣздѣ его въ Парижъ, поторопился сообщить ему объ этомъ.

— Что же изъ этого,—отвѣчала я,—нельзя-же чтобы весь міръ во всемъ соглашался съ тобою и что ты ни скажешь—всѣ находили бы прекраснымъ.

— Зачѣмъ весь міръ,—возразилъ онъ,—но съ тобою мы когда-то понимали другъ друга во всемъ.

— Дѣтьми, юными, мало-ли что!

— А теперь? идемъ различными путями?

Должно быть, ты далеко ушелъ впередъ.

— А ты? ты развѣ остановилась?—Нѣтъ, это не такъ.

Затѣмъ рѣчь его излилась въ упрекахъ. Я молча слушала, чувствовала себя обиженной, и, когда онъ кончилъ, сказала, стараясь казаться спокойной: «Ты ничего не теряешь».

Подумавши немного, онъ сталъ говорить о любви своей къ родинѣ, о грусти по ней, объ общечеловѣческихъ интересахъ, и закончилъ словами: «Ну, да года черезъ три или четыре вы увидите насъ въ Россіи».

Я посмотрѣла на него съ удивленіемъ и спросила:

— Какимъ-же это образомъ?

Тогда онъ туманно, или это мнѣ такъ показалось, оттого что я была слишкомъ взволнована,—сталъ объяснять, какъ это возможно; я долго слушала не возражая и, когда онъ умолкнулъ, сказала печально:

— Мнѣ кажется, Саша, ты ошибаешься.

Т. П. Пассекъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ

1853—1855.

ДОКТОРА А. А. ГЕНРИЦИ.

Съ перваго года изданія «Русской Старины», печатаемъ мы на ея страницахъ, въ числѣ прочихъ статей,—воспоминанія, монографіи, изслѣдованія и документы, относящіеся до войны 1853—1855 годовъ. Таковыя статьи, въ теченіе восьми лѣтъ нашего изданія, составили цѣлый отдѣлъ, на столько обширный, что мы считаемъ не лишнимъ напомнить здѣсь перечень этихъ монографій, воспоминаній и матеріаловъ.

Князь А. С. Меншиковъ. Сообщ. А. Д. Крыловъ (изд. 1873 г., т. VII, стр. 843—854).

Письма: императора Николая I турецкому султану (24-го января); кн. А. С. Меншикова—кн. М. С. Воронцову (8-го ноября); его же—императору Николаю I (29-го іюня 1854 г.).

Оборона Севастополя. Письма кн. А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 174—196), отъ 7-го іюня 1853 до 7-го января 1854 г.

Кн. М. С. Воронцовъ: письма его къ кн. В. О. Бебутову. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1873 г., т. VII, стр. 691—698). Письма 18-го и 30-го іюля 1853 г.

Война Россіи съ Турціей 1853—1856 гг. (изд. 1876 г., т. XVI, стр. 675—708). Предположенія императора Николая Павловича, относительно морской экспедиціи въ Босфоръ и Царьградъ. Двѣ записки императора Николая, относительно морской экспедиціи противъ Варны и Бургаса. Всеподданнѣйшая записка кн. Варшавскаго о турецкихъ дѣлахъ (24-го марта 1853 г.). Мысли кн. Варшавскаго о пользѣ учрежденія христіанскихъ ополченій изъ болгаръ, сербовъ и обитателей Дунайскихъ княжествъ. Предположенія императора Николая Павловича относительно военныхъ дѣйствій на случай разрыва съ Турціею въ 1853 г. (мѣсяцъ май). Всеподданнѣйшія письма и записки кн. Варшавскаго (2-го іюля, 11-го и 24-го сентября). Всеподданнѣйшее донесеніе кн. Горчакова (27-го сентября). Письмо императора Николая Павловича кн. Воронцову (6-го октября). Предположенія императора Николая Павловича о военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ на 1854 годъ (писаны въ ноябрѣ 1853 г).

Война Россіи съ Турціей 1853 — 1854 г. (изд. 1876 г., т. XVII, стр. 145—170). Письма и донесенія кн. Варшавскаго и кн. М. Д. Горчакова императору Николаю Павловичу, съ 14-го ноября по декабрь 1853 года.

Восточная война. Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову (изд. 1876 г., т. XV, стр. 163—191). Письма съ 29-го іюня по 29-е декабря 1853 года.

Приказъ кн. М. Д. Горчакова, отъ 30-го іюня (изд. 1876 г., т. XVII стр. 628).

На Вислѣ и Дунаѣ, въ Одессѣ и Севастополѣ, 1853—1855 гг., замѣтки артиллериста М. Ѳ. Бороздина (изд. 1875 г., т. XIV, стр. 541—567):

Передвиженія и дѣйствія нашихъ войскъ съ 5-го декабря 1853 по 8-е декабря 1855 г.).

Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну. Историческій очеркъ. Перев. съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями Н. К. Шильдера (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 603 — 635).

Замѣтки о событіяхъ 1853—1855 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 636—642, и т. XIV, стр. 380—392): исходъ 1853 г. и дѣйствія на Дунаѣ въ 1854 г.

Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ, 1805 † 1876 (изд. 1877 г., т. XX, стр. 132—169).

Записки М. П. Погодина о политикѣ и войнѣ Россіи 1853 — 1854 гг. (изд. 1874 г., т. X, стр. 121—138). Писаны съ 7-го декабря 1853 по апрѣль 1854 г.

Карлъ Андреевичъ Шильдеръ, 1785 † 1854 г. Очеркъ Н. К. Шильдера (изд. 1875 г., т. XIV, стр. 517—540 и 715—736).

Война Россіи съ Турціей 1853—1854 гг. (изд. 1876 г., т. XVII, стр; 344—364). Письма императора Николая Павловича и донесенія кн. М. Д. Горчакова, съ 3-го января по 10-е февраля 1854 г.

Оборона Севастополя. Письма кн. А. С. Меншикова къ кн. М. Д. Горчакову, 1853—1855 (изд. 1875 г., т. XII, стр. 298—328). Съ 9-го января 1854 по 16-е февраля 1855 г.

Восточная война. Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову (изд. 1876 г., т. XV, стр. 388—401; 659—674; т. XVII, стр. 343—362): съ 24-го февраля по 14-е октября 1855 г.

Война Россіи съ Турціей 1854 г. (изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 135—144. 325—336; т. XIX, стр. 81—100; 331—340): письма князя Паскевича императору Николаю Павловичу, кн. М. Д. Горчакова—военному министру. Письма, предначертанія и повелѣнія императора Николая Павловича съ 14-го марта по 17-сентября 1854 г.

Взглядъ М. П. Погодина на отношенія враждебныхъ Россіи государствъ, въ апрѣлѣ 1854 г. (изд. 1874 г., т. X, стр. 399—407).

Графъ Карлъ Нессельроде: политика Россіи и положеніе, принятое ею въ Европѣ, 1815—1854 гг. (изд. 1873 г., т. VIII, стр. 800—805).

Оборона Петропавловскаго порта. Сообщ. контръ-адмиралъ А. П. Арбузовъ (изд. 1870 г., т. I, стр. 365—379). Съ 24-го іюля по 26-е августа 1854 г.

Князь А. С. Меншиковъ, въ разсказахъ бывшаго его адъютанта А. А. Панаева (изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 109—134; 337—358; 481—506; 699—711; т. XIX, стр. 53—80; 287—322). Январь 1854 г. Балаклава. Бахчисарай. Корниловъ, Хрущевъ. Морское дѣло 3-го іюня. Распоряженія Меншикова. Готлебенъ. Крымская армія. Битва при Алмѣ 8-го сентября. 9—16-е сентября: фланговое движеніе. Событія съ 16-го сентября по 5-е октября. Первая бомбардировка Севастополя. Севастополь съ 5-го октября 1854 г. Инкерманъ.

А. П. Ермоловъ, письма къ кн. В. О. Бебутову (изд. 1872 г., т. V, стр. 448—455). Письма отъ 19-го августа 1854 г. по 28-е іюня 1856 г.

Пріѣздъ Тотлебена въ Севастополь, замѣтка Н. К. Шильдера (изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 507—511).

Замѣтки къ разсказамъ А. А. Панаева о кн. Меншиковѣ и Севастополѣ (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 323—329; т. XX, стр. 367).

Первое бомбардированіе Севастополя, 5—13-го октября 1854 г. Очеркъ М. И. Богдановича (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 245—258).

Вѣнскія совѣщанія (1854 г.) и Парижскій трактатъ 1856 г. Статья М. И. Богдановича (изд. 1876 г., т. XVII, стр. 365—388).

Записка императора Николая Павловича барону Вревскому (изд. 1872 г., т. VI, стр. 605—606).

Письмо генерала П. П. Липранди, отъ 20-го декабря 1854 г. (изд. 1872 г., т. V, стр. 682—683).

Николай Николаевичъ Муравьевъ, во время намѣстничества его на Кавказѣ. Статья Ад. П. Берже (изд. 1873 г., т. VIII, стр. 599—618), съ января 1854 по 19-е августа 1856 г.

Н. Н. Муравьевъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности (изд. 1874 г., т. X, стр. 139—151).

Гр. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ. Изъ служебныхъ воспоминаній М. П. Щербинина (изд. 1874 г., т. XI, стр. 99—114).

Н. Н. Муравьевъ. Изъ воспоминаній графа Д. Е. Остенъ-Сакена (изд. 1874 г., т. XI, стр. 535—543).

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову и отвѣтъ Кавказскаго офицера (изд. 1872 г., т. VI, стр. 542—546). Февраль и мартъ 1855 г.

Н. П. Колюбакинъ. Закавказье въ 1855 г. Статья Ад. П. Берже (изд. 1876 г., т. XVII, стр. 317—342).

Князь А. С. Меншиковъ, въ разсказахъ А. А. Панаева (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 287—322; 475—500. 617—649). Евпаторійское дѣло 5-го февраля 1855 г. Севастополь по 18-е февраля 1855 г. Отъѣздъ кн. Меншикова. Обзоръ его дѣятельности.

Военный совѣтъ 29-го іюля 1855 г. Изъ воспоминаній гр. Д. Е. Остенъ-Сакена (изд. 1874 г., т. XI, стр. 330—338).

Бой на р. Черной, 4-го августа 1855 г. (изд. 1876 г., т. XV, стр. 161—171).

Бой на р. Черной, сообщ. И. И. Красовскій (изд. 1876 г., т. XVII, стр. 363—364).

Смерть барона Вревскаго. Сообщ. баронъ Б. А. Вревскій (изд. 1875 г., т. XV, стр. 221—222).

Штурмъ Малахова кургана 27-го и 28-го августа 1855 г. Очеркъ О. И. Константинова (изд. 1874 г., т. XIV, стр. 568—586).

Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ, 29-го августа 1855 г. Сообщ. П. В. Алабинъ (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 643—650).

Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь? (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 140—142), замѣтки Н. В. Берга.

Мысли фельдмаршала кн. И. Ѳ. Паскевича по поводу защиты и паденія Севастополя (изд. 1872 г., т. VI, стр. 427—435).

Штурмъ, блокада и взятіе Карса. Воспоминанія Я. П. Бакланова (третье изд. «Русской Старины» 1870 г., томъ II).

Штурмъ, блокада и взятіе Карса, 16-го ноября 1855 г. Статья И. И. Ореуса (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 559—587).

Нынѣ къ напечатанному въ «Русской Старинѣ» собранію статей о войнѣ 1853—1856 гг. мы присоединяемъ нижеслѣдующія воспоминанія о ней доктора А. А. Генрици, въ которыхъ почтенный авторъ знакомитъ съ состояніемъ военно-медицинской и санитарной части въ нашихъ войскахъ на Дунаѣ и въ Севастополѣ въ эпоху 1853—1855 гг. Тѣмъ охотнѣе даемъ мѣсто на страницахъ нашего изданія этимъ «Воспоминаніямъ», что донынѣ мы довольно мало имѣли статей, въ которыхъ былъ бы изложенъ взглядъ на Восточную войну, 1853—1855 гг. именно съ этой спеціальной точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы убѣждены, что, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, правдивый разсказъ о мѣропріятіяхъ къ сбереженію здоровья нашихъ войскъ, о состояніи военно-временныхъ госпиталей и разныхъ распоряженіяхъ по сему предмету въ достопамятную для Россіи эпоху 1853 — 1855 гг., — принесетъ нѣкоторую пользу въ томъ отношеніи, что въ двадцать лѣтъ какъ полезныя мѣры, такъ равно и погрѣшности — могли быть забыты.

Ред.

НА ДУНАѢ

1853—1854.

Истину, какъ и дѣтей, нельзя
рожать безъ болѣзни.

Гнѣдичъ.

I.

Весною 1853 года, Днѣпровскій пѣхотный полкъ, при которомъ я состоялъ докторомъ, квартировалъ въ г. Луцкѣ (Волынской губерніи). Приказъ о выступленіи 12-й пѣхотной дивизіи, къ которой этотъ полкъ принадлежалъ, былъ полученъ нами въ маѣ мѣсяцѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюня мы прибыли въ Скуляны и, послѣ двухъ или трехъ дней пребыванія въ лагерѣ, здѣсь получили мы новый приказъ: слѣдовать въ Дунайскія княжества, на Фокшаны, къ Букаресту. Полкъ нашъ принадлежалъ къ правой колоннѣ, состоявшей изъ 12-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею и 1 паркомъ (16 баталіоновъ, при 48-ми орудіяхъ), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди. Командиромъ нашего, Днѣпровскаго, полка былъ полковникъ Граббе, лишь съ мѣсяцъ тому назадъ принявшій его отъ полковника Марковскаго, произведеннаго въ генералъ-маіоры.

2-го іюля, на разсвѣтѣ, стали убирать палатки; въ девятомъ часу утра, на загородной площади былъ отслуженъ молебенъ и, затѣмъ, днѣпровцы растянутыми эшелонами тронулись въ походъ... Въ исходѣ четвертаго часа пополудни, во всю дорогу, подъ палящими лучами солнца, по раскаленной землѣ—мы вступили въ Яссы.

На проходѣ полка городомъ, гостепріимные молдаване выносили нашимъ утомленнымъ солдатамъ ведра съ водою; благодаря этому, изнеможеніе людей отъ зноя и жажды не достигло крайняго предѣла. Кромѣ того, по распоряженію штабъ-лекаря, при выступленіи изъ Скулянъ, вся свободная посуда въ лазаретномъ обозѣ была налита свѣжею водою, которую везли въ закрытымъ полуфуркахъ подъ мокрыми циновками. Эта разумная мѣра дала возможность нашимъ эшелонамъ въ полномъ составѣ показаться ясскимъ жителямъ, удивлявшимся бодрому виду нашихъ солдатъ и ихъ парадному строю. Безспорно, войска наши вступили въ Яссы щегольски одѣтыми, поражая жителей и крѣпкимъ сложеніемъ и здоровымъ видомъ... Но этому послѣднему впечатлѣнію не мало способствовали раскраснѣвшіяся отъ жары лица, застегнутые у шинелей воротники и напряженное со-

стояніе солдата подъ тяжкою ношею ранца. Когда въ послѣдствіи разрѣшено было дѣлать переходы безъ ранцевъ, въ фуражкахъ и въ шинеляхъ, разстегнутыхъ у воротниковъ, съ полами, откинутыми назадъ или подобранными вверхъ, тѣ же эшелоны потеряли прежній внушающій видъ; за то солдаты стали выносливѣе: всякій изъ нихъ могъ выдерживать цѣлый переходъ и, прибывши на ночлегъ безъ напряженія силъ, могъ приготовиться къ слѣдующему переходу прежде чѣмъ ляжетъ на отдыхъ.

Лазаретный обозъ состоялъ изъ 8-ми троечныхъ, тяжелыхъ и до крайности трясскихъ полуфурокъ, троечнаго аптечнаго ящика на двуколкѣ и вьючной аптеки на одномъ конѣ, и слѣдовалъ позади всѣхъ эшелоновъ, въ такомъ разстояніи отъ хвоста колонны, чтобы ему можно было двигаться внѣ облака пыли, подымаемой предшествовавшими ему эшелонами.

Три медика состояли при различныхъ эшелонахъ; четвертый, непремѣнно верхомъ, провожалъ лазаретный обозъ. На отвѣтственности послѣдняго лежала обязанность: усталымъ помогать совѣтами, то облегчая ихъ снятіемъ ранца, то передачею ружья въ обозъ; жаждущимъ выдавать свѣжую воду, чистую, либо съ примѣсью уксуса; обморочныхъ приводить въ чувство и снимаемыя съ нихъ ноши присоединять къ обозу; наконецъ, больныхъ и изнемогшихъ, по оказаніи необходимой помощи, забирать въ полуфурки.

При этомъ порядкѣ очень рѣдко случалось, чтобы подобранный на дорогѣ солдатъ употреблялъ во зло оказанную ему помощь: большею частію, проѣхавши двѣ, три версты, онъ бралъ нѣсколько глотковъ воды и добровольно отправлялся догонять свой эшелонъ, или, не доѣзжая до привала, старался присоединиться къ своимъ незамѣченнымъ. Самолюбіе не дозволяло ему нѣжиться и отставать отъ своихъ пѣшихъ товарищей.

Должно замѣтить, что пѣхотные офицеры, находясь въ постоянномъ общеніи съ солдатами, вѣрнѣе понимали ихъ нужды, чѣмъ артилерійскіе. Послѣ этого перехода, въ полковой лазаретъ поступило 4 артиллериста въ трудномъ видѣ. Нездоровье у нихъ началось на переходѣ изнеможеніемъ и жаждою; но батарейный командиръ не позволилъ пѣхотному дежурному медику ни напоить, ни забрать ихъ на полуфурки, прося „не баловать“ его солдатъ. Всѣмъ усталымъ солдатамъ онъ велѣлъ слѣдовать при своихъ орудіяхъ, держась за лафеты; а изнемогавшихъ подгонялъ,—и все это изъ опасенія, чтобы излишними поблажками не развить притворства. Это былъ уже не первый примѣръ равнодушія офицеровъ той батареи къ своимъ солдатамъ; еще до Скулянъ къ намъ нерѣдко поступали артиллеристы

съ запущенными болѣзнями и съ слѣдами побоевъ. Мы знали хорошо, что въ одной изъ нашихъ батарей уходъ за лошадью поглощалъ всѣ заботы, и что если дѣйствительно содержаніе солдатъ не обрѣзывалось въ чью-либо пользу, за то ужъ и относились тамъ къ солдатскому хозяйству съ полнымъ невниманіемъ, по тому убѣжденію, что, когда солдату все отпускается по положенію, то за численность больныхъ командиръ не отвѣчаетъ. На этотъ разъ пѣхотные медики заставили своего штабъ-лекаря рапортовать по командѣ о небрежности, замѣченной по содержанію и обращенію съ артиллерійскими солдатами.

Медики въ нашей артиллеріи имѣли менѣе занятій, нежели въ пѣхотѣ, и матеріальный ихъ бытъ былъ лучше; но за то они болѣе нашего были подавлены зависимостью отъ своего ближайшаго начальства и своевременно не высказывались въ пользу службы. Зная это, мы не стѣснялись заявлять о безпорядкахъ и недосмотрѣ по содержанію нижнихъ чиновъ въ артиллеріи, хотя всякое подобное заявленіе кончалось тѣмъ, что виновность сваливалась на артиллерійскаго медика, котораго совѣтовъ никогда не принимали.

Весь отрядъ генерала Липранди слѣдовалъ, безъ днёвокъ, на Фокшаны, къ Букаресту, оставляя больныхъ по пути, въ Бырлатѣ, гдѣ мы застали уже открытымъ военно-временной госпиталь на 300 человѣкъ, и затѣмъ въ Фокшанахъ, гдѣ былъ такой же госпиталь на 600 больныхъ. Заболѣвало у насъ очень немного. Войска избѣгали гибельнаго вліянія солнца раннимъ выступленіемъ съ ночлега, съ такимъ расчетомъ, чтобы часамъ къ 8-ми или 9-ти утра уже вступать въ палаточный лагерь, заранѣе разбитый квартирьерами на новомъ ночлегѣ. Въ пасмурные и дождливые дни (что случалось нерѣдко), мы выступали позже и появлялись на новый ночлегъ около полудня.

Лазаретные обозы, несмотря на обремененіе ихъ на переходахъ усталыми, содержались въ примѣрномъ порядкѣ: ихъ лошади получали отличный фуражъ и на ночлегахъ пользовались безусловнымъ отдыхомъ. Для доставленія въ лазаретъ воды и топлива, употреблялись рабочія лошади изъ фурштатскаго обоза. Только подъемныя лошади, находившіяся подъ вьючными аптеками, не выдерживали похода несмотря на мягкость и толщину потниковъ, на самое старательное уравновѣшиваніе тяжести на обѣихъ сторонахъ, на аккуратное укрѣпленіе ящиковъ и ровную подтяжку подпругъ, вся ноша, при движеніи лошадей, шаталась, съѣзжала и терла такъ, что послѣ 6-ти—7-ми переходовъ онѣ получали ссадины на спинѣ, или шишки на отбитыхъ бокахъ. Приходилось часто замѣнять вьючныхъ лошадей новыми, изъ обоза; это оказалось неудобнымъ, такъ какъ лошади съ ссадинами

на спинѣ не были пригодны въ обозѣ, плохо излечивались и быстро худѣли отъ уязвленій мухами и оводами, а потому, по представленію отряднаго доктора Протопопова, генералъ Липранди, не доходя Фокшанъ, разрѣшилъ вьючныя аптеки возить на двуколкахъ, которыя приказалъ завести покупкою, либо постройкою хозяйственнымъ образомъ, на первой болѣе продолжительной стоянкѣ. Это распоряженіе всѣмъ пришлось по душѣ: не прошло и четырехъ дней, какъ во всѣхъ полкахъ вьючныя аптеки возились уже на молдаванскихъ бидкахъ, т. е. на двуколкахъ самой простой постройки и съ буковыми осями.

Когда, слѣдуя маршруту, намъ приходилось проходить города, то лагерь для насъ становился обыкновенно за нѣсколько верстъ впереди города, въ направленіи слѣдующаго перехода; но для многихъ должностныхъ лицъ, для лазарета, медиковъ, завѣдующихъ имъ, и для священника отводились квартиры въ предмѣстьяхъ, либо и въ самомъ центрѣ города.

Жители чрезвычайно радушно встрѣчали войска; лучшіе дома очень охотно отдавали въ наше распоряженіе; непритворно радовались свѣжести, красотѣ и крѣпости нашихъ войскъ; удивлялись стройности и порядку въ нихъ и не знали мѣры въ высказываемой благодарности за братское съ ними обращеніе. И мы имѣли полное право вѣрить похваламъ, расточаемымъ намъ жителями, потому что за всякую мелочь платили безъ торга, а даромъ ничего не брали. Даже сады и баштаны (огороды), попадавшіеся намъ на пути, оставались неприкосновенными, такъ какъ въ подобныхъ, лакомыхъ мѣстахъ, на время прохода войскъ, становились часовые отъ авангарда. Иногда жители сами встрѣчали войска въ предѣлахъ проходимыхъ ими садовъ и баштановъ, упрашивая начальство дозволить солдатамъ нарвать себѣ фруктовъ, а чаще огурцовъ и арбузовъ, и тогда назначалось нѣсколько человѣкъ отъ эшелона, которые, отдавъ свои ружья товарищамъ, отправлялись съ хозяиномъ въ его владѣнія и, по его указанію нарвавъ не малую толику плодовъ и овощей, доставляли ихъ къ первому привалу, либо на ночлегъ. Мы приближались уже къ Рымнику, когда вся 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи, съ частію артиллеріи, была остановлена на маршѣ, по случаю извѣстія о многочисленномъ скопищѣ турокъ въ Мачинѣ. Тутъ мы оставались лагеремъ на нѣсколько дней.

Такъ какъ позиція для лагеря случилась на рѣчкѣ, то мы успѣли въ это время по нѣсколько разъ выкупаться. Кромѣ купанья для людей, ниже по теченію было отведено отдѣльное мѣсто для мытья бѣлья, и еще ниже—для купанья лошадей. Берегъ рѣчки въ немногихъ только мѣстахъ, большею частію на поворотахъ, былъ тѣнистый,

поросшій плакучей ивой и густымъ кустарникомъ, и въ такихъ мѣстахъ онъ цѣлый день былъ покрытъ купающимися и моющими бѣлье. По предложенію штабъ-лекаря, велѣно было все запасное мыло изъ лазаретнаго обоза заимообразно выдать въ роты. Такъ какъ тонкая пыль проникла и въ крытыя, вещевыя полуфурки, а во многихъ колеса порасшатались отъ засухи, то мы и полуфурки ставили въ рѣчку и вымывали ихъ внутри,—словомъ, мы безъ конца задались пользою, какую могли извлечь отъ близости воды, и въ послѣдствіи о томъ не жалѣли.

30-го іюля намъ велѣно было слѣдовать дальше къ Букаресту. Въ Бузео мы нашли открытымъ военно-временной госпиталь (изъ кадръ) на 600 больныхъ, но сдали тамъ самое незначительное число, такъ какъ на Рымникской позиціи мы успѣли поправить добрую сотню подбившихся, не могшихъ далѣе слѣдовать изъ-за ссадинъ и изъязвленій на ногахъ, а въ часто появлявшихся уже случаяхъ перемежающихся лихорадокъ—значительными дозами сѣрно-кислаго хинина въ растворѣ, намъ удавалось прекращать лихорадку, а главное, предупреждать истощеніе, изъ-за котораго одержимые лихорадками отправлялись въ госпитали, и оттуда не скоро возвращались. Въ лазаретномъ обозѣ всегда была хинная водка, которую раздавали на ночлегахъ перенесшимъ прежде лихорадку и еще состоявшимъ на околодочномъ спискѣ, хотя и слѣдовавшимъ уже въ рядахъ наравнѣ съ здоровыми.

Въ началѣ августа 1-я бригада прибыла къ Букаресту и, подобно 2-й, была расположена на тѣсныхъ квартирахъ по окрестнымъ деревнямъ. Штабъ Днѣпровскаго пѣхотнаго полка былъ тогда въ деревнѣ Желава-де-жосъ, верстахъ въ сорока отъ Букареста; тамъ же былъ расположенъ и полковой его лазаретъ. Стоянка въ этихъ мѣстахъ, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, была не столько нужна для отдыха людямъ, сколько для поправки разстроившагося нашего хозяйства: отъ засухи потерпѣли обозы, а, отъ неумѣнья обращаться съ лошадьми, многіе офицеры потеряли ихъ, либо попортили вьюками и сѣдлами.

Если бы, до переправы нашей черезъ Прутъ, пришло въ голову кому либо изъ офицеровъ генеральнаго штаба, или медиковъ, прочитать намъ лекцію о томъ, какъ слѣдуетъ свершать походы въ южныхъ странахъ, чего беречься и чего держаться,—то мы имѣли бы возможность избѣжать многихъ несчастій и лишеній.

На бѣду, прежніе походы наши въ Турцію не оставили намъ никакихъ особыхъ правилъ. Стоитъ только вообразить себѣ солдата—въ толстой, суконной, длинной шинели, со стоячимъ, зачастую тѣснымъ

воротникомъ, упирающимся въ углы челюсти, въ каскѣ съ металлическимъ приборомъ, требующимъ частой чистки и накаливающимся до-нельзя на солнцѣ, съ 12-ти фунтовымъ ружьемъ на плечѣ, ранцемъ за спиной, отъ котораго ремни, перекрещивающіеся на передней части груди, давятъ ее спереди назадъ и не даютъ свободно дышать. Шествуя въ такомъ зимнемъ платьѣ и съ ношею не менѣе 70-ти фунтовъ, въ знойное время, по почвѣ ссохшейся и растрескавшейся отъ жары, лишенной лѣсной растительности и, потому, на постоянномъ припекѣ—солдатъ въ нѣсколько минутъ загоралъ и краснѣлъ какъ вареный ракъ, лице его припухало, руки затекали, а при тогдашнемъ обычаѣ водить войска длинными и густыми эшелонами, и, въ большей части случаевъ, непремѣнно серединою изъѣзженной дороги—солдатъ на маршѣ никогда не выходилъ изъ облака густой и удушливой пыли, и, при непогодѣ, не могъ миновать ни грязи, ни лужъ, ни выбоинъ, на которыхъ онъ, маршируя въ густой колоннѣ, поминутно спотыкался,—и тѣмъ скорѣе выбивался изъ силъ.

Отъ выхода изъ Скулянъ, на нашихъ лошадей стали, вмѣсто овса, выдавать ячмень, составляющій прекрасный кормъ, давать который слѣдуетъ, однако, предварительно намоченнымъ до того, чтобы зерно нѣсколько разбухло. Въ такомъ видѣ ячмень, даваемый не по многу за разъ и заѣдаемый сѣномъ прежде водопоя, составляетъ превосходный и безопасный кормъ. Скажи намъ кто нибудь объ этомъ въ Скулянахъ, и всѣ наши лошади остались бы цѣлы; а то наша прислуга кормила сначала лошадей сухимъ ячменемъ, задавая сразу полную дачку, и затѣмъ ихъ поила, какъ это водилось при кормахъ овсомъ. При такомъ порядкѣ ячмень, быстро разбухая въ желудкѣ и кишкахъ бѣдныхъ лошадей, выдѣлялъ множество газовъ, которые раздували брюхо, стѣсняли дыханіе, распирали животное какъ пузырь—и оно вскорѣ погибало въ припадкахъ острой колики и задушенія.

Отъ такого незнанія, въ дивизіи, на 350-ти верстномъ разстояніи и въ теченіе мѣсяца, пало около десяти офицерскихъ лошадей; не знаю какъ справлялись въ полковыхъ обозахъ, но вѣрно то, что и тамъ случаи колики у лошадей бывали часты, особенно въ первое время похода, пока не убѣдились, что лошадей слѣдуетъ кормить моченымъ ячменемъ. Въ нашемъ лазаретномъ обозѣ всѣ заболѣвшія коликою лошади выходились; начиная съ Яссъ, полевые медики не отказывались, какъ умѣли, лечить заболѣвавшихъ лошадей.

Въ первое время нашего квартированія въ Желава-де-жосъ, Желава-де-сусъ и другихъ сосѣднихъ имъ деревняхъ, заболѣвавшихъ было мало; но въ концѣ третьей недѣли въ полковой лазаретъ стали прибывать одержимые сложными и опасными формами перемежаю-

щихся лихорадокъ; четверо изъ нихъ привезены были въ коматозномъ состояніи, а на многихъ другихъ прибывшихъ замѣтна была тифозная реакція. Кромѣ того, почти каждый день стали прибывать съ многоглавымъ чиріемъ (Anthrax), большею частью на спинѣ и на затылкѣ, а на четвертой недѣлѣ привезли одного съ злокачественнымъ прыщомъ (pustula maligna) на лбу. Затѣмъ, дня три сряду прибывали съ прыщами темно-фіолетоваго, то синяго цвѣта и на другихъ частяхъ, но безъ особаго разстройства въ общемъ здоровьѣ, какъ вдругъ въ одинъ жаркій день привезли двухъ такихъ: у одного изъ нихъ былъ прыщъ на щекѣ, а у другаго на вискѣ.

Въ Скулянахъ медиковъ въ Днѣпровскомъ полку было пять; но одинъ изъ нихъ, Вендръ, за чахоткою остался въ Яссахъ, и вскорѣ умеръ; другой, Коленда, только въ Желавѣ сталъ выздоравливать отъ лихорадки съ желчными припадками, а изъ остальныхъ трехъ, одинъ, Кашинъ, былъ въ отдѣлѣ, при самомъ дальнемъ баталіонѣ; другой, штабъ-лекарь Воскресенскій, былъ при штабѣ, завѣдывалъ медицинскою администраціею и лазаретомъ. Онъ былъ крайне разстроенъ здоровьемъ, вскорѣ перешелъ въ госпитальную службу и въ Крыму умеръ. Третій—пишущій эти строки—былъ въ баталіонѣ, квартировавшемъ при штабѣ, завѣдывамъ хирургическимъ отдѣленіемъ въ лазаретѣ и исполнялъ экстренныя порученія начальства.

Такимъ образомъ, при двухъ остальныхъ баталіонахъ не было медиковъ, и изъ нихъ-то получались самые трудные больные.

Августъ былъ сухой и довольно жаркій; пыль и безводіе мучили войска. Купаться было негдѣ, а бань въ занимаемыхъ нами деревняхъ не существовало. Мы не очень пугались появленія злокачественныхъ лихорадокъ, но случаи тифа, вередовъ и особенно прыщей, съ быстрымъ упадкомъ силъ, не предвѣщали намъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Въ одно знойное утро, въ концѣ августа, Воскресенскій позвалъ меня и, почти со слезами на глазахъ, просилъ поклясться, что, въ случаѣ разслѣдованія, для котораго придется мнѣ ѣхать въ одинъ изъ баталіоновъ, я старательно исполню порученіе и не скрою правды; затѣмъ, объявилъ, что штабъ-лекарь командировалъ меня въ баталіонъ съ тѣмъ, чтобы съ утра слѣдующаго дня я могъ объѣхать весь раіонъ того баталіона, и, осмотрѣвъ солдатъ и подробно вникнувъ въ причины тяжкихъ заболѣваній, донесъ обо всемъ найденномъ съ изложеніемъ собственнаго мнѣнія касательно мѣръ къ прекращенію зла.

На другое утро, еще до разсвѣта, я отправился изъ полковаго штаба, а на слѣдующій день формальнымъ рапортомъ донесъ Воскре-

сенскому о результатѣ моихъ изслѣдованій. Изъ рапорта моего онъ могъ усмотрѣть:

— Что мѣстность, занимаемая баталіономъ, по ея неблагопріятнымъ гигіеническимъ условіямъ, при обиліи болотъ—должна считаться вредною. Въ ротныхъ цейхгаузахъ нѣтъ и слѣдовъ запаса перцу, уксусу; квасу не варятъ вовсе; хлѣба выпекается слишкомъ мало. Воду, по недостатку посуды, употребляютъ неотстоенную; пища дается преимущественно прѣсная. Въ трехъ ротахъ говядины отпускается наполовину менѣе противъ нормы; люди довольствуются доставляемою имъ жителями мамалыгою. Заболѣвающихъ медлятъ отправлять въ лазаретъ, додерживая ихъ до признаковъ, угрожающихъ жизни (въ день осмотра, въ четырехъ ротахъ мною найдено 72 человѣка больныхъ). Леченіемъ занимаются фельдфебеля и—чѣмъ ни попало. На ученье людей выводятъ слишкомъ рано и держатъ ихъ тамъ до самаго обѣда. Кромѣ того, уже на словахъ я сообщилъ Воскресенскому, что послѣ ученія солдатъ посылаютъ на вольныя работы къ сосѣднимъ помѣщикамъ.

Обнаруженіе всѣхъ этихъ злоупотребленій поспособствовало значительному улучшенію быта и гигіеническихъ условій нашихъ солдатъ; за то медики, какъ и слѣдовало ожидать, навлекли на себя гнѣвъ начальниковъ нѣкоторыхъ частей и подверглись страшной и незаслуженной опалѣ.

Вскорѣ послѣ этого, въ Желавѣ, одно лицо, за обѣдомъ, къ которому были приглашены и медики полка, громко и при всѣхъ присутствовавшихъ высказало то убѣжденіе, что заболѣвающихъ въ полку стало много съ тѣхъ поръ, какъ расплодилось въ немъ много медиковъ; что Суворовъ не зналъ ихъ и потому вездѣ побѣждалъ [1]); что армія не армія, если ее нѣжить и сажать на лекарства; что люди хвораютъ отъ бездѣйствія, а главное, что медики не лечатъ, а морятъ солдатъ; что больные только и остаются въ живыхъ, пока не попадутъ въ ихъ руки, и что медики не безопасны для духа арміи своимъ вольнодумствомъ.

Военный этикетъ не позволялъ медикамъ что-либо отвѣчать на подобный оскорбительный спичъ. Мы поняли, что, при случаѣ, намъ не сдобровать. Но мы не теряли вѣры въ Липранди и отряднаго доктора Протопопова, и въ нихъ не ошиблись.

---

[1]) Дѣйствительно, Суворовъ имѣлъ предубѣжденіе къ полковымъ докторамъ и госпиталямъ, называя послѣдніе — «преддверіями къ погосту», и предлагалъ солдатамъ лечиться хрѣномъ да квасомъ съ солью. Но за сто почти лѣтъ, истекшихъ со временъ Суворова, военная медицина настолько подвинулась, на сколько отстало и мнѣніе упомянутаго «нелюбителя» военныхъ медиковъ.

Мы ничего еще не знали про дѣло, бывшее подъ Ольтеницею (22-го и 23-го октября), какъ насъ потребовали на усиленіе отряда ген. Павлова и расположили лагеремъ, въ числѣ десяти баталіоновъ 12-й пѣхотной дивизіи и трехъ батарей соименной бригады, у села Будешти.

Заболѣвающихъ было очень мало, кормили великолѣпно. Военныя дѣйствія ограничивались мелкими перестрѣлками впереди Ольтеницы, по берегу Дуная. Слышно было, что въ Туртукаѣ собрались большія массы турокъ, но рѣшительныхъ дѣйствій они не предпринимали.

Нѣсколько дней стоянки нашей вблизи Ольтеницы памятны мнѣ тѣмъ, что на третій день послѣ моего рапорта прибыли изъ Букареста въ нашъ лагерь: отрядный докторъ Протопоповъ и генералъ, для разслѣдованія характера и причинъ болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ нашемъ полку, въ окрестностяхъ Желавы; оказалось, что штабъ-лекарь представилъ мой рапортъ, при своей надписи, полковому командиру, который, не прочитавъ его до конца, и не предполагая въ немъ ничего для себя, ни для полка, непріятнаго, представилъ его въ дивизіонный штабъ, какъ очистительную и оправдательную бумагу отъ нападокъ, могущихъ возникнуть за свирѣпствовавшую въ полку эпидемію. Между тѣмъ, этотъ же рапортъ весь состоялъ изъ обвинительныхъ пунктовъ и обличалъ полкъ въ допущеніи непростительныхъ безпорядковъ; почему генералъ Липранди и назначилъ по немъ формальное слѣдствіе.

Съ прибытіемъ нашихъ войскъ къ с. Будешти, число турокъ въ Туртукаѣ стало видимо уменьшаться; почему баталіоны 12-й пѣхотной дивизіи, спустя нѣсколько дней, опять расположились по деревнямъ.

Извѣстно было, что, еще въ половинѣ октября, турецкій отрядъ, занимавшій противъ Видина островъ, находящійся подъ защитою Видинскихъ укрѣпленій, переправился на нашъ (правый) берегъ Дуная и занялъ Калафатъ; что въ концѣ ноября въ Видинѣ и Калафатѣ непріятеля уже было 20,000, а его передовые посты стояли въ Голенцахъ-комани и Поэнахъ. Укрѣпленіе же турокъ на нашемъ берегу, въ Калафатѣ, представляло ту опасность, что народонаселеніе Малой Валахіи, подстрекаемое большимъ числомъ собравшихся тамъ революціонеровъ 1848 года, было враждебно противъ насъ настроено.

Съ прибытіемъ, въ ноябрѣ, въ княжества 3-го пѣхотнаго корпуса, князь Горчаковъ 2-й, для усиленія отрядовъ въ Малой Валахіи, направилъ туда (въ декабрѣ) 12-ю пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею, двумя ротами саперъ, Бугскимъ уланскимъ полкомъ и донскою № 9 батареею. Одесскій егерскій полкъ, слѣдовавшій въ головѣ отряда, прибылъ въ г. Краіово 19-го декабря, въ тотъ самый день, когда у Четати 3,000 турокъ напали на Тобольскій пѣхотный полкъ, бывшій подъ командою

полковника Баумгартена — и хотя были въ тотъ день отбиты, но, 25-го декабря, поспѣшили, въ числѣ 18,000 ч. и 24-хъ орудій, напасть вторично на него опять у д. Четати, и, только послѣ продолжительнаго, упорнаго и самаго отчаяннаго боя, были отражены, такъ что ко времени появленія на флангѣ и отчасти въ тылу ихъ генер. Бельгарда (изъ Моцецей, въ 12-ти верстахъ отъ Четати), скрылись въ Калафатъ.

По причинѣ скопленія нашихъ войскъ у Краіова, въ послѣднемъ былъ открытъ (въ декабрѣ) госпиталь на 1,200, а въ Слатинѣ на 200 больныхъ, такъ что наши раненые подъ Четати были транспортируемы въ оба эти госпиталя, гдѣ содержаніе ихъ было отличное и леченіе шло весьма успѣшно, такъ какъ скопленіе раненыхъ и больныхъ было незначительно. Въ этотъ періодъ времени разрѣшено было давать чай тяжело раненымъ по два раза въ день, — и этотъ обычай остался въ полной силѣ до конца войны.

Въ исходѣ ноября установилась зима, довольно сухая, но въ концѣ декабря пошли оттепели и частые дожди, которыми размыло дороги, сдѣлавъ ихъ непроходимыми. Во время такой страшной грязи часто вдругъ все замерзало и наступала гололедица; но, не смотря на то, заболѣвающихъ было мало. Наши войска отличались хорошимъ солдатскимъ хозяйствомъ, а коммисія, присланная генер. Липранди къ селу Будешти, предавъ гласности бывшіе у Желавы-де-жосъ безпорядки, отбила всякому охоту употреблять во зло довѣріе начальства и составлять постыдное исключеніе изъ общаго порядка.

Хотя отбитый при Четати непріятель скрылся, но, чтобы воспрепятствовать на будущее время вторженію его въ Малую Валахію, князь Горчаковъ 2-й обложилъ Калафатъ. 9-го января онъ прибылъ въ Быйлешти (около 30-ти верстъ отъ Калафата) и, сосредоточивъ войска въ окрестностяхъ селъ Быйлешти, Моцецея и Галина-маре, 16-го января двинулъ ихъ къ Гуніи и Модловитѣ (первая деревня въ 20-ти, другая въ 18-ти верстахъ отъ Калафата), откуда вытѣснилъ непріятеля, ушедшаго въ Калафатъ. Въ тотъ же день генер. Бельгардъ двинулся изъ Голенцы-комани въ с. Поэны, гдѣ забралъ запасы, оставленные бѣжавшими турками, а главныя силы, приблизившись отъ Гуніи и Модловиты, обложили Калафатъ, рекогносцируя его укрѣпленія. День былъ ясный, вѣтра не было, и все наступленіе казалось намъ болѣе праздничною прогулкою, нежели военнымъ дѣломъ. Только изрѣдка завязывавшаяся въ разныхъ мѣстахъ перестрѣлка напоминала намъ о дѣйствительности. Поручивъ командованіе маловалахскимъ отрядомъ ген.-л. Липранди и снабдивъ его инструкціею, князь Горчаковъ 2-й уѣхалъ въ Букарестъ. Тогда Калафатъ уже былъ обло-

женъ двумя отрядами: ген. Бельгардъ съ 8-ю баталіонами, 8-ю эскадронами, 2-мя сотнями и 28-ю орудіями утвердился у с. Поэнъ, а ген.-л. Липранди съ 12-ю баталіонами, 16-ю эскадронами, 4-мя сотнями и 66-ю орудіями—у селъ Модловиты и Гуніи, имѣя аванпостъ изъ казаковъ и очереднаго эскадрона въ дер. Голенцы-комани.

При такомъ расположеніи, войска имѣли свои околодки въ Поэнахъ, Модловитѣ и Гуніи, а лазареты въ Быйлештахъ, въ 18-ти верстахъ и въ тылу Модловиты. Штабъ-лекаря оставались при войскахъ, на боевыхъ позиціяхъ, а лазаретами завѣдывали баталіонные и младшіе лекаря. Въ случаѣ переполненія больными или ранеными, лазареты посылали транспорты въ краіовскій, либо слатинскій военно-временные госпитали. Но прежде чѣмъ установился какой-либо порядокъ съ квартирами, намъ пришлось проживать подъ открытымъ небомъ, на поляхъ, покрытыхъ снѣгомъ, впереди деревни, въ которой не могъ размѣститься 15,000-ный отрядъ. На предварительно расчищенныхъ мѣстахъ и преимущественно на такихъ, гдѣ подъ снѣгомъ уцѣлѣлъ дернъ, или гдѣ преобладала песчаная почва, ставились солдатскія палатки и шатры собственной импровизаціи и самой разнообразной конструкціи—и такъ жилось. По счастью, морозы были самые незначительные, а близость деревни позволяла каждому поочередно обогрѣваться въ землянкахъ. Только на пятыя сутки отведено было въ деревнѣ по одной землянкѣ подъ околодокъ каждаго полка, и тогда медики переселились въ деревню. Въ это же время просторныя и внутри обшитыя дубовыми досками землянки обширной деревни Модловиты были по-ровну раздѣлены на каждую часть пѣхоты, а въ Гуніи размѣстилась кавалерія.

Въ ротныхъ котлахъ варилась отличная пища; обиліе кукурузы, а также гороха и фасоля, позволяло разнообразить пищу;—солдатъ, одѣтый въ шинель поверхъ мундира, шутя переносилъ холодъ. Впрочемъ, въ придунайскихъ княжествахъ въ эту зиму, какъ и въ прочія, сильные холода бываютъ въ началѣ декабря (при сильномъ вѣтрѣ) и въ февралѣ; въ январѣ же обыкновенно повторяются довольно продолжительныя оттепели, а если въ это время и случаются морозы, то не сильные, такъ что въ разсказываемый періодъ больше 6-ти градусовъ (Р.) мороза не бывало,—и то не подолгу и безъ вѣтра, а въ самыхъ послѣднихъ числахъ января настала довольно продолжительная оттепель, захватившая и первыя два числа февраля.

2-го февраля, съ утра была оттепель и что-то моросило; одни называли это дождемъ, другіе—опадающимъ туманомъ. Только съ часу пополудни выяснѣло и лужи стало затягивать льдомъ. Опасаясь скораго наступленія гололедицы, въ которую слишкомъ трудно ѣздить, я

поспѣшилъ отправиться изъ Модловиты въ свой полковой лазаретъ, въ д. Быйлешти [1]). Едва я успѣлъ въѣхать въ послѣднюю деревню какъ былъ встрѣченъ фурштатомъ, посланнымъ изъ Модловиты другой дорогой, въ догонку за мной, съ приказаніемъ: повернуть назадъ и ѣхать прямо по направленію къ деревнѣ Чепурчени, куда войска уже направились изъ Модловиты. Мы знали, что турецкая кавалерія часто парадировала въ большихъ силахъ у Голенецъ и Поэнъ, вызывая нашихъ на перестрѣлку, и что Чепурчени, какъ деревня, богатая запасами фуража, представляла не малую приманку для непріятеля, нѣсколько разъ неудачно пробовавшаго въ ней утвердиться; мы знали, что наши тоже дорожили Чепурченями; но невозможно было предположить, чтобы нашъ отрядъ двинулся туда прежде, чѣмъ морозъ успѣетъ сковать непроходимую грязь. Прямо направиться изъ Быйлешти на Чепурчени было дѣломъ вдвойнѣ рискованнымъ, такъ какъ ни дорога, ни страна по тому направленію не были мнѣ извѣстны, а отъ увеличивавшагося мороза настала гололедица. Для бо́льшей вѣрности, пришлось, на тѣхъ же уставшихъ лошадяхъ и въ потемкахъ, вернуться въ Модловиту, гдѣ, на-скоро смѣнивъ отсырѣвшее платье на сухое, а экипажъ на верховую лошадь, разспросивъ о направленіи, въ какомъ пошли войска, я пустился отыскивать отрядъ. По мѣрѣ удаленія отъ Модловиты, темь стала проходить,—луна выкатилась въ полномъ блескѣ; часъ спустя, я уже не встрѣчалъ незастывшихъ лужъ, а пока доѣхалъ до отряда, то поднялся сѣверный вѣтеръ и морозъ усилился до того, что пришлось бросить изъ рукъ уздечку, отдавшись инстинкту лошади, привыкшей къ лазаретному обозу. Въ это время, влѣво отъ пѣхоты раздавались уже пушечные выстрѣлы,—это артиллерія отрѣзывала остаткамъ бѣжавшаго непріятеля отступленіе въ Калафатъ.

Чепурчени уже были очищены нашими, которые забрали нѣсколько плѣнныхъ, запасы сѣна и овса; но бо́льшая часть непріятельскаго отряда, въ числѣ 2,500 человѣкъ, успѣла однако уйти въ Калафатъ до прихода нашихъ войскъ. Вѣрно то, что распоряженіе о нашей экспедиціи къ Чепурченямъ держалось въ тайнѣ,—когда штабъ-лекаря даже не знали о немъ за два часа до выступленія войскъ изъ Модловиты,—а между тѣмъ непріятель успѣлъ скрыться оттуда, пока наши

---

[1]) Въ половинѣ января я былъ назначенъ изъ Днѣпровскаго полка (гдѣ былъ баталіоннымъ лекаремъ) полковымъ штабъ-лекаремъ въ Азовскій пѣхотный, и потому долженъ былъ чаще прочихъ штабъ-лекарей ѣздить въ Быйлешти, чтобы ближе ознакомиться съ лазаретомъ того полка. Г.

войска, въ темное время, сдѣлали переходъ въ 15 верстъ. По одному этому случаю можно судить, каковы были у непріятеля лазутчики [1]).

Стихло все; Чепурчени очищены, непріятель скрылся, нашимъ стрѣлять было не въ кого, а домой идти невозможно: темно, вѣтеръ рѣжетъ глаза; отъ стороны непріятельскихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ на песчаныхъ холмахъ, несетъ пескомъ, заноситъ дороги снѣгомъ. Люди топчутся на мѣстѣ: кто начинаетъ бѣгать, кто бьетъ себя руками на-крестъ въ подмышки, чтобы согрѣться, а кто ищетъ ямки или холмика, чтобы съ меньшимъ расходомъ собственной теплоты, да поскорѣе, успокоить разстроившійся отъ холода желудокъ. Другіе пробуютъ присѣдать, чтобы шинелью и тѣломъ пригрѣть коченѣющія ноги. Двухъ офицеровъ и одного медика, на которыхъ было сырое платье при внезапномъ выступленіи изъ Модловиты и которые буквально стали коченѣть въ обледенѣвшемъ платьѣ, скрыли мы подъ холщевыми припасами, на днѣ крытыхъ полуфурокъ. Въ это время

---

[1]) Вообще турки, находившіеся въ Калафатѣ, пользуясь сочувствіемъ жителей Малой Валахіи, всегда своевременно были извѣщаемы о наступательныхъ движеніяхъ нашихъ войскъ и потому заранѣе принимали свои мѣры: или покидали пункты, угрожаемые нашею атакою, или встрѣчали насъ совершенно приготовленными. Вообще же надо пожалѣть, что мы на лазутчиковъ мало обращали вниманія и черезъ это много теряли.

Кстати о турецкихъ лазутчикахъ: случилось, что на аванпостѣ, въ Галенцы-комани, былъ казаками доставленъ человѣкъ въ лохмотьяхъ, пробиравшійся изъ Калафата. Трудно было опредѣлить по его наружности, былъ ли онъ турокъ, молдаванъ или арабъ. Послѣднее было вѣроятнѣе, судя по его громадному росту, худобѣ и цвѣту кожи. При первоначальныхъ разспросахъ замѣтно было, что онъ по русски понимаетъ, но чѣмъ болѣе его стали разспрашивать, тѣмъ настойчивѣе онъ разыгрывалъ роль непонимающаго, а чтобы не выдать тайны, не сталъ принимать пищи. Когда онъ былъ представленъ въ Модловиту, начальнику штаба маловалахскаго отряда, князю Васильчикову, то истощеніе его дошло до крайности, такъ что можно было повѣрить, что онъ не имѣетъ силъ говорить. Чтобы дать ему отойти, поручено было мнѣ уговорить его поѣсть. Лекарства онъ охотно принималъ, но пищи не бралъ ни за что; почему и приходилось его пользовать бульономъ пополамъ съ виномъ, изъ аптечной стклянки. При глотаніи первыхъ ложекъ бульона, даваемыхъ ему каждые два часа по одной, у него преждевременно дѣлался сильный спазмъ въ зѣвѣ и глоткѣ, при чемъ процессъ глотанія сопровождался голосовымъ звукомъ и только половина проглатываемаго бульона проходила въ глотку, а остальная непроизвольно выбрасывалась носомъ. Считая меня допрощикомъ, онъ билъ себя въ грудь и, показывая на небо, клялся, что ничего не вѣдаетъ. Это составляетъ совершенную противоположность съ французскими дезертирами (которыхъ мы узнали позже, въ Крыму), весьма охотно разсказывавшими все имъ извѣстное. Какъ кажется, настоящіе лазутчики у турокъ подготовляются къ своему званію муллами и съ религіознымъ фанатизмомъ относятся къ своему званію.

Г.

къ намъ подбѣжалъ отрядный докторъ Протопоповъ, съ отчаяннымъ вопросомъ,—что̀ тутъ дѣлать?!

— „Костры развести: въ двухъ верстахъ позади насъ есть виноградникъ, чрезъ который мы проходили", былъ общій отвѣтъ медиковъ.

— „Дѣло, дѣло",—радостно прокричалъ штабъ-лекарь и убѣжалъ обратно къ генер. Липранди. Не прошло и 30-ти минутъ, какъ мѣстахъ въ 13-ти запылали костры изъ нарубленной саперами лозы и изъ стропилъ, добытыхъ изъ-подъ крышъ винныхъ погребовъ. Тепло и пріятно намъ было цѣлую ночь грѣться у костровъ; пошли и сказки и всякое веселье; но за часъ до зари горючаго матеріала уже недоставало, костры стали тухнуть, а холодъ казался намъ хуже прежняго. Опасаясь еще бо́льшаго мороза, надо было поспѣшно возвращаться къ Модловитѣ, тѣмъ болѣе, что мятель усилилась. Войска съ мѣста рванулись идти скоро и—такъ, бодро и въ густыхъ колоннахъ, въ стройномъ порядкѣ, прошли верстъ пять; но на шестой иные уже стали отставать. Одни поуставали, другимъ стало щемить ноги. А тутъ, какъ на зло, стали мы проходить мимо ряда винныхъ погребовъ, выстроенныхъ валахами за виноградными садами. Нашлись такіе молодцы, изъ отставшихъ, которые добрались до бочекъ, пробили ихъ дно штыками и давай угощаться и грѣться виномъ, а какъ, напившись вдоволь, никто не затыкалъ пробоинъ, то вино продолжало вытекать на землю, подмачивая ноги незванныхъ гостей.

На уровнѣ съ Голенцами я отправился впередъ отряда, въ Модловиту, объѣхалъ тамъ всѣ околодки и просилъ остававшагося при нихъ медика Арефьева приготовиться къ встрѣчѣ, осмотру возвращающагося отряда и къ поданію безотлагательной помощи познобившимся. Оказалось, что это не легко было исполнить. Всякій, не исключая офицеровъ и медиковъ, продрогнувъ и проголодавшись, спѣшилъ по возможности завладѣть въ деревнѣ теплымъ угломъ; другіе бросались къ печкѣ, либо проталкивались къ огню, не слушая совѣтовъ и въ первое время не обращая вниманія на задаваемые медиками и фельдшерами вопросы. Съ 10-ти часовъ утра, отрядъ сталъ собираться къ Модловитѣ, такъ что медики и фельдшера успѣли обойти всѣхъ солдатъ и подать имъ первоначальную помощь лишь къ полуночи.

Чтобы оттирать познобившіяся части, пришлось посылать за снѣгомъ довольно далеко въ поле, такъ какъ въ деревнѣ, на лужахъ, онъ пропалъ, а вблизи ея, съ песчаныхъ мѣстъ, его смело. Только на третьи сутки успѣли сосчитать, что вообще помѣченныхъ морозомъ было 648 человѣкъ, изъ которыхъ бо́льшую часть оттерли снѣгомъ

По причинѣ легкой степени изнобленій и по нежеланію огорчать начальство, цѣлыхъ 6 сотень изъ нихъ нигдѣ не упомянуты, а изъ остальныхъ 48-ми 27 выздоровѣли въ Быйлештахъ; 1 саперъ, освирѣпѣвшій между винными бочками, силою взятый аріергардомъ и доставленный только передъ ночью съ отмороженными до середины икоръ ногами, вскорѣ умеръ, а 20 человѣкъ въ послѣдствіи сданы были въ краіовскій военно-временной госпиталь. Изъ офицеровъ, познобившихся было болѣе десяти человѣкъ,—большею частью изъ числа верховыхъ, либо такихъ, которые выступили изъ Модловиты въ промокшей прежде обуви; они всѣ выпользовались, исключая одного (Талызина), который лишился пальцевъ на обѣихъ ногахъ.

II.

Не легка была для Калафатскаго гарнизона ночь на 3-е февраля. Менѣе насъ привычные къ холоду, турки всю ночь оставались подъ ружьемъ, и многіе часовые у передовыхъ укрѣпленій познобились пуще нашего, а, если вѣрить тогдашнимъ слухамъ, нѣкоторые найдены были наутро замерзшими.

Или Чепурчени нужны были до крайности непріятелю, или онъ считалъ зимнія экспедиціи наши болѣе уже невозможными,—но только онъ вскорѣ опять занялъ эту деревню, такъ что 7-го января опять пришлось дѣлать наступленіе на Калафатъ и очищать Чепурчени.

Въ этотъ разъ наши войска до сумерекъ кончили все дѣло и захватили немало плѣнныхъ.

Такія наступленія часто повторялись, а какъ всякій разъ нельзя было расчитывать на скорое возвращеніе и на отсутствіе больныхъ и нуждающихся въ тепломъ питьѣ, то я возилъ въ лазаретномъ своемъ обозѣ двѣ глиняныя жаровни, на которыхъ можно было приготовлять теплое питье и даже пищу въ небольшомъ количествѣ, на угольяхъ, что́ было особенно важно въ такихъ случаяхъ, когда запрещалось разводить огонь съ пламенемъ. Одна изъ этихъ жаровень была пріобрѣтена отъ болгаръ, а другая устроена хозяйственнымъ образомъ, по образцу первой. Такая жаровня или камфорка состоитъ изъ чугунной рѣшетки, о 5-ти или 7-ми перекладинкахъ, вдѣланной въ подставку изъ глины и рѣзанной соломы, или сѣчки; самый же лучшій для того матеріалъ—глина, хорошо вымѣшанная съ лошадинымъ пометомъ. Корпусъ самой жаровни строится на деревянной дощечкѣ въ видѣ четырехъ-угольнаго, съ тупыми углами, каравая; сверху и по серединѣ его находится жердо, въ дно котораго вдѣлана упомянутая чугунная рѣшетка, а подъ послѣднею имѣется пустота, выходящая съ одной стороны корпуса отверстіемъ наружу и служащая поддуваломъ. На

верху корпуса, кругомъ жерла находятся три или четыре глиняныхъ возвышенія или тумбочки, для постановки на нихъ посуды, такъ, чтобы не прекращалась тяга въ жаровнѣ. Эта жаровня оказалась лучше всякихъ треножниковъ и нашихъ камфорокъ, тѣмъ, что, нагрѣваясь всѣмъ корпусомъ, долго сохраняетъ теплоту, почему годится и для нагрѣванія крытаго фургона и небольшихъ жилищъ, какъ, напримѣръ, двойной палатки, а, имѣя довольно большое поддувало, скоро варитъ. Вѣсъ ея, построенной на деревянной дощечкѣ, не превышаетъ 16-ти — 24-хъ фунтовъ, но можетъ вѣсить и гораздо меньше. Когда мы строили такія жаровни у себя, то, вмѣсто покупной, чугунной рѣшетки, вставляли въ пустую средину корпуса небольшіе куски изломанныхъ, негодныхъ шомполовъ. При возкѣ хороша она тѣмъ, что не легко разбивается.

Нѣтъ спора, что маловалахскій отрядъ держалъ въ сильной блокадѣ 35,000 турокъ въ Калафатѣ и не давалъ имъ выхода въ Малую Валахію; но постоянныя фальшивыя тревоги, рекогносцировки, наши наступленія на Калафатъ и преслѣдованіе непріятельскихъ отрядовъ, старавшихся завладѣть лучшими и ближайшими къ нему деревнями, стоили и намъ не малыхъ трудовъ.

Генеральнаго штаба полковникъ Веймарнъ прервалъ сообщенія турокъ по Дунаю, дѣйствуя артиллерійскимъ огнемъ противъ ихъ флотиліи; 24-го февраля ему же поручено было осмотрѣть часть калафатскихъ укрѣпленій, причемъ было отражено наступленіе непріятельской кавалеріи; 25-го числа сдѣлана была новая подробная съемка калафатскихъ укрѣпленій подъ прикрытіемъ всего нашего отряда, при чемъ непріятельскій огонь не прекращался на всемъ пространствѣ ихъ укрѣпленій, растянутыхъ болѣе чѣмъ на три версты [1]).

[1]) Во время нашей стоянки въ Модловитѣ, солдаты обзавелись множествомъ собакъ, провожавшихъ ихъ всюду, даже въ ночную цѣпь. Это, казалось, не мѣшало общему порядку и потому на такую привычку не обращено было должнаго вниманія и не запрещалось солдату имѣть собаку; а между тѣмъ, сколько помнится мнѣ, то въ одну изъ зимнихъ экспедицій случилось такъ, что когда войска пѣхотнаго нашего отряда, обступавшаго Калафатъ, были еще болѣе чѣмъ въ двухъ-верстномъ разстояніи отъ его укрѣпленій, то изъ интервала между баталіонами Украинскаго егерскаго полка, проходившаго виноградниками, собаки выгнали зайца впередъ войскъ. Заяцъ направился прямо въ промежутокъ между двухъ непріятельскихъ укрѣпленій и увлекъ за собою громадную стаю солдатскихъ собакъ. Турки не могли не знать этой слабости къ собакамъ за нашими войсками, и потому какъ только собаки скрылись отъ насъ за укрѣпленіемъ, то открытъ былъ огонь изъ многихъ укрѣпленій, прежде чѣмъ наши войска могли быть съ нихъ видны. Это обстоятельство, конечно, возбудило общій смѣхъ, но вмѣстѣ и помѣшало подойти къ укрѣпленіямъ такъ близко, какъ намъ это удавалось прежде, когда собаки насъ не выдавали. Г.

Не смотря на всѣ эти труды и стѣсненіе на квартирахъ, маловалахскій отрядъ благоденствовалъ, благодаря заботамъ командующаго. Хлѣбъ выпекался отличный, изъ муки, подвезенной подвижными магазинами изъ Комани и Слатина; зерно отчасти пріобрѣталось комисіонерскимъ способомъ и мололось въ войскахъ ручными жерновами, которые заведены были до новаго года (1854), по одному на каждые роту, дивизіонъ, батарею и саперный баталіонъ, что̀ было крайне необходимо, такъ какъ, съ наступленіемъ декабрьскихъ морозовъ, водяныя мельницы перестали дѣйствовать, а вѣтряныхъ въ странѣ было мало, да онѣ же были и не довольно надежны.

Удачная и скорая переправа нашихъ войскъ на непріятельскій берегъ Дуная въ Браиловѣ, Галацѣ и у Измаила (10-го и 11-го марта) вызвала калафатскій гарнизонъ на болѣе рѣшительныя дѣйствія. 14-го марта, турки массою всей своей кавалеріи напали на с. Поэны, но были на-голову разбиты генер. Гастферомъ. Нашъ маловалахскій отрядъ былъ для нихъ какъ бѣльмо на глазу. Такъ, 19-го марта генер. Липранди произвелъ опять наступательное движеніе на Калафатъ и тѣмъ держалъ ихъ массы на одномъ пунктѣ.

Съ тѣхъ поръ наши дѣйствія ограничивались преслѣдованіемъ турокъ, появлявшихся на островахъ и въ близкихъ деревняхъ, за фуражомъ и дровами. Только 9-го апрѣля ген. Липранди съ кавалеріею произвелъ рекогносцировку непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря, выгналъ турокъ изъ Чепурчени, разбилъ ихъ и отразилъ кавалерію, высланную на выручку изъ Калафата. Раненые въ этомъ сраженіи отданы были на попеченіе кавалерійскимъ медикамъ,—и потому свѣдѣній объ нихъ я не имѣю.

Часть кавалеріи, принадлежавшей маловалахскому отряду, находилась въ Поэнахъ, а другая въ деревнѣ Гуніи. Хотя послѣдняя деревня значительно выдвигалась къ берегу Дуная и турки были мастера пробираться въ наши предѣлы по замерзшимъ заливамъ и рукавамъ рѣки, но такъ какъ она находилась всего въ двухъ-верстномъ разстояніи отъ Модловиты и въ тылу послѣдней, то и считалась болѣе безопасною, чѣмъ Поэны;—почему часть кавалерійскихъ обозовъ, канцеляріи штабовъ и дивизіонный штабъ, а также больные, часто пребывали въ Гуніи.

Въ кавалеріи было своихъ 5 или 6 хорошихъ медиковъ и потому насъ не мало удивило, когда ген. Липранди, въ одинъ поздній вечеръ, приказалъ тотчасъ послать одного пѣхотнаго медика, именно меня, въ Гунію, съ тѣмъ, чтобы я принялся за леченіе одного кавалерійскаго генерала. Особая инструкція, данная мнѣ, состояла въ томъ, чтобы почти умирающаго больнаго уговорить лечиться, быть снисхо-

дительнымъ къ его обхожденію угловатаго свойства и всѣми силами способствовать его выздоровленію. Въ полночь засталъ я моего паціента въ душной избѣ, у самаго потолка, лежащимъ на кровати, укрѣпленной на высокихъ подмосткахъ, такъ что мнѣ пришлось становиться на высокую скамейку, чтобы осмотрѣть его. Оказалось запущенное воспаленіе легкихъ, производившее и безъ того немалое стѣсненіе дыханія, а тутъ—воздухъ спертый съ запахомъ гари и кизяка и у здороваго человѣка возбуждалъ тоску и тошноту. Когда я предлагалъ спустить кровать съ подмостковъ и принимать приготовленное ему лекарство, то отвѣта не получалъ. Паціентъ продолжалъ молчать, а я печальнымъ тономъ, по временамъ, повторялъ свои просьбы и совѣты, но все было тщетно. Отворилась дверь и вошелъ старый полковой костоправъ; остановившись по серединѣ избы, поправивъ усы и не сводя глазъ съ возвышенія, онъ гаркнулъ: „здравія желаю, ваше прев—во!“ Отвѣта и ему не было; лишь минуты черезъ двѣ, больной протянулъ дрожащую руку, указывая на костоправа, и шепотомъ произнесъ:

— „Вотъ мой генералъ-штабъ-докторъ; онъ, лучше всѣхъ нашихъ медиковъ, знаетъ что́ кому нужно; а всѣ медики дрянь, особенно старшіе!“

Опять послѣдовала пауза, послѣ которой паціентъ задыхающимся голосомъ спросилъ меня, старшій-ли я, или младшій?

— „Я—старшій ,—отвѣтилъ я, но, подумавши, прибавилъ: я только нѣсколько дней еще старшимъ“.

Такой смиренный отвѣтъ, безъ дальнихъ объясненій, окончательно убѣдилъ больнаго и онъ позволилъ мнѣ дѣлать съ собою что́ угодно. На первыхъ порахъ пришлось употребить костоправа, помѣстившаго своего паціента подъ потолкомъ,—на снятіе кровати съ подмостковъ. Потомъ, вслѣдствіе-ли ухода и леченія, или вслѣдствіе крѣпкаго сложенія паціента, только онъ выздоровѣлъ и былъ отправленъ въ Краіово, для укрѣпленія въ силахъ. Оказалось, что этотъ генералъ всегда выражалъ свое убѣжденіе, что медики морятъ, а не лечатъ; самъ-же давалъ совѣты другимъ и принималъ ихъ только отъ костоправа. Однажды, по указанію того же костоправа, онъ потребовалъ изъ Поэнъ, въ 22-хъ верстахъ отъ Гуніи, отъ одного старшаго въ полку кавалерійскаго врача, выдачи банокъ и скарификаторнаго куба въ свое распоряженіе, въ Гунію,— и когда тотъ не согласился выдать, извиняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что для всего поэнскаго отряда и для его лазарета имѣется одинъ только такой приборъ, то генералъ велѣлъ того медика посадить на редантъ въ Поэнахъ. Когда другой медикъ, въ Гуніи, спрошенный генераломъ о томъ, какъ думаетъ онъ

объ ослушаніи поэнскаго медика,—сталъ послѣдняго оправдывать, то еле-еле успѣлъ самъ отпроситься отъ взысканія, а дивизіонному доктору, испрашивавшему прощеніе наказанному, велѣлъ замолчать. По выздоровленіи, генералъ спросилъ меня, что̀ я думаю о посаженіи поэнскаго медика на редантъ? то я, не стѣсняясь отвѣтилъ, что считаю въ этомъ дѣлѣ виноватымъ одного дивизіоннаго доктора—въ томъ, что онъ не умѣлъ оправдать поэнскаго медика и испросить для него прощенія, какъ и въ томъ, что онъ не донесъ о несправедливомъ наложеніи наказанія по начальству, т. е. начальнику 5-й кавалерійской дивизіи. Черезъ нѣсколько дней, изъ того кавалерійскаго отряда выбылъ одинъ медикъ, выпущенный изъ академіи съ золотою медалью; за нимъ послѣдовали, вѣроятно, и другіе.

Когда фельдмаршалъ князь Варшавскій принялъ начальство надъ тремя дѣйствующими корпусами (5-го апрѣля), то вскорѣ, по измѣнившимся (какъ казалось фельдмаршалу) къ намъ отношеніямъ Австріи, онъ повелѣлъ маловалахскому отряду оставить Калафатъ и отодвинуться къ Краіову.

Въ это время въ составъ нашего отряда входили: вся 12-я пѣхотная дивизія съ соименною бригадою артиллеріи, 2-я бригада 5-й конной кавалерійской дивизіи, донской № 38-й полкъ, 4 сотни донскаго № 42 полка и конно-легкая № 10-й батарея. Во время непродолжительнаго пребыванія Азовскаго пѣхотнаго полка въ Краіовѣ, случилось происшествіе, встревожившее насъ немало.

Къ этому полку былъ причисленъ баталіонъ греческихъ волонтеровъ, которымъ командовалъ тогда поручикъ Стафаки, перешедшій въ нашу службу изъ молдавскихъ войскъ. Кончая свои расчеты по баталіону грековъ съ штабомъ Азовскаго пѣхотнаго полка, онъ казался всѣмъ въ очень раздраженномъ состояніи. Красивый наружностью, онъ черезъ одно плечо носилъ дорожную сумку, на замкѣ, черезъ другое охотничью флягу съ водкою, а за поясомъ пистолетъ. Смѣсь военнаго костюма съ принадлежностями бандита, скорая и гордая походка и неровное обхожденіе немало возбуждали удивленія и толковъ. Въ одинъ злополучный день, онъ зашелъ къ подполковнику К—чу, которому онъ былъ непосредственно подчиненъ по командованію баталіономъ волонтеровъ, радовался окончанію расчетовъ со штабомъ, сѣтовалъ на свое нравственное положеніе, какъ молдованина, перешедшаго въ русскую службу въ то время, какъ русскіе оставляютъ княжества, то опять радовался скорому выступленію изъ Краіова; затѣмъ потянулъ нѣсколько глотковъ водки изъ своей фляги и, отходя отъ стола, выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и за-мертво опрокинулся на середину комнаты. Хозяинъ квартиры сзывалъ окружающихъ,

просилъ сбѣгать за докторомъ, суетился и помогалъ какъ умѣлъ, но черезъ нѣсколько времени, видя, что несчастный не подаетъ никакихъ признаковъ жизни и что трупъ сталъ охладѣвать, заперъ комнату, у которой поставилъ часоваго, а самъ отправился доложить командиру полка о случившемся. На другой день, я былъ назначенъ на вскрытіе тѣла Стафаки. Всѣ должностные дивизіоннаго и полковаго штабовъ высказывались не въ пользу К—ча, полагая, что послѣдній раздражалъ Стафаки строптивостію, либо недостаточнымъ вниманіемъ, а оберъ-аудиторъ уже предусматривалъ статьи, подъ которыя готовился подвести К—ча за все, въ чемъ его предполагали виновнымъ собесѣдники аудитора, главное же за то, что самъ К—чъ ушелъ со двора, замкнувъ комнату на замокъ, чѣмъ, будто-бы, воспрепятствовалъ оказанію возможной еще помощи раненому.

Въ 8 часовъ пополудни собрался медицинскій персоналъ въ квартиру К—ча, которую отперъ часовой имѣвшимся у него ключомъ. Не было возможности приступить къ дѣлу, такъ какъ еще не всѣ члены собрались: комендантъ сначала просилъ обождать, что̀ и было сдѣлано, а затѣмъ отказался пріѣхать, по служебнымъ занятіямъ. Между тѣмъ, въ комнатѣ собралось много любопытныхъ жителей и нашихъ офицеровъ. Время уходило, а на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, мнѣ предстоялъ походъ въ Текучи; что̀ тутъ было дѣлать? Получивъ согласіе у многихъ присутствующихъ оставаться до конца осмотра и вскрытія тѣла и подписать протоколъ о найденной обстановкѣ и наружномъ осмотрѣ тѣла, переписавши ихъ имена и фамиліи, я приступилъ къ наружному осмотру, диктуя обо всемъ найденномъ своему фельдшеру. Найденныя въ сумкѣ значительныя суммы были публично пересчитаны, записаны и положены на мѣсто; частныя письма заномерованы, французскія, какъ болѣе понятныя, прочитаны, запечатаны и вмѣстѣ съ деньгами уложены въ сумку, а послѣднюю заперли, обвязали и запечатали. Вся обстановка и положеніе субъекта подробно описаны, а затѣмъ, въ отдѣлѣ о внутренномъ осмотрѣ (при вскрытіи), показано было, по очевидности, по крайнему моему разумѣнію и по доброй совѣсти, что, при совершенной цѣлости зубовъ, пуля прошла въ верхнюю часть затылка, гдѣ и засѣла; основная кость найдена растрескавшеюся въ куски, мозговая мякость разрушенною и перемѣшанною съ осколками разбитой основной кости. Мякоть мозга издавала запахъ спирта; въ желудкѣ найдено около 3-хъ ложекъ не всосавшейся еще спиртной жидкости; найдено бленорройное состояніе пищеваго канала, какъ признакъ давнишняго его катарра, и фестонное очертаніе, увеличенной въ объемѣ, селезенки. При совершенномъ отсутствіи какихъ либо знаковъ насилія на тѣлѣ, слѣ-

дуетъ полагать, что самъ Стафаки нанесъ себѣ выстрѣлъ, просунувъ дуло оружія глубоко въ ротъ, и выстрѣломъ нанесъ себѣ поврежденіе безусловно смертельное, т. е. такое, при которомъ всякая медицинская помощь оказалась бы тщетною. Нельзя думать, чтобы Стафаки былъ въ трезвомъ состояніи въ моментъ самоубійства; наконецъ, изъ содержанія недавно полученныхъ имъ писемъ, прочитанныхъ при присутствующихъ, видно, что невѣста отказала ему въ своей рукѣ въ весьма оскорбительныхъ для его чести выраженіяхъ, которыя могли довести его до полнаго отчаянія. Формальное судебно-медицинское свидѣтельство, какъ равно суммы и вещи Стафаки, я представилъ въ штабъ Азовскаго пѣхотнаго полка, копію со свидѣтельства—отрядному доктору; самъ же въ слѣдующее утро отправился съ полкомъ на Текучи.

Это свидѣтельство, при всей своей правдивости и безпристрастіи, выгораживающее подполковника К—ча изъ отвѣтственности, сдѣлалось предметомъ безпощадной критики и преслѣдованій.

III.

Изъ окрестностей Краіова маловалахскій отрядъ подвигался къ востоку медленно, небольшими переходами и съ значительными перерывами.

Защищая тылъ свой отъ нападенія турокъ, выступившихъ изъ Калафата въ Малую Валахію и угрожавшихъ намъ съ запада, а съ сѣверо-запада и сѣвера ожидая такого-же нападенія отъ австрійскихъ войскъ изъ Трансильваніи, отряду Липранди приходилось растягиваться на довольно большое пространство отъ юга къ сѣверу. По слѣдамъ нашимъ, осторожно и держась приблизительно въ разстояніи двухъ до трехъ пѣшихъ переходовъ, шли турки, исподволь занимая очищенныя нами мѣста.

Такимъ образомъ, держась въ упомянутомъ направленіи съ юга на сѣверъ, на одномъ почти уровнѣ, войска маловалахскаго отряда, слѣдуя къ востоку, перешли черезъ Ольту, занимая пространство отъ Рымника до Турно, причемъ отрядный штабъ Липранди расположился на серединѣ этого протяженія, въ г. Слатинѣ. Такъ какъ весеннія лихорадки уже начинали свирѣпствовать въ странѣ, а въ Слатинѣ предполагалось болѣе продолжительное пребываніе войскъ, то генералъ Липранди предложилъ командиру 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, ген.-маіору Семякину, съ участіемъ медиковъ, выбрать здоровыя мѣстности для лагеря и болѣе удобныя мѣста на Ольтѣ,

для купанья и для мытья солдатскаго бѣлья [1]). Сколько мнѣ извѣстно, это составляло тогда довольно рѣдкій примѣръ, чтобы военный начальникъ считалъ полезнымъ потребовать участія медиковъ при выборѣ мѣстностей для войскъ. Пѣхота заняла, саженяхъ въ 200-хъ отъ рѣки, небольшую гору, расположившись въ палаткахъ, по юго-западному ея склону. Эта гора упиралась въ предмѣстье, что̀ давало возможность расположить кухни въ послѣднемъ. Кавалерія была размѣщена по другую сторону города, въ дальнихъ предмѣстьяхъ и верстахъ въ четырехъ отъ пѣхоты.

Намъ извѣстно было, что, вскорѣ послѣ занятія нами Слатина, и турки заняли г. Каракулъ, верстахъ въ 40 назади, и что ихъ передовые отряды показывались на половинѣ разстоянія къ Слатину и у устья рѣки Ольтицы, притока Ольты.

16-го мая, въ девятомъ часу утра, много было купающихся въ Ольтѣ, недалеко отъ моста, когда черезъ послѣдній проѣхало нѣсколько телѣгъ и направилось къ постоялому двору, верстахъ въ 4-хъ отъ города. Минутъ 20 спустя, по тому же направленію прошла колонна гусаръ Варшавскаго полка, изъ 6-ти эскадроновъ съ 4-мя орудіями и сотнею казаковъ № 8-го донскаго полка. Еще нѣсколько позже туда же спѣшила, вздымая пыль, отставшая офицерская телѣга.

Намъ было извѣстно, что этотъ кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Карамзина, шелъ на рекогносцировку.

Погода была ясная и тихая; выстрѣловъ ни откуда до насъ не доносилось; близились сумерки, а отрядъ еще не возвращался съ рекогносцировки. Одно это обстоятельство было поводомъ къ опасеніямъ, почему многіе, интересовавшіеся исходомъ рекогносцировки, толпились на мосту и по берегу Ольты. Наконецъ, показался на дорогѣ возвращавшійся съ боя раненый рядовой, а за нимъ телѣга съ двумя офицерами, потерявшими въ бою лошадей. Генералъ Фишбахъ разспрашивалъ каждаго о подробностяхъ дѣла, но изъ смутныхъ отвѣтовъ видно было только то, что артиллерія всего больше пострадала и что отрядъ, зайдя слишкомъ далеко, былъ охваченъ съ двухъ фланговъ

---

[1]) Надобно замѣтить, что со времени свирѣпствовавшей въ Желавѣ-дежосъ эпидеміи тифа съ образованіемъ у больныхъ имъ опухолей въ ногахъ и подмышкахъ, одновременно сопровождаемой случаями заболѣванія злокачественнымъ прыщомъ, въ нашемъ отрядѣ особое вниманіе обращалось на чистоту тѣла и чистое содержаніе солдатскихъ платья и бѣлья. Въ зимнее время устраивали въ отдѣльныхъ землянкахъ подобіе бань, на проходѣ черезъ города пользовались банями, а въ теплое время года купанья въ рѣкахъ считались почти обязательными. Г.

непріятельскою кавалеріей, старавшейся ему отрѣзать дорогу черезъ рѣчку, или ручей, черезъ который трудно было провезти орудія.

Высланъ былъ пѣхотный отрядъ для преслѣдованія непріятеля, но оказалось, что онъ самъ послѣ этого дѣла оставилъ Каракулъ и ушелъ по направленію къ Краіову. Когда стало извѣстно, что орудія не возвратились и погибло до 70-ти человѣкъ, самъ полк. Карамзинъ и два оберъ-офицера, то у всѣхъ явилось одно желаніе—отмстить непріятелю, и это неудовлетворенное желаніе перешло въ неудержимое раздраженіе. Всѣ почти возвратившіеся изъ боя штабъ и оберъ-офицеры были переранены; по всему было видно и никто въ томъ не сомнѣвался, что отрядъ храбро дрался и что его офицеры геройски отстаивали честь русскаго оружія; но одно воспоминаніе о небываломъ пораженіи терзало всѣхъ, и въ пѣхотѣ перешло въ явное негодованіе на кавалерію. Въ молдаванскомъ казино (въ Слатинѣ), составлявшемъ арену всѣхъ споровъ о причинахъ пораженія подъ Каракуломъ, кто-то изъ пѣхотныхъ офицеровъ высказалъ кавалерійскимъ, что не слѣдовало тому отряду дѣлать привала у постоялаго двора, ради одного удовольствія; что не слѣдовало ему переходить ручья Тезлуя; что какъ только отрядомъ были замѣчены два облака пыли, поднимавшіяся отъ заходившихъ во фланги колоннъ непріятельской кавалеріи, то слѣдовало тотчасъ возвращаться, а не идти дальше; а главное, что не слѣдовало на рекогносцировку брать съ собою офицерскія телѣги, сбившіяся гдѣ-то на мосту и не дававшія свободнаго прохода ни артиллеріи, ни кавалеріи. Были ли эти упреки справедливы, или нѣтъ,—трудно провѣрить, но вѣрно то, что они воспламенили вражду кавалеристовъ къ пѣхотѣ. Когда, вечеромъ, мимо казино въ почтовой каруцѣ промчался капитанъ пѣшей артиллеріи, то ему въ догонку изъ казино были пущены камни, изъ которыхъ одинъ ранилъ его въ темя.

Между тѣмъ, отъ Азовскаго пѣхотнаго полка я былъ назначенъ для пользованія раненыхъ 16-го мая. Ихъ было сначала 24 человѣка но на другой и на третій день доставили еще человѣкъ восемь. Бо́льшая часть ранъ была нанесена ятаганами и пиками. Судя по глубинѣ, по правильности и длинѣ разрѣзовъ, надо думать, что турки рѣзали даже падавшихъ, удовлетворяя личной жестокости, и что имѣли довольно времени, чтобы выкраивать на тѣлѣ разныя фигуры. У одного солдата, привезеннаго лишь на третій день, было шесть круговыхъ, почти параллельныхъ одинъ другому разрѣзовъ, отъ верхней части ягодицъ до середины лядвей.

—„Да насъ, лежачихъ, они мельчали, какъ капусту,—разсказывалъ послѣдній.—Кажись онъ и не сердится, а такъ себѣ рѣжетъ да рѣжетъ, пока не изрѣжетъ всего въ плахты, а на смерть зарѣзать не

хочетъ,—виднось такъ имъ велѣно!" Очень можетъ быть, что турки нарочно изрѣзывали раненыхъ, оставляя ихъ въ живыхъ, для того, чтобы наводить на насъ больше паники. Огнестрѣльныхъ ранъ у солдатъ было мало; за то офицеры преимущественно были изранены огнестрѣльными снарядами. Всѣ раненые отлично были размѣщены въ молдаванскомъ монастырѣ.

Послѣ 16-го мая, рекогносцировки дѣлались строже; турки, убѣдившись, что отряду Липранди больше вреда наносить не могутъ, а тѣмъ болѣе не въ состояніи прорваться и разъединить его части, ни попользоваться нашими обозами (слѣдовавшими всегда впереди отряда), возвратились къ Калафату, уничтоживъ всѣ свои укрѣпленія, и къ 30-му мая бросили Малую Валахію. 1-го числа іюня и отрядъ Липранди выступилъ изъ Слатина и приольтинскихъ мѣстностей, направившись къ Плоештамъ. Въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ расположились два пѣхотныхъ полка 12-й пѣхотной дивизіи и гусарская бригада 5-й легкой кавалерійской дивизіи, для наблюденія за ущеліями и проходными мѣстами изъ Трансильваніи, откуда австрійскія войска угрожали зайти намъ въ тылъ. Хотя мы и застали въ Плоештахъ открытымъ госпиталь, но онъ до того былъ переполненъ больными, что велѣно было открыть для прибывшихъ и проходящихъ войскъ лазаретъ при одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, именно, при Азовскомъ. Городъ не скупился отводить лучшія свои зданія подъ лазаретъ, но всѣ они не были приспособлены для больничнаго учрежденія. Бо́льшая ихъ часть состояла изъ небольшихъ проходныхъ комнатъ съ большимъ числомъ оконъ, не имѣвшихъ сторъ; чрезъ это больные лишались необходимаго покоя, потому что медицинскій персоналъ и прислуга, изъ-за каждаго больнаго, должны были проходить амфиладу комнатъ, вслѣдствіе чего были постоянные бѣготня и гамъ. Къ тому же, вещей возилось при лазаретахъ только половинное количество противъ штата; окна пришлось завѣшивать простынями, которыхъ и безъ того недоставало на скопившееся число больныхъ. Недостатокъ вентиляціи и невозможность строго распредѣлять больныхъ по роду болѣзни не позволяли соблюдать условій, требуемыхъ личностью каждаго больнаго. Кромѣ того, въ числѣ поступавшихъ въ лазаретъ много было такихъ, у которыхъ, вслѣдствіе перенесенныхъ ими дунайскихъ лихорадокъ и поносовъ, стали развиваться водянки, малокровіе и цынготное худосочіе. Сталъ ощутительнымъ недостатокъ въ нашемъ каталогѣ желѣзистыхъ препаратовъ и хинина; послѣдняго куплено было болѣе фунта на счетъ полка, также пріобрѣтены изъ вольной аптеки нѣкоторые желѣзистые препараты. Въ поносахъ, особенно изнурительныхъ, прежде нами была испытана польза сухой фосфорной кислоты,

какъ равно польза аконита въ лихорадочныхъ болѣзняхъ, даваемыхъ по рекомендованной намъ атомистической системѣ Мандта; но первой тоже не существовало въ нашемъ каталогѣ.

Овсяная крупа, признаваемая столь полезною въ видѣ овсянки и каши при поносахъ, на походѣ оказывалась не всегда пригодною: она легко горкнетъ и тогда вредно дѣйствуетъ; гречневая крупа оказывалась при разстройствахъ желудка полезнѣе прочихъ сортовъ крупы и даже лучше хваленаго рису.

Однообразіе лазаретной пищи, совершенно вредно отзывавшееся на больныхъ, вызывало медиковъ на ходатайства о замѣненіи положенныхъ порцій болѣе цѣлесообразными и пріятными для нихъ, которыя притомъ обходились бы дешевле положенныхъ. Дешевизна на рынкахъ молока, брынзы и кашкавала, баклажанъ, помедоровъ, турецкаго луку, чесноку, рѣпчатаго луку, хрѣну, фасоля и гороха, а позже огурцовъ и арбузовъ, благодѣтельно дѣйствовавшихъ при водянкахъ, какъ равно крайне низкая цѣна на фрукты, ягоды и виноградъ,—допускали всякую возможность давать полезную и вмѣстѣ лакомую пищу больнымъ, не выходя изъ стоимости лазаретныхъ порцій. На бѣду, всякая перемѣна, предложенная лазаретнымъ врачомъ, предварительно оговаривалась лазаретнымъ офицеромъ, критиковалась штабомъ и разсматривалась отряднымъ докторомъ, а между тѣмъ дорогое время для больнаго уходило и, пока что-либо разрѣшалось, цѣны на рынкѣ измѣнялись. Главное препятствіе въ улучшеніи пищи было всегда со стороны офицеровъ, завѣдывавшихъ лазаретами, выводившихъ на каждую неположенную по табели порцію больше денегъ, хотя бы въ дѣйствительности она стоила гораздо менѣе положенной. При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было даже назначать ни супа, ни салата изъ винограднаго листа, почти даромъ отпускаемаго на рынкахъ, на прибавку къ покупаемымъ другимъ предметамъ. Кончалась же такая процедура обыкновенно борьбою медика съ полковымъ штабомъ за излишній расходъ, въ которомъ онъ былъ неповиненъ и который зависѣлъ всегда отъ лазаретнаго офицера, проставлявшаго на все цѣны по собственному произволу,—а этотъ произволъ былъ тѣмъ больше, чѣмъ бо́льшій чинъ носилъ офицеръ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые штабъ-лекаря усиленно хлопотали объ упраздненіи лазаретныхъ офицеровъ,—и дѣйствительно, гдѣ ставили хозяиномъ или экономомъ надзирателя изъ честныхъ унтеръ-офицеровъ и подчиняли послѣдняго штабъ-лекарю, тамъ разнообразіе въ пищѣ становилось возможнымъ, стоимость лазарета баснословно удешевлялась, и, конечно, леченіе шло успѣшнѣе.

Во второй половинѣ іюля мы выступили изъ Плоештъ и къ 25-му

числу прибыли въ Бузео, гдѣ сдали нѣсколько человѣкъ заболѣвшихъ въ находившійся тамъ военно-временной госпиталь, и прослѣдовали на Фокшаны. Здѣсь одинъ только полкъ 12-й пѣхотной дивизіи оставался нѣсколько долѣе, прочіе же направились къ предѣламъ имперіи, на Леово.

Только въ концѣ августа (въ 20-хъ числахъ) маловалахскій отрядъ, нѣсколько уменьшенный въ составѣ, перешелъ черезъ Прутъ и вступилъ обратно въ предѣлы Россіи, расположась преимущественно въ колоніяхъ и деревняхъ Аккерманскаго и частію Бендерскаго уѣздовъ Бессарабской области.

Хотя стараніями отряднаго доктора Протопопова и благодаря распоряженіямъ генерала Липранди, назначеніе медика въ арміи и нравственное положеніе его въ этомъ отрядѣ было многимъ лучше, чѣмъ въ другихъ войскахъ, но все же, въ общей сложности, случалось такъ, что лучшіе медики, горячо относившіеся къ быту солдатъ, не были терпимы, и, при случаѣ, были преслѣдуемы штабами. Если они формально заявляли о недостаточности или худыхъ качествахъ продовольствія, то имъ на-слово не вѣрили, а, по тогдашнимъ порядкамъ, назначалась слѣдственная коммисія изъ офицеровъ, которыхъ прямымъ и личнымъ интересомъ было выставить медика неправымъ, притязательнымъ, безпокойнымъ, либо обвинить его въ личностяхъ; если же и это не помогало, то старались заподозрить его въ желаніи получить подачку. Такимъ образомъ, вся служба медика слагалась изъ ряда мелкихъ преслѣдованій, помрачающихъ его честь и отравляющихъ жизнь. Къ тому же, въ арміи было обыкновеніе—за благосостояніе войскъ воздавать благодарность лишь военнымъ начальникамъ. Медикъ имѣлъ право на память о немъ только тогда, когда искали виновнаго въ допущеніи болѣзненности и смертности. Порціонное положеніе для солдатъ часто измѣнялось,—о такихъ измѣненіяхъ своевременно медикамъ не сообщалось; а большое число прибавленій, отмѣнъ и поясненій къ приказамъ, касающимся продовольствія въ походное время, не давало медикамъ возможности знать діэтное положеніе солдата, и, въ случаѣ замѣчанія съ его стороны касательно худой пищи, обвиняемый офицеръ приводилъ въ свое оправданіе приказъ, котораго не зналъ ни онъ, ни медикъ, но котораго смыслъ говорилъ въ пользу офицера. Что при этомъ дѣлалъ штабъ? такого изворотливаго офицера онъ называлъ способнѣйшимъ.

Близость аккерманскаго, а также бендерскаго и тираспольскаго госпиталей позволяла медикамъ сдавать туда больныхъ, при переполненіи лазаретовъ; но правду сказать, больные не столько сдавались туда по необходимости, сколько по общему желанію медиковъ

избѣжать счетовъ, непріятностей и преслѣдованій отъ своихъ штабовъ за требованіе самаго необходимаго для содержанія лазаретовъ и пользованія больныхъ. За малыми исключеніями, общее изреченіе полевыхъ медиковъ тогда было: „меньше держишь больныхъ, меньше наживаешь вражды и преслѣдованій!“ Съ одинаковымъ ужасомъ начальствующіе военные относились къ смертности въ лазаретѣ, къ расходу на больныхъ, къ заботамъ о предупрежденіи болѣзней правильнымъ содержаніемъ здоровыхъ людей, какъ и къ встрѣчѣ съ ненавистнымъ имъ медицинскимъ персоналомъ, — и эти противорѣчія тѣмъ болѣе выдавались, чѣмъ положеніе войскъ ближе подходило къ мирному. Умѣнье держать медика въ черномъ тѣлѣ, пришибить его во-время, чтобъ не смѣлъ пикнуть, когда его не спрашиваютъ, и чтобы говорилъ то, что нужно, а не то, о чемъ не спрашиваютъ, а затѣмъ ловко спровадить непокорнаго къ „Макару“, — это были живыя слова того катехизиса, которымъ большею частью руководствовались ближайшія начальства въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненному имъ медику. Въ пѣхотѣ командиры рѣдко вѣрили въ дѣйствительность медицины и гигіены для солдатъ, хотя сами не отказывались лечиться въ случаѣ болѣзни и требовали отъ своего медика весьма заботливаго и нѣжнаго ухода за собою. Одинъ навязывалъ медику леченіе солдатъ водою, другой воздухомъ, діэтою и молитвами; третій—ученіями и постояннымъ движеніемъ; четвертый заставлялъ лечить гомеопатіею,—но все въ размѣрахъ, не терпящихъ денежнаго на больныхъ расхода. При такомъ давленіи со стороны безконтрольныхъ ближайшихъ начальствъ, медиковъ все становилось меньше и меньше, а съ тѣмъ вмѣстѣ зависимость ихъ отъ тѣхъ же начальствъ становилась все больше и больше. Одинъ въ полѣ — не воинъ, по неволѣ, поддавшись вліянію сильной опеки, — свихнешься, а разъ свихнулся, такъ на ноги больше не встанешь!!

Послѣ такой картины, по неволѣ спросишь: почему же остальные медики оставались въ дѣйствующихъ войскахъ? Отвѣтъ на это короткій и ясный: потому что некуда было дѣваться. Старики, дослуживавшіе до пенсіи, боялись потерять ее и потому не переходили въ госпитали, чтобы не сдѣлаться тамъ отвѣтственными за тѣ злоупотребленія, которыхъ медики тамъ уничтожить не могли, не выходя изъ подчиненности отъ коммисаріата, считавшаго тогда наживу дѣломъ подобающимъ. Молодые же, большею частью изъ числа казенно-коштныхъ студентовъ, должны были отслуживать свои обязательные сроки за воспитаніе, да къ тому же въ военное время отставки немыслимы, а госпиталей они боялись пуще всего. Наконецъ, были въ числѣ ихъ и такіе, которые смѣло встрѣчались съ неурядицей, ис-

подволь отвоевывая себѣ права, открыто, но всегда спокойно критикуя всякое зло и настойчиво и холодно требуя должнаго, помимо всякаго рода взысканій и стѣсненій, которыя безропотно переносили, такъ, какъ будто бы эти временныя невзгоды не входили въ кругъ служебнаго порядка и личнаго ихъ благоденствія. Только такіе упрочивались въ войскахъ, и если не были общелюбимы, то всѣми признавались дѣльными.

Честь и слава тому медику, который умѣлъ переносить первый натискъ преслѣдованій,—затѣмъ вся борьба утихала, штабы старались не раздражать такого медика, какъ они называли, „кремня“, и выполняли законныя его требованія „ради мира“.

Между тѣмъ, военныя событія свершались, быстро смѣняя другъ друга, и съ каждымъ днемъ принимая болѣе и болѣе мрачный характеръ. Мы скоро узнали о высадкѣ союзниковъ у Евпаторіи; затѣмъ—объ Алминскомъ дѣлѣ и обложеніи непріятелемъ Севастополя. Всѣ мы были вполнѣ убѣждены, что насъ туда непремѣнно потребуютъ, и не обманулись въ ожиданіяхъ: въ двадцатыхъ числахъ сентября намъ объявили выступленіе. Мы выступили — сами не вѣдая куда, и только, не помню, на какомъ переходѣ намъ объявленъ былъ маршрутъ на Одессу, Херсонъ и Перекопъ, къ Севастополю. Наши эшелоны двигались форсированнымъ маршемъ, свершая одинъ переходъ пѣшкомъ, а другой — на подводахъ. Все зависѣло отъ количества и выносливости поставляемыхъ подводъ: въ иной день войскамъ нашимъ удавалось дѣлать и по 80-ти верстъ. Нельзя не отдать справедливости колонистамъ, которые дѣлали поставку подводъ сверхъ наряда, и многіе подводчики, проѣхавъ свои раіоны, успѣвали за ночь выкармливать лошадей, а на утро предлагали услуги свои добровольно, на извѣстное число верстъ. Такимъ образомъ, число подводъ всегда превышало требуемое по наряду. Одного только не любили колонисты: чрезмѣрной клади. Они ни за что не соглашались класть на лошадь болѣе, нежели сколько она можетъ протащить на-рысяхъ.

Въ Одессѣ мы имѣли дневку. Все вниманіе жителей этого города до того поглощалось тогда событіями у Севастополя, что они неохотно разсказывали про выдержанную ими бомбардировку въ Страстную субботу (10-го апрѣля) и считали ее мелочью, не стоющею вниманія въ сравненіи съ тѣмъ, что́ готовилось у Севастополя. На этой дневкѣ сослуживцы почтили прощальнымъ обѣдомъ отряднаго и вмѣстѣ дивизіоннаго доктора Протопопова, переведеннаго главнымъ докторомъ въ одесскій, а въ послѣдствіи, тѣмъ же званіемъ, въ симферопольскій военный госпиталь. Присутствіе на этомъ обѣдѣ гене-

рала Липранди служило яснымъ доказательствомъ, во что онъ ставилъ постоянную борьбу, которую медики вели съ частями его бывшаго отряда за благоденствіе солдатъ. Послѣ различныхъ тостовъ, онъ спросилъ Протопопова: кого онъ считаетъ достойнымъ послѣ себя занять должность дивизіоннаго доктора? Протопоповъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ двухъ равно достойными по познаніямъ, опытности и честному направленію; но что одинъ изъ нихъ до-нельзя неуступчивъ, вспыльчивъ и хмурится даже и тогда, когда самъ бываетъ веселъ; другой же—не въ примѣръ уживчивъ, пріятный собесѣдникъ и вполнѣ хорошій товарищъ.

— „А назовите намъ сердитаго, я добренькихъ боюсь“,—возразилъ Липранди, и нежданно, негаданно поднялъ бокалъ за здоровье неуживчиваго.

На слѣдующій день мы выступили изъ Одессы. Идучи берегомъ залива, видѣли мы неподвижно стоявшіе, внѣ одесскаго рейда, непріятельскіе пароходы; они походили на часовыхъ, разбросанныхъ въ одиночку и близко къ берегу, которымъ мы слѣдовали въ Херсонъ.

Не доходя до деревни Дофиновки, мы замѣтили, какъ одинъ изъ нихъ, стоявшій впереди насъ, спустилъ лодку, съ которой дѣлали промѣры по направленію къ берегу. Смѣялись мы этой работѣ и забыли о ней, какъ, пройдя еще нѣсколько верстъ и спускаясь въ глубокую балку, впадающую въ заливъ, завидѣли, что тотъ же пароходъ спѣшилъ на мѣсто сдѣланнаго съ лодки промѣра, сталъ бортомъ къ намъ и на одномъ уровнѣ съ проходимою нами балкою. Когда уже послѣдній эшелонъ Азовскаго пѣхотнаго полка сталъ взбираться на противоположный гребень балки, а за нимъ сталъ спускаться лазаретный обозъ, то раздались по немъ два выстрѣла, почему часть обоза съ аптекою пріостановилась; но я тотчасъ приказалъ остальному обозу проѣзжать балку на-рысяхъ и въ одиночку. Послѣдними пронеслись троечная и одноконная аптеки и уже стали взбираться на гребень противоположнаго берега балки, когда раздались еще два запоздавшихъ выстрѣла. Пароходъ, точно пристыженный, снялся и отошелъ на прежнее мѣсто.

Вѣроятно, непріятель, не зная нашихъ порядковъ, лазаретный обозъ принялъ за артиллерійскій паркъ и оттого такъ настойчиво преслѣдовалъ его.

Переправившись изъ Херсона въ Алешки водою, намъ пришлось нѣсколько верстъ проходить плавнями, что̀ крайне худо отразилось на солдатской обуви и, напротивъ, оказало пользу обозамъ, потому что во многихъ фурахъ колеса отъ засухи значительно разсохлись. Ближе къ Перекопу эшелоны немало терпѣли отъ безводія и пло-

хой воды. Казенныхъ и офицерскихъ лошадей едва-едва успѣвали выкармливать на ночлегахъ,—до того послѣдніе были коротки, и, не смотря на все это, падежа между ними не оказывалось. Правда, что подводы до-нельзя облегчали насъ, охотно принимая всякія клади съ казенныхъ фуръ. Лазаретные фургоны изрѣдка только подвозили усталыхъ, большею же частью, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, спѣшили насъ выручать подводчики.

А. А. Генрици.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Очерки и замѣтки о музыкѣ въ письмахъ къ Д. В. Стасову.

1852 — 1853 г. [1]).

Помѣстье Пріютъ (близъ Севастополя).—27-го октября 1852 г.[2]).

Въ Симферополѣ встрѣтилъ меня Молчановъ [3]) грустною вѣстью: Алексѣй Бакунинъ остался въ своей деревнѣ, около Торжка, и не будетъ больше въ Крыму! Домашнія обстоятельства удержали его въ семьѣ; для всѣхъ, кто его зналъ въ Симферополѣ—это чувствительная потеря, а какъ она чувствительна для меня—ты можешь самъ себѣ представить. Теперь нѣтъ въ Крыму рѣшительно ни одной души, съ кѣмъ бы я могъ бесѣдовать объ музыкѣ и о многомъ другомъ—по нашему. Надо спрятаться самому въ себя, какъ улиткѣ въ свой домикъ. Быть можетъ, именно это мнѣ теперь нужнѣе всего. Для работы—мнѣ здѣсь полнѣйшее раздолье: уединеніе, ничѣмъ невозмутимое спокойствіе и свое фортепіано. Для чтенія, музыки и для справокъ, кажется, тоже нѣтъ недостатка въ партитурахъ. Вообрази, что, точно въ наслѣдство отъ Бакунина, я досталъ въ Симферополѣ у Бауера (учителя музыки, для котораго я написалъ свою „Сонату“) два псалма Генделя, въ партитурѣ, и 10 томиковъ французскаго изданія квартетовъ Гайдна въ партитурѣ, кажется, всѣ лучшіе (по 3 квартета въ томѣ); вотъ-то сокровища для меня, кромѣ тѣхъ, ко-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 145—158; 363—368; 513—530; 683—698. Томъ XIX, стр. 101—112.

[2]) Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, А. Н. Сѣровъ воротился въ Крымъ въ октябрѣ 1852 года.

[3]) Товарищъ по службѣ А. Н. Сѣрова въ Симферополѣ. В. С.

торыя оставались въ Крыму (квартеты, симфоніи, 1-я Месса и сонаты Бетховена, „Армида“, „Альцеста“, „Фигаро“), и тѣхъ, которые теперь пріѣхали вслѣдъ за мною. Дорогой „im freien Nachdenken“, какъ говорятъ нѣмецкіе артисты, я много кое-чего придумалъ для оперы [1]). Между прочимъ, нашелъ и мѣсто для баллады. Это весьма важное дѣло, потому что—не на мѣстѣ, какъ прежде, она потеряла бы чрезвычайно и испортила бы впечатлѣніе перваго акта. Теперь, я думаю, будетъ какъ слѣдуетъ. Но обо всемъ этомъ, и о многомъ другомъ, надо написать подробно моей либреттисткѣ [2]). Не знаю, какъ ее побудить къ дѣятельному участію—она совсѣмъ заснула. Въ нѣкоторыхъ сценахъ (burlesques), я самъ себѣ кое-какъ помогаю, самъ кропаю стишонки въ дополненіе или въ замѣну Бакунинскихъ, но въ сценахъ нѣжныхъ, напримѣръ, въ дуэтѣ, чувствую все безсиліе своей стихотворной музы, и пробѣлы не наполняются. Впрочемъ, все это не очень важно. Сколько передо мною еще текста совершенно готоваго, на который музыка едва-едва зарождается въ идеѣ. Надѣюсь, впрочемъ, очень быстро подвинуть все дѣло...

Бренделъ [3]) меня продолжаетъ радовать и восхищать. Кромѣ Дена, Шиллинга [4]) и Бетховенскихъ „Studien“, есть у меня теперь еще полный курсъ гармоніи Бетховенова учителя, Альбрехтсбергера. Славныя вещи есть въ этой книгѣ, хотя она самая педантская.

Симферополь.—14-го января 1853 г.

Въ субботу (наканунѣ моего рожденія), т. е. 10-го января, отправилъ я къ тебѣ статью объ „Донъ-Жуанѣ“, страницъ, я думаю, въ 40 печатныхъ. Это первая статья; другая, объ этомъ же самомъ предметѣ (который, какъ всегда, выросъ подъ перомъ), будетъ такая же, если не больше, и уже сильно подготовлена, даже написано листа четыре (моихъ). Боюсь, что это еще больше серьезно чѣмъ прежнія, и, слѣдовательно, еще меньше кстати въ „Пантеонѣ“! Я очень хотѣлъ бы, чтобъ ты помѣстилъ статью о „Донъ-Жуанѣ“ не въ „Пантеонъ“, а въ „Отечественныя Записки“, особенно потому, что на счетъ денегъ я нисколько не тороплюсь теперь. Весь гонорарій, имѣемый въ

---

[1]) «Майская ночь».

[2]) Прасковья Михайловна Бакунина, сестра упомянутаго выше Алексѣя Бакунина.

[3]) Здѣсь рѣчь идетъ о новомъ тогда сочиненіи Бренделя: «Исторія музыки», на нѣмецкомъ языкѣ.

[4]) Теоретическія музыкальныя сочиненія.

виду, ты получишь и будешь сохранять до дальнѣйшихъ распоряженій. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и напечатаютъ исправнѣе, и прочитаютъ въ бо̀льшемъ кругу смыслящей публики. Недавно мнѣ попались въ руки книжки „Пантеона“, и мнѣ досадно стало, что я тамъ пишу: такой пустой журналъ! Ты мнѣ еще ни слова не написалъ, какъ ты нашелъ послѣднее письмо къ Улыбышеву? А между тѣмъ я получилъ отъ Вольдемара (изъ Флоренціи) письмо отъ 7-го (19-го) декабря, гдѣ онъ много говоритъ объ моихъ двухъ имъ только прочитанныхъ статьяхъ (объ Ленцѣ и объ Гайднѣ). Дѣлаетъ кое-какія замѣчанія къ погрѣшностямъ contre la haute école, т. е. замѣчанія только для насъ, въ нашемъ кружкѣ, а вообще хвалитъ и очень. Въ благодарность за это я наказываю его на 3 цѣлковыхъ, которые онъ долженъ будетъ заплатить за толстенькій пакетъ, отправляемый къ нему завтра; тутъ будетъ: письмо въ $1^1/_2$ большихъ почтовыхъ листа, далѣе странички нотъ (мелодія дуэта, сочиненная въ Парголовѣ и тебѣ извѣстная), какъ Vorschmack нынѣшней „Майской ночи“, ему еще незнакомой, и два печатныя письма къ Улыбышеву (I и II) [1]). Изъ посылаемой мелодіи, сочиненной еще не въ Крыму, ты, пожалуй, заключишь, что я въ Бурлукѣ [2]) ровно ничего для оперы не сдѣлалъ. Заблуждаешься. (Здѣсь далѣе слѣдуютъ техническія подробности о частяхъ оперы „Майская ночь“, сочиненныхъ А. Н. Сѣровымъ начиная съ октября 1852 года).

Я по музыкѣ сдѣлалъ здѣсь въ два мѣсяца (октябрь и ноябрь) больше, чѣмъ въ два года въ Петербургѣ (хотя петербургская работа и жизнь пошли тоже въ прокъ и очень). Въ декабрѣ я былъ занятъ исключительно статьей; часто по цѣлымъ днямъ и не подходилъ къ фортепіано. Но нечего хвастаться, потому что могло быть сдѣлано и по музыкѣ гораздо-гораздо больше (вѣдь писались же цѣлыя оперы въ двѣ недѣли), и статья могла быть написана гораздо скорѣе.

Флегма, недостатокъ дѣятельности, электричества въ моемъ организмѣ рѣшительно одолѣваютъ меня иногда. И совѣстно, и стыдно въ этомъ признаться, а именно такъ. Хотя бы маленькую дозу холеризма въ мой глупый темпераментъ (флегматико-сангвиническій), и какъ-бы все иначе пошло! Но переродиться нельзя, можно только умственныя силы поставить въ коллизію съ натурой, и результатъ можетъ выйти изрядный.

Тебѣ завидую въ одномъ: ты слушаешь Лаблаша! Онъ, конечно, не уйдетъ отъ меня на будущій сезонъ, но, пожалуй, выкинетъ штуку,

---

[1]) Статьи Сѣрова, напечатанныя въ «Пантеонѣ».

[2]) Татарское названіе помѣстья «Пріютъ». В. С.

умретъ или почему нибудь не будетъ ангажированъ, вотъ я и съ носомъ! Боюсь этого страшно! Оркестровку можно будетъ окончить и у васъ, на сѣверѣ. Климатическимъ вліяніямъ я не приписываю теперь такого значенія какъ прежде, потому что умнѣе сталъ, но очень, очень радъ, что избавился, на этотъ разъ, петербургской зимы, которую любить никогда не могу. То-ли дѣло здѣсь: 14°—15° тепла въ тѣни—въ концѣ декабря и въ началѣ января, и солнце совсѣмъ весеннее!

Слово „весна“ напоминаетъ мнѣ Великій постъ, т. е. Львовскіе концерты, и опять начинаю завидовать тебѣ, не смотря на прелести крымскаго воздуха. Программы Львовскихъ концертовъ будутъ крѣпко дразнить меня, но всетаки нетерпѣливо желаю ихъ получить. То, что ты написалъ объ „Героической“, совсѣмъ такъ, мы объ этомъ еще очень давно толковали съ Владиміромъ. Только въ „апотеозѣ“ очень много эпизодическихъ картинъ. Бетховенъ какъ будто хотѣлъ еще разъ окинуть взглядомъ всю жизнь героя (опять сраженія, битвы—напримѣръ: G-moll съ вскриками флейты, какъ fifre militaire); начало финала, послѣ первыхъ аккордовъ—das Herannahen [1]) ликующей, тризну правящей толпы—оттого сначала, т. е. издали, слышенъ одинъ басъ основной мысли. Впрочемъ, во всей III-й симфоніи далеко нѣтъ (кромѣ марша) той ясности, опредѣлительности образовъ, какъ, напримѣръ, въ VII-й. Надобно быть рѣшительно осломъ въ музыкѣ, чтобъ не видѣть военнаго и исторически-современнаго сюжета въ VII-й и VIII-й: это—Бетховеново время, 1813—1814 годы—en chair et en os [2]). Бетховенъ слышалъ въ натурѣ шумъ, гулъ сраженія (напримѣръ, Aspern, подъ самой Вѣной), иначе ему бы невозможно было такъ вѣрно схватить всѣ подробности этихъ военныхъ картинъ. А тутъ еще видятъ orgie, poison etc. etc.! О комментаторы!!!

Въ ноябрѣ Шульгофъ [3]) проѣзжалъ по Крыму; далъ два концерта въ Симферополѣ, въ залѣ губернатора и на Плейелевскомъ роялѣ, который совершенно неожиданно нашелся въ этомъ жалкомъ городишкѣ. Симферопольцы до сихъ поръ бредятъ моимъ пріятелемъ Шульгофомъ и его „Мазуркой“. Впрочемъ, онъ, не шутя, очень хорошій піанистъ;—теперь поѣхалъ, черезъ Кіевъ, въ Парижъ.

---

[1]) Приближеніе.
[2]) Въ плоти и крови.
[3]) Піанистъ и композиторъ.

31-го марта 1853 г.

Съ первою тяжелою почтою ты получишь нѣчто: едину отъ моихъ работъ, только что оконченную статью мою, вторую и послѣднюю, о „Донъ-Жуанѣ“. Я работалъ надъ ней пристально, цѣлыя двѣ недѣли.

Хотя статья и больше первой, однако, думаю, что не хуже. Пришлось сказать много кое-чего совсѣмъ новаго, быть можетъ, даже и для тебя. Ты найдешь тутъ, кажется, по случаю виртуозности музыки въ „Il mio tesoro“ [1]), выходку противъ Мейербера, которая для тебя какъ масло въ кашу. Замѣчательно, что твое письмо (отъ 25-го февраля) пришло ко мнѣ 20-го марта, въ самый тотъ день, когда я уже писалъ эти строчки объ Мейерберѣ. И твое извѣстіе о „Пророкѣ“ и ругательства твои этому анаѳемскому шарлатану пришлись для меня такъ кстати, что я сдѣлалъ тамъ же прибавку: выноску съ боку, гдѣ ты найдешь одну свою фразу. Вообще ты увидишь, что я чреватъ большими и жаркими статьями противъ Мейербера.

Я на него точу зубы еще съ 1849 года, когда въ Одессѣ приготовилъ статью о „Пророкѣ“, изъ котораго тогда я зналъ только одно либретто (взбѣсившее меня до nec plus ultra). Статья, какъ тебѣ извѣстно, осталась ненапечатанною, не по моей винѣ. Между тѣмъ: Вагнеръ, Брендель, собственные шаги въ пониманіи и въ критикѣ, все это сильно скопляетъ „грозныя тучи“ самой жаркой войны противъ чудовищъ, въ родѣ химеры Тредьяковскаго: „Левъ сопреди, созади же змія, сосреди же коза есть“. Эту химеру я думаю помѣстить въ эпиграфѣ статьи о Мейерберѣ. Это вѣрнѣйшій портретъ французскихъ пятиактныхъ оперъ, особенно Мейербера (впрочемъ, хорошъ и Галеви́, и Оберъ въ „Enfant prodigue“). Жаль мнѣ только одного, что я не слышалъ „Пророка“ въ исполненіи, и не видѣлъ партитуру. Теперь многое надо говорить только вскользь, потому что я несравненно лучше знаю „Роберта“ и „Гугенотовъ“, и параллель между тремя операми, какъ и ты замѣтилъ, первѣйшая необходимость.

Это одно заставляетъ меня не рѣшаться на новыя статьи до Петербурга. Впрочемъ, быть можетъ, я рѣшусь, хотя у меня и оперъ этихъ нѣтъ подъ руками въ partition de piano, хоть—ну, да память поможетъ. Долго не писать ничего по части музыкальной критики—невозможно, по многимъ причинамъ, а писать объ другомъ—не могу, потому что полонъ только этимъ предметомъ, да еще другимъ, къ сожалѣнію, тоже почти неисполнимымъ, statu quo. Не знаю, помнишь

[1]) Арія тенора въ «Донъ-Жуанѣ». В. С.

ли ты разборъ „Волшебной флейты“ въ книгѣ Улыбышева? Это курьезнѣйшее изъ всего, что онъ напечаталъ. Тутъ ужъ не такъ какъ въ „Донъ Жуанѣ“—иное хорошо разобрано, другое похуже—здѣсь все—самое жестокое вранье, отъ первой до послѣдней строчки. И это объ его героѣ! Гдѣ же тутъ ждать чего-нибудь путнаго отъ его взгляда на Бетховена, который только нашею генераціею можетъ быть понятъ, а никакъ не 60-ти-лѣтними критиками, воспитанными на нѣмецкой „сантиментальной кислятинѣ“, qui a envahi tout l'art [1]) очень вскорѣ послѣ смерти Моцарта и еще при жизни Гёте. Но, какъ бы то ни было, за „Zauberflöte“ нельзя приниматься, не слыхавъ ея никогда въ жизни на сценѣ. А курьезная вещь будутъ и „Etudes sur Beethoven“, замышляемыя (и, можетъ быть, уже и свѣтъ увидѣвшія) Нижегородской губерніи въ селѣ Лукинѣ. То-то мнѣ будетъ раздолье, если эта книга выйдетъ. Въ ожиданіи ея, я не сдѣлаю того, что̀ хотѣлъ: перевода на французскій всего, что̀ я писалъ о Бетховенѣ по случаю Ленца и въ письмахъ къ Улыбышеву, въ одномъ сводѣ. Объ „Донъ Жуанѣ“ надо будетъ непремѣнно тиснуть и по французски и по нѣмецки (хоть для одного Бренделя, который по нѣмецки-то лучше оцѣнитъ). Для многихъ, занимающихся этимъ дѣломъ, можетъ показаться, что я больше ничего теперь какъ „повторяю“ мнѣнія Бренделя. Но, кромѣ разногласія хоть бы и на счетъ книги Улыбышева, я себя утѣшаю тѣмъ, что все это объ „Донъ-Жуанѣ“ въ эскизѣ было написано, когда я и не слыхалъ еще о Бренделѣ. Такъ и о Бетховенѣ взглядъ мой выработался гораздо раньше этой книги, и тѣмъ пріятнѣе для меня, что до такой степени „совпадаетъ“ съ такимъ какъ Бренделъ. Чтобъ покончить о критикѣ, прошу тебя „имѣемую получить тобою“ статью безъ замедленія отдать въ редакцію „Современника“, если они уже изъявили готовность напечатать это въ „Наукахъ и художествахъ“. Это какъ-то благороднѣе, да и сами статьи слишкомъ грузны для такого журнала какъ „Пантеонъ“.

Въ послѣднее время, даже гораздо прежде статьи, я по музыкѣ не сдѣлалъ почти ничего новаго (я не считаю нѣкоторыхъ сшивокъ, речитативовъ и проч.), только обдѣлывалъ и оркестровалъ. Такъ что фантастической сцены и до сихъ поръ in rerum natura [2]) еще не обрѣтается. При всемъ сильнѣйшемъ желаніи работать много и скоро, я этого не могу никоимъ образомъ. Что̀ дѣлается, то дѣлается хорошо, какъ слѣдуетъ, но медленно, шагъ за шагомъ.

---

[1]) Которая овладѣла всѣмъ искусствомъ.

[2]) Въ дѣйствительности.

Еслибъ я могъ „валять“ оркестръ, какъ валяютъ такіе синьоры какъ Верди, Алари, S-r Cesare Pugni etc. etc., такъ дѣло бы въ мѣсяцъ все кончилось отъ нотки до нотки. Бетховенскій оркестръ такого свойства, что чѣмъ больше надъ нимъ сидишь, тѣмъ больше новостей тамъ отрываешь! Недавно я сидѣлъ надъ симфоніями, а теперь совершенно помѣшался отъ 2-й Мессы! Теперь для меня тамъ все новое, потому что у самого больше стало привычки понимать оркестрные эффекты наглядно. Что это тамъ за чудеса на каждомъ шагу! голова вкругъ идетъ!

21-го мая 1853 г.

Все это время меня порядочно волновало извѣстіе, что таки играютъ IX-ю симфонію въ этомъ году [1]), и я могъ бы ее слышать и—не слышу! не слышу также Віардо и Лаблаша! Объ двухъ этихъ ты меня утѣшилъ было, что они непремѣнно оба будутъ на ту зиму и контракты уже подписали: я немного успокоился. Объ IX-й я утѣшалъ себя мыслью, что на первый разъ сыграютъ ее неудачно, не смотря на многія репетиціи, т. е. такъ неудачно, что нельзя будетъ впивать въ себя всю красоту этихъ чудесъ. Къ моему горю, все не такъ вышло! Въ нынѣшній разъ ты пишешь, что Віардо не будетъ на слѣдующихъ сезонахъ (почему? ты не написалъ); да къ этому еще, какъ нарочно, чтобъ подразнить меня, разсказываешь, какъ она пѣла—кого? Глука! и что? „Орфея въ Тартарѣ!“ Я просто осатанѣлъ съ досады! Именно теперь я сдѣлался страшно жаденъ къ самой первѣйшей въ свѣтѣ музыкѣ, именно теперь мнѣ надобно слушать и слушать, а между тѣмъ такая утрата невознаградима, какъ и ты пишешь.

Поразили-ли тебя (какъ меня, когда я слушалъ IX-ю симфонію, въ залѣ Энгельгардта [2]), въ концертѣ филармоническаго общества, ровно десять лѣтъ назадъ) между прочимъ органные звуки въ хорахъ финала („Seid umschlungen“ etc.)? Я помню также, что тогда (хотя я гораздо меньше понималъ), съ первыхъ же тактовъ 1-й части повѣяло на меня какимъ-то страшно захватывающимъ всемірно-историческимъ духомъ, которому нѣтъ ничего подобнаго во всей, даже его же, музыкѣ. Это именно вступленіе къ тому великому вопросу, который разрѣшается въ финалѣ. Кажется, никто лучше не схватилъ духа этой симфоніи какъ Брендель и Вагнеръ (въ этомъ совпадающіе въ одну точку). Немногія странички Бренделя объ IX-й симфоніи могутъ

[1]) Въ Львовскихъ концертахъ, въ Пѣвческой капеллѣ.

[2]) Тамъ, гдѣ нынче Купеческое Собраніе, у Казанскаго моста. В. С.

служить мнѣ текстомъ для нескончаемыхъ проповѣдываній объ этомъ предметѣ первѣйшей важности. Жаль, что у насъ почти ничего серьезнаго нельзя писать для печати.

Ослячество Мауреровъ, Шубертовъ, Фетисовъ e tutti quanti въ отношеніи этой первѣйшей въ свѣтѣ симфоніи не очень далеко ушло отъ „Улыбышевщины“ (cantilène languissante etc., etc., вся анаѳемская чепуха, объ чемъ я писалъ уже въ разборѣ Ленца и въ 3-мъ письмѣ къ Улыбышеву, но это только цвѣточки). Такого рода нелѣпость, дубинноголовость всѣхъ музыкантовъ-ремесленниковъ такъ часто встрѣчается при разныхъ случаяхъ, что, казалось бы, можно къ ней и попривыкнуть — но во мнѣ тутъ каждый разъ закипитъ такое негодованіе, что, именно по случаю IX-й симфоніи, я какъ нельзя живѣе сочувствую фанатическому энтузіазму апостоловъ и вообще первыхъ христіанъ, которые готовы были отдавать двадцать жизней каждый, подвергаться истязаніямъ, несравненно мучительнѣе смерти, чтобы только одно слово ихъ Учителя восторжествовало надъ безсмысленною нелѣпостью толпы. Мы всѣ—исторически поставлены апостолами этого новаго евангелія, и счастливы мы будемъ, если хоть сколько нибудь достойно выполнимъ такую роль! Пониманіе смысла есть уже призваніе къ проповѣдыванію этого смысла (словомъ и дѣломъ), потому что кто понимаетъ вполнѣ—не можетъ молчать: первая его потребность, чтобъ и другіе поняли этотъ смыслъ, чтобы сколько можно больше было причастниковъ великой мысли. Но гораздо скорѣе встрѣтишь готовности къ ея воспринятію въ профанахъ (какъ, напримѣръ, Алексѣѣ Жемчужниковѣ и многихъ другихъ съ врожденнымъ толкомъ), чѣмъ въ „музикусахъ vom Fach“. Это отродье (какъ и Брендель и Вагнеръ поминутно высказываютъ) всего дальше отъ истиннаго пониманія того, что̀ высказывается музыкой:—они изъ-за своихъ пюпитровъ, изъ-за своихъ навыворотъ понимаемыхъ секстъ и квинтъ не видятъ рѣшительно ничего кромѣ жалкихъ техническихъ подробностей: вся красота, вся поэзія вещи не про нихъ писана; они видятъ только деревья, а объ лѣсѣ и не догадываются. Да въ самомъ дѣлѣ, не въ тысячу-ли разъ доступнѣе IX-я симфонія для тѣхъ, кто къ ней подойдетъ безъ всякой arrière pensée, съ незлобивымъ сердцемъ и чистою душою (какъ младенцы, которыхъ подводили къ Іисусу Христу), нежели для книжниковъ и фарисеевъ музыкальныхъ, которые проглотили всю премудрость генералъ-баса и контрапункта, для того, чтобъ кропать антрактики къ французскимъ водевилямъ и симфоніи въ 200 страницъ, въ родѣ извѣстной намъ „Hommage à Mendelssohn“ [1]): IX-я для нихъ

[1]) Сочиненіе капельмейстера Маурера. В. С.

не страшна, не выказываетъ имъ нисколько ихъ безсмысленнаго цеховаго ремесленничества музыкальными звуками—напротивъ, они преважно надѣваютъ очки на носъ, покачиваютъ головою при смѣлостяхъ Бетховенскаго розмаха, и первѣйшаго въ свѣтѣ музыкальнаго творца ловятъ на мнимыхъ грамматическихъ ошибкахъ! О, царство нелѣпости! очень ясно, что, въ этомъ царствѣ идіотовъ и идіотскаго взгляда на искусство, художникъ съ мыслью, художникъ весь мысль, какъ Людвигъ [1]), долженъ быть заклейменъ почтеннѣйшимъ для поэта титуломъ съумасшедшаго. Помнишь Лермонтовскаго „Пророка"? Между такими „зрячими", какъ Людвигъ Мауреръ, Лудвигъ Бетховенъ—конечно, слѣпецъ. Однако, пора остановиться, а то я до конца письма все буду плодить варіацію на свою вѣчную тему. Ты же и безъ того нападаешь на мое многословіе.

Хотѣлось бы мнѣ дать тебѣ полюбоваться превосходными строками (или, лучше, страницами) Вагнера по случаю IX-й симфоніи (въ „Kunstwerk der Zukunft"), какъ дополненіемъ къ тому, что ты читалъ въ Бренделѣ, но въ свое время и въ своемъ мѣстѣ все это будетъ читано и перечитано, и въ оригиналѣ и въ переводѣ, и въ оригинальномъ текстѣ и въ комментаріяхъ. Пока—damit basta! Только еще одно: признаванье Бетховена за послѣдній стиль прямо помѣшаннымъ (au pied de la lettre) еще весьма современно намъ. Не попадалась-ли тебѣ подъ руку вещица кн. В. Ѳ. Одоевскаго: „Послѣдній квартетъ Бетховена"? Я давно зналъ этотъ пошловатый разсказецъ за ничтожную литературную вещь, но не зналъ, что это все наполнено жесточайшимъ враньемъ. противъ фактовъ внѣшней и внутренней жизни Бетховена. Это рѣшительно не уступаетъ Улыбышевскому взгляду на Бетховена, и кто же это писалъ! Одинъ изъ просвѣщенныхъ музыкантовъ!! и когда? Въ 1844 году!! Во времени сочиненія (или изданія) и въ нелѣпости вранья я имѣлъ случай убѣдиться не дальше какъ сегодня, послѣ обѣда, когда я только-что хотѣлъ продолжать это письмо, начатое поутру. (Разсказъ Одоевскаго помѣщенъ въ „Христоматіи" Галахова, и мнѣ случайно попался на глаза). А фактикъ довольно любопытный. Сколько такихъ, какъ Одоевскіе, Мауреры!! И теперь, 30 лѣтъ послѣ сочиненія IX-й симфоніи!

Пріятно мнѣ было извѣстіе, что 1-я статья о „Донъ-Жуанѣ" уже въ печати и теперь уже прочитана всѣми, кого мои статьи могутъ интересовать....

Я не могу согласиться съ тобою въ необходимости писать посжатѣе. Вѣрно, что повторенія иногда утомительны, скучны, несносны;

[1]) Т. е. Бетховенъ.

но, при избранной мною манерѣ критики, полезны для дубинноголовыхъ. Надо имъ втемяшить, вбить, вогнать въ голову каждый доказываемый тэзисъ, иначе все будетъ писано на водѣ.

Скоро примусь за новый рядъ статей, для которыхъ матеріаловъ припасено въ головѣ много, и еще нѣтъ названія. Предметъ будетъ: опера въ наше время, и идеалъ оперы вообще: тема, кажется, богатая, потому что туда войдетъ и прагматическая исторія оперы (затронутая только, по случаю Спонтини), и разборъ новѣйшихъ (въ томъ числѣ и Вагнера и Глинки, можетъ быть). Но все это съ особенной, быть можетъ, довольно-оригинальной точки. Теперь очередь дойдетъ только до вступленія и до прошедшаго оперы, слѣдовательно, это я могу писать и здѣсь, въ пустынѣ. Для дальнѣйшаго (для „Пророка“, напримѣръ, и т. д.) мнѣ крѣпко понадобится Петербургъ съ его италіанской и русской оперой, и съ нотной конторой (для всѣхъ новѣйшихъ партитуръ).

Въ музыкальныхъ работахъ у меня маленькій застой теперь. Партитура начисто перевалила на третью сотню страницъ (всѣхъ будетъ 500 съ хвостикомъ), но я остановился въ оркестрѣ отъ глазной боли, вслѣдствіе напряженнаго писанья на 18-ти-строчной бумагѣ (старѣть сталъ! Прежде у меня не болѣли глаза, а я писалъ нотъ не мало, въ арранжировкахъ). При всемъ желаніи и въ сочиненіи подвигаться быстро, я не могу работать иначе, какъ потихоньку и понемногу. При томъ еще бѣда вотъ въ чемъ и это NB: чѣмъ ближе я къ концу работы надъ оперой въ ея цѣломъ, тѣмъ болѣе вижу нѣкоторую недостаточность ея со стороны сценической. Мнѣ непремѣнно, больше чѣмъ когда нибудь прежде, необходимо пособіе либреттиста (pour donner le dernier coup de main à tout l'ouvrage) [1]), т. е.—какъ піесѣ. А то—тамъ пробѣликъ, да тутъ несвязно, да тутъ нескладно и т. д.

13-го августа 1853 г.

Совсѣмъ кончить оперу, отъ ноты до ноты — въ Крыму для меня невозможно, потому что больше и больше убѣждаюсь: для того, чтобъ окончательно пополнить всѣ маленькіе пробѣлы въ текстѣ, связь сценъ, речитативы и т. д., мнѣ надобно имѣть подъ рукой литератора, свободно владѣющаго стихомъ, знающаго сцену и неравнодушнаго къ моему труду и къ моимъ иногда капризнымъ требованіямъ. Вагнеръ молодецъ, что въ состояніи писать самъ весь

[1]) Чтобъ дать послѣдній ударъ кисти всему труду.

текстъ своихъ оперъ. Мнѣ же стихъ иногда большая помѣха (коегдѣ я самъ передѣлалъ текстъ, tant bien que mal [1]). Кромѣ же самой фактуры стиха, мнѣ необходимо, чтобъ кто-нибудь со стороны поближе вглядѣлся въ подробности моего либретто, какъ сценической вещи. Съ просто же эстетической стороны я не думаю, чтобъ мнѣ нуженъ тутъ былъ чужой глазъ, чужой интеллектъ. Но все это дѣло исправимое въ теченіе одного, двухъ мѣсяцевъ (былъ бы только человѣкъ). А есть пробѣлы и въ самой музыкѣ, которые безъ всякой помѣхи я могъ бы наполнить здѣсь въ Крыму окончательно, еслибъ я былъ не я! Просто иногда хоть плакать, а мыслей, согласныхъ съ задуманнымъ идеаломъ, нѣтъ какъ нѣтъ! Такъ прошло цѣлое лѣто. Грустно подумать, что я не могу такъ долго (три года) совладать съ оперой, которая ни въ какомъ случаѣ не будетъ большою, громадною партитурой; напротивъ, количество страницъ будетъ изъ самыхъ умѣренныхъ двухъ-актныхъ оперъ (поменьше „Ори“ и „Д. Паскуале“). Или оттого, что я поздно началъ и не учился методически своему дѣлу, и, слѣдовательно, работаю часто по диллетантски — или отъ какого-то капитальнаго недостатка въ самой способности сочинять,—только я долженъ отказаться отъ всякой претензіи на быстро, ту, на спѣшность работы. Я не иду—а ползу какъ черепаха, гдѣ бы надобно было летѣть птицей, чтобъ вознаградить молодость, для искусства полу-потерянную! Грустно, а дѣлать нечего! утѣшаю себя только тѣмъ, что если и долго, и съ трудомъ, и мало, но—совсѣмъ какъ слѣдуетъ. Если же на повѣрку выйдетъ, что даже и не особенно хорошо—ординарно (какъ ты, напримѣръ, нашелъ музыку моего пріятеля Вагнера), что́ тогда?!? Впрочемъ—увидимъ. Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Только, право, совѣстно будетъ на глаза показаться въ Питерѣ, если возвращусь съ неконченной „Майской ночью“. Отъ этого повременю еще — авось либо напишутся и фантастическая сцена и увертюра; между тѣмъ петербургская зима съ Лаблашемъ, съ IX-й симфоніей, съ нотной конторой, для повѣрки своей партитуры съ пресловутыми новѣйшими, и мало-ли съ чѣмъ еще (не говоря уже объ игрѣ въ 4 руки и на двухъ фортепіано, объ аккомпанированіи пѣвцамъ и пѣвицамъ о пробахъ лоскуточковъ оперы и т. д.) начинаетъ тянуть меня, какъ самый сильный магнитъ тянетъ самую маленькую иголку.

Ты мнѣ только вскользь упомянулъ о переложеніи IX-й симфоніи Листомъ. Я думаю, это чудеса и въ отношеніи арранжировки. Онъ такой великолѣпный мастеръ этого дѣла! Мнѣ всегда казалось, что въ иныхъ случаяхъ это несравненно лучше переложеній въ 4 руки

[1]) Худо-ли, хорошо-ли.

обыкновеннымъ порядкомъ. Иногда нужно сохранить полную свободу въ употребленіи всѣхъ регистровъ фортепіано для каждаго изъ двухъ исполнителей. А съ однимъ фортепіано это невозможно. И именно IX-я никогда не можетъ выйти въ 4 руки сколько нибудь похоже на дѣло. Ноты будутъ, пожалуй, и тѣ, но музыка другая. Жажду услышать что-нибудь объ этомъ Листовомъ переложеніи прежде, нежели познакомлюсь съ нимъ самъ на дѣлѣ.

Интереснѣйшая вещь должна быть и отрывки изъ Вагнеровыхъ оперъ. По многому я начинаю думать, что онъ и по музыкѣ чрезвычайно замѣчателенъ. Какъ въ критика же, я въ него просто влюбленъ. Не смотря на нѣсколько нѣмецкую туманность и странность многихъ результатовъ идей (касательно судьбы всѣхъ искусствъ), я не перестаю удивляться его уму и глубокости его взглядовъ, и въ „Oper und Drama“, и въ „Kunstwerk der Zukunft“. Не могу иначе какъ съ презрѣніемъ вспомнить о глупѣйшей критикѣ Фетиса (которую мы съ тобой читали прошлаго года). Фетисъ и тутъ выказалъ себя такимъ же отсталымъ парикомъ, и притомъ французомъ, какъ и въ присужденіи пальмы первенства Тальбергу передъ Листомъ (!!), какъ въ совершенномъ непониманіи превосходныхъ сторонъ Берліозова таланта, и въ нелѣпѣйшей критикѣ Бетховенскихъ чудесъ со стороны ошибокъ противъ правилъ гармоніи (чисто à la Улыбышевъ). Онъ всегда вѣренъ себѣ. Ни одного изъ Вагнеровыхъ сочиненій я тебѣ не пришлю, потому что безпрестанно въ нихъ заглядываю, особенно теперь, когда начинаю давно задуманный рядъ статей о всѣхъ на свѣтѣ операхъ. Будетъ же когда нибудь праздникъ и на нашей съ Вагнеромъ улицѣ. А еслибъ ты зналъ только, до какой степени я золъ на французовъ, на ихъ псевдопоэзію и псевдо-критику! Душевно желаю побольше этой жолчи вылить въ приготовляемыхъ статьяхъ. Кстати я жду оттисковъ статей объ „Донъ-Жуанѣ“. У меня подъ руками есть очень образованный нѣмецъ, который обѣщалъ мнѣ перевести эти статьи. Если это удастся, я тотчасъ же отправлю ихъ къ Бренделю. Ему будетъ пріятно, что и въ Россіи такъ оцѣнили его книгу. Ты помнишь, сколько я изъ него позаимствовался и—съ полнѣйшимъ правомъ, потому что, еще не зная его книги, толковалъ совершенно согласно съ его идеями въ письмахъ къ Улыбышеву. Что̀ театры въ Петербургѣ? Видна ли у васъ комета, очень замѣчательная? У насъ она является каждый вечеръ вскорѣ послѣ заката солнца, почти на самомъ западѣ, и не высоко надъ горизонтомъ.

А. Н. Сѣровъ.

„Хроника петербургскихъ театровъ“ А. Н. Вольфа.

Немного уже остается на жизненной сценѣ старыхъ театраловъ, помнящихъ лучшую пору нашихъ петербургскихъ театровъ, когда блистала на нихъ цѣлая плеяда сценическихъ дѣятелей; и потому каждые новые мемуары, записки, воспоминанія, или хроники не могутъ не возбуждать любопытства любителей драматическаго искусства. Вотъ почему я (принадлежащій къ числу этихъ немногихъ), за долгъ себѣ поставилъ пріобрѣсть вышедшую въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ Хронику, составленную г. Вольфомъ. Трудъ г. Вольфа весьма почтенный и нельзя не поблагодарить его за усердное его желаніе помочь будущимъ историкамъ петербургскаго театра; но, прочтя внимательно Хронику, я нашелъ въ ней нѣкоторыя неточности и ошибки, которыя могутъ ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто будетъ въ послѣдствіи ею руководствоваться.

Многое составлено г. Вольфомъ, конечно, по слухамъ и по преданіямъ, а иное по газетамъ тогдашняго времени, которыя (какъ и нынѣшнія) не всегда бываютъ безупречны; а потому, для возстановленія истины, я позволю себѣ указать на замѣченный мною ошибки, вкравшіяся въ Хронику г. Вольфа. Я надѣюсь, что онъ, какъ истый театралъ, не посѣтуетъ на меня за эти указанія и, можетъ быть, воспользуется ими при второмъ изданіи своей Хроники, чего я отъ души ей желаю.

Часть I. стр. 5-я. Здѣсь неправильно сказано, что Гнѣдичъ перевелъ «Андромаху» Расина; эту трагедію перевелъ гр. Хвостовъ. Катенинъ также не переводилъ «Андромахи» Расина, а подъ этимъ названіемъ была играна его оригинальная трагедія. На той же страницѣ напечатано, что Катенинъ перевелъ комедію Мариво: «Игра любви и случая». Эта комедія была переведена Д. Н. Барковымъ. На стр. 6-й сказано, что А. М. Колосова (въ послѣдствіи Каратыгина) играла въ Парижѣ, на французскомъ языкѣ, роль Селимены, въ «Мизантропѣ»; Александра Михайловна, правда, была въ Парижѣ знакома съ М-lle Марсъ и Тальма, читала имъ нѣкоторыя сцены изъ французскихъ піесъ, но никогда въ Парижѣ не играла. На той же страницѣ говорится, что «актриса Азаревичева перешла изъ трагедіи на роли субретокъ, и играла ихъ съ меньшимъ успѣхомъ»; напротивъ, она въ комедіи была не дурна, а въ трагедіи—просто невозможна. На стр. 15-й сказано, что Екат. Сем. Семенова, выйдя замужъ за князя Ив. Алек. Гагарина (въ 1826 г.), оставила службу, «но, отъ времени до времени, въ нѣкоторыхъ оказіяхъ появлялась на сценѣ». Тутъ бы слѣдовало прибавить: на домашнихъ театрахъ, потому что на публичной сценѣ, сдѣлавшись княгиней, она уже болѣе не появлялась.

На стр. 33-й ошибочно показано, что въ бенефисъ Брянскаго шла драма

«Торквато Тассо», соч. Кукольника; эта драма была сочинена Мих. Дмитр. Кирѣевымъ.

На стр. 37-й сказано, что директоръ театра кн. С. С. Гагаринъ былъ назначенъ вице-президентомъ Кабинета и былъ убитъ какимъ-то отставнымъ сторожемъ; это не вѣрно: убитъ былъ его родной братъ Николай Серг. (въ 1842 году), а Серг. Серг. никогда не былъ вице-президентомъ Кабинета и умеръ, нѣсколько лѣтъ спустя, за границей.

На стр. 51-й также ошибочно сказано, что дочь Брянскаго, дебютировавшая въ роли Дездемоны въ трагедіи «Отелло», переведенной Панаевымъ, черезъ нѣсколько времени вышла замужъ за переводчика. Она вышла замужъ за А. А. Краевскаго, а родная сестра ея была замужемъ за Панаевымъ.

На стр. 83-й говорится, что «Вас. Мих. Самойловъ утонулъ (11-го іюля 1839 г.), возвращаясь на лодкѣ изъ Сергіевской пустыни, и что тѣло его было выкинуто на берегъ Новой деревни».

Это физически невозможно, потому что оно не могло плыть противъ теченія; трупъ его былъ найденъ на берегу Рѣзваго острова, вблизи котораго, вѣроятно, и совершилась съ нимъ эта гибельная катастрофа.

Къ стр. 89-й слѣдуетъ сдѣлать замѣчаніе, что въ «Горе отъ ума», послѣ В. А. Каратыгина, Максимовъ постоянно игралъ Чацкаго и никогда не чередовался съ Григорьевымъ.

На стр. 121-й разсказаны два закулисные анекдота; первый: будто, «одинъ разъ, покойный государь Николай Павловичъ потребовалъ, чтобы Мартыновъ представилъ его самаго, и что Мартыновъ, заложа большой палецъ правой руки за нижнюю пуговицу, громкимъ голосомъ сказалъ стоявшему тутъ министру двора князю Волконскому: дать Мартынову 1,000 руб. изъ Кабинета, за его ревностную службу; что это будто-бы разсмѣшило государя и онъ обращаясь къ князю Волконскому, изволилъ сказать: исполнить въ точности мое приказаніе, переданное тебѣ Мартыновымъ».

Ничего подобнаго положительно не было, да и быть не могло. Извѣстно, что Мартыновъ былъ человѣкъ робкій, застѣнчивый и даже не находчивый, стало быть, никогда бы не рискнулъ на такую смѣлую и даже неприличную шутку.

Не случился-ли этотъ анекдотъ съ кѣмъ нибудь изъ иностранныхъ артистовъ, и не съ Николаемъ Павловичемъ,—а по смерти уже Мартынова передѣланъ на русскіе нравы?

Что же касается до втораго анекдота, гдѣ говорится о глубокихъ реверансахъ Н. В. Самойловой, то лучше бы было о немъ и вовсе не упоминать.

На стр. 132-й говорится, что яко-бы «графъ Потемкинъ, какъ истый театралъ, умеръ почти въ театрѣ: что онъ упалъ въ театральномъ корридорѣ въ обморокъ и скончался, какъ только-что привезли его домой. Это неспра-

ведливо: графъ Серг. Павл. Потемкинъ просто захворалъ дома простудой и скончался, пролежавъ въ постелѣ болѣе мѣсяца.

Стр. 145-я. Тутъ ошибочно сказано, что актеръ Пронскій былъ воспитанникъ Театральнаго училища: онъ поступилъ на петербургскую сцену изъ провинціи.

На стр. 162-й напечатано, что В. А. Каратыгинъ игралъ въ послѣдній разъ въ драмѣ: «Смерть Ляпунова», 28-го февраля 1853 г. Это не вѣрно: въ послѣдній разъ онъ игралъ 27-го февраля, въ драмѣ «Деньщикъ», въ пятницу на масляницѣ, а въ субботу 28-го числа онъ слегъ въ постель и не могъ уже играть; спектакль былъ перемѣненъ, хотя на афишѣ и объявлена была драма: «Смерть Ляпунова». Очевидно, что хроникеръ, не будучи самъ въ этомъ спектаклѣ, впалъ въ ошибку, повѣря театральной афишѣ.

Можно бы было сдѣлать еще нѣсколько замѣтокъ, относительно другихъ труппъ, какъ-то: оперной, балетной, французской и итальянской, но я, на этотъ разъ, ограничусь только одной драматической труппой.

Старый театралъ.

Книга, приписываемая Екатеринѣ II.

Въ послѣднемъ выпускѣ (T. IV, 1-re partie) новаго изданія Dictionnaire des ouvrages anonymes, par Barbier, на стр. 568-й указана неизвѣстная книга.

Stiepan Annibale d'Albanie à Frédéric-Guillaume de Prusse. Epître pathétique, philosophique, historique, etc. ou l'Alcoran des princes destinés au trône. Traduit de la 10-e édition italienne, par main de maitre. Saint-Pétersbourg. 1793. 8°.

Къ этому прибавлена слѣдующая замѣтка, подписанная буквами: D. M.: «On sait que la formule: par main de maître, qu'on lit sur le titre de ce volume, désigne les productions littéraires des souverains du Nord. Celui-ci est donc de Catherine II. Suivant une note de Charles Nodier, placée à la suite du № 277, dans le Catalogue de Guilbert de Pixérécourt, ce livre serait d'une excessive rareté et aurait échappé même aux recherches de Barbier».

Любопытно бы узнать, что̀ это за книга, приписываемая перу императрицы Екатерины, и находится-ли она въ какой-либо русской библіотекѣ?

Дрезденъ. **Г. Н. Геннади.**

Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ.

Замѣтка.

Прочитавъ въ „Русской Старинѣ“ статью: „Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ“, не могу согласиться съ заключительными словами, въ ней помѣщенными, будто бы, „что̀ касается суда общественнаго мнѣнія, то едва-ли отъ него можно дождаться въ этомъ дѣлѣ (судѣ надъ генераломъ Затлеромъ) правдиваго слова“...

Послѣ неудачнаго результата Восточной войны 1853—1856 годовъ, намъ слѣдовало-бы сознаться предъ самими собою въ причинахъ понесенныхъ нами неудачъ, а именно: въ плохомъ вооруженіи нашей пѣхоты, въ жалкомъ устройствѣ госпитальной части и вообще всей военной администраціи, въ недостаткѣ предусмотрительности на счетъ обороны Крыма, и проч. Такое сознаніе имѣло бы самыя благодѣтельныя послѣдствія, предохранивъ насъ въ будущности отъ подобныхъ минувшимъ заблужденій и ошибокъ, и мы соблюли-бы священный завѣтъ справедливости, воздавъ каждому изъ прежнихъ дѣятелей должное по дѣламъ его. Но, вмѣсто того, мы сочли болѣе удобнымъ удовлетворить наше общее и частное самолюбіе, сваливъ всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія на генерала Затлера, хотя столь тяжкое обвиненіе не было подтверждено несомнѣнными доказательствами, и даже ему было отказано въ судѣ, котораго онъ просилъ какъ милости. Заботясь объ исторической истинѣ, я говорилъ со многими лицами о дѣятельности генерала Затлера въ минувшую Восточную войну, и тѣ, которые отзывались о немъ невыгодно, сколько можно было судить изъ ихъ словъ, обвиняли его по слухамъ, par nature moutonnière; прочіе-же всѣ полагали, что онъ пострадалъ за безсовѣстность своихъ подчиненныхъ. Конечно, нельзя отрицать, что каждый изъ «имѣющихъ власть» обязанъ отвѣчать за дѣйствія зависящихъ отъ него лицъ, и потому каждая ошибка, каждое злоупотребленіе ихъ ложатся твердымъ гнетомъ на его голову. Но изъ людей высокопоставленныхъ, много-ли найдется такихъ, которые умѣли-бы безошибочно избирать достойныхъ себѣ сподвижниковъ?

Послѣднія двадцать лѣтъ жизни Ѳедора Карловича были посвящены заботѣ смыть съ себя незаслуженное имъ пятно позора. Все несчастіе его произошло отъ того, что онъ подпалъ суду лицъ, которыя, конечно, стояли выше всякаго подозрѣнія въ преднамѣренной несправедливости, но не умѣли оцѣнить даровитыхъ распоряженій Затлера, сократившихъ военныя издержки въ войну 1853—1856 годовъ на цѣлые милліоны, и возложили на него исключительно отвѣтственность за всѣ грѣхи его подчиненныхъ. И хотя его сочиненія (и въ особенности послѣднее [1]), изданное за границею), вполнѣ выясняютъ его дѣятельность, однакоже, по моему мнѣнію, еще лучшимъ оправданіемъ ему послужатъ дѣйствія нашихъ генералъ-интендантовъ въ послѣдующія войны, когда придется имъ, въ подобныхъ-же обстоя-

[1]) Описаніе распоряженій по снабженію Крымской арміи въ войну 1854—1856 годовъ продовольственными и огнестрѣльными припасами.

тельствахъ, бороться съ такими-же затрудненіями, какія встрѣчалъ и преодолѣвалъ генералъ Затлеръ. Пожелаемъ, чтобы удалось имъ продовольствовать войска не хуже и не дороже, какъ продовольствовались они въ Восточную войну 1853—1856 годовъ.

М. И. Богдановичъ.

Я. Ив. де-Сангленъ.

Замѣтка.

Въ «Воспоминаніяхъ» Т. П. Пассекъ («Русская Старина» изд. 1877 г., т. XIX, стр. 434) сдѣлано ошибочное указаніе на служебное положеніе Я. Ив. де-Сангдена. Вотъ вполнѣ точное по сему предмету свѣдѣніе. Въ 1812 году де-Сангленъ состоялъ на службѣ при министрѣ полиціи—генералѣ Балашовѣ, въ должности правителя канцеляріи министерства, а за упраздненіемъ этого министерства и образованіемъ—взамѣнъ онаго—департамента полиціи исполнительной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, де-Сангленъ вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ, гдѣ и кончилъ жизнь частнымъ человѣкомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ концѣ 1850-хъ годовъ.

Г. Щигры. Сообщ. С. Д. Слатинъ.

Замѣтки кн. П. А. Урусова и А. А. Панаева.

I.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX, въ разсказахъ А. А. Панаева о дѣйствіи нашихъ войскъ подъ Евпаторіею, на стр. 310-й, авторомъ написаны слѣдующія слова, сказанныя будто-бы мною генералу Хрулеву, по случаю диспозиціи, имъ составленной къ бою: «Постой, братецъ Степанъ Александровичъ, ты забылъ, что я тебя старше, перепиши, а то я и слушать не хочу»,—и что никакія убѣжденія генерала Хрулева на меня не дѣйствовали, что я непреклонно стоялъ на моемъ старшинствѣ, и что подобная моя щекотливость всѣмъ присутствовавшимъ казалась неумѣстною, но что я, наконецъ—смиловался. Далѣе г. Панаевъ приписываетъ Хрулеву весьма безцеремонный отвѣтъ на предложеніе, дѣйствительно мною сдѣланное,—повести на штурмъ остальныя мои двѣ колонны, послѣ неудачной атаки первой. Генералъ Хрулевъ всегда особенно вѣжливо обращался со всѣми лицами, ему подчиненными, и отвѣтъ его мнѣ былъ совершенно не тотъ, который написанъ г. Панаевымъ; въ этомъ ссылаюсь и на присутствовавшаго при ономъ, бывшаго въ то время флигель-адъютанта, полковника и начальника штаба отряда, а нынѣ генералъ-адъютанта Петра Николаевича Волкова.

Я всегда отдавалъ и отдаю полную справедливость тѣмъ особеннымъ достоинствамъ, которыми обладалъ покойный Степанъ Александровичъ Хрулевъ, но никогда съ нимъ;—какъ и весьма рѣдко съ кѣмъ либо другимъ,—на безцеремонномъ ты и братецъ не находился. Чтоже же касается до приписаннаго

мнѣ г. Панаевымъ, столь именно неумѣстнаго, какъ онъ самъ выразился, поднятаго мною, будто-бы, вопроса о старшинствѣ въ чинѣ въ минуту, когда въ бой вели мы войска, то и этотъ разсказъ г. Панаева тоже совершенно его вымыселъ, потому что въ дѣлѣ 5-го февраля 1855 года подъ Евпаторіей я былъ въ чинѣ генералъ-маіора, а С. А. Хрулевъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты два года передъ тѣмъ, а именно въ 1853 году.

Князь Павелъ Александровичъ Урусовъ,
генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

Петербургъ, 9-го сентября 1877 года.

II.

На замѣтку кн. П. А. Урусова спѣшу отвѣчать, что въ «Разсказахъ» моихъ я, конечно, не могъ воспроизвести съ буквальною точностію разговоры, слышанные мною болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ. Но самый тотъ фактъ, что князь Урусовъ долго не допускалъ читать диспозицію Хрулева собственно потому, что она была изложена въ формѣ предписанія,—уже по самой оригинальности своей хорошо сохранился въ памяти какъ моей, такъ, вѣроятно, и другихъ присутствовавшихъ при этомъ лицъ, изъ которыхъ могу припомнить: фл.-адъют. полк. Волкова, полк. Шейдемана, ротм. Линденера, кап. Цытовича и шт.-кап. Мартынова. Если-бы этого факта въ дѣйствительности не было, то «вымыслить» его я не имѣлъ никакого побужденія, какъ, равно, и навязывать разговору en question фамильярный тонъ, который, какъ часто бываетъ съ мелочными аксессуарами дѣла, живо сохранился въ моемъ воспоминаніи.

Что же касается препирательства о старшинствѣ, то хотя я и былъ свидѣтелемъ его, но, признаюсь, не придалъ никакого значенія тому, мотивировалось-ли оно званіемъ кн. Урусова, какъ командовавшаго отдѣльною дивизіей, или опиралось на то, что Хрулевъ, хотя и генералъ-лейтенантъ, былъ дѣйствительно моложе князя по производству въ офицеры и въ генеральскій чинъ; вотъ почему въ разсказѣ своемъ я говорилъ не о старшинствѣ въ чинѣ, а просто о старшинствѣ.

Наконецъ, искренно соглашаясь съ авторомъ замѣтки въ томъ, что покойный Хрулевъ «всегда особенно вѣжливо обращался съ подчиненными ему лицами», тѣмъ не менѣе, по совѣсти, не могу вычеркнуть изъ моей памяти приблизительно слѣдующаго возгласа, вырвавшагося у Хрулева, какъ только отъ него отъѣхалъ князь Урусовъ: «то не хотѣлъ вести свою дивизію на укрѣпленія пока съ нихъ не будетъ сбито послѣднее орудіе (см. «Разсказы», стр. 310), а теперь рвется на штурмъ, когда уже видимо нельзя этого допустить!»

Павловскъ.

А. А. Панаевъ.

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812.

VIII [1]).

Послѣ перехода войскъ Виктора, всѣ остававшіеся на лѣвомъ берегу бросились въ безпорядкѣ къ переправѣ, „гдѣ убивали другъ друга, пробивали себѣ дорогу къ мостамъ, по которымъ нѣсколько времени прежде могли спокойно переправиться. Аріергардъ Виктора остановился, выжидая чтобы разрѣдѣла толпа; наконецъ, въ $8^1/_2$ часовъ утра, долженъ былъ силою проложить себѣ путь сквозь сплошную толпу народа". „Эта послѣдняя сцена была ужасна", —говоритъ Фэнъ. Дѣйствительно, къ числу всѣхъ бѣдствій, которымъ подвергались войска великаго полководца, присоединилось послѣднее: французы дѣйствовали оружіемъ противъ своихъ безоружныхъ соплеменниковъ и боевыхъ товарищей. Вслѣдъ за переходомъ послѣднихъ войскъ Виктора, мосты были подожжены. „Лѣвый берегъ Березины представилъ тогда ужасное зрѣлище, оглашаясь криками отчаянія мужчинъ, женщинъ и дѣтей; многіе пытались перейти по горѣвшимъ мостамъ, другіе по льду, скопившемуся между двумя мостами, но льдины погружались подъ ихъ тягостью и они падали въ воду; иные пускались переплыть рѣку выше мостовъ. Около 10-ти часовъ появились казаки" [2]).

Послѣ изложенныхъ происшествій, сопровождавшихъ переправу непріятеля черезъ Березину, кажется, нѣтъ нужды доказывать, что возможно было нанесть ему гораздо болѣе вреда, еслибъ двумя и даже однимъ днемъ ранѣе адмиралъ Чичаговъ напалъ на только-что начавшія переходить рѣку войска Наполеона. Движеніе къ Шабашеви-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68; 261—307; 419—453; 609—640. Томъ XIX, стр. 191—216. Томъ XX, стр. 35—76; 177—204.

[2]) B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 403 и слѣд.; B. Denniée, Itinéraire, стр. 162; Fesenzac, Souvenirs milit., стр. 339 и слѣд.; M. Chambray, т. III, стр. 73—74.

чамъ доказало всю неспособность адмирала въ качествѣ главнокомандующаго арміею. Никто бы не подумалъ упрекать за этв моряка, потому что нельзя безъ приготовленія и опыта сдѣлаться способнымъ начальствовать войсками и распоряжаться военными дѣйствіями; но не могла не упрекать его Россія за то, что онъ считалъ себя способнымъ и обвинялъ другихъ въ своихъ собственныхъ ошибкахъ. „Я осматривалъ мѣстность, гдѣ Бонапарте построилъ мостъ,— писалъ англійскому посланнику лордъ Тирконель, — думаю, что не было возможности остановить его, потому что надъ рѣкою возвышенность, на которой онъ построилъ сильную батарею; но онъ непремѣнно потерпѣлъ бы сильнѣйшую потерю, если бы мы тутъ находились, и, судя по мѣстности, потерялъ бы бо́льшую часть своей арміи прежде, нежели успѣлъ бы пробиться. Всему виною несчастное наше движеніе въ правую сторону, когда слѣдовало идти въ лѣвую". Онъ полагаетъ, что „къ этой погрѣшности противъ здраваго смысла"—по его выраженію—подалъ поводъ кн. Кутузовъ, что̀ несправедливо; но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ: „всего прискорбнѣе, что адмиралъ не послѣдовалъ совѣту Сабанеева и другихъ генераловъ, которые всѣ были того мнѣнія, что имъ слѣдовало идти къ Шабашевичамъ, и просили его хотя одинъ день еще остаться у Борисова [1]). Не только ни разу не начальствуя войсками, но даже не участвуя ни въ одномъ сраженіи на сухомъ пути, адмиралъ презиралъ совѣтами опытныхъ генераловъ, не вѣрилъ донесеніямъ своихъ подчиненныхъ и основывалъ всѣ свои дѣйствія на личныхъ соображеніяхъ, безъ изслѣдованія мѣстности, не присутствуя даже на полѣ сраженій. Но, какъ онъ ни былъ самоувѣренъ, однакоже долженъ былъ понять, что императоръ, придававшій такое важное значеніе военнымъ дѣйствіямъ при Березинѣ, на которую обращено было все его вниманіе съ самой Бородинской битвы, не могъ быть доволенъ его дѣйствіями. Съ-горяча онъ написалъ донесеніе, въ которомъ съ такою легкостію относился къ этому дѣлу, какъ бы къ неважной стычкѣ на аванпостахъ. Но едва успѣлъ отправить его, какъ уже понялъ, что государь посмотритъ на это дѣло съ иной точки зрѣнія и ничѣмъ недоказанныя на опытѣ военныя способности адмирала не заставятъ его удовлетвориться его взглядомъ на дѣло. Въ тотъ же день онъ написалъ другое донесеніе, въ которомъ говорилъ: „донося вашему величеству о томъ, что̀ случилось съ моего отъѣзда изъ Минска, я не зналъ еще, что занятіе Борисова и дѣло, которое я имѣлъ съ самимъ Наполеономъ, какъ показываютъ плѣнные, имѣли гораздо болѣе выгодныя послѣдствія, нежели я предполагалъ. Когда

[1]) Письмо къ лорду Каткарту, отъ 18-го (30-го) ноября, изъ д. Бриль.

я удерживалъ его у переправы передъ деревнею Бриль, всѣ его обозы и значительное количество войскъ находились еще на другой сторонѣ рѣки, на которыя въ то же время нападалъ гр. Витгенштейнъ и отбилъ ихъ. Я самъ, преслѣдуя непріятеля на другой день, т. е. сегодня, взялъ 8 пушекъ, много зарядныхъ ящиковъ и повозокъ. Награбленныя въ Москвѣ сокровища находятся въ повозкахъ, которыя взяты у него. Теперь, государь, я долженъ предполагать, что меня будутъ обвинять въ томъ, что я не взялъ Бонапарта и его войскъ, и что я могъ сдѣлать, еслибъ угадалъ навѣрное—гдѣ онъ намѣренъ совершить переправу, и поставилъ бы противъ него корпусъ войскъ. Я, съ своей стороны, увѣренъ, что корпусъ, который я могъ бы отрядить въ Зембинъ, сдѣлалъ бы не болѣе того, который защищалъ то мѣсто, гдѣ онъ хотѣлъ устроить свои мосты. На рѣкѣ существуютъ броды во многихъ мѣстахъ, и въ очень короткое время можно переправить достаточное количество людей, чтобы завладѣть противоположнымъ берегомъ, подъ прикрытіемъ сильной батареи. У меня было не болѣе 16-ти или 17-ти тысячъ человѣковъ пѣхоты, которая одна могла дѣйствовать въ этомъ случаѣ; корпусъ у Зембина, въ 30-ти верстахъ отъ Борисова, который я такъ же долженъ былъ охранять, какъ и все пространство до Березино, не могъ быть настолько силенъ, чтобы противостать арміи въ 60 или 70 тысячъ, подъ предводительствомъ Наполеона, и которая хочетъ прорваться во что бы то ни стало. Онъ былъ бы уничтоженъ прежде, нежели я могъ бы придти ему на помощь, тѣмъ болѣе, что непріятель перерѣзывалъ мнѣ дорогу. Даже всей моей арміи не было бы достаточно, чтобы остановить его, хотя бы на одни сутки. Только естественная преграда достигла бы этой цѣли; во всякомъ же другомъ случаѣ онъ бы проникъ, а у меня однимъ корпусомъ было бы меньше. Если безостановочно и съ единствомъ въ дѣйствіяхъ его будутъ преслѣдовать, то ему можно нанесть много вреда; но схватить человѣка, окруженнаго исключительно своею гвардіею, или разомъ уничтожить его армію, это, по моему мнѣнію,—химеры. Впрочемъ, государь, я сдѣлалъ все возможное, чтобы осуществить на дѣлѣ и мою собственную мечту, но я понялъ непреодолимыя затрудненія, которыя теорія встрѣчаетъ на дѣлѣ“ [1]). Но мысль о томъ, чтобы раздроблять армію, оставивъ одну ея часть у Борисова, а другою занявъ Зембинъ, и притомъ армію, которая пришла на главное поприще дѣйствій въ количествѣ меньшемъ, нежели предполагалось прежде,—естественно не могла бы входить ни въ соображенія императора, ни кн. Кутузова. Но естествен-

[1]) Письмо отъ 17-го ноября, изъ дер. Бриль.

ная преграда, конечно, имѣлась въ виду у того и другаго. Березина протекаетъ по лѣсистой и болотистой мѣстности. Болота во многихъ мѣстахъ непроходимы даже зимою, дороги перерѣзаны плотинами и, мѣстами, часто простирающимися на значительныя пространства. Такова именно была дорога, по которой долженъ былъ отъ переправы при Студянкѣ слѣдовать Наполеонъ къ Зембину. Уничтожить эти мосты и гати, чтобы затруднить отступленіе непріятелю, вотъ что входило въ соображенія фельдмаршала, и въ этомъ смыслѣ понималъ его предписаніе и самъ адмиралъ въ то время, и хотѣлъ привесть въ исполненіе, но тогда, когда было уже поздно. „Атаманъ Платовъ доложилъ адмиралу, — говоритъ Ермоловъ, — о возвращеніи партіи, посланной имъ для истребленія мостовъ и гатей по дорогѣ въ Зембинъ. Надо было перейти рѣчку Гойну, не замерзшую, хотя и повсюду не глубокую, но невозможно было подойти къ ней ближе 30-ти и болѣе саженей по причинѣ непроходимыхъ болотъ, въ которыхъ увязаютъ лошади на всемъ разстояніи до самаго ея берега“ [1]). Рѣчка Гойна не замерзла, но Березинѣ шелъ ледъ; за два дня послѣ продолжительной оттепели, вновь начавшіеся морозы не скрѣпили болотъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе топкихъ, какихъ было много, вопреки увѣреніямъ адмирала въ его Запискахъ [2]). Приведенное показаніе ген. Ермолова подтверждаютъ сами непріятели. „Дорога въ Зембинъ,—говоритъ г. Фезензакъ,—устроена изъ дерева на болотахъ; на ней много мостовъ и довольно длинныхъ. Такая мѣстность представляла большія затрудненія для движенія войскъ и замедляла его, потому что болота на половину лишь подмерзли и цѣлыя колонны должны были двигаться лишь по узкой дорогѣ. Испытывая эти неудобства, мы, однако же, утѣшали себя мыслью: еслибы непріятель менѣе обращалъ вниманія на дорогу на Минскъ и позаботился бы по преимуществу о дорогѣ къ Вильнѣ, то ему стоило только сжечь какой нибудь одинъ мостъ, чтобы потопить насъ въ болотѣ“ [3]). „Болота не вполнѣ замерзли и еслибъ русскіе имѣли время сжечь Зембинскіе мосты, то все было бы потеряно“,—говоритъ баронъ Жомини [4]). „Во время движенія послѣ переправы, при переходѣ черезъ Зембинскій мостъ, который въ родѣ плотины построенъ изъ лѣсу на козлахъ и составлялъ единственный проходъ на значительномъ протяженіи черезъ болота, мы могли судить о той опасности, которой мы избѣжали. Дѣйствительно, ничего не было легче для непріятеля, какъ его истре-

[1]) Записки, т. I, стр. 267.
[2]) Mémoires inédits, стр. 74.
[3]) Souvenirs milit., стр. 338.
[4]) Жизнь Наполеона, ч. II, стр. 236.

бить или сжечь", — говоритъ гр. Дюма [1]). „Достаточно было огня изъ казачьей трубки, чтобы сжечь этотъ мостъ; тогда всѣ наши усилія,— замѣчаетъ гр. Сегюръ, — при переправѣ черезъ Березину оказались бы напрасными. Захваченные между этими болотами и рѣкою, на узкомъ пространствѣ, безъ продовольствія, безъ провіанта, когда свирѣпствовалъ снѣжный ураганъ, великая армія и императоръ принуждены были бы сдаться въ плѣнъ безъ боя" [2]). Еслибы адмиралъ не сознавался даже передъ самимъ собою въ своихъ ошибкахъ, то онъ не могъ бы ихъ не чувствовать. Дѣйствительно, его сильно тревожило желаніе оправдать свои дѣйствія передъ императоромъ.Ославъ это второе донесеніе, онъ на другой же день отправилъ къ нему генерала Сабанеева. Зная хорошо мнѣніе государя объ этомъ генералѣ и выхваляя его „прямоту и способности", адмиралъ писалъ ему: „чтобы ваше величество въ настоящемъ свѣтѣ могли видѣть происшествія такой великой важности и чтобы малодушный характеръ, способный изъ одной крайности впадать въ другую, не исказилъ бы истины въ вашихъ глазахъ, я рѣшился отправить генерала Сабанеева, который представитъ отчетъ вашему величеству обо всемъ, что будетъ угодно вамъ знать объ этихъ происшествіяхъ" [3]). Но императоръ не принялъ Сабанеева и приказалъ ему немедленно возвратиться въ армію. Хотя онъ и потребовалъ объясненій отъ адмирала [4]), но уже зналъ все, что̀ ему нужно было знать: Наполеонъ удачно совершилъ переправу черезъ Березину, не встрѣтивъ во̀-время никакихъ препятствій со стороны Чичагова. Подробности могли только усилить непріятное впечатлѣніе, которое произвела неудача въ исполненіи плана военныхъ дѣйствій при Березинѣ, на который такъ долго и постоянно было обращено его вниманіе. Притомъ, Сабанеевъ привезъ и письмо лорда Тирконеля къ лорду Каткарту, которое, безъ сомнѣнія, немедленно сдѣлалось извѣстно императору. Онъ писалъ: „Сабанеевъ извѣститъ васъ не только объ ошибкахъ адмирала, но и о настроеніи офицеровъ здѣшней арміи. Они совершенно не имѣютъ довѣрія къ своему начальнику, который не только не военный человѣкъ, но и досадилъ многимъ изъ нихъ своимъ обхожденіемъ, нерѣшительностію въ своихъ предпріятіяхъ и особенно тѣмъ, что всегда на нихъ же сваливаетъ свои ошибки" [5]). Не только важность послѣдствій отъ удачнаго исполненія этого плана привлекала его вниманіе, но и

---

[1]) Souvenirs, т. III, стр. 473—474.
[2]) Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 374.
[3]) Письмо 18-го ноября, на походѣ въ Бриль.
[4]) Рескриптъ отъ 21-го ноября.
[5]) Письмо отъ 29-го ноября (11-го декабря).

самое лицо Чичагова. Назначеніе адмирала предводительствовать сухопутною арміею, окрѣпшею въ бояхъ, испытанною многолѣтними подвигами, какъ Дунайская, удаленіе военачальника, оказавшаго заслуги отечеству, какъ Тормасовъ, и подчиненіе его арміи также адмиралу—не могли не возбудить вниманія общественнаго мнѣнія. Во время грозной опасности для отечества, оно зорко слѣдило за дѣйствіями необычайнаго главнокомандующаго и высказывало свои мнѣнія. Радуясь заключенію мира съ Турціею, не зная о намѣреніи привлечь турокъ къ союзу съ нами и, въ противномъ случаѣ, о замыслахъ адмирала идти на Константинополь, въ обществѣ удивлялись медленности, съ которою наши войска оставляли Дунайскія княжества, подвигаясь на главное поприще военныхъ дѣйствій. Потомъ, когда Дунайская армія соединилась съ третьею Западною, „не безъ удивленія, чтобы не сказать болѣе,—говоритъ одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ,—видали, что адмиралъ рѣшился по своему собственному усмотрѣнію занять герцогство Варшавское. Онъ самъ писалъ императору: „я буду преслѣдовать Шварценберга до преисподней (jusqu'aux enfers)“. Императоръ ему отвѣчалъ, чтобы онъ не шелъ далѣе и согласовалъ бы свои дѣйствія съ наставленіями фельдмаршала. Адмиралъ отвѣчалъ, что получилъ эти наставленія и ничего такъ не желаетъ, какъ сообразовать съ ними свои дѣйствія, и пойдетъ на Минскъ. Однако же, онъ не приходилъ и со всѣхъ сторонъ сыпалась насмѣшка: адмиралъ сѣлъ на мель, стоитъ на якорѣ, онъ встрѣчаетъ противные вѣтры и т. п. и упирали на то, до какой степени странно поручить армію адмиралу“. Надменное и дерзкое обращеніе адмирала, его злыя насмѣшки надъ понятіемъ объ отечествѣ, надъ Россіею и всѣмъ русскимъ, конечно, не могли пріобрѣсть ему друзей между русскими. Но когда узнали, что онъ занялъ Минскъ и подходитъ къ Борисову, готовы были простить ему всѣ ошибки и надѣялись на важныя съ его стороны дѣйствія. „Одинъ изъ важныхъ царедворцевъ сказалъ мнѣ“,—писалъ своему правительству гр. Местръ, слова котораго мы привели выше: „Теперь отдадутъ справедливость адмиралу; мѣсяцъ тому назадъ готовы были снесть ему голову; но въ настоящее время, надо сознаться, что онъ дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ“ [1]). Но это убѣжденіе продолжалось недолго. Нарочные изъ дѣйствовавшихъ армій прибывали почти ежедневно и привозили новыя извѣстія. Князь Кутузовъ писалъ государю: „изъ полученнаго сегодня (15-го ноября) рапорта гр. Витген-

[1]) Гр. Местръ, Correspondance diplomatique, т. I, стр. 250—253; депеша 10-го (22-го) ноября 1812 года.

штейна усмотрѣлъ я, что выполняется общій планъ, вашимъ императорскимъ величествомъ присланный; ибо адмиралъ Чичаговъ, со ввѣренною ему арміею, разбилъ авангардомъ своимъ генерала Домбровскаго, прибылъ съ корпусомъ генерала гр. Ланжерона 9-го числа въ г. Борисовъ. Изъ рапорта же, полученнаго сейчасъ отъ гр. Платова, извѣстился я, что гр. Витгенштейнъ 13-го ноября прибылъ въ село Барани. Главный мой авангардъ, подъ командою генерала Милорадовича, сегодня въ м. Бобрѣ; казачьи полки гр. Платова—въ м. Крупкахъ, занимая также нѣкоторыя мѣста слѣва отъ большой дороги, для наблюденія за движеніемъ непріятеля. Главная армія завтрашняго числа имѣетъ быть въ окрестностяхъ д. Ухвала, что̀ на дорогѣ изъ м. Бобра къ м. Березину“ [1]). Это донесеніе было немедленно обнародовано и изъ него впервые узнали объ общемъ планѣ военныхъ дѣйствій, сообщенномъ самимъ государемъ фельмаршалу. До того времени онъ хранился въ тайнѣ и былъ извѣстенъ только главнокомандующимъ и начальникамъ отдѣльно дѣйствовавшихъ корпусовъ. Но когда его исполненіе уже готово было совершиться, эта тайна была объявлена всѣмъ и, конечно, еще болѣе усилила вниманіе къ военнымъ дѣйствіямъ. Вслѣдъ за донесеніемъ фельдмаршала, государь получилъ два, одно вслѣдъ за другимъ, отъ гр. Витгенштейна. Извѣщая о преслѣдованіи отступавшаго непріятеля, онъ писалъ, что его авангардъ, подъ начальствомъ генерала Властова, имѣлъ дѣло съ дивизіею Дендельса, составлявшею аріергардъ маршала Виктора, при селѣ Батуры. „Видя потомъ,—продолжалъ онъ,—что непріятель отступаетъ весьма поспѣшно, я изъ мѣстечка Холопиники предпринялъ фланговое движеніе, пошелъ на село Барань, чтобы онымъ отрѣзать ему Лепельскую дорогу и имѣть возможность дѣйствовать на Веселово и Студенцы, гдѣ онъ строилъ мосты. Дойдя до селенія Кострицы, я узналъ, что Наполеонъ переправляется черезъ Березину и корпусъ Виктора составляетъ его аріергардъ. Поэтому, я пошелъ атаковать его къ переправѣ у села Студенцы, прося гр. Платова поспѣшить прибытіемъ къ Борисову, что̀ имъ и исполнено. Онъ приблизился по дорогѣ, идущей отъ Толочина; а я со всѣмъ корпусомъ приблизился къ Старому Борисову“. Слѣдствіемъ этого сближенія было успѣшное дѣло противъ дивизіи Партуно, которая вынуждена была положить оружіе. Хотя гр. Витгенштейнъ не „отрѣзалъ,—какъ доносилъ,—аріергардъ, состоявшій почти изъ половины корпуса Виктора“, и преувеличивалъ успѣхи, говоря о „небывалой еще надъ французами побѣдѣ“, но тѣмъ не менѣе это дѣло могло считаться побѣдою и цѣ-

[1]) Донесеніе отъ 15-го ноября, изъ м. Круглое. «Сѣвер. Почта» 1812, № 94.

лая дивизія, вынужденная положить оружіе, служила доказательствомъ. Въ Петербургѣ праздновали эту побѣду благодарственнымъ молебномъ. Но изъ этого донесенія узнали, что Наполеонъ устроилъ мосты и переправляется черезъ Березину. „Сего числа (т. е. 16-го ноября),—оканчивалъ свое донесеніе гр. Витгенштейнъ,—я пойду атаковать Наполеона у переправы при селѣ Студянкѣ, а адмиралъ Чичаговъ вмѣстѣ съ гр. Платовымъ будутъ атаковать его по ту сторону Березины". Но что же дѣлалъ въ это время адмиралъ? Этотъ вопросъ оставался еще нерѣшеннымъ и возбудилъ новыя недоумѣнія о дѣйствіяхъ адмирала. „Снова посыпались насмѣшки на его счетъ; впрочемъ, надо еще подождать,—говоритъ постоянно желавшій его защищать гр. Местръ.—Платовъ, который также на другой сторонѣ Березины, тоже не присылалъ донесеній". На другой день получено было новое донесеніе отъ гр. Витгенштейна объ сраженіи при Студянкѣ, которое окончилось тѣмъ, что непріятель перешелъ Березину и сжегъ мосты. Это обстоятельство замедлило преслѣдованіе со стороны гр. Витгенштейна. „Получивъ же понтоны отъ адмирала Чичагова, навожу ихъ теперь и пойду на ту сторону, гдѣ буду дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ и гр. Платовымъ"[1]). Только вслѣдъ за этимъ донесеніемъ было получено государемъ и письмо отъ адмирала, въ которомъ онъ извѣщалъ о своихъ дѣйствіяхъ послѣ занятія Минска и оканчивалъ увѣреніемъ, что отъ Березины до Парижа непріятель понесетъ еще много потерь. Это донесеніе, за исключеніемъ, однако же, послѣднихъ выраженій, было также обнародовано вмѣстѣ съ донесеніемъ гр. Витгенштейна и окончательно возбудило общественное мнѣніе противъ адмирала. „Планъ не удался" (le plan est manqué),—говорилъ государь приближеннымъ къ нему лицамъ[2]), и потребовалъ объясненій отъ адмирала. „Я имѣлъ уже счастіе донесть вашему величеству о времени перехода непріятеля черезъ Березину,—отвѣчалъ Чичаговъ.—Но донесеніе мое было неполно, особенно потому, что я былъ взволнованъ. Въ послѣдствіи я писалъ съ кн. Волконскимъ; но и этимъ вторымъ донесеніемъ будучи недоволенъ, также какъ и первымъ, я рѣшился отправить начальника моего штаба, генерала Сабанеева, какъ очевидца происшествій, ошибокъ, которыя я могъ сдѣлать, и невозможности, въ которой я находился для того, чтобы противопоставить непріятелю непреодолимое препятствіе. Я весьма счастливъ, что изъ письма вашего величества, отъ 21-го ноября, вижу, что, не выслушавъ, вы не изволили меня обвинять, и потому осмѣливаюсь повергнуть на ваше

[1]) Донесеніе отъ 17-го ноября, изъ Стараго Борисова.
[2]) Гр. Местръ, Correspondance, т. I, стр. 269.

усмотрѣніе, какъ все происходило, съ бо́льшими подробностями и въ спокойномъ состояніи духа. Выступивъ изъ Минска, я направилъ войска въ четыре стороны, за Зембинъ, на Борисовъ двумя путями, и на м. Березино, черезъ Игуменъ. Какъ ни плохи наши карты и недостаточны свѣдѣнія въ статистикѣ страны и описаніи рѣкъ, однако же я успѣлъ собрать достаточно свѣдѣній, чтобы предполагать, что непріятель совершитъ переправу между Зембинымъ и м. Березино. На всемъ этомъ протяженіи рѣки я велѣлъ снять мосты и паромы и съ главными силами расположился при Борисовскомъ мостовомъ укрѣпленіи, расположивъ отряды по всему теченію рѣки для наблюденія. Моя армія едва достигала до 25-ти тысячъ и въ томъ числѣ бо́льшая часть конницы; кн. Шварценбергъ еще могъ дѣйствовать противъ меня съ тылу, поэтому я принялъ мѣры, чтобы исправить редуты, которые значительно пострадали при взятіи Борисовскаго мостоваго укрѣпленія. Три дня непріятель находился передъ нами и своими движеніями желалъ ввести насъ въ заблужденіе; а о движеніи нашихъ войскъ, которыя, по нашему мнѣнію, должны были идти за нимъ по пятамъ, мы не имѣли свѣдѣній. По расчету переходовъ, непріятель могъ бы придти ранѣе къ Борисову, нежели пришелъ. Былъ-ли со всею арміею самъ Наполеонъ или дѣлалъ ложныя движенія незначительнымъ отрядомъ, чтобы насъ удерживать и занимать, я этого не могъ знать. Въ такомъ затруднительномъ положеніи я получилъ увѣдомленіе отъ кн. Кутузова, который мнѣ писалъ, чтобы я остерегался, чтобъ Наполеонъ не пошелъ по Березинѣ по направленію къ Бобруйску и не переправился бы тамъ черезъ рѣку, чтобы идти на Игуменъ и Минскъ. Отъ гр. Витгенштейна получаю извѣстіе, что непріятельская армія раздѣлена на нѣсколько колоннъ: однѣ направляются на Борисовъ, другія къ Бобруйску. Но гдѣ Наполеонъ—никто не знаетъ; вѣроятно, тамъ, гдѣ его всего менѣе ожидаютъ. Въ дополненіе ко всему этому, я получаю извѣстія, что австрійцы и саксонцы возвратились въ Слонимъ и ихъ патрули доходили до Пинска. Вотъ, государь, данныя, которыя я имѣлъ и которыя ввели меня въ заблужденіе; я полагалъ, что, можетъ быть, Шварценбергъ двинется сюда, чтобы держать насъ на-сторожѣ; а это давало поводъ опасаться, что и Наполеонъ двинется въ эту сторону. Поэтому я предполагалъ, что, не теряя изъ виду переправъ черезъ рѣку съ лѣвой отъ меня стороны, я могъ раздѣлить мои силы, находившіяся въ центрѣ, на двѣ стороны, подвинувъ одну часть изъ нихъ направо, и—двинулся на Шабашевичи. Признаюсь, по всѣмъ моимъ соображеніямъ, мнѣ казалось, что непріятель въ этой сторонѣ попытается совершить переправу. Лишь только я туда пріѣхалъ, мнѣ сказали, что непріятель приго-

товляетъ мостъ въ Ухолодѣ, что̀ подтвердило бы мое предположеніе, еслибъ вслѣдъ за тѣмъ меня не увѣдомили, что онъ бросилъ эти приготовленія. На другой день я узналъ, что онъ дѣятельно приготовляетъ переправу на лѣвой сторонѣ отъ Борисова, въ 13-ти отъ него верстахъ. Генералъ Чаплицъ былъ немедленно туда отправленъ, потому что, вслѣдствіе того же ложнаго расчета, я было приблизилъ его къ Борисову. Весь корпусъ Ланжерона былъ туда двинутъ; дрались съ утра до 10-ти часовъ вечера, мѣсто переправы было покрыто убитыми; но, какъ часто случается, не было никакой возможности воспрепятствовать переправѣ непріятеля, въ пять разъ сильнѣйшаго и защищаемаго сильными батареями. Въ то же время я возвратился изъ Шабашевичей со всѣмъ остальнымъ войскомъ, но уже было поздно: высоты, лѣсъ, дорога—все было занято непріятелемъ. Березина узка и на ней находятся броды во многихъ мѣстахъ и, между прочимъ, здѣсь; достаточно было морозовъ, чтобы придать нѣкоторую плотность болотамъ, гдѣ непріятель непремѣнно бы завязъ во всякое другое время. Теперь я сознаюсь, государь, что если бы я угадалъ вѣрно, то отпоръ могъ быть сильнѣе, но всетаки окончился бы тѣмъ, что непріятель совершилъ бы переправу“ [1]). На основаніи теоретическаго правила, что никакая переправа черезъ рѣку не можетъ считаться непреодолимою преградою для войскъ, адмиралъ былъ совершенно правъ. Но этого никто отъ него и не требовалъ, а, наоборотъ, расчитывали на то, что, находясь противъ Студянки во время построенія мостовъ и въ первые дни переправы, онъ могъ дать сильный отпоръ непріятелю, какъ и самъ признается, замедлить переправу, пока подойдутъ другія войска и нанесть ему вмѣстѣ съ ними рѣшительный ударъ. Но нельзя не отдать справедливости адмиралу, что онъ скоро понялъ, что нельзя отклонить вниманіе императора отъ надѣланныхъ имъ ошибокъ и увѣрить, что особенно важнаго ничего не произошло, какъ онъ пытался въ первыхъ своихъ донесеніяхъ. Въ этомъ донесеніи онъ прямо признается, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей изъ своихъ ошибокъ—въ движеніи къ Шабашевичамъ, на которое онъ потерялъ напрасно почти три дня и тѣмъ далъ возможность Наполеону совершить переправу. Рѣшившись признаться въ своей ошибкѣ, онъ желалъ, однако же, смягчить ея послѣдствія и писалъ въ томъ же донесеніи: „непріятель былъ гораздо насъ сильнѣе и, завязавъ съ нами дѣло въ

---

[1]) Письмо отъ 29-го ноября, на походѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Вильны. Приведенныя выдержки не были обнародованы въ свое время; а вторая половина письма, гдѣ разсказывается преслѣдованіе непріятеля отъ Березины къ Вильнѣ, была напечатана въ 99 № «Сѣвер. Почты» 1812 г.

этомъ мѣстѣ, онъ не только могъ переправиться черезъ рѣку нѣсколько выше, но и обойти насъ съ фланга, чѣмъ могъ причинить намъ большой вредъ. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что во все это время я еще не слыхалъ о приближеніи нашихъ, и Наполеонъ, бросившись на насъ, могъ бы раздавить насъ количествомъ прежде, нежели подоспѣла бы какая нибудь помощь. Гвардія его была въ очень хорошемъ состояніи, Викторъ и Сенъ-Сиръ (Удино) тоже. Все это составляло по крайней мѣрѣ до 40 тысячъ человѣкъ, не считая разстроенныхъ при отступленіи войскъ. Всѣ плѣнные, даже нерасположенные къ Наполеону, единогласно утверждали, что у него было до 100 тысячъ. Вдвойнѣ обманулись тѣ, которые утверждали, что у него все было въ разстройствѣ, не было ни пушекъ, или очень немного, ни конницы, а у меня 80 тысячъ. Но, по совѣсти, я долженъ придти къ заключенію, что вашему величеству невозможно было бы достигнуть болѣе важныхъ послѣдствій послѣ этого перехода, развѣ только самый странный случай далъ бы возможность взять въ плѣнъ самого Наполеона". Совершенно справедливо, что послѣ переправы достигнуты были тѣ же самыя послѣдствія, т. е. войска Наполеона были истреблены въ качествѣ боевой силы; но достигнуть этой цѣли имѣли въ виду при переправѣ черезъ Березину и не достигли вслѣдствіе ошибокъ адмирала. Не ошиблись тѣ, которые утверждали, что войска Наполеона находятся въ полномъ разстройствѣ, почти безъ артиллеріи и конницы; остатки гвардіи были въ бо̀льшемъ порядкѣ только сравнительно съ другими корпусами. Но корпуса Виктора и Удино были дѣйствительно способны на битву, имѣли значительную артиллерію и конницу. Не имѣется никакихъ доказательствъ, чтобы кто нибудь въ то время считалъ армію адмирала въ 80 тысячъ, и менѣе всѣхъ государь. Число Дунайской и соединившейся съ нею 3-й Западной арміи было извѣстно; знали какое количество войскъ адмиралъ оставилъ генералу Сакену, двинувшись къ Минску; могли не имѣть только вѣрныхъ свѣдѣній успѣлъ ли онъ присоединить къ себѣ корпусъ Эртеля, или нѣтъ. Но нельзя не остановиться на словахъ адмирала: „во все это время я не слыхалъ о приближеніи нашихъ", когда въ томъ же письмѣ онъ говоритъ объ извѣстіяхъ, полученныхъ имъ отъ Витгенштейна и кн. Кутузова. Рѣшимость признаться въ ошибкахъ дорого стоила гордости Чичагова, онъ не довелъ ее до конца и придумывалъ способы оправдать себя, конечно, неудачные. Гр. Витгенштейнъ и не могъ сообщить ему вѣрныхъ свѣдѣній объ великой арміи, находясь противъ Виктора и Удино, что̀ онъ и объяснилъ ему въ своемъ отношеніи. Отношеніе кн. Кутузова, посланное къ нему съ Орловымъ, онъ получилъ уже возвратившись отъ Шабашевичей къ

Борисову, и въ немъ фельдмаршалъ прямо указывалъ ему на дорогу въ Зембинъ, а къ Ухолодѣ поручалъ послать партизанскій отрядъ для наблюденія. Но, по крайней мѣрѣ, въ этомъ донесеніи онъ говоритъ, что свѣдѣнія, сообщенныя ему кн. Кутузовымъ и гр. Витгенштейномъ, только способствовали его заблужденію и ввели въ ошибку. Но эти свѣдѣнія въ его Запискахъ превратились уже въ предписаніе, данное ему фельдмаршаломъ, и что, исполняя это предписаніе, онъ предпринялъ ложное движеніе къ Шабашевичамъ [1]). Адмиралъ писалъ свои Записки долго спустя послѣ происшествій, а кн. Кутузовъ давно лежалъ въ могилѣ.

Донесенія Кноринга точно также не могли заставить адмирала опасаться за свой тылъ. Онъ доносилъ ему, что „8-го и 9-го сего мѣсяца Сакенъ разбилъ кн. Шварценберга, который взялъ направленіе на Вильну; что 9-го же числа показались въ Несвижѣ саксонцы и на другой день опять отступили; Шварценбергъ, не доходя Несвижа, отправился по дорогѣ къ Вильнѣ, и Сакенъ идетъ за нимъ“ [2]). Чтоже касается до мысли взять въ плѣнъ самого Наполеона, то объ этомъ думалъ только адмиралъ, какъ доказываетъ его приказъ, отданный войскамъ въ Борисовѣ: „Наполеонова армія въ бѣгствѣ. Виновникъ бѣдствій Европы съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко быть можетъ, что Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ свой, предавъ его намъ. Почему желаю я, чтобы примѣты человѣка сего всѣмъ были извѣстны. Онъ роста малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящшей надежности ловить и проводить ко мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника: извѣстныя щедроты монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ“.

Не менѣе какъ на императора Александра извѣстія о дѣйствіяхъ Чичагова при Березинѣ произвели непріятное впечатлѣніе и на фельдмаршала Кутузова. Конечно, онъ не имѣлъ никакихъ поводовъ къ тому, чтобы быть лично расположеннымъ къ адмиралу, но какъ русскій человѣкъ, стоявшій такъ высоко въ это время, на котораго съ упованіемъ, какъ на своего спасителя, смотрѣла вся Россія, могъ ли онъ не желать успѣшныхъ съ его стороны дѣйствій и притомъ на поприщѣ, общемъ для всѣхъ уже армій, которыхъ онъ былъ воеводою. „Я вчера былъ скученъ и это — грѣхъ,— писалъ онъ своей супругѣ. — Грустилъ, что не взята вся непрія-

---

[1]) Mémoires inédits, стр. 62—63.

[2]) Донесенія Кноринга адмиралу Чичагову отъ 10-го, 11-го и 12-го ноября, изъ Минска.

тельская армія въ полонъ; но, кажется, можно и за то благодарить Бога, что она доведена до такого бѣднаго состоянія". Кн. Кудашевъ приписывалъ въ этомъ письмѣ: „баринъ ушелъ (le gentilhomme est échappé) и Чичаговъ будетъ причиною, если еще много прольется крови". Получивъ это извѣстіе о переправѣ непріятеля черезъ Березину, фельдмаршалъ, конечно, понималъ, что успѣхъ всей кампаніи будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго преслѣдованія непріятеля, которое можетъ исправить ошибки, сдѣланныя при переправѣ. Съ этою цѣлію, необходимо было усилить, съ одной стороны, преслѣдованіе, а съ другой—не дать возможности Наполеону соединиться съ кн. Шварценбергомъ и Ренье, находившимся уже у Слонима. Войска фельдмаршала, выступивъ изъ Копыса 14-го ноября, перешли Березину и расположились, 19-го, при д. Уши. Здѣсь фельдмаршалъ предписалъ адмиралу Чичагову слѣдовать по пятамъ за отступавшимъ непріятелемъ; гр. Витгенштейну—преслѣдовать его съ праваго фланга, идя на Плещеницу, Вилейку, Неставишки, къ Нѣменчину; авангарду главной арміи—Милорадовича—черезъ Логойскъ, Родошкевичи, Хохлы, Ольшаны, на Яшуны, преслѣдовать его съ лѣваго фланга. Въ то же время главная армія, не слишкомъ удаляясь отъ своего авангарда, должна была слѣдовать такъ, чтобы стать между отступавшимъ къ Вильнѣ императоромъ Наполеономъ и австро-саксонскими корпусами, находившимися въ окрестностяхъ Слонима. Поэтому, отъ мѣстечка Уши предположено движеніе главной арміи на Воложинъ. Авангардъ, подъ начальствомъ ген. Васильчикова, долженъ былъ идти впереди, отрядъ гр. Ожеровскаго—фланкировать движеніе арміи слѣва, подвигаясь на Новогрудекъ къ м. Бѣлицѣ; отрядамъ партизановъ Фигнера, Давыдова и Сеславина предписано было, „не занимаясь болѣе непріятелемъ", идти прямо къ Ковно и Гродно и занять ихъ до прибытія непріятеля [1]).

Но, чтобы распоряженія фельдмаршала съ успѣхомъ были приведены въ исполненіе, онъ сдалъ начальство надъ своими войсками генералу Тормасову, а самъ, на перекладныхъ, несмотря на утомленіе и нездоровье, поскакалъ къ Дунайской арміи [2]).

А. Н. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Воен. журналъ г. Толя; Д. В. Давыдова, Сочин., т. I, прилож., стр. 158; донесеніе кн. Кутузова государю, отъ 20-го ноября.

[2]) Письмо Аншетта къ гр. Нессельроде, отъ 30-го ноября.

Пѣсня о сынѣ Стеньки Разина [1]).

Какъ во славномъ городѣ во Астрáханѣ,
При торгу было, при базарѣ,
Очутился, объявился незнамый человѣкъ.
Бодро шпепестко по рыночку погуливаетъ,
На́ босу ножку сапожки понашиваетъ,
Нароспашку чекменишко на правомъ на плечѣ,
Черна шляпа съ позументомъ на лѣвомъ на ухѣ,
Баретóву опояску за единъ конецъ тащитъ.
Увидалъ молодца губернаторъ изъ окна:
«Ужъ гой вы солдаты, царю вѣрные слуги,
Губернаторски послы!
Вы подите, изловите, приведите
Удалова молодца».
Они скоро побѣжали,
Молодца скоро поимали;
Къ широку двору подводятъ — не устрàшится,
На широкій дворъ восходитъ — не ужахнется,
На часты ступеньки ступаетъ
Только ступеньки говорятъ;
На красно крыльцо восходитъ — крыльцо зыблется,
Ново-точены балясы разсыпаются,
Въ новы сѣни заходитъ, верхи ломятся,
На порогъ ногой ступаетъ, Богу молится,
На всѣ стороны челомъ,
Губернатору поклонъ.
Губернаторъ говорилъ,
Въ золоту трубу трубилъ:
«Ты откэль, откэль, дѣтина, незнакомый человѣкъ,
Иль изъ-за́ моря купецъ,
Иль купеческій сынокъ?»
«Нѣтъ я не изъ-за моря купецъ,
Не купеческій сынокъ:
Я со матушки со Волги,
Стеньки Разина сынокъ» [2]).
Губернаторъ говорилъ,
Въ золоту трубу трубилъ:
«Ужъ гой вы солдаты, царю вѣрные слуги,
Губернаторски послы!
Вы (его) возьмите, уведите,
Во тюрьму посадите».
Они скоро подхватили,
Во тюрьму скоро свели;
Двери заперли,
Окна замкнули.
Добрый молодецъ по темницѣ похаживаетъ,
Кандалами побрякиваетъ:
«Я не думалъ, не гадалъ,
Во тюрьму скоро попалъ».

---

[1]) Сообщена редакціи крестьяниномъ А. Е. Ерошкинымъ; записана имъ, 2-го января 1875 г., въ Екатеринбургѣ.

[2]) «Сеньки Лазарева», такъ передавалъ сказатель. А. Е.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

1779 — 1831.

XVII [1]).

Не ошибся графъ Ростопчинъ, предсказывая—какъ мы видѣли—нерадостную жизнь невѣстѣ Константина Павловича, и жестоко обманулась ея мать, предполагая, что бракомъ своей дочери съ великимъ княземъ она навсегда и вполнѣ упрочила ея счастье. Причины первоначальныхъ размолвокъ молодой четы доискаться трудно; безъ сомнѣнія, однако, что первымъ виновникомъ супружескихъ несогласій былъ мужъ, вспыльчивость и крутой характеръ котораго могли причинить много горя великой княгинѣ. Въ то время, когда великій князь находился въ италіанскомъ и швейцарскомъ походахъ, она жила у своихъ родителей въ Кобургѣ, откуда вернулась вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1799 года; но въ 1801 году она опять уѣхала за границу и послѣ того уже не возвращалась въ Россію. Во время своихъ побывокъ за границею, цесаревичъ видался съ своею супругою. Сохранился вполнѣ достовѣрный разсказъ, что онъ, возвращаясь, въ 1814 году, изъ Франціи, видѣлся съ великою княгинею и убѣждалъ ее вернуться въ Россію, выражая, между прочимъ, надежду, что потомство ихъ будетъ на русскомъ престолѣ. Великая княгиня рѣшительно отвергла предложеніе своего мужа и, какъ на невозможность своего возврата въ Россію, заявила Константину Павловичу о такихъ обязанностяхъ, которыя должны были удержать ее навсегда за границею... Теперь

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 217—254; 361—388; 539—557. Томъ XX, стр. 77—100.

разрывъ былъ окончательный: въ виду фактовъ, предъявленныхъ великою княгинею, соединеніе супруговъ стало невозможно. Охладѣвъ вскорѣ послѣ брака къ своей супругѣ, великій князь, по собственнымъ его словамъ, — какъ передаетъ ихъ въ своемъ разсказѣ сенаторъ А. Д. Даниловъ („Русская Старина“ 1870 г.), — „хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской, но матушка и братъ не позволили“. Княжна Жанета Антоновна Четвертинская—изъ рода ополячившихся Рюриковичей—была младшая сестра княжны Марьи Антовны, находившейся въ супружествѣ съ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ, и потому причина несогласія какъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, такъ и императора Александра Павловича на бракъ цесаревича съ княжной Жанетой становится понятною помимо другихъ обстоятельствъ, которыя могли бы вызвать возраженія ихъ величествъ противъ желанія Константина Павловича. Въ послѣдствіи Четвертинская вышла за какого-то пана Вышковскаго и умерла въ 1854 г. Ко времени предположенія женитьбы на Четвертинской, т. е. къ 1803 году, относится переписка о разводѣ между Константиномъ Павловичемъ и императрицею Маріею Ѳедоровною [1]).

Дѣло это началось послѣ письма къ нему великой княгини. Письмо это намъ неизвѣстно, но изъ отвѣтнаго письма цесаревича видѣнъ первый приступъ къ разводу. Отвѣтъ великаго князя былъ слѣдующаго содержанія: „вы пишете, что оставленіе вами меня черезъ выѣздъ въ чужіе края послѣдовало потому, что мы не сходны другъ съ другомъ нравами, почему вы и любви своей ко мнѣ оказывать не можете, то покорно прошу васъ, для успокоенія себя и меня въ устроеніи жребія жизни нашей, всѣ сіи обстоятельства изобразить письменно и что, кромѣ сего, другихъ причинъ вы не имѣете, и то письмо съ засвидѣтельствованіемъ, что оно дѣйствительно вами писано, и подписано, россійскаго министра или находящагося при немъ священника, доставить неумедля къ вашему покорному слугѣ Константину“.

По этому же предмету онъ обратился письмомъ къ своей родительницѣ, женщинѣ, отличавшейся чрезвычайною добротою и мяг-

[1]) Замѣтимъ, что въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи», въ книгѣ 3-й за 1871 г., было напечатано О. М. Бодянскимъ это письмо по списку 1804 года со странною передѣлкою: оно подписано «Анна» и считается редакціею письмомъ не императрицы Маріи Ѳедоровны, но великой княгини Анны Ѳедоровны. Сообразно съ этимъ, и въ текстѣ письма сдѣланы нѣкоторыя перемѣны, но изъ многихъ строкъ самаго же письма открывается вся несообразность подобной передѣлки. Такъ, напримѣръ, выходитъ, что великая княгиня Анна Ѳедоровна соглашалась на разводъ съ мужемъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ тотчасъ послѣ развода избралъ себѣ другую достойную его супругу изъ германскихъ принцессъ. Е. К.

костью характера, хотя въ то же время и сохранявшую феодальныя традиціи германскихъ династій. Въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, писанномъ, вѣроятно, по французски, но дошедшемъ до насъ въ современномъ его написанію русскомъ переводѣ, императрица высказывала свое глубокое огорченіе, и припоминала сыну содержаніе писаннаго ею годъ тому назадъ письма, „съ изображеніемъ душевнаго смущенія и скорби своей, а также и ея желаніе". Отвѣтомъ на это письмо Константинъ Павловичъ успокоилъ ея опасенія, сообщая, „что̀ принадлежитъ до развода — молчу и повинуюся, каковъ есть долгъ мой". Въ письмѣ своемъ государыня напоминала сыну, что онъ тогда удовольствовался удаленіемъ своей жены и пребываніемъ ея у ея родителей, каковое пребываніе продолжается и теперь, и, слѣдовательно, противъ прежняго ничего не перемѣнилось, „а васъ, однакожъ, — писала императрица, — снова вижу обращающагося паки къ сей пагубной и опасной мысли о разводѣ. Симъ растворяются всѣ раны сердца моего, но при всемъ томъ, мой любезный Константинъ Павловичъ, не смотря на скорбь, которую я чувствую, занимаясь печальною сею мыслью, я изображу вамъ мое по сему предмету мнѣніе, какъ оно мною видится, и, наконецъ, объявлю вамъ условія, на которыхъ нѣжная моя къ вамъ любовь можетъ склонить меня заняться мыслью о вашемъ разводѣ".

Занявшись этимъ, императрица прежде всего говоритъ о „пагубныхъ послѣдствіяхъ для общественныхъ нравовъ, а также объ огорчительномъ и для всей націи опасномъ соблазнѣ, произойти отъ того долженствующихъ". Она указываетъ на то, что „по разрушеніи брака цесаревича, послѣдній крестьянинъ отдаленнѣйшей губерніи, не слыша болѣе имени великой княгини, при церковныхъ молебствіяхъ произносимаго, извѣстится о его разводѣ, и почтеніе крестьянина къ достоинству брака и къ самой вѣрѣ поколеблется тѣмъ паче, что съ нимъ неудобно войти въ изслѣдованіе причинъ, возмогшихъ подать къ тому поводъ. Онъ предположитъ, что вѣра для императорской фамиліи менѣе священна, чѣмъ для него, а таковаго мнѣнія довольно, чтобъ отщетить сердца и умы подданныхъ отъ государя и всего дома". Въ виду этого, государыня напоминаетъ сыну, что братъ императора долженъ быть для подданныхъ образцомъ добродѣтелей, что нравы и безъ того уже испорчены и развращены и придутъ еще въ вящшее развращеніе чрезъ пагубный примѣръ лица, стоящаго при самыхъ ступеняхъ престола и занимающаго первое мѣсто послѣ государя. „Повѣрьте мнѣ, любезный мой Константинъ Павловичъ, — прибавляетъ Марія Ѳедоровна, — единою прелестью неизмѣняющейся добродѣтели можемъ мы внушить народамъ сіе о нашемъ превосходствѣ

увѣреніе, которое обще съ чувствованіемъ благоговѣйнаго почитанія утверждаетъ спокойствіе имперіи. При малѣйшемъ же хотя въ одной чертѣ сей добродѣтели нарушеніи, общее мнѣніе ниспровергается, почтеніе къ государю и его роду погибаетъ, безпорядки, въ царскомъ домѣ происходящіе, разглашаются; ваше мѣсто обязываетъ васъ полнымъ самого себя пожертвованіемъ для государства".

Высказавъ эти мысли, императрица переходитъ къ разсмотрѣнію личныхъ отношеній между разошедшимися супругами и въ этомъ случаѣ является вполнѣ безпристрастною матерью, защищая свою невѣстку и обвиняя своего сына.

„Обратитесь къ самому себѣ,—пишетъ она,—и вопросите совѣсть свою, оправдаетъ ли она вѣтренность, горячность, вспыльчивость при началѣ несогласія, между вами и великою княгиней существующаго, оказанныя вами вопреки моихъ сильнѣйшихъ представленій при возвращеніи вашемъ изъ инспекціи въ послѣднюю осень царствованія покойнаго вашего отца, когда я, въ присутствіи брата вашего, просила, умоляла васъ жить въ супружескомъ съ женою дружелюбіи, а вы противъ всѣхъ стараній матери вашей остались непреклонны. Спросите, — говорю я, — сами у себя: укоризны сердца вашего дозволятъ ли вамъ помышлять о разводѣ?"

Отклоняя цесаревича отъ принятаго имъ намѣренія, императрица, между прочимъ, спрашивала, какая причина побуждаетъ его искать формальнаго, обнародованнаго развода, тогда какъ съ согласія ея и императора онъ въ тайнѣ почти существуетъ, такъ какъ великая княгиня отсутствуетъ и онъ не имѣетъ съ нею никакихъ уже сношеній?

Далѣе въ письмѣ своемъ императрица отвергала ту мысль, будто бы „честь Константина Павловича требуетъ разрушенія брачнаго его союза". По поводу этого Марія Ѳедоровна писала, что она „со всею публикою" отвѣчать будетъ, что разводомъ была оскорблена добрая слава той, которая носитъ имя супруги Константина Павловича, и что, сверхъ того, Константинъ Павловичъ показалъ уже себя легкомысленнымъ и равнодушнымъ въ отношеніи своей жены. Императрица напомнила ему, какъ онъ однажды легкомысленно отзывался о великой княгинѣ „въ передней комнатѣ" императора Павла Петровича, и какъ онъ самъ признавался въ этомъ. Ссылаясь на текстъ письма цесаревича, императрица на основаніи этого текста приходила къ заключенію, что будто бы здоровье его требуетъ прежде всего желать „пагубнаго" развода, и что, получивъ разводъ, онъ положитъ „отстать отъ зловредныхъ своихъ обычаевъ". Императрица сообщала, что если это дѣйствительно такъ и что если цесаревичъ, не смотря на ея возраженія, выскажетъ ей, что онъ желаетъ развода съ тѣмъ

единственно, чтобъ опять жениться и примѣромъ безпорочнаго и счастливаго союза загладить соблазнъ, произведенный расторженіемъ перваго брака, то тогда она снова обратится къ обсужденію вопроса о разводѣ, хотя у ней навсегда останется въ сердцѣ чувство скорби, порожденное такою жестокою необходимостью.

Вступленіе во второй бракъ предоставлялось, однако, цесаревичу со стороны его матери не безусловно по его собственному выбору. Императрица писала: „когда вы предварительно и съ непремѣнностію опредѣлите выборъ, васъ достойный, дабы учинить оный соотвѣтственно рожденію вашему, поѣзжайте въ чужіе краи. Въ пребываніе ваше у разныхъ дворовъ владѣтельныхъ князей Германіи, изберите себѣ невѣсту, во всѣхъ отношеніяхъ васъ достойную. Какъ скоро утвердитесь въ вашемъ выборѣ и получите отъ меня и отъ императора дозволеніе, тогда на разводъ вашъ я изъявлю мое согласіе. На семъ только условіи я признаю возможность онаго". Требованіе это Марія Ѳедоровна основывала на томъ соображеніи, что соблазнъ развода долженъ быть въ ту же минуту заглаженъ новымъ брачнымъ союзомъ, но союзомъ „соотвѣтственнымъ, закономъ почитаемымъ отъ особъ, подобныхъ Константину, которыя обязаны избирать въ супруги породою себѣ равныхъ". „Не изреченіе развода, — добавляла императрица, — возвратитъ вамъ здоровье, но житіе порядочное и союзъ, закономъ одобряемый", и единственно при условіи такого союза она соглашалась на разводъ, заявляя, что въ этомъ отношеніи намѣренія ея непоколебимы.

Послѣ этого письма прошло лѣтъ пятнадцать. Супруги жили врозь и Константинъ Павловичъ поднялъ снова вопросъ о разводѣ.

Намъ неизвѣстно, отыскивалъ ли онъ для себя въ виду этого невѣсту въ Германіи. Но нежеланіе слѣдовать относительно вторичнаго брака совѣтамъ своей родительницы Константинъ Павловичъ выражалъ, между прочимъ, въ сочиненной имъ и распѣваемой шутливой пѣснѣ, которая начиналась словами: „избави мя, Боже, отъ пожара, наводненія и нѣмецкой принцессы..." Надобно, однако, полагать, что упорство его въ этомъ случаѣ было неодолимо, а настоянія на необходимости развода до того сильны, что разводъ состоялся безъ того непремѣннаго условія, какое въ этомъ случаѣ требовала прежде императрица-мать.

20-го марта 1820 года появился высочайшій манифестъ, въ которомъ объявлялось, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ принесенною императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и государю просьбою „обратилъ вниманіе на домашнее его положеніе въ долговременномъ отсутствіи супруги его великой княгини Анны Ѳедоровны, которая,

еще въ 1801 году удалясь въ чужіе края по крайне разстроенному состоянію ея здоровья, какъ донынѣ къ нему не возвращалась, такъ и впредь, по личному ея объявленію, возвратиться въ Россію не можетъ, и вслѣдствіе сего изъявилъ желаніе, чтобъ бракъ его съ нею былъ расторженъ".

„Внявъ сей просьбѣ,—говорится далѣе въ манифестѣ,—съ соизволенія любезнѣйшей родительницы нашей, мы предлагали дѣло сіе на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который, по сличеніи обстоятельствъ онаго съ церковными узаконеніями, на точномъ основаніи 35-го правила Василія Великаго, постановилъ: бракъ цесаревича и великаго князя Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳедоровною расторгнуть, съ дозволеніемъ ему вступить въ новый, если онъ пожелаетъ. Изъ всѣхъ сихъ обстоятельствъ усмотрѣли мы, что безплодное было бы усиліе удерживать въ составѣ императорской фамиліи брачный союзъ четы, 19-й годъ уже разлученной безъ всякой надежды быть соединенною, а потому, изъявивъ соизволеніе наше, по точной силѣ церковныхъ узаконеній, на приведеніе вышеизложеннаго постановленія святѣйшаго синода въ дѣйствіе—повелѣваемъ: повсюду признавать оное въ свойственной ему силѣ".

Въ „Учрежденіи объ императорской фамиліи", изданномъ 5-го апрѣля 1797 года императоромъ Павломъ, не говорится ничего о неравныхъ по рожденію бракахъ членовъ императорской фамиліи. Тамъ сказано было только: „всякій бракъ, безъ согласія царствующаго императора сдѣланный, законнымъ признаваемъ быть не можетъ". Для дѣйствительности брака требовалось только соизволеніе на него со стороны царствующаго государя, какъ самодержавнаго монарха и главы своего семейства и всего своего рода, и затѣмъ никакого вопроса о происхожденіи жениха или невѣсты возникать не могло. Между тѣмъ, въ манифестѣ о брачномъ разводѣ Константина Павловича было сказано слѣдующее:

„При семъ объемля мыслью различные случаи, которые могутъ встрѣтиться при брачныхъ союзахъ членовъ императорской фамиліи и которыхъ послѣдствія, если не предусмотрѣны и не опредѣлены общимъ закономъ, сопряжены быть могутъ съ затруднительными недоумѣніями, мы признаемъ за благо, для непоколебимаго сохраненія достоинства и спокойствія императорской фамиліи и самой имперіи нашей, присовокупить къ прежнимъ постановленіямъ объ императорской фамиліи слѣдующее дополнительное право: „если какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть, не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ та-

комъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ таковаго союза дѣти не имѣютъ права на наслѣдованіе престола".

Нельзя не сказать, что по точному смыслу этого манифеста самъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ не лишался принадлежавшихъ ему правъ на наслѣдованіе престола, но только, въ случаѣ неравнаго брака, супруга и дѣти его лишались: первая титула какъ великой княгини, такъ и императрицы, а послѣдніе какъ титуловъ, присвоенныхъ другимъ равностепеннымъ членамъ императорской фамиліи, такъ и права на наслѣдованіе короны. Такимъ образомъ, въ силу приводимаго выше манифеста, установлялся и у насъ существовавшій издревле въ Германіи какъ для владѣтельныхъ, такъ равно и для дворянскихъ фамилій, такъ называемый тамъ „морганатическій" бракъ, при которомъ мужъ и жена и ихъ законныя дѣти не признаются равными съ тѣмъ изъ супруговъ, который выше другаго по рожденію, и если такое превосходство было на сторонѣ отца, то жена и дѣти не носятъ не только его титуловъ, но даже и фамильнаго его имени.

Разводъ Константина Павловича былъ первымъ подобнымъ случаемъ въ царскомъ семействѣ, такъ какъ Петръ Великій, разлучившись съ своею супругою и заточивъ ее въ монастырь, не находилъ нужнымъ домогаться развода по правиламъ церкви. Съ своей стороны синодъ основалъ возможность развода великаго князя на 10-мъ пунктѣ „Духовнаго Регламента", касающемся „мірскихъ особъ". Въ этомъ пунктѣ было сказано: „ежели безъ всякой причины оставитъ мужъ свою жену или сія перваго, то слѣдуетъ непремѣнно о томъ просить по установленному законами порядку сперва епархіальнаго архіерея, того, въ которой кто епархіи жительство имѣетъ, письменно, а сей обязанъ, вызвавъ оставившее лицо черезъ сношеніе съ гражданскимъ правительствомъ въ консисторію, спросить оное о причинахъ оставленія, и когда онѣ окажутся недостаточны или и вовсе никакихъ правильныхъ причинъ не покажетъ, а только объявитъ несходство нравовъ или несклонность другъ къ другу, и потомъ, по увѣщанію архіерейскому, единственно упрямостью своею къ мирному супружескому сожитію останется непреклоннымъ, въ такомъ случаѣ бракъ не расторгается, а ежели причины оставленія ихъ одного коего лица достаточны, то по содержанію 35-го правила Василія Великаго и градскаго закона грани 11-й главы 490-й, изображенныхъ въ „Кормчей Книгѣ", таковые отъ супружескаго сожитія бываютъ свободны и невинному лицу дозволяется вступать въ бракъ вторый съ свободнымъ лицомъ, а оставившему безъ причины лицу позволенія не бываетъ".

Чтобъ соблюсти во всей полнотѣ какъ силу 35-го правила Василія Великаго, такъ и „Духовнаго Регламента“, слѣдовало бы разобрать при вопросѣ о расторженіи брака Константина Павловича причины разлученія супруговъ, но при этомъ возникало особое, не предусмотрѣнное обстоятельство, а именно: неявка въ консисторію того мужа или той жены, которыя покинули супружескій домъ. Синодская практика разрѣшала это обстоятельство въ томъ смыслѣ, что неявляющійся изъ отлучки мужъ или жена даютъ другой сторонѣ право на разводъ. Практика синода указывала на такой исходъ дѣла, потому что такимъ образомъ было уже рѣшено нѣсколько дѣлъ между лицами даже самыхъ низшихъ сословій. Былъ даже такой случай, что только послѣ годичной отлучки жены синодъ развелъ ее съ мужемъ и дозволилъ этому послѣднему вступить во второй бракъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ допущенный въ 1799 году разводъ тайнаго совѣтника князя Степана Борисовича Куракина съ женою его, княгинею Прасковьей Петровной, рожденною Нарышкиною. Княгиня, по собственному ея показанію, отлучилась отъ своего мужа „по неизлечимой болѣзни для жительства въ уединеніи“ и о болѣзни своей представила свидѣтельство какого-то штабъ-лекаря Сенъ-Мора. Обстоятельства эти синодъ призналъ достаточными для того, чтобъ расторгнуть бракъ князя Куракина, дозволивъ ему вступить въ новое супружество.

При вопросѣ о разводѣ Константина Павловича не только представлялись обстоятельства, какъ нельзя болѣе сходныя съ тѣми, при которыхъ синодъ допустилъ разводъ князя Куракина, но имѣлось въ виду и то, что великую княгиню Анну Ѳедоровну, какъ особу, принадлежавшую къ императорскому дому и при томъ находившуюся внѣ предѣловъ Россіи, нельзя было ни принудить къ совмѣстному жительству съ ея супругомъ, ни подвергнуть установленному въ законѣ допросу въ консисторіи. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, синодъ совершенно правильно, въ предѣлахъ законовъ какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ, въ ту пору дѣйствовавшихъ, допустилъ расторженіе брака цесаревича, съ дозволеніемъ, если онъ пожелаетъ, вступить въ новое супружество [1]).

---

[1]) Въ ту пору въ «Гражданскихъ Законахъ» нашихъ не указывались лишь тѣ три случая, при которыхъ только и допускается нынѣ разводъ супруговъ. Дѣйствующія въ настоящее время правила о разводѣ изданы были въ 1841 и 1850 годахъ. Церковные же уставы или «Кормчая Книга» относятся къ случаямъ развода гораздо снисходительнѣе, нежели наши гражданскіе законы.

Е. К.

ріи. Въ упомянутомъ манифестѣ было сказано, что, по „Учрежденію объ императорской фамиліи", титулъ великаго князя Константина Павловича ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сообщенъ ни его супругѣ, Іоаннѣ Грудзинской, ни дѣтямъ, которыя будутъ прижиты отъ этого брака. Затѣмъ, объявлялось, что великому князю было пожаловано имѣніе Ловичъ и что такъ какъ онъ по имѣнію этому намѣренъ сдѣлать такое распоряженіе, чтобъ супруга его была допущена къ соучастію по владѣнію означеннымъ имѣніемъ, то, — говорилось въ манифестѣ,—„положили мы удостоить и симъ удостоиваемъ нынѣшнюю супругу возлюбленнаго брата нашего великаго князя Константина, Іоанну Грудзинскую, къ воспріятію и ношенію титула княгини Ловицкой". Затѣмъ изъявлялось желаніе и повелѣніе государя, чтобы титуломъ этимъ во всѣхъ публичныхъ и частныхъ актахъ именована была какъ сама она, такъ и тѣ дѣти, которыя прижиты будутъ отъ настоящаго брака. Вмѣстѣ съ княжескимъ достоинствомъ ей былъ присвоенъ въ Россіи титулъ свѣтлости. Замѣтимъ кстати, что екатерининскій орденъ она получила только 27-го апрѣля 1825 г.

Намъ неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ принято было намѣреніе цесаревича вступить въ бракъ съ графиней Грудзинской императрицею Маріею Ѳедоровною и было ли съ ея стороны предъявлено непремѣнное требованіе, чтобъ Константинъ Павловичъ вступилъ вторично въ супружество не иначе, какъ съ нѣмецкою принцессою, на чемъ настаивала его родительница, лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Что же касается императора Александра Павловича, то по одному выраженію, встрѣчающемуся въ письмахъ цесаревича къ Лагарпу, можно заключить, что государь не только не противился женитьбѣ цесаревича на Грудзинской, но что, напротивъ, оцѣнивъ рѣдкія достоинства этой дѣвушки, желалъ, чтобы она сдѣлалась супругою цесаревича. Въ письмѣ этомъ цесаревичъ выражается, что онъ „получилъ свою жену изъ рукъ императора, своего благодѣтеля". Какъ бы то ни было, но, за исключеніемъ великой княгини Маріи Павловны, несочувственно относившейся ко второму супружеству своего брата, всѣ члены императорскаго дома оказывали супругѣ великаго князя и расположеніе, и полное вниманіе. Пріѣзжая въ Варшаву, императоръ Александръ Павловичъ проводилъ съ нею бо́льшую часть времени, а послѣ обѣда, взявъ ее подъ-руку, выходилъ гулять съ нею въ садъ. Такая прогулка, сопровождавшаяся оживленной бесѣдой, продолжалась иногда часа четыре, при чемъ цесаревичъ, слѣдовавшій за ними, держалъ себя отъ нихъ въ почтительномъ отдаленіи. Французскій писатель Егронъ, въ книгѣ своей „Vie d'Alexandre I", сообщаетъ, что императоръ Александръ Павловичъ былъ страстно влюбленъ въ княгиню

Ловичъ. Императрица Марія Ѳеодоровна,—какъ разсказываетъ князь С. М. Голицынъ,—также полюбила княгиню, дѣлала ей подарки и, отказывая ей въ своемъ завѣщаніи драгоцѣнную брилліантовую діадему, написала, что назначаетъ ее своей дорогой невѣсткѣ (à ma chère belle fille, princesse Lowitch). Императоръ Николай Павловичъ не лишилъ ее своего расположенія даже и послѣ прискорбныхъ событій 1830 и 1831 годовъ. Благосклонное къ ней чувство выражала и его супруга. Великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Елена Павловна оказывали ей знаки особаго почета и при рожденіи у нихъ четвертой дочери, 28-го января 1830 года, воспреемницею ея была великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская, представлять же ее при крещеніи предложено было великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ и княгинѣ Ловичъ, которая, однако, по причинѣ болѣзни, не могла пріѣхать въ Петербургъ. Такое приглашеніе, вообще, и въ особенности если принять въ соображеніе неодобреніе со стороны великой княгини Маріи Павловны супружества ея брата, показывали то вниманіе, съ какимъ относились къ ней прочіе члены императорской фамиліи.

Не смотря на морганатическій бракъ, княгиня Ловицкая или Ловичъ являлась во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ императорскою фамиліею, а при короноваціи императора Николая въ Варшавѣ она шла слѣдомъ за императрицею, имѣя подлѣ себя наслѣдника престола, нынѣ царствующаго Государя Императора.

Самъ цесаревичъ со времени брака съ княгинею Жанетою Антоновною — такъ стали звать ее по русски — замѣтно перемѣнился. По мѣткому выраженію К. П. Колзакова, „левъ былъ побѣжденъ голубицею“. Онъ съ радостію, при своемъ неукротимомъ характерѣ, несъ теперь супружескія узы и въ молодой женѣ видѣлъ залогъ своего домашняго счастья. Въ перепискѣ своей съ Лагарпомъ, которую онъ повелъ въ разсудительномъ тонѣ, цесаревичъ, въ ноябрѣ 1826 года, писалъ о своей супругѣ: „я ей обязанъ счастіемъ и спокойствіемъ; я получилъ ее изъ рукъ покойнаго императора, который удостоивалъ ее своею дружбою и особымъ довѣріемъ“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ писалъ Лагарпу: „я счастливъ въ своемъ семейномъ быту, наслаждаясь глубокимъ спокойствіемъ благодаря женѣ“. Въ письмѣ отъ 31-го декабря 1828 года онъ повторялъ то же самое слѣдующими словами: „я счастливъ у себя дома и главная тому причина — жена“.

Въ письмахъ цесаревича къ Ѳ. П. Опочинину постоянно проглядываютъ самая страстная любовь и нѣжная привязанность къ женѣ. То съ большою озабоченностію онъ пишетъ, что здоровье ея не совсѣмъ

хорошо, то въ радостныхъ выраженіяхъ сообщаетъ о перемѣнѣ къ лучшему. Однажды, въ бытность свою въ Петербургѣ, онъ, во время спектакля, даннаго во дворцѣ великаго князя Михаила Павловича, увидѣлъ на французской актрисѣ Поль платье, которое ему чрезвычайно понравилось. Возвратившись въ Варшаву, онъ вздумалъ сдѣлать своей женѣ сюрпризъ, подаривъ ей такое же платье, и, послалъ къ Ѳ. П. Опочинину тайкомъ мѣрку съ платья княгини, заботливо и убѣдительно просилъ его отыскать ту модистку, которая шила платье г-жѣ Поль. Заказъ былъ исполненъ, платье было не изъ дорогихъ—оно обошлось только въ 140 рублей—но цесаревичъ въ письмѣ своемъ выражалъ радость, что угодилъ этимъ неожиданнымъ подаркомъ женѣ и не зналъ какъ благодарить Опочинина за исполненіе имъ этого порученія. Цесаревичъ до такой степени любилъ свою жену, что,—по словамъ очевидцевъ,—не могъ разстаться съ нею на самое короткое время. Когда она куда нибудь выѣзжала, онъ обнималъ ее и цѣловалъ и въ лицо, и въ руки по нѣсколько разъ и, нашептывая молитву, начиналъ крестить ее. Онъ вѣрилъ, что съ безгранично любимою имъ женщиною найдетъ прочное счастье и вѣра эта переходила въ какое-то безотчетное чувство. Когда, при отступленіи его изъ Варшавы, къ нему явился одинъ изъ коммисаровъ временнаго польскаго правительства, Волицкій, великій князь, окруженный со всѣхъ сторонъ опасностямм, разговорившись съ нимъ о княгинѣ Ловичъ, сказалъ: „превосходная женщина! Да сохранитъ ее Господь! Предокъ мой, Петръ Великій, находился при Прутѣ въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я теперь; онъ былъ спасенъ своею женою; надѣюсь, что моя спасетъ меня“.

Княгиня Ловичъ не могла, разумѣется, поправить все то, что было сдѣлано прежде; но она заботилась, чтобы своимъ вліяніемъ на мужа предотвратить хотя на будущее время тѣ неудовольствія и ту къ нему непріязнь, какія онъ возбуждалъ противъ себя. какъ среди поляковъ, такъ и среди русскихъ, своею необузданною горячностію. Постояннымъ внушеніемъ ея,—какъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“ знатная польская дама,—было: „Константинъ! надобно прежде подумать, а потомъ дѣлать, а ты поступаешь совершенно наоборотъ!“ Этимъ внушеніемъ она сдерживала его въ минуты самой страшной запальчивости. Цесаревичъ смирялся и сознавалъ свои ошибки и свою несправедливость.

Представивъ Варшавѣ, совершенно неожиданно, тотчасъ изъ-подъ вѣнца свою супругу, великій князь хотѣлъ показать ее и войску. Веригинъ разсказываетъ, что, дня черезъ три послѣ свадьбы цесаревича, было назначено на Саксонской площади ученье пѣхотнымъ гвардейскимъ

полкамъ. Великій князь подъѣхалъ къ площади въ коляскѣ, запряженной четвернею въ рядъ; съ нимъ пріѣхала и княгиня, одѣтая въ амазонку. Они сѣли на лошадей и поѣхали почти рядомъ другъ съ другомъ вдоль фронта. Цесаревичъ, какъ всегда, здоровался съ солдатами, а княгиня, останавливаясь по временамъ, разговаривала съ офицерами или по французски или по англійски. Объѣхавъ ряды войскъ, она сѣла въ ожидавшую ее другую коляску, а великій князь остался на ученьи, занявшись своимъ дѣломъ съ обыкновеннымъ усердіемъ.

Если при вѣсти о бракѣ великаго князя съ полькою вообще поляки сильно обрадовались, то Грудзинскіе, родственники княгини, обрадовались еще болѣе. Отецъ ея, узнавъ о необыкновенномъ супружествѣ своей дочери, пожелалъ лично поздравить ее и предварительно списался съ нею о своемъ пріѣздѣ въ Варшаву. Освѣдомившись объ этомъ, великій князь пригласилъ его письменно къ себѣ и выѣхалъ къ нему съ женою на встрѣчу на первую станцію по калишскому тракту. Здѣсь, впервые познакомившись съ своимъ тестемъ, онъ посадилъ его къ себѣ въ коляску и такимъ образомъ привезъ его въ Варшаву. Въ Варшавѣ графъ Грудзинскій увидѣлъ своихъ младшихъ дочерей: Жозефину и Антуанету; изъ нихъ первая вышла замужъ за графа Венцеслава Людвиговича Гутаковскаго, бывшаго флигель-адъютантомъ, а потомъ шталмейстеромъ высочайшаго двора; Антуанета вышла замужъ за Дезидерія Хлаповскаго, который,—по отзыву Давыдова,—былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, а по словамъ Смита—умѣлъ внушать въ окружающихъ его „боязливое благоговѣніе“. Хлаповскій былъ нѣкоторое время ординарцемъ (officier d'ordonnance) при Наполеонѣ, потомъ находился въ польской службѣ, но былъ вынужденъ великимъ княземъ оставить ее, послѣ чего онъ проживалъ постоянно въ Познани.

XIX.

Въ то время, когда цесаревичъ, живя въ Варшавѣ, былъ такъ счастливъ въ своемъ домашнемъ быту, положеніе его измѣнилось совершенно-неожиданно. Императоръ Александръ Павловичъ былъ еще въ полномъ развитіи силъ и никто не предвидѣлъ близости той катастрофы, которая послѣдовала 19-го ноября 1825 года и которая открыла цесаревичу Константину Павловичу прямой путь къ императорскому престолу. Не только право первородства, но и носимый имъ особый прибавочный титулъ, указывали на него народу какъ на наслѣдника русской короны, потому что, по „Учрежденію объ императорской фамиліи“, титулъ этотъ собственно долженъ былъ принадлежать

той особѣ, которая „дѣйствительно наслѣдникомъ престола назначена“, и первоначально, до своего вступленія на престолъ, его носилъ великій князь Александръ Павловичъ. При восшествіи же на тронъ какъ Павла I, такъ и Александра I, не была принесена присяга на вѣрность опредѣленному наслѣднику, но она приносилась тому, кто будетъ „назначенъ наслѣдникомъ“. Послѣ императора Александра Павловича дѣтей не осталось и никто не былъ объявленъ имъ наслѣдникомъ, слѣдовательно, прямымъ и законнымъ его преемникомъ оставался Константинъ Павловичъ. Великій князь Николай Павловичъ, находившійся, послѣ отъѣзда императора на югъ Россіи, въ Петербургѣ, получивъ, вечеромъ 25-го ноября, извѣстіе о кончинѣ государя, собралъ въ ту же ночь государственный совѣтъ. Въ собраніи совѣта была распечатана духовная покойнаго императора, по силѣ которой и вслѣдствіе отреченія Константина Павловича, надлежало вступить на престолъ великому князю Николаю Павловичу, который, однако, тутъ же отозвался, что отреченіе великаго князя не есть еще отреченіе императора, что духовная не была въ свое время сдѣлана гласною манифестомъ и что онъ, сохраняя коренной законъ о наслѣдіи, первый принесетъ присягу императору Константину Павловичу, что̀ имъ немедленно и было исполнено. На другой день былъ изданъ указъ о повсемѣстной присягѣ вновь воцарившемуся государю. Всѣ указы стали писаться отъ имени императора и самодержца всероссійскаго Константина Павловича, появились съ подписью этого титула его портреты, при богослуженіи стали возносить его имя какъ царствующаго государя, духовные проповѣдники заговорили въ церквахъ объ его воцареніи и начали появляться въ хвалу ему стихотворныя произведенія. Такъ, въ Петербургѣ, 6-го декабря, была напечатана сочиненная нѣкіимъ А. В. Добровольскимъ „Пѣснь въ проѣздъ черезъ Москву 30-го ноября 1825 года въ день народной присяги императору Константину Павловичу“. Упомянувъ о кончинѣ Александра Павловича, съ „которымъ россіяне утвердили миръ Европы“, пѣвецъ Добровольскій продолжалъ:

Нѣтъ его, льёте слезы рѣками,
Счастье съ нимъ ваше въ мигъ протекло!...
Но успокойтесь—Константинъ съ вами!
Намъ его Небо отцомъ нарекло.
Мы поклянемся—быть ему вѣрны;
Онъ Александру равенъ душой;
Съ нимъ на сраженьяхъ Россы примѣрны:
Братъ Александра—царь и герой!!...

Въ другомъ стихотвореніи, написанномъ уже по отреченіи цеса-

ревича отъ престола, слѣдовательно въ ту пору, когда не было побудительныхъ поводовъ къ чрезмѣрной лести, излагалось [1]):

Что̀ Петръ и что̀ Екатерина?
Что̀ ихъ великія дѣла
Передъ дѣлами Константина?
Они предѣлы измѣряли
Обширность царства своего,
Они престолы доставали—
Онъ отказался отъ него, и т. д.

Стихи эти оканчивались строфою, въ которой авторъ, обращаясь къ Константину, говоритъ:

Тебѣ усердье вмѣсто трона,
Сердца людей—тебѣ чертогъ,
Любовь народная—корона,
Тебѣ титулъ—нашъ полубогъ!

Противъ такой поэтической мысли высказывались, впрочемъ, и другія прозаическія мнѣнія о Константинѣ, такъ какъ на счетъ его въ русскомъ обществѣ господствовало сильное предубѣжденіе, и подъ вліяніемъ этого предубѣжденія, А. Ѳ. Воейковъ пишетъ: „императоръ Александръ не по прихоти устранилъ отъ престола старшаго брата и, назначая себѣ въ преемники младшаго, никогда, нигдѣ и не въ чемъ не показалъ столь разительно своей заботливости о благѣ ввѣреннаго сему Провидѣніемъ народа“, а графъ А. И. Рибопьеръ въ „Запискахъ“ („Рус. Ар.“ 1877 г.) своихъ говоритъ: „хотя я отчасти пользовался благосклонностію великаго князя Константина Павловича и иногда даже бывалъ въ числѣ приближенныхъ къ нему людей, тѣмъ не менѣе съ грустью думалъ я о восшествіи его на престолъ“.

Принеся присягу императору Константину, великій князь Николай Павловичъ поступилъ не только вполнѣ прямодушно и совершенно законно, но и чрезвычайно разсудительно: вступивъ въ свои наслѣдственныя права, новый государь имѣлъ полную возможность тотчасъ же отказаться отъ нихъ, объявивъ объ этомъ всенародно обычнымъ порядкомъ, и тогда были бы устранены всякія замѣшательства переходомъ этихъ правъ къ ближайшему послѣ него наслѣднику. Вышло однако иначе.

„Въ Варшавѣ со второй половины ноября 1825 г.,—пишетъ баронъ, въ послѣдствіи графъ, М. А. Корфъ,—приближенные начали замѣчать, что цесаревичъ Константинъ не въ обыкновенномъ расположеніи духа и чрезвычайно мраченъ. Онъ даже часто не выходилъ къ столу, а на

[1]) Стихотвореніе это сообщено въ рукописи редакціи «Русской Старины» И. Р. фонъ-деръ-Ховеномъ.

разспросы брата (в. к. Михаила Павловича) отвѣчалъ, что ему нездоровится. Прошло еще нѣсколько дней и Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, по дневнымъ рапортамъ коменданта, что пріѣхали два или три фельдъегеря изъ Таганрога, почти вслѣдъ одинъ за другимъ. „Что это значитъ?“ спросилъ онъ.—„Ничего важнаго,—отвѣчалъ цесаревичъ съ видомъ равнодушія. Государь утвердилъ награды, которыя я испрашивалъ разнымъ дворцовымъ чиновникамъ за послѣднее его здѣсь пребываніе“. Къ цесаревичу, между тѣмъ, приходили извѣстія о безнадежной болѣзни императора, и когда, 25-го ноября, было получено извѣстіе объ его кончинѣ, то цесаревичъ сообщилъ объ этомъ великому князю Михаилу Павловичу“.

Такъ разсказываетъ графъ Корфъ, но послѣ того, такъ онъ писалъ свою книгу „Восшествіе на престолъ императора Николая I“, появились еще многіе матеріалы, относящіеся непосредственно къ цесаревичу, и мы, на основаніи этихъ матеріаловъ, скажемъ собственно о томъ, что̀ касается въ нихъ лично Константина Павловича.

Послѣ сообщенія брату роковаго извѣстія, цесаревичъ—какъ передаетъ сенаторъ И. Д. Даниловъ („Русская Старина“ изд. 1870 г.)—собралъ своихъ приближенныхъ, сообщилъ имъ со слезами эту вѣсть и объявилъ, что хотя окружающіе покойнаго государя признали его, Константина, императоромъ, а князь Волконскій и баронъ Дибичъ съ прочими, находившимися тогда въ Таганрогѣ, прислали ему присяжные листы, но что онъ возвращаетъ имъ эти листы, такъ какъ отрекается отъ престола, сохраняя свято и по чести данное покойному императору обязательство. Далѣе онъ заявилъ, что когда просилъ позволенія вступить въ бракъ съ княгинею Ловичъ, то оное получилъ, но не иначе, какъ давъ отреченіе отъ престола. Цесаревичъ заявилъ также, что, не принявъ принесенной ему присяги, онъ писалъ къ великому князю Николаю Павловичу, какъ императору, что будетъ служить ему вѣрно въ тѣхъ же должностяхъ, которыя имѣлъ при Александрѣ; а если это императору Николаю не угодно, то онъ желаетъ навсегда остаться частнымъ человѣкомъ и основать пребываніе свое въ Лазенкахъ. Присланные изъ сената съ состоявшимъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ чиновникомъ Никитинымъ бумаги цесаревичъ не только не принялъ, но увидѣвъ Никитина, который слылъ отчаяннымъ карточнымъ игрокомъ, спросилъ его: „что̀ вамъ отъ меня угодно?—я уже давно не играю въ крепсъ“. Въ то же время пріѣхалъ въ Варшаву изъ Москвы съ пакетомъ, адресованнымъ къ Константину Павловичу, какъ къ императору, адъютантъ московскаго генералъ-губернатора князя Голицына, Демидовъ. Взглянувъ на конвертъ, цесаревичъ, не распечатывая, передалъ его Демидову съ такими

словами: „скажите князю Голицыну, что не его дѣло вербовать въ цари!“

Когда вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича сдѣлалась извѣстною въ Варшавѣ, то въ городѣ и въ войскѣ произошло необычайное движеніе и всѣ ожидали распоряженія о присягѣ Константину Павловичу, но такого распоряженія не было, а цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ отказѣ отъ престола. Между тѣмъ, къ Брюлевскому дворцу безпрестанно подъѣзжали фельдъегеря, генералы, адъютанты, духовныя лица и гражданскіе чиновники. Пріема однако не было и дежурный адъютантъ цесаревича объявлялъ являвшимся во дворецъ лицамъ, что приказанія въ свое время будутъ объявлены, а „пока все остается по прежнему“. Сообразно съ этимъ держалъ себя цесаревичъ. Когда послѣ объявленія цесаревичемъ окружающимъ его лицамъ о кончинѣ императора, состоявшій при великомъ князѣ Н. Н. Новосильцевъ спросилъ: „какія же будутъ теперь приказанія вашего величества?“ цесаревичъ остановилъ его словами: „прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула“. Затѣмъ въ продолженіе разговора Новосильцевъ снова назвалъ цесаревича „величествомъ“.—„Въ послѣдній разъ,—закричалъ цесаревичъ съ нѣкоторымъ уже гнѣвомъ,—въ послѣдній разъ прошу васъ перестать,—и помнить, что теперь законный нашъ государь и императоръ—Николай Павловичъ“. Когда ему былъ поданъ посланный изъ Таганрога рапортъ барона Дибича о состояніи арміи и о другихъ управленіяхъ и частяхъ военнаго вѣдомства, то, увидѣвъ, что на пакетахъ было надписано „его императорскому величеству государю Константину I“, цесаревичъ нераспечатанными возвратилъ пакеты привезшему ихъ фельдъегерю и приказалъ его тотчасъ же ночью выпроводить изъ Варшавы, не позволивъ ему даже отдохнуть, и строго запретилъ ему видѣться съ кѣмъ либо въ Варшавѣ. Рѣшимость великаго князя не принимать престола поддерживалась и съ той стороны, откуда, по видимому, слѣдовало бы ожидать противоположныхъ внушеній: княгиня Ловичъ умоляла его не измѣнять своего намѣренія и цесаревичъ, чтобъ успокоить ее, сказалъ ей: „tranquillisez vous, madame, vous ne regnerez jamais“. Между тѣмъ, не смотря на такой образъ дѣйствій, цесаревичъ не приводилъ къ присягѣ ни войска, ни народа. Въ виду этого между поляками—какъ разсказываетъ Веригинъ—стала ходить молва, что цесаревичъ не принимаетъ русской короны потому, что желаетъ быть королемъ польскимъ. Болтали втихомолку поляки, что когда было получено въ Варшавѣ извѣстіе о смерти императора Александра Павловича, то одинъ изъ представлявшихся цесаревичу польскихъ генераловъ, Рожницкій, назвалъ великаго князя „императорскимъ“ величествомъ.

Цесаревичъ разсердился, но когда, вслѣдъ за тѣмъ, тотъ же генералъ назвалъ его „королевскимъ“ величествомъ, то Константинъ Павловичъ не изъявилъ неудовольствія. Мысль о предоставленіи Константину Павловичу польской короны казалась, впрочемъ, возможною въ прежнее время. Такъ Ростопчинъ, въ письмѣ своемъ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 8-го іюля 1789 года, писалъ: „Понятовскій, чтобъ доказать свою преданность императрицѣ, предлагалъ Константину польскую корону, съ тѣмъ, чтобъ великій князь женился на дочери курфирста саксонскаго“. Но то, что казалось возможнымъ въ 1789 году, представлялось уже неосуществимымъ въ 1825 году, послѣ тѣхъ отношеній, какія установились между Россіею и Польшею.

Изъ обнародованныхъ въ свое время актовъ, относящихся къ отреченію Константина Павловича отъ престола, а также изъ переписки и фактовъ, сообщенныхъ въ книгѣ графа Корфа, видѣнъ весь ходъ этого дѣла. Съ своей стороны, мы не будемъ останавливаться на представляющихся здѣсь подробностяхъ и изложимъ только существенныя обстоятельства.

Еще лѣтомъ 1819 года, когда императоръ Александръ Павловичъ, на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ, обѣдалъ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и его супругою, то завелъ совершенно неожиданно съ ними рѣчь о наслѣдіи престола, высказавъ, между прочимъ, слѣдующее: „я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, но онъ, будучи однихъ со мною лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ и съ врожденнымъ, сверхъ того, отвращеніемъ отъ престола, рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мы оба видимъ на васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей вамъ сына. И такъ, вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ императорскому сану“.

За тѣмъ, 20-го марта 1820 года, по случаю развода цесаревича съ великою княгинею Анною Ѳедоровною, появился манифестъ, гласившій, что, при неравномъ по происхожденію бракѣ, супругъ, на долю котораго приходится такое неравенство, и происшедшія отъ этого брака дѣти не пользуются правами, принадлежащими членамъ императорскаго дома. Мы уже говорили о значеніи этого манифеста, а именно, что онъ самъ по себѣ не лишалъ цесаревича Константина Павловича, вслѣдствіе его неравнаго брака, наслѣдственныхъ его правъ на корону. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что, не смотря на существующій уже законъ, нужно было получить отъ Константина Павловича еще особое отреченіе, которое и было изложено имъ 14-го января 1822 года въ письмѣ къ императору Александру Павловичу въ видѣ „всенижайшей просьбы“. Въ письмѣ этомъ причи-

ною своего отреченія цесаревичъ выставлялъ то, что онъ „не чувствуетъ въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію его можетъ имѣть право". Поэтому онъ просилъ государя „передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него". „Симъ,—писалъ цесаревичъ,—могу я прибавить еще новый залогъ и новую силу тому обязательству, которое я далъ непринужденно и торжественно при случаѣ развода моего съ первою моею женою". Новый залогъ и новая онаго сила, дѣйствительно, требовались для той цѣли, какая имѣлась въ виду при изданіи манифеста 20-го марта 1820 года, такъ какъ, безъ особаго, личнаго отреченія отъ престола, цесаревичъ, получивъ верховную самодержавную власть, получилъ бы въ то же самое время право, силою этой же власти, отмѣнить ограничительный законъ, касавшійся его супруги и того потомства, которое онъ могъ имѣть отъ нея. Письмо свое къ государю цесаревичъ заключилъ словами: „я же потщусь всегда, поступая въ партикулярную жизнь, быть примѣромъ вашихъ вѣрноподданныхъ и вѣрныхъ сыновъ любезнѣйшаго государства нашего". На это письмо императоръ Александръ Павловичъ отвѣтилъ, 2-го февраля 1822 года, письменно, сообщая, что онъ и вдовствующая императрица читали письмо цесаревича „съ чувствомъ признательности къ почтеннымъ побужденіямъ, его руководившимъ, и что они, уваживъ причины, изложенныя цесаревичемъ, даютъ ему полную свободу слѣдовать непоколебимому его рѣшенію".

Вслѣдствіе этого отреченія, 16-го августа 1823 года былъ подписанъ Александромъ Павловичемъ въ Царскомъ Селѣ манифестъ, въ которомъ императоръ объявлялъ, что онъ медлилъ назначеніемъ наслѣдника престола „въ ожиданіи не будетъ-ли благоугодно недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ даровать ему наслѣдника престола въ прямой линіи, но теперь поспѣшаетъ постановить престолъ въ такое положеніе, чтобы онъ ни на мгновеніе не оставался празднымъ".

Далѣе въ манифестѣ объявлялось, что цесаревичъ, по собственному внутреннему побужденію, принесъ его величеству просьбу, чтобы „право на то достоинство, на которое онъ могъ бы нѣкогда быть возведенъ по рожденію своему, передано было тому, кому оное принадлежитъ послѣ него, и что онъ принялъ при семъ намѣреніи, чтобы такимъ образомъ дать новую силу дополнительному акту о наслѣдованіи престола, постановленному нами въ 1820 году, и имъ, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному". Затѣмъ, въ манифестѣ было сказано, что отреченію цесаревича „быть твердымъ и неизмѣннымъ", актъ же отреченія, ради достовѣрной

извѣстности, хранить въ московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ, а также въ синодѣ, государственномъ совѣтѣ и сенатѣ, и, на точномъ основаніи акта о наслѣдованіи престола, наслѣдникомъ быть великому князю Николаю Павловичу".

Можно вдаться въ разныя догадки—почему манифестъ этотъ, признавшій необходимость „предуготовить и обезпечить спокойствіе и благоденствіе отечества и народа чрезъ ясное и точное указаніе преемника царствующему государю", не былъ обнародованъ при жизни императора Александра Павловича. Предвидѣлъ ли онъ возможность, вслѣдствіе печальной случайности, т. е. кончины супруги своей, имѣть прямыхъ себѣ наслѣдниковъ отъ другаго брака? Избѣгалъ ли онъ того, чтобъ поставить при своей жизни старшаго брата въ положеніе сравнительно низшее противъ положенія младшаго? Или, быть можетъ, по чувству суевѣрнаго страха онъ воздерживался обнародованіемъ манифеста, какъ предвозвѣстія своей близкой кончины, или, наконецъ, и на этотъ разъ выразилось только то свойственное императору Александру Павловичу колебаніе, которое обыкновенно проявлялось въ его дѣйствіяхъ въ рѣшительныя минуты жизни? Какъ бы то ни было но несомнѣнно, что обнародованіе этого манифеста предотвратило бы тѣ смуты, какія неизбѣжно должны были возникнуть при такомъ положеніи дѣлъ, объ огласкѣ которыхъ нужно было всего болѣе заботиться, между тѣмъ какъ, напротивъ, отреченіе Константина Павловича старались покрыть непроницаемою тайною.

Прежде чѣмъ рѣшиться принять императорскую корону, великій князь Николай Павловичъ старался о томъ, чтобъ сдѣлать отреченіе старшаго брата несомнѣннымъ въ глазахъ всего народа. Осторожность свою въ этомъ щекотливомъ случаѣ онъ доводилъ даже до того, что, какъ мы сказали, не признавалъ дѣйствительнымъ отреченіе своего старшаго брата, данное имъ какъ великимъ княземъ, а желалъ имѣть отъ него отреченіе какъ отъ императора. Невозможно было ему идти далѣе этого для отстраненія отъ себя всякихъ нареканій.

Въ письмѣ, посланномъ съ фельдъегеремъ, Николай Павловичъ приглашалъ императора прибыть скорѣе въ Петербургъ, но на письмо это Константинъ Павловичъ отвѣчалъ, что такого предложенія онъ принять не можетъ, и предварялъ, что „удалится еще дальше, если все не устроится въ согласность воли покойнаго государя", поясняя, что непреложное и ни въ чемъ неизмѣнившееся отреченіе его не можетъ и не должно быть возвѣщено ни въ какой иной формѣ, какъ только чрезъ обнародованіе завѣщанія покойнаго государя и приложенныхъ къ нему актовъ.

26-го ноября онъ послалъ въ Петербургъ бывшаго въ Варшавѣ

великаго князя Михаила Павловича съ двумя письмами: одно изъ нихъ было къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, другое къ великому князю Николаю Павловичу. Въ обоихъ письмахъ онъ выражалъ намѣреніе отказаться отъ престола, и въ послѣднемъ изъ нихъ просилъ брата принять отъ него вѣрноподданническую присягу, изъясняя, что, „не простирая никакого желанія къ новымъ званіямъ и титуламъ, ограничится тѣмъ титуломъ цесаревича, которымъ удостоенъ былъ за службу покойнымъ родителемъ". О своемъ отказѣ онъ извѣстилъ, также письмомъ, предсѣдателя государственнаго совѣта князя Лопухина и министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго.

Положеніе дѣлъ становилось чрезвычайно затруднительно и оно разрѣшилось возмущеніемъ 14-го декабря 1825 года, по поводу котораго Константинъ Павловичъ въ послѣдствіи писалъ Ѳ. П. Опочинину: „нельзя равнодушно вспоминать о всѣхъ неосторожностяхъ мѣстнаго начальства, кои были дѣйствительными причинами сихъ гнусныхъ происшествій", хотя справедливость требуетъ сказать, что главною причиною замѣшательствъ былъ самъ цесаревичъ, но никакъ уже не „мѣстное начальство".

Въ продолженіе почти трехъ недѣль носились противорѣчащіе одинъ другому слухи о намѣреніи новаго императора отказаться отъ престола въ пользу младшаго его брата. Неизвѣстность волновала умы. Въ Петербургѣ, гдѣ всѣ присягнули ему, распускали молву, что онъ приметъ корону и вскорѣ пріѣдетъ въ столицу; что посланный къ нему въ Варшаву великій князь Михаилъ Павловичъ не поѣхалъ къ нему, но, какъ его приверженецъ, арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Всѣ эти разсказы причиняли сильную тревогу и давали поводъ къ угрожающимъ событіямъ, а между тѣмъ цесаревичъ оставался въ Варшавѣ, не вмѣшиваясь вовсе въ ходъ дѣлъ, распутать которыя онъ могъ всего легче самъ. Въ Петербургѣ между тѣмъ даже не знали, гдѣ находится новый государь—въ Варшавѣ или въ Таганрогѣ.

Въ такомъ странномъ образѣ его дѣйствій нельзя однако видѣть какіе-то затаенные, злокозненные планы, какъ это истолковывали нѣкоторые, и было бы слишкомъ неумѣстно сдѣлать одно крайнее предположеніе, что онъ будто бы выжидалъ той минуты, когда революція призоветъ его на престолъ и что онъ, такимъ образомъ, побужденный необходимостью, будетъ считать себя въ правѣ отмѣнить данное имъ прежде добровольное отреченіе. Если бы онъ имѣлъ желаніе присвоить себѣ тѣ права, отъ которыхъ однажды уже отказался, то къ осуществленію ихъ ему представлялся самый удобный случай, а именно тотъ, когда онъ получилъ извѣстіе о присягѣ, принесенной ему, какъ

императору, въ Петербургѣ не только войскомъ и народомъ, но и великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ. Между тѣмъ оказывается, что чѣмъ благопріятнѣе были обстоятельства для достиженія имъ императорскаго престола, тѣмъ рѣзче высказывалось нежеланіе его принять на себя верховную власть. Въ 1852 году, при разборѣ бумагъ покойнаго министра императорскаго двора князя Волконскаго, найдены были четыре тетради одинаковаго содержанія и съ одинаковымъ заглавіемъ: „Любезнѣйшимъ своимъ соотчичамъ отъ его императорскаго высочества великаго князя торжественное объясненіе". Объясненіе это помѣщено въ книгѣ графа Корфа и въ немъ причиною отреченія Константина Павловича отъ престола выставляется воля императора Александра Павловича, чтобъ въ случаѣ его кончины ему наслѣдовалъ великій князь Николай Павловичъ.

Такой взглядъ на причину своего отреченія высказывалъ цесаревичъ и въ письмахъ своихъ къ Лагарпу; въ одномъ изъ нихъ, отъ 4-го (16-го) февраля 1826 года, онъ писалъ, что принялъ бы письмо Лагарпа не смотря на титулъ, „который, благодаря Богу и покойному государю, онъ никогда не носилъ". Въ другомъ письмѣ къ бывшему своему наставнику онъ писалъ: „разъ принявши положеніе, одобренное покойнымъ нашимъ безсмертнымъ императоромъ и моею матерью, на все остальное я смотрѣлъ какъ на простыя послѣдствія и роль моя тѣмъ болѣе была легка, что я оставался на томъ же постѣ, который занималъ прежде и котораго не покидалъ. Доволенъ и счастливъ на сколько это возможно. Всегда зналъ повиновеніе самое пассивное, дѣйствовалъ съ полною откровенностію, безъ задней мысли, старался, чтобъ дѣлать то, что̀ предписано, хотя бы и противъ моего мнѣнія. Очень немногіе поймутъ меня: они не имѣли счастья служить императору-брату, императору-другу, императору-товарищу и благодѣтелю и питать тѣ чувства, которыя мы питали другъ къ другу".

Наступило время коронаціи. Даниловъ говоритъ, что неизвѣстно, былъ ли приглашенъ цесаревичъ на это торжество, но онъ рѣшилъ ѣхать туда, совершенно неожиданно для своихъ окружающихъ. Надобно, впрочемъ, полагать, что такого приглашенія ему послано не было, такъ какъ онъ просилъ Ѳ. П. Опочинина увѣдомить его о времени коронаціи. Цесаревичъ былъ въ пути пять дней и на станціяхъ приказывалъ спрашивать ѣдущихъ изъ Москвы, была ли уже коронація или нѣтъ? Такіе вопросы указываютъ на то, что цесаревичъ приглашенія не получилъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ему было бы положительно извѣстно о времени коронаціи. Цесаревичъ пріѣхалъ въ Москву 14-го августа. При въѣздѣ въ городъ, онъ, оставя Данилова и прочихъ своихъ спутниковъ у заставы, отправился прямо въ Кремлевскій дворецъ, гдѣ

жилъ тогда императоръ Николай. Въ моментъ пріѣзда цесаревича, государь занимался бумагами въ своемъ кабинетѣ. Великій князь вошелъ въ смежную съ кабинетомъ комнату и приказалъ доложить о себѣ. Государю сказали о великомъ князѣ безъ упоминанія титула цесаревича и имени. Императоръ, полагая, что пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, велѣлъ подождать. Спустя нѣсколько минутъ, другой, болѣе догадливый, камердинеръ доложилъ его величеству, кто именно былъ неожиданный гость. Тогда императоръ кинулся къ нему, объясняя причину не совсѣмъ почтительнаго пріема. Тотчасъ же оба брата поѣхали въ домъ графа Разумовскаго, гдѣ остановилась императрица Марія Ѳедоровна. На другой день, въ праздникъ Успенія, великій князь, вмѣстѣ съ императоромъ, былъ у обѣдни въ большомъ Успенскомъ соборѣ, а 17-го и 18-го числа присутствовалъ на маневрахъ, происходившихъ въ окрестностяхъ Москвы, на пространствѣ между тверскою и звенигородскою дорогами.

Одно изъ лицъ, близкихъ къ великому князю и бывшихъ съ нимъ въ это время въ Москвѣ, разсказываетъ, что цесаревичъ передъ коронаціею заѣхалъ однажды къ своей давнишней знакомой, генеральшѣ Сорочинской, дочери князя М. И. Голенищева-Кутузова, и узналъ отъ нея, что въ коронаціонномъ церемоніалѣ предполагается, чтобъ великій князь Константинъ Павловичъ возложилъ корону на своего брата. Извѣстіе это,—продолжаетъ разскащикъ,—сильно встревожило его и онъ пригласилъ къ себѣ митрополита Филарета для объясненія по этому дѣлу. Филаретъ успокоилъ его тѣмъ, что если его высочество не желаетъ исполнить это, то, конечно, будетъ сдѣлано другое распоряженіе. Дѣйствительно, по церемоніалу назначалось, чтобы корону на императора возложилъ митрополитъ, но государь сказалъ, что онъ самъ съумѣетъ это сдѣлать. Во время обряда коронованія цесаревичъ находился вмѣстѣ съ членами императорской фамиліи, нисколько не выдѣляясь отъ нихъ, и,—какъ сообщаетъ Давыдовъ,—по окончаніи коронаціи, при выходѣ изъ Успенскаго собора, сказалъ Ѳ. П. Опочинину: „теперь я отпѣтъ!“ Когда шелъ государь въ императорскомъ облаченіи въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, то цесаревичъ находился по правую руку, „ласково привѣтствуя,—по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“,—народъ, который не спускалъ съ него глазъ“.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, цесаревичъ былъ сумраченъ, сильно скучалъ и былъ недоволенъ тѣмъ, что день коронаціи отлагали нѣсколько разъ по случаю нездоровья вдовствующей императрицы. Замѣтили также, что, являясь на балы и общественныя собранія, онъ постоянно уѣзжалъ ранѣе императора. 24-го августа, въ ночь, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ любимую имъ Варшаву. По поводу коронаціи онъ переписывался съ Лагарпомъ, которому онъ писалъ, что онъ счастливъ, заслуживъ одобреніе Лагарпа за свое поведеніе во время коронаціи, прибавляя, что онъ, съ своей стороны, не придавалъ этому обстоятельству особой важности, такъ какъ „все было просто, естественно“.

Е. П. Карновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ БАРОНА Л. П. НИКОЛАИ,

ВЕДЕННЫЙ ИМЪ

во время Венгерской кампаніи 1849 г.

III [1]).

Городъ Дебречинъ походитъ на большую казачью станицу; дома все одно-этажные. Мы въѣхали на большую улицу, которая такъ широка, что походитъ на площадь; на этой улицѣ расположена реформатская церковь, а далѣе домъ городской думы, въ которомъ Кошутъ имѣлъ жительство. Депутація отъ магистрата встрѣтила фельдмаршала. 12-я пѣхотная дивизія и одна бригада 4-й кавалерійской дивизіи были расположены въ самомъ городѣ; 2-я и 3-я легкія кавалерійскія дивизіи были расположены на разстояніи одной мили отъ города; онѣ успѣли перехватить еще нѣкоторое количество отсталыхъ изъ непріятельскаго отряда. Лобановъ и я успѣли найти хорошую квартиру, въ которой вся артель наша могла расположиться; хозяева наши оказались хорошіе люди. Къ сожалѣнію, мы услышали о многихъ неистовствахъ, совершенныхъ нашими мусульманами а отчасти и солдатами, въ видѣ грабежа и насилія надъ женщинами и дѣтьми. Это насъ всѣхъ крайне возмутило и огорчило.

27-го іюля. Мы узнаемъ, что изъ лагеря Гергея прибыли парламентеры съ письменнымъ актомъ венгерскаго революціоннаго правительства, въ которомъ оно изъявляетъ готовность вступить въ переговоры съ императоромъ всероссійскимъ, но отнюдь не съ австрійскимъ правительствомъ. Документъ этотъ привезенъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 101—126; 223—251.

генераломъ Пельтенбергомъ къ генералу Ридигеру. Фельдмаршалъ приказалъ отвѣтить, что онъ присланъ для подавленія возстанія, что онъ не имѣетъ полномочій для переговоровъ, и обратилъ парламентеровъ къ австрійскому главнокомандующему барону Гайнау. У Великаго Князя Константина Николаевича,—къ которому мы пошли для принесенія поздравленія по случаю дня рожденія Великаго Князя Николая Николаевича,—мы застали адъютанта начальника 4-й легкой кавалерійской дивизіи, генерала Засса, молодаго Милорадовича; онъ разсказалъ намъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ посылаемъ къ генералу Гергею съ деньгами для восьми плѣнныхъ нашихъ офицеровъ, и сообщилъ весьма любопытныя подробности объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. По словамъ Милорадовича, Гергею на видъ не болѣе 30-ти лѣтъ; красивой наружности, бѣлокурый, съ голубыми выразительными глазами, онъ отличается очень благородною осанкою; къ офицерамъ нашимъ Гергей особенно внимателенъ; они, на честное слово, повсюду его сопровождаютъ и каждый день обѣдаютъ за его столомъ. Штабъ Гергея составленъ изъ отборныхъ личностей, принадлежащихъ къ лучшимъ фамиліямъ венгерскихъ магнатовъ: Эстергази, Пальфи и т. п. Всѣ эти лица высказываютъ глубокое уваженіе къ русскимъ, но не хотятъ слышать объ австрійцахъ, которыхъ ненавидятъ и презираютъ. Пѣхота венгерская въ плачевномъ состояніи; она большею частью перевозится на подводахъ, которыя жители обязаны выставлять; это объясняетъ быстроту движеній венгерской арміи. Кавалерія и артиллерія сохраняютъ еще приличный видъ; послѣдняя снабжается лошадьми отъ жителей. Въ лагерѣ большое число женщинъ; многія изъ нихъ одѣты въ мундиры и исполняютъ службу.

28-го іюля. Отъ генерала Ридигера получено донесеніе, что онъ занялъ Гроссъ-Вардейнъ безъ сопротивленія, и что Гергей отступаетъ къ Араду. Также дошло извѣстіе, что генералъ Гротенгельмъ имѣлъ опять блистательное дѣло около Быстрица; но что банъ Іелачичъ претерпѣлъ пораженіе между с. Тополи и с. Хегіешъ отъ венгерскаго генерала Фетера.

29-го іюля. На обѣдѣ у фельдмаршала я узналъ послѣднія извѣстія, полученныя изъ главной квартиры барона Гайнау: 23-го іюля (4-го августа) онъ имѣлъ значительное дѣло съ Дембинскимъ у м. Серегъ. Дембинскій отступилъ, по видимому, на Арадъ, по-

терявъ до двухъ тысячъ плѣнныхъ и 5 орудій. У австрійцевъ потеря также не маловажная и генералъ Бенедекъ легко раненъ. Баронъ Гайнау идетъ на Темешваръ, дабы принудить непріятеля снять осаду этой второй по важности, послѣ Коморна, крѣпости. Говорятъ, что передъ нею находится венгерскій корпусъ отъ 10-ти до 12-ти т. человѣкъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, баронъ Гайнау уже находился между Биллъетъ и Комлесъ. Съ другой стороны, было получено свѣдѣніе, что Гергей долженъ находиться между К. Іено и Уй-Сентъ-Анна, а аріергардъ его въ Н. Церіндъ, авангардъ же генерала Ридигера въ Гіапіу. Сей послѣдній долженъ былъ высылать разъѣзды по дорогѣ къ Клаузенбургу и къ Дева, чтобы постараться вступить въ сношеніе съ генераломъ Лидерсомъ, который, какъ слышно, разбилъ Бѣма Кошутъ съ венгерскимъ революціоннымъ правительствомъ отправился въ Лугошъ.

30-го іюля. Получены извѣстія отъ генерала Лидерса, отъ 19-го числа, изъ Елизабетштадтъ, на пути къ Шегешвару и Удваргели. Онъ доноситъ, что въ видахъ очищенія страны отъ инсургентовъ, а въ особенности отъ Секлеровъ, которые напали на авангардъ генерала Кламъ-Галласа, около с. Георги, онъ рѣшился составить три колонны: первая, подъ начальствомъ австрійскаго генерала Кламъ-Галласа, котораго онъ подкрѣпилъ однимъ русскимъ кавалерійскимъ полкомъ и 6-ю баталіонами пѣхоты, имѣла идти изъ Кронштадта на Кездо-Вашаргели и Чикъ-Середа; вторая и третья имѣли идти изъ Германштадта; вторая изъ 6-ти баталіоновъ, подъ начальствомъ генерала Дика,—на Фагарошъ [1]) и Репшъ; третья, подъ личнымъ его, генерала Лидерса, начальствомъ, черезъ Елизабетштадтъ и Шегешваръ: обѣ эти колонны должны были соединиться въ Удваргели. По прибытіи въ Елизабетштадтъ, генералъ Лидерсъ узналъ, что отрядъ венгерцевъ, числомъ 4 т. чел., перешелъ въ Молдавію черезъ ущелье Ойтозъ и принудилъ два баталіона наши къ отступленію; генералу Моллеру въ Яссы, а генералу Данненбергу въ Валахію были посланы приказанія преслѣдовать этотъ непріятельскій отрядъ, а генералу Кламъ-Галласу предписано отрѣзать ему отступленіе.

---

[1]) Генер. Дикъ находился не въ Германштадтѣ, а въ Фагарошѣ и оттуда выступилъ, съ своимъ отрядомъ, на Репшъ и далѣе. **И. О.**

31-го іюля. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ отъ генерала Ридигера, онъ самъ находился въ мѣстечкѣ Салонта, имѣя свой авангардъ въ Фекете-Кересъ, а аванпостъ въ К. Іено. Ему послано приказаніе пока не подвигаться болѣе впередъ. Носится слухъ, что Гергей успѣлъ въ Арадѣ соединиться съ Дембинскимъ и даже будто бы и съ Бёмомъ,—что составило бы въ совокупности до 70,000 человѣкъ при 200 орудіяхъ; впрочемъ, говорятъ, что непріятель Арадъ очистилъ. Трудно себѣ представить на что теперь венгерцы рѣшатся: дать сраженіе подъ Арадомъ было бы дѣломъ отчаяннымъ, имѣющимъ вести къ неизбѣжной гибели, имѣя противъ себя нашу главную армію, идущую съ сѣвера, а армію барона Гайнау—съ юга. Идти въ Трансильванію было бы очень рисковано, встрѣчая тамъ генерала Лидерса и не имѣя, затѣмъ, оттуда никакого исхода кромѣ черезъ Лугошъ и Махадіе въ Турцію, и то только для незначительнаго отряда. Оставалось бы, по видимому, одно: отбросивъ въ сторону всякое благоразуміе и расчитывая на одно только счастіе и на нашу медленность, попытаться перейти Тиссу въ Чонградѣ или Солнокѣ.

Австрійскій лазутчикъ доставилъ свѣдѣніе, что генералъ Лидерсъ имѣлъ успѣшное дѣло съ непріятелемъ около Шегешвара, а полученное отъ графа Гаммерштейна письменное донесеніе сообщаетъ, что, послѣ блистательнаго дѣла около Сасъ-Регенъ, генералъ Гротенгельмъ установилъ сношеніе съ генераломъ Лидерсомъ близъ Марошъ-Вашаргели.

Генералъ Сакенъ присоединился къ главной арміи съ своимъ отрядомъ; сего-же числа прибылъ генералъ Чаадаевъ; всѣ они послѣдуютъ въ Гроссъ-Вардейнъ. Назимовъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го корпуса на мѣсто полковника Веселицкаго. Отдѣльный отрядъ изъ 7-ми баталіоновъ формируется подъ начальствомъ генерала Карловича; онъ имѣетъ направиться въ Мункачъ для усмиренія этого уголка Венгріи [1]). Въ Дебречинѣ устроенъ госпиталь на 3,000 человѣкъ; выстроенъ редутъ для огражденія мельницы, на которой изготовляется мука для провіанта.

1-го августа. Назначено выступленіе изъ Дебречина; у Истомина, который отправляется курьеромъ въ Варшаву, уже

---

[1]) Мункачъ — крѣпостца въ сѣв.-вост. Венгріи.

заложены лошади для выѣзда, когда внезапно распространилось поражающее извѣстіе, что Гергей предлагаетъ сложить оружіе передъ побѣдоносными войсками императора всероссійскаго. Извѣстіе это, сперва вызвавшее общее недовѣріе, скоро подтвердилось и произвело всеобщее и самое сильное впечатлѣніе. Если сначала преобладало удивленіе, ибо никто не предполагалъ, чтобы Гергей находился уже въ безвыходномъ положеніи, то его скоро замѣнила непритворная радость за государя, за славу Россіи и за общественный порядокъ цѣлой Европы, который теперь на нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, время долженъ быть обезпеченъ. Счастливая звѣзда фельдмаршала ему не измѣнила!

Условія капитуляціи весьма замѣчательны, доказывая и умъ, и благородство характера Гергея. Въ прекрасно, говорятъ, изложенномъ письмѣ на имя генерала Ридигера (или фельдмаршала, я этого еще не могъ положительно разузнать) Гергей выражаетъ, что, видя невозможность дальнѣйшаго продолженія неравной борьбы и зная возвышенность чувствъ и характера императора русскаго, онъ преклоняетъ передъ нимъ оружіе свое и готовъ сдаться русской арміи; но что и онъ самъ и вся армія его скорѣе положатъ до послѣдняго кости свои, чѣмъ покоряться австрійцамъ. Фельдмаршалъ принялъ капитуляцію и отправилъ въ Арадъ генерала Бутурлина; его сопровождаетъ графъ Зичи, который, какъ говорятъ, ѣдетъ къ барону Гайнау.—Но что скажутъ баронъ Гайнау и австрійское правительство? Они, конечно, будутъ возмущены; паденіе Гергея есть самое жестокое для нихъ оскорбленіе.

Тутъ предстоитъ, конечно, еще весьма трудная дипломатическая задача: какъ помирить венгерскую націю, хотя и побѣжденную, но не потерявшую свою гордость, съ австрійскимъ правительствомъ, передъ которымъ венгерцы не признаютъ себя побѣжденными? Случится, по всей вѣроятности, слѣдующее: австрійское правительство, которое насъ никогда не любило, и которое заплатило бы намъ скрытою ненавистью за услугу, ему нами оказываемую настоящею войною, теперь проникнется чувствомъ мести, которое рано или поздно выразится на дѣлѣ!

Отъѣздъ въ Гроссъ-Вардейнъ отмѣненъ до завтрашняго дня;

жара очень сильная. Вечеромъ процессія съ факелами и съ музыкою проходила по городскимъ улицамъ.

2-го августа. Въ 8 часовъ утра, простившись съ нашими добрыми Дебречинскими хозяевами, мы выѣхали по пути въ Гроссъ-Вардейнъ, и въ 1½ ч. по полудни прибыли въ с. Берстіо-Уйфалу. Тутъ сперва предполагалось имѣть ночлегъ; но, послѣ отдыха нѣсколько часовъ, фельдмаршалъ рѣшился ѣхать далѣе до Гроссъ-Вардейна. Переѣхавъ рѣчку Берстіо, мы выѣхали на хорошее шоссе и прибыли въ Гроссъ-Вардейнъ около полуночи.

3-го августа. Утромъ мы увидѣли проходящія и проѣзжающія передъ нашими окнами толпы венгерскихъ кавалеристовъ и пѣхотинцевъ, повозки и брички съ женщинами и обозъ; мы узнали, что это были уже части арміи Гергея, которыя прибыли для сдачи. Отправившись къ фельдмаршалу, мы услышали, что самого Гергея ожидаютъ въ этотъ же день. Вслѣдъ за тѣмъ, необыкновенное движеніе народа на площади возвѣстило о прибытіи значительнаго лица; оказалось, что это былъ Гергей, пріѣхавшій въ сопровожденіи адъютанта генерала Ридигера, Тромповскаго. Я съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ разсматривалъ черты этого человѣка, который былъ героемъ настоящей кампаніи. Выраженіе его лица самое пріятное; онъ бѣлокурый, имѣетъ маленькую бороду и усы, на видъ очень моложавъ; говорятъ, что ему 31 годъ, но я бы не далъ ему болѣе 26-ти до 28-ми; онъ носитъ очки; былъ одѣтъ въ синюю венгерку съ генеральскимъ галуномъ на воротникѣ; на головѣ сѣрая шляпа, подъ которою голова обвязана синимъ фуляромъ, вслѣдствіе тяжелой сабельной раны, полученной передъ Коморномъ. Гергею была отведена квартира и фельдмаршалъ послалъ къ нему своего доктора, вина и другія потребности.

Цѣлый день этотъ, толпы солдатъ и офицеровъ венгерскихъ не переставали проѣзжать съ своимъ обозомъ и съ женами своими; рядовыхъ отпускали по домамъ, снабдивъ ихъ билетами.

Узнавъ, что вечеромъ Гергей долженъ быть у фельдмаршала, мы толпой отправились въ домъ князя; свиданіе было продолжительное; Великій Князь Константинъ Николаевичъ присутствовалъ при ономъ. Въ это самое время прибылъ австрійскій курьеръ отъ барона Гайнау съ извѣстіемъ о дѣлѣ, которое происходило передъ Темешваромъ съ корпусомъ Дембинскаго, усиленнымъ отря-

домъ венгерскимъ, который держалъ городъ этотъ въ блокадѣ. Изъ разсказовъ надобно заключить, что сначала оба фланга австрійскіе были разбиты и центру ихъ угрожала также серіезная опасность; но когда подоспѣла наша дивизія Панютина, то дѣло приняло другой оборотъ и венгерцы были разбиты и должны были отступить. Еще въ началѣ сраженія прибылъ Бёмъ и принялъ начальство.

Когда Гергей вышелъ изъ комнаты фельдмаршала, то всѣ наши офицеры, тутъ собранные, съ почтеніемъ ему поклонились. Онъ всѣхъ обворожилъ. Весьма замѣчательно то сочувствіе, которое повсюду возникаетъ между нашими военными людьми и венгерцами, и, напротивъ того, невольная антипатія, которая испытывается къ австрійцамъ.

4-го августа. Цѣлый день продолжаютъ прибывать остатки венгерской арміи; у офицеровъ отбираютъ шпаги, а у солдатъ оружіе; одному Гергею оставлена шпага.

Получаются подробныя донесенія о блистательномъ дѣлѣ генерала Лидерса противъ Бёма близь Шегешвара, 19-го іюля. Успѣхъ дѣла нѣсколько помраченъ потерею генерала Скарятина; онъ былъ сильно контуженъ въ голову и въ плечо однимъ изъ первыхъ ядеръ, пущенныхъ непріятелемъ, и сброшенъ съ лошади; сначала онъ всталъ и хотѣлъ опять сѣсть верхомъ; но силы ему измѣнили и его нужно было вынести; ему тотчасъ открыли кровь, что, по видимому, его облегчило; его уложили; онъ заснулъ, но болѣе не просыпался.

5-го августа. Князь Лихтенштейнъ прибылъ изъ главной австрійской арміи. Получены извѣстія отъ генерала Ридигера: Арадъ сдается на капитуляцію; подробности о сдачѣ арміи Гергея, происходившей на Селлошскомъ полѣ. Я себѣ воображаю досаду барона Гайнау. Послѣ обѣда мы совершили прогулку верхомъ къ минеральнымъ источникамъ Феликсъ Баніа, отстоящимъ отъ города на одну милю; тутъ мы застали довольно большое количество венгерскихъ офицеровъ, прибывшихъ изъ Селлоша и ожидавшихъ рѣшенія своей участи; разговоръ съ ними былъ откровенный и непринужденный; въ немъ проглядывала ненависть къ австрійцамъ.

6-го августа—день тезоименитства императора австрійскаго. Въ 9 часовъ утра мы отправились, въ парадной формѣ, въ като-

лическій соборъ, а оттуда пошли откланяться къ Великому Князю Константину Николаевичу, который имѣетъ выѣхать. Вечеромъ изъ лагеря барона Гайнау пріѣхалъ графъ Александръ Строгановъ; онъ разсказывалъ намъ о гнѣвѣ противъ насъ австрійскаго главнокомандующаго, вызванномъ въ особенности взятіемъ Арада; а также передалъ подробности о сдачѣ этой крѣпости генералу Бутурлину, который для этого былъ посланъ отъ фельдмаршала. Изъ разсказовъ этихъ видно, что Бутурлинъ держалъ себя съ большимъ тактомъ, какъ въ сношеніяхъ съ Гайнау, такъ и при самой сдачѣ крѣпости. Какъ ни недоволенъ былъ Гайнау, онъ принужденъ былъ принять условія капитуляціи, предложенныя Даміаничемъ. Австрійская дивизія генерала Шлика осаждала Арадъ и уже приступила къ осаднымъ работамъ. Бутурлинъ былъ введенъ въ крѣпость съ повязанными глазами; Даміаничъ согласился на безусловную сдачу нашимъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы гарнизонъ, выходя изъ крѣпости, сохранилъ-бы свой обозъ и не встрѣтилъ на пути ни одного австрійца. Строгановъ въ то же самое утро прибылъ къ генералу Шлику съ приказаніемъ отъ барона Гайнау—эти условія принять; спустя часъ времени послѣ Строганова, пріѣхалъ другой курьеръ отъ Гайнау съ новымъ приказаніемъ къ Шлику—не допускать, чтобъ гарнизонъ вывелъ свой обозъ, и въ случаѣ, если русскіе этому воспротивятся, то въ крайности употребить силу.—Безумный!! Генералъ Шликъ имѣлъ на столько благоразумія и мужества, что объявилъ, что скорѣе готовъ идти подъ судъ, нежели допустить, чтобы слово, данное русскимъ генераломъ, не было сдержано, и что онъ послѣднее приказаніе считаетъ недѣйствительнымъ. Начался выходъ венгерскаго гарнизона; по обѣ стороны дороги была поставлена цѣпь нашихъ солдатъ, дабы венгерцы не видѣли австрійскихъ лицъ. Генералъ Бутурлинъ долженъ былъ даже просить нѣсколькихъ австрійскихъ офицеровъ отступить болѣе назадъ. Вдругъ сообщается извѣстіе, что проходъ обоза, который производился черезъ другой мостъ, остановленъ по приказанію офицера, присланнаго отъ барона Гайнау. Извѣстіе это было передано Бутурлину по русски; но нѣкоторые венгерскіе офицеры, знавшіе словакскій языкъ, это поняли; всѣ остановились и венгерцы объявили, что они останутся въ Арадѣ. Бутурлинъ убѣждалъ ихъ, что это должно быть недоразумѣніе, а генералъ Шликъ, разсерженный такимъ поступкомъ по-

сланца отъ Гайнау, приказалъ посадить его подъ арестъ. Такъ дѣло уладилось и сдача совершилась. Пока это происходило, прибылъ третій курьеръ отъ барона Гайнау, который, образумившись, отмѣнялъ свое второе приказаніе. Гарнизонъ Арадскій состоялъ изъ 3,600 человѣкъ; въ крѣпости имѣлся запасъ снарядовъ на цѣлый годъ и укрѣпленія были въ наилучшемъ состояніи.

Я узналъ, что присылка князя Лихтенштейна имѣла цѣлью испросить, чтобы всѣ венгерцы изъ арміи, которая намъ сдалась, были переданы австрійцамъ для направленія ихъ прямо въ Пештъ.

7-го августа. Прибылъ небольшой отрядъ кавалеріи венгерской,—гусарскій полкъ изъ шести эскадроновъ полковника Бецко и четыре эскадрона полка принца Кобургскаго, дабы также сдаться; мы присутствовали при томъ какъ они складывали оружіе—зрѣлище, производящее печальное впечатлѣніе. Полковникъ Бецко говорилъ, что отрядъ этотъ отдѣлился отъ венгерской арміи у Лугоша, откуда Бѣмъ хотѣлъ отправить ихъ въ Трансильванію; но когда они узнали о сдачѣ арміи Гергея, то, сдѣлавъ небольшой кругъ черезъ горы, дабы избѣгнуть встрѣчи съ австрійцами, они явились сюда.

8-го августа. Получены извѣстія отъ генерала Гротенгельма, изъ Быстрица; онъ пошелъ на Сасъ-Регенъ, дабы содѣйствовать движенію генерала Лидерса; тутъ онъ остановился, узнавъ, что Бѣмъ, съ отрядомъ отъ 12-ти до 14-ти т. человѣкъ, находится въ Марошъ-Вашаргели, и послалъ разъѣзды во всѣ стороны. Получивъ свѣдѣніе, что Бѣмъ выступилъ изъ Марошъ-Вашаргели, дабы идти атаковать генерала Лидерса, Гротенгельмъ занялъ это послѣднее мѣстечко. Тутъ ему сообщили, что остатки другаго непріятельскаго отряда, который былъ разбитъ генераломъ Кламъ-Галласомъ въ сторонѣ Секлеровъ, стараются пробраться къ Клаузенбургу. Гротенгельмъ тотчасъ пошелъ за ними въ погоню; около Чикъ С. Марто онъ нагналъ ихъ обозъ и хвостъ отряда, при чемъ захватилъ 117 повозокъ съ снарядами и плѣнныхъ. Непріятельскій отрядъ, какъ оказалось, перешелъ рѣчку Марошъ около Кортвели, направляясь къ Клаузенбергу; Гротенгельмъ продолжалъ преслѣдованіе; у Тардолей онъ нагналъ аріергардъ, разбилъ его и гналъ черезъ Домбъ, Чикъ и дошелъ наконецъ до Клаузенбурга, который занялъ безъ сопротивленія. Остатки разбитаго отряда бѣжали по дорогѣ къ Гроссъ-Вардейну. Аванпосты

Гротенгельма дошли до Банфи-Гуніадъ; непріятельскій отрядъ уже готовъ былъ положить оружіе, когда къ сѣверу появился другой отрядъ, числомъ до 10-ти т. человѣкъ, подъ начальствомъ Косинци, который, по видимому, имѣлъ намѣреніе направиться къ Клаузенбургу. Гротенгельмъ намѣревался дѣйствовать противъ сего послѣдняго.

Вечеромъ, зайдя къ генералу Фрейтагу, я узналъ отъ него, что генералъ Зассъ посылается съ отрядомъ, чтобы дѣйствовать въ промежуткѣ между Лидерсомъ и Гротенгельмомъ.

Прибылъ Шуваловъ изъ Варшавы съ отвѣтомъ отъ Его Величества на донесеніе о сдачѣ Гергея; онъ произвелъ большую радость; видно, государь доволенъ; фельдмаршалу имѣетъ быть отдаваемъ передъ войсками императорскій почетъ. Генералу Ридигеру пожалована Андреевская лента. Генералу Лидерсу, который одержалъ вторичную побѣду надъ Бёмомъ около Германштадта,—орденъ св. Георгія второй степени. Гейденъ, который возилъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, произведенъ въ полковники; также сынъ фельдмаршала. Шуваловъ сообщилъ намъ весьма любопытныя подробности о впечатлѣніи, произведенномъ въ Варшавѣ извѣстіемъ о сдачѣ Гергея. Есть на свѣтѣ люди, которымъ счастье удивительно послушно!

9-го августа. Получается извѣстіе, что вся остальная часть венгерской арміи, бывшая подъ начальствомъ Дембинскаго и Бёма, разбѣжалась. Бёмъ предполагалъ эти остатки изъ Лугоша повести въ Трансильванію, гдѣ надѣялся сформировать новый корпусъ. Но, по прибытіи въ Фашетъ, начальники отдѣльныхъ частей, узнавъ о капитуляціи Гергея, явились къ Бёму и объявили ему, что они намѣрены послѣдовать этому примѣру. Бёмъ грозилъ, что разстрѣляетъ ихъ, они ему отвѣтили тою же угрозою; послѣ чего ему осталось одно—бѣжать. Говорятъ, что отрядъ этотъ, числомъ до 10-ти т. человѣкъ, направился по дорогамъ почти непроходимымъ на Тотъ-Варадъ и Биль, и полагаютъ, что развѣ только половина дойдетъ до мѣста. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ не перестаютъ пріѣзжать къ намъ венгерцы разныхъ званій; прибыли министры Чаніи и Семере. Государь императоръ писалъ, что онъ принимаетъ Гергея подъ свое покровительство, что онъ будетъ за него ходатайствовать и, во всякомъ случаѣ, дозволитъ ему пріѣздъ въ Россію. Шуваловъ намъ разсказывалъ,

что Великій Князь Наслѣдникъ изъ Варшавы отправился въ Вѣну. Вечеромъ у фельдмаршала я познакомился съ Гергеемъ; онъ на меня произвелъ очень пріятное впечатлѣніе.

10-го августа. Мнѣ объявляется, что я долженъ скоро ѣхать въ Варшаву, чему я весьма радъ. Съ Глинкою я пошелъ посѣтить Гергея; мы его застали у жены его, которая была нездорова. Наружный видъ и все обращеніе этого человѣка мнѣ болѣе и болѣе нравятся. Разговоръ перешелъ на почву политическихъ событій. Я его разспросилъ о дѣлахъ 13-го и 16-го іюля. Гергей разсказывалъ намъ, что въ первый изъ этихъ двухъ дней онъ самъ былъ на рѣчкѣ Шайо съ бо́льшею частью своихъ силъ; но что во второмъ дѣлѣ участвовалъ только аріергардъ его, подъ начальствомъ Лейнингена; самъ же онъ шелъ по дорогѣ къ Токаю; что, услышавъ пушечные выстрѣлы, онъ прискакалъ къ мѣсту сраженія. Гергей думаетъ, что неудача, которую въ этотъ день испыталъ генералъ Граббе, произошла отъ ошибки, въ которую сей послѣдній былъ введенъ слѣдующимъ случаемъ: два венгерскіе офицера, не знаю съ какою цѣлью, были посланы въ нашъ отрядъ парламентерами; они возвратились въ свой лагерь въ сопровожденіи одного нашего офицера; сему послѣднему было предложено доѣхать до венгерскихъ аванпостовъ; оказалось, что генералъ Лейнингенъ имѣлъ свою ставку близъ самыхъ аванпостовъ; офицеръ нашъ былъ приведенъ къ нему и ему было объяснено, что онъ находится въ главной квартирѣ начальника отряда. Гергей полагаетъ, что этотъ офицеръ, вѣроятно, подумалъ, что его хотятъ ввести въ заблужденіе относительно силы непріятельскаго отряда, и внушить ему, что тутъ находится значительный отрядъ, между тѣмъ въ дѣйствительности числительность его ничтожная, и что, на основаніи такого донесенія офицера, генералъ Граббе атаковалъ, полагая, что не встрѣтитъ сопротивленія. Толкованіе это не лишено правдоподобія.

Изъ разговора можно заключить, что Гергей мало расположенъ въ пользу Кошута и его управленія, которое онъ называлъ управленіемъ адвокатовъ; о Бёмѣ онъ говорилъ съ уваженіемъ; но о Дембинскомъ, по видимому, высокаго мнѣнія не имѣетъ.

Сего числа прибыли: товарищъ нашъ Ахматовъ и генералъ Панютинъ; вечеромъ Левашовъ и я зашли къ первому и узнали отъ него весьма любопытныя подробности о событіяхъ, ко-

торыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ главной квартирѣ барона Гайнау и, между прочимъ, о дѣлахъ при Серегѣ (близъ Сегедина) и при Темешварѣ.

11-го августа. Отъ генерала Лидерса получено важное извѣстіе, что послѣдніе остатки венгерской арміи положили передъ нимъ оружіе, близъ Дева. Генералъ Лидерсъ прислалъ фельдмаршалу 14 знаменъ, которыя мнѣ поручили отвезти и представить государю императору. И въ этомъ случаѣ было венгерцами повторяемо: «мы готовы сдаться русскимъ, но не австрійцамъ».

Однако генералъ Бергъ письмомъ донесъ, что 9-й непріятельскій корпусъ, подъ начальствомъ генерала Лазаря, съ 19-ю орудіями, сложилъ оружіе передъ австрійскимъ генераломъ Зимбшенъ, около Карансебеш. Какая радость для бѣдныхъ австрійцевъ! Италіанскій и польскій легіоны, въ числѣ около 2,000 человѣкъ, направились къ Орсовѣ; полагали, что Бемъ туда же поѣхалъ.

Изъ Мункача прибыло нѣсколько офицеровъ, чтобы удостовѣриться въ справедливости извѣстія о капитуляціи Гергея. Присылка эта была вызвана предложеніемъ, которое генералъ Карловичъ сдѣлалъ коменданту Мункача, чтобы и онъ сдался. Генералъ Карловичъ былъ отправленъ съ 7-ю баталіонами 2-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, однимъ взводомъ саперъ, 4-мя эскадронами уланъ (полка Великаго Князя Николая Александровича), при двухъ легкихъ батареяхъ, съ 15-ти дневнымъ провіантомъ, для занятія Мункача; затѣмъ, по дошедшему извѣстію, что въ этомъ мѣстѣ находится до 12-ти т. венгерцевъ, отрядъ генерала Карловича былъ усиленъ 6-ю баталіонами и одною батареею, взятыми изъ корпуса генерала Чаадаева въ Дебречинѣ. Присланные офицеры, конечно, будутъ отпущены назадъ и нѣтъ сомнѣнія, что по возвращеніи ихъ послѣдуетъ сдача крѣпости.

Затѣмъ останется только отрядъ Касинци, въ составѣ около 10-ти т. человѣкъ, находящійся въ Деэшъ. Для наблюденія за нимъ генералъ Гротенгельмъ направился изъ Клаузенбурга; полковникъ Урбанъ, который преслѣдовалъ до Банфи-Гуніадъ остатки венгерцевъ, вышедшихъ изъ округа Секлеровъ, вернулся назадъ, дабы присоединиться къ генералу Гротенгельму, а разсѣявшіяся отъ преслѣдованія отдѣльныя шайки достигли Сибо и готовы сдаться. Полковникъ Мельниковъ направленъ съ летучимъ отрядомъ изъ Мезо-Телегдъ, на Чучу, а генералъ Левенгагенъ

находится съ своимъ уланскимъ полкомъ въ Беларисъ; наконецъ, ген. Зассъ (начальникъ 4-й легкой кавалерійской дивизіи) отправленъ въ Клаузенбургъ съ 6-ю баталіонами (1-й бригады 5-й дивизіи), казачьимъ полкомъ № 51, и двумя батареями артиллеріи, дабы установить связь между отрядами генераловъ Лидерса и Гротенгельма.

Бо́льшая часть венгерскихъ плѣнныхъ посылается въ Саркадъ для передачи австрійцамъ, которые, по слухамъ, намѣрены направить ихъ на Пештъ. Кромѣ того, есть отъ 5-ти до 6,000 плѣнныхъ въ Гроссъ-Вардейнѣ, которые сдаются австрійскимъ коммисарамъ. Все, чего я желаю для этихъ бѣдныхъ людей, да и для пользы самой Австріи, это то, чтобы имъ объявлено было общее прощеніе. Всеобщая амнистія (исключая Кошута и другихъ убѣжавшихъ за границу) была бы самая благоразумная и человѣколюбивая мѣра, которую могло бы принять австрійское правительство, но увы! я не считаю его способнымъ на такое великодушіе и нужно опасаться, что, слѣдуя своей обычной двуличной политикѣ, оно будетъ изъ-подтишка карать и преслѣдовать, на свою же погибель.

Наконецъ получено еще извѣстіе, что генералъ Сельванъ имѣлъ небольшое дѣло около Унгваръ съ какимъ-то Ромбовскимъ, котораго онъ разбилъ и прогналъ, запявъ послѣ того Унгваръ. Сельванъ совершилъ въ два дня усиленный маршъ съ однимъ баталіономъ и двумя сотнями кавказскихъ горцевъ, подъ начальствомъ храбраго Кундукова, и этимъ успѣлъ разсѣять шайку непріятельскую, которая намѣревалась тревожить нашу коммуникаціонную линію.

Я посѣтилъ, передъ отъѣздомъ, главнаго доктора арміи, который сообщилъ мнѣ, что здоровье войскъ вообще удовлетворительно, въ особенности въ Гроссъ-Вардейнѣ, гдѣ наканунѣ не было ни одного смертнаго случая. Въ госпиталѣ, устроенномъ на 1,500 больныхъ, таковыхъ было всего 178; но ожидалось до 1,000 больныхъ изъ отряда генерала Ридигера. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, во всей арміи, за исключеніемъ корпуса генерала Лидерса, считалось до 8,000 больныхъ. распредѣленныхъ въ госпиталяхъ въ Пештѣ, Мишкольцѣ, Дебречинѣ, Гроссъ-Вардейнѣ, Кашау и Бартфельдѣ. Графъ Оппермань, которому была поручена фельдмаршаломъ продовольственная часть, сказалъ мнѣ, что арміи вы-

дано нетронутаго запаса провіанта на 15 дней. Въ Гроссъ-Вардейнѣ нашли 8,000 кибицъ зерноваго хлѣба, который обращается въ муку на 10-ти мельницахъ; ежедневно изготовляется отъ 400 до 500 кибицъ, которыя раздаются. Привозъ изъ окрестностей продолжаетъ производиться. Магазины находятся въ Гроссъ-Вардейнѣ, Дебречинѣ, Токаѣ, Кашау, Мишкольцѣ (?), Эперіесѣ, Бартфельдѣ и Дукла.

Прибывшіе изъ окрестностей Арада офицеры разсказывали намъ, что румыны изъ Валахіи производятъ грабежи и разбои около Темешвара, Арада и на границѣ Трансильваніи; въ этихъ мѣстностяхъ крестьяне по большей части валахи, а помѣщики венгерцы. Это нѣсколько напоминаетъ событія въ Галиціи въ 1846 году. Какой-то по имени Янко, извѣстный уже въ трансильванскихъ дѣлахъ какъ предводитель валаховъ, возбуждаетъ секретно крестьянъ противъ помѣщиковъ, и ходитъ переодѣтый въ крестьянское платье. Австрійцы не препятствуютъ его дѣйствіямъ.

Поздно вечеромъ я откланялся фельдмаршалу и получилъ его послѣднія приказанія.

12-го августа 1849 г. Въ 4 часа утра, простившись съ Лобановымъ, я выѣхалъ изъ арміи въ Варшаву; кампанія для меня окончена.

Баронъ Л. П. Николаи.

Просимъ исправить замѣченныя опечатки на предъидущихъ страницахъ «Дневника» барона Л. П. Николаи.

Напечатано:	*Читай:*
Томъ XX, стр. 101, строка 5-я: умиротворенія Кавказа. Въ 1864 году военная служба....	умиротворенія Кавказа въ 1864 году. Военная служба и т. д.
— стр. 102, строка 1-я сверху: Его Высочества....	Его Императорскаго Величества....
— стр. 103, строка 5-я: ... въ зимнюю экспедицію....	въ зимнихъ экспедиціяхъ....
— стр. 103, строка 15-я: подъ Исто-су....	подъ Исти-су....
— стр. 109, строка 15-я: полковника Костьерку....	полковника Костырку....
— стр. 110, строка 13-я: генерала Засса....	генералъ Зассъ....
— стр. 115, строка 2-я снизу: членъ городоваго управленія....	члены городоваго управленія....

Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848 и 1849 годовъ.

Австрія должна быть самымъ консервативнымъ государствомъ въ мірѣ и стараться прежде всего, чтобы и въ другихъ государствахъ, особенно ближайшихъ, также все оставалось по старому, не было никакого сколько нибудь сильнаго движенія—вотъ основаніе политики Меттерниха, политики, необходимо вытекавшей изъ положенія и состава австрійскаго государства, политики чисто австрійской, ибо національною ее назвать нельзя, по отсутствію въ Австріи единой, крѣпкой національности. Всякое, другое государство могло легче вынести движеніе, какое бы ослабляющее вліяніе оно ни производило, легче могло оправиться отъ самаго сильнаго потрясенія и получить отъ него еще новыя средства историческаго существованія; но въ Австріи малѣйшее движеніе, затронутіе внѣшняго узла, искусственно, механически связывавшаго отдѣльныя, не имѣвшія внутренной органической связи части, грозило распаденіемъ всего зданія. Долго «дипломатическій геній», какъ величали Меттерниха, умѣлъ заговаривать бури; но къ концу пятаго десятка вѣка почувствовалъ, что дѣло становится все труднѣе и труднѣе, тогда какъ личныя его силы подъ старость ослабѣвали; печальная мысль, что только случай можетъ спасти Австрію, все болѣе и болѣе овладѣвала человѣкомъ системы.

Волновалась Италія, и толчокъ движенія шелъ изъ Піемонта. «Въ Генуѣ, Туринѣ, минифастаціи въ пользу италіанскаго единства, противъ Австріи и, слѣдовательно, противъ положенія дѣлъ, созданнаго трактатами 1815 года, происходятъ ежедневно, и терпимы, если не одобряются самымъ правительствомъ», читаемъ въ

депешѣ, отправленной петербургскому двору [1]). «Въ концѣ 1847 г. туринскій журналъ Concordia напечаталъ рѣзкую статью, подъ покровительствомъ, такъ сказать, сардинской цензуры: здѣсь съ революціонною развязностію снята маска и формулирована программа достойная Маццини. Австрійскій кабинетъ отправилъ курьера ad hoc съ протестомъ противъ статьи и съ требованіемъ категорическихъ объясненій относительно участія правительства въ такихъ характеристичныхъ тенденціяхъ. Недавніе симптомы показываютъ ясно, что революціонная пропаганда распространяется и по Ломбардіи. Употребляя и здѣсь тѣже средства, какъ въ Средней Италіи и Піемонтѣ, революціонеры начинаютъ съ манифестацій, которыя кажутся дѣтскими, но которыя, быть можетъ, придуманы нарочно, чтобъ заставить участвовать въ нихъ массы и возбудить болѣе общее неудовольствіе когда правительство прекратитъ ихъ. Этотъ расчетъ пропаганды, не смотря на свою пошлость, увлекаетъ еще простаковъ. Миланъ съ нѣкотораго времени также имѣетъ свои революціонныя оргіи въ клубахъ; его собраніе провинціальныхъ делегатовъ формулировало требованія, повидимому незначительныя, но которыя носятъ знаменательную печать въ незаконности способа ихъ представленія; наконецъ, въ Миланѣ обнаружился табачный бунтъ, пародія чайнаго бунта, имѣвшаго слѣдствіемъ освобожденіе Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Правительство, увѣренное въ своей силѣ, будетъ до послѣдней минуты идти путемъ покойнаго прекращенія безпорядковъ. Клубы были закрыты, революціонеры, захваченные на мѣстѣ преступленія, отреклись отъ своихъ словъ, приписывая ихъ тому, что были въ нетрезвомъ видѣ. Табачный бунтъ воспроизведенъ былъ въ одинъ день по всей Ломбардіи; но, по замѣчанію князя Меттерниха, правительство при этомъ имѣло на своей сторонѣ всѣхъ курильщиковъ, т. е. сильное большинство, и бунтовщики потерпѣли пораженіе. Событіе имѣло болѣе серіозный характеръ въ Миланѣ; вслѣдствіе ожесточенія солдатъ, пало нѣсколькожертвъ, отъ чего произошло значительное возбужденіе умовъ. Фельдмаршалъ Радецкій, для избѣжанія столкновеній, сосредоточилъ войска въ казармахъ, но онъ рѣшился въ крайнемъ случаѣ разгромить городъ пушками».

---

[1]) 30-го декабря 1847 года.

Табачный бунтъ состоялъ въ томъ, что революціонеры бросились на курящихъ табакъ, и стали вырывать у нихъ трубки и сигары изо рта на томъ основаніи, что табакъ обложенъ былъ пошлиною въ пользу правительства. Радецкій, послѣ схватки жителей съ солдатами и по уводѣ послѣднихъ въ казармы, совѣтовалъ издать сильную прокламацію; вмѣсто того, эрцгерцогъ вице-король издавалъ прокламаціи одну другой слабѣе, съ обѣщаніями и съ складываніемъ вины на солдатъ. Это ободрило миланцевъ, и къ вице-королю явилась депутація съ просьбою, чтобъ онъ вывелъ гарнизонъ изъ Милана; но въ этомъ эрцгерцогъ отказалъ. Въ Вѣнѣ были недовольны разногласіемъ властей, слабостію вице-короля; особенно былъ недоволенъ Меттернихъ. «Дипломатическій геній», по старой привычкѣ, принялся за перо и началъ писать трактатъ объ италіанскомъ вопросѣ. Основная идея сочиненія состояла въ томъ, что система такъ называемыхъ прогрессивныхъ реформъ, проповѣдуемая Гизо, въ рукахъ правительствъ слабыхъ должна вести къ анархіи и сама по себѣ уже составляетъ революцію. Но что всего горестнѣе было для человѣка системы, такъ это то, что Англія, эта вѣрная союзница Австріи противъ Россіи, эта горячая защитница неприкосновенности турецкой имперіи, столь же дорогой и для Вѣны, какъ для Лондона,—Англія теперь принимала самое дѣятельное участіе въ возбужденіи италіанскихъ волненій. Меттернихъ получалъ объ этомъ вѣрныя извѣстія и въ то же время получалъ отъ лорда Пальмерстона заявленія, зачѣмъ Австрія вооружается въ Италіи: тамъ царствуетъ спокойствіе и умноженіе числа войскъ безполезно. Дѣло объяснялось тѣмъ, что Австрія сближалась съ Франціею: Меттернихъ на бумагѣ былъ противъ системы Гизо, а на дѣлѣ надѣялся на помощь французскаго министра, который не могъ равнодушно видѣть въ Италіи распространенія революціонныхъ идей, съ которыми боролся у себя во Франціи. Но при соперничествѣ Англіи съ Франціей, сближеніе Австріи съ послѣднею возбуждало вражду Англіи, которая высказалась немедленно и вслѣдствіе характера лорда Пальмерстона, и вслѣдствіе постояннаго отсутствія политической системы. Континентальное государство должно имѣть политическую систему, потому что живетъ въ тѣсной органической связи съ другими государствами; островное британское государство, отрѣзанный ломоть отъ Европы, не хочетъ и не умѣетъ создать

себѣ систему, а руководится ближайшими интересами и соображеніями: Австрія сбижается съ его соперницею Франціею—надобно вредить Австріи, поддерживать, усиливать враждебные ей элементы въ Италіи; что изъ этого выйдетъ послѣ, до этого дѣла нѣтъ, и Пальмерстонъ, относительно безсистемности и преслѣдованія ближайшихъ англійскихъ интересовъ, былъ настоящій англійскій министръ. Въ концѣ января 1848 года представитель одной изъ главныхъ континентальныхъ державъ имѣлъ любопытный разговоръ съ Пальмерстономъ. «Все, что происходитъ теперь на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ италіанскаго полуострова, — говорилъ посланникъ,—ведетъ не къ прогрессу, не къ реформѣ, а прямо къ революціи. Симпатизируя такому стремленію, куда вы хотите съ нимъ достигнуть? Англійская политика не имѣетъ никакого интереса разстраивать государства, которыя имѣютъ извѣстное значеніе въ системѣ европейскаго равновѣсія. Напротивъ, вашъ интересъ требуетъ поддержанія въ цѣлости силъ сопротивленія, которыя вамъ могутъ понадобиться, чтобъ построить плотину противъ наводненія, а наводненіе легко предвидѣть, если Франціи станетъ тѣсно въ ея границахъ. Эту возможность развѣ вы не всегда имѣете передъ глазами? И если она осуществится, то къ чему послужалъ вамъ всѣ эти падающія государства, всѣ эти возмущенные народы, всѣ эти разрушенные троны?» Пальмерстонъ согласился, что тутъ есть правда, и признавалъ, что, по его мнѣнію, король Людовикъ-Филиппъ не безъ удовольствія и не безъ задней мысли видѣлъ волненія въ Сициліи: «Если этотъ островъ,—сказалъ Пальмерстонъ—отдѣлится отъ неаполитанской монархіи, то это будущее наслѣдство для одного изъ принцевъ Орлеанскаго дома». При этомъ Пальмерстонъ увѣрялъ, что Англія сильно желаетъ, чтобъ неаполитанское государство оставалось въ цѣлости при настоящей своей династіи. «Англія,—замѣчаетъ посланникъ въ донесеніи своему двору,—Англія безъ твердо опредѣленной системы, послѣдуетъ за теченіемъ событій. Только одно у нея рѣшеніе: если Австрійцы вмѣшаются въ италіанскія дѣла, французы также не замедлятъ тамъ явиться: въ такомъ случаѣ эскадра адмирала Паркера должна покрыть своимъ флагомъ интересы либеральной стороны. Самое гибельное изъ всѣхъ заблужденій состоитъ въ мнѣніи, что происходящее въ Италіи можетъ

завершиться не затронувъ серьезнымъ образомъ общественнаго порядка въ Европѣ.

Въ дипломатическихъ кругахъ въ Вѣнѣ упрекали австрійскій кабинетъ въ томъ, что онъ, дѣйствуя нерѣшительно въ началѣ италіанскихъ волненій, пріобрѣлъ себѣ отъявленнаго врага въ лордѣ Пальмерстонѣ и ненадежнаго друга въ французскомъ кабинетѣ, который, каковы бы впрочемъ ни были его намѣренія, стакивается съ италіанскими революціонерами, прикрывая ихъ дѣло именемъ прогрессивныхъ улучшеній. Австрія рѣшилась допустить французское вмѣшательство въ италіанскія дѣла. Въ недавнемъ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса, Меттернихъ сказалъ, что въ случаѣ нужды Франція должна помочь королю неаполитанскому. Кромѣ того, австрійскому кабинету нужна была поддержка Франціи въ швейцарскихъ дѣлахъ. Австрійская политика формулировалась такимъ образомъ: въ вопросахъ общей политики тѣснѣе сблизиться съ государствами самодержавными и германскою конфедераціею, и въ то же время воспользоваться добрымъ расположеніемъ Франціи; въ отдѣльномъ вопросѣ италіанскомъ—укрѣпить военное положеніе въ Ломбардіи, сдѣлать его неодолимымъ изнутри и извнѣ, и дожидаться пока соперничество Англіи и Франціи и ошибки, которыя могутъ отсюда произойти, дадутъ Австріи средство возстановить свое прежнее положеніе.

Дожидаться слѣдствій чужихъ ошибокъ для поднятія своего значенія—одно изъ основныхъ правилъ австрійской политики, которое можно поставить подлѣ другаго правила—felix Austria nube (счастливая Австрія, заключай браки). Въ Ломбардіи можно удержаться посредствомъ военной силы; но какъ быть съ Неаполемъ? Меттернихъ понималъ, что время военнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ государствъ для Австріи прошло; Меттернихъ счелъ необходимымъ уступить относительно внутреннихъ вопросовъ и хотѣлъ спасти одно положеніе, чтобъ внутреннія волненія не измѣняли границъ государствъ, чтобъ внутреннія движенія въ разныхъ мѣстахъ Италіи не имѣли вліянія на постановленія 1815 года, по которымъ Австрія владѣла Ломбардіею. Меттернихъ говорилъ по поводу неаполитанскихъ событій: «Это дѣла внутреннія, въ которыя мы не призваны мѣшаться; при настоящихъ обстоятельствахъ, мы можемъ требо-

вать одного, чтобъ и другіе въ нихъ не вмѣшивались, и чтобъ порядокъ вещей, созданный договорами 1815 года, не зависѣлъ болѣе отъ революціонной партіи и не былъ искаженъ въ предосужденіе одного государства, или къ выгодѣ другаго.

Лучъ надежды поласкалъ «дипломатическаго генія» передъ самымъ началомъ страшнаго революціоннаго урагана. Соперничество между Англіею и Франціею въ Италіи выказывалось все сильнѣе и сильнѣе, начали выказываться и слѣдствія чужихъ ошибокъ: стоило только теперь удвоить вниманіе. Меттернихъ съ восторгомъ услыхалъ о безпокойствахъ лорда Пальмерстона и другихъ государственныхъ людей Англіи на счетъ неаполитанскихъ дѣлъ; это безпокойство усилится и будетъ имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, когда узнаютъ, что другія италіанскія государства вступаютъ на путь конституціонныхъ идей французскихъ и чрезъ это подвергаются опасности подпасть подъ вліяніе правительства Людовика-Филиппа. Депеша Пальмерстона, врученная въ началѣ февраля (ст. стил.) Меттерниху, британскимъ посломъ въ Вѣнѣ, Понсонби, свидѣтельствовала о перемѣнѣ въ идеяхъ англійскаго премьера. Пальмерстонъ заявлялъ сильную заботу Англіи относительно опасностей, грозившихъ положенію Австріи въ Италіи; увѣряя вѣнскій кабинетъ, что можетъ положиться на помощь Англіи, и выражая надежду, что Австрія не двинетъ своихъ войскъ за границу, совѣтовалъ укрѣплять свое военное положеніе въ Ломбардіи и обезпечить цѣлость своихъ владѣній, что̀ Англія считаетъ существеннымъ условіемъ для поддержанія общаго мира.

Но впечатлѣніе, произведенное англійскою депешою, ослаблялось печальными вѣстями изъ Ломбардіи. Волненіе и раздраженіе усиливались съ каждымъ днемъ. Слова: «смерть нѣмцамъ!» слышались изо всѣхъ устъ и часто переходили въ дѣло; но что всего хуже—вмѣсто того, чтобъ дожидаться слѣдствій чужихъ ошибокъ, надобно было опасаться очень дурныхъ послѣдствій ошибокъ своего правительства. Императоръ Фердинандъ, по болѣзненному состоянію своему, былъ неспособенъ заниматься дѣлами правленія, которое потому сосредоточивалось въ такъ называемой государственной конференціи, состоявшей изъ эрцгерцога Людвига, дяди императора, князя Меттерниха и графа Коловрата. По неимѣнію дѣтей у императора, наслѣдникомъ пре-

стола считался братъ его, эрцгерцогъ Францъ-Карлъ; жена его Софія приписывала плохое состояніе дѣлъ въ Ломбардіи слабости вице-короля, эрцгерцога Райнера. Она обратилась къ эрцгерцогу Людовику съ требованіемъ отозвать Райнера, неспособность котораго можетъ быть причиною разрушенія монархіи. Людовикъ былъ человѣкъ нерѣшительный, да и тяжело ему было принять такую мѣру противъ Райнера, какъ старшаго брата; эрцгерцогъ Іоаннъ былъ также противъ этой мѣры. Но Софія не отставала отъ своего требованія: «Вы старикъ,—говорила она Людвигу,—вамъ все равно; но вы губите монархію, и я не хочу, чтобъ мои дѣти пошли потомъ по міру». Услыхавъ эти слова, эрцгерцогъ Людвигъ объявилъ, что готовъ отказаться отъ правленія въ пользу эрцгерцога Франца-Карла; но тотъ отказался отъ этой чести. Слѣдствіемъ было охлажденіе между членами императорской фамиліи; эрцгерцоги Людвигъ и Іоаннъ перестали являться на придворныхъ балахъ.

Эти явленія и проистекавшая отъ нихъ слабость, бездѣйствіе правительства не обѣщали ничего хорошаго. Въ дипломатическихъ кругахъ были увѣрены, что «если Австрія будетъ сохранять свое страдательное положеніе, то, не смотря на ея военныя силы, жители Ломбардіи будутъ продолжать свою враждебность къ ней, будутъ добиваться независимости: въ этомъ будутъ поддерживать ихъ реформы, введенныя въ Піемонтѣ и готовящіяся въ Тосканѣ и римскихъ владѣніяхъ, наконецъ, симпатія къ этимъ реформамъ со стороны Франціи и Англіи. Подобный порядокъ вещей можетъ ли быть продолжителенъ? Австрійское правительство принуждено было содержать 100,000 войска въ Ломбардіи; Меттернихъ говорилъ: «быть можетъ, мы будемъ принуждены послать туда 200, даже 300,000». Такое развитіе военныхъ силъ должно кончиться истощеніемъ финансовыхъ средствъ; уже и безъ того находящихся далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Но италіанскія затрудненія не одни. Въ Венгріи реформы, стремящіяся къ демократизированію страны, парализуютъ вліяніе аристократіи, вліяніе безпорядочное, но въ сущности благопріятное для династіи. Галиція, опустошенная голодомъ, отдана на жертву борьбѣ между землевладѣльцами и крестьянами. Та же борьба, хотя въ меньшей степени, идетъ въ Богеміи, Штиріи, Каринтіи. Во всѣхъ этихъ областяхъ правительство только матеріальною силою

можетъ заставить себѣ повиноваться. Не должно терять изъ виду дѣятельности такъ называемой партіи прогресса, которая, хотя теперь и въ меньшинствѣ, со дня на день однако пріобрѣтаетъ все больше вліянія и стремится къ возстановленію привилегій чиновъ различныхъ провинцій. Если прибавить къ этому величайшее зло положенія, т. е. дряхлость людей, держащихъ въ рукахъ правленіе, дряхлость людей, которая обнаруживаетъ, быть можетъ и въ преувеличенномъ свѣтѣ, дряхлость вещей, то должно согласиться, что кризисъ, въ которомъ находится австрійская монархія—одинъ изъ самыхъ серіезныхъ. Нельзя ручаться за будущее этой монархіи, если ея союзники не придутъ къ ней на помощь, и поддержкою нравственною, а въ случаѣ нужды, и матеріальною, не доставятъ ея правительству необходимую силу и энергію. Князь Меттернихъ не разъ жаловался, что союзники покинули Австрію. Ждутъ слова русскаго императора, какъ якоря спасенія: якорь спасенія заключался въ деньгахъ, которыхъ австрійское правительство просило у русскаго.»

Ожиданіе было не напрасно: просьба о деньгахъ была исполнена. Но событія скоро заставили потребовать другой помощи. 20-го февраля дипломатическій корпусъ въ Вѣнѣ былъ пораженъ громовымъ извѣстіемъ о революціи въ Парижѣ, объ отреченіи Людовика-Филиппа. Одинъ изъ членовъ дипломатическаго корпуса поспѣшилъ къ Меттерниху и засталъ его въ бесѣдѣ съ министромъ полиціи. «Ну, дорогой мой,—обратился князь къ дипломату,—все кончено! Напишите къ себѣ домой, что, не смотря на всю крайность нашего положенія, вы нашли меня сидящимъ прямо на своихъ креслахъ; разсматривая спокойно положеніе дѣлъ я думаю, что если злоуже существуетъ, то лучше бороться съ явнымъ зломъ чѣмъ съ скрытымъ. Не бываетъ зла безъ добра: по свыше опредѣленному совпаденію, въ ту минуту какъ пришло извѣстіе о парижскихъ событіяхъ, я получилъ объявленіе изъ Петербурга, которое намъ поможетъ въ борьбѣ съ послѣдствіями этихъ событій: императоръ посылаетъ намъ просимыя суммы. Въ эту минуту парижскія событія еще представляютъ загадку; посмотримъ какъ объяснится дѣло; но для меня не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно въ связи съ большимъ радикальнымъ заговоромъ, котораго признанная подпора—это лордъ Пальмерстонъ». До какой степени парижскія событія были загадкою для Меттер-

ниха, видно изъ того, что онъ видѣлъ въ отреченіи Людовика-Филиппа штуку самого короля, чтобъ потомъ тверже опять усѣсться на престолѣ!

Какъ же отнесся къ парижскимъ событіямъ Пальмерстонъ, признанная подпора радикальнаго заговора—по увѣренію Меттерниха? Пальмерстонъ объявилъ тому же постаннику одной изъ великихъ державъ, что Англія не будетъ спѣшить своими рѣшеніями относительно этихъ событій. Въ настоящее время во Франціи все еще провизуарно; установленіе республики было бы самымъ большимъ изъ неудобствъ, во первыхъ, потому, что сосѣдство произвело бы движеніе въ умахъ англичанъ, вовсе не желательное; во вторыхъ, потому, что республика, по своему существу, есть постоянная опасность, которая рано или поздно можетъ повести къ войнѣ. Впрочемъ, Англія, по конституціонному принципу, ею управляющему, не имѣетъ права навязывать Франціи какую бы то ни было правительственную форму. Англійское правительство, пріостанавливаясь въ своихъ рѣшеніяхъ по этому предмету, будетъ готово открыться союзнымъ кабинетамъ относительно будущаго своего рѣшенія, какъ скоро явится возможность установить свое сужденіе на твердомъ порядкѣ вещей, а не на такомъ невѣрномъ и непрочномъ какъ теперь. Пальмерстонъ не скрывалъ, какъ онъ озабоченъ тѣмъ, что̀ можетъ произойти въ Бельгіи, на Рейнѣ, въ Италіи: «Я первый, —говорилъ онъ,—заявилъ австрійскому посланнику о необходимости соглашенія его двора съ сардинскимъ, чтобъ выставить общее сопротивленіе враждебнымъ предпріятіямъ Франціи, направленнымъ къ Италіи».

При взрывѣ новой революціи любопытно было выслушать мнѣніе главы британскихъ консерваторовъ, знаменитаго герцога Веллингтона, и нашъ дипломатъ отправился къ нему. Дипломатъ напомнилъ герцогу, какъ много лѣтъ тому назадъ Веллингтонъ сказалъ ему: «Помните хорошенько, мы продолжаемъ быть въ революціи» (nous coutinuons toujours à être en révolution). «Что касается меня,—сказалъ на это герцогъ, – то я вовсе не удивляюсь тому, что̀ происходитъ во Франціи; немного ранѣе, немного позднѣе, но это должно было случиться. Я замѣтилъ, что каждый разъ какъ обнаруживался безпорядокъ, возмущеніе, республиканскій духъ былъ душою этого движенія. Видите—почему:

во Франціи со временъ республики народъ привыкъ считать власть незаконною. Наполеонъ уничтожилъ республику: это было похищеніе власти въ глазахъ народа. Потомъ точно такъ же смотрѣли на всякую перемѣну правленія, и республика оставалась основною, единственно законною формою въ убѣжденіяхъ народныхъ. Династіи прошли одна за другою, не пустивши корней; малѣйшее потрясеніе ихъ низвергало; знаете-ли почему? Потому, что монархія, разъ поруганная, не имѣетъ болѣе власти надъ умами народа. Почему Стюарты не могли никогда утвердиться въ Англіи? Потому что народъ видѣлъ Марію Стюартъ шотландскую подъ судомъ и на эшафотѣ. Почему Бурбоны не пустили корней во Франціи? Потому что Людовикъ XVI былъ поруганъ, осужденъ на смерть возмутившимся народомъ. Теперь Орлеанская фамилія поругана, ея тронъ сожженъ, дворецъ разграбленъ. Будьте увѣрены, съ нею покончено. Скажутъ, что еще возможно регенство—пожалуй. Скажутъ, что графъ Парижскій можетъ взойти на престолъ—согласенъ. Но я вамъ говорю, что династія пала навсегда, потому что привыкли къ мысли, что она поругана народомъ, и пала къ стопамъ народа. Что произойдетъ во Франціи—никто этого предвидѣть не можетъ. Что до меня касается, то я спрашиваю: кто этотъ человѣкъ, который будетъ Наполеономъ Франціи? Вотъ вопросъ. Будетъ ли это Ламорисьеръ? Увидимъ. Франціи нуженъ Наполеонъ. Вотъ что я говорю. Гдѣ онъ? Я его еще не вижу. Изъ вопроса, который теперь волнуетъ міръ, лучше всего сдѣлать вопросъ территоріальнаго владѣнія, защищать свое имущество противъ всякаго, кто къ нему протягиваетъ руку, сплотить свои ряды противъ общаго врага, но оставить его хозяиномъ управляться у себя, какъ онъ умѣетъ и можетъ. Революціонные инстинкты кончатъ тѣмъ, что или истощатъ его, или совсѣмъ уничтожатъ».

Собесѣдникъ герцога, по поводу его словъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе. «Въ этихъ мнѣніяхъ, безъ сомнѣнія, есть значительная доля правды; къ несчастію, когда разсуждаешь о континентальныхъ дѣлахъ съ государственными людьми Англіи, то легко замѣтить у послѣднихъ странные взгляды, зависящіе отъ островнаго положенія ихъ страны. Они всегда думаютъ, что пограничныя государства могутъ уединиться относительно Франціи, какъ будто бы послѣдняя была окружена океаномъ. Они забываютъ, что на

твердой землѣ границы соприкасаются и что непосредственное соприкосновеніе съ революціонною Франціею представляетъ для ея сосѣдей постоянную опасность». Событія, немедленно послѣдовавшія, доказали всю справедливость взгляда нашего дипломата. Мы, съ своей стороны, должны замѣтить, что въ историческихъ выводахъ знаменитаго герцога была значительная доля неправды. Судьба Маріи Стюартъ не имѣла никакого вліянія на судьбу ея потомства въ Англіи. Стюарты два раза лишались престола потому, что не могли отречься отъ привычекъ, взглядовъ и убѣжденій, принесенныхъ ими изъ Шотландіи, проистекавшихъ изъ всей исторіи этой фамиліи здѣсь и нисколько несовмѣстныхъ съ ходомъ дѣлъ въ Англіи. Какъ англичане были привязаны къ этой фамиліи, видно изъ того, что Ганноверскій домъ получилъ англійскій престолъ вслѣдствіе происхожденія своего отъ Стюарта, не говоря уже о той трудности, съ какою современники Іакова II-го рѣшились отказаться отъ мужской линіи Стюартовъ. Эта консервативность, стремленіе не порывать исторической связи, не нарушать историческаго права—отличаетъ исторію политическихъ движеній въ Англіи въ противоположность съ исторіею этихъ движеній во Франціи. У людей въ извѣстныхъ положеніяхъ часто не достаетъ скромности вслѣдствіе привычки быть на треножникѣ и вѣщать, среди слушателей, благоговѣйно внимающихъ изреченіямъ оракула; отъ этого они забываютъ, что побѣдитель Наполеона не пріобрѣтаетъ на поляхъ Ватерлоо способности дѣлать правильныя историческія сближенія и выводы.

«Англія хочетъ мира, она его требуетъ во что бы то ни стало,—писали изъ Лондона въ Петербургъ въ февралѣ,—она не согласится вступить въ борьбу съ Франціею, если только какой нибудь интересъ англійскій—торговый, морской—не подвергнется опасности. Что ей за дѣло до того, будетъ ли Ломбардія австрійскою провинціею или цизальпинскою республикою; что ей за дѣло, если Кёльнъ или Кобленцъ перемѣнятъ государя. Она найдетъ, что это дурно; она будетъ протестовать, какъ протестовала противъ уничтоженія вольности Кракова, но войны изъ-за этого не начнетъ. Иное дѣло, если французскій флагъ будетъ поднятъ въ Антверпенѣ или Остенде: это ее обезпокоитъ, ибо тутъ она увидитъ нарушеніе собственнаго интереса. Англія находится въ выжидательномъ положеніи. Она не согласится возвратить Францію къ

порядку вещей, болѣе правильному, соединенными усиліями ея и государствъ континентальныхъ, по духу союзнаго договора 1815 года. Англія не можетъ этого сдѣлать, находясь подъ вліяніемъ идей, господствующихъ теперь въ ней. Республика для нея самой представляетъ не только политическую опасность, но и соціальное несчастіе, какъ и для остальной Европы. Ни одинъ англійскій государственный человѣкъ не забываетъ, что рабочій вопросъ, которымъ волнуются во Франціи, есть и для Англіи также вопросъ жизни и смерти. Лордъ Дж. Россель не скрываетъ, до какой степени занимаетъ его этотъ вопросъ. Страна въ эту минуту спокойна; но дурныя страсти, которыя дремлютъ нынче, могутъ проснуться. Въ одинъ прекрасный день народъ можетъ потребовать у государства отчета относительно неудовлетворительности народнаго представительства и неравенства въ положеніи классовъ и имущества. Гроза революціоннаго уравненія виситъ надъ Англіею. Всякій это чувствуетъ. Думаютъ, что гроза разразится нескоро, но ее считаютъ возможною. Коммунизмъ пугаетъ. Отсюда сильная озабоченность, но отсюда же и робость, съ какою Англія смотритъ на французскія событія. Тридцать три года мира сильно измѣнили положеніе дѣлъ въ Англіи. Еслибы великіе люди, боровшіеся съ революціоннымъ духомъ 1792 года, встали изъ гробовъ, ихъ смѣлость поколебалась бы предъ затрудненіями, подъ которыми гнутся Робертъ Пиль и Джонъ Россель. Система, на которой остановился англійскій кабинетъ, держится средины между добромъ и зломъ. Господствующая идея этой системы слѣдующая: сохранять миръ, отнять у Франціи всякій поводъ къ завоевательному движенію, но не давать монархическимъ державамъ никакого ободренія, которое могло бы повести ихъ къ дѣйствію. Выжидающая, стоящая на-сторожѣ, робкая, Англія будетъ имѣть для насъ значеніе отрицательное. Она не сдѣлаетъ намъ зла, но за то не будетъ служить и подпорою, на которую мы могли бы съ увѣренностію положиться».

Англія не хотѣла затрогивать революціонную, республиканскую Францію въ угоду охранителямъ; но за то не хотѣла затрогивать и Россію въ угоду людямъ, которые кричали противъ Россіи по поводу восточнаго и польскаго вопросовъ. Лордъ Пальмерстонъ такъ отвѣчалъ этимъ господамъ въ парламентѣ: «Съ 1840 года недовѣрчивость Англіи къ Россіи, начавшаяся съ 1830

года (только?), прекратилась, и всѣ послѣдующія обстоятельства привели британское правительство къ убѣжденію, что русская политика по восточному вопросу находится въ полномъ согласіи съ политикою Англіи, т. е. состоитъ въ томъ, чтобъ поддерживать Оттоманскую имперію и не допускать до раздробленія ея территоріи. Что касается Польши, то для оказанія ей помощи надобно было бы вступить въ войну съ Россіею. Англія не сочла себя призванною къ этому.—Но, говорятъ, вы имѣли бы союзницею Францію.—Въ такомъ случаѣ, Австрія и Пруссія, по общности своихъ интересовъ съ Россіею, сокрушили бы Польшу, и въ Европѣ возгорѣлась бы континентальная война.—Но, говорятъ, вы имѣли бы союзницею Швецію.—Еслибы она на это рѣшилась, то надобно было бы, изъ любви къ Богу, уговаривать ее оставаться спокойною, чтобы не обрушить на нее всю тяжесть русскаго могущества.—Но, говорятъ, вы имѣли бы союзницею Турцію съ ея двухсотъ-тысячною кавалеріею.—Въ такомъ случаѣ, надобно было бы сказать туркамъ: мало васъ еще били? одурѣли вы, что ли? мало вамъ, что русскіе были въ Адріанополѣ? Вамъ непремѣнно хочется, чтобы они пришли въ Константинополь! То же самое должно было бы сказать и Персіи. Польша пала. Въ томъ, что̀ случилось послѣ, Англія могла найти много поводовъ къ сожалѣнію. Ея симпатіи были сильно затронуты. Но всѣ эти причины вмѣстѣ не были довольно важны; онѣ не представляли для Англіи интереса достаточно прямого, чтобъ она, при какомъ бы то ни было правительствѣ, захотѣла испытать случайности и поднять тяжесть войны».

Между тѣмъ, Веллингтонъ, въ консервативныхъ видахъ, давалъ монархическимъ государствамъ совѣты, которые показывали, какъ мало знали въ Англіи положеніе этихъ государствъ, характеры, стремленія дѣйствующихъ лицъ. По мнѣнію герцога, самая необходимая мѣра въ интересѣ вѣнскаго двора должна была состоять въ томъ, чтобъ утверждать сардинскаго короля въ системѣ бдительнаго нейтралитета, съ цѣлію прикрыть больное мѣсто Австріи въ Ломбардіи. Согласно съ этимъ, лордъ Пальмерстонъ отправилъ англійскому посланнику въ Туринѣ инструкцію уговорить тамошній дворъ постоянно держаться системы строгаго нейтралитета, принимая съ этою цѣлію оборонительныя мѣры, какія сочтетъ необходимыми. Но въ Туринѣ думали только о на-

ступательныхъ, ждали съ нетерпѣніемъ, когда революціонный духъ, вѣявшій въ Европѣ, коснется неприступной до сихъ поръ для него Вѣны, чтобъ броситься на дѣлежъ пестрой монархіи Габсбурговъ.

Починъ пошелъ изъ Венгріи, гдѣ на сеймѣ извѣстный адвокатъ Кошутъ, послѣ сильныхъ выходокъ противъ системы Меттерниха, предложилъ проектъ адреса къ императору, гдѣ заключалась просьба объ учрежденіи для Венгріи національнаго управленія, независимаго отъ чуждаго вліянія. Проектъ былъ принятъ, и депутація, членомъ которой былъ Кошутъ, отправлена въ Вѣну, гдѣ рѣчь Кошута на сеймѣ читалась съ восторгомъ и начали также составляться адресы, сначала умѣренные, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе. 1-го марта, при открытіи собранія чиновъ Нижней Австріи, раздались крики: «Мы хотимъ конституціи! да здравствуетъ конституціонный императоръ австрійскій!» Произошла схватка революціонеровъ съ войскомъ; образовалась сама собою національная гвардія. Депутація отъ горожанъ является во дворецъ и объявляетъ объ опасномъ состояніи города. Во дворцѣ начинаются долгія совѣщанія; призываютъ самыхъ значительныхъ изъ горожанъ и тѣ объявляютъ, что могутъ отвѣчать за городъ только до 9-ти часовъ вечера, и если къ этому времени правительство не приметъ какого нибудь рѣшенія, то они не ручаются ни за что. Въ $8^1/_2$ часовъ эрцгерцогъ Іоаннъ входитъ въ залу конференцій и говоритъ: «Господа! вы все разсуждаете, а уже половина девятаго; намъ остается только полчаса». Тутъ графъ Монтекукули и графъ Бреунеръ рѣшаются сказать Меттерниху, что народъ желаетъ его удаленія отъ дѣлъ. Меттернихъ отвѣчаетъ: «Если я составляю единственное препятствіе спокойствію монархіи, то я удаляюсь»,—и, обратившись къ городскимъ депутатамъ, прибавилъ: «Ступайте, скажите народу: съ этой минуты я не принимаю болѣе участія въ дѣлахъ».

Паденіе Меттерниха, бѣгство его въ Англію многихъ поражало сильнѣе, чѣмъ изгнаніе Людовика-Филиппа, ибо привыкли думать, что знаменитый проповѣдникъ ультра-консерватизма, наставникъ государей въ его теоріи, долженствовалъ быть и хорошимъ практикомъ и, заправляя государственною машиною Австріи, долженъ былъ принять самыя дѣйствительныя мѣры для предохраненія ея отъ разрушительныхъ вліяній революціоннаго

духа. И Меттернихъ не устоялъ! Люди, бывшіе внимательными наблюдателями послѣднихъ лѣтъ жизни старой меттерниховой Австріи, спѣшили сообщить о причинахъ поразительнаго явленія: этими причинами, по ихъ мнѣнію, были устарѣлыя формы, ничтожность людей, италіанскія волненія, соглашеніе, установившееся между италіанскими прогрессистами и прогрессистами другихъ провинцій имперіи, послѣднія событія въ Парижѣ, ихъ отраженія на югѣ Германіи, особенно примѣръ Мюнхена, какъ самый близкій. Но какое бы затруднительное положеніе ни создавали эти вліянія для правительства, оно могло бы выйти изъ него, еслибы оно отличалось силою, единствомъ, яснымъ пониманіемъ средствъ, какія должно было употреблять. Но австрійское правительство такимъ не было; можно сказать, что безпечность и ослѣпленіе его увеличивались вмѣстѣ съ затрудненіями его положенія. Самая большая бѣда состояла въ несогласіяхъ, обнаружившихся въ совѣтѣ регентства. Началомъ несогласій было отозваніе вице-короля изъ Ломбардіи. Консервативная партія дала, поводъ общественному мнѣнію высказаться противъ Меттерниха какъ представителя принциповъ Священнаго союза, указывая на вмѣшательство Россіи съ цѣлію напугать революціонеровъ. Въ Венгріи партія графа Аппони, слѣдуя внушеніямъ правительства, сочла возможнымъ сдержать оппозицію угрозою вступленія въ страну корпуса русскихъ войскъ. Эта угроза, соединенная съ толками, что Россія дала тридцать милліоновъ въ распоряженіе австрійскаго правительства, которое отдаетъ въ залогъ Россіи Галицію и часть Венгріи, возбудила между венгерцами національный духъ и дала возможность Кошуту провести свои предложенія. Успѣхъ этихъ движеній мгновенно воспламенилъ общественное мнѣніе въ Вѣнѣ. Князь Меттернихъ, на котораго смотрѣли, какъ на олицетвореніе русской системы, сталъ предметомъ всеобщей ненависти. Въ нѣдрахъ самого правительства интриги усилились. Партія, враждебная Меттерниху, пользовалась нерѣшительностію, составлявшею отличительную черту въ характерѣ какъ его, такъ и эрцгерцога Людвига, пользовалась недостаткомъ энергіи, предусмотрительности и бдительности графа Седлеицкаго, министра полиціи. Всѣ знали, что готовятся демонстраціи 1-го марта, по поводу собранія чиновъ. Во всѣхъ кофейняхъ говорили открыто, что Меттернихъ получилъ русскія деньги подъ

условіемъ не дѣлать никакихъ уступокъ; раздавались программы демонстрацій. Никто изъ членовъ дипломатическаго корпуса не обманывался на счетъ важности положенія.

Когда въ Лондонѣ получены были извѣстія, что революція овладѣла Берлиномъ и Вѣною, лордъ Пальмерстонъ сказалъ: «Англія и Россія представляютъ два большихъ корабля, которые одни не потеряли своихъ мачтъ во время бури. Посмотримъ, можемъ ли мы, когда буря утихнетъ, отважиться спустить свои барки въ море, чтобъ спасти отъ кораблекрушенія тѣхъ, которыхъ еще не поглотило море».

Какъ слѣдовало ожидать, послѣ вѣнскаго переворота, въ Австріи поднялась страшная разноголосица, вавилонское столпотвореніе: славяне, нѣмцы, италіанцы, венгерцы заговорили посвоему, и крикливѣе всѣхъ были поляки. Ихъ крики были направлены противъ Россіи. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ было въ Вѣнѣ нѣсколько славянскихъ собраній; одно было въ числѣ 3,000 человѣкъ. Разсуждали о судьбѣ различныхъ славянскихъ племенъ; очередь дошла до поляковъ. Одинъ хорватъ въ длинной рѣчи доказывалъ, какъ гибельна вражда поляковъ къ Россіи для всѣхъ славянъ, какъ этою усобицею между русскими и поляками воспользуются враги славянъ. Но въ отвѣтъ раздались обычные польскіе крики противъ Россіи, и поляки явились главными дѣятелями смуты. Кошутъ, въ борьбѣ Венгріи съ Австріею, всего болѣе надѣялся на поляковъ, ихъ приглашалъ бороться за одно дѣло съ Венгріею, и для того ставилъ польскихъ генераловъ, Бема, Дембинскаго, въ челѣ венгерскихъ войскъ. 9-го іюля два знатныхъ хорвата явились въ русское посольство съ объявленіемъ, онъ имени бана Іелачича, о своемъ несчастномъ положеніи: венгерское министерство не даетъ имъ ничего на содержаніе ихъ войска, которое сражается въ Италіи; имъ остается одно изъ двухъ: или отдаться совершенно Венгріи и увеличить венгерское войско своимъ къ невыгодѣ австрійскаго правительства, или передаться на сторону италіанцевъ, которые ихъ зовутъ и къ которымъ у ихъ народа гораздо больше сочувствія, чѣмъ къ венгерцамъ. Не желая ни того, ни другого, банъ спрашиваетъ, нельзя ли имъ обратиться къ императору Николаю съ просьбою о помощи; нельзя ли получить отъ Россіи какую нибудь денежную сумму или гарантію для займа. Имъ отвѣчали,

что политика Россіи состоитъ въ поддержаніи цѣлости австрійской монархіи и спасеніи династіи; Россія, слѣдовательно, сочувствуетъ всѣмъ и всему, что содѣйствуетъ достиженію этихъ цѣлей; но, съ другой стороны, она твердо рѣшилась не вмѣшиваться во внутреннія дѣла другихъ странъ.

Но это невмѣшательство должно было прекратиться, когда внутреннія австрійскія движенія начали окрашиваться польскими цвѣтами. Изъ Англіи послышались предостереженія отъ ватерлооскаго побѣдителя: «Въ моихъ глазахъ,—говорилъ Веллингтонъ,—военное положеніе русскаго императора въ Царствѣ Польскомъ есть якорь спасенія для дѣлой Европы. Это положеніе надобно удержать нетронутымъ до тѣхъ поръ, пока отношенія опредѣлятся въ прочихъ странахъ. Никто не можетъ предвидѣть, что произойдетъ изъ всего этого. Одно я очень хорошо понимаю: это то, что военное положеніе русскаго императора въ Польшѣ составляетъ единственный операціонный базисъ для монархической Европы. Вотъ почему, для общаго блага, необходимо, чтобы это положеніе оставалось нетронутымъ». Въ сентябрѣ 1848 года русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Медемъ, обратилъ вниманіе австрійскаго министерства на состояніе Кракова, какъ гнѣзда революціи. По письму графа Нессельроде, Медемъ долженъ былъ выразить сожалѣніе, что австрійское правительство смотритъ на это такъ равнодушно, напомнить, что Краковъ былъ присоединенъ къ Австріи именно для того, чтобы положить конецъ революціоннымъ затѣямъ, которыхъ Краковъ былъ очагомъ. Если эта цѣль не достигается, если австрійское правительство не въ состояніи выполнить обязательствъ, принятыхъ имъ на себя при взятіи Кракова въ свое владѣніе, то императоръ Николай не позволитъ, чтобъ революція утвердилась на постоянное жительство подлѣ границъ его имперіи, и можетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, какія ему внушитъ обязанность законной защиты. Въ октябрѣ, первенствующій министръ, графъ Феликсъ Шварценбергъ, выразилъ графу Медему желаніе австрійскаго правительства, для бо́льшаго упроченія безопасности имперій, получить надежду, въ случаѣ нужды, на помощь русскихъ войскъ.

Отношенія боровшейся за свое существованіе Австріи къ двумъ большимъ кораблямъ, нетронутымъ революціонною бурею, оказались въ концѣ года. Съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ императора

Франца-Іосифа отправился въ Петербургъ эрцгерцогъ Вильгельмъ; но этой чести не могли оказать англійской королевѣ, желая пощадить эрцгерцога отъ встрѣчи съ лордомъ Пальмерстономъ, который, при каждомъ случаѣ, давалъ ясные знаки своего нерасположенія къ Австріи. Мы видѣли, что, въ началѣ революціонныхъ движеній, лордъ Пальмерстонъ совѣтовалъ туринскому кабинету соблюдать строгій нейтралитетъ. Но Карлъ-Альбертъ только и ждалъ той благопріятной минуты, когда смуты потрясутъ зданіе австрійской имперіи, чтобъ напасть на Ломбардію. Когда сардинскій посланникъ сталъ объяснять лорду Пальмерстону побужденія, заставлявшія его короля принять враждебное положеніе относительно Австріи, то англійскій министръ отвѣчалъ ему: «Я васъ слушаю, но вамъ не отвѣчаю». Пальмерстонъ предположилъ, что Австрія не выдержитъ революціонной бури, распадется или, по крайней мѣрѣ, страшно ослабѣетъ и не будетъ въ состояніи бороться съ Франціею, которая была постоянно на первомъ планѣ для англичанина, какъ самый опасный врагъ; потому надобно было создать новый оплотъ противъ Франціи, которымъ должно было служить усиленное Сардинское королевство. Лордъ Пальмерстонъ прямо высказался на этотъ счетъ австрійскому посланнику, что потеря Ломбардіи для Австріи составляетъ совершившійся фактъ, и что, соединяясь съ Сардиніею, она получаетъ политическое значеніе оплота между Австріею и Франціею; потомъ, принявши участіе въ переговорахъ между Австріею и Сардиніею, Англія настаивала сначала на уступкѣ всего Ломбардо-Венеціанскаго королевства Сардиніи, а послѣ—хотя одной Ломбардіи, чѣмъ сильно озлобила противъ себя австрійское правительство. Кромѣ того, узнавши, что австрійское правительство желаетъ пріобрѣсти въ Англіи нѣсколько военныхъ пароходовъ и набрать для нихъ матросовъ, лордъ Пальмерстонъ выставилъ этому всевозможныя препятствія. Наконецъ, когда фельдмаршалъ Радецкій наложилъ денежную пеню на ломбардскую знать, принимавшую участіе въ революціонномъ движеніи, лордъ Пальмерстонъ поручилъ англійскому посланнику въ Вѣнѣ сдѣлать противъ этого распоряженія серьезныя представленія.

Венгерцы сначала не признали новаго императора, а потомъ, въ апрѣлѣ 1849 года, Австрійскій домъ былъ объявленъ лишеннымъ венгерскаго престола, и Венгрія была объявлена республи-

кою. Въ мартѣ, графъ Медемъ донесъ, что Шварценбергъ, представляя несостоятельность австрійской арміи противъ венгерцевъ, усиленныхъ особенно поляками, проситъ сосредоточенія русскихъ войскъ на границахъ Буковины и Галиціи, чтобы, въ случаѣ нужды, они могли дѣйствовать заодно съ австрійскими противъ мятежниковъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, Шварценбергъ представлялъ Медему опасное состояніе Трансильваніи, какъ революціоннаго гнѣзда: «движеніе направляется поляками, къ которымъ присоединились италіанцы, французы, нѣмцы и даже нѣсколько англичанъ. Овладѣвши Трансильваніею, они хотятъ дѣйствовать въ Дунайскихъ княжествахъ: необходимо прекратить такое положеніе дѣлъ, необходимо вступленіе русскихъ войскъ, въ числѣ отъ 25-ти до 30,000 человѣкъ; русскіе вступятъ въ Трансильванію, австрійцы будутъ дѣйствовать въ Венгріи». Въ то же время герцогъ Веллингтонъ говорилъ русскому послу, барону Бруннову: «Время Австріи покончить съ Венгріею. Если у нея нѣтъ для этого средствъ, пусть проситъ ихъ у вашего государя. Но надобно, чтобъ эти средства были достаточны. Просить 4,000, когда надобно было 40,000—это была ошибка, большая ошибка». Баронъ Брунновъ передалъ эти слова Веллингтона князю Меттерниху, жившему тогда въ Лондонѣ. Меттернихъ отвѣчалъ: «Замѣчаніе герцога напоминаетъ мнѣ что случилось послѣ трокадерской кампаніи. Мадритскій кабинетъ обратился къ Увраpу съ просьбою ссудить ему 20 милліоновъ франковъ. Увраръ отвѣчалъ: «я не знаю ни одного банкира въ Европѣ, который бы согласился дать Испаніи 20 милліоновъ; но еслибъ она спросила 200 милліоновъ, то я бы завтра же ихъ ей доставилъ».

На представленія Шварценберга пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга, согласный съ мнѣніемъ Веллингтона: императоръ Николай готовъ подать помощь, только подъ условіями: 1) чтобъ вспомогательный корпусъ былъ значительный; 2) чтобъ онъ не соединялся съ австрійскими войсками, для избѣжанія столкновеній. Условія были приняты.

Въ Англіи не всѣ смотрѣли на дѣло глазами Веллингтона. Лордъ Пальмерстонъ говорилъ: «можно сожалѣть о фактѣ, не отвергая его необходимости». Въ публикѣ сначала было сильное сочувствіе къ венгерскому дѣлу; сочувствіе охладѣло, когда увидѣли, что въ этомъ дѣлѣ принимаютъ участіе революціонеры

польскіе, италіанскіе, французскіе. Противуобщественный характеръ, принятый отъ этого борьбою, охладилъ жаръ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ венгерской свободы. Когда баронъ Брунновъ далъ знать англійскимъ министрамъ, что Киселевъ снова назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Парижѣ, то это извѣстіе было принято съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Въ интересѣ англійскаго кабинета было не давать русскому походу противъ Венгріи видъ движенія, организованнаго въ большихъ размѣрахъ противъ конституціоннаго порядка западной Европы. Еслибъ такова была мысль, руководившая русскимъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, то трудно было бы британскому кабинету отнестись равнодушно къ реакціи, которою англійская публика была бы сильно встревожена, ибо увидѣла бы въ ней сигналъ къ войнѣ за принципы, могущіе нарушить миръ всей вселенной. Этотъ страхъ теперь былъ удаленъ возстановленіемъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею. Внутренно британскій кабинетъ былъ убѣжденъ въ необходимости и пользѣ прихода Россіи на помощь къ Австріи; но при этомъ его мучила мысль, что эта помощь дастъ Россіи преимущество предъ Австріею, даже нѣкоторое господство надъ нею. То же безпокойство раздѣляла съ правительствомъ и публика. Одинъ изъ вліятельныхъ членовъ кабинета сказалъ: «Мы увидимъ, что Австрія послѣ этого низойдетъ на степень вассальной державы относительно Россіи». Вслѣдствіе этого страха, британскій кабинетъ сталъ придумывать, какъ бы найти противовѣсъ русскому вліянію на Австрію. Поэтому Англія такъ благопріятно смотрѣла на усиленіе Пруссіи въ Германіи и стала сближать ее съ Франціею, даже рѣшилась терпѣливо смотрѣть, какъ послѣдняя усиливала свое вліяніе въ Италіи, ибо это будетъ вредно для Австріи. Самолюбіе лорда Пальмерстона сильно пострадало отъ неудачи его италіанской политики. Противники воспользовались этимъ, чтобы его унизить и отнять у него кредитъ; это раздражило Пальмерстона до крайности и онъ вымещалъ удары противниковъ на Австріи. Лордъ Дж. Россель относился къ дѣлу иначе; онъ говорилъ: «Счастье, что Кошутъ далъ этой борьбѣ характеръ движенія чисто анархическаго. Намъ было бы труднѣе, еслибъ онъ держался на конституціонной почвѣ защиты національныхъ правъ и вольностей. Явленія приняли характеръ соціальной дезорганизаціи. Этого не любятъ въ Англіи».

Когда баронъ Брунновъ объявилъ Пальмерстону, что графъ Бергъ отправленъ въ Вѣну для соглашеній на счетъ венгерской кампаніи, тотъ отвѣчалъ: «Кончайте съ этимъ скорѣе».

Кончили скоро.

С. М. Соловьевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНѢ

1853—1855.

Доктора А. А. Генрици.

II [1]).

ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ И ВЪ ЕГО СТѢНАХЪ.

Нельзя совершенствоваться не зная и не сознавая своихъ ошибокъ.

I.

Въ исходѣ сентября 1854 года, главныя силы прежняго маловалахскаго отряда, т. е. 12-л пѣхотная дивизія съ соименною бригадою артиллеріи и баталіономъ греческихъ волонтеровъ, еще съ свѣжими воспоминаніями о калафатскихъ экспедиціяхъ, усиленными маршами прибыли изъ Бессарабіи въ Крымъ.

Азовскій полкъ первымъ перешелъ черезъ Перекопъ, 28-го сентября, имѣя при себѣ трехъ медиковъ, трехъ фельдшеровъ, полный штатъ лазаретной прислуги и лазаретный обозъ, состоявшій изъ 8-ми полуфурокъ, полковой аптеки, везомой тройкою на двухколесномъ, трясскомъ ящикѣ и—такъ называемой „вьючной аптечки“ на бидкѣ [2]) въ одну лошадь.

Первые переходы отъ Перекопа степями—оголенными, унылыми, лишенными воды и всякой растительности—были утомительны. Съ трудомъ добывалась невкусная и солоноватая вода изъ глубокихъ колодцевъ. Почва, состоящая преимущественно изъ раковистаго известняка, скудно и не вездѣ прикрытая слоемъ чернозема, при движеніи эшелоновъ, издавала удушливую и ѣдкую пыль, которая, при засухѣ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 301—334.

[2]) Двуколка самой легкой молдавской постройки, на буковыхъ осяхъ. А. Г.

и совершенномъ отсутствіи росы, не уменьшалась ни вечеромъ, ни ночью. Все это, при недостаткѣ атмосфернаго электричества, стѣсняло дыханіе.

Далѣе, и только мѣстами, по близости соляныхъ озеръ, видъ солончаковыхъ, бурыхъ степей, скудно покрытыхъ полынью и солянками, нѣсколько успокаивалъ глазъ, а единственное встрѣчаемое животное — верблюдъ и изрѣдка показывавшіеся на горизонтѣ курганы говорили о жизни настоящей, безцвѣтной, и напоминали жизнь прошедшую, бурно протекавшую жизнь народовъ въ этихъ мѣстахъ.

Такими пустынями прошли мы болѣе 110-ти верстъ (до Сарабуза), когда впервые, въ сторонѣ отъ дороги, завидѣли православную церковь и затѣмъ пришлось вскорѣ нѣсколько разъ перейти вбродъ черезъ прихотливо изгибающійся Салгиръ. — Роскошные сады по его теченію; разнообразная и оживленная растительностію и стадами мѣстность; обиліе проточной воды; деревни и усадьбы, встрѣчавшіяся по пути, и еще того болѣе показавшійся на горизонтѣ Чатырдагъ, скоро прогнали у насъ думы, навѣянныя безотрадною природою перекопскихъ степей.

Ни 2-го числа октября въ Симферополѣ, ни 3-го числа въ Бакчисараѣ, мы не дневали, а изъ послѣдняго въ окрестности Севастополя повелъ наши эшелоны генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ.

Живописная, гористая мѣстность, великолѣпные сады и богатыя пажити, неожиданно открывающіеся пейзажи, крайне перемѣнчивое мѣстоположеніе и притомъ обиліе проточной и ключевой воды, все это самый трудный переходъ по горамъ, долинамъ и ущеліямъ дѣлало вмѣстѣ самымъ пріятнымъ и завлекательнымъ.

Увлеченный незнакомыми видами и вообще богатствомъ и разнообразіемъ природы, солдатъ легко преодолѣвалъ усталость, такъ что, не смотря на физическія препятствія, переходъ былъ свершенъ и весело и скоро.

Слѣдуя ущеліями, мы вошли въ низменную, плоскую котловину, со всѣхъ сторонъ окруженную равномѣрно высокими скалами, образующими два довольно правильныхъ, сплошныхъ полукруга, съ двумя выходами въ противоположныя другъ другу ущелья. Это мѣсто было уже такъ близко къ Чоргуну и къ непріятельскимъ позиціямъ, что слышны были отдѣльные выстрѣлы,—и намъ велѣно было здѣсь расположиться ночлегомъ. День былъ жаркій, но, вступивши въ 4-мъ часу по полудни въ границы котловины, мы почувствовали сырой, охватывающій и пронзительный холодъ. Песчаная почва мѣстами только покрыта была густою, широко-лиственною, но блѣдною зеленью, а въ другихъ представляла отдѣльныя, песчаныя лысины.

Въ различныхъ направленіяхъ ее прорѣзывали самые незначительные ручейки, широко расплывавшіеся по болѣе низменнымъ мѣстамъ, дѣлая всю эту мѣстность крайне сырою, а при условіяхъ наступающаго вечера, ощутительно парною. Вѣроятно, по описаннымъ свойствамъ, эта мѣстность и туземцами названа мокрою луговиною. Не понимая стратегическихъ соображеній, я убѣдительно просилъ командира полка—не останавливаться въ этой котловинѣ, по крайней мѣрѣ, не располагать полкъ на низменной площади ея, но дозволить частямъ подняться на крайнія покатости, примѣрно на 1/8 часть высоты скалъ, окаймляющихъ котловину, и шутя назвалъ все это мрачное затишье „холерною луговиною“. Когда моя просьба найдена была не удобоисполнимою, то я и самъ боялся, чтобы мои представленія не показались смѣшными, тѣмъ болѣе, что въ то время не слышно было о холерѣ. — Забывъ свои опасенія, и я, по примѣру многихъ, разбилъ шинель на палкахъ и, прикрывъ входъ раскрытымъ зонтикомъ, приготовилъ себѣ помѣщеніе для ночлега на томъ же бивуакѣ, какъ около 8-ми часовъ вечера принесли въ лазаретный обозъ заболѣвшаго альгидною холерою, а въ слѣдующіе полчаса—еще такихъ пять человѣкъ. Въ теченіе часа двое уже умерли, а четверо стали поправляться.

Это происшествіе сильно повліяло на убѣжденія командира, приказавшаго всѣмъ частямъ полка сняться съ площади и, не выходя изъ предѣловъ котловины, расположиться на скатахъ и выступахъ скалъ, ниже самыхъ вершинъ,—и холерныхъ случаевъ болѣе уже не было.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, Азовскій полкъ вступилъ въ Чоргунъ; къ ночи прибылъ и Днѣпровскій пѣхотный полкъ съ артиллеріею, такъ что вся бригада генерала Семякина, 5-го октября, заняла Чоргунскія дефиле, расположившись на косогорахъ, примыкавшихъ къ горамъ мѣловой формаціи. Такимъ образомъ, мы очутились въ тылу непріятельской позиціи, въ 6-ти верстахъ отъ Балаклавы и въ 4-хъ отъ передовыхъ укрѣпленій Севастополя.

Въ самой деревнѣ отобрано были по одному небольшому домику подъ лазаретъ каждаго полка; на дворахъ и незанятыхъ площадкахъ деревни ставились солдатскія палатки, въ которыхъ съ пользою помѣщались больные, при продолжавшейся тогда еще теплой погодѣ; при наступленіи болѣе холодныхъ ночей, больничныя палатки сдваивались цыновками, которыхъ запасомъ въ обозѣ дорожилъ каждый штабъ-лекарь.

5-го октября непріятель бомбардировалъ Севастополь и Корабельную слободку, съ моря и суши. 6-го числа октября генералъ-

маіоръ Семякинъ, забравши Днѣпровскій и Азовскій полки, безъ артиллеріи, сдѣлалъ усиленную рекогносцировку и вмѣстѣ наступательное движеніе на окрестности Балаклавы. Смѣлымъ вторженіемъ въ непріятельскія позиціи, онъ заставилъ непріятеля стрѣлять по растянутымъ нашимъ эшелонамъ,—и такимъ образомъ открылъ мѣста скрывавшихся за гребнями горъ непріятельскихъ батарей.

Въ 7-мъ часу утра, оба полка, изъ Чоргунскихъ дефиле спустившись въ долину Черной рѣчки, разошлись: Днѣпровскій полкъ въ полномъ составѣ и съ своимъ лазаретнымъ обозомъ повернулъ влѣво отъ насъ, и направился обходною дорогою на деревню Комары; Азовскій двинулся прямо на каменный мостъ, на р. Черной.

Шагахъ въ 20-ти отъ хвоста колонны тянулся обозъ изъ 8-ми лазаретныхъ полуфурокъ, а впереди ихъ слѣдовалъ пустой пушечный лафетъ, запряженный четверкою, цугомъ. Этотъ-то лафетъ всего сильнѣе меня безпокоилъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ велѣно было ѣхать во главѣ этого обоза, не отставая ни на аршинъ отъ послѣдняго ряда колонны. По инструкціи, данной мнѣ генер. Семякинымъ, морда моей лошади должна была упираться въ ранецъ послѣдняго солдата, слѣдовавшаго въ колоннѣ. —По его объясненію, этого порядка надобно было строго держаться для того, чтобы, при частыхъ и неожиданныхъ поворотахъ полка на холмистой и неизвѣстной еще намъ мѣстности, обозу не отстать и не затеряться.

Кромѣ меня, при этомъ обозѣ былъ баталіонный лекарь Арефьевъ, два фельдшера, 4 цирюльника 2-го комплекта, а въ качествѣ носильщиковъ—музыкантская команда и нѣсколько верховыхъ казаковъ. Рядомъ со мною шелъ полковой священникъ Борщѣ, мой неотступный товарищъ во всѣхъ военныхъ экспедиціяхъ, а за нимъ его дьячекъ.

Перешедъ мостъ и затѣмъ ущелье, полкъ не долго держался Балаклавской дороги, а наткнувшись съ лѣвой стороны на оконечность горы, мыскомъ противъ насъ выдававшейся, и, вѣроятно, забывъ про свой обозъ, повернулъ съ дороги вправо и потянулся длинною колонною по косогору, до того крутому, что приходилось полуфурки съ одной стороны подпирать людьми, а лошадей вести подъ-уздцы.

Не смотря на всѣ усилія слѣдовать, согласно приказанію, непосредственно за полкомъ, обозъ отъ него отсталъ сажень на 15,—и въ это время раздались пушечные выстрѣлы впереди, съ противоположной горы, отдѣленной отъ насъ глубокимъ оврагомъ. Вслѣдъ за тѣмъ болѣе дальніе выстрѣлы, пущенные въ насъ сзади, не позволяли намъ сомнѣваться въ томъ, что мы попали въ перекрестный огонь, и что на мыскѣ, отъ котораго мы повернули вправо, была батарея, которая насъ нарочно пропустила безъ выстрѣла, замѣтивъ, что полкъ

самъ направился на мѣстность, сильно обстрѣливаемую. Попадали въ насъ только съ передней батареи, а съ задней снаряды переносило, и они шлепались въ скалу, обдавая обозъ мелкимъ щебнемъ и пылью. Не прибавляя шагу, полкъ, тѣмъ же косогоромъ, все болѣе и болѣе забирая вправо, прошелъ мимо передней батареи, и за скалой расположился бивуакомъ, а съ наступленіемъ ночи постоянно мѣнялъ мѣсто, оставляя вездѣ послѣ себя пылающіе костры, и часу въ десятомъ обратно направился на Чоргунскую позицію, но не прежнею дорогою.

Совсѣмъ другой участи подвергся лазаретный обозъ: имѣя впереди себя лафетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ былъ принятъ за артиллерійскій паркъ, а потому и выстрѣлы по немъ изъ обѣихъ батарей не умолкали болѣе пяти минутъ.

Такъ какъ не было никакой возможности слѣдовать далѣе за полкомъ, по крутизнамъ и безъ слѣдовъ всякой дороги, а назадъ возвращаться прежнимъ путемъ—значило отдать весь обозъ на самовѣрнѣйшее разстрѣляніе задней батареѣ, мимо которой ему пришлось бы возвращаться, то, присмотрѣвшись какими мѣстами удобнѣе проводить его и убѣдясь въ томъ, что снаряды съ задней батареи уже зарывались позади насъ, я приказалъ обозу медленно слѣдовать впередъ и, выбирая болѣе удобныя и покатыя мѣста, исподволь спускаться къ самому подножію передней батареи.

Какъ только полуфурки, подпираемыя людьми, стали спускаться въ оврагъ, такъ обѣ батареи мгновенно замолкли, вѣроятно, полагая, что и безъ выстрѣловъ мы попадемъ въ силки, или потому, что неудобно было направлять выстрѣлы круто внизъ. Тогда я послалъ 20 человѣкъ носильщиковъ и фельдшера искать раненыхъ. Обозъ же, выстроившись въ оврагѣ и имѣя надъ собою переднюю батарею, повернулъ круто назадъ, и тѣмъ же широкимъ оврагомъ прослѣдовалъ почти до задней, и вблизи ея, прикрываясь холмомъ, повернулся лицомъ къ ущелью, ведущему на каменный мостъ, и въ этомъ направленіи тронулся съ мѣста. Лишь только первыя двѣ полуфурки показались изъ-за холма на равнинѣ, отдѣлявшей ихъ отъ ущелія, какъ обѣ батареи опять открыли по насъ огонь.

Но видя ясно, что снаряды, еще не хорошо прицѣленные, попадали впереди полуфурокъ, въ самые гребни ущелья, я поочередно пускалъ во весь опоръ по двѣ, и по три полуфурки вслѣдъ за выстрѣлами.

Во всю эту переправу обоза съ лафетомъ до ущелья, однимъ ядромъ раздробило заднее колесо въ одной пустой полуфуркѣ, и опрокинуло ее вмѣстѣ съ фурштатомъ при самомъ въѣздѣ въ ущелье. Подпирая нѣсколькими парами носилокъ, удалось ее втащить въ ущелье, откуда, послѣ скорой починки, отослали ее въ Чоргунъ. Пройдя ущелье,

обозъ, не переходя каменнаго моста, расположился на лѣвомъ, непріятельскомъ берегу Черной (по лѣвую сторону моста), собственно по той причинѣ, что съ наступленіемъ вечера надо было ожидать возвращенія Азовскаго полка прежнею дорогою.

Все это въ разсказѣ долго, но на дѣлѣ весь маневръ отступленія продолжался не болѣе 25-ти минутъ. Оставивъ обозъ у моста, отправились мы съ священникомъ Борщомъ на мѣсто бывшей перестрѣлки кратчайшимъ путемъ. Ни въ насъ, ни въ носильщиковъ непріятель не стрѣлялъ. Мы нашли трехъ убитыми, 4-го съ оторванною рукою въ верхней трети средняго плеча, а пятаго сильно контуженымъ въ лѣвое плечо и грудь. Священникъ Борщъ велѣлъ носильщикамъ углубить найденную вблизи яму и, отпѣвъ убитыхъ, похоронилъ ихъ съ молитвами, что̀ произвело хорошее впечатлѣніе на присутствовавшихъ, а въ удивленномъ непріятелѣ возбудило восторгъ [1]). Контуженаго понесли къ мосту, а раненый, по наложеніи турникета, пришелъ самъ, поддерживаемый мною подъ турникетъ. По причинѣ раздробленія остатка кости, ему сдѣлано было вылущеніе плеча и наложена сдерживающая повязка.

Кто былъ на войнѣ, тотъ, не взирая на различіе въ воспитаніи, всегда усвоитъ много общаго съ массою, съ которою дѣлитъ горе и радость, и всегда живо помнитъ самыя мелкія и, по видимому, незначительныя подробности полевой жизни. Такъ и я не могу не разсказать слѣдующаго:

Чтобы не держать на солнцѣ и доставить больше покоя, я перевелъ обоихъ страдальцевъ съ мѣста операціи подъ своды моста, самъ же остался лежа неподалеку и выше кроваваго пятна, оставшагося послѣ операціи. Къ закату солнца наши солдаты стали появляться у моста, какъ они говорили, за водою. Одинъ изъ нихъ предостерегъ меня отъ находившейся вблизи меня змѣи, говоря:

— «Ваше благородіе, видно намъ быть обманутыми: посторонитесь, къ вамъ подъѣзжаетъ змѣя».

Дѣйствительно, змѣя подползала съ берега рѣчки, но только не ко мнѣ, а къ кровавому пятну; ныряла въ него носомъ, и кончила тѣмъ, что легла кругомъ его колесомъ, приподнявъ высоко голову.

— «Глядь, — сказалъ цирюльникъ, Степанъ Курта, — она защищаетъ солдатскую кровь: вишь, сычитъ какъ и не подпускаетъ никого». Змѣя была, однако, изорвана штыками.

---

[1]) Съ горнаго хребта, занятаго переднею непріятельскою батареею, нѣсколько человѣкъ французовъ спустились на половину его высоты, и, присматриваясь къ дѣйствіямъ нашего священника, били въ ладоши, вѣроятно, въ знакъ совершеннаго одобренія. А. Г.

Въ 10 часовъ вечера намъ дали знать казаки, что ген. Семякинъ съ полкомъ, перейдя въ другомъ мѣстѣ рѣчку вбродъ, пошелъ обратно къ Чоргунскимъ позиціямъ; почему и лазаретный обозъ, забравъ паціентовъ, направился туда-же.

На другой день, ген. Семякинъ, разслѣдывая причины, по которымъ лазаретный обозъ отсталъ отъ полка, по неволѣ долженъ былъ оправдать всѣ мои дѣйствія, когда я припомнилъ ему отданное мнѣ вчера приказаніе и его неудобоисполнимость въ ломаной и опасной мѣстности, по которой полкъ проходилъ надъ пропастью. Во всякомъ случаѣ, на меня легло другое обвиненіе, въ томъ, что, видя невозможность слѣдовать за полкомъ, я не послалъ къ нему казака съ тѣмъ, чтобы испросить дальнѣйшаго приказанія или отмѣны прежняго. Когда-же я объяснилъ, что казаки не были въ моемъ распоряженіи, и что косогоромъ ни пѣшему, ни верховому, нельзя было пробраться сквозь сжатую колонну къ ея головѣ, что мнѣ самому таковыя попытки неудались, то ген. Семякинъ выхлопоталъ мнѣ привиллегію—имѣть при себѣ 4-хъ казаковъ на все время, пока не перестану завѣдывать передовыми перевязочными пунктами.

Нѣтъ худа безъ добра. Понимая всю важность такого преимущества, и я, со своей стороны, старался объ удержаніи его на все остальное время обороны Севастополя, и, благодаря казакамъ, я всегда успѣвалъ слѣдить за движеніями и нуждами войскъ и, смотря по обстоятельствамъ, удачно разбивалъ передовые перевязочные пункты, направляя носильщиковъ на поле сраженія, а раненыхъ на перевязочный пунктъ тѣми же казаками.

Какъ ни маловажными казались дѣйствія ген. Семякина, но послѣдствія ихъ были замѣтны, непріятель разбросалъ свои силы: канонада по Севастополю значительно уменьшилась и пріостанавливалась большими перерывами.

Въ то время, кромѣ Чоргунскихъ дефиле, къ раіону ген. Семякина принадлежала и Байдарская долина, а, помимо 1-й бригады, къ его отряду принадлежали: Владимірскій полкъ съ 4-мя орудіями, полкъ уланъ и двѣ сотни казаковъ.

8-го октября, въ полдень, ген. Семякинъ одновременно потревожилъ непріятеля со всѣхъ доступныхъ ему сторонъ: отъ Байдарской долины, отъ Чоргуна и Гасфортовой горы. Слѣдствіемъ такой диверсіи было то, что непріятель совсѣмъ пріостановилъ канонаду по Севастополю, а, устремивъ свои силы къ своему тылу, сталъ обстрѣливать наши позиціи.

Такъ какъ, кромѣ того, непріятель большими массами напиралъ на Чоргунскія позиціи, то наши войска (Чоргунскій отрядъ) выступили

изъ своихъ дефиле и, спустясь въ долину Черной, развернулись, но были такъ удачно разставлены, что выстрѣлы союзниковъ ихъ не задѣвали. Озлобленный непріятель сталъ посылать къ намъ ракеты, но ихъ переносило надъ нами и надъ Чоргуномъ, въ скалы. Наконецъ, не было мѣста назади насъ и по сторонамъ, гдѣ-бы ракеты не дѣлали опустошеній, но въ отрядъ онѣ какъ-то не попадали, и мы, преодолѣвъ первое непріятное впечатлѣніе, спокойно слѣдили за полетомъ каждой ракеты. Къ закату солнца, непріятель поскупился терять по-пусту дорогіе снаряды, нашъ-же отрядъ, пробивъ зорю съ церемоніею почти одновременно во всѣхъ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, отошелъ къ Чоргуну и впереди самой деревни расположился ночлегомъ, выставивъ густую цѣпь по р. Черной. Медики, покончивъ занятія въ лазаретахъ, расположенныхъ въ деревнѣ, присоединились на ночлегъ къ своимъ войскамъ, не образуя общаго перевязочнаго пункта, такъ какъ трудно было угадать, откуда непріятель поведетъ свое нападеніе. Нападенія мы не дождались, а Севастополь за ночь отдохнулъ, починилъ поврежденныя и выставилъ новыя укрѣпленія.

Къ 10-му октября подошла и наша 2-я бригада, и вмѣстѣ съ 1-ю заняла позицію у Чоргуна.

II.

Позднимъ вечеромъ 12-го октября медики всѣхъ частей 12-й пѣхотной дивизіи собрались въ деревнѣ у дивизіоннаго доктора, гдѣ узнали, что слѣдующаго, 13-го, числа нашъ Чоргунскій отрядъ, имѣвшій тогда до 24,000 войска, подъ начальствомъ генерала Липранди, будетъ брать деревню Комары и четыре непріятельскіе редута, защищающіе Балаклавскій рейдъ и англо-турецкій лагерь (у Кадыкіоя). Въ общихъ чертахъ намъ стала извѣстна диспозиція, состоявшая въ томъ, чтобы генералъ Граббе съ тремя баталіонами, нѣсколькими эскадронами уланъ и казаками, оберегая лѣвый флангъ нашъ, направился на дер. Комары и занялъ ее. Генералъ Семякинъ съ 10-ю баталіонами, при 20-ти орудіяхъ, перейдя рѣку у деревни Чоргунъ, тремя колоннами атакуетъ три редута, находящіеся правѣе деревни Комары; четыре баталіона при 6-ти орудіяхъ, перейдя рѣку чрезъ каменный мостъ, возьмутъ крайній съ правой стороны, т. е. 4-й редутъ; ген. Рыжовъ съ бригадою гусаръ, развернувшись въ долинѣ на правомъ флангѣ сказанныхъ войскъ, будетъ обезпечивать ихъ дѣйствія, а ген. Жабокрицкій съ семью баталіонами займетъ Ѳедюхины горы.

По такой диспозиція и мы выбрали для отряднаго передоваго

перевязочнаго пункта мѣстность, находящуюся позади (не переходя) каменнаго (трактирнаго) моста, тотчасъ по лѣвую его сторону. Эта мѣстность, съ лѣвой и съ передней своей стороны, была окружена водопроводомъ, дѣлавшимъ здѣсь крутой поворотъ, и если она не совсѣмъ была защищена отъ выстрѣловъ, то всетаки за окружающими холмами скрывалась отъ прицѣла. Она представляла обширный и ровный лугъ, не дававшій пыли при движеніи, мѣстами богатый сочною травою и мелкимъ кустарникомъ, способствовавшимъ тѣни. Какъ увидимъ далѣе, каждая изъ упомянутыхъ статей намъ послѣ пригодилась.

Въ Чоргунѣ лучшіе дома отобраны были подъ лазаретъ, заготовлена солома для подстилки, но предположено до окончанія дѣла не открывать лазарета, а держать всѣ вещи въ полуфуркахъ. Всѣмъ наличнымъ семи медикамъ велѣно было находиться на передовомъ перевязочномъ пунктѣ, а послѣ дѣла, по опредѣленію дивизіоннаго доктора, одному или двумъ завѣдывать лазаретомъ, а прочимъ оставаться при дѣйствующихъ войскахъ.

13-го октября, за два часа до разсвѣта, лазаретные обозы четырехъ пѣхотныхъ полковъ расположились на вышеописанной мѣстности. Лѣвый цоколь мостика, перекинутаго черезъ водопроводъ, составлялъ крайнюю правую границу перевязочнаго пункта отъ Азовскаго пѣхотнаго полка, а его уступы и контуры на соединеніи съ валомъ служили раненымъ опорою при производствѣ имъ большихъ операцій.

Вся пѣхота съ артиллеріею, еще до разсвѣта, прошла около перевязочнаго пункта. Одна часть, не доходя его, прошла рѣчку вбродъ и круто повернула влѣво, а другая мимо насъ прошла на каменный мостъ; туда же послѣдовала и кавалерія.

Въ 7-мъ часу утра, при начавшемся уже наступленіи, прошелъ мимо перевязочнаго пункта на тотъ же мостъ Уральскій казачій полкъ, прибывшій въ одинъ ночной переходъ, безъ отдыха, горными мѣстами изъ Бакчисарая. Люди были изнурены безсонницею до того, что съ трудомъ держались въ сѣдлахъ; лошади не кормленныя и не поенныя. Поневолѣ мы напередъ пожалѣли о казакахъ, назначенныхъ для занятія ущелій сосѣднихъ полю битвы. Всѣ боялись, чтобы недоспавшіе и голодные казаки, вмѣсто помощи, не нагнали бы уныніе на нашъ отрядъ. Въ седьмомъ часу раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и минуты на двѣ все смолкло. Не было сомнѣнія, что наши пошли на штурмъ, не отвѣчая на выстрѣлы. Послышалось ура и опять все затихло, какъ вдругъ поднялась канонада, перерываемая то ружейными выстрѣлами, то повторенными криками ура. Въ осьмомъ часу ужъ не могло быть сомнѣнія, что наши на всѣхъ

пунктахъ выбили непріятеля и завладѣли дер. Комарами и четырьмя редутами; а прибѣжавшіе за водою солдаты подтвердили вѣсть и поразсказали немало подробностей о взятіи редутовъ, разбитаго на нихъ турецкаго лагеря и 8-ми пушекъ. Къ девяти часамъ стали подносить къ намъ раненыхъ; полуфурокъ за ними мы не посылали по причинѣ трясской, гористой дороги и недалекому разстоянію взятыхъ позицій отъ перевязочнаго пункта [1]).

Всѣхъ нашихъ болѣе тяжело раненыхъ было 136—въ томъ числѣ 4 оберъ-офицера, да кромѣ того турокъ человѣкъ 17. Кромѣ этого числа, было еще болѣе ста человѣкъ легко раненыхъ, пожелавшихъ послѣ перевязки возвратиться во фронтъ. Поврежденія были самыя разнохарактерныя. Было болѣе двадцати случаевъ разможенія и отрывовъ артиллерійскими снарядами, преимущественно верхнихъ конечностей; больше же всего было ружейныхъ, пулевыхъ ранъ; но не все число ихъ было засчитано въ упомянутую цифру (136), такъ какъ онѣ представляли, въ большей части случаевъ, сравнительно легкія поврежденія, особенно послѣ вынутія пули; затѣмъ, колотыхъ ранъ было не болѣе 15-ти, но всѣ онѣ представляли поврежденія, плохо заживавшія, такъ какъ сопрягались съ значительнымъ ушибомъ. Рѣзаныя раны турецкими ятаганами были глубоки и обширны, но представляли линейныя, правильныя поврежденія, легкія для перевязки и скоро заживавшія. Кромѣ того, было много ушибовъ камнями и ручныхъ, и одинъ вывихъ плеча, такъ какъ, при взятіи штурмомъ редутовъ, сраженіе закончилось атакою въ штыки, перешедшею въ рукопашную схватку. Самое большее число раненыхъ было изъ колонны (средней) Семякина, особенно Азовскаго пѣхотнаго полка. Около 10-ти часовъ, подошелъ ко мнѣ поручикъ того же полка Эйнзидель, перешедшій къ намъ изъ саксонскихъ войскъ. Онъ, въ правой, распростертой вѣеромъ рукѣ, держалъ у воротника шинели одну изъ своихъ щекъ, висѣвшую у основанія соотвѣтствующей нижней челюсти на блѣдно-синей, довольно тонкой, кожной перемычкѣ; одинъ глазъ былъ разшибенъ и торчалъ мяснымъ комомъ изъ своей глазницы; половина мякоти носа была въ лоскутѣ.

Прежде всего онъ отдалъ мнѣ свой завѣтный, саксонскаго закала мечъ, весь въ крови, на сохраненіе, а затѣмъ усѣлся для

---

[1]) Въ это время я замѣтилъ отсутствіе священника Борща, всегда помогавшаго мнѣ уходомъ своимъ за безнадежно ранеными. Оказалось, что онъ отправился съ азовцами на штурмъ и во время самаго штурма редутовъ служилъ молебенъ со своимъ дьячкомъ у подножья одного изъ нихъ. Какъ только раздалось наше ура, то онъ поспѣшилъ на поле битвы и отпѣлъ убитыхъ, похоронивъ ихъ со святою водою и съ молитвами. А. Г.

операціи. Вымывъ, очистивъ лоскутъ отъ грязи, песку и мелкихъ костяныхъ осколковъ (скуловая кость была разбита) и пригнавъ его къ уцѣлѣвшимъ остаткамъ лица, я изрѣдка только укрѣпилъ его металлическими швами, бо̀льшую же часть раны соединилъ ленточками липкаго пластыря. Затѣмъ, все охладѣвшее лицо покрылъ ватою, и давъ, помощію ея, больной части возможно полную сферическую форму, укрѣпилъ все бинтовою повязкою. Только на третій день, съ появленіемъ значительной реакціи въ лоскутѣ, съ больной части снимались поочередно швы и клались крѣпко выжатые, холодные компрессы.

Около 11-ти часовъ, у занятыхъ нашимъ отрядомъ позицій вторично раздался грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Четверть часа спустя, съ каменнаго моста показался къ намъ верхомъ раненый гусаръ Веймарскаго полка. Правою рукою онъ правилъ лошадью, а лѣвая была разшиблена и въ крови; проѣзжая мимо перевязочнаго пункта, онъ глухимъ голосомъ прокричалъ:

— „Убирайтесь скорѣе отсель! за мной бѣжитъ непріятель“....

Полагая, что онъ пьянъ, либо рехнулся, многіе оставались на мѣстѣ. Въ это время я съ лекаремъ Вальтеромъ оперировалъ двухъ рядовыхъ того же Веймарскаго полка, вступившаго у Кадыкіоя въ сраженіе съ пѣхотною бригадою Кемпбеля. Вдругъ понесло къ намъ съ моста густою пылью, затѣмъ послышался топотъ лошадей, бряцанье оружія и, въ густомъ облакѣ надвигавшейся на насъ пыли, мы ясно стали различать цвѣта мундировъ непріятельскихъ войскъ. Это неслась по дорогѣ въ Чоргунъ, пролегавшей по краю перевязочнаго пункта, густая колонна непріятельской кавалеріи. Изъ работавшихъ на перевязочномъ пунктѣ, кто какъ могъ—такъ отъ нея спасался въ Байдарскую долину, низовою дорогою. Я съ фельдшеромъ Волковымъ на-скоро усадили свѣже-ампутированнаго нами веймарца на фургонъ и отправили его, не перевязаннаго, съ оставшимся, по счастью, турникетомъ, туда же, куда удрали всѣ. Одинъ я остался на перевязочномъ пунктѣ, да еще мой слуга (крѣпостной), Василій Пашкевичъ, озабоченный взнуздываніемъ дежурной моей лошади. Подведя ее въ торопяхъ ко мнѣ, онъ прокричалъ:

— „Сядайте бо, паночку, скоренько, бо бачите, то не наши, да вертайте-жъ бо направо, на Байдару“.

— А взнуздана ли лошадь? спросилъ я.

— „А тожъ-бокъ! якъ же бы не“,—отвѣтилъ онъ и самъ проскользнулъ вдоль водопровода. Повѣривъ на слово, я вскочилъ въ сѣдло и хотѣлъ было поскорѣе повернуть направо, такъ какъ всадники пробѣгавшей колонны стали ногами задѣвать мою лошадь; но увы!

оказалось, что моя лошадь взнуздана не была, а уздечка держалась только на лѣвомъ ухѣ; повинуясь давленію, произведенному ею на ухо, она повернула голову къ непріятельской колоннѣ, врѣзалась въ средину, проскакала до деревни и, узнавши холмъ вблизи прежней моей конюшни, опередила всѣхъ, вскочила на него въ карьеръ и вдругъ остановилась храпя и роя землю. Пока я ее взнуздывалъ, колонна непріятельская успѣла завернуться назадъ и стала возвращаться въ свои границы прежнею дорогою. Конечно—въ почтительномъ разстояніи, и я послѣдовалъ за нею до перевязочнаго пункта.

Впереди меня заѣхало нѣсколько всадниковъ на перевязочный пунктъ, спѣшили своихъ двухъ раненыхъ и оставили ихъ, уведя лошадей въ колонну. Другіе же тяжело раненые носились по перевязочному пункту, пока, потерявъ равновѣсіе и силы, не попадали съ лошадей. Такимъ образомъ, на нашемъ перевязочномъ пунктѣ осталось 14 раненыхъ всадниковъ изъ отряда Кардигана. Пока сомкнутая ихъ колонна, не мѣняя направленія, прямо мчалась отъ Кадыкіоя къ Чоргуну, многіе раненые держались въ сѣдлѣ, а съ поворота у деревни, ослабѣвъ отъ потери крови и потерявъ равновѣсіе, стали падать какъ мухи. Вскорѣ доставлены были еще два изъ нихъ, упавшіе на самомъ поворотѣ. У одного изъ оставленныхъ колонною на перевязочномъ пунктѣ всадника, шотландца, была срѣзана макушка черепа, державшаяся на неперерѣзанной кожѣ затылка: онъ лежалъ ницъ и мнѣ привелось, приподнявъ срѣзанную часть, впервые въ жизни наблюдать двойное біеніе мозга; онъ еще жилъ около двухъ часовъ, но до смерти оставался въ спячкѣ. Это былъ сабельный ударъ одного изъ нашихъ гусаръ, сражавшихся съ этимъ отрядомъ.

Другой, сардинецъ Ландріани [1]), въ полковничьихъ эполетахъ, имѣлъ сквозную картечную рану повыше колѣна, съ поврежденіемъ состава. Ему была наложена крахмальная повязка съ окошками противъ ранъ,—и сколько я слышалъ отъ сослуживцевъ, то къ концу кампаніи онъ расхаживалъ, прихрамывая, по Симферополю, оставшись съ укороченною дюйма на три ногою.

Въ это же время къ намъ поднесли раненыхъ пѣшихъ турокъ и кавалеристовъ-англичанъ. Послѣдніе отлично и терпѣливо выдерживали операціи; но турки очень были чувствительны къ боли и постоянно о чемъ-то просили, немилосердно дергая медиковъ за полы платья.

Тотчасъ по полудни, проѣзжая на взятые нами редуты, посѣтилъ

---

[1]) См. о немъ въ Разсказахъ А. А. Панаева, «Русская Старина» изд. 1877 года, томъ XIX, стр. 62.

нашъ перевязочный пунктъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, пробылъ минуты съ три, присматриваясь къ нашей дѣятельности, но ни одного слова не проронилъ въ утѣшеніе раненымъ, или для поощренія трудившихся медиковъ. Это обстоятельство не одному изъ насъ напомнило разсказъ, слышанный мною по вступленіи нашихъ войскъ въ Крымъ: когда князю Меншикову представленъ былъ списокъ медикамъ, отличавшимся усердіемъ за Алминское и послѣдующія послѣ него дѣла, то князь, сложивъ руки и вознеся глаза къ небу, печальнымъ голосомъ произнесъ:

—„Одинъ Всевышній можетъ вознаградить медиковъ за ихъ великіе труды и самоотверженіе, а я ихъ не въ силахъ достойно возблагодарить“—и съ этими словами отложилъ наградный списокъ въ сторону.

Не знаю насколько этотъ разсказъ вѣренъ, но вѣрно то, что Меншиковъ мало привлекалъ медиковъ на службу, и именно въ такое время, когда самъ-же, и въ письмахъ, и на словахъ, и въ официальныхъ сношеніяхъ, постоянно жаловался на ощутительный недостатокъ медиковъ въ его арміи.

Появленіе непріятельской кавалеріи на нашемъ перевязочномъ пунктѣ было совершенно случайное. Гусары Рыжова, слабо атаковавши пѣшую бригаду Кемпбеля, возвратились на свои мѣста, на нашъ правый флангъ, и стали неподалеку отъ пѣхоты; тогда кавалерія Кардигана дѣлала приготовленія къ атакѣ на нашу пѣхоту, выстроившуюся въ карре у крайняго праваго редута, но, не дойдя до пѣхотнаго карре, она круто повернула влѣво и ринулась на нашихъ гусаръ такъ неожиданно, съ такою силою и до того стремительно, что увлекла съ собою часть ихъ. Тогда ген. Липранди пустилъ нашихъ уланъ во флангъ атакующей кавалеріи Кардигана, смѣшалъ ее и отбросилъ въ сторону средину и хвостъ, при чемъ голова атакованной ихъ колонны отдѣлилась и въ пылу увлеченія пронеслась черезъ Черную и перевязочный нашъ пунктъ до Чоргуна. Разрозненной колоннѣ плохо пришлось возвращаться къ Кадыкіою: пѣхота съ интерваловъ занятыхъ нами редутовъ, а артиллерія съ ихъ высотъ, провожали ее перекрестнымъ огнемъ, при чемъ изъ 700 слишкомъ всадниковъ едва-ли возвратилось 36 человѣкъ.

Въ тотъ день до 5-ти часовъ по полудни мы совершенно управились со всѣми ранеными на перевязочномъ пунктѣ. Сдѣлано было 28 большихъ и множество мелкихъ операцій; всѣ болѣе трудно раненые, осмотрѣнные и тщательно перевязанные, были отправлены на лазаретныхъ фургонахъ въ дер. Чоргунъ, гдѣ былъ устроенъ сводный лазаретъ для всего отряда, подъ руководствомъ двухъ баталіонныхъ лекарей. Штабъ-лекаря полковъ оставались на перевязочномъ пунктѣ

и въ свободное время поочередно посѣщали лазаретъ, и въ послѣдующіе дни производили немало операцій. Продовольствіе своднаго лазарета, его администрація и медицинскій контроль были отъ Азовскаго полка и подъ вѣденіемъ дивизіоннаго доктора, квартировавшаго въ Чоргунѣ.

При производствѣ хирургическихъ операцій на перевязочномъ передовомъ пунктѣ, хлороформируемы были раненые съ большою разборчивостію. Вообще, при значительномъ упадкѣ силъ, въ періодѣ продолжавшагося онѣмѣнія, при замѣтномъ сотрясеніи мозга, въ проникающихъ поврежденіяхъ грудной клѣтки, въ контузіяхъ груди и при замѣтныхъ безпорядкахъ со стороны дыхательныхъ путей и сердца, мы употребленія хлороформа избѣгали, да многіе раненые и сами отпрашивались отъ хлороформированія.

Совсѣмъ другое дѣло было въ сводномъ лазаретѣ, въ послѣдующіе дни, когда операціи производились на успокоившихся раненыхъ. Тогда, бо́льшая часть упомянутыхъ неблагопріятныхъ условій исчезала и хлороформированіе приносило явную пользу.

Къ закату солнца штабъ-лекаря отправились на редуты, для поданія совѣтовъ и перевязокъ оставшимся во фронтѣ раненымъ и контуженымъ.

Между прочими и ген. Семякинъ оказался контуженымъ въ правую сторону головы: правые щека и високъ сильно распухли къ ночи, горячи были на ощупь, жеваніе стало затруднительно и онъ оглохъ на правое ухо. Холодные компрессы его облегчали и онъ упорно оставался на боевой позиціи съ войсками.

Весь этотъ день счастливо для насъ завершился; даже самое бѣгство 4-хъ лазаретныхъ обозовъ съ перевязочнаго пункта давало намъ хорошее понятіе о бдительности и ловкости прислуги, о подвижности обозовъ и хорошихъ приспособленіяхъ принадлежностей фербанта. Исключая одной шпаги, ни одной вещицы не пропало во время скорой уборки перевязочныхъ припасовъ и всей обстановки.

Этимъ обстоятельствомъ мы были обязаны нѣкоторымъ измѣненіямъ въ багажѣ обоза, сдѣланнымъ штабъ-лекарями еще въ княжествахъ, на что́ вынудила ихъ сила обстоятельствъ, въ походной жизни. Такъ какъ обыкновенные боченки для уксуса, воды, спирта, водки и для настоя чаю (который мы употребляли при разстройствѣ пищеваренія) были тяжелы, легко разбивались въ фургонахъ, на трясской дорогѣ, разсыхаясь дѣлались неудобо-исправимыми, а по причинѣ значительныхъ тяжести и громоздкости, съ трудомъ уносились, или укладывались въ фургоны при внезапномъ приближеніи непріятеля,—то мы ихъ замѣняли короткими боченками, въ поларшина длиною и меньше,

различной высоты и емкостію отъ 1/4 до 1/2 ведра и больше. Они имѣли два желѣзныхъ обруча, а на верху кранъ и запаяную пробку, оба изъ дерева; на нижней части имѣли 4 шаровидныхъ ножки, которыя дѣлали ихъ устойчивыми. На бокахъ, съ каждой стороны имѣлось по одному деревянному ушку, чрезъ которыя проходилъ крѣпкій ремень, подхватывая боченокъ снизу. Въ крайнихъ случаяхъ, не дозволяющихъ тщательной укладки вещей въ фургоны, такой боченокъ уносился прислугою, надѣтый ремнемъ черезъ плечо.

Точно также, вмѣсто манерокъ, въ которыхъ вода и всякая другая жидкость скоро нагрѣвалась и пріобрѣтала непріятный вкусъ жести, цирюльниками и носильщиками, даже и на полѣ сраженія, носились малыя ѳессалійскія „чотры", или баклаги. Это родъ деревянныхъ, кругло-плоскихъ бутылей или флягъ, съ деревянною пробкою на винтѣ. Въ жаркое время, на солнцѣ, онѣ внѣшнею своею стороною испаряютъ незначительную часть своего содержимаго, отчего остальная, теряя часть теплорода, пріобрѣтаетъ освѣжающій вкусъ и не такъ скоро портится.

Такія чотры бывали различной величины и емкости, содержали отъ 3/4 штофа до 1/2 ведра, и больше. Онѣ ставились на 4-хъ ножкахъ, а носились на ремняхъ, проведенныхъ снизу, на бокахъ и по ребру каждой стороны. Малыя носились на рукѣ, на подобіе дамскихъ ридикюлей, а большія вѣшались на ремнѣ черезъ плечо. Въ нихъ преимущественно носились вода и мѣстное вино.

Одновременно съ чотрами позаимствовано было мною употребленіе кожанныхъ, съ внѣшней стороны лакированныхъ, складныхъ стакановъ, имѣющихъ фигуру лодочки. Они замѣняли всякую мелкую посуду для холоднаго, либо не очень горячаго питья, и носились въ карманѣ, либо навѣшанными у чотры; въ продажѣ они извѣстны подъ названіемъ охотничьихъ кожанныхъ стакановъ. Въ настоящее время ихъ съ пользою можно замѣнить имѣющимися въ продажѣ гуттаперчевыми стаканами (складными), если только сообщающійся питью вкусъ гуттаперчи не покажется противнымъ.

Возвращаясь къ утерянной однимъ медикомъ шпагѣ, надо сказать, что шпага, какъ вооруженіе медика, не имѣла для него никакого значенія, а, какъ принадлежность формы, обременяла его и часто дѣлалась предметомъ серьезныхъ заботъ и неизбѣжныхъ непріятностей. Шпага, продѣтая снаружи въ боковой разрѣзъ сюртука и висящая на плечевой портупеѣ, легко рвущейся, мѣшаетъ подвижности и спеціальнымъ занятіямъ полеваго медика; при верховой ѣздѣ, она оттопыриваетъ полу сюртука, надрываетъ его въ мѣстѣ разрѣза, въ который продѣта; ударяя часто въ бокъ эфесомъ, не мало безпокоитъ,

а на лѣвомъ боку сюртука вытираетъ сукно, оставляя лоснящееся пятно. При занятіяхъ на перевязочномъ пунктѣ, стѣсняетъ движенія лѣвой руки въ локтѣ, ушибая часто послѣдній; во время большихъ операцій, при нагибаніи самого оператора, бьетъ нижнимъ концомъ сзади стоящаго помощника, а когда приходится стать на колѣно, то, нижнимъ концомъ упираясь въ землю, эфесомъ толкаетъ въ подмышку и ребра. Постоянно приходилось снимать шпагу, то опять ее отыскивать, что̀ неудобно на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ, при соблюденіи самаго строгаго порядка, ежеминутно мѣнялась вся обстановка. Шпага, снятая разъ, часто пропадала, почему многіе медики изъ княжествъ прибыли въ Крымъ съ офицерскими полусаблями вмѣсто шпагъ.

Въ виду такихъ неудобствъ, во время дѣйствій въ Малой Валахіи, у насъ установилась мода носить шпагу на поясномъ ремнѣ, тѣмъ болѣе, что въ солдатской шинели, замѣнявшей тогда сюртукъ, разрѣза для шпаги не полагалось. Болѣе удобствъ представляетъ замѣна шпаги морскимъ кортикомъ, на поясномъ ремнѣ, на подобіе какъ у морскихъ медиковъ. Онъ болѣе пригоденъ для защиты, чѣмъ шпага; съ нимъ можно и спать, такъ какъ онъ не безпокоитъ ни въ какомъ положеніи, а на худой конецъ, онъ съ пользою можетъ замѣнить обоюдоострый и даже ампутаціонный ножъ, а своимъ длиннымъ концомъ—и бистурей, при вырѣзываніи неглубоко засѣвшихъ пуль и для производства кожныхъ разрѣзовъ.

III.

Чоргунскій отрядъ занималъ отнятые у непріятеля: деревню Комары и, правѣе ея, три редута сряду. На четвертомъ, крайнемъ справа, укрѣпленія были срыты тотчасъ послѣ его взятія и онъ оставался незанятымъ никѣмъ, потому что хорошо обстрѣливался съ остальныхъ нашихъ редутовъ.

Кромѣ того, нашимъ же отрядомъ занималась Байдарская долина. Перевязочный отрядный пунктъ оставался на правомъ берегу водопровода и по лѣвую сторону моста, на прежней площади. Такъ какъ вечера и ночи становились уже очень холодными, то штабъ-лекаря на-скоро выстроили нѣсколько шалашей изъ мелкаго кустарнаго дубняка; на легкія стропила разстилались цыновки, а поверхъ ихъ клались брезенты съ полуфурокъ, и такое жилище хорошо защищало отъ дождя—но плохо отъ холода.

Желая устроить себѣ помѣщеніе нѣсколько комфортабельнѣе, я приказалъ вырыть себѣ пещеру въ валу водопровода. Это „логовище“

было настолько обширно, что я имѣлъ возможность устроить въ немъ нѣчто въ родѣ печки и поставить двѣ кровати. Моему примѣру послѣдовали и другіе; но на мѣстахъ, ими выбранныхъ, стѣнки вала утончались, далеко прорывать ихъ было невозможно, и пещерки, въ нихъ прокопанныя, были до того не глубоки, что когда обитатели ихъ спали, то ноги ихъ торчали наружу изъ пещерокъ.

Болѣе недѣли раненые 13-го числа октября пользовались, и съ большимъ успѣхомъ, въ сводномъ лазаретѣ, въ Чоргунѣ. Къ тому времени изъ 136-ти нашихъ умерло 4, а изъ 37-ми непріятельскихъ—3, включая въ это число и шотландца, умершаго на перевязочномъ пунктѣ. Но въ этомъ случаѣ нельзя судить о пользѣ леченія по числу умершихъ; смерть въ первые дни исключительно зависѣла отъ важности поврежденія. Бо́льшая часть деревни была предоставлена въ пользу лазаретовъ, почему, при большомъ просторѣ и хорошей администраціи Азовскаго полка, легко было соблюдать правила гигіены и держать лазаретъ чисто и въ порядкѣ. Англичане гласно заявляли свое удивленіе русской гуманности и знаніямъ; одни турки только все побаивались, что ихъ откармливаютъ на убой. Послѣдніе все что-то вымаливали и въ чемъ-то увѣряли—вѣроятно, въ своей простотѣ, считая ласковое съ ними обращеніе въ лазаретѣ только временнымъ. Такъ какъ въ двадцатыхъ числахъ предвидѣлось новое дѣло съ нашихъ позицій, то нашихъ пацiентовъ пришлось транспортировать въ бакчисарайскій военно-временной госпиталь съ такимъ расчетомъ, чтобы къ 24-му числу вся деревня была очищена отъ раненыхъ и больныхъ. Славою этого лазарета медики были обязаны тому обстоятельству, что бо́льшую ихъ часть хотѣли разобрать въ чужіе отряды, но, благодаря устойчивости генерала Липранди, мы потеряли только дивизіоннаго доктора Протопопова, уже прежде назначеннаго въ симферопольскій госпиталь, гдѣ ему, при общей тамъ неурядицѣ не повезло. Нашъ отрядъ потерялъ въ немъ дѣльнаго медицинскаго администратора. У насъ онъ сгруппировалъ рѣдкій комплектъ образованныхъ и дѣльныхъ медиковъ, и съ энергіею поддерживалъ ихъ полезную дѣятельность, а на новомъ мѣстѣ трудно было справиться со всѣми протежированными лицами, загромоздившими Симферополь. Пошло дѣло на уступки и поблажки, пока среда его не заѣла.

Надо было удивляться, съ какимъ умѣньемъ Протопоповъ поддерживалъ у насъ правильное соревнованіе между медиками и съ какою энергіею защищалъ служебное положеніе каждаго изъ насъ. Чтобы убѣдиться въ удачномъ его выборѣ медиковъ, довольно назвать нѣкоторыхъ: Малютинъ былъ опытнымъ хирургомъ и необыкновенно искуснымъ десмургомъ, при основательномъ знаніи медицины; Шил-

леръ, кончившій курсъ съ золотою медалью, т. е. съ отличіемъ, былъ извѣстенъ какъ мѣткій діагностъ и искусный терапевтъ; Эйсымонтъ былъ опытный и счастливѣйшій практикъ; Вальтеръ дѣлалъ самыя трудныя операціи съ рѣдкою отчетливостію; словомъ, у каждаго изъ подчиненныхъ Протопопова была готовая спеціальность, дѣлавшая его необходимымъ въ отрядѣ.

24-го октября Чоргунскимъ отрядомъ командовалъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, дѣлавшій демонстрацію въ окрестностяхъ Балаклавы все время, пока съ другой стороны, отъ Инкермана, продолжалось сраженіе съ союзниками, въ которомъ участвовали 14 нашихъ полковъ (10-й, 11-й, 16-й и 17-й дивизій). Нашъ отрядъ не дѣлалъ наступленія, а непріятель тоже избѣгалъ съ нами столкновенія, а потому одна часть перевязочнаго пункта, со мною и лекаремъ Вальтеромъ, перешла только р. Черную и держалась на готовѣ, не раскрытою, позади взятыхъ нами 13-го октября редутовъ; другая часть перевязочнаго пункта оставалась у водопровода. Сюда было доставлено нѣсколько раненыхъ драгунъ, одинъ казакъ и два пѣхотныхъ. Къ закату солнца и первая часть перевязочнаго пункта возвратилась къ водопроводу.

Обозы и кухни нашего отряда оставались въ деревнѣ Чоргунѣ, откуда войскамъ развозили готовую пищу на боевыя позиціи; одинъ только перевязочный пунктъ варилъ пищу на мѣстѣ. Пока стояла ясная погода, пища получалась войсками теплою и весьма хорошею; иное было въ ненастную погоду, наступившую въ послѣднихъ числахъ октября; на 4-хъ верстномъ разстояніи отъ Чоргуна до редутовъ кушанье остывало; почему пришлось часть кухонъ передвинуть ближе къ перевязочному пункту.

По правую сторону моста, у того же водопровода и въ разстояніи 300 шаговъ, былъ расположенъ бивуакомъ Кинбурнскій драгунскій полкъ.

Въ 2 часа ночи на 2-е ноября разыгралась буря съ ливнемъ: бурею разнесло шалаши, а ливнемъ залило наши пещеры. Въ 3 часа, въ кромѣшную тьму, среди шквала и свиста вѣтра, стали раздаваться шумъ, шопотъ и ржаніе лошадей, быстро приближавшихся къ перевязочному пункту. Оказалось, что на драгунскомъ бивуакѣ бурею опрокинуло и снесло много коновязей, при чемъ 72 лошади сорвались со своихъ мѣстъ, побѣжали вдоль водопровода и, наскакавши на мостъ, пробрались черезъ него на лѣвый берегъ Черной и понеслись долиною по направленію къ Балаклавѣ; по дорогѣ произвели тревогу на занятыхъ нашими Кадыкіойскихъ редутахъ, откуда стали на-ослѣпъ стрѣлять, а вслѣдъ затѣмъ послышались частые выстрѣлы и съ не-

пріятельскаго Кадыкіойскаго лагеря. Это и было причиною того, что бо́льшая часть сбѣжавшихъ лошадей возвратилась на свои мѣста, такъ что на другой день драгунамъ пришлось розыскивать немногихъ только заблудившихся. Изъ нихъ нѣсколько штукъ оказались пораненными.

Весь ноябрь былъ сырой и мокрый: густые туманы смѣнялись часто мелкимъ и продолжительнымъ дождемъ,—не было и часу свѣтлаго времени. Несмотря на то, было тепло, а по временамъ очень парило.

Всѣ занятыя нами мѣстности размокли въ кисель; поверхность занятыхъ нами редутовъ мѣловой формаціи съ примѣсью глины размякла и стала скользка до того, что на нихъ трудно было взбираться, а еще труднѣе съ нихъ сходить. Такъ какъ воду наши войска брали изъ водопровода, отстоявшаго по прямой дорогѣ отъ нихъ не болѣе какъ за $^3/_4$ версты, то намъ удавалось постоянно встрѣчаться съ солдатами нашихъ полковъ и отъ нихъ же мы всегда имѣли самыя вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о всякомъ движеніи нашихъ и непріятельскихъ войскъ.

Когда я спросилъ одного пришедшаго босикомъ къ водопроводу съ манерками, за водою, зачѣмъ онъ ходитъ безъ сапогъ, то онъ шутя отвѣтилъ:

— „А затѣмъ, что Богъ спустилъ на насъ такую купель, что сапоги ходить мѣшаютъ. Безъ сапогъ чище ноги вымоешь, а въ сапогахъ самъ упадешь, лобъ расшибешь, манерки казенныя растеряешь, да еще и самъ въ чорта вымараешься. Сапоги мы припрятали, чтобы были новы, когда на непріятеля пойдемъ!“

Всѣ войска, несмотря на неудобства бивуачной жизни и слякоть, были въ самомъ лучшемъ настроеніи. Анекдотамъ и росказнямъ конца не было; дни 6-го, 8-го и 13-го октября были неисчерпаемымъ источникомъ разсказовъ, повторяемыхъ каждымъ на свой ладъ.

Завладѣвъ непріятельскимъ лагеремъ, солдаты разжились деньгами и провизіей, а отъ разбитаго кавалерійскаго отряда досталось много сбруи, сѣделъ и лошадей. Послѣднихъ 8 штукъ осталось на перевязочномъ пунктѣ, отъ свалившихся на немъ всадниковъ. Я ихъ роздалъ, съ позволенія командира, фельдшерамъ и прислугѣ, такъ какъ тогда кормить ихъ было легко имѣвшимся запасомъ сѣна съ фуражировки въ Байдарскую долину. Но такой подарокъ оказался только номинальнымъ, потому что къ утру слѣдующаго дня всѣ онѣ исчезли безслѣдно. Англійскія и турецкія золотыя монеты отъ солдатиковъ, большею частію за безцѣнокъ, перешли къ маркитантамъ-евреямъ.

Послѣ бури, Черная, изъ мелкой и вездѣ почти проходимой рѣ-

ченки, сдѣлалась широкою и бурною рѣкою, даже опасною для переправы. На моихъ глазахъ, тройка съ телѣгой Днѣпровскаго пѣхотнаго полка, въ которой везли кашу изъ Чоргуна на позиціи, переѣзжая черезъ Черную, потонула и была снесена далеко, и это случилось въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ, въ сухую погоду, я безъ затрудненія проходилъ по торчавшимъ надъ уровнемъ ея водъ небольшимъ каменьямъ.

Доставка пищи изъ Чоргуна стала, наконецъ, совсѣмъ невозможною, такъ что пришлось перевести кухни на лѣвый, непріятельскій берегъ рѣчки, которая, своимъ чрезмѣрнымъ разливомъ отрѣзывая насъ и отъ Чоргуна и отъ остальной части Крыма, ставила лицомъ ко всей массѣ балаклавскаго и прочихъ непріятельскихъ отрядовъ, которые сохраняли между собою сообщенія. Пытались было въ полноводіе строить легкіе мосты, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ Черной, но все понапрасну: всякій мостъ срывало прежде, чѣмъ войска начинали имъ пользоваться. Поэтому, 24-го ноября, велѣно было частямъ Чоргунскаго отряда, находившимся на лѣвомъ берегу Черной, оставивъ занятые ими редуты, перейти на правый ея берегъ и расположиться у Чоргуна и въ самой деревнѣ. Узнавши о такой перемѣнѣ, всѣ жалѣли о своихъ мѣстахъ, освященныхъ храбростію и единодушіемъ войскъ Чоргунскаго отряда.

Дня три спустя, получено было другое приказаніе: 12-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею перейти на Инкерманскія высоты.

Еще 1-го ноября пронеслась по нашимъ позиціямъ грустная новость, что кн. Меншиковъ беретъ отъ насъ генерала Семякина въ Севастополь, начальникомъ своего штаба. Семякинъ съ нашей 1-й бригадой 12-й дивизіи дѣйствовалъ въ княжествахъ, въ маловалахскомъ отрядѣ, и съ нею пришелъ въ Крымъ. Мы умѣли цѣнить въ немъ все хорошее, а хорошаго и доблестнаго въ немъ было такъ много, что худое всякій радъ былъ ему простить. Онъ былъ крайне энергиченъ и пылокъ отъ природы, а потому подчасъ и рѣзокъ въ выраженіяхъ, крайне требователенъ и особенно преслѣдовалъ уклончивость на службѣ и барство, проглядывавшее въ иныхъ офицерахъ. Онъ имѣлъ много опыта въ жизни, сдѣлалъ немало военныхъ походовъ и его разсказы о нихъ было пріятно и полезно слушать. Онъ особенно покровительствовалъ медикамъ, любилъ съ ними разговаривать и посильно старался выяснить себѣ вопросы, касающіеся жизни солдатъ и возможнаго ихъ сбереженія. Во время военныхъ дѣйствій въ Дунайскихъ княжествахъ, его бригада давала всего меньше больныхъ, и во время марша, въ жаркую пору года, раньше всѣхъ войскъ являлась на ночлегъ. Онъ строго требовалъ, чтобы на ночлегахъ, по генералъ-маршу,

войска скоро выстраивались, т. е. чтобы не было повода долго держать ихъ на ногахъ, до выступленія въ походъ. Заслышавъ генералъ-маршъ, можно было, при всей растянутости ночлежной стоянки, быть увѣрену, что черезъ десять минутъ войскъ уже не застанешь на сборномъ мѣстѣ, а что они уже свершаютъ новый переходъ. Прошедъ не болѣе 15-ти — 20-ти минутъ, Семякинъ дѣлалъ первый и самый важный привалъ на полчаса. На этомъ привалѣ каждый оправлялся какъ ему было сподручнѣе. Медики осматривали, имѣютъ ли люди хорошую воду въ манеркахъ; подмѣтивъ на маршѣ хромавшихъ или подбившихся, справлялись, въ исправности ли у нихъ обувь. Къ этому привалу подоспѣвалъ лазаретный обозъ, но, не останавливаясь, обгонялъ войска, если не находилъ больныхъ на привалѣ, и только со втораго привала (слѣдующаго) долженъ былъ слѣдовать позади всѣхъ эшелоновъ. Оправившись на этомъ привалѣ совершенно, закусивъ, если кому хотѣлось, кускомъ хлѣба и вчерашняго мяса и дождавшись не поспѣвшихъ на сборное мѣсто, эшелоны, послѣ повѣрки, поднимались и шли дальше. Первый рядъ эшелона отъ втораго шелъ не менѣе 10-ти шаговъ впереди, для того, чтобы, наткнувшись на выбоину либо лужу, доставить ему возможность во-время свернуть въ сторону. Въ пыльной мѣстности шли повзводно, на возможно бо́льшихъ разстояніяхъ одного взвода отъ другаго, и въ такомъ порядкѣ, что ежели одинъ взводъ держался правой, то другой долженъ былъ идти по лѣвой сторонѣ дороги, для того, чтобы пылью не заносило позади и впереди идущія части. Вообще, гдѣ только мѣстность позволяла, части эшелона растягивались въ шахматномъ порядкѣ и старательно избѣгали средины изъѣзженной дороги.

Одинъ медикъ и одинъ офицеръ ѣхали впереди эшелона, съ авангардомъ, или впереди послѣдняго. Ихъ обязанность была на переходѣ освѣдомляться о качествѣ воды въ колодезяхъ, объ удобствѣ переправъ, о возможномъ выборѣ мѣста для купанья, если случался удобный берегъ рѣки, а равно ихъ дѣломъ было требовать отъ авангарда часовыхъ къ кабакамъ или харчевнямъ, если жаркое время не позволяло употребленія водки и пива, и къ другимъ мѣстамъ, какъ, напримѣръ, къ колодезямъ и прудамъ, содержащимъ подозрительныхъ качествъ воду. Такимъ образомъ шли эшелоны около полутора часа, послѣ чего дѣлается привалъ, тоже болѣе часа.

Если на второмъ привалѣ рѣшено было дать людямъ водку, то офицеры предварительно освѣдомлялись, есть ли чѣмъ закусить солдатамъ, а не имѣющимъ закуски выдача водки откладывалась до ночлега. Послѣ втораго привала, эшелоны доходили разомъ до мѣста ночлега, либо еще дѣлали привалъ въ виду разставленнаго на но-

члегѣ лагеря, для того, чтобы въ жаркую погоду люди нѣсколько поостыли, прежде чѣмъ найдутъ возможность утолить жажду подготовленною на ночлегѣ свѣжею водою. Въ это время подходили и подвозились отставшіе за слабостію и усталостію, чего при большихъ переходахъ нельзя было избѣжать.

При вступленіи на позицію, въ лагерь, либо на квартиры, смотря по времени года или другимъ обстоятельствамъ, эшелоны всегда встрѣчались медикомъ и сопутствующимъ ему офицеромъ, которые освѣдомлялись о здоровьѣ замѣченныхъ ими солдатъ, и отобравъ, въ случаѣ нужды, больныхъ, либо снабдивъ ихъ совѣтомъ, сами отправлялись на отдыхъ, если все было благополучно и если они сами умѣли управиться; либо же доносили ближайшему начальству, если считали это нужнымъ. Обязательной же явки по начальству, безъ особаго дѣла, для нихъ не существовало.

Все это легко на словахъ, но, чтобы подобный планъ привести въ исполненіе, недостаточно было одной строгости; надо было умѣть внушить каждому необходимость и цѣль такого порядка, безъ чего, конечно, дѣло ограничивалось бы лишь одною формальностію. Этимъ-то умѣньемъ придать духа служащимъ обладалъ Семякинъ и большая честь должна быть приписана генералу Липранди за то, что онъ умѣлъ воспользоваться опытностію Семякина и въ пользу другихъ частей маловалахскаго отряда. Вообще говоря, оба эти вождя одинаково проникнуты были той идеей, что, сберегая солдата и обучая его ходить за самимъ собою, они обезпечивали дѣло побѣды. Несмотря на совершенное различіе характеровъ, эта идея ихъ сближала для пользы службы. Липранди, по врожденной добротѣ, любилъ солдата, былъ внимателенъ и справедливъ къ офицерамъ; Семякинъ горькимъ опытомъ былъ наученъ и проникнутъ той идеей, какъ онъ выражался, что надо вести все дѣло такъ на войнѣ, чтобы къ часу сраженія порохъ былъ сухъ, солдатъ сытъ, свѣжъ и веселъ и зналъ, что—раненый—онъ попадетъ въ руки заботливаго и любящаго его медика. Вотъ весь его служебный катехизисъ,—и съ нимъ намъ было легко и хорошо.

Не легко приходилось въ первое время К. Р. Семякину нести службу на новомъ мѣстѣ—начальника главнаго штаба сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму. Послѣ контузіи, полученной имъ 13-го числа, нѣсколько разъ показывалась кровь изъ уха, барабанная перепонка котораго была разрушена и онъ на одно ухо совершенно оглохъ, а другимъ тоже плохо слышалъ, такъ что не легко было вести съ нимъ продолжительный разговоръ.

У Семякина, 11-го ноября, встрѣтилъ я моего славнаго наставника, Николая Ивановича Пирогова, прибывшаго по высочайшему

повелѣнію въ Севастополь съ Крестовоздвиженскою общиною сестеръ милосердія и съ корпораціею дѣльныхъ хирурговъ для оказыванія раненымъ воинамъ оперативной помощи, для организованія хирургической корпораціи и для правильнаго направленія и распредѣленія дѣятельности хирурговъ. Съ тѣхъ поръ мои поѣздки въ Севастополь имѣли двойной интересъ: послѣ визита ген. Семякину, я могъ каждый разъ провожать Пирогова по госпиталямъ и присматриваться къ заводимымъ имъ порядкамъ и нововведеніямъ, и все провѣренное у него на опытѣ могъ съ пользою примѣнять на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ. Многіе изъ моихъ сослуживцевъ тоже съ позицій ѣздили съ тою же цѣлію въ Пироговскія отдѣленія, такъ что съ тѣхъ поръ наша дѣятельность на перевязочныхъ пунктахъ блокадныхъ позицій была живымъ отголоскомъ взгляда нашего общаго наставника.

Насколько дѣятельность и воззрѣнія Пирогова были поучительны для медиковъ и полезны для арміи, настолько же не соотвѣтствовала его назначенію создавшаяся кругомъ его обстановка. Между его ассистентами можно было насчитать много дѣльныхъ хирурговъ и медиковъ, но вѣрно и то, что, увлеченные личною своею дѣятельностію и наукою, они, при осложнявшихся отношеніяхъ Пирогова къ военнымъ и другимъ властямъ и къ военно-медицинской іерархіи въ арміи, не думали о сбереженіи благопріятныхъ для своего наставника отношеній, такъ что по неопытности или по личной заносчивости, или прямо по невѣдѣнію ассистентовъ, послѣдніе весьма небрежно писали бумаги къ старшимъ лицамъ. Черезъ это съ каждымъ днемъ наживались враги между этими лицами. Преданнѣйшій и дѣльнѣйшій изъ приближенныхъ Пирогова, докторъ Обермюллеръ, былъ обремененъ хирургическою, ручною работою и статистикою, и потому былъ лишенъ возможности слѣдить за общимъ ходомъ дѣятельности и отношеній всей корпораціи Пирогова, а предложившій арміи свои услуги проф. Гюббенетъ, вмѣсто того, чтобы, для общей пользы, стать сразу подъ знамя Пирогова, пользоваться его опытомъ и исключительными знаніями, вздумалъ съ нимъ соперничать, создавая отдѣльную корпорацію, враждебно относившуюся къ Пироговской. Между тѣмъ, при частой замѣнѣ Пироговскихъ медиковъ, на различныхъ мѣстахъ, полевыми и обратно, и при не существовавшемъ разграниченіи дѣятельности его корпораціи отъ таковой прочихъ медиковъ, всѣ заслуги послѣдней въ общей массѣ стушевывались, и часто приписывались неповиннымъ въ нихъ лицамъ, что особенно легко свершалось при всегдашнемъ нерасположеніи представителей полевой медицины къ Пирогову. Вотъ почему онъ изъ Севастополя не вышелъ тѣмъ колоссомъ

геніальности опыта, ума и самоотверженія передъ правительствомъ и народомъ, каковымъ онъ дѣйствительно былъ.

IV.

Въ послѣднихъ числахъ января 1855 г., приказано было Азовскому пѣхотному полку сняться съ Инкерманскихъ высотъ и слѣдовать къ Евпаторіи, и тамъ, на время сраженія и штурма города, поступить подъ команду ген.-лейтенанта Хрулева.

Мы выступили при небольшомъ морозѣ. Переходъ до Бакчисарая былъ оживленъ. Въ предѣлахъ рѣчекъ: Бельбека, Качи, Альмы и Булганака мы шли скоро и не утомляясь, но дальше, не смотря на то, что мы подвигались прямо на сѣверъ, при настигшей оттепели и ясной погодѣ, черноземистая почва степей, перемѣшанная съ глиною, до того распустилась и стала вязкою, что солдаты не могли иначе слѣдовать какъ растягиваясь гуськомъ и то такимъ образомъ, что каждые 20 шаговъ приходилось останавливаться и очищать сапоги отъ налипавшей на нихъ, на подобіе смолы, цѣпкой грязи. Съ 1-го по 4-е число включительно, до того было тепло, что появились различныя травы, — и мы, вязнувъ въ топкой грязи и ругая Крымъ, всетаки не могли удержаться, чтобы не срывать по дорогѣ попадавшихся цвѣтковъ мокрицы (Stellaria media), гвоздовицы (Stellaria holostea), лютика (ranunculus acris) и другихъ.

Полковой обозъ отъ Бакчисарая сталъ отставать, и когда полкъ уже подходилъ къ Тюпъ-Мамаю, мѣсту временнаго нашего расквартированія, то его обозъ оставался еще за Булганакомъ. Полкъ прибылъ на мѣсто 3-го февраля, а обозъ подошелъ лишь часамъ къ 4-мъ ночи, и то не весь и на наемныхъ волахъ, а своихъ лошадей, выбившихся изъ силъ, привели въ поводьяхъ. Лазаретный обозъ однако поспѣлъ за полкомъ. Это случилось такимъ образомъ, что, придерживаясь приказанія, даннаго мнѣ командиромъ полка еще во время марша въ княжествахъ—чтобы въ затруднительныхъ случаяхъ управляться собственнымъ мнѣніемъ и совѣстью, я уже съ Бакчисарая велѣлъ лазаретному офицеру везти тяжелыя, вещевыя полуфурки на наемныхъ волахъ, а двойное число обозныхъ лошадей впрягать въ пустыя полуфурки, чтобы имѣть ихъ при эшелонахъ для усталыхъ и заболѣвшихъ.

Тюпъ-Мамай, татарская деревня, имѣющая не болѣе 12-ти дворовъ, въ 9-ти верстахъ отъ Евпаторіи, расположена по прибрежью гнилаго озера Сасыка.

Того же числа, велѣно было медикамъ отъ всѣхъ стянувшихся къ

Евпаторіи войскъ собраться въ деревнѣ Оразъ, отстоявшей отъ города верстахъ въ 12-ти, къ сѣверу и нѣсколько на западъ. Это—русская деревня, двора въ 4 или 5, имѣющая хорошіе колодцы. Она была выбрана подъ главный перевязочный пунктъ, и туда насъ потребовалъ главный хирургъ отряда, для совѣщанія касательно нашей врачебной и хирургической дѣятельности во время и послѣ предстоявшаго сраженія. Медиковъ собралось до 20-ти, бо́льшая ихъ часть принадлежала къ 8-й пѣхотной дивизіи и кавалеріи. Всѣхъ поразила та несообразность, что, въ присутствіи старшихъ себя по военно-медицинской іерархіи, отрядный хирургъ отдавалъ приказанія медикамъ отъ своего лица, и распоряжался произвольно всѣмъ персоналомъ; всѣ спрашивали другъ друга: кто Райскій? гдѣ получилъ извѣстность хирурга, и кто его назначилъ главнымъ хирургомъ Евпаторійскаго отряда въ то время, когда тутъ же были хирурги извѣстнѣе и опытнѣе его, которымъ знаменитый Пироговъ отдавалъ предпочтеніе?

Райскій явился къ намъ наконецъ, и объявилъ, что завтра будетъ сраженіе, и что намъ надо поусердствовать; далѣе, что онъ требуетъ, чтобы старшіе врачи отъ всѣхъ войскъ завтра съ разсвѣтомъ собрались въ той же комнатѣ, въ которой отдавалось приказаніе, и оставались здѣсь во время и послѣ сраженія. То же сказалъ и о младшихъ, за исключеніемъ трехъ изъ нихъ, которыхъ самъ назначитъ по числу трехъ колоннъ, которыми войска будутъ атаковывать городъ. Касательно же перевязочныхъ вещей онъ приказалъ всѣ вещевыя полуфурки доставить на перевязочный пунктъ съ тѣмъ, что онъ самъ назначитъ изъ нихъ трехъ, т. е. по одной въ каждую колонну. Тѣмъ было и хотѣлъ покончить Райскій такъ называемое совѣщаніе съ нашимъ братомъ, полевыми медиками: отдалъ безусловное приказаніе, и баста! а затѣмъ попросилъ разъѣхаться.

Нельзя было не возразить неопытному распорядителю, что самый выборъ дер. Ораза подъ главный перевязочный пунктъ былъ неудаченъ. Деревня отстояла на 12 верстъ отъ города, а отъ лѣвой колонны, назначенной для штурма—и того больше; въ случаѣ оттепели, раненыхъ доставятъ съ большимъ трудомъ и очень поздно; въ случаѣ дѣла внѣ Евпаторіи, провозъ раненыхъ по открытой степи, въ Оразъ, окажется немыслимымъ. Деревни Джайловъ и Богай, какъ ближе лежащія къ колоннамъ (въ шести верстахъ), слѣдовало бы, хоть на случай распутицы, сдѣлать промежуточными пунктами; сравнительно съ Оразомъ, деревня Тюпъ-Мамай, отстоящая отъ Евпаторіи только въ девяти верстахъ, а отъ лѣвой колонны—и того меньше, заслуживала предпочтеніе, тѣмъ болѣе, что она лежитъ за рукавомъ гнилаго

озера и составляетъ мѣсто расквартированія войскъ, назначенныхъ въ лѣвую колонну. Просторныя кошары, по которымъ отдается предпочтеніе Оразу, есть и въ Тюпъ-Мамаѣ, имѣющемъ 12 дворовъ, слѣдовательно втрое болѣе противъ Ораза. Деревня Котуръ, въ которой раскрытъ подвижной госпиталь, находится въ 11-ти верстахъ отъ Тюпъ-Мамая, тогда какъ отъ Ораза она въ 24-хъ верстахъ. Далѣе, касательно перевязочнаго имущества высказано ему было, что главный расходъ его предстоитъ на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ, у колоннъ, такъ какъ весь контингентъ раненыхъ, прежде чѣмъ доставленъ будетъ въ Оразъ, долженъ быть тщательно перевязанъ на мѣстѣ, особенно въ зимнее время. По заведенному порядку въ арміи, легко-раненымъ дозволяется, по ихъ желанію, и послѣ перевязки оставаться во фронтѣ, такъ что все число легко-раненыхъ останется внѣ вѣденія главнаго перевязочнаго пункта, откуда, слѣдовательно, перевязочнаго матеріала на нихъ и не потребуется. Наконецъ, касательно отобранія всѣхъ старшихъ медиковъ отъ войскъ и назначенія ихъ на главный перевязочный пунктъ, Райскаго предупреждали, что, по заведенному порядку, штабъ-лекаря во всю войну оставались при войскахъ во время сраженія, знаютъ весь рабочій персоналъ и статьи лазаретнаго имущества и привыкли распоряжаться, тогда какъ назначаемые вмѣсто нихъ въ колонны, по одному младшему въ каждую, только теперь должны будутъ пріучаться дѣлать распоряженія, не ознакомившись предварительно ни съ рабочимъ персоналомъ, ни съ статьями имѣющагося запаса перевязочныхъ матеріаловъ. Бо̀льшая часть штабъ-лекарей не хирурги, и потому они окажутся безполезными на главномъ перевязочномъ пунктѣ, тогда какъ на передовыхъ они успѣшнѣе и скорѣе покончатъ первую перевязку, чѣмъ младшіе и чужіе, что̀ особенно важно при наступившемъ 4-го числа морозѣ, и что неурядица по отсутствію штабъ-лекарей окажется особенно въ тѣхъ полкахъ, гдѣ кромѣ штабъ-лекаря не имѣется другаго медика. Какъ состоявшій единолично въ Азовскомъ полку и греческомъ баталіонѣ, назначенныхъ для штурма, я прямо выяснилъ невозможность оставить колонну до конца сраженія, представляя, что слѣдствіемъ назначенія вмѣсто меня чужаго медика можетъ случиться то, что, не смотря на личную его дѣятельность, онъ останется безъ рукъ и безъ припасовъ, и во всемъ запоздаетъ. На всѣ такія возраженія Райскій отвѣчалъ:

— «Ладно, ладно, посмотримъ какъ будетъ, а пока дѣлайте, какъ сказано».

На эти слова вошелъ ген.-лейт. Хрулевъ, и спросилъ Райскаго

кончено ли совѣщаніе, и согласились ли полевые медики въ сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ?

— «Согласились во всемъ»,—отвѣтилъ Райскій.

Увидѣвъ меня, ген.-лейт. Хрулевъ повторилъ вопросъ.

Я высчиталъ всѣ возраженія другихъ и свои.

Кажется, вслѣдствіе этого предположено было устроить промежуточный пунктъ между Оразомъ и тремя передовыми.

— «Нельзя напередъ ручаться за вѣрность тѣхъ или другихъ соображеній, — возразилъ Хрулевъ, — надо предварительныя распоряженія имѣть въ виду и разумно ихъ примѣнять, и ихъ же своевременно измѣнять съ измѣненіемъ предположеннаго хода самаго дѣла, и нѣтъ сомнѣнія, что вы въ этомъ успѣете, господа, какъ бывалые и опытные,— я въ томъ увѣренъ».

Послѣ полудня полевые медики возвратились къ своимъ частямъ, чтобы отдать послѣднія распоряженія, а на другое утро снова явиться въ село Оразъ, прежде подвоза раненыхъ.

Въ 4-мъ часу утра 5-го февраля, я выѣхалъ изъ Тюпъ-Мамая къ лѣвой колоннѣ, ночевавшей, на ряду со всѣми войсками, у стѣнъ города. Слуга мой, подавши лошадь, отозвался:

— «А тожъ бо, паночку, со вчерашняго вечерась ни водного татарина не осталось въ нашей деревнѣ; якъ только сила наша пошла въ поле ночевати подъ городъ, то и ихъ не стало видно, вѣрно всѣ пошли къ непріятелю черезъ озеро, бо солдаты еще за-свѣтло вчерась бачили, якъ вони водою туда ходятъ. Баютъ всѣ, что татары хуже якъ турки, не попадайтесь имъ, паночку».

Замѣчанія и догадки моего слуги были совершенно справедливы. Съ прибытіемъ нашихъ войскъ къ Евпаторіи, мы застали въ окрестныхъ къ ней деревняхъ много татаръ; они всѣ разыгрывали роль нѣмыхъ—по незнанію русскаго языка, и постоянно шныряли около офицерскихъ квартиръ и у большихъ сходокъ солдатъ, а въ 6 часовъ вечера 4-го числа они всѣ исчезли. Совершенное отсутствіе, или недѣятельность сельской полиціи въ этихъ мѣстахъ — до, во время и послѣ сраженія, не остались безъ вредныхъ для насъ послѣдствій. Татары знали по русски и могли знать всѣ наши распоряженія, и, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ свѣдѣнія передавали въ Евпаторію. Кажется, можно бы было, на худой конецъ, при отсутствіи всякаго мѣстнаго надзора за враждебно настроенными противъ насъ жителями, принять хоть ту мѣру, чтобы всѣхъ татаръ, оставшихся въ занятыхъ войсками деревняхъ, до выхода послѣднихъ въ поле, задержать при обозахъ на время самаго дѣла, безъ всякихъ другихъ строгихъ мѣръ и преслѣдованія. За неисполненіемъ такой простой мѣры, послѣ сра-

женія всѣмъ намъ стало яснымъ, что непріятель въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ зналъ заранѣе всѣ наши распоряженія. Извѣстно, что подъ Евпаторіей собралось тогда нашихъ 23 баталіона, 62 эскадрона и 2 полка казаковъ при 104-хъ орудіяхъ, что изъ этого числа войска выставили полукругомъ 72 орудія, приблизительно въ 200-хъ саженяхъ отъ городскихъ стѣнъ, совершивъ такую работу въ ночь на 5-е февраля, и что одна часть войскъ составляла три атакующихъ колонны, а прочія стояли въ резервѣ. Еще не совсѣмъ разсвѣло, когда непріятель открылъ по насъ артиллерійскій огонь. Хотя снаряды еще переносило надъ орудіями, но, судя по мѣткому направленію непріятельскихъ выстрѣловъ въ сторону каждаго изъ выставленныхъ нами орудій, надо было думать, что непріятель зналъ всѣ занятыя нами мѣста. Такихъ подробностей не могъ доставить непріятелю ни одинъ перебѣжчикъ, какъ тогда говорили, потому что перебѣжчикъ не могъ присутствовать при распредѣленіи каждаго изъ орудій и частей войскъ на выбранной площади. Единственно одной и крайней безпечности нашей въ отношеніи своихъ квартирныхъ хозяевъ-татаръ мы обязаны были такимъ подрывомъ. Татары изъ деревень провожали войска, укрываясь въ темнотѣ, — въ травѣ, и за холмиками, и они только могли сообщить подробно исполненіе диспозиціи и назвать непріятелю каждое мѣсто своимъ именемъ. Повторяю: общею и непростительною безпечностію мы сообща предали себя непріятелю, и дали ему видимый перевѣсъ надъ нами. Въ то время, когда намъ приходилось стрѣлять, выбирая предметы для цѣли, непріятель не терялъ времени для прицѣла: онъ у него уже былъ готовъ. Какъ только канонада съ нашей стороны прекратилась, то, считая обстрѣливаніе мѣстности законченнымъ, Азовскій полкъ, двумя баталіонами и баталіономъ греческихъ волонтеровъ, пошелъ на штурмъ города, и наткнулся на непреодолимое препятствіе: ровъ, около двухъ саженей глубины, широкій и имѣющій толстый брустверъ. Волонтеры залегли на кладбищѣ, и мѣткимъ огнемъ облегчали отступленіе азовцевъ, выдерживавшихъ нападеніе большихъ массъ пѣхоты, выступившей за брустверъ, и кавалеріи, атаковавшей ихъ съ фланга. Спасибо полковнику Секеръ-Кранцу, распоряжавшемуся центромъ артиллерійской цѣпи. Замѣтивъ затрудненіе азовцевъ и во-время направивъ огонь на турецкую кавалерію, онъ заставилъ ее скрыться, и сдерживалъ турецкую пѣхоту.

Отбившись отъ непріятельской пѣхоты, азовцы, а съ ними и волонтеры, медленно и въ порядкѣ отступали, но два парохода, пользуясь туманомъ, обогнули со своей стороны мысъ и, ставши во флангъ

лѣвой колонны, открыли огонь, изъ-подъ котораго наши нескоро могли выйти.

Такимъ образомъ объясняется значительная потеря азовцевъ.

Передовой перевязочный пунктъ лѣвой колонны въ началѣ сраженія былъ позади войскъ колонны, и до разсвѣта снаряды изъ непріятельскихъ укрѣпленій переносило черезъ войска и они ложились на мѣсто, выбранное для перевязочнаго пункта. Послѣднему пришлось быть приближеннымъ къ своимъ войскамъ; когда-же, съ разсвѣтомъ, непріятель сталъ стрѣлять болѣе прицѣломъ, то пунктъ былъ принужденъ отодвинуться назадъ; во время отступленія полка, онъ оказался ближе къ непріятельскимъ войскамъ, чѣмъ наша колонна, а отступая и опережая своихъ, не могъ примѣтить зашедшихъ съ фланга пароходовъ. Наткнувшись на открытый съ нихъ огонь, онъ повернулъ дальше назадъ и окончательно расположился вблизи дороги на Тюпъ-Мамай.

Совершенно ровная, открытая площадь не давала возможности выбрать укрытаго мѣста. Нѣсколько носильщиковъ были ранены, много носилокъ разбило. Въ этомъ случаѣ носильщики помогали дѣлу собственною изобрѣтательностію: ружья убитыхъ и раненыхъ они продѣвали въ рукава ихъ же шинелей такимъ образомъ, что всю шинель сверху разстилали надъ разставленными ружьями, и, завертывая бортами внизъ, связывали ремни, обыкновенно находившіеся у подола шинели (для связыванія откинутыхъ назадъ полъ ея, чтобы облегчить ходьбу во время марша), и на такихъ импровизированныхъ носилкахъ помѣщали самого раненаго удобнѣе и покойнѣе, чѣмъ на обыкновенныхъ.

Въ тогдашнее время у насъ водились носилки, состоявшія изъ двухъ круглыхъ, аршина въ 4, длинныхъ шестовъ, которые продѣвались по краямъ и вдоль тюфячнаго мѣшка, расшитаго на обоихъ концахъ; затѣмъ, по длинѣ каждаго шеста, съ внутренней его стороны, простегивался тюфячный мѣшокъ вилотную, для того, чтобы шестъ не сходилъ съ своего мѣста. Такія незатѣйливыя носилки представляли то удобство, что позволяли среднюю, непростеганную часть тюфяка, въ случаѣ нужды, набивать сѣномъ, соломою, либо сдваивать теплыми и мягкими вещами; такую же подстилку можно было сдѣлать въ изголовьѣ. Неудобства ихъ состояли въ томъ, что въ грязное время нельзя было спускать носилокъ съ рукъ и класть на землю, если того требовало положеніе раненаго либо усталость носильщиковъ, и что самые шесты нелегко было держать разъединенными, особенно при большой тяжести. Другія носилки состояли изъ четырехъ-угольныхъ толстыхъ шестовъ, имѣвшихъ на внутренней сторонѣ

довольно глубокій жолобъ, въ которомъ въ равныхъ разстояніяхъ, подвижно, на желѣзныхъ осяхъ, укрѣплялись 4 тонкія, круглыя буковыя перекладины; такимъ образомъ, тянувши одинъ шестъ впередъ, а другой назадъ, можно было носилки сложить, причемъ перекладинки уходили въ жолобъ. На лицевой сторонѣ такихъ носилокъ прикрѣплялся тюфякъ, или двойное полотнище, а по длинѣ шестовъ были прибиты дощечки, не дававшія раненому скатываться съ носилокъ. Имѣя на задней части 4 перекладины, онѣ представляли лѣстницу, и могли, при случаѣ, замѣнять ее: стоило только повернуть ихъ заднею стороною напередъ. Онѣ требовали хорошей подстилки, иначе перекладинами сильно безпокоили раненыхъ. Эти носилки, строенныя въ княжествахъ, изъ буковаго дерева, выдержали всю войну; тѣ же, которыя заготовлялись изъ липы и березы, въ Россіи, часто ломались и кривились. Такихъ носилокъ подъ Евпаторіей было всего 4 пары.

Войска, ходившія на штурмъ, до того разогнались, что въ дыму не замѣтили оврага, отдѣлявшаго ихъ по прямому пути отъ города, причемъ многіе солдаты попадали, иные же на скользкой почвѣ не могли удержаться, и посъѣзжали въ оврагъ.

Извѣстно, что, послѣ сраженія, турки и вооруженные татары убивали какъ раненыхъ, такъ и попадавшихъ въ оврагъ и не умѣвшихъ оттуда выбраться. При такомъ положеніи дѣлъ, носильщики сами придумали способъ спасать своихъ товарищей, спуская на дно оврага по двѣ пары носилокъ, связанныхъ между собою по длинѣ, удерживая ихъ за веревку, привязанную къ верхнему концу. Тамъ, гдѣ носилки не имѣли перекладинъ, носильщики посылали спасавшемуся конецъ веревки, другой конецъ которой держали сами въ рукахъ. Тогда спасавшійся поднимался по шестамъ на рукахъ, а посланнымъ концомъ веревки опоясывался, обводилъ руку у плеча, либо просто держалъ ее въ зубахъ. Этотъ маневръ былъ необходимъ для того, чтобы не дать ему, при взлѣзаніи почти по отвѣсу, опрокинуться на спину. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что носильщиковъ было не менѣе двадцати въ каждой ротѣ и что почти всѣ они во время носки имѣли ружья за спиною, и при нуждѣ отстрѣливались.

Отправляясь позади средней колонны въ с. Оразъ, въ десятомъ часу утра, я еще не обогналъ ни одной фуры съ израненными. Когда я проѣзжалъ позади среднихъ пушекъ нашей батареи, невольно бросилась мнѣ въ глаза та несообразность, что три пушки дулами своими какъ разъ были направлены на длинникъ широкой улицы, раздѣлявшей городъ на двѣ половины, отъ поля до самаго моря,—и не стрѣляли, въ то время, когда большія массы непріятеля черезъ нее стя-

гивались съ остальной части города на нашъ лѣвый флангъ. Не могъ я удержаться, чтобы не спросить знакомаго мнѣ артиллерійскаго офицера о причинахъ такой упорной бездѣятельности артиллеріи, въ такое важное для насъ время, тогда какъ нѣсколькими выстрѣлами вдоль указываемой мною улицы можно бы легко задержать непріятеля противъ нашего праваго фланга и тѣмъ ослабить атаку его на нашу лѣвую колонну. Этотъ вопросъ былъ причиною весьма жаркаго спора, окончившагося тѣмъ, что мнѣ посовѣтовали поскорѣе убраться и не въ свое дѣло не соваться. Только 8-го числа я узналъ, въ дер. Такылъ, отъ того же офицера, что пороху оставалось по одному заряду въ пушкахъ, который нельзя было выпустить, чтобы не лишить прислугу того убѣжденія, что пороху еще довольно.

Прибывъ на главный перевязочный пунктъ, я не засталъ тамъ еще ни одного раненаго. Только въ полдень прибылъ первый транспортъ раненыхъ забалканцевъ, затѣмъ драгуновъ и артиллеристовъ, а наконецъ, и азовцевъ. Раненыхъ артиллеристовъ было немного, но всѣ они были въ трудномъ положеніи: размозженія и отрывы цѣлыхъ членовъ, контузіи живота и груди сопровождались крайнимъ оцѣпенѣніемъ. Забалканцы и азовцы большею частію тоже были поранены артиллерійскими снарядами, но поврежденія у нихъ сопровождались меньшимъ оцѣпенѣніемъ; драгуны были поранены ружейными пулями, камнями и осколками.

Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ часъ времени привезли 246 чел. раненыхъ, все трудныхъ и съ потрясеніемъ нервной системы, либо съ сотрясеніемъ мозга.

Четыре комнатки помѣщичьяго дома, отобранныя для производства операцій, къ часу по полудни были переполнены, такъ что производить операціи можно было только въ одной передней, которая была больше и свѣтлѣе другихъ. Въ ней же раненые поочередно записывались однимъ штабъ-лекаремъ. Заднія три комнатки были до того переполнены ранеными офицерами, что трудно было проходить, не наступая на нихъ; немногіе лежали на кроватяхъ, бо́льшая часть на полу, а самыми спокойными считались мѣста подъ чужою кроватью.

Каде и Беккеръ, два весьма искусные хирурга, присланные отъ Общества попеченія о раненыхъ и прибывшіе съ Райскимъ изъ Севастополя, сгруппировавшись съ полевыми врачами, тотчасъ стали производить большія операціи, въ такихъ случаяхъ, гдѣ отрывы, размозженія, и еще болѣе значительныя кровотеченія того требовали. Нѣсколько человѣкъ занялись подробною діагностикою, и такимъ обра-

зомъ подготовляли матеріалъ для хирурговъ, сберегая послѣднимъ время. Хлороформированіе производилось самими медиками.

Несмотря на кажущійся порядокъ и напряженную дѣятельность нѣсколькихъ медиковъ, многіе изъ остальныхъ оставались безъ дѣла, за неимѣніемъ мѣста и еще потому, что не всѣмъ медикамъ роли напередъ были розданы, что они не были разбиты на группы, и что, за исключеніемъ отбираемыхъ для большихъ операцій, производимыхъ Каде и Беккеромъ, остальное число раненыхъ не было своевременно классифицируемо.

5-го февраля былъ незначительный морозъ. Чтобы приспособить каменные сараи для раненыхъ, мы ихъ отапливали соломою, при раскрытыхъ воротахъ и запирая послѣднія какъ только дымъ выходилъ. Такимъ образомъ, воздухъ въ сараяхъ продолжалъ нагрѣваться оставшеюся и не совсѣмъ еще перегорѣвшею золою.

Когда привезли транспортъ съ 62-мя ранеными драгунами, то стѣсненіе въ комнатахъ помѣщичьяго дома до того усилилось, что даже поочередная запись раненыхъ производилась съ большими затрудненіями и перерывами. Я просилъ драгунскаго медика не вводить и не вносить ихъ туда, а помѣстить изъ нихъ легкихъ въ одномъ изъ нагрѣтыхъ сараевъ, а трудныхъ въ пустыхъ еще сѣняхъ дома, гдѣ мы ихъ поочередно записывали, перевязывали и, въ случаяхъ безотлагательной нужды,—оперировали.

Окончивъ дѣло съ 17-ю трудными, мы и ихъ помѣстили въ тотъ же сарай, гдѣ уже при свѣчахъ покончили запись и перевязку остальнымъ драгунамъ.

Между тѣмъ, доставили на главный пунктъ—и совершенно безъ нужды—командира Азовскаго пѣх. полка Крюднера. Раненые азовцы просили меня оставить ихъ перевязку, а прежде осмотрѣть любимаго ими и храбраго командира; иначе я бы не скоро узналъ о его прибытіи. Распухшая, посинѣвшая и довольно глубоко ссаженная икра, особенно на внутренней поверхности, и переломъ мало-берцовой кости заставляли думать, что Крюднера сильно контузило снарядомъ съ корабля, стрѣлявшаго въ тылъ и во флангъ отступавшей колонны. Такъ какъ его порядочно знобило, то, по окончаніи перевязки, напоивъ теплымъ и укрывъ, я поспѣшилъ его отправить въ Тюпъ-Мамай, прежде чѣмъ разовьется полная реакція.

На сцену совсѣмъ другаго рода наткнулся я, отходя отъ одного артиллерійскаго капитана, сильно контуженаго ядромъ въ животъ. Пробираясь въ проходной комнатѣ между лежавшими на полу офицерами, я увидѣлъ знакомый мнѣ, на трехъ ножкахъ, съ разведенными парами, хромой самоварчикъ. Онъ принадлежалъ подполковнику

Азовскаго пѣхотнаго полка, Двигубскому, и носилъ на позиціяхъ имя „надежды“, потому что Двигубскій всѣхъ зазывалъ къ чаю; самоварчикъ его вѣчно пыхтѣлъ гостепріимствомъ хозяина, но рѣдко кому удавалось испить изъ него чаю, такъ какъ онъ былъ маленькій и съ небольшимъ изъянцемъ. По этому самоварчику я спросилъ наугадъ, не здѣсь-ли находится Двигубскій? но не получивъ отвѣта, въ торопяхъ пробирался въ операціонную, какъ изъ-за двери послышался голосъ обладателя „надежды“. Двигубскій просилъ меня присутствовать при назначенной ему операціи отнятія ноги выше колѣна, по причинѣ поврежденія послѣдняго. Раненый былъ моимъ прежнимъ пацієнтомъ, страдая бѣлою опухолью колѣна послѣ его водянки, развившейся отъ запущеннаго сочленовнаго ревматизма; больное колѣно было окружено толстыми жировыми отложеніями (подушками), особенно съ внутренней стороны. Какъ рѣшительное средство, я ему совѣтовалъ ставить моксу, но онъ откладывалъ серьезное леченіе до конца войны. Теперь онъ лежалъ; на раненной ногѣ и на колѣнѣ платье облипло сгустками крови. По такимъ даннымъ еще нельзя было убѣдиться въ томъ, что раненому необходимо отнять ногу, а потому, разувши его, я сталъ снимать платье съ пораненной ноги: вмѣсто подштанниковъ онъ носилъ лосинные штаны въ обтяжку; какъ только я стянулъ послѣдніе съ колѣна, то изъ нихъ вывалилась коническая пуля съ чашечкою. Оказалось, что она пробила лосинные штаны и вошла острою коническою своею частью въ толщу бѣлой опухоли, но задняя ея часть, толстая и распертая, застряла въ штанахъ.

— Вотъ вамъ и вся операція,—сказалъ я Двигубскому,—вы же все откладывали ставить моксу на опухоль, а вотъ непріятель вамъ ее и поставилъ. Смотрите на свою рану какъ на правильное леченіе, и сами успокойтесь, да напейтесь чайку и попотчуйте окружающихъ, не исключая и меня.

Вскорѣ пришли за нимъ изъ операціонной, но я объяснилъ ошибку, и Двигубскій къ концу войны ходилъ прихрамывая но на обѣихъ ногахъ.

При свѣчахъ наша работа шла тише. Около 10-ти часовъ вечера свѣжіе медики смѣнили работавшихъ весь день, а другіе отправились по сараямъ. Во второмъ часу пополуночи, часть ихъ была отпущена на отдыхъ, и я въ томъ числѣ; но не прошло и четверти часа, какъ меня потребовалъ главный хирургъ. Только я вошелъ въ операціонную, какъ Райскій указалъ мнѣ на артиллериста съ оторванными на различномъ уровнѣ ногами: одна въ колѣнѣ, другая въ верхней трети ляшки; раны представляли неровную поверхность съ лоскутами; кровь не переставала сочиться изъ разможенной мякоти. Пульсъ еще былъ. Если бы вздумалось терять время на отыскиваніе артерій въ размож-

женной мякоти, то раненый истекъ бы кровію, не дождавшись конца операціи. Оставалось одно спасеніе и то ненадежное: ампутировать одну ногу выше колѣна, а другую вылущить и тщательною перевязкою артерій задержать кровотеченіе. Только я высказалъ свое мнѣніе, какъ раненый уже былъ положенъ на столъ; помощники принялись за свое дѣло, а мнѣ велѣно было произвести объ названныя операціи. Выполнивъ задачу и сдавъ паціента дежурному, я опять ушелъ на отдыхъ; но въ 3 часа вторично былъ потребованъ къ главному хирургу, Райскому.

Оказалось, что изъ Тюпъ-Мамая, мѣста расположенія Азовскаго пѣхотнаго полка, пришли свѣдѣнія, что послѣ сраженія туда собралось большое число раненыхъ изъ лѣвой колонны; почему Райскій велѣлъ мнѣ, вмѣстѣ съ драгунскимъ медикомъ, отправиться тотчасъ въ Тюпъ-Мамай, и позволилъ мнѣ забрать вещевыя полуфурки Азовскаго полка. Одинъ казакъ взялся насъ проводить на-прямикъ, ночью; разстоянія было 15 верстъ. Не сдѣлалъ я еще и пяти верстъ, какъ у одной деревни, драгунскій медикъ отпросился у меня заѣхать на часъ въ свой полкъ, обѣщая прибыть въ Тюпъ-Мамай къ десяти часамъ утра; но больше я его не видѣлъ. Сбившись съ дороги, мы только съ разсвѣтомъ наткнулись на нашъ казачій пикетъ, по лѣвую сторону Евпаторіи, и оттуда только къ 9-ти часамъ (6-го февраля) попали въ Тюпъ-Мамай, съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ въ туманѣ нельзя было найти дороги.

Я засталъ тамъ одного драгунскаго медика Щебетова, весьма дѣльно помогавшаго раненымъ; но большую ихъ часть я нашелъ безъ мѣстъ, у ротныхъ кухонь, такъ какъ въ той же деревнѣ, кромѣ Азовскаго полка, было помѣщено много штабовъ и отдѣльныхъ частей другихъ войскъ.

Ротныя кухни большею частію находились на краю деревни, въ полѣ, и пища варилась на кострахъ, у которыхъ толпились здоровые и легко раненые; болѣе трудные были размѣщены частью въ сѣняхъ, частью же въ самыхъ избахъ. Сколько мнѣ помнится, цифра всѣхъ раненыхъ солдатъ не превышала 348-ми человѣкъ, и въ томъ числѣ 14 человѣкъ греческихъ волонтеровъ; офицеровъ раненыхъ было 22, и въ томъ числѣ командиръ полка. Хотя погода шла на оттепель, но всетаки болѣе долгое пребываніе около 250-ти раненыхъ на открытомъ воздухѣ не могло не отразиться вредно на ихъ здоровьѣ.

V.

Въ Тюпъ-Мамаѣ было много начальства: командиръ 8-й пѣхотной дивизіи князь Урусовъ, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, флигель-адъютантъ Волковъ, и много другихъ лицъ. Большая ихъ часть занимала помѣщичій домъ, называемый „дворцомъ", потому что онъ принадлежалъ какому-то татарскому князю, въ началѣ войны оставившему свою резиденцію. Ясно, что и всѣ 12 дворовъ деревни, съ 13-мъ, помѣщичьимъ, домомъ едва могли-бы помѣстить такое число раненыхъ, если-бы не были заняты войсками и ихъ штабами, а, между тѣмъ, военный этикетъ не позволялъ никому изъ начальствующихъ лицъ стѣснять или выживать другаго въ пользу раненыхъ. Такимъ образомъ, самый главный вопросъ—о помѣщеніи раненыхъ—какъ самый щекотливый, не могшій иначе рѣшиться, какъ въ ущербъ помѣщенія начальствующихъ лицъ и ихъ частей, остался незатронутымъ, или, по крайней мѣрѣ, нерѣшеннымъ. Пришлось еще разъ пожалѣть о болѣзни раненаго В. М. Крюднера,—онъ бы повернулъ дѣлами иначе. Я къ нему отправился и, по счастью, засталъ у него и генералъ-лейтенанта Хрулева.

Не взирая на крайнее нездоровье хозяина, я представилъ положеніе раненыхъ, требуя нѣсколько комнатъ во „дворцѣ", для производства операцій и помѣщенія трудныхъ, и скорѣйшаго очищенія каменныхъ сараевъ отъ княжескаго имущества, для помѣщенія прочихъ раненыхъ.

Черезъ два часа сараи были очищены и отоплены соломою, а вытащенное изъ нихъ имущество сдано 22-мъ часовымъ; списокъ предметамъ его отданъ несговорчивому управляющему, для полученія имъ обратно вещей, по минованіи надобности въ сараяхъ.

Къ тому же времени, при содѣйствіи флигель-адъютанта Волкова, отобрано было нѣсколько комнатъ во „дворцѣ", такъ что въ полдень мы уже начали производить безотлагательныя операціи на полномъ просторѣ, а до 4-хъ часовъ по полудни, при энергическомъ содѣйствіи полковаго адъютанта Красноглазова, всѣ раненые, остававшіеся безъ мѣстъ, были помѣщены въ отопленныхъ сараяхъ „дворца", исключая грековъ, пожелавшихъ остаться въ занятыхъ ими кошарахъ. Самые трудные, прежде помѣщенные въ избахъ, остались на мѣстѣ, и только нѣкоторыхъ изъ нихъ приносили во „дворецъ" для производства операцій въ свѣтлыхъ комнатахъ, послѣ чего уносили обратно. До одиннадцати часовъ вечера мы успѣли закончить классификацію раненымъ, послѣ которой 118 самыхъ легкихъ я отпустилъ къ сво-

имъ частямъ, во фронтъ, гдѣ они всетаки оставались подъ присмотромъ подготовленныхъ цирюльниковъ, однажды въ сутки являясь въ лазаретъ для осмотра поврежденій и перевязки. Самыхъ безнадежныхъ я сдалъ на попеченіе лазаретнаго офицера, заранѣе снабженнаго инструкціею и весьма охотно ухаживавшаго за страдальцами. Послѣ такой классификаціи, я не зналъ хаоса, обыкновенно встрѣчавшагося на перевязочныхъ пунктахъ, и этимъ спасительнымъ правиломъ военные медики останутся навсегда признательными Пирогову. Ничто такъ не облегчаетъ трудъ хирурга и не дѣлаетъ его сознательнымъ, разумнымъ и успѣшнымъ, какъ правильно произведенная классификація раненыхъ и размѣщеніе ихъ, по возможности, группами, по сходству полученныхъ ими поврежденій. Такимъ образомъ, правильная классификація сокращаетъ трудъ хирурга и облегчаетъ прислугу, упрощая уходъ и устраняя всякій безпорядокъ и бѣготню на перевязочномъ пунктѣ. При мнѣ были два фельдшера: Волковъ и пьяница Нюниковъ [1]), отлично подготовленные въ фельдшерской школѣ и полевою службою при лазаретномъ обозѣ: они вдвоемъ перевязали 118 легко раненыхъ, и затѣмъ перешли къ труднѣйшей группѣ огнестрѣльныхъ ранъ, безъ поврежденія большихъ сосудовъ и костей, такъ что на долю медиковъ оставались только оперативные случаи и разныя осложненія поврежденій.

Судя по разнообразію пораненій, встрѣчавшихся на Тюпъ-Мамайскомъ перевязочномъ пунктѣ, можно было сдѣлать то заключеніе, что войска лѣвой колонны, и особенно греки и азовцы, натыкались на непріятельскій огонь со всѣхъ сторонъ. Пулевыя, сквозныя и подкожныя раны поперегъ груди и живота, какъ и, проницающія въ тѣ же полости съ одного, то съ другаго бока, сквозныя раны на одномъ уровнѣ поперегъ обѣихъ голеней или лядвей—заставляли думать, что непріятель стрѣлялъ съ фланга и на близкомъ разстояніи. У другихъ проницающія раны спереди назадъ грудной клѣтки, или подкожныя

---

[1]) Отличавшійся тѣмъ, что, отсылаемый мною за пьянство съ боевыхъ позицій въ дальніе лазареты, онъ ко всякому сраженію самъ являлся на перевязочный пунктъ совершенно трезвымъ, и всегда съ примѣрною неутомимостію помогалъ мнѣ при производствѣ операцій. Легкія операціи онъ искусно самъ производилъ и самымъ тщательнымъ образомъ ухаживалъ за ранеными и больными, до окончательной ихъ сдачи въ чужія учрежденія. Тогда онъ тотчасъ напивался, оправдываясь тѣмъ, что никому болѣе не нуженъ. Перенося наказанія совершенно безропотно, онъ не переставалъ пить, исключая то время, когда предвидѣлись, или пока продолжались хирургическія занятія, которыя, какъ самъ выражался, онъ очень уважалъ. Затѣмъ, сѣтуя на то, что онъ оказывается излишнимъ и безполезнымъ,— тотчасъ напивался. **А. Г.**

и все болѣе съ двумя отверстіями, то есть безъ засѣвшей пули, или сквозныя раны конечностей и таза спереди назадъ, ясно изобличали, что непріятель стрѣлялъ во фронтъ и въ упоръ нашимъ войскамъ. Такъ, напримѣръ, капитанъ Чижиковъ былъ простр ѣленъ въ правую сторону груди на уровнѣ груднаго соска, и пуля вышла, раздробивъ часть правой лопатки, а капитанъ Урусскій раненъ былъ въ пахъ, но такимъ образомъ, что входное отверстіе было надъ Подпартовою связкою, а выходное на промежности. Слѣдовательно, выстрѣлъ былъ направленъ спереди и наискось сверху. Одинъ греческій волонтеръ былъ раненъ въ лѣвый високъ, имѣя глубокую пулевую ссадину лба и, въ то же время, подкожный пулевой ходъ справа на лѣво, въ уровень нижняго угла лѣвой лопатки. У одного солдата была кожная рана на передней части шеи, проницавшая въ дыхательное горло, такъ что онъ могъ произносить слова, то есть издавать звуки, не иначе, какъ затыкая рану пальцемъ. Должно полагать, что онъ былъ раненъ пулею сбоку, касательно. Вообще передне-заднихъ ранъ всего болѣе встрѣчалось въ грудь и въ руки, а боковыхъ—въ лѣвую половину тѣла.

Часамъ къ 8-ми по полудни 7-го февраля, весь контингентъ раненыхъ былъ уже въ спискѣ, осмотрѣнъ и тщательно призрѣнъ.

Вообще говоря, перевязочные пункты, въ самомъ началѣ войны, каждый разъ, прежде чѣмъ раскроется и установится настоящая ихъ дѣятельность, представляли мѣсто безпомощныхъ страданій и вмѣстѣ арену несдержанныхъ страстей и сбивчивыхъ споровъ.

Только съ появленіемъ Н. И. Пирогова на театрѣ военныхъ дѣйствій, многіе изъ его воспитанниковъ и слушателей стали серьезнѣе и правильно понимать цѣль передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ; вводили на нихъ правильную классификацію поврежденіямъ и при такихъ только условіяхъ могли слѣдовать скорому, такъ называемому „фабричному“, методу въ наложеніи повязокъ и производствѣ безотлагательныхъ операцій, назначая для каждой категоріи занятій особую группу медицинскаго персонала. Точное разграниченіе показаній для первичныхъ и послѣдовательныхъ операцій и упрощенное примѣненіе сложныхъ повязокъ для транспортировки поврежденныхъ, сдѣлало болѣе опредѣленною и полезною дѣятельность на перевязочныхъ пунктахъ. Но бѣда состояла въ томъ, что не всѣ старшіе по іерархіи медики въ войскахъ сочувствовали Н. И. Пирогову, а высказанное имъ однажды замѣчаніе, что хирургическіе инструменты часто оказывались въ Севастополѣ тупыми, достаточно было для того, чтобы яснѣе проявилось такое нерасположеніе, такъ что въ началѣ войны встрѣча на перевязочныхъ пунктахъ послѣдователей Пирогова съ отставшими и враждебно къ нему относившимися медиками была

не разъ причиною разногласій, тормозившихъ успѣхъ. Къ счастью, такія вспышки были не часты и кончались всегда въ пользу дѣла. Гораздо ощутительнѣйшій безпорядокъ вносился на перевязочныхъ пунктахъ тѣми военными лицами, которыя, не участвуя сами въ сраженіяхъ, всетаки желали о себѣ напомнить начальству въ такое горячее время, когда, ни за что, ни про что, можно было схватить большую награду, и для этой цѣли выпрашивали себѣ право завѣдывать перевязочными пунктами. Но въ большинствѣ пунктовъ, во время сраженія и въ началѣ ихъ дѣятельности, медики были предоставлены самимъ себѣ и доставленіе всего необходимаго зависѣло отъ ихъ же дальновидности.

Только послѣ сраженія—и не ранѣе, когда перевязочный пунктъ былъ въ разгарѣ своей дѣятельности—являлись незнакомыя личности гевальдигеровъ, дежурныхъ штабъ-офицеровъ и другихъ, принимавшихъ все благоустроенное на себя, прикрикивавшихъ на кого ни попало изъ прислуги, фельдшеровъ и менѣе значившихъ медиковъ. Только по такимъ громкимъ заявленіямъ, медики могли догадываться, кто именно то лицо, которое номинально отвѣчало за благоустройство пунктовъ; собственно же, эти лица ни о чемъ не заботились. Обыкновенно, по окончательномъ завершеніи боя, высшее начальство старалось уловить первую свободную минуту, чтобы посѣтить перевязочный пунктъ, чтобы принести слово утѣшенія раненымъ, освѣдомиться о ихъ нуждахъ и поощрить трудящихся медиковъ. Ровно за нѣсколько минутъ передъ этимъ посѣщеніемъ и являлись номинальные и отсутствовавшіе прежде распорядители. Они сразу принимали на свой счетъ все сдѣланное другими и хорошее и отъ себя представляли посѣщавшему пунктъ начальству, а въ случаѣ высказываемаго имъ неудовольствія и обвиненій въ чемъ либо, преловко и преспокойно сворачивали всю свою вину на медиковъ и фельдшеровъ. Бывало и такъ, что, послѣ сраженія, иной, недовольный собою либо другими, начальникъ находилъ все дурно устроеннымъ на перевязочномъ пунктѣ. Тогда явившіеся за минуту передъ нимъ распорядители, поддакивая, науськивали и направляли изливающійся гнѣвъ на медиковъ,—и такимъ маневромъ отклоняли его вниманіе отъ собственной ихъ виновности.

Такъ случилось и послѣ сраженія подъ Евпаторіею.

Когда я, стоя на колѣняхъ, въ холодныхъ сѣняхъ помѣщичьяго дома и при затворенной двери, у которой былъ поставленъ часовой, перевязывалъ артерію на предплечіи раненому драгуну, то вдругъ дверь распахнулась, вошелъ офицеръ высшаго ранга со зрительною трубою черезъ плечо, но такъ быстро, что еле-еле не наткнулся на

острее кателина, который, за неимѣніемъ мѣста, мнѣ пришлось держать въ зубахъ.

— „Это что такое? Кто это здѣсь усѣлся? Долой шапку! Спрашиваю, что это за фигура?“ Такъ сыпались вопросы и приказанія.

Я тряхнулъ головой, шапка, слетѣла въ грязь, но отвѣчать я не могъ, такъ какъ ротъ у меня не былъ свободенъ.

Гроза меня миновала; отворилась другая дверь въ операціонную, послышались оттуда шарканье, смятенье и нѣсколько взвизговъ оперируемыхъ солдатъ отъ торопливыхъ маневровъ оторопѣвшихъ хирурговъ. Пошли разспросы, рекомендаціи, явки, замѣчанія, выговоры, оправданія, угрозы и вторично раздалось: „Шапку долой, тебѣ говорю, эй, кто это?!“ и т. д. и послѣ длинной паузы голосъ приблизился къ выходной двери, закончивъ всю сцену словами: „постой же, я тебѣ лямку надѣну...“ и съ тѣмъ эта личность чуть-чуть не свалилась мнѣ на спину и, въ заранѣе отворенную впереди меня дверь, исчезла.

Такими неожиданно набѣгавшими явленіями полевые медики были уже обстрѣлены и называли ихъ „грозой-самолетомъ“. Мы знали, что они остаются, большею частію, безъ послѣдствій, а подчасъ, напротивъ, бывали предвѣстникомъ незаслуженной даже нами награды. Но раненымъ при такихъ сценахъ доставалось терпѣть толчки и боли, такъ какъ медики, бросая не во-время производство начатыхъ ими операцій и роняя инструменты, торопливо хватались кто за шапку, а кто за бортъ разстегнутой шинели.

На этотъ разъ все дѣло состояло въ томъ, что одинъ статскій хирургъ, завладѣвъ свѣтлымъ мѣстомъ у одного окошка, оперировалъ одного забалканца, надвинувъ шапку козырькомъ почти на носъ, защищаясь отъ двойнаго свѣта, и потому не могъ снять ее до конца начатой имъ перевязки артеріи. Послѣ „грозы-самолета“ пошло все своимъ чередомъ.

7-го февраля, въ 11 часовъ утра, когда я производилъ операцію не въ Оразѣ, а уже въ Тюпъ-Мамаѣ, одинъ прибывшій медикъ потребовалъ, чтобы, оставивъ всякую работу, я тотчасъ бы отправился осмотрѣть больнаго его начальника. Вымывъ руки, но такъ какъ моя шинель была вся въ крови, то оставшись въ операціонномъ моемъ, драповомъ, куцомъ пиджакѣ, въ которомъ и въ Оразѣ работалъ, я, безъ фуражки и съ запасомъ перевязочныхъ матеріаловъ, разсованныхъ по торчавшимъ на груди моего пальто карманамъ, перебѣжалъ черезъ дворъ и явился на порогѣ комнаты, посерединѣ которой и противъ окошка, на длинномъ креслѣ и въ бѣличьемъ халатѣ, лежалъ тотъ же офицеръ, который произвелъ грозу въ Оразѣ. Его протянутыя

ноги, обутыя въ сафьянные спальные сапоги, тщательно покрытыя толстымъ пледомъ, покоились на подставленномъ стулѣ.

— „Кто вы?“ спросилъ онъ меня.

— Штабъ-лекарь Азовскаго полка Генрици.

— „Я думалъ—кормилица. Это что за костюмъ?!“

— Операціонный, — отвѣтилъ я.

— „Ну, идите сюда, осмотрите у меня ноги“.

За неимѣніемъ стола, я разставилъ бутылочки и баночки на табуретѣ, а затѣмъ, раскрывши и разувши его ноги, нашелъ сильную эритему (рожу), распространившуюся со ступней до самыхъ колѣнъ.

— „Ну, что это у меня?“

— Эритема (и придавивши мякишемъ пальца въ нѣсколькихъ мѣстахъ больныя ноги) съ наклонностію перейти въ рожистое воспаленіе, — прибавилъ я.

— „Отчего это у меня сдѣлалось?“

— Я хотѣлъ почти о томъ же спросить васъ, не зная, чѣмъ вы могли такъ повредить своимъ ногамъ.

— „Что жъ вы за докторъ, что ничего не знаете!“

Между тѣмъ, изъ моихъ дальнѣйшихъ разспросовъ ясно вытекало, и я вскорѣ сообщилъ это паціенту, что онъ понапрасну, опасаясь озябить ноги, выѣзжая въ сраженіе, закуталъ ихъ въ толстыя, шерстяныя ткани, поверхъ которыхъ обулъ мѣховые сапоги,—и оставаясь такъ почти сутки, до-нельзя распарилъ ихъ и раздражилъ; почему, смазавъ ихъ масломъ и слегка забинтовавъ, я рекомендовалъ ихъ держать на просторѣ и ничѣмъ больше не прикрывать.

— „Вы что-то мнѣ знакомы,—замѣтилъ онъ,—гдѣ я васъ видѣлъ?“

— Въ сѣняхъ, въ Оразѣ.

— „Ахъ нѣтъ, прежде этого!...“

— Въ 1849 году, когда я съ маршевымъ баталіономъ слѣдовалъ черезъ Замосць въ Венгрію, вы выбранили меня за пьянство и буйство.

— „Что жъ, вы теперь не пьете?!“

— Я и тогда не пилъ и пить до сихъ поръ не могу; вы тогда по росту и сходству приняли меня за кого-то другаго.

— „Что жъ я съ вами тогда сдѣлалъ?“

— Извинились.

— „А? Что вы?!... Ну, да дѣло не въ томъ,—а каковъ же нахалъ этотъ вашъ докторъ, какъ бишь его? Знаете, что онъ вчера со мною сдѣлалъ?! Уперся въ окошко и всетаки остался въ фуражкѣ! каково?!“

Напрасно я доказывалъ, что на фербандѣ и прислугѣ запрещается снимать фуражки какъ потому, что снятыя фуражки часто пропа-

дають въ толпѣ, такъ и потому, что, снимая фуражки, часто прислуга роняетъ изъ рукъ всякую ношу, а что притомъ многимъ хирургамъ нужна защита козырька отъ двойнаго свѣта или его излишка, при производствѣ серьезныхъ операцій.

Въ это время паціентъ замѣтилъ, что на табуретѣ послѣ одной стклянки осталось масляное пятно.

— „Вы гдѣ ни ступите,— только гадите, посмотрите, что вы надѣлали, га?! — стыдно, батенька, стыдно! какой же вы докторъ,— да мой лакей чище васъ служитъ! ступайте въ свое мѣсто!“

Противно мнѣ стало; я спѣшилъ убраться, но въ дверяхъ былъ опять задержанъ вопросомъ: „постойте, что-жъ вы, надумались наконецъ? скажете мнѣ, или нѣтъ, отчего у меня сдѣлалась рожа на ногахъ?“

— Если вы не согласны, что она показалась отъ того, что вы ноги черезъ-чуръ кутали, такъ развѣ отъ душевныхъ потрясеній: отъ нихъ часто случается рожа,—и раскланявшись, я сталъ выходить.

— „Постой же, я на тебя лямку надѣну“,—послышалось мнѣ въ догонку.

— Много же предстоитъ расхода на лямки,—подумалъ я, поспѣшно и осторожно затворяя за собою дверь.

Съ полудня 7-го числа, намъ уже было извѣстно, что Азовскій полкъ и при немъ баталіонъ грековъ отправятся 8-го числа утромъ къ Севастополю, на прежнія позиціи.

Еще ночью на 6-е февраля, Райскій, отправляя меня въ Тюпъ-Мамай, на мой вопросъ: что тамъ мнѣ слѣдуетъ дѣлать? коротко отвѣтилъ, что „все то, что самъ найду нужнымъ“,—значитъ, онъ далъ мнѣ carte-blanche дѣлать все необходимое, или испрашивать на то распоряженій, смотря по обстоятельствамъ. Теперь же у меня было призрѣнныхъ и хорошо осмотрѣнныхъ болѣе 300 раненыхъ, которыхъ, не смотря на сараи просторные и на короткое время обогрѣтые, нельзя было въ нихъ долѣе держать скученными, тѣмъ болѣе, что и отапливать ихъ снова, не выводя предварительно паціентовъ, не было никакой возможности. На всѣ же мои письменные и словесные запросы, посылаемые Райскому черезъ казаковъ и офицеровъ,— куда помѣстить и куда сдавать раненыхъ,—отвѣта не было, а между тѣмъ, генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, 6-го февраля, приказалъ мнѣ самостоятельно распоряжаться въ Тюпъ-Мамаѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявилъ, что къ наградамъ за труды никого изъ медиковъ не представитъ безъ моей личной аттестаціи. Такимъ образомъ, онъ подчинилъ мнѣ весь медицинскій штатъ; но объ этомъ, какъ оказалось послѣ, въ приказѣ не объявилъ.

Зная, что въ 11-ти верстахъ, въ дер. Котуръ, раскрытъ былъ подвижной госпиталь для пріема раненыхъ въ сраженіи 5-го февраля, я испросилъ распоряженіе отъ генерала Хрулева транспортировать туда весь контингентъ раненыхъ прежде моего ухода съ полкомъ.

Недоставало только подводъ, но мои казаки сообщили мнѣ, что 12 верблюжьихъ подводъ проходятъ вблизи деревни; я поспѣшилъ испросить позволеніе воспользоваться ими для транспорта и, получивъ таковое на всякія, встрѣчаемыя даже по пути, другія подводы, я до ночи успѣлъ сдать раненыхъ въ котурскій госпиталь. Осталось 14 человѣкъ грековъ, испросившихъ позволеніе остаться на мѣстѣ нѣсколько дней, съ тѣмъ, что они своими средствами отправятся въ симферопольскій госпиталь; да еще нѣсколько офицеровъ, пожелавшихъ лечиться при полку, и 118 легко раненыхъ—во фронтѣ. Ночью на 8-е февраля, пріѣхалъ въ Тюпъ-Мамай и самъ главный хирургъ; безаппеляціонно распекъ онъ меня за то, что я отправилъ раненыхъ въ Котуръ, не дождавшись его пріѣзда. Ни представленія, — что я не имѣлъ отъ него отвѣта, и что о пріѣздѣ его знать не могъ,— ни объясненія,—что нельзя было оставлять дольше больныхъ скученными, не подвергая ихъ гибельнымъ послѣдствіямъ заразы и холода, — не оправдали меня передъ Райскимъ. Раннимъ утромъ онъ обошелъ оставшихся 20 человѣкъ раненыхъ, побывалъ по начальству и уѣхалъ обратно въ Оразъ, намекнувъ, что мнѣ бы не худо было совсѣмъ здѣсь оставаться, при 8-й дивизіи. Вспомнивъ слова генерала Липранди, чтобы „работать на всѣхъ, оставаясь вѣрнымъ своему полку“, я сообщилъ своему начальству о сложившемся предположеніи оставить меня при 8-й дивизіи, вслѣдствіе чего бригадный командиръ, генералъ Огаревъ, тотчасъ меня отправилъ съ командою 118-ти легко раненыхъ солдатъ, 6-ю офицерами и съ лазаретнымъ обозомъ впередъ полка, съ приказаніемъ дождаться его прибытія на первомъ ночлегѣ, кажется, въ дер. Такилъ.

Нельзя промолчать про дѣйствія главнаго хирурга Райскаго.

4-го февраля онъ созвалъ медиковъ для совѣщанія, а ограничилъ дѣло совѣщанія отдачею безусловнаго приказанія, не сообразивъ ни обстановки, ни средствъ. На представленія и соображенія полевыхъ медиковъ, предупреждавшихъ его, что необходимо въ Тюпъ-Мамаѣ назначить главный, или хоть отдѣльный, перевязочный пунктъ, онъ остался глухимъ и нѣмымъ. Приготовляясь встрѣтиться съ большимъ контингентомъ раненыхъ, Райскій не позаботился о ихъ помѣщеніи въ Оразѣ, до того, что сараи въ деревнѣ стали отапливать, по распоряженію полевыхъ медиковъ, когда уже транспорты раненыхъ прибывали. Медиковъ для предстоящей работы Райскій не сгруппиро-

валъ, раненыхъ не классифицировалъ и тѣмъ способствовалъ путаницѣ. Получивъ извѣстіе, что въ Тюпъ-Мамаѣ собрались сотни раненыхъ, и потерявъ голову, онъ послалъ меня туда съ развязанными руками дѣлать все, что только найду нужнымъ, а по минованіи отвѣтственности за нераспорядительность и гибели, угрожавшей сотнямъ раненыхъ, оставшихся подъ открытымъ небомъ, онъ мнѣ же высказалъ свое неудовольствіе.

Минуя поверхностные приговоры къ операціямъ, какъ это было съ Двигубскимъ и другими ему подобными, какъ послѣ всего сказаннаго не оправдать медиковъ, съ изумленіемъ спрашивавшихъ до дѣла: кто Райскій и кто его назначилъ главнымъ хирургомъ?

Говорили между прочимъ, что, до возведенія своего въ санъ главнаго хирурга, Райскій нѣсколько лѣтъ сряду мало занимался медициною и служилъ не медицинскимъ, а административнымъ чиновникомъ, въ Крыму. Если это правда, то трудно понять, какимъ образомъ генералъ-штабъ-докторъ назначилъ его главнымъ хирургомъ для Евпаторійскаго дѣла, свершавшагося въ глуши и потому требовавшаго людей съ выработаннымъ взглядомъ, опытностію и съ современнымъ знаніемъ своего дѣла.

По прибытіи полка на первый ночлегъ, у всѣхъ съ языка только и срывалось сожалѣніе о томъ, что нашъ храбрый командиръ В. М. Крюднеръ сильно контуженъ и долженъ будетъ оставить полкъ. Ему полкъ былъ немало обязанъ молодецкимъ настроеніемъ и единствомъ, а въ настоящее время и тѣмъ, что раненые не оставались безъ призрѣнія и тщательныхъ перевязокъ. Онъ ничего не жалѣлъ для благоустройства медицинской части въ своемъ полку. Запасъ перевязочныхъ матеріаловъ и всего необходимаго никогда не выводился въ лазаретномъ обозѣ. Всюду, на маршѣ, усталые и изнемогшіе, а часто и проголодавшіеся, безъ различія званія, могли ожидать полнаго попеченія въ лазаретномъ обозѣ. Еще на маршѣ въ княжествахъ, около Фокшанъ, генералъ-лейтенантъ Липранди, какъ онъ самъ разсказывалъ, желая видѣть число усталыхъ и манеру слѣдованія Азовскаго полка, однажды въ теченіе цѣлаго перехода ѣхалъ позади эшелоновъ, приближаясь то къ лазаретному обозу, то къ аріергарду, и нашелъ, что слухи и похвалы касательно искусства свершать переходъ и касательно попеченій объ усталыхъ, которые до него доходили и казались ему прежде преувеличенными до вымысла, онъ долженъ признать справедливыми. Еще въ Малой Валахіи, въ странѣ далекой отъ коммисаріатскихъ центровъ и въ виду непредвидѣнныхъ сраженій, подъ Калафатомъ, не желая допустить до недостатка въ перевязочныхъ средствахъ, Крюднеръ дозволилъ мнѣ скупать ве-

тошь, производя плату отъ 3 до 15 коп. за штуку изношеннаго офицерскаго, или же и солдатскаго бѣлья, и въ болѣе свободное время назначалъ въ лазаретъ, въ мое распоряженіе, портныхъ и рабочихъ для освѣженія стараго запаса и для новаго заготовленія лубковъ, крахмальныхъ повязокъ, бандажей, бинтовъ, компрессовъ, полевыхъ турникетовъ и для заготовленія корпій различной тонкости.

Походная мебель, складные столы и табуреты тоже обновлялись, а костылей и носилокъ всегда было болѣе положенныхъ. Назначавшіеся въ лазаретъ рабочими получали ежедневно полную ординарную порцію, рюмку водки и 3 коп. на табакъ.

Такимъ образомъ, за пребываніе полка въ княжествахъ и въ Крыму, я израсходовалъ 43 р. на ветошь и, при своевременномъ освѣженіи запаса, имѣлъ въ такомъ изобиліи перевязочныя вещи, что совершенно охотно и не причиняя ощутительнаго ущерба полку, мнѣ случалось его припасами перевязывать, безъ возврата, совершенно чужія войска. Также и продовольственная часть была у Крюднера ведена болѣе чѣмъ добросовѣстно. Оттого, гдѣ только было можно, дивизія спѣшила открывать лазаретъ при Азовскомъ полку; оттого же и раненые крѣпко держались своего полка и, покуда позволяли силы и рана, отпрашивались отъ отсылки ихъ въ госпитали и отъ переводовъ въ другія войска.

А. А. Генрици.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШАМИЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

II [1]).

Возвратимся, на минуту, къ прошлому. Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ 1861 году, Шамиль не упустилъ случая лично просить Государя Императора объ увольненіи своемъ въ Мекку и былъ осчастливленъ милостивымъ отвѣтомъ, что «современемъ» просьба его будетъ удовлетворена. По этому случаю, возвратясь въ Калугу и сообразивъ, что его просьба была несвоевременна, послѣ домашняго совѣщанія, онъ написалъ намѣстнику кавказскому, князю Барятинскому, слѣдующее посланіе:

«Спѣшу увѣдомить тебя, что мы возвратились въ Калугу здравы и невредимы. Будучи осчастливлены высочайшимъ вниманіемъ и милостивымъ благоволеніемъ Государя Императора, благодаримъ Его Величество за постоянныя къ намъ милости и молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ ему, всѣмъ приближеннымъ его и всѣмъ любящимъ его всякое благо во всякое время, и дома и на пути! Мы знаемъ, что не можемъ вполнѣ выразить всей нашей благодарности и сердечной признательности за великія къ намъ царскія милости; намъ остается только молить Бога о здравіи, споспѣшеніи, побѣдѣ и покореніи враговъ подъ ноги его! Боже нашъ! какъ велико къ намъ вниманіе царя! онъ, изъ собственныхъ рукъ своихъ, которыя составляютъ предметъ лобызанія для всѣхъ великихъ и знатныхъ сего міра, и которыя суть источникъ благости и всякаго добра, подарилъ мнѣ золотую шашку! эта шашка—острый ножъ для враговъ моихъ, который безпрестанно будетъ имъ колоть глаза, а для друзей моихъ — прекрасный цвѣтокъ, который будетъ вѣчно цвѣсти въ цвѣтникѣ ихъ памяти! Да наградитъ Богъ Императора за эту милость тысячекратно, да побѣдитъ враговъ его, и да сдѣлаетъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 253—276.

мечъ его смертельнымъ для нихъ оружіемъ! Увы, не произвести времени царя — подобнаго нашему! Время, какъ сказалъ одинъ поэтъ, — скупо на такихъ царей!...

«Во время моей аудіенціи съ тобою, князь, относительно извѣстнаго тебѣ желанія, мы узнали, что борьба ваша съ шапсугами и абадзехами еще продолжается, чего мы не думали и не подозрѣвали!... Мы думали, что борьба кончена, и что осталось одно имя борьбы вслѣдствіе преслѣдованія разсѣявшихся по лѣсамъ и ущельямъ малыхъ партій, не имѣющихъ такого человѣка, который бы руководилъ ихъ къ благоустройству или остановилъ бы совѣтомъ отъ безполезной потери людей и имущества! Шайки эти мы считали стадомъ разбѣжавшихся по разнымъ мѣстамъ барановъ, которые пошалятъ, пошалятъ до тѣхъ поръ, покуда не увидятъ волка, который ихъ скрутитъ и къ вамъ доставитъ! Я объяснялъ ихъ безразсудство недостаткомъ здраваго смысла, и былъ увѣренъ, что наибъ абадзеховъ Магометъ-Аминъ, получившій отъ Царя нашего богатые дары и полезныя наставленія, возвратившись къ своему мѣсту, окончательно усмирилъ народъ!... Теперь, когда это дѣло вышло совершенно иначе и я въ своихъ предположеніяхъ обманулся, краснѣю со стыда передъ Его Императорскимъ Величествомъ и передъ тобою, и раскаиваюсь, что высказалъ желаніе отъѣхать въ Мекку! Клянусь Богомъ, я не высказалъ бы моихъ задушевныхъ желаній, если бы зналъ, что Кавказъ еще незамиренъ окончательно, не высказалъ бы потому, чтобы Императоръ и ты, князь, не подумали бы обо мнѣ чего дурнаго!... Если я лгу — то пусть поразитъ меня и все мое семейство кара Божья!... (Подписано): рабъ Божій Шамуиль».

Не понимаю, кто могъ внушить Шамилю эту мысль, чтобы въ письмахъ онъ, подражая рескриптамъ королевскимъ, употреблялъ выраженіе: мы?

«Врагами своими», по правиламъ «шаріата», имамъ считаетъ тѣхъ горцевъ, которые покорились русскимъ, измѣнили ему, а друзьями—тѣхъ фанатиковъ, которые готовы всегда возстать противу русскихъ.

Единственною несомнѣнною правдою въ этомъ письмѣ—то, что имамъ считаетъ мусульманъ баранами, а насъ волками. Поклясться ложно передъ невѣрными, накликивая на себя кару Божью—фанатизмъ допускаетъ; это игра словъ ради обмана гяуровъ [1]). Шамиль очень хорошо зналъ и теперь (1863 г.) знаетъ, что

[1]) 91-й стихъ 5-й главы корана опредѣляетъ очищеніемъ за ложную присягу: накормить 10 бѣдныхъ, освободить невольника, или поститься три дня. Это разрѣшеніе достаточно знаменуетъ достоинство присяги мусульманъ. Стихъ 2-й главы 66-й уже положительно разрѣшаетъ нарушать обѣщаніе.

правый флангъ Кавказа продолжаетъ еще (1863 г.) драться съ русскими, а между тѣмъ въ разговорахъ часто намекаетъ мнѣ объ исходатайствованіи ему переселенія въ Мекку!

Калужскій губернаторъ Арцимовичъ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, оказывалъ семейству Шамиля особенное вниманіе и расположеніе; — при каждой встрѣчѣ, Шамиль со своей стороны заявлялъ г. Арцимовичу свою признательность, называя его своимъ другомъ и покровителемъ. Въ концѣ 1862 года, г. Арцимовичъ былъ отозванъ къ другому назначенію; чиновники и купечество, давая прощальный обѣдъ, предложили Шамилю: не желаетъ-ли и онъ участвовать въ подпискѣ. Имамъ съ готовностію принялъ предложеніе, но, на другой день, домашній совѣтъ отклонилъ старика отъ этого намѣренія и онъ прислалъ ко мнѣ переводчика доложить, что въ обѣдѣ, даваемомъ г. Арцимовичу, участвовать не будетъ.

По поводу крестьянскаго вопроса, въ Калугѣ было тогда двѣ партіи, расходившіяся въ своихъ идеяхъ по вопросу освобожденія; во главѣ первой, состоявшей изъ служащихъ, стоялъ губернаторъ, во главѣ второй—изъ дворянъ-помѣщиковъ—губернскій предводитель дворянства г. Щукинъ.

При свиданіи со мною, Шамиль, объясняя причину нежеланія участвовать въ прощальномъ обѣдѣ ссылкою на нездоровье, присовокупилъ, что если бы онъ былъ здоровъ, то, конечно, не пожалѣлъ бы подписать для этой цѣли 100 руб.

— Дѣло не въ деньгахъ,—отвѣчалъ я,—подпиши 5 рублей, и если самъ лично не желаешь, или не можешь присутствовать на обѣдѣ, то пошли сына, или одного изъ своихъ зятевьевъ. Не участвуя въ подпискѣ, ты явно выкажешь себя человѣкомъ неблагодарнымъ.

Спустя нѣсколько минутъ, Шамиль высказался, что онъ не принимаетъ участія въ обѣдѣ г. Арцимовичу собственно потому, что это можетъ не понравиться уважаемому имъ г. Щукину. Отзывъ этотъ, въ мусульманскомъ духѣ, можно толковать такъ: г. Щукинъ остается здѣсь, а г. Арцимовичъ уѣзжаетъ—послѣдній теперь намъ не нуженъ!...

— Мы люди частные, и намъ нѣтъ никакого дѣла быть за или противу гг. Арцимовича и Щукина,—сказалъ я; впрочемъ, имамъ,

ты поступаешь по дагестанскому обычаю—принимаешь сторону выгоднѣйшую...

Вотъ обращикъ признательности и благодарности мусульманъ.

При прощальномъ визитѣ, Шамиль однакоже не упустилъ случая сказать г. Арцимовичу, что онъ лишается: друга, брата, отца, благодѣтеля, и т. д.

Съ потерею жены, Кариматъ, сынъ Шамиля, Кази-Магометъ, уединившійся окончательно отъ общества, сталъ тосковать и худѣть. Послѣ долгихъ интимныхъ бесѣдъ съ имамомъ и самимъ Кази-Магометомъ, я отправилъ слѣдующее письмо, къ докладу военному министру:

«Замѣтно разстраивающееся здоровье старшаго сына Шамиля, Кази-Магомета, возбуждаетъ въ семействѣ военно-плѣннаго сильное опасеніе. Причину какъ зарождающейся болѣзни, имѣющей нѣкоторые признаки чахотки, такъ и апатіи, которою Кази-Магометъ страдаетъ, домашній медикъ Шамиля, приписывая постоянному одиночеству, совершенному и добровольному отчужденію отъ всякаго развлеченія и общества, и, наконецъ, тоскѣ, причиненной ему смертью любимой жены, Кариматъ, для возстановленія здоровья Кази-Магомета совѣтуетъ, чтобы онъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ семейной жизни, вступилъ во вторичное супружество, и нашелъ развлеченіе въ обществѣ избранной подруги.

«Исполненіе совѣта медика крайне затруднительно, особенно въ такомъ городѣ, гдѣ нѣтъ мусульманскаго населенія. Для того, чтобы Кази-Магометъ могъ сдѣлать выборъ жены, есть два средства, состоящія въ разрѣшеніи ему, кратковременнаго отпуска въ укр. Темиръ-Ханъ-Шуру или въ городъ Казань. Изъ этихъ двухъ средствъ, я признаю удобнѣйшимъ послѣднее. Не допуская мысли, чтобы появленіе Кази-Магомета въ Дагестанѣ было причиною какого-либо безпорядка въ народѣ, мало симпатизирующемъ какъ бывшему ихъ имаму, такъ и его семейству, могу почти поручиться, что поѣздка туда Кази-Магомета, съ цѣлью выбора жены, будетъ безъ успѣха, какъ потому, что ни одинъ изъ болѣе знатной фамиліи дагестанецъ, зная какую исключительно затворническую жизнь ведутъ жены Шамиля въ Калугѣ и признавая себя выше происхожденіемъ, не отдастъ дочери своей за Кази-Магомета, такъ и потому, что послѣдній не захочетъ взять жены изъ среды низшаго слоя населенія.

«Желаніе Шамиля и Кази-Магомета въ отношеніи того, откуда именно взять для послѣдняго жену, а также брать-ли ее или не брать, еще не высказалось положительно, по случаю врожденной имъ обоимъ нерѣшитель-

ности,—постоянными результатами домашнихъ совѣтовъ по этому предмету бываетъ трата словъ и времени, а, между тѣмъ, здоровье Кази-Магомета страдаетъ.

«Докладывая объ этомъ вашему высокопр—ству, я, для выиграніе времени, прошу ходатайства вашего о предоставленіи моему усмотрѣнію, по желанію Шамиля, или отправить лично Кази-Магомета въ Казань, срокомъ на одинъ мѣсяцъ, для выбора изъ среды тамошняго мусульманскаго населенія жены, или командировать туда переводчика Мустафу-Ягъина, который привезъ бы въ Калугу дѣвицу, пожелавшую заключить съ Кази-Магометомъ бракъ «никахъ» [1]), допускаемый кораномъ. Поѣздкѣ Кази-Магомета въ Казань могутъ сопутствовать переводчикъ и одинъ изъ членовъ семьи Шамиля. Что же касается до прогонныхъ денегъ на 6 почтовыхъ лошадей, отъ Калуги до Казани и обратно, а также дорожныхъ расходовъ, будутъ-ли они приняты на счетъ казны или должны быть произведены изъ собственности Шамиля, не оставьте почтить меня инструкціею. Примите увѣреніе и проч.».

Отвѣтъ на письмо это былъ слѣдующій:

«Въ разъясненіе вопросовъ, изложенныхъ въ письмѣ вашемъ, г. военный министръ признаетъ за лучшее отклонить подъ благовиднымъ предлогомъ поѣздку Кази-Магомета изъ Калуги и командировать переводчика для пріисканія и привоза въ Калугу такой дѣвицы, которая пожелала бы соединиться съ Кази-Магометомъ союзомъ «никахъ». Что же касается издержекъ по этой командировкѣ, то г. военный министръ находитъ возможнымъ принять ихъ на счетъ казны, но съ тѣмъ, чтобы онѣ бы были ограничены дѣйствительною необходимостью, безъ всякаго излишества. Я буду ожидать вашего увѣдомленія объ окончательномъ рѣшеніи по этому дѣлу на домашнемъ совѣтѣ Шамиля. Примите увѣреніе и проч.».

Возобновляя прошлогоднее желаніе, Шамиль объявилъ мнѣ, что онъ хочетъ оставить Калугу, съ тѣмъ, чтобы переселиться на жительство въ другой городъ, о чемъ и написалъ письмо къ военному министру.

Въ разъясненіе домогательства имама, я отправилъ отъ себя письмо, въ которомъ объяснилъ, что годъ тому назадъ, пріѣхавъ въ Калугу, я засталъ все семейство Шамиля, за исключеніемъ жены Кази-Магомета, Кариматъ, одержимой чахоткою, въ очень хорошемъ положеніи здоровья. Шамиль хотя съ врожденнымъ фанатизмомъ сохранялъ въ семьѣ своей правила строжайшаго «мю-

[1]) Бракъ «никахъ» заключается довѣренными отъ жениха лицами, безъ его личнаго присутствія.

ридизма», но при всемъ томъ, не лишая себя движенія и развлеченія, по приглашеніямъ, лично посѣщалъ иногда общество, присутствовалъ на зрѣлищахъ и публичныхъ гуляньяхъ, и охотно принималъ у себя посѣтителей. Остальные мужчины семьи военно-плѣннаго, какъ-то: сынъ Кази-Магометъ, зятья Абдурахманъ и Абдурагимъ и родственникъ Омаръ, весьма охотно пользовались гостепріимствомъ калужанъ, и будучи ревностными посѣтителями всѣхъ общественныхъ увеселеній, на которыхъ вели себя всегда благопристойно, подвергались постояннымъ за эти посѣщенія выговорамъ Шамиля, находившаго, что подобный образъ жизни запрещенъ «шаріатомъ», и крайне неприличенъ ревностнымъ поклонникамъ «мюридскихъ» тенденцій.

Пользуясь довѣріемъ имама и его семейства, я положительно могъ убѣдиться, что единственнымъ задушевнымъ желаніемъ его было достиженіе, какими бы то ни было путями—посредствомъ просьбъ или даже хитрости—возможности выѣзда въ Мекку. Для этого онъ всегда пріискиваетъ предлоги писать письма къ военному министру, къ намѣстнику кавказскому, хотя объ отвлеченныхъ предметахъ, но имѣющихъ тайную цѣль: напомнить о себѣ, напомнить о данномъ ему обѣщаніи!... Кромѣ того, Шамиль неоднократно просилъ меня формально ходатайствовать предъ начальствомъ о дозволеніи ему со всѣмъ семействомъ его переселиться въ Турцію, съ сохраненіемъ получаемаго имъ нынѣ денежнаго содержанія—содержанія, по образу его жизни, весьма значительнаго.

При всемъ моемъ стараніи отклонить Шамиля отъ просьбъ, могущихъ быть несвоевременными и, по настойчивости своей, неумѣстными, даже подозрительными,—онъ, упорно преслѣдуя свою цѣль и болѣе подчиняясь совѣтамъ полной фанатизма, хитрости и жадности къ деньгамъ, жены своей Заидатъ, ни на минуту не теряетъ надежды на скорый выѣздъ въ Мекку, вслѣдствіе чего вопросъ о возможной женитьбѣ здѣсь Кази-Магомета—женитьбѣ, присовѣтованной ему докторомъ,—могущей имѣть большое вліяніе на поправленіе его здоровья—оставляетъ нерѣшеннымъ!...

Въ послѣдніе полгода, Шамиль совершенно перемѣнилъ образъ жизни, что̀ имѣетъ вредное вліяніе на его и его семейства здоровье. Не смотря на постоянные со всѣхъ сторонъ совѣты—имѣть хотя маленькое движеніе, подышать иногда свѣжимъ воз-

духомъ, онъ буквально заперся въ натопленной до невозможности свободно дышать комнатѣ, съ энтузіазмомъ предался молитвѣ и строгому посту, пересталъ красить бороду, прибавилъ къ подписи своей на письмахъ слово: «старецъ» и, по наущенію жены Заидатъ, сокращая свои расходы до скряжничества, сталъ копить деньги. Такой же добровольно строгой арестантской жизни онъ подвергнулъ сына Кази-Магомета и зятей своихъ, тайно запретивъ имъ имѣть общество съ христіанами, и, для удержанія ихъ дома, допуская себя до мѣръ неприличныхъ: отбиранія платья, обшитаго галунами, запрещенія пользоваться лошадьми и экипажами и невыдачи ни одной копѣйки на карманные расходы.

Такимъ образомъ, настойчиво лишивъ себя свободы и развлеченія, дыша воздухомъ удушливыхъ комнатъ, изъ которыхъ, просидѣвъ не болѣе получаса, я, не природный житель Дагестана, всегда выхожу разслабленнымъ, съ головною болью и головокруженіемъ,—Шамиль и его семейство, постоянно восхищавшееся калужскимъ климатомъ, теперь вліянію того же климата стали приписывать всѣ свои недуги, дѣйствительною причиною которыхъ есть ничто иное, какъ ненормальный, тяжелый для свободнаго горца образъ жизни, какъ бы нарочно устроенный съ цѣлью накликать недуги, и, имѣя предлогъ сослаться на болѣзни, на блѣдность лица, свойственную всѣмъ затворникамъ, письмомъ къ военному министру напомнить о себѣ.

Съ этою цѣлью именно составлено было представленное мною письмо Шамиля. Онъ выражалъ надежду, что оно принесетъ ему разрѣшеніе, если не на отъѣздъ въ Мекку, то на переселеніе въ страну, населенную мусульманами, въ Крымъ или Казань, о которыхъ мѣстахъ онъ всегда разспрашиваетъ, и однажды даже потребовалъ карту, чтобы узнать о сообщеніи Крыма съ Турціею.

Выѣздъ изъ Калуги, не съ тѣмъ, чтобы прямо слѣдовать въ Константинополь и далѣе въ Мекку, не есть исключительное желаніе Шамиля. Онъ весьма откровенно говорилъ мнѣ неоднократно, что всегдашнее его желаніе («мурадъ») поселиться въ Меккѣ, а въ Россіи—жить-ли въ Калугѣ или въ Саратовѣ, для него безразлично; поэтому, безошибочно можно полагать, что перевозъ семейства Шамиля изъ одного въ другой городъ Россіи принесетъ только огромнѣйшіе для правительства расходы, но не остановитъ просьбъ о переселеніи въ «святыя мѣста».

По долгу службы, высказавъ все съ полною справедливостью и откровенностью, зная характеръ и образъ мыслей ввѣренныхъ мнѣ плѣнниковъ, я, полагая, что имѣть среди мусульманскаго населенія людей съ такимъ укоренившимся фанатизмомъ, какъ Шамиль, жена его Заидатъ, сынъ Кази-Магометъ и зять Абдурахманъ, довольно опасно, я полагалъ, для отклоненія просьбы Шамиля о перемѣщеніи его изъ Калуги, если это благоугодно будетъ правительству, пріискать нѣсколько благовидныхъ предлоговъ, а въ числѣ ихъ предложеніе Шамилю: не подвергать себя добровольно затворнической жизни, пользоваться движеніемъ, дозволяя себѣ возможное развлеченіе, и разрѣшеніе мнѣ нанять вблизи Калуги дачу, для перевоза туда на лѣто семейства имама, если онъ того пожелаетъ. Наемъ загородной дачи могъ быть сопряженъ съ весьма незначительными для казны расходами.

Въ заключеніи моего письма я замѣтилъ, что на смерть нѣсколькихъ дѣтей въ семьѣ Шамиля мѣстный климатъ не имѣлъ никакого вліянія; – они, большею частью, родились полуживыми, съ такими физическими недостатками, что, по опредѣленію домашняго медика, жизнь ихъ, при самыхъ благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, не могла быть продолжительною.

Черезъ три недѣли, Шамиль заявилъ мнѣ желаніе оставаться на жительствѣ въ Калугѣ и написалъ письмо къ военному министру въ томъ смыслѣ, что, съ прискорбіемъ узнавъ теперь о возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядкахъ (о чемъ ему было извѣстно при составленіи перваго письма), онъ считаетъ неумѣстнымъ своими собственными просьбами увеличивать заботы правительства, и причинять казнѣ расходы, почему проситъ предшествующее письмо его о перемѣщеніи изъ Калуги считать недѣйствительнымъ и неподлежащимъ удовлетворенію.

Между тѣмъ, отвѣтъ военнаго министра на письмо мое былъ тотъ, чтобы я, въ частномъ разговорѣ съ Шамилемъ, вывѣдалъ у него, не желаетъ-ли онъ на лѣто поселиться гдѣ нибудь на дачѣ вблизи Калуги, чтобы имѣть возможность пользоваться свѣжимъ и чистымъ воздухомъ.

На письмо Шамиля, военный министръ отвѣчалъ такъ:

«Свѣтилу учености, достойному уваженія Шамилю! Да будетъ ваша мудрость полезнымъ поученіемъ для другихъ!

«Содержаніе письма вашего ко мнѣ я имѣлъ счастіе докладывать Госу-

дарю Императору и Его Величество принялъ съ удовольствіемъ выраженныя въ немъ чувства. Въ Польшѣ большія шайки разбиты, но продолжаются еще безпокойства отъ мелкихъ партій. По всегдашнему своему милосердію, Государь Императоръ обѣщалъ прощеніе тѣмъ изъ мятежниковъ, которые положатъ оружіе до 1-го мая, но если они будутъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, то сами будутъ виною своей погибели. Письмо ваше къ князю Барятинскому я отправилъ заграницу.

«Желаю, чтобы лѣтнее время окончательно укрѣпило силы ваши и семейства вашего».

Предложеніе провести лѣтній сезонъ на дачѣ Шамиль принялъ съ удовольствіемъ; извѣстіе, что расходы по этому случаю будутъ отнесены на счетъ казны, еще болѣе его порадовало.... Оставалось осмотрѣть окрестныя дачи, и сдѣлать выборъ которую изъ нихъ удобнѣе будетъ для насъ нанять. Домашній докторъ предложилъ свою дачу, Перцово, за 350 руб., и Шамиль, послѣ осмотра другихъ, рѣшился поселиться въ ней, хотя дача эта, на мой взглядъ, не представляла необходимыхъ удобствъ, и, главное, на ней не было помѣщенія для переводчика. Когда представленіе о наймѣ для семейства Шамиля дачи Перцово, на условіяхъ, мною заключенныхъ, было утверждено г. военнымъ министромъ, я пріискалъ дачу Ермолово, въ 7-ми верстахъ отъ Калуги, которая, будучи несравненно удобнѣе дачи Перцово, отдавалась въ наемъ, со всѣми расходами, за 250 руб.

— Какъ вы находите эту дачу? спросилъ я Шамиля, выѣхавшаго для ея осмотра.

— Прелесть, «бу джаннетъ!» (это рай),—отвѣчалъ онъ. Кромѣ достаточности помѣщенія, и мѣстность похожа на Чечню: здѣсь есть и овраги, и лѣсъ, и рѣка!..

— Въ такомъ случаѣ, не нанять-ли намъ Ермолово?... она дешевле ста рублями,—предложилъ я.

— «Фикиръ-этеикъ» (подумаемъ),—отвѣчалъ Шамиль, не желавшій порѣшить дѣла безъ обычнаго семейнаго «маслягата» (совѣщанія).

Дня черезъ три, переводчикъ доложилъ мнѣ, что Шамиль рѣшился переѣхать на дачу Перцово.

— Почему же не нанять Ермолово, когда оно и ближе, и удобнѣе, и дешевле?...

— Имамъ полагаетъ, что если не нанять Перцово, то это будетъ непріятно доктору,—отвѣчалъ Мустафа.

— Скажите Шамилю,—отвѣчалъ я,—что, не желая огорчить его отказомъ, я найму для него Перцово, тѣмъ болѣе потому, что наемъ этой дачи уже разрѣшенъ. Было бы гораздо приличнѣе,—прибавилъ я,—если бы Шамиль пріобрѣталъ расположеніе своихъ знакомыхъ собственными деньгами, а не деньгами казны!... Явное пристрастіе и лицепріятіе могли быть хороши въ Дарго, но не въ Калугѣ.

Разговоръ этотъ сдѣлался извѣстнымъ семейству имама.

Спустя три дня, переводчикъ доложилъ мнѣ, что имамъ рѣшился переѣхать на дачу Ермолово.

— Почему же не въ Перцово! спросилъ я улыбаясь.

— Имамъ полагаетъ,—отвѣчалъ Мустафа,—что Ермолово ближе, удобнѣе и дешевле ста рублями.

— Въ добрый часъ; завтра же взять почтовыхъ лошадей подъ три экипажа, нанять подводы подъ мебель; сегодня дать знать, чтобы приготовили дачу къ пріему жильцовъ, и маршъ въ дорогу!—сказалъ я, обрадовавшись окончанію дѣла.

— Имамъ желаетъ выѣхать сегодня въ два часа ночи, подъ понедѣльникъ, потому что это счастливый день для всѣхъ начинаній. Всѣ мужчины и женщины побрили и повыщипали волосы, обрѣзали ногти, и вали-кизъ (служанка), отправленная къ Окѣ, все это завязала въ тряпку и бросила въ воду....

— Ну, и прекрасно! значитъ, благополучіе предстоящей поѣздки и пребыванія на дачѣ—обезпечено. Ступайте же хлопотать объ отправкѣ нашей милой семейки въ путь, а вечеромъ я зайду съ ними проститься,—приказалъ я переводчику.

И такъ, моя несговорчивая семья перебралась на дачу Ермолово. Шамиль съ яснымъ лицомъ гуляетъ по обширному тѣнистому саду, громко напѣвая пѣснь тарриката «зикру», перебираетъ чотки, и въ сотый разъ перечитываетъ свои глубоко-умныя книги. Кази-Магометъ въ установленное время кричитъ «азамъ» (призывъ къ намазу), и, въ свободное отъ молитвъ время, прогуливается то верхомъ, то пѣшкомъ, по окрестностямъ. Абдурахманъ, нашъ доморощенный алимъ (ученый), играетъ роль дервиша: заперся въ

своихъ комнатахъ для молитвъ и смиренія, и, рапортуясь больнымъ, пріобрѣтаетъ право на супъ съ курицею!... Абдурагимъ и Омаръ такъ и наровятъ, чтобы спозаранку удрать или въ городъ, или къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, въ гости. Женскій персоналъ купается въ рѣкѣ, и съ палками бѣгаетъ за любопытными деревенскими бабами. Заидатъ, занимаясь хозяйственною экономіею, командируетъ въ городъ Омара — мѣнять серебро и кредитки на полуимперіалы.

Зять Шамиля Абдурагимъ — прогрессистъ — не перестаетъ бомбардировать меня просьбами объ опредѣленіи его на службу. Желаніе это онъ заявляетъ всѣмъ пріѣзжимъ въ Калугу флигель-адъютантамъ, всѣмъ своимъ знакомымъ, которые, въ свою очередь, забрасываютъ меня вопросами: почему я не постараюсь пристроить Абдурахмана, Абдурагима и Омара на службу?

Обстоятельство это вызвало со стороны моей особое къ докладу военному министру представленіе, въ которомъ я изложилъ, что Абдурагимъ — молодой человѣкъ безъ фанатизма и претензіи на имя алима, желая посѣщать общество и пользоваться свободою дѣйствій, — свободою, далеко несогласною съ правилами строгаго «мюридизма», подвергается постояннымъ упрекамъ, выговорамъ, и со дня на день болѣе выказывающемуся расположенію къ нему Шамиля; что, стѣсняясь подобнымъ положеніемъ, Абдурагимъ неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбами объ исходатайствованіи ему позволенія выѣхать изъ Калуги, съ предоставленіемъ возможности поступить на дѣйствительную службу.

Зная характеръ горцевъ, которые нерѣдко готовы отказаться отъ того сегодня, чего хотѣли вчера, — я счелъ необходимымъ доложить министру подробности домогательства Абдурагима и предстоящихъ при исполненіи его затрудненій.

Абдурагимъ, завидуя участи Магомета-Шафи и другихъ дагестанскихъ товарищей, въ свою очередь желаетъ удостоиться счастья служить въ Собственномъ Е. И. В. конвоѣ, въ конвоѣ Е Выс—ва Намѣстника Кавказскаго, или въ конвоѣ же Е. Выс—ва Намѣстника Царства Польскаго; между тѣмъ, исполненіе просьбы Абдурагима будетъ для Шамиля крайне непріятнымъ. Если онъ и согласится на выѣздъ зятя изъ Калуги, то ни за что не пожелаетъ

добровольно разстаться со своею дочерью, и хотя, согласно правилъ «шаріата», вытребовалъ Кариматъ отъ Даніель-бека, такъ же согласно правилъ того же «шаріата», найдетъ «дорогу» не отдавать жены Абдурагиму, вслѣдствіе чего споръ по этому предмету необходимо будетъ передавать на рѣшеніе дагестанскихъ алимовъ. Опредѣленіе въ конвой Абдурагима, безъ сомнѣнія, повлечетъ за собою подобнаго рода просьбу со стороны другаго зятя Шамиля, Абдурахмана, и родственника его Омара, такъ что, при исполненіи ихъ желаніи, Шамиль останется въ Калугѣ только съ сыномъ Кази-Магометомъ, женами и малолѣтними дѣтьми.

Отвѣтъ на это письмо былъ тотъ, что желанія зятьевъ Шамилевыхъ не иначе могутъ быть исполняемы, какъ съ согласія самого Шамиля, и чтобы я не обѣщалъ что нибудь этимъ молодымъ людямъ безъ вѣдома старика.

Огорченный моимъ притворнымъ равнодушіемъ къ его участи, Абдурагимъ отправился къ калужскому гражданскому губернатору, и словесно заявилъ желаніе поступить на службу, вслѣдствіе чего я получилъ отъ г. Лерхе офиціальный запросъ: не встрѣчается-ли, по семейнымъ какимъ-либо обстоятельствамъ, препятствія къ поступленію въ военную службу Абдурагима?

Въ отвѣтъ на это, я объяснилъ губернатору содержаніе вышеприведеннаго ко мнѣ письма, не допускающаго, чтобы Абдурагимъ, безъ желанія Шамиля, былъ опредѣленъ на службу. Ни Шамиль, ни я, не были въ зависимости отъ губернатора, а слѣдовательно, его вмѣшательство было лишнимъ.

Пріѣхавшій съ дачи въ городъ, Кази-Магометъ крайне удивилъ меня вопросомъ: можно-ли имъ требовать отъ помѣщицы дровъ для варенія пищи и отопленія комнатъ, и отвода луговъ для пастьбы лошадей и заготовленія сѣна?... Получивъ отрицательный отвѣтъ, сынъ Шамиля заявилъ мнѣ спекулятивный проектъ: продать саженей 20 дровъ, заготовленныхъ на счетъ казны для калужскаго ихъ дома, и деньги, такимъ образомъ вырученныя, употребить на покупку дровъ для дачи.

— Помилуй, мой другъ,—сказалъ я Кази-Магомету,—неужели вамъ не будетъ стыдно, когда по Калугѣ пойдетъ молва, что высокопочтенный имамъ занимается продажею дровъ?...

— Дрова потихоньку продастъ Мустафа, — замѣтилъ сынъ Шамиля, бывшій «мудиръ» падшаго имамата.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ переводчикъ, — увольте; я не приму на себя подобной операціи.

Съ переѣздомъ на дачу, домашніе расходы Шамиля значительно сократились. Вся семья больше питается молокомъ и творогомъ, а лошади—подножнымъ кормомъ, безъ овса. Экономія эта однако же не останавливаетъ жалобъ на недостатокъ отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе 15,000 руб. Владѣтельница дачи Ермолово согласилась отпускать семейству Шамиля штофъ парнаго молока по 6-ти коп.; скупая до скряжничества, Заидатъ нѣсколько дней торговалась и сбила цѣну до 5-ти копѣекъ.

При посѣщеніи губернатора, Кази-Магометъ, по-истиннѣ нагло, завелъ разговоръ объ огромныхъ въ домѣ отца расходахъ, и о недостаткѣ отпускаемыхъ ему отъ казны денегъ. Не желая разоблачать этой лжи, и давая губернатору нѣсколько уклончивыхъ по этому предмету отвѣтовъ, я сказалъ Кази-Магомету по кумыкски, чтобы онъ перемѣнилъ разговоръ.

— Магомету-Шафи, вашему брату, жизнь въ Петербургѣ стоитъ дорого, потому что онъ посѣщаетъ общество, гулянья, театры, и, какъ я слышалъ, куритъ отличныя сигары и пьетъ шампанское, — сказалъ губернаторъ.

Замѣчаніе это надѣлало мнѣ много хлопотъ; возвратясь домой, я гласно протестовалъ и насилу могъ увѣрить святошъ, что дошедшіе до губернатора слухи несправедливы! Если Магометъ-Шафи любилъ вращаться въ цивилизованномъ обществѣ, то отъ картъ, табаку и вина всегда держалъ себя далеко.

III.

Пріѣзды мои на дачу къ Шамилю сопряжены съ лишними для него расходами, и потому я стараюсь посѣщать его рѣже. Быть можетъ, самъ онъ и радъ, имѣя случай пообѣдать лучше обыкновеннаго, но Заидатъ навѣрное проклинаетъ мое посѣщеніе, стоющее въ одинъ разъ дороже двухънедѣльной жизни. Приготовленіе послѣдняго обѣда для меня и для доктора стоило 8 рублей.

Со своимъ всегда искусно-симпатичнымъ лицомъ, Шамиль, за чашкою чая, бесѣдовалъ очень весело. Я постоянно говорю съ нимъ не стѣсняясь, даже о предметахъ, которые для святоши могутъ быть очень скоромными. Свобода рѣчи свойственна горцамъ.

— Часто ли вы купаетесь въ рѣчкѣ? спросилъ докторъ

— Да, каждый день,—отвѣчалъ Шамиль.

— Нѣтъ ли въ рѣкѣ змѣй? замѣтилъ я.

— Какъ не быть; но такихъ, какія есть въ Дагестанѣ, здѣсь нѣтъ,—сказалъ Шамиль.

— Какія же это змѣи въ Дагестанѣ?...

— Есть змѣи длинныя, тонкія, которыя, зацѣпившись за дерево, окручиваютъ ногу буйвола и притягиваютъ его къ себѣ, чтобы потомъ задушить!...

— Ну, ужъ извините, имамъ, такихъ змѣй не только въ Дагестанѣ, но и во всемъ Кавказѣ нѣтъ,—сказалъ я улыбаясь.

— Нѣтъ, есть, я это знаю! настаивалъ Шамиль.

— Въ какомъ же мѣстѣ?

— Есть въ Уллѣ-калѣ, есть въ Могохѣ...

— Помилуйте, я цѣлый годъ жилъ въ Улли-калѣ и около Могоха, и не только не видѣлъ подобныхъ змѣй, но и не слышалъ объ ихъ существованіи тамъ.

— Повѣрьте, что есть!... Онѣ просто такъ и тащатъ за ногу самаго сильнаго буйвола! твердилъ старикъ.

— Да у васъ въ Дагестанѣ и буйволовъ-то нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ? вмѣшался Абдурахманъ; у имама была буйлица, у моего отца была буйлица, у Даніель-бека была буйлица...

— Далеко же было змѣямъ ходить изъ Могоха въ Дарго и Ирибъ, за этими тремя буйлицами, имамъ!—обратился я къ Шамилю.—Вы сами видѣли дагестанскихъ злыхъ змѣй?...

— Нѣтъ, я не видѣлъ, но мнѣ говорили,—отвѣчалъ старикъ.

— Квартируя въ Дженгутаѣ,—сказалъ я,—я былъ однажды на вечеринкѣ («былкэа», посидѣлки), гдѣ было много женщинъ, занятыхъ обивкою кукурузы. Хозяйка моя, Бакай, разсказывала, что въ пустомъ домѣ за ханскимъ дворцомъ поселились черти...—Ты ихъ сама видѣла? спросилъ я.—Нѣтъ, я сама не видала, но видѣла Айхали...—Я сама не видала, видѣла Туту-гушь,—отозвалась Айхали.—Нѣтъ, я не видѣла, а видѣла Девистъ-канъ...—Іохъ,

іохъ (нѣтъ, нѣтъ!), я не видала; мнѣ говорила Маната, и такъ далѣе. — Вѣроятно, такой же результатъ справокъ былъ бы и о твоихъ дагестанскихъ змѣяхъ, — сказалъ я Шамилю, который усердно смѣялся моему разсказу.

Послѣ появленія въ газетахъ извѣстія, будто бы въ партіи польскихъ инсургентовъ находился сынъ Шамиля, я совѣтовалъ имаму опровергнуть эту утку и послалъ къ нему на дачу, съ переводчикомъ, черновое письмо къ военному министру, слѣдующаго содержанія:

«Въ № 130-мъ газеты «Русскій Инвалидъ» перепечатана телеграфическая депеша, сообщающая о нахожденіи будто-бы моего сына въ экспедиціи одного изъ польскихъ агитаторовъ, полковника Лапинскаго (Тефикъ-бея).

«Проникнутый чувствами глубокой преданности къ Великому Государю Императору, осыпавшему меня своими щедрыми милостями, а равно чувствами благодарности къ его вѣрноподданному народу, оказавшему мнѣ добродушное гостепріимство, я, будучи крайне оскорбленъ взведенною на мой домъ позорною клеветою, считаю себя обязаннымъ просить ваше высокопр—ство опровергнуть ее гласно, давая этимъ знать всѣмъ завистникамъ величія Россіи, что ни я, ни мои дѣти, не способны быть на столько презрѣнными, чтобы принимать участіе или сочувствовать въ ихъ неправыхъ замыслахъ, и за дарованныя мнѣ и всему Кавказу благодѣянія заплатить черною измѣною!

«Я буду несказанно счастливъ, если, при всеподданнѣйшемъ докладѣ содержанія моего настоящаго къ вамъ письма, нисходящія отъ глубины моего сердца чувства будутъ отечески всемилостивѣйше приняты Великимъ Государемъ Императоромъ, на защиту правъ котораго я, дряхлый старецъ, готовъ обнажить ту самую шашку, которую имѣлъ счастіе получить въ даръ изъ рукъ его величества.

«Да ниспошлетъ Всевышній Богъ всѣ блага Великому Царю и его вѣрноподданной Россіи!»

Послѣ десятидневныхъ семейныхъ совѣтовъ, письмо это оставалось неотправленнымъ.

— Почему вы не хотите перевести и написать этого письма къ военному министру? спросилъ я Кази-Магомета.

— Мы не умѣемъ хорошо писать по арабски, да притомъ министру и такъ извѣстно, что свѣдѣніе о нахожденіи сына имама въ шайкѣ Тефикъ-бея—ложно.

— Конечно, намъ извѣстно; но за границею могутъ поду-

мать, что это правда; письмо ваше было бы читано въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Константинополѣ. Писали же вы письма прежде и они были хороши,—заключилъ я.

Повторять далѣе мой совѣтъ я считалъ лишнимъ,—исполненіе его было бы уже явно нечистосердечнымъ. Постоянныя затѣмъ намеки на то, что Абдурахманъ, игравшій роль домашняго секретаря, не хочетъ заниматься письмоводствомъ, кажутся мнѣ только предлогомъ, оправдывающимъ неисполненіе моего совѣта. Шамилю стоило приказать, и Абдурахманъ не посмѣлъ бы ослушаться приказанія своего имама, и притомъ родственника.

На два отправленныя Шамилемъ изъ Калуги письма, бывшій намѣстникъ кавказскій отвѣтилъ однимъ, сообщающимъ о прибытіи въ С.-Петербургъ и о томъ, что здоровье его за границею нѣсколько возстановилось.

— Я хочу отвѣчать князю Барятинскому,—сказалъ мнѣ Шамиль.

— Какъ хочешь, но письмо князя не вызываетъ на отвѣтъ; придерживаясь твоей методѣ, перепискамъ не было бы конца! отвѣчалъ я.

Однако, напоминая о себѣ, Шамиль написалъ къ князю Барятинскому новое посланіе. Вотъ оно:

«Главѣ всѣхъ великихъ людей, велико-ученому, чище корней древесныхъ князю фельдмаршалу Барятинскому. Да возвеличится твое здоровье и могущество.

«Здоровье ниспослано тебѣ Богомъ; драгоцѣнное письмо твое я получилъ. Прибытіе твое въ Петербургъ очень меня обрадовало; одно, что огорчаетъ меня, это невозможность видѣть тебя лично, а я надѣялся видѣть тебя уже потому, что ты мнѣ это обѣщалъ!

«Надѣюсь, что, при помощи Бога, я еще буду имѣть это счастіе, котораго отъ души желаю!»

По случаю произведеннаго въ нѣкоторыхъ дачахъ воровства, Кази-Магометъ, по порученію отца, обратился ко мнѣ съ просьбою потребовать въ Ермолово, для ночныхъ карауловъ при домѣ и конюшнѣ, солдатъ. Не имѣя основанія исполнить эту просьбу, тѣмъ болѣе потому, что состоявшій до сего при домѣ Шамиля въ городѣ ночной полицейскій караулъ снятъ полиціймейстеромъ

вслѣдствіе весьма основательнаго разсужденія, что человѣкъ, получающій отъ правительства огромное содержаніе, можетъ нанимать отъ себя дворниковъ, я предписалъ переводчику Турминскому предложить Шамилю нанять какъ для дома въ Калугѣ, такъ и для дачи, сторожей.

Г. Турминскій отвѣчалъ мнѣ рапортомъ, что Шамиль отвергнулъ это предложеніе, по видимому, какъ излишнее, или, правильнѣе сказать, вредящее его экономіи, и обязанность ночныхъ сторожей возложена имъ на Кази-Магомета и Исмаила, которые и совершаютъ ночной дозоръ, вооруженные возможнымъ оружіемъ.

— Кто сторожитъ васъ ночью на дачѣ? спросилъ я при свиданіи Кази-Магомета.

— Мы сами по очереди караулимъ.

— Ружья и пистолеты заряжены?

— Гай, гай, заряжены.

— Смотрите, не убейте кого нибудь.

— «Валла»—убью! Какъ вора не убить! отвѣчалъ сынъ имама съ энтузіазмомъ.

— Ну, а я прошу васъ не забывать, что здѣсь не Чечня и не Дагестанъ, и что здѣсь убивать даже воровъ нѣтъ «адата»,— сказалъ я серьезно Кази-Магомету.

Сенаторъ Арцимовичъ, выѣхавъ изъ Калуги, гдѣ на время оставилъ свое семейство, въ письмахъ къ женѣ постоянно освѣдомлялся о семействѣ Шамиля, и передавалъ ему самые дружескіе поклоны. Передавая это вѣжливое привѣтствіе, я всегда замѣчалъ, что имамъ конфузится, сознавая, что въ отношеніи г. Арцимовича выказалъ себя человѣкомъ неблагодарнымъ. Желая поправить чѣмъ нибудь свой промахъ, старикъ заявилъ мнѣ желаніе подарить въ знакъ памяти супругѣ г. Арцимовича золотые дамскіе часы.

— Жена г. Арцимовича всегда надѣляла подарками моихъ дѣтей, и я хочу отблагодарить ее за вниманіе,—замѣтилъ при этомъ Шамиль.

Г-жа Арцимовичъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, нельзя ли ей отказаться отъ подарка, но я отвѣчалъ, что непринятіе его оскорбитъ и Шамиля и его адаты (обычаи).

Подарокъ былъ принятъ.

Черезъ мѣсяцъ, г. Арцимовичъ прислалъ изъ Петербурга, въ подарокъ Шамилю, отличной работы Сазикова, въ азіатскомъ вкусѣ, массивный серебряный съ рѣзьбою и позолотою сервизъ, стоющій вдвое того, что̀ стоили часы. Сервизъ этотъ передавалъ калужскій помѣщикъ, г. Свистуновъ. Шамиль былъ очень радъ подарку.

Горцы имѣютъ обычай, при полученіи подарка изъ благороднаго металла, прежде чѣмъ поблагодарить за него, взвѣшивать на рукѣ, освѣдомляясь о цѣнѣ и качествѣ подарка, что̀ въ присутствіи дарящаго можно считать неделикатностью. Отозвавъ въ сторону Абдурахмана, я не успѣлъ еще ему передать, чтобы онъ по лезгински предупредилъ имама не освѣдомляться о цѣнѣ и достоинствѣ подарка, какъ старикъ, взвѣшивая на рукѣ кофейникъ, спросилъ, чистое ли это серебро и золото?

Прощаясь съ г. Свистуновымъ, Шамиль сказалъ, что письменно поблагодаритъ сенатора за подарокъ и вниманіе,—чего въ послѣдствіи не исполнилъ.

Расчитывать на благодарность нашихъ кавказскихъ, а въ томъ числѣ и калужскихъ горцевъ никакъ нельзя; сколько для послѣднихъ сдѣлали добра предмѣстники мои, полковникъ Богуславскій и капитанъ Руновскій, но и о нихъ они отзываются безъ особенной признательности.

Когда въ Дамаскѣ мусульмане рѣзали христіанъ и Абдель-Кадеръ защищалъ послѣднихъ, Шамиль написалъ письмо къ эмиру, восхваляя его человѣколюбивыя дѣйствія. Письмо это было болѣе исполненіемъ настойчиваго совѣта предмѣстника моего, чѣмъ искреннимъ заявленіемъ чувствъ. Посланіе къ эмиру переписывалось два раза, потому что въ первомъ, по показанію переводчика Турминскаго, имамъ сдѣлалъ неловкую подпись: «находящійся въ рукахъ невѣрныхъ, рабъ Божій Шамуиль».

Гвардіи капитанъ Руновскій, при письмѣ изъ Тифлиса, препроводилъ новую азбуку, которая можетъ замѣнить арабскія буквы русскими, и которая легко можетъ быть принятою въ употребленіе аварцами,—спрашивая мнѣнія Шамиля: въ какой степени это нововведеніе можетъ быть примѣнимо?

Вопросъ этотъ занялъ умы калужскихъ горцевъ. Пошли обыкно-

венные толки и совѣщанія; въ присутствіи моемъ всѣ рѣшили, что по новой азбукѣ весьма легко читать и писать по аварски. Оставалось отвѣтить на вопросъ, но отвѣтъ замедлялся, и, наконецъ, въ оправданіе моей догадки, что имамъ не будетъ на сторонѣ нововведенія, капитанъ Руновскій получилъ письмо, въ такихъ выраженіяхъ, что Шамиль не можетъ опредѣлить, будетъ ли новая азбука полезною или нѣтъ, потому что въ имѣющихся у него ученыхъ книгахъ ничего о подобномъ предметѣ не говорится. Въ заключеніе, имамъ совѣтовалъ г. Руновскому съ вопросомъ объ азбукѣ обратиться къ дагестанскимъ алимамъ, которые умнѣе его, Шамиля.

— Откуда ты такъ хорошо знаешь нашъ коранъ и наши изустныя преданія? спросилъ меня однажды старикъ.

— Я ихъ читалъ у литовскихъ татаръ.

— По арабски?

— Нѣтъ, по русски и по польски.

— О, бѣдный нашъ коранъ! обращаясь къ сыну, сказалъ Шамиль,—его переводятъ на языки гяуровъ!..

Кази-Магометъ, покачавъ головою, глубоко вздохнулъ.

На основаніи 106-го стиха главы III-й корана, признающаго мусульманъ лучшимъ въ свѣтѣ народомъ, мусульмане-фанатики не терпятъ, чтобы въ рукахъ христіанина были ихъ арабскія религіозныя книги; поэтому, замѣтивъ, что просьбы мои одолжить ихъ для прочтенія весьма непріятны Шамилю, который нѣкоторымъ образомъ прямо отказать стѣсняется, я оставилъ его библіотеку въ покоѣ и онъ очень радъ, что его книги далеко отъ табачнаго дыма и нечистыхъ рукъ гяура! Хотя у Шамиля есть нѣсколько экземпляровъ корана, но онъ, зная, что одинъ экземпляръ имѣетъ переводчикъ Турминскій, всѣми силами старался выручить его изъ рукъ невѣрнаго, то прося подарить, то предлагая уступить за деньги.

Разговаривая о моихъ предмѣстникахъ, Абдурахманъ, клеврет Заидатъ, аттестовалъ ихъ такимъ образомъ:

— Богуславскій—человѣкъ вспыльчивый. Имамъ былъ имъ недоволенъ за то, что онъ всегда твердилъ, будто бы отпускае-

мыхъ отъ правительства намъ на содержаніе денегъ очень достаточно. Однажды старикъ очень-очень разсердился, когда полковникъ подробно расчиталъ, сколько у него именно выходитъ въ мѣсяцъ денегъ. Имамъ даже сказалъ, что вмѣшиваться въ его денежныя дѣла никто не имѣетъ права.

— Руновскій—обращался съ нами очень мягко, онъ постоянно какъ будто-бы обнадеживалъ насъ, что мы скоро будемъ отпущены въ Мекку, а между тѣмъ обѣщанія эти были только «сладкими словами» (ширинъ-сёзляръ).

— А обо мнѣ что говорятъ ваши домашніе? спросилъ я съ улыбкою.

— Говорятъ, что полковникъ нашъ «копъ октемъ киши» (очень гордый человѣкъ), ничего не обѣщаетъ, чего нельзя сдѣлать, но за то: «дурюстъ киши» (прямой человѣкъ).

— Ну, это еще отзывъ не дурной! замѣтилъ я.

— Почему ты не навѣщаешь имама каждый день? спросилъ Абдурахманъ.

— А потому,—отвѣчалъ я,—чтобы не возбудить въ васъ подозрѣнія, что я присматриваю за вами, не довѣряю вамъ. Вы бы это непремѣнно подумали.

Абдурахманъ засмѣялся.

— Ты бы приходилъ къ намъ почаще пить чай, обѣдать,— сказалъ онъ, расчитывая, что мое присутствіе за столомъ улучшило бы обѣденную ѣду.

— Спасибо; я не хочу, чтобы вы имѣли предлогъ говорить, что я васъ объѣдаю... Подобная исторія была же при моемъ предмѣстникѣ.

Собесѣдникъ мой сконфузился и замолчалъ.

Въ ту самую минуту, когда я садился въ экипажъ, чтобы ѣхать на приглашенный парадный вечеръ, переводчикъ доложилъ мнѣ, что Шамиль проситъ меня на чай.

— Поблагодарите и скажите имаму, что я отозванъ въ гости и потому сегодня быть не могу. При томъ, что за странная манера — приглашать къ обѣду или чаю именно въ ту минуту, когда уже накрытъ обѣденный столъ или поданъ самоваръ?

Нельзя же мнѣ постоянно отказываться отъ другихъ приглашеній, въ ожиданіи, авось не пригласитъ ли меня Шамиль!..

На другой день, когда я зашелъ къ Шамилю, онъ встрѣтилъ меня словами:

— Вчера, мы напрасно купили пирожнаго и фруктовъ, полагая, что ты придешь къ намъ пить чай!..

— Очень сожалѣю,—отвѣчалъ я,—что былъ причиною лишнихъ расходовъ.

Того же дня, вечеромъ, зашелъ ко мнѣ Кази-Магометъ и попросилъ секретной аудіенціи. Я полагалъ, что дѣло идетъ о чемъ нибудь очень важномъ.

— Пожалуйста, полковникъ,—сказалъ сынъ Шамиля,—не отказывайся приходить къ отцу, когда онъ приглашаетъ тебя на чашку чая; при отказѣ, имамъ можетъ подумать, что ты имъ недоволенъ, или сердишься...

— «Чохъ якши» (очень хорошо),—отвѣчалъ я Кази-Магомету, увѣривъ его, что мнѣ сердиться на нихъ незачто.

При посѣщеніяхъ Шамиль всегда отзывается, что для него самое пріятное то время, когда онъ спокойно сидитъ въ своемъ кабинетѣ и читаетъ ученыя книги. Однажды, пріѣхавшій къ нему съ визитомъ, генералъ Гринфельдъ сталъ извиняться, что бываетъ рѣдко.

— Если ко мнѣ приходятъ гости, то я очень радъ, а если не приходятъ—то я тоже радъ!... Когда меня оставляютъ спокойно молиться Богу и читать книги, то я бываю такъ доволенъ, какъ бываетъ доволенъ заяцъ, не видѣвшій за собою собакъ, — отвѣчалъ неловкимъ сравненіемъ старикъ.

Переводчикъ Мустафа не перевелъ дословно этой метафоры.

Вообще Шамиль не умѣетъ поддержать кабинетнаго разговора. Кази-Магометъ и Абдурахманъ, на аварскомъ нарѣчіи, всегда подсказываютъ ему что̀ сказать, или что̀ отвѣчать гостю. Только бесѣда о Кавказѣ и о томъ, что̀ написано въ арабскихъ книгахъ, идетъ довольно плавно. Каждый посѣтитель выдерживаетъ неизбѣжные вопросы: какъ его имя, фамилія, откуда пріѣхалъ, на долго ли, сколько дней нужно ѣхать до С.-Петербурга изъ того города, въ которомъ онъ живетъ и т. п.

— Какое сегодня ясное небо,—сказалъ я однажды, гуляя съ Шамилемъ на дачѣ.

— А ты знаешь ли, изъ чего составленъ небесный сводъ? спросилъ старикъ, видимо желавшій прочитать мнѣ лекцію.

— Напримѣръ? отвѣчалъ я, вызывая его на разговоръ.

— Изъ хрусталя,—сказалъ онъ съ авторитетомъ, и пошелъ цитировать то смѣшное описаніе семи небесъ, которое мы читаемъ въ біографіи ихъ пророка.

Опровергать то, что находится въ книгахъ: коранѣ, гадисѣ и суннетѣ, даже въ книгѣ, называемой «Сумка всего чудеснаго» (Хадиратуль Аджаибъ), похожей на сказки «Тысяча одной ночи», было бы напраснымъ трудомъ. Шамиль отвѣчаетъ всегда: «такъ написано въ книгахъ» и баста.

Абдель-Кадеръ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ уклоняясь отъ рутины, и потому, какъ человѣкъ передовой, не пользуется расположеніемъ Шамиля и его семейства. Письма эмира, помѣщенныя въ газетахъ, о прорытіи Суэзскаго канала и другія, не производятъ на Шамиля пріятнаго впечатлѣнія.

Командиръ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, полковникъ Еропкинъ, конфиденціально обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы Шамиль, или кто нибудь изъ его родственниковъ, привелъ къ присягѣ на вѣрность службы поступившихъ въ баталіонъ рекрутъ изъ мусульманъ.

Вслѣдствіе моего о томъ предложенія, явился ко мнѣ, отъ Шамиля, Абдурахманъ, съ объясненіемъ, что, по религіи, никто изъ нихъ не имѣетъ права давать другимъ присягу.

— Удивляюсь,—отвѣчалъ я,—что вы рѣшаетесь говорить мнѣ подобную ложь, зная притомъ, что ваши обряды хорошо мнѣ извѣстны!.. Приводить къ присягѣ можетъ каждый мусульманинъ, умѣющій читать по-арабски. Впрочемъ, комендантъ обошелся и безъ васъ: рекрутовъ привелъ къ присягѣ казанскій грамотный татаринъ. Своими фанатическими выходками вы себѣ же вредите.

Имамуль Шамуиль давалъ имя новорожденной дочери переводчика Мустафы, и я присутствовалъ при этой церемоніи. Младенца, уложеннаго на бѣлой большой подушкѣ «назверишь»

и покрытаго бѣлымъ же одѣяльцемъ, положили на стулъ, передъ сидящимъ въ креслѣ имамомъ; онъ нагнулся къ правому уху малютки и пропѣлъ громко составляющія символъ магометанской вѣры слова: «Ля иль Алла-иль Алла, Магометъ расуль Алла» [1]), а потомъ, перевернувъ дитя, пропѣлъ то же въ лѣвое ухо, каждый разъ троекратно.

— У пророка нашего Магомета были дочери: Аминатъ, Фатиматъ, Написатъ, Заидатъ, Умма-Гульсумъ. Какое изъ этихъ именъ ты хочешь дать своей дочери? спросилъ имамъ у Мустафы.

— Умма-Гульсумъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Это хорошее имя,—замѣтилъ имамъ, нагнулся къ лицу дѣвочки, подулъ направо и налѣво и троекратно повторилъ: —«Ей Умма-Гульсумъ! Ля иль Алла-иль Алла, Магометъ расуль Алла!»

Затѣмъ, мы усѣлись за обѣденный столъ. Я полагалъ, что онъ приготовленъ на счетъ Шамиля, а вышло на оборотъ: насъ потчивалъ, получавшій годоваго жалованья 400 р., переводчикъ.

Обѣденный столъ у Шамиля всегда сервируется по-европейски, но серебро замѣняется издѣліями Фраже, будто бы ради смиренія. Однажды, какъ бы оправдываясь въ томъ, что допустилъ отступленіе отъ обычаевъ старины—ѣсть сидя съ поджатыми ногами на землѣ,—Шамиль, указывая на накрытый на десять куверовъ столъ, сказалъ мнѣ: «Такъ ѣлъ Исса-пейганберъ (пророкъ Іисусъ) со своими учениками».

— Въ такомъ случаѣ, послѣдуемъ его примѣру, «Бисъ мильля» (во имя Господне),—отвѣчалъ я.

— «Бисъ мильля!» проговорилъ довольный имамъ, и сѣлъ за столъ.

Прислуга въ домѣ Шамиля — изъ христіанъ. Она мѣняется очень часто; въ теченіе года перемѣнилось шесть кучеровъ. Я подозрѣваю, что это дѣлается изъ экономіи и спекуляціи: старый кучеръ увольняется и, покуда пріищется другой, проходитъ 5 или 10 дней; за лошадьми кой-кто присмотритъ, а между тѣмъ,

[1]) Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его.

два-три рубля осталось въ карманѣ. Съ лакеемъ и поваромъ, на дняхъ, разыгралась такая сцена: имъ было объявлено, что они не нужны и потому увольняются отъ службы. Черезъ четыре дня, они, по приглашенію, опять заняли прежнія мѣста, но съ уменьшеніемъ жалованья на одинъ рубль въ мѣсяцъ.

Та же скупость въ отношеніи употребленія экипажа. Сынъ и зятья имама всегда готовы принять приглашеніе покататься на моихъ лошадяхъ, но никогда не предложатъ мнѣ подобнаго же одолженія, даже тогда, если будутъ видѣть, что экипажъ мой требуетъ починки. Впрочемъ, зятья не имѣютъ права ни распоряжаться, ни ѣздить на шамилевскихъ лошадяхъ; они постоянно путешествуютъ по образу пѣшаго хожденія и отъ души злятся за это лишеніе, тѣмъ болѣе, что нанимать биржевыхъ извощиковъ не на что. Шамиль сначала давалъ имъ на карманные расходы по 10-ти р. въ три мѣсяца, но потомъ прекратилъ эту подачку, въ томъ расчетѣ, что они, не имѣя въ карманѣ копѣйки, отстанутъ отъ свѣтскихъ удовольствій. Мѣра эта, въ отношеніи къ Абдурахману, была успѣшною; но Абдурагимъ положительно не захотѣлъ отстать отъ общества и далъ себѣ слово никогда не просить у имама денегъ и не ѣздить въ его экипажахъ. «Я лучше у васъ, полковникъ, попрошу четвертку табаку, зная, что вы ее не пожалѣете, но не попрошу «абаза» (20 к.) у Шамиля»,—сказалъ Абдурагимъ.

— Отчего бы вамъ не давать Абдурахману и Абдурагиму рублей по 10-ти въ мѣсяцъ на карманные ихъ расходы? спросилъ я однажды Кази-Магомета.

— «Валла! биръ шай вермесъ!» (ей-Богу, пяти копѣекъ не дадимъ),—отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ имъ деньги? затѣмъ, чтобы они могли шататься по городу, по гуляньямъ, по знакомымъ? [1]). Имъ имамъ даетъ хлѣбъ, даетъ одежду, и довольно!..

— Дорого же имъ приходится вашъ кусокъ хлѣба и пара сапоговъ; они должны платить за нихъ своею свободою! замѣтилъ я.

— А въ Дагестанѣ они умерли бы съ голоду! сказалъ Кази-Магометъ въ-сердцахъ.

[1]) Главы 3-й корана стихъ 27-й говоритъ: «Чтобъ вѣрующіе не брали въ друзья или покровители невѣрныхъ. Тѣ, которые это сдѣлаютъ, не должны ни на что надѣяться отъ Бога».

— Въ Дагестанѣ умирали съ голоду только при вашемъ управленіи, а теперь тамъ много кукурузы. Поступивъ на службу въ милицію, молодые люди получали бы порядочное жалованье...

— Такъ почему же они не ѣдутъ въ Дагестанъ? Мы были бы душевно рады избавиться отъ присутствія этихъ кумухцевъ! (кумухли).

— Какъ же имъ ѣхать, когда вы не отдаете имъ женъ?

— Жены сами собою не хотятъ за ними слѣдовать, а по правиламъ «шаріата» отдать ихъ нельзя! Еслибы покойная жена моя Кириматъ и отецъ ея Даніель-бекъ сами не желали, то я никогда не позволилъ бы себѣ взять ее насильно изъ родины въ Калугу.

Это была совершенная ложь, основанная на предположеніи, что дѣло это мнѣ неизвѣстно. Кириматъ никогда не хотѣла ни ѣхать въ Калугу, ни жить съ мужемъ въ Калугѣ—насиліе въ этомъ отношеніи свело ее въ могилу. Смерть этой несчастной молодой женщины должна лежать на совѣсти Шамиля и Кази-Магомета, которые, считая откровенные совѣты медиковъ обманомъ, не внимая мольбамъ покойницы, не отпустили ее на родину.

Кириматъ не любила своего мужа; она всегда поносила его самыми обидными эпитетами, заключая ихъ фразою, что «человѣкъ, который насильно держитъ нелюбящую его жену, не заслуживаетъ чести называться мужчиною!» Объ этихъ семейныхъ тайнахъ разсказывала мнѣ Е. Д. Апрянина [1]), которая, зная татарскія нарѣчія, была въ большой дружбѣ съ Кириматъ и часто ее посѣщала.

Какъ предсказалъ медикъ, Кириматъ умерла отъ чахотки. Тѣло ея, превратившееся въ скелетъ, отвезено съ высочайшаго разрѣшенія, на родину въ желѣзномъ саркофагѣ. Крупные расходы этой перевозки приняты были на счетъ правительства.

Переводчикъ принесъ сегодня къ Шамилю дюжину серебряныхъ ножей и вилокъ, продающихся по случаю, и спросилъ, не угодно ли имаму купить ихъ?

---

[1]) Евгенія Дмитріевна Апрянина, жена адъютанта калужскаго жандармскаго управленія, дочь князя Долгорукова, воспитывавшаяся въ Персіи, во время бытности ея отца въ посольствѣ.

Послѣ обычнаго совѣщанія и предложенія самой низкой цѣны, на которую не согласились, послѣдовалъ отвѣтъ, что правовѣрнымъ мусульманамъ коранъ запрещаетъ пріобрѣтать и имѣть столовыя вещи изъ благороднаго металла.

— Арцимовичъ вѣрно подарилъ имаму кофейный сервизъ изъ желѣза или мѣди! шепнулъ переводчику остроумный Абдурагимъ, присутствовавшій при переговорахъ.

Шамиль всегда обѣдаетъ съ деревянною ложкою, какъ бы заявляя этимъ совершенное отчужденіе отъ роскоши, не подобающей человѣку, преданному молитвѣ, посту и смиренію.

IV.

Дѣло объ отъѣздѣ жены корнета Магомета-Шафи, Аминатъ, изъ Калуги въ Дагестанъ опять возобновилось: Кази-Магометъ принесъ мнѣ письмо отъ Аминатъ къ брату ея, прапорщику Исмаилу, въ которомъ она проситъ убѣдительно его или самому пріѣхать за нею, или же, для этой цѣли, прислать меньшаго брата, могущаго сопровождать ее отъ Калуги до селенія Чохъ.

— Извѣстно ли это письмо имаму? спросилъ я Кази-Магомета.

— Извѣстно! отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно.

— Во всякомъ случаѣ, сдѣлай пожалуйста приписку такого рода, что письмо Аминатъ составлено съ вѣдома имама.

Кази-Магометъ взялъ перо и сдѣлалъ требуемую приписку.

— Скажи Аминатъ, что письмо ея будетъ отправлено по назначенію, — сказалъ я.

По уходѣ сына имама, посланіе бѣдной Аминатъ попало не на почту, но въ мой письменный ящикъ. Я обратился къ корнету Шафи съ вопросомъ: согласенъ ли онъ на подобное отправленіе жены его въ Дагестанъ или нѣтъ?

Магометъ-Шафи отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ, доказывающимъ, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ русской грамотѣ:

«Любезный другъ, Павелъ Гиляровичъ! Письмо, которое вы писали ко мнѣ, я получилъ и очень обрадовался вашему благополучію и здоровью. Я, слава Богу, живъ и здоровъ, желаю и вамъ также быть здоровымъ. На счетъ

поѣздки жены моей на Кавказъ, я напишу вамъ то, что я скоро, то есть послѣ лагеря, собираюсь совсѣмъ (?) поѣхать въ Калугу; тогда я обсужу: можно будетъ или нѣтъ отправить жену на Кавказъ; но до моего пріѣзда, скажите, чтобы подождала; если и случится, что не поѣду въ Калугу, то тогда всетаки дамъ вамъ знать и напишу отвѣтъ о поѣздкѣ. Кланяйтесь отъ меня отцу, всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ. Остаюсь любящій васъ другъ Шафи».

И такъ, дѣло Аминатъ опять легло въ длинный ящикъ....

Кази-Магометъ получилъ отъ Магомета-Шафи письмо, съ просьбою передать мнѣ, чтобы я ходатайствовалъ у военнаго министра о дозволеніи ему, Шафи, числясь въ конвоѣ Его Величества, жить постоянно при отцѣ, въ Калугѣ.

Прежде доклада мнѣ этого желанія, на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что просьба Магомета-Шафи—неумѣстна.

— Выдумали же,—сказалъ Шамиль,—что сынъ мой былъ въ партіи Тефикъ-бея, а если я возьму Магомета-Шафи изъ Петербурга, то, пожалуй, еще что нибудь другое выдумаютъ.

Радуюсь, что хотя одинъ разъ умно порѣшили дѣло.

Впрочемъ, возвращенію Шафи въ семью едвали бы была рада Заидатъ, потому что, съ пріѣздомъ его, противная ей партія усилилась бы однимъ голосомъ.

Виновникъ бывшихъ въ 1861-мъ году въ Чечнѣ безпорядковъ, состоящій нынѣ (въ 1863-мъ г.) подъ надзоромъ полиціи въ г. Смоленскѣ, наибъ Умма-Дуевъ, неоднократно просилъ меня и Шамиля письмами о дозволеніи ему навѣстить лично бывшаго своего имама и послѣдній, съ своей стороны, высказывалъ желаніе видѣть своего прежняго наиба. Дѣло оставалось за мною, потому что, до возбужденія ходатайства о разрѣшеніи Уммѣ пріѣхать въ Калугу, я счелъ необходимымъ собрать справку объ образѣ его жизни въ Смоленскѣ.

На-дняхъ (1863 г.) я получилъ письмо отъ состоящаго при императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ полковника Богуславскаго, который, между прочимъ, сообщилъ о томъ, что кавказское начальство обвиняетъ тестя Шамиля, отца Заидатъ, ефендія Джамалъ-Эддина, проживающаго нынѣ въ кр. Карсѣ, въ наущеніи горцевъ Дагестана произвести возмущеніе и въ поддерживаніи съ ними переписки. Вѣсть эта крайне встревожила все

семейство имама. Старикъ сталъ доказывать мнѣ непогрѣшимость преданности Джамалъ-Эддина русскому правительству, оказавшему ему такъ много милости, сталъ доказывать, что Джамалъ-Эддинъ, бывши еще на Кавказѣ, всегда возставалъ противу виновниковъ безпорядка и давалъ совѣты народу прекратить борьбу съ русскими, и, наконецъ, заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что враги, бросая въ Джамалъ-Эддина камень, имѣютъ цѣль ранить его, Шамиля. Виновниками клеветы онъ назвалъ Кибитъ-Магомета и Гаджи-Кази-Магомета Тилитлинскихъ.

Весьма много стоило мнѣ труда увѣрить Шамиля, что обвиненіе, павшее на его тестя, не должно его тревожить и не возбудитъ къ нему недовѣрія правительства.

— Джамалъ-Эддинъ не такъ простъ,—сказалъ я старику,—чтобы рѣшиться писать возмутительныя письма къ своимъ соплеменникамъ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что письмо его, недѣлю спустя по доставленіи въ Дагестанъ, очутилось бы въ рукахъ Кази-кумухскаго окружнаго начальника. Опытному начальнику, право, не трудно знать, что говорится и дѣлается въ его округѣ, и я, по чести, удивляюсь, какъ Закатальскій окружной начальникъ, распоряженіямъ котораго курятъ ѳиміамъ корреспонденты газеты «Кавказъ», не зналъ, что подвластные ему жители будутъ штурмовать крѣпость?... И такъ, имамъ, будь спокоенъ: на сколько видимо я довѣряю тебѣ, на столько довѣряетъ тебѣ и правительство!

— «Баракялла» (прекрасно!),—сказалъ Шамиль, взявъ меня за руку,— твои совѣты всегда для меня полезны и доброжелательны.

— Жаль только, что ты-то не всегда имъ слѣдуешь, и черезъ это дѣлаешь промахи!... На одной недѣлѣ не должно быть семь пятницъ,—отвѣчалъ я.

— «Не этсимъ!» (что буду дѣлать),—заключилъ улыбнувшись старикъ, признавая въ душѣ, что совѣты семейства его виною такого непостоянства.

Во время этого разговора, у меня была въ карманѣ слѣдующая бумага:

«Управленіе иррегулярныхъ войскъ, препровождая при семъ отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ и начальника Смоленской губерніи, о дозволеніи состоящему въ Смоленскѣ подъ надзоромъ полиціи Уммѣ-Дуеву от-

правиться на нѣсколько недѣль въ Калугу, для богомоленія по случаю предстоящаго поста и свиданія съ Шамилемъ,—по приказанію военнаго министра, проситъ васъ сообщить ваше по изложенному предмету мнѣніе, для доклада его высокопр—ству».

— Ты всегда желалъ видѣться съ Уммою,—сказалъ я Шамилю. Если хочешь, я испрошу ему позволеніе посѣтить тебя?

— «Іохъ, іохъ, алайсенъ тарихъ-тугулъ!» (нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не надо),—отвѣчалъ Шамиль, подъ впечатлѣніемъ вѣсти о Джамалъ-Эддинѣ опасаясь, чтобы посѣщеніе Уммы не навлекло на него какого нибудь подозрѣнія.

— Не бойся, имамъ,—сказалъ я; – посѣщеніе Уммы не накличетъ на насъ бѣды; въ этомъ случаѣ предоставь мнѣ распорядиться. Отвѣтъ за все я беру на свою голову.

— Ну, дѣлай, «достумъ» (другъ), какъ знаешь,—отвѣчалъ съ доброю улыбкою старикъ, провожая меня и нѣсколько разъ протягивая мнѣ свою бѣлую руку.

По вопросу объ Уммѣ, я изложилъ то мнѣніе, что увольненіе его на нѣсколько недѣль въ Калугу можетъ быть разрѣшено, безъ опасенія, чтобы свиданіе его съ Шамилемъ могло быть для насъ вреднымъ. Желаніе Уммы посѣтить Шамиля прикрыто только предлогомъ богомолія, цѣль же его поѣздки, вѣроятно, заключается въ томъ, чтобы, посредствомъ ходатайства имама, выпросить для себя возвращеніе на родину, перемѣщеніе въ Калугу, или увеличеніе денежнаго содержанія.

На письмо корнета Магомета-Шафи съ просьбою ходатайствовать объ увольненіи его отъ личной службы въ конвоѣ, я отправилъ къ нему полное благихъ совѣтовъ посланіе, откровенно указывая ему на тѣ неблагопріятныя послѣдствія, которыя будутъ результатомъ его страннаго намѣренія. Вотъ отвѣтъ его на мое письмо:

«Письмо ваше я получилъ, за что очень благодаренъ. Я въ особенности доволенъ за ваши совѣты, которые я всегда радъ исполнить! Вы пишете, что я нехорошо сдѣлаю если выйду въ отставку, и вамъ кажется, что это дѣлаю я сгоряча, по причинѣ непріятностей съ командиромъ конвоя. Нѣтъ, вы хотя такъ думаете, но я могу себя оправдать въ этомъ! Съ командиромъ я всегда друженъ, никогда не получалъ за службу выговоровъ, и если я выхожу въ отставку, то это я не сгоряча выдумалъ, а совершенно спо-

койно и подумавши дѣлаю это. Сколько я ни служу въ конвоѣ и стараюсь во всемъ угодить, всетаки убѣдился, что здѣшняя служба не везетъ для меня и несчастлива! Причины, по которымъ я убѣдился и черезъ которыя я оставляю службу, не сообщу вамъ теперь, но по пріѣздѣ въ Калугу все подробно разскажу вамъ. Вы еще пишете, чтобы я перешелъ въ армейскій полкъ; если мнѣ здѣсь не посчастливилось, то въ полку вовсе не повезетъ служба; я положительно рѣшился выйти въ отставку; поэтому, будьте такъ добры, попросите моего отца, чтобы онъ написалъ къ военному министру, чтобы меня, хотя не буду служить, но считали бы въ конвоѣ, если это возможно, но, во всякомъ случаѣ, я не могу оставаться здѣсь, а хотя бы и остался, все никакой пользы не будетъ, и ничего не выиграю. Кланяйтесь отцу и попросите, чтобы скорѣе покончилъ мое дѣло, и написалъ бы ко мнѣ».

По второму моему письму, въ которомъ я далъ понять Магомету-Шафи, что намѣреніе его оставить службу считаю черною неблагодарностью за всѣ благодѣянія и милости, которыми Государь Императоръ осыпалъ семейство Шамиля, Шафи пересталъ писать объ отставкѣ, сообщая лишь, что онъ собирается пріѣхать въ Калугу. Въ письмѣ моемъ я откровенно высказалъ мнѣніе, что отставкою своею Шафи огорчитъ старика-отца и всѣхъ родныхъ, повредитъ себѣ въ мнѣніи свѣта, потеряетъ карьеру, и лишится содержанія, отпускаемаго ему отъ правительства, а также и тѣхъ 1,500 р., которые онъ ежегодно получаетъ нынѣ отъ отца. «Поселясь тунеядцемъ въ Калугѣ,—писалъ я,—ты примешь на себя роль Абдурахмана и Абдурагима, съ вѣчными скандалами и упреками выпрашивающихъ нѣсколько грошей на покупку сапоговъ. Оставь нелѣпую мысль объ отставкѣ, служи охотно и правдиво, и вѣрь, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Причину служебнаго разочарованія Шафи угадать не трудно: онъ горецъ, а потому честолюбивъ и немного завистливъ; полученіе его товарищами наградъ за отличіе по службѣ и оставленіе его безъ награды, вѣроятно, его оскорбило; могло также оскорбить и невниманіе къ нему командира.

Кавказскихъ мусульманъ не слѣдуетъ слишкомъ баловать ни обхожденіемъ, ни наградами; примѣры на лицо: генералъ Даніель-бекъ-Елисуйскій бѣжалъ къ Шамилю, генералъ Агаларъ-бекъ-Кази-Кумухскій, какъ говорятъ, готовъ былъ сдѣлать то же, а все это оттого, что ихъ сначала ласкали, ува-

жали, награждали, а потомъ стали явно подпускать имъ шпильки, манкировать ихъ службою, осуждать ихъ дѣйствія. Какъ ни безполезны были на Кавказѣ ханскія управленія, но упраздненіе ихъ не слѣдовало покупать цѣною превращенія хановъ—во враговъ нашихъ.

Флигель-адъютантъ Е. И. В-ва, полковникъ Ибрагимъ-ханъ-Мехтулинскій, молодой человѣкъ, тѣломъ и душою преданный правительству и болѣе похожій на русскаго, чѣмъ на мусульманина, былъ отстраненъ отъ должности аварскаго хана, послѣ большихъ, доставшихся на его долю, непріятностей. Въ интимныхъ бесѣдахъ, онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что душевно былъ бы радъ, если бы съ него сняли несовременный титулъ хана и предоставили званіе окружнаго начальника, съ правами, этому званію присвоенными. Съ титуломъ хана должны быть неразлучны: ханская обстановка и ханскія деспотическія привиллегіи. Безъ нихъ, ханъ не будетъ имѣть въ народѣ почти никакого значенія. Ибрагимъ-ханъ очень хорошо понималъ, что въ мнѣніи народа начальникъ округа, со своими обыкновенными правами, стоитъ выше хана, лишеннаго древнихъ правъ, и потому самъ желалъ разстаться съ звучнымъ, но пустымъ титуломъ.

Главною виною полковника Ибрагимъ-хана, послужившею предлогомъ отстраненія его отъ управленія Аварскимъ ханствомъ, была казнь, произведенная имъ надъ жителемъ селенія Гамуши, Гаджіовъ-Магометомъ, сброшеннымъ съ кручи въ глубокій каменистый оврагъ, въ волны бушующаго Кара-Койсу, тогда какъ осужденный имѣлъ отъ меня охранное письмо, адресованное на имя хана [1]). Поступокъ этотъ, безъ сомнѣнія, несовременный, необдуманный и превышающій власть хановъ новаго покроя, по заключенію мѣстнаго начальства, долженъ былъ произвести возмущеніе въ Аваріи. Ничуть не бывало! Казнь Гаджіова не произвела на народъ особеннаго впечатлѣнія, на нее смотрѣли какъ на событіе, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, и даже нѣкоторые жители Аваріи, при вопросѣ о казни, отзывались: «Теперь по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что у насъ есть ханъ!»

---

[1]) Я исправлялъ тогда должность воинскаго начальника Средняго Дагестана и жилъ на Гунибѣ.

При покореніи Дагестана, учрежденіе ханскихъ управленій считалось полезнымъ; мы полагали, что народъ симпатизируетъ ханамъ, но какъ время доказало противное, то и слѣдовало ханскія управленія превратить въ окружныя, и, чтобы не обидѣть хановъ, предложить имъ принять званіе и права окружныхъ начальниковъ.

Одинъ изъ посѣтителей, полагавшій, что быть въ Калугѣ и не видѣть Шамиля все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы, сообщилъ имаму о высокомъ посѣщеніи Государемъ Наслѣдникомъ г. Тулы, совѣтуя Шамилю ѣхать туда же, чтобы имѣть счастье представиться лично Его Императорскому Высочеству.

За два часа до отхода московской почты, прискакалъ ко мнѣ съ дачи Кази-Магометъ.

— Къ тебѣ есть просьба отъ имама,—сказалъ онъ.

— «Буюръ!» (извольте),—отвѣчалъ я.

— 8-го октября, Наслѣдникъ престола пріѣдетъ въ г. Тулу. Имамъ желаетъ представиться Его Высочеству и потому проситъ исходатайствовать намъ разрѣшеніе отправиться на нѣсколько дней въ этотъ городъ. Какъ ты думаешь, будетъ ли разрѣшено наше желаніе?

— Право, не знаю; полагаю, что будетъ. Скажи имаму, что я войду съ представленіемъ къ визирю (военному министру).

— Такъ напиши и отправь представленіе съ сегодняшнею почтою,—сказалъ Кази-Магометъ.

— Время терпитъ, сегодня уже поздно, не успѣю; напишу въ среду съ будущею почтою,—отвѣчалъ я, единственно желая протянуть время и испытать, устоитъ ли Шамиль на своемъ проектѣ или нѣтъ.

— Поѣздка наша обойдется не дорого, не болѣе 50-ти или 60-ти рублей,—замѣтилъ сынъ имама.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ я, засмѣявшись;—если мы пробудемъ въ Тулѣ пять дней, то это будетъ стоить въ шесть разъ больше.

— Тссъ!! помотавъ головою, щелкнулъ языкомъ Кази-Магометъ, полагавшій, что ѣхать изъ Калуги въ Тулу все равно, что изъ Караты въ Дарго, и недовѣрявшій моему показанію.

— Посчитать предстоящіе расходы не трудно,—замѣтилъ я.— Начнемъ съ прогоновъ: переводчику, который поѣдетъ впередъ для заготовленій, нужно три лошади; подъ карету для имама и тебя—6; подъ коляску мою—4; подъ коляску для зятей имама—4, и подъ перекладную для вещей—3. Итого, за 20 почтовыхъ лошадей, въ оба пути, за 200 верстъ,—100 рублей.

— Мы всѣ можемъ помѣститься въ каретѣ двухмѣстной и въ колескѣ,— сказалъ Кази-Магометъ.

— А мнѣ кажется, что бывшему имаму Чечни и Дагестана не подобаетъ ѣхать такъ, какъ ѣздятъ жиды на шабашъ, — замѣтилъ я улыбнувшись.

— Да, это правда! согласился мой собесѣдникъ.

— Перейдемъ къ расходамъ въ городѣ: за наемъ въ лучшей изъ гостинницъ 4-хъ нумеровъ, въ сутки 10 руб., а въ 5 дней 50 руб.; на столъ, чай, и проч. 50 руб. Наемъ экипажей, а на случай и верховыхъ лошадей, потому что нельзя же намъ будетъ ходить пѣшкомъ,—50 руб. Вотъ тебѣ и итогъ въ 250 рублей, не считая непредвидѣнныхъ расходовъ.

Пока дѣло шло о 50-ти рубляхъ, расходы эти предполагалось принять на счетъ Шамиля, но какъ рѣчь зашла о 300 рубляхъ, Кази-Магометъ призадумался.

— Правительство приняло на свой счетъ наемъ для васъ дачи,— сказалъ я съ цѣлью,—теперь, хотя и не ловко просить, но я буду ходатайствовать, чтобы и поѣздка въ Тулу вамъ ничего не стоила.

— Отлично, я скажу объ этомъ всемъ имаму, и мы посовѣтуемся,—отвѣчалъ раскланиваясь Кази-Магометъ.

Въ среду, когда я уже запечатывалъ конвертъ для отправленія на почту, вошелъ ко мнѣ сынъ ех-имама.

— Хошь гельдынъ! привѣтствовалъ я его.

— Саолъ! (спасибо).

— Ничикъ-сенъ? Хульфетъ ничикъ-дуръ? (какъ поживаешь? какъ поживаетъ семейство?).

— Чохъ якши-менъ, чохъ якши-бисъ!.... [1]).

— Вотъ и бумага о вашей поѣздкѣ въ Тулу готова; все на-

---

[1]) Коранъ предписываетъ отдавать поклонъ за поклонъ и освѣдомляться о здоровьи.

писано согласно вашего желанія,—сказалъ я, показывая запечатанный конвертъ.

— Имамъ проситъ васъ оставить это дѣло. Онъ находитъ, что не ловко вводить казну въ расходы и постоянно безпокоить министра своими просьбами,—отвѣчалъ Кази-Магометъ.

Я разорвалъ представленіе. Пари подержу, что у ех-имама и его сына есть на вакансіи какая нибудь другая просьба, болѣе для нихъ интересная.

Домъ, занимаемый военно-плѣннымъ Шамилемъ въ Калугѣ, исправленъ, и принялъ праздничный видъ. Въ комнатахъ женъ ех-имама обои перемѣнялись два-три раза: Шуанетъ нашла, что въ комнатѣ Заидатъ обои красивѣе;—когда сорвали прежнія и поставили новыя, Заидатъ нашла свои дурными. Едва-едва можно было сладить съ нашими даргинскими прихотницами, которыя всю прежнюю жизнь провели въ грязныхъ саклях циклопической постройки.

— На-дняхъ мы хотимъ переѣхать въ городъ, оставить дачу,—сказалъ Шамиль, провожая меня до крыльца.

— Какъ угодно! отвѣтилъ я,—дайте знать, и я пришлю за вами лошадей.

— Постой, еще есть дѣло! задержалъ меня старикъ и взялъ изъ рукъ сына ящичекъ.

— Жены мои,—сказалъ имамъ,—хотятъ сдѣлать хозяйкѣ дачи вотъ этотъ подарокъ. Какъ ты думаешь, хороша ли эта вещица?....

Я взялъ ящичекъ и увидѣлъ въ немъ брошку, стоющую много-много 9 рублей.

— Чтожъ, не мѣшаетъ исполнить вашъ «адатъ», подарите;—правда, что это вещь недорогая, но она можетъ быть пріятною, какъ подарокъ женъ имама. Владѣтельница получила за наемъ дачи 200 руб. и этимъ довольна,—сказалъ я, возвращая брошку.

— И получила отъ насъ за молоко, дрова, и проч. до 300 рублей,—присовокупилъ Шамиль.

— Вотъ вздоръ! подумалъ я;—или ты, мой другъ, шутишь, или, что вѣрнѣе, тебя жестоко надували твои экономы.

Въ послѣдствіи я узналъ, что, до полученія еще брошки, г-жа

Заборовская подарила понравившееся Шамилю орѣховое бюро, стоющее болѣе 30 рублей.

— Имамъ проситъ завтра прислать за нимъ почтовыхъ лошадей подъ три экипажа,—доложилъ мнѣ переводчикъ.

— Развѣ окраска половъ въ городскомъ домѣ уже высохла? спросилъ я.

— Нѣтъ; еще бы двое сутокъ слѣдовало подождать...

— Такъ отчего же бы не повременить нѣсколько дней? погода стоитъ прекрасная.

— Кази-Магометъ торопится оставить дачу; ему надоѣло содержать ночные караулы,—отвѣчалъ Мустафа.

— Вольно же скряжничать, и замѣнять собою сторожей!... Въ которомъ часу они хотятъ выѣхать съ дачи?

— Въ 3 часа ночи, чтобы никто не видѣлъ женщинъ!...

— Такъ распорядись лошадьми, если не будетъ перемѣны, въ чемъ сомнѣваюсь,—сказалъ я, отпуская переводчика. Спустя три часа, прибылъ нарочный, съ извѣщеніемъ, что отъѣздъ съ дачи отсроченъ.

Семейство ех-имама переѣхало въ городъ спустя четыре дня, въ счастливый день, подъ пятницу (Джумма-гюнь).

Поздравивъ «раба, Божьяго» съ благополучнымъ возвращеніемъ въ городъ, я получилъ приглашеніе обѣдать у него въ первое воскресенье.

— Простите, имамъ, я уже отозванъ на обѣдъ, даваемый для пріѣзжаго артиллерійскаго генерала, а однажды принявъ приглашеніе, отказаться, по нашему адату, невѣжливо. Я охотно пообѣдаю съ вами въ другой день,—отвѣчалъ я.

— И прекрасно! мы люди свои, церемониться нечего, пообѣдаемъ и въ другой разъ вмѣстѣ. На воскресенье я позвалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ нашихъ ссыльныхъ горцевъ; быть можетъ, тебѣ было бы непріятно сидѣть съ ними за одною трапезою? заключилъ онъ вопросительно.

— О, нисколько! отвѣчалъ я. Старому кавказцу понятно, что у горцевъ ловко украсть лошадь означаетъ удальство, а убить по кровомщенію (Vendetta) человѣка—«адатъ». Это обыденныя событія, не могущія служить мѣриломъ ихъ нравственности! При-

томъ, пророкъ Магометъ сказалъ: допускай къ своему столу и хромыхъ и слѣпыхъ....

Отзывъ этотъ очень понравился старику, который въ обхожденіи съ находящимися здѣсь въ ссылкѣ горцами слѣдуетъ тенденціямъ равенства.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ объ обѣщанномъ мнѣ обѣдѣ нѣтъ помина: «честь была предложена, а отъ убытковъ Богъ избавилъ».

Примѣчаніе. Мнѣніе мое въ отношеніи отпуска фанатиковъ въ Турцію редакція «Русской Старины» назвала ошибочнымъ, но я остаюсь при своемъ, потому что оно относилось до фанатиковъ-коноводовъ, какъ, напримѣръ, сына Шамиля Кази-Магомета, Умма-Дуева, и другихъ, воображающихъ себя алимами двигателей мюридизма. Положимъ, что султанъ и сдѣлалъ ихъ генералами, но куда же годятся подобные генералы? Что касается до разрѣшенія переселиться въ Турцію всего населенія черкесовъ, то этого дозволять не слѣдовало. Въ «Дневникѣ» читатели встрѣтили имя наиба Умма-Дуева, посѣтившаго Шамиля въ Калугѣ и нынѣ двигающаго возмущеніемъ въ Дагестанѣ. Вотъ обращикъ, на сколько можно вѣрить сладкимъ рѣчамъ фанатиковъ изъ бывшей Шамилевской іерархіи.

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА-АКАДЕМИКА ТЬЕБО.

1765—1785.

Книга профессора Тьебо о Фридрихѣ Великомъ и его дворѣ: «Воспоминанія двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ» («Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin, ou Frédéric le Grand, par Dieudonné Thiébault. Paris. 1801, 5 vol.), съ которою мы желаемъ познакомить читателей «Русской Старины» въ предлагаемыхъ здѣсь извлеченіяхъ, содержитъ въ себѣ довольно много разсказовъ и сужденій о пріѣзжавшихъ въ Берлинъ русскихъ знаменитостяхъ, о личныхъ сношеніяхъ автора съ нѣкоторыми изъ нихъ и о разныхъ обстоятельствахъ Екатерининскаго царствованія. Проживъ въ Берлинѣ долгое время, богатое любопытными событіями, ученый профессоръ имѣлъ частые случаи бывать при дворѣ Фридриха Великаго, удостоивавшаго его своимъ вниманіемъ, пріобрѣсти близкое знакомство съ большинствомъ лицъ, занимавшихъ тамъ важное общественное положеніе, и, между ними, сойтись особенно тѣсно съ тогдашнимъ русскимъ посланникомъ, княземъ В. С. Долгорукимъ, что̀ поставило его въ возможность видѣть и слышать многое, касающееся Россіи и русскихъ, занесенное имъ потомъ въ свои Записки. Почти не было ни одного изъ именитыхъ русскихъ путешественниковъ, или изъ иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію, кого авторъ не имѣлъ-бы случая встрѣтить въ королевскомъ дворцѣ или, чаще, у гостепріимнаго русскаго посланника. Онъ видѣлъ великаго князя Павла Петровича, Румянцева, Суворова, Дашкову, князя И. С. Барятинскаго, графа А. П. Шувалова и мн. др.; обо всѣхъ ихъ онъ передалъ свои воспоминанія и наблюденія,—конечно, не въ равной степени интересныя, но, вообще, имѣющія право на вниманіе русскаго читателя. Книга Тьебо не изъята нѣкоторыхъ ошибокъ, обмолвокъ и поверхностныхъ сужденій; однакожъ, она не изобилуетъ, подобно многимъ въ этомъ родѣ произведеніямъ, ни задорно-пристрастными или легкомысленными выходками, ни вопіющими выдумками, съ предвзятою мыслію извращенія фактовъ. Все изложеніе Записокъ носитъ спокойный, умѣренный тонъ писателя-очевидца, свободнаго отъ всякихъ личныхъ предубѣжденій и желающаго просто и дѣльно передать истину, насколько она ему извѣстна или понятна. Онъ охотно отдаетъ справедливость достоинствамъ нашихъ лучшихъ людей, отзываясь, напримѣръ, съ особеннымъ сочувствіемъ и глубокимъ уваженіемъ о личности русскаго посланника, князя

Долгорукаго, и о семьѣ графовъ Головкиныхъ; но, съ другой стороны, не стѣсняется и отзывами въ противоположномъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ объ антипатичныхъ ему характерахъ, какъ-то: о княгинѣ Дашковой и Потемкинѣ.

Считаемъ неизлишнимъ прибавить къ вышесказанному кое-какія біографическія справки объ авторѣ «Воспоминаній». Тьебо, заочно уже извѣстный Фридриху II своими учеными трудами (какъ, напримѣръ: «Traité de l'esprit public» и «La grammaire philosophique»), былъ вызванъ имъ изъ Парижа, по рекомендаціи д'Аламбера и ученаго филолога, аббата д'Оливе [1]), на вакансію академика, и, вскорѣ послѣ своей женитьбы, пріѣхалъ въ Берлинъ, 17-го марта 1765 г. Тамъ онъ былъ немедленно названъ членомъ Берлинской академіи наукъ и опредѣленъ профессоромъ при учрежденной Фридрихомъ II-мъ военно-гражданской школѣ, гдѣ имѣлъ постоянное помѣщеніе, въ качествѣ преподавателя словесныхъ наукъ. Служба его, въ званіи академика и профессора, продолжалась непрерывно почти до конца царствованія великаго короля, благосклонностію котораго онъ пользовался постоянно; а въ 1785-мъ году, не задолго до смерти Фридриха, Тьебо испросилъ себѣ отпускъ во Францію, откуда уже не возвращался. Кромѣ упомянутыхъ сочиненій его и Записокъ, есть еще его труды: «Traité du style» (изд. въ Берлинѣ) и безъимянное сочиненіе, написанное по порученію родной сестры Фридриха Великаго, Ульрики, королевы шведской: «Les adieux du duc de Bourgogne et de l'abbé de Fénélon, son précepteur, ou Dialogues sur les différentes formes de gouvernement». (Douai. 1772. 2-e éd. Stokholm. 1788).

Теперь два слова о нашемъ переводѣ. При извлеченіяхъ изъ подлинника, произведенныхъ съ возможною точностію, выбиралось только то, что касалось Россіи и русскихъ, если представляло какой-либо интересъ въ этомъ отношеніи. Такую выборку, разумѣется, пришлось сдѣлать изъ всѣхъ пяти томовъ, не сплошь, а отрывками, которые потомъ связывались группировкою по предметамъ, установившею свою послѣдовательность изложенія, независимую отъ существующей въ подлинникѣ.

Д. Д. Рябининъ.

I.

Знакомство и дальнѣйшія сношенія автора съ русскимъ посланникомъ, княземъ Долгорукимъ.—Его личность, черты характера и мнѣнія.—Французскій посланникъ де-Гинъ.—Секретарь русскаго посольства.

При вступленіи моемъ въ составъ Берлинской академіи, 15-го апрѣля 1765 г., послѣ произнесенія мною рѣчи, на которую отвѣчалъ г. Формей [2]), подошелъ ко мнѣ одинъ мужчина, лѣтъ около сорока, средняго роста, но довольно плотный, одѣтый просто и безъ всякихъ орденскихъ знаковъ. Онъ высказалъ нѣсколько привѣтливыхъ

[1]) Joseph Thoullier, l'abbé d'Olivet, 1682†1768.

[2]) Formey, Jean Henri Samuel, род. въ Берлинѣ въ 1711 г., происходилъ изъ одной фамиліи французскихъ выходцевъ-гугенотовъ; реформатскій пасторъ, оставившій послѣ себя множество сочиненій, нынѣ совершенно-забытыхъ. Былъ членомъ акад. въ Берлинѣ. Ум. въ 1797 г.

словъ объ удовольствіи, съ какимъ прослушалъ мою рѣчь, и тутъ-же пригласилъ меня, на завтра, обѣдать у него, прибавивъ, что если я прежде зайду къ г. Формею, то послѣдній укажетъ мнѣ дорогу. Я принялъ это приглашеніе, нѣсколько смущенный, какъ обыкновенно бываетъ, когда не знаешь тѣхъ, чьимъ обязательнымъ вниманіемъ пользуешься. Затѣмъ онъ удалился и г. Формей сказалъ мнѣ, что это князь Долгорукій, русскій полномочный министръ при берлинскомъ дворѣ [1]). На другой день, въ концѣ обѣда, князь, подойдя ко мнѣ, просилъ, чтобъ я считалъ себя однажды навсегда приглашеннымъ къ нему, какъ только буду имѣть на это досугъ и желаніе. Съ тѣхъ поръ я постоянно получалъ отъ него доказательства добраго ко мнѣ расположенія. Иногда онъ звалъ меня на большіе обѣды, съ соблюденіемъ всѣхъ условій официальнаго приглашенія, а иногда, если мнѣ случалось не бывать у него болѣе одной или двухъ недѣль, онъ самъ навѣдывался ко мнѣ по утрамъ, чтобы узнать, говаривалъ онъ, не въ ссорѣ-ли мы съ нимъ. Однимъ словомъ, онъ былъ неизмѣненъ ко мнѣ въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, которыя я провелъ съ нимъ въ этомъ краю; ни важныя политическія событія, ни мелочныя каверзы и козни придворныхъ партій, никогда не набрасывали ни малѣйшей тѣни на наши отношенія. Помню только два случая, которые могли возбудить во мнѣ боязнь размолвки, или, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго охлажденія съ его стороны; но подобныхъ послѣдствій они не имѣли. О первомъ изъ этихъ случаевъ я много распространяться не стану; онъ касается происшествія, хотя и дѣлающаго честь благородству и великодушію князя, но неинтереснаго для читателя, за исключеніемъ только одной черты Фридриха, хорошо обрисовавшей великаго человѣка. Въ этомъ траги-комическомъ происшествіи, нѣкій юноша, 15-ти или 16-ти лѣтъ, былъ предоставленъ въ распоряженіе двухъ унтеръ-офицеровъ, которые такъ усердно поработали палочьемъ надъ его плечами и спиной, что съ нимъ сдѣлались корчи и судороги. Во время этой ужасной расправы, исполненной въ виду отборнаго общества, посланникъ одного нѣмецкаго принца, мужчина рослый и толстый, усердствуя выказать свое сочувствіе героинѣ этого романа [2]),

[1]) Князь Владиміръ Сергѣевичъ, бывшій при берлинскомъ дворѣ 25 л., съ конца 1762 г. по 1787 г.; послѣ того жилъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1803 г., 86-ти л. отъ роду. Біографическія о немъ подробности см. въ «Словарѣ» Бантышъ-Каменскаго и въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ» (стр. 168—169).

[2]) Можно заключить изъ неясныхъ намековъ автора, что несчастный молодой человѣкъ понесъ это жестокое наказаніе за какую нибудь оскорбительную выходку съ дѣвицей или дамой, жившей въ домѣ князя Долгорукаго, который, вѣроятно, вступился за обиженную; можно также догадываться, что и сцена расправы происходила у него въ домѣ.

нанесъ еще кулакомъ въ грудь сильный ударъ наказываемому юношѣ, который закричалъ тогда: „вы-же по какому праву бьете меня?“— Когда Фридрихъ узналъ объ этомъ поступкѣ, то чувство негодованія и омерзѣнія вызвало въ немъ слѣдующія слова:

— „А на какомъ основаніи этотъ мясникъ осмѣливается бить моихъ подданныхъ? Передать ему, чтобъ онъ никогда не показывался мнѣ на глаза! Написать его государю, чтобъ онъ былъ отозванъ! Да мнѣ вовсе и ненужны посланники оттуда!“

Другой случай, гдѣ я рисковалъ остудить дружбу ко мнѣ князя, относится до политики. Въ то самое время, когда приготовлялась знаменитая кампанія фельдмаршала Румянцева противъ турокъ, князь сказалъ за столомъ, глядя на меня:

— „Пятьсотъ французскихъ офицеровъ отплыли въ Тулонъ для вступленія въ службу къ бусурманамъ,—дѣло совсѣмъ не благородное и не христіанское, потому что русскіе съ французами теперь въ мирѣ и дружескомъ союзѣ, на основаніи многихъ трактатовъ“.

Я былъ задѣтъ тѣмъ, что князь говорилъ все это при мнѣ, да еще тутъ-же старался смотрѣть на меня, и я рѣшился отмстить за то, при случаѣ. Такой случай не встрѣчался въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ, но наконецъ представился, и я воспользовался имъ. Послѣ двухъ большихъ побѣдъ, одержанныхъ Румянцевымъ, я отправился на обѣдъ къ князю, чтобъ его поздравить съ ними, и когда, за столомъ, стали пить за здоровье побѣдителей, я сказалъ, что въ полученныхъ новостяхъ есть одно лишь непонятное для меня обстоятельство, наводящее на мысль, что или соотечественники мои слишкомъ много перемѣнились съ тѣхъ поръ какъ я ихъ оставилъ, или имъ особенно посчастливилось въ этой войнѣ, ибо непостижимо, какимъ образомъ изъ пятисотъ французскихъ офицеровъ, отплывшихъ въ Тулонъ, не оказалось никого ни между убитыми, ни между плѣнными; послѣ этого остается заключить, что всѣ они одарены и сверхъестественнымъ счастьемъ, и отличными ногами.—Князь смѣшался при моихъ словахъ, вспомнивъ собственныя, на которыя я теперь отвѣчалъ; но онъ оставилъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій эту размолвку, и я считаю себя въ правѣ думать, что онъ увеличилъ свое ко мнѣ уваженіе; по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что съ этихъ поръ всегда князь говорилъ при мнѣ съ особенною осторожностью о французской націи, которую, впрочемъ, онъ очень любилъ.

Князь Долгорукій былъ истинно добръ, но безъ слабости; справедливъ и стоекъ въ убѣжденіяхъ (какъ и слѣдуетъ быть всякому общественному дѣятелю); исполненъ той простоты, что̀ свойственна личностямъ высокихъ достоинствъ; умѣренъ въ мнѣніяхъ, какъ всѣ люди

мыслящіе, способные къ самообладанію; однимъ словомъ, философъ,—изъ числа тѣхъ, кто примѣняетъ философію къ дѣлу, а не напускаетъ на себя только ея тона. Онъ гордъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда могло казаться, что ему дѣйствительно не воздаютъ должнаго [1]).

Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ [2]),—членъ національнаго института,—бывъ инженернымъ офицеромъ, участвовалъ вмѣстѣ съ Долгорукимъ въ Финляндской кампаніи, когда оба они были еще молоды; онъ такъ высоко цѣнилъ достоинства князя, что навсегда сохранилъ въ себѣ искреннюю къ нему привязанность и взаимно пользовался его уваженіемъ и любовью.

Въ продолженіе Семилѣтней войны, князь Долгорукій, въ качествѣ волонтера, отбылъ три похода съ французскою арміей, при чемъ особенно сблизился съ г. де-Гинъ (de-Guines), носившимъ тогда фамилію де-Суастра (de-Souastre). Когда послѣдній былъ назначенъ въ Берлинъ посланникомъ, князь сказалъ мнѣ, что онъ съ большимъ удовольствіемъ увидится съ своимъ старымъ товарищемъ по оружію, хотя между ними, естественно, долженъ возникнуть поводъ къ спору за право первенства (при дипломатическихъ представленіяхъ). „Но,—прибавилъ князь тутъ-же,—я надѣюсь, что наша съ нимъ дружба не потерпитъ отъ того нисколько и что этотъ щекотливый вопросъ разрѣшится безъ всякаго непосредственнаго съ нашей стороны вмѣшательства. Въ силу старинныхъ уже трактатовъ, я долженъ уступить шагъ французскому посланнику; но въ случаѣ если-бы секретныя предписанія обязывали меня считаться съ нимъ за это старшинство, какъ

---

[1]) Вотъ маленькій анекдотъ о его манерѣ осаживать зазнающихся господъ. Пѣвцы италіанской оперы въ Берлинѣ,—какъ, напримѣръ, Порпорино (Porporino) и Кончіолини (Conciolini), получали очень большое жалованье, по 15 т. франковъ; но хотя они появлялись на сценѣ не болѣе какъ разъ двѣнадцать въ годъ, однако позволяли себѣ капризничать и довольно невѣжливо отказывались пѣть на вечерахъ у королевы, даже когда она лично просила ихъ о томъ. Въ особенности Кончіолини въ подобныхъ случаяхъ почти всегда отговаривался насморкомъ. Всѣ это знали и всѣ негодовали на такое нестерпимое жеманство, за что иногда италіанцамъ порядочно доставалось. Однажды князь Долгорукій, за обѣдомъ, сказалъ директору русской придворной капеллы:—«Вотъ господинъ Кончіолини, который поетъ удивительно хорошо».—«Князь,—подхватилъ пѣвецъ,—пожалуйста не упрашивайте меня пѣть: я не могу».—«Милостивый государь,—отвѣчалъ князь,—повѣрьте, я и не думалъ васъ просить объ этомъ: я говорилъ только про голосъ вашъ, но ничуть не желалъ его слышать».

[2]) Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ (Jacques Henri Bernardin de Saint-Pierre), извѣстный авторъ «Павла и Виргиніи» ((Paul et Virginie), «Etudes de la nature», «Harmonies de la nature» и др. сочиненій (1737†1814).

вы думаете, что̀ пришлось-бы мнѣ сдѣлать? По моему, есть одно только средство: предоставить дѣло это нашимъ кучерамъ“ [1]).

Маркизъ де-Понъ-Сенъ-Морисъ (de-Pons-Saint-Maurice), преемникъ графа де-Гина въ званіи французскаго посланника, прожившій съ княземъ

---

[1]) Графъ де-Гинъ, состоя французскимъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, рѣшительно затмѣвалъ весь дипломатическій корпусъ своею пышностію и блестящею обстановкой. Въ особенности онъ щеголялъ передъ представителями прочихъ державъ своею многочисленной и великолѣпно экипированной прислугой, что̀ возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тайную зависть и желаніе осадить или принизить его, хотя какою-нибудь выходкой или шуточкой. Однажды проѣзжалъ черезъ Берлинъ, изъ западной Европы, нѣкто изъ русскихъ пословъ, который везъ въ Петербургъ, для представленія къ двору, свою молодую жену, черезъ годъ спустя послѣ ихъ брака. Во время пребыванія молодыхъ супруговъ въ Берлинѣ, князь Долгорукій представилъ ихъ королевскому семейству, ввелъ въ кругъ своего знакомства и часто приглашалъ къ себѣ. Онъ далъ для нихъ большой обѣдъ, гдѣ были всѣ члены дипломатическаго корпуса. За столомъ де-Гинъ сидѣлъ подлѣ новой гостьи, т. е. жены пріѣзжаго посланника, которая уже успѣла кое-что узнать о тайномъ настроеніи многихъ дипломатовъ противъ своего сосѣда. Эта дама надѣла себѣ на палецъ прехорошенькій перстень, гдѣ внутри была устроена маленькая шприцовка (séringue), и, среди обѣда, предложила де-Гину полюбоваться работой своего перстня и отгадать заключающійся въ немъ секретъ. Въ ту минуту, когда онъ наклонился разсмотрѣть вещицу, дама подавила въ ней потайную пружинку и брызнула водой, бывшей въ перстнѣ, прямо въ глаза любопытному. Де-Гинъ разсмѣялся отъ этой шутки, потрунилъ самъ надъ собой, вытеръ мокрое лицо и потомъ забылъ думать о случившемся; но дама непримѣтно опять наполнила водою свой перстень, и черезъ нѣсколько времени, притворившись, что хочетъ говорить съ сосѣдомъ, котораго непремѣнно хотѣла сдѣлать смѣшнымъ, облила ему лицо во второй разъ. Де-Гинъ не показалъ ни малѣйшаго вида гнѣва или замѣшательства, но тономъ серьезнаго человѣка, дающаго доброжелательный совѣтъ, сказалъ этой дамѣ: «Сударыня, такого рода потѣхи кажутся, на первый разъ, игривой шуточкой, способной развеселить; во второй разъ—рѣзвостью, извинительною молодости, особенно когда шалость эту позволяетъ себѣ женщина;—но въ третій разъ подобная выходка была-бы оскорбленіемъ, и, въ такомъ случаѣ, вы въ ту-же минуту получите возмездіе изъ этого стакана воды, передъ моимъ приборомъ, о чемъ имѣю честь васъ предварить». Шаловливая госпожа не повѣрила, однакожъ, чтобы осмѣлились исполнить надъ ней эту угрозу; а потому, не унимаясь, она выпустила въ третій разъ воду изъ своего перстня въ лицо де-Гина, который тогда мгновенно схватилъ свой стаканъ съ водой и распорядился имъ согласно обѣщанію, прибавивъ весьма спокойно: «вѣдь я предупреждалъ васъ, сударыня».—Мужъ ея тотчасъ-же нашелся принять дѣло въ хорошую сторону, объявивъ, что это отлично сдѣлано и что онъ очень за то благодаренъ французскому посланнику. Затѣмъ, мокрая барыня встала изъ-за стола перемѣнить бѣлье, а разговоръ перешелъ на другіе предметы; только друзья госпожи посланницы, по видимому, сильно желали, чтобъ это маленькое приключеніе не разгласилось. Всѣ о немъ обѣщали молчать и оно, въ то время, было извѣстно лишь немногимъ.

одиннадцать лѣтъ, говорилъ мнѣ въ Парижѣ: „Долгорукій, изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ, честнѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ".

Разъ, за столомъ, князь спросилъ моего мнѣнія: нахожу ли я, что было-бы справедливо вѣшать всѣхъ шпіоновъ? Вопросъ этотъ удивилъ меня, и я пристально посмотрѣлъ на князя, чтобы разгадать по его физіономіи—съ какимъ намѣреніемъ онъ спрашиваетъ. Тогда онъ продолжалъ, съ улыбкой: „Я не говорю о шпіонахъ признанныхъ и привиллегированныхъ: съ тѣми принято обходиться какъ можно учтивѣе и ни подъ какимъ видомъ не вѣшать ихъ;—а разумѣю шпіоновъ тайныхъ, скрывающихся, и спрашиваю: распорядились-ли бы вы повѣсить хорошаго человѣка, кто, безъ всякой для себя личной выгоды, но только изъ приверженности къ своему отечеству, старался-бы открыть намѣренія и силы враговъ своего государя?"—Легко понять, что намъ пришлось много бесѣдовать по этому вопросу нравственности и общественнаго порядка.

Слѣдующая черта покажетъ, съ какимъ философскимъ спокойствіемъ князь встрѣчалъ разныя житейскія случайности. Въ Семилѣтнюю войну, онъ, въ званіи инженернаго офицера, отправился съ флотомъ, отряженнымъ для осады Кольберга. Нѣсколько утомленный морскимъ переѣздомъ, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ вдругъ поднялась страшная буря, при которой даже первые храбрецы отчаялись въ возможности спасенія. Въ это время одинъ изъ офицеровъ прибѣжалъ будить спящаго, крикнувъ ему: „Какъ можете вы спать? Вѣдь мы всѣ погибаемъ!"—„Когда такъ,—возразилъ князь,—то зачѣмъ-же будить меня? Лучше и вы сдѣлайте по моему".—И онъ заснулъ опять.

Не помню, въ какомъ именно году князь Долгорукій довѣрилъ мнѣ одно негласное порученіе, гдѣ выказалась вся его деликатность и заботливость въ добрыхъ дѣлахъ. Отведя меня въ сторону, онъ сказалъ мнѣ, что къ нему только-что прибыли трое моихъ соотечественниковъ: молодой человѣкъ — личность прекраснаго характера, сестра его — очень милая и любезная особа, и двоюродная ихъ сестра — не красавица, но хорошенькая дѣвушка; всѣ трое люди благороднаго происхожденія и изъ хорошаго семейства. Одинъ изъ родственниковъ князя, путешествовавшій во Франціи, имѣлъ случай познакомиться съ этими молодыми людьми и пригласилъ ихъ слѣдовать за собою, предложивъ имъ свои средства на путевыя издержки и содѣйствіе свое для доставленія имъ приличныхъ мѣстъ въ Россіи. Они доѣхали до Лейпцига, но тутъ не достало денегъ у господина путеводителя, и онъ ихъ бросилъ, внезапно уѣхавъ въ одиночку; а оставленные имъ молодые люди вынуждены были продать кое-какія вещи

для переѣзда въ Берлинъ и прибѣгнуть къ князю Долгорукому. Тотъ, въ качествѣ русскаго и родича упомянутому господину, счелъ себя обязаннымъ оказать имъ помощь. „Стоимость путешествія (говорилъ онъ мнѣ) одинакова какъ для возвращенія ихъ на родину, такъ и для слѣдованія въ Петербургъ; но первое направленіе пути имѣло-бы для нихъ важныя и даже лично непріятныя неудобства, тогда какъ второе представляетъ имъ только утѣшительныя надежды, ибо родственникъ мой не такой человѣкъ, чтобы рѣшился тамъ отказать имъ въ своей поддержкѣ, а собственныя ихъ качества могутъ способствовать имъ въ занятіи подходящихъ для нихъ мѣстъ, особенно съ помощію писемъ, которыми я могу ихъ снабдить. Между тѣмъ, разныя уважительныя обстоятельства, по отношенію къ этому родственнику и фамильнымъ интересамъ, дозволяютъ мнѣ не иначе дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, какъ только въ качествѣ должностнаго лица, такъ что я, нѣкоторымъ образомъ, обязанъ скрыть свое желаніе оказать услугу этимъ молодымъ людямъ“.—Въ заключеніе, князь просилъ меня принять на себя, въ глазахъ общества, видъ ихъ покровителя, посовѣтовавшись съ г-жею фонъ-Камеке (Kameke) [1]), которая уже предварена объ этомъ дѣлѣ, на счетъ мѣръ, необходимыхъ для дальнѣйшаго ихъ путешествія.

Я принялъ порученіе: графиня фонъ-Камеке составила у себя совѣтъ изъ г-жи Блюменталь и нѣкоторыхъ другихъ дамъ, передъ которыми я объяснилъ въ чемъ дѣло. Первое мнѣніе, заявленное на этомъ совѣтѣ, предлагало отправить этихъ молодыхъ людей обратно домой, „изъ русскихъ рукъ въ русскія-же руки“ (de mains de Russes en mains de Russes). Это мнѣніе я опровергъ, представивъ на видъ, что такая отсылка была бы очень щекотлива для нихъ и довольно неблаговидна для нѣкоторыхъ. Тогда пришли къ желаемому положительному рѣшенію, и, по составленіи особыхъ раскладокъ на сборъ въ пользу путешественниковъ,—при чемъ не забыли назначить съ князя Долгорукаго крупную долю вклада,—я былъ въ состояніи отправить ихъ въ дорогу, нанявъ имъ карету до Данцига и давъ необходимыя письменныя указанія для проѣзда оттуда въ Петербургъ.... Странствованіе ихъ окончилось благополучно, и я послѣ узналъ, что всѣ они пристроились на хорошія мѣста, а изъ нихъ хорошенькая барышня вышла замужъ за швейцарскаго негоціанта.

Изъ лицъ, окружавшихъ князя Долгорукаго, упомяну, мимоходомъ, объ одномъ изъ его секретарей, Березинѣ (Bérezin), который доводился родственникомъ князю Потемкину (cousin-germain) и разсказывалъ мнѣ многое о немъ.

[1]) Рожденная графиня Головкина.

II.

Свиданія и знакомства со многими русскими и съ иностранцами, бывшими въ Россіи.—Художникъ Фальконнетъ.—Князь Барятинскій.—Графъ Шуваловъ.—Французскій писатель Лагарпъ. — Встрѣча архитектора Клериссо, въ Парижѣ, съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.—Семья графовъ Головкиныхъ.

Въ теченіи моего двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, я имѣлъ случай видѣть почти всякаго русскаго, проѣзжавшаго черезъ эту столицу, равно какъ и ѣхавшихъ изъ Россіи иностранцевъ, и многихъ изъ нихъ разспрашивалъ, на сколько дозволялось приличіями; отъ этого часто думали обо мнѣ, что я самъ былъ въ Россіи. Я видѣлъ Фальконнета (Falconnet)[1]), когда онъ туда ѣхалъ, видѣлъ его и на обратномъ пути; я былъ въ числѣ тѣхъ, кому онъ раздавалъ куски отъ гранита, употребленнаго на пьедесталъ статуи Петра Великаго,—гранита, изъ котораго было въ модѣ выдѣлывать пуговицы и запонки къ рукавамъ. Князь Барятинскій[2]), отправлявшійся въ Парижъ занять тамъ мѣсто посла, такъ убѣдительно просилъ меня дать ему порученія и столь обязательно обѣщалъ мнѣ озаботиться исправнымъ выполненіемъ ихъ, что я вручилъ ему, для передачи по назначенію, нѣсколько экземпляровъ только-что отпечатаннаго моего сочиненія: «Traité du style». Каждый изъ нихъ былъ въ особой запечатанной оберткѣ, съ означеніемъ на ней адреса. Однакожъ только одинъ д'Аламберъ получилъ свой экземпляръ. Удостовѣрившись въ этой небрежности князя Барятинскаго, я написалъ о томъ его сіятельству, причемъ относилъ претензію мою къ людямъ его свиты, на которыхъ, быть можетъ, князь возложилъ мое порученіе. Сіятельный отвѣчалъ на это, что, вѣроятно, мнѣ сообщены невѣрныя свѣдѣнія и что онъ остается увѣреннымъ въ исправной доставкѣ посылокъ по адресу. Вотъ единственный поступокъ со стороны русскихъ путешественниковъ, на который я имѣю какой-нибудь поводъ жаловаться.

Графъ Шуваловъ[3]), авторъ „Посланія къ Нинонѣ Ланкло“ (épître

---

[1]) Фальконнетъ, французскій художникъ (Etienne Maurice Falconnet), изваявшій, въ 1766 г., конную статую Петра Великаго въ Петербургѣ. Род. въ Піемонтѣ 1716 г., ум. въ Парижѣ, 1791 г.

[2]) Князь Иванъ Сергѣевичъ, генералъ-поручикъ, былъ посломъ въ Парижѣ съ 1773-го по 1785 годъ и получилъ отъ французовъ, за красоту свою, прозваніе: «le beau russe».—Род. 1738 г., ум. 22-го декабря 1811 года.

[3]) Графъ Андрей Петровичъ, сынъ фельдмаршала графа Петра Ивановича, дѣйств. т. сов. и дѣйств. камергеръ, правленія банковъ директоръ и шпалерной мануфактуры надзиратель. Онъ славился образованностью. Его «Посланіе къ Нинонѣ» приписывали Вольтеру. Род. 1744 г., ум. въ 1789 году.

à Ninon), остановившійся на нѣсколько дней въ Берлинѣ на возвратномъ пути своемъ изъ Франціи, говорилъ со мною однажды о новомъ произведеніи Лагарпа [1]), доставившемъ ему академическую премію, „Одѣ о мореплаваніи". Не знаю, какъ нашла на меня разсѣянность, что въ это время я совсѣмъ забылъ про большую услугу, оказанную русскому графу авторомъ этой оды, который для него поправлялъ и выглаживалъ всѣ стихи „Посланія къ Нинонѣ". Объ одѣ Лагарпа я отозвался не слишкомъ сдержанно: высказалъ удивленіе, что авторъ не написалъ ее лучше; говорилъ, что въ ней есть строфы далеко ниже посредственныхъ, а хорошихъ совсѣмъ мало; что въ цѣломъ вся ода холодна и безжизненна, и что это сочиненіе,—одно изъ самыхъ неудачныхъ, какія выходили изъ-подъ пера автора,—доказываетъ отсутствіе въ немъ всякаго дарованія для произведеній въ подобномъ родѣ. На другой день послѣ этого разговора, князь Долгорукій сказалъ мнѣ со смѣхомъ: „Ну, вы вчера совсѣмъ погубили себя; прежде графъ питалъ къ вамъ просто нѣжную страсть: онъ особенно любилъ и уважалъ васъ; никѣмъ, можетъ быть, онъ не былъ очарованъ столько какъ вами; но ваша строгость къ Лагарпу все убила: теперь вы человѣкъ пропащій".—„Князь,—отвѣчалъ я,—мнѣ легко утѣшиться въ этомъ, если вы не раздѣляете настоящихъ его чувствъ".—Черезъ посредство этого самаго графа Шувалова,—говорятъ,—Лагарпъ сдѣлался литературнымъ корреспондентомъ великаго князя Павла Петровича [1]).

По этому поводу, передамъ маленькій анекдотъ о Лагарпѣ. Въ Россіи, какъ извѣстно, для всѣхъ отличій по общественной службѣ существуетъ одна только лѣстница,—именно, военной карьеры. Отсюда слѣдуетъ, что если тамъ хотятъ наградить ученаго, или кого-бы ни было изъ состоящихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, то возводятъ его, напримѣръ, въ чинъ генералъ-маіора, дающій титулъ превосходительства. Такъ случилось съ докторомъ Шеффером, когда онъ состоялъ въ Петербургѣ врачомъ принца саксонскаго, герцога курляндскаго и наслѣдника всероссійскаго престола Павла Петровича. Г. Лагарпъ, не зная этихъ русскихъ порядковъ, сдѣлалъ довольно неловкую обмолвку у великаго князя, путешествовавшаго подъ именемъ Сѣвернаго графа

---

[1]) Jean François La Harpe, членъ французской академіи, одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей, оставилъ 16 томовъ сочиненій (въ 8 д. л., парижское изданіе 1821 г.). Родился въ Парижѣ 20-го ноября 1739 г., ум. 11-го февр. 1803 г. (н. ст.).

[2]) Подлинники этой обширной корреспонденціи хранятся въ отдѣлѣ рукописей въ библіотекѣ, во дворцѣ, въ Павловскѣ. См. Описаніе Павловска, изданіе Его Императорскаго Высочества Государя В. К. Константина Николаевича. Спб. 1877 г., стр. 437—438.

(comte du Nord). За обѣдомъ, на который были приглашены великимъ княземъ г. Лагарпъ, д'Аламберъ [1]) и докторъ Шефферъ, наслѣдникъ престола обращался къ послѣднему не иначе, какъ величая его „превосходительствомъ"; а Лагарпъ, принявъ за насмѣшку этотъ титулъ, дававшійся, однакожъ, вслѣдствіе установленнаго этикета, высказалъ свое предположеніе одному изъ состоящихъ въ свитѣ принца, сидѣвшему за столомъ подлѣ догадливаго автора. Придворный весьма серьезно отвѣтилъ, что титулъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ доктору; но такой отвѣтъ не могъ убѣдить Лагарпа, и онъ, обратившись къ великому князю, сказалъ:—„Но, государь, если медикъ пользуется въ Россіи титломъ „превосходительства", то какое-же даютъ тамъ литератору (homme de lettres)?"—„Признаюсь вамъ,—отвѣчалъ Павелъ,—хотя и совѣстно мнѣ это (non sans rougir), что у насъ еще не положено ранга для литераторовъ; но я увѣренъ, что еслибъ мать моя была здѣсь, такъ титуловала-бы васъ высочествомъ".—Лагарпъ, не замѣтивъ, что всѣ присутствовавшіе лукаво улыбнулись, принялъ, говорятъ, отвѣтъ этотъ за чистую монету и остался доволенъ собой [2]).

---

[1]) Jean-le-Rond d'Alambert, знаменитый математикъ и философъ-энциклопедистъ, р. 15-го ноября 1717 г., ум. 29-го октября 1783 г.

[2]) Въ pendant къ этому анекдоту, приведемъ другой, также о пребываніи Павла въ Парижѣ, изъ «Correspondance littéraire et philosophique» de M. le baron Grimm:

....Архитекторъ Клериссо (Clerisseau) имѣлъ честь исполнять нѣкоторыя работы для ея величества императрицы россійской, и, на этомъ основаніи, вообразилъ, что путешествующій графъ Сѣверный не можетъ не принять его съ особеннымъ вниманіемъ. Приглашенный въ домъ г-жи да-ла-Рейньеръ (de la Reynière), вмѣстѣ съ другими артистами, которые участвовали въ отдѣлкѣ этого изящнаго дома, онъ встрѣтилъ тамъ графа Сѣвернаго и подошелъ къ нему съ слѣдующими словами: «Графъ! Я много разъ, но безуспѣшно, записывался въ вашей пріемной; потомъ снова являлся, чтобы имѣть честь васъ видѣть—и никогда не заставалъ васъ».

—«Весьма сожалѣю о томъ, господинъ Клериссо; надѣюсь, что вы не откажетесь вознаградить меня за это новымъ посѣщеніемъ».—Нѣтъ, графъ, вы не приняли меня потому, что не хотѣли принять, и это весьма нехорошо съ вашей стороны: я напишу объ этомъ матушкѣ вашей».—«Прошу васъ, г. Клериссо, извинить меня; повѣрьте, я чувствую, какъ много потерялъ въ этомъ случаѣ».....—Напрасно старались образумить расходившагося артиста; хозяева дома (т. е. г-нъ и г-жа де-ла-Рейньеръ) были въ ужаснѣйшемъ смущеніи,—но ничто не могло остановить чудака: кажется, онъ не переста̀лъ-бы ворчать даже и тогда, если бы его выгоняли вонъ. Это ужъ не первая ссора у г. Клериссо съ царственными особами: подобную-же и ничуть не уступающую этой сцену онъ имѣлъ и съ императоромъ германскимъ (Іосифомъ II).

Гриммъ (Frédéric-Melchior baron de Grimm), извѣстный литераторъ-диллетантъ, другъ французскихъ философовъ-энциклопедистовъ и корреспон-

Небезъинтересный въ своемъ родѣ анекдотъ, который я могу передать говоря о Россіи, касается одного историческаго сочиненія,—совершенно особенной формы. Одинъ русскій баринъ, выѣзжая изъ своего отечества, получилъ рукопись этого сочиненія, подъ клятвой не иначе показывать его, какъ съ величайшею осторожностію, и отпечатать въ видѣ брелока (en breloque), въ пятидесяти только экземплярахъ, которые лично получить изъ типографіи, стараясь, чтобъ никто не могъ видѣть, достать или удержать у себя ни одного экземпляра. Господинъ, взявшій на себя это порученіе и усердно озабоченный точнымъ его выполненіемъ, затруднялся болѣе всего своимъ незнаніемъ подробностей типографскаго дѣла. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что я согласился-бы охотно замѣнить его въ этомъ случаѣ и сохранить тайну, почему и ввѣрилъ мнѣ драгоцѣнную рукопись, ему порученную. Я заказалъ исполнить это рѣдкое изданіе, со всевозможными предосторожностями, какихъ требовала тайна, и нѣсколько дней спустя вручилъ по принадлежности пятьдесятъ экземпляровъ, въ полной увѣренности, что никто не узналъ ихъ содержанія и что отпечатанъ одинъ только лишній экземпляръ, оставленный мною для себя, съ вѣдома и согласія моего именитаго (illustre) довѣрителя. Къ несчастію, я ввѣрилъ этотъ экземпляръ моей женѣ, а она, прицѣпивъ его къ своимъ часамъ, незамѣтно потеряла, потому что кольцо, на которомъ онъ былъ навѣшенъ, перетерлось и разошлось. Эта непоправимая случайность всегда возбуждала во мнѣ истинное сожалѣніе, какъ изъ-за особы автора, такъ и ради самаго содержанія этого небольшаго сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ его былъ человѣкъ высоко-поставленный, содержаніе же сочиненія, озаглавленнаго „Исторіею императоровъ римскихъ“, все сводилось къ слѣдующимъ замѣткамъ, изложеннымъ почти въ одной фразѣ: „такой-то былъ умерщвленъ такимъ-то, котораго другой такой-то убилъ въ свою очередь“. Этотъ перечень убійствъ, совершенныхъ съ цѣлію овладѣнія императорскимъ престоломъ и чередующихся непрерывною и однообразною цѣпью одинаковыхъ преступленій,—представляется, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, сочиненіемъ самымъ удивительнымъ и смѣлымъ, а притомъ и самымъ краткимъ, какое только можно придумать.

Изъ числа замѣчательныхъ личностей русскаго происхожденія, я хорошо зналъ графа Головкина и близкую родственницу его, гра-

---

дентъ Екатерины II-й, родился въ Регенсбургѣ 29-го декабря 1723 г., умеръ въ Готѣ 19-го декабря 1807 г., въ чинѣ статскаго совѣтника русской службы, бывъ въ 1795 г. полномочнымъ министромъ Россіи при Нижне-Саксонскомъ округѣ. Бо́льшую часть жизни онъ провелъ въ Парижѣ.

финю фонъ-Камеке (Kameke). Начну съ объясненія родственныхъ отношеній обѣихъ этихъ фамилій.

Прусскій дворянинъ фонъ-Камеке, въ молодыхъ лѣтахъ, служилъ офицеромъ корпуса жандармовъ; получивъ отпускъ на заграничную поѣздку, онъ отправился въ Голландію и тамъ страстно влюбился въ графиню Головкину, мать которой была рожденная графиня Дона (d'Ohna),—отрасль одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Пруссіи,—а отецъ былъ русскимъ посланникомъ въ Гагѣ, гдѣ въ послѣдствіи умеръ [1]). Этотъ графъ Головкинъ былъ прежде чрезвычайнымъ посломъ Россіи на Суассонскомъ конгрессѣ [2]); при немъ находилась и его дочь, тогда лѣтъ девяти или десяти отъ роду. Молодой фонъ-Камеке познакомился съ нею нѣсколько лѣтъ спустя, когда она была уже въ полномъ цвѣтѣ юности и красоты, и сталъ просить ея руки, на что посланникъ отвѣчалъ, что дочерей своихъ онъ выдастъ только за графовъ. Вслѣдствіе такого отвѣта, молодой офицеръ поспѣшилъ возвратиться въ свое отечество, гдѣ началъ просить себѣ и получилъ графскій титулъ, который дѣдъ его, любимецъ Фридриха Перваго, отказался принять по предложенію короля. Этотъ дѣдъ, владѣлецъ огромныхъ имѣній въ Вестфаліи, Помераніи и Бранденбургѣ, не захотѣлъ быть графомъ, сказавъ своему государю, что лучше предпочитаетъ остаться однимъ изъ первыхъ и родовитыхъ дворянъ своей провинціи, нежели сдѣлаться послѣднимъ графомъ въ государствѣ: но онъ поступилъ такъ оттого, что не былъ влюбленъ въ хорошенькую русскую графиню.

Внукъ его, добившись вожделѣннаго графскаго достоинства, вышелъ въ отставку изъ военной службы и, въ качествѣ богатѣйшаго дворянина въ краѣ, получилъ одну изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ коронныхъ должностей, подъ условіемъ только числиться въ ней, не занимаясь дѣ-

---

[1]) Графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, служилъ сперва посланникомъ при прусскомъ дворѣ, потомъ во Франціи, а съ августа 1731 года—въ Голландіи. Послѣ паденія брата своего, вице-канцлера, графа Михаила Гавриловича, при воцареніи императрицы Елисаветы Петровны, онъ остался навсегда въ Голландіи, утвердивъ въ своемъ семействѣ протестантское исповѣданіе. Умеръ въ Гагѣ 4-го ноября 1760 года. Отъ брака съ австрійскою (а не прусскою) графинею Екатериною Дона онъ имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ четверыхъ сыновей.

[2]) Въ 1728 году. На этомъ конгрессѣ графъ А. Г. Головкинъ находился въ качествѣ втораго полномочнаго министра. Дѣло шло о томъ, чтобы правительства, не соглашавшіяся давать русскимъ государямъ императорскій титулъ, признали его, и чтобы Шлезвигскія владѣнія были отданы обратно герцогу Голштинскому. Однако, Головкинъ не успѣлъ въ данномъ ему порученіи.

лами. Тогда-то, наконецъ, женился онъ на графинѣ Головкиной, женщинѣ рѣдкихъ качествъ, со всѣми правами на счастіе, котораго она вполнѣ заслуживала, но не нашла въ своемъ супружествѣ. Ея мужъ оказался человѣкомъ пустымъ, тщеславнымъ, съ большими претензіями и безъ всякихъ нравственныхъ правилъ. Онъ мало того, что завелъ любовницъ, да еще требовалъ, чтобъ жена его принимала къ себѣ одну изъ нихъ. Та, разумѣется, отказала въ этомъ, съ негодованіемъ и на отрѣзъ: тутъ между супругами произошелъ открытый разрывъ. Спустя долгое время, при празднованіи свадьбы королевскаго племянника съ его кузиной, принцессой брауншвейгской, Камеке,—конечно, изъ гордости, а не изъ раскаянія,—прислалъ къ подъѣзду своей жены, готовившейся ѣхать въ Шарлоттенбургъ на свадебное торжество, великолѣпную карету, запряженную шестернею отличнѣйшихъ лошадей; но графиня рѣшительно отказалась ѣхать въ этомъ экипажѣ, высказавъ, что игрушки мелочнаго тщеславія не могутъ служить ни замѣною добрыхъ чувствъ, ни удовлетвореніемъ за предосудительные поступки. Съ тѣхъ поръ графъ предался пьянству до конечнаго разстройства здоровья; онъ поѣхалъ лечиться на воды, въ Батъ (Bath), и тамъ умеръ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и дочь. Послѣдняя вышла замужъ за графа Головкина, своего дядю, бывшаго офицеромъ французской службы и оберъ-шталмейстеромъ курфирста-палатина; по смерти ихъ, дѣтей не осталось.

У графини Камеке-Головкиной была сестра, въ замужствѣ за графомъ Шметтау,—почтенная женщина, образецъ нравственности и кротости; она оставила дочь, некрасивую собой, но за то надѣленную высокими душевными свойствами. Старшій братъ этихъ дамъ, графъ Головкинъ, другъ и почитатель Жанъ-Жака Руссо [1]), былъ одинъ изъ

[1]) Кстати о приверженцахъ и послѣдователяхъ женевскаго философа (р. 28-го іюня 1712 г., ум. 3-го іюля 1778 г.). Князь Долгорукій разсказывалъ мнѣ по этому поводу довольно занимательный анекдотъ: «Одинъ хорошій мой знакомый, отецъ семейства (говорилъ князь), имѣлъ шестерыхъ сыновей. Пришла пора начать воспитаніе самаго младшаго изъ нихъ; въ это время появился «Эмиль» Ж.-Ж. Руссо. Отецъ семейства разсудилъ, что ему лучшаго ничего не остается, какъ послѣдовать наставленіямъ этой книги. Когда воспитаніе окончилось, отецъ, въ отчаяніи, написалъ знаменитому автору, что, принявъ предложенный имъ методъ воспитанія, онъ только сдѣлалъ изъ своего младшаго сына какого-то урода (monstre); а Руссо отвѣчалъ ему, что, издавая свою книгу, онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что ее будутъ читать, но вовсе и не воображалъ, чтобы нашелся отецъ семейства, который руководствовался бы на практикѣ содержаніемъ этой книги».

Г. Вегелинъ (Wéguelin), мой собратъ по академіи, услышавъ отъ меня этотъ разсказъ князя, сказалъ, что Ж.-Ж. Руссо совершенно правъ въ данномъ случаѣ, ибо, взявшись писать о воспитаніи юношества, онъ, по необходимости, дол-

честнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей, какихъ я зналъ на своемъ вѣку. „Если есть на свѣтѣ человѣкъ—совершенство“,—говорила мнѣ графиня Камеке,—„такъ это мой старшій братъ“. Онъ былъ въ Берлинѣ директоромъ публичныхъ зрѣлищъ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ. Фридрихъ имѣлъ однажды разговоръ съ нимъ и остался такъ доволенъ этимъ собесѣдникомъ, что, пожелавъ удержать его при себѣ, предложилъ ему директорское мѣсто, въ ожиданіи первой возможности дать другое.

Графъ Головкинъ скоро увидѣлъ, что завѣдываніе театральною частію окружило его мелкими дрязгами, которыя утомили его до-нельзя и отвратили отъ этой должности. И такъ, несмотря на постоянно благосклонное вниманіе къ нему Фридриха, онъ не болѣе двухъ лѣтъ провелъ въ Берлинѣ и возвратился на житье въ Парижъ, единственно озабоченный воспитаніемъ своихъ дѣтей и занятый дѣятельною перепиской съ наслѣдникомъ всероссійскаго престола, великимъ княземъ Павломъ, въ теченіе многихъ лѣтъ. Она возникла по особенному желанію великаго князя, который хотя никогда не видѣлъ графа Головкина, но зналъ его по отличной репутаціи. Переписка эта, со стороны Головкина, имѣла направленіе болѣе философское и нравоучительное, нежели литературное или политическое.

Я имѣлъ вновь случай видѣться съ нимъ во время моего путешествія въ Парижъ, въ 1776—1777 гг.; онъ посѣтилъ меня вмѣстѣ съ своею дочерью,—которая являлась премилымъ молодымъ человѣкомъ съ утра до часу по-полудни и очень любезною дѣвицей съ этого часа до вечера. Она носила мужское платье съ утра до обѣда, а женское съ послѣобѣденной поры до вечера (!).

Графъ Головкинъ умеръ еще не пожилымъ человѣкомъ, въ Парижѣ, отъ подагры, которою страдалъ съ пятилѣтняго возраста. Чтобы предохранить своихъ дѣтей отъ этого жестокаго недуга, онъ пріучилъ ихъ съ самаго младенчества, ежедневно и тотчасъ послѣ пробужденія отъ

женъ былъ пропустить множество статей или вопросовъ, требующихъ обсужденія, такъ какъ въ сочиненіи своемъ онъ имѣлъ въ виду человѣка вообще, а не гражданина какой либо извѣстной страны, не подданнаго того или другаго государя и не послѣдователя той или другой вѣры. Затѣмъ, книга Руссо могла лишь излагать общія начала, нуждающіяся во многихъ дополненіяхъ и видоизмѣненіяхъ, для особаго примѣненія къ какой нибудь отдѣльной личности, изъ чего слѣдуетъ, что человѣкъ основательный можетъ видѣть въ «Эмилѣ» не болѣе, какъ общія формулы, удобныя для употребленія въ извѣстныхъ случаяхъ только съ помощію многихъ необходимыхъ приспособленій и послѣдовательныхъ передѣлокъ. Однимъ словомъ, — заключилъ онъ,—эта книга ни что иное, какъ основныя соображенія, которыя надо умѣть видоизмѣнять и разнообразить болѣе или менѣе, соотвѣтственно времени, мѣстности и личности.

сна, принимать холодную ванну, а питаться только молокомъ и овощами. Не знаю, помогло-ли имъ это средство избѣгнуть подагры, только могу утвердительно сказать, что мнѣ не случалось видѣть молодыхъ людей лучше и крѣпче ихъ сложенныхъ, или равныхъ имъ ловкостію во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Отецъ ихъ получилъ прозваніе философа-Головкина (Golowkin le philosophe). Однажды онъ мнѣ разсказывалъ, что, по окончаніи курса наукъ въ Голландіи, отдавая самому себѣ отчетъ въ пріобрѣтенныхъ свѣдѣніяхъ, онъ ужаснулся передъ внутреннимъ сознаніемъ, что ровно ничего не знаетъ, хотя, впрочемъ, въ продолженіе курса ученія, преподаватели были имъ довольны. „Вотъ,—говорилъ онъ тогда самому себѣ,—уже совсѣмъ прошло для меня время учиться, а я ничего не знаю! Кого же винить въ этомъ? Моихъ наставниковъ?—Нѣтъ: это были люди добросовѣстные, столь-же усердные къ дѣлу, какъ и свѣдущіе. Не падаетъ-ли вина на книги, по которымъ заставляли меня учиться? Но развѣ цѣлая Европа могла ошибаться въ ихъ выборѣ, въ теченіи столькихъ вѣковъ, и общимъ голосомъ предназначить для молодежи такія книги, которыя ничему ее не научатъ? Это опять-таки невозможно. Слѣдовательно, если я ничего не знаю, то собственно по своей винѣ: начнемъ же съизнова, чтобы поправить дѣло". Такимъ образомъ, безъ всякаго посторонняго пособія и содѣйствія, онъ возобновилъ всѣ свои уроки, одинъ-одинехонекъ запершись въ своей комнатѣ, занимаясь по нѣскольку часовъ въ сутки послѣдовательнымъ и урочнымъ изученіемъ книгъ, которыя проходилъ прежде, и обдумывая, такъ сказать, до малѣйшихъ частей всякій отдѣлъ уроковъ, насколько было въ его силахъ. Этотъ новый трудъ занялъ у него нѣсколько лѣтъ и доставилъ ему двойную выгоду, пріучивъ его къ усидчивой работѣ и размышленію. „Если я что нибудь знаю,—говорилъ онъ мнѣ,—то обязанъ этимъ именно моему вторичному курсу ученія, который, по крайней мѣрѣ, убѣдилъ меня, что мы знаемъ только то, чему сами собой учимся".

Графиня фонъ-Камеке умерла не очень давно; но, подъ конецъ своей долголѣтней жизни, она впала въ дѣтство отъ глубокой дряхлости.

Перев. и сообщ. Д. Д. Рябининъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ.

Очерки о музыкѣ въ письмахъ къ Дм. и В. В. Стасовымъ и М. П. Анастасьевой.

1853—1859 гг.[1]).

22-го октября 1853 года.

Матеріаловъ у меня для этого письма къ тебѣ накопилось даже больше, чѣмъ обыкновенно, такъ что я затрудняюсь немножко какъ бы все это размѣстить въ приличномъ порядкѣ (тебѣ извѣстно немножко педантское устройство моей полунѣмецкой головы). Но такъ какъ мы съ тобой безъ церемоніи, кажется, и въ письмахъ, говорятъ даже, образцы du style épistolaire—методу соблюдать вовсе и не слѣдуетъ; поступлю какъ поваръ Ноздрева: что попадется подъ руку—давай сюда! вкусъ какой-нибудь ужъ выйдетъ. Передо мною лежитъ, за полчаса назадъ конченное, благодарственное письмо къ Т. Ч. въ Одессу, и въ этомъ письмѣ есть такія слова: „Совершенно окончить партитуру въ Крыму не придется (что̀ весьма сожалительно отчасти: лучше бы явиться во-свояси съ совершенно готовымъ трудомъ). Боюсь пропустить много слишкомъ превосходнаго по части искусства, что̀ меня теперь громко, громче всѣхъ на свѣтѣ тромбоновъ, зоветъ въ Питеръ“. Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе предметовъ, тебѣ лучше меня извѣстныхъ и для Т. Ч., недавно побывавшей въ Парижѣ и пр., весьма понятныхъ (кромѣ IX-й симфоніи, отъ которой она слишкомъ далека по своей италіяноманіи и своему вердибѣсію). Изъ сего ты усмотрѣть изволишь: 1-е, что письмо „благодарственное“, значитъ Т. Ч. работу надъ моимъ либретто покончила (и очень успѣшно,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 145—158; 363—368; 513—530; 683—698. Томъ XIX стр. 101—112. Томъ XX, стр. 335—346.

какъ, я думаю, ты уже знаешь изъ нѣсколькихъ строчекъ въ предпослѣднемъ письмѣ къ мамѣ). Значитъ Жемчужникова нечего тревожить. То, что въ передѣлкахъ и добавленьицахъ Т. Ч. не по моему вкусу, самъ передѣлаю, tant bien que mal, и скорѣе „bien", потому что nolens volens мнѣ пришлось наметать руку и въ стиходѣланіи. Если не цѣликомъ, то значительную часть либретто и въ будущее время мнѣ всегда придется уладить самому отъ слова до слова—вотъ опять точка соприкосновенія съ Вагнеромъ. Притомъ же всѣ маленькіе недостатки въ текстѣ уже наполнены и въ музыкѣ. Въ послѣднее время, послѣ долгаго-долгаго застоя, засухи, безплодія, чортъ знаетъ чего, вдругъ какъ-будто плотина прорвалась и вышло много удачныхъ вещицъ и вещей (арія у пруда, дуетъ сватовства Головы, антрактъ передъ 2-мъ дѣйствіемъ и т. д.). Не забудь, что я и оркестровку веду почти параллельно съ сочиненіемъ, чтобы не накопилось слишкомъ много работы по инструментовкѣ за одинъ разъ, и я этого всегда буду избѣгать, потому что глаза-то вѣдь должны еще прослужить лѣтъ съ пятнадцать. Хотя я теперь и привыкъ писать партитуру, но всетаки иногда устаю отъ этого жестокаго количества матеріальной работы самаго письма нотъ! А Глинка-то навалялъ такія громадныя, пятиактныя оперы! (Въ „Русланѣ", кажется, гораздо больше 1,000 стр., а у меня будетъ только около 600). 2-е. Ты усмотришь, что я собираюсь къ вамъ не на шутку—и пора, кажется! Въ послѣднемъ письмѣ (отъ 29-го сентября) ты какъ нельзя осязательнѣе выставилъ мнѣ всю необходимость скораго возвращенія на сѣверъ. Если бы все отъ меня одного зависѣло, я поѣхалъ бы хоть завтра. Но надо же подумать, какъ устроиться въ Петербургѣ, т. е. не думать, собственно говоря (что думай, то хуже), а просто уладить такъ, чтобы въ рукахъ было то, что отворяетъ двери и въ театры, и въ концерты etc., etc..... Сколько мнѣ пріятно было читать многія вещи въ твоемъ письмѣ, сколько меня порадовало, что насъ по большей части рѣшительно одно и то же занимаетъ, что тебя, то меня, и vice versa, — столько же отчасти я тутъ же и досадовалъ, что ты какъ-будто крадешь у меня слова изо рту и мысли изъ головы. Только-что я хотѣлъ писать тебѣ про только-что прочитанный мною въ здѣшней севастопольской флотской библіотекѣ фельетонъ болтуна Жюль-Жанена въ „Débats" по случаю отъѣзда Рашели въ Россію и ангажемента въ полмилліона франковъ на одну зиму, какъ ты мнѣ сообщаешь извѣстіе, какъ у васъ ждутъ Рашель со дня на день и пр. Только-что я намѣревался сообщить тебѣ извѣстіе, полученное мною отъ пріятеля моего нѣмца, что въ Ригѣ даютъ оперы Вагнера и, вѣроятно, недурно,

потому что тамъ персоналъ и пѣвцовъ, и оркестра очень порядочный, ты пишешь мнѣ объ этомъ самомъ! У меня давно, еще лѣтомъ, гораздо прежде перваго твоего письма о „Lohengrin“, отмѣчено было купить этотъ Clavier-Auszug у Битнера, и достать „Tannhäuser'a“, да если можно и оркестръ пощупать, ты пишешь мнѣ объ этомъ же самомъ! Я какъ-то инстинктивно догадывался, что Вагнера оперы очень интересны и по музыкѣ. Мнѣ крайне жаль было, что лѣтомъ 1852 года, по случаю Парголова, и потомъ по случаю отъѣзда, мнѣ никакъ не удалось проиграть „Lohengrin'a“, котораго мнѣ Битнеръ даже самъ „всучалъ“. Если бы мы вмѣстѣ отправились въ Ригу въ будущемъ году! (до Ревеля на пароходѣ, театръ тамъ круглый годъ). И къ партитурамъ очень бы легко было подсунуться. Да, у меня еще мысль: если „Майскую ночь“ къ тому времени дадутъ въ Петербургѣ, и съ успѣхомъ, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ (что не затруднитъ никого), она пойдетъ и на рижскомъ театрѣ, а при сношеніяхъ съ директоромъ тамошней труппы, кромѣ пекуніи [1]), которая должна же идти своимъ порядкомъ, можно будетъ уладить такъ, что мы услышимъ любую изъ интересныхъ оперъ по нашему желанію. А какъ я желаю слышать музыку Вагнера и на фортепіано, и особенно въ оркестрѣ, на мѣстѣ (что́ совсѣмъ другое у всѣхъ, а у него тѣмъ болѣе)—этого тебѣ нечего разсказывать. Не даромъ же его и Брендель такъ высоко ставитъ. Съ одной стороны, Бренделю нельзя не вѣрить, а съ другой — живая повѣрка на тебѣ. Желаю теперь только одного, чтобъ Вагнеръ написалъ еще много, и не вздумалъ бы умереть въ самомъ разгарѣ генія, какъ многіе черезчуръ извѣстные художники. Нынче особенно точно мода какая-то у смерти нападать на поэтовъ и артистовъ въ цвѣтѣ лѣтъ (Шопенъ, Мендельсонъ и др.; у насъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Ставассеръ, Ѳедотовъ)...

Наконецъ—я продолжаю исчисленіе нашихъ столкновеній, наконецъ,—уже не знаю, повѣришь ли ты, а я не имѣю привычки прилыгать для красоты слога,—именно въ этотъ разъ я намѣревался говорить тебѣ, что постоянно, при сочиненіи оперы, расчитываю на голоса Булахова, Петрова и Латышевой. По случаю извѣстія о свадьбѣ Булахова съ Лавровой, у меня назначено было написать тебѣ іереміаду, что какъ жаль будетъ, если какъ-нибудь, по дипломатикѣ, въ угоду Булахову (чтобы онъ охотнѣе пѣлъ и старательнѣе игралъ), пришлось бы роль Ганночки отдать Лавровой вмѣсто Латышевой! Лаврова, не смотря на хорошенькую наружность, свѣжій,

[1]) Денегъ.

молодой и хорошій голосъ, мнѣ съ перваго раза не понравилась (я слышалъ ея дебюты еще въ Москвѣ). Она рѣшительная—деревяшка, и, кажется, всегда таковою останется. Притомъ же ея высокое, пискливенькое soprano-sfogato рѣшительно не въ характерѣ моей Гануси. Между тѣмъ, Латышева—чистѣйшій типическій mezzo-soprano (т. е. не то, чтобъ голосъ былъ до крайности чистъ и отличнаго качества, но объемъ его тотъ, и все свойство тембра, съ альтовыми грудными звуками);—на игру ея у меня расчета большаго не было,—да и роль совсѣмъ пассивно-лирическая, но сама наружность ея чрезвычайно кстати: она точно въ самомъ дѣлѣ казачка, и будетъ въ костюмѣ Ганночки—прелесть! Каково же мнѣ было прочитать отвѣтъ на это un peu anticipé — отвѣтъ съ натуры! Я и радовался крѣпко за игру Латышевой въ видахъ пользы „Майской ночи“, и досадовалъ-таки на тебя, зачѣмъ ты мнѣ не далъ высказаться въ свое время, рѣчь перебилъ! (что̀ даже—неучтиво, какъ говорятъ). Точно такъ о Петровѣ. Я хотѣлъ тебѣ писать, что для „Головы“ (точно какъ у Глинки для Сусанина) не найдется актера лучше Петрова, если бы „Майская ночь“ давалась десятки лѣтъ. Ты въ восторгѣ отъ Петрова въ роли „Клода-Фролло“ [1]), но вспомни, что всетаки это не натура, потому что роль — мелодраматическая, французски-преувеличенная; однимъ словомъ, не то, что̀ должно быть, какъ и вся опера „Эсмеральда“ не должна быть rerum in natura—это и у В. Гюго̀, и у пана Даргомыжскаго—Misgeburte [2]), дѣти авторскаго тщеславія и ложной себялюбящающей фантазіи; тутъ нѣтъ ничего здороваго ни въ закваскѣ, ни въ отдѣлкѣ; но ты не знаешь еще Петрова со стороны грубаго комизма (отчасти намеки на эту сторону есть въ роли Сусанина, но тамъ настоящаго элемента burlesque и grotesque и тѣни не могло быть, по серьезности сюжета). Я очень живо помню каждый жестъ Петрова въ дурацкой, но уморительно смѣшной роли мандарина Тсин-Синга въ „Бронзовомъ конѣ“. Соедини эту уморительную сторону (т. е. цѣлую половину роли Головы—чванство и волокитство стариковское) съ неменѣе комической стороной свирѣпаго гнѣва, чувства наполовину серьезнаго—какія тутъ будетъ Петровъ творить чудеса! Еще недавно, на-дняхъ, я написалъ (уже для оркестра) одну свирѣпую выходку для него (presto furioso), гдѣ онъ своимъ громовымъ голосомъ и своею игрою сдѣлаетъ изъ Головы настоящаго „Полифема“, одноглазаго Полифема, въ бѣшеномъ гнѣвѣ! Да! еслибъ все это такъ вышло! Еслибъ мнѣ дали этихъ трехъ,

---

[1]) Въ «Эсмеральдѣ» Даргомыжскаго. В.

[2]) Выкидыши.

да Артемовскаго для Калѣника, да для Маруси и Параски свѣженькихъ, не совсѣмъ плохихъ корифеекъ—лучшей обстановки я и желать не могу, ничего лучше этого на этотъ разъ и не требуется. А еще говорятъ съ презрѣніемъ объ русской оперной труппѣ! „Не для кого писать—не кому пѣть!“ Я же думаю такъ: если бы на русскую труппу обращали вниманіе свыше, если бы въ постановкѣ оперъ все соблюдалось какъ слѣдуетъ, если бы всегда, вездѣ и во всемъ замѣтно было разумное стараніе, разумный распорядокъ всего — пѣвцы-солисты возвысились бы сами въ своихъ глазахъ, получили бы aplomb, который много помогаетъ артистамъ италіанской и французской труппы, и — NB — очень многія оперы у насъ могли бы исполняться лучше, чѣмъ у италіанцевъ, потому что тамъ игра является par exception у самыхъ первѣйшихъ только — у насъ же играли бы всѣ, отъ примадонны до послѣдняго хориста. Такъ постоянно въ народной нѣмецкой оперѣ въ Германіи (когда играютъ „Фрейшюца“, „Фиделіо“, вѣроятно, вагнеровскія оперы), и такъ должно быть и будетъ современемъ и у насъ.

Если бы только для „Майской ночи“ захотѣли сдѣлать все такъ, какъ мнѣ надобно! А право, требованія мои самыя умѣренныя, и въ предѣлахъ всего, что̀ уже есть на лицо. Но много переговоровъ и съ декораторомъ, и съ режиссеромъ. Съ окончаніемъ и разученіемъ партитуры еще не все будетъ кончено. Двѣ сцены требуютъ тщательной, художнической постановки—сцена возни хлопцевъ подъ окномъ хаты Головы (и потомъ въ самомъ окнѣ и въ дверяхъ), разное паясничанье, котораго самый тусклый намекъ только въ текстѣ и въ музыкѣ. Все въ рукахъ режиссера. Другая сцена, конечно — сонъ. Чтобъ это былъ отнюдь не балетъ, но никакъ и не просто бѣготня и толкотня русалокъ (въ родѣ неопредѣленной кутерьмы въ польской сценѣ „Жизнь за Царя“, послѣ мазурки, послѣ прихода гонца).

Но довольно объ оперѣ. Таборовскій подтвердилъ бы всегдашнее свое замѣчаніе, что у меня есть краны, которые довольно опасно открывать. Только-что закрывъ одинъ — я открываю другой et vous tombez de Charibde en Scylla [1]) (какъ говорятъ парижскія гризетки): кранъ этотъ, ты догадываешься — Улыбышевъ и мои статьи вообще (я вѣдь композиторъ и рецензентъ, какъ меня титулуетъ Энгельгардтъ—гдѣ-то онъ? что̀ подѣлываетъ?).

Я пришелъ къ такому заключенію, что по русски писать серьезныхъ статей по части музыкальной критики почти не сто̀итъ — онѣ

[1]) И ты попадаешь изъ Харибды въ Сциллу.

не находятъ читателей—а балагурить, уснащать рѣчь бреднями, чепухой и враньемъ всякаго рода (что̀ на языкѣ Улыбышева, Ростислава и комп. называется фантазіей и игривостью слога)—на это все я не мастеръ. Такъ ка̀къ же быть! Впрочемъ, о семъ послѣднемъ предметѣ, сія будетъ не послѣдняя рѣчь. Даже для печати готовится кое-что касательно правды въ музыкѣ и въ музыкальной критикѣ.

Въ выходкѣ Улыбышева противъ меня ты нашелъ только ослячество умника, выжившаго изъ ума, а я же нахожу подлость въ основѣ этой выходки. Улыбышеву непонятно, ка́къ это кто-то осмѣливается открыто разбирать и бранить его книгу, хваленую и перехваленую во всей Европѣ! Съ высоты своего нижегородско-европейскаго величія онъ не принялъ моего вызова въ открытый бой, лицомъ къ лицу—перчатка моя такъ и осталась на аренѣ. Онъ вздумалъ, не удостоивъ моихъ писемъ (столько учтивыхъ еще!) ни однимъ словомъ, чтобъ унизить меня—показать публикѣ, что со мной не сто́итъ состязаться стараясь (очень неудачно, впрочемъ) набросить на меня тѣнь чего-то смѣшнаго, будто, т. е. я такъ неловокъ въ полемикѣ, что моя брань можетъ скорѣе быть растолкована косвенною похвалою и проч., и отнять у меня всѣ до малѣйшаго качества, необходимыя, по его мнѣнію, для музыкальнаго критика,—не касаясь между тѣмъ сущности моихъ статей ни однимъ словомъ. Не подлость-ли въ этомъ покушеніи? И потомъ, какъ ты замѣтилъ, непозволительно-дерзкое самохвальство и затрогиваніе неприкосновенныхъ для публики подробностей моей частной жизни. И вотъ первѣйшій (!?) въ Россіи музыкальный критикъ и цѣнитель искусства. Сто́итъ автора „Послѣдняго квартета Бетховена“. Всѣхъ бы ихъ никто и не тронулъ, пусть бы себѣ „ослячествовали“ въ покоѣ до дряхлыхъ лѣтъ, но какъ смѣть писать, проповѣдывать чепуху во всеуслышаніе!

Москва, 28-го января 1854 года.

Спѣшу сообщить мою радость, мое счастіе, упавшее на меня вдругъ, какъ будто съ неба. Теперь 4 часа съ половиною пополудни. Теперь я уже возвратился изъ театра (утренній спектакль, какъ всѣ прочіе Рашелевскіе, потому что Малый московскій театръ, нынче единственный въ городѣ, по вечерамъ занятъ русскими — кромѣ субботы). Теперь „Федра“ за мной и во мнѣ! Описывать тебѣ своихъ впечатлѣній я подробно не стану: ты живо представишь ихъ себѣ, очень хорошо зная и Рашель, и меня. При первомъ взглядѣ на эту чудесную женщину, я удивляюсь одному только — какъ смѣютъ находить, что

она будто бы нехороша собой?! По моему, она — красавица, это чистѣйшій типъ воплощенной геніальности, высшаго поэтическаго интеллекта со всею прелестью женственности. Это—муза, богиня драматическаго искусства. И странно! точно такою я себѣ ее представлялъ, хорошо припоминая очень вѣрное замѣчаніе флорентинца [1]), что брови, глаза и даже вся верхняя часть лица Рашели весьма похожи на лобъ, брови и глаза С. В. Кларкъ. Въ первыя минуты ея роли, мнѣ показалось, что это только улучшенная, идеализированная французская декламація, какую мы слышали отъ Вольнисъ и Плесси [2]) въ драмахъ. Но нельзя же безъ этого: это уже принадлежность языка ихъ піесъ въ стихахъ, цементъ и грунтъ, на которомъ созидается роль. Нѣсколько минутъ спустя, электрическая геніальность и свобода художественная въ игрѣ Рашели проникла въ меня до самой глубины. Такой, еще неслыханной мною, непостижимо-совершенной игрѣ (вотъ-то объетивность!) откликнулись въ душѣ моей многія до сихъ поръ молчавшія струнки. Еще гораздо прежде извѣстія о пріѣздѣ Рашели, я говорилъ, что вторая моя опера будетъ непремѣнно сильно-патетическая. Мнѣ кажется, что въ паѳосѣ будетъ главный элементъ моей музыки. Сегодня я внутренно еще больше въ этомъ убѣдился—убѣдился, что совладаю съ какимъ бы то ни было трагическимъ сюжетомъ и incessamment [3]) примусь за дѣло (есть и сюжетецъ въ виду) — благо „Майская ночь" въ этомъ году непремѣнно будетъ же на сценѣ, а, между тѣмъ, теперь я проживу 20 дней въ Москвѣ, гдѣ подъ бокомъ мой либреттистъ Пр. Мих. Бакунина (весьма охотно принимающаяся за другую оперу для меня). Сегодня шла „Федра" во второй разъ (первый я пропустилъ, по неимѣнію возможности достать билетъ); завтра и послѣ завтра „Marie Stuart". Отъ сего дня до конца абонимента я буду видѣть Рашель каждый день къ ряду! Ка̀къ хватаетъ въ ней силъ столько играть и ка̀къ играть! Я думаю, что въ италіанцахъ, кромѣ Лаблаша, я теряю немного. Лаблашъ же, вѣроятно, будетъ на слѣдующій сезонъ, а вѣдь пропустить хоть одно изъ чудесъ Рашели сущій грѣхъ, когда уже я знаю, что̀ тутъ такое, какая тутъ красота и правда, сила, грація... Ну, довольно пока. Очень мнѣ жаль, что не услышу большей половины начальныхъ лекцій Куторги „О человѣкѣ". Мнѣ бы такъ хотѣлось и этимъ воспользоваться. Черезъ часъ буду смотрѣть одно

---

[1]) Флорентинцемъ называлъ А. Н. Сѣровъ меня, такъ какъ въ это время я жилъ во Флоренціи.

[2]) Актрисы петербургскаго французскаго театра. В. С.

[3]) Безъ отлагательства.

изъ первыхъ представленій новой комедіи Островскаго „Бѣдность не порокъ“.

Хорошъ ли Россиніевъ „Mosè“ на сценѣ? Не думаю; но музыка мѣстами, должно быть, знатная.

Москва. 4-го февраля 1854 г.

До сихъ поръ я видѣлъ уже четыре роли: „Федру“ (къ великому горю, только во 2-й абонементъ), „Марію Стюартъ“, „Polyeucte“ и „Adrienne Lecouvreur“. Изъ всѣхъ четырехъ для меня безъ сравненія выше—„Федра“! Такая красота, ни съ чѣмъ несравнимая! Такая страсть, прожигающая насквозь и ее и зрителя! Затѣмъ, конечно „Pauline“! Какъ она изумительно схватила типъ первобытной христіанки—этотъ святой восторгъ въ послѣднемъ актѣ! Я, впрочемъ, именно этого и ожидалъ (особенно познакомившись уже съ ея игрою въ „Федрѣ“ и особенно въ „Маріи Стюартъ“—гдѣ она тоже христіанка-католичка въ самомъ полнѣйшемъ типѣ). Въ „Adrienne“ явились совсѣмъ новые элементы ея игры, ея страшнаго таланта, но—для меня, по крайней мѣрѣ,—эта роль уступаетъ въ ея цѣломъ—роли „Маріи Стюартъ“, ужъ и не сравнивая съ „Pauline“ и съ „Федрой“! Гораздо прежде, чѣмъ я узналъ твое мнѣніе, твою классификацію ея ролей, тотчасъ вслѣдъ за „Marie Stuart“,—я говорилъ всѣмъ, проповѣдывалъ, что такъ называемыя „классическія“ роли больше по ней, хотя и въ другихъ, мѣстами, верхъ совершенства. Другая пара ролей („Pauline“ и „Adrienne“) еще больше утвердили меня въ такомъ убѣжденіи. Въ четвергъ, 28-го января, еще весь полный „Федрою“—удивительно страстный голосъ Рашели, въ этой роли полный какого-то мучительнаго томленія (cette langueur de la passion) еще такъ и звучалъ во мнѣ (да звучитъ и теперь какъ тогда!)—я провелъ чудесный вечеръ въ русскомъ театрѣ. Давали „Бѣдность не порокъ“ Островскаго. Талантъ этого писателя тебѣ знакомъ довольно. Меня онъ восхищаетъ. Если не за цѣлое каждой піесы (особенно „Бѣдность“ немножко хромаетъ съ этой стороны), то за умнѣйшую мысль основную, и за мастерство языка, характеровъ и подробностей, я не призадумаюсь назвать Островскаго даже геніальнымъ. Мнѣ было очень пріятно видѣть его „en personne“ [1]): его вызывали „неистово“, и онъ кланялся публикѣ изъ директорской ложи. Онъ человѣкъ лѣтъ за тридцать, быть можетъ, постарше меня, довольно высокъ, бѣлокуръ, лицо—русское. (Есть бюсты его и Щепкина, работы Рамазанова—мастерскіе). Но еще

[1]) Лично.

лучше піесы самой (піесы, въ которой мѣстами я плакалъ отъ умиленія, что есть люди, которые такъ понимаютъ искусство и такъ творятъ, какъ слѣдуетъ),—лучше піесы, это Садовскій. „Бѣдность не порокъ", безъ сомнѣнія, будетъ и на петербургской сценѣ, но „Садовскаго" тамъ не будетъ! И все будетъ далеко не то! Я безъ запинки скажу прямо, что въ Садовскомъ таланту несравненно больше чѣмъ въ самомъ Щепкинѣ. Въ Щепкинѣ есть много школы, рутины—и слѣдовательно (особенно теперь—онъ просто устарѣлъ), больше или меньше—наростовъ. Въ Садовскомъ—природный даръ, развитый кѣмъ и на комъ? на Гоголѣ и Островскомъ (мимо Мольеровъ и всего старья, больше или меньше условнаго). Въ Садовскомъ вездѣ натура, правда въ настоящемъ художественномъ осуществленіи. Чтòбы я далъ, чтобъ послушать, какъ Садовскій читаетъ „нашего" Гоголя! Я воображаю, чтò это такое! И роль Садовскаго въ послѣдней піесѣ Островскаго прелесть и великолѣпіе! Не думаю, чтобъ даже Мартыновъ могъ такъ создать эту роль. (Да она же немножко и не въ его родѣ). Есть еще въ этой піесѣ роль бѣдняка-прикащика, Гриши—поэта въ душѣ (à la Кницовъ, разумѣется) и смертельно влюбленнаго въ Любовь Гордѣевну (невѣсту фабриканта): сцена любви между ними прелесть и совершенная—натура! Роль Гриши превосходно исполнилъ Самаринъ. Ее—Воронова; Читау будетъ лучше. Вообрази, что весь этотъ народъ артистовъ и артистокъ—мои сосѣди по галлереѣ! А кому бы надобно было сидѣть въ самыхъ лучшихъ креслахъ, такъ это именно намъ грѣшнымъ, вмѣсто этихъ баръ и баричей съ перламутровыми биноклями. Много они смыслятъ!

А. Н. Сѣровъ къ В. В. Стасову.

1857 годъ. Февраль.

На счетъ Глинкинскаго концерта [1]), я нахожу, что ты еще мало сказалъ [2]) противъ всеобщей подлости и равнодушія къ такого рода дѣламъ.

Неужели это вездѣ такъ, или только въ нашемъ благословенномъ отечествѣ?

Все, что я узналъ на вечерѣ у Шиловской, въ воскресенье, и вчера, у Леонида (Львова), превышаетъ всякую мѣру гадости.

[1]) Концертъ, данный въ память Глинки вскорѣ послѣ его смерти филармоническимъ обществомъ; въ составленіи его программы и вообще въ его устройствѣ мы оба съ А. Н. Сѣровымъ участвовали.

[2]) Въ печатной статьѣ. В. С.

1) Шиловская отказывается пѣть, безъ малѣйшаго настоящаго резона, а между тѣмъ я знаю, что она чрезвычайно любитъ музыку Глинки. Вотъ поди-же!

2) Директоры филармоническаго общества стараются, чтобъ не было военнаго оркестра, чтобъ меньше платить.

3) Въ нотной конторѣ не только-что не существуетъ партій военной музыки для Руслана, но и партитуры военнаго оркестра, чудесно арранжированныя Ралемъ, при личномъ сношеніи съ Глинкой, тоже потеряны.

Партіи бы можно было переписать, вотъ и все—а теперь надо вновь оркестровать—кто и когда это сдѣлаетъ!!

Чтобъ хорошенько разъяснить тебѣ дѣло, я приведу тебѣ на память, что въ обѣихъ операхъ Глинки военный оркестръ писанъ въ двѣ строчки (какъ будто для фортепіано). Разложить эти двѣ строчки (въ каждомъ №, гдѣ участвуетъ военная музыка) на военный оркестръ—вовсе не бездѣлица: это составляетъ особенныя партитуры въ 30 строчекъ. Раль понималъ это дѣло мастерски, какъ мнѣ разсказывалъ К. Лядовъ и Петровъ, бывшіе свидѣтелями этихъ работъ; даже на афишкѣ того времени, по желанію Глинки, выставлялось: „военная музыка арранжирована барономъ Ралемъ“—это я самъ помню и помню тоже, что никто изъ публики не понималъ, что̀ такое значитъ „арранжировка другимъ, когда музыка Глинки“. И надо же было потерять эти партитуры!

Теперь К. Лядовъ можетъ „отчасти“ наизусть написать на военный оркестръ, потому что „помнитъ“ Ралевскія партитуры. Можетъ тоже сдѣлать это Чапіевскій—но... время?! Между тѣмъ нельзя играть, безъ этого условія, ни интродукціи, ни марша и Лезгинки.

Ферреро притомъ увѣряетъ по опыту, что Лезгинка не пойдетъ сколько нибудь гладко безъ пяти репетицій съ солдатами. Сдѣлаютъ ли это?!

Вотъ и концертъ, и обдуманная программа.

14-го іюля.

....Для меня два самыя большія чуда въ свѣтѣ: ..... и Лазаревъ. Тѣмъ все удается въ отношеніи ихъ публичныхъ намѣреній, не смотря на то, что они въ финансовомъ отношеніи такіе же голяки, какъ и я. Каковъ успѣхъ—это дѣло другое.

Еще скажу, вообще, какъ подумаю — скверно! На плечахъ малому 40 лѣтъ (шутка!!), а что̀ сдѣлано? Неужели только и будетъ, что арранжировки да статеишки въ журналахъ!? А приходится рукой махнуть, потому что, не въ примѣръ прежняго, я самъ начинаю терять вѣру во что-нибудь лучшее.

А. Н. Сѣровъ къ Марьѣ Павловнѣ Анастасьевой.

7/19 апрѣля 1859 г.

. . . Обстоятельства мои отвратительны! Съ половины курса (съ 9-й лекціи) слушателей только 40 человѣкъ! дохода ни гроша; я статьями плачу за лампы на лекціяхъ! Вотъ Петербургъ!

У меня буквально по цѣлымъ недѣлямъ трехъ копѣекъ не случается. На извозчика беру иногда взаймы!

Погода и все вообще—такое мерзопакостіе, что разсказать нѣтъ никакой возможности. Надъ моимъ письменнымъ столомъ есть въ потолкѣ крючокъ, на которомъ у папы висѣла лампа. На этотъ крюкъ я иногда поглядываю съ любовью, выбирая только какой покрѣпче платокъ изъ числа моихъ красныхъ галстуховъ. Не шутя—иногда приходится хоть въ петлю.

Листъ что-то не пишетъ, а отъ его письма зависѣть будетъ мой отъѣздъ за границу. И если ужъ удастся уѣхать въ концѣ мая—кончено, рѣшено: Россія меня долго не увидитъ. Я улепетываю, чтобы, выйдя въ отставку, жить въ Германіи „корреспондентомъ русскихъ журналовъ“ т. е., какъ и теперь, жить литературными трудами, но жить одному, не имѣя никого на плечахъ, жить не въ анаѳемскомъ Петербургѣ, гдѣ со стороны серьезной любви къ искусству ничего никто знать не хочетъ. Въ Германіи я не пропаду ни въ какомъ случаѣ. Большія критическія работы русскія я буду и тамъ продолжать еще лучше нежели въ Озерномъ переулкѣ, а между тѣмъ буду больше и больше извѣстенъ въ журналахъ французскихъ и нѣмецкихъ по своей спеціальности, гдѣ буду бороться съ первѣйшими, при всегдашней поддержкѣ Листомъ. На первый разъ—когда вырвусь изъ Петербурга—проведу нѣсколько времени въ Берлинѣ (или, быть можетъ, осенью нынѣшняго года, по окончаніи лейпцигскихъ и веймарскихъ праздниковъ, куда меня Листъ зоветъ, въ письмѣ къ Ленцу), у Маркса буду заниматься фугами и проч. для того, чтобъ получить въ Берлинскомъ университетѣ дипломъ доктора музыки. Съ такимъ дипломомъ когда нибудь открою опять курсъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, авось будетъ успѣхъ побольше нынѣшняго.

Все планы и проекты, проекты и планы (не говоря ужъ о музыкальныхъ фантазерствахъ),—безъ этого жить не могу.

Что „Lohengrin“ до такой степени мало тебѣ понравился – меня крѣпко огорчаетъ. По холодности твоей къ „Тангейзеру“, когда я тебѣ его игралъ, я могъ подозрѣвать, что ты Вагнеру не симпатизируешь сильно, однако, все вмѣстѣ, на сценѣ, съ драмой (и какой драмой!)

его музыка должна дѣйствовать неодолимо на всякую натуру, предрасположенную къ высшимъ музыкальнымъ красотамъ! Много тутъ горькаго и непонятнаго для меня. Съ своей стороны, я только и брежу Вагнеромъ. Его играю, изучаю, объ немъ читаю, пишу, говорю, проповѣдую. Я горжусь тѣмъ, что могу быть его апостоломъ въ Россіи и апостольство это будетъ сильнѣе, когда я буду кричать изъ-за моря. (Меня не любятъ здѣсь, но всетаки прислушиваются къ моимъ мыслямъ). Большая новость нашего театральнаго міра тебѣ, я думаю, извѣстна: умерла Бозіо, отъ огорченія въ Москвѣ и простуды дорогою. Ее провожали у насъ на кладбище 200,000 человѣкъ. О, мода!! Напиши мнѣ подробно какъ тебѣ понравится новая опера Мейербера: „Le pardon de Ploërmel". Сюжетъ, по мнѣ, хорошъ, и, вѣроятно, въ музыкѣ много прелестнаго.

А. Н. Сѣровъ.

Замѣтка о портретѣ В. А. Жуковскаго.

[Къ воспоминаніямъ Т. П. Пассекъ].

Помѣщика, которому принадлежалъ Шевченко, не только В. А. Жуковскій, но президентъ академіи художествъ А. Н. Оленинъ и министръ двора князь П. М. Волконскій не могли склонить къ освобожденію изъ крѣпостныхъ узъ поэта Шевченко, хотя въ бумагахъ своихъ объявляли крѣпостнику о желаніи Государя Императора.

Послѣ всего испытаннаго и испробованнаго, К. П. Брюлловъ ставитъ на мольбертъ холстъ и говоритъ В. А. Жуковскому: «Садись, я напишу твой портретъ,—разыграй его при дворѣ, собери по билетамъ 5,000 рублей (ассигнаціями) и отдай помѣщику, Шевченко будетъ свободенъ». При этомъ М. Юр. Віельгорскій (котораго Брюлловъ писалъ портретъ) одобрилъ предположеніе; сказано—сдѣлано, хотя не очень быстро. И вотъ, изъ-подъ кисти художника явился портретъ В. А. Жуковскаго, въ коричневомъ сюртукѣ; сходство, сочность кисти въ этомъ портретѣ вышли хорошо и лучше многихъ другихъ портретовъ этого художника. Какъ поступлено въ послѣдствіи съ этимъ портретомъ—не припомню, только знаю, что прежде чѣмъ портретъ былъ взятъ изъ мастерской, деньги были выданы отъ покойной императрицы Александры Ѳедоровны и Шевченко освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія.

Прежде взятія портрета, покойный М. Юр. Віельгорскій заказалъ мнѣ сдѣлать копію за 1,000 руб. ассигнаціями; копія была очень удачна и хороша, и вотъ, спустя годъ или больше послѣ того, я слышу—разыгрывается портретъ В. А. Жуковскаго въ домашнемъ кружкѣ; но былъ ли то оригиналъ или моя копія—того не знаю, и гдѣ эти портреты въ настоящее время—тоже нигдѣ не найду.

Сообщ. Н. Д. Быковъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Письмо князя Я. Ѳ. Долгорукаго—князю А. Д. Меншикову.

Свѣтлѣйшій князь, мой особливой благодѣтель! Въ прошломъ 715 году въ Санктъ-петербурхѣ въ военной канцеляріи явился Петръ Ниловъ, и объ отпускѣ своемъ изъ арміи изъ полку объявилъ указъ въ которомъ написанъ былъ капитаномъ-порутчикомъ, и вмѣсто порутчика по чищеному написано въ одномъ мѣстѣ имя, а въ другомъ прозвище ево. И во ономъ чищенье (и) въ военной канцеляріи онъ въ распросѣ своемъ запирался, а послѣ того на генералномъ смотрѣ оной Ниловъ принесъ вину, что онъ въ томъ указѣ чистилъ и чинъ переправливалъ самъ и въ томъ надъ онымъ Ниловымъ держанъ Криксърехтъ и на криксърехтѣ презесы и осесоры приговорили онаго Нилова, за вышеписанную ево вину написать въ солдаты до указу. И по Его Царскаго Величества указу велѣно у онаго Нилова отнявъ ево прежніе чины, написать въ солдаты въ армейской Новгородской полкъ, которой нынѣ обрѣтаетца на Котлинѣ Островѣ, и служить ему въ солдатехъ съ вышеписаннаго числа полгода, а потомъ написать ево въ прапорщики и быть тѣмъ чиномъ до тѣхъ мѣстъ, какъ другіе чины вновь службою получитъ. Того ради оной Ниловъ посланъ къ вашей свѣтлости при семъ письмѣ, изволишь учинить по указу Царскаго Величества. Вашей Свѣтлости доброжелательный, до услугъ готовый князь Іаковъ Долгорукой. 16 дня октября 1716 году.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ**.

Письмо русской помѣщицы за полтораста лѣтъ назадъ.

Изъ Щурова.—Іюля въ 7 день 1727 году.

Государь мой Михаила Ивановичъ здравствуй, а о себѣ доношу въ скорбяхъ своихъ и въ печаляхъ только живая, доношу милости твоей, какъ я послѣ смерти братца твоево, а своево мужа Гаврилы Васильевича, сидѣла въ Преображенскомъ приказе, и освобожена за скорбію, и въ то число тотъ часъ учинилъ надо мною зять мой Петръ Симеоновъ сынъ Чеплыгинъ, бутто я продала женѣ ево, а своей сестрѣ родной, Акулине свою деревню Щурова с людми и со крестьяня и землею, и бутто взела у сестры своей денехъ триста шестьдесятъ рублевъ, и я ей не продавала и денегъ небирывала, а кто у купчей, вместо меня, руку прикладывалъ, и кто свидетели были, того

я и знать не знаю и отъ кого Чеплыгинъ привезъ.... [1]) оказную грамоту, и я оспорила и оказывать не дала, и о всемъ о томъ известенъ Илия Мироновичъ Жемчужниковъ и нынѣ онъ Чеплыгинъ взятъ въ санктъпитербурхъ къ..... [2]) местерскимъ деломъ и я государь мой, Михаила Ивановичъ, доношу о себѣ пожалуи не покинь в семъ деле меня, памятуючи братца своево Гаврилу Васильевича, не даи завладеть Чеплыгину деревнею моеи, челомъ бью я тебѣ помятуючы твою къ себѣ милость. Изволь на меня взять крѣпость какую изволишь купчею или духовную, что учинила тебя всему своему движимому и недвижимому именью наслѣдникомъ; изволь государь самъ пріехать или кого прислать ко мне отписать какимъ образомъ за тобои укрепить написавъ начерне я рада все тебе отдать желаю.

А сему писму государь Михаила Іановичъ изволь мне верить и для увереиа вместо меня подписалъ попъ Никита отецъ мои духовнои села Кутукова; при семъ сноха твоя капитана Гавриловская жена Ворженскаго Лукерья Ульянова дочь кланиетца.

(На оборотѣ): Прп семъ писавы села Кутукова петъропавловскои попъ Никита по приказу дочери своеи духовнои Гликеріи Ульяновой Ворженскои сие писмо подписалъ своею рукою.

(На послѣдней стр. письма надпись): Благородному Господину Капитану и моему милостивому государю Михаиле Івановичу его милости Селиванову вручить въ Питербурхе.

Сообщ. Н. В. Губерти.

Георгій Дашковъ въ ссылкѣ на Каменномъ Островкѣ [3]).

Первый вице-президентъ синода при Екатеринѣ I и Петрѣ II, ростовскій архіепископъ Георгій, происходилъ изъ дворянской фамиліи Дашковыхъ. Какъ человѣкъ стараго русскаго образованія, онъ не могъ похвалиться ученостію, даже, по словамъ нѣкоторыхъ его современниковъ, не отличался любовію къ наукѣ; тѣмъ не менѣе, былъ однимъ изъ дѣятелей въ царствованіе Петра Великаго. Происхожденіе и умѣнье снискать расположеніе Меншикова дали ему возможность достигнуть высокаго духовнаго сана и имѣть одно время первенствующее вліяніе на духовныя дѣла въ Россіи. Его сближеніе съ Меншиковымъ началось по поводу возстанія стрѣльцовъ въ Астрахани въ 1706 г.: будучи въ то время строителемъ одного изъ тамошнихъ монастырей, Георгій много содѣйствовалъ прекращенію бунта, и

---

[1]) Неразобрано. Н. Г.

[2]) Невозможно разобрать.

[3]) Такъ мѣстно называется островокъ на Кубенскомъ озерѣ, гдѣ находится Спасо-Каменскій монастырь, основанный, въ началѣ XIII в., княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ, родоначальникомъ Бѣлозерскихъ князей. А. М.

такъ какъ бунтъ этотъ былъ направленъ преимущественно противъ Меншикова, то естественно, что такой поступокъ долженъ былъ обратить на него вниманіе вельможи. Въ томъ же 1706 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и вскорѣ назначенъ архимандритомъ Троицко-Сергіевой лавры; въ 1718 г. поставленъ епископомъ, а въ 1726 г. нареченъ архіепископомъ ростовскимъ и сдѣланъ вице-президентомъ синода. Во время могущества Меншикова при Петрѣ II, Георгій сталъ его правою рукою по духовнымъ дѣламъ: почти всѣ распоряженія Меншиковъ предварительно сообщалъ ему въ видѣ дружескихъ извѣстій, и затѣмъ уже Георгій облекалъ ихъ въ форму указовъ синоду. Это время было, конечно, верхомъ почестей и значенія для Дашкова. Когда Меншиковъ палъ и его замѣнили Долгорукіе, Георгій успѣлъ также войти къ нимъ въ милость и сохранить свой постъ, но гибель его была уже близка. Если онъ умѣлъ угодить вельможамъ-временщикамъ, то не умѣлъ или не хотѣлъ поладить со своимъ синодскимъ сотоварищемъ — знаменитымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и озлобилъ его своею заносчивостью. Съ воцареніемъ императрицы Анны, Ѳеофанъ, по своимъ отношеніямъ къ приближеннымъ государыни, сдѣлался гораздо вліятельнѣе Георгія и при удобномъ случаѣ не преминулъ его погубить. Случай былъ такого рода: воронежскій епископъ Левъ Юрловъ, не получивъ синодскаго указа, не отслужилъ своевременно молебна о восшествіи на престолъ новой императрицы; тамошній вице-губернаторъ Пашковъ, его личный врагъ, донесъ объ этомъ синоду. При докладѣ этого доноса въ присутствіи синода находились: Георгій, митрополитъ коломенскій, Игнатій Смола, оберъ-прокуроръ Баскаковъ и оберъ-секретарь Тишинъ. Въ виду враждебныхъ отношеній Пашкова и епископа Льва они постановили: «подождать другихъ извѣстій о поступкѣ епископа». Другихъ извѣстій между тѣмъ не было. Прошло четыре мѣсяца. Ѳеофанъ узналъ объ этомъ дѣлѣ и поднялъ его. Епископъ Левъ былъ лишенъ сана, наказанъ кнутомъ и посланъ въ архангельскій Крестный монастырь; Георгій Дашковъ и Игнатій Смола были также лишены сана за свое упущеніе; пострадали и остальные синодальные члены. Это было въ ноябрѣ 1730 г. Сначала Дашкова хотѣли послать въ харьковскій Преображенскій монастырь, но за тѣмъ, въ декабрѣ того же года, рѣшеніе это было измѣнено, и мѣстомъ заключенія его назначенъ Спасокаменскій монастырь.

Георгій Дашковъ былъ привезенъ въ Вологду въ январѣ 1731 г. Вологодскимъ епископомъ тогда былъ извѣстный ученый грекъ Аѳанасій Кондоиди[1]), выѣхавшій въ Россію вмѣстѣ съ молдавскимъ господаремъ Кантеміромъ. По натурѣ онъ былъ человѣкъ добрый и деликатный, зналъ объ интригѣ, погубившей Георгія, и не могъ внутренно считать себя соли-

[1]) Постриженъ въ монахи въ 1711 г., † 1737 г. А. М.

дарнымъ съ его врагами. Это ставило его въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, синодъ предписывалъ ему самый строгій надзоръ надъ ссыльнымъ, которому воспрещались всякія сношенія съ міромъ, да и въ монастырѣ онъ долженъ былъ находиться постоянно подъ стражей; съ другой, преосвященный Аѳанасій не могъ не чувствовать состраданія въ судьбѣ своего знаменитаго ссыльнаго, такъ жестоко и безвинно наказаннаго врагами. Вслѣдствіе этого синодъ заподозрилъ его въ благоволеніи къ изгнаннику и цѣлымъ рядомъ указовъ напоминалъ о неослабномъ надзорѣ, указывая въ то же время замѣченныя въ этомъ отношеніи упущенія. Эти-то указы, сохранившіеся въ мѣстной консисторіи, и даютъ возможность немного ознакомиться съ жизнію бывшаго архіепископа на Каменномъ Островкѣ. Вскорѣ по прибытіи въ Спасокаменный монастырь, Георгій принялъ схиму съ именемъ Гедеона; по распоряженію преосвященнаго Аѳанасія, къ нему были приставлены караульные: отставной лейбъ-гвардіи сержантъ Артемій Нечаевъ съ жившими на пропитаніи въ монастырѣ отставными солдатами; кромѣ того, при разжалованномъ архіепископѣ находились еще два собственные келейника; на содержаніе онъ получалъ по 2 р. 50 к. въ недѣлю. Между тѣмъ, въ Петербургѣ скоро узнали, что будто бы схимонахъ Гедеонъ содержится подъ слабымъ надзоромъ. Это было слѣдствіемъ новой интриги Ѳеофана Прокоповича, продолжавшаго преслѣдовать падшаго врага. По его порученію, синодскій оберъ-секретарь Дудинъ послалъ нарочнаго въ Вологду съ письмомъ къ архіерейскому секретарю, гдѣ онъ писалъ, что гонецъ посланъ за покупкою лошади и прилагается для этого 50 руб., а между тѣмъ, въ серединѣ письма помѣстилъ приписку, объяснявшую, что покупка лошади—одинъ видъ, что нужно совсѣмъ не то. «Попросись», сказано было тамъ, «у своего архіерея будто бы за покупкою лошади, поѣзжай и какъ бы ненарокомъ заверни въ Каменный монастырь и развѣдай всячески о Дашковѣ: живетъ ли онъ какъ монахъ, или поднимаетъ паки роги по прежнему злому обычаю гордости своей[1]); не пишетъ ли къ кому, не имѣетъ ли какихъ замашныхъ разговоровъ? Не дѣлаетъ ли ему архіерей какого послабленія? Ничего не опасайся, трудъ свой вѣрно въ увѣдомленіи покажи, за что подлинно оставленъ не будешь». Секретарь такъ и сдѣлалъ. Заѣхавъ какъ бы случайно въ Спасокаменскій монастырь, онъ разузналъ, во первыхъ, что братъ Дашкова, казанскій вице-губернаторъ, и сестры присылали ему съѣстные припасы и что самъ онъ покупалъ свѣжую рыбу; во вторыхъ, отправившись къ Дашкову, нашелъ, что онъ былъ не въ схимнической одеждѣ и благословилъ его, секретаря, когда онъ просилъ его о томъ для испытанія. Вслѣдствіе имяннаго указа, изъ Петербурга посланъ былъ новый караулъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантъ Полозовъ

[1]) Слова Ѳеофана Прокоповича. А. М.

съ тремя солдатами, и наряжено слѣдствіе, «какъ онъ, Гедеонъ, по привезеніи въ тотъ монастырь, жительство имѣлъ и имѣетъ, и не чинилъ ли и не чинитъ ли каковыхъ противныхъ св. правиламъ и ея императорскаго величества указамъ поступокъ, и кто ему имѣлись и имѣются въ томъ вспомощники?» По слѣдствію оказалось: 1) что Гедеонъ, находясь подъ карауломъ, свободно гулялъ по монастырю и по кельямъ; сердился если приходящіе въ монастырь не спрашивали у него благословенія и въ сердцахъ говорилъ «нѣкоторыя непотребныя рѣчи»; 2) что преосвященный Аѳанасій имѣлъ къ нему «нѣкоторыя склонности», а именно: по привозѣ Гедеона въ монастырь, не назначалъ караула болѣе недѣли; по назначеніи же караула дозволялъ сержанту Нечаеву и капралу Госвицкому мѣняться на караулѣ помѣсячно и затѣмъ обоихъ, безъ разрѣшенія синода, отставилъ отъ караула; послѣ того архимандритъ монастыря самъ назначилъ къ Гедеону въ караулъ отставнаго капрала Морозова, съ монастырскими служителями, безъ надлежащей инструкціи, вслѣдствіе чего «имѣлись въ то время къ тому Гедеону отъ разныхъ персонъ нѣкоторыя присылки съ ихъ людьми, которые и были къ нему допускаемы; такожъ и келейники его находились въ не малой свободности и изъ монастыря съѣзживали неоднократно по ярманкамъ и въ другія мѣста»; наконецъ, назначенные архимандритомъ караульные были смѣнены вологодскимъ преосвященнымъ, и Гедеонъ оставленъ только подъ надзоромъ монастырскихъ служителей, отчего «тому Гедеону и келейникамъ его въ содержаніи подъ карауломъ стало быть и пущее послабленіе и постороннимъ допускъ, ибо въ то время, пріѣзжая къ нему неоднократно, вологодскіе купецкіе люди имѣли съ нимъ торгъ, покупали отъ него изъ пожитковъ серебряную посуду и проч. и приносили ему гостинцы». По докладѣ этого дѣла на высочайшее утвержденіе, въ мартѣ 1733 г., изъ кабинета министровъ послѣдовало рѣшеніе. Преосвященному Аѳанасію [1]) за слабое смотрѣніе за Дашковымъ повелѣно сдѣлать выговоръ въ присутствіи синода и подтвердить, чтобы онъ впредь «отъ того Гедеона караульныхъ отнюдь никуда не отлучалъ и къ оному Гедеону монахамъ и другимъ постороннимъ, а также и тому Гедеону къ монахамъ и другимъ, ходить запретилъ и нигдѣ съ тутошними монахами и съ другими ни съ кѣмъ до разговоровъ того Гедеона допускать не велѣлъ».

Въ 1735 г. Дашковъ объявилъ своимъ караульнымъ, что «имѣетъ за собой государево дѣло», и хочетъ о томъ объявить губернатору или воеводѣ, или кто отъ нихъ присланъ будетъ повѣренный, а синоду и вологодскому епископу о томъ доносить онъ не можетъ, «для того, что за синодомъ и воло-

[1]) Онъ, по поводу раскрытыхъ слѣдствіемъ его упущеній, представилъ оправдательныя объясненія, которыя дѣйствительно доказываютъ, что, не желая дѣлать надзоръ надъ узникомъ стѣснительнымъ, онъ не старался однако умышленно ему мирволить,—но объясненія эти уважены не были. **А. М.**

годскимъ епископомъ имѣетъ не малое подозрѣніе». Объ этомъ было сообщено преосвященному Аѳанасію и онъ поспѣшилъ представить донесеніе синоду. Синодъ, указомъ отъ 2-го апрѣля 1735 г., строго отвѣчалъ ему, что онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ неосмотрительно, что ему прежде всего слѣдовало самому допросить схимонаха Гедеона при знатныхъ духовныхъ особахъ, что, поступая такъ, онъ навлекаетъ на себя подозрѣніе «въ страхѣ отъ Гедеона и Гедеоновыхъ благодѣтелей», и подробно предписывалъ — какъ долженъ быть произведенъ допросъ Дашкову. Неизвѣстно, что отвѣчалъ на этомъ допросѣ Гедеонъ; быть можетъ, онъ не пошелъ на допросъ, какъ это и предполагалъ синодъ, но караульные его и подъячіе, писавшіе показаніе съ ихъ словъ, были допрошены, разрознились въ рѣчахъ, сдѣлали даже нѣсколько ложныхъ показаній и подвергнуты наказанію. Такъ это дѣло и кончилось. Въ послѣдующее время синодъ еще до десяти разъ посылалъ указы преосвященному Аѳанасію, то объ освидѣтельствованіи и описаніи имущества Дашкова, то о доставленіи ежемѣсячныхъ о немъ рапортовъ, то о перемѣнѣ караульныхъ, о побѣгѣ, поимкѣ и наказаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и проч. Изъ всего этого ясно, что спасокаменскій узникъ возбуждалъ къ себѣ въ синодскихъ членахъ неослабный интересъ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ не любилъ забывать тѣхъ, которые когда либо осмѣливались поднимать противъ него «роги своея гордости», и что вообще положеніе его здѣсь было крайне тягостно.

Дашковъ прожилъ въ Спасокаменскомъ монастырѣ пять лѣтъ, т. е. до 1735 г. и въ этомъ году былъ переведенъ въ нерчинскій Успенскій монастырь [1]), вслѣдствіе опредѣленія кабинета министровъ: «Декабря 2-го числа 1735 г., господа министры да генералъ и кавалеръ Ушаковъ слушали взнесенное изъ тайной канцеляріи дѣло о содержащемся въ вологодской епархіи, въ Спасокаменномъ монастырѣ, арестантѣ, схимонахѣ Гедеонѣ Дашковѣ, и приговорили: онаго Дашкова за вины его, о чемъ явно по дѣлу, изъ Вологодской провинціи послать подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тобольскую губернскую канцелярію, а изъ той канцеляріи сослать его иркутской епархіи въ Успенскій нерчинскій монастырь, и въ томъ монастырѣ содержать его, Дашкова, до смерти его никуда неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему, кромѣ караульныхъ, другихъ никого; пищу и одежду давать ему противъ прочихъ того монастыря монаховъ; и буде, паче чаянія, впредь будетъ онъ, Дашковъ, сказывать за другими и за собою слово и дѣло, или объявлять станетъ какую важность, и въ томъ ему за подозрѣніемъ его не вѣрить, о чемъ и ему, Дашкову, при посылкѣ его изъ Вологодской провинціи, объявить съ запискою». Иркутскому епископу [2]), синодскимъ указомъ отъ 8-го апрѣля 1736 г., строго предписы-

[1]) 1000 верстъ отъ Иркутска.

[2]) Иннокентій Неруновичъ.

валось даже лично наблюдать, чтобы вышеприведенное опредѣленіе кабинетъ-министровъ было выполнено въ точности. Въ нерчинскомъ монастырѣ Дашковъ былъ порученъ непосредственному строгому надзору іеромонаха Боголѣпа; трое караульныхъ ни на шагъ не оставляли его и такъ бдительно наблюдали за нимъ, что даже по выносѣ просфоры въ церкви сначала разламывали ее и потомъ уже отдавали ему, опасаясь, чтобъ въ ней не была запечена какая либо бумага. Такъ томился онъ здѣсь три года и скончался 17-го апрѣля 1739 г. Оставшееся послѣ него скудное имущество [1]), по рѣшенію конторы тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, отъ 9-го января 1740 г., было раздѣлено между братіей монастыря, кромѣ св. иконъ, которыя велѣно отдать въ церковное достояніе.

По народному преданію тѣхъ мѣстъ, схимонахъ Гедеонъ былъ высокаго роста, но сгорбленъ отъ старости, глаза глубоко впали, волосы пожелтѣли, уста въ постоянномъ молчаніи... Своими руками посадилъ онъ въ монастырской оградѣ разросшійся теперь кустъ бузины, близъ котораго и покоятся его страдальческія кости.

Сообщ. **А. Мерцаловъ.**

Охранный листъ временъ Семилѣтней войны

— любопытенъ какъ документъ, напоминающій время, когда, волею императрицы Елисаветы Петровны, королевство Прусское было превращено въ генералъ-губернаторство Россійской имперіи, въ Кенигсбергѣ было русское управленіе и подданные Фридриха Великаго причислены были къ подданнымъ Россійской государыни.

«По указу Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской и проч. и проч. и проч.

«Салвогвардия (охранный листъ) данная на польское мѣстечко Центинъ (или Ценпинъ), которою под' жестокимъ штрафомъ запрещается всемъ воинскимъ служителямъ Россійской Императорской арміи вышняго и нижняго чина оному городу и всемъ живущимъ никакихъ обидъ и примѣтокъ не чинить и ничего безденежно не брать, равномѣрно и фуража от' сего мѣстечка не требовать, понеже при сем' мѣсте первой дивизіи командующей генералитетъ на кантониръ-квартирахъ стоять будетъ; чего ради для защищенія

[1]) Вотъ перечень имущества Дашкова: два сбраза въ серебряныхъ ризахъ; изъ книгъ: евангеліе, апостолъ, требникъ, два псалтыря; платье: 2 лисьи шубы,— одна крыта черной канфой, другая—баберекомъ, лазореваго цвѣта полукафтанье, бѣлья шуба, крытая камкой, 8 свитокъ бѣлыхъ, 1 черная, пуховая перина и двѣ подушки, два одѣяла, тазъ зеленой мѣди, ветхій пологъ и камчатный колпакъ. **А. М.**

капитанъ князь Баратовъ съ грусарскою командою на передъ туда отправленъ. Во свидѣтельство чего сия салвогвардия собственною моею рукою подписана и обыкновенною печатью утверждена при деревне Юрковой, октября 25 дня 1759 года. (Графская печать). На подлинникѣ подпись: графъ В. Ферморъ— Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Всемилостивѣйшей Государыни моей Генералъ Аншефъ, королевства прусскаго генералъ-губернаторъ, обоихъ россійскихъ орденовъ и Бѣлаго Орла кавалеръ.

Сообщ. **Платонъ Китицынъ.**

Приказы императора Павла I.

1798 г. Января 12-го. Повелѣно было за каждаго бѣжавшаго рекрута съ партіоннаго офицера вычитать двухнедѣльное жалованье.

Февраля 16-го. Л.-Гв. Коннаго полка штабъ-ротмистръ Бороздинъ сажается въ крѣпость на 6 недѣль, на хлѣбъ-на воду, за хвастовство, что онъ будетъ пожалованъ къ Его Императорскому Величеству во флигель-адъютанты.

1799 г. Января 14-го. Спрашивается штабъ-ротмистръ графъ Шуваловъ, желаетъ-ли онъ служить, ибо Его Императорское Величество можетъ обойтись и безъ него.

Ноября 9-го. Лейтнера полка прапорщикъ Ахматовъ, за прошеніе объ увольненіи отъ службы, не выслуживъ году въ офицерскомъ чинѣ, исключается изъ службы и отправляется въ Рижскую крѣпость на годъ.

Ноября 19-го. Подпоручикъ Крокъ за дурное поведеніе офицеровъ полка отсылается въ Шлиссельбургскую крѣпость.

1800 г. Г. генералъ-маіоръ Хитрово! Съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ Я изъ присланныхъ людей ввѣреннаго вамъ полка на укомплектованіе гвардіи, что въ полку вашемъ даете вы людямъ позитуру приличную болѣе для кулачнаго боя, нежели для службы, и во всемъ не сходственную съ данными наставленіями о выправкѣ людей въ изданномъ Мною уставѣ; за что дѣлаю вамъ выговоръ. «Къ замѣчанію всей арміи». 23-го марта.

Февраля 5-го. Л.-Гв. Преображенскаго полка порутчикъ Стремоуховъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ, за пропускъ чрезъ шлахбаумъ курьера, не донеся о томъ коменданту, и сажается въ крѣпость. Онаго-жъ полка порутчикъ Сокоревъ 2-й за картошную игру исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ и сажается въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Февраля 9-го. Его Императорское Величество, замѣчая по дѣлу гарнизоннаго Ретюмскаго полка о подпорутчикѣ Шилкинѣ, что коменданты вопреки всѣхъ установленій употребляютъ строевыхъ чиновъ въ казначеи, дѣлаетъ выговоръ на лицо умершаго генералъ-маіора Врангеля 2-го, въ примѣръ другимъ.

Февраля 24-го. Его Императорское Величество дѣлаетъ выговоръ генералъ-фельдмаршалу Салтыкову 2-му за незнаніе службы.

Марта 2-го. Шефъ Егарского полку генералъ-лейтенантъ Стояновъ за пьянство исключается изъ службы.

Марта 17-го. Гарнизоннаго графа Декастро-Лацерда полка капитанъ Поляковъ, за дерзкое прошеніе о произведеніи въ чинъ, исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ и сажается на хлѣбъ-на воду на шесть недѣль.

Марта 28-го. Генералу Л. . . . (?). Государь Императоръ, получивъ сего числа рапортъ вашъ, коимъ доносите, что вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, вамъ даннаго, все вами «выполнено» будетъ, указать соизволилъ: дать вамъ знать, что «выполняются» только тазы . . . . . а повелѣніе должно «исполнять».

(?) Полковнику Иванову. Государь Императоръ на донесеніе ваше отъ 28-го ноября, что ввѣреннаго вамъ полку подполковникъ Титовъ на маршѣ везъ съ собою женщину, указать соизволилъ: объявить вамъ «дурака» за то, что мѣшаетесь не въ свое дѣло.

Апрѣля 2-го. Генералъ-маіоръ Эмме отставляется отъ службы за незнаніе оной.

Апрѣля 17-го. Генералъ-адъютантъ князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій переименовывается по прежнему въ дѣйствительные камергеры двора Е. И. В—ва.

Апрѣля 23-го. Имѣющіяся при полкахъ или въ арсеналахъ, для сохраненія, старыя желтыя знамена [1]) по образцу, апробованному 1786 года, предписывается — всѣ сжечь.

Сообщ. **А. И. Савельевъ.**

Замѣтки по поводу „Хроники русскаго театра“.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я въ X-й кн. «Русской Старины» замѣтки Стараго Театрала о моей «Хроникѣ Петербургскихъ театровъ съ 1826 по 1855 г.». Я чувствительно благодаренъ ему за внимательное разсмотрѣніе моего труда и особенно за указаніе нѣкоторыхъ неточностей и ошибокъ. Многія изъ его замѣчаній совершенно вѣрны и я сочту долгомъ ими воспользоваться при второмъ изданіи своей книжки. Противу другихъ я позволю себѣ кое-что возразить или для полнаго своего оправданія, или для того, чтобы выставить обстоятельства, смягчающія мою вину.

1) Въ части 1-й, во вступленіи, стран. 5-я, переводъ «Андромахи» Расина приписанъ мною Гнѣдичу, а не гр. Д. Хвостову, какъ бы слѣдовало

[1]) Временъ князя Потемкина.

Очень ясно, что это произошло не по незнанію, а по оплошности, такъ какъ на той же страницѣ я привожу стихи изъ «Андромахи», означивъ притомъ, что переводъ гр. Д. Хвостова. Точно также, во 2-й части моей хроники (статистики) какъ въ репертуарахъ сезоновъ (напримѣръ, 1826—1827 гг.), такъ и въ алфавитѣ піесъ, и въ алфавитѣ авторовъ и переводчиковъ, значится, что «Андромаха» переведена гр. Д. Хвостовымъ.

2) Въ тѣхъ же алфавитахъ и въ репертуарахъ сезоновъ (напримѣръ, 1831—1832 гг.) показано мною, что комедія Мариво «Любовь и случай», переведена Д. Барковымъ, а не Катенинымъ. Не знаю, право, по какому случаю, на той же злосчастной 5-й страницѣ части 1-й, Катенинъ очутился вмѣсто Д. Баркова въ качествѣ переводчика «Les jeux de l'amour et du hasard».

3) О томъ, что А. М. Каратыгина играла въ 20-хъ годахъ въ Парижѣ Селимену въ «Мизантропѣ», я слышалъ нѣсколько разъ отъ театраловъ того времени, вслѣдствіе чего и упомянулъ о томъ въ томъ же вступленіи. Впрочемъ, фактъ этотъ могъ бы быть лучше всего удостовѣренъ или опровергнутъ самою Александрою Михайловною, которая, слава Богу! находится въ живыхъ.

4) Анекдотъ о глубокихъ реверансахъ Н. В. Самойловой передъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ помѣщенъ въ запискахъ Соловьева, бывшаго режиссера московской драматической труппы, и такъ какъ Н. В. Самойлова-Макшѣева никогда не опровергала печатно достовѣрности анекдота, то я и счелъ возможнымъ внести его въ свою хронику.

5) Другой закулисный анекдотъ, о томъ какъ Мартыновъ копировалъ покойнаго государя по приказанію Е. И. В-ва (стр. 121), былъ также нѣсколько разъ печатаемъ въ запискахъ старыхъ артистовъ и театраловъ, и, какъ никѣмъ не опровергнутый, былъ и мною повторенъ.

6) Въ отвѣтъ на замѣчаніе, что Максимовъ никогда не чередовался съ Григорьевымъ въ роли Чацкаго, могу смѣло удостовѣрить моего опонента, что въ началѣ 40-хъ годовъ я самъ видѣлъ Григорьева, исполняющаго эту роль.

Въ заключеніе я попрошу г. Стараго Театрала поспѣшить напечатаніемъ обѣщанныхъ имъ замѣтокъ о моихъ обозрѣніяхъ другихъ труппъ. Я вполнѣ увѣренъ, что и въ нихъ найдутся неточности. Не малое число ошибокъ происходитъ отчасти и отъ крайней трудности провѣрять собранные матеріалы. Театральныхъ афишъ за старое время достать невозможно, ихъ даже нѣтъ въ Императорской публичной библіотекѣ. Въ архивъ же театральной конторы, гдѣ, конечно, можно бы получить подробныя свѣдѣнія, простые смертные, а тѣмъ паче театральные хроникеры, доступа не имѣютъ. Пишущіе о военной части, о морской, о финансахъ, о юстиціи, и даже о дипломатическихъ дѣлахъ—гораздо счастливѣе. Для нихъ свободно открыты архивы этихъ вѣдомствъ.

А. Вольфъ.

Поджогъ сенатскаго зданія въ С.-Петербургѣ

1829 г.

Подъ такимъ заглавіемъ заведено было первымъ департаментомъ с.-петербургскаго надворнаго уголовнаго суда дѣло, въ свое время надѣлавшее довольно много шуму.

25-го февраля 1829 года, въ 9 часовъ утра, въ верхнемъ этажѣ сенатскаго зданія, въ сѣняхъ, раздѣлявшихъ помѣщенія 2-го и 3-го департаментовъ, показался дымъ, выходившій изъ-подъ парусины, которою накрытъ былъ стоявшій тутъ пожарный инструментъ. Первый бросившійся узнать о причинѣ дыма — сторожъ Бочкаревъ отдернулъ парусину и увидѣлъ подъ нею изъ толстой бумаги буракъ со вставленною въ него зажженою свѣчою. Едва онъ успѣлъ дотронуться до бурака, съ цѣлью снять его съ инструмента, какъ тотъ вспыхнулъ и обжегъ ему лицо. Суматоха поднялась страшная по всему зданію; тотчасъ доложили министру юстиціи, тотъ — государю. Въ тотъ же день послѣдовало высочайшее повелѣніе: «изслѣдовать о семъ лично оберъ-полиціймейстеру».

Оберъ-полиціймейстеромъ былъ тогда Шкуринъ. Дѣлая розыски и разспросы разнымъ служащимъ и живущимъ по дому и преимущественно между служащими во 2-мъ и 3-мъ департаментахъ, Шкуринъ не могъ ни указать виновнаго, ни даже заподозрить кого-либо, такъ какъ время поджога совпадало съ тѣмъ часомъ, когда служащіе начинали только-что собираться къ должности; многіе явились на службу тогда, когда все дѣло было уже кончено. При такихъ обстоятельствахъ, виновный могъ быть и не открытъ, тѣмъ болѣе, что, на спросъ Шкурина, онъ, какъ и прочіе его товарищи, отозвался совершеннымъ незнаніемъ происшествія. Однако, чѣмъ далѣе шло слѣдствіе, тѣмъ виновный болѣе и болѣе трусилъ, и тѣмъ выдалъ себя. Это былъ канцелярист 2-го департамента Михаилъ Егоровъ Шабунинъ. Видя, что дѣло приняло оборотъ не шуточный, онъ признался, что дѣло — его рукъ.

Шабунинъ разсказалъ слѣдователю, что буракъ онъ устроилъ дома; по приходѣ на службу, положилъ его подъ парусину на пожарный инструментъ и вставилъ зажженную свѣчку. Но вслѣдъ за тѣмъ у него явилось желаніе погасить свѣчку; когда же онъ поднялъ парусину, то оказалось, что буракъ очень ужъ затлѣлся и готовъ былъ вспыхнуть. Шабунинъ удалился во-время, потому что пришедшій на мѣсто вслѣдъ за нимъ сторожъ Бочкаревъ получилъ обжогъ лица.

«Я не имѣлъ при этомъ», говорилъ потомъ онъ оберъ-полиціймейстеру Шкурину, «никакого злоумышленія, а желалъ только разрывомъ бурака на-

пугать чиновниковъ; мнѣ хотѣлось также, чтобъ объ этомъ говорили какъ о необыкновенномъ происшествіи. Но когда я узналъ о случившемся несчастіи съ Бочкаревымъ и что происшествіе это принято за величайшее злоумышленіе, то пришелъ въ разстройство и изъ боязни положилъ не признаваться. Видя однако, что по несправедливымъ показаніямъ запутывается только дѣло, рѣшился открыть признаніе».

Слѣдствіе отъ оберъ-полиціймейстера поступило, какъ сказано, въ 1-й департаментъ надворнаго уголовнаго суда, а Шабунинъ—въ городскую тюрьму. Въ судѣ виновный дополнилъ первое свое показаніе слѣдующимъ:

«До означеннаго поступка моего я чувствовалъ въ себѣ сильную задумчивость, отъ которой доходилъ до того, что не могъ совершенно на вопросы отвѣчать».

Эту задумчивость подтвердилъ отецъ виновнаго — коллежскій ассесоръ Егоръ Шабунинъ, показывая, что сынъ его лѣтъ девять замѣченъ не въ полномъ умѣ, что произошло отъ испуга, когда, купаясь, тонулъ онъ въ рѣчкѣ.

Изъ надворнаго суда дѣло перешло въ уголовную палату, которая рѣшила его 10-го октября и представила въ сенатъ. Палата приняла во вниманіе положеніе мѣста, гдѣ былъ поставленъ и вспыхнулъ буракъ; по увѣдомленію слѣдователя, оно находилось между каменными капитальными стѣнами. О существѣ массы въ буракѣ, который палата отсылала въ лабораторію, о вредѣ, который могъ произойти отъ состава, инспекторъ мѣстныхъ арсеналовъ, генералъ-лейтенантъ Козенъ, сообщилъ, что отъ прикосновенія огня къ веществу хотя не можетъ послѣдовать взрыва строенія, но отъ яркаго пламени могла послѣдовать въ деревянномъ строеніи, въ особенности тѣсномъ, опасность, угрожающая пожаромъ.

Соображая всѣ обстоятельства дѣла съ случившимся происшествіемъ, палата пришла къ слѣдующему заключенію: «что нельзя ни мало признать Шабунина виновнымъ въ томъ, чтобы онъ въ составѣ бурака и въ самомъ употребленіи его дѣйствіемъ имѣлъ зловредное намѣреніе, потому что всякое въ томъ противное мнѣніе опровергается: во 1-хъ, составомъ бурака, который не могъ сдѣлать взрыва, и во 2-хъ, могъ бы только въ тѣсномъ деревянномъ строеніи произвести опасность пожара; но онъ положенъ между каменными капитальными стѣнами: слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ не было Шабунина злаго намѣренія; къ тому же и время положенія бурака употреблено утра десятый часъ, въ которое на злоумышленіе опасно было рѣшиться Шабунину. По этимъ причинамъ палата, признавая поступокъ его происшедшимъ изъ одной шалости, впрочемъ, крайне дерзкой по мѣсту, которое онъ избралъ на совершеніе его безъ должнаго уваженія, замѣнила ему, Шабунину, тюремное содержаніе въ наказаніе, и опредѣлила написать, его въ военную службу рядовымъ».

Сенатъ, по 5-му департаменту, далъ знать, 15-го января 1830 года

губернскому правленію и уголовной палатѣ объ утвержденіи имъ палатнаго рѣшенія и о приведеніи его въ исполненіе.

Такимъ образомъ, по опредѣленію правленія, новый Геростратъ, добивавшійся людскаго говора о своемъ поступкѣ, 22-го января 1830 года, былъ отправленъ въ рекрутское присутствіе для сдачи въ солдаты.

Сообщ. Г. И. Студенкинъ.

Книга, приписываемая Екатеринѣ II.

1783 г.

Въ моей библіотекѣ находится книга, по поводу которой Г. Н. Геннади дѣлаетъ запросъ библіофиламъ въ «Русской Старинѣ», томъ XX-й, стр. 349. Вотъ ея заглавіе и обзоръ содержанія:

Stiepan-Annibale d'Albanie, à Frédéric-Guillaume de Prusse. Epitre Pathétique, Philosophique, Historique, etc., ou L'Alcoran des Princes destinés au Trone, traduit de la dixième édition Italienne, par main de Maitre. — St.-Pétersbourg, De L'Imprimerie de l'Académie Impériale. — MDCCLXXXIII, т. е. 1783 г., а не 1793, какъ сказано въ запросѣ Г. Н. Геннади. Стр. 8+119, въ малую 8-ю долю.

Книжка эта отпечатана на скверньйшей бумагѣ. Въ началѣ ея посланіе принцу де-Линю (Prince de-Ligne). Посланіе и выдержки изъ предисловія занимаютъ 8 стр.; затѣмъ идетъ L'Alcoran des Princes, стр. 1—66; далѣе: La Solitude, épitre en style oriental, de Babylone de Spa, a Frédéric-Guillaume de Prusse, будто бы отпечатанная: «De L'Imprimerie de la Ville Impériale de Babylone, sur l'Euphrate, aux dépens des Prophètes Jérémie et Daniel, стр. 67—78; далѣе идутъ стихи — «poésies anacreontiques», мадригалы, сонеты, выдержки изъ письма къ Фридриху Вильгельму Прусскому «о клеветѣ и клеветникахъ» и опять мелкіе стишки, ничтожные по содержанію и плохіе по формѣ, стр. 79—119.

Ни шрифтъ, ни бумага ни мало не напоминаютъ академическія изданія временъ Екатерины II; содержаніе же книги совершенно ничтожно. Что касается выраженія «par main de maitre», то извѣстно, что оно обозначаетъ не всѣхъ державныхъ писателей Сѣвера, а обыкновенно одного только Фридриха Великаго. Можно, однако, предполагать, что это довольно безтолковое и безсвязное сочиненіе написано какихъ нибудь французомъ или италіянцемъ, проживавшимъ въ 1780-хъ годахъ въ Берлинѣ, и тамъ же,

въ Берлинѣ, напечатано. Во всякомъ случаѣ, приписывать эту книгу императрицѣ Екатеринѣ II, мнѣ кажется, нѣтъ никакого основанія; оно недостойно ея пера.

Объ Россіи въ этой книжкѣ нѣтъ ни слова.

А. Л.

ПОПРАВКИ И ОПЕЧАТКИ.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XX-й:

Стр. 305, строка 21 снизу напечатано: Граббе..... читай: Гриббе.
» 326 » (въ выноскѣ) 2 сверху » въ ногахъ..... » въ пахахъ.

На стр. 365, подъ изслѣдованіемъ А. Н. Попова объ «Отечественной войнѣ», сказано: «Окончаніе слѣдуетъ». Это указаніе ошибочно: собственно вся эпопея прогнанія русскимъ народомъ и войскомъ «великой арміи Наполеона» отъ Малоярославца до Березины—совершенно окончена, причемъ весьма подробно разсказана и переправа черезъ Березину. Такимъ образомъ, послѣдующія монографіи А. Н. Попова, весьма обязательно обѣщанныя имъ «Русской Старинѣ», составятъ совершенно особые труды; таковы: «Александръ I въ Вильнѣ, въ 1812 году» и друг.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

1814 г.

«РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1877 г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 7 НОЯБРЯ 1877 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВ. ГОСУДАР. БУМАГЪ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

1777—1825.

12-го декабря 1877-го года минетъ сто лѣтъ со дня рожденія императора Александра Павловича.—«Русская Старина», посвятившая въ своихъ девяносто шести книгахъ, до сихъ поръ вышедшихъ въ свѣтъ—съ 1870-го по 1877-й годъ включительно—множество страницъ изслѣдованіямъ различныхъ событій эпохи Александра I-го и ознакомя—въ цѣломъ рядѣ біографическихъ очерковъ и монографій—своихъ читателей съ тѣми или другими государственными и общественными дѣятелями того времени, считаетъ вполнѣ своевременнымъ, въ сжатомъ очеркѣ, обозрѣть главнѣйшія событія царствованія Александра I и указать на значеніе его царствованія въ исторіи нашего отечества. Вслѣдъ за тѣмъ помѣщаемъ обзоръ главнѣйшихъ записокъ, воспоминаній, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ нашемъ изданіи и посвященныхъ событіямъ и дѣятелямъ въ исторіи Россіи, въ періодъ съ 1801-го по 1825-й годъ. Ред.

I.

На императорѣ Александрѣ I—родившемся 12-го декабря 1777 года, питомцѣ и любимцѣ своей бабушки Екатерины Великой, отразились слѣды полученнаго имъ воспитанія. Провозглашенное въ прошломъ вѣкѣ уваженіе къ правамъ человѣка было усвоено имъ и, при мягкомъ отъ природы характерѣ, онъ былъ личностью вполнѣ сочувствовавшею этому ученію. Изящ-

ность тогдашняго французскаго воспитанія придавала его обращенію ту обворожительность, которою онъ могъ, когда желалъ, привлечь къ себѣ каждаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мечтательность, отсутствіе твердости воли и отчужденность, по воспитанію, отъ народа, а также вліяніе той среды, въ которой онъ выросъ и жилъ, не могли не отозваться на немъ и не зародить въ немъ недостатковъ, составлявшихъ въ послѣдствіи слабыя его стороны. Извѣданныя имъ пораженія и пріобрѣтенныя имъ побѣды, а также испытанныя имъ разочарованія въ томъ, о чемъ онъ съ такою пылкостію мечталъ во время своей юности, пресыщеніе тѣмъ величіемъ, какимъ онъ былъ окруженъ, исканія чего-то таинственнаго за предѣлами здѣшняго міра, наложили на него, въ послѣдніе годы его жизни, печать недовольства и какого-то тревожнаго состоянія духа. Не отличаясь твердостію воли, онъ легко подчинялся чужому вліянію. Въ молодые годы увлекали его пылкіе сверстники, желавшіе пересоздать въ Россіи все старое на новый ладъ. Въ зрѣлые годы недостаткомъ въ немъ твердости воспользовались по дѣламъ внутренняго управленія Аракчеевъ, а по внѣшней политикѣ Меттернихъ—лица, имена которыхъ и донынѣ звучатъ еще слишкомъ несочувственно.

О воспитаніи Александра было подробно сообщено въ нашемъ изданіи [1]); здѣсь же скажемъ только, что восемнадцатилѣтній великій князь, послѣ нѣжныхъ попеченій со стороны своей бабушки, перешелъ въ суровую военную школу отца. Наступило тяжелое для него время, имѣвшее, безъ всякаго сомнѣнія, сильное вліяніе на окончательное образованіе его характера, который вырабатывался теперь среди безпрестанныхъ раздраженій и занятій, несвойственныхъ его наклонностямъ. Въ это время Александръ сошелся съ Аракчеевымъ, придавшимъ въ послѣдствіи его царствованію мрачный оттѣнокъ.

При Екатеринѣ Александръ былъ изнѣженнымъ, свѣтскимъ юношей, при Павлѣ онъ долженъ былъ сдѣлаться неутомимымъ и ревностнымъ служакою. Въ это время онъ былъ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, шефомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и занималъ другія должности по военной части,

---

[1]) См. «Записки Лагарпа», «Русск. Стар.» 1870 г.; также статью «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», «Русск. Стар.» 1877 г. и проч.

обязывавшія его присутствовать постоянно на вахтъ-парадахъ, ученьяхъ, смотрахъ, разводахъ и маневрахъ. Отношенія его къ отцу были тяжелы до того, что иногда заставляли Александра впадать въ совершенное уныніе.

II.

Вступивъ, 12-го марта 1801 года, на престолъ и зная о томъ неудовольствіи, какое было возбуждено въ Россіи крутыми мѣрами императора Павла, Александръ принялъ противоположную систему дѣйствій. Онъ не только отмѣнилъ стѣсненія, тяготѣвшія въ предшествовавшее царствованіе надъ нѣкоторыми сословіями,—но не надъ народомъ вообще, такъ какъ Павелъ I оказывалъ народу свое особенное расположеніе—и даровалъ существенную льготу крѣпостнымъ крестьянамъ, опредѣливъ размѣръ барщины.

Александръ возвратилъ свободу многимъ ссыльнымъ и свое царское благоволеніе опальнымъ. Въ день его коронованія была учреждена «уголовная коммисія»; на обязанности ея было отыскать такихъ лицъ, «вины которыхъ были неумышленны и болѣе относились ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный вредъ государству наносящимъ».

Александръ возстановилъ во всей полнотѣ грамату, пожалованную Екатериною II русскому дворянству на право вольности и преимущества и измѣненную во многихъ статьяхъ императоромъ Павломъ. Онъ возстановилъ также во всемъ пространствѣ изданное Екатериною II «Городовое Положеніе», а также и законъ, избавлявшій отъ тѣлеснаго наказанія православныхъ священно-служителей.

Александръ I далъ также просторъ и умственному движенію въ Россіи, ослабивъ цензуру издаваемыхъ у насъ сочиненій, допустивъ опять привозъ иностранной печати и дозволивъ открыть частныя типографіи, запечатанныя по распоряженію Павла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ облегчилъ русскимъ подданнымъ выѣздъ за границу и пріѣздъ иностранцамъ въ Россію.

Слишкомъ тяжелая служба всѣхъ военныхъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ, значительно облегчилась со вступленіемъ на престолъ императора Александра. Теперь не такъ настой-

чиво стали требовать отъ нихъ прежней изнурительной фрунтовой выправки и истомлять солдатъ всѣми тонкостями военно-прусскихъ экзерцицій. Стѣснительное и неудобное прусское обмундированіе, а также пукли, косы и пудренье были отмѣнены въ русскомъ войскѣ. Учреждена была также военная коммисія какъ для разсмотрѣнія настоящаго положенія войскъ, такъ и для составленія предположеній о лучшемъ ихъ устройствѣ. Былъ также учрежденъ особый комитетъ для преобразованія флота.

Изъ общихъ мѣръ, доказывавшихъ мягкость новаго царствованія, была самою важною полная отмѣна тайной канцеляріи, уже уничтоженной однажды Петромъ III, возстановленной негласно Екатериною II, и существовавшей при Павлѣ подъ именемъ «тайной экспедиціи».

Облегчительными мѣрами экономическаго свойства были: отмѣна разныхъ повинностей и запретительныхъ правилъ, стѣснявшихъ сельскую промышленность, и предоставленіе купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ пріобрѣтать покупкою земли.

Изъ гуманныхъ распоряженій Александра, въ первый годъ его царствованія, заслуживаетъ особеннаго вниманія указъ объ отмѣнѣ пытокъ.

Внѣшняя политика Россіи съ воцареніемъ Александра I рѣзко измѣнилась. Онъ началъ съ того, что отказался отъ сана великаго магистра мальтійскаго ордена, такъ какъ дѣла этого отжившаго свое время духовно-воинственнаго братства впутывали Россію въ чуждые ей самой интересы. Передъ кончиной императора Павла готовились изъ-за Мальты разрывъ съ Англіею и сближеніе съ Франціею. Новый государь выразилъ безусловно миролюбивыя намѣренія, заключивъ, въ 1801 и 1802 годахъ, мирные договоры и съ Англіею и съ Франціею безъ особаго, однако, сближенія съ тою или другою.

Договоры эти доставили Россіи пять лѣтъ внѣшняго спокойствія и это мирное время было употреблено Александромъ для коренныхъ внутреннихъ преобразованій по всѣмъ почти отраслямъ государственнаго управленія.

Въ эту пору императоръ Александръ, воспитанникъ республиканца Лагарпа, окруженный молодыми сотрудниками, мечталъ о водвореніи въ Россіи тѣхъ правительственныхъ порядковъ, об-

разцы которыхъ были уже подготовлены на западѣ Европы. Для обсужденія вопросовъ первостепенной важности, былъ составленъ при особѣ государя и подъ его предсѣдательствомъ «неофиціальный комитетъ» изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ. Сенату были предоставлены обширныя права въ порядкѣ общаго управленія имперіею, а 8-го сентября 1802 г. были учреждены министерства, чѣмъ прежде всего старались установить точное распредѣленіе дѣлъ по мѣсту завѣдыванія ими. Для сужденія же о дѣлахъ, требующихъ общихъ соображеній, былъ учрежденъ комитетъ министровъ. Въ 1804 году была образована коммисія составленія законовъ; на нее возложено было начертаніе новыхъ учрежденій и уставовъ, соотвѣтствовавшихъ потребностямъ и духу времени.

На ряду со всѣми этими мѣрами, имѣвшими западно-европейскую либеральную окраску, явилась еще особая мѣра, показывавшая намѣреніе Александра сперва ослабить, а потомъ постепенно уничтожить въ Россіи крѣпостное право добровольными сдѣлками помѣщиковъ съ принадлежавшими имъ крестьянами. 20-го февраля 1803 года былъ изданъ указъ, разрѣшавшій всѣмъ помѣщикамъ, кто того пожелаетъ, увольнять своихъ крестьянъ на свободу какъ цѣлыми селеніями, такъ и отдѣльными семействами съ землею, заключая съ ними условія по обоюдному соглашенію. Изъ такихъ отпущенниковъ должно было возникнуть новое сельское сословіе «свободныхъ хлѣбопашцевъ»; но помѣщиковъ, пожелавшихъ вступить въ такія сдѣлки съ своими крѣпостными, почти вовсе не оказалось. Другая, несравненно болѣе существенная, мѣра для прекращенія дальнѣйшаго расширенія крѣпостнаго сословія была отмѣна пожалованія населенныхъ имѣній.

Прочіе классы населенія не были также забыты, такъ какъ были изданы особыя «положенія» о колонистахъ и евреяхъ.

Успѣхи народнаго образованія были, въ эту пору царствованія Александра, предметомъ его заботы. Произведены были существенныя реформы въ системѣ воспитанія и обученія, а для распространенія высшаго образованія были открыты университеты въ Харьковѣ и Казани и, кромѣ того, имѣлось въ виду учредить такого же рода заведенія въ Петербургѣ, Кіевѣ, Тобольскѣ и въ другихъ менѣе значительныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Устюгѣ-Великомъ. Военно-учебныя заведенія подверглись тоже преобразованію и для завѣдыванія ими былъ учрежденъ особый

совѣтъ, а для начальнаго воспитанія предположено было открывать губернскія военныя училища.

Отличительною чертою дѣйствій тогдашняго русскаго правительства явилась не бывавшая дотолѣ гласность. Правительство не только не старалось скрывать своихъ намѣреній, ни состояніе какъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій, такъ и вообще всего государства, но, напротивъ, озаботилось о томъ, чтобы всѣ относящіяся къ этому свѣдѣнія получали общественную гласность. Съ этою цѣлью министерство внутреннихъ дѣлъ начало, съ 1804 года, издавать «С.-Петербургскій Журналъ», въ которомъ печатались отчеты по всѣмъ частямъ управленія и сообщались разныя официальныя и официозныя свѣдѣнія.

Внѣшнія событія пріостановили начавшіяся преобразованія. Къ 1805 году господство Франціи, въ лицѣ избраннаго ею императора Наполеона I, распространилось почти надъ всей западной Европой и грозило дальнѣйшимъ расширеніемъ на востокъ.

Въ виду этой опасности, Александръ въ томъ же году заключилъ союзъ съ Англіею, къ которому предполагалось привлечь Австрію, Пруссію и Швецію, съ тѣмъ, чтобы силою оружія заставить Францію войти въ тѣ границы, какія были у нея до революціонныхъ ея войнъ. Намѣренію этому не суждено было, однако, осуществиться, такъ какъ русская армія, въ союзѣ съ австрійской, потерпѣла, 20-го ноября (2-го декабря) 1806 года, жестокое пораженіе при Аустерлицѣ.

Вторая война, предпринятая Александромъ противъ Франціи въ союзѣ съ Пруссіею, была также неудачна. Французы разбили на голову прусско-русскую армію подъ Фридландомъ и послѣдствіемъ этого разгрома былъ Тильзитскій миръ, подписанный 25-го іюня (7-го іюля) 1807 года.

Послѣ свиданія съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, Александръ перешелъ на сторону императора французовъ, который изъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, составилъ герцогство Варшавское, а одну изъ областей, Бѣлостокскую, предоставилъ Россіи. Тогда Александръ взялъ на себя посредничество для примиренія Англіи съ Франціею, съ тѣмъ условіемъ, что если Англія отвергнетъ сдѣланныя ей мирныя предложенія, то Россія обязана будетъ соединиться противъ нея съ Франціею и ввести у себя

въ подрывъ англійской торговлѣ, придуманную Наполеономъ и такъ называемую «континентальную блокаду».

Тильзитскій миръ, по желанію Наполеона, прекратилъ также и начатую Александромъ войну съ Турціей, сопровождавшуюся блестящими побѣдами русскихъ и въ Европѣ и въ Азіи. Но за то, согласно тайному договору Александра съ Наполеономъ, Россія, 25-го октября 1807 г., объявила войну Англіи, а вражда короля Густава IV къ Франціи вынудила Александра, 16-го марта 1808 года, сдѣлать то же самое и въ отношеніи Швеціи. Вообще можно сказать, что въ это время внѣшняя политика императора Александра I утратила всякую самостоятельность и Россія сдѣлалась какъ бы военною подручницею Наполеона.

Свиданіе Александра съ Наполеономъ, происходившее въ 1808 году въ Эрфуртѣ, еще болѣе сблизило обоихъ государей и Наполеонъ предоставилъ Александру полную свободу по дѣламъ съ Турціею. Война же съ Швеціею была окончена Фридрихсгамскимъ миромъ, въ силу котораго великое княжество Финляндское, какъ конституціонное государство, было присоединено, 15-го (27-го) марта 1809 года, къ русской имперіи.

Въ то время, когда совершались эти внѣшнія событія, изъ среды лицъ, приближенныхъ къ императору Александру, особенно выдвинулся впередъ статсъ-секретарь Сперанскій, который смѣлою, хотя и не всегда умѣлою рукою продолжалъ во внутреннемъ строѣ государства преобразованія, начатыя въ первые годы царствованія Александра. По проектамъ Сперанскаго была усилена степень образованности среди гражданскихъ чиновниковъ установленіемъ научныхъ для нихъ испытаній при полученіи чиновъ VIII-го—V-го классовъ; была уничтожена привиллегія лицъ, отличаемыхъ почетными придворными званіями—получать вмѣстѣ съ ними и чины, присвоенные только дѣйствительной службѣ. Сперанскій составилъ также и обнародованное 1-го января 1810 г. положеніе о Государственномъ Совѣтѣ. Въ этомъ новомъ учрежденіи должны были составляться соображенія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, требующимъ законодательныхъ мѣръ. Учреждена также была коммисія прошеній и государственная канцелярія, а 25-го іюля 1810 года послѣдовала новая организація министерствъ, съ присоединеніемъ къ существовавшему уже ихъ числу еще министерства полиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ на пра-

вахъ министерства было также учреждено главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ, контролю котораго подлежали всѣ государственные доходы и расходы.

Выше замѣчено о тѣхъ улучшеніяхъ, какія произведены были относительно какъ общихъ, такъ и высшихъ военныхъ заведеній; въ началѣ же 1807 года было обращено вниманіе и на духовныя училища, для содержанія которыхъ былъ назначенъ свѣчной по церквамъ сборъ и предположено было открыть три духовныя академіи: въ Петербургѣ, въ Троицкой лаврѣ и въ Кіевѣ. Въ этихъ заведеніяхъ должны были получать высшее спеціальное образованіе молодые люди, предназначавшіе себя къ духовному званію.

Положеніе финансовой части при вступленіи на престолъ Александра I было крайне неудовлетворительно, а съ годами оно становилось все хуже и хуже, и къ 1810 году въ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ оказался дефицитъ на 66,000,000 рублей. Вслѣдствіе этого по части финансоваго управленія былъ составленъ планъ, основанный главнымъ образомъ на прекращеніи дальнѣйшаго выпуска ассигнацій и на умноженіи доходовъ посредствомъ возвышенія податей и налоговъ. Для уменьшенія же количества ассигнацій предположено было произвести срочный внутренній заемъ.

Ссылка Сперанскаго, 17-го марта 1812 года, остановила дальнѣйшее движеніе реформъ по части внутренняго государственнаго управленія.

III.

Для императора Александра Павловича наступило тяжелое время—ему приходилось выдержать борьбу съ Наполеономъ, почему и нужно было прекратить поскорѣе войну, которую вела Россія съ Турціею. Съ этою цѣлью былъ открытъ конгрессъ въ Бухарестѣ, окончившійся мирнымъ договоромъ, подписаннымъ 16-го (28-го) мая 1812 года. По Бухарестскому договору Россія пріобрѣла отъ Турціи Бессарабію съ крѣпостями Хотиномъ, Бендерами, Аккерманомъ, Килією и Измаиломъ. Между тѣмъ главными поводами къ неудовольствію Александра противъ Наполеона послужили, во-первыхъ, увеличеніе территоріи герцогства Варшавскаго и, во вторыхъ,

отнятіе императоромъ французовъ у герцога Ольденбургскаго его владѣній. Съ своей же стороны, Наполеонъ досадовалъ на Россію за слабое соблюденіе ею условій континентальной блокады. Послѣ взаимныхъ неудовольствій между обоими государями, произошелъ у нихъ окончательный разрывъ и 12-го іюня 1812 года Наполеонъ, перейдя съ своею громадною арміею рѣку Нѣманъ, вступилъ въ предѣлы Россіи. Наполеонъ грозно двигался на Москву; бородинская битва не остановила его движенія и Москва была сдана непріятелю. Потеря древней столицы не заставила однако Александра склониться на миръ съ Наполеономъ и онъ рѣшился продолжать войну до послѣдней крайности. Когда французская армія принуждена была выступить изъ сожженой Москвы, то русскія войска стали наносить ей жестокія пораженія и она, разстроенная въ конецъ, съ трудомъ перебралась черезъ рѣку Березину.

1-го января 1813 года русскія войска, преслѣдуя непріятеля, перешли за Нѣманъ и двигались далѣе на западъ. Съ ними былъ императоръ Александръ, находившійся потомъ въ сраженіяхъ, происходившихъ при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ. При вступленіи Александра въ Германію, къ нему, противъ Наполеона, присоединились императоръ австрійскій и король прусскій. Александръ сталъ во главѣ этого союза, но уклонился отъ главнаго начальствованія надъ союзными войсками, предоставивъ это право австрійскому фельдмаршалу князю Шварценбергу. При приближеніи къ границамъ Франціи, императоръ Францъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ начали склонять Александра къ примиренію съ Наполеономъ, но онъ рѣшительно отвергъ это предложеніе и настоялъ на переходѣ союзныхъ армій черезъ Рейнъ. Этотъ походъ во Францію кончился капитуляціею Парижа и Александръ, 19-го (31-го) марта 1814 года, торжественно вступилъ въ столицу Франціи. Въ этотъ день онъ обнародовалъ прокламацію, въ которой приглашалъ французовъ избрать временное правительство, объявляя, что ни онъ, ни союзники его не вступятъ въ переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ членами его семейства. Вслѣдствіе этой прокламаціи, французскій сенатъ объявилъ Наполеона лишеннымъ французскаго престола. Парижане встрѣтили Александра съ восхищеніемъ, какъ своего избавителя, а роялисты окружили его, и подъ ихъ вліяніемъ онъ возстановилъ, въ лицѣ Лю-

довика XVIII, династію Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Изъ Парижа Александръ съ королемъ прусскимъ отправился въ Лондонъ, гдѣ ему былъ сдѣланъ восторженный пріемъ, и 13-го іюля возвратился въ Петербургъ. Это время было самымъ блестящимъ періодомъ его жизни. Всѣ, и русскіе и иностранцы, прославляли его, какъ великодушнаго побѣдителя и миротворца, а сенатъ, синодъ и государственный совѣтъ просили его принять наименованіе «Благословеннаго».

Изъ Петербурга Александръ Павловичъ отправился, въ 1815 году, на конгрессъ въ Вѣну, на которомъ окончательно должны были разрѣшиться всѣ вопросы тогдашней европейской политики. Въ это время Александра занимала въ особенности участь Польши, и по его настояніямъ было образовано Царство Польское, которое было присоединено къ Россіи и получило отъ Александра конституцію, сходную въ главныхъ чертахъ съ хартіею, данною Франціи Людовикомъ XVIII.

Во время Вѣнскаго конгресса, Наполеонъ, оставивъ тайно островъ Эльбу, явился во Францію, которая снова признала его своимъ императоромъ. Александръ двинулъ свои войска во Францію, но битва при Ватерлоо, безъ участія русскихъ, рѣшила окончательно участь Наполеона. Прибывъ послѣ этого вторично въ Парижъ, Александръ предотвратилъ намѣреніе своихъ союзниковъ—ослабить и унизить Францію, а также настоялъ на уменьшеніи контрибуціи, наложенной союзниками на Францію, и на сокращеніи срока занятія 18-ти французскихъ крѣпостей союзными войсками.

Теперь мысль императора Александра остановилась на томъ, чтобъ охранить Европу отъ тѣхъ потрясеній, какія испытала она со времени французской революціи, и онъ полагалъ, что единодушіе трехъ такихъ первенствующихъ въ Европѣ государей, какъ онъ самъ, императоръ австрійскій и король прусскій, будетъ служить вѣрнымъ средствомъ для достиженія такой цѣли. Вслѣдствіе этого, по почину Александра, былъ заключенъ между имъ, Францемъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ такъ называвшійся «Священный союзъ». Союзъ этотъ обязывалъ трехъ упомянутыхъ монарховъ, какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями св. евангелія, оказывать другъ

другу пособіе и содѣйствіе и пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ, а также и ко вступленію въ Священный союзъ. Этимъ актомъ закончилось на первый разъ личное участіе Александра въ политическомъ устройствѣ Европы.

IV.

Ходъ внутреннихъ нашихъ дѣлъ со времени составленія Священнаго союза представлялся въ общихъ чертахъ въ такомъ видѣ: общія государственныя преобразованія прекратились, но частныя еще продолжались. Въ особенности они были замѣчательны по военному вѣдомству. Въ 1816 году было положено основаніе «военнымъ поселеніямъ», получившимъ въ послѣдствіи такую печальную извѣстность. Основывались эти поселенія съ цѣлью сократить издержки государства на содержаніе войска. Изъ военныхъ поселенцевъ къ 1820 году было образовано уже 20 полковъ, каждый въ двухъ-баталіонномъ составѣ. Но вскорѣ среди военныхъ хлѣбопашцевъ начались волненія; особенно упорными оказались они въ Чугуевѣ, гдѣ подавилъ ихъ графъ Аракчеевъ самыми жестокими мѣрами. Въ томъ же 1816 году кругъ дѣйствій военнаго министерства былъ ограниченъ хозяйственною частью, а всѣ прочія дѣла по военному вѣдомству были поручены вѣденію начальника главнаго штаба его императорскаго величества; при этомъ было обращено вниманіе и на улучшеніе генеральнаго штаба, такъ какъ эта важная часть находилась въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Въ 1820 году было преобразовано инженерное и открыто артиллерійское училище, а при гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ были учреждены ланкастерскія школы для взаимнаго обученія солдатъ; но школы эти, послѣ безпорядковъ въ Семеновскомъ полку, подпали сильному гоненію со стороны правительства.

Для улучшенія порядка внутренней администраціи въ государствѣ, былъ сдѣланъ опытъ распредѣленія великороссійскихъ губерній на генералъ-губернаторства, но опытъ этотъ не представилъ собою никакихъ существенныхъ результатовъ. Въ 1822 году было издано «Положеніе объ управленіи Сибирью», сохранившее въ главныхъ чертахъ свою силу до настоящаго времени.

Въ системѣ народнаго образованія произошла коренная пе-

ремѣна. Духъ свободомыслія былъ преслѣдуемъ и къ вѣденію министерства народнаго просвѣщенія были отнесены духовныя дѣла всѣхъ исповѣданій, съ тою цѣлью, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія», а для приготовленія наставниковъ былъ, въ 1816 году, открытъ въ Петербургѣ Главный педагогическій институтъ, получившій всѣ университетскія права. Въ этомъ же году въ Одессѣ былъ основанъ Ришельевскій лицей.

Упомянутый 1816 годъ ознаменовался окончательною отмѣною крѣпостнаго права въ Эстляндіи и приглашеніемъ курляндскаго дворянства поступить для этой цѣли такимъ же образомъ, какимъ поступило эстляндское дворянство, а затѣмъ, въ 1818 году, послѣдовало освобожденіе лифляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости ихъ помѣщиковъ. Но для облегченія положенія русскихъ крестьянъ не принималось никакихъ новыхъ мѣръ и вообще къ этому времени пріостановилась та преобразовательная дѣятельность, какою отличался Александръ въ первые одиннадцать лѣтъ своего царствованія. Теперь же производились только вызываемыя настоятельною необходимостью преобразованія по финансовой части. Такъ, 7-го мая 1817 года былъ учрежденъ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, какъ для ревизіи и повѣрки всѣхъ операцій, такъ и для разсмотрѣнія всѣхъ предположеній по кредитной части. Кромѣ того, были приняты мѣры къ правильному погашенію государственныхъ долговъ и къ уменьшенію количества выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій. Въ томъ же 1817 году послѣдовало чрезвычайно важное измѣненіе въ порядкѣ взиманія питейнаго сбора. Взиманіе его посредствомъ откупщиковъ было признано сопряженнымъ съ крайнимъ отягощеніемъ народа, затруднительнымъ и неблагонадежнымъ для казны, почему взиманіе его было возложено непосредственно на казенныя палаты. Въ области торговой дѣятельности были допущены тарифныя облегченія, и въ 1820 году сдѣланъ у насъ первый опытъ свободной торговли предоставленіемъ Одессѣ правъ порто-франко. Но въ послѣдствіи подобнаго рода опыты не только не повторялись, но, на оборотъ, у насъ былъ введенъ строго-охранительный тарифъ, стѣснившій совершенно свободу внѣшней торговли.

Духовныя дѣла въ Россіи въ царствованіе Александра I-го

также заслуживаютъ вниманія. Послѣ возникновенія Священнаго союза, государь сталъ отличаться мистическою религіозностью и стремленіемъ къ тому, чтобы всѣ его дѣйствія и распоряженія были проникнуты духомъ христіанской религіи. Выше уже сказано, какое важное значеніе получило религіозное направленіе въ дѣлѣ народнаго образованія; направленіе это желалъ Александръ распространить и во всемъ русскомъ обществѣ. Съ этою цѣлью имъ, въ 1816 году, былъ изданъ указъ о переводѣ библіи на русскій языкъ, а изданіе и распространеніе книгъ духовнаго содержанія было возложено на русское Библейское общество, принятое Александромъ подъ непосредственное свое покровительство. При своемъ религіозномъ настроеніи, Александръ выразилъ вѣротерпимость въ отношеніи секты духоборцевъ, считавшихся самою зловредною сектою. Онъ отмѣнилъ строгія мѣры, предпринятыя противъ нихъ до его вступленія на престолъ. Но за то гоненію его подверглись іезуиты, возстановленные въ предѣлахъ Россіи папою Піемъ VII по ходатайству императора Павла. Іезуиты занимались у насъ дѣятельною пропагандою католичества. Еще въ 1815 году имъ запрещено было пребываніе въ обѣихъ столицахъ, а 13-го марта 1820 года они окончательно были высланы за границу, съ воспрещеніемъ возврата въ Россію.

Окончивъ борьбу съ Наполеономъ, Александръ не предпринималъ уже никакихъ новыхъ войнъ и не участвовалъ въ нихъ, въ союзѣ съ какою либо европейскою державою, послѣ того какъ, въ 1818 году, былъ обнародованъ мирный трактатъ, заключенный съ Персіею въ Гюлистанѣ еще въ 1813 году.

Водворившійся въ Европѣ миръ доставилъ Александру возможность предпринимать поѣздки по Россіи, преимущественно съ цѣлью осмотра войскъ. Онъ объѣхалъ внутреннія и сѣверныя части государства и доѣзжалъ до Урала. Въ Варшаву онъ ѣздилъ для присутствованія на тамошнихъ сеймахъ, и за границу для участія въ дипломатическихъ конгрессахъ. 15-го (27-го) марта, онъ открылъ польскій сеймъ рѣчью, возбудившей сильные толки, въ особенности упоминаніемъ въ ней о томъ, что онъ «руководствуется началами законно-свободныхъ учрежденій, которыя составляютъ непрестанный предметъ его помысловъ». 1-го (13-го) октября 1820 года, онъ открылъ второй сеймъ въ

Варшавѣ, но, на этотъ разъ рѣчь его звучала иначе. Онъ не говорилъ уже о законно-свободныхъ учрежденіяхъ, но указывалъ на то, что «духъ зла покушается похитить снова бѣдственное владычество, паритъ уже надъ частію Европы и накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія». Къ этому времени и въ Польшѣ начался ропотъ противъ русскаго господства, который усилился еще болѣе, когда, по распоряженію Александра, отъ 1-го (13-го) февраля 1825 года, засѣданія польскихъ сеймовъ, въ противность конституціи, были объявлены закрытыми для публики, вслѣдствіе чего прекращалась гласность сеймовыхъ преній. Открытый затѣмъ Александромъ третій польскій сеймъ ясно обнаружилъ неудовольствія Польши противъ подчиненности ея русскому государю.

Ставъ во главѣ Священнаго союза, Александръ направилъ главнымъ образомъ свою дѣятельность на подавленіе либеральныхъ движеній, которыя онъ считалъ теперь революціонными признаками. По его приглашеніямъ начали составляться конгрессы, и на первомъ изъ нихъ, происходившемъ въ Ахенѣ, было объявлено, что союзные монархи по всѣмъ дѣламъ Европы станутъ дѣйствовать въ духѣ и по правиламъ Священнаго союза. На второмъ конгрессѣ, бывшемъ въ 1820 году въ Троппау, Александръ призналъ, что для достиженія цѣли Священнаго союза слѣдуетъ подавить силою оружія происходившее въ королевствѣ неаполитанскомъ либеральное движеніе, принудившее короля Фердинанда дать своему народу конституцію. То же самое происходило въ королевствѣ сардинскомъ. Вслѣдствіе этого рѣшено было на Троппаускомъ конгрессѣ, чтобъ австрійцы заняли Піемонтъ, а русскія войска должны были двинуться для усмиренія италіанцевъ. Въ апрѣлѣ 1821 года собрался новый конгрессъ въ Лайбахѣ и во время его засѣданій получено было извѣстіе о возстаніи грековъ противъ турецкаго владычества. Александръ выразилъ свое негодованіе противъ греческихъ инсургентовъ, и Лайбахскій конгрессъ, руководствуясь духомъ и правилами Священнаго союза, издалъ декларацію, въ которой объявлялось о твердомъ намѣреніи союзныхъ государей потушить и искоренить возникавшіе въ Европѣ заговоры, возстанія и смуты. Когда же въ Турціи начались жестокости мусульманъ противъ тамошняго христіанскаго населенія, то Александръ, какъ человѣкъ, скор-

бѣлъ въ виду этого, но какъ членъ Священнаго союза и охранитель всеобщаго порядка, онъ не отступалъ отъ правилъ, установленныхъ этимъ союзомъ, и признавалъ каждое свободолюбивое движеніе подданныхъ противъ ихъ правительства—мятежомъ, требующимъ для своего подавленія немедленныхъ и энергическихъ мѣръ.

На Веронскомъ конгрессѣ, происходившемъ въ 1822 году, еще сильнѣе выразился духъ Священнаго союза. Въ Веронѣ рѣшено было вмѣшаться въ испанскія дѣла, съ тѣмъ, чтобы, согласно правиламъ Священнаго союза, уничтожить конституцію, данную испанцамъ королемъ Фердинандомъ. На этомъ же конгрессѣ союзные монархи, 2-го (14-го) декабря 1822 года, подписали декларацію, въ которой не одобряли греческаго возстанія, имѣвшаго, по ихъ мнѣнію, одинъ общій источникъ съ волненіями въ западной Европѣ.

Въ Россіи также стали принимать теперь реакціонныя мѣры. Передъ отъѣздомъ на Веронскій конгрессъ, Александръ приказалъ воспретить какія бы то ни было общества. Строгому преслѣдованію подверглись въ особенности масонскія ложи. Стали также закрывать вспомогательные отдѣлы Библейскаго общества, учрежденные въ Россіи. Обращено было вниманіе на духъ преподаванія вообще и преимущественно въ университетахъ; ценсура стала отличаться самою строгою бдительностію; запрещено было отправлять молодыхъ людей въ заграничные университеты, а служащимъ не дозволено было печатать какія либо сочиненія безъ вѣдома ихъ начальства. Вообще послѣдніе годы царствованія императора Александра Павловича представляли совершенную противоположность первымъ годамъ. Внутреннія событія вызывали въ немъ тревоги и волненія, въ особенности же сильно подѣйствовали на него безпорядки въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Онъ видѣлъ въ этомъ частномъ случаѣ зачатокъ общаго революціоннаго движенія въ Россіи.

1-го сентября 1825 года, Александръ Павловичъ, съ грустнымъ предчувствіемъ въ душѣ, отправился на югъ Россіи и застигнутый, 5-го ноября, лихорадочными припадками въ Таганрогѣ, скончался тамъ 19-го ноября 1825 г.

V.

Изъ воспоминаній, записокъ, монографій, а также изъ множества писемъ, разсказовъ и документовъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ ея изданія, можно составить довольно полную картину царствованія императора Александра Павловича. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ нашего изданія, легко убѣдиться, что оно, въ широкихъ рамкахъ, вмѣстило характеристику императора и его сподвижниковъ; важнѣйшія событія его царствованія; бытъ военный и гражданскій; состояніе наукъ, словесности и изящныхъ художествъ въ Россіи въ періодъ 1801—1825 годовъ.

Такъ, напримѣръ, изъ статей, посвященныхъ характеристикѣ Александра I-го, въ разсказахъ графини Шуазель-Гуфье въ воспоминаніяхъ А. П. Кернъ, императоръ является во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ блескѣ свойственной ему очаровательной любезности: весьма тонкія, нѣжныя черты характера Александра вполнѣ воспроизведены и достойно оцѣнены этими двумя его современницами. Записки квакера Греллэ-де-Мобилье (1818—1819 гг.) и академика А. Л. Витберга (1813—1824 гг.) знакомятъ насъ съ инымъ состояніемъ характера Александра I-го, именно съ тѣмъ мистицизмомъ, который развивался въ немъ со времени окончанія отечественной войны; въ обширныхъ запискахъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова находимъ подробности частнаго быта государя, его предсмертнаго недуга и кончины. Личность Александра I-го, какъ представителя державной власти, законодателя и политика, ясно обрисовывается въ его указахъ, манифестахъ, въ его рѣчахъ (въ государственномъ совѣтѣ—1-го января 1810 года; московскому дворянству—16-го августа 1816 года; при открытіи сейма Царства Польскаго — 15-го марта 1818 года), его письмахъ: графу А. А. Аракчееву, И. И. Бахтину, княгинѣ М. Г. Голицыной, князю М. И. Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, А. И. Коновницыной, графу Н. П. Румянцеву и многимъ другимъ. Наконецъ, разсказы Д. В. Давыдова и кн. И. В. Васильчикова, анекдоты временъ царствованія Александра I-го, записанные П. Ѳ. Карабановымъ, многими, хотя и не крупными чертами, пополняютъ характеристику императора Александра Павловича.

Изъ достопамятныхъ сподвижниковъ его на ратномъ поприщѣ и въ различныхъ сферахъ государственной администраціи, первое мѣсто — по праву родства — принадлежитъ великому князю цесаревичу Константину Павловичу. Записки адмирала П. А. Колзакова, разсказы сенатора И. Д. Данилова и монографія Е. П. Карновича во всей полнотѣ и, по возможности, самыми правдивыми красками обрисовали нравственный складъ, способности и образъ дѣйствій цесаревича. Памяти незабвеннаго героя отечественной войны, князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, посвящены многія страницы «Русской Старины»; собраніе его писемъ къ супругѣ и дочери, письма и рескрипты къ нему августѣйшихъ особъ составляютъ своего рода автобіографію, въ которой личность князя воскресаетъ во всей ея величественной простотѣ. Біографія А. П. Ермолова, состоящая изъ его писемъ, а также изъ статей и сообщеній Ад. П. Берже, М. Н. Похвиснева, кн. Д. П. Волконскаго и многихъ другихъ, возстановляетъ въ памяти современниковъ эту могучую, высокую личность—въ теченіе тридцати лѣтъ своей жизни, внѣ военной дѣятельности, несправедливо забытую. Затѣмъ, ни одинъ изъ военачальниковъ и вообще дѣятелей эпохи отечественной войны не обойденъ въ «Русской Старинѣ» молчаніемъ—отъ графа М. Б. Барклай-де-Толли до партизановъ: Д. В. Давыдова, Сеславина, Фигнера; отъ доблестнаго Раевскаго до барона Фуля. Біографіи М. Л. Булатова и М. Ѳ. Орлова, записки Жиркевича и Маевскаго, являясь впервые въ печати, пополнили нѣкоторые пробѣлы въ исторіи царствованія Александра I-го, возникшіе вслѣдствіе воззрѣній цензуры былыхъ временъ на нашу историческую литературу. Изъ статей и документовъ, касающихся графа А. А. Аракчеева, въ двадцати томахъ «Русской Старины», за восемь лѣтъ ея изданія, составилась цѣлая литература.

Изъ сподвижниковъ императора Александра въ дѣлахъ гражданскаго управленія мы отнеслись съ особеннымъ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ личностямъ: М. М. Сперанскаго (сообщенія А. Ѳ. Бычкова, П. И. Савваитова и др.), А. С. Шишкова, графа Н. С. Мордвинова (сообщеніе гр. А. А. Мордвинова, В. С. Иконникова) и С. И. Муравьева-Апостола. Отъ группы истинно полезныхъ государственныхъ мужей этой эпохи рѣзко выдѣляются личности князя А. Н. Голицына, Магниц-

каго и архимандрита Фотія. О первомъ изъ нихъ много любопытныхъ свѣдѣній въ запискахъ А. Л. Витберга; новыя данныя къ характеристикѣ Магницкаго находятся въ его біографіи (сообщены Л. А. Чумиковымъ). Независимо отъ біографіи архимандрита Фотія (Е. П. Карновичъ), свѣдѣнія о немъ находятся въ воспоминаніяхъ Я. Л. Морошкина, академика Ѳ. Г. Солнцева и разсказахъ доктора И. И. Европеуса.

Достопамятнымъ событіямъ царствованія Александра I посвящены въ «Русской Старинѣ» многія монографіи и историческія изслѣдованія. Къ эпохѣ отечественной войны (отъ вступленія Наполеона I въ предѣлы Россіи до капитуляціи Парижа) относятся: Россія и Европа передъ войной 1812 г. И. П. Липранди; Воспоминанія епископа Буткевича, сообщ. П. К. Щебальскій; Отъ Малоярославца до Березины, обширное историко-критическое изслѣдованіе А. Н. Попова; Записки И. С. Жиркевича; «Мой вѣкъ» или исторія С. И. Маевскаго; «Капитуляція Парижа» М. Ѳ. Орлова. Учрежденіе военныхъ поселеній—статьи: С. И. Маевскаго, Г. С. Демянка, А. С. Мацѣевича, А. Г. Пупарева, И. П. Корнилова, академика И. И. Свіязева, Н. Рудыковскаго, доктора И. И. Европеуса, и мн. др. Возмущеніе стараго Семеновскаго полка—статьи и сообщенія: И. Ѳ. Вадковскаго, кн. П. Д. Волконскаго, А. Н. Аѳанасьева, П. А. Ефремова, и др. Съѣздъ членовъ «Союза благоденствія» въ Москвѣ Е. И. Якушкина, В. Д. Давыдова, Н. М. Орлова. Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи, Цензура въ 1824 г. и проч., и проч.

Изъ записокъ, монографій и статей, посвященныхъ описанію военнаго и гражданскаго быта при императорѣ Александрѣ I, можемъ указать на «Исторію» А. К. Денисова; «Домашній памятникъ» Н. Г. Левшина; Записки Ивана Меньшаго; Записки: Гавріила Ивановича Добрынина (части II и III), Т. П. Пассекъ, М. А. Бестужева; Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго и многія другія.

Изъ представителей ученаго сословія временъ императора Александра I заняли видное мѣсто на страницахъ «Русской Старины»: Василій Назаровичъ Каразинъ (біографія, множество проектовъ и писемъ), А. Н. Оленинъ, А. С. Стурдза, лейбъ-медикъ Я. В. Виллié, Г. А. Глинка и друг.

Будущій историкъ отечественной словесности, безъ сомнѣнія, воспользуется обильными матеріалами въ біографическихъ замѣткахъ, массѣ писемъ, а также впервые напечатанныхъ поэтическихъ произведеніяхъ нашихъ писателей Александровской эпохи. Изъ нихъ составился довольно полный біографическій словарь: Е. А. Баратынскій (сообщ. Н. Я. Максимова, Л. Е. Баратынскаго, стихотвореніе: «Кольцо»), К. Н. Батюшковъ («Письма къ Н. И. Гнѣдичу», посланіе къ А. И. Тургеневу), А. А. Бестужевъ (Марлинскій), А. Ѳ. Воейковъ («Домъ сумашедшихъ»), А. С. Грибоѣдовъ (полная біографія, письма, стихи и проч.), Д. В. Давыдовъ (эпиграммы), В. А. Жуковскій (біографическія замѣтки), А. Е. Измайловъ (сказки, пѣсни и эпиграммы), В. Н. Каразинъ, Н. М. Карамзинъ (записка о трудахъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго; въ Воспоминаніяхъ К. С. Сербиновича; шутливое стихотвореніе Кайсарова), И. А. Крыловъ (разсказы о немъ М. Ѳ. де-Пуле, В. Ѳ. Кеневича и С. А. Соболевскаго, посланіе къ В. П. Ушаковой, басня: «Обѣдъ у медвѣдя», «Подщипа» шуто-трагедія), В. К. Кюхельбекеръ (біографическій очеркъ и переписка съ литераторами, 1817—1825 гг., сообщ. Ю. В. Косова), кн. А. И. Одоевскій (стихотворенія), А. С. Пушкинъ (письма, разсказы о немъ Н. Н. Терпигорева, А. Н. Вульфа, А. А. Ивановскаго, Н. П. Кичеева, А. А. Распопова, письма Скобелева и стихи, приписываемые Пушкину, весьма важная для біографіи нашего поэта переписка его съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ, но уже позднѣйшей, послѣ Александра I-го эпохи; мысль къ изданію поэмы «Мѣдный Всадникъ», рѣшеніе суда по уголовному дѣлу о поэмѣ «Андрей Шенье» и проч.), К. Ѳ. Рылѣевъ (посланіе А. А. Бестужеву, «думы», письма и вообще обширное собраніе его подлинныхъ бумагъ, разобранныхъ извѣстнымъ знатокомъ и изслѣдователемъ исторіи отечественной словесности П. А. Ефремовымъ и вполнѣ напечатанныхъ съ его примѣчаніями на страницахъ «Русской Старины»; замѣтки о К. Ѳ. Рылѣевѣ — Ѳ. Н. Глинки; поэма: «Войнаровскій», мелкія стихотворенія, отрывки изъ поэмы «Наливайко», замѣтки объ изданіи стихотвореній Рылѣева и о годѣ его рожденія, предчувствія Рылѣева о своей судьбѣ, письма къ нему родителей, свѣдѣнія о его службѣ и проч. и проч.).

Изъ мемуаровъ, посвященныхъ воспоминаніямъ объ изящныхъ

художествахъ при Александрѣ I, можемъ указать на записки графа Ѳ. П. Толстаго, разсказы академика Ѳ. Г. Солнцева и Воспоминанія П. А. Каратыгина о русскомъ театрѣ въ 1812—1825 годахъ.

Наконецъ, въ дополненіе нашего бѣглаго обзора, упомянемъ о портретахъ сподвижниковъ Александра I и замѣчательныхъ людей его царствованія. Изъ таковыхъ, въ изящныхъ гравюрахъ академиковъ И. П. Пожалостина и Л. А. Сѣрякова, были изображены: князь М. И. Кутузовъ-Смоленскій (кромѣ того: снимокъ съ рѣдкой медали, въ его честь выбитой, виды дома въ Бунцлау, въ которомъ онъ скончался, памятника надъ частью его останковъ и гробницы въ Казанскомъ соборѣ, снимки съ его почерка), графъ М. И. Платовъ (снимокъ съ медали), А. П. Ермоловъ, атаманъ А. К. Денисовъ, генералъ М. Л. Булатовъ, генералъ С. И. Маевскій, графъ А. А. Аракчеевъ (гравюра, геліографія и снимокъ съ почерка), архимандритъ Фотій, А. С. Грибоѣдовъ, В. Н. Каразинъ, А. Ѳ. Воейковъ; видъ памятника императору Александру I въ с. Понизовьѣ; снимки съ писемъ или подписей: Александра I, В. Кюхельбекера, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Е. А. Энгельгардта, П. А. Плетнева, С. Бѣгичева, Е. А. Баратынскаго, барона А. А. Дельвига, Н. И. Гнѣдича, А. С. Грибоѣдова (въ двухъ снимкахъ) и В. А. Жуковскаго.

Перечисленнаго довольно, чтобы доказать, что какъ современные читатели, такъ и грядущія поколѣнія — въ первой же сотнѣ изданныхъ нами книгъ «Русской Старины» [въ 20-ть томовъ вошло 96 книгъ]—найдутъ вполнѣ достаточныя данныя для всесторонняго изученія исторіи Россіи, жизни и дѣятельности достопамятнѣйшихъ представителей русскаго общества 1801 — 1825 гг. и, наконецъ, личности императора Александра I, столѣтнюю годовщину дня рожденія котораго воспомянетъ Россія—

12-го декабря 1877 года.

ОДЫ НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

1801.

День восшествія императора Александра I-го на родительскій престолъ—12-го марта 1801 года—былъ, какъ извѣстно, днемъ ликованія сѣверной столицы, а за нею и всей Россіи. Встрѣчавшіеся на улицахъ, обнимаясь, восторженно поздравляли другъ друга съ воцареніемъ Александра, какъ со свѣтлымъ праздникомъ; вечеромъ городъ былъ иллюминованъ; тоскливое, тревожное состояніе духа, въ которомъ находились жители Петербурга въ теченіе 1797—1800-хъ гг., разсѣялось и смѣнилось радостью въ настоящемъ и самыми свѣтлыми надеждами на будущее. Могли-ли въ эти дни всеобщаго вдохновенія безмолвствовать поэты, которые, за исключеніемъ Державина, хранили унылое молчаніе въ минувшее царствованіе? Разумѣется, нѣтъ: они цѣлымъ хоромъ воспѣли громогласныя оды, привѣтствуя, въ лицѣ юнаго монарха, самыя радостныя надежды Россіи. Корифеями пѣвцовъ были М. М. Херасковъ [1]) и Г. Р. Державинъ; за этими двумя патріархами отечественнаго Геликона, запѣли—позволимъ себѣ такъ выразиться—на всѣ лады, болѣе или менѣе слабыми голосами, пѣвцы всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій и обоего пола [2]).

---

[1]) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ род. 25-го октября 1733 года, умеръ 27-го сентября 1807 года. Первая его ода императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, на день Полтавской побѣды, была напечатана въ 1751 году.

[2]) Дѣвица А. Волкова, М. А. Поспѣлова, княгиня А. И. Шаликова, княжна Урусова и нѣкоторыя другія. По каталогамъ Сопикова и Смирдина, общее число одъ на восшествіе на престолъ и на коронованіе Александра I-го простиралось до 57-ми. Эта масса стихотвореній (изъ которыхъ весьма многія были

Ода Державина была, безспорно, вѣрнымъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поражала слухъ своею рѣзкостью:

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезёй!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.
Умолкъ рёвъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъ ароматъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ!

***

Желанный всѣми неба житель,
Ты, миръ, пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ утѣшитель,
Отрада царствъ, покой сердецъ,
Пришелъ къ намъ Ангелъ благодатный!
Коль шествіе Твое красно!
Коль намъ лучи твои пріятны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благопоспѣшно,
Се день спасенья и утѣхъ!

***

Уныла Муза, въ дни Борея
Дерзавшая вслухъ пѣсни пѣть,
Блаженству общему радѣя,
Уроки для Владыкъ гремѣть!
Передъ Царемъ днесь благосклоннымъ,

ниже посредственности) подала поводъ И. И. Дмитріеву написать слѣдующую эпиграмму: «На случай одъ, сочиненныхъ въ Москвѣ въ коронацію».

Гордись предъ Галлами, Московскій ты Парнассъ!
На мѣсто одного Лебрёня [1]) есть у насъ:
Херасковъ, Карамзинъ, князь Шаликовъ, Измайловъ,
Тодорскій, Дмитріевъ, Поспѣлова, Михайловъ,
Кутузовъ, Свиньина, Невзоровъ, Мерзляковъ,
Сохацкій, Таушевъ, Шатровъ и Салтыковъ,
Тупицынъ, Похвисневъ и, наконецъ, Хвостовъ!

Кромѣ одъ упомянутыхъ русскихъ стихотворцевъ, воцареніе Александра I-го привѣтствовали иностранцы, французскими и нѣмецкими стихами. Эти стихотворенія имѣютъ также нѣкоторое значеніе, въ исторіи русскаго общества.

---

[1]) Lebrun-Pindare (1829 † 1807 г.), извѣстный въ свое время французскій лирикъ.

Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси,
И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ,
Вѣщай, греми, звучи, гласи
Того ты на престолъ вступленье,
Кого воспѣлъ я въ пеленахъ.

Далѣе, въ предвидѣніи грядущаго благоденствія Россіи при Александрѣ I-мъ, поэтъ восклицаетъ.

Екатерина воскресится,
Знать, Александра въ временахъ:
Такъ, такъ! Она во внукѣ будетъ
Надъ нами царствовать во вѣкъ.

***

Осанка, скромность и пріятность,
Ея въ немъ видѣнъ духъ и умъ;
Усердье, ревность къ нимъ и святость
Въ полсвѣтѣ воздвигаютъ шумъ.
«Смотри»,—другъ другу всякъ вѣщаетъ,—
«Не образъ-ли Ея на Немъ?
«Ужъ по законамъ обѣщаетъ
«Онъ быть по сердцу Ей Царемъ».
О, радость! духъ восторгъ объемлетъ:
Се вижу—въ облакахъ Она!

***

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се Небо нынѣ посылаетъ
«Вамъ Внука моего въ Царя.
«Внимать вы прежде не хотѣли,
«И презрили Мою любовь;
«Вы сами отъ себя терпѣли:
«Я нынѣ васъ спасаю вновь».
Рекла—и тѣнь Ея во блескѣ,
Какъ радуга сокрылась въ свѣтъ.

Заключительная строфа прямо относилась къ недавно минувшему времени:

О Боже! Ты внушилъ рыданье
И бѣдства наши прекратилъ:
Днесь тѣхъ-же слезъ Ты изліянье
Прими, какъ запахъ отъ кадилъ.
Отъ стоновъ—Ты велѣлъ быть грому,
Отъ радостей—лучи спусти,

И Августѣйшему Ты Дому
Печаль въ утѣхи обрати,
Какъ дождь сквозь солнце, да снисходитъ
Благословенье къ намъ Твое!

Эта ода навлекла на Державина неудовольствіе вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны и поэтъ не безъ труда оправдался тѣмъ, что въ первой строфѣ своей оды онъ подразумѣвалъ лишь переходъ отъ зимы къ веснѣ, безъ всякихъ намековъ на минувшее царствованіе; что его недоброжелатели придали его стихамъ превратный смыслъ... Однако-же и самые доброжелатели Державина не могли не сознаться, что и въ прочихъ строфахъ оды много и далеко не прозрачныхъ намековъ, которымъ развѣ только превратныя толкованія могли придать смыслъ не обидный недавнему времени.

Современный сборникъ одъ на воцареніе Александра I-го даетъ намъ возможность прослѣдить нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, особенно замѣчательныя [1]); авторы ихъ: Аргамаковъ (списокъ), Бокаревичъ (пѣснь въ прозѣ), К. Голицынъ, С. Глинка, Измайловъ, Карамзинъ, Колосовъ, Мерзляковъ, свящ. Михайловъ, Невзоровъ, Поспѣлова, Похвисневъ, Соковнинъ (списокъ), Сохацкій (рѣчь), Сухотинъ, Тодорскій, князь Трубецкой, Херасковъ, Чеботаревъ (рѣчь), Шатровъ, Шишковъ и неизвѣстный авторъ: „Пѣсни солдата“. Французскіе стихи написаны профессоромъ Авіа-де-Ватэ, нѣмецкіе—профессоромъ Баузе, англійскіе—лекторомъ университета Бэйли.

Послѣ оды Державина, первое мѣсто по достоинству принадлежитъ одѣ Хераскова. Одушевленный одинаковыми чувствами съ творцомъ „Фелицы“, престарѣлый поэтъ сходится съ нимъ въ мысляхъ, и въ восторгѣ пророчествуетъ Александру ожидавшую его будущность:

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,
Такъ я монарха Александра
При старости моей пою!
. . . . . .
Польются милости рѣкою
На бѣдныхъ, на сиротъ, на вдовъ.
Ты сильною Своей рукою
Перуны бросишь на враговъ,—

---

[1]) Этотъ сборникъ, весьма обязательно сообщенный редакціи нашимъ сотрудникомъ Ѳ. К. Опочининымъ, состоитъ изъ объемистой книги in-4°, заключающей въ себѣ двадцать семь стихотвореній, въ томъ числѣ три рукописныхъ и три на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

Какъ молнія Твой мечъ возблещетъ,
И вся вселенна затрепещетъ —
Разрушишь области... ахъ! нѣтъ:
Не жаждущій народовъ кровью,
Ты дружбой, милостью, любовью,
Плѣнишь и побѣдишь весь свѣтъ!

Изъ другихъ поэтовъ того времени, пользовавшихся также извѣстностью, восшествіе Александра на престолъ воспѣли С. Н. Глинка и Н. М. Карамзинъ. Первымъ изъ нихъ написаны: „Стихи на освобожденіе изъ темницъ Е. И. Величествомъ Александромъ Первымъ". Подражая Державину, поэтъ обращается къ тѣни Екатерины:

Въ сей нашей радостной судьбѣ,
Фелица, съ областей эфирныхъ
Зри счастье странъ Твоихъ обширныхъ!
Зри—намъ даетъ его Твой внукъ!
Такъ! Ты еще все существуешь,
Ты живо въ Немъ изобразуешь
Твой разумъ, чувствіе и духъ!

Начало оды Карамзина напоминаетъ Державина тѣмъ же самымъ уподобленіемъ новаго царствованія веснѣ, наступившей послѣ суровой зимы:

Россіи Императоръ новый!
На тронѣ будь благословенъ.
Сердца пылать тобой готовы;
Надеждой духъ нашъ оживленъ.
Такъ милыя весны явленье
Съ собой приноситъ намъ забвенье
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы;
Сердца съ природой разцвѣтаютъ,
И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ:
Весна у насъ, съ Тобою мы!

Замѣчательно, что оды, пѣсни второстепенныхъ и случайныхъ поэтовъ, рѣчи ораторовъ на воцареніе Александра I-го написаны какъ бы по одной программѣ и поражаютъ не только сходствомъ идей, но и самымъ ихъ выраженіемъ. Сравненіе настоящаго съ минувшимъ къ невыгодѣ послѣдняго, сопоставленіе зимы съ весною, обращеніе къ тѣни Екатерины и предсказаніе блаженства Россіи — такова сущность почти всѣхъ этого рода стихотвореній 1801—1802 гг. Представляемъ нѣкоторыя выдержки:

Стихи бакалавра Алексѣя Мерзлякова:

Лучами Феба оживленный,
Счастливый сѣверъ предъ Тобой
Свергаетъ днесь одежды снѣжны,
И въ новой радости святой,
Блистая ранними цвѣтами,
Гласитъ и сердцемъ и устами,
Что ты Отецъ его, покровъ!
И духъ, Петромъ въ него вложенный,
Минервой сердце просвѣщенно,
Слились въ одно—къ Тебѣ въ л ю б о в ь!

Петръ I и Екатерина II взираютъ на юнаго императора съ высоты небесной:

«Мои желанья совершились!»
Россіи нѣжна Мать рекла:
«Я для Тебя, мой внукъ преславный,
«Хранила мой народъ избранный
«И лавры для Тебя рвала!

***

«Въ чертогѣ радости небесной
«Я слышала въ душѣ своей
«Россіи каждый вздохъ сердечный,
«И каждая слеза отъ ней
«Мое блаженство отравляла!
«Теперь (чего давно желала!)
«Въ Тебѣ, Тобой жить буду Я!
«Россія небо Мнѣ представитъ,
«И рай отцовъ моихъ составитъ
«Отнынѣ доблесть Мнѣ Твоя!»

Въ одѣ князя Голицына—на юнаго императора взираетъ съ небесъ св. Александръ Невскій; въ одѣ Павла Соковнина — Екатерина II. Въ стихахъ священника Ивана Михайлова есть строфы глубоко прочувствованныя и согрѣтыя искренностью:

О, Царь драгихъ обѣтованій!
Сердца россіянъ твой чертогъ,
Предчувствій райскихъ и желаній
Благословеннѣйшій залогъ!

Ты обѣщалъ... мы вѣримъ смѣло;
Петръ даровалъ Россіи тѣло,
Екатерина душу,—духъ
Отрадный, животворный, мирный
Тобой, какъ тихій вѣтръ эѳирный,
Весь сѣверный объемлетъ кругъ!

*
* *

Два древле Александра были:
Восточный царь и Невскій князь;
Сего всѣ любятъ и любили,
Тотъ въ страхъ ввергалъ всѣхъ и въ боязнь.
Монархъ нашъ, имъ сопмянитый,
И шлемомъ, и броней покрытый
Святаго предка Своего,
Ему подобенъ во святынѣ
Во красотѣ, во благостынѣ...
И кто-бъ не возлюбилъ Его!

Стихи профессора нѣмецкаго языка отличаются отсутствіемъ рифмъ, метра и чувства; за то французъ и англичанинъ, въ пылу восторга восхваляя новое время, очень рѣзко относятся къ предъидущей эпохѣ. Monsieur Aviat de-Vatay восклицаетъ:

— «За жестокой суровостью правосудія неутолимаго слѣдуетъ благодатное иго кроткой власти. Такъ природа отъ черной стужи [1]) къ ликованіямъ весны». «Екатерина», — продолжаетъ поэтъ, — «возрождается въ сердцѣ и въ склонностяхъ Александра, который такъ часто у ногъ раздраженнаго родителя испускалъ вздохи доброты и говорилъ голосомъ нѣжнаго сына. «Желаю»,—изрекъ онъ,—«чтобы милосердіе навсегда воцарилось со мною; опасаюсь, чтобы меня боялись; чтобы изъ вѣрныхъ моихъ подданныхъ ни одинъ не сталъ отъ суровой прихоти верховной власти... Изящныя художества, еще недавно трепетавшія, явитесь снова и безъ опасеній предайтесь высокимъ своимъ порывамъ!»

A la dure austérité
D'une implacable justice
Succède le joug propice
D'une douce autorité:
Ainsi la Nature passe
Du noir frimas qui la glace
Aux triomphes du printemps...
. . . . . .

[1]) Въ подлинникѣ: отъ «чернаго инея» (du noir frimas) — поэтическая вольность.

Elle renait dans le coeur
Dans les penchants d'Alexandre,
Qui si souvent fit entendre
Aux pieds d'un père irrité
Les soupirs de la bonté
La douce voix d'un fils tendre.

***

Je veux, dit-il, qu'à jamais
La Clémence avec Moi règne,
Je redoute qu'on Me craigne,
Que de mes loyaux sujets
Jamais aucun ne gémisse
Sous le sevère caprice
D'un pouvoir impérieux!
. . . . . .
Beaux arts naguère tremblants,
Ah! reparaissez sans crainte,
Et livrez-vous sans contrainte
A vos sublimes élans!

То же самое и тѣми же словами говоритъ въ своей одѣ и мистеръ Бэйли (Bailey), лекторъ Московскаго университета.

....behold a Father reigns
Fair science long depressed revives again...

Изъ прочихъ стихотвореній и рѣчей сборника одни не заслуживаютъ вниманія какъ произведенія посредственныя, другія, напротивъ, заслуживаютъ его, будучи ниже всякой посредственности. Таковы, напримѣръ: „Пѣснь (въ прозѣ) патріота“ Бакаревича, состоящая изъ одиннадцати монологовъ съ двѣнадцатикратнымъ припѣвомъ—„Пріидите, барды! настроимъ лиры наши и прославимъ монарха мудраго, кроткаго, человѣколюбиваго; прославимъ въ концы вселенной!“—Ода: „Плоды просвѣщенія“ Ивана Тодорскаго и „Пѣснь отставнаго солдата“, украшенная гравюрою, съ подписью:

Земледѣлецъ и солдатъ
Кричатъ оба въ одинъ ладъ:
Ура! ура! ура!

Вслѣдъ за многочисленными одами появились въ продажѣ портреты императора Александра I-го, гравированные даровитыми ху-

дожниками и граверами-самоучками, изощрявшими свое неумѣнье на лубкахъ и оловянныхъ доскахъ. Эти простыя, лишенныя всякой художественности, изображенія государя быстро разошлись во всѣ концы Россіи.

Кромѣ гравированныхъ портретовъ и лубочныхъ изданій, въ 1801—1802 годахъ явилось нѣсколько живописныхъ изображеній молодаго государя; нѣкоторые изъ этихъ портретовъ были исполнены первоклассными русскими и иностранными художниками. Изъ послѣднихъ едва ли ни самое видное мѣсто занимаетъ произведеніе талантливаго французскаго живописца Вуаля; оригиналъ написаннаго имъ портрета императора Александра Павловича въ 1802 году принадлежитъ нынѣ собранію князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Съ этого самаго портрета исполнена для «Русской Старины», по рисунку художника К. О. Брожа, гравюра академикомъ граверомъ Его Императорскаго Величества, Л. А. Сѣряковымъ, которая будетъ приложена къ первой книгѣ «Русской Старины» изд. 1878 г.

Письмо графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго [1]).

Москва, октября 8-го дня 1801 года.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! По всевысочайшей волѣ покойной въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы Екатерины Великія, за службы мои получалъ я пенсіонныя деньги каждый годъ, но со времени отъѣзду моего въ чужіе краи, хотя и прошено было отъ повѣренныхъ моихъ въ тѣхъ мѣстахъ, откудова получаемы были, но выдачи оной во все время не было, о чемъ я и просилъ вашего сіятельства запискою, чтобы объ ономъ доложить его

---

[1]) Неизвѣстно къ кому писанное. Графъ А. Г. Орловъ, при воцареніи Александра I-го, проживалъ въ Москвѣ, ожидая перемѣны участи своей къ лучшему. Эти ожиданія осуществились восшествіемъ на престолъ внука Екатерины, къ которому герой Чесмы не замедлилъ обратиться съ просьбою касательно получаемыхъ имъ пенсій. Приведенное здѣсь письмо доказываетъ, что исполненіе просьбы графа Орлова было до времени отложено.

императорскому величеству всемилостивѣйшему нашему государю; но не знаю теперь, донесено-ли его величе́ству, или еще нѣтъ; покорнѣйше прошу вашего сіятельства о семъ увѣдомленія. Я же есмь съ моимъ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего (подписано) покорнеиши слуга граѳъ АлеѰѣй Орловъ-Чесменскои.

Помѣта. «Докладывано его императорскому величеству 9-го октября 1801 года и повелѣно оставить сіе письмо до дальнѣйшаго впредь повелѣнія».

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье.

Воспоминанія эти весьма интересны какъ вѣрный отголосокъ высшихъ слоевъ общества въ Польшѣ и Литвѣ, въ началѣ первой половины XIX вѣка. Авторъ мемуаровъ Софія Тизенгаузенъ, извѣстная красавица, блестѣвшая въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Родилась она въ Литвѣ, въ 1793 году, въ богатой семьѣ графа Тизенгаузена. Дѣтство свое провела большею частью въ Вильнѣ. Росла воспріимчивымъ ребенкомъ, еще дитятей мечтала быть Іоанной д'Аркъ для своего отечества. Подъ впечатлѣніемъ событій того времени и сильныхъ надеждъ поляковъ на помощь французовъ при возстановленіи Польши, она, въ младенческихъ лѣтахъ, написала разсказъ «Ванда и Радигеръ», сюжетъ для котораго заимствовала изъ легенды о первой польской королевѣ Вандѣ, которая рѣшилась скорѣй утопиться, чѣмъ выйти замужъ за чужеземца. Разсказъ этотъ полонъ самыхъ патріотическихъ чувствъ, доведенныхъ до фанатизма. Въ видѣніи Ванды, авторъ пробѣгаетъ вскользь исторію Польши и въ заключеніе рисуетъ слѣдующую картину: три ворона налетѣли на бѣлаго польскаго орла; тотъ, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія, палъ въ неравной борьбѣ. Польскій престолъ рухнулъ и исчезъ въ пропасти, мѣсто его занялъ мрачный гробъ. Является Наполеонъ I, окруженный ореоломъ славы; открываетъ этотъ гробъ и выводитъ оттуда Польшу. Надо замѣтить, что графиня Тизенгаузенъ была умнымъ, весьма развитымъ для своихъ лѣтъ, ребенкомъ, и надобно было ей вырости въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ, чтобы дойти до подобной восторженности, проявлявшейся во всю ея жизнь, такъ какъ ея не могло искоренить основательное развитіе ея ума. Графиня, какъ и всѣ почти дѣвушки того времени, получила весьма блестящее, но не серьезное воспитаніе.

Неизвѣстно, что̀ заставило 24-хъ-лѣтнюю красавицу выйти, въ 1817 году, замужъ за графа Шуазеля-Гуфье, который былъ почти вдвое старше ея. Съ нимъ она уѣхала во Францію и была тамъ представлена ко двору Людовика XVIII. Французскій дворъ не понравился ей и она старалась пе-

ревести своего мужа посломъ къ русскому двору; это, однако, ей не удалось и она только на время могла пріѣхать, въ 1824 году, первый разъ въ Петербургъ. Не желая пользоваться благосклонной милостью, оказываемою ей императоромъ Александромъ, она никогда не просила у него ничего лично для себя, но отецъ и братья ея [1]), кругомъ виноватые противъ Россіи, часто заставляли ее просить за нихъ императора, что̀ ставило Александра Павловича въ весьма затруднительное положеніе.

Передъ нами лежатъ два, сильно разнящихся по редакціи, изданія мемуаровъ г-жи Шуазель-Гуфье. Первое изъ нихъ, напечатанное въ Брюсселѣ въ 1829 году, было написано ею подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій и составляетъ, въ настоящее время, библіографическую рѣдкость. Второе—было написано тридцать лѣтъ спустя и издано въ Парижѣ въ 1862 году [2]).

Понятно, что въ это время много перемѣнъ произошло въ авторѣ и вокругъ нея. Взглядъ ея на событія, описываемыя ею, сталъ серьезнѣе и вѣрнѣе, но за то многія впечатлѣнія изгладились, что̀ было для нея непополнимой потерей, такъ какъ она сама говоритъ въ послѣднихъ своихъ мемуарахъ, что не могла достать ни одного печатнаго экземпляра перваго изданія и во второе пришлось ей вставить на память многое, потому что писанныя ею замѣтки не сохранились во всей ихъ полнотѣ. Мы руководствуемся первымъ изданіемъ и беремъ изъ втораго только то, что можетъ уяснить нѣкоторые факты, не вполнѣ ясно обрисованные въ первомъ.

Вообще извлекаемъ мы изъ Записокъ графини Шуазель-Гуфье только то, что непосредственно относится къ характеристикѣ того времени.

Графиня Тизенгаузенъ встрѣтилась въ первый разъ съ императоромъ Александромъ 27-го апрѣля 1812 года. Государь, проѣздомъ въ Вильну, остановился въ имѣніи ея родственницы, гдѣ была ему представлена 19-ти лѣтняя Софія Тизенгаузенъ. По поводу приготовленій ко встрѣчѣ государя она передаетъ много подробностей, но мы ограничимся слѣдующими ея замѣчаніями и разсужденіями.

---

[1]) Отецъ ея былъ членомъ временнаго литовскаго правительства и ушелъ, вмѣстѣ съ французами, по удаленіи Наполеоновскихъ войскъ. Старшій братъ автора сформировалъ на свой счетъ цѣлый отрядъ конной артиллеріи для Наполеона, а меньшой—служилъ полковникомъ въ одномъ изъ французскихъ полковъ, сражавшихся съ русскими.

[2]) Вотъ перечень пяти изданій Записокъ Шуазель-Гуфье:

Choiseul-Gouffier, C-sse de, Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre et la cour de Russie. Paris, 1829. 8°.

— Id. Bruxelles, 1829. 12°.

— Historiska mémoirer om Kejsar Alexander och ryska hofvet. Öfversättning från Franskan. Orebro, 1830. 8°.

— Alexander Kaiser v. Russland. Mit Benutzung des französischen Textes, durch Fr. v. Barfus. (Saarlouis), 1849. 4°.

— Reminiscenses sur l'Empereur Alexandre I-er. Paris, 1862. 8°.

I.

«Въ 1812 году Александру было тридцать пять лѣтъ, но онъ казался гораздо моложе. Несмотря на тонкія и правильныя черты и нѣжный цвѣтъ лица, въ немъ прежде всего поражала не красота его, а выраженіе безконечной доброты. Выраженіе это привлекало къ нему сердца всѣхъ окружающихъ и сразу внушало полное къ нему довѣріе. Онъ былъ очень хорошо сложенъ, но станъ его, наклоненный немного впередъ, на манеръ древнихъ статуй, начиналъ уже полнѣть. Онъ былъ высокаго роста, осанку имѣлъ благородную и величественную. Чисто-голубые глаза его, несмотря на близорукость, смотрѣли быстро; въ нихъ просвѣчивалъ умъ и какое-то неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Глаза эти точно улыбались. Прямой носъ былъ прекрасно очерченъ, ротъ малъ и пріятенъ, весь профиль и окладъ лица напоминали красоту его августѣйшей матери. Даже недостатокъ волосъ на лбу не портилъ этого лица, а придавалъ ему выраженіе открытое и веселое. Золотисто-бѣлокурые свои волосы онъ тщательно причесывалъ на манеръ античный. Въ его голосѣ и манерѣ было безчисленное множество оттѣнковъ: въ разговорѣ съ значительными особами онъ принималъ величественный видъ, хотя былъ съ ними весьма любезенъ; съ приближенными обходился весьма ласково; доброта его доходила иногда до фамильярности; съ пожилыми дамами онъ былъ почтителенъ, съ молодыми—граціозно-любезенъ; тонкая улыбка мелькала на губахъ, глаза его принимали участіе въ разговорѣ. Слушая кого нибудь, онъ подставлялъ слегка правое ухо, потому что, будучи еще юношей, былъ оглушенъ залпомъ артиллеріи, и плохо слышалъ на лѣвое ухо.

«Ни одному живописцу не удалось передать вполнѣ выраженія лица государя. Правда, онъ и не любилъ снимать съ себя портретовъ. Одинъ только Жераръ успѣлъ выпросить у него нѣсколько сеансовъ; но и тотъ, не смотря на все свое мастерство, не съумѣлъ передать характера лица государя. Онъ ему придалъ видъ завоевателя, который вовсе не гармонировалъ съ добрымъ выраженіемъ физіономіи.

«Скульптурѣ болѣе посчастливилось, и я видѣла бюстъ Але-

ксандра, превосходно сдѣланный однимъ берлинскимъ художникомъ. Говорятъ, что Торвальдсену тоже удалось вѣрно передать черты и выраженіе его лица».

Александръ родился въ 1777 году (12-го декабря). Съ годами развились въ немъ тѣ блестящія качества, которыми природа такъ щедро его наградила. Полная гармонія господствовала въ ребенкѣ, предназначенномъ занять одинъ изъ первыхъ престоловъ Европы и блестящее мѣсто въ исторіи. Наружная красота его соотвѣтствовала внутреннимъ достоинствамъ и казалась отблескомъ послѣднихъ. Безконечная кротость характера дѣлала его кумиромъ окружающихъ и взоры всѣхъ обращались на него какъ на надежду могущественной Россіи.

Императрица Екатерина пожелала сама заняться воспитаніемъ своего внука. Весьма прискорбно, что его мать не сохранила надъ нимъ того вліянія, которое она желала имѣть надъ нимъ посреди блестящаго, но далеко не нравственнаго двора Екатерины. Своимъ энергичнымъ умомъ и твердою волей, не разъ ею выказанными въ послѣдствіи, Марія Ѳедоровна могла бы сильно вліять на первыя впечатлѣнія своего сына. Благотворное дѣйствіе произвели бы на сердце Александра правила благоразумія, внушенныя этой высоко-нравственной женщиной, посвятившей всю свою жизнь на служеніе человѣчеству, поступки которой дышатъ такою рѣдкой добротой. Впрочемъ, воспитатель, выбранный для Александра Екатериной, въ лицѣ Лагарпа, могъ успокоить заботливую мать и удовлетворить требованіямъ общества.

Великій князь любилъ заниматься науками, будучи одаренъ изумительною памятью и умомъ тонкимъ, проницательнымъ и легко все понимавшимъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ выказывалъ охоту къ военнымъ наукамъ и добросовѣстно служилъ, какъ онъ выражался. Строго придерживаясь самъ дисциплины, онъ заставлялъ и другихъ исполнять въ точности ея предписанія. У него была въ высшей степени развита любовь къ порядку и труду, но болѣе всего поражала въ немъ ровность характера, качество весьма рѣдкое и драгоцѣнное въ государѣ. Ничто не могло омрачить кротости и доброты, которыми дышало все его существо. Онъ хорошо владѣлъ нѣсколькими языками и въ особенности легко и краснорѣчиво говорилъ по французски. Манера держать себя была въ немъ весьма увлекательна, хотя въ первые

годы его молодости проглядывала въ немъ застѣнчивость. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ умѣньи нравиться и привлекать къ себѣ сердца.

Екатерина, боясь для своего внука гибельныхъ увлеченій молодости, поспѣшила женить его почти юношей: ему было не вполнѣ 16 лѣтъ,—поспѣшность, послѣдствія которой имѣли, болѣе чѣмъ думаютъ, вліяніе на его будущность и домашнія отношенія молодой четы. По принятому при русскомъ дворѣ обычаю, три молодыя нѣмецкія принцессы были привезены въ Петербургъ и представлены проницательнымъ взорамъ императрицы, которая желала сама избрать будущую супругу для своего внука. Разсказывали, будто слѣдующій случай помогъ Екатеринѣ сразу опредѣлить характеръ принцессъ. Императрица сидѣла у окна, когда подъѣхала карета съ тремя красавицами-принцессами. Екатерина замѣтила, что первая изъ нихъ слишкомъ поспѣшно вышла изъ экипажа. Это ей не понравилось. Вторая запуталась въ своемъ длинномъ платьѣ. «Какая медленность и неловкость», замѣтила Екатерина. При видѣ третьей, она вскрикнула: «Вотъ будущая великая княгиня!» И точно, Елисавета Баденская оправдала хорошее о ней мнѣніе государыни и съумѣла привязать къ себѣ Александра. Она была прелестна: ослѣпительная бѣлизна лица съ розовымъ оттѣнкомъ щекъ, пепельнаго цвѣта волосы, спускавшіеся на плечи алебастровой бѣлизны, талія сильфиды, выраженіе ума и чувства въ большихъ голубыхъ глазахъ, все привлекало къ ней взоры и приводило въ восторгъ. Графъ Шуазель-Гуфье, бывшій посланникъ въ Константинополѣ [1]), находился тогда съ сыномъ въ Россіи и встрѣчалъ нерѣдко въ царскосельскомъ паркѣ августѣйшаго жениха, прекраснаго шестнадцати-лѣтняго юношу. Красивый, ловкій, прекрасно сложенный, Александръ останавливался на минуту поговорить съ Гуфье и потомъ, движеніемъ, полнымъ юношеской граціи и чистоты, указывая на дворецъ, куда онъ ежедневно стремился, удалялся на свиданіе съ своей невѣстой. Страстная любовь его была вознаграждена взаимностью.

Увлеченный красотой своей молодой невѣсты, Александръ нашелъ въ ней развитый умъ, любящее сердце и все, что могло усладить тягостную жизнь, которую имъ пришлось вести послѣ смерти Екатерины.

[1]) За сыномъ котораго была въ послѣдствіи замужемъ Софія Тизенгаузенъ.

Восшествіе на престолъ Александра ознаменовано было правосудіемъ и благотворительностью. Онъ возвратилъ множество лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, и тотчасъ же уничтожилъ тягостный придворный этикетъ, установленный его отцомъ, между прочимъ обычай выходить изъ экипажа при встрѣчѣ съ государемъ.

Обычай этотъ распространялся на всѣхъ, безъ различія.

Первая круглая шляпа, появившаяся на петербургскихъ улицахъ, произвела, говорятъ, страшный фуроръ. Дозволено было выѣзжать за границу всѣмъ безразлично. Перестали бояться шпіонства и доносовъ. Искусства и литература, не стѣсняемыя болѣе, привѣтствовали своего августѣйшаго покровителя.

Войско, подчиненное строгой, но хорошо выясненной дисциплинѣ, ожило, не смотря на то, что Александръ былъ строгъ ко внѣшней формѣ, и замѣчалъ мелочи, ускользавшія отъ менѣе опытнаго глаза. Впрочемъ, нельзя осуждать его за это пристрастіе, потому что подобная строгость происходила отъ любви къ порядку и точности при исполненіи долга.

Блестящіе праздники встрѣчали всюду молодаго государя и свидѣтельствовали объ усердіи его подданныхъ. Александръ удостоилъ своимъ присутствіемъ пиршества, приготовленныя для него въ Вильнѣ. «Я была еще тогда ребенкомъ и не имѣла счастья его видѣть. Помню, что въ программѣ встрѣчи государя было придумано городскимъ правленіемъ, чтобы народъ везъ экипажъ царя. Напрасно нѣкоторыя лица изъ его свиты, пріѣхавшія ранѣе государя, доказывали, что подобное изъявленіе не можетъ быть пріятно Александру; ихъ не слушали, въ виду того, что затрачены уже были деньги на одежду человѣкъ двадцати, набранныхъ изъ шляхты, для этой странной запряжки.

«Въ то время, какъ Александръ остановился неподалеку отъ Вильны, чтобы принять разныхъ депутатовъ города, бѣдняги эти бросились къ царскому экипажу, впряглись въ него и бѣгомъ пустились ко дворцу, везя вмѣсто императора его лакея и кучера. Послѣдній, важно возсѣдая на козлахъ, управлялъ ими какъ лошадьми. По весьма естественному чувству отвращенія дозволить себя везти своими ближними, государь предпочелъ сѣсть въ экипажъ одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ.

«На обратномъ пути изъ Вильны, Александру пришлось переѣзжать на паромѣ. Одинъ изъ перевощиковъ нечаянно пора-

нилъ себя настолько сильно, что напугалъ окружающихъ. Государь, считая себя невольною причиной его бѣдствія, поспѣшилъ тутъ же перевязать ему рану собственнымъ платкомъ.

Послѣ неудачной Аустерлицкой битвы, проѣзжая чрезъ прусскую Польшу, Александръ заблудился. Случилось это неподалеку отъ мѣстечка Мендзыржецъ (меже-рѣчье). Ночь была зимняя, очень темная; ѣхалъ онъ въ простыхъ саняхъ, почти безъ свиты. Узнавъ, что земля, на которой онъ находился, принадлежитъ Константину Чарторижскому, котораго онъ зналъ еще въ Петербургѣ, онъ велѣлъ вести себя прямо къ нему. Подъѣхавъ къ дому, онъ приказалъ слугамъ доложить князю, что старый другъ желаетъ его немедленно видѣть. Слуги, при видѣ такой простой обстановки гостя, не рѣшались потревожить князя, но приказъ былъ имъ повторенъ съ такимъ царскимъ величіемъ, что они повиновались. Удивленный не менѣе слугъ своихъ, князь Чарторижскій надѣваетъ на-скоро халатъ и спѣшитъ въ залу, гдѣ находитъ таинственнаго друга. Государь не дозволилъ разбудить княгиню, напился у Чарторижскаго чаю, взялъ у него нѣсколько необходимаго бѣлья, такъ какъ онъ не зналъ когда настигнетъ его багажъ, и тотчасъ же отправился далѣе.

Весной 1807 года, сраженіемъ подъ Фридландомъ была закончена прусская кампанія. Тильзитскій миръ обманулъ надежды поляковъ. Свиданіе Наполеона съ Александромъ происходило, какъ извѣстно, на плоту посреди Нѣмана. Говорятъ, что Наполеонъ, увидавъ Александра, былъ пораженъ его красотой и воскликнулъ: «Это Аполлонъ!» При этой встрѣчѣ, Александръ впервые назвалъ Наполеона его величествомъ и призналъ за нимъ титулъ императора.

Плотъ, на которомъ они встрѣтились, былъ построенъ французами. Послѣ обычныхъ привѣтствій и представленій Наполеону великаго князя Константина Павловича, Александру—Мюрата, носившаго тогда титулъ герцога Бергскаго, Наполеонъ предложилъ Александру войти первому въ палатку, приготовленную на плоту для ихъ совѣщаній. Александръ, считая себя хозяиномъ одного изъ береговъ Нѣмана, не желалъ принять этой любезности; Наполеонъ настаивалъ, заявляя, что онъ хозяинъ плота. Чтобы положить конецъ церемоніи, Александръ предложилъ войти обоимъ вмѣстѣ, но такъ какъ входъ былъ не

широкъ, то имъ пришлось прижаться другъ къ другу, чтобы войти въ одно и тоже время.

Результатъ конференціи сталъ извѣстенъ только въ послѣдствіи. Выйдя изъ палатки, оба государя казались взволнованными. Возвратясь на берегъ, Наполеонъ, въ видѣ любезности, заставилъ свое войско прокричать Александру ура! Александръ, въ отвѣтъ, велѣлъ своимъ крикнуть Vive l'Empereur Napoléon. Офицеры, знавшіе по французски, прокричали какъ было приказано, но солдаты грянули свое обычное привѣтствіе и оба берега Нѣмана огласились разомъ криками ура!

Переговоры продолжались нѣсколько дней. Въ продолженіе этого времени императоры навѣщали другъ друга. Александръ обѣдалъ нѣсколько разъ у Наполеона, но послѣдній не захотѣлъ ни разу отплатить довѣріемъ за довѣріе. Чтобы чѣмъ нибудь оправдать себя, онъ говорилъ: «Я не такъ добръ какъ вы, ваше величество, и не довѣряю окружащимъ васъ». Разъ только онъ попросилъ чаю. «Вы сосѣдъ Китая,—сказалъ онъ Александру,—чай у васъ долженъ быть превосходенъ». Когда ему его подали, онъ только поднесъ чашку къ губамъ, сдѣлавъ видъ будто пьетъ, но оставилъ ее нетронутой. Наполеонъ боялся отравы: когда Александръ обѣдалъ въ его лагерѣ, то свита его видѣла какъ метръ-д'отели проносили золотыя блюда съ кушаньями для государей между двумя рядами гренадеръ, никого къ нимъ не подпускавшихъ.

Вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира, Александръ принималъ, въ Петербургѣ, прусскаго короля съ его супругой, причемъ затмилъ великолѣпіемъ пріемъ, сдѣланный нѣкогда Людовикомъ XIV изгнанному изъ Англіи Іакову II-му. Великолѣпные экипажи и высокой цѣны шубы были поднесены при встрѣчѣ ихъ величествъ на границѣ Россіи. Далѣе по пути они встрѣчали всюду удобства изысканной роскоши. Король и королева въѣхали въ Петербургъ въ парадной каретѣ. Не смотря на холодъ, войска были въ сборѣ съ пяти часовъ утра. Цвѣтъ петербургскаго высшаго общества собрался во дворцѣ для встрѣчи августѣйшихъ гостей. Разсказываютъ, будто императоръ Александръ, ведя подъ руку прусскую королеву по заламъ дворца, встрѣтилъ въ одной изъ нихъ красавицу Нарышкину. На ней было простое бѣлое кре-

повое платье, многозначительный вѣнокъ изъ незабудокъ красовался на темныхъ волосахъ ея.

Не довольствуясь тѣмъ, что содержалъ на свой счетъ короля и королеву со всей ихъ свитой, Александръ еще дѣлалъ имъ чисто царскіе сюрпризы. Великолѣпные праздники смѣнялись одинъ за другимъ въ залахъ Зимняго дворца. Особенно замѣчательны были одинъ фейерверкъ, стоившій громадныхъ суммъ, и балъ, на которомъ присутствовало болѣе двадцати тысячъ особъ въ разныхъ характерныхъ костюмахъ.

На прусской королевѣ былъ надѣтъ великолѣпный русскій костюмъ, стоившій сто тысячъ рублей. Она нашла его у себя на туалетѣ, передъ баломъ. Александръ умѣлъ выказать свое сочувствіе несчастію августѣйшихъ особъ.

«Тщеславіе заставило Наполеона просить втораго свиданія у Александра. Оно происходило въ Эрфуртѣ. Говорятъ, будто ненасытимая жажда славы заставила Наполеона развернуть передъ благоразумнымъ и умѣреннымъ Александромъ гигантскій планъ раздѣленія всего свѣта на двѣ части: восточную и западную. Попытокъ къ исполненію его не послѣдовало вслѣдствіе лишь благоразумной умѣренности Александра.

«Разсказываютъ, будто, во время пребыванія императоровъ въ Эрфуртѣ, Александръ, находясь вмѣстѣ съ Наполеономъ въ театрѣ, во время представленія «Эдипа», всталъ при словахъ: «дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ», и, обнимая Наполеона, отнесъ эти слова къ нему. Я не передаю этого анекдота за достовѣрное. Мнѣ лично императоръ Александръ разсказывалъ только, что, во время пребыванія въ Эрфуртѣ, его утомляли часто даваемыя въ то время трагедіи, выборъ которыхъ онъ приписывалъ вкусу Наполеона и его мрачно-трагическому настроенію. Вскорѣ послѣ свиданія императоровъ въ Эрфуртѣ, Наполеонъ расторгъ бракъ свой съ Жозефиной.

Желая упрочить за своимъ потомствомъ престолъ Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣсть блестящаго и вѣрнаго союзника, онъ сталъ сватать за себя сестру русскаго императора Екатерину Павловну. Александръ былъ не прочь согласиться на этотъ бракъ, но встрѣтилъ такую сильную оппозицію со стороны вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны и самой молодой великой княжны, что долженъ былъ имъ уступить. Онѣ обѣ были женщины съ

характеромъ, и открыто возставали противъ континентальной системы, принятой Александромъ. Наполеону пришлось въ первый разъ, со времени своего возвышенія, получить отказъ. Это была для него первая измѣна фортуны!

II.

«27-го апрѣля 1812 года, императоръ Александръ пріѣхалъ въ Товіаны [1]), около 7-ми часовъ вечера. Онъ ѣздилъ обыкновенно въ открытой коляскѣ, даже ночью, несмотря ни на какую погоду.

«При первой встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, красота его не поразила меня, такъ какъ вся прелесть ея заключалась въ выраженіи кротости его открытаго, улыбающагося лица. Къ тому же я не могла себѣ представить императора въ сюртукѣ. Рѣшаюсь еще замѣтить: я нашла его черезчуръ любезнымъ, недовольно величественнымъ, слишкомъ старавшимся заставить забыть свой санъ. Я не могла привыкнуть къ его преувеличеніямъ при выраженіи уваженія, вниманія, просто любезности въ отношеніи женщинъ. Это, по моему мнѣнію, превосходило даже любезность двора Людовика XIV.

«Мы узнали отъ генерала Армфельда и Чернышева, что государь навѣститъ насъ на обратномъ пути. Армфельдъ управлялъ въ то время Финляндіей. Чернышевъ славился и тщеславился своими поѣздками въ Парижъ и исполненіемъ тайныхъ порученій. Онъ, по видимому, боготворилъ государя и называлъ его чарующимъ.

«Директоръ почтъ, назначенный наблюдать за приготовленіемъ остановокъ въ пути для государя, сообщилъ графинѣ Морикони, чтобы она пригласила государя переночевать въ своемъ помѣстьѣ. Въ домѣ поднялась, обыкновенная при такихъ случаяхъ, суматоха.

«Въ то время, какъ прислуга набивала сѣномъ желтый сафьянный мѣшокъ, который служилъ обыкновенно постелью для государя, любившаго спать на жесткомъ, царскій камердинеръ, наблюдавшій за этими приготовленіями, говорилъ намъ пресерьезно, что императоръ, если бы зналъ, никогда не дозволилъ бы столько хлопотать о себѣ. «Ему и такъ слишкомъ хорошо будетъ», добавилъ онъ.

---

[1]) Имѣнье графа Морикони, недалеко отъ Вилькомира.

«Смеркалось когда государь подъѣхалъ. На этотъ разъ, онъ былъ въ полномъ мундирѣ, шитомъ золотомъ, и при шарфѣ. Онъ остановился переодѣться на фермѣ, принадлежавшей имѣнью Морикони. Вспомнивъ, что г-жа Морикони была нездорова, онъ любезно освѣдомился какъ она себя чувствуетъ, сказалъ каждой изъ насъ по любезности и объявилъ, что торопился попасть къ обѣду въ Товіаны, но дурная дорога была помѣхой. Оробѣвшая г-жа Морикони поняла наши подталкиванія и рѣшилась выговорить свое приглашеніе ночевать. Государь отговорился тѣмъ, что его квартира назначена въ Вилькомирѣ и что онъ не желаетъ никого стѣснять. Но видно было, все это говорилось изъ одной только деликатности. Начались усиленныя просьбы. Позванъ былъ къ намъ на помощь графъ Толстой. Онъ объявилъ о своемъ родствѣ съ хозяйкой дома, и, въ качествѣ родственника, просилъ государя не отказываться отъ предлагаемаго гостепріимства. Государь, обращаясь къ г-жѣ Морикони, сказалъ: «сдаюсь на вашу просьбу, но умоляю васъ не безпокоиться». Графъ Толстой вышелъ послать курьера въ Вилькомиръ къ Барклаю-де-Толли.

«Вечеръ прошелъ въ довольно пустыхъ разговорахъ. Государь, слушая музыку, замѣтилъ, что Екатерина никакъ не хотѣла ему дозволить учиться играть на скрипкѣ, несмотря на его пристрастіе къ этому инструменту. Она боялась, чтобы музыка не отняла у него много времени.

«На замѣчаніе г-жи Морикони, родственницы хозяйки дома, что она не думаетъ провести зиму въ Вильнѣ, потому что, по нынѣшнему времени, приходится сокращать расходы, государь отвѣчалъ: «да, а послѣдствія могутъ быть еще плачевнѣе». —Это заставляетъ меня,—продолжала г-жа Морикони,—завидовать моимъ родственникамъ, живущимъ въ Бѣлоруссіи.—«Разумѣется, они дальше отъ границы». На приглашеніе къ ужину государь отвѣчалъ: «я не ужинаю, но охотно подчинюсь обычаямъ вашего дома». Замѣтивъ, что для него устроено особое мѣсто за ужиномъ, онъ съ игривой ловкостью растроилъ все установленное, говоря: «пожалуйста дозвольте мнѣ быть только человѣкомъ, я тогда бываю такъ счастливъ». За ужиномъ государь посмѣивался надъ Волконскимъ. «Онъ такъ ѣстъ, будто не обѣдалъ».

— Какой обѣдъ, — ворчалъ Волконскій: яйцо и кусокъ цыпленка!

— Да,—замѣтилъ Толстой,—государь никогда не дозволяетъ везти за собою кухню, не беретъ поваровъ, а довольствуется только тѣмъ, что находитъ на мѣстѣ.

«Мы удивлялись необыкновенной памяти государя, запоминавшаго имена людей и тѣхъ мѣстностей Литвы, черезъ которыя онъ проѣзжалъ. «Мнѣ приходится,—сказалъ государь,—помнить за двоихъ: когда Толстой говоритъ мнѣ о комъ нибудь, онъ начинаетъ такъ: вы знаете о комъ я говорю... и затѣмъ разсказываетъ далѣе».

«На другой день мы поднялись съ четырехъ часовъ, чтобы проводить государя. Въ ожиданіи его выхода, намъ разсказывала его свита о его привычкахъ. Онъ спалъ обыкновенно на тюфякѣ и подушкѣ, набитыхъ сѣномъ. Камердинеръ не давалъ ему проспать лишней четверти часа противъ назначеннаго. Государь однажды чуть было не лишилъ его мѣста, за то, что тотъ далъ ему проспать. Въ 6 часовъ вышелъ государь и поблагодарилъ насъ за проводы въ такой ранній часъ. Несмотря на запрещеніе государя, мы всѣ выбѣжали провожать его на крыльцо. Прячась за колонну крыльца, онъ надѣлъ свою шинель, вскочилъ въ коляску и принялся укладывать множество вещей, загромождавшихъ его сидѣнье, въ ожиданіи Толстаго. Тотъ, запоздавъ, торопился надѣть шинель въ рукава, но то-и-дѣло попадалъ рукой въ разорванную подкладку. Мы всѣ отъ души смѣялись его неловкости.

«Черезъ часъ послѣ отъѣзда государя, мы отправились къ нашему приходскому священнику, который долженъ былъ выйти на встрѣчу государю, во время его проѣзда. Нашли мы стараго ксендза, еще подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи. Онъ разсказывалъ, что государь, увидавъ его вышедшаго съ крестомъ въ рукахъ, выскочилъ изъ коляски, взялъ изъ его рукъ крестъ и приложился къ нему. Ксендзъ хотѣлъ поцѣловать руку у государя, но тотъ не допустилъ этого и самъ поцѣловалъ руку старика. Александръ любилъ наше католическое духовенство, любилъ наши деревенскіе храмы и заходилъ въ нихъ, чтобы вознестись душой къ Богу, отдохнуть отъ дѣлъ и всѣхъ государственныхъ заботъ—терній царскаго величія. Два года спустя, возвращаясь побѣдителемъ изъ Франціи, государь, отставъ отъ свиты, зашелъ въ маленькій уединенный костелъ, въ которомъ совершалъ богослуженіе молодой ксендзъ. Видя какъ усердно молится молодой офи-

церъ, ксендзъ далъ ему приложиться къ дикосу и поцѣловалъ слегка плѣшивую голову, когда тотъ, приложившись, поцѣловалъ у него руку. Въ послѣдствіи онъ узналъ, что это былъ императоръ.

«Выходя изъ церкви, Александръ заговорился съ одной старушкой и, узнавъ, что она ѣдетъ тоже въ Вилькомиръ, предложилъ ѣхать съ собою, увѣряя, что съ нимъ скорѣе доѣдетъ. Старушка отъ приглашенія не отказалась и усѣлась рядомъ съ государемъ. Разговоръ зашелъ объ дѣлахъ старушки; она жаловалась, что процессъ ея длится весьма долго и нѣтъ у нея никого такихъ, кто могъ бы ускорить это дѣло.

— Отчего вы не подадите просьбу виленскому генералъ-губернатору? — спросилъ ее Александръ.

— Военный губернаторъ прекрасный человѣкъ, — отвѣчала старушка, — но секретарь его ничего не дѣлаетъ безъ денегъ, а у меня нѣтъ состоянія.

— Дайте мнѣ вашу просьбу, я самъ передамъ ее.

— Она тутъ у меня въ мѣшкѣ, — сказала какъ-то нерѣшительно барыня, встрѣчая такую самонадѣянность въ молодомъ офицерѣ.

— Давайте, давайте, — продолжалъ тотъ, — я все устрою, — и онъ положилъ просьбу въ карманъ.

«Пріѣхали въ Вилькомиръ. Представьте удивленіе барыни, когда выбѣжали на встрѣчу государя генералы и флигель-адъютанты въ блестящихъ мундирахъ и отдали ему честь. Но каково было недоумѣніе всѣхъ при видѣ его старой спутницы. Посплетничать не было никакой возможности. Къ довершенію счастья старухи, государь велѣлъ возвратить ей просьбу съ собственноручной своей подписью и надо предполагать, что этотъ процессъ былъ выигранъ ею.

«Александра занимали подобныя выходки; онъ часто являлся инкогнито, совершенно одинъ, даже безъ графа Толстаго. Однажды ему вздумалось въ дорогѣ пройтись пѣшкомъ до деревни, гдѣ было все приготовлено для его остановки. Онъ входитъ въ прилично устроенный домъ, принявшій въ ожиданіи его праздничный видъ, и застаетъ молодую дѣвушку за фортепіано. По окончаніи піесы, которую онъ изъявилъ желаніе прослушать, онъ проситъ дѣвицу дать ему чашку чаю. Хорошенькая паненка строго замѣчаетъ,

что ждутъ съ часу на часъ государя и она не можетъ угощать никого до его пріѣзда. Бѣдному императору пришлось ждать прибытія своей свиты. Молодая дѣвушка сильно сконфузилась, узнавъ кому она отказала въ чашкѣ чаю.

«Другой разъ государь долго говорилъ съ однимъ помѣщикомъ, не догадывавшимся, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Веселому толстяку такъ понравился молодой гвардеецъ, что, угощая его пивомъ, онъ воскликнулъ:

— Какъ жаль, что ваши товарищи не походятъ на васъ. Они дерзки, высокомѣрны и слишкомъ требовательны.—Прощаясь съ государемъ, болтунъ спрашиваетъ какъ его зовутъ?

— Меня зовутъ честнымъ человѣкомъ,—отвѣчалъ смѣясь государь.

«Добрякъ пришелъ въ восторгъ отъ этой шутки, взялъ за голову Александра и, поцѣловавъ въ обѣ щеки, сказалъ:

— Господь да хранитъ тебя въ пути твоемъ.

«Въ эту минуту раздается стукъ экипажей и вся свита государя въѣхала въ домъ помѣщика. Испуганный толстякъ, узнавъ, что тотъ офицеръ—государь, падаетъ на колѣни и проситъ прощенія.

— За что мнѣ прощать васъ?—успокаивалъ его государь,—вы такъ радушно и ласково меня приняли».

III.

«Вскорѣ я узнала, что меня сдѣлали фрейлиной большаго двора, и отецъ повезъ меня въ Вильну представить императору.

Въ Вильнѣ всѣ были заняты прибытіемъ графа Нарбонна,—дипломата, присланнаго Наполеономъ къ Александру. Это былъ человѣкъ свѣтскій и любившій удовольствія. Онъ обладалъ пріятной, блестящей внѣшностью, но былъ слишкомъ подвиженъ. Въ немъ чувствовалось отсутствіе того достоинства и проницательности, которыя сопровождаютъ обыкновенно человѣка, стоящаго на своемъ мѣстѣ, словомъ—графъ Нарбоннъ не былъ созданъ для дипломатическихъ переговоровъ. Александръ съ необыкновенной ясностью и благороднымъ краснорѣчіемъ объяснилъ ему всю умѣренность своихъ требованій, свое право быть недовольнымъ за многое Наполеономъ, свое нежеланіе проливать понапрасну кровь

и невозможность согласиться на сдѣланныя ему предложенія, не уронивъ своего царскаго достоинства, не повредивъ интересамъ Россіи. Удивленный и сконфуженный Нарбоннъ не нашелъ ничего сказать въ опроверженіе этой рѣчи. Выйдя послѣ этой ауді-енціи, онъ самъ признался одному изъ своихъ знакомыхъ, что: „Александръ такъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, доводы его такъ сильны и логичны, что онъ не могъ ничего ему отвѣтить, кромѣ пустыхъ придворныхъ фразъ". Кочубей и Нессельроде сдѣлали ему прощальный визитъ, и Нарбоннъ понялъ, что ему не слѣдуетъ оставаться долѣе.

«Что говорилъ Нарбоннъ на аудіенціяхъ съ государемъ осталось тайной. Въ Вильнѣ не знали о приближеніи французскихъ войскъ къ Литовской границѣ, не знали даже гдѣ Наполеонъ, и готовили государю балъ, въ Закретѣ [1]), въ то время, когда рѣшено уже было выступленіе войскъ изъ Литвы. Балъ этотъ устраивали не г-жа Бенигсенъ, какъ пишетъ объ этомъ г-жа д'Абрантесъ, а всѣ придворные; Александръ добавилъ имъ 300 имперіаловъ изъ своего кошелька, замѣтивъ при этомъ:

— «Если вы желаете устроить праздникъ, такъ постарайтесь, чтобы онъ былъ блестящій, потому что виленскія дамы знатоки въ этомъ дѣлѣ».

«Молодежь, состоявшая въ свитѣ государя, нашла, что помѣщеніе, предлагаемое для праздника графинею Бенигсенъ въ ея загородномъ домѣ, не довольно обширно, но не желая разстаться съ прекрасной мѣстностью этой дачи, передѣланной изъ древняго іезуитскаго монастыря, окруженной аллеями, парками и оранжереями, придумали построить для танцевъ легкую галлерею съ колоннами на лугу, посреди котораго находилась клумба превосходныхъ цвѣтовъ, окруженная померанцевыми деревьями. Клумба эта могла служить прекраснымъ мѣстомъ отдыха для дамъ. Постройкой галлереи занялся архитекторъ Шульцъ. Г-жа Абрантесъ приписываетъ ему, въ своихъ мемуарахъ, страшное намѣреніе и восхваляетъ его патріотизмъ, поставившій его, по ея мнѣнію, наравнѣ съ героями древности. Не помню, чтобы я встрѣчала въ древней исторіи что нибудь подобное, развѣ только подвигъ Самсона, обрушившаго храмину на Филистимлянъ. Но Сам-

[1]) Живописное мѣсто на берегу рѣки Виліи, въ 3-хъ верстахъ отъ Вильны.

сонъ уничтожилъ этимъ только однихъ враговъ своего отечества, между тѣмъ какъ г-нъ Шульцъ, этотъ герой во вкусѣ г-жи Абрантесъ, устроивъ преднамѣренно паденіе галлереи, раздавилъ бы вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ нѣсколько генераловъ и цвѣтъ польской молодежи, не считая уже насъ, бѣдныхъ женщинъ. Дѣло это было гораздо проще. Г. Шульцъ былъ прекрасный человѣкъ, но скверный архитекторъ; его постройки не отличались прочностью: то стѣна обрушится, то сводъ рухнетъ. За нѣсколько дней до праздника, отецъ мой отправился въ Закретъ посмотрѣть какъ глубоко укрѣпляютъ колонны галлереи. Это были твердыя, простыя, круглыя бревна, которыя должны были поддерживать легкую крышу; ихъ хотѣли замаскировать зеленью и устроить надъ ними нѣчто въ родѣ капители изъ цвѣтовъ каштановаго дерева.

— Вы не довольно глубоко опускаете въ землю колонны, — замѣтилъ мой отецъ, знавшій архитектуру.

— Я укрѣплю ихъ вмѣстѣ съ крышей, — отвѣтилъ г. Шульцъ.

«Два дня спустя, мы узнаемъ, что галлерея обрушилась (по счастью, во время отсутствія работниковъ), и г-нъ Шульцъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, бросился въ Вилію, которая протекаетъ въ Закретѣ. Бросился онъ не вслѣдствіе досады, что не удалось ему совершить своего преступнаго замысла, какъ это разсказываетъ г-жа Абрантесъ, но изъ страха быть заподозрѣннымъ въ злоумышленіи. Погубилъ онъ себя совершенно напрасно: императоръ Александръ былъ такъ справедливъ, что не видѣлъ въ этомъ несчастіи ничего болѣе какъ одну только неудачу.

«Этотъ случай не помѣшалъ празднику. Все общество собралось на подмосткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ галлереи. Дамы помѣстились подъ апельсинами въ цвѣту, мужчины составили кружокъ въ срединѣ эстрады.

«Вечеръ былъ дивный; легкія облака точно предохраняли насъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца; толпа народа, нахлынувшаго изъ города, разсыпалась по парку и по берегу рѣки; живописныя группы ихъ заканчивали картину, оживленную нашими бальными туалетами и блестящими мундирами кавалеровъ. Государь пріѣхалъ въ восемь часовъ вечера. Онъ былъ очень красивъ въ своемъ мундирѣ Семеновскаго полка, съ свѣтло-голубыми отворотами. Онъ остановился ненадолго полюбоваться всѣмъ собра-

ніемъ, затѣмъ подошелъ къ дамамъ, и уговаривалъ ихъ не вставать передъ нимъ.

«Послѣ дессерта, предложили государю начать танцы съ эстрады. Чтобы дать возможность видѣть себя толпѣ, собравшейся вокругъ, государь пригласилъ первую г-жу Бенигсенъ, какъ хозяйку праздника, потомъ жену военнаго министра Барклая-де-Толли и затѣмъ меня. Пройдясь раза два въ польскомъ по эстрадѣ, пары потянулись черезъ корридоры и галлереи, въ залу. Польскій былъ нескончаемъ, комплименты тоже.

«Государь уѣхалъ во время ужина, поданнаго въ саду. Воздухъ былъ такъ тихъ, что свѣчи горѣли не мелькая. Блескъ шкаликовъ, размѣщенныхъ въ паркѣ и отражавшихся въ каскадѣ, соперничалъ съ многочисленными звѣздами и матовымъ свѣтомъ луны, которую государь такъ непоэтично сравнилъ съ фонаремъ, сказавъ однако, что это лучшая часть иллюминаціи. Кто бы могъ подумать на этомъ праздникѣ, видя игривость и любезность государя, что онъ во время бала узналъ о переходѣ французовъ черезъ Нѣманъ. Аванпосты ихъ были уже въ семидесяти верстахъ отъ Вильны!...

«Черезъ шесть мѣсяцевъ, государь высказалъ мнѣ какъ ему тяжело было выказывать веселость въ то время, когда такъ тяжело было у него на сердцѣ. Какое удивительное самообладаніе!

«Мой отецъ готовилъ праздникъ государю въ Воркахъ [1]), какъ вдругъ пронеслась вѣсть, что Наполеонъ идетъ на Вильну. Государь выѣхалъ, сказавъ войску: «Я буду съ вами и Господь сокрушитъ нападающихъ». Поднялась суматоха. У всѣхъ виленскихъ жителей (за исключеніемъ моего отца) отняли лошадей для русскихъ чиновниковъ, которые торопливо выѣзжали съ своими женами и со всѣмъ имуществомъ. Улицы загромоздились экипажами, наполненными всякой всячиной. Шумъ и тѣснота продолжались всю ночь. За то на другой день, къ утру, стало вдругъ такъ тихо, точно Вильна превратилась въ Венецію. Тишина была только наружная. Ходили въ городѣ разные зловѣщіе слухи, говорили будто русскіе хотятъ сжечь предмѣстья и, убивъ всѣхъ жителей, защищать городъ; пророчили кровопролитное сраженіе подъ стѣнами города; совѣтовали другъ другу бѣжать въ горы или спря-

[1]) Нынѣ имѣнье князя Витгенштейна, въ 7-ми верстахъ отъ Вильны.

таться въ подвалы. Двухдневный промежутокъ между отъѣздомъ Александра и вступленіемъ въ Вильну войскъ Наполеона показался намъ нескончаемымъ.

«Въ то время какъ русскія войска, переправясь ночью черезъ рѣку, сожгли за собою мостъ, французы вступили въ городъ съ противоположной стороны. Полкъ князя Доминика Радзивила [1]) проходилъ мимо нашего дома. Я вышла на балконъ и заплакала отъ радости, увидавъ въ первый разъ прекрасный мундиръ польскихъ уланъ и ихъ знамена, украшенныя нашими народными цвѣтами. Они мнѣ кланялись улыбаясь..... Я почувствовала, что я полька. Чудное время, какъ недолго оно продолжалось....

«Энтузіазмъ охватилъ всѣхъ. Городъ огласился криками. Люди простаго званія бросились вытаскивать изъ Виліи оружіе, которое побросали въ воду русскіе при своемъ отступленіи. Вооружившись поверхъ своей рабочей одежды, они бѣгали по городу, подбрасывая вверхъ шапки, и кричали: виватъ! Горожане, съ развѣвающимися знаменами, вышли на встрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи города.

«Разсудительный и осторожный отецъ мой не предвидѣлъ ничего хорошаго отъ всего этого.

— Дураки, сумасброды,—говорилъ онъ,—русскіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Вильны. Кто можетъ угадать куда они двинутся и какой оборотъ приметъ дѣло.

«Онъ сталъ еще мрачнѣе, когда, дня черезъ три по вступленіи французскихъ войскъ, увидалъ весь безпорядокъ, сопровождавшій эту громадную армію, отсутствіе дисциплины, безпечность начальниковъ и вѣру ихъ въ счастье Наполеона, доходившую до фанатизма. Шестьсотъ тысячъ человѣкъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Европы, подчиняясь Наполеоновой политикѣ, тянулись въ двѣ линіи, безъ запасовъ продовольствія, въ глубь страны, обѣднѣвшей вслѣдствіе континентальной системы, и съ умысломъ (?) разоренной послѣднимъ поборомъ. Одинъ изъ генераловъ предложилъ государю совершенно разорить Литву, переселить всѣхъ ея жителей и оставить Наполеону одну пустыню. Сострадательное сердце Александра отвергло этотъ совѣтъ, можетъ быть, весьма

---

[1]) Литовскаго эмигранта, командовавшаго отрядомъ польскихъ войскъ Наполеона.

полезный, но крутой и жестокій. Сожгли только всѣ хлѣбные магазины и мельницы. Французская армія, занявъ Вильну, три дня просидѣла безъ хлѣба. Не смотря на фразу генерала Жомини, что «умираютъ отъ голода только въ осажденномъ городѣ», голодъ вскорѣ далъ себя знать.

«Селенія, лежавшія по Наполеоновскому пути, были опустошены и разграблены великой арміей; всходы хлѣба, скошенные для кавалеріи, не обѣщали ничего въ будущемъ. Да и какъ было подвозить припасы, когда всюду шныряли мародеры. Всѣ эти безпорядки были слѣдствіемъ неосторожно изданной Наполеономъ прокламаціи.

«Переправясь черезъ Нѣманъ, онъ объявилъ въ приказѣ войскамъ, что они вступили въ непріятельскую землю. Вотъ чѣмъ заявилъ о своемъ приходѣ этотъ горячо ожидаемый избавитель! Вслѣдствіе этой прокламаціи, французы стали смотрѣть на Литву какъ на враждебную имъ землю. Какъ въ началѣ жители, опьяненные патріотизмомъ, летѣли на встрѣчу французамъ, такъ въ послѣдствіи, обиженные и разоренные тѣми, которыхъ они считали избавителями отечества, бѣжали въ лѣса, предоставивъ на произволъ грабежа свои дома и спасая только то, что дороже было имъ всего: честь своихъ женъ и дочерей. Каждый день слышали мы разсказы о безпорядкахъ, совершаемыхъ солдатами въ селеніяхъ. Вильна, казалось, стала военнымъ центромъ: черезъ нее постоянно тянулись войска этой безконечной арміи; солдаты располагались бивуакомъ посреди улицъ; всюду раздавались бряцанье оружія, звуки трубъ, ржаніе лошадей и смѣсь всевозможныхъ языковъ. Уставъ смотрѣть на все это, я старалась отдохнуть глядя на небо, но и тутъ мнѣ видѣлись въ облакахъ движущіяся арміи и я со страхомъ вспоминала объ Апокалипсисѣ.

«Безпечные французы удивлялись общему упадку духа и думали, что съумѣютъ уничтожить всѣ встрѣченныя ими препятствія. Они требовали отъ литовцевъ: солдатъ, хлѣба и денегъ, спѣшили устраивать временное правительство и старались возбудить самолюбіе жителей язвительными словами: «У васъ нѣтъ патріотизма, нѣтъ ни средствъ, ни энергіи». И литовцы клялись, что «они раззорятся, но докажутъ, что они поляки». Но какая польза была имъ изъ всего этого? Французскій Магометъ не удостоивалъ ихъ даже надеждою за вѣру въ него и всѣ пожертвованія.

«Наполеонъ вступилъ въ Вильну встревоженный и недовольный; онъ, точно, боялся своей легкой побѣды; онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы не понять, что отступили русскіе не изъ страха одного его имени, а вслѣдствіе глубокихъ соображеній. «Я думалъ,—сказалъ Наполеонъ,—что взятіе Вильны будетъ мнѣ стоить по крайней мѣрѣ 20 тысячъ человѣкъ». Онъ освирѣпѣлъ, когда узналъ, что русскіе заключили миръ съ Турціей, вслѣдствіе котораго онъ не могъ болѣе расчитывать на вѣрный успѣхъ ни на сѣверѣ, ни на югѣ. Недостатокъ провіанта и дисциплины, ошибки его брата, короля Іеронима, постоянныя потери въ кавалеріи, все, казалось, предрекало Наполеону плачевный исходъ этой кампаніи, но мрачный его геній толкалъ его впередъ и гналъ отъ него мысль о дѣйствительности.

«На одной изъ публичныхъ аудіенцій въ виленскомъ дворцѣ, Наполеонъ объявилъ, въ отрывочныхъ, не вполнѣ понятныхъ выраженіяхъ, что онъ пришелъ возстановить Польшу, что собранъ сеймъ въ Варшавѣ, для избранія короля... А сеймъ этотъ не зналъ даже каковъ долженъ быть этотъ король. Графъ Нарбоннъ, находившійся въ Вильнѣ, въ свитѣ Наполеона, говорилъ, что Наполеонъ, любившій такъ короны, вѣроятно пожелаетъ возложить на себя и корону Польши. Александръ рѣшился сдѣлать еще одно усиліе, чтобы остановить кровопролитіе: онъ прислалъ Балашова для переговоровъ. Предложенія были весьма выгодныя для Франціи и Польши, но Наполеонъ не принялъ ихъ. Отпуская Балашова, онъ спросилъ: «по какой дорогѣ лучше пройти въ Москву?» Балашовъ отвѣтилъ весьма находчиво: «есть разныя... Можно взять путь къ Полтавѣ».

Принимая одного французскаго эмигранта, облагодѣтельствованнаго Александромъ, Наполеонъ спросилъ его: «Видѣли ли вы здѣсь императора Александра?»

— Я имѣлъ честь являться ему.

— Точно ли онъ управляетъ самъ государствомъ?

— Онъ много работаетъ съ своими министрами и всѣ важныя дѣла пересматриваетъ самъ.

— Я не объ этомъ васъ спрашиваю. Я желаю знать, ограничена ли его власть сенатомъ?

Послѣ отрицательнаго отвѣта, Наполеонъ продолжалъ: «По-

чему русскіе такъ быстро отступили и не захотѣли принять сраженія подъ Вильной? Я могъ потерять при этомъ тысячъ 20».

— Быстрое движеніе французской арміи, подъ начальствомъ славнаго предводителя, вѣроятно, смутило русскихъ и они не рѣшились вступить въ сраженіе.

— Вы ошибаетесь. Мы не быстро двигались, меня заставили потерять много времени понапрасну..... Я съ неудовольствіемъ началъ эту войну: она будетъ стоить много крови; меня заставилъ начать ее императоръ Александръ, не сдержавъ условій Тильзитскаго мира. Александру дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе наставленій его наставника, Лагарпа. Повѣрите ли вы, что мнѣ пришлось, во время свиданія въ Эрфуртѣ, оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство гораздо лучше преемственнаго? Надобно быть Богомъ, чтобы умѣть управлять людьми! Судьба гораздо лучше помогаетъ имъ при наслѣдственномъ правѣ, чѣмъ могутъ они устроить сами свои дѣла.—Императоръ Александръ не любитъ этикета, онъ часто является совсѣмъ безъ свиты. Мой тесть, императоръ австрійскій, поступаетъ точно также; онъ удивился увидавъ вокругъ меня такую многочисленную свиту, но я ему объяснилъ, что для французовъ необходимо выказывать величіе, на нихъ надобно дѣйствовать внѣшнимъ блескомъ. Да и положеніе мое другое.

«Говоря объ литовской аристократіи, Наполеонъ употребилъ весьма грубое выраженіе. Онъ вообще не цѣнилъ услуги поляковъ, жертвовавшихъ ради его своею жизнью и достояніемъ. Изъ Москвы, онъ писалъ герцогу Бассано: «Въ Польшѣ однѣ только женщины обладаютъ умомъ и силою воли». Въ инструкціяхъ, данныхъ одному епископу, онъ предписывалъ обратить особенное вниманіе на женщинъ, «такъ какъ онѣ всѣмъ вертятъ въ Польшѣ».

Наполеонъ потребовалъ, чтобы польскія дамы, имѣвшія въѣздъ ко двору, были ему представлены. Графиня Тизенгаузенъ должна была явиться въ числѣ ихъ. Собираясь во дворецъ, она не побоялась надѣть шифръ, пожалованный ей императоромъ Александромъ. Окружавшіе ее заахали и пророчили ей болѣе чѣмъ плохой пріемъ.

«Я таки побаивалась,—пишетъ она,—какой нибудь рѣзкой вы-

ходки со стороны Наполеона и готовилась отвѣчать ему съ должной твердостью и достоинствомъ. Но этого не понадобилось. Всѣ разсказы и замѣтки по поводу моего разговора съ Наполеономъ преувеличены. Дѣло происходило такъ: когда меня ему назвали, Наполеонъ пристально посмотрѣлъ на мой бриллiантовый шифръ, красовавшійся на голубой лентѣ, и спросилъ: «Что это за знакъ?»

— Шифръ ихъ величествъ императрицъ русскихъ.

— Развѣ вы русская придворная?

— Нѣтъ, в. в., я только удостоена чести носить этотъ придворный знакъ».

«Во время этого же представленія, Наполеонъ, по своему обыкновенію, сдѣлалъ дамамъ нѣсколько вопросовъ въ этомъ родѣ: «Замужемъ ли вы?—Сколько у васъ дѣтей?—А что ваши дѣти плотные, толстые?»—Затѣмъ онъ обратился ко всѣмъ намъ вообще.—«Императоръ Александръ васъ всѣхъ очаровалъ своей любезностью, остались ли вы хорошими польками?»

«У Наполеона не было ничего величественнаго ни въ наружности, ни въ манерѣ. Въ его присутствіи я не чувствовала того невольнаго волненія, которое овладѣваетъ въ присутствіи знаменитости. Представляла я его себѣ съ отпечаткомъ геніальности; каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла маленькаго человѣчка, толстенькаго, кругленькаго, безпрерывно покачивавшагося со стороны въ сторону, съ гладкими, плотно-лежавшими волосами и хотя съ красивыми, но не выразительными чертами лица. Въ нихъ не было даже выраженія той рѣзкости, которое придавали всѣмъ его портретамъ (исключая портрета, писаннаго Давидомъ). Напротивъ, было что-то кроткое въ его улыбкѣ, выказывавшей прекрасные зубы. Правда, издали лицо его, матовой бѣлизны, безъ всякихъ оттѣнковъ, и античный профиль имѣли нѣчто суровое; но вблизи впечатлѣніе это исчезало».

На первомъ балѣ, данномъ въ Вильнѣ въ честь Наполеона, дамы, маршалы и всѣ высокопоставленныя лица встрѣтили его у подъѣзда. Оберъ-шталмейстеръ Коленкуръ подставилъ скамеечку, чтобы ему удобнѣе было выйти изъ экипажа. Не поклонившись встрѣтившимъ его дамамъ, даже не повернувшись въ ихъ сторону, Наполеонъ поднялся по ступенькамъ, устланнымъ

шелковой матеріей, привѣтствуемый всегда для него пріятными возгласами: «да здравствуетъ императоръ!»

Войдя въ бальную залу, онъ недолго поговорилъ съ дамами и направился къ сидѣнью, устроенному для него въ видѣ трона: на коврѣ было поставлено кресло и положена для ногъ подушка. Лишь только онъ сѣлъ, отшвырнувъ ногою подушку, раздалось въ родѣ команды: дамы, садитесь! Дамы размѣстились и начался балъ. Наполеонъ оставался недолго. Посмотрѣвъ на танцующихъ, поговоривъ съ окружавшими его придворными, маршалами и хозяиномъ дома, онъ прошелся въ кружкѣ дамъ и уѣхалъ при обычныхъ возгласахъ: «да здравствуетъ императоръ!»

IV.

Какъ всѣмъ извѣстно, въ декабрѣ того же 1812 года, Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи на Вильну. Ѣхалъ онъ секретно подъ именемъ Коленкура. Французы острили: Colin qui court. У самой Вильны, Наполеонъ преспокойно завтракалъ и шутилъ съ окружавшими, а почтарь, везшій его, замерзъ на козлахъ. Но что это для человѣка, видѣвшаго три четверти своей арміи уничтоженной голодомъ и холодомъ!

Когда императоръ Александръ пріѣхалъ снова въ Вильну, онъ посѣтилъ графиню Тизенгаузенъ. Въ разговорѣ, онъ сказалъ ей между прочимъ:

— «У меня было много непріятностей, я изстрадался. Въ Петербургѣ обошлось не безъ волненій, нашлись недовольные ходомъ первоначальныхъ военныхъ событій. Въ предшествовавшее моему царствованіе и при императрицѣ Екатеринѣ занимались болѣе придворными интригами, теперь же всѣ желаютъ проникнуть въ тайны правленія и политики,—какъ ихъ тутъ уладить!.. Я не обладаю счастливой философіей Наполеона, несчастная эта кампанія стоитъ мнѣ десять лѣтъ жизни».

Чтобы устранить отъ чувствительнаго Александра видъ бѣдствій, нанесенныхъ этой войной, для его проѣзда провели новую дорогу, вдали отъ пути, по которому бѣжали французы. Невозможно однако было устранить всѣ непріятныя встрѣчи. Каждому попадавшемуся на пути французу Александръ подавалъ посильную помощь, нѣкоторыхъ сажалъ съ собою въ сани.

Государь спросилъ у графини Тизенгаузенъ: какое впечатлѣніе произвелъ на нее Наполеонъ?

— «Его лицо,—отвѣчала та,—не осуществило моихъ ожиданій, я думала увидѣть выраженіе его геніальности.

— Именно такое же впечатлѣніе произвелъ онъ на меня,— сказалъ Александръ. Замѣтили ли вы его свѣтло-сѣрые глаза? въ нихъ что-то рѣзкое, не выдерживаешь этого взгляда.

— Ничего не нашла я въ немъ величественнаго. Не смотря на чрезмѣрную доброту вашего величества, я болѣе робѣю въ вашемъ присутствіи, чѣмъ въ присутствіи Наполеона, хотя, являясь ему, я знала, что онъ обращается съ дамами нелюбезно, слишкомъ безцеремонно, даже грубо.

— Развѣ вы меня боитесь?

— Боюсь немилости вашего величества.

— Видѣли ли вы короля неаполитанскаго?

— Видѣла его мелькомъ, изъ окна. Онъ мнѣ показался театраленъ въ его желтыхъ сапогахъ и шляпѣ съ перьями на манеръ Генриха IV.

— Да, онъ перенялъ костюмъ Генриха IV, не усвоивъ его чувствъ. Жаль, что вамъ не удалось поговорить съ нимъ, у него гасконское произношеніе. При первой моей встрѣчѣ съ Наполеономъ, я увидѣлъ подлѣ него молодаго турка, котораго мнѣ тотчасъ представили подъ именемъ великаго герцога Бергскаго, зятя Наполеона. Въ другой разъ я его видѣлъ въ розовомъ, испанскаго покроя, мундирѣ съ зелеными украшеніями.

Разговоръ зашелъ о новыхъ изъявленіяхъ благосклонности Наполеона къ своему зятю. Государь замѣтилъ: «Наполеонъ слишкомъ снисходителенъ, ему бы слѣдовало его разстрѣлять; онъ его погубилъ, уничтоживъ французскую кавалерію».

Александръ пришелъ въ негодованіе, услыхавъ, что Наполеонъ дозволилъ Коленкуру держать подножку своей кареты. «Какъ можно до такой степени унижать достоинство посланника!—воскликнулъ онъ.—И что за удобство когда прислуживаютъ придворные? Мнѣ гораздо лучше услуживаетъ мой камердинеръ, чѣмъ всѣ эти придворные полотеры. Къ счастью, у насъ нынче начинаютъ понимать, что мѣсто при дворѣ не есть должность и не можетъ наполнять всей дѣятельности человѣка: теперь придворные стали занимать дѣловыя мѣста въ военной и администра-

тивной части». Продолжая говорить о Наполеонѣ, онъ удивлялся какъ тотъ могъ вторгнуться въ Россію съ 600,000 войска безъ всякихъ запасовъ. «Немудрено,—добавилъ онъ,—что Наполеону пришлось отвѣчать тѣмъ, которые требовали отъ него строгихъ мѣръ противъ мародеровъ: «Что-жъ мнѣ съ ними дѣлать? Нужно же имъ кормить себя».

Вспоминая о преданности русскаго народа, онъ пришелъ въ умиленіе: «О, мои бородачи, они гораздо лучше насъ! Они сохраняютъ патріархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю. Надобно быть на моемъ мѣстѣ, чтобы ясно представить себѣ—какая отвѣтственность лежитъ на государѣ! чтобы понять мои чувства, когда я думаю о днѣ, въ который мнѣ придется отдать Богу отчетъ въ жизни каждаго солдата! Нѣтъ, престолъ—не мое призваніе: если бы я могъ съ честью измѣнить мое состояніе, я бы охотно на это согласился. Мнѣ такъ плохо помогаютъ въ осуществленіи моихъ плановъ что у меня подчасъ является желаніе разможжить себѣ голову объ стѣну. Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о личныхъ выгодахъ и своемъ повышеніи».

— «Отчего это,—продолжалъ Александръ,—всѣ государи и народы Европы не условятся жить по братски и помогать другъ другу въ своихъ нуждахъ? Торговля сдѣлалась бы общимъ достояніемъ этой громадной семьи. Члены ея хотя бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединила бы ихъ. Для Бога, я думаю, безразлично—призываютъ ли его люди на греческомъ или на латинскомъ языкѣ, лишь бы только они исполняли свои обязанности въ отношеніи Его, да были бы честны. Не всегда длинная молитва бываетъ пріятна Богу.

— Но моя молитва, государь,—сказала я,—бываетъ очень длинная, когда я молюсь за васъ.

«Онъ сталъ благодарить меня съ обычной своей любезностью.

«Разговоръ этотъ происходилъ наканунѣ дня рожденія государя; передавая мнѣ причины своего отказа принять балъ, который ему готовилъ городъ, Александръ сказалъ между прочимъ: «Мнѣ кажется, при настоящихъ обстоятельствахъ, не только танцы, но самый звукъ бальной музыки не можетъ быть пріятенъ».

На другой день, принимая поздравленія литовской аристокра-

тіи, государь сказалъ: «Я имѣю поводъ быть недоволенъ очень многими изъ литовцевъ; похвалить приходится немногихъ изъ нихъ. Предпочитаю забыть прошедшее, въ надеждѣ, что вамъ не придется вторично прибѣгать къ моему прощенію».

Въ этотъ день государь обѣдалъ у Кутузова. Вечеромъ онъ пріѣхалъ снова къ нему. Приглашая графиню Тизенгаузенъ на танецъ, онъ сказалъ ей: «Вамъ должно быть странно видѣть меня танцующимъ, послѣ того, что я говорилъ вамъ вчера; но что дѣлать, пришлось потѣшить старика. Старикъ радуется: холодъ ему помогъ». Однако государь далъ этому старику орденъ св. Андрея съ алмазами и шпагу, украшенную крупными брилліантами и лавровымъ вѣнкомъ изъ изумрудовъ.

Пробывъ всего только двѣ недѣли въ Вильнѣ, государь успѣлъ однако многое привесть въ порядокъ. Онъ ходилъ по госпиталямъ и помогалъ всѣмъ нуждавшимся. Одна бѣдная француженка, съ двумя малолѣтними дѣтьми, бросилась ему въ ноги, когда онъ возвращался съ парада. При видѣ ея слезъ, онъ самъ прослезился и устроилъ всю семью. Французъ солдатъ, котораго я пріютила, разсказывалъ мнѣ какъ однажды встрѣтилъ онъ молодаго русскаго офицера съ такимъ добрымъ взглядомъ, что онъ рѣшился остановить его и попросить на хлѣбъ. Молодой человѣкъ велѣлъ ему идти на царскую кухню и сказать тамъ: «братъ великаго князя велѣлъ мнѣ дать поѣсть». «Меня тамъ отлично угостили», добавилъ простодушно разскащикъ, не понимая, что братъ великаго князя былъ самъ русскій императоръ.

Когда Александръ осматривалъ Наполеоновскіе госпитали, то французы принимали его за адъютанта генерала Сенъ-Пріеста, съ которымъ онъ ходилъ туда. Разъ они вошли въ палату въ то время, какъ одинъ умирающій офицеръ, испанецъ, кончалъ диктовать письмо своему товарищу. «Г. офицеръ,—обратился онъ къ государю,—потрудитесь сами переслать мое письмо, это послѣдній привѣтъ, посылаемый мною женѣ, въ Испанію».

«Отъ описаній этихъ госпиталей стыла кровь въ жилахъ. Одинъ изъ нихъ былъ устроенъ въ зданіяхъ университета. «Я вошелъ туда вечеромъ,—разсказывалъ мнѣ государь,—одна только лампа освѣщала темные своды, подъ которыми, вышиной въ уровень со стѣнами, свалены были въ кучѣ тѣла умершихъ. Не могу передать вамъ того отвратительнаго чувства, которое охва-

тило меня, когда я увидѣлъ, что нѣкоторыя изъ тѣлъ еще оказывали признаки жизни, они шевелились.... Немудрено, что никто не хочетъ сопутствовать мнѣ при моемъ обходѣ этихъ госпиталей: молодежь, готовая съ восторгомъ идти на приступъ или броситься въ дѣло, находитъ всегда какой нибудь предлогъ уклониться отъ этой тяжелой обязанности. Я хочу сообщить Наполеону какъ плохо исполнялись его приказанія даже тѣми, кому онъ довѣрялъ.—Господи! продолжалъ Александръ, взявъ себя за голову,—какое блестящее поприще предстояло этому человѣку: онъ могъ дать миръ всей Европѣ. Могъ—но не сдѣлалъ! Обаяніе его исчезло: увидимъ что̀ лучше—заставить себя бояться или—любить».

— Не Наполеону предстоитъ честь внести миръ въ Европу,—замѣтила я.

— Не все ли равно кому: ему ли, мнѣ ли, кому другому, лишь бы онъ былъ внесенъ.

«Я выразила свое желаніе, чтобы это было исполнено будущею весною.

— Отчего не нынѣшней зимой? замѣтилъ онъ, оживляясь: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

«Зашелъ разговоръ о семьѣ Наполеона. Кто-то отнесся съ похвалой о характерѣ Луціана Бонапарта [1]).

— Онъ не мой герой,—сказалъ государь равнодушно. Потомъ, мгновенно оживляясь: «Моро!.. [2]) вотъ на кого желалъ бы я походить Этотъ точно великъ!»

«Разговоръ перешелъ опять на Наполеона. Я замѣтила: «судя по портрету, сынъ Наполеона весьма похожъ на отца».

— «Счастье его,—сказалъ Александръ,—по крайней мѣрѣ не оправдались толки. Какъ жаль,—продолжалъ онъ,—что французы

---

[1]) Герцогъ Канинскій, родной братъ Наполеона. Родился въ 1775 году. Онъ былъ предсѣдатель совѣта пятисотъ и помогъ Наполеону захватить въ руки власть 18-го брюмера (9-го ноября 1799 года). Онъ отказался отъ всѣхъ титуловъ и почестей, которыми хотѣлъ наградить его Наполеонъ, и предался одной литературѣ. Жилъ онъ, въ кругу своего семейства, до самой смерти, въ Римѣ; † въ 1840 году.

[2]) Герой побѣдъ при Биберехѣ, Гохштедтѣ, Нортлингенѣ, Обергаузенѣ и Гохенлиндстѣ. Онъ возсталъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Наполеона, когда тотъ еще былъ консуломъ; былъ изгнанъ изъ Франціи и жилъ (въ 1812 году) въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

жертвуютъ собою для человѣка, который, творя, съ ними и чрезъ нихъ, такія великія дѣла, презираетъ ихъ въ душѣ своей! При моемъ свиданіи съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, на мои замѣчанія о способѣ управленія этой націей, Наполеонъ воскликнулъ: «Вы не знаете французовъ! Ихъ надо вести, какъ я ихъ веду—желѣзной палкой». Только теперь понялъ я,—продолжалъ Александръ,—насколько Талейранъ былъ правъ, утверждая о необходимости мира для Франціи. Тогда я не довѣрялъ этимъ сѣдымъ политикамъ. Находясь надъ впечатлѣніемъ побѣдъ французовъ и ихъ геніальнаго полководца, я вообразилъ, что Талейранъ ставитъ мнѣ ловушку, поддакивая моимъ воззрѣніямъ. Теперешнія дѣла доказали насколько былъ правъ этотъ дипломатъ: послѣ убійственнаго похода въ Россію и неудачъ, встрѣченныхъ въ Испаніи, Франція должна быть истощена, у ней не осталось ни людей, ни денегъ». Говоря о Наполеонѣ, Александръ нѣсколько разъ повторилъ: «обаяніе его исчезло»; можетъ быть, говоря это, онъ вспоминалъ о томъ вліяніи, которое Наполеонъ имѣлъ на него самого въ его молодости.

«Разговоръ зашелъ о тогдашнемъ воспитаніи. «Наша молодежь,—сказалъ государь,—научившись танцовать и болтать по французски, воображаетъ, что все уже знаетъ. Вы не можете себѣ представить, какъ нравственно испорчено наше общество: не вѣрятъ въ дружбу, въ возможность безкорыстной привязанности». Разсуждая о новѣйшей педагогикѣ, слишкомъ заботящейся облегчить трудъ при изученіи науки, онъ сказалъ о системѣ Песталоцци:

— «Желая упростить начальные пріемы, онъ доводитъ молодежь до состоянія машины».

Александръ выѣхалъ изъ Вильны въ первый день Рождества Христова, тотчасъ же послѣ обѣдни, одинъ, почти безъ свиты. На чье-то замѣчаніе, что слѣдовало бы государю быть осторожнѣе въ военное время, Кутузовъ отвѣтилъ:

— «Ради самого Христа, да у кого же подымется рука на этого ангела».

V.

Съ этого дня графиня Тизенгаузенъ не видала Александра до зимы 1815 года, но мемуары ея наполнены описаніемъ слышаннаго ею отъ очевидцевъ объ историческихъ событіяхъ этого промежутка времени, столь богатаго ими. Мы выписываемъ только то, что менѣе извѣстно.

При вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, 1,500 человѣкъ французовъ военно-плѣнныхъ, взятыхъ подъ стѣнами Парижа, собраны были на бульварѣ, въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Посланные отъ государя явились возвѣстить имъ: «Вы свободны. Во имя короля вашего Лудовика XVIII, императоръ Александръ даруетъ вамъ свободу». Это было деликатное заявленіе о возстановленіи Бурбоновъ. Солдаты отвѣчали криками: «да здравствуетъ король!» и надѣли бѣлыя кокарды. Французскія аристократки вынесли бѣлое знамя, на которомъ солдаты принесли присягу Людовику XVIII.

Александръ, проѣзжая Вандомской площадью, былъ пораженъ изяществомъ монумента, посвященнаго побѣдамъ Наполеона, но замѣтилъ своимъ окружающимъ: «Если бы меня такъ высоко поставили, у меня закружилась бы голова». Парижская чернь хотѣла разрушить этотъ монументъ. Александръ велѣлъ принять мѣры противъ этого и объявить парижанамъ, что онъ беретъ подъ свое покровительство этотъ памятникъ высокаго искусства: изображеніе мира замѣнитъ статую Наполеона.

Домъ герцога Талейрана, въ которомъ помѣстился въ Парижѣ Александръ, былъ въ буквальномъ смыслѣ осаждаемъ французами. Они не только приходили къ нему по государственнымъ дѣламъ, но являлись утруждать его своими личными и семейными дѣлами, прося его рѣшить по своему усмотрѣнію. Нашъ министръ графъ Нессельроде долженъ былъ наконецъ формально объявить всѣмъ, что императоръ, занятый высшими соображеніями относительно Франціи, не желаетъ входить въ частныя дѣла французовъ, подлежащія рѣшенію мѣстныхъ законовъ.

Порядокъ и дисциплина, господствовавшіе въ войскахъ, занявшихъ Парижъ, успокоили до того жителей, что лавки и магазины открылись въ первый же день по вступленіи союзниковъ,

а чрезъ три дня въ нихъ красовались уже фарфоровые сервизы, съ изображеніемъ вступленія союзниковъ въ Парижъ. Должно быть, художники были хорошими дипломатами и предвидѣли это событіе.

Польскіе отряды, находившіеся въ войскахъ Наполеона, изъявили желаніе служить Александру. Императоръ благосклонно принялъ это заявленіе и назначилъ къ нимъ шефомъ великаго князя Константина Павловича. Императоръ назначилъ аудіенцію начальникамъ отряда, говорилъ съ ними весьма ласково, но не согласился принять депутатовъ временнаго правительства Литвы, говоря, что онъ не слыхалъ о существованіи чего нибудь подобнаго въ его государствѣ.

Отецъ графини Тизенгаузенъ разсказывалъ ей, что члены этого временнаго правительства, въ числѣ которыхъ онъ былъ и самъ, вздумали предложить Александру, вмѣсто прошенія о помилованіи, нѣчто въ родѣ договора. Графъ заявилъ о нелѣпости подобнаго намѣренія и совѣтовалъ написать прошеніе въ выраженіяхъ болѣе подходящихъ къ тогдашнимъ событіямъ. На этомъ прошеніи, поляки подписались всепокорнѣйшими, всеподданнѣйшими, всепреданнѣйшими слугами.

Когда Александръ посѣтилъ Домъ Инвалидовъ, онъ нашелъ этихъ старыхъ дѣтей въ большомъ горѣ: у нихъ отняли трофеи ихъ побѣдъ—пушки, отнятыя ими при Іенѣ, Ваграмѣ, Аустерлицѣ и т. д. «Успокойтесь, мои храбрые,—сказалъ имъ Александръ,—я похлопочу за васъ у моихъ союзниковъ, чтобы они вамъ оставили нѣкоторые изъ вашихъ славныхъ воспоминаній». Выйдя отъ нихъ, онъ приказалъ возвратить имъ двѣнадцать русскихъ пушекъ.

Когда французы предложили перемѣнить названіе Аустерлицкаго моста, Александръ сказалъ имъ:

— «Не надо, довольно знать всѣмъ, что я прошелъ по немъ съ моей арміей».

Проходя залами Лувра, императоръ остановился передъ той, которая называлась залой Мира, съ словами: «Для чего нужна была эта зала Наполеону?»

Онъ не забылъ посѣтить вдову своего наставника Лагарпа, продолжительно бесѣдовалъ съ нею о покойномъ ея мужѣ и съ благодарностью вспоминалъ о его заботахъ въ отношеніи себя.

«Когда Людовикъ XVIII возвратился во Францію, Александръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Компьенъ. Онъ былъ безъ свиты, съ однимъ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ. Герцогъ Конде встрѣтилъ его вверху лѣстницы и провелъ въ залъ, гдѣ ждалъ его король Франціи. Встрѣча государей была весьма дружеская и трогательная. По просьбѣ короля, Александръ возвратилъ Франціи 150 тысячъ военно-плѣнныхъ, причемъ Людовикъ сказалъ: «Все равно, подъ чьимъ знаменемъ они сражались, довольно мнѣ знать, что они несчастны, чтобы видѣть въ нихъ только дѣтей моихъ—французовъ». Какъ ни былъ Людовикъ благодаренъ союзникамъ за возвращеніе ему престола, но офиціально, какъ король Франціи, онъ ставилъ себя выше ихъ. На обѣдѣ, данномъ имъ въ Тюльери, онъ прошелъ первымъ въ обѣденный залъ, на что удивленный Александръ замѣтилъ окружавшимъ: «мы, варвары сѣвера, гораздо вѣжливѣе принимаемъ гостей своихъ».

«Во время Вѣнскаго конгресса столько было въ Вѣнѣ разныхъ увеселеній, праздниковъ и торжествъ, что умирающій принцъ де-Линь сказалъ: «Не достаетъ имъ только церемоніальнаго шествія, которое сопровождаетъ погребеніе имперскаго маршала; я берусь доставить имъ эту потѣху». Онъ, точно, умеръ до окончанія конгресса. Отъ всѣхъ дѣлъ и торжествъ Александръ отдыхалъ въ кругу своихъ близкихъ. Въ это время въ Вѣнѣ находились его сестры. Онъ забывалъ съ ними всякій этикетъ и придумывалъ разныя шутки. Разъ онъ переодѣлся въ платье и наколку вел. княжны Екатерины Павловны и поразилъ всѣхъ необыкновеннымъ сходствомъ своимъ съ ней. Вообще Александръ любилъ пожить какъ частное лицо. Его часто видѣли въ Вѣнѣ, гулявшаго, вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ, безъ свиты и всякихъ внѣшнихъ знаковъ отличій.

«Въ день имянинъ австрійскаго императора, они забрались къ нему съ ранняго утра, чтобы поднести, лишь только тотъ проснется, свои подарки: Александръ—халатъ, подбитый собольимъ мѣхомъ, король прусскій—серебряный рукомойникъ прекрасной берлинской работы.

«Графъ Сольмони, присутствовавшій на вѣнскихъ торжествахъ, разсказывалъ графинѣ Тизенгаузенъ, что, когда земные боги собрались на одномъ праздникѣ присутствовать при представленіи Парнаса со всѣми олимпійскими божествами, надъ ними разра-

зилась бомбой вѣсть: «Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, Наполеонъ во Франціи!» Переполохъ былъ великъ и на Парнасѣ и на землѣ. Императоръ Александръ, съ свойственнымъ ему тактомъ, удалился съ праздника первый, не желая выказать своего смущенія присутствовавшимъ. Лишь только оправились отъ испуга, бросились въ другую крайность; стали говорить о Наполеонѣ: «Это сумасшедшій, искатель приключеній!» Дипломатъ Поццо-ди-Борго, сконфуженный тѣмъ, что не предвидѣлъ этого непредвидѣннаго происшествія, кричалъ громче всѣхъ: онъ будетъ повѣшенъ на первомъ сучкѣ, при своемъ появленіи во Франціи». Однако, этотъ сумасшедшій искатель приключеній высадился во Франціи съ горстью солдатъ, а въ Парижъ вошелъ съ цѣлой арміей. Знаменитые Сто дней были переполнены такими удивительными историческими переворотами, что ими можно было бы наполнить вѣка. Новый Прометей, не похитившій небеснаго огня, но желавшій охватить весь міръ пламенемъ, былъ заключенъ на голой скалѣ посреди океана».

VI.

Послѣ бракосочетанія в. к. Николая Павловича съ прусской принцессой, императоръ Александръ отправился въ Варшаву для коронованія. Хотя Наполеонъ и говорилъ, что императоръ Александръ самый красивый, самый тонкій и самый хитрый изъ грековъ, но Александръ, находясь въ Варшавѣ, доказалъ, на сколько онъ былъ чувствителенъ и добръ. Изъ Варшавы императоръ проѣхалъ въ Вильну и былъ у графини Тизенгаузенъ. «Послѣ обычныхъ привѣтствій,—пишетъ она,—я рѣшилась спросить государя, остался ли онъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Варшавѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что наружность Варшавы не вполнѣ удовлетворила его: улицы въ ней нечисты и зданія неправильны, но все это дѣло исправимое. Говоря о полякахъ, онъ сказалъ: «я еще не вполнѣ исполнилъ свои обѣщанія имъ, я ничего еще не сдѣлалъ для поляковъ, но изъ-за нихъ мнѣ пришлось бороться на конгрессѣ съ различными затрудненіями: другіе государи не соглашались съ моими предложеніями на счетъ Польши, но первый шагъ сдѣланъ. Королевство (я не

могла никакъ привыкнуть слышать отъ него названіе: королевство) сильно пострадало отъ военныхъ дѣйствій. Въ городахъ это трудно замѣтить при постоянныхъ празднествахъ, но въ деревняхъ это весьма чувствительно». Онъ отнесся съ похвалой о польскихъ войскахъ: «Имъ немного трудно будетъ забыть прежніе свои порядки и подчиниться новымъ, но это сдѣлается постепенно. Дисциплина необходима для солдатъ, они должны безпрекословно повиноваться; если армія разсуждаетъ—государство погибло. Наполеонъ былъ самъ причиной своей гибели, уничтоживъ дисциплину въ войскахъ». Затѣмъ онъ сталъ говорить о французахъ, причемъ не щадилъ ихъ, упрекая въ скряжничествѣ, алчности и неряшествѣ. «Парижъ, — говорилъ онъ, — такъ же грязенъ физически, какъ и нравственно». Вмѣнить имъ надо въ заслугу, — замѣтила я, — ихъ благодарность за благодѣянія вашего величества. Государь покраснѣлъ, опустилъ глаза и сказалъ улыбаясь: «Увѣряю васъ, я исполнилъ только свою обязанность; мнѣ было тяжело видѣть злоупотребленія: трудно было удержать австрійцевъ и пруссаковъ въ ихъ жестокости и алчности. Они хотѣли воспользоваться правомъ мщенія, но это право было мнѣ противно; по моему, надо мстить добромъ за зло». Замѣтно было, что государь съ удовольствіемъ, хотя весьма скромно, говоритъ о своихъ военныхъ успѣхахъ и трудахъ за послѣдніе три года. Онъ похорошѣлъ отъ этой трудовой жизни и, похудѣвъ, казался гораздо моложе. Нравственно онъ тоже немного измѣнился: не было больше въ немъ той милой чувствительности, которую вызвали бѣдствія 1812 года, но онъ сохранилъ ту же граціозную доброту и привѣтливость, хотя замѣтно измѣнилъ свое обращеніе въ отношеніи мужчинъ.

«Я спросила государя: правда ли, что онъ предпочитаетъ Лондонъ Парижу?—«Въ Лондонѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ зданій, какія украшаютъ Парижъ, но тамъ больше порядка, правильности и чистоты». Ему особенно нравилась чистота; наблюдая ее въ Петербургѣ, онъ боялся, чтобы въ его отсутствіе не измѣнился тамъ на счетъ этого порядокъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ англійскихъ парковъ, говоря, что нигдѣ не понимаютъ такъ назначеніе сада, какъ въ Англіи. Онъ много говорилъ объ Англіи, о тамошней агрономіи, о вновь изобрѣтенныхъ машинахъ, особенно о разумныхъ постановленіяхъ этой страны и о всеобщемъ благоденствіи

ея жителей. «Какая счастливая страна: права гражданъ въ ней неприкосновенны!»

Говоря о Наполеонѣ, онъ сказалъ: «я ему предсказывалъ то, что случится, онъ не вѣрилъ мнѣ».

«Необходимо замѣтить, что не только всѣ факты переданы мною съ точностью, но всѣ слова государя записаны вѣрно, такъ какъ я въ то время вела журналъ свой.

«Наканунѣ выѣзда изъ Варшавы, Александръ былъ на балѣ у княгини Чарторижской и танцовалъ болѣе обыкновеннаго. На замѣчаніе графини Тизенгаузенъ, что танцы передъ дорогой могутъ сильно утомить его, онъ отвѣчалъ: «Очень можетъ быть, тѣмъ болѣе, что я всталъ сегодня въ четыре часа утра; но надобно же оживить балъ». Обладая прекраснымъ здоровьемъ, государь легко переносилъ усталость. Флигель-адъютантъ графъ Ожаровскій разсказывалъ намъ, что его величество, возвратясь съ бала, провелъ остатокъ ночи въ работѣ: онъ писалъ, посылалъ курьеровъ, читалъ и подписывалъ бумаги, и послѣ этого утомительнаго труда, въ минуту отъѣзда, разговаривалъ съ окружающими съ такимъ свѣжимъ соображеніемъ и такъ живо, какъ будто не былъ нисколько утомленъ. За то, усѣвшись въ коляску, онъ заснулъ и проснулся только за 280 верстъ отъ Варшавы».

VII.

Зимой 1818 года графиня Тизенгаузенъ вышла замужъ за пера Франціи графа Шуазель-Гуфье и уѣхала съ нимъ во Францію; но ей сильно не хотѣлось оставаться тамъ и она стала хлопотать, чтобы мужъ ея назначенъ былъ посланникомъ къ русскому двору. Въ описываемое время, французскій кабинетъ посылалъ къ русскому императору списокъ лицъ, способныхъ занять мѣсто посланника при русскомъ дворѣ; Александръ выбиралъ изъ нихъ того, котораго ему хотѣлось. Однако Шуазель-Гуфье не былъ назначенъ. Черезъ два года, когда графиня Шуазель пріѣхала въ Литву хлопотать о пріемѣ своего мужа, и затѣмъ была въ Варшавѣ, гдѣ находился императоръ Александръ, онъ такъ объяснилъ ей причину, вслѣдствіе которой мужъ ея не былъ назначенъ посланникомъ: «Ваше письмо запоздало,—сказалъ онъ,—я

получилъ его уже послѣ назначенія г. Ферроне; но во всякомъ случаѣ мнѣ пришлось бы сдѣлать именно этотъ выборъ, такъ какъ я, еще въ бытность мою въ Парижѣ, обѣщалъ королю выбрать именно г. Ферроне».

Затѣмъ государь спросилъ съ участіемъ графиню: счастлива ли она въ своемъ новомъ положеніи? На отвѣтъ ея, что отъ разногласія въ политическихъ мнѣніяхъ не только страдаетъ общество во Франціи, но даже семейныя отношенія, государь сказалъ: «Чего хотятъ французы? кажется, все у нихъ есть для счастья: небо наградило ихъ прекрасной страной, климатъ которой способенъ производить все необходимое; пользуются они благоразумно-возможною свободой, а все еще недовольны!» Графиня заговорила о либеральной партіи.—«Это одно знамя,—замѣтилъ Александръ,—нѣчто въ родѣ плаща, которымъ они прикрываютъ свои дерзкія намѣренія: нѣтъ ничего менѣе либеральнаго, въ настоящемъ значеніи этого слова, какъ партія французскихъ демагоговъ.—Я такъ настаивалъ, чтобы дѣйствовали рѣшительнѣе въ самомъ началѣ революціи, но моихъ совѣтовъ не приняли и трагическая смерть герцога Беррійскаго была плачевнымъ послѣдствіемъ этого. Событіе это тѣмъ грустнѣе, что характеръ герцога, измѣнившійся къ лучшему, подавалъ большія надежды». Это происшествіе и несчастія Франціи Александръ приписывалъ упрямой привязанности Людовика XVIII къ Деказу. Самъ онъ благоволилъ къ герцогу Ришелье, считая его весьма способнымъ, и желалъ, чтобы онъ подолѣе оставался въ министерствѣ. Александръ отнесся съ уваженіемъ и похвалой о братѣ короля (занявшемъ въ послѣдствіи престолъ Франціи подъ именемъ Карла X), говоря, что онъ закаленъ въ школѣ несчастій. Онъ хвалилъ тоже геройскую храбрость герцога Беррійскаго и съ нетерпѣніемъ ждалъ перемѣны къ лучшему во Франціи, говоря, что онъ недоволенъ послѣдними извѣстіями оттуда.

Графиня нашла въ государѣ слѣдующую перемѣну: онъ не былъ такъ веселъ какъ прежде, казался недовольнымъ управленіемъ Польши, дѣяніями сейма, расходами, которые разоряли королевство. Часто онъ искалъ уединенія. Не предваривъ свою свиту, онъ уходилъ одинъ гулять въ отдаленныя отъ Варшавы мѣстности, приказывая принести туда себѣ обѣдъ.

Во вторую свою поѣздку въ Литву (въ 1822 году) графиня

Шуазель-Гуфье видѣла государя въ Вильнѣ. Разговоръ зашелъ о Франціи. Государь апробовалъ перемѣну въ министерствѣ, говоря, что «Франція весьма многимъ обязана герцогу Ришелье» (онъ настоялъ, во время Ахенскаго конгресса, на возвращеніи войскъ, сформированныхъ внѣ Франціи). «Хотя,—добавилъ онъ,—можно было бы пожелать ему болѣе способностей, но онъ весьма честный человѣкъ и вполнѣ преданъ интересамъ своего отечества, что рѣдкость въ настоящее время».

Графинѣ казалось, что взглядъ Александра на ораторскія способности и вліяніе партіи демагоговъ, какъ онъ называлъ лѣвую сторону палаты депутатовъ, немного преувеличенъ. Она доказывала ему, что противоположная сторона не слабѣе. На каждаго оратора лѣвой стороны она противополагала оратора правой—генералу Фуа, Бенжамену Констану и тому под.—Кастельбажака, Лабурдонне, Делало. Но Александръ боялся, чтобы талантливые люди лѣвой стороны не имѣли сильнаго вліянія на народъ. Видно было, что ему въ слишкомъ яркихъ краскахъ представляли происходящее во Франціи.

О греческомъ возстаніи Александръ говорилъ: «Въ мои планы не входитъ желаніе увеличить мое государство; оно и такъ настолько велико, что возбуждаетъ зависть и вниманіе всѣхъ государствъ Европы. Я не могу и не хочу помогать греческому возстанію, такъ какъ вмѣшательство въ это дѣло противорѣчило бы принятой мною системѣ и нарушило бы спокойствіе Европы, котораго я съ такимъ трудомъ добился и которое такъ необходимо. Къ тому-жъ, увлекаясь гуманными идеями и желаніемъ своего сердца помощь грекамъ, я бы усилилъ только ихъ страданія; малѣйшее движеніе моихъ войскъ на защиту ихъ повлекло бы къ повсемѣстной рѣзнѣ въ Греціи: все греческое населеніе, какъ вамъ извѣстно, разсѣяно по Мореи; турки уничтожатъ грековъ прежде чѣмъ войска мои дойдутъ до Константинополя».

«Государь удостоилъ принятъ балъ, устроенный предводителемъ дворянства въ виленской ратушѣ. На этомъ балѣ, мы всѣ замѣтили, что Александръ, не смотря на свою претензію называть себя старымъ солдатамъ, казался тридцатилѣтнимъ. Онъ былъ очень красивъ и сохранилъ изумительную свѣжесть лица. Въ этотъ вечеръ я имѣла честь увидѣть въ первый разъ великаго князя Николая Павловича. Онъ удостоилъ меня своимъ разгово-

ромъ. Я была поражена изяществомъ и достоинствомъ его разговора и манеръ. Признаюсь, я нашла въ немъ еще болѣе величественности, чѣмъ въ императорѣ Александрѣ; но тотъ былъ гораздо красивѣе».

VIII.

«Въ 1824 году, императоръ Александръ, пользовавшійся всегда хорошимъ здоровьемъ, сильно заболѣлъ; у него открылась на ногѣ рожа и чрезвычайно быстро распространилась, вслѣдствіе чего сдѣлалась лихорадка съ безпамятствомъ и затѣмъ воспаленіе мозга. Случилось это въ Царскомъ Селѣ, любимомъ мѣстопребываніи Александра, куда онъ удалялся съ своими министрами иногда и зимой и велъ тамъ жизнь вполнѣ уединенную, дозволяя себѣ одно только развлеченіе—прогулки въ царскосельскомъ паркѣ. Государя перевезли въ возкѣ изъ Царскаго въ Петербургъ. Доктора боялись, чтобы начинавшаяся гангрена не распространилась, и предлагали отнять ногу. Но прекрасное сложеніе государя побѣдило болѣзнь и онъ сталъ выздоравливать. Въ этомъ году я собралась побывать въ Петербургѣ. Когда я туда пріѣхала, императора не было въ столицѣ. Возвратясь изъ своей поѣздки въ военныя поселенія, осмотромъ которыхъ онъ остался весьма доволенъ, его величество отправился на маневры, которые происходили въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга. Какъ только я узнала, что его величество возвратился въ Царское Село, я отправилась туда, и не безъ робости. Мнѣ говорили, что государь не принимаетъ никого въ Царскомъ, ему трудно даже доставить туда письмо. Проходя царскосельскимъ паркомъ къ моей родственницѣ, женѣ флигель-адъютанта Ожаровскаго, я увидѣла дворецъ, громадное зданіе въ древне-французскомъ вкусѣ, отягченное скульптурными украшеніями, позолотой, куполами и т. д. Дворецъ мнѣ этотъ показался пустымъ, вокругъ него виднѣлись только часовые. Эта царственная замкнутость навела меня на тяжелыя размышленія. «Нѣтъ,—говорила я себѣ,—императоръ въ Петербургѣ не тотъ, что былъ въ Тавіанахъ, Вильнѣ, Варшавѣ! Можетъ быть, я не добьюсь получить и стакана воды въ этомъ дворцѣ, непривѣтливомъ какъ и всѣ вообще жилища великихъ міра сего».

Возвращаясь вечеромъ, съ семействомъ Ожаровскаго, графиня

увидѣла въ паркѣ офицера въ форменномъ сюртукѣ. «Мнѣ показалось, что это императоръ,—пишетъ она,—но было темно въ аллеяхъ и я боялась ошибиться. Маленькій племянникъ Ожаровскихъ закричалъ: это государь! — Какое для васъ счастье,—замѣтила Ожаровская,—онъ никогда не гуляетъ въ паркѣ въ это время. Мы повернули и пошли къ нему на встрѣчу. Государь, узнавъ меня, весьма удивился. «Это вы! Когда же вы пріѣхали?» Когда я разсказала ему, онъ ласково замѣтилъ: «Вы поступили со мной не такъ какъ съ другомъ, не предупредивъ меня о вашемъ пріѣздѣ.—Вамъ должно быть неудобно помѣщаться въ гостинницѣ,—продолжалъ онъ,—дозвольте оказать вамъ гостепріимство; могу васъ увѣрить, вамъ у меня удобнѣе будетъ чѣмъ въ гостинницѣ». Я приняла это предложеніе съ проявленіемъ той благодарности, которую я чувствовала за такое милое и неожиданное вниманіе. Государь ушелъ, любезно сказавъ, что идетъ распорядиться насчетъ моего переселенія. Меня перевезли во дворецъ, построенный Екатериной для своего внука и называвшійся Александровскимъ. На другой день явился придворный лакей съ извѣстіемъ, что государь посѣтитъ меня въ двѣнадцать часовъ и, не смотря на проливной дождь, государь былъ у меня въ назначенный часъ. Передавая его величеству впечатлѣніе, которое на меня произвелъ Петербургъ, я, разумѣется, сильно расхваливала его.—«Да,—сказалъ государь —красивый городъ, но за то это однѣ только стѣны, и вы не найдете здѣсь оставленнаго вами парижскаго общества».—Я отвѣчала: тамошнее общество, разъединенное въ интересахъ и мнѣніяхъ, не представляетъ особенно пріятнаго: страсть къ политикѣ охватила всѣхъ во Франціи; начиная съ извощика, сидящаго на козлахъ, и торговки спичками въ ея лавочкѣ, всѣ заинтересованы и стараются понять или хоть прочесть газету, особенно Constitutionnel. Въ самыхъ блестящихъ салонахъ разговоръ вертѣлся на борьбѣ палатъ и постановленіяхъ министерства. Въ этомъ мѣстѣ различныхъ взглядовъ и мнѣній и серьезныхъ идей, теряется непринужденность, грація и соль остроумія, которыми нѣкогда отличались французы отъ остальныхъ націй Европы».

Описывая царскосельскій паркъ, графиня между прочимъ разсказываетъ: «Наблюденіе за фермой было одной изъ любимыхъ заботъ Александра. Ферма эта была окружена зеленью,

надъ ней возвышался голубятникъ. Въ ней помѣщались коровы лучшей европейской породы: Тироля, Швейцаріи, Венгріи, Голландіи, Холмогоръ и другихъ мѣстностей; стадо мериносскихъ овецъ паслось подлѣ, въ паркѣ. Мнѣ показали прекрасно переплетенную тетрадь, въ которую государь собственноручно вписывалъ доходы съ овецъ, тщеславясь тѣмъ, что носилъ мундиръ, сукно котораго было выдѣлано изъ ихъ шерсти.

«Императоръ Александръ велъ въ Царскомъ Селѣ вполнѣ уединенную жизнь. Двора съ нимъ не было. Онъ самъ просматривалъ счеты расходовъ по дворцовому вѣдомству и принималъ только однихъ министровъ и то въ назначенные имъ дни. Императоръ вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ, тотчасъ одѣвался, писалъ, затѣмъ сходилъ въ паркъ, осматривалъ ферму, новыя постройки, принималъ особъ, которыя являлись по дѣламъ и преслѣдовали его въ самомъ паркѣ, постоянно открытомъ какъ днемъ, такъ и ночью. Государь гулялъ въ немъ одинъ, безъ всякихъ предосторожностей: часовые стояли только у дворцовъ. Принужденный, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, соблюдать строгую діету, Александръ обѣдалъ одинъ въ своихъ покояхъ и, по своей обыкновенной привычкѣ, ложился очень рано. Во время вечерней зари, гвардейскіе музыканты играли подъ его окнами и звуки этихъ, большею частью грустныхъ, мелодій доносились до моихъ оконъ.

«Императрица Елисавета жила тоже вполнѣ уединенно; при ней находилась одна только фрейлина, пріемовъ не было; однако, исключеніе сдѣлано было въ мою пользу: я имѣла счастье разговаривать съ императрицей, которой умъ и природная грація привели меня въ полнѣйшій восторгъ. Ей было въ это время сорокъ пять лѣтъ. Ростъ ея былъ средній, талья стройная, вообще она была хорошо сложена; цвѣтъ лица имѣла нѣжный, хотя онъ пострадалъ отъ суроваго климата, и тонкія черты лица сохраняли еще остатки красоты, столь привлекательной въ ея юные года; какая-то пріятная томность слышалась въ ея разговорѣ и манерѣ; полный ума и чувства взглядъ, грустная улыбка и кроткій звукъ голоса проникали прямо въ душу; что-то ангельское проглядывало во всемъ ея существѣ и говорило, что она была создана не для этого міра, а вся принадлежала небу. Никогда я не забуду ея благосклоннаго пріема и любезнаго разговора со

мной, въ которомъ она милостиво замѣтила, что я хорошо ей себя зарекомендовала своимъ поступкомъ въ 1812 году. Съ любезною внимательностью она упомянула о моихъ ничтожныхъ литературныхъ трудахъ, замѣтивъ, что она прочла ихъ съ удовольствіемъ и осталась весьма довольна выборомъ для нихъ темъ изъ исторіи того народа, въ судьбѣ котораго она принимаетъ живѣйшее участіе. Затѣмъ она спросила, не пишу-ли я чего-нибудь новаго? Я объяснила планъ моей статьи «Политическій карликъ», которую я тогда только-что начала писать. Государыня осталась довольна моимъ планомъ, говоря, что сочиненіе это будетъ имѣть двойной историческій интересъ—для Франціи и для Польши, въ описаніи эпохи, такъ мало разработанной. Она говорила со мной о романахъ Вальтера-Скотта, удивлялась богатству его фантазіи, причемъ выказала тотъ тонкій умъ и вѣрное пониманіе вещей, которыми вообще отличался ея разговоръ. Она была весьма образована и занималась постоянно французской и русской литературами. Она меня разспрашивала о моихъ путешествіяхъ по Франціи и Германіи. Я хвалила живописную мѣстность Германіи, особенно берега Рейна. «Мало того, что природа разукрасила ея берега, но они сверхъ того богаты древними памятниками: римскими постройками, готическими башнями, развалинами феодальныхъ владѣній...» — «Воспоминаніями всѣхъ вѣковъ»,—замѣтила государыня своимъ кроткимъ и умнымъ голосомъ, и эти три слова болѣе опредѣлили берега Рейна, чѣмъ длинное мое описаніе. Нельзя было, увидавъ хоть разъ императрицу Елисавету, не почувствовать сильнаго къ ней влеченія и уваженія. Я сказала это ея фрейлинѣ, прибавивъ: «она такъ достойна быть счастливой»—болѣе я не смѣла сказать. Моя тетка, почтеная милостями императрицы, называла ее—Спокойствіе. Названіе это какъ нельзя болѣе характеризуетъ Елисавету, которая сама называла такъ себя въ письмахъ къ моей теткѣ. Императрица показывалась въ паркѣ только по вечерамъ, верхомъ. Я часто видѣла, какъ она проѣзжала шагомъ по этимъ темнымъ аллеямъ, въ сопровожденіи одной фрейлины и берейтора. Мнѣ казалось, что какое-то облако грусти окружало императрицу. Она, точно, боялась прогуливаться пѣшкомъ по парку утромъ, чтобы не обезпокоить императора. Слѣдовало-ли ей бояться этого? Какое счастье было бы для нихъ обоихъ, еслибы они могли понять другъ друга!

Они, казалось, созданы были другъ для друга: та же привлекательность, та же кротость и умъ. Была же черта, сильно отдѣлявшая ихъ другъ отъ друга! Зачѣмъ одна смерть могла только соединить эти прелестныя существа.

«Я имѣла тоже счастье быть представленной ея величеству Маріи Ѳедоровнѣ, высокія нравственныя качества которой были примѣромъ и гордостью для ея семьи. Въ день моего представленія,—это было въ Павловскѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи ея величества,—я, вмѣстѣ съ многочисленнымъ и блестящимъ ея дворомъ, послѣдовала за вдовствующей императрицей въ Розовый павильонъ, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ. Императрица очень любила цвѣты. Послѣ обѣда она сошла въ садъ, собственноручно нарѣзала англійскими ножницами, нарочно для этого приготовленными, розановъ и роздала ихъ дамамъ. Мнѣ досталось два розана, которые я сохранила въ воспоминаніе этого дня и благосклоннаго ко мнѣ вниманія вдовствующей императрицы.

«Величественный и прекрасно сложенный станъ Маріи Ѳедоровны, ея внушающій видъ, поражаютъ и возбуждаютъ къ ней уваженіе, къ которому примѣшивается отчасти робость; но доброта, разлитая въ этихъ благородныхъ чертахъ, внушаетъ довѣріе и наполняетъ сердце искренней и почтительной привязанностью.

«Петергофскій праздникъ, въ этомъ году, былъ отмѣненъ по случаю отъѣзда супруги великаго князя Николая Павловича: она отправлялась моремъ въ Пруссію; однако, многочисленная публика собралась въ Петергофъ полюбоваться пущенными фонтанами. Въ день Петра и Павла царская фамилія была въ сборѣ въ петергофскомъ дворцѣ. Тутъ я увидѣла въ первый разъ великую княгиню Александру Ѳедоровну и была поражена изяществомъ и красотой ея стана. Окруженная придворными дамами, она была выше всѣхъ ихъ головою, точно Калипсо посреди своихъ нимфъ. Я имѣла честь быть ей представленной, равно какъ и супругѣ великаго князя Михаила Павловича. Елена Павловна сказала мнѣ только нѣсколько словъ, но и въ нихъ выказала свой развитой и пріятный умъ.

«Графъ Шуазель удостоенъ былъ аудіенціи въ Петергофѣ. Императоръ его принялъ благосклонно. Прощаясь съ нимъ, онъ сказалъ: «Я долженъ васъ оставить, такъ какъ ѣду провожать мою

невѣстку: она отправляется моремъ изъ Ораніенбаума». И затѣмъ спросилъ, видѣлъ ли онъ корабль, предназначенный для великой княгини.

«Зная, что государь велѣлъ нарочно для Александры Ѳедоровны отдѣлать этотъ корабль со всевозможными удобствами и изяществомъ, графъ замѣтилъ это государю. — «Я устроилъ все, что только отъ меня зависѣло, желая сдѣлать этотъ переѣздъ какъ можно менѣе для нея тяжелымъ, но не въ моей власти предохранить ее отъ морской болѣзни». Корабль этотъ былъ восьмидесятипушечный, съ 800 человѣкъ экипажа. Отдѣленіе, устроенное для великой княгини, состоявшее изъ семи комнатъ и походной церкви, было меблировано съ большимъ изяществомъ. Мебель обита зеленой шелковой матеріей. На палубѣ устроена была палатка, въ которой общество могло собираться слушать музыку гвардейскаго экипажа. Словомъ, ничего не было забыто изъ того, что могло служить развлеченіемъ во время переѣзда. Капитанъ, назначенный везти ея высочество, признавался намъ, что, боясь возложенной на него отвѣтственности, онъ готовъ былъ бы скорѣе сдѣлать еще два кругосвѣтныхъ путешествія, чѣмъ принять на себя это лестное порученіе».

23-го августа 1824 г. императоръ крестилъ сына графини. Послѣ обряда зашелъ разговоръ о политикѣ. Государь недоволенъ былъ перемѣной министерства во Франціи и приписывалъ это дѣло вліянію извѣстной особы при дворѣ. Жалѣя объ удаленіи г. Шатобріана, онъ сдѣлалъ нѣсколько весьма мѣткихъ и колкихъ замѣчаній на счетъ одного французскаго министра, называя его политическіе взгляды мелкими, купеческими (financières), и на счетъ Канинга, котораго болѣе не любилъ. Говоря объ опасной болѣзни Людовика XVIII, онъ сказалъ: «Надѣюсь, что, во всякомъ случаѣ, смерть его не произведетъ волненія во Франціи, и принцъ д'Артуа обладаетъ достаточной твердостью и любимъ во Франціи».

«Александръ собирался черезъ два мѣсяца ѣхать осмотрѣть вновь открытую золотую жилу въ Уральскомъ хребтѣ и собирался оттуда проѣхать въ Сибирь. Онъ никогда еще тамъ не былъ. Наканунѣ его отъѣзда, я прошла рано утромъ въ царскосельскій паркъ, желая срисовать кавалерскую башню. Вскорѣ появился съ противоположной стороны государь и сталъ

подыматься на платформу башни. Я на-скоро собрала бумаги въ портфель и торопливо удалилась. Онъ пошелъ за мною вдоль аллеи и, нагнавъ меня, замѣтилъ, что онъ едва могъ догнать меня, такъ я скоро бѣгаю. Я привела себѣ въ извиненіе боязнь обезпокоить его.—«Угадайте, въ которомъ часу я всталъ?»—сказалъ онъ мнѣ.—Въ четыре часа, ваше величество.—«Нѣтъ, въ половинѣ четвертаго. Я заваленъ работою. Ежегодно въ эту пору я ѣзжу по Россіи и ежегодно меня осаждаютъ дѣлами передъ моимъ отъѣздомъ, точно не надѣются меня болѣе видѣть и всѣ стараются покончить всѣ свои дѣла со мной». Какое предчувствіе! На слѣдующій годъ, въ эту же пору года, Александръ отправился въ обычное свое путешествіе... и не вернулся.

«Зная, что рана его на ногѣ не вполнѣ еще зажила, я спросила, не повредитъ-ли ему такой дальній путь?—«Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—это самое благопріятное время года для путешествія по этому краю: тамъ теперь нѣтъ дождей, а стоятъ уже легкіе морозы». Затѣмъ государь сказалъ мнѣ, что одна изъ моихъ просьбъ будетъ исполнена [1]), но относительно другой онъ, къ своему прискорбію, не можетъ мнѣ дать благопріятнаго отвѣта. Вторая моя просьба была о сынѣ графа Шуазеля, служившаго съ раннихъ своихъ лѣтъ въ Россіи и желавшаго получить мѣсто флигель-адъютанта. — «Откровенно говоря вамъ, какъ особѣ, которую люблю и уважаю,—сказалъ мнѣ государь,—я не могу доставить этого мѣста молодому человѣку, не отличившемуся по службѣ. Мѣсто это дается въ награду за долговременную службу». — Я замѣтила, что сынъ графа Шуазеля состоитъ на службѣ одиннадцать лѣтъ.—«Одиннадцать лѣтъ,—повторилъ государь,—что это въ сравненіи съ срокомъ службы другихъ. Въ Польшѣ столько заслуженныхъ полковниковъ, служившихъ лѣтъ двадцать—и какъ служившихъ! Постоянно въ походахъ, раненыхъ... и всѣ они желаютъ получить подобное мѣсто; какъ же я могу предоставить его этому молодому человѣку? Это будетъ несправедливо. Поставьте себя на мое мѣсто, какъ можно обидѣть другихъ...» Я просила государя поставить себя, хоть на секунду, въ мое неловкое положеніе и

---

[1]) Графиня хлопотала о займѣ въ государственномъ банкѣ, на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ постановленныя въ его уставахъ. (Замѣтка переводчицы).

простить меня за мою неумѣстную просьбу, которая обезпокоила его.—«Ничѣмъ вы не можете меня обезпокоить»,—сказалъ онъ. Прощаясь со мной, государь обѣщался зайти ко мнѣ въ этотъ же день, въ часъ пополудни. Навѣстивъ меня, онъ еще разъ извинился въ томъ, что не могъ исполнить моей просьбы. Я воспользовалась этимъ и просила его величество имѣть на будущее время въ виду сына графа Шуазеля, причемъ поручалась въ полной преданности этого молодаго человѣка особѣ его величества. Государь сдѣлалъ, по этому поводу, нѣсколько вопросовъ, выказавшихъ его вниманіе къ дѣлу. Затѣмъ онъ сдѣлалъ нѣсколько лестныхъ замѣчаній на счетъ моихъ литературныхъ трудовъ. Я разсказала ему о маленькой литературной войнѣ, которую я вела за него, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу появленія «Воспоминаній военно-плѣннаго француза». Эти подробности заняли государя. Когда разговоръ зашелъ о предстоявшемъ ему путешествіи, я замѣтила: чтобы объѣхать всю Россію, до Камчатки включительно, надо болѣе года. На-дняхъ я и графъ Шуазель рѣшили, что, для округленія Россіи, надобно присоединить къ ней Китай.– «Россія и такъ слишкомъ кругла,—замѣтилъ государь,—ваша идея вовсе не политична. Мои владѣнія и такъ слишкомъ растянуты: громадное разстояніе отъ одного предѣла государства до другаго затрудняетъ сообщеніе, ходъ дѣлъ отъ этого замедляется и страдаетъ». Государь заговорилъ о начавшемся въ то время возстаніи въ Португаліи. Я замѣтила, что нельзя не отнести этого движенія политикѣ Англіи. Государь ничего не отвѣчалъ мнѣ, но сдѣлалъ головой знакъ согласія. Во время этого разговора, мой маленькій сынъ, бѣгавшій по стеклянной галлереѣ, безпрестанно пріотворялъ дверь къ намъ въ гостиную и убѣгалъ тотчасъ же, какъ я звала его къ себѣ. Государь увѣрялъ, что мальчугану страхъ какъ хочется его выпроводить, чтобы завладѣть вполнѣ своей мамой. Я принесла сына и посадила его на столъ передъ его величествомъ. Государь поцѣловалъ малютку и совѣтовалъ мнѣ не мѣшать развитію его природныхъ наклонностей и никогда не принуждать его ни къ чему. Бѣдный государь, онъ такъ любилъ дѣтей и былъ бы такъ счастливъ сохранить своихъ [1]).

[1]) У императрицы Елисаветы были только двѣ дочери, которыя умерли во время прорѣзыванья зубовъ. (Замѣтка автора).

«Я не могла не изъявить государю моей благодарности за ласковый пріемъ императрицъ, видя въ этомъ новую, незаслуженную милость его ко мнѣ.—«Всѣмъ вы обязаны лишь самой себѣ,—отвѣчалъ государь:—императрицы знали о васъ съ хорошей стороны, прежде чѣмъ васъ увидѣли».

«У меня на столѣ лежалъ громадный ананасъ, присланный мнѣ императоромъ. Во время своего пребыванія въ Царскомъ, онъ каждый день посылалъ знакомымъ ему дамамъ корзинки съ разными фруктами: персиками, виноградомъ, абрикосами и т. п. Говоря о красотѣ оранжерей его величества и о страсти вдовствующей императрицы къ цвѣтамъ, я замѣтила, что ея императорское величество Марія Ѳедоровна роститъ молодые отпрыски занимательнѣе самыхъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Государь понялъ мой намекъ и отвѣчалъ мнѣ: «Женскія учебныя заведенія, основанныя вдовствующей императрицей, весьма много способствовали исправленію нравовъ и принесли громадную пользу всѣмъ классамъ петербургскаго общества». Государь боготворилъ свою августѣйшую мать. Вообще онъ любилъ всѣхъ членовъ своей семьи, въ особенности братьевъ. Любовь его къ нимъ была самая нѣжная, заботливая, онъ предупреждалъ всѣ ихъ желанія; за то и любили же они его! Государь поѣхалъ отъ меня въ Павловскъ обѣдать у своей августѣйшей матери. Прощаясь, онъ сказалъ мнѣ: «Вы опять уѣдете во Францію, когда же мы васъ увидимъ? Пріѣхать въ Петербургъ, какъ вы и сами убѣдились, вовсе не трудно». Зная, какъ государь не любитъ прощаться навсегда съ людьми, къ которымъ онъ благосклоненъ, я сказала: «Употреблю все мое стараніе быть въ будущемъ году въ Варшавѣ, къ пріѣзду туда вашего величества». По видимому, государь остался доволенъ моимъ отвѣтомъ. Я хотѣла поцѣловать его руку въ то время, какъ онъ цѣловалъ мою, но онъ поспѣшно ее отдернулъ, сказавъ: «Мы настолько съ вами старые друзья, что можемъ просто обнять другъ друга». Провожая государя по галлереѣ, я высказывала свои горячія пожеланія ему счастья. При словѣ счастье, онъ покачалъ головой, точно считалъ его для себя невозможнымъ. Жестъ этотъ, полный грусти, тяжело отозвался въ моемъ сердцѣ и воспоминаніе о немъ не изгладится никогда... Онъ удалился... и я никогда не видѣла его болѣе.

«Подобно мнѣ, многіе замѣтили, что у государя было мрачное

предчувствіе задолго до его кончины [1]); но въ то время я и графъ Шуазель отнесли это къ грусти, которую навѣяла на него смерть Нарышкиной [2]). Прелестное это семнадцатилѣтнее дитя умерло въ чахоткѣ. По совѣтамъ шарлатановъ-магнетизеровъ, предсказывавшихъ ей полное выздоровленіе, ее привезли изъ Парижа и обручили за графа Ш [3]), который ее магнетизировалъ по предписаніямъ парижскихъ ясновидящихъ. Когда доставлено было изъ Парижа богатое ея приданое, стоившее 400 тысячъ франковъ, она уже не существовала. Украшенія погребальной колесницы и миртовый дѣвственный вѣнокъ замѣнили блестящіе наряды, предназначавшіеся для свадебныхъ пировъ... Государь узналъ объ ея смерти во время парада. Лицо его покрылось смертельной блѣдностью, но у него достало мужества продолжать смотръ войскъ. Онъ произнесъ только эти потрясающія слова:

— «Я наказанъ за всѣ мои увлеченія».

«Кто же утѣшалъ Александра въ его горѣ? все тотъ же ангелъ императрица Елисавета... Оплакивая потерю своихъ собственныхъ дѣтей, она привязалась къ этой молодой дѣвушкѣ. Встрѣчая ее, когда та еще была ребенкомъ, она съ грустью прижимала ее къ своему сердцу, стараясь найти въ ея дѣтскихъ чертахъ сходство съ любимымъ ею существомъ. Когда одна дама спросила, по возвращеніи государя изъ военныхъ поселеній, какъ онъ себя чувствуетъ? Онъ отвѣчалъ: «Тѣломъ я вполнѣ здоровъ, но душой страдаю и тѣмъ сильнѣе, что не могу выказывать своего горя». При этомъ глаза его наполнились слезами, но онъ торопливо отеръ ихъ. Онъ ходилъ часто, и всегда одинъ, на могилу Нарышкиной, и поставилъ ей памятникъ въ Сергіевской лаврѣ, подлѣ Петербурга.

«Наканунѣ отъѣзда государя, генералъ Уваровъ доставилъ мнѣ, отъ имени государя, прекрасный брилліантовый аграфъ. Я замѣтила, что государь, должно быть, забылъ о подаркѣ, сдѣлан-

---

[1]) Особенно оно рѣзко проявилось передъ его отъѣздомъ въ Таганрогъ. Говорятъ, что онъ не могъ пересилить себя при прощаніи съ членами своей семьи и придворными. Выѣхавъ изъ Петербурга, онъ остановилъ свой экипажъ и, впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, любовался роскошно-красивымъ городомъ, въ которомъ родился, точно прощаясь, грустными взглядами, съ нимъ на вѣки. (Замѣтка автора).

[2]) Софіи, дочери Маріи Антоновны Нарышкиной. (Замѣтка переводчицы).

[3]) Графъ Андрей Павловичъ Шуваловъ.

номъ мнѣ въ день крестинъ моего сына, вслѣдствіе чего я не смѣю принять вторичнаго подарка. Генералъ сказалъ, что мой отказъ не понравится государю и я не смѣла болѣе отказываться. Такъ какъ въ этотъ же день я должна была уѣхать изъ Царскаго, я явилась откланяться императрицѣ Елисаветѣ и была принята съ обычной кроткой благосклонностью. Она такъ умѣла соединить въ разговорѣ величественность императрицы съ любезностью умной женщины! Говоря объ отъѣздѣ государя, звукъ ея голоса сталъ еще мягче, когда она сказала: «Надѣюсь, это путешествіе благотворно на него подѣйствуетъ». Пріемъ былъ короче прежняго, такъ какъ императрицѣ откланивалась тоже свита государя.—«Надѣюсь,—сказала мнѣ императрица,—ваши дѣла или семейные интересы вызовутъ васъ опять въ наши страны». Затѣмъ, съ необычайной добротой она добавила, что ей жаль разстаться со мной. Когда она встала, я умоляла ее прогнать меня отъ себя, говоря, что чувствую себя не въ силахъ уйти, такъ какъ моя почтительная привязанность къ ея особѣ, которую я сохраню всю мою жизнь, досталась мнѣ по наслѣдству отъ моей тетки, княгини Радзивилъ. Императрица изъявила мнѣ свое сожалѣніе о потерѣ княгини. «Она была такая добрая, такая милая!» сказала она. Государыня никогда мнѣ не дозволяла цѣловать себѣ руку, хотя я объяснила, что дѣлаю это столько же изъ преданности, какъ и въ знакъ моего глубокаго уваженія. Она дозволила мнѣ обнять себя. Я думала, что никогда болѣе не увижу это ангельское созданіе, но еще разъ ее увидѣла.

«На другой день, черезъ часъ послѣ отъѣзда государя, выѣхавшаго изъ Царскаго въ шесть часовъ утра, я прогуливалась съ графомъ Шуазелемъ въ царскосельскомъ паркѣ и встрѣтила одну даму въ большой аллеѣ, ведущей ко дворцу. Не смотря на свѣжесть утра, она была весьма легко одѣта, имѣла видъ весьма изящный, и лицо покрытое вуалью. Она шла въ сопровожденіи другой особы, которую я тоже не узнала. Графъ сказалъ мнѣ: «Это императрица Елисавета!»—Не можетъ быть,—отвѣчала я,—вы знаете, она никогда не гуляетъ въ это время въ паркѣ, особенно пѣшкомъ. Не успѣла я кончить этихъ словъ, какъ дама подошла къ намъ и подняла вуаль. Это была императрица. Она благосклонно обратилась къ намъ со словами, что она рада случаю проститься съ графомъ и жаль ей, что мы не можемъ пробыть

долѣе въ Царскомъ. Говоря объ отъѣздѣ государя, «сегодня, по крайней мѣрѣ, день сносный,—сказала она,—но этотъ вчерашній день былъ невыносимъ!» (Наканунѣ цѣлый день шелъ дождь). Поговаривали, будто императрица Елисавета не любила болѣе Александра, но я была убѣждена въ противномъ. По нѣсколькимъ, у нея вырвавшимся словамъ, по звуку ея голоса, становившагося мягче когда она о немъ говорила, я была увѣрена, что не ошибалась въ моемъ предположеніи. Столько было чувства въ этихъ словахъ: этотъ вчерашній день былъ невыносимъ! Будущее для нея еще не было потеряно. Смерть Елисаветы доказала ея любовь: она не могла его пережить. Вся ея надежда, ея единственное желаніе было соединиться на томъ свѣтѣ съ ангеломъ, котораго она оплакивала.

«Въ день моего отъѣзда изъ Царскаго, я просила дозволенія откланяться вдовствующей императрицѣ. Она приказала мнѣ явиться, съ мужемъ, къ ея обѣду въ Павловскъ. За нѣсколько минутъ до пріема, я зашла къ почтенной княгинѣ Ливенъ, которая воспитала всѣхъ членовъ императорской семьи. Она боготворила царскую фамилію и разговоръ нашъ все время былъ о ней: сердца наши слились въ этомъ разговорѣ. Съ княгиней я прошла въ залу. Императрица обратилась ко мнѣ съ любезнымъ упрекомъ за мой скорый отъѣздъ. За обѣдомъ, жалуясь на погоду этого сезона, она добавила: «Какое мнѣніе составитъ себѣ графиня Шуазель о нашемъ климатѣ!» Выйдя изъ-за стола, она подозвала меня съ графомъ и указала на окно, сквозь цѣльное зеркальное стекло котораго открывался прекрасный видъ въ паркъ, отлично распланированный. Тутъ же виднѣлся каскадъ, падавшій по искусственно сложеннымъ скаламъ, украшеннымъ развалинами. Вода, падающая съ вышины этихъ скалъ, стекаетъ въ чистый, прозрачный прудъ, окруженный прекраснымъ лугомъ, по которому, точно разбросанные букеты, красуется зелень деревьевъ. Деревья расположены такъ, что не закрываютъ видъ на сельскій храмъ и прочіе пейзажи. Императрица сказала графу: «Вашъ отецъ очень любилъ этотъ залъ и этотъ видъ. Онъ часто бывалъ тутъ при жизни императора Павла». Послѣднія слова произнесла она съ особеннымъ чувствомъ и повторила ихъ.—Ея величество уважаемая Марія Ѳедоровна свято сохраняетъ нѣжное воспоминаніе о своемъ августѣйшемъ супругѣ. Ежегодно день его кон-

чины она проводитъ въ слезахъ и молитвѣ у его гробницы.— Опираясь на руку княгини Ливенъ, она направилась въ библіотеку Дворъ ея послѣдовалъ за нею. Библіотека помѣщалась въ галлереѣ, вновь выстроенной, прекрасно освѣщенной, стеклянные шкафы которой наполнены превосходными изданіями. Большой продолговатый столъ покрытъ папками, ларчиками, рисунками. Я замѣтила, подъ окнами, въ витринахъ, коллекціи камей. Зная, что императрица обладаетъ талантомъ, который рѣдко дается женщинамъ—отчетливо гравировать на камнѣ, мнѣ хотѣлось спросить: «Не находится ли, между этими образцами древняго искусства, новѣйшихъ образцовыхъ произведеній?» Однако я не посмѣла сдѣлать этотъ вопросъ. Императрица высказала удовольствіе, съ которымъ она показываетъ намъ свою библіотеку, только что устроенную, и, обратясь къ графу, благосклонно замѣтила, что онъ найдетъ въ ней трудъ своего отца «Живописное путешествіе по Греціи». Затѣмъ, быстро обратясь ко мнѣ, она сказала, къ моему крайнему замѣшательству, что мои два романа находятся тутъ же и что она ждетъ третьяго, который, по дошедшимъ до нея слухамъ уже начатъ мною.... Напрасно я отговаривалась: добрѣйшая императрица настаивала помѣстить его тутъ же, смѣясь вмѣстѣ со мной, что отводитъ ему весьма почетное мѣсто. Затѣмъ императрица показала намъ собраніе превосходныхъ гравюръ разнаго жанра и виртембергскія литографіи, такъ хорошо исполненныя и сохранившіяся, что я вполнѣ согласилась съ мнѣніемъ императрицы, находившей ихъ, по выполненію, лучше парижскихъ. Она тоже показала намъ англійскія гравюры, раскрашенныя съ такою точностію и мягкостію, точно работа миніатюриста. Передъ удаленіемъ въ свои внутренніе покои, принимая наше высокопочтительныя прощальныя привѣтствія, императрица весьма ласково выразила намъ свое желаніе, чтобы Павловскъ оставилъ намъ пріятное воспоминаніе. Я рѣшилась испросить у императрицы дозволеніе осмотрѣть, передъ моимъ отъѣздомъ, благотворительныя заведенія. Она дозволила и обѣщала открыть мнѣ доступъ въ Екатерининскій институтъ и Смольный монастырь [1]). Дѣятельность вдовствующей императрицы изумительна: кромѣ часовъ,

[1]) Всѣ эти заведенія находились, какъ извѣстно, подъ личнымъ надзоромъ вдовствующей императрицы. (Замѣтка переводчицы).

посвященныхъ искусству, она постоянно заботится о ввѣренныхъ ей заведеніяхъ и требуетъ подробнаго отчета о нихъ. Когда заболѣла начальница Смольнаго монастыря, баронесса Адлербергъ,—особа весьма почтенная и пользующаяся довѣріемъ ея величества,—императрица тотчасъ отправилась въ Смольный, чтобы замѣнить ее. Институтки обожаютъ вдовствующую императрицу. Появленіе ея—настоящій для нихъ праздникъ: онѣ бросаются къ ней на встрѣчу, окружаютъ ее, толпятся вокругъ, точно дѣти, встрѣчающія свою мать. И дѣйствительно, она мать для нихъ, до того она заботится обо всемъ, что можетъ быть полезно для ея воспитанницъ, въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Я весьма сожалѣла, что не могла побывать въ заведеніи, устроенномъ вдовствующею императрицей для солдатскихъ дочерей. Ихъ учатъ тамъ грамотѣ, ариѳметикѣ и рукодѣлью, а по выходѣ пристраиваютъ къ мѣстамъ».

IX.

«Возвратясь во Францію передъ коронованіемъ Карла X, я получила письмо отъ моей матери, въ которомъ она описывала мнѣ радость жителей Варшавы вслѣдствіе присутствія въ этомъ городѣ Александра. Императоръ удостоилъ мою мать своимъ посѣщеніемъ; она благодарила его за всѣ милости, оказанныя имъ мнѣ во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Государь освѣдомился не разстроилъ ли климатъ Петербурга моего здоровья. Говорилъ о своемъ крестникѣ, находилъ его хорошенькимъ и назвалъ его умницей за хорошее поведеніе во время крестинъ. Мать моя воспользовалась направленіемъ разговора, чтобы показать ему одно изъ моихъ писемъ, въ которомъ я привела находчивый отвѣтъ малютки. Кто-то сказалъ ему, по пріѣздѣ нашемъ во Францію: вашъ крестный отецъ очень красивъ, не такъ ли? — И очень добръ,—добавилъ тотчасъ же малютка. Императоръ замѣтилъ, что онъ слишкомъ старъ для того, чтобы быть красивымъ и ребенокъ далъ ему эпитетъ болѣе подходящій. Говоря съ моей матерью о княгинѣ Ловичъ, государь выразился: «это ангелъ, у нея рѣдкій характеръ, мой братъ весьма счастливъ». Въ день рожденія великаго князя Константина Павловича, императоръ надѣлъ собственноручно на княгиню Ловичъ орденъ св. Екатерины и просилъ ее удивить великаго князя своимъ по-

явленіемъ въ этомъ орденѣ. Въ день имянинъ княгини, государь подарилъ ей превосходное жемчужное ожерелье. «Во время пребыванія государя въ Варшавѣ (въ іюнѣ 1825 года), здоровье его казалось такимъ же цвѣтущимъ, какъ въ молодые годы его жизни, а черезъ пять мѣсяцевъ его уже не существовало. Никогда еще онъ не былъ такъ милостивъ къ полякамъ. Онъ былъ доволенъ всѣми и всѣмъ: украшеніями города, работами, предпринятыми городскимъ управленіемъ; удивлялся, что съ такими скудными средствами могли построить нѣсколько мануфактуръ, проложить шоссе и т. д. Онъ хвалилъ, благодарилъ, раздавалъ награды, милости, и разузнавалъ о нуждахъ каждаго. Съ какимъ горькимъ сожалѣніемъ вспоминали они потомъ объ этой удивительной добротѣ!»....

«Здоровье императрицы Елисаветы, сильно разстроившееся за послѣдніе годы, было поводомъ къ поѣздкѣ въ Таганрогъ. Непонятно, что̀ побудило докторовъ избрать, для страдающей грудью государыни, климатъ этого города, построеннаго на морскомъ берегу и подверженнаго зимой сильнымъ холоднымъ вѣтрамъ. Страхъ потерять Елисавету удвоилъ къ ней вниманіе Александра; онъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ своей августѣйшей супругой, въ Таганрогъ. Тамъ, на краю ихъ имперіи, ждала ихъ неумолимая смерть. однимъ ударомъ покончившая ихъ обоихъ. Успокоенный кажущимся улучшеніемъ здоровья императрицы, Александръ предпринялъ пагубное путешествіе къ Азовскому морю. Страдая меланхоліей, онъ часто намекалъ на свое желаніе уединиться въ Таганрогѣ, мѣстоположеніе котораго ему понравилось. Онъ не хотѣлъ принимать лекарствъ, предписываемыхъ его докторомъ Виллié, жалуясь только на сильныя нервныя боли. Онъ былъ пораженъ въ самое сердце. Умиралъ, чтобы не наказать неблагодарныхъ, замыслы которыхъ были ему извѣстны. Межъ тѣмъ какъ, не предчувствуя собиравшейся грозы, все покоилось въ безпечной увѣренности повсемѣстнаго спокойствія, онъ, этотъ ангелъ, палъ подъ бременемъ своей тяжелой тайны. Въ болѣзненномъ припадкѣ, будучи не въ состояніи пересилить тоску свою, онъ воскликнулъ: «Чудовища, неблагодарные, лишь ихъ счастья желалъ я!» Слова эти открыли глаза окружающимъ: стали искать въ бумагахъ государя и нашли описаніе заговора.... Но было уже поздно. Нравственный ударъ былъ нанесенъ и оказался дѣй-

ствительнѣе физическаго..... онъ пересталъ существовать.... Слава, могущество, красота, изящество манеръ, любезность, ангельская доброта—все унесено неумолимою смертью, все ею поглощено, все уничтожено»....

«Александръ, разставаясь съ жизнью, не жалѣлъ о ней; могъ ли онъ быть еще привязанъ къ жизни? Исполнивъ свой послѣдній долгъ, онъ съ полной покорностью человѣка истинно религіознаго, обладающаго чистой совѣстью, пожелалъ видѣть небеса, которыя должны были скоро для него раскрыться. Когда подняли сторы въ его комнатѣ, онъ сказалъ: «Какой прекрасный день».—Да, это былъ прекрасный день для него, такъ какъ въ этотъ день онъ долженъ былъ вкусить безпредѣльное блаженство, вѣчную славу, но каковъ онъ былъ для тѣхъ, которые остались,—для несчастной, кроткой Елисаветы? Принявъ послѣднее дыханіе, послѣдній взглядъ Александра, она желала только одного: послѣдовать за нимъ въ могилу. «Нашъ ангелъ въ небѣ,—писала она,—а я еще прозябаю на землѣ, но надѣюсь скоро соединиться съ нимъ.....»

«Какое страшное извѣстіе для императрицы-матери! Только сильная, религіозно-настроенная душа ея могла перенести такую потерю, такое горе! Первое письмо Елисаветы успокоило Марію Ѳедоровну. Радостная, въ полной увѣренности въ выздоровленіи сына, она отправилась во храмъ благодарить Господа Всемогущаго, склонившагося на мольбы 50-ти милліоновъ человѣкъ, просившихъ Его сохранить имъ ихъ государя, ихъ отца. Весь Петербургъ ликовалъ, узнавъ о пріѣздѣ курьера, привезшаго эту радостную вѣсть. Запоминая каждое слово письма любимой ими государыни, жители Петербурга толпами наполнили храмъ..... Молебенъ еще не былъ конченъ, когда великій князь Николай Павловичъ получилъ страшную вѣсть.... Когда онъ вошелъ снова въ соборъ, всѣ были поражены внезапной перемѣной его лица, омраченнаго грустью. Не будучи въ состояніи нанести этой вѣстью страшный ударъ матери, онъ рѣшилъ, что одна религія можетъ смягчить горечь этой потери. Митрополитъ вышелъ, неся въ рукахъ распятіе, покрытое чернымъ крепомъ..... По его тихой, торжественной поступи, по символу вѣчнаго страданія, который онъ несъ, несчастная мать поняла постигшій ее ударъ и, подобно Маріи, упала безъ силъ передъ распятіемъ, въ кото-

ромъ признала посылаемый ей крестъ.... Какая страшная картина, достойная кисти великаго художника: внутренность великолѣпнаго Казанскаго собора, блестящая золотомъ и безчисленными огнями; митрополитъ въ своемъ богатомъ облаченіи, появившійся молча, съ невыразимымъ страданіемъ во всѣхъ чертахъ; величественная императрица и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная мать, въ чертахъ лица которой свершился мгновенный переходъ отъ радости къ горю; великій князь Николай Павловичъ, подавленный горемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпокоенный на счетъ нѣжно любимой имъ матери; толпы молящихся, на лицахъ которыхъ изображено недоумѣніе, надежда, страхъ; дневной свѣтъ, едва проникающій въ храмъ, и яркій отблескъ свѣта лампадъ.... фиміамъ, еще курящійся, весь этотъ переходъ отъ хвалебныхъ гимновъ къ надгробному плачу,—какой сюжетъ для кисти Рафаеля! Какой богатый матеріалъ для воспроизведенія чуда искусства!

«Европа узнала разомъ и о болѣзни, и о смерти великодушнаго Александра, доставившаго ей миръ и спокойствіе. Оплакивали его во всѣхъ частяхъ Европы. Народы былъ потрясены вѣстью, что другъ-избавитель ихъ не существуетъ. Дворы покрылись неподдѣльнымъ трауромъ. Австрійскій императоръ, узнавъ о смерти своего вѣрнаго союзника, воскликнулъ въ невыразимомъ горѣ, дѣлающемъ честь на столько же ему, на сколько и той особѣ, которую онъ оплакивалъ: «я потерялъ моего лучшаго друга» [1]).

«Въ Парижѣ, русское посольство готовило празднества ко дню рожденія императора Александра, когда въ Россіи служили уже о немъ панихиды.

«Я не пытаюсь описать мои чувства, когда дошла до меня эта роковая вѣсть; подобное горе можетъ утѣшить и успокоить одна только религія. Узнала я объ этомъ потрясающемъ происшествіи, не будучи нисколько подготовлена къ принятію его. Я находилась въ то время въ деревнѣ и меня извѣстили просто письмомъ изъ Парижа. Лишь только пробѣжала я первыя строки, у меня вырвался страшный крикъ. Удивленный графъ спросилъ, что со мною? Я передала ему эту вѣсть, рыдая и крича, что это ложь! Онъ бросился къ газетамъ, которыхъ не успѣлъ еще просмотрѣть,

[1]) Добродѣтельный принцъ Гогенлоэ, сильно привязанный къ императору Александру, узнавъ о его болѣзни, пошелъ пѣшкомъ, босой, на богомолье, чтобы испросить ему выздоровленіе. (Замѣтка автора).

и вернулся ко мнѣ со слезами на глазахъ: нельзя было болѣе сомнѣваться въ нашемъ несчастіи. — Сынъ мой, и тотъ почувствовалъ эту потерю: когда графъ Шуазель, въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, положивъ руку на голову своего сына, сказалъ: «бѣдняжка не понимаетъ еще кого онъ потерялъ!» — мой Александръ отвѣтилъ съ грустью: «я потерялъ моего крестнаго отца».

....« Напрасно прислушивалась я къ раздававшимся вокругъ меня словамъ: Александръ умеръ въ Таганрогѣ, напрасно встрѣчала всюду тѣ же слова, написанныя различнымъ манеромъ, слова, которыя преслѣдовали меня на яву и во снѣ,—мое сердце, все мое существо отказывалось вѣрить горькой дѣйствительности и воображеніе мое рисовало мнѣ Александра такимъ, какимъ я его видѣла послѣдній разъ, во всей его привлекательности и добротѣ. Вмѣсто того, чтобы избѣгать печатныхъ извѣстій объ этомъ, я съ жадностью ихъ отыскивала и наслаждалась этимъ общимъ трауромъ, этими душу раздирающими воплями, вторившими моему сердцу. Я радовалась, что горе мое было раздѣлено даже жителями Шампани, въ которую Александръ вступилъ побѣдителемъ. Всѣ, до послѣдняго виноградаря окрестностей Эпернэ и Вертю, восклицали при извѣстіи о кончинѣ Александра: «Какое несчастіе, онъ вѣдь спасъ Францію!» Одна крестьянка сказала мнѣ: «онъ, сударыня, былъ на столько же милъ; на сколько добръ!» Какая высокая похвала въ этихъ искреннихъ, не подкупленныхъ, не офиціальныхъ сожалѣніяхъ! Сказано-ли, было надъ кѣмъ нибудь изъ государей надгробное слово лучше этого? [1]).

«Я старалась, въ этомъ слабомъ очеркѣ, описать Александра его собственными словами и дѣйствіями, и буду весьма счастлива если тѣ, которые имѣли счастье его знать, видѣть, любить и выказать ему свою преданность, найдутъ въ этомъ описаніи нѣкоторыя черты этого чуднаго существа, столь достойнаго болѣе искуснаго пера и болѣе талантливаго описателя».

Этимъ заканчиваются Записки графини Шуазель-Гуфье.

Перев. и сообщ. **С. М. Макарова.**

---

[1]) Многіе упали въ обморокъ при извѣстіи о кончинѣ Александра, какъ, напримѣръ, Ханыковъ, русскій посланникъ въ Дрезденѣ; многіе сильно заболѣли. Флигель-адъютантъ Александра, графъ Ожаровскій, лишь только узналъ о болѣзни государя, поскакалъ изъ Варшавы въ Таганрогъ къ умирающему государю и сопровождалъ его погребальную колесницу до самаго Петербурга, — послѣднее доказательство его преданности, которую онъ выказывалъ во время всей жизни государя. Не безъ національной гордости привожу я эту черту благодарности поляка, — благодарности, которая должна была бы проявиться у многихъ, болѣе графа Ожаровскаго, облагодѣтельствованныхъ Александромъ. (Замѣтка автора).

КАПИТУЛЯЦІЯ ПАРИЖА ВЪ 1814 ГОДУ.

Разсказъ М. Ѳ. Орлова.

Имя автора разсказа о капитуляціи Парижа—Михаила Ѳедоровича Орлова (†1842) и нѣкоторыя біографическія о немъ подробности уже извѣстны читателямъ «Русской Старины» [1]). Нынѣ печатаемый нами разсказъ, по отзыву сына покойнаго—Н. М. Орлова, есть единственное письменное воспоминаніе его родителя; записокъ послѣ себя онъ не оставилъ. «Капитуляція Парижа» первый разъ была напечатана въ альманахѣ «Утренняя Заря» на 1843 годъ, изданнаго покойнымъ В. А. Владиславлевымъ. Издатель, по мѣсту своего служенія, при знакомствѣ своемъ съ лицами, въ вѣденіи которыхъ находилась тогдашняя цензура—могъ напечатать статью, которая, не смотря на величіе предмета и безукоризненность изложенія, едва-ли была-бы дозволена, при тогдашнихъ воззрѣніяхъ на печать въ какомъ либо изъ періодическихъ изданій. Даже при всей «снисходительности» къ нему, В. А. Владиславлевъ напечаталъ разсказъ о капитуляціи Парижа съ нѣкоторыми измѣненіями и, самое главное, съ опущеніемъ трехъ примѣчаній автора: 1) о національномъ характерѣ французовъ, 2) о князѣ Талейранѣ, и 3) о возстановленіи Польши въ 1814 году. Имѣя въ нашемъ распоряженіи французскій переводъ, сдѣланный самимъ М. Ѳ. Орловымъ, со включеніемъ упомянутыхъ примѣчаній, тѣмъ охотнѣе возстановляемъ первоначальную редакцію разсказа, что примѣчанія, опущенныя въ русскомъ текстѣ, давая понятіе о политическихъ воззрѣніяхъ автора, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣриломъ его обширныхъ дипломатическихъ способностей.

— «Поцѣлуйте меня,—сказалъ Императоръ Александръ I М. Ѳ. Орлову, принимая изъ его рукъ актъ капитуляціи Парижа,—поздравляю васъ, что вы соединили имя ваше съ этимъ великимъ происшествіемъ».

Имя М. Ѳ. Орлова, какъ сподвижника Александра I въ славнѣйшемъ событіи нашей исторіи, не умретъ въ памяти потомства.

Ред.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., томъ V, стр. 775—781; томъ VI, стр. 597—602. Изд. 1873 г., томъ VII, стр. 371—375. Изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 440.

Не трудно было заключить изъ положенія военныхъ дѣйствій, что Наполеонъ, отраженный попеременно при Лаонѣ и при Арсисѣ, былъ рѣшительно слабѣе каждой изъ двухъ союзныхъ армій, идущихъ концентрически на Парижъ. Владѣя внутреннею линіею, онъ имѣлъ полную возможность сосредоточить свои войска противъ того или другаго изъ своихъ враговъ, и нѣсколько разъ пытался воспользоваться сею стратегическою выгодою; но всѣ усилія его остались тщетными и послужили только къ тому, чтобъ обнаружить вещественную слабость его силъ. Въ этомъ, почти отчаянномъ, положеніи, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству, уже внушенному не благоразуміемъ, но дерзостью самой неслыханной. И такъ, открывъ совершенно Парижъ, предоставивъ собственнымъ усиліямъ корпуса Мармона и Мортье, которые должны были слѣдовать за нимъ, онъ середи бѣлаго дня, въ глазахъ арміи князя Шварценберга, стоявшей въ боевомъ порядкѣ, перешелъ смѣло чрезъ Обу и направился къ своимъ рейнскимъ пограничнымъ крѣпостямъ, надѣясь этимъ дерзкимъ стратегическимъ движеніемъ вынудить непріятеля къ отступленію, въ чемъ не могъ успѣть повторенными усиліями своей пламенной и бурной тактики.

Но очарованіе давно уже было разрушено и хитрость была такъ груба, что никого не обманула. Союзники слѣдовали за нимъ до Витри, для обезпеченія сообщеній между двумя арміями, а потомъ вдругъ повернули и быстро двинулись на Парижъ; они уничтожали или опрокидывали всѣ корпуса, которые попадались имъ на пути и не только угрожали сообщеніямъ непріятеля, которыя онъ добровольно оставилъ, но самой столицѣ и средоточію его могущества. Марта 17-го (29-го) нашъ авангардъ, подъ начальствомъ генерала Раевскаго, занялъ съ бою Бондійскій лѣсъ и главная квартира Россійскаго Императора была учреждена въ деревнѣ того же имени, между тѣмъ какъ лѣвое крыло шло на Шарантонъ и Венсенъ, а Блюхеръ наступалъ на Бурже. Въ тылу, генералъ Винценгероде слѣдовалъ съ сильной кавалеріей за Наполеономъ, а генералъ Сакенъ занималъ Мо, будучи готовъ или поспѣшить на помощь къ большой арміи, которая шла атаковать Парижъ, или стать въ отпоръ Наполеону, если бы онъ вздумалъ идти на защиту столицы своей. Это общее движеніе на Парижъ рѣшило переломъ, который впредь казался неизбѣжнымъ, и котораго всѣ слѣдствія неминуемо должны были обратиться въ нашу пользу.

Наполеонъ, сказавшій въ Вильнѣ генералу Балашову, что онъ ходитъ на войну какъ на охоту, и можетъ ежегодно тратить по 300,000 человѣкъ, не имѣлъ въ имперіи своей двухъ Парижей, чтобъ ставить ихъ на карту и проиграть.

Марта 18-го (30-го), на разсвѣтѣ, всѣ мы собрались верхомъ на дворѣ

Бондійскаго замка и ожидали минуты, когда Государь вступитъ въ верховное распоряженіе рѣшительной парижской битвой. Уже пушки начали гремѣть и колонны наши приходили въ движеніе, когда привели французскаго офицера, котораго имя я забылъ; онъ объявилъ себя парламентеромъ, но былъ, вѣроятно, бѣжавшій военноплѣнный, сбившійся съ дороги въ тылу нашей арміи. Его тотчасъ ввели къ Императору, который хотѣлъ самъ сдѣлать ему всѣ разспросы и объявить волю свою. Во время этихъ переговоровъ, которые продолжались почти три четверти часа, генералъ-адъютантъ Уваровъ, разговаривая со мною, сообщилъ мнѣ, что графу Нессельроде препоручено вступить при первой возможности въ переговоры о сдачѣ Парижа. Я замѣтилъ ему, что надобно было создать эту возможность, и что для этого необходимо присоединить къ нему человѣка военнаго, которому дать власть прекратить огонь вездѣ, гдѣ онъ сочтетъ это нужнымъ. Уваровъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, пошелъ въ замокъ, а чрезъ нѣсколько минутъ кликнули и меня въ кабинетъ его величества.

Положеніе Императора было необыкновенно достопримѣчательно. Величаво и важно говорилъ онъ всякій разъ, когда приходилось защищать общія европейскія выгоды, но былъ снисходителенъ и кротокъ, какъ скоро дѣло шло о немъ самомъ и его собственной славѣ. На дѣлѣ участь міра зависѣла отъ него, а онъ называлъ себя только страдательнымъ орудіемъ Провидѣнія. Политическій разговоръ его носилъ отпечатокъ этихъ двухъ положеній; съ увѣренностію въ побѣдѣ онъ соединялъ заботливость почти отеческую о жребіи побѣжденнаго врага. Съ первыхъ словъ, сказанныхъ имъ мнѣ, я понялъ этотъ двойственный характеръ и увидѣлъ, что день заключится рѣшительными усиліями, за которыми послѣдуетъ честная капитуляція. По приходѣ моемъ, Императоръ высчиталъ ясно и быстро всѣ свѣдѣнія, полученныя имъ о состояніи непріятеля, присоединилъ къ тому собственныя замѣчанія и заключилъ слѣдующими достопамятными словами: „Ступайте“, сказалъ онъ мнѣ; „я даю вамъ право остановить огонь вездѣ, гдѣ вы сочтете это нужнымъ. И для того, чтобы предупредить и отвратить всѣ бѣдствія, облекаю васъ властью — не подвергаясь никакой отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки, даже обѣщающія полную побѣду. Парижъ, лишенный своихъ разсѣянныхъ защитниковъ и своего великаго мужа, не будетъ въ состояніи противиться. Я твердо убѣжденъ въ этомъ. Богу, который даровалъ мнѣ могущество и побѣду, угодно, чтобы я воспользовался тѣмъ и другимъ только для дарованія мира и спокойствія Европѣ. Если мы можемъ пріобрѣсть этотъ миръ не сражаясь, тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то уступимъ необходимости, станемъ сражаться, потому что волей или

неволей, съ бою или парадным маршемъ, на развалинахъ или во дворцахъ, но Европа должна нынѣ же ночевать въ Парижѣ".

На этотъ разъ мнѣ суждено было представлять Европу, ночующую въ Парижѣ: торжественное вшествіе союзниковъ послѣдовало не прежде какъ на другой день.

Вотъ въ какомъ расположеніи находился Государь, отпуская насъ. Я отправился вмѣстѣ съ французскимъ офицеромъ; съ нами было два трубача. Мы отправились большимъ галопомъ къ деревнѣ Пантенъ, занятой русскою пѣхотною бригадою. Огонь ужъ начался; всѣ колонны были на маршѣ и общая перестрѣлка завязалась по всей линіи.

Подъѣхавъ къ передовымъ постамъ, я тотчасъ заставилъ прекратить съ нашей стороны огонь и велѣлъ трубачамъ своимъ трубить; въ то же время французскій офицеръ, прибывшій со мною, подъѣхалъ къ своимъ и также успѣлъ прекратить ихъ огонь. Получивъ этотъ первый успѣхъ, мы послѣдовали за нашимъ парламентеромъ и приблизились къ непріятелю на 30 или 40 шаговъ. Вскорѣ парламентеръ смѣшался съ французами, и послѣ кратковременнаго разговора пропалъ у насъ изъ виду. Мы еще стояли, не зная какой успѣхъ будетъ имѣть попытка наша, какъ вдругъ яростные крики, сопровождаемые общимъ залпомъ, возвѣстили, безъ всякаго предупрежденія, о возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій. Въ то же время человѣкъ двадцать конныхъ егерей, пользуясь удаленіемъ нашимъ отъ своихъ, бросились во весь опоръ на меня и полковника Дьякова, который выѣхалъ вмѣстѣ со мною. Едва успѣлъ я выхватить саблю и отбить удары, наносимые мнѣ; а между тѣмъ Дьяковъ, котораго лошадь ухватили за узду, отдѣлался отъ противника своего ударомъ нагайки. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе и когда, преслѣдуемые по пятамъ, мы доскакали до деревни, то войска наши двинулись опять впередъ и конные егеря, гнавшіеся за нами, попались въ плѣнъ. Всѣ они были пьяны и одушевлены, какъ мы видѣли, не природнымъ, а искусственнымъ пламенемъ. Этимъ кончилась первая попытка наша вступить въ переговоры. За нею послѣдовало много другихъ, но вездѣ, при различныхъ обстоятельствахъ, успѣхъ былъ тотъ же, а между тѣмъ кровь продолжала литься, новыя массы приходили на поле сраженія и ядра начинали падать въ самыя населенныя части города. Въ послѣдствіи я узналъ, что одно такое ядро прикатилось, обезсилѣвъ, къ ногамъ одной изъ самыхъ прелестныхъ, самыхъ щеголеватыхъ женщинъ Парижа, и рикошетомъ потрясло благотворнымъ ужасомъ слишкомъ нѣжные нервы одного изъ высшихъ чиновниковъ города, и имѣло рѣшительное вліяніе на этотъ знаменитый день.

Битва началась въ центрѣ. . . . . .

Усилія союзниковъ и сопротивленіе непріятеля стоили многихъ жертвъ, прежде чѣмъ мы овладѣли деревнею Бельвиль и Сенъ-Шомонскимъ холмомъ. Въ этомъ успѣли только къ четыремъ часамъ пополудни, послѣ осьми часовъ боя; и въ ту минуту, когда Государь дѣлалъ смотръ своей гвардіи, намѣреваясь пустить ее на непріятеля, явился наконецъ настоящій парламентеръ, съ предложеніемъ открыть переговоры.

Императоръ тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и повелѣлъ переговорить съ присланнымъ офицеромъ. Объясненіе было коротко; онъ не имѣлъ никакихъ полномочій, и просто требовалъ, чтобы остановили атаку; это значило бы отложить побѣду, а можетъ быть, и упустить ее изъ рукъ. Ему отказали, и я получилъ предписаніе ѣхать тотчасъ съ нимъ вмѣстѣ къ герцогу Рагузскому, который командовалъ прямо противъ насъ.

И такъ, мы поскакали во весь опоръ рядомъ, сквозь градъ картечь и пуль, подвергаясь оба опасности погибнуть отъ огня обоюдныхъ враговъ или друзей нашихъ.

Первый человѣкъ, котораго я встрѣтилъ въ самой передней цѣпи французскихъ стрѣлковъ, былъ маршалъ Мармонъ. Онъ стоялъ со шпагою въ рукѣ, ободряя разрѣженные баталіоны свои движеніями и голосомъ къ отчаянной защитѣ. Видъ имѣлъ онъ твердый и воинственный, но печальное лицо обнаруживало грызущую заботу человѣка государственнаго, на которомъ лежитъ огромная отвѣтственность. Эта отвѣтственность тяготѣла на немъ одномъ вся вполнѣ; онъ, казалось, уже тогда предвидѣлъ, что сдѣлается цѣлью, на которую устремятся всѣ нападки партій, и жертвою раздраженной гордости національной. Опасность была крайняя и каждая минута драгоцѣнна. Слова герцога были сильны и коротки; рѣшимость его быстра и полна. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ безъ всякихъ околичностей: „Я герцогъ Рагузскій; вы кто?“

— Полковникъ Орловъ, флигель-адъютантъ его величества Императора Всероссійскаго, который желаетъ спасти Парижъ для Франціи и міра.

— „Это также наше желаніе и единственная надежда; безъ того всѣмъ намъ осталось бы только умереть здѣсь. Условія ваши?“

— Огонь остановится; французскія войска войдутъ за укрѣпленныя заставы; тотчасъ назначить коммисію для переговоровъ о сдачѣ Парижа.

— „Согласенъ, и буду съ герцогомъ Тревизскимъ ждать васъ у Пантенской заставы".

— И такъ, къ дѣлу; прекратимъ не мѣшкая огонь по всей линіи. До свиданія!

Я отправился, но, отъѣхавъ немного, воротился къ герцогу и сказалъ ему: „высота Монмартрская также должна быть очищена французскими войсками". Онъ подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:

— „Это справедливо, она внѣ укрѣпленныхъ заставъ".

Въ это время по всей французской линіи раздавались крики: да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ великій Наполеонъ! и ясно было по виду этихъ храбрецовъ, что крикъ этотъ, возбужденный самимъ маршаломъ, болѣе обнаруживалъ съ ихъ стороны усердія въ бою, чѣмъ радости о минутномъ прекращеніи опасности. Зрѣлище это было величественно. Борьба кончилась, но неизмѣнно и во всей полнотѣ своей сохранилась преданность.

Наши стояли въ двухъ стахъ шагахъ оттуда. Барабаны ударили сборъ; офицеры разъѣзжали по рядамъ, и только небольшое количество самыхъ отчаянныхъ солдатъ упорно продолжали стрѣлять въ непріятеля. Никогда не забуду комическаго неудовольствія одного русскаго гренадера, котораго я не допустилъ выстрѣлить, приказавъ ему воротиться къ его ротѣ. Онъ взглянулъ на меня съ видомъ упрека и сказалъ умоляющимъ голосомъ, указывая рукой на французскаго стрѣлка, котораго, вѣроятно, почиталъ личнымъ врагомъ своимъ: „Ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ только этого подстрѣлить". Разумѣется, что я не далъ свободы его мщенію или гнѣву, и онъ, возвратясь въ ряды, ворчалъ противъ того, что̀ называлъ моей непонятной несправедливостью.

Въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда я нашелъ Государя и прусскаго короля, которые, сошедши съ лошадей, стояли на одномъ возвышеніи, гдѣ Императоръ самъ устроилъ изъ 24-хъ орудій гвардейскую батарейную роту, имени его императорскаго высочества. Прусскій король благодарилъ нашихъ офицеровъ за блистательную атаку, которую они совершили, ударивъ изъ деревни Пантенъ на флангъ и тылъ французскихъ батарей Сенъ-Шомонскаго холма. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали какія я принесу вѣсти. Едва кончилъ я разсказъ, Императоръ позвалъ графа Нессельроде и далъ ему инструкцію, составленную заранѣе вмѣстѣ съ прускимъ королемъ и княземъ Шварценбергомъ. Коммисію тотчасъ назначили. Она состояла изъ графа Нессельроде и меня. Князь Шварценбергъ присоединилъ къ намъ своего адъютанта, полковника Парра, а Нессельроде взялъ еще съ собою капитана Петерсона, русскаго, уроженца

Лифляндіи, камергера при дворѣ россійскомъ, вступившаго въ военную службу изъ патріотизма, при самомъ началѣ войны. Мы тотчасъ поѣхали, направляясь къ Пантенской заставѣ, гдѣ не замедлили встрѣтить герцога Рагузскаго со всѣмъ его штабомъ; онъ принялъ насъ за укрѣпленной заставой. Войска французскія уже вступили въ городъ и расположились вдоль по длиннымъ рядамъ палисадовъ, сооруженныхъ съ обѣихъ сторонъ входа, который защищала батарея (tambour) изъ нѣсколькихъ орудій. Былъ пятый часъ вечера. Съ этой стороны огонь былъ совершенно прекращенъ, но со стороны Блюхера, куда извѣстіе о перемиріи не успѣло достигнуть, пушки еще продолжали гремѣть.

Герцогъ Тревизскій былъ увѣдомленъ, но еще не являлся. Маршалъ Мармонъ предложилъ намъ ѣхать къ нему на встрѣчу; мы приняли предложеніе, и отправились по линіи палисадовъ, по направленію къ заставѣ Ла-Виллетъ. Я имѣлъ возможность замѣтить, что происходило въ этой части города: войска французскія заняли въ порядкѣ и съ быстротой свои слабыя укрѣпленія; солдаты стояли вдоль палисадовъ, опираясь на ружья. Было устроено нѣсколько исходящихъ угловъ для фланкированія длинныхъ куртинъ, почти совершенно открытыхъ. Новые мундиры, которыхъ мы не встрѣчали на полѣ сраженія, свидѣтельствовали о присутствіи національной гвардіи. Впрочемъ, позади войскъ народу было мало и почти не было; не слышно было криковъ, не видно ни малѣйшаго движенія, никакихъ необыкновенныхъ приготовленій; однимъ словомъ, это была защита спокойная, обдуманная, устроенная чисто въ военномъ смыслѣ, безъ сильнаго энтузіазма со стороны народа, безъ революціонныхъ импровизацій со стороны начальниковъ. Намъ очень было важно собрать всѣ эти успокоительные признаки.

Пріѣхавъ къ Виллетской заставѣ, мы нашли герцога Тревизскаго, который собирался ѣхать намъ на встрѣчу. Послѣ непродолжительнаго разговора между двумя маршалами, мы взошли въ нѣкотораго рода трактиръ, гдѣ переговоры тотчасъ начались. Не лишнее замѣтить, что во все ихъ продолженіе роль маршала Мортье ни на минуту не переставала быть страдательною. Знакомъ головы онъ изъявлялъ согласіе на слова товарища своего или несогласіе на наши предложенія. Разговоръ поддерживалъ одинъ герцогъ Рагузскій, входя во всѣ подробности переговоровъ. Надобно думать, что маршалы заранѣе согласились какъ обоимъ дѣйствовать. Герцогъ Рагузскій принялъ на себя политическую роль, а герцогъ Тревизскій чисто военную: выводъ войскъ изъ города и направленіе колоннъ.

Союзники выиграли сраженіе, и превосходство ихъ силъ и позиціи было такъ очевидно, что самая гипотеза сопротивленія чисто военнаго была неудобопріемлена. И такъ, эту неоспоримую выгоду должно было обратить въ свою пользу. Надобно было воспользоваться взятіемъ Парижа, какъ первымъ шагомъ ко всеобщему миру, и для того уничтожить, подавить, сколько возможно, силы, которыми могъ располагать Наполеонъ. Такимъ только образомъ можно было дѣйствовать согласно съ истиннымъ смысломъ словъ, сказанныхъ Императоромъ Александромъ при началѣ этого дня, и именно въ этомъ смыслѣ графъ Нессельроде открылъ переговоры, предложивъ сдать городъ со всѣмъ гарнизономъ, какой бы онъ ни былъ. Этому предложенію оба маршала воспротивились почти съ негодованіемъ. Они напоминали о прежнихъ заслугахъ своихъ, высчитывали всѣ сраженія, въ которыхъ покрыли себя славою, и объявили единодушно, что лучше погребутъ себя подъ развалинами Парижа, чѣмъ подпишутъ такую капитуляцію. Напрасно представляли мы имъ попеременно разныя причины, и спасеніе Парижа, и отвѣтственность, которую они принимаютъ на себя; напрасно представляли, какъ необходимо употребить и моральное и физическое насиліе, чтобы вынудить Наполеона къ миру, на который онъ никогда не согласится добровольно. Это замѣчаніе, котораго коснуться надобно было очень осторожно, не имѣло, какъ и всѣ наши усилія, ни малѣйшаго успѣха. Маршалы не помышляли о будущемъ и заботились только о томъ, чтобы сохранить честь свою въ настоящемъ. Они оставались непоколебимыми; вдругъ, среди самаго разгара преній, пальба на крайней оконечности нашего праваго крыла усилилась до чрезвычайности, а затѣмъ послѣдовала живая перестрѣлка. Мы были въ затрудненіи: въ эту минуту непріятели могли и насъ обвинить въ вѣроломствѣ. По счастію, тотчасъ послѣ того водворилась совершеннѣйшая тишина и вскорѣ узнали, что графъ Ланжеронъ [1]) взялъ высоты Монмартрскія, не получивъ еще извѣстія о заключеніи перемирія; но что вслѣдъ затѣмъ онъ прекратилъ атаки и увѣдомилъ даже французовъ о прекращеніи непріятельскихъ дѣйствій. Это обстоятельство, непредвидѣнное ни съ той ни съ другой стороны, могло бы поколебать мужество менѣе испытанное, чѣмъ то, какимъ отличались оба маршала, и, доведя до отчаянія, принудить къ принятію предложеній нашихъ. Но они продолжали упорствовать и графъ Нессельроде рѣшился возвратиться къ союзнымъ государямъ за новыми полномочіями и перенести театръ переговоровъ на Сенъ-Шомонскій холмъ. И такъ, мы отправились въ сопровожденіи одного французскаго генерала, помнится,

[1]) Въ рукописи автора поставлено: «Блюхеръ»; а въ печатномъ текстѣ 1743 г.: — Ланжеронъ.

Лапуанта, которому маршалы ввѣрили судьбу войска и города; онъ долженъ былъ привезти имъ ультиматумъ союзниковъ.

Сверхъ того, французскій генералъ имѣлъ при себѣ письмо отъ Наполеона къ князю Шварценбергу. Въ этомъ письмѣ силились доказать князю, что Наполеонъ открылъ непосредственные переговоры съ тестемъ своимъ, австрійскимъ императоромъ, что согласились уже во всѣхъ статьяхъ и потому со стороны генерала австрійскаго было бы очень благоразумно тотъ же часъ прекратить нападеніе на Парижъ. Легко было видѣть, что это одинъ обманъ; левъ вырядился въ лисью шкуру. Письмо князь отдалъ присутствующимъ государямъ, которые приняли на себя дать отвѣтъ самый отрицательный. Послѣ краткаго совѣщанія, къ которому всѣ мы были приглашены, рѣшили отказаться отъ намѣренія принудить маршаловъ къ положенію оружія, но продолжать переговоры въ томъ же смыслѣ, т. е. съ намѣреніемъ подавить воинственный духъ Наполеона, оковавъ средства, которыя находились во власти его; и потому ультиматумъ не данъ, и мы воротились къ Виллетской заставѣ для возобновленія переговоровъ на новомъ основаніи. Было уже 7 часовъ вечера, когда коммисары союзниковъ явились къ французскимъ маршаламъ опять въ то же самое мѣсто.

Графъ Нессельроде, послѣ краткаго предисловія, въ которомъ выхвалялъ великодушіе союзныхъ государей, объявилъ положительно, что ихъ величества согласны на очищеніе Парижа войсками, которыя принадлежали къ корпусамъ, сражавшимся подъ стѣнами Парижа, но предоставляютъ себѣ назначить этимъ войскамъ дороги, по которымъ они должны идти до извѣстнаго разстоянія. Существенно предложеніе это было только измѣненіе перваго. Маршалы отошли въ уголъ комнаты и вскорѣ герцогъ Рагузскій, подойдя къ намъ, представилъ, что Парижъ не окруженъ и не можетъ быть окруженъ, что на дѣлѣ всѣ дороги открыты для французовъ, а потому должны быть свободны и по праву; но онъ желалъ бы, чтобы графъ Нессельроде объяснилъ опредѣлительнѣе свое предложеніе и сказалъ дорогу, по которой арміи французской назначено будетъ идти. Мы желали, чтобы она шла по дорогѣ Бретанской, но едва назвали ее, какъ маршалъ объявилъ, что на этихъ условіяхъ онъ не можетъ переговариваться; что настоящій путь ретирады его для него открытъ и очевидѣнъ; что, защищая Парижъ шагъ за шагомъ, онъ не иначе могъ быть отброшенъ, какъ на С. Жерменское предмѣстье, гдѣ онъ могъ, перейдя чрезъ Сену и поставивъ ее между собою и союзниками, ретироваться на дорогу въ Фонтенебло, а потому, чего нельзя отнять у него превосходствомъ оружія, того не должно стараться пріобрѣсть условіями перемирія, несогласс-

ными съ честью стараго воина, и, одушевляясь постепенно, онъ наконецъ прибавилъ слѣдующія слова: „Господа, жребій оружія благопріятствовалъ вамъ; нѣтъ сомнѣнія, что вы побѣдили; я предвижу, что слѣдствія этой побѣды будутъ неисчислимы. Будьте вмѣстѣ и великодушны и благоразумны, не простирайте вашихъ требованій до крайности. Совѣты великодушія часто бываютъ лучше совѣтовъ силы". Не было между нами никого, кто бы не понималъ сколько истины и чувства заключалось въ представленіяхъ маршала; на его мѣстѣ каждый изъ насъ сказалъ бы то же, ссылаясь на тѣ же самыя причины. Но мы дѣйствовали подъ вліяніемъ данныхъ намъ инструкцій. Повторимъ еще разъ, наша миссія состояла въ томъ, чтобы связать исполина битвъ, переломить въ рукѣ Наполеона мечъ его тысячи и одной битвы, а для этого надобно было разъединить, разбросать, разсѣять его силы, уничтожить всѣ стихіи сопротивленія и поставить его одного, обнаженнаго, со всѣмъ эгоизмомъ его генія и славы, предъ лицомъ массъ, которыхъ могущества онъ такъ долго не признавалъ и которыхъ презиралъ мнѣніе,—предъ лицомъ Европы, отвергавшей его изъ предусмотрительности, предъ лицомъ Франціи, которая отказывалась отъ него по изнеможенію. Вотъ цѣль, за которой мы усердно гнались, вопреки военныхъ сочувствій нашихъ, которыя побуждали насъ уважать упорную щекотливость обоихъ маршаловъ; мы старались достигнуть мира, обезпечить будущность человѣчества, и цѣль наша нисколько не заключала въ себѣ суетности и желанія унизить побѣжденнаго врага. Въ то время идея наша не была понята, а когда герцогъ Рагузскій силою обстоятельствъ, при Эссонѣ, увидѣлъ себя въ необходимости обратиться къ ней, то было уже поздно. Его глубокое убѣжденіе приняло, въ глазахъ предубѣжденныхъ французовъ, характеръ преступнаго отпаденія—и отсюда источникъ всѣхъ его горестей и разныхъ огорченій, претерпѣнныхъ имъ на политическомъ поприщѣ. И такъ, начались опять представленія и отвѣты, предложенія, упорно повторяемыя, и новыя, еще болѣе сильныя возраженія. Наконецъ, послѣ многихъ споровъ и шуму, герцогъ Тревизскій лучше согласился разстаться съ нами. Обязанность, на немъ лежащая,—сказалъ онъ,—такъ велика, что онъ не можетъ долѣе медлить и принужденъ удалиться къ войскамъ для устройства парижской защиты; что же касается до переговоровъ, то онъ препоручаетъ ихъ товарищу своему, на рѣшеніе котораго заранѣе согласенъ.

Это рѣшеніе осталось неизмѣнно. Маршалъ Мармонъ не склонялся ни на какія представленія наши; такое упорство приноситъ ему тѣмъ болѣе чести, что, уже со втораго часа по полудни, онъ имѣлъ при себѣ полномочіе отъ короля Іосифа не только переговариваться о

сдачѣ Парижа, но и самой арміи, съ нимъ бывшей. И такъ, обѣ стороны стояли на своемъ и переговоры не подавались ни на шагъ впередъ. Было ужъ восемь часовъ вечера; приближалась ночь. Я замѣтилъ графу Нессельроде, что теперь выгода останется на сторонѣ маршаловъ; нельзя же было и думать о ночномъ нападеніи на Парижъ, а тѣмъ не менѣе это было единственное средство воспрепятствовать выступленію французовъ изъ города въ опредѣленномъ направленіи и по извѣстной дорогѣ; и, вѣроятно, маршалъ Мортье за тѣмъ собственно и удалился отъ насъ, чтóбы совершить на дѣлѣ это отступленіе; что завтра на зарѣ мы найдемъ Парижъ предоставленный его собственнымъ силамъ, а оба маршала будутъ на походѣ для соединенія съ Наполеономъ. Изъ этого я заключилъ, что надобно было тотчасъ составить импровизированную капитуляцію, или попытаться еще разъ вырвать требуемыя условія, прекративъ переговоры; я предложилъ, что соглашаюсь остаться заложникомъ въ Парижѣ до истеченія перемирія. Графъ Нессельроде рѣшился на послѣднее. Онъ пресѣкъ тотчасъ же переговоры и, представляя меня какъ заложника маршалу Мармону, далъ ему честное слово, что нападеніе на Парижъ не будетъ возобновлено до тѣхъ поръ, пока я не переступлю чрезъ русскіе аванпосты. Наши поѣхали въ лагерь, а я послѣдовалъ за герцогомъ Рагузскимъ въ Парижъ, куда мы и въѣхали черезъ нѣсколько минутъ послѣ того. Мы ѣхали верхомъ и медленно, въ глубочайшей тишинѣ и темнотѣ. Слышенъ былъ только раздававшійся топотъ лошадей нашихъ, и изрѣдка нѣсколько лицъ, безпокойныхъ, волнуемыхъ тревожнымъ любопытствомъ, являлось въ окнахъ, которыя быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, безчисленное народонаселеніе Парижа бѣжало изъ него; но оно находилось только въ оцѣпенѣніи. Сами мы, въ рукахъ у кого находилась участь такого множества людей, сами мы походили на тихую патруль, объѣзжавшую улицы оставленнаго города. Каждый изъ насъ былъ погруженъ въ мысляхъ; и мнѣ не приходитъ на память, чтобы сказано было, въ продолженіе этого переѣзда, хоть одно слово, которое бы стоило быть сохранено. Однажды маршалъ Мармонъ подозвалъ къ себѣ одного изъ адъютантовъ и тихимъ голосомъ отдалъ ему какой-то приказъ. Адъютантъ отправился и чрезъ нѣсколько минутъ мы услышали въ сосѣдней улицѣ шумъ, причиняемый отрядомъ, идущимъ съ пушками. Этотъ шумъ не прекращался во все продолженіе переѣзда нашего; его направленіе совершенно утвердило меня въ первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Парижъ бѣдствію, которое бы неминуемо навлекло на него сопротивленіе, несогласное съ ихъ силами; не желая также увидѣть себя вынужденными къ эксцентрической ретирадѣ, ко-

торая могла бы ихъ лишить возможности соединиться съ Наполеономъ, рѣшились, съ общаго согласія, выйти изъ города на ихъ естественную коммуникацію. Въ послѣдствіи я узналъ, что предположеніе мое совершенно оправдалось событіемъ. Мы пріѣхали, наконецъ, въ отель герцога Рагузскаго, представлявшую разительную противоположность съ улицами Парижа. Отель былъ освѣщенъ сверху до низу. Туда собралось множество разныхъ лицъ, которыя, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія нашего. Когда мы взошли въ гостиныя маршала, то всѣ эти лица хлынули намъ на встрѣчу; но вскорѣ разсѣялись на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, изъ которыхъ каждая предалась разговору, до чрезвычайности одушевленному; въ этихъ разговорахъ событія того дня развивались въ тысячѣ различныхъ формъ. Маршалъ препоручилъ адъютантамъ своимъ заниматься со мною, а самъ удалился съ нѣкоторыми особами къ себѣ въ кабинетъ.

Я не совсѣмъ былъ чуждъ привычекъ и обращенія французскихъ офицеровъ. Въ двѣ разныя эпохи, въ 1807 году, во время пребыванія государя въ Тильзитѣ, и при открытіи кампаніи 1812-го года, въ Вильнѣ, я имѣлъ случай изучить военные нравы враговъ нашихъ, составляющіе счастливое смѣшеніе нѣкотораго тщеславія съ необыкновенной вѣжливостью. Это смѣшеніе не исключало изъ разговора чувствованія національной гордости, но тѣмъ не менѣе дѣлало общественныя отношенія удобными и простыми даже тогда, когда политическія были исполнены горечи и вражды. Я вскорѣ замѣтилъ, что послѣднія событія разстроили нѣсколько это моральное равновѣсіе. Оскорбленная гордость націи сдѣлалась раздражительнѣе, щекотливѣе, а вѣжливость, истощенная превратностями, стала менѣе сообщительна, болѣе холодна.

Это было очень понятно. Несчастіе принесло горькій плодъ свой: глубокое неудовольствіе на людей и вещи, и расположеніе, можетъ быть, въ равной степени враждебное и къ самимъ себѣ и къ другимъ. Въ первыя минуты заложникъ союзныхъ державъ долженъ былъ отразить не одну эпиграмму, выдержать не одно сраженіе. „Много ли въ вашемъ лагерѣ казаковъ?“ спросилъ одинъ офицеръ; „что касается до меня, то мнѣ показалось нынѣ, что на насъ нападаетъ цѣлая армія казаковъ, такъ войска ваши сражались въ разсыпную“. — Это было дѣйствіе вашей прекрасной защиты,—отвѣчалъ я; а вы знаете, что русскіе равно не боятся битвы свалочной, какъ и стройнаго сраженія. „Знаете ли вы, гдѣ императоръ Наполеонъ?“ сказалъ мнѣ другой; „онъ ночуетъ нынѣ въ Мо“.—Какъ! вскричалъ я,—у генерала Сакена, который, сколько мнѣ извѣстно, не думалъ выходить оттуда съ тремя корпусами своими!—„А! у васъ еще три корпуса въ Мо!“ подхватилъ

онъ. „Подлинно прекрасная побѣда раздавить 30,000 храбрыхъ соединенными силами цѣлой Европы". — „Послушайте,—сказалъ я,—не сердитесь на насъ слишкомъ за нашу вѣжливость. Мы хотѣли во что бы то ни стало отблагодарить васъ за посѣщеніе, которымъ вы удостоили насъ точно въ томъ же сопровожденіи".

Такая война словъ и фразъ продолжалась бы еще болѣе, еслибъ они не замѣтили, со свойственной французскому народу вообще смѣтливостью въ разговорѣ, что существенно ни въ мысляхъ моихъ, ни въ чувствованіяхъ не было ничего особенно враждебнаго для ихъ самолюбія. Мало по малу эпиграммы замѣнились разговоромъ болѣе дружелюбнымъ, и не болѣе какъ черезъ часъ мы уже бесѣдовали такъ откровенно и пріятельски, что всѣ были довольны другъ другомъ. Военные и другіе анекдоты лились рѣкой, и много разъ съ обѣихъ сторонъ позабывали суровость обстоятельствъ и взаимныхъ отношеній. Въ это время и долго послѣ того русскіе пользовались у французовъ гораздо большею благосклонностію, чѣмъ другія націи. Причину этого искали въ предполагаемомъ сходствѣ характеровъ и вкусовъ; а я, напротивъ, приписываю стеченію особенныхъ обстоятельствъ. Мы любили языкъ, литературу, цивилизацію и мужество французовъ, съ убѣжденіемъ и энтузіазмомъ отдавали имъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ справедливую дань удивленія. Мы не имѣли, какъ англичане и нѣмцы, литературы, которую могли бы противопоставить литературѣ французской; наша рождающаяся цивилизація не могла хвалиться своими открытіями въ наукахъ, успѣхами въ искусствахъ. Что касается до храбрости, то обѣ націи славно и не одинъ разъ встрѣчались другъ съ другомъ на поляхъ боевыхъ и научились взаимно уважать себя. Здѣсь мы также уже сошлись. Ко всѣмъ этимъ причинамъ надобно еще присовокупить великодушіе и благость нашего Государя и географическое положеніе Россіи, не допускавшее никакого слишкомъ близкаго столкновенія противоположныхъ выгодъ. Но, собственно говоря о характерѣ обѣихъ націй, мнѣ кажется, ничто не сходствуетъ такъ мало съ истиннымъ французомъ, какъ настоящій русскій. Это два существа совершенно различныя, сближающіяся только въ двухъ точкахъ: инстинктуальной смѣтливости ума и безпечномъ презрѣніи опасности. Но и въ этомъ они неплотно соприкасаются. Французъ лучше схватываетъ собственно идею, ловчѣе ею управляетъ, искуснѣе украшаетъ ее, болѣе извлекаетъ изъ нея остроумныхъ выводовъ. Но, съ другой стороны, онъ легко ослѣпляется яркостью самыхъ блестящихъ предположеній своихъ, увлекается своей склонностью къ утопіямъ, блуждаетъ въ отвлеченныхъ подробностяхъ и часто пренебрегаетъ практическими выводами, или простираетъ далеко за надлежащіе пре-

дѣлы логическія слѣдствія первыхъ основаній своихъ. Русскій, напротивъ, употребляетъ разсудокъ свой иначе. Горизонтъ его тѣснѣе, но взглядъ болѣе вѣренъ; онъ менѣе вещей усматриваетъ вдругъ, но лучше и яснѣе видитъ цѣль, которой хочетъ достигнуть. Воображеніе его не открываетъ передъ нимъ всѣхъ принадлежностей предмета, но умъ его болѣе упорствуетъ въ основномъ началѣ, особливо же, лучше умѣетъ оцѣнить систему выгодъ или дѣйствій, чѣмъ отвлеченій или причинъ. Дайте обѣимъ націямъ развить какую нибудь идею, какое нибудь происшествіе, и вы увидите, что французская отработка разовьется прекрасными листьями, великолѣпными цвѣтами, но сомнѣваюсь, чтобы сборъ плодовъ превзошелъ или даже сравнялся съ тѣмъ, какой при тѣхъ же условіяхъ будетъ умѣть получить русскій. Въ отношеніи къ храбрости, воинственныя добродѣтели, обѣихъ націй болѣе сходны, но тѣмъ не менѣе различествуютъ между собою. Русскій болѣе твердыня, французъ болѣе ударъ; однакожъ, и тотъ и другой доказали, что когда они находятся подъ начальствомъ искуснаго полководца, то эти качества въ нихъ не такъ исключительны, чтобы они не могли съ успѣхомъ и славой перейти изъ одного въ другое. Впрочемъ, между обѣими націями не существуетъ никакого тождества; самые недостатки ихъ существенно различны. Главный недостатокъ русскаго есть лѣнь, элементъ безплодный, дѣйствіе котораго уничтожаетъ у насъ нерѣдко усилія ума, возвращая способности наши къ жизни только при температурѣ крайней необходимости. Главный недостатокъ француза, напротивъ, есть бурная дѣятельность, безпрерывно увлекающая его въ преувеличеніе [1]). Что̀ можетъ быть общаго между этими двумя организаціями, изъ которыхъ одна, тревожная, пламенная, пускаетъ безпрерывно во весь опоръ всѣ соотечественныя суетности по пути къ успѣху, а другая, сосредоточенная, терпѣливая, возвращается къ жизни, силѣ и движенію только повторенными толчками крайней нужды? Все это было обсуждаемо осторожно, съ большею или меньшею силою, и доставило пищу разговору очень оживленному, который принялъ, наконецъ, оборотъ, исполненный радушія и вѣжливости. Одинъ изъ этихъ офицеровъ разсказалъ мнѣ, что, возвращаясь во время заключенія Тильзитскаго мира къ арміи, онъ встрѣтилъ въ какомъ-то нѣмецкомъ трактирѣ множество французскихъ солдатъ, которые шли назадъ во Францію. Онъ спрашивалъ у нихъ объ арміи и между прочимъ о храбрости русскихъ. „О! о!—сказалъ одинъ старый французскій гренадеръ,—знайте, государь мой, что когда сто французскихъ гренадеровъ и сто русскихъ встрѣтятся между собою, такъ

[1]) См. примѣчаніе I-ое, на стр. 657—658.

только живые ступаютъ по тѣламъ убитыхъ". Это былъ благородный и откровенный шагъ къ сближенію. Я отвѣчалъ извѣстнымъ анекдотомъ о князѣ Багратіонѣ, который, защищая одинъ изъ бородинскихъ редутовъ, до такой степени былъ восторженъ неустрашимостію нападающей колонны, что ударилъ въ ладони и прокричалъ „браво!" непріятелямъ, сорвавшимъ его позицію. Этотъ обмѣнъ вѣжливостей очень расположилъ къ намъ французовъ; но не должно было пытаться говорить имъ о другихъ націяхъ, воевавшихъ съ ними; здѣсь ихъ предубѣжденіе превосходило всѣ границы умѣренности. Въ глазахъ ихъ, австріецъ только нетерпѣливо желалъ воспользоваться развалинами ихъ военной фортуны; пруссакъ—только возмутившійся, побѣжденный, котораго должно наказать, англичанинъ—существо, вѣроломное и ненавистное по превосходству. Всѣ эти восклицанія оканчивались сожалѣніемъ объ отступленіи отъ того, что французы называли Эрфуртской политикой. „Если бы,—говорили они,—оба императора остались друзьями, то они раздѣлили бы между собою весь міръ". —„Но,—прибавили нѣкоторые въ полголоса,—и весь міръ былъ тѣсенъ для Наполеона". Это было самое смѣлое слово, какое только они произнесли передо мною.

Между тѣмъ комнаты маршала не пустѣли; множество знатныхъ лицъ безпрерывно пріѣзжало вновь. Такъ, постепенно прошли передо мною всѣ современныя знаменитости Франціи, остававшіяся въ Парижѣ, и въ томъ числѣ глава ихъ, князь Талейранъ. Ко мнѣ изъ этихъ господъ подходили очень немногіе. Почти всѣ заняты были только опасностью настоящаго положенія своего, сомнительностью будущаго, подавлены суровостью обстоятельствъ и бременемъ огромной отвѣтственности; у всѣхъ на лицахъ и въ пріемахъ видны были безпрерывно возрастающіе безпокойство и страхъ. Все это обнаруживалось торопливостью, съ какой они входили, поспѣшностью, съ какой уѣзжали опять. Изъ нихъ никто не мѣшался въ разговоръ, всѣ они, казалось, болѣе или менѣе были недовольны мѣрами маршала. Мнѣ удалось подслушать нѣсколько словъ довольно значительныхъ: они были сказаны графу Гюлленю, военному губернатору Парижа. Кажется, военная власть не вполнѣ была препоручена герцогу Рагузскому, и часть войскъ, называемая собственно гарнизономъ парижскимъ, находилась непосредственно у него подъ начальствомъ. Надобно также предполагать, что долго было разсуждаемо—не вывесть ли этотъ гарнизонъ вмѣстѣ съ арміей изъ Парижа; такъ и положили, вопреки мнѣнію гражданскихъ начальствъ, которыя требовали, чтобы оставили по крайней мѣрѣ хоть часть гарнизона, для содѣйствія имъ къ сохраненію порядка въ великомъ городѣ; на всѣ ихъ требованія графъ Гюл-

лень отвѣчалъ въ самыхъ короткихъ словахъ, часто сопровождаемыхъ выраженіями болѣе чѣмъ энергическими. „Чортъ возьми! не хотите ли вы принудить меня, чтобъ я положилъ оружіе? Не думаете ли вы, что они на столько олухи, чтобы не подцѣпить первый имъ попавшійся киверъ? Развѣ мало у васъ обмундированныхъ и прифранченныхъ буржуа и развѣ вы забываете, что тотъ, бѣшеный, осыплетъ меня ругательствами, если я не приведу къ нему всего, что только можно привести!“ Графъ Гюллень говорилъ правду; совѣты, которые ему давали, были робки и несообразны съ обстоятельствами. Но надобно сознаться, что онъ могъ говорить правду и не ругаясь, или, по крайней мѣрѣ, ругаясь нѣсколько поменьше. Впрочемъ, этимъ подтверждалось мое первое мнѣніе. Все содѣйствовало къ тому, чтобы доказать мнѣ, что система, принятая французами, состояла въ мирномъ очищеніи города, съ предоставленіемъ себѣ возможности защищаться за его стѣнами; что касается до политическихъ преній, то о нихъ, казалось, совершенно забыли въ гостиной. Здѣсь все говорилось, все дѣлалось явно и въ послѣдствій увидятъ, что самыя статьи капитуляціи были составлены и подписаны въ присутствій всѣхъ особъ, которыми гостиная была набита. И такъ, если въ этотъ знаменитый вечеръ политика играла какую нибудь роль, это было внѣ круга моего дѣйствія,—въ кабинетѣ маршала, куда я не имѣлъ входа.

Туда прямо отправился князь Талейранъ, пройдя чрезъ гостиную съ тѣмъ спокойнымъ, безстрастнымъ видомъ, который всѣмъ извѣстенъ. Онъ пробылъ тамъ довольно долго, и выходя остановился на минуту среди толпы и сказалъ нѣсколько словъ присутствовавшимъ. Всѣ бросились узнать, что онъ говорилъ, и я остался почти одинъ въ моемъ углу. Онъ воспользовался этой минутой, подошелъ ко мнѣ, и сказалъ съ нѣкоторою торжественностью: „Государь мой, возьмите на себя трудъ повергнуть къ стопамъ государя вашего выраженія глубочайшаго почтенія, которое питаетъ къ особѣ его величества князь Беневентскій“.—„Князь,—отвѣчалъ я въ полголоса,—будьте увѣрены, что я непремѣнно повергну къ стопамъ его величества этотъ бланкъ“. Легкая, почти незамѣтная улыбка скользнула по устамъ князя, и, будучи, вѣроятно, доволенъ тѣмъ, что его поняли съ полслова, онъ вышелъ, не показывая съ своей стороны виду, что понялъ меня, и не прибавивъ ничего къ первой своей фразѣ, такъ офиціальной и, однакожъ, такъ многозначительной. Впрочемъ, нѣсколько человѣкъ слышали слова князя, хотя не могли слышать отвѣта моего; вокругъ меня говорили насмѣшливо: „Ужъ не сошелъ ли и Талейранъ съ ума? что значитъ этотъ бланкъ, который онъ препровождаетъ къ русскому

Императору?“ [1]). Въ эту минуту въ гостиной произошло чрезвычайное движеніе, причиненное появленіемъ Наполеонова адъютанта, генералъ-лейтенанта Александра де-Жирардена. Всѣ почувствовали какъ бы предвкусіе присутствія великаго человѣка; у всѣхъ лица сдѣлались болѣе важны, и каждый, кто за минуту предъ тѣмъ подписалъ бы, inpetto, отдѣльный миръ, принялъ гордую, воинственную осанку. Разговоръ превратился въ шопотъ на ушко, и тѣ, которые было подошли ко мнѣ, удалились, потерялись въ толпѣ. Было уже около одиннадцати часовъ вечера; пошли обѣдать. Мнѣ пришлось сидѣть возлѣ г. Жирардена и мы тотчасъ узнали другъ друга, ибо видѣлись и долго разговаривали въ 1812 году, въ Вильнѣ, у князя Невшательскаго. Г. Жирарденъ человѣкъ очень умный и выражается съ необыкновенной свободой и чрезвычайнымъ обиліемъ. Но положеніе его было такъ неловко, что онъ напрасно усиливался стать въ отпоръ несчастію. Обстоятельства были до крайности суровы, и умъ не могъ ничего сдѣлать тамъ, гдѣ самый геній Наполеона былъ пораженъ безсиліемъ. Порученіе, которое г. Жирарденъ долженствовалъ выполнить, было очень сложно и состояло въ намекахъ и угрозахъ, въ средствахъ, основанныхъ на клеветѣ и преувеличеніи. Такъ, возвѣщалъ онъ вмѣстѣ и о мирѣ и о войнѣ: о мирѣ, будто бы уже заключенномъ съ Австріей, и объ упорной войнѣ съ остальными европейскими державами, которыя не согласятся приступить къ этому воображаемому миру; такъ, онъ мечталъ поперемѣнно то остановить союзниковъ переговорами, то выгнать ихъ открытой силой изъ всѣхъ позицій, которыхъ прежде удержать Наполеонъ не могъ. Съ одной стороны, г. Жирарденъ долженъ былъ ободрять гражданъ къ тому, чтобы они защищали свои домы, своихъ женъ и дѣтей, а съ другой— ему отданъ былъ словесный приказъ велѣть взорвать Гренельскій пороховой магазинъ, и въ однихъ общихъ развалинахъ погребсти и враговъ и друзей, столицу со всѣми ея сокровищами, памятниками и безчисленнымъ умнымъ народонаселеніемъ. Долго сомнѣвались въ истинѣ этого варварскаго приказа. Къ несчастію, я могу засвидѣтельствовать о дѣйствительномъ существованіи его; въ послѣдствіи я былъ очень коротко знакомъ съ полковникомъ Лескуромъ, тѣмъ самымъ, который съ благородной твердостью отказался отъ повиновенія г. Жирардену, пока не получитъ на письмѣ отъ государя своего несомнѣннаго и положительнаго повелѣнія. И такъ, нельзя отрицать факта, свидѣтельствуемаго самой явностью довѣренностей, которыя дѣлались тогда. Фитиль, при помощи котораго должно было совершиться бѣд-

[1]) См. примѣчаніе II-ое, на стр. 658—661.

ствіе, еще, такъ сказать, горѣлъ въ великодушныхъ рукахъ Лескура, когда я извѣстился о всѣхъ подробностяхъ этого неудавшагося предпріятія. И, однакожъ, Наполеонъ не былъ кровожаденъ! Сердце его въ дружескихъ бесѣдахъ часто открывалось для самыхъ нѣжныхъ ощущеній; онъ тысячу разъ доказалъ въ продолженіе государственной жизни своей, что эта офиціальная жестокость была не столько природная, какъ притворная. Но онъ приносилъ все въ жертву пламенному честолюбію своему; оно составляло для него источникъ коварной политики, сообщало ему характеръ непоколебимости и дикаго свирѣпства. Жизнь его естественно раздѣлилась на два совершенно различные періода. Въ первомъ—геній его служилъ Франціи, во второмъ—онъ употреблялъ уже Францію въ услуги прихотливаго генія своего. Пріучась на сраженіяхъ видѣть равнодушно уничтоженіе рода человѣческаго, онъ пользовался неограниченно Франціею, какъ завоеванной землей. Онъ выковалъ изъ нея оружіе на своихъ противниковъ, цѣпи для порабощенія міра своей владычествующей идеѣ. Это была несбыточная идея всеобщей монархіи, и ей-то постепенно принесъ онъ въ жертву все, что только могъ какъ человѣкъ и какъ гражданинъ: чистоту намѣреній и безукоризненность средствъ; покой собственной совѣсти и покой Франціи и міра; частныя добродѣтели свои и политическую честность, благоразуміе видовъ и дѣйствій; выгоды свободы и цивилизаціи; благословеніе брачное и благословеніе на царство; кровь герцога Энгіенскаго и страданія испанскаго королевскаго семейства, наконецъ, по выраженію русскаго поэта:

И славу прежнихъ лѣтъ
И славу лѣтъ грядущихъ!..

Въ свою очередь, и Парижъ необходимо долженствовалъ быть принесенъ въ жертву,—и былъ бы. Въ минуту моральнаго и нервнаго раздраженія, Наполеонъ далъ роковой приказъ и, давая его, думалъ, можетъ быть, дать послѣднее, ужасное сраженіе, уже не людямъ, а самому Провидѣнію. Преступный мятежъ генія противъ непреложной воли небесъ! Горестное и жестокое отчаяніе издыхающей гордости, которая находитъ себѣ наказаніе въ самой немощности ненавистныхъ усилій своихъ! Провидѣніе приняло вызовъ человѣка сильнаго по превосходству; Оно горько посмѣялось ему, лишивъ его возможности совершить разрушеніе Парижа, и вскорѣ вынудило подписать собственный приговоръ уничиженія и отреченія отъ трона. Таковъ верховный законъ, управляющій слабыми силами нашими: великому жребію—великія заблужденія!...

Въ то время, когда г. Жирарденъ сѣлъ за столъ рядомъ со мною, онъ уже претерпѣлъ неудачу во всѣхъ попыткахъ своихъ и посланіе

его не имѣло болѣе цѣли. Онъ былъ предупрежденъ въ переговорахъ съ союзниками генераломъ Лапуантомъ, а предположеніе отдѣльнаго мира съ Австріей было средство давно ужъ устарѣлое. Онъ встрѣтилъ войска, очищающія городъ, и долженъ былъ чувствовать болѣе и болѣе съ каждой утекающей минутой невозможность предпринять снова наступательное движеніе на союзниковъ, которые стояли у самыхъ заставъ. Онъ пытался возмутить народъ, чтобы сдѣлать изъ Парижа вторую Сарагоссу; но Наполеонъ уничтожилъ жизнь и движеніе въ массахъ и массы остались недвижны. Наконецъ, въ дѣлѣ о Гренельскомъ пороховомъ магазинѣ, предложеніе г. Жирардена встрѣтило рѣшительный отказъ г. Лескура и сокрушилось объ него. Будучи раздраженъ и приведенъ въ уныніе всѣми этими неудачами, слѣдовавшими одна за другой, онъ имѣлъ нужду излить на кого нибудь все негодованіе свое и, естественно, сдѣлалъ мнѣ честь, выбравъ меня въ свои страдательные собесѣдники. Общій столъ предъ слушателями, принимающими участіе въ разговорѣ, представляетъ для человѣка, который заранѣе рѣшился вести войну на словахъ, всегда особенное удобство. Тамъ, бокъ-о-бокъ съ противникомъ, онъ поставляетъ его въ невозможность избѣгнуть ударовъ, отказаться отъ сраженія, приготовиться къ нему или отдалить его; язвительныя слова достигаютъ къ своему назначенію со всей жестокостью ихъ первоначальной злобы. Такая дробная война совсѣмъ не годилась для меня. Мнѣ очень нужно было сохранить нѣкотораго рода народность, пріобрѣтенную мной, и которой каждое неосторожное слово могло лишить меня. Мнѣ болѣе всего было необходимо хладнокровіе, благоразуміе и скромность; только съ этими тремя условіями могъ я надѣяться на благосклонность многочисленной и раздражительной публики, слушавшей насъ. И такъ, я вполнѣ пожертвовалъ самолюбіемъ моимъ, и старался обратить разговоръ на предметы болѣе важные. Мнѣ удалось это; но какъ скоро г. Жирарденъ попалъ на поприще политическихъ разсужденій, то заключился въ совершеннѣйшемъ скептицизмѣ; началъ сомнѣваться во всемъ, и въ силахъ нашихъ, и въ успѣхахъ, и въ намѣреніяхъ. Что касается до силъ нашихъ и успѣховъ, то мнѣ не трудно было отразить нападки противника моего, и самаго простаго изслѣдованія предмета достаточно было, чтобы доказать превосходство наше людямъ, которые всѣ, въ теченіе того же самаго дня, принуждены были уступить этому превосходству, такъ сильно оспариваемому.

Напрасно г. Жирарденъ ссылался на побѣду, одержанную Наполеономъ надъ отдѣльнымъ корпусомъ Винценгероде 14-го (26-го) марта. Это сраженіе, которое могло только назваться аріергардным сраженіемъ, не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія на большія операціи кампаніи.

Превозносили очень громко пособія Наполеонова генія, но, въ существѣ, этотъ великій мужъ, стоившій при началѣ кампаніи 500,000 человѣкъ, стоилъ къ концу ея только 50,000, и притомъ участокъ, удѣляемый мною его генію, былъ все еще очень великъ, потому что удвоивалъ въ глазахъ моихъ его матеріальныя средства. Говорили также о соединеніи съ Ожеро и маршаломъ Сультомъ, но я выставилъ Бернадотта, Бубну и Веллингтона! Со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ точкахъ положеніе наше было наступательное, преобладающее, и г. Жирарденъ не выигралъ ничего, развивая постепенно картину, которой всѣ подробности въ отношеніи къ числу и стратегическимъ разстояніямъ были рѣшительно въ нашу выгоду. Оставались намѣренія наши, которыя онъ не замедлилъ оклеветать. Здѣсь онъ старался скопить противъ насъ всевозможныя обвиненія и простеръ преувеличеніе до того, что приписывалъ союзникамъ намѣреніе, будто бы уже положенное, раздѣлить Францію. Это была поэтическая часть спора, и г. Жирарденъ могъ дать полную свободу своимъ меланхолическимъ восклицаніямъ. Но по мѣрѣ того какъ этотъ новый Іеремія омрачалъ политическій горизонтъ отечества своего, накоплялъ съ намѣреніемъ тучи на тучу, недовѣрчивость къ недовѣрчивости, бѣдствіе на бѣдствіе,—я усиливался обратить умы слушателей моихъ къ идеямъ, менѣе мрачнымъ, къ будущности болѣе свѣтлой, и громко объявилъ, что, для положенія оружія и заключенія прочнаго, выгоднаго для всѣхъ мира, Европа требовала отъ Франціи только обезпеченій противъ честолюбія ея властелина и противъ нападеній на будущее время. По счастливому и рѣдкому случаю, одно и то же доказательство послужило мнѣ къ убѣжденію и въ силѣ и въ умѣренности союзниковъ. Это доказательство заключалось именно въ зрѣлищѣ тѣснаго и вмѣстѣ страшнаго союза, при которомъ успѣли собрать столько разнородныхъ элементовъ, сплавить въ одну массу столько различныхъ армій, слить въ одно желаніе столько различныхъ желаній. И подлинно, ни одна изъ прежнихъ коалицій не представляла такихъ огромныхъ силъ, такого дружескаго согласія, потому что ни одна не опиралась на такихъ общихъ европейскихъ основаніяхъ, и всѣ безъ исключенія, подъ предлогомъ блага общаго, скрывали виды корысти частной. Здѣсь, напротивъ, всѣ виды эгоистическіе, исключительные, всѣ замыслы честолюбія частнаго и отдѣльнаго—терялись въ общемъ стремленіи къ благу всего человѣчества. Здѣсь дѣло шло не о границахъ, не о пріобрѣтеніяхъ, не о завоеваніяхъ. Чего требовала Пруссія? 10,000,000 жителей. Австрія? обезпеченія своихъ областей. Англія? уничтоженія континентальной системы и освобожденія торговли. Второстепенныя государства? неприкосновенности ихъ владѣній. А Россія? ничего для себя самой и всего для

міра. Это благородное, высокое безкорыстіе обезпечивало Императору россійскому верховное распоряженіе и главный голосъ во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. И только эта, почти слѣпая довѣренность къ Императору Александру, эта вѣра полная и безграничная всѣхъ въ одного, извлекла изъ общаго, политическаго хаоса два огромные результата: всеобщій миръ и неприкосновенность государствъ. Я приглашалъ Францію не внимать тщетнымъ обольщеніямъ, принести въ жертву свои мечты о славѣ и владычествѣ, будущности, исполненной счастія и спокойствія, предпочесть систему равновѣсія и союзовъ ея наступательному воинственному уединенію, и снова занять принадлежащее ей мѣсто и санъ въ общемъ возсозданіи зданія европейскаго, которое безъ ея содѣйствія необходимо не будетъ имѣть ни прочности, ни блеска, ни основанія, ни верха. Слова мои не остались безъ дѣйствія. Я имѣлъ сладостное удовольствіе замѣтить это по удвоившимся ко мнѣ вѣжливостямъ и внимательности, съ которой мои слушатели тѣснились вокругъ меня. Все доказывало мнѣ, что посланіе мое морально было приведено къ исполненію. Предшественникъ воплощенной кротости, я направлялъ всѣ мои усилія къ одной только цѣли, именно, чтобы предуготовить парижанъ къ вступленію Александра, окруженнаго милосердіемъ, могуществомъ и величіемъ... Путь былъ теперь проложенъ; осталось ему только явиться [1]).

Было уже очень поздно, когда мы вышли изъ-за стола. Отягощенный усталостью, я сѣлъ въ углу залы и вскорѣ впалъ въ нѣкотораго рода усыпленіе, легко объясняемое трудами, мною понесенными въ этотъ день, и сильными душевными ощущеніями; впрочемъ, это не мѣшало мнѣ прислушиваться и присматриваться, время отъ времени, къ тому, что̀ говорилось и дѣлалось вокругъ меня. „Вотъ сонъ побѣдителя“, сказалъ кто-то.—„И честнаго человѣка“, прибавилъ другой. Признаюсь, эта простая похвала проникла до глубины сердца моего; прибавлю къ ней, что во всю жизнь мою я жадно желалъ заслужить славу человѣка честнаго и постоянно предпочиталъ ее всѣмъ обольщеніямъ суетности.

Между тѣмъ, дѣла не подвигались впередъ. Послѣ отъѣзда комисаровъ, всѣ сношенія между обѣими главными квартирами совершенно прекратились, и я рѣшительно не зналъ о намѣреніяхъ нашего кабинета. Я былъ простой заложникъ, не имѣлъ никакого офиціальнаго характера и не могъ ничего предпринять, ничего рѣшить. Я начиналъ уже безпокоиться, когда, наконецъ, возвѣстили о прибытіи графа Парра. Онъ привезъ ко мнѣ письмо отъ графа Нессельроде;

---

[1]) См. примѣчаніе III въ концѣ статьи, стр. 661—662.

это письмо уполномочивало насъ привести къ окончанію великое дѣло парижской капитуляціи. Тогда было ужъ около двухъ часовъ за полночь. Вотъ точная копія письма, которое послужило намъ полномочіемъ:

„Господину полковнику Орлову.

Милостивый государь. Его величество Государь Императоръ, по соглашенію съ г-мъ фельдмаршаломъ княземъ Шварценбергомъ, находитъ болѣе выгоднымъ для союзныхъ армій не настаивать на томъ условіи, которое прежде было предлагаемо для очищенія Парижа; но союзники предоставляютъ себѣ право преслѣдовать французскую армію по дорогѣ, которую она изберетъ для отступленія своего. И такъ, вы уполномочиваетесь, вмѣстѣ съ г-мъ полковникомъ графомъ Парромъ, заключить конвенцію относительно сдачи и занятія Парижа, на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы согласились до отъѣзда моего съ г-ми герцогами Тревизскимъ и Рагузскимъ.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ особенномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

(Подписано) Графъ Нессельроде".

Бонди.—18-го (30-го) марта 1814 года.

Это письмо уничтожало всѣ препятствія. Переговоривъ съ графомъ Парромъ, которому я разсказалъ содержаніе письма, мы послали сказать маршалу Мармону, что готовы составить и подписать капитуляцію Парижа. Герцогъ Рагузскій явился по желанію нашему, и мы расположились въ гостиной, предъ всѣми присутствовавшими, сочинять статьи. Не произошло ни малѣйшаго спора, никакого затрудненія. Трактатъ былъ составленъ на простомъ почтовомъ листѣ и весь написанъ моей рукой. Графъ Парръ, опираясь на плечо мое, слѣдовалъ глазами за письмомъ и, по мѣрѣ какъ я писалъ, изъявлялъ согласіе свое. Черезъ четверть часа все было готово; я подалъ маршалу проектъ, въ немъ содержалось слѣдующее:

Капитуляція Парижа.

Статья 1-я.

Французскія войска, состоящія подъ начальствомъ маршаловъ герцоговъ Тревизскаго и Рагузскаго, очистятъ городъ Парижъ 19-го (31-го) марта, въ 7 часовъ утра.

Статья 2-я.

Они возьмутъ съ собой всю артиллерію и тяжести, принадлежащія къ этимъ двумъ корпусамъ.

Статья 3-я.

Военныя дѣйствія должны начаться вновь не прежде, какъ спустя два часа по очищеніи города, т. е. 19-го (31-го) марта, въ девять часовъ утра.

Статья 4-я.

Всѣ военные арсеналы, заведенія и магазины будутъ оставлены въ томъ состояніи, въ какомъ находились до заключенія настоящей капитуляціи.

Статья 5-я.

Національная гвардія пѣшая и конная совершенно отдѣляется отъ линейныхъ войскъ; она будетъ сохранена, обезоружена или распущена по усмотрѣнію союзниковъ.

Статья 6-я.

Городскіе жандармы раздѣлятъ вполнѣ участь національной гвардіи.

Статья 7-я.

Раненые и мародеры, которые найдутся въ городѣ послѣ девяти часовъ, останутся военноплѣнными.

Статья 8-я.

Городъ Парижъ предается на великодушіе союзныхъ государей.

Маршалъ Мармонъ взялъ бумагу, пробѣжалъ ее съ безпокойнымъ видомъ; казалось, онъ думалъ найти въ предложеніяхъ нашихъ еще причины къ спорамъ; но вскорѣ лицо его прояснилось, онъ прочелъ всѣ статьи вслухъ яснымъ голосомъ, съ такимъ видомъ, какъ бы требовалъ отъ многочисленныхъ слушателей своихъ замѣчаній и совѣтовъ. Всѣ молчали, никто не сказалъ ни слова. Тогда онъ отдалъ мнѣ бумагу и объявилъ, что, не имѣя ничего сказать вопреки трактату, ни относительно формы, ни относительно содержанія, онъ изъявляетъ полное свое на него согласіе. Въ то же время онъ препоручилъ полковникамъ Фавье и Дюсису подписать его вмѣстѣ съ нами. Мы тотчасъ подписались на томъ же листѣ и списали съ него копію, которую отдали маршалу Мармону.

Теперь осталось только назначить депутацію, которая должна была идти на встрѣчу Государю. Я замѣтилъ маршалу, что всѣ военныя дѣла были приведены въ порядокъ капитуляціей, а что о гражданскихъ дѣлахъ Парижа я съ намѣреніемъ умолчалъ для того, чтобы

дать начальству города право и способъ обсудить ихъ самимъ предъ союзными государями, которые, со своей стороны, будутъ имѣть случай показать жителямъ Парижа, на первомъ шагу, великодушныя намѣренія свои; что депутація можетъ свободно объявить о своихъ желаніяхъ, за исполненіе которыхъ я впередъ отвѣчаю; что довѣрчивость равно приноситъ честь и тѣмъ, кому она оказывается, и тѣмъ, кто ее оказываетъ; что, наконецъ, я принялъ на себя составить осьмую статью капитуляціи, въ которой помѣщено повелѣніе его величества избавить городъ Парижъ отъ униженія—передать ключи его въ какой нибудь иностранный музей. Маршалъ подалъ мнѣ руку, и вскорѣ всѣ пришли въ движеніе, чтобы выбрать депутацію.

День уже занимался, когда депутація готова была отправиться. Я сѣлъ на лошадь и повелъ ее въ Бонди чрезъ наши биваки, представлявшіе огромную массу огней, при свѣтѣ которыхъ солдаты, уже отдохнувшіе, чистили ружья и приготовлялись торжествовать послѣдній актъ страшной борьбы, только что приведенной къ концу. Пріѣхавши въ главную квартиру, я ввелъ депутатовъ въ большую залу замка и велѣлъ увѣдомить о ихъ прибытіи графа Нессельроде, который тотчасъ къ нимъ явился. А самъ я пошелъ прямо къ Государю, который принялъ меня лежа въ постели: „Ну,—сказалъ онъ мнѣ,—что̀ вы привезли новаго?“ —Вотъ капитуляція Парижа,—отвѣчалъ я. Императоръ взялъ ее и прочелъ, сложилъ бумагу и, положивъ подъ подушку, сказалъ: „Поцѣлуйте меня; поздравляю васъ, что вы соединили имя ваше съ этимъ великимъ происшествіемъ“. Онъ заставилъ меня разсказать подробно о вечерѣ, который я провелъ заложникомъ, и обнаружилъ живѣйшее удивленіе, когда я разсказалъ ему о князѣ Талейранѣ. „Теперь это еще анекдотъ,—сказалъ онъ,—но можетъ сдѣлаться исторіей“. Послѣ Государь отпустилъ меня.

Между тѣмъ, мы условились съ полковниками Фавье и Дюсисомъ быть въ 8 часовъ у Пантенской заставы, для сдачи города союзникамъ. Мы и явились туда, но нетерпѣніе парижанъ не дозволило намъ соблюсти правильно этой формальности. Всѣ улицы, по которымъ союзники должны были проходить, и всѣ примыкающія къ нимъ улицы были набиты народомъ, который занялъ даже кровли домовъ. Казалось, Парижъ не хотѣлъ имѣть посредниковъ между собою и новыми гостями своими; народъ, содержавшійся двѣнадцать лѣтъ въ страдательномъ повиновеніи, какъ будто въ первый разъ пользовался свободнымъ употребленіемъ воли и громко обнаруживалъ своимъ восторгомъ, что принимаетъ на себя сдѣлать Императору Александру встрѣчу, достойную великаго города.

Примѣчанія М. Ѳ. Орлова, написанныя въ 1835 г.

I.

Французы.

Приводя въ порядокъ эти отрывочныя примѣчанія, я снова былъ пораженъ этимъ существеннымъ различіемъ между обѣими націями. Но должно признаться, что съ 1814 года, съ развитіемъ образованія, русскій человѣкъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и замѣтно сбросилъ съ себя свою апатичную лѣнь, тогда какъ французъ болѣе и болѣе предался своей склонности къ преувеличенію. Нынѣ преувеличеніе есть истинный бичъ Франціи, отсюда распространяющійся по всей Европѣ. Преувеличеніе—это великая блудница вавилонская, установившая престолъ свой въ Парижѣ. Она царитъ здѣсь, какъ надъ бездѣлушками моды, такъ и надъ самыми жизненными и важными вопросами науки и политики. Отъ румянъ и мушекъ до двухвершковыхъ каблуковъ и двухъаршинныхъ роброндовъ; отъ философическаго сомнѣнія, систематически превращеннаго въ безбожіе, до духа свободы, доведеннаго до крайней разнузданности; отъ рыцарской любви къ женщинамъ и битвамъ, перешедшей въ безнравственную систему холоднаго обольщенія и въ бѣшенную страсть къ завоеваніямъ,—всегда и во всемъ преувеличеніе было присуще идеямъ происхожденія французскаго или усвоеннымъ Франціею; здѣсь злоупотребленіе всегда близко слѣдовало за пользованіемъ чѣмъ либо, или, вѣрнѣе: злоупотребленіе поглощало пользу. Посмотрите, что̀ сдѣлали французы со всѣми новыми идеями, какъ въ литературѣ, такъ и въ политикѣ внутренней и внѣшней. Прислушайтесь къ тому, что̀ проповѣдуютъ вожаки крайнихъ партій, находящіе, къ несчастію, слишкомъ много отголосковъ. Отъ свободы промышленной они перешли къ презрѣнію закона и всякаго политическаго и общественнаго чинопочитанія; отъ равенства гражданскаго—къ несбыточному равенству вещественному; отъ независимости печати—къ гнусной системѣ лжи и гоненій; отъ свободнаго и вѣжливаго обхожденія между обоими полами—къ отвратительнѣйшему смѣшенію женщинъ съ мужчинами и къ разрушенію правъ семейныхъ. „Не нужно королей, въ особенности-же не нужно законовъ“—эта фраза между тысячами другихъ примѣровъ—невинный афоризмъ во вкусѣ крайняго преувеличенія,—нашла великаго писателя для своего измышленія и множество безумцевъ для вѣрованія въ нее. Поэтому-то Мольеръ, глубочайшій моралистъ и самый оригинальный умъ, когда либо порожденный Франціею, нападалъ преимущественно на эту національную страсть къ преувеличенію, которая уже въ его время портила все, къ чему ни прикасалась.

По чутью, свойственному геніальному человѣку, Мольеръ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, въ особенности образцовыхъ, является постояннымъ борцомъ со злоупотребленіями прекраснѣйшихъ правилъ вслѣдствіе преувеличенія. Такъ, онъ ратовалъ противъ злоупотребленій изящества осмѣивая щегольство своихъ маркизовъ; осмѣивая злоупотребленіе науками въ педантизмѣ своихъ Ученыхъ женщинъ и врачей; злоупотребленіе чувствомъ религіознымъ—въ легковѣріи Оргона и въ лицемѣріи Тартюфа; наконецъ, злоупотребленіе самой добродѣтели въ Альцестѣ „Мизантропа“. Къ несчастію, Мольеру было суждено, какъ и многимъ другимъ великимъ людямъ—придти, увидѣть и сразиться.... но не побѣдить! Однако, сколько таланта, ума, граціи, сколько генія поглотила эта бездна французскаго преувеличенія! Французы научили насъ недовѣрчиво относиться къ лучшимъ и прекраснѣйшимъ дарамъ природы. Можно сказать, что французы изучали ихъ затѣмъ, чтобы уронить въ мнѣніи Европы, превознося похвалами - отъ самыхъ великихъ идей, самыхъ великодушныхъ чувствъ, самыхъ высокихъ истинъ до невиннѣйшихъ способовъ образованія, въ родѣ, напримѣръ, взаимнаго обученія. Французы сдѣлали все, чтобы правительства относились враждебно къ народамъ, къ философіи, къ наукѣ, къ свободѣ, къ прогрессу (преуспѣянію) вообще, потому что тѣ-же французы пытались возмутить прогрессъ, свободу, науку, философію и народныя массы противъ правительствъ. Въ этомъ ихъ преступленіе въ глазахъ народовъ; этого никто не можетъ простить имъ. Они имѣютъ притязаніе шествовать впереди своего вѣка; но бѣжать зажмурясь на встрѣчу всѣмъ крайностямъ и бѣдствіямъ—значитъ-ли стоять во главѣ европейскаго просвѣщенія?... Нѣтъ, нѣтъ, и настало время, когда всѣ здравомыслящіе люди возстанутъ массою и увеличатъ своими либеральными голосами европейскую партію разумно консервативную, какъ въ былыя времена Бурке, во главѣ фракціи Портланда, предоставилъ въ англійскомъ парламентѣ знаменитаго Фокса съ его вигами ихъ вреднымъ утопіямъ.

II.

Князь Талейранъ.

Чувствую, что значило-бы слишкомъ много брать на себя и быть почти смѣшнымъ, дѣлая замѣтку о князѣ Талейранѣ, но я видѣлъ его столь непризнаннымъ, оклеветаннымъ, такъ низко оскорбленнымъ и иностранцами и его соотечественниками, что не могу удержаться отъ гласнаго заявленія того уваженія, которое внушаютъ мнѣ его безчисленные труды на политическомъ поприщѣ и его ненарушимая привязанность къ родинѣ. Многочисленные его хулители могутъ на-

падать на него путемъ нравственныхъ выводовъ изъ его правилъ, или грубыми сарказмами на разные случаи его частной жизни, мнѣ неизвѣстные,—я не хочу ни развѣдывать о нихъ, ни извинять ихъ, такъ какъ они не могутъ быть предметами моихъ изысканій. Въ Талейранѣ я уважаю и чту государственнаго мужа, съ его высокою и пророческою прозорливостью; француза—съ искреннимъ чувствомъ истинныхъ потребностей и хорошо понятыхъ интересовъ Франціи. Вступивъ съ юныхъ лѣтъ на поприще революціонныхъ битвъ, Талейранъ явился на немъ вооруженнымъ съ головы до ногъ всѣми выгодами ума обширнаго, глубокаго, твердаго и развитаго. Всѣ партіи молили его о содѣйствіи и онъ поочередно содѣйствовалъ многимъ, поддерживая ихъ своими дарованіями, но ни одна изъ нихъ и не могла и не должна была подчинить его своей системѣ. Присутствующій и причастный—онъ поддерживалъ ихъ всей своею мощью; отсутствующій и противодѣйствующій—онъ вызывалъ и ускорялъ ихъ паденіе единымъ вліяніемъ своего отсутствія, которымъ выражалъ свое неодобреніе. Во всѣхъ этихъ внезапныхъ или предумышленныхъ перемѣнахъ, называемыхъ его ненавистниками или завистниками—вѣроломствомъ и измѣною, Талейранъ, невѣрный всѣмъ партіямъ, пребывалъ непоколебимо вѣренъ Франціи. Въ этомъ заключается нравственная тайна его политической силы и живучести; въ этомъ вся его слава, вся его доблесть. Никогда, во всѣхъ треволненіяхъ бурной своей жизни, онъ не переставалъ быть сыномъ отечества—ни изъ аристократическаго и династическаго ослѣпленія, какъ эмигранты; ни ради личныхъ выгодъ и честолюбиваго обольщенія, какъ Наполеонъ и его фанатическіе приверженцы; ни изъ философической гуманитарной утопіи нашихъ современныхъ космополитовъ. Повсюду и всегда онъ выказывалъ себя сыномъ Франціи, и за то, что постоянно боролся за нее, терпѣлъ поперемѣнно изгнаніе въ эпоху терроризма, прослѣдованія имперіи и опалу при реставраціи. Я сказалъ: доблесть Талейрана, и не отступаюсь отъ этого слова. Безъ нея онъ не могъ-бы бороться съ палачами конвента; безъ нея не могъ-бы дать, въ день 18-го брюмера, властелина себѣ самому и Франціи, не могъ-бы совершенно стушеваться не только передъ Наполеономъ—что слѣдовало по праву,—но даже передъ Сіэйсомъ и Камбасересомъ, что было уже избыткомъ скромности и истинною жертвою, принесенною спокойствію страны. Впрочемъ, Талейранъ никогда не торговался изъ-за мѣстъ, ему предлагаемыхъ; онъ всегда принималъ съ легкостью и почти съ нѣкотораго рода безпечностью должности второстепенныя, потому что никто лучше его не могъ возвысить ихъ до степени ролей первоклассныхъ. Въ особенности надобно было имѣть много добле-

сти, энергіи и мужества, чтобы возстать противъ великаго Байонскаго штукаря, который, посредствомъ исполинскаго фокусъ-покуса, намѣревался исхитить испанскую корону въ пользу своего брата. Здѣсь не скажутъ, что Талейранъ никогда не былъ движимъ иными побужденіями, кромѣ личныхъ выгодъ. Великодушіе его поступковъ было столь-же очевидно, какъ опасность и даже огласка самаго разрыва. Въ эту достопамятную эпоху, въ имперіи Наполеона было до 40 милліоновъ подданныхъ и одинъ гражданинъ: этимъ независимымъ гражданиномъ въ 1808 году былъ Талейранъ. Судя по событіямъ предшествовавшимъ, дозволено быть той вѣры, что точка зрѣнія, принятая Талейраномъ при капитуляціи Парижа, какъ ни казалась она антипатичною націи, была равномѣрно точкою зрѣнія патріотическою. Его высокая и синтетическая прозорливость, угадывавшая, руководившая и подготовлявшая будущее, подобно тому какъ другіе изучаютъ, анализируютъ и знаютъ прошедшее,— заставила его надѣяться, что Францію, возвращенную Бурбонамъ, ожидаетъ продолжительное бытіе благоденствія и конституціонной свободы. Къ этой великой и благородной цѣли направлены были всѣ его усилія, и та заботливость, которую онъ прилагалъ при составленіи конституціи сената, и энергія, оказанная имъ при возстановленіи дипломатическихъ сношеній Франціи. Никогда не былъ онъ болѣе великъ, болѣе достоинъ удивленія, какъ на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ—на которомъ одинъ, безъ поддержки, имѣя въ тылу страну, упавшую духомъ, обезоруженную, раздираемую распрями, а передъ собою—легіоны дипломатовъ-враговъ, изъ которыхъ у каждаго было на готовѣ требованіе или мщеніе за обиду—онъ съумѣлъ съ первыхъ же шаговъ возстановить Францію въ ея правахъ и съ самаго-же начала дать ей слово обсуждать великіе интересы Европы, когда Европа соединилась лишь затѣмъ, чтобы рѣшить судьбу Франціи. Это совершеннѣйшій изъ всѣхъ дипломатическихъ подвиговъ Талейрана, подвигъ образцовый, которому никто и никогда не совершилъ равнаго, кромѣ развѣ самого Талейрана въ послѣднее время, когда онъ, вопреки предусмотрительности и истиннымъ выгодамъ Великобританіи, въ 1830 году, заключилъ англо-французскій союзъ между двумя народами, соперничествующими уже слишкомъ три вѣка. Второе и послѣднее благодѣяніе, за которое, на этотъ разъ, Франція заплатила не неблагодарностью, но равнодушіемъ!

Исторія будетъ справедливѣе, и Талейрану нечего опасаться суда потомства. Невольный посредникъ между королемъ и Европою во всѣхъ политическихъ кризисахъ своей страны, онъ никогда не измѣнялъ Франціи, никогда не отчаявался въ ея спасеніи и каждый разъ, когда отечество, его великій кумиръ, бывало поколеблено на своихъ основахъ, оно опиралось на мощныя рамена князя Талейрана, чтобы снова возлечь на новыя основы. Таково было его высокое призваніе, которому онъ пребывалъ неизмѣнно вѣренъ. Когда Провидѣніе

даруетъ человѣку судьбу исключительную, человѣка этого нельзя подвергать мѣрилу людей обыкновенныхъ, и я говорю это съ увѣренностью и убѣжденіемъ: отпустится ему многое за то, что любилъ много свою родину!

III.

Возстановленіе Польши въ 1815 г.

Я знаю, что Вѣнскій конгрессъ не осуществилъ надеждъ, поданныхъ прелиминарными парижскими конференціями, и что возстановленіе Польши возбудило подозрѣнія противъ безкорыстія русскаго кабинета. Вѣрно то, что это возстановленіе не было исполнено въ видахъ интересовъ Россіи и что всѣ наши государственные люди, заодно съ бо́льшею частью государственныхъ людей Европы, противились тому всей своей силою. Поццо-ди-Борго напалъ на поляковъ относительно ихъ значенія политическаго и имъ присущаго. Онъ доказалъ, что фактъ раздѣла Польши былъ лишь слѣдствіемъ ея глубокаго политическаго упадка; что всѣ народы, обуянные тѣмъ же духомъ безначалія, подвергались той же участи; что ихъ мнимый либерализмъ не помѣшалъ полякамъ быть первыми и самыми низкопоклонными рабами великаго деспота Европы, который, испрашивая для нихъ независимости, всегда употребляемой ими во зло, въ то же время, тѣмъ не менѣе боролся съ независимостью Германіи, Россіи, Испаніи и всего свѣта; — и что, наконецъ, возстановленіе королевства Польскаго было ничѣмъ инымъ, какъ сооруженіемъ новаго горнила мятежей и смутъ. Баронъ Штейнъ, занятый преимущественно нѣмецкими интересами, представилъ, съ своей стороны, конфиденціальную ноту, въ которой неопровержимо доказалъ, что Императоръ Александръ, присоединивъ королевство Польское къ своей имперіи, приметъ положеніе угрожающее и придастъ тотъ же видъ своимъ границамъ въ отношеніи къ Германіи, и, по видимому, одной рукой разрушитъ то, что̀ соорудилъ другою послѣ столькихъ опасностей и битвъ. Карамзинъ писалъ противъ присоединенія русскихъ областей къ новому королевству и всѣ свои доводы почерпнулъ изъ самаго положенія Россіи. Онъ объявилъ, что Государь прежде всего обязанъ оказывать благодѣянія и правосудіе своему отечеству; что цементомъ для присоединенія польскихъ областей къ имперіи послужили потоки русской крови и что никто не имѣетъ права лишать торжествующую Россію стяжанія ея побѣдъ. Князь Талейранъ также возсталъ противъ возстановленія Польши. Онъ предъявилъ одно затрудненіе за другимъ и доказалъ съ обычнымъ превосходствомъ, что нельзя возвратить такъ называемыя права полякамъ безъ несправедливаго посягательства на права другихъ народовъ. Наконецъ, оппозиція на Вѣнскомъ конгрессѣ зашла такъ далеко, что сочла нужнымъ заключить договоръ о тайномъ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ между Австріею, Франціею и Англіею, — договоръ, оставленный безъ послѣдствій единственно по случаю бѣгства Наполеона съ острова Эльбы и новой революціи, угрожавшей Франціи и всему свѣту. И такъ, отлично и явно доказано, что ни Россія, ни Европа не желали возстановленія Польши и что никакіе честолюбивые виды не руководили этимъ возстановленіемъ, которое болѣе ослабило, нежели укрѣпило

Россію. Со стороны Императора Александра это было вопросомъ справедливости и сентиментальной политики: въ этомъ великая его ошибка, источникъ столькихъ бѣдствій. Принимая правило ненарушимости народностей, онъ полагалъ, что даетъ ему совершенное развитіе примѣняя это правило къ Польшѣ. Но въ сущности не было ничего общаго между неприкосновенностью народностей существующихъ—правиломъ миротворнымъ и консервативнымъ, и возстановленіемъ національности уничтоженной — принципомъ новымъ и съ точки зрѣнія дипломатической — революціоннымъ. Первое принимаетъ основаніе истинное и дѣйствительное, на которомъ группируются всѣ интересы и судьбы народовъ; второе вскрываетъ и раскапываетъ минувшее, чтобы вызвать изъ его нѣдръ всѣ сожалѣнія и всѣ притязанія. Французы измыслили для внутренней политики очень выразительное слово: каждый разъ, когда у нихъ зайдетъ рѣчь о какомъ бы то ни было, хотя бы и справедливомъ возвращеніи прежнихъ правъ, они весьма разумно говорятъ: не будемъ разрывать пропасти минувшаго! и однако же всегда готовы разрыть ее для другихъ. Они отказываютъ своимъ кавалерамъ почетнаго легіона въ пенсіяхъ въ нѣсколько тысячъ франковъ, но никакъ не хотятъ понять, что у Россіи гораздо болѣе правъ и разумныхъ причинъ упорствовать въ ея отказахъ на требованія Польши. И, Боже мой! откройте только дорогу требованіямъ утраченныхъ правъ—и англичане съ ирландцами, русскіе съ поляками, австрійцы съ пруссаками затѣятъ самыя безконечныя, утомительныя распри. На какомъ рѣшеніи остановится весь міръ, если когда нибудь приметъ, во всей его безусловной обширности, принципъ возстановленія народностей и возврата завоеваній? Что касается до бо́льшаго или меньшаго участія, внушаемаго Польшею, и до вопроса о заглаженіи проступковъ, такъ шумно вчиняемыхъ, я скажу откровенно, что въ дѣлѣ политики чувствительность никогда не бывала умѣстна. По моему, ею можно дѣйствовать лично на человѣка, взятаго въ частности, но не на человѣка въ смыслѣ гражданина, и правило это до того справедливо, что каждый разъ, какъ оказывается, когда хотѣли примѣнять чувствительность къ управленію обществами, дѣло управленія шло очень плохо. Дѣло въ томъ, что принципы, которые управляютъ человѣкомъ индивидуально и соціально, существенно противорѣчатъ другъ другу. Милосердіе прекрасно въ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно, но милостыня можетъ надѣлать много зла цѣлому обществу. Прощеніе обидъ — само по себѣ превосходно, но оно несовмѣстно съ интересами народовъ. Презрѣніе къ богатствамъ—философически-разумно въ человѣкѣ частномъ, но оно безсмысленно въ мужѣ государственномъ. Возстановленіе Польши могло быть прекраснымъ движеніемъ души Александра; но въ смыслѣ политическомъ—это была огромная ошибка. Вѣнскій конгрессъ, созванный по желанію Россіи, долженъ былъ, по видимому, быть могилою притязаній польскихъ, подобно тому, какъ Вестфальскій миръ былъ могилою притязаній другихъ государствъ. Этого императоръ Александръ не сознавалъ; онъ увлекся ложнымъ великодушіемъ и долго въ томъ раскаявался. Польша отплатила ему неблагодарностью, а Европа обвинила въ честолюбивыхъ замыслахъ. Онъ посѣялъ вѣтры, а преемникъ его пожиналъ бурю. Правъ былъ Шамфоръ: „съ добрымъ сердцемъ“,— говорилъ онъ,—„нельзя выиграть и шахматной партіи“. М. Ѳ. Орловъ.

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ДѢЯТЕЛИ

1801—1825.

И. В. Лопухинъ—М. М. Сперанскому [1]).

Москва. 12-го генваря 1806 года.

Сердечно обнимая васъ, почтенный другъ, поздравляю съ новымъ годомъ; желаю вамъ многіе прожить самымъ благополучнымъ образомъ на землѣ въ пользу блаженства въ жизни безконечной. Въ гостинецъ посылаю двѣ книги. Одна, можетъ быть, еще вамъ неизвѣстна, но очень хорошая; а другая—жизнь M-me Guyon [2]), которой у васъ, кажется, еще не достаетъ въ ея сочиненіяхъ и которая изъ всѣхъ сихъ кладязей сокровища духовнаго есть глубочайшій. Экземпляромъ кланяюсь изъ своей библіотеки; онъ перваго изданія и рѣдкій, потому что при самомъ напечатаніи подаренъ былъ издателемъ, славнымъ Пуаретомъ, кому-то; какъ увидите изъ надписи на первомъ бѣломъ листкѣ, примите на память дружбы. Экземпляръ этотъ былъ у меня лѣтъ двадцать и никому-бы кромѣ васъ не подарилъ.

---

[1]) Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ († 1816), мистикъ и извѣстный мартинистъ. См. о немъ «Русскую Старину», томъ IX, стр. 57, 58, 70—72, 258—276, 467—468. Томъ XVII, стр. 475. Томъ XVIII, стр. 462, 657.

Михаилъ Михаиловичъ, въ послѣдствіи графъ, Сперанскій (1772†1839), одинъ изъ славнѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи. См. о немъ «Русскую Старину», томъ I, стр. 541. Томъ IV, стр. 520—522. Томъ V, стр. 39—40, 68—83, 397, 469—470. Томъ VII, стр. 753, 764—770. Томъ VIII, стр. 585—588. Томъ IX, стр. 607. Томъ X, стр. 416—417. Томъ XI, стр. 256—257, 263, 689—690. Томъ XIII, стр. 401. Томъ XIV, стр. 189, 639. Томъ XV, стр. 430—441, 586—598, 407, 409—411. Томъ XVI, стр. 73—88, 193, 194. Томъ XVIII, стр. 563, 568.

[2]) Госпожа Гюйонъ (Bouvier de la Motte Guyon), 1648†1717 г., мистическая писательница, авторъ 39-ти томовъ прозы и стиховъ аскетическаго содержанія.

Аналогія—книга отлично хорошая по самому правильному и тонкому изображенію существенности пути, котораго всѣ истинныя описанія разнообразны и одни. Ѳедоръ (у) Петровичъ (у) [1]) (съ коимъ откровенности вашей я несказанно радъ) не послалъ я Аналогіи для того, что тогда имѣлъ еще отъ издателя одинъ экземпляръ, который отправилъ тотчасъ къ вамъ. Да онъ ее, думаю, имѣетъ на нѣмецкомъ въ оригиналѣ.

Теперь, не имѣя еще ничего къ вамъ писать, любезнѣйшій другъ, повторю только желаніе, чтобы вы по кругу Истины были всѣмъ тѣмъ, чѣмъ вамъ отлично, кажется мнѣ, опредѣлено быть не только для себя, но и для распространенія сего круга.

Простите. На всю жизнь по чувствамъ дружбы и преданности вамъ извѣстный.

à propos. Изъ Крыма передъ отъѣздомъ, писавши къ графу, просилъ я его, между прочимъ, о бывшемъ при мнѣ коллежскомъ ассесорѣ Добачевскомъ. Сдѣлайте милость, выручите его только оттуда. Ему тамъ за меня тошно. Исходатайствуйте только, чтобъ его велѣно было опредѣлить къ инымъ дѣламъ, а до опредѣленія производить получаемое имъ жалованье. Я поручилъ и Ѳедору Петровичу попросить васъ о семъ; а у него, думаю, и письма мои къ графу. Сдѣлайте благодѣяніе.

И еще, другое: попекитесь, чтобъ прелюбезный нашъ Ѳедоръ Петровичъ кончилъ свой переводъ Тоски по отчизнѣ, которой вы такъ хвалите. Я эту книгу уважаю только sur parole, а не читалъ ее. Ожидаю получить на оригинальномъ языкѣ. Еще цѣлую васъ сердечно, много, много. Вѣчно вашъ Лопухинъ.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

Повелѣніе по поводу жестокостей помѣщицы.

1807 г.

Въ первые годы своего воцаренія, императоръ Александръ I обратилъ самое милостивое вниманіе на бѣдственное положеніе крѣпостныхъ, прилагая особую заботливость объ улучшеніи ихъ быта. На страницахъ «Русской Старины» были напечатаны указы императора о строжайшихъ взысканіяхъ за звѣрское обращеніе съ крестьянами и дворовыми людьми: помѣщика Орлова (1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 448), Побѣдинскаго (стр. 449), Канабиха (стр. 451—454); въ 1802 году былъ проектированъ циркулярный указъ губернаторамъ объ огражденіи человѣческихъ правъ крестьянъ отъ деспотическаго произвола помѣщиковъ (см. изд. 1872 г., томъ VI, стр. 281—283); съ должною строгостью отнесся императоръ къ возмутительному дѣлу о парикмахерѣ княгини Салтыковой (изд. 1876 г., томъ XV, стр. 675—677); при всемъ своемъ благодушіи, не смягчилъ участи однофамилицы княгини, другой Салтычихи,

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій (род. 9-го августа 1777, † 2-го февраля 1869 г.) былъ въ то время пензенскимъ губернаторомъ.

умершей въ первый же годъ воцаренія Александра (см. изд. 1874 г., томъ X, стр. 497—546); наконецъ, въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 2-го іюля 1807 года на имя управлявшаго Кіевскою и Минскою губерніями, сдѣлано было внушеніе князю Платону Зубову о принятіи надлежащихъ мѣръ для снабженія хлѣбомъ голодавшихъ его крестьянъ («Русск. Стар.» 1870 г., изд. третье, томъ II, стр. 553).

Печатаемый нынѣ именной указъ, данный въ началѣ того-же 1807 года, подобно предъидущимъ свидѣтельствуетъ о той строгости, съ которою Александръ I, въ началѣ своего царствованія, подвергалъ наказанію лицъ, злоупотреблявшихъ крѣпостнымъ правомъ. Ред.

Данъ въ С.-Петербургѣ 24-го февраля 1807 года.

Господинъ генералъ-отъ-инфантеріи Московскій военный-губернаторъ Тутолминъ. Изъ рапорта, дошедшаго ко мнѣ отъ предшественника вашего генералъ-отъ-инфантеріи Беклешова и представленнаго при ономъ приговора коммисіи московскаго дворянства по дѣлу о женѣ коллежскаго ассесора Страхова, преданной мною суду сего дворянства за жестокіе съ людьми своими поступки, и о мужѣ ея, сужденномъ имъ за попущеніе къ тому, усматриваю я, что хотя въ приговорѣ семъ коммисія и опровергаетъ обстоятельства слѣдствія о сихъ жестокостяхъ, полиціею произведеннаго, ослабляя тѣмъ самымъ вину Страховой: но въ заключеніи, по единогласному всѣхъ почти крестьянъ показанію, что имъ трудно жить, сама признавая нѣкоторую наклонность въ Страховой къ суровости, полагаетъ: 1) Что-бы ее, Страхову, не лишая правъ и преимуществъ, дворянству присвоенныхъ, предать, для укрощенія суровой ея склонности, на 6 недѣль церковному покаянію. 2) Людей ея и имущество отдать на то время ея мужу или кому отъ нея будетъ ввѣрено. 3) Коллежскаго ассесора Страхова, какъ въ поступкахъ жены не участвовавшаго, оставить безъ всякаго наказанія.

Сообразивъ сіе положеніе дворянской коммисіи съ обстоятельствами дѣла и съ примѣчаніями, отъ предмѣстника вашего на оное представленными, я нахожу, что какъ сама коммисія, не взирая на ослабленіе вины Страховой, признаетъ однако-же въ ней наклонность къ суровости и ничѣмъ не опровергаетъ единогласнаго на то показанія всѣхъ почти крѣпостныхъ ея людей, то за симъ наказаніе, оною опредѣляемое, собственному ея заключенію несоотвѣтственно; ибо участь людей, суровости такой подверженныхъ, покаяніемъ церковнымъ достаточно не ограждается, и средствомъ симъ они не только не изъемлются отъ угнетеній, изслѣдованіемъ полиціи обнаруженныхъ, но за показаніе ихъ, на будущее время, еще и болѣе потерпѣть могутъ; а потому, дабы, съ одной стороны, пресѣчь зло, а съ другой—отвратить вредный примѣръ подобныхъ злоупотребленій, согласно указу 19-го іюля 1797 г., Повелѣваю: отлуча помѣщицу Страхову отъ управленія имѣніемъ, оставить оное въ опекѣ, не допуская въ составъ оной ея мужа. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Сообщ. М. Ѳ. Вороздинъ.

Иванъ Никитичъ Инзовъ [1]).

М. Замбровъ. 26-го февраля 1807 года.

Милостивый государь Петръ Прокофьевичъ! Обнимая васъ усердно, благодарю, что меня вспомнили при хлопотахъ вашихъ. Я, по милости Божіей, живъ и здоровъ.—Петръ вашъ также служитъ вѣрою и правдою.—Дѣтина съ духомъ.

Вы, любезный другъ, кажется мнѣ, должны быть въ страшныхъ хлопотахъ по милиціи; но я часто, сидя у камелька, думаю о вашей милиціи и неудомѣваю.

1) Слышу, что милиціею вертятъ направо и налѣво, слѣдовательно, приготовляютъ къ случаю потребы или надобности; но не вижу, чтобы на границѣ нашей были и малѣйшія заготовленія провіанта для ея продовольствія, буде злощастная милиція потребуетъ скораго и непремѣннаго отъ нея вспомоществованія.

2) Ежели они суждены къ воинскимъ подвигамъ, почему не быть имъ ближе къ намъ; или и сзади арміи могутъ также спокойно обучаться какъ дома.

3) Мы и слуху не имѣемъ есть-ли для арміи резервы. Она, имѣя стычки жестокія и баталіи наижесточайшія, теряетъ много людей, и много ихъ потеряла; но свѣжаго ничего нейдетъ. Когда у непріятеля не только отвсюды приходятъ корпусы, но и на самомъ мѣстѣ, т. е. въ Польшѣ, формируется войско и нѣсколько уже готово. Слѣдовательно, свою потерю ежели не превышаетъ, по крайней мѣрѣ замѣняетъ и потому чувствительнымъ образомъ, рано или поздно, одержать можетъ неотвратимую поверхность. Что-жъ будетъ тогда пользы съ отдаленной милиціи? И какія она мѣры принять можетъ безъ регулярной сухопутной арміи? Когда-бы отняли корпусы на границахъ, тогда-бы не довольно, что милиція учится въ Кіевѣ,—но когда такъ часто, что на душѣ, то ходя пожимаю плечами.

4) Ежели оставляютъ ее въ надеждѣ на сѣрокафтанниковъ, то пора знать, что пуганная ворона и куста боится. Онъ не посмѣетъ и носу показать пока французы будутъ по сю сторону Одера; Галицію потерять не

---

[1]) Иванъ Никитичъ Инзовъ, одинъ изъ героевъ 1812 г., родился въ 1768, скончался 27-го мая 1845 года, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, въ званіи главнаго попечителя и предсѣдателя комитета о колонистахъ южнаго края Россіи. Военное свое поприще началъ онъ съ 1789 года и доблестно шествовалъ по немъ до 1815 года. Съ 17-го іюля 1822 г. по 7-е мая 1823—исправлялъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора. Помимо заслугъ на поприщахъ военномъ и административномъ, имя Инзова достойно памяти потомства какъ имя покровителя Пушкина въ бытность его въ ссылкѣ въ южной Россіи.

хочется, а при первой неудачѣ Польша пропала—все вспыхнетъ, лишь одинъ шагъ сдѣлаютъ въ оную.

5) Неужели движеніе милиціи должно ознаменовать, каждому, минуту гибели? Страшная мысль, которыя посѣять въ умы не слѣдовало-бы. Были и есть счастливые для насъ обороты дѣла и успѣхи противу непріятеля—для чего не пользоваться временемъ и не двинуть оную, не для обороны границъ, но быть къ готовности подкрѣпить и утвердить болѣе славу нашего оружія—сіе предназначеніе милиціи столь же было-бы славно, какъ и защита края, а симъ мысль объ опасности сама собою-бы изчезла. Бывъ въ безпрестанномъ сношеніи съ войскомъ, сколько бы способствовать могла заготовленіемъ и отправленіемъ воинскихъ припасовъ и попеченіемъ о госпиталяхъ: тутъ-бы россійскіе дворяне увидѣли необходимость имѣть при оныхъ достаточное число медицинскихъ чиновъ, не трогая полковыхъ, вызвали-бы, конечно, изъ своихъ уѣздовъ всѣхъ вольнопрактикующихъ, и отважный солдатъ, узнавъ все сіе, не тужилъ бы о потерѣ руки, или ноги: надежда—меня вылечатъ—покоила-бы храбрый духъ его.

Сему подобныхъ мыслей много проходитъ въ головѣ моей, но ни одной не вижу которая бы попадала въ отгадъ на общую цѣль милиціи. Я не вижу даже, чтобъ военноначальники наши имѣли какую-либо связь съ оною—неужели мы для нихъ, а они для насъ, совсѣмъ народы чуждые? Либо разсудокъ мой столь еще слабъ, что сей обширной машины обнять не можетъ,—либо нѣтъ на него мастера.

Ежели вамъ время будетъ и случай, просвѣтите меня хотя немного.

Михаилу Ларіоновичу [1]) прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Елисаветѣ Ивановнѣ ручки цѣлую, дѣтушкамъ кланяюсь. Я теперь въ бостонъ не играю, опять забуду и мнѣ отъ нихъ житья не будетъ—развѣ вы поможете.

Обнимая васъ душевно—дай Боже, чтобъ были вы здоровы, и опять бы поскорѣй увидѣться съ вами. Вамъ навсегда преданный и душевно почитающій І. Інзовъ.

Примѣчаніе. Писано, кажется, брату Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго. Послѣ Ивана Никитича Инзова почти ничего письменнаго не осталось по его смерти. Это единственный документъ, доставленный мнѣ служившимъ при немъ по колоніальному вѣдомству полк. Данненбергомъ.

Сообщ. **Н. Н. Мурзакевичъ.**

---

[1]) Голенищевъ-Кутузовъ (1745†1813), въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Смоленскій.

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ [1]).

Бухарестъ. 28-го февраля 1807 года.

(Переводъ съ нѣмецкаго). Достоуважаемый другъ! [гр. Сухтеленъ] Ваш. пр—ству уже извѣстно, что просьба моя о прикомандировкѣ сына вашего ко мнѣ, на первый случай, не была уважена, а я весьма охотно желалъ-бы имѣть при себѣ этого славнаго молодаго человѣка, дабы иногда вспоминать съ нимъ его достойнаго родителя.

Теперь, обращаюсь къ вашему прев—ву съ просьбою, заключающеюся въ томъ, чтобы прислать мнѣ нѣсколькихъ колоновожатыхъ; здѣсь представилось бы имъ много случаевъ къ усовершенствованію себя и облегчились-бы работы по окончанію точнѣйшихъ картъ Молдавіи и Валахіи, о чемъ я забочусь, чтобы также угодить и вамъ. Онѣ могутъ быть самыми лучшими изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ картъ здѣшняго края.

Положеніе мое очень затруднительно; но Богъ поможетъ. Однако-же доставьте мнѣ и вы нѣкоторую помощь! Желалъ-бы я, чтобы вы сами здѣсь были.

Вспомните-же о маіорахъ: Толлѣ и Нейдгардтѣ; это два прекрасные человѣка,—и дозвольте мнѣ повторить увѣренія въ совершенной и почтительнѣйшей преданности и въ томъ, что пребуду всегда вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою И. Михельсонъ.

Препоручите меня вниманію вашего брата и увѣрьте любезнѣйшую дѣвицу въ величайшемъ моемъ уваженіи.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Императрица Марія Ѳедоровна.

Инструкція графу Головкину.

1807 г.

(Переводъ съ французскаго). Отдавая справедливость уму, честности и усердію графа Головкина, оказывая ему вполнѣ заслуженное его превосходными качествами расположеніе, я, съ согласія императора, моего любезнѣйшаго сына, имѣю намѣреніе возложить на графа порученіе, котораго важность и близкій для меня интересъ онъ легко себѣ представитъ, узнавъ, что цѣль его—пристроить дочь мою, великую княжну Екатерину Павловну. Эта цѣль, безъ сомнѣнія, заставитъ и его удвоить усердіе, преисполнивъ же-

[1]) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ (1740†1807)—побѣдитель Пугачева. Это письмо писано было за полгода до его кончины, послѣдовавшей 5-го августа, въ Бухарестѣ. (См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 192—210).

ланія доказать свою преданность. Между тѣмъ, когда онъ вникнетъ въ руководство, которое будетъ ему дано, онъ убѣдится, что только благоразуміе и осторожность въ дѣйствіяхъ могутъ обезпечить успѣхъ довѣреннаго ему дѣла и заслужить ому честь немалаго содѣйствія этому успѣху.

Я имѣю въ виду три партіи: принца баварскаго, принца виртембергскаго и одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Вотъ почему графъ Головкинъ долженъ будетъ посѣтить какъ Мюнхенъ, такъ и Штудгартъ, и отобрать тамъ достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ двухъ принцевъ этихъ королевскихъ домовъ; а въ особой инструкціи будетъ сказано, какъ ему дѣйствовать при обоихъ дворахъ. Но прежде нежели приступать тамъ къ какому либо окончательному рѣшенію, я, согласно съ сыномъ моимъ, имѣю еще болѣе важный поводъ—о чемъ будетъ сообщено и графу—искать для моей дочери союза съ однимъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, а именно съ однимъ изъ сыновей покойнаго эрцгерцога Фердинанда. Однажды была уже сдѣлана, чрезъ посредство нашего посланника въ Вѣнѣ, попытка относительно молодаго эрцгерцога Фердинанда, къ которому располагали меня его военная слава, качества его ума, наружность, чистота нравовъ и любезный характеръ; но какъ попытка эта осталась безъ послѣдствій, по причинѣ затрудненій, которыми обставлено устройство положенія младшихъ принцевъ императорскаго дома, то я возъимѣла мысль, одобренную государемъ, предложить принцу переселиться въ Россію, за что ему будетъ дана рука моей дочери и предоставлено ему съ потомствомъ его такое выгодное и блестящее существованіе, о какомъ ему въ Австріи никогда нельзя будетъ и мечтать, —сверхъ значительнаго капитала и приданаго великой княжны.

Вотъ предлагаемыя ему преимущества:

1) Званіе фельдмаршала.

2) Управленіе Лифляндіею и Курляндіею, или другою какою либо губерніею.

3) Пенсія въ полтораста тысячъ рублей, изъ коей 50 тыс. будутъ ежегодно откладываемы въ банкъ, для образованія изъ нихъ капитала въ пользу дѣтей.

4) Приданое въ 50 тыс. рублей для каждой рожденной отъ этого брака дочери.

5) Обезпеченіе пенсіею въ 50 тыс. рублей въ случаѣ, ежели принцъ переживетъ свою супругу и выѣдетъ тогда изъ Россіи.

Такъ какъ успѣхъ этого плана еще сомнителенъ, то мнѣ кажется, что изъ уваженія къ достоинству русскаго посла, а слѣдовательно, и къ имени моего сына, не должно ни подъ какимъ видомъ вмѣшивать въ эти переговоры князя Куракина, до тѣхъ поръ, пока дѣло не приметъ благопріятнаго оборота. Я предпочла сама написать къ эрцгерцогинѣ, матери эрцгерцога Фердинанда, и изъ копіи этого письма графъ Головкинъ увидитъ, что я

предлагаю руку великой княжны вмѣстѣ съ вышеозначенными преимуществами, которыя я еще полнѣе изложила въ особенной запискѣ. Князь Куракинъ передастъ это письмо безъ всякой подготовки и не подавая вида, что ему извѣстно его содержаніе; этимъ откроются переговоры, а графъ Головкинъ уже станетъ продолжать ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде нежели ѣхать въ Мюнхенъ и Штудгартъ, для исполненія надлежащихъ приказаній, графъ Головкинъ разгласитъ о необходимомъ для здоровья его путешествіи за границу, и отправится въ Вѣну. Тутъ онъ очень просто навѣститъ князя Куракина, какъ посла своего государя, и попроситъ князя представить его всюду, куда онъ по рожденію своему имѣетъ право на доступъ, слѣдовательно, и къ эрцгерцогинѣ Беатриксѣ. Князю Куракину будетъ заранѣе внушено, чтобы онъ облегчилъ графу входъ къ принцессѣ, и, кромѣ того, графу будетъ дано отъ меня письмо къ ней. Предупрежденная уже первымъ письмомъ моимъ къ ней о его пріѣздѣ и посредничествѣ въ предполагаемомъ бракѣ, эрцгерцогиня, вѣроятно, сама доставитъ ему случай переговорить о томъ и дать ей еще какія она пожелаетъ объясненія. Вотъ тутъ-то понадобятся графу его умъ и сила его убѣжденій, когда онъ станетъ представлять эрцгерцогинѣ всѣ преимущества, предлагаемыя ея любимому сыну, если онъ вступитъ въ бракъ съ великою княжною, и какъ эти преимущества важны для него тѣмъ, что ничего подобнаго не ожидаетъ его въ Австріи, а въ Россіи, напротивъ, даже потомство его будетъ обезпечено. Необходимо также представить эрцгерцогинѣ ея личную выгоду отъ предлагаемаго брака; потому что императоръ Францъ, будучи вдвое старѣе молодой эрцгерцогини, своей будущей супруги, долженъ, по закону природы, кончить жизнь прежде нея; тогда, оставшись въ главѣ многочисленнаго семейства, она испытаетъ пользу отъ дружбы съ Россіей. Графъ замѣтитъ ей далѣе, что если военное поприще эрцгерцога Фердинанда и блистательно въ Австріи, то оно не менѣе того блестяще будетъ и у насъ; наконецъ, что всѣ эти преимущества ожидаютъ любимѣйшаго изъ сыновей ея. Потомъ, смотря по дѣйствію, произведенному на эрцгерцогиню всѣми этими соображеніями, графъ, со свойственными ему умомъ и тактомъ, пуститъ въ ходъ всѣ доводы, какіе только могутъ обѣщать успѣхъ. Но если, не смотря на всѣ разумныя представленія, эрцгерцогиня рѣшительно отклонитъ отъ себя предложеніе, по той причинѣ, что принцу Фердинанду нельзя выѣхать изъ Австріи, тогда графу позволено будетъ подать мысль, какъ внезапно возникшую, о замѣнѣ эрцгерцога младшимъ братомъ его, Максимиліаномъ. Графъ можетъ даже настаивать на этомъ выборѣ, давая почувствовать, что этотъ молодой принцъ еще вовсе не подвинулся на военномъ поприщѣ и ничего не имѣется для него въ виду въ Австріи, тогда какъ предлагаемый союзъ откроетъ ему блестящую карьеру въ Россіи. Онъ можетъ положительно завѣрить, что, кромѣ военнаго чина, который для принца Максимиліана,

конечно, будетъ степенью ниже, всѣ матеріальныя преимущества останутся безъ измѣненія, такъ какъ они разъ на всегда предназначены супругу великой княжны Екатерины Павловны, а материнская моя любовь и привязанность всей семьи и націи къ ней желаютъ видѣть ее на постоянномъ жительствѣ въ Россіи. Хотя и можно полагать, что послѣдній планъ не встрѣтитъ ни препятствій, ни отказа, однако, если графъ и здѣсь замѣтитъ въ эрцгерцогинѣ нерасположеніе и попытки его окажутся напрасными, тогда онъ немедля долженъ отправиться въ Мюнхенъ и Штудгартъ, гдѣ и будетъ дѣйствовать согласно съ данными по этому предмету инструкціями. Быстрый выѣздъ его изъ Вѣны никого не удивитъ, послѣ того, какъ онъ съ самаго пріѣзда въ эту столицу объявлялъ о кратковременномъ пребываніи въ ней.

Графъ Головкинъ передастъ князю Куракину въ точности весь ходъ переговоровъ, а князю дано приказаніе вручить графу отвѣтное письмо эрцгерцогини ко мнѣ, которое онъ, графъ, въ правѣ распечатать, чтобы не терять времени. Тутъ графъ употребитъ все свое усердіе, весь свой умъ, всю возможную осторожность для того, чтобы, смотря по содержанію письма, привести дѣло къ благопріятному концу.

При семъ прилагаются: подробная записка о преимуществахъ, предлагаемыхъ эрцгерцогу Фердинанду, и извлеченіе изъ свадебнаго договора, обозначающее какъ сумму приданаго, такъ и доходы великой княжны.

Императоръ поручаетъ графу Головкину передать князю Куракину, что первое данное имъ согласіе на путешествіе эрцгерцоговъ можетъ послужить и въ настоящемъ случаѣ, если эрцгерцогъ Францъ, или Максиміліанъ, рѣшится пріѣхать сюда, и также завѣрить, что мы встрѣтимъ ихъ съ удовольствіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, графъ или поѣдетъ впередъ, или будетъ сопутствовать эрцгерцогу, смотря по тому, что болѣе согласно съ обстоятельствами и съ приличіемъ.

Предлогомъ къ путешествію эрцгерцога и выѣзду его изъ Вѣны можетъ служить инспекція въ Галиціи, и только по прибытіи его на границу нашу можно объявить о намѣреніи его посѣтить Россію, вслѣдствіе сдѣланнаго ему государемъ приглашенія, какъ это объявлено и въ отношеніи великаго князя Константина Павловича.

Графу Головкину поручается объявить, что не только эрцгерцогу можно будетъ время отъ времени выѣзжать въ Вѣну, но что и дочь моя пріѣдетъ туда познакомиться съ своимъ семействомъ. «Марія».

С.-Петербургъ.—29-го декабря 1807 г.

Повелѣнія Александра I—кн. Алексѣю Борисовичу Куракину.

1.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 18-го дня 1808 года.

(Секретно). Князь Алексѣй Борисовичъ! Проживающаго въ Санктъ-Петербургѣ, безъ должности, отставнаго ротмистра Стратиновича, употреблявшаго себя на противузаконныя сношенія съ должностными чиновниками, искушая ихъ лихоимствомъ на непозволительныя по службѣ дѣйствіи,—повелѣваю вамъ учинить со стороны вашей распоряженіе о ссылкѣ его въ Томскъ на всегдашнее жительство, гдѣ о наблюденіи за его поведеніемъ указами моими сибирскому генералъ-губернатору и томскому гражданскому губернатору я нынѣ предписываю. Пребываю вамъ навсегда благосклонный Александръ.

2.

Въ С.-Петербургѣ, мая 1-го дня 1808 года.

Князь Алексѣй Борисовичъ! Находящагося при Московской медико-хирургической академіи профессора, доктора Шеффера, повелѣваю причислить къ С.-Петербургской медико-хирургической академіи для употребленія его въ оной по усмотрѣнію вашему, съ произвожденіемъ ему изъ медицинскихъ суммъ того самаго оклада, который онъ въ Москвѣ получалъ, по тысячѣ рублей жалованья и по двѣсти рублей въ годъ на квартиру. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

3.

Въ С.-Петербургѣ, января 30-го дня 1809 года.

Князь Алексѣй Борисовичъ! По дошедшему ко мнѣ свѣдѣнію о дѣвицѣ Прасковьѣ Савченковой, дочери находившагося въ Кіевской губернской почтовой конторѣ бывшаго губернскаго регистратора Петра Савченка, которая, презрѣвъ труды и опасности, пришла сюда пѣшкомъ изъ Сибири для исходатайствованія свободы отцу ея, по указу отъ 2-го декабря 1796 года сосланному туда по лишеніи чиновъ и дворянства, всемилостивѣйше повелѣваю, въ знакъ благоволенія моего къ сему ея подвигу, возвратить онаго Савченка на прежнее жилище. Пребываю вамъ всегда благосклонный Александръ.

Сообщ. князь **А. Б. Лобановъ-Ростовскій.**

Примѣчаніе. О первой «Парашѣ Сибирячкѣ», прославленной по всей Россіи и въ чужихъ краяхъ, именно о дѣвицѣ Прасковьѣ Лупаловой, была напечатана въ «Русской Старинѣ» небольшая замѣтка (см. изд. 1873 г., томъ VII, стр. 727). Изъ этого же письма явствуетъ, что въ царствованіе Александра I была въ Петербургѣ, черезъ восемь лѣтъ послѣ Лупаловой, еще другая «Параша Сибирячка», никому донынѣ невѣдомая, хотя, по геропзму и самоотверженію, не менѣе Лупаловой достойная памяти въ потомствѣ.

Ред.

Д. С. Дохтуровъ [1]) — графу П. К. Сухтелену.

Бѣльскъ. 22-го октября 1809 года.

(Переводъ съ французскаго). Генералъ! Постоянныя свидѣтельства вашей доброты и благорасположенія ко мнѣ даютъ мнѣ смѣлость, дорогой и почтенный генералъ, просить васъ принять участіе въ молодомъ человѣкѣ, по фамиліи Врангель, въ настоящее время находящемся при мнѣ; онъ служитъ при главной квартирѣ подъ начальствомъ вашего превосходительства, колоновожатымъ; это отличный малый, много обѣщающій. И такъ, прошу васъ, генералъ, сдѣлать мнѣ милость, взять его подъ ваше покровительство и подвинуть его какъ офицера, на что я буду смотрѣть какъ на новое доказательство вашей ко мнѣ доброты.

О себѣ скажу, что вотъ уже двѣ недѣли, какъ я квартирую въ дрянной деревушкѣ въ пяти миляхъ отъ Бѣлостока; дивизія же моя расположена у границы Галиціи; я ждалъ со дня на день и дальнѣйшаго перехода, но по измѣнившимся обстоятельствамъ не вѣдаю моей участи.

Благоволите, генералъ, принять увѣреніе въ моей почтительнѣйшей къ вамъ преданности и въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть вашего прев—ва всепокорнымъ и послушнымъ слугою Д. Дохтуровъ.

P. S. Жена моя, съ нѣкотораго времени находящаяся здѣсь, со мною, поручаетъ мнѣ также напомнить вамъ о себѣ.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

Приказъ Матвѣя Платова.

Ордеръ Ольвіопольскаго гусарскаго полка 2-му баталіону, въ Рымникѣ расположенному.

Лагерь при м. Бузео, въ Валахіи. Сентября 18-го дня 1808 года, № 1738.

Состоящую отъ онаго баталіона команду близь передовыхъ отъ казачьихъ полковъ постовъ, между Рымникомъ и Визирскимъ бродомъ, по полученіи сего снять въ баталіонъ, ибо она тамъ далѣе быть весьма не нужна, которая дѣлала однѣ пустыя тревоги, а баталіонъ также безпокоился уже не одинъ разъ, чѣмъ я крайне недоволенъ. Вслѣдствіе чего предлагаю баталіону впередъ дожидаться отъ меня предписанія о случаѣ ежели будетъ какое со стороны турокъ движеніе, а безъ того самому собою баталіону не тревожиться. Генералъ-лейтенантъ Платовъ.

Сообщ. А. Ѳ. Бычковъ.

---

[1]) Димитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ († 14-го ноября 1816 г.), одинъ изъ героевъ отечественной войны. См. о немъ «Русск. Стар.», томъ I, стр. 505. Томъ VI, стр. 70. Томъ VIII, стр. 139, 143, 159, 992, 993. Томъ IX, стр. 217. Томъ X, стр. 654, 658. Томъ XVI, стр. 68, 70. Томъ XVIII, стр. 23—44, 422—432, 603.

Прошеніе Волгскаго именитаго гражданина Злобина.

Въ 1866 году въ Волгскѣ скончался маститый старецъ Борисъ Терентьевичъ Красновъ. Только года за два до своей смерти, вслѣдствіе постояннаго занятія чтеніемъ, потерялъ онъ зрѣніе. Чрезвычайно даровитый и развитый самоусовершенствованіемъ, Красновъ, еще въ ранней молодости, взятъ былъ извѣстнымъ милліонеромъ В. А. Злобинымъ въ домъ, и былъ его секретаремъ. Любопытно было изъ живыхъ устъ Краснова слышать біографію именитаго гражданина, котораго въ столицахъ постоянно посѣщали всѣ современныя знаменитости. Старецъ-Красновъ позволилъ мнѣ списать прошеніе В. А. Злобина государю императору Александру Павловичу объ оставленіи за нимъ, Злобинымъ, званія именитаго гражданина, написанное, по словамъ Краснова, М. М. Сперанскимъ, въ 1810 году.

Августѣйшій Монархъ! Всемилостивѣйшій Государь! Двадцать лѣтъ уже протекло тому, какъ я имѣю счастіе носить имя, доселѣ толико уважаемое въ пространнѣйшей Россіи—имя именитаго гражданина. Оно пріобрѣтено усернымъ исполненіемъ долга званія моего и оправдано милостями трехъ монарховъ, которые, возвышая лицо мое предъ очами моихъ собратій, не могли однако возвысить болѣе сего драгоцѣннаго названія. Четыре, пожалованные мнѣ, знаки сихъ милостей и 18 именныхъ высочайшихъ повелѣній, изданныхъ на разные случаи, подтвердили его.

Въ немъ я состарѣлся, съ нимъ я мнилъ сойти во гробъ. Оно, мечталъ я, останется послѣ меня, переживетъ и самую память о малыхъ моихъ отечеству заслугахъ, или съ ними неразлучно достигнетъ до потомства, которое умѣетъ цѣнить гражданъ—безъ различія состояній... Но, Государь! Высочайшій твой манифестъ отъ 3-го января сего года, залогъ, наряду съ другими, благотворный для твоихъ подданныхъ, лишаетъ меня, старца, сей неоцѣнимой, казалось мнѣ, вовѣки неотъемлемой моей собственности. Я не касаюсь дерзновенною мыслію святыхъ учрежденій твоихъ, проистекающихъ всегда отъ высокихъ намѣреній—устроить благо толикихъ милліоновъ вѣрныхъ тебѣ Россіянъ; но прости мнѣ слезы горести о моей потерѣ—слезы, кои изливаю предъ тобою,—прости всеподданнѣйшее, дерзновенное, можетъ быть, прошеніе сѣдаго старца: оставь мнѣ имя мое!.... Позволь, да еще ношу его оставшіеся мнѣ, вѣроятно, немногіе годы, прославляя сію новую твою милость. Простираясь у престола твоего, пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ В. И. В. вѣрноподданный Василій Злобинъ, донынѣ именитый гражданинъ Волгскій.

Сообщ. въ 1872 г. миссіонеръ, протоіерей **А. Росницкій.**

1810 года.

Примѣчаніе. 31-го августа 1877 года, скончался внукъ именитаго гражданина Злобина—директоръ государственнаго архива при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Константинъ Константиновичъ Злобинъ. Съ его кончиною угасла эта линія фамиліи Злобиныхъ.

К. К. Злобинъ родился въ 1814 году и по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, началъ службу по министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1836 году онъ перешелъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ—переводчикомъ и черезъ четыре года переведенъ въ азіатскій департаментъ и здѣсь, продолжая свою службу, 12-го іюля 1856 года, назначенъ вице-директоромъ. 12-го января 1859 года, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ главнымъ приставомъ при членахъ Грузинскаго и Имеретинскаго царскаго дома и Мингрельскаго владѣтельнаго дома и должность эту занималъ до 6-го іюля 1861 года; черезъ три мѣсяца (21-го октября) назначенъ управляющимъ с.-петербургскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. 14-го апрѣля 1864 года назначенъ директоромъ государственнаго и главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и занималъ эту должность по самую кончину, въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера орденовъ св. Анны 2-й степени, св. Станислава 1-й степени и Бѣлаго Орла; кромѣ того, покойный имѣлъ нѣсколько иностранныхъ орденовъ первыхъ степеней. Независимо отъ должности, имъ занимаемой, покойный К. К. Злобинъ былъ членомъ нѣсколькихъ временныхъ коммисій по разнымъ министерствамъ. Плодами его неутомимаго трудолюбія, въ званіи директора государственнаго архива, остались описи, реэстры и весьма обстоятельные алфавитные указатели всѣмъ актамъ, находящимся въ этомъ хранилищѣ историческихъ матеріаловъ.

Покойный К. К. Злобинъ отличался обширными своими познаніями въ всеобщей исторіи; отечественною, впрочемъ, не столь интересовался и зналъ менѣе прочихъ исторій. Человѣкъ доброжелательный, просвѣщенный, Константинъ Константиновичъ отличался своеобразными взглядами на многое въ жизни. Это былъ оригиналъ во многихъ привычкахъ своей жизни, но оригиналъ интересный именно потому, что много зналъ и читалъ; бесѣда съ нимъ зачастую бывала любопытна.

Состояніе свое онъ завѣщалъ на добрыя дѣла.

Со смертью его пресѣкся родъ, по мужской линіи, гремѣвшаго на всю Россію — его дѣда Злобина, друга и пріятеля многихъ славныхъ мужей въ эпоху Александра I-го.

Ред.

Комета 1811 года.

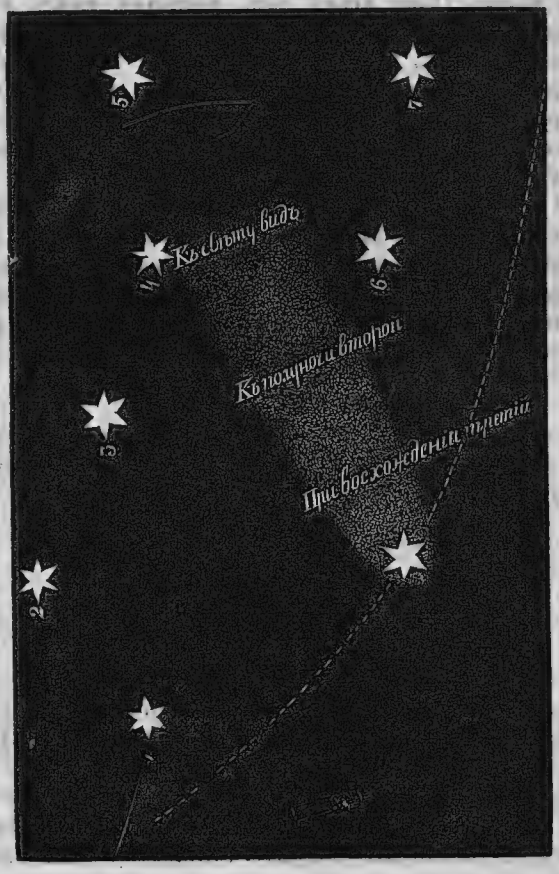
(Замѣтка очевидца).

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ прошедшаго столѣтія, который я принесъ въ даръ Императорской публичной библіотекѣ, на оборотѣ 153-го полулиста, на бѣлой страницѣ, сдѣлана нижеслѣдующая приписка, которую привожу безъ соблюденія ореографіи подлинника. Сколько можно судить по почерку, она была сдѣлана прежнимъ владѣльцемъ рукописи Герасимомъ Потѣхинымъ, отъ внука котораго упомянутый сборникъ пріобрѣтенъ былъ мною въ 1847 и 1848 годахъ. А. А.

1811 года съ августа и по январь (1812) являлася комета; видима была во всѣ ночи въ прозрачномъ туманѣ, въ изображаемомъ ниже сего видѣ. Восхожденіе ея было съ вечера отъ сѣвера, вмѣстѣ съ прочими

звѣздами; мѣсто же ея было пониже Семи звѣздъ, называемымъ (называемыхъ) „Подъ Лосемъ“; путь ея былъ къ востоку; сіятельный свой лучъ съ вечера до полуночи простирала на востокъ; а къ 3-му часу—на полдни, а передъ свѣтомъ—на западъ, и такъ вмѣстѣ со звѣздами себя скрывала,—а напослѣдокъ стала отъ Семи звѣздъ отставать и уже скончаніе ея было на югѣ.

Сообщ. въ 1871 г. **А. И. Артемьевъ.**



Комета 1811 года.

Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ,

войска Донскаго атаманъ,

р. 1751, † 1818 г.

Письма къ лейбъ-медику баронету Я. В. Виллié.

1812—1816 гг.

Платовъ—одинъ изъ наиболѣе народныхъ героевъ отечественной войны—живетъ и до сихъ поръ въ памяти обитателей Россіи и казачества во множествѣ пѣсенъ и разсказовъ. Рядъ подвиговъ предводимаго имъ войска занесенъ на страницы исторіи. Но самъ доблестный атаманъ не любилъ писать, потому и оставилъ по себѣ очень немного своеручныхъ документовъ. Въ ряду напечатанныхъ до сихъ поръ матеріаловъ мы весьма мало встрѣчали его писемъ; тѣмъ болѣе интересно небольшое собраніе грамотокъ Платова къ его «истинному пріятелю» Якову Васильевичу Виллié, хорошо извѣстному читателямъ «Русской Старины» по разсказамъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова (изд. 1871 г., томъ IV, стр. 223—261, 597—645. Изд. 1872 г., томъ V, стр. 355—388; томъ VI, стр. 99—143).

Печатаемыя 18 писемъ—писаны среди величайшихъ событій 1812—1814 годовъ, вождемъ грозной орды казаковъ; писаны—большею частью съ бивуаковъ, и, не отличаясь богатымъ содержаніемъ—представляютъ однако нѣсколько чертъ довольно любопытныхъ для характеристики Платова. Обращаемъ особенное вниманіе на грамотки отъ 25-го октября 1812 года, писанныя въ самый разгаръ гибели французской арміи, и отъ 24-го января 1814 года, въ которой Платовъ, затронутый за живое обвиненіемъ въ томъ, будто онъ въ преслѣдованіи непріятеля далъ себя обогнать нашимъ союзникамъ австрійцамъ, горячо разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ на маршѣ къ Парижу.

Внѣшность писемъ оригинальна: почти всѣ на грубой, сѣрой, оборванной и отсырѣвшей бумагѣ. Для знакомства съ правописаніемъ Платова—одну изъ его грамотокъ приводимъ дословно.

Сообщеніемъ настоящихъ документовъ мы обязаны одному изъ доблестныхъ преемниковъ Платова, войска донскаго генералъ-лейтенанту, нынѣ уже покойному Якову Петровичу Бакланову. Воспоминанія Бакланова о его боевой жизни также извѣстны читателямъ «Русской Старины» (см. изд. 1871 г., томъ III, стр. 1—16, и томъ IV, стр. 154—161) [1]).

Ред.

---

[1]) О графѣ Матвѣѣ Ивановичѣ Платовѣ см. «Русскую Старину», томъ II, стр. 253. Томъ V, стр. 269, 677—678. Томъ VII, стр. 264—265. Томъ X, стр. 32, 35. Томъ XI, стр. 609. Томъ XII, стр. 248, 249, 258, 261, 262, 267, 269—271, 457, 471. Томъ XIV, стр. 221. Томъ XVII, стр. 692. Томъ XVIII, стр. 26—53, 261—293, 435—437, 569, 572, 617—639.

О баронетѣ Яковѣ Васильевичѣ Виллié см. «Русскую Старину», томъ IV, стр. 240—261, 599—607, 617—623. Томъ V, стр. 359—386. Томъ VI, стр. 101, 108, 114, 115, 117, 120, 129, 151, 169. Томъ VI, стр. 132, 141, 242. Томъ VII, стр. 16. Томъ XI, стр. 65, 374, 375. Томъ XIII, стр. 652. Томъ XV, стр. 295, 303, 307. Томъ XVI, стр. 196—200, 712—718.

18-го іюня 1812 г., близъ Лиды.

Милостивый государь мой, Яковъ Васильевичъ. Два письма ваши, почтеннѣйшій пріятель, имѣлъ удовольствіе получить. Извините меня пріятельски за нескорый отвѣтъ. Ей, было некогда. Изъ Бѣлостока чрезъ Гродно по сей день на лошади и перо въ руки не принималъ. Отъ непріятеля при Гроднѣ отдѣлался, который старался отрѣзать меня. Теперь я избліжаюсь къ вамъ. Сію, будущую ночь ночую въ Лидѣ. Иду искать фланга прежнихъ нашихъ союзниковъ, а таперешнихъ непріятелей и враговъ,—что-то Богъ милостію своею благословитъ. Дивизіонному лекарю Нестерову я голову мылъ; онъ оправдается, что тогда это было по повелѣнію генерала Ессена. Таперь они всѣ взяты подъ его вѣдѣніе и отправлены своимъ лазаретомъ при вагенбургѣ, къ сторонѣ Минска. Надѣлалъ мнѣ гродненскій лазаретъ Коптена хлопотъ: во множествѣ разныхъ матеріаловъ и большой суммы стоющій, такъ что на четырехъ сотъ подводъ чрезъ великую мочь едва могъ отправить, ибо прежде ни одного не было приготовленныхъ подводъ. Послѣдній транспортъ и съ перестрѣлкою мною съ непріятелемъ увезенъ,—что называется, изъ рукъ непріятельскихъ утащенъ. И все оное отправлено чрезъ Бѣлицъ, Новогрудскъ, къ сторонѣ Минска.

Сутуловъ точно будетъ, по вашему желанію, въ Петербургѣ. Я писалъ на Донъ, чтобы его отправили непремѣнно.

Лошадь вамъ, другу, будетъ, которая теперь у меня,—надобно поправить: недавно изъ Дону приведены и худы еще тѣломъ отъ дальней дороги. Прощайте, до свиданія. Есмь и буду всегда непремѣнно покорнѣйшимъ слугою, Матвѣй Платовъ.

На оборотѣ адресъ: «Его превосходительству милостивому государю Якову Васильевичу Вилъліе».

Помѣта руки Виллiе: «Reçu à.... le 21 Juin 1812, à 8 heures matin. Wyliè».

25-го октября 1812 года, у переправы чрезъ Днѣпръ, у селенія Городокъ.

Милостивый государь, истинной другъ Яковъ Васильевичъ. Не взыскивайте простому моему слогу, къ вамъ таперь относящемуся: нахожусь на открытомъ полѣ и холодѣ и пишу; и увѣдомляю васъ о себѣ, какъ другу. Слава Всемогущему Богу, еще живъ, а что я нездоровъ, то вы, мой другъ, знаете и до сего. Дѣла у меня идутъ хорошо; желалъ-бы я, чтобъ другъ мой Вилсонъ послалъ кого либо отъ Можайска посмотрѣть по дорогѣ до Дрогобужа: сколько мерскихъ непріятелей лежитъ въ преслѣдованіи моемъ по дорогѣ и сколько я отдалъ жителямъ плѣнныхъ, кромѣ взятыхъ орудіевъ, о которыхъ донесъ его свѣтлости фелтмаршалу. Таперь сынъ мой посылаетца съ трофеями. Приказалъ ему явитца у васъ, и узнать о вашемъ

здоровьѣ и моему почтенному пріятелю генералу Вилъсону отъ меня кланяйтесь. И вамъ мое почтеніе сердечное приношу. Дай Господи, чтобы вы были здоровы. Вашими штабъ-лекарями я очень доволенъ. Господинъ Берхманъ ко мнѣ прибылъ. Будьте увѣрены, онъ будетъ отъ меня доволенъ. Жалѣю очень, что почтенной медикъ [1]) господинъ Синяхинъ не со мною. Есмь и проч. Матѳѣй Платовъ.

Писалъ я вамъ сіе письмо въ полѣ и при выпадающемъ снѣгѣ.

3-го ноября 1812 г. При Смоленскѣ.

Милостивый государь мой, Яковъ Васильевичъ. Пріятельское письмо ваше, чрезъ адъютанта моего, г-на Жилина, я получилъ, и буду желать сердечно, коль скоро сблизимся, увидѣться съ вами, найдя къ тому способъ со стороны моей.

Большую Владимірскую звѣзду послалъ я къ вамъ для того, чтобы носить вамъ ее на шинелѣ, а не на мундирѣ.

Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и проч. Графъ Платовъ.

И нынѣшняго дня въ форштатѣ Смоленскомъ взято девять пушекъ и болѣе 1,000 плѣнныхъ. Надѣюсь, что непріятель сегоднешнюю ночь вытѣсненъ будетъ изъ города.

Ноября 5-го дня 1812 г. Село Катань.

Любезный другъ и истинный пріятель, Яковъ Васильевичъ. Вы меня простите, что я не пишу къ вамъ самъ. Александръ Петровичъ разскажетъ вамъ о причинѣ. Я посылаю чрезъ него вамъ поклонъ мой и, сожалѣя, что вы скучаете, желаю искренно съ вами видѣться. Пребываю всегда и проч. Графъ Платовъ.

(На оборотѣ): Я игралъ отъ 13-го октября съ французами на сто одну. Двадцать шестаго числа превзошелъ: игралъ на другіе сто же одну; а сего дня, Божескою милостію, заигрался при взятіи Смоленска на третью сотню, а именно орудіевъ. А сколько ихъ дерзкихъ мизерабелей полонено, я и счетъ онымъ потерялъ. Въ заключеніе скажу: ура, ура, ура! Другу моему и пріятелю Милорду Вилсону мое истинное почтеніе приношу.

3-го декабря 1812 г. Ковно.

Истинной другъ, милостивый государь, Яковъ Васильевичъ. Податель сей, г-нъ Карауловъ, перескажетъ о моемъ нахожденіи и всего прошедшаго дѣла онъ былъ очевидецъ. Я тебя почитаю и люблю. Прошу отъ меня кланяться хорошему пріятелю моему, милорду Вильсону. Я его доброже-

[1]) Это слово очень неразборчиво.

лательство всегда помню. По дружбѣ вамъ скажу, единственно для собственнаго вашего знанія: графъ Орловъ-Денисовъ, по молодости его, сильно закапризничалъ. Я въ немъ ошибся. Прощай, истинной другъ, до свиданія. Пребываю и проч. Графъ Платовъ.

Рукою Вилліе на оборотѣ помѣта: «Des betises surtout de la part de comte».

12-го декабря 1812 г. Въ г. Ковнѣ.

Милостивый государь мой, истинный другъ, Яковъ Васильевичъ. Почтеннѣйшее дружеское письмо ваше изъ Вильны я получилъ. Занятіе ваше по Виленскимъ гошпиталямъ, наполненнымъ и нашими и непріятельскими больными, конечно доставитъ вамъ много трудовъ, къ которымъ вы привыкли по многотрудной должности вашей, достойнымъ знаніямъ.

Получивши сегодня увѣдомленіе о высочайшемъ прибытіи государя императора въ Вильну, я полагаю, что вы отъѣздъ свой, какъ предполагали, чрезъ Ковно на Ригу, оставите, и я лишаюсь теперь удовольствія видѣться съ вами, истинный другъ мой, и оказать услугу мою препровожденіемъ васъ подчиненными моими до Риги.

За искренныя объясненія ваши на счетъ мнѣнія нѣкоторыхъ завистниковъ вразсужденіи службы моей, чувствительнѣйше васъ благодарю. Богъ видитъ, сколько предана душа моя ко всемилостивѣйшему монарху моему и любезнѣйшему отечеству. Кто же можетъ потемнить ревностнѣйшее служеніе мое государю и отечеству, когда оно чисто и основано на непоколебимомъ вѣрноподданническомъ усердіи? съ каковымъ окончу я и дни жизни моей.

Вы изволите писать, что г. Вилсонъ не успѣлъ сдѣлать своего дѣла какъ бы слѣдовало; но признаюсь вамъ, что я дѣлъ его не зналъ и не знаю къ чему это относится? А желалъ бы узнать, въ чемъ оное состоитъ, хотя на парадѣ (?).

О графѣ Орловѣ больше ничего не нахожу сказать вамъ, какъ что я сожалѣю о немъ, какъ онъ изъ рода нашего и сынъ покойнаго пріятеля моего; но что происходитъ—я не понимаю.

Пребываю къ вамъ и проч. Графъ Платовъ.

15-го декабря 1812 г.

Милостивый государь мой, истинный другъ, Яковъ Васильевичъ. Я получилъ при почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ присланныя отъ васъ желудочныя капли и покорнѣйше васъ за оныя благодарю. Начинаю употреблять ихъ для укрѣпленія здоровья моего.

Я точно нездоровъ, но что дѣлать! Должно исполнять служебныя дѣла по долгу моему. Теперь иду въ походъ на Инстенбургъ и далѣе.

Ежели Богъ дастъ буду здоровъ, то я надѣюсь имѣть пріятнѣйшее удовольствіе видѣться съ вами, гдѣ случай позволитъ. А до сего прощай, истинный другъ!

Пребывая къ вамъ и проч. Графъ Платовъ.

Сдѣлай милость, увѣдомь меня, я твое увѣдомленіе, единственно для одного знанія моего, сохраню: долго ли государь императоръ пробудетъ въ Вильнѣ, или возвратится скоро въ Петербургъ? Мнѣ весьма нужно по войску донскому о внутреннихъ нуждахъ донести.

12-го генваря 1813 г. Село Остеркинъ, около Данцига, въ двухъ миляхъ.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Яковъ Васильевичъ! Присланныя отъ вашего превосходительства капли для его сіятельства Матвѣя Ивановича произвели желаемое дѣйствіе. Тошнота по утрамъ и позывъ на рвоту утолились; желудокъ началъ укрѣпляться. Остается головная боль и слабость въ груди. Припадки, какъ кажется, отъ почечуя, который открывается гораздо въ меньшемъ, противъ прежняго, количествѣ, и безпрерывныхъ душевныхъ занятій. Имѣя особенную довѣренность къ особѣ вашего превосходительства, онъ проситъ васъ о присылкѣ тѣхъ же капель и мази для груди, называемой apodeldok, каковой въ прусскихъ аптекахъ не имѣется.

Съ отличнымъ уваженіемъ и проч. Василій Соколовъ.

Свидѣтельствую вамъ, моему истинному другу, мое искреннее и душевное почтеніе. Господинъ Соколовъ ..... вамъ доноситъ о моемъ нездоровьи и что для меня надобно отъ вашей дружеской помощи, а особливо для грудей моихъ (sic) мазью. Господиномъ Соколовымъ я доволенъ.... Графъ Платовъ.

26-го генваря 1813 года. Деревня Бушунава.

Милостивый государь мой, истиннѣйшій пріятель, Яковъ Васильевичъ. Я вслѣдъ за симъ, изъ-подъ Данцига, въ главную квартиру отправляюсь;— позвольте мнѣ взъѣхать прямо къ вамъ, другу; иначе я ни къ кому не согласенъ — вы мой прямой другъ, и въ характерѣ есть честнѣйшій англичанинъ. Я грустенъ по моимъ домашнимъ обстоятельствамъ и здоровьемъ не такъ хорошъ. Сынъ мой большой есть въ горячкѣ жестокой. Благодаренъ я господину Соколову за его ко мнѣ, сыну моему и другимъ многимъ больнымъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, кромѣ казаковъ, коихъ онъ наиприлѣжнѣйше искусствомъ своимъ и неусыпными трудами наблюдаетъ и много помогаетъ спасеніемъ въ жизни.

Пребываю на всегда и проч. Графъ Платовъ.

Приписка рукою Вилліе: «28 Janvier Plotsk 1813. Ce matin on a eu la nouvelle que monsieur Rapp commandant à Dantzich a fait une sortie avec 1,500, qui ont été tous pris, tué par les cossackes seuls, qui les avoient attirés assez loin de la place pour effectirez, un si heureuse resultat. 27 officiers ont été pris et 250 soldats; le reste tué et le comte (Платовъ) sera ici ce soir. Wylié» [1]).

Якова Васильевича, моего хорошаго пріятеля, въ квартирѣ не нашелъ. А подъ кроватью видѣлъ женскіе башмаки. Надобно полагать такъ, что была гостья. Потревожась, оные не успѣла взять съ собою, оставила на память, а я ихъ прибралъ и взялъ съ собою, чтобы другіе посторонніе сего да не увидѣли. Покорнѣйшій слуга Графъ Платовъ.

25-го сентября 1813 г.—Близь Борно.

Милостивый государь мой, Яковъ Васильевичъ. Я всегда увѣренъ на истинное ваше пріятельское ко мнѣ расположеніе, и что вы участвуете, по доброй душѣ вашей, въ моемъ благополучіи; о чемъ подтвердилъ пріѣхавшій ко мнѣ адъютантъ мой Кузнецовъ. Я принимаю за сіе въ полномъ моемъ признаніи, за что покорнѣйше благодарю и благодарить всегда васъ, друга, буду. Чѣмъ далѣе, то явное открывается недоброжелательство отъ нѣкоторыхъ ко мнѣ, и, какъ вижу, зло желаютъ мнѣ; но не удается сіе имъ жало сотворить. Богъ мнѣ помощникъ и покровитель. Я беру мѣры ко всей осторожности, чтобъ имъ не восторжествовать въ намѣреніи ихъ. Слава Богу, хотя съ малымъ корпусомъ моимъ, а успѣхъ идетъ хорошъ. Сію ночь ночую близь Борно, а завтра предпринимаю къ сторонѣ Лейпцига. Бойгушовъ со мною въ атаманскомъ полку начинаетъ воевать.

Прощай, истинной пріятель, до свиданія. Будь здоровъ.

Пребываю всегда съ моимъ сердечнымъ почитаніемъ и проч. Графъ Платовъ.

28-го сентября 1813 года.

Если что узнали, или другое что либо любопытству моему, покорнѣйше прошу увѣдомить меня. Я не открою никому, а сохраню единственно для себя. И письмо ваше издеру или сожгу.

Податель сея — человѣкъ вѣренъ. П.

(Отвѣтъ Вилліе): «Reçu ce soir. On dit que Nap. décampe. Le prince royal et Blucher sont presque ensemble de ce côté. Beningsen est près de Dresde. Notre reserve est ici. L'armée est en avant. En peu de jours vous aurez des grandes nouvelles. Saxe. Chemnitz. Soir 20 septembre. 1813. Wyliè».

---

[1]) Эта приписка, вѣроятно, сдѣлана для императора, которому—безъ сомнѣнія—Вилліе показывалъ письма Платова.

31-го декабря 1813 г.—С. Нанси.

Милостивый государь мой, Яковъ Васильевичъ. Имѣя васъ въ памяти, какъ хорошаго моего пріятеля, поздравляю съ наступившимъ новымъ годомъ и увѣдомляю о себѣ, что я, слава Богу, здоровъ.

Съ Божію помощію вчерашній день, обще съ его высочествомъ, кронпринцемъ Виртембергскимъ, выгнали мы непріятеля изъ города Епиналя, которой потомъ былъ преслѣдованъ мною, съ большимъ пораженіемъ, до 6-ти часовъ вечера къ самому городу Шарму, куда спаслось весьма немного. Сего же дня остатки сихъ, пораженныхъ вчерашній день, равномѣрно и находившіяся въ городѣ Шармѣ непріятельскія войска, выбиты изъ сего города донскими полками команды моей и прогнаты по большой дорогѣ, къ городу Нанси, съ большимъ пораженіемъ. Что случится у насъ здѣсь впередъ я буду васъ увѣдомлять, какъ хорошаго моего пріятеля.

Пребываю и проч. Графъ Платовъ.

Отмѣтка руки Виллiе: «Risbach. Ober sept. Florimon reste à gauche. Delle».

24-го генваря 1814 г.—«При городѣ Вильне Леруа».

Милостивый государь мой, Яковъ Васильевичъ [1]). Ваше пріятельское письмо съ удовольствіемъ моимъ я получилъ только вчерашній день, при городѣ Вильневъ Леруа. Благодарю васъ, моего друга, за ваше ко мнѣ пожеланіе въ здоровьи. Я истинною увѣренъ, что вы, по доброй душѣ вашей, и расположеніемъ вашимъ ко мнѣ сего желаете и желать будете всегда. Пишете вы ко мнѣ пріятельски, что я опоздалъ отъ австрiецовъ къ городу Баръсерону. Плюньте вы, другъ мой, въ глаза тѣмъ м...чесамъ, которые при главной квартирѣ только сплетни сплетаютъ. Сіе я вамъ сказалъ не на счетъ должностныхъ и честныхъ людей, а на счетъ праздныхъ, которые только изъ утра до вечера зубы свои точатъ, языку своему не даютъ покою и губами безпрестанно шевелятъ, а голова ихъ съ мозгомъ совсѣмъ разстроилась. Они есть несчасливы въ своемъ родѣ, отягощеніе главной квартирѣ въ продовольствіи и подобны чекалкамъ. Звѣрь есть чекалка въ Персіи, которая безпрестанно лаитъ; и вторительно вамъ, другу, скажу, что это я выше объяснилъ не на счетъ честныхъ людей и должностныхъ, ибо имъ, занявшись дѣломъ, некогда небылицы произносить, а этакіе разсказы бываютъ отъ праздныхъ м...чесовъ, какъ выше сказалъ.

Я вамъ, другу, скажу прошедшее. За Реинъ я перешелъ и шелъ впе-

[1]) Подлинникъ на большихъ листахъ простой сѣрой бумаги. Все письмо руки Платова. Здѣсь сохранены названія городовъ и селеній Франціи въ томъ именно видѣ, какъ ихъ пишетъ атаманъ донцовъ—графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ.

редъ, на городъ Епиналъ поспѣшнѣе всѣхъ. При городѣ Епиналѣ нашелъ непріятеля сильнѣй меня гораздо, и притомъ въ гористыхъ мѣстахъ, при крѣпкихъ дефилеяхъ. Надо ждать кронпринца Виртембергскаго съ его войскомъ, съ которымъ посовѣтовался, и вообще здѣлали наше распоряженіе. Онъ, достойный фалы (хвалы) кронпринцъ Виртембергской, пошелъ и съ пѣхотою въ лице, а я съ лѣвой стороны, въ обходъ города, скрывшись отъ непріятеля. Достойной кронпринцъ Виртембергской выбилъ ихъ изъ города Епинала, а я частію ихъ на бивакахъ, обошедъ городъ по стежкамъ, а не дорогою, а потомъ въ тылъ ихъ, гдѣ совершенно тутъ непріятельской корпусъ былъ разбитъ, преслѣдуемой мною неотступно боемъ до города Шарма, гдѣ они имѣли подкрѣпленіе, — и тутъ не удержались, прогнаны почти до самаго города Нанси. Малые остатки ушли въ городъ Нансъ; доказательствомъ сего — кавалерія ихъ вся истреблена; начальники взяты до одного человѣка въ плѣнъ и нижнихъ чиновъ до тысячи [1]), а протчіе побиты. Пѣхоты спаслось менѣе тысячи человѣкъ въ городъ Нанси, и тѣ воспользовались въ ночное время. Въ то время еще никакого войска не было нашего близь Нанси, кромѣ того, что и съ правой стороны онаго подходили авангарды достойнаго фелтмаршала Блюхера (sic). Тутъ я получилъ повелѣніе слѣдовать мнѣ чрезъ городъ Мерауръ въ Ништатъ [2]), гдѣ я съ поспѣшностію воспользовался зафатить (захватить) нѣсколько плѣнныхъ и два орудія; а потомъ вслѣдъ получилъ повелѣніе идти на Барисиропъ. Разлитіе отъ распустившаго изъ яръ снѣга и отъ сильныхъ дождей рѣка Мезъ — меня не удержало. Съ большою трудностію переправился; вотъ какъ. Малыя непріятельскія партіи на противной сторонѣ, по теченію оной, съ лѣвой стороны, разъѣзжая не воображая, что можемъ переправиться, засчисчая (защищая) мостъ. Пустилъ своихъ, атаманского полку Орлова, по выше мосту, истинно вплывь, чего французскія партіи не ожидали, которые, поражая ихъ, побили или покололи; а болѣе тридцати человѣкъ и съ двумя офицерами взяли въ плѣнъ. Тогда я, перешедъ рѣку, послѣдовалъ чрезъ городъ Жуанвиль, и двѣ встрѣчающія партіи отъ города Васни (?) къ Барсиропу впухъ разбиты. Всѣ, въ разныхъ мѣстахъ взятые, а плѣнные отсылаемы отъ меня были въ ближайшія союзныя войска, и раппортовано отъ меня обоимъ главнокомандующимъ о семъ.

Вы пишете ко мнѣ, другъ мой, что будто я опоздалъ къ Барсиропу. Нѣтъ, я пришелъ прежде австрійцевъ одинъ день; — что же мнѣ было дѣлать противъ большаго корпуса, какъ только оставалось тревожить его денно и ночно, пока съ корпусомъ пришелъ генералъ Вло, и съ которымъ я также дѣйствовалъ. Онъ тому свидѣтель, и обще и съ

[1]) О чемъ свидѣтельствовать можетъ кронпринцъ Виртембергскій.

[2]) А кронпринцъ Виртембергскій изъ Епинала послѣдовалъ къ Лангру.

его авангардомъ преслѣдовали непріятельской корпусъ отъ Барсиропа, по дорогѣ, лежащей къ Труа, болѣе трехъ часовъ; а генералъ Вло съ корпусомъ своимъ остановился въ Барсиропѣ. Я не сдѣлалъ роздыха, пошелъ лѣвѣе города Труа, чрезъ Барсюстень, Оксонъ и Арсъ, къ городу Сансу, гдѣ нашелъ непріятеля сильнѣе меня, состоящій въ кавалеріи и пѣхотѣ и съ орудіями. Не смотря на то, дрался съ нимъ во весь день, вогналъ его въ форштадтъ, и выбилъ его изъ форштадта въ самой городъ, которой окруженъ каменною стѣною на подобіе крѣпости. На другой день пришелъ въ Сансъ городъ, изъ города Понта сикурсъ лѣвою стороною рѣки Сена. Нечего мнѣ было дѣлать съ горстью людей, которыхъ подъ ружьемъ не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Отступилъ въ ночь къ городу Вильневъ Леруа. Непріятель меня поутру атаковалъ близь онаго. Авангардъ его былъ божескою милостію разбитъ и прогнанъ до пѣхоты ихъ, которая была на подкрѣпленіе имъ, и та, по счастію нашему, струсила, вошла попрежнему въ городъ Сансъ, гдѣ и таперь состоитъ, а я около онаго наблюдаю его. На семъ дѣлѣ по чести побито его довольно. Взятъ въ плѣнъ подполковникъ, четыре офицера, два трубача и нижнихъ чиновъ трехъ сортовъ, какъ-то: гусаръ, драгунъ и конныхъ саперъ, болѣе ста человѣкъ. Сильная партія, отряженная отъ меня была еще третьяго дни къ городу Монтанжи, которой на дорогѣ, идущей изъ Парижа въ Арлянъ, отбила ведущихъ туда гишпанскихъ офицеровъ, полоненныхъ въ разные годы, четыреста пять человѣкъ и простыхъ гишпанскихъ солдатъ, кои въ прислуги даны имъ, до сту человѣкъ. Вы не можете вообразить, какая то радость отъ тѣхъ гишпанскихъ офицеровъ, избавившихся отъ рукъ непріятельскихъ: восклицаютъ, благодарятъ Бога, цалуютъ у казаковъ груди! Я ихъ отправилъ подъ прикрытіемъ до первыхъ австрійскихъ войскъ для доставленія въ главную квартиру, и донесъ о семъ по командѣ. Можно-бъ было и больше дѣлать, но нѣтъ такого числа, съ коимъ бы около Парижа было пошумѣть. Я вамъ, другу, напомню русскую пословицу, она хотя матерная, но справедливая: «...-ли пѣть, когда голоса нѣтъ!» Такъ точно и со мною случилось, что войска нѣтъ. Я весьма добирался до города Фонтенебло, гдѣ высокопочтеннѣйшій папа содержался; но, по вѣрной выправкѣ моей, его тамъ нѣтъ. Наполеонъ слухъ распустилъ, якобы онъ его отправилъ въ Италію,—такъ жители городовъ увѣряютъ, но я не вѣрю. Надобно полагать, что онъ его, папу, куда нибудь и спряталъ.

Вотъ вамъ, другу, моя повѣсть. Нынѣшній день у меня съ непріятелемъ драки не было, и погода вышла днемъ прекрасная. Я, сидя на бивакахъ, отъ скуки маралъ на сихъ двухъ листахъ вамъ мое изъясненіе. А завтра что будетъ, отгадать не могу, только скажу вамъ, хотя я и малыя силы при себѣ имѣю, а дѣйствовать противъ непріятелей не отстану.

Есмь и буду всегда и непремѣнно съ моимъ почтеніемъ и проч. Графъ Платовъ.

«18-го февраля 1814 года».

«Милостивой Государь, истенной приятель Яковъ Васильевичь [1]). Нашелъ свободною минуту, даю осебѣ вамъ другу знать. Хотя я инесавсемъ здаровъ, однакожъ какъ подолгу моему также ипоистенному усердию тенусъ потбываю службу, попословитцы. Хотяже и болить, а гавари что свербыть. Былъ я слевай стороны левее еще фонтенебло иблиско парижа, но какъ наступилъ наменя искорпусомъ могданалъ едва едва уплелся, однакожъ безпотери людей, иеще дрался съего ковалериею четыре раза, исъмоею горсткою людей недалъ себя отрезать припереправахъ чрезъ реку луаистъ, иконалъ, также реку лионъ; которой меня преследовалъ уступно три чеса догорода шетилеанъ, тутъ уже я примкнулъ коовстрискимъ войскамъ. Аставляю продолжать далее многобы надобно писать о прошедшемъ. Богъ милостию своею помогаетъ избавълятца отнесчасныхъ случаевъ, бросаюсь какъ бутто нажертву, без(з)ваного поткрепления. Таперь следую поповелению фарсированно направаи флангъ чтобы зделать связъ и съ фелтмаршаломъ брюхеремъ. Пращяй истенной приятелъ ая есмъ и буду всегда покорнѣйшимъ вамъ слуга Графъ Платафъ» [2]).

«Намарше избарспропа».

21-го числа Сентября стараго штыля 1814 годъ. Аршава.

Милостивый государь мой, Яковъ Васильевичъ. Увѣдомляю васъ, друга, о себѣ: по выѣздѣ моемъ изъ достойно почтеннѣйшаго града Лондона, которой я содержу въ моей памяти, за ихъ много оказанною пріязнь и во всю жизнь мою за ихъ доброе и для меня лестное расположеніе обязанъ достойной ея націи быть благодарнымъ, а особливо двумъ моимъ истиннымъ пріятелямъ, почтеннѣйшимъ лордамъ—Морею и Персни, которымъ я обязанъ. Нетерпѣливо буду ждать ихъ пріѣзда въ Россію, а особливо имѣть ихъ, почтеннѣйшихъ гостей, у себя на Дону.

Отправивши полки на Донъ, дожидаюсь еще прибытія пяти полковъ изъ арміи отъ графа Бененсона, изъ которыхъ буду комплектовать десять полковъ, кои остаются неотпущенными на Донъ, а находиться будутъ при арміи. Проживаю таперь въ Аршавѣ скучномъ, и буду ожидать пріѣзда государя; а потомъ должно мнѣ быть и въ Петербургѣ. Если, по дружбѣ, что

[1]) Письмо это, какъ и большая часть предъидущихъ, писано Платовымъ собственноручно. Для знакомства съ его орѳографіей, мы приводимъ это письмо буквально.

[2]) По поводу крайне своеобразной передачи русскою рѣчью иностранныхъ словъ, въ особенности именъ собственныхъ, — см. весьма характеристическіе разсказы о Матвѣѣ Ивановичѣ Платовѣ въ «Рус. Старинѣ» изд. 1872 г., т. VI, стр. 677 и слѣд.

найдете ко мнѣ писать, можете адресовать въ Аршаву. Не забудьте, пожалуй, о бѣднякѣ Байгушев..; я извѣстился, что онъ по сію пору въ лазаретѣ Ольтенбургскомъ,—видно, что рана его весьма тяжелая. Есмь и буду на вѣки и съ моимъ истиннымъ почтеніемъ и проч. Графъ Платовъ.

Февраля 20-го дня 1815 года. Г. Варшава.

Милостивый государь мой и истинный другъ, Яковъ Васильевичъ. Давно и весьма давно уже ни вѣсточки, ни грамотки отъ васъ, любезнѣйшій другъ, нѣтъ! Прискорбно мнѣ сіе; но не ропщу на васъ, ибо знаю, съ одной стороны, искреннюю любовь вашу ко мнѣ и дружбу, а съ другой— многія занятія ваши, которыя, конечно, существенныя причины молчанію вашему. Я же, оставаясь въ ожиданіи прибытія вашего сюда, живу съ полгода уже возлѣ скучнаго города Варшавы; но Богъ знаетъ, когда утѣшите вы насъ пріѣздомъ вашимъ.

Пріятно мнѣ у сего препроводить къ вамъ, любезнѣйшій другъ, по три экземпляра самоучебныхъ произведеній одного нашего донца. Труды его, по тому уваженію, что онъ нисколько не ученъ, а руководствуется однимъ природнымъ талантомъ, конечно пріобрѣтутъ одобреніе каждаго; но вы, почтенный другъ, по любви своей къ странѣ нашей и ко всѣмъ сынамъ ея, почтите оныя особеннымъ. И если найдете ихъ того достойными, то прошу и удѣлить по экземпляру тѣмъ, кого болѣе могутъ онѣ заинтересовать. Прилагаю также нѣсколько экземпляровъ переписки моей съ фельдмаршаломъ и изъявленія собственной благодарности моей предводительствуемому мною донскому войску. Все сіе примите знакомъ истиннѣйшаго и отличнаго почитанія и преданности и проч. Подписано: «Графъ Платовъ.»

28-го декабря 1816 года. Мелзакъ (?).

Милостивый государь, истинной пріятель, Яковъ Васильевичъ! Гдѣ я нахожусь и куда слѣдую, донесетъ вамъ податель сей, г-нъ Штабушъ. Я здоровьемъ слабъ, но отъ дѣла своего не отступаю, поколь духъ во мнѣ существуетъ. Интриги противъ меня опять начали раздражать мое сердце и приводятъ меня въ сокрушеніе, которыя я вижу по бумагамъ, доходящимъ ко мнѣ. Я вамъ о семъ сказалъ, какъ другу. Беру сокрушительное терпѣніе, а потомъ что далѣе будетъ, я и самъ не отгадаю.

Пребываю и проч. Графъ Платовъ.

За присланныя капли покорнѣйше благодарю. Я ихъ принимаю съ краснымъ виномъ въ сутки три раза по одной чайной ложечкѣ. Кажется, есть польза.

Сообщ. въ 1871 г. войска Донскаго генералъ-лейтенантъ **Я. П. Бакланов**ъ.

Французы въ г. Чаусахъ въ 1812 году.

(Изъ воспоминаній очевидца).

Начало роковаго 1812 года, которому хотя и предшествовала зловѣщая комета, застало жителей Россіи въ самомъ безмятежномъ настроеніи духа. Житейскія дѣла шли своимъ чередомъ; съ начала весны сельскіе жители радовались при видѣ цвѣтущихъ садовъ и полей, обѣщавшихъ обильный урожай. Внезапно въ началѣ іюня пронесся слухъ, что къ предѣламъ Россіи приближается несмѣтная рать разнородныхъ и разноплеменныхъ полчищъ подъ знаменами Наполеона, идущаго поработить Россію. Вѣсть эта достигла небольшаго городка Чаусъ (Могилевской губерніи). Неожиданное появленіе французскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи породило въ простомъ народѣ нелѣпую мысль, что Наполеонъ—антихристъ, предтеча свѣтопреставленія. Этому, какъ извѣстно, нѣкоторые грамотные суевѣры, или суевѣрные грамотѣи (въ ихъ числѣ и Державинъ) нашли даже доказательство въ натянутомъ сопоставленіи имени Наполеона съ апокалипсическимъ Аполліономъ.

Опасаясь послѣдствій войны, жители Чаусъ, православнаго исповѣданія, начали собираться ежедневно для совѣщаній въ домахъ, на улицахъ, и даже за заставой, по дорогѣ, идущей къ Могилеву, чтобъ узнать что-либо отъ прохожихъ или проѣзжихъ, гдѣ находится непріятель, гдѣ наша армія и что дѣлается и предпринимается въ губернскомъ городѣ. Каждый курьеръ, каждый фельдъегерь, отправляемые въ первую армію подъ Красный (Смоленской губерніи), были останавливаемы и окружаемы съ разспросами о движеніи нашихъ войскъ и о сраженіяхъ. Но когда жители узнали, что непріятельскія войска уже подъ Могилевомъ, что, послѣ даннаго сраженія, наши войска отступаютъ, то многіе начали думать и совѣщаться о побѣгѣ въ сосѣднюю Черниговскую губернію. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, но я живо помню, какъ однажды, вечеромъ, при закатѣ солнца, находясь за заставой, мы услышали какой-то отдаленный гулъ и, приложивъ ухо къ землѣ, удостовѣрились по перерывистымъ раскатамъ, что это были пушечные выстрѣлы; дѣйствительно, то было сраженіе при деревнѣ Солтановкѣ, близъ Могилева.

Вскорѣ затѣмъ чрезъ Чаусы потянулись войска наши, казаки, калмыки, башкиры, пѣхота и артиллерія, на лицахъ которыхъ замѣтно было уныніе; они вступали и проходили чрезъ городъ безъ пѣсенъ, безъ музыки, безъ барабаннаго боя, что̀ еще болѣе наводило страхъ и отчаяніе на мирныхъ

жителей. Войска наши съ небольшими роздыхами шли и днемъ и ночью въ продолженіе недѣли, если не болѣе. То были корпуса Багратіона и Платова, слѣдовавшіе боковою линіею подъ городъ Красный, для соединенія съ первою арміей. Но когда появился въ городѣ послѣдній отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ (какъ теперь помню) полковника Сысоева, зажегшаго вечеромъ казенный провіантскій магазинъ съ хлѣбомъ, чтобъ не достался непріятелямъ, то отецъ мой, а съ нимъ вмѣстѣ и другіе изъ чиновныхъ жителей, отправились къ нему съ просьбой о выдачѣ имъ пропускныхъ видовъ, для свободнаго проѣзда въ Черниговскую губернію, куда уже за нѣсколько дней раньше отправлены были изъ города казначейскія дѣла и книги, съ казенными деньгами.

Съ удаленіемъ послѣдняго отряда казаковъ, городъ нашъ оставленъ былъ на произволъ судьбы; въ немъ царствовало тогда полное безначаліе: градскія власти разбѣжались; ихъ замѣнилъ какой-то польскій муниципалитетъ изъ ксендзовъ и пановъ, ликовавшихъ и воспѣвавшихъ въ честь Наполеона патріотическіе гимны въ костелѣ, гдѣ уже былъ выставленъ на хорахъ французскій одноглавый орелъ. О евреяхъ, гнѣздо которыхъ у насъ было препорядочное, не могу сказать — какія чувства они сохраняли: въ евреяхъ не было замѣтно ни радости, ни страха, ни печали, ни унынія; это племя, суетящееся шесть дней въ недѣлю и днемъ и ночью, кромѣ дня своего завѣтнаго шабаша, занимало у насъ первое мѣсто въ торговлѣ и промышленности, владѣя богатыми каменными домами, лавками, магазинами, трактирами и кабаками.

Наконецъ, послѣ долгихъ думъ и сборовъ, потянулся изъ города по почтовой дорогѣ къ городу Чернигову и нашъ длинный обозъ съ сундуками, чемоданами, перинами и разными коробами, съ любимыми кошечками, собачками и даже канарейками. Обозъ этотъ, растянутый чуть не на версту, состоялъ изъ разнаго калибра допотопныхъ экипажей: бричекъ, кибитокъ, повозокъ и простыхъ телѣжекъ. Проѣхавъ верстъ 40, обозъ остановился на ночлегъ въ имѣніи княгини Мурузи, гдѣ управляющій былъ знакомъ моему отцу. Здѣсь мы были поражены ужасомъ при извѣстіи, что всѣ мосты и переправы на рѣкахъ, чрезъ которыя намъ слѣдовало переѣзжать, сожжены казаками при ихъ отступленіи. Что оставалось дѣлать? Продолжать путь было нельзя; при возвращеніи назадъ, мы могли быть отбиты непріятелемъ и лишиться послѣдняго достоянія. До полуночи наши кочевники не спали, думали, передумывали, и на общемъ совѣтѣ рѣшили тѣмъ, что лучше возвратиться во свояси, и ожидать своей участи. Плачъ женщинъ и дѣтей поражалъ душу и сердце; но какъ ни велико

было горе, а отдыхъ былъ необходимъ. Для отца моего съ семействомъ и для другихъ чиновныхъ особъ отведены были комнаты въ господскомъ домѣ, который стоялъ пустымъ; прочіе ночевали на открытомъ воздухѣ и составляли стражу нашего обоза; воздухъ былъ въ это время до того удушливъ, что днемъ съ трудомъ совершали путь.

Съ разсвѣтомъ, когда все было готово къ отъѣзду, нашъ обозъ, послѣ благодарности хозяину за радушный пріютъ и угощеніе, двинулся въ обратный путь. Дорогою молодежь, кромѣ дѣтей, шла пѣшкомъ и собирала по опушкѣ лѣса грибы да ягоды; старики покуривали трубочки, да понюхивали табачокъ, разсуждая между собою, что̀ предпринять, если нападетъ непріятель? Вопросъ, конечно, рѣшался тѣмъ, что лучше дать тягу, чѣмъ отдаваться живыми въ руки французамъ; противиться же или сражаться не могли, такъ какъ въ обозѣ нашемъ не было никакого оружія, кромѣ дорожныхъ топоровъ, ухватовъ да кофейниковъ, необходимыхъ въ хозяйственномъ быту. Женщины, сидя въ повозкахъ, забавляли дѣтей, да вязали отъ скуки чулки; моимъ же занятіемъ былъ присмотръ за канарейками и ихъ кормленіе. Онѣ до того мнѣ надоѣли, что я намѣревался было выпустить ихъ на волю; но сестра, подмѣтивъ это, выдала мой умыселъ матери и мнѣ досталась порядочная головомойка.

Въ полдень, на привалѣ, гдѣ былъ назначенъ роздыхъ для людей и лошадей, женщины засуетились и захлопотали у разведеннаго огня съ самоварами и кофейниками, а мужчины, завалившись отъ зноя подъ телѣги и повозки, принялись услаждать свое горе то старой водкой, то разными наливками и запеканками домашняго издѣлія, которыхъ набрано было въ дорогу чуть не на годовое продовольствіе, и закусывать то саломъ, то ветчиной; послѣ этого одни начали дремать; другіе, какъ выражаются въ Малороссіи, запалили свои люльки (коротенькія трубочки) и разсуждали на ту же тему, о несчастіи, постигшемъ такъ неожиданно нашу русскую землю... Вдругъ кто-то, завидя издали поднявшуюся по дорогѣ пыль, закричалъ: „французы, французы!“ Легко представить себѣ суматоху на нашемъ привалѣ: крикъ, шумъ, плачъ дѣтей до того поразили всѣхъ, что отцы и матери, схвативъ дѣтей, бросились бѣжать въ лѣсъ, оставивъ на дорогѣ и самовары и кофейники со всѣми принадлежностями, разложенные на землѣ для обѣда; а стая сторожевыхъ нашихъ дворняжекъ, охранявшихъ обозъ, кинулась по направленію пыли на непріятеля. Когда пыль начала приближаться и разсѣяваться, мы замѣтили, что это были возвращавшіеся на телѣгахъ съ сѣнокоса мужчины и женщины, съ вилами, косами и граблями. Много было послѣ этого у насъ говору и смѣху

надъ нашимъ паническимъ страхомъ, когда собрались всѣ и расположились снова у своихъ костровъ.

Послѣ двухчасоваго роздыха, обозъ двинулся впередъ, и между пѣшеходами пошли разсказы и сужденія о томъ, что дѣлается подъ Москвою, и что предпринимается противъ враговъ нашихъ. Почты въ то время были закрыты. Невесело шли старики наши: печальныя думы смѣняли одна другую о близкихъ сердцу родныхъ, служившихъ въ то время въ арміи. Думали и о томъ, что, можетъ быть, возвратясь домой, не найдутъ въ немъ ни кола, ни двора, кромѣ пепелища. Въ самую полночь мы приблизились къ городу, въ которомъ кой-гдѣ еще мельками огоньки, а при въѣздѣ въ заставу, услыхали пѣсни и говоръ шатавшейся по улицѣ толпы пьянаго народа, которая тотчасъ окружила насъ. Но узнавъ, что это возвращаются свои горожане, отошла отъ насъ и пошла своей дорогой. По пріѣздѣ нашемъ въ домъ, въ которомъ оставался семидесятилѣтній дворовый нашъ человѣкъ, мы узнали, что въ городѣ вечеромъ того дня разбито было чернью нѣсколько еврейскихъ кабаковъ, и водкою она вдосталь попользовалась. Снявъ съ повозокъ всю нашу кладь и размѣстивъ ее по мѣстамъ, отецъ распорядился отправкою лошадей въ лѣсъ, верстъ за пять отъ города, гдѣ у насъ былъ пчельникъ съ избушкой, и куда еще до отъѣзда нашего былъ отправленъ остальной скотъ подъ надзоромъ дворовой женщины.

Не успѣли въ домѣ опомниться послѣ дорожныхъ треволненій, какъ, въ седьмомъ часу утра, прибѣжалъ къ намъ въ страхѣ и попыхахъ домашній нашъ факторъ Неухъ съ извѣстіемъ: „что французы сейчасъ вступили въ городъ и расположились биваками на торговой площади, гремя своими саблями и ружьями; что пришло ихъ несмѣтное число, и такіе всѣ страшные, что наши израили попрятались и лежатъ подъ бебухами (подъ перинами); такъ какъ лавки всѣ заперты, и въ рынкѣ, гдѣ бы можно было достать бѣлаго хлѣба, которымъ французы питаются, нѣтъ ни души, то имъ всѣмъ на другой день придется околѣть съ голоду. Ой! Какъ это будетъ хорошо (прибавлялъ еврей), тогда и денежки ихъ, и часики, пожалуй, какъ нибудь попадутъ въ наши руки и мы тотчасъ сдѣлаемъ имъ гандель“ (торгъ).

Весь день этотъ у насъ ворота были на запорѣ, и никто изъ домашнихъ не смѣлъ показаться на улицу; вечеромъ того же дня мы услышали сильный стукъ и звукъ оружія у воротъ нашего дома. Сопротивленіе было немыслимо, и лишь только отодвинули задвижку у калитки, какъ пять вооруженныхъ французскихъ кавалеристовъ вошли въ домъ, гремя шпорами и саблями. Въ это время въ комнатахъ зажгли огонь. Братъ мой и сестры до того были испу-

ганы звукомъ оружія, что разбѣжались и попрятались кто куда могъ, исключая меня, какъ взрослаго и отличавшагося своею храбростію и удальствомъ лазить по крышамъ и деревьямъ за бѣлками, которыя въ тотъ годъ появились во множествѣ, что̀, по замѣчанію старожиловъ, было къ войнѣ. Непрошенные гости наши, которыхъ мы встрѣтили со страхомъ, обошлись съ отцомъ моимъ, какъ съ духовнымъ лицомъ, вѣжливо. Старшій изъ французовъ—съ виду офицеръ,—осмотрѣвъ всѣ комнаты и не замѣтивъ ничего привлекательнаго и лакомаго, потребовалъ выдачи ему домашняго скота, коровъ и лошадей; когда же отецъ мой объяснилъ ему, что весь скотъ забранъ и угнанъ послѣднимъ отрядомъ казаковъ, то офицеръ ограничился приказаніемъ изготовить имъ къ завтрему обѣдъ и прислать его въ еврейскій трактиръ, гдѣ французы квартировали. Одинъ изъ нихъ сидя на стулѣ, привлекъ меня къ себѣ, и спросилъ, не желаю ли я вступить къ нимъ въ службу; отвѣтомъ моимъ было бѣгство въ садъ, въ которомъ послѣ едва нашли меня, такъ какъ я спрятался на огромной столѣтней грушѣ между листьями. На другой день, заказанный обѣдъ, о которомъ матушка моя усердно похлопотала, былъ отосланъ, по назначенію, въ трактиръ, но когда прислуга возвратилась съ пустой посудой, то не оказалось на лицо пяти серебряныхъ ложекъ: вѣроятно, любезные воины оставили ихъ себѣ на память. Мать моя крайне огорчена была этой покражей и хотѣла тотчасъ же послать за ними; но отецъ, знавшій, что̀ значитъ военное время и военная сила, не позволилъ этого сдѣлать, говоря: „Слава Богу, что этимъ только ограничились“. За то отъ матушки досталась на голову ворамъ цѣлая лавина проклятій.

Черезъ нѣсколько дней, во время нашего обѣда, вошелъ пожилой человѣкъ въ военномъ мундирѣ, при саблѣ, и произнесъ по польски „хлѣбъ да соль“. Мать моя, изъ вѣжливости, пригласила его къ столу; когда онъ сѣлъ и взглянулъ на маленькихъ дѣтей, то заплакавъ сказалъ: „я оставилъ дома жену, дѣтей; Богъ знаетъ, увижу ли я ихъ когда-либо? меня взяли и погнали насильно. Заприте, сударыня, ворота и не пускайте изъ насъ никого, потому что одинъ идетъ отъ Бога, а другой отъ чорта“; этими немногими словами высказано было многое.

Пребываніе непріятельскихъ отрядовъ было у насъ не продолжительно; они смѣнялись часто одни другими; тутъ были и французы, и саксонцы, и вестфальцы, и поляки. Квартиръ въ домахъ они не занимали, но располагались биваками на площадяхъ и лугахъ близъ рѣки, гдѣ по временамъ производили свои ученья и маневры, нерѣдко комическаго свойства. Такъ, напримѣръ, они снимались съ своихъ стоянокъ по сигналамъ рожковъ, выходили поспѣшно изъ города въ одну заставу, а вечеромъ, въ сумерки, снова появлялись изъ другой, наводя

этимъ страхъ на жителей и показывая многочисленность своихъ войскъ; но этотъ фокусъ-покусъ былъ подмѣченъ горожанами, когда они переправлялись вбродъ чрезъ рѣку, верстъ за пять отъ города. Количество французскихъ отрядовъ не превышало болѣе двухъ или трехъ эскадроновъ; было нѣсколько и легкихъ кавалерійскихъ орудій, громомъ которыхъ они при вступленіи въ городъ у заставы привѣтствовали жителей, или, вѣрнѣе сказать, пугали и наводили страхъ на нихъ. Главныя же силы непріятельскія съ ихъ маршаломъ сосредоточены были въ губернскомъ городѣ Могилевѣ и его окрестностяхъ. Не могу сказать, чтобы эти отряды занимались грабежомъ и насиліемъ; этому обязаны мы были, какъ мнѣ въ послѣдствіи было объяснено, временному тогдашнему военно-польскому „ржонду“, который составленъ былъ изъ ксендзовъ, знатнѣйшихъ помѣщиковъ и чиновниковъ римско-католическаго исповѣданія; вѣрнѣе же сказать—боязни самого ржонда потерпѣть нападеніе отъ своихъ крестьянъ православнаго исповѣданія, которые въ военное время могли возстать противъ своихъ неправославныхъ помѣщиковъ и ксендзовъ. Самый ржондъ, чтобы предотвратить страшное нападеніе со стороны православныхъ обывателей и крестьянъ, которыхъ число въ десять разъ превышало католиковъ, исходатайствовалъ у начальства французской арміи охранительныя по городамъ и даже мѣстечкамъ Могилевской губерніи военныя команды, подъ названіемъ „Ochrana“, дабы держать въ страхѣ все православное народонаселеніе. Слѣдовательно, ржондъ этотъ внушалъ командамъ удерживаться отъ грабежа и насилія, чтобы не возбудить общаго возстанія православныхъ на всѣхъ помѣщиковъ римско-католическаго исповѣданія и ксендзовъ.

Обхожденіе вельможныхъ и ясневельможныхъ пановъ, завладѣвшихъ въ городѣ и уѣздѣ всею администраціею, отличалось надменностью. Я видѣлъ многихъ изъ нихъ въ ихъ національныхъ старинныхъ польскихъ кунтушахъ съ вылетами, т. е. въ кафтанахъ съ откидными за плеча, разрѣзными рукавами, въ конфедераткахъ и при сабляхъ. Господство ихъ, впрочемъ, было непродолжительно: когда пронесся слухъ, а появившіяся затѣмъ военныя реляціи подтвердили его—что Наполеонъ выступилъ изъ Москвы,—вельможные паны упали духомъ, повѣсили носы, и тотчасъ же сняли свои національные кунтуши и сабли.

Не могу не замѣтить одного обстоятельства, разсказаннаго мнѣ покойнымъ отцомъ моимъ, что въ то время, когда непріятельскіе отряды стояли въ нашемъ городѣ, нѣкоторые изъ жителей въ темныя ночи видѣли въ отдаленныхъ улицахъ казаковъ съ пиками. Легко могло быть, что они, составляя военную цѣпь для развѣдокъ, появ-

лялись по ночамъ въ городѣ, и сообщали тихомолкомъ русскимъ и реляціи наши о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя читались и передавались другъ другу.

Послѣ этого между жителями снова начали составляться кружки, пошли разсказы, толки, пересуды, а услужливые наши домашніе факторы: Борохи, Хаимы и Лейзеры, безъ которыхъ у насъ ни одинъ порядочный домъ обойтись не могъ, разносили по домамъ, въ видѣ живыхъ газетъ, разные слухи и новости, кто и зачѣмъ пріѣхалъ въ городъ, гдѣ остановился, чѣмъ занимается, даже описывали физіономію пріѣзжавшаго. Эти лица, соблюдая свой интересъ, ловили рыбу въ мутной водѣ, т. е. служили и нашимъ и вашимъ, смотря откуда вѣтеръ: безъ фактора у насъ былъ, какъ говорится, домъ не домъ; даже на женскихъ половинахъ водились факторши-еврейки, обязанныя доставлять вельможнымъ пани ежедневно свѣдѣнія о привезенныхъ изъ Варшавы въ лавки и магазины модныхъ товарахъ, которые потомъ грудами приносились для выбора на домъ, такъ какъ ни одна даже маленькая аристократка не позволяла себѣ изъ гордости утруждать свои ножки хожденіемъ по лавкамъ. Это было въ наше время, теперь, я думаю, уже не то;—я видалъ прежде какъ въ присутственныхъ мѣстахъ засѣдали евреи въ своихъ ермолкахъ: градскимъ главою у насъ былъ Рабиновичь, а бургомистромъ Левикъ; даже за секретарскимъ столомъ сидѣлъ еврей, въ ермолкѣ, съ пейсами, который до того былъ нашпигованъ, что зналъ всѣ указы наизусть, какъ свои молитвы. Это допускалось въ то время потому, что все купеческое сословіе состояло изъ евреевъ, въ рукахъ которыхъ находилась вся торговля; мѣщане-же христіане, по бѣдности своей, занимавшіеся только хлѣбопашествомъ да извозомъ, не были допускаемы къ выборамъ въ градскія должности.

Наступила глухая осень. Радостныя вѣсти о пораженіи непріятеля летѣли одна за другой. Въ октябрѣ мѣсяцѣ появились передовые отряды казаковъ; снова потянулись полки наши, съ музыкой, пѣснями и барабаннымъ боемъ; все въ народѣ ожило и встрепенулось. Многіе изъ генераловъ и офицеровъ, по приглашенію отца моего, посѣтили домъ нашъ, въ которомъ заранѣе былъ приготовленъ завтракъ. Дядя мой, Корженевскій, бывшій до нашествія французовъ исправникомъ, не помню, кѣмъ-то изъ генераловъ былъ назначенъ временнымъ начальникомъ города и уѣзда, съ письменнымъ приказаніемъ отобрать у поляковъ оружіе, которое имѣлось у нихъ въ домахъ, какъ въ городѣ, такъ и уѣздѣ. Правители же бывшаго французскаго муниципалитета заранѣе улизнули, такъ что русскимъ генераламъ, желавшимъ познакомиться съ ними и побесѣдовать о ихъ патріотизмѣ, не удалось оты-

скать ихъ нигдѣ: они вынырнули лишь тогда, когда послѣдовалъ милостивый манифестъ.

Вслѣдъ за войсками, когда установилась зима, чрезъ Чаусы потянулись многочисленные обозы съ мѣшками сухарей, овса, и прочими запасами для продовольствія войскъ, и слѣдовали по направленію къ Могилеву, а оттуда къ Витебску. Между тѣмъ, въ Могилевѣ возстановленъ былъ прежній порядокъ и управленіе губерніею вручено было губернатору, графу Дмитрію Александровичу Толстому, къ которому неразъ возилъ меня отецъ, когда тотъ пріѣзжалъ въ имѣніе свое, Еловое, близь города Чаусъ. При вступленіи французовъ въ Могилевъ, графъ едва не сдѣлался добычею плѣна; только за нѣсколько минутъ до ихъ появленія, онъ ускакалъ на бѣговыхъ дрожкахъ.

Что происходило во время пребыванія французскихъ войскъ въ Могилевѣ—мнѣ неизвѣстно; слыхалъ только, что тамошнее духовенство, имѣя во главѣ епископа Варлаама, присягнуло Наполеону; Варлаамъ по суду былъ лишенъ святительскаго сана, съ низложеніемъ въ простой монашескій чинъ, и сосланъ въ монастырь въ Минскую губернію.

При слабомъ моемъ очеркѣ изъ далекаго прошлаго, не могу не разсказать слышанный мною въ то время анекдотъ о томъ, какъ донской казакъ ловко провелъ французовъ. При отступленіи нашихъ войскъ, французы захватили подъ Могилевомъ донца, и посадили на гауптвахту; сидитъ казакъ, люльку покуривая, да думаетъ думу, что, можетъ, не сегодня, такъ завтра его разстрѣляютъ... Неожиданно входятъ къ плѣннику два французскихъ офицера, и одинъ изъ нихъ на польскомъ языкѣ требуетъ отъ него, чтобъ онъ показалъ имъ свое казацкое искусство гарцовать на конѣ; казакъ замедлилъ отвѣтомъ, но, по нѣкоторомъ раздумьи, сказалъ: „Можно! только вы дайте мнѣ моего коня, пику да нагайку—принадлежности необходимыя при гарцованьи“. По приказанію офицеровъ, приведена была къ казаку его вѣрная кляча,—казакъ мигомъ вскочилъ въ сѣдло, взялъ пику и нагайку и выѣхалъ на торговую площадь. Это было утромъ въ базарный день, когда народу бываетъ много; лошадка, узнавъ хозяина, отъ радости съ быстротою молніи понеслась по площади, огибая круги одинъ за другимъ; казакъ показывалъ свое искусство и ловкость, опрокидываясь на скаку нѣсколько разъ подъ лошадь; французы и народъ кричали, „браво, браво“. Но когда послушная лошадка была разгорячена до извѣстной ему степени, казакъ далъ ей шпоры, хватилъ нагайкою, и исчезъ въ глазахъ французовъ и зрителей подъ гору. Французы бросились за нимъ, но тутъ увидѣли его плывущаго на лошади по Днѣпру, и достигающаго до половины рѣки. Сдѣланные по немъ выстрѣлы изъ пистолетовъ были напрасны; казакъ, до-

стигнувъ берега, снялъ шапку и перекрестясь махнулъ въ воздухѣ рукой, какъ бы прощаясь съ французами, и исчезъ изъ глазъ ихъ мгновенно: упустили плѣнника изъ рукъ и поняли, что съ казакомъ не шути.

А. М. Романовскій.

1876 г. іюля 20-го дня.
Г. Петрозаводскъ.

Партизанъ Фигнеръ.

[Письмо Дениса Васильевича Давыдова—М. Н. Загоскину [1]].

Письмо, напечатанное здѣсь, было помѣщено въ «Библіографическихъ Запискахъ», расходившихся въ крайне ничтожномъ количествѣ экземпляровъ. Между тѣмъ документъ этотъ составляетъ столь яркую характеристику Фигнера, что мы сочли не лишнимъ заимствовать его изъ рукописнаго сборника А. Ѳ. Бычкова и помѣстить въ нашемъ изданіи. **Ред.**

Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда,
село Маза. 6-го марта.

Милостивый государь, Михайло Николаевичъ! Я вамъ обѣщалъ доставить свѣдѣніе о Фигнерѣ; спѣшу исполнить мое слово.

Наружность Фигнера ничего не представляла замѣчательнаго. Онъ былъ средняго роста, пріятной физіономіи, бѣлокуръ, круглолицъ, съ сѣрыми глазами, съ маленькимъ круглымъ носомъ; ни худъ, ни толстъ, но оказывалъ склонность къ послѣднему. Когда входилъ въ чувства (а чувства его состояли единственно въ честолюбіи и самолюбіи), тогда въ немъ открывалось что-то сатаническое, такъ какъ и въ средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія опредѣленной имъ цѣли, ибо сіе сатаническое столько же оказывалось въ его подлой унизительности предъ людьми ему нужными, сколько въ надменности его противъ тѣхъ, отъ коихъ онъ ничего не ожидалъ, и въ варварствахъ его, когда, ставя рядомъ до 100 человѣкъ плѣн-

---

[1]) Фигнеръ († 1813). См. о немъ «Русскую Старину», томъ V, стр. 652, 653, 657, 783. Томъ VIII, стр. 141, 142, 644. Томъ IX, стр. 217. Томъ X, стр. 641, 655—656. Томъ XIV, стр. 627. Томъ XVIII, стр. 23, 24, 53, 262, 272—294, 438, 618, 634.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, славный нашъ партизанъ 1812 г. (1784, † 1839). См. «Русскую Старину», томъ II, стр. 555—556. Томъ III, стр. 789, 790. Томъ V, стр. 624—639. Томъ VI, стр. 1—38, 309—390, 399, 402—405. Томъ VII, стр. 17—18. Томъ VIII, стр. 419. Томъ IX, стр. 612. Томъ X, стр. 282, 288. Томъ XI, стр. 348. Томъ XVII, стр. 232, 240. Томъ XVIII, стр. 263, 396, 618, 619, 634.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ (1789, † 1862 гг.), извѣстный романистъ и писатель комедій. См. о немъ «Русскую Старину», томъ IV, стр. 502—503. Томъ VII, стр. 159. Томъ IX, стр. 639. Томъ X, стр. 159. Томъ XIV, стр. 83, 108. Томъ XVI, стр. 102—126. Томъ XVIII, стр. 656. Томъ XIX, стр. 433, 443.

ныхъ, онъ, своей рукой, убивалъ ихъ изъ пистолета, одного послѣ другаго. Сему я не былъ свидѣтелемъ, но знаю отъ людей, ему донынѣ приверженныхъ и разсказывающихъ о семъ, какъ о дѣлѣ знаменитомъ, принадлежащемъ глубокой политикѣ, потому что имѣло основаніемъ привязать къ себѣ чернь, всегда алчущую подобнаго рода зрѣлища. Они также разсказывали мнѣ о неоднократномъ истребленіи его партіею, вслѣдствіе повелѣнія его, по 300 и по 400 человѣкъ плѣнныхъ. Бывъ самъ партизаномъ, я знаю, что можно находиться въ обстоятельствахъ, не позволяющихъ забирать въ плѣнъ; но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно и послѣ уже того опаснаго обстоятельства, которое миновалось—что дѣлалъ Фигнеръ. Лицемѣрство его доходило до того, что, будучи безбожникомъ во всемъ смыслѣ слова, онъ, по занятіи Москвы, другой книги не имѣлъ и не читалъ кромѣ библіи. Что же касается до коварства его, то вотъ два случая: былъ взятъ въ плѣнъ одинъ французскій офицеръ; Фигнеръ съ нимъ обошелся ласково, потомъ вошелъ съ нимъ въ дружескую связь и когда, черезъ нѣсколько дней, все изъ него вывѣдалъ, тогда подошелъ къ нему сзади, когда сей несчастный обѣдалъ съ офицерами отряда, и убилъ его своею рукою изъ духоваго ружья своего. Съ другимъ плѣннымъ офицеромъ онъ также вошелъ въ дружескую связь и вывѣдавъ у него все, что нужно ему было, призвалъ, въ отрядѣ его находившагося, Ахтыр(скаго) гусар(скаго) полка поручика Шувалова и спросилъ его: «знаете ли, что ваша обязанность исполнять волю начальника?» Знаю,—отвѣчалъ тотъ. «Такъ подите сейчасъ и задавите веревкою соннаго французскаго офицера, или застрѣлите его». Шуваловъ отвѣчалъ какъ благородный офицеръ и Фигнеръ нарядилъ на этотъ подвигъ Ахтырскаго гусарскаго полка унтеръ-офицера Шіанова, извѣстнаго храбреца, но человѣка тупаго ума, непросвѣщеннаго и увѣреннаго, что истребленіе французовъ, какимъ бы то способомъ ни было, доставляетъ убійцѣ царство небесное. Онъ исполнилъ приказаніе.

Ко всѣмъ симъ отвратительнымъ порокамъ, Фигнеръ соединялъ быстрый, тонкій, проницательный и лукавый умъ. Былъ мало свѣдущъ въ наукахъ, даже относительныхъ къ военному дѣлу, хотя служилъ въ артиллеріи. Но за то обладалъ духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ и, что всего важнѣе для военнаго человѣка—отважностію и предпріимчивостію безпредѣльными, средствами всегда готовыми, глазомъ точнымъ, сметливостію сверхестественною; личная храбрость его была замѣчательна, но не равнялась съ сими качествами—могу сказать—съ сими добродѣтелями военными; въ нихъ онъ былъ единственъ! За то безнравственность, безсовѣстность, плутни самыя низкія, варварство самое ужасное—превышали всѣ сіи качества военнаго человѣка.

Въ зимнюю кампанію 1812 г., я встрѣтился съ нимъ и съ Сеслави-

нымъ[1]) (котораго я несравненно выше ставлю Фигнера и какъ воина, и какъ человѣка, ибо къ военнымъ качествамъ Фигнера онъ соединялъ строжайшую нравственность и изящное благородство чувствъ и мыслей. Въ личной же храбрости не подлежитъ уже никакому сомнѣнію: онъ—Ахиллъ, тотъ—Улиссъ). Это было наканунѣ Ляховскаго дѣла, въ коемъ мы соединенно взяли въ плѣнъ 2,000 пѣхоты, 60 офицеровъ и генерала Ожеро. Фигнеръ тогда носилъ артиллерійскій шпенцеръ на мѣху, картузъ мѣховой, и ничѣмъ наружно не отличался. Но въ 1813 году, во время дѣйствій въ Саксоніи и перемирія, онъ носилъ нанковый—дикаго цвѣта или сѣраго цвѣта чекмень, картузъ кожанный, и всегда почти имѣлъ въ рукахъ духовое ружье, о которомъ я говорилъ выше. Въ обѣихъ эпохахъ всегда онъ ѣздилъ на лошади омундштученной и осѣдланной французскою сбруею, чрезъ что легко ему было только что накинуть на себя французскій плащъ и надѣть французскую шляпу, чтобы проѣзжать между французскими войсками и все видѣть своими глазами. Ему для сего способствовало твердое знаніе и хорошій выговоръ италіанскаго языка, которому онъ выучился въ Неаполѣ, бывъ, еще юношею, съ нашими войсками, возвращавшимися изъ Корфу чрезъ Неаполь. На французскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ онъ говорилъ, но не весьма чисто; русскій же зналъ совершенно и говорилъ на немъ весьма краснорѣчиво, съ нѣкоторою однако напряженною витіеватостью.

Во время перемирія иногда являлся онъ, особенно въ главной квартирѣ, въ гвардейскомъ артиллерійскомъ мундирѣ, а иногда въ мундирѣ сформированныхъ имъ двухъ баталіоновъ, изъ плѣнныхъ испанцевъ и италіанцевъ, кои онъ наименовалъ «мстительными легіонами», и почему на эполетахъ ихъ были литеры М. Л. Онъ мнѣ говаривалъ, во время перемирія, что намѣреніе его, когда можно будетъ отъ успѣховъ союзныхъ армій пробраться чрезъ Швейцарію въ Италію—явиться туда съ своимъ италіанскимъ легіономъ, взбунтовать Италію и объявить себя вице-королемъ Италіи на мѣсто Евгенія; я увѣренъ, что точно эта мысль бродила въ его головѣ, такъ, какъ подобная—бродила въ головахъ Фернанда Кортеса, Пизарра и Ермака; но однимъ удалось, а другимъ воспрепятствовала смерть и, можетъ быть, воспрепятствовали бы и другія обстоятельства,—вотъ разница. Всетаки я той мысли, что Фигнеръ вылитъ былъ въ одной формѣ съ сими знаменитыми искателями приключеній; та же безчувственность къ горю ближняго, та же безсовѣстность, лицемѣріе, коварство, отважность, предпріимчивость, увѣренность въ звѣздѣ своего счастія!

Вотъ все, что я вамъ могу сказать о Фигнерѣ, любезнѣйшій Михайло

---

[1]) Александръ Никитичъ Сеславинъ—партизанъ, народный герой отечественной войны. См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1873 года, томъ VIII, стр. 415—419.

Николаевичъ. Желаю, чтобъ это вамъ послужило для вашего новаго романа; я не менѣе желаю, чтобъ онъ принесъ намъ столько же удовольствія, какъ «Юрій Милославскій», который я во второй разъ уже читаю.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и въ таковой же преданности, милостивый государь, вашего покорнѣйшаго слуги Дениса Давыдова.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Графъ Густавъ Маврикій Армфельдъ.

[Род. 1757 г. † 1814 г.]

С.-Петербургъ.—26-го ноября (8-го декабря) 1812 г.

(Переводъ съ французскаго). Генералъ! [П. К. Сухтеленъ]. Сынъ вашъ, который въ настоящую минуту, должно быть, уже уѣхалъ въ армію, оставилъ мнѣ, ваше превосходительство, знаки лестнаго вашего воспоминанія и далъ мнѣ возможность узнать о всѣхъ текущихъ событіяхъ. Какъ должны досадовать честные люди въ Швеціи на то, что замедлили походъ королевскаго принца, который ежели бы находился въ Германіи, хотя съ горстью войскъ, то доканалъ бы чудовище, узнавшее, наконецъ, что̀ могутъ русскіе; что̀ можетъ сила, одаренная скромностію и выведенная изъ терпѣнія дерзкимъ злодѣйствомъ. Не говорю вамъ о теперешнихъ дѣлахъ нашихъ: они идутъ отлично, но могли бы идти еще лучше, если бы Кутузовъ не принялъ за образецъ—черепаху, а Чичаговъ—флюгеръ, не останавливающійся въ одномъ направленіи; послѣдній грѣшитъ отъ избытка ума и недостатка опытности, а первый—отъ избытка осторожности и излишней боязни повредить своей репутаціи. Думаю, однако, что, при переходѣ черезъ Нѣманъ, спутниковъ у Бонапарта будетъ не много: холодъ, голодъ и казацкія пики потѣснятъ его. Между тѣмъ, покуда этотъ человѣкъ существуетъ, до тѣхъ поръ мы никогда не можемъ надѣяться на покой и потому нужна война не на животъ, а на смерть—смѣю увѣрить, что и всемилостивѣйшій государь нашъ того же мнѣнія, не смотря на презрѣнныхъ, желающихъ остановиться на Вислѣ. Но не таково желаніе народа, который, однако же, хотя и одинъ выноситъ всю тягость войны, но имѣетъ болѣе здраваго смысла и великодушія, нежели пудренныя головы въ разшитыхъ мундирахъ и увѣшенныя орденами.

Поговаривали о пріѣздѣ Меттерниха—чему я нисколько не вѣрю; извѣстно, однако же, что его величество не уклоняется отъ дружественныхъ предложеній, если таковыя ему будутъ сдѣланы, но государь не таковъ, чтобы заискивать въ людяхъ.

Старшій сынъ вашъ уѣхалъ съ прекрасными рекомендаціями въ армію безподобнаго Витгенштейна и отличится тамъ, будьте увѣрены. Младшій вашъ сынъ велъ себя какъ ангелъ; какое счастіе, что онъ не былъ со мною, который только шлифовалъ петербургскую мостовую.

Сынъ мой также отличился, но увы! его начальникъ, какъ видите, возвращается, прекративъ свою дѣятельность. Эта побранка двухъ стариковъ едва не обратилась въ погибель дѣлу государственному. Надѣюсь, что императоръ скоро отправится въ армію. Когда эти разные корпусные командиры сближаются, необходима сосредоточенная сила, чтобы страсти не разрушали единства воли и дѣйствующей власти.

Меня торопятъ окончаніемъ и приходится кончить. Смѣю, однако же, до заключенія моего письма, просить передать прилагаемое аббату Гидэню (Guidaine) и принять увѣреніе въ искренней и ненарушимой привязанности и въ глубокомъ уваженіи, съ которыми имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Армфельдъ.

P. S. На мой счетъ распространили много глупостей и лжей въ англійскихъ газетахъ; это идетъ изъ Швеціи, а у меня тамъ никого нѣтъ, чтобы опровергнуть эти гнусности.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Дни иллюминацій въ С.-Петербургѣ, въ 1812 г.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ теченіе 1812 года, Петербургъ украшенъ былъ иллюминаціей въ слѣдующіе дни:

13-го января—въ рожденіе государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны; 12-го марта—въ день вступленія на престолъ императора Александра I; 21-го апрѣля—въ праздникъ Святой Пасхи; 14-го іюля—въ день празднованія мира съ Оттоманскою Портою; 22-го іюля—въ тезоименитство государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны; 25-го іюля—въ день празднованія побѣды надъ непріятелемъ; 28-го іюля—тоже въ день празднованія побѣды надъ непріятелемъ (саксонскимъ) при Кобринѣ, одержанной генераломъ Тормасовымъ; 30-го августа—въ тезоименитство императора Александра I; 5-го сентября—въ тезоименитство государыни Елисаветы Алексѣевны; 15-го сентября—въ празднованіе коронаціи ихъ величествъ; 14-го октября—въ рожденіе государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны; 15-го октября—въ день празднованія побѣды надъ французами и взятія Полоцка генераломъ Витгенштейномъ; 16-го октября—тоже въ день празднованія побѣды надъ непріятелемъ и занятія россійскими войсками первопрестольной столицы; 13-го ноября—въ ознаменованіе побѣдъ русскихъ надъ французами подъ Краснымъ; 24-го ноября—въ тезоименитство великой княгини Екатерины Павловны и по случаю одержанія побѣды надъ непріятелемъ генераломъ Витгенштейномъ, и 12-го декабря—въ день рожденія императора Александра I. Всего 16 разъ.

Вмѣстѣ съ казенными и частными зданіями иллюминовывались зданія, состоящія въ вѣденіи приказа общественнаго призрѣнія: Обуховская и Калинкинская больницы, градскія богадѣльни и сиротскій домъ. Освѣщеніе этихъ послѣднихъ зданій состояло въ сальныхъ плошкахъ.

Въ теченіи всего года приказъ истратилъ на иллюминованіе зданій своихъ свыше 600 рублей. Передъ 1812 годомъ казна платила, какъ показываетъ отчетъ надзирателя градскихъ богадѣленъ Соколова, за сотню плошекъ съ са-

ломъ 7 рублей, за фунтъ скипидару 35 коп., за смоляной фитиль 5 копѣекъ. Въ достопамятный годъ цѣны на эти предметы возвысились, по крайней мѣрѣ для казны: сотня плошекъ, по отчетамъ Соколова, смотрителя Калинкинской больницы Михайлова и надзирателя сиротскаго дома Тарновскаго, стоила уже 10 рублей, полфунта скипидара 50 копѣекъ. Въ отчетахъ смотрителя Обуховской больницы Шенгелидзева, предметы освѣщенія выведены еще дороже. Въ началѣ 1812 года онъ иллюминовалъ зданіе больницы каждый разъ за 24 р.; потомъ цѣна на сотню плошекъ у него возвысилась до 16-ти рублей, что и продолжалось до декабря мѣсяца, когда вдругъ почему-то спала на 8 рублей.

Сообщ. **Г. И. Студенкинъ.**

Императрица Марія Ѳедоровна.

С.-Петербургъ.—10-го ноября 1813 г.

(Переводъ съ французскаго). Съ истиннымъ удовольствіемъ получила я ваше письмо отъ 29-го октября, милая г-жа Нарышкина [Марья Антоновна], и увидѣла въ немъ выраженія вашей обо мнѣ памяти и вашей ко мнѣ привязанности. Знаю, хотя вы и словесно меня увѣряете въ томъ,—чувства эти внушены вамъ сердцемъ вашимъ, знаю вашу искренность и прямодушіе, и всегда буду рада доказать это вамъ на дѣлѣ при всякомъ случаѣ. Могу сообщить вамъ добрыя вѣсти о хорошенькой вашей малюткѣ и о вашей любезной племянницѣ. Онѣ обѣ здоровы и стараются заслужить вашу нѣжность и заботливость прекраснымъ поведеніемъ и прилежаніемъ. Супругъ вашъ доставляетъ мнѣ удовольствіе говоря о васъ, потому что, по-истиннѣ, онъ всегда говоритъ о васъ съ чувствами любви, пріязни и того живѣйшаго участія, которымъ, я думаю, немногія жены могутъ похвалиться подобно вамъ; съ чувствами истинными и искренними, онъ заслуживаетъ особое право на мое глубокое уваженіе тѣмъ, что умѣетъ цѣнить васъ.

Поздравляю васъ, и вы, конечно, равномѣрно меня поздравляете съ нашими славными, чудными подвигами; съ тѣмъ, что нашего императора, а моего Александра, такъ чествуютъ, обожаютъ, цѣнятъ. Сознайтесь, милая Нарышкина, что я счастливѣйшая изъ матерей, видя, наконецъ, что труды и старанія сына моего вознаграждены и его именуютъ даже освободителемъ страждущаго человѣчества.

Вы счастливѣе насъ, имѣя возможность получать изъ первыхъ рукъ извѣстія изъ арміи, тогда какъ къ намъ курьеры привозятъ ихъ чрезъ 18 или 20 дней.

Г. Нарышкинъ говорилъ мнѣ, что вы были не такъ здоровы и это меня весьма огорчаетъ. У насъ наступила настоящая осень, мы плаваемъ въ

грязи, дороги непроходимы; мужъ вашъ мнѣ сказывалъ, что и у васъ то же самое и вы ожидаете лунныхъ ночей, чтобы отправиться въ путь. На это я поручила ему сообщить вамъ, что я прошу васъ подумать обо мнѣ, когда увидите ясную, свѣтлую луну, ибо, не смотря на то, что графиня Ливенъ отговариваетъ меня отъ моего пристрастія къ лунѣ, я чрезвычайно люблю ея свѣтъ. Эта добрая графиня шлетъ вамъ свой дружескій поклонъ, а равно и дѣвица Нелидова. Дочь моя обнимаетъ васъ. Пожалѣйте объ участи бѣдной Шевичъ; она весьма несчастлива и увѣрена, что если-бы вы были съ нами, то раздѣлили-бы ея страданія по вашему участію.

Вы мнѣ обѣщали, моя милая Нарышкина, быть моимъ коммисіонеромъ и потому попрошу васъ прислать мнѣ небольшой запасъ лентъ, по прилагаемымъ образчикамъ, и аршинъ до ста этой бѣлой тафты, разумѣется, подешевле цѣною нежели у насъ, гдѣ аршинъ продается по 4 и 4½ руб. Чтобы я не оставалась въ долгу, прошу васъ, милая г-жа Нарышкина, доставить мнѣ эти шелковыя матеріи не платя за нихъ ничего купцу, а взять вексель на г. Вилламова къ вашему банкиру, который по тому векселю уплатитъ немедленно. Къ довершенію любезности, приложите къ посылкѣ запасецъ нарцисовыхъ и тацетныхъ луковицъ, которыхъ у насъ вовсе нѣтъ; говорятъ, въ Берлинѣ ихъ бездна, а тамъ сады великолѣпные.

Прощайте, милая г-жа Нарышкина, обнимаю васъ при увѣреніи въ моей дружбѣ и неослабномъ воспоминаніи, будучи постоянно любящею васъ Маріею.

S.-Pétersbourg le 10 Nov. 1813.

(Подлинникъ). C'est avec un plaisir bien réel que j'ai reçu votre lettre du 29 Octobre, ma chère Madame de Narischkine, et que j'y vois les expressions de votre souvenir et de votre attachement pour moi.—Je sais que quoique votre bouche en prononce l'assurance, elle est donnée par votre coeur, car je vous sais loyale et franche, aussi je vous aime en conséquence et serai bien charmée de vous le prouver en toute occasion. — J'ai des bonnes nouvelles à vous donner de votre interessante petite fille et de votre aimable nièce.—Elles se portent bien toutes deux et travaillent à mériter votre tendresse et vos soins par leur sagesse et leur application. — Monsieur votre époux me fait plaisir à entendre lorsqu'il me parle de vous, car en vérité c'est avec un sentiment de tendresse et d'attachement, d'un interêt si vif, que je crois qu'il y a peu de femmes qui puissent autant se féliciter que vous des sentiments aussi réels et aussi vrais; il acquiert par là un titre de plus à ma haute considération de savoir vous aprécier comme il le fait.

Je vous félicite et vous me félicitez certainement pareillement de nos glorieux et superbes succès, et de voir notre Empereur et mon Alexandre respecté, chéri et apprecié comme Il l'est. — Avouez, chère Madame de Narischkine que je suis la plus heureuse des mères de voir enfin les peines, la sollicitude de mon fils récompensées et de l'entendre même le Libérateur de l'humantié souffrante.

Vous serez plus heureuse que nous et serez à même de recevoir des nouvelles bien fraiches de l'armée au lieu qu'il nous faut 18 ou 20 jours pour l'arrivée d'un courrier.

Monsieur de Narischkine m'a dit que vous avez été incommodée, ce qui me peine beaucoup.—Il est certain que la saison est ouverte chez nous, nous nageons dans la boue, les chemins sont impraticables; votre mari m'a dit qu'il en est de même chez vous, et que vous attendiez le clair de lune pour vous mettre en route,—je lui ai dit de vous marquer que je vous priai de penser à moi lorsque vous verriez la lune bien claire et brillante, car malgré l'opposition que la Comtesse de Lieven met à ma prédilection pour elle, j'en aime infiniment la lueur.—Cette bonne Comtesse vous fait ses tendres amitiés de même que Mademoiselle de Nelidoff. Ma fille vous embrasse.—Vous plaindrez le sort de la pauvre Tschewitsch; elle est bien malheureuse, et elle est persuadée que si vous fussiez des nôtres, vous auriez partagé ses peines par votre participation.—Vous m'avez promis, ma chère Madame de Narischkine, d'être ma commissionnaire, ainsi je vous prie de m'envoyer une petite provision de rubans, dont voici les échantillons et une centaine d'archines de ce taffetas blanc; bien entendu qu'il soit à meilleur marché que chez nous, où il est l'archine à 4 et 4½ roubles.—Pour acquitter cette dette je vous prie, chère Madame de Narischkine, de me rendre les soieries sans les payer au marchand et de tirer une lettre de change sur Monsieur de Willamoff à l'adresse de votre banquier, et elle sera acquittée à la minute.—Vous seriez des plus aimables de joindre à l'envoi une petite provision d'oignons de jonquilles, tacettes, dont nous manquons totalement; on dit qu'il y en a en abondance à Berlin et que les jardins y sont superbes.

Adieu, ma chère Madame de Narischkine, je vous embrasse et vous assure de mon amitié et constant souvenir, étant bien fermement

Votre bien affectionnée Marie.

Примѣчаніе. Письмо, мною сообщенное на страницахъ «Русской Старины» живо воскресило въ моей памяти величавый образъ императрицы Маріи Ѳедоровны, одаренной, какъ извѣстно всей Россіи, высокими душевными качествами. Вспомнилъ, между прочимъ, какъ при обозрѣніи картинъ, въ 1830 году, въ Императорской академіи художествъ, остановился я передъ аллегорической картиной «Чадолюбіе». Въ покровительницѣ дѣтей написанъ былъ портретъ императрицы Маріи Ѳедоровны и, на вопросы мои, покойный профессоръ Александръ Григорьевичъ Варнекъ отвѣчалъ такъ: «да, эта императрица была всеобщая мать дѣтей; бывало, когда она посѣщала академію, будучи еще великой княгиней, то не было возможности удержать насъ въ классахъ—всѣ бѣжали къ ней на встрѣчу, цѣловали ея руки, платье и платокъ, и она, для исполненія дѣтскихъ привѣтовъ, останавливалась на лѣстницѣ по нѣсколько минутъ и просила дѣтей, чтобы дали ей войти въ залу».

А вотъ еще и другой фактъ, чему я самъ былъ очевидецъ въ моей молодости: на Васильевскомъ островѣ, на углу Средняго проспекта и 13-й линіи (гдѣ въ то время населеніе было далеко не столь значительно) учрежденъ былъ, послѣ наводненія 1824 года, для жителей Гавани «Домъ призрѣнія бѣдныхъ» и въ немъ помѣщено было нѣсколько старухъ и старцовъ (теперь домъ этотъ существуетъ уже въ большемъ развитіи своего назначенія). Императрица Ма-

рія Ѳедоровна пріѣхала посмотрѣть, какъ они помѣщены; не прошло получаса времени, какъ улица наполнилась народомъ и не только проѣхать и пройти было нельзя; никакая полиція не могла бы удержать стремленія народа къ экипажу государыни. Народъ, даже стоявшій далеко, сажень на 70 отъ экипажа, былъ съ открытыми головами; при свѣтломъ днѣ, картина была такая, какую только можно видѣть при крестномъ ходѣ.

Императрица, вышедши изъ дома на тротуаръ, остановилась на нѣсколько минутъ и смотрѣла на народъ съ улыбкою радости, но въ то же время и сквозь слезы отъ чувства умиленія, въ виду любви и преданности къ ней народа. Она раскланивалась съ народомъ, провожавшимъ ее до набережной Невы. Сколько могу припомнить, это было въ августѣ 1828 года, а въ октябрѣ ея не стало. Картина эта такое оставила во мнѣ впечатлѣніе, что я какъ теперь на нее смотрю. Можно сказать, что императрица Марія Ѳедоровна, съ своею христіанскою любовью, жила для всѣхъ бѣдныхъ и добродѣтелямъ ея не было границъ. Отдавая все въ пользу ближняго изъ своихъ щедротъ, она въ то же время сберегала рубль и была экономна въ отношеніи себя, какъ это можно видѣть изъ случайно у меня сохранившагося въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ, письма императрицы къ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной, рожденной княжнѣ Четвертинской — (род. 1779 † 1854 г.), любимицѣ Александра Павловича, письма отъ 10-го ноября 1813 года, помѣщеннаго выше.

Сообщ. Н. Д. Быковъ.

Александръ I въ Москвѣ, 16-го августа 1816 года.

Возвращеніе императора Александра I въ Москву, по окончательномъ освобожденіи Европы, было торжествомъ незабвеннымъ для нашей первопрестольной столицы, тогда еще только возрождавшейся изъ-подъ пепла и развалинъ пожарища 1812 года. Рѣчь, произнесенная императоромъ московскому дворянству, переходившая изъ устъ въ уста, чрезъ сотни тысячъ рукъ, въ безчисленномъ множествѣ списковъ, занесена на страницы исторіи. Къ сожалѣнію, какъ наши, такъ и еще того болѣе иностранные историки, передавая эту рѣчь потомству, измѣнили ея безъискусственный складъ, придавъ словамъ государя совершенно напрасную витіеватость, которой императоръ, по свойственной ему скромности, всегда чуждался. Рѣчь свою московскому дворянству онъ произносилъ подъ вдохновеніемъ минуты; она вылилась изъ его устъ во всей простотѣ, присущей правдѣ и искренности. Рѣчь императора дословно записана однимъ изъ присутствовавшихъ, и записана для императрицы Маріи Ѳеодоровны, что̀ уже одно можетъ служить ручательствомъ въ совершенной ея точности съ тѣмъ, что было дѣйствительно сказано императоромъ. Этотъ интересный списокъ принадлежитъ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, въ Павловскѣ, и печатается съ благосклоннаго разрѣшенія Его Высочества.

Ред.

Рѣчь, произнесенная наизусть императоромъ Александромъ Павловичемъ къ московскому дворянству, 1816 года августа 16-го, по случаю перваго прибытія его императорскаго величества въ первопрестольную столицу Россійскую послѣ нашествія непріятельскаго.

Радуюсь, господа, что мы опять въ Москвѣ свидѣлись.... послѣ тяжкихъ временъ и великихъ трудовъ нашихъ.... Мнѣ пріятно теперь изъявить мое сердечное чувство, какъ московскому, такъ и вообще всему россійскому дворянству, которое оказало столь много храбрости и характера.... Конечно, мы прославились предъ всѣми народами.... Съ Россіею вмѣстѣ мы спасли и Европу.... Впрочемъ, мы не должны этого присвоивать себѣ. Все совершилось отъ Бога. Одинъ Богъ силенъ былъ сдѣлать, что мы превзошли всѣхъ славою. Нашему примѣру послѣдовала Европа, но не могла сравниться съ тѣмъ духомъ и съ тою твердостію, которую я видѣлъ въ васъ. Воздаю вамъ за все то моею признательностію. Однакожъ, должно замѣтить для васъ, что мы не можемъ утвердиться на семъ возвышеніи безъ исполненія закона Божія. Мы имѣемъ его приказанія намъ въ новомъ завѣтѣ. Я много обозрѣлъ государствъ и разныхъ народовъ—и самъ очевидный вамъ свидѣтель, что́ такое народъ исполненный вѣры и каковъ тотъ, который безъ закона. Вы знаете какія.... тамъ.... слѣдствія отъ того произошли. Я увѣренъ, что и вы такъ же объ этомъ думаете. Пріятно мнѣ еще повторить дворянству чувствительную мою признательность... Господь да продолжитъ на многія лѣта благоденствіе ввѣреннаго мнѣ россійскаго народа.

«Писана на память имѣвшимъ счастіе слышать изустно сіи изреченія, А. Малиновскимъ».

Примѣчаніе. На конвертѣ, въ которомъ лежитъ рѣчь,—зачеркнутая помѣта: «при г-нѣ Рюлѣ, Новосильцовѣ, Вилламовѣ». Точки—въ текстѣ подлинника.

Что долженъ давать государству университетъ?

(Изъ бумагъ временъ Александра I).

Каждый государственный членъ долженъ желать и имѣть право требовать отъ университета (яко мѣста, коему свѣтъ разума долженъ быть обильнѣе и правильнѣе открытъ нежели всякому другому) нижеслѣдующаго:

Вся ученость должна истекать изъ сего мѣста.

Для чего?

Чтобы мысленность подданныхъ направлять къ истинѣ, въ которыхъ государя и подданныхъ польза и покой.

Всѣ науки должны:

1-е. Занимать учащихся охотою быть умными и добрыми.

2-е. Доказывать: что есть ложное? и что есть истинное? Истину доказывать не гипотезами, а ясностью; а ложное, родившееся изъ невѣжества, должно опровергать математически и физически и дабы истина яснѣе являлась разуму ученика, то первое стараніе прилагать о чистотѣ нравовъ и жизни, что въ юношествѣ, когда еще пороки не закоренились, весьма возможнѣе нежели въ лѣтахъ взрослыхъ, когда пороки уже укрѣпились, и потому въ училищахъ государства должно разумы отводить отъ недоумѣнія, отъ суевѣрія, отъ мыслей нрава заблуждающаго или, такъ называемаго, вольно-(дерзко=своеобычно=невѣжественно) думства, и обращать науками къ узрѣнію во всемъ въ природѣ порядка и отъ чего произошелъ безпорядокъ.

Науки должны занимать разумъ и сердце.

Науки должны освобождать отъ заблужденій; науки должны содѣлывать юношество моральными людьми.

Науки должны содѣлывать человѣковъ свободными, то есть освобождать отъ плѣну страстей.

Науки должны показать, какъ каждой индивидъ черпаетъ изъ всеобщаго океана разума и жизни, и пособляетъ подобному себѣ легче и удобнѣе сіе почерпаніе дѣлать.

Науки должны физически и математически убѣдить человѣка о вездѣсущіи невидимаго! коимъ всѣ живутъ, разумѣютъ и художествуютъ (?).

Отъ недостатку въ наукахъ произошли и попущены бичи міра; отъ суевѣрія, какъ-то невѣдѣнія истиннаго служенія вездѣсущему существу, которое почитается благими нравами, услуживается благодарностію къ нему и любовію къ ближнему. Отъ недостатку въ истинномъ ученіи произошли насильственныя, суевѣрныя и нимало съ благою волею Творца несообразныя принужденія, гоненія и злоба ложныхъ и своекорыстныхъ проповѣдателей истины, до того, что уже выродились вмѣсто силы слова и чудесъ войны кровавыя, за мнимую вѣру и подъ видомъ христіаннѣйшихъ способовъ, парижская утреня и сицилійская вечерня и прочія средства тиранства и суевѣрія въ дѣлѣ свободной воли, подъ видомъ приношенія службы Богу.

Таковые бичи произошли и попущены отъ развращенія человѣческаго разума, который дѣлается правымъ, ясно видящимъ отъ чего? отъ наукъ, кои начало имѣютъ и заканчиваются въ истинѣ.

Если науки ея не доказываютъ, сего не дѣлаютъ яснымъ, то зачѣмъ столько трудовъ и иждивенія? чтобъ разсужденіе человѣка по-

грузить въ вящшее недоумѣніе, сдѣлать его безнадежнымъ и отчаяннымъ.

Въ наукахъ должна быть ясность: что есть видимое? и что невидимое? чѣмъ что живетъ? и откуда что произошло? и куда что втекаетъ? сохраняя-ли свою индивидуальность или погубляя ее? Словомъ, мѣра должна довести до того, что выходитъ уже изъ мѣры и гдѣ всѣ мѣры теряются или скрываются.

Музыка должна довести до всеобщей гармоніи и до того, изъ чего и гармонія произошла; она должна имѣть въ себѣ доказательства, что она есть токмо различность одного тона.

Физика должна показать: что суть вещи? откуда онѣ? какъ онѣ выродились? во что перемѣняются и каковы послѣ будутъ? Словомъ, физика должна довести и сдѣлать явною метафизику.

Логика должна довести и выяснить что̀ есть слово; а мораль, направленная науками, должна показать, что̀ есть оригинальное слово.

Въ заключеніе сказать: нравы въ государствѣ—начало и душа, а науки свѣтъ, а плодъ—въ постоянномъ возвышеніи ихъ; то государство укрѣплялось, гдѣ нравы были чище, науки яснѣе, а потому и богослуженіе любовнѣе и покойнѣе (Рук. Импер. Публ. библ., сборн. № 146, стр. 501).

Сообщ. В. С. Иконниковъ.

Александръ I въ Венгріи.

1821.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ IV, стр. 92 — 95, напечатана сообщенная протоіереемъ К. Кустодіевымъ статья «Императоръ Александръ Павловичъ въ Угорской Руси». Нижеслѣдующая замѣтка, также сообщенная, въ 1871 г., нынѣ покойнымъ о. Кустодіевымъ, служитъ дополненіемъ вышеупомянутой.

Ред.

Село Лодомирово—на сѣверѣ Венгріи, на большой дорогѣ чрезъ Карпаты въ Дуклу. Въ протокольной книгѣ с. Лодомирова находится слѣдующая современная запись: „21-го мая (нов. ст.) 1821 Е. В. императоръ русскій Александръ Павловичъ, при возвратѣ изъ Люблянъ въ Петербургъ чрезъ Венгрію, въ селѣ Лодомировѣ противъ церкви остановился со своею блестящею свитою; и такъ какъ здѣсь перемѣнялись лошади, мы имѣли счастіе, въ продолженіе полчетверти часа, его величеству, сидящему въ каретѣ, видѣть и воздать почтеніе. Онъ усердно всматривался въ церковь въ лорнетъ, но вѣтви липы мѣшали

ему. Тогда онъ спросилъ меня: „То церковь унитовъ?“ etcaet. Качества лица его величества и его внѣшняго вида приводили въ удивленіе и указывали на свойства, достойныя духа величества. Четверо верховыхъ, сопроводавшимъ его, (получили) на водку titulo bibalis по дукату золотомъ каждый“. Запись эта сдѣлана тогдашнимъ священникомъ села Лодомирова Георгіемъ Михаличемъ.

Причины наводненія въ С.-Петербургѣ

1824 г.

[Письмо Ѳ. Ѳ. Шуберта.]

Подлинникъ этого письма, на нѣмецкомъ языкѣ, хранится въ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича въ г. Павловскѣ. Документъ печатается съ благосклоннаго разрѣшенія Августѣйшаго Владѣльца Павловска.

[Переводъ]. Проникнутый благодарностью, тронутый и пристыженный незаслуженною милостью, съ какою ея величество государыня императрица [Марія Ѳедоровна] изволила вспомнить обо мнѣ, я не имѣю болѣе пламеннаго желанія какъ просить в. п-ство (?) благосклонно передать великодушной монархинѣ мои чувства искренней благодарности и глубочайшаго высокопочитанія.

Ваше превосходительство выразили желаніе, чтобы я письменно изложилъ то, что имѣлъ честь вамъ доложить на вашъ вопросъ касательно наводненія. Весь Васильевскій Островъ благословляетъ имя лица, которому я теперь пишу, и каждый считаетъ себя осчастливленнымъ его порученіями. И такъ, я спѣшу съ истиннымъ удовольствіемъ исполнить приказаніе вашего превосходительства, хотя я и не могу сообщить много свѣдѣній, да и тѣ, можетъ быть, подвергнутся порицанію.

Намъ не только задолго впередъ извѣстно, что происходитъ на небѣ, мы даже можемъ съ математическою точностью опредѣлить физическую причину, которая производитъ всякое движеніе, или его останавливаетъ. Напротивъ того, то, что происходитъ гораздо ближе къ намъ, въ атмосферѣ и во внутренности земли, намъ очень мало извѣстно. Природа какъ будто не допускаетъ слишкомъ точныхъ наблюденій надъ собою и скрываетъ отъ насъ частности своей мастерской, или, скорѣе всего, мы до того дальнозорки, что не можемъ ясно видѣть происходящаго вблизи надъ нашей головой или подъ нашими ногами. Мы не знаемъ „откуда приходитъ и куда направляется вѣтеръ“, т. е. намъ неизвѣстна ни точка, откуда онъ начинается и гдѣ онъ перестаетъ, ни причина того и другаго. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій мы ведемъ споры о силѣ, колеблющей землю подъ

нашими ногами, и объ аэролитахъ, падающихъ намъ на голову, и безуспѣшны до сихъ поръ были всѣ наши изслѣдованія о томъ, окружены-ли полюсы твердой землею, вѣчнымъ льдомъ или открытымъ моремъ, хотя намъ и извѣстна всякая гора на лунѣ и мы распознаемъ образованіе и таяніе льда у полюсовъ Марса. Физика земнаго шара осталась далеко позади этой высшей физики, которая принадлежитъ къ области астрономіи, и успѣхи были сдѣланы только въ томъ ея отдѣлѣ, который основывается на астрономіи и математикѣ, какъ, напримѣръ, теорія радуги, приливовъ и отливовъ и т. д. При наступленіи извѣстнаго періода, какъ, напримѣръ, при приливѣ, повторяющемся ежедневно два раза, открывается обширное поле для вычисленій математиковъ и на этой почвѣ они стоятъ твердо. Но неправильныя перемѣны погоды, не подчиняющейся, по видимому, законамъ опредѣленныхъ сроковъ, не дозволяютъ математикѣ стѣснить ихъ своими оковами, и это убѣждаетъ меня, что небесныя тѣла, отдаленныя на огромное пустое пространство отъ нашей атмосферы, не имѣютъ на ея состояніе никакого вліянія и что перемѣна нашей погоды не имѣетъ ничего общаго съ астрономіей.

Такъ какъ луна, безъ сомнѣнія, къ намъ ближе всѣхъ остальныхъ небесныхъ тѣлъ, то послѣ того, какъ астрологи перестали справляться съ положеніемъ планетъ для того, чтобы разъяснить происходящее на землѣ, мы думали сдѣлать исключеніе для луны и даже математики рѣшили: „если луна ежедневно два раза поднимаетъ воду въ океанѣ, то какъ же ей не произвести того-же дѣйствія въ болѣе легкомъ воздушномъ пространствѣ?“ Но на это, по видимому, правдоподобное предположеніе, по моему мнѣнію, легко отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Приливъ и отливъ распространяются только на нѣсколько футовъ подъ поверхностью воды, но на днѣ морскомъ ни тотъ ни другой не ощутительны и если бы тамъ были обитатели, то они не имѣли бы понятія ни о приливѣ, ни объ отливѣ. Точно также дѣйствіе луны можетъ касаться только поверхности нашей атмосферы, простирающейся, можетъ быть, верстъ на сто надъ нами. Она тамъ, можетъ быть, и поднимается и опускается ежедневно по два раза на нѣсколько футовъ, но мы, живущіе на днѣ этого воздушнаго океана, ничего въ этомъ отношеніи не замѣтимъ, и перемѣны въ нашей погодѣ, происходящія здѣсь внизу, нисколько не будутъ зависѣть отъ луны. О другихъ планетахъ не можетъ быть и рѣчи, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной отдаленности. Но, однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что приливъ и отливъ, а слѣдственно косвеннымъ путемъ и луна, могутъ имѣть вліяніе на наводненія, о которыхъ здѣсь собственно и идетъ рѣчь.

Наводненія, опустошавшія нынѣшнею осенью [1824 г.] часть Германіи и Франціи, происходятъ не отъ тѣхъ причинъ, какъ наши. Рейнъ, Мозель, Рона, стекающіе со Швейцарскихъ горъ, обыкновенно весною выступаютъ изъ своихъ береговъ, когда таютъ снѣга на этихъ горахъ; осенью вода въ нихъ незначительно прибываетъ отъ частыхъ дождей; въ этотъ же разъ и та и другая причина оказали свое дѣйствіе. Осень была обильнѣе чѣмъ когда-либо грозами и проливными дождями; морозъ въ сентябрѣ покрылъ необыкновенно рано Альпы снѣгомъ, который, растаявши въ концѣ октября подъ вліяніемъ оттепели, стекалъ съ горъ, такъ что въ этотъ разъ осень и весна оказывали свое дѣйствіе въ одно и то же время. Къ этому присоединились еще землетрясенія, которыя выгнали рѣки изъ береговъ и образовали новые источники.

Такъ какъ Нева не стекаетъ съ горъ, но спокойно выходитъ изъ Ладожскаго озера, то наводненіе здѣсь можетъ быть только слѣдствіемъ засоренія устья или отъ западныхъ бурныхъ вѣтровъ: это послѣднее и было причиною наводненія 7-го ноября. При наводненіи все зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ направленія, силы и продолжительности вѣтровъ. Не могу предположить, чтобы приливъ воды въ Финскомъ заливѣ или въ Балтійскомъ морѣ былъ въ состояніи одинъ произвести такое дѣйствіе, какъ оказалось 7-го ноября. Нужно искать причины болѣе отдаленной, въ Сѣверномъ морѣ или Атлантическомъ океанѣ. Тамъ должны были нѣсколько дней свирѣпствовать бури съ западнымъ вѣтромъ, которыя гнали воды Сѣвернаго моря чрезъ Скагерракъ. Дѣйствіе ихъ должно еще увеличиться, когда сѣверный вѣтеръ въ Каттегатѣ прогоняетъ воды чрезъ Зундъ и Бельты въ Балтійское море. Здѣсь же, чтобы произвести наибольшее дѣйствіе, должны свирѣпствовать южныя или юго-западныя бури; иначе наводненіе коснулось бы только береговъ Пруссіи и Курляндіи. Наконецъ, для того, чтобы наводненіе дошло до С.-Петербурга, необходимо, чтобы въ самомъ Финскомъ заливѣ были бури съ запада. Что дѣйствительно въ Атлантическомъ океанѣ и Сѣверномъ морѣ передъ 7-мъ ноябремъ свирѣпствовали бури, доказываютъ намъ кораблекрушенія у береговъ Великобританіи, Германіи и Скандинавіи, и на это, вѣроятно, луна имѣла, хотя косвенное и незначительное, вліяніе.

Извѣстно, что приливы и отливы обусловливаются притягательною силою солнца и луны, особенно послѣдней. Слѣдовательно, эта сила увеличивается: 1) когда солнце и луна дѣйствуютъ взаимно, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать другъ другу; 2) когда сила каждаго изъ этихъ небесныхъ тѣлъ, въ особенности луны, сама по

себѣ значительна. Первое бываетъ, когда солнце и луна идутъ по одному направленію или стоятъ одинъ противъ другаго, что случается при новолуніи или полнолуніи. Второе же бываетъ, когда солнце, въ началѣ весны или осени, проходитъ чрезъ экваторъ, въ особенности же при наибольшей близости луны къ землѣ, потому что ея притягательная сила увеличивается въ вдвое большей мѣрѣ соразмѣрно отдаленію ея отъ земли. Такъ какъ всякое физическое дѣйствіе требуетъ времени для своего проявленія, то вслѣдствіе того сильнѣйшій приливъ бываетъ три или четыре дня по новолуніи или полнолуніи осенью, что почти совпадаетъ съ временемъ наибольшаго приближенія луны къ землѣ. 7-й ноябрь случился наканунѣ новолунія и четыре дня спустя послѣ наибольшаго приближенія къ землѣ луны—и дѣйствіе луны было, поэтому, неощутительно.

Совпаденіе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ бываетъ такъ рѣдко, что, по всей вѣроятности, пройдутъ многіе годы, можетъ быть, даже полстолѣтія, прежде чѣмъ Провидѣніе дозволитъ совершиться подобному несчастію. Все это время, вѣроятно, употребится съ пользою разумнымъ правительствомъ и будутъ приняты всѣ мѣры къ уменьшенію вреда отъ будущихъ наводненій. Хотя никакія человѣческія усилія не могутъ измѣнить направленіе или силу бурь, но существуютъ мѣстныя обстоятельства, увеличивающія зло, отстранить которыя и было бы весьма полезно. Сюда принадлежатъ мелководія, мели и наносы, находящіеся какъ въ Невѣ, такъ и въ ея каналахъ, и, не будучи уничтожены заблаговременно, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ. Эти засоренія не только все болѣе и болѣе затрудняютъ плаваніе между Петербургомъ и Кронштадтомъ, но и увеличиваютъ всякое наводненіе, не только потому, что они дѣлаютъ болѣе узкимъ русло Невы, но и потому еще, что они уменьшаютъ силу ея теченія; это, по моему мнѣнію, объясняется слѣдующимъ образомъ.

Еслибы Нева не изливалась въ море, то бури съ запада въ Финскомъ заливѣ произвели бы только движеніе воды къ востоку, не поднимая уровня воды, какъ это и бываетъ въ океанѣ при буряхъ, продолжающихся нѣсколько дней и по одному направленію. Тутъ всегда бываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, связь съ теченіемъ по противоположному направленію, вслѣдствіе чего вода снова уходитъ. Поэтому всякое препятствіе, затрудняющее это теченіе, измѣняетъ дѣло: у береговъ и подводныхъ камней образуется прибой волнъ и т. д. Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій служитъ рѣка, изливающаяся въ море по направленію, противоположному натиску воды. Слѣдствіемъ этого бываетъ, конечно, борьба двухъ враждебныхъ силъ, и вода, будучи тѣснима съ противоположныхъ сторонъ, такъ

сказать, сдавляется въ срединѣ и образуетъ возвышенность, съ вершины которой она, вслѣдствіе своей тяжести, стекаетъ во всѣ стороны. Этотъ высшій пунктъ находится теперь между Петербургомъ и Кронштадтомъ и, можетъ быть, достигалъ 7-го ноября высоты болѣе 20-ти футовъ, но онъ, конечно, не остается постоянно на одномъ мѣстѣ. При ослабленіи, отъ какой бы то ни было причины, одной изъ борющихся силъ, другая въ той же мѣрѣ увеличивается и, пріобрѣтая перевѣсъ, отодвигаетъ высшую точку воды, отъ которой и бываетъ наводненіе, къ болѣе слабой сторонѣ; къ сей послѣдней поэтому и образуется наибольшій стокъ воды. Это очевидно примѣняется къ отмелямъ Невы, которыя не только затрудняютъ, слѣдовательно и ослабляютъ теченіе рѣки, но и содѣйствуютъ наводненію, препятствуя стоку воды на извѣстную глубину, о чемъ выше сего было изложено. Этимъ самымъ, высшая точка воды, которую можно назвать средоточіемъ наводненія, подвигается все болѣе и болѣе къ Петербургу; поднимаясь на водяную гору, мы тѣмъ самымъ погружаемся болѣе въ глубину и находимся при этомъ въ положеніи, далеко не въ томъ, въ которомъ былъ Магометъ: не мы подвигаемся къ горѣ, а гора приближается къ намъ. Лучшимъ средствомъ противъ этого зла, которое подобно раку, незамѣтно все болѣе и болѣе проявляющему свою разрушительную силу, служатъ: постепенное возвышеніе береговъ Невы и низменныхъ частей города, происходящее само собою отъ построекъ и дѣйствія растительности; устройство новыхъ каналовъ, особенно же очистка Невы, которая оказала бы самое благодѣтельное вліяніе на судоходство и торговлю. При этомъ рождается другой вопросъ: почему Нева, съ того злополучнаго дня, почти ежедневно, даже при умѣренномъ вѣтрѣ, прибываетъ фута на четыре? Причиною этому служитъ частью то, что съ 7-го ноября господствовали сильные западные вѣтры съ столь малымъ исключеніемъ, что вѣтеръ одного дня былъ какъ бы продолженіемъ вѣтра предъидущаго дня, и Нева едва находитъ время понизиться до своего нормальнаго уровня. Еще есть, можетъ быть, и другая причина, о которой мы здѣсь почти ничего не знаемъ, а именно: можетъ быть, на моряхъ Балтійскомъ и Сѣверномъ все еще продолжаются бури съ запада, чему естественнымъ послѣдствіемъ является то, что вода, скопившись въ закрытомъ водоемѣ Балтійскаго моря, не могла еще излиться обратно черезъ Зундъ и поэтому прибываетъ въ Неву при каждомъ западномъ вѣтрѣ.

Пользуюсь этимъ случаемъ увѣрить ваше пр—ство, и проч. Θ. Θ. Шубертъ.

С.-Петербургъ,
17-го декабря 1824 г.

Примѣчаніе. Авторъ записки о наводненіи 7-го ноября 1824 года — Ѳедоръ Шубертъ, д. с. с., членъ академій наукъ въ С.-Петербургѣ, Стокгольмѣ, Копенгагенѣ, Упсалѣ и Бостонѣ, членъ общества естествоиспытателей въ Москвѣ и фармацевтическаго и экономическаго обществъ въ С.-Петербургѣ, род. 30-го октября 1758 года, въ Гельмштедтѣ, гдѣ отецъ его, Іоганъ-Христіанъ Шубертъ, былъ въ то время пасторомъ, но въ 1764 году переведенъ въ городъ Грейфсвальде. Здѣсь покойный Шубертъ, младшій изъ девяти сыновей Христіана Шуберта, началъ курсъ ученія въ 1767 году, а въ 1774 году поступилъ въ тамошній университетъ, откуда, въ 1776 году, онъ перешелъ въ Геттингенскій и вышелъ изъ него въ 1779 году. Въ продолженіе всего этого времени онъ занимался преимущественно изученіемъ богословія и восточныхъ языковъ, такъ какъ имѣлъ намѣреніе посвятить себя духовному званію. Въ 1779 году Шубертъ совершилъ путешествіе въ Швецію. Съ 1783 года Шубертъ предался занятію математическими науками, которымъ посвятилъ всю остальную жизнь. Въ томъ же 1783 году онъ проѣхалъ чрезъ Любекъ въ Ревель. Въ 1785 году ему предложили занять мѣсто географа при Императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ. Предложеніе это онъ принялъ и въ 1788 году былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ математическихъ наукъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года избранъ членомъ конференціи академіи, коимъ и состоялъ въ продолженіе 39-ти лѣтъ. Въ 1787 году Шубертъ женился на дѣвицѣ Луизѣ-Фридерикѣ фонъ-Кронгельмъ († 1819 г.). Въ 1789 году получилъ званіе академика. Въ 1791 году началъ писать теоретическую астрономію, упрочившую за нимъ славу ученаго. Въ 1803 году Шубертъ началъ читать лекціи астрономіи офицерамъ генеральнаго штаба; по этому случаю имъ было составлено «Руководство къ географическому опредѣленію мѣстности», вышедшее въ короткое время третьимъ изданіемъ на нѣмецкомъ языкѣ и вторымъ на русскомъ. Въ 1805 году Шубертъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ отправился при посольствѣ въ Китай, но по разнымъ обстоятельствамъ доѣхалъ только до Иркутска и 24-го декабря возвратился въ Петербургъ. Въ 1813 году онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ адмиралтейскаго департамента (Admiralitäts-Departament). Въ 1819 г. онъ окончательно передѣлалъ свое обширное сочиненіе по теоретической астрономіи, написанное на французскомъ языкѣ, и приступилъ къ изданію его. Въ 1820 году его дочь, Лангедорфъ (жена генеральнаго консула въ Бразиліи), возвратилась въ Петербургъ. Съ ея пріѣздомъ и съ женитьбою сына на дѣвушкѣ, которую старикъ горячо полюбилъ, домъ его, совершенно опустѣвшій по смерти жены, снова оживился. Въ этомъ семейномъ кружкѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, совершенно удалившись отъ общества и ограничивъ кругъ своего знакомства нѣсколькими, искренно имъ любимыми личностями. Большую часть времени, до самой своей кончины, онъ проводилъ въ ученыхъ трудахъ.

Этими трудами Ѳедоръ Шубертъ пріобрѣлъ прочную извѣстность, именно многочисленными статьями, разсѣянными въ Запискахъ академіи и Запискахъ, которыя издав. адмиралтейскимъ департаментомъ, а равно и во многихъ другихъ, преимущественно иностранныхъ, журналахъ, но главнымъ образомъ онъ прославился своей теоретической астрономіей, которую передѣлалъ въ послѣдніе годы своей жизни и издалъ вторично на французскомъ языкѣ. Особенную извѣстность доставили ему изданіе популярной астрономіи, с.-петербургскаго календаря (съ 1788 г.) и разныя мелкія статьи, которыя долго еще будутъ

служить образцомъ прекраснаго нѣмецкаго слога и необыкновенной ясности и точности, съ какими онъ излагалъ самые отвлеченные и запутанные предметы.

Единственный сынъ его, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Шубертъ, скончался въ Штудгартѣ 3-го ноября 1865 года, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, члена военнаго совѣта и почетнаго члена академіи наукъ. Сынъ его, внукъ астронома, Ѳедоръ Ѳедоровичъ—скончался въ іюлѣ нынѣшняго 1877 года, въ чинѣ д. с. с., въ бытность свою при главной квартирѣ Его Императорскаго Величества въ Болгаріи; погребенъ въ С.-Петербургѣ, 8-го сентября 1877 года, на Смоленскомъ кладбищѣ.

[Примѣчаніе, къ письму Шуберта заимствовано изъ записки, сообщенной Е. Ѳ. Корвинъ-Круковской, рожденной Шубертъ].

Письмо императрицы Елисаветы Алексѣевны къ княгинѣ С. А. Мадатовой.

С.-Петербургъ.—2-го января 1825 г.

(Переводъ съ французскаго). Любезная княгиня, я поблагодарила бы васъ уже давно за интересное письмо ваше, еслибъ здоровье мое не было такъ худо, что я въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль лишена была возможности чѣмъ либо заняться. Княгиня Волконская въ письмахъ своихъ къ вамъ, вѣроятно, уже описала вамъ мою болѣзнь, поэтому и лишне, и скучно распространяться о ней. Княгиня передала мнѣ ваши поздравленія съ новымъ годомъ и съ предстоящимъ днемъ рожденія моего,—благодарю васъ отъ всего сердца за всѣ добрыя пожеланія мнѣ, и съ своей стороны желаю вамъ благополучія какъ на этотъ годъ, такъ и на всю жизнь вашу. Я надѣюсь, что вы имъ уже теперь пользуетесь, судя по тому, что вы писали о себѣ княгинѣ Волконской. А всѣ тѣ подробности, которыя содержитъ ваше письмо ко мнѣ, такъ меня заинтересовали, что я пожелала—вы мнѣ простите—имѣть копію съ него, которую и пошлю къ матушкѣ. Она очень интересовалась знать, какъ вы поживаете въ Грузіи. Вы такъ хорошо описываете этотъ прелестный край и роскошный климатъ, что возбудили во мнѣ еще сильнѣйшее желаніе познакомиться съ этой страной. Но еще любопытнѣе для меня услышать, что вы скажете о Карабахѣ и Чинахчи, и какъ вы тамъ водворились въ качествѣ высокой и могущественной владѣтельницы?

Премного благодарна за присланныя красивыя матеріи и за гранатовые яблоки. Послѣднихъ я, по болѣзни, не могла отвѣдать, за то я раздарила ихъ; между прочимъ, великая княгиня Елена Павловна, которая никогда ихъ не видала, нашла, что они очень вкусны.

Вы, вѣроятно, прочли не одно описаніе бѣдствія, постигшаго насъ 7-го ноября. Я не стану объ немъ говорить: вы поймете сами все, что̀ мы перечувствовали. Вмѣсто этого печальнаго зрѣлища, я бы желала представить себѣ картину вашего быта въ Тифлисѣ; отчего я не имѣю волшебнаго зеркала, въ которомъ передъ моими глазами отражались-бы и вы, и все васъ окружающее, такъ чтобы я могла раздѣлять съ вами минуты радости и счастья вашего! Но я боюсь, какъ бы вы не потерпѣли отъ зимы, сколько извѣстно, иногда жестокой въ Грузіи, гдѣ противъ стужи не взяты предосторожности въ родѣ здѣшнихъ.

Прошу васъ передать супругу вашему мой поклонъ (если это дозволено восточнымъ обычаемъ), и вѣрьте искренности чувствъ, которыя питаетъ къ вамъ, любезная княгиня, Елисавета.

Государь поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ.

Какимъ образомъ обращаться съ медицинскими чинами.

1798 г.

Ниже приводимый документъ относится къ тому времени, когда Александръ Павловичъ былъ еще великимъ княземъ; оттѣняя его мягкій характеръ и человѣчные взгляды на взаимныя отношенія служащихъ, документъ этотъ рисуетъ время, когда возможны были явленія—подобныя ниже объясненнымъ.

Ред.

Господину отъ артиллеріи генералъ-лейтенанту, главному всей артиллеріи инспектору Челищеву. Государственная медицинская коллегія доноситъ мнѣ, что нѣкоторые изъ господъ шефовъ и полковыхъ командировъ съ опредѣленными въ полки, ихъ начальству всемилостивѣйше препорученные, медицинскими чинами обходятся съ крайней суровостью и въ наказаніяхъ поступаютъ съ такой жестокостью, что подлекарей бьютъ палками, такъ что опасаться должно, что распространяющійся о семъ слухъ, устрашая молодыхъ людей, обучающихся въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ, можетъ отвратить ихъ отъ вступленія во врачебныя училища, изъ конхъ всѣ мѣста врачами, а равномѣрно и воинскими медицинскими чинами, снабжаются; а какъ въ жестокости таковой отнюдь никакой надобности не предвидится, а весьма можно сихъ молодыхъ людей какъ въ предѣлахъ порядочнаго поведенія удержать, такъ и къ прямому исполненію должности понудить другими легчайшими и состоянію приличными способами, какъ-то пристойными, но чувствительными выговорами и увѣщеваніями, а ежели бы тѣ не подѣйствовали—то задержаніемъ на нѣсколько дней безъ выпуска въ госпиталяхъ и

лазаретахъ съ показаніемъ сихъ штрафовъ въ формулярныхъ ихъ о службѣ описаніяхъ; въ случаѣ когда и потомъ не исправятся, то увѣдомленіемъ о ихъ поступкахъ и что никакія увѣщеванія ихъ не исправляютъ—медицинскую коллегію или врачебныя управленія, которыя, конечно, не упустятъ съ такими нерадивыми о должностяхъ своихъ и поведенія своего не исправляющими поступить по закону и полки и госпитали снабдевать порядочяыми и къ должности своей прилежными людьми,—то и за нужное я почелъ генералъ-лейтенанту дать знать, чтобы вы предписали всѣмъ господамъ шефамъ баталіоновъ и баталіоннымъ командирамъ, чтобы они съ медицинскими чинами поступали благопристойно и по исправленію прилагали бы способы вышеуказанные.

На подлинникѣ собственноручно подписано: «Александръ. Августа 24-го дня 1798 г.».

Приказъ инспектора Челищева.

Съ послѣдовавшаго ко мнѣ августа въ 24-й день высочайшаго Е. И. В. наслѣдника всероссійскаго повелѣнія о предписаніи всѣмъ шефамъ и баталіоннымъ командирамъ артиллерійскихъ баталіоновъ каким образомъ обращаться съ медицинскими чинами, во ввѣренныхъ имъ баталіонахъ служащими, во всѣ состоящіе здѣсь артиллерійскіе баталіоны и команды для надлежащаго исполненія списать копіи.

Сообщ. И. Н. Ермаковъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1877 году.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

При ежегодныхъ обозрѣніяхъ «Русской Старины», группируя напечатанныя на страницахъ этого изданія статьи по отдѣламъ и царствованіямъ, мы, между прочимъ, выясняемъ тѣ задачи, которыя предвзяты нами съ перваго же года нашего историческаго журнала. Какъ памятникъ для сохраненія фактовъ и бытовыхъ чертъ былыхъ временъ, «Русская Старина» вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ виду ихъ сопоставленіе съ событіями современными. Эта послѣдняя задача, въ истекшемъ 1877 году, побудила насъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ отдѣлахъ изданія, увеличивъ одни въ ущербъ другимъ.

Въ 1877 году все вниманіе, всѣ помыслы русскаго общества были устремлены на событія военныя, и великая эпоха борьбы Россіи съ турецкимъ варварствомъ за освобожденіе христіанъ совпала съ годомъ столѣтія рожденія императора Александра I— освободителя Европы отъ ига Наполеона. Причины эти на столько уважительны, что единственнаго на нихъ указанія достаточно для оправданія нашего въ томъ, что въ этомъ году статьи содержанія военнаго и относящіяся къ царствованію Александра I— обиліемъ превзошли статьи инаго содержанія. Въ виду войны съ Турціею, нами были напечатаны: Турецкая неволя (П. А. Кулиша), Русскія посольства въ Турцію въ XVII столѣтіи (И. Е. Забѣлина), Разсказы о войнѣ 1853—1855 годовъ (А. А. Панаева), Воспоминанія доктора А. А. Генрици, Записки о Шамилѣ П. Г. Пржецлавскаго; драгоцѣнное собраніе предначертаній и писемъ императора Николая Павловича, по поводу восточной войны 1853—1855 гг.: князю Варшавскому и князю М. Д. Горчакову; Штурмъ, блокада и взятіе Карса въ 1855 г.

(И. И. Ореуса). Враждебныя отношенія къ Россіи — Англіи и Венгріи вызвали насъ на напечатаніе статей: Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг. (С. М. Соловьева) и Война Россіи съ Венгріей въ 1849 г. (барона Л. П. Николаи).

Памяти столѣтія дня рожденія Александра I-го посвящены: обширное историко-критическое изслѣдованіе А. Н. Попова: Отечественная война 1812 года и весь составъ декабрьской книги «Русской Старины» изд. 1877 г.

Послѣ этого перечня статей, относящихся исключительно къ событіямъ политическимъ и военнымъ, понятно, почему въ истекшемъ году мы были принуждены сжать рамки отдѣловъ литературнаго и художественнаго, отлагая множество болѣе или менѣе любопытныхъ статей, Воспоминаній, Записокъ и драгоцѣнныхъ матеріаловъ до будущаго года.

I.

Въ отдѣлѣ Воспоминаній и Записокъ въ «Русской Старинѣ» 1877 г. напечатаны:

Разсказы графини Шуазель-Гуфье объ императорѣ Александрѣ I. Въ этихъ разсказахъ, подъ легкимъ перомъ женщины восторженной, очарованной, личность Государя какъ человѣка воспроизведена во всѣхъ подробностяхъ—отъ внѣшности, пріемовъ, склада рѣчи, до его политическихъ воззрѣній и убѣжденій религіозныхъ. Словомъ, въ разсказахъ графини Шуазель-Гуфье видимъ живой и довольно схожій портретъ Александра I въ самую цвѣтущую пору его жизни, въ апогеѣ его могущества и славы. Обширныя Записки Д. К. Тарасова (напечатанныя въ IV, V и VI томахъ «Русской Старины») могутъ служить какъ бы дополненіемъ къ разсказамъ Шуазель-Гуфье, такъ какъ и въ нихъ видимъ въ императорѣ—человѣка, именно въ послѣдніе годы жизни, въ его частномъ быту, внѣ круга его государственной дѣятельности. Но, на сколько Записки Д. К. Тарасова изложены, такъ сказать, прозаически, съ нѣкоторою сухостью колорита, на столько разсказы графини Шуазель-Гуфье обилуютъ проблесками поэзіи, при нѣжности и мягкости изложенія; портретъ—нѣсколько польщенный, но нѣжность колорита не вредитъ сходству.

Записки П. А. Каратыгина (1794—1816)—воспоминанія ветерана нашей отечественной сцены о его дѣтствѣ и отрочествѣ, служащія началомъ его Записокъ, обширные отрывки изъ которыхъ почти ежегодно печатаются въ «Русской Старинѣ». Вмѣстѣ съ нашими читателями не считаемъ себя въ правѣ сѣтовать на почтеннаго автора за несоблюденіе имъ хронологическаго порядка: съ перваго же отрывка изъ его Записокъ, онъ заявилъ, что событія изъ своего артистическаго и гражданскаго быта онъ бралъ и беретъ «на выдержку», признавая печатаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ—несвоевременнымъ.

Капитуляція Парижа въ 1814 г.—изъ Записокъ М. Ѳ. Орлова—разсказъ, сообщенный сыномъ покойнаго, Н. М. Орловымъ,—одинъ изъ немногихъ письменныхъ памятниковъ, оставленныхъ его родителемъ. Эта статья, какъ мы и замѣчаемъ въ предисловіи къ ней, была напечатана въ 1843 году, но съ нѣкоторыми уступками требованіямъ ценсурнымъ и, самое главное, съ опущеніемъ трехъ весьма интересныхъ «примѣчаній» автора, нынѣ впервые переведенныхъ съ подлинника.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ (1835—1860 гг.)—содержатъ любопытныя характеристическія черты трехъ даровитѣйшихъ дѣятелей на поприщахъ: ученомъ—Т. Н. Грановскій, художественномъ—гр. Ѳ. П. Толстой, и литературномъ—Т. Г. Шевченко; біографическія подробности о послѣднемъ особенно замѣчательны. Дополненіемъ разсказовъ Т. П. Пассекъ о Грановскомъ служатъ, весьма впрочемъ блѣдныя, воспоминанія В. В. Селиванова, бывшаго товарища его дѣтства.

Война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—дневникъ барона Л. П. Николаи—весьма цѣнный вкладъ въ нашу военно-историческую литературу, небогатую матеріалами, относящимися до этого важнаго эпизода царствованія императора Николая Павловича—эпизода, 28 лѣтъ тому назадъ посѣявшаго въ венгерцахъ ту ненависть къ Россіи, которая столь рѣзко проявляется въ настоящее время. Дневникъ барона Л. П. Николаи особенно важенъ по своей правдивости, какъ отчетъ наблюдателя общаго хода войны—русскаго штабнаго офицера, а не начальника какого либо отряда, кругозоръ котораго, по мѣткому выраженію одного военнаго писателя, очерчивается клинкомъ его сабли.

Разсказы А. А. Панаева (1853—1869 гг.)—о крымской

кампаніи и о жизни князя А. С. Меншикова—съ первыхъ же главъ обратили на себя вниманіе большинства читателей простотою изложенія, искренностью и совершеннымъ отсутствіемъ поползновенія къ сокрытію неудачъ и военно-административныхъ промаховъ въ эпоху борьбы Россіи съ союзниками Турціи, 1853—1855 гг.

Воспоминанія о Восточной войнѣ доктора А. А. Генрици—знакомятъ насъ съ «казовымъ концомъ» и изнанкою частей военно-медицинской и санитарной, въ періодъ 1853—1855 гг. Авторъ, чуждый лицепріятія, ведетъ читателей на бивуаки, на перевязочные пункты, на кантониръ-квартиры и въ госпитали, не скрывая ни злоупотребленій, ни недоглядокъ начальствовавшихъ и должностныхъ лицъ—указывая лишь на возможныя въ тѣ времена усовершенствованія. Сопоставленіе печальныхъ картинъ военно-медицинскаго быта въ эпоху крымской войны съ современными извѣстіями изъ областей закавказскихъ, съ береговъ Дуная и съ Балканъ—можетъ дать читателю возможность правильно судить о томъ, на сколько усовершенствовалась и преуспѣла военно-медицинская и санитарная часть въ нашей арміи.

Шамиль и его семья въ Калугѣ—Записки пристава полковника П. Г. Пржецлавскаго — имѣютъ нѣкоторое соотношеніе къ текущимъ военнымъ событіямъ. Авторъ, въ качествѣ военнаго пристава, во всѣхъ подробностяхъ изучилъ нравы, обычаи, склонности и самыя завѣтныя мысли бывшаго имама и всей его семьи, достойныхъ представителей племенъ востока—лукавыхъ, неблагодарныхъ и вѣроломныхъ. Изъ этого логовища «вскормленныхъ волковъ», въ нынѣшнюю войну вышли измѣнники Кази-Магометъ, тесть его Доутиловъ-Чохскій и Умма-Дуевъ—коноводы мятежниковъ Чечни, добровольные рабы турокъ и ненавистники Россіи, имъ благодѣтельствовавшей. Авторъ, изучившій нравы восточныхъ племенъ во время службы своей на Кавказѣ, велъ дневникъ о пребываніи Шамиля въ Калугѣ тогда, когда наша отечественная печать, съ истинно русскимъ незлопамятствомъ, осыпала плѣннаго врага самыми восторженными похвалами, взирая на него какъ на героя. Совершенно иными глазами смотрѣлъ на Шамиля и его сподвижниковъ П. Г. Пржецлавскій и взглядъ этотъ оказывается нынѣ довольно вѣрнымъ.

II.

Въ отдѣлѣ историческихъ изслѣдованій и жизнеописаній въ 1877 г. напечатаны:

Турецкая неволя—П. А. Кулиша, и Русскія посольства въ Турцію—И. Е. Забѣлина,—двѣ историческія монографіи, относящіяся ко временамъ отдаленнымъ отъ насъ слишкомъ на двѣсти лѣтъ. Изъ нихъ видимъ, что въ XVII-мъ столѣтіи, при всемъ своемъ варварствѣ, Турція далеко за собою оставляла нынѣшнюю Оттоманскую имперію. Плѣнные въ турецкой неволѣ были тогда по крайней мѣрѣ «живымъ товаромъ», который турки, хотя изъ корысти, холили и берегли до нѣкоторой степени, но плѣнные не были предметами адскихъ истязаній и наругательствъ, какъ это видимъ въ наше время. Въ двѣсти лѣтъ—Турція сдѣлала весьма своеобразные успѣхи: изъ состоянія — сравнительно — ручнаго животнаго, перешла въ состояніе дикаго звѣря. Двѣсти лѣтъ тому назадъ она еще съ уваженіемъ относилась къ международнымъ правамъ, оказывала уваженіе представителямъ иностранныхъ державъ, и бывали случаи, когда она была не прочь явить покровительство ея подданнымъ христіанамъ: нынѣ ею забыты самыя права человѣчества.

Три біографическіе очерка: А. Ѳ. Ягужинская (1722—1725 гг.), Е. А. Ганнибалъ (1731—1753 гг.) и герцогиня Кингстонъ (1777—1798 гг.) представляютъ статьи о группѣ весьма характеристическихъ представительницахъ петербургскаго женскаго общества въ XVIII столѣтіи.

Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка и Волненія крѣпостныхъ крестьянъ при Екатеринѣ II—два очерка изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго—могутъ служить доказательствами, что по окончаніи всесторонней разработки вѣка Екатерины II, т. е. ея внутренней и внѣшней политики, событій военныхъ, быта дворцоваго, гражданскаго, ученаго и художественнаго,—настало, наконецъ, время изученія быта народнаго минувшаго вѣка. Отъ обширнаго, многолѣтняго труда, по источникамъ архивнымъ, молодаго ученаго ждемъ въ этомъ отношеніи большихъ пріобрѣтеній для науки; его изысканія, безъ сомнѣнія, прольютъ яркій свѣтъ на условія быта сельскаго населенія Россіи въ минувшій вѣкъ. Раскрытіе

многихъ при этомъ явленій, недоступныхъ до сихъ поръ изслѣдователямъ XVIII вѣка, быть можетъ, не умалитъ блескъ царствованія Великой Екатерины въ ея заботахъ о внѣшнемъ величіи Россіи, но въ то же время, обнаружитъ слабыя стороны ея правительства, не всегда проникавшаго въ своихъ заботахъ о благѣ Россійской имперіи до «корней», питающихъ листву и цвѣтъ государственнаго древа.

Юбилеи Императорской Академіи Наукъ (1776 и 1826 гг.) М. И. Сухомлинова—статья, служащая мѣриломъ успѣховъ умственнаго развитія Россіи въ теченіе ста лѣтъ бытія высшаго ученаго общества въ сѣверной столицѣ.

Екатерина II и Густавъ III (1771 г.) Я. К. Грота, и Невѣсты великаго князя цесаревича Павла Петровича (1768—1774 гг.). Первая статья знакомитъ насъ съ внѣшнею политикою великой государыни; вторая—съ ея отношеніями къ наслѣднику престола при обсужденіи важнѣйшаго вопроса о выборѣ ему невѣсты. Въ обоихъ случаяхъ Екатерина II является въ сношеніяхъ своихъ съ европейскими дворами—полною, самовластною хозяйкою, сознающею силу, могущество Россіи, и внушающею это сознаніе иноземнымъ второстепеннымъ державамъ. О выборѣ невѣсты своему сыну она замышляетъ въ бытность великаго князя въ отроческихъ лѣтахъ; не совѣщается съ нимъ лично когда онъ и въ юношескомъ возрастѣ; агенты ея—Ассебургъ и графъ Н. И. Панинъ; цесаревичу предоставляется одно право: выбирать себѣ невѣсту по портретамъ принцессъ, присылаемымъ изъ-за границы. Неудачу перваго выбора сторицею вознаградилъ второй бракъ Павла Петровича съ принцессою Виртембергскою—во святомъ мѵропомазаніи Маріею Ѳеодоровною.

Читателю извѣстно, что, при всей обширности, иностранная литература о Россіи довольно рѣдко служитъ источникомъ матеріаловъ для «Русской Старины». Причиною тому, во первыхъ, изобиліе матеріаловъ отечественныхъ; во вторыхъ—отсутствіе критической обработки источниковъ иностранныхъ, въ которыхъ такъ часто встрѣчаемъ умышленное извращеніе фактовъ, а также погрѣшности—вслѣдствіе незнанія нашего языка, обычаевъ и нравовъ. Мы допускаемъ, однако, изъятіе, между прочимъ въ томъ случаѣ, если иноземный авторъ описываетъ какой либо слой русскаго общества, доступный ему во всѣхъ подробностяхъ, какъ наблю-

дателю ученому и правдивому; или если иностранецъ описываетъ русскихъ людей, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. По этимъ соображеніямъ напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1877 г. статьи: «Россія сто лѣтъ тому назадъ»—путешествіе англійскаго историка Кокса, и Записки берлинскаго профессора академика Тьебо (1765—1785 гг.); продолженіе послѣднихъ будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» 1878 г.

Преобразователи русскаго войска въ царствованіе императора Павла (1796—1801 гг.). Въ рамкахъ, по видимому, чисто военно-историческаго очерка, покойный П. С. Лебедевъ, безспорно обладавшій талантомъ военнаго историка, весьма живо и ярко обрисовалъ духъ царствованія Павла Петровича и ближайшихъ исполнителей его воли. Пользуясь матеріалами, донынѣ еще не изданными, П. С. Лебедевъ, группируя ихъ, снимаетъ нѣсколько обвиненій съ императора, перенося ихъ на Аракчеева, въ особенности же на графа Ѳ. В. Ростопчина и нѣкоторыхъ «гатчинцевъ».

Императоръ Александръ I—сжатое обозрѣніе важнѣйшихъ государственныхъ дѣяній, внѣшней и внутренней политики императора за время его царствованія.

Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе А. Н. Попова. Этотъ обширный трудъ, заключающій разработку одного изъ величайшихъ событій нашей народной эпопеи, составленный даровитымъ и ученымъ авторомъ по новымъ, донынѣ неизвѣстнымъ матеріаламъ, читатели, сколько намъ извѣстно, вполнѣ оцѣнили. Особенно мастерски изложены, нерѣдко съ совершенно новой точки зрѣнія, главнѣйшіе эпизоды изгнанія «великой арміи» изъ предѣловъ Россіи; изъ характеристикъ и критической оцѣнки дѣяній вождей той и другой стороны, особенно интересенъ — въ высшей степени обстоятельный разборъ дѣйствій Чичагова; при этомъ окончательно выясненъ какъ личный его характеръ, военныя дарованія, такъ равно и причины его неуспѣха при преслѣдованіи Наполеона, гонимаго изъ предѣловъ Россіи.

Обозрѣваемое нами изслѣдованіе получаетъ отнынѣ для любителей и изслѣдователей отечественной исторіи другой и болѣе печальный интересъ: этотъ превосходный трудъ—есть одно изъ предсмертныхъ произведеній Александра Николаевича Попо-

ва: 16-го ноября 1877 г. высоко уважаемый ученый, честно и много послужившій отечеству и наукѣ, скончался...

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-біографическій очеркъ Е. П. Карновича—первая біографія цесаревича, писанная не по общепринятому шаблону біографій «достопамятныхъ россіянъ» во вкусѣ Бантыша-Каменскаго. Донынѣ біографіи Константина Павловича ограничивались лишь офиціозными брошюрами съ диѳирамбами и нѣсколькими некрологами въ справочныхъ словаряхъ. Между тѣмъ, сколько несомнѣнныхъ, неотъемлемыхъ правъ на подробную біографію совмѣщаетъ въ себѣ личность цесаревича, связующая крѣпкимъ звеномъ царствованія Александра I и Николая I-го! Еще съ колыбели нареченный Екатериною II царемъ предположеннаго къ возрожденію царства Византійскаго; совоспитанникъ Александра Павловича, ученикъ Лагарпа; сподвижникъ Суворова и ревностный служака въ царствованіе своего родителя, цесаревичъ есть невольная причина разъединенія Польши съ Россіею (1815—1830 гг.) и жертва ослѣпленія поляковъ, которымъ всегда такъ сердечно сочувствовалъ. Тотъ-же цесаревичъ, вслѣдствіе отреченія своего отъ всероссійскаго престола—невольная причина роковыхъ событій 14-го декабря: каждая жертва, имъ приносимая благу отечества, влечетъ за собою мятежи и искупается тысячами другихъ жертвъ. Личность, при слабостяхъ и недостаткахъ, одаренная и высокими душевными качествами, какъ-то: благородствомъ—доходившимъ до рыцарства, самоотверженіемъ, вѣрностью дружбѣ и данному слову, личность—ненавистная Польшѣ и нелюбимая въ Россіи! Такъ сложилась жизнь цесаревича и таковою видимъ ее въ біографіи, бо́льшая и, можемъ сказать, интереснѣйшая половина которой—явится на страницахъ «Русской Старины» въ 1878 году.

Посольство А. П. Ермолова въ Персію, въ 1817 году—статья Ад. П. Берже—послѣднее слово интереснаго эпизода жизни героя Кавказа; эпизода своеобразнаго и поучительнаго въ томъ отношеніи, что онъ являетъ въ себѣ пріемы и дипломатическія уловки, необходимыя при сношеніяхъ съ народами Востока. За достоинство статьи ручается имя автора—знатока исторіи Кавказа, посвятившаго всю жизнь свою его изученію: Ад. П. Берже стоитъ во главѣ кавказской археографической коммисіи, онъ редакторъ монументальнаго изданія ея Актовъ.

Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 году—эпизодъ царствованія Александра I, донынѣ скрывавшійся подъ завѣсою тайны государственной, подававшій поводъ къ болѣе или менѣе неосновательнымъ догадкамъ.

К. В. Чевкинъ (1803—1834 гг.)—первая часть обширной біографіи государственнаго дѣятеля, поприщемъ котораго были всѣ отрасли высшей администраціи. Разработка дальнѣйшихъ эпизодовъ жизни покойнаго послужитъ немаловажнымъ вкладомъ въ исторію ближайшей къ намъ эпохи.

Ѳ. К. Затлеръ (1805—1876 гг.). Отнесясь съ должнымъ безпристрастіемъ къ біографіи лица, имя котораго возбуждало такъ много толковъ во время крымской войны—мы, ни мало не колеблясь, напечатали біографическій очеркъ Ѳ. К. Затлера, отдавая на справедливый судъ современниковъ его дѣйствія на служебномъ поприщѣ. Съ чувствами того-же безпристрастія читатели наши отнеслись къ личности покойнаго и позволяемъ себѣ думать, что тѣнь, наброшенная на нее, снята. Въ этомъ убѣждаютъ насъ письменныя заявленія, сообщенныя въ редакцію.

Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія 22-го марта 1840 года—статья Ад. П. Берже—эпизодическій разсказъ изъ исторіи кавказской войны, по поводу предполагаемаго сооруженія памятника герою Архипу Осипову и мужественному гарнизону, погибшему во славу русскаго оружія.

Россія, Англія и Австрія въ 1848—1849 гг.—С. М. Соловьева,—картина внутренней и внѣшней политики трехъ великихъ державъ въ виду европейской революціи.

Штурмъ, блокада и взятіе Карса въ 1855 году—историческій очеркъ И. И. Ореуса, составленъ главнымъ образомъ по Запискамъ Н. Н. Муравьева-Карсскаго.

III.

Въ этомъ отдѣлѣ, предназначенномъ для матеріаловъ необработанныхъ, документовъ, указовъ, писемъ, мелкихъ разсказовъ, біографическихъ замѣтокъ, было напечатано свыше семидесяти статей, относящихся къ царствованіямъ Петра I и его преемниковъ до нашихъ временъ. Изъ таковыхъ особенно замѣчательны:

Георгій Дашковъ (1731 г.). Письма Екатерины II Д. В. Волкову и королю польскому (1778—1779 г.). Приказы императора Павла Петровича (1797—1801 гг.). Рѣчь императора Александра I московскому дворянству, 16-го августа 1816 года; письма его князю А. Б. Куракину, Н. В. Обрѣскову; именной указъ московскому военному губернатору. Письма Платова къ Я. В. Виллié (1812—1816 гг.). Прошеніе Вольскаго имени-

таго гражданина Злобина. Партизанъ Фигнеръ и мн. др. Разсказы изъ жизни императора Николая Павловича. Письма и предначертанія императора Николая кн. Варшавскому и кн. М. Д. Горчакову (1853—1855 гг.). Письма графа И. И. Дибича къ императору и отвѣты его (1829 г.). Повелѣніе императора Николая Павловича о сохраненіи древностей (1853 г.). Сокращеніе указа въ 1826 г. Поджогъ сената—и много др.

По длинѣ списка лицъ, сообщившихъ статьи и матеріалы для нашего изданія, читатели могутъ судить о ихъ постоянно возрастающемъ количествѣ. Эта масса уже находящихся у насъ подъ рукою и постоянный наплывъ новыхъ статей и матеріаловъ вполнѣ обезпечиваютъ всѣ отдѣлы «Русской Старины» на многіе годы. Редакція весьма часто принуждена однако бываетъ откладывать печатаніе статей, требующихъ предварительной обстановки ихъ примѣчаніями или дополненій новыми данными. Нерѣдко приходится изъ нѣсколькихъ статей, относящихся къ одному и тому-же предмету, составлять цѣлую группу. Дѣлаемъ эту замѣтку въ виду того, что нѣкоторыя лица, сообщающія свои статьи редакціи, нерѣдко требуютъ назначенія срока ихъ напечатанія—что не всегда возможно исполнить. При томъ же подборъ статей весьма часто не зависитъ отъ произвола редакціи, но отъ текущихъ событій — что мы уже и замѣтили въ началѣ нашего обозрѣнія, обращая вниманіе читателей на составъ книгъ «Русской Старины» истекающаго года вообще и декабрьской книги—въ особенности.

IV.

По вышеизложеннымъ причинамъ, отдѣлъ, посвященный исторіи литературы, ограничился лишь стихотвореніями К. Ѳ. Рылѣева, сообщенными П. А. Ефремовымъ. Не смотря на желаніе редакціи, заявленное въ прошломъ году—расширить отдѣлъ критики и библіографіи, мы пришли къ убѣжденію, что рамки нашего изданія представляютъ тому самое главное и неотклонимое препятствіе. Впрочемъ, въ 1877 году въ этомъ отдѣлѣ были напечатаны статьи гг. профессоровъ: М. И. Горчакова, В. И. Сергѣевича, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайскаго, В. В. Стасова и друг., по достоинству оцѣненныя читателями. При всемъ томъ мы поставлены въ необходимость впредь упразднить критическій отдѣлъ, допуская статьи этого содержанія въ случаяхъ исключительныхъ, такъ какъ расширеніе этого вводнаго отдѣла было бы въ ущербъ отдѣламъ основнымъ, составляющимъ сущность программы нашего изданія. Долгомъ считаемъ однако заявить, что о новостяхъ исторической литературы мы будемъ давать извѣстія въ замѣткахъ библіографическаго листка.

V.

Отдѣлъ, посвященный изящнымъ художествамъ, въ истекающемъ году былъ бѣднѣе всѣхъ предъидущихъ и ограничился лишь письмами А. Н. Сѣрова, продолженіе которыхъ возбудило нѣсколько устныхъ заявленій и одно письменное—редакціи со стороны нашихъ подписчиковъ, не сочувствующихъ этого рода матеріаламъ. Несправедливость подобнаго рода заявленій слишкомъ очевидна, чтобы вызывать насъ на какія-либо объясненія. Если первая серія писемъ, посвященныхъ почти исключительно музыкальной техникѣ, могла показаться нѣсколько сухою и незанимательною большинству читателей — не знатоковъ музыки, за то послѣдующій рядъ, печатаемый нынѣ, заключая въ себѣ очерки талантливаго нашего композитора объ изящномъ вообще, о развитіи его творческихъ силъ, о планахъ къ созданію произведеній, которыя въ послѣдствіи обезсмертили его имя—рядъ этихъ очерковъ, повторяемъ, не можетъ быть безъинтересенъ, не можетъ не привлекать вниманія каждаго просвѣщеннаго человѣка.

Если черновой набросокъ стихотворенія великаго поэта, начатое или неоконченное его произведеніе—находятъ себѣ тысячи читателей, то можетъ-ли не быть ихъ для писемъ и очерковъ, въ которыхъ одинъ изъ трехъ великихъ нашихъ композиторовъ излагаетъ свою авторскую исповѣдь, судитъ о талантливыхъ артистахъ, великихъ артисткахъ (Рашель, Ристори) и писателяхъ... Печатая (въ 1876 г.) письма А. Н. Сѣрова, мы сдѣлали оговорку, что изданіе ихъ, «въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательно для редакціи. «Русская Старина» въ первый же годъ изданія была украшена Записками М. И. Глинки и въ послѣдствіи посвятила многія страницы письмамъ и біографическимъ свѣдѣніямъ объ основателѣ русской оперы; въ послѣдующіе годы печатала письма А. С. Даргомыжскаго,—можетъ ли она не дать мѣста письмамъ и очеркамъ А. Н. Сѣрова — преобразователя отечественной оперной музыки, какъ бы ни казались они односторонни для большинства читателей. Имя Сѣрова—достояніе исторіи искусствъ въ Россіи, а каждая историческая личность и свѣдѣнія, къ ней относящіяся, всегда найдутъ мѣсто въ нашемъ изданіи». Повторяя эту оговорку еще разъ, надѣемся оградить себя впредь отъ подобныхъ вышеупомянутымъ заявленій.

VI.

Библіографическій листокъ въ 1877 году замѣненъ былъ перечнемъ книгъ историческаго содержанія, изданныхъ въ Россіи въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ. Съ будущаго года мы возвратимся, какъ сказано выше, къ продолженію библіографическаго листка, т. е. указанія на вновь выходящія историческія книги и брошюры будутъ сопровождаться и отзывами о нихъ.

VII.

Художественныя приложенія къ «Русской Старинѣ» 1877 г. состояли изъ десяти портретовъ, двухъ гравюръ, шести рисунковъ, трехъ снимковъ съ медалей, одного снимка съ письма, и родословной таблицы. Портреты были слѣдующіе:

Е. Р. Дашкова (геліографія), графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ (грав. ак. И. П. Пожалостинъ), кн. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій (грав. ак. Л. А. Сѣряковъ), М. Ѳ. Орловъ (гравюра академика Л. А. Сѣрякова), княгиня Жанета Ловичъ (гравюра Л. А. Сѣрякова), Филаретъ, митрополитъ московскій (гравюра И. П. Пожалостина), И. А. Яковлевъ (гравюра Л. А. Сѣрякова), Шамиль (грав. въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ), Н. Н. Муравьевъ-Карсскій (гравюра Л. А. Сѣрякова) и К. В. Чевкинъ (геліографія).

Гравюры: галера «Тверь» и «памятникъ рядовому Архипу Осипову». Рисунки: «старинная русская рѣзьба». Снимки съ медалей: «на рожденіе великаго князя Константина Павловича», въ честь «атамана графа Платова» и «князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго». Геліографическій «снимокъ съ письма императора Александра I-го». «Родословная таблица для уясненія родственныхъ отношеній Екатерины II и Густава III».

Хромолитографированный портретъ великаго нашего писателя Н. В. Гоголя составитъ особое приложеніе — знакъ нашей глубокой признательности читающей публикѣ за то неослабное сочувствіе, которое оказываютъ «Русской Старинѣ» всѣ классы нашего общества. Имя Лемерсье — и весьма значительная стоимость хромолитографіи свидѣтельствуютъ, что редакція, озаботившись поручить выполненіе этого заказа лучшему литографу, не остановилась предъ значительностью издержекъ. Подлинникъ портрета находится въ художественномъ собраніи М. Х. Рейтерна и подаренъ ему сыномъ поэта В. А. Жуковскаго. Портретъ былъ писанъ съ Гоголя, по желанію Жуковскаго, Александромъ Андреевичемъ Ивановымъ († 1858 г.), въ Римѣ, въ 1841 году.

Примѣчаніе. Къ сожалѣнію, хромолитографія эта не была окончательно напечатана къ выходу декабрьской книги, а потому будетъ разослана при одной изъ ближайшихъ книгъ «Русской Старины» 1878-го года.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ находятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ ежемѣсячнаго историческаго изданія „Русская Старина“ 1878-го и послѣдующихъ годовъ:

В. П. Авенаріусъ, — Аврамовъ, — Н. Агафоновъ, — А. К. Адинцовъ, — М. П. Азанчевскій, — И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, — В. А. Альфонскій, — И. Амелицкій, — И. Андозкій, — И. Я. Андреевскій, — И. А. Анненковъ, — графъ С. А. Апраксинъ, — А. П. Арбузовъ, — И. А. Аренсъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — Арнольди, — Ф. А. Арсеньевъ, — П. Я. Аршеневскій, — Асташевъ, — Н. Н. Ахвердовъ, — А. Я. Ашебергъ.

Баландовичъ, — О. С. Балкъ, — А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — С. И. Барановскій, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — А. И. Барзецовскій, — проф. Н. И. Барсовъ, — Н. П. Барсуковъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышниковъ, — Л. П. Батюшковъ, — А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій, — Башуцкій, — кн. В. Баюшевъ, — А. Безсоновъ, — А. Безукладиновъ, — Н. В. Бергъ, — П. В. Березинъ, — Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, — Ад. П. Берже, — Беръ, — В. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Р. И. Бжостовская, — Н. Билибинъ, — баронъ Бистромъ, — Бобровскій, — Д. Благово, — Я. И. Борзецовскій, — М. И. Богдановичъ, — Н. К. Богушевскій, — И. Н. Божеряновъ, — М. П. Болотовъ, — Боричевскій, — А. А. Бородулинъ, — М. Ѳ. Бороздинъ, — проф. А. Г. Брикнеръ, — Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, — Бугаковъ, — Бутковъ, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — Н. Д. Быковъ, — акад. А. Ѳ. Бычковъ, — А. Бѣлаго, — А. И. Бѣляева, — баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель, — И. И. Василевъ, — А. П. Васильевъ, — П. П. Васильевъ, — Н. Васьковъ, — Г. Вахтинъ, — П. И. Великопольскій, — А. Величковъ, — Вельяминовъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венеціанова, — М. И. Венюковъ, — акад. К. С. Веселовскій, — Н. И. Викинскій, — Н. Виноградовъ, — К. А. Висковатовъ, — Ѳ. К. Витбергъ, — Н. П. Вишняковъ, — Владимірова, — М. Владыкинъ, — П. П. Возницынъ, — А. Ѳ. Волковъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ, — И. В. Вологдинъ, — П. А. Вороновъ, — Вороновъ, — Воскобойниковъ, — Н. М. Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ, — баронъ Вревскій, — баронесса Вревская, — Вудъ, — А. Н. Вульфъ.

С. Н. Гавриловъ, — кн. Ив. Гагаринъ, — К. И. Гамаринъ, — А. Гакъ, — Г. Н. Геннади, — А. А. Генрици, — Н. В. Гербель, — Герцыкъ, — П. П. фонъ-Гецъ, — Гилюсъ, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Ѳ. С. Глинка, — Глуховъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, — кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ, — кн. Н. П. Голицынъ, — кн. Н. С. Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — И. Головинъ, — П. С. Головинъ, — Голубевъ, — И. Ѳ. Горбуновъ, — проф. А. Д. Градовскій, — Е. И. Гречъ, —

Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—Н. В. Губерти,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ.

В. Д. Давыдовъ, — К. И. Давыдовъ, — Данильченко, — П. Я. Дашковъ, — П. П. Деви, — Н. Д. Де-ла-Флизъ, — А. П. Демидовъ, — Фонъ-Дерфельденъ, — А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—Діятроптовъ,—Дмитріевъ, — Н. Г. Дмоховскій,—Я. И. Довголевскій, — В. Док—ій, — кн. В. Долгоруковъ, — А. Долгоруковъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, — И. И. Дубасовъ, — Н. Ѳ. Дубровинъ, — Н. П. Дуровъ.

К. Евлентьевъ, — от. П. П. Еланскій, — кн. Енгалычевъ, — Н. А. Ермаковъ, — Н. Н. Ермаковъ, — В. Ермаковъ, — А. Ерошкинъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавскій.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забѣлинъ,—Л. А. Загоскинъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Захарьинъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Змѣевъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова,—В. А. Зыбинъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина,—А. В. Ивановъ,—Н. И. Иванова,—Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Иверсенъ,—Игнатьевъ,—П. А. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Н. О. Истинской,—С. Ѳ. Исѣевъ.

Казадаевъ, — П. С. Казанскій, — Казачокъ, — М. К. Казина, — Казнинъ,—П. С. Калачевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—кн. М. А. Кантакузина,—П. И. Капнистъ,—Ф. В. Каразинъ,—В. Н. Карамзинъ,—А. А. Карасевъ, — А. М. Каратыгина, — П. А. Каратыгинъ, — С. А. Каратыгинъ, — П. П. Каратыгинъ, — П. Карнауховъ, — Е. П. Карновичъ,—С. Д. Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. Карцевъ,—Н. Т. Кедровъ,—Н. П. Кельшъ,—Т. Кибальчичъ, — Кирилловъ, — Киселевъ, — П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій, — И. Кларкъ,—П. Клепиковъ, — Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко, — Г. А. Ковалевскій, — Н. И. Коведаевъ, — М. М. Ковязинъ,—Козодавлевъ,—С. Козловскій,—Н. И. Койленскій,—Колачевскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—гр. Н. М. Коновницына,—Д. А. Копьева,—Е. Ѳ. Корвинъ-Круковская,—И. П. Корниловъ,—Ю. В. Косова,—Я. И. Костенецкій,—проф. Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косяровскій,—А. Краснпльниковъ,—В. А. Краснокутскій,—М. Круповичъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—Г. И. Кузминскій,—акад. А. А. Куникъ,—И. К. Купріяновъ,—кн. Куракинъ,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ,—М. В. Кюхельбекеръ.

Проф. Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—И. К. Лапотниковъ,—С. Лашкаревъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—А. А. Левшинъ,—А. И. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—К. Ф. Де-Ливронъ, — В. Лихачевъ, — А. В. Липинъ,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—Г. Г. Ломоносовъ, — Е. А. Лопушинскій, — Г. Лохвицкій, — В. К. Луцкій,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій, — В. Н. Майновъ, — И. В. Майновъ,—Л. Н. Майковъ,—С. М. Макарова,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—И. П. Малаховскій,—

Мансуровъ,—К. А. Маньковскій, — Маринъ, — М. А. Марковъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Матвѣевъ, — У. П. Матвѣевъ,—Ив. Матченковъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій, — бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ, — Мельниковъ,—П. Н. Меншиковъ,—А. Е. Мерцаловъ,—Мешетичъ,—Г. И. Мигринъ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—О. Б. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина, — Г. Минъ,—С. Миропольскій, — М. П. Митковъ,—В. Михайловъ,—Г. Михельсонъ,—гр. А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—П. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морошкина, — И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій, — Н. Н. Мурзакевичъ,—Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — Нарбутъ,—А. Нарохницкій, — А. С. Наставинъ,—П. И. Небольсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко, — баронъ А. Н. Николаи,—А. А. Никольскій,—В. В. Никольскій, — Никулинъ, — М. Д. Ниловъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Огаревъ,—П. Огіевскій,—Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—П. О. Омельяненко,—Ѳ. К. Опочининъ, — И. И. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ,—професс. Н. А. Осокинъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ.

Л. Н. Павлищевъ,—И. Д. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—А. В. Пальчиковъ, — А. А. Панаевъ, — Н. И. Пановъ, — Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій, — П. Д. Паренцовъ, — И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,— В. Поляковъ, — В. Пащенко, — И. Пеньковскій, — Перетцъ,—Петровскій,—Ал. Н. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ,—А. А. Плансонъ,—М. И. Платонова,—А. А. Повало-Швыйковскій,—А. Ѳ. Подвысоцкій, —И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—акад. И. П. Пожалостинъ.—Е. Ц. Поздѣевъ, — А. П. Покровскій, — В. Ѳ. Покровскій, — Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Пономаревъ,—Анд. Н. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—А. Преображенскій,—О. А. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій, — М. С. Прокудинъ-Горскій, — Пташицкій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. П. Пятковскій.

А. Раменскій,—М. М. Рангъ,—А. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—С. А. Регменскій,—Рейтернъ,—Н. В. Реутскій,—графъ А. А. Ржевускій,—Л. И. Рикордъ,—А. Ѳ. Риттихъ, — Д. А. Ровинскій, — Н. П. Розановъ, — Н. И. Розановъ, — О. Фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ,—Д. А. Рокотовъ,—А. Романовскій,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—графъ И. Н. Де-Рошфоръ,—А. Роспоповъ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—Н. Рудыковскій,—В. Р. Руммель,—Руничъ,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

П. И. Савваитовъ, — А. А. Савурскій, — Д. Садовниковъ, — Садовскій,—Н. Ѳ. Сазоновъ, — В. Саитовъ, — Н. Ѳ. Самаринъ, — Н. Самойло,—И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ, — В. С. Сахаровъ, — Свамочкинъ, — Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—В. И. Семевскій,—П. Семеновъ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Сердюкова,—Сеславина,—Симоновъ, — Скальковскій,—Д. И. Скобелевъ,—В. Скоробогатый,—Слатинъ,—

В. Смирновъ,—Д. Смышляевъ,—акад. Ѳ. Г. Солнцевъ,—акад. С. М. Соловьевъ,—Р. Сорокинъ,—Т. А. Сосновскій,—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—Н. И. Стародубскій,—А. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій, — А. И. Стригоцкій,— Н. С. Стромиловъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—А. А. Суворовъ, князь Италійскій графъ Рымникскій,—С. Судаковъ,—С. Н. Сулима,—В. Сульменевъ,—Сушковъ,—С. П. Сысоевъ,—акад. Л. А. Сѣряковъ.

В. Таницкій,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—В. В. Тимощукъ,—И. Тихомировъ,—К. Н. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Ю. В. Толстой,—Томашевъ,—Н. Е. Топчіевъ,—Л. Н. Трефолевъ,—П. Трофимовскій,—А. Труворовъ,—Туганъ-Мирза Барановскій,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

Н. Федоровъ, — А. И. Фелькнеръ, — Т. И. Филипповъ, — К. Н. Флиге, — И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ,—О. Е. Франкъ,—А. В. Фрейгангъ.

Хмѣльницкій,—П. Ф. Хомутовъ,—А. Н. Хребтовъ.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ.

Графъ Э. К. Чапскій,—В. И. Чаславскій,—Ад. П. Чеботаревъ,—Г. С. Чиряковъ,—И. А. Чистовичъ,—Я. А. Чистовичъ,—А. А. Чумиковъ,—К. Н. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ,—Н. И. Шигановъ,—кн. Ив. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—А. В. Шереметевъ,—Н. К. Шильдеръ,—Г. И. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—А. О. Шлейснеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шугуровъ,—Б. К. Шульцъ.

П. К. Щебальскій,—Н. Н. Щукинъ.

П. И. Юркевичъ.

Языковъ,—С. М. Якимахъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Якушкинъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Яньковскій,—Ястржембскій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль,—и др.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ съ признательностію упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевѣ,—А. Н. Аѳанасьевѣ,—Я. П. Баклановѣ,—Е. А. Бестужевой,—М. А. Бестужевѣ,—О. М. Бодянскомъ,—И. Д. Бѣляевѣ,—И. Д. Варпаховскомъ,—Н. В. Веригинѣ,—А. С. Вороновѣ,—А. Ѳ. Гильфердингѣ,—А. К. Грибоѣ,—В. И. Далѣ,—П. М. Дараганѣ,—Н. Н. Де-Прерадовичѣ,—И. И. Европеусѣ,—К. К. Злобинѣ,—от. К. Кустодіевѣ,—А. М. Княжевичѣ,—П. П. Ламбинѣ,—П. С. Лебедевѣ,—Е. Ф. Лермонтовой,—А. В. Лосевскомъ,—кн. С. А. Мадатовой,—П. К. Менковѣ,—от. М. Я. Морошкинѣ,—Ѳ. Н. Муратовѣ,—П. А. Мухановѣ,—акад. П. П. Пекарскомъ,—А. Н. Поповѣ,—В. Ѳ. Ратчѣ,—А. И. Рыжовѣ,—И. И. Свіязевѣ,—В. И. Фелькнерѣ,—М. Д. Хмыровѣ—и К. В. Чевкинѣ,—сообщенныя ими записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамильные архивы находятся въ распоряженіи «Русской Старины» и также постепенно будутъ печататься.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1877 году.

Въ 1877 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл.
(381,900 жит.)

Акмолы	1
Кокчетовъ	1
Омскъ	14
Петропавловскъ	1
	17

Амурская обл.
(44,400 жит.)

Благовѣщенскъ	8
Албазинъ	3
Михайлово-Семеновская	1
	12

Аму-Дарьянскій Отдѣлъ
(109,585 жит.)

Укр. Петро-Александровское	4

Архангельская губ.
(285,636 жит.)

Архангельскъ	9
Онега	1
Сороцкая	1
	11

Астраханская губ.
(612,625 жит.)

Астрахань	18
Енотаевскъ	1
Красный Яръ	2
	21

Бакинская губ.
(513,560 жит.)

Баку	5
Аму-Аде. ост.	1
Геокътопинская	1
Карамарьянская	1
Куба	1
Ленкоранъ	1
Сальяны	2
	12

Бессарабская губ.
(1,117,074 жит.)

Кишиневъ	31
Аккерманъ	4
Байрамча	1
Каушанская	1
Корнешты	3
Оргѣевъ	2
Секурянская	1
Унгены	7
Хотинъ	1
	51

Варшавская губ.
(949,965 жит.)

Варшава	66
Александровъ пограничный	1
Влоцлавскъ	2
Ловичъ	2
Новый Дворъ	3
Скерневицы	2
	76

Виленская губ.
(1,057,199 жит.)

Вильно	40
Вилейка	1
Дисна	4
Жижморы	1
Клинцы	2
Свенціаны	1
Солы	1
Суражъ	1
Троки	1
	52

Витебская губ.
(912,844 жит.)

Витебскъ	7
Велижъ	3
Динабургъ	12
Дрисса	1
Клясицкая	1
Невель	1
Полоцкъ	1
Рѣжица	2
Себежъ	1
Сеньковская	1
	30

Владимірская губ.
(1,280,550 жит.)

Владиміръ	15
Александровъ	2
Болдино	1
Васильевское	1
Второвская	1
Вязники	3
Гавриловъ посадъ	1
Гороховецъ	1
Иваново Вознесенскъ	6
Киржачъ	3
Ковровъ	1
Кохма	1
Меленки	1
Муромъ	7
Судогда	2
Суздаль	1
Тейково	2
Шуя	5
	54

Вологодская губ.
(1,020,128 жит.)

Вологда	12
Вельскъ	1
Кадниковъ	3
Ляльскъ	2
Сольвычегодскъ	1
Тотьма	3
Устьсысольскъ	1
	23

Волынская губ.
(1,760,810 жит.)

Житоміръ	9
Владиміръ	3
Дубно	2
Заславль	2
Ковель	1
Кременецъ	6
Купель	1
Луцкъ	2
Любарская	1
Овручъ	1
Олыка	1
Новоградъ Волынскъ	2
Печановка	1
Радзивиловъ	1
Ровно	2
Рожище	1
Старо-Константиновъ	3
	39

Воронежская губ.
(2,211,431 жит.)

Воронежъ	32
Бестужевская	1
Бирючъ	2
Бобровъ	5
Богучаръ	1
Бутурлиновка	2
Валуйки	3
Задонскъ	3
Землянскъ	1
Калачъ	1
Коротоякъ	1
Ливенскъ	2
Мандрово	1
Михайловка	1
Нижнедѣвицкъ	2
Острогожскъ	5
Павловскъ	3
Пухово	1
Ровеньки	4
Россошь	1
	72

Выборгская губ.
(276,884 жит.)

Выборгъ	2
Сердоболь	1
Фридрихсгамъ	3
	6

Вятская губ.
(2,448,600 жит.)

Вятка	10
Глазовъ	2
Дебессы	1
Елабуга	7

Ижевскій зав.	4
Кикнурская	1
Котельничъ	1
Лубянская	1
Малмыжъ	2
Нолинскъ	1
Орловъ	1
Сарапуль	3
Слободской	2
Уржумъ	1
	37

Гродненская губ.
(1,033,678 жит.)

Гродно	15
Брестъ-Литовскъ	9
Бѣлостокъ	4
Бѣльскъ	1
Заполье	1
Кобринъ	1
Слонимъ	1
Соколка	1
	33

Дагестанская обл.
(448,299 жит.)

Дербентъ	4
Гунибъ	1
Дашлагаръ	1
Петровскъ	1
Темиръ-Ханъ-Шура	6
Чиръ-Юртъ	1
	14

Донская обл.
(1,143.120 жит.)

Новочеркасскъ	36
Боковская	2
Глубокая	1
Голодаевка	1
Грушевская	2
Есауловская	1
Звѣрево	1
Каменская	2
Карловская	1
Константиноградъ	1
Константиновская	1
Матвѣевъ-Курганъ	1
Миллерово	1
Нижнечирская	2
Новогригорьевская	1
Сулинъ	1
Урюпинская	3
Урюпинская	1
Усть-Медвѣдицкая	4
Харцыгская	1
Цимлянская	3
Шалаевская	2
	69

Екатеринославская губ.
(1,410,955 жит.).

Екатеринославъ	23
Азовъ	1
Александровскъ	6
Бахмутъ	5
Верхнеднѣпровскъ	3
Гавриловка	1
Еленовское	1
Концероль	1
Константиновская	2
Купеваловская	2
Лозовая	1
Луганской зав.	4
Маріуполь	4
Марченская	2
Михайловская	1
Нахичевань	1
Новомосковскъ	1
Орѣховская	2
Павлоградъ	5
Перещепино	3
Петропавловка	1
Ростовъ	22
Самойловка	1
Славгородъ	2
Славяносербскъ	2
Таганрогъ	9
	106

Елисаветпольская губ.
(529,412 жит.)

Елисаветполь	5
Новоакстафинская	1
Шуша	2
	8

Енисейская губ.
(372,862 жит.)

Красноярскъ	9
Ачинскъ	1
Енисейскъ	4
Каргино	3
Корелино	3
Минусинскъ,	2
	22

Забайкальская обл.
(430,780 жит.)

Чита	6
Баргузинъ	1
Верхнеудинскъ	3
Горбиченская	1
Кавыкучи-газимурская	1
Кяхта	3
Нерчинскъ	5
Нерчинскій зав.	2

Средняя Кара	1
Стрѣтенская	1
Троицкосавскъ	2
Шелопухинская	1
	27

Закаспійскій военный отдѣлъ.
(275,600 жит.)

Красноводскъ	1

Заравшинской окр.
(271,900 жит.)

Самаркандъ	8
Катты-Курганъ	2
	10

Иркутская губ.
(378,244 жит.)

Иркутскъ	23
Витимскъ	1
Жигаловская	2
Нижнеудинскъ	1
Тельминская	1
Тулуновское	1
Хоготская	1
Черемховская	1
	31

Казанская губ.
(1,738,909 жит.)

Казань	65
Воробьевская	1
Лаишевъ	3
Марiинскій пос.	1
Метески	2
Свіяжскъ	1
Спасскъ	4
Царевококшайскъ	1
Цивильскъ	1
Чистополь	4
	83

Калужская губ.
(1,010,628 жит.)

Калуга	16
Александровскій хуторъ	2
Боровскъ	2
Брынь	1
Жиздра	4
Козельскъ	2
Куземская	1
Малоярославецъ	1
Медынь	2
Петрищевская	1
Серпейскъ	1
Суборовская	1
Таруса	1
Тропцкая	1
	36

Калишская губ.
(717,927 жит.)

Калишъ	7
Клодава	1
Конинъ	1
Сѣрадзь	1
	10

Кіевская губ.
(2,251,404 жит.)

Кіевъ	90
Бердичевъ	1
Богуславъ	1
Бособродская	1
Бѣлая Церковь	1
Воронцово Городище	3
Казатинъ	1
Казатинъ ст. ж. д.	1
Каменка	1
Коростышевская	1
Лысянка	1
Мокрая Колигорка	1
Радзивиловка	1
Радомыслъ	4
Ружинъ	1
Сквира	5
Смѣла	4
Тараща	2
Умань	1
Черкасы	3
Чигиринъ	1
	125

Ковенская губ.
(1,172,168 жит.)

Ковно	12
Вилькоміръ	1
Ворненская	1
Ново-Александровскъ	1
Россіены	1
Субочь	1
Таурогенъ	2
Тельши	2
Царицыно	1
Шавли	2
Юрбургъ	1
	25

Костромская губ.
(1,198,870 жит.)

Кострома	15
Буй	1
Варнавинъ	1
Ветлуга	2
Вичуга	2
Галичь	2
Евдокимова	1

Кинешма	4
Клеванцево	1
Кологривъ	1
Лухъ	1
Малоугорская	1
Нерехта	1
Плесъ	2
Солигаличъ	1
Трехъ-святское	1
Чухлома	1
Юрьевецъ-Повольскій	3
	41

Кубанская обл.
(672,224 жит.)

Екатеринодаръ	15
Армавиръ	1
Ейскъ	2
Кавказская	1
Кирпильская	1
Коневское	1
Майкопъ	2
Минеральныя воды	1
Тихорѣцкая	1
Устьлабинская	1
	26

Кульджинскій раіонъ.
(114,337 жит.)

Кульджа	1

Курская губ.
(2.020,679 жит.)

Курскъ	22
Бѣлгородъ	5
Грайворонъ	1
Дмитріевъ	4
Иванино	3
Короча	2
Кочетки	1
Льговъ	4
Марьино	1
Мирополье	4
Новый Осколъ	1
Обоянь	1
Путивль	2
Рыльскъ	7
Старый Осколъ	6
Суджа	5
Тимъ	2
Томаровская	1
Фатежъ	2
Щигры	3
	77

Курляндская губ.
(630,024 жит.)

Митава	6
Либава	4
	10

Кутаисская губ.
(605,691 жит.)

Кутаисъ	6
Квирильская	1
Озургеты	1
Поти	1
	9

Кѣлецкая губ.
(547,717 жит.)

Кѣльцы	3
Андреевъ	1
Михаловицы	1
Мѣховъ	2
Олькушъ	1
Пинчовъ	1
Стопница	2
	11

Лифляндская губ.
(1,017,074 жит.)

Рига	17
Больдераа	1
Дерптъ	5
	23

Ломжинская губ.
(511,088 жит.)

Ломжа	9
Насельскъ	1
Остроленка	1
Островъ	1
Пултускъ	1
Щучинъ	1
	14

Люблинская губ.
(740,867 жит.)

Люблинъ	3
Бѣлгорай	2
Замостье	2
Новая Александрія	2
Ополе	1
Холмъ	2
Яновъ	1
	13

Минская губ.
(1,222,642 жит.)

Минскъ	12
Бобруйскъ	4
Борисовъ	2
Горки	1

Мозырь	3
Несвижъ	1
Новогрудокъ	1
Пинскъ	1
Слуцкъ	2
Талька	1
Якимовичская	1
	29

Могилевская губ.
(976,601 жит.)

Могилевъ	12
Гомель ст.	1
Гомель	5
Климовичи	1
Краснополье	1
Мстиславъ	1
Орша	2
Рогачевъ	1
Старый Быховъ	1
	25

Московская губ.
(1,803,740 жит.)

Москва: а) чрезъ газетную экспедицію	93
б) чрезъ московскіе книжные магазины	439
Богородскъ	1
Броницы	1
Васильевская	1
Волоколамскъ	1
Воскресенскъ	2
Дмитровъ	1
Завидовская	1
Звенигородъ	2
Каменка	1
Клинъ	2
Клинская	2
Коломна	2
Лукошкинская	1
Можайскъ	1
Павловскій пос.	1
Подсолнечная	3
Подольскъ	3
Руса	1
Серпуховъ	9
Сергіевъ пос.	9
Фаустово	1
	578

Нижегородская губ.
(1,293,210 жит.)

Нижній-Новгородъ	28
Арзамасъ	7
Балахна	1
Васильсурскъ	1
Воскресенское	1
Городецъ	1
Кадницкая	1
Княгининъ	1
Мангушевская	1
Починки	2
Свіяжскъ	1
Семеновъ	1
Сергачь	4
	50

Новгородская губ.
(1,021,317 жит.)

Новгородъ	18
Боровичи	4
Бѣлозерскъ	2
Валдай	1
Еремпнская	1
Зарѣчье	1
Кирилловъ	1
Кукуй	1
Любань	1
Меглецы	1
Подберезье ст. ж. д.	1
Подберезье	2
Сомино	2
Спасская полисть	2
Старая Руса	1
Тихвинъ	3
Торбино	1
Устюжна	4
Череповецъ	3
Чудово	1
	51

Нюландская губ.
(173,141 жит.)

Гельсингфорсъ	4
Свеаборгъ	2
	6

Олонецкая губ.
(298,364 жит.)

Петрозаводскъ	6
Вытегра	2
	8

Оренбургская губ.
(926,165 жит.)

Оренбургъ	22
Илецкъ	2
Міясскій зав.	1
Троицкъ	3
Челябинскъ	2
Шарлакская	1
	31

Орловская губ.
(1,633,794 жит.)

Орелъ	32
Александровка	1
Болховъ	2
Брянскъ	4
Брянскъ ст.	1
Городецъ	1
Девять дубовъ	1
Дмитровскъ.	2
Донъ	1
Дросково	2
Елецъ	18
Измайлково	1
Карачевъ	4
Ливны	5
Малоархангельскъ.	1
Мценскъ	2
Нарышкино	1
Русскій Бродъ	1
Сѣвскъ	1
Трубчевскъ.	1
Хотынецъ.	2
	84

Пензенская губ.
(1,202,211 жит.)

Пенза	20
Башмаково	1
Воейково	1
Городище.	1
Инсаръ.	4
Каменка	2
Керенскъ.	2
Краснослободскъ	1
Наровчатъ	3
Нижній Ломовъ.	3
Садовка.	1
Саранскъ.	5
Симанщина.	1
Ѳедоровка	1
Чембаръ	4
	50

Пермская губ.
(2,240,960 жит.)

Пермь	14
Билимбаевскій зав.	3
Богословскій зав.	2
Веретія.	1
Верхотурье	1
Далматовъ	2
Екатеринбургъ	30
Ирбитъ.	2
Камышловъ	1
Каменскій зав.	3
Ключевская.	1
Красноуфимскъ	2
Кунгуръ	3
Кушвинскій зав.	5
Куяшская.	1
Невьянскій зав.	3
Нижнетагильскій зав	3
Оса	1
Оханскъ	2
Сугатская.	1
Сысертскій зав.	1
Чердынь	2
Шадринскъ.	1
	85

Петроковская губ.
(708,008 жит.)

Петроковъ	5
Згержъ.	1
Лодзь.	1
Сосновицы	2
Ченстоховъ	4
	13

Плоцкая губ.
(490,945 жит.)

Плоцкъ.	4
Липно	2
	6

Подольская губ.
(1,996,046 жит.)

Каменецъ-Подольскъ	13
Балта.	2
Брацлавъ.	2
Вербовецкая	1
Винница	3
Гайсинъ	1
Гнивань	1
Голованевскъ	2
Жмеринка	1
Круты	2
Летичевъ	1
Литинъ.	2
Могилевъ.	2
Немировъ.	3
Ольгополь.	2
Попелюхи.	2
Проскуровъ.	2
Тульчинъ.	3
Ярошенка	1
Юрковка	1
	46

Полтавская губ.
(2,154,847 жит.)

Полтава	26
Бутенковская.	1
Бѣлоцерковка.	1
Гадячь.	4

Градижскъ	1
Жуки	3
Зеньковъ	4
Золотоноша	7
Кобелякп	4
Кононовичская	2
Кременчугъ	8
Лохвица	4
Лубны	6
Малая Перещепина	1
Миргородъ	5
Опошня	1
Переяславъ	6
Пирятинъ	1
Прилуки	13
Ромны	5
Рѣшетиловка	2
Хороль	3
Яготино	2
	110

Приморская обл.
(45,000 жит.)

Николаевскъ	2
Владивостокъ	2
Камень-Рыболовъ	1
Хабаровская	3
	8

Псковская губ.
(792,678 жит.)

Псковъ	9
Ашево	1
Великіе Луки	4
Новоржевъ	5
Опочка	2
Островъ	1
Порховъ	4
Торопецъ	4
Холмъ	5
	35

Радомская губ.
(562,191 жит.)

Радомъ	6
Козеницы	1
Опатовъ	1
Сандомiръ	2
Сташовъ	1
	11

Рязанская губ.
(1,524,442 жит.)

Рязань	11
Борки	1
Верда	1
Данковъ	1
Дивово	1
Егорьевскъ	4
Ерахтурская	1
Зарайскъ	6
Ижевское	1
Караблинская	2
Касимовъ	4
Михайловъ	5
Окулова	1
Пронскъ	1
Раненбургъ	3
Ряжскъ	3
Сапожокъ	3
Скопинъ	1
Спасскъ	2
Старожиловъ	1
	53

Самарская губ.
(1,896,074 жит.)

Самара	19
Балаково	2
Бугульма	1
Бугурусланъ	4
Бузулукъ	1
Екатериненштадтъ	1
Зимникова	1
Кичуй	1
Николаевскъ	2
Новый Узень	4
Павловская	1
	37

С.-Петербургская губ.
(1,354,710 жит.)

С.-Петербургъ: а) по почтѣ	1001
б) безъ доставки	14
Гатчино	9
Гдовъ	3
Колпино	1
Красное село	1
Кронштадтъ	22
Луга	2
Луга ст	1
Нарва	7
Новая Ладога	3
Ораніенбаумъ	2
Павловскъ	3
Петергофъ	2
Сестрорѣцкъ	1
Тосна	1
Царское село	21
Царское село ст	1
Чирковицы	1
Шахново	1
Шлиссельбургъ	1
Ямбургъ	2
	1230

Саратовская губ.
(1,768,138 жит.)

Саратовъ	31
Аткарскъ	5
Балашовъ	6
Бековo	1
Вольскъ	8
Екатериновка	1
Каменка	1
Камышкеръ	1
Ключи	1
Колено	1
Кондаль	1
Кузнецкъ	2
Никулино	2
Петровскъ	3
Ртищево	1
Ртищево ст. ж. д.	1
Салтыковка	1
Сердобскъ	3
Турки	3
Хвалынскъ	3
Царицынъ	3
	79

Семирѣчинская обл.
(549,094 жит.)

Вѣрный	6
Караколъ	2
	8

Семипалатинская обл.
(501,163 жит.)

Семипалатинскъ	4
Зайсанскій постъ	2
Усть Каменогорскъ	2
	8

Симбирская губ.
(1,218,888 жит.)

Симбирскъ	15
Алатырь	2
Ардатовъ	4
Буинскъ	1
Корсунь	9
Краснососенская	4
Курмышъ	5
Промзино Городище	1
Репьевка	1
Рокотово	1
Сенгилей	1
Сызрань	5
Тагайская	1
Теренгульская	1
Юрловка	1
Ясашно Ташлинская	1
	53

Смоленская губ.
(1,163,746 жит.)

Смоленскъ	14
Бѣлой	4
Васьково	1
Вязьма	4
Гжатскъ	1
Дорогобужъ	2
Дубовецъ	1
Духовщина	1
Ельня	2
Знаменская	2
Ивановская	3
Коски	1
Полуево	1
Порѣчье	1
Рославль	5
Рябцово	1
Серги-Ивановская	1
Сѣщинская	1
Сычевка	1
Уваровская	2
Юхновъ	1
	50

Ставропольская губ.
(437,118 жит.)

Ставрополь	17
Александровское	1
Медвѣжинское	3
Прасковея	1
Средній Егорлыкъ	1
	23

Сувалкская губ.
(537,807 жит.)

Сувалки	6
Вержболовская	1
Маріамполь	1
Сейны	1
	9

Сухумскій округъ.
(70,701 жит.)

Сухумъ-Кале	2

Сѣдлецкая губ.
(535,861 жит.)

Сѣдлецъ	5
Бѣла	1
Радинъ	1
Соколовъ	1
	14

Сыръ-Дарьинская обл.

(848,489 жит.)

Ташкентъ	27
Ходжентъ	1
Чимкентъ	1
Чиназъ	1
	30

Тавастгустская губ.

Тавастгусъ	1

Таврическая губ.

(747,009 жит.)

Симферополь	17
Бакчисарай	1
Бердянскъ	7
Большой Токмакъ	1
Евпаторія	2
Каховка	2
Карасубазаръ	3
Керчь-Еникольскъ	8
Маячка	1
Мелитополь	3
Ногайскъ	1
Орѣховъ	1
Перекопъ	2
Севастополь	8
Севастополь ст.	1
Судакъ	1
Ялта	3
Ѳеодосія	3
	65

Тамбовская губ.

(2,230,635 жит.)

Тамбовъ	27
Борисоглѣбскъ	12
Грязи	1
Добрянка	1
Ялатьма	2
Каргашино	3
Кирсановъ	3
Козловъ	9
Куликовская	2
Лебедянъ	3
Липецкъ	3
Моршанскъ	5
Муравьевка	1
Никольская	1
Окры	1
Просяно-Полянская	2
Разсказово	1
Темниковъ	1
Толстиковская	1
Уметъ	1
Усмань	2
Шацкъ	5
	87

Тверская губ.

(1,545,637 жит.)

Тверь	18
Брусовская	1
Бѣжецкъ	2
Весьегонскъ	1
Высокое	1
Вышній-Волочекъ	7
Зубцовъ	1
Калязинъ	2
Кашинъ	4
Кесово	1
Максатиха	1
Осташковъ	2
Осташковская	1
Ржевъ	10
Селижарово	1
Старица	1
Сытьковская	1
Торжокъ	6
Троицкая	2
	63

Терская область.

(485,237 жит.)

Владикавказъ	13
Веденская	1
Воздвиженская	1
Георгіевскъ	1
Грозный	3
Есентукская	1
Пятигорскъ	4
Хасафъ-Юртъ	2
	26

Тифлисская губ.

(606,584 жит.)

Тифлисъ	55
Ахалкалаки	2
Ахалцыхъ	1
Боржомская	1
Гори	2
Душетъ	1
Царскіе Колодцы	1
	63

Тобольская губ.
(1,086,848 жит.)

Тобольскъ	8
Ишимъ	1
Курганъ	2
Туринскъ	1
Тюмень	2
Усть-Лабинская	1
Ялуторовскъ	3
	18

Томская губ.
(838,756 жит.)

Томскъ	12
Барнаулъ	8
Бійскъ	1
Бѣлоглазово	1
Змѣиногорскъ	2
Итатская	1
Маріинскъ	1
	26

Тульская губ.
(1,188,670 жит.)

Тула	30
Алексинъ	3
Бѣлевъ	1
Веневъ	3
Епифань	2
Ефремовъ	3
Иваново	1
Кашира	3
Лапотково	1
Новосиль	3
Одоевъ	3
Пахомово	1
Сергіевское	1
Толстыхъ	1
Чернь	3
Шаховское	1
Ясенки	1
	61

Тургайская обл.
(338,802 жит.)

Карабутатскій фортъ	1

Уральская обл.
(346,715 жит.)

Нижнеуральскъ	6
Гурьевъ	1
Калмыковъ	1
Мергеневскій форпостъ	1
Мухрановскій форпостъ	1
	10

Уфимская губ.
(1,415,140 жит.)

Уфа	23
Бирскъ	2
Мензелинскъ	3
Набережные Челны	1
Саткинскій зав	1
Стерлитамакъ	2
	32

Ферганская обл.
(960,000 жит.)

Коканъ	8
Маргеланъ	4
Намаганъ	1
	13

Харьковская губ.
(1,789,220 жит.)

Харьковъ	45
Ахтырка	3
Барвенково	3
Богодуховъ	4
Боромлянская	2
Бѣловодскъ	1
Волчанскъ	1
Голая Долина	1
Дергачи	3
Изюмъ	5
Краснопавловка	1
Купянскъ	3
Люботинъ	1
Новоекатеринославъ	1
Сеньковская	1
Славянскъ	2
Старобѣльскъ	4
Сумы	17
Харьковъ ст	1
Чугуевъ	2
	101

Херсонская губ.
(1,739,280 жит.)

Херсонъ	13
Александрія	2
Ананьевъ	3
Березовка	1
Вознесенскъ	6
Врадіевка	1
Елисаветградъ	14
Константиновская	1
Липецкая	1
Любашевка	1
Максимовская	1
Марьяновская	1
Николаевъ	18
Новый Бугъ	1

Ново-Воронцовка	2
Новая Прага	1
Новогеоргіевскъ	1
Новомиргородъ	3
Одесса	78
Очаковъ	2
Павлышская	1
Песчаный Бродъ	1
Сосицкая	1
Тирасполь	3
	157

Черниговская губ.

(1,704,090 жит.)

Черниговъ	14
Бобрикъ	1
Бобровицы	2
Борзна	1
Воронежъ	1
Глуховъ	6
Городня	1
Грузское	1
Злынка	1
Козелецъ	1
Конотопъ	6
Коропъ	2
Красненская	1
Мѣна	1
Новозыбковъ	1
Новый Ропскъ	1
Новгородъ-Сѣверскъ	7
Нѣжинъ	9
Остеръ	1
Плиски	1
Погаръ	1
Сосница	1
Стародубъ	5
Чернотичи	1
Эсманская	1
	68

Черноморскій окр.

(15,703 жит.)

Новороссійскъ	1
Туапсе	1
	2

Эриванская губ.

(452,001 жит.)

Эривань	2
Александрополь	13
Новый Баязетъ	1
	16

Эстляндская губ.

(325,715 жит.)

Ревель	6
Раке	1
	7

Якутская губ.

(231,977 жит.)

Якутскъ	3
Нохтуйскъ	2
Олекминскъ	1
	6

Ярославская губ.

(1,008,315 жит.)

Ярославль	30
Даниловъ	1
Закобякино	1
Маслово	1
Молога	1
Петровскъ	1
Пищалкино	1
Пошехонье	1
Романовъ-Борисоглѣбскъ	2
Ростовъ	6
Рыбинскъ	13
Угличъ	3
	61

ЗА ГРАНИЦЕЮ

Австрія	2	Китай	3
Англія	1	Мальта	1
Бельгія	2	Персія	2
Галиція	1	Португалія	1
Германія	11	Румынія	4
Голландія	2	Франція	20
Греція	1	Швейцарія	7
Египетъ	1		63
Италія	4		

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.

1. Акмолинской обл.	17	32. Костромской губ.	41
2. Амурской обл.	12	33. Кубанской обл.	26
3. Аму-Дарьянскомъ отд.	4	34. Кульджинскомъ раіонѣ	1
4. Архангельской губ.	11	35. Курской губ.	77
5. Астраханской губ.	21	36. Курляндской губ.	10
6. Бакинской губ.	12	37. Кутаисской губ.	9
7. Бессарабской губ.	51	38. Кѣлецкой губ.	11
8. Варшавской губ,	76	39. Лифляндской губ.	23
9. Виленской губ.	52	40. Ломжинской губ.	14
10. Витебской губ.	30	41. Люблинской губ.	13
11. Владимірской губ.	54	42. Минской губ.	29
12. Вологодской губ.	23	43. Могилевской губ.	25
13. Волынской губ.	39	44. Московской губ.	46
14. Воронежской губ.	72	45. Нижегородской губ.	50
15. Выборгской губ.	6	46. Новгородской губ.	51
16. Вятской губ.	37	47. Нюландской губ.	6
17. Гродненской губ	33	48. Олонецкой губ.	8
18. Дагестанской обл.	14	49. Оренбургской губ.	31
19. Донской обл.	69	50. Орловской губ.	84
20. Екатеринославской губ.	106	51. Пензенской губ.	50
21. Елисаветпольской губ.	8	52. Пермской губ.	85
22. Енисейской губ.	22	53. Петроковской губ.	13
23. Забайкальской обл.	27	54. Плоцкой губ.	6
24. Закаспійскомъ военномъ отд.	1	55. Подольской губ.	46
25. Заравшанскомъ окр.	10	56. Полтавской губ.	110
26. Иркутской губ.	31	57. Приморской обл.	8
27. Казанской губ.	83	58. Псковской губ.	35
28. Калужской губ.	36	59. Радомской губ.	11
29. Калишской губ.	10	60. Рязанской губ.	53
30. Кіевской губ.	125	61. Самарской губ.	37
31. Ковенской губ	25	62. С.-Петербургской губ	85
		63. Саратовской губ.	79
		64. Семирѣчинской обл.	8

65. Семиполатинской обл. . . .	8
66. Симбирской губ.	53
67. Смоленской губ.	50
68. Ставропольской губ. . . .	23
69. Сувалкской губ.	9
70. Сухумскомъ округѣ. . . .	2
71. Сѣдлецкой губ.	14
72. Сыръ-Дарьинской обл. . .	30
73. Тавастгустской губ. . . .	1
74. Таврической губ.	65
75. Тамбовской губ.	87
76. Тверской губ.	63
77. Терской обл.	26
78. Тифлисской губ.	63
79. Тобольской губ.	18
80. Томской губ.	26
81. Тульской губ.	61
82. Тургайской обл.	1
83. Уральской обл.	10
84. Уфимской губ.	32
85. Ферганской обл.	13
86. Харьковской губ.	101
87. Херсонской губ.	157
88. Черниговской губ.	68
89. Черноморскомъ окр. . . .	2
90. Эриванской губ.	16
91. Эстляндской губ.	7
92. Якутской губ.	6
93. Ярославской губ.	61
итого	3371
II. Въ Москвѣ	532
III. Въ Петербургѣ (*съ доставкой и безъ доставки.* . . .	1145
IV. За границей	63
V. Доставлено въ общество Краснаго Креста, для безплатной разсылки по госпиталямъ въ чемъ имѣется квитанція Главнаго Управленія Общества отъ 4-го октября за № 2952 .	25
	5136

Завѣдывающая экспедиціей *К. Ѳ. Кармалина.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XX ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1877 г.

(СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

А.

Абдель-Кадеръ, Эмиръ, 488, 492.

Абдурагимъ, зять Шамиля, 1863 г., 255—276, 476—500.

Абдурахманъ, зять Шамиля, 1863 г., 255—275, 476—500.

д'Абрантесъ, г-жа; ссылка на ея «Записки», 593, 594.

Авіа-де-Ватэ (Aviat de Vatay), франц. проф., 1801 г., 572, 575.

Адлербергъ, гр. Николай Влдм. 1849 г., 108, 123, 225, 226, 230.

Адлербергъ, барон-са, Юлія Ѳед. (Анна-Шарлотта-Юліана), рожд. фонъ-Багговутъ, начальница Смольнаго института, р. 1760 † 1839 г., 628.

Аксаковъ, Серг. Тимоф., 292.

д'Аламберъ (Jean-le-Rond d'Alembert), математикъ, р. 1717 † 1783 г., 508, 515, 517.

Александра Ѳеодоровна, импер-ца, 534, 619, 620.

Александровъ, Пав. Конст., ген.-адъют., 377.

Александръ I, императ., р. 1777 † 1825 г., Повелѣніе въ бытн. в. кн.: «Какимъ образомъ обращаться съ медицинскими чинами», 1798 г., 715, 716; повелѣніе о воспрещеніи объявленія о продажѣ людей, 1801 г. 34; указъ московс. воен. ген.-губерн. Тутолмину, 1807 г., 665; письма къ кн. Алексѣю Борис. Куракину 1808—1809 гг., 672; отечественная война, 1812 г., 35—76; 177—204, 354—365; разсказъ М. Ѳ. Орлова, капитуляція Парижа 1814 г., 633—662; пріѣздъ въ Москву и рѣчь произнесенная къ московс. дворянству, 1816 г., 704, 705; манифестъ 1820 г. о пожалованіи Іоаннѣ Грудзинской, супругѣ цесар. вел. кн. Константина Павловича титулъ княгини Ловицкой, 378—379; обзоръ главнѣйшихъ событій царствова; нія 1801—1825 г., 549—568; воспоминанія гр-ни Шуазель-Гуфье, 579—632. Упом.: 71, 81—86, 92—100, 133, 145, 157. 368, 377, 380—391, 548, 569—578, 674—681, 699—701, 707, 715.

Александръ II, императ. Письмо кн. Меншикова 1855 г., 174; упом. 128, 131, 143, 155, 156, 380, 403, 471, 478, 479, 500.

Алопеусъ, русск. посолъ при Виртембергскомъ дворѣ, 1812 г., 717, 719.

Альбединскій, фл.-адъют., 1854 г., 168.

Альбрехтъ, ген. 1820 г., 378.

Аминатъ, жена Магомета-Шафи, 1863 г., 255—271, 496, 497.

Анастасьева, Марья Павл., 1859 г. 533.

Андреевскій, Ив. Сообщ. письмо императ. Павлакъ А. Н. Сенявину, 1797 г., 175.
Андреосси, франц. посолъ въ Константинополѣ, 1812 г., 36, 38.
Анна Ѳеодоровна (Юліана-Генріэта-Ульрика, принцесса Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская), вел. кнг-ня, супруга цесарев. вел. кн. Константина Павловича, р. 1781 † 1860 г., 367—374: 387,
Анрепъ, ген. 1849 г., 106—119, 224.
Апрянина, Евгенія Дмитр, рожд. кнж. Долгорукова, 495.
Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр., ген.-отъ-кавал., военн. мн-ръ, р. 1769 † 1834 г., 550, 559, 564—568, 719, 720.
Аргамаковъ, 572.
Арефьевъ, баталіон. лекарь, 1854 г. 318, 450.
Армфельдъ, гр. Густавъ-Маврикій, ген.-адъют. и членъ госуд. сов., р. 1757 † 1814 г., 81, 588, 699.
Артемовскій, пѣвецъ, 1853 г., 527.
Артемьевъ, А. И. Сообщ. замѣтку: «Комета 1811 г.», 675.
Арцимовичъ, калужскій губернаторъ, 1861 г., 473—496.
Ахматовъ, прапорщ., 1799 г., 542.
Ахматовъ, фл.-адъют., 1849 г., 107, 403.

Б.

Багратіонъ, кн. Петръ Ив., ген.-инф., р. 1756 † 1812 г., 46, 51, 87, 647, 689.
Бакаревичъ, 1801 г., 572, 576.
Баклановъ, Як. Петр., ген.-лейт. войска донскаго, р. 1809 г. † Сообщ. письма гр. Матв. Ив. Платова къ лейбъ-медику баронету Я. В. Вилліе 1812—1816 гг., 677—687.
Бакунина, Прасковья Мих. 336, 529.
Бакунинъ, Алексѣй Мих., чиновн., 1852 г., 335.
Балашовъ, Алс. Дмит., ген., мн-ръ полиціи, 1812 г., 351, 598, 634.
Барановъ, подполковн., 1849 г., 104, 122.
Баратовъ, кн., 1759 г., 542.
Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богдан. фельдмарш., р. 1761 † 1818 г., 47, 78—85, 200, 565, 589, 595.
Барковъ, Д. 544.
Барятинскій, кн. Алсд. Ив., ген.-адъют., бывшій намѣстникъ кавказскій, р. 1814 г. 259, 471, 479, 486.
Барятинскій, кн. Ив. Серг., ген.-поруч., русс. посолъ въ Парижѣ 1773—1785 г., р. 1738 † 1811 г., 507—515.
Баскаковъ, об.-прокуроръ, 1730 г., 537.
Бассано, герцогъ, 1812 г., 63—68, 599.
Баузе, проф. 1801 г., 572, 575.
Баумгартенъ, полковн., 1854 г., 314.
Бахтинъ, Ив. Ив., ст. сов., р. 1756 † 1818 г., 564.
Беатрика, эрцъ-герц-ня австр., 1807 г., 670, 671.
Бебутовъ, кн., 1849 г., 114, 229, 245.
Безакъ, ген., 1856 г., 156.
Бекетовъ, Никл. Андр., проф. моск. универс., 208—211.
Беккеръ, хирургъ, 1855 г., 457, 458.
Беклешовъ, А. А., ген.-прокуроръ 1801 г., 34, 665.
Бельгардъ, ген., 1855 г., 139, 314, 315.
Бемъ, предводитель польской партіи 1849 г. 104—126; 230, 395—404; 422.
Бенедекъ, австр. ген., 1849 г., 395.
Бенитсенъ, гр—ня, 1813 г., 593, 595.
Бенитсенъ, гр. Леонтій Леонт. (von Benningsen), ген.-отъ-кавал., р. 1745 † 1826 г., 81, 85, 686.
Бенкендорфъ, гр. 1849 г., 104, 108.
Бергъ, гр. ген.-фельдмаршалъ, намѣстникъ Царства Польскаго † 1874 г., 105, 126, 128, 143, 145, 404, 426.
Березинъ, секретарь посольства, 1773 г., 514.
Берже, Адольфъ Петр., предсѣдат. Кавказской археографич. коммиссіи, 565.
Бернадоттъ, марш., въ послѣдст. король шведск., 652.
Берхманъ, 1812 г., 679.
Бестужевъ-Рюминъ, В. Н. Сообщ. письма императ. Павла къ кн. П. П. Долгорукову о тульскихъ оружейникахъ 1797 г., 165—166.
Бетанкуръ, 1849 г., 104, 126.
Ветховенъ, Людвигъ, композит., 336—346, 528.
Вецко, полковн., 1849 г., 401.

Бибиковъ, 1849 г., 112.
Блюменталь, г-жа, 514.
Блюхеръ, фельдмарш. 1813 г., 634, 684, 686.
Богарне, кн. Евгеній, вице-кор. Италіи, 1812 г., 188—197.
Богдановичъ, М. И., воен. писатель. Ссылка на его исторію отечеств. войны, 73, 89. Ссылка на «Восточная война» 136—137. Сообщ. замѣтку: «Өед. Карл. Затлеръ», 349—351.
Боголѣпъ, іеромонахъ, 1736 г., 541.
Богуславскій, полковн., 1861 г., 267, 488—497.
Богушевскій, ген., 1849 г., 235, 243.
Бозіо, пѣвица † 1859 г., 534.
Бойгушовъ, офиц., 1813 г., 682.
Бокаревичъ, писатель, 572, 576.
Бонапарте, Луціанъ, герц. Канинскій, братъ Наполеона I, р. 1775 † 1840 г., 605.
Бороздинъ, штаб.-ротмис., 1798 г., 542.
Бороздинъ, М. Ѳ. Сообщ.: «Указъ импер. Александра I московс. военн. губернат. Тутолмину, 1807 г.», 665.
Борщъ, полковой священн., 1854 г., 430, 432, 436.
Брантъ, ярославс. губерн. прокуроръ, 1801 г., 222.
Брендель, авт. сочин.: «Исторія музыки», 1852 г., 336—346, 525.
Бреунеръ, гр. 1848 г., 420.
Брожъ, К. О., художникъ. Рисунокъ его, портретъ кнг. Ловичъ, 353, упом. 375, 577.
Брониковскій, губернат. Минска, 1812 г., 69—76, 177, 178.
Бронницъ, гр. гофмаршалъ, 376, 377.
Бронницъ, гр-ня, въ 1-мъ замуж. Грудзинская, рожд. Дерновская, мать кнг. Ловичъ, 376.
Брунновъ, бар., русск. посолъ въ Лондонѣ, 1848 г., 425, 426.
Брюлловъ, Карлъ Павл., проф. акад. худож. † 1852 г., 534.
Брянскій, артистъ, 347, 348.
Булатовъ, Мих. Леонт. ген., 1812 г., 59—61, 565, 568.
Булаховъ, артистъ, 525.
Бутурлинъ, ген., 1849 г., 397, 400.
Бушинъ, ген. 1849 г., 110.
Быковъ, Н. Д. Сообщ. замѣтку о портретѣ В. А. Жуковскаго. 534. Письмо импер-цы Маріи Ѳеодоровны, 1813 г., съ примѣчаніями, 701—703.
Бычковъ, Аѳанасій Ѳед., акад. Сообщ. письма: «гр. Ламсдорфа кн. Зубову, 1797 г.», 34; «кн. Я. Ѳ. Долгорукаго кн. А. Д. Меншикову, 1716 г.», 535; И. В. Лопухина къ М. М. Сперанскому 1806 г., 663, 664; И. И. Михельсона гр. П. К. Сухтелену 1807 г., 668; Д. С. Дохтурова гр. Сухтелену 1809 г., 673; Дм. Вас. Давыдова М. Н. Загоскину, 696—699; гр. Армфельда П. К. Сухтелену, 699, 700; приказъ Матв. Платова, 1808 г., 673; упом. 565.
Бѣлогужевъ, ген. 1849 г., 108—119.
Бэйли (Bailey), лекторъ москов. универс., 1801 г., 572, 575, 576.

В.

Вагнеръ, композит., 1853 г., 339—346, 524—534.
Вальтеръ, лекарь, 1854 г., 437, 444.
Варлаамъ, епископъ могилевс., 1812 г., 695.
Варнекъ, Алсд. Григ, проф. академ. худож., 702.
Васильчиковъ, кн., Викторъ Иллар., фл.-адъют., 1855 г., 140, 153, 155.
Васильчиковъ, кн. Илларіонъ Васил., ген.-адъют., предсѣдат. государств. сов., р. 1776 † 1847 г., 365, 564.
Вахтель, полковн., 1813 г., 84.
Вегелинъ (Wéguelin) академ., 520.
Веймарнъ, подполковн., 1849 г., 248, 320.
Вейссъ, полковн., 1820 г., 377.
Веллингтонъ, см. **Уеллинтонъ**.
Вельтманъ, Алсд. Ѳом., писатель, р. 1800 † 1870 г., 283, 284.
Вендръ, докторъ † 1853 г., 311.
Веритинъ, офиц., 1813 г., Ссылка на его рукопись, 87—94, 378, 381, 386.
Веселицкій, полковн., въ послѣдствіи генер., начальникъ штаба, 1855 г., 139, 228, 236, 396.
Викторъ, франц. марш., 1812 г., 62—74, 181—204, 353, 359, 363.

Вилламовъ, Григ. Ив., ст.секрет. импер-цы Маріи Ѳедоровны, 702. 705.
Виллié, Як. Васил., баронетъ, лейбъ-медикъ, 566, 629, 677—687.
Вильсонъ, сэръ Робертъ, англ. комиссаръ при русск. арміи, 1812 г., 35, 678—680.
Винценгероде, бар. Фердинандъ Ѳед. (Фердинандъ-Фридрихъ), генер.-адъют., р. 1770 † 1818 г., 634, 651.
Виртембергскій, принцъ, Евгеній, 1812 г., 81, 84, 88, 200.
Витбергъ, Алсд. Лавр., академ., строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ, р. 1787 † 1855 г., 564, 566.
Витгенштейнъ, кн. Петръ Христоф., ген.-фельдм., р. 1768 † 1843 г., 48—75, 185—204, 354—365, 595. 699. 700.
Віардо, пѣвица, 341.
Віельгорскій, гр. Мих. Юрьев., об.-шенкъ, р. 1787 † 1858 г., 534.
Воейковъ, Алсд. Ѳед., писат., р. 1773 † 1839 г., 385, 567, 568.
Возницынъ, Прокопій, дьякъ, русскій посолъ въ Турцію 1682 г., 1, 8, 14—33.
Волицкій, коммисаръ временнаго польскаго правительства, 381.
Волкова, г-жа А., 569.
Волковъ, ген. 1812 г., 59.
Волковъ, Петръ Никл., полковн., флиг.-адъют., нынѣ ген.-адъют., 351, 352, 461.
Волковъ, фельдшеръ, 1854 г., 437, 462.
Волконская, кнг., 1825 г., 714.
Волконскій, кн. Дмит. Петр., генер.-лейт., 565.
Волконскій, кн. Петръ Мих., генер.-адъют., въ послѣд. мн-ръ двора и фельдмарш., р. 1776 † 1852 г., 78, 84, 133, 348, 360, 385, 391, 534, 589.
Волотской, кадетъ 2-го кадетс. корп., 1816 г., 77.
Вольнисъ, франц. артистка петерб. театра, 529.
Вольфъ, А. Н. авторъ «Хроники петербургскихъ театровъ», 347. Замѣтки его по поводу «Хроники русскаго театра», 543, 544.
Ворженская, Гликерія Ульяновна, помѣщица, 1727 г., 535, 536.
Воронова, актриса, 1853 г., 531.
Воронцова, Анна Карлов., рожд. гр-ня Скавронская, об.-гофмейстер., 1760 г., р. 1723 г., 176.
Воронцовъ, гр. Мих. Сем., полковн., въ послѣд. кн., ген.-фельдмарш. и кавказскій намѣстникъ, р. 1781 † 1856 г., 99, 102.
Воронцовъ, гр. Сем. Роман., посолъ при лондонск. дворѣ, р. 1744 † 1832 г., 387.
Воскресенскій, штабъ-лекарь, † 1853 г., 311—313.
Врангель 2-й, ген.-маіоръ, 1800 г., 542.
Врангель, офиц., 1809 г., 673.
Врангель, бар., ген., 1855 г., 135.
Вуаль, франц. живопис., 1801 г., 577.
Буншъ, полковн., 1855 г., 134, 150, 151, 173.
Высоцкій, предводит. польской партіи, 1849 г., 229, 230.

Г.

Гавриловъ, магистръ московск. универс., 1829 г., 212—214.
Гагаринъ, кн., Ив. Алекс., 347.
Гагаринъ, кн. Никл. Серг., † 1842 г., 348.
Гагаринъ, кн. Серг., Сергв., директоръ с.-петерб. императ. театр. 1832 г., 348.
Газенкампфъ, полковн., проф. Николаевск. акад. генеральн. штаба, 146.
Гайнау, бар., фельдмарш., главнокоманд. австр. арміи, 1849 г., 107, 108, 126, 130, 225, 229, 394—404.
Гаммерштейнъ, гр., ген.-губернат. Галиціи, 1849 г., 124, 396.
Гастферъ, генер., 1854 г., 321.
Гатцукъ, Варвара Алексѣевна, рожд. Кащеева, 281.
Гедеонъ, схимонахъ, см. **Дашковъ**, Георгій.
Гейденъ, полковн., 1849 г., 113, 125, 402.
Геннади, Г. Н. Сообщ. замѣтку о книгѣ приписываемой Екатеринѣ II, 349; упом. 547.
Генрици, А. А., докторъ. Воспоминанія его о Восточной войнѣ 1853—1855 гг. 301—334; 427—470.

Гергей, предводит. венгер. арміи, 1849 г., 121, 225, 239—250, 393—403.
Герсевановъ, ген., генер.-квартирмейст., 1855 г., 133, 428.
Г....нъ, Алсд. Ив., 293—299.
Герштенцвейгъ, генер., 1849 г., 121, 225, 229.
Гилленшмидтъ, ген., 1846 г., 132.
де-Гинъ (de-Guines), гр., франц. посолъ при берлинскомъ дворѣ, 1775 г., 508, 511, 512.
Глазенапъ, ген., 1849 г., 109, 110, 243, 249.
Глинка, Григор. Андреевичъ, 566.
Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г., 344, 524—532.
Глинка, Серг. Никол., р. 1775 † 1847 г. 572, 573.
Глинка, Ѳед. Никл., писат., р. 1787 г., 286, 567.
Глинка-Мавринъ, 1849 г., 116, 125, 403.
Гнѣдичъ, Никл. Ив., писат., 347, 543.
Гогенлоэ, австр. принцъ, 1825 г., 631.
Гоголь, Никл. Вас., писатель, р. 1809 † 1852 г., 218, 525, 531.
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Иллар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г. Отечествен. война 1812 г., 46—74; 180—202; 354—365; упом. 81, 82, 392, 564—568, 604, 606, 667. 699.
Голицына, кнг. Марья Григор., рожд. кнж. Вяземская, во 2-мъ замуж. гр-ня **Разумовская**, 564.
Голицынъ, кн. Алсд. Никл., мн-ръ народн. просвѣщ. и об.-прокуроръ синода, р. 1773 † 1844 г., 77, 565.
Голицынъ, кн. Дм. Владим., московс. воен. ген.-губернат., р. 1771 † 1844 г., 385, 386.
Голицынъ, кн. К., 572, 574.
Голицынъ, кн. С. М., 380.
Голицынъ, кн., ген.-лейт., 1813 г., 85.
Голицынъ, кн. 1849 г., 231.
Головкина, гр-ня, см. **фонъ-Камеке**.
Головкина, гр-ня, рожд. гр-ня Дона, 519.
Головкина, гр-ня Екатерина Ив., рожд. кн-жна Ромодановская, 176.
Головкинъ, гр. Алсд. Гаврил., дс. тн. сов., посолъ при прусск. дворѣ, въ послѣдствіи въ Голландіи, † 1760 г., 519.
Головкинъ, гр. Мих. Гаврил., вице-канцл., † 1775 г., 519.
Головкинъ, гр. Юрій Алсд., егермейстеръ, въ послѣдствіи об.-камергеръ, р. 1749 † 1846 г., 668—671.
Головкинъ, гр., директ. публичн. зрѣлищъ въ Берлинѣ, 1772 г., 520—522.
Головкины, графы, 508, 515.
Горчаковъ, кн. Мих. Дмит., ген.-адъют. Война Россіи съ Турціею 1854—1855 гг., 168—174, упом. 52, 108, 112, 128—165, 231—251.
Горчаковъ, князь Петръ Дмитр., ген.-инф., р. 1789 † 1868 г., 313, 314, 444.
Госвицкій, капралъ, 1732 г., 539.
Граббе, генер., 1849 г., 110, 124, 126, 225—243, 403, 434.
Грановскій, Тимоф. Никл., проф. москов. универс. Воспоминаніе о немъ В. В. Селиванова, 205—220. Упом. 300.
Грейгъ, адмир., 1812 г., 36.
Грелле де-Мобилье, квакеръ; ссылка на его Записки 1818—1819 гг., 564.
Гриббе, полковн., 1853 г., 305.
Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., писатель, р. 1795 † 1829 г., 567, 568.
Григорьевъ, актеръ, 348, 544.
Гриммъ, (Frédéric-Melchior baron de Grimm), ст. сов., полномочн. мн-ръ Россіи при Нижне-Саксонскомъ округѣ, 1795 г., р. 1723 † 1807 г., 517.
Гринфельдъ, ген., 1862 г., 491.
Громека, С. С., † 1877 г., литерат., 280.
Гротенгельмъ, ген., 1849 г., 110, 124—126, 230, 394—404.
Грудзинская, гр-ня. см. гр-ня **Бронницъ**.
Грудзинская, гр-ня Антуанета, въ замуж. **Хлаповская**, 382.
Грудзинская, гр. Жанета Антонв., см. кнг. **Ловичъ**.
Грудзинская, гр-ня Жозефина, въ замуж. **Гутаковская**, 382.
Грудзинскіе, графы, 376, 382.
Грудзинскій, Андрей, кастелянъ накельскій, 375.
Грудзинскій, Сигизмундъ, воевода Равскій въ XVII стол., 375.
Грудзинскій, Янъ, въ XVIII ст., 375.

Губерти, Н. В. Сообщ. Письмо русской помѣщицы, 1727 г., 535—536.
Губкинъ, ген., 1849 г., 121.
Гудовичъ, гр. Ив. Вас. ген. фельдмарш., р. 1741 † 1821 г., 717.
Густавъ IV Адольфъ, шведс. король, р. 1778 † 1837, 555.
Гутаковскій, гр. Венцеславъ Людвиговичъ, фл.-адъют., 382.
Гюббенетъ, прсф., 1854 г., 449.
Гюйонъ, Жанна, рожд. Бувье де-ла-Моттъ (Bouvier de la Motte Guyon), писательница, р. 1648 † 1717 г., 663.
Гюллень, гр., воен. губернат. Парижа, 1814 г., 647, 648.

Д.

Давидъ, портретистъ, 1812 г., 600.
Даву, франц. марш., 1812 г., 198.
Давыдовъ, Денисъ Васил., ген.-лейт. партизанъ и поэтъ, р. 1784 † 1839 г. Ссылка на его записки, 80, 88, 365, 376, 392, 564—567 упом.: 696—699.
Даль, Влдм. Ив., писат., † 1872 г., 291.
Даміаничъ, венгерс. комендатъ, 1849 г., 400.
Даниловъ, Ив. Даніл., сенаторъ. Ссылка на разсказъ его о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, 368, 385, 391; упом. 565.
Даніель-бекъ, ген.-маіоръ, 1862 г., 267, 482, 484.
Данненбергъ, полквн., 667.
Данненбергъ, ген., 1849 г., 395.
Даргомыжскій, Алсд. Серг., композит., р. 1813 † 1869 г., 526.
Дашкова, кнг. Екат. Романв., рожд. гр-ня Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 507, 508.
Дашковъ, Георгій, ростовскій архіепископъ и вице-президъ. синода, 1826 г., † 1739 г. 536—541.
Двигубскій, подполкв., 1855 г., 459, 469.
Дежефи, начальн. венгерскихъ инсургентовъ, 1849 г., 114.
Дембинскій, предводит. венгер. инсургентовъ, 1849 г., 104, 107, 114, 225, 229, 394—403, 422.
Демидовъ, адъют., 1825 г., 385.
Денисовъ, Адріанъ Карпов., донской войсковой атаманъ, 568.
Депрерадовичъ, 1812 г., 78.
Державинъ, Гавр. Роман., писат., р. 1743 † 1816 г., 569—572, 688.
Деутиловъ, прапор. милиціи, 1861 г., 270.
Дехтеревъ, ген. 1812 г., 57.
Джамалъ-Эддинъ-Кази-Кумухскій, 1862 г., 255—262, 497—499.
Дибичъ-Забалканскій, графъ Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 385; 386.
Дикеръ, подполквн., 1797 г., 34.
Дикъ, ген., 1849 г., 395.
Дмитріевъ, Ив. Ив., баснописецъ, † 1837 г., 570.
Добровольскій, А. В. авт. соч. «Пѣснь въ проѣздъ черезъ Москву 30-го нояб. 1825 г. въ день народной присяги императору Константину Павловичу». 383.
Долгорукій, кн. Вас. Андр., ген. адъют., военный мн-ръ, въ послѣдствіи шефъ жандармовъ, р. 1804 г., 278—281.
Долгорукій, кн. Влдм. Серг. русс. полномочный мн-ръ при Берлинскомъ дворѣ, 1773 г., † 1803 г., 507—520.
Долгорукій, князь Як. Өед., р. 1639 † 1720 г., 525.
Долгоруковъ, кн. Петръ Петр., ген.-маіоръ, главный начальн. Тульскаго оружейнаго завода, 1797 г., 165, 166.
Домбровскій, польскій ген., 1812 г., 70—76, 177—182, 359.
Донъ (d'Ohna) Екатерина, гр-ня, въ замуж. гр-ня Головкина, 519.
Дохтуровъ, Дмт. Серг., ген.-инфант., корпусн. команд., 1812 г., † 1816 г., 673.
Дубельтъ, оф., 1849 г., 123, 126.
Дудинъ, об.-секрет. синода, 1732 г., 538.
Дюсисъ, полквн. франц. службы, 1814 г., 655, 656.
Дьяковъ. полквн., 1814 г., 636.

Е.

Европеусъ. Ив. Исаков., докторъ, 566.
Егронъ, франц. писат. Ссылка на его соч: «Vie d'Alexandre I». 379.
Екатерина I, импер—ца, 536.

Екатерина II, импер—ца, р. 1729†1796 г. Письмо къ королю польскому, 1779 г., 252; упом.: 7, 34, 176, 349, 507, 517, 547—550, 571—601,

Екатерина Павловна, вел. кнг., въ первомъ супруж. принцесса Ольденбургская, а во второмъ королева Виртембергская, р. 1788 † 1818 г., 79, 88, 587, 609, 668, 671, 700.

Елена Павловна, вел. кнг., рожд. Фредерика-Шарлотта, принцесса Виртембергская, супруга вел. кн. Михаила Павловича, 380, 619, 714.

Елисавета Алексѣевна, (Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская) импер—ца, р. 1779 † 1826 г. Письмо къ княгинѣ С. А. Мадатовой, 1825 г. 714, 715. Воспоминанія гр—ни Шуазель-Гуфье, 583—631; упом.: 700.

Елисавета Петровна, импер—па, † 1761 года. Охранный листъ временъ Семилѣтней войны, 541, 542; упом.: 176, 519, 565.

Ермаковъ, И. Н. Сообщ.: повелѣніе вел. кн. Александра Павловича, 1798 года: «Какимъ образомъ обращаться съ медицинскими чинами», 715, 716.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-лейт. р. 1777 † 1861 г., 78—99, 102, 184—204, 278—281, 356, 565, 568.

Еропкинъ, полковн., 1863 г., 492.

Ерошкинъ, А. Е., крестьянинъ. Сообщ. «Пѣсню о сынѣ Стеньки Разина», 366.

Ефимовъ, совѣт. тверск. уголовной палаты, 1826 г., 222.

Ефимовъ, оф., 1849 г., 124.

Ешевскій, профес., 294.

Ж.

Жабокрицкій, генер., 1854 г., 434.

Жемчужниковъ, Илья Миронов., 1727 года, 536.

Жераръ, портретистъ. 581.

Жилинъ, адъют., 1812 г., 679.

де-Жирарденъ. Алсд., ген.-лейт., адъют. Наполеона I, 1814 г., 649—652.

Жиркевичъ, Ив. Степ., ген.-маіоръ, р. 1789 † 1858 г. Ссылка на его Записки, 80, 565, 566.

Жомини, бар., 1812 г. Ссылка на соч.: «Жизнь Наполеона», 356, упом: 597.

Жуковскій, Васил. Андр., писат., р. 1788 † 1852 г., 287, 534, 567.

Жюно, франц. марш. 1812 г., 198.

З.

Забѣлинъ, Ив. Е.: Историческій очеркъ; Посольскія путешествія въ Турцію въ XVII столѣтіи», 1—33.

Загоскинъ, Мих. Ник., писатель, р. 1789 † 1852 г., 696—699.

Заидатъ, вторая жена Шампля, 1863 г., 255—275, 476—504.

Займчекъ, кн., намѣстникъ Царства польскаго, † 1826 г., 92—100; 375, 377.

Закревскій, гр. Арсеній Андр., ген.-адъют., московскій ген.-губернаторъ, р. 1783 г. †. 81, 277—279.

Замойскій, гр., президентъ польск. государст. сов. 92.

Зассъ, генер. 1812 г., 60.

Зассъ, ген, 1849 г., 106—110, 229—241, 394, 402, 405.

Затлеръ, г.жа, Александра. Письмо ее къ редак. «Русской Старины» 9-го декабря 1876 г. 129. Сообщ. подлинные документы къ біографіи ея мужа, 127—165.

Затлеръ, Ѳед. Карлов., ген.-маіоръ, ген.-интендантъ Крымской арміи, р. 1805 † 1876 г. Біографическій о немъ очеркъ и переписка его; 127—165; упом: 349—351.

Зеленый, А. С., ген.-адъют., 146.

Зигенталь, ген., 1812 г., 55, 56.

Зичи, бар. главный коммисаръ импер. австр. 1849 г. 113, 130, 131, 397.

Злобинъ, Васил. Алексв., Волгскій именитый граждан., 1810 г., 674, 675.

Злобинъ, Конст. Конст., тн. сов., дирек. государст. архива, р. 1814 † 1877 г., 674, 675.

Зубовъ, кн. Платонъ Алсд., любимецъ Екатерины II, р. 1767 † 1822 г., 34, 665.

И.

Ибрагимъ-ханъ-Мехтулинскій, полкв. флиг.-адъют., 1862 г., 501.
Ивановъ, полковн., 1800 г., 543.
Измайловъ, А. Е., писат., 567, 570, 572.
Иконниковъ, В. С., проф. Сообщ. замѣтку: «Что долженъ давать государству университетъ», 705—707; упом: 565.
Имамъ-Гозали, капит., 1861 г., 271.
Инзовъ, Ив. Никит., ген.-инфант., новоросс. ген.-губернат., 1822 г., р. 1768 † 1845 г., 666, 667.
Исленьевъ, ген.-адъют., 1827 г., 719.
Исмаилъ-Инко-Гаджіевъ,, прапорщ. милиціи, 1862 г., 269, 270, 487, 496.
Истоминъ, Влдм. Ив., капитанъ, впослѣдствіи адмир. † 1855 г., 101, 116, 244. 396.
Италинскій, русс. посолъ въ Константинополѣ, 1812 г., 36—46.

І.

Іедачичъ, банъ, ген. австр. служ. 1849, 106, 110, 394, 422.
Іеронимъ, братъ Наполеона I, 1812 г., 598.
Іоаннъ V Алексѣевичъ, царь р. 1666 † 1696 г., 176.
Іоаннъ, эрцгерцогъ австр., 1848 года, 413, 420.
Іорданъ, прапорщ. фельдегеръ, 1812 г., 717, 718.

К.

Каде, хирургъ, 1855 г., 457, 458.
Кази-Магометъ, старшій сынъ Шамиля, 255—275; 474—506.
Калайдовичъ, Петръ Ѳед., 1828 года, 211, 213.
фонъ-Камеке, гр. прусск. офиц., 519, 520.
фонъ-Камеке (Kameke) гр—ня, рожд. гр—ня Головкина, во 2-мъ замуж. **Головкина**, 514, 519—522.
Канабихъ, отставн. ген.-лейт. помѣщ. 1802 г., 664.
Кантемиръ, кн. Дмит. Антіохев., молдавскій господарь, впослѣдс, тн. сов. и сенат., р. 1663 † 1723 г., 537.
Карабановъ, Пав. Ѳедор., р. 1767†1851 г. Состав. списки гофмейстеринъ, статсъдамъ и фрейлинъ русск. двора въ XVIII ст., 176, 564.
Кара-Георгій, (Георгій - Черный), сербскій князь, 42, 43.
Каразинъ, Вас. Назаров., р. 1773†1842 г., 567—568.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 78, 208, 567, 570, 573, 661.
Карамзинъ, полковн., 1854 г.. 326, 327.
Каратыгинъ, Василій Андр., артистъ, р. 1802 † 1853 г., 348, 349.
Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ, р, 1805 г.. 568.
Карель, докт., 1849 г., 125.
Кариматъ, жена Кази-Магомета, 474—495.
Карловичъ, ген. 1849 г., 109, 396, 404.
Карлъ X, король франц., 628.
Карлъ XII, король шведскій, 376.
Карлъ-Альбертъ, король Сардинскій, 1849 г., 424.
Карновичъ, Евгеній Петр. Составилъ историко-біографическій очеркъ: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, 1779—1831 г.», 77 — 100; 367—392; упом. 565, 566.
Касинци, начальникъ венгерс. отряда, 1849 г., 402, 404.
Катенинъ, Пав. Алсд., драматическій писатель, р. 1792 † 1853 г., 347, 544.
Каткартъ, лордъ, 1812 г., 180, 354, 357.
Катковъ, Мих. Никифор., 280, 293, 294.
Кашинъ, докторъ, 1853 г., 311.
Кащеева, Варвара Алексѣевна, см: **Гатцукъ**.
Кемпбель, 1854 г., 437. 439.
Кернъ, Анна Пет. рожд. Полторацкая, во 2-мъ замуж. Маркова-Виноградская; ссылка на ея воспоминанія, 564.
Кистеръ, Ѳедоръ, колл. сов., докт., содержатель пансіона въ Москвѣ, 1827 г., 205—220.
Китицынъ, П. А. Сообщ; высочайшій

указъ о розыскѣ Сергѣя Турчанинова 1797 г.. 175, «Охранный листъ временъ семилѣтней войны», 541. 542.
Кламъ, графъ, 1812 г., 63.
Кламъ-Галласъ, ген. австр. служ 1849 г., 110. 226. 395. 401.
Кларкъ. С. В. артистка, 529.
Клериссо, (Clerisseau), архитек. 1785 г., 515. 517.
Кнорринъ, ген. 1820 г., 364. 378.
Козенъ, ген-лейт. инспект. мѣстныхъ арсеналовъ, 1829 г., 546.
Кезецкій, батал. начальн., 1812 г., 70. 71. 182.
Коленда, докторъ, 1853 г., 311.
Коленкуръ, ген. франц. резидентъ при русск. дворѣ, 1813 г., 188. 600. 602.
Колзаковъ, К. П. Ссылка на его «Воспоминанія», 376—380.
Колзаковъ, Пав. Андр., адм. р. 1779†1864 г., ссылка на его «Записки», 565.
Коловратъ, гр. 1848 г., 412.
Колосова, Александра Мих., въ послѣдствіи Каратыгина, артистка, 347. 544.
Колосовъ, 1801 г., 572.
Комаровскій, ген.-адъют., 1818 г., 93.
Конкоиди, Аѳанасій, вологодс. епископъ, 1731 г., † 1737 г., 537—540.
Коновницына, гр—ня Анна Ив., рожд. Корсакова, р. 1769†1843 г., 564.
Константинъ Николаевичъ, вел: кн. Венгерская кампанія 1849 г., 108—118; 238—247; 394. 398. 400; упом: 516, 704; 708.
Константинъ Павловичъ, цесарев. вел. кн., р. 1779†1831 г. Историко-біографическій о немъ очеркъ, 77—100; 367—392; упом: 565. 581. 608. 628. 671.
Корбино, франц. ген., 1812 г., 187. 188.
Корвинъ-Крюковская, Е. Ѳ. рожд. Шубертъ. Сообщ. примѣч. къ запискѣ Ѳ. Ѳ. Шуберта о наводненіи 1824 г., 708—714.
Карженевскій, могилевс. исправникъ, 1812 г., 694.
Корниловъ, полковн. 1812 г., 191.
Корниловъ, адмир., 1854 г., 169. 174.
Корсаковъ, 1812 г., 81.
Котляровъ, штаб. ротмс., 1849 г., 239.
Коцебу, Пав. Евстаф., ген.-адъют. 1855 г., 145.
Кочубей, кн. Викт. Павл. государст. канцл., р. 1768†1834 г., 593.
Кошутъ, предводит. польской партіи 1849 г., 105. 118. 228. 393. 395. 403. 405. 420—426.
Красновъ, Борисъ Терент.,†1866 г., 674.
Красноглазовъ, полковой адъют., 1855 г., 461.
Краснокутскій, офиц. 1849 г., 233. 235.
Крокъ, подпоруч., 1799 г., 542.
фонъ-Кронгельмъ, Луиза-Фредерика, въ замуж: Шубертъ,†1819 г., 716.
Крыжановскій, офиц. польс. службы, 1819 г., 94—97.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ р. 1768 † 1844 г., 567.
Крюднеръ, В. М., полкв. 1855 г., 458. 461. 469. 470.
Кудашевъ, кн. 1812 г., 365.
Кузнецовъ, адъют., 1813 г., 682.
Кузнецовъ, ген., 1849 г., 118. 120. 227. 236. 241.
Кундуковъ, офиц., 1849 г., 232. 405.
Куприяновъ, ген. 1849 г., 109—116. 247.
Куракина, кнг—ня, Прасковья Петр., рожд. Нарышкина, 374.
Куракинъ, кн. Алсд. Борис., дс. тн. сов., вице-канцл., русс. пос. въ Вѣнѣ, р. 1752 † 1818 г., 669—671.
Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-прокур. 1808 г., р. 1759†1829 г., 672.
Куракинъ, кн. Степ. Борис. тн. сов., 1799 г., 374.
Курута, гр. Дмит. Дмит., ген.-инф., † 1838 г., 89. 377. 378.
Кустодіевъ, К. протоіерей. Сообщ: дополненіе къ замѣткѣ «Александръ I въ Венгріи 1821 г.,» 707, 708.
Куторга, Степ. Сем: проф. зоологіи, р. 1808 г. † 529.
Кучинъ, Алед. Ив., 279.
Кюхельбекеръ, Вильгел. Карл., писат., декабристъ, р. 1797†1846 г., 567.

Л.

Лабинцевъ, ген, 1849 г., 109, 249,
Лаблашъ, пѣвецъ, 1853 г., 337, 341, 345, 529.
Лаврова, артистка, 525.

Лавровъ, ген.-лейт. 1812 г., 81.
Лагарпъ, (Jean-François La-Harpe) членъ франц. академіи, писатель, р. 1739 † 1803 г., 515—517.
Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь (Петръ Ивановичъ) воспитат. вел. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г., 379, 380, 391, 392, 550, 553, 582, 599, 608.
Лазаревскій, 1858 г., 292.
Лазаревъ, Мих. Петр., адмир. †1854 г., 101.
Лазаревъ, ген.-маіоръ, 1861 г., 261, 272, 532.
Лазарь, венгерс. ген., 1849 г., 404.
Ламбертъ, гр., ген. 1812 г., 59—76, 177—203.
Ламбертъ, гр., офиц., 1849 г., 233—235.
Ламсдорфъ, гр. ген.-маіоръ, 1797 г., 34.
Лангедорфъ, генеральный консулъ въ Бразиліи, 716.
Лангсдорфъ, рожд. Шубертъ, 716.
Лангенау, бар. адъют. императ. австр., 1849 г., 230.
Ландріани, полковн. сардинецъ 1854 г., 438.
Ланжеронъ, гр. ген. 1812 г., 59, 73, 74, 178—193, 359, 362, 640.
Ланской, 1812 г., 197.
Лапуантъ, франц. ген., 1814 г., 641, 651.
Латышева, артистка, 525, 526.
Лебле, П. П. Сообщ. подлинное письмо Александра I о вовздушномъ шарѣ Леппиха, 1812 г., 717—720.
Лебрёнъ, (Lebrun—Pindare) франц. лирикъ, р. 1729†1807 г., 570.
Левашевъ, г. флиг.-ад., 1854 г. 170, 403.
Левенгагенъ, ген., 1849 г., 404.
Левикъ, могилевс. бургомистръ, 1812 г. 694.
Лейнингенъ, начальн. венгерс. отряда, 1849 г., 250, 403.
Легедичъ, фельдмаршал.-лейтен., австр. комендантъ г. Кракова, 1849 г., 124.
Лейстонъ, (Liston), англ. посолъ въ Константинополѣ, 1812 г., 36, 37, 43.
Леппихъ, Францъ, механикъ, 1812 г., р. 1775 г., 717—719.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, р. 1814†1841 г., 343, 525.
Лерхе, калужскій гражданс. губернаторъ, 1862 г., 482.
Лескуръ, полковн. франц. службы, 1814 г., 649—651.
Ливенъ, баронеса, Шарлота Карловна, рожд. Поссе, воспитательница дѣтей имп. Павла, р. 1743†1828 г., 626, 627, 702.
Ливенъ, ген. 1812 г., 61.
Ливенъ, бар. 1849 г., 108.
Лидерсъ, ген. начальн. молдав. корпуса, 1812 г., 72.
Лидерсъ, А. Н. ген.-адъют. 1849 г., 106, 110, 128—161, 226, 395—405.
Линденеръ, дежурн. штб. офиц., 1854 г., 352.
Липранди, ген.-лейт., 1854 г., 170, 174, 305—333; 434—469.
Липранди, И. П., ссылка на соч. «Россія и Европа передъ войной 1812 г.,» 566.
Лисаневичъ, поруч., 1812 г., 196.
Лисецкій, ген., 1849 г., 118.
Листъ, композит., 345, 346, 533.
Лобановъ-Ростовскій, кн. А. Б. Сообщ. Письма импер. Александра I къ кн. Алексѣю Борис. Куракину 1808—1809 г., 672, упом: 577.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Дмит. Ив. ген.-инф., мн—ръ юстиціи, р. 1758 † 1838 г., 390.
Лобановъ, ген., 1800 г., 543.
Лобановъ, 1849 г., 244, 393, 406.
Ловичъ, кнг. Жанета Антонов. (Іоанна Грудзинская), супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 † 1831 г., 375—386, 628, 629.
Лопухинъ, Ив. Влдм., отставн. бригадиръ, мартинистъ, †1816 г., 663.
Лопухинъ, кн. Петръ Вас., дс. тн. сов. ген.-прокур., предсѣдатель государств. сов., р. 1753†1827 г., 390.
Лубяновскій, Өед. Петр., пензенскій губернат., 1806 г., 1777†1869 г., 664.
Лукашинскій, маіоръ польс. службы, 1819 г., 94.
Луковникъ, полковн. 1812 г., 74. 192.
Лунинъ, декабристъ, 83.
Лупалова, Прасковья Григор. (Параша-Сибирячка), 672.
Лысенко, полковн., 1849 г., 114, 115.
Львова, кнг. Александра Павл., рожд. Александрова, 377.

Львовъ, кн. Алексѣй Мих., бояринъ †1656 г., 176.
Львовъ, кн. фл.-адъют., 377.
Людвигъ, эрцгерцогъ австр., 1848 г., 412, 413, 421.
Людовикъ XVIII, Франц. король, р. 1755 †1824 г., 558, 579, 607—613. 620.
Лядовъ, К., 1857 г., 532.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., дс. ст. сов., ст.-секрет., попечитель казанс. учебн. округа, р. 1778 † 1844 г., 565, 566.
Магометъ-Шафи, второй сынъ Шамиля, нынѣ русск. службы корнетъ, 255—270; 481—500.
Мадатова, кнг. Софія Алсдр., рожд. Саблукова, бывшая фрейлина импер-цы Елисаветы Алексѣевны, р. 1787 † 1875 г., 714, 715.
Масвскій, С. И. генер., 566, 568.
Макарова, С. М. Перевела и сообщ.: «Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ гр-ни Шуазель-Гуфье», 579—632.
Максимиліанъ, австр. принцъ, 1807 г., 670, 671.
Максимовъ, Алексѣй Мих., актеръ † 1861 г., 348, 544.
Малаховскій, полковн., 1812 г., 75.
Малербъ, аббатъ, 376.
Малиновскій, А. Записана имъ на память рѣчь произнесенная импер. Александромъ I къ московс. дворянству 1816 г., 705.
Малютинъ, докт.-хирургъ, 1854 г., 443.
Марія Павловна, вел. кнг., герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 † 1859 г., 379, 380.
Марія Ѳеодоровна, импер-ца. Переписка цесарев. вел. кн. Константина Павловича о разводѣ съ супругой, 1803 г., 368—371; инструкція данная егермейстеру гр. Головкину, 1807 г., 668—671; письмо къ Маріи Антонв. Нарышкиной, 1813 г., 701—704; упом. 86, 379, 380, 390, 392, 568, 578, 582—587, 619—631, 700, 708, 714.
Маркевичъ, ген.-маіоръ, директ. 2-го кадетс. корпуса, 1816 г., 77.
Марковскій, ген.-маіоръ, 1854 г., 305.
Марковъ, ген. 1812 г., 51, 52, 59, 60.
Мармонъ, герц. Рагузскій, франц. маршалъ 1814 г., 634—656.
Мартыновъ, Алсд. Евстаф., актеръ, † 1860 г., 348, 531, 544.
Мартыновъ, Никл. Савичъ, штб.-капит., 1854 г., 352.
Мауреръ, Людвигъ, капельмейстеръ, 342.
Медемъ, гр., русск. посолъ въ Вѣнѣ, 1848 г., 423, 425.
Мейерберъ, композит., 339, 534.
Меихъ, полковн., 1856 г., 140, 141.
Мелессино, ген., 1812 г., 57, 65.
Мельниковъ, полковн., 1812 г., 191.
Мельниковъ, полковн., 1849 г., 404.
Мендельсонъ, композит., 525.
Менделѣевъ, Дмит. Ив., профессоръ, 294.
Меншиковъ, кн. Алсд. Данил., генералиссимусъ, р. 1673 † 1729 г., 535—537.
Меншиковъ, кн. Алсд. Серг., адмир., главнокоманд. войсками въ Крыму, р. 1787 † 1869 г., 131—138, 150, 167—174, 439, 446.
Меншиковъ, кн. Влдм. Алсд., фл.-адъют., 1849 г., 104.
Меншинскій, гр., 1849 г., 109.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳед., проф. и писат., 572, 574.
Мерцаловъ, А. Сообщ.: «Георгій Дашковъ въ ссылкѣ на Каменномъ Островкѣ», 536—541.
Местръ, гр. 1812 г. Ссылка на «Correspondance diplomatique», 358, 360.
Меттернихъ, кн. герцогъ Партелли, австр. государств. канцл., р. 1773 † 1859 г., 407—425, 550, 699.
Миллеръ, артил. ген., 1849 г., 247.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., ген.-инф. † 1825 г., 84, 185, 359, 365.
Милославскій, Илья, русскій посолъ въ Турцію, 1642 г., 1, 4, 24, 32.
Минквицъ, ген.-адъют., 1873 г., 145.
Михайловъ, о. Иванъ, священн. 572, 574.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн. † 1849 г. 380—392, 619.

Михайловъ, смотритель Калинкинской больницы, 1812 г., 701.
Михельсонъ, Ив. Ив., ген.-инф., р. 1740 † 1807 г., 668.
Моллагини, паша, правитель Азова, 1667 г., 8—13.
Моллеръ, ген., 1849 г., 395.
Молчановъ, чиновн., 1852 г., 335.
Монтекукули, гр., 1848 г., 420.
Мордвиновъ, гр. А. А., 565.
Мордвиновъ, гр. Никл. Семен., адмир., р. 1755 † 1845 г., 565.
Морикони, гр-ня, 1812 г., 588, 589.
Морикони, гр. 1812 г., 588.
Морозовъ, отставн. капралъ, 1732 г., 539.
Моро, франц. маршалъ, 1813 г., 84, 605.
Морошкинъ, Як. Лук., священ.; ссылка на «Воспоминанія», 566.
Мортье, герц. Тревизскій, франц. маршалъ, 1814 г., 634—654.
Моръ, ген. 1812 г., 55, 56, 60, 68.
Муравьевъ-Апостолъ, С. И., декабр. † 1826 г., 565.
Муравьевъ, М. Н., ген.-инф., виленскій ген.-губернат., 143.
Муравьевъ, Никл. Назаров., тн. сов., ст.-секрет., 1826 г., 222.
Мурзакевичъ, Н. Н. Сообщ.: Письмо И. Н. Инзова къ П. Т. Трощинскому 1807 г., 666, 667.
Мурузи, кнг-ня, 1812 г., 689.
Мурузи, кн., 1812 г., 43.
Мустафа-Яггинъ, переводчикъ при Шамилѣ, 1862 г., 259, 262, 475—505.
Мюратъ, Іоахимъ, неаполитан. король, 1812 г., 188, 585.

Н.

Наги-Шандоръ, начальн. венгерс. отряда, 1849 г., 250.
Наджаватъ, дочь Шамиля, 1862 г., 262.
Назимовъ, ген., 1849 г., 244, 396.
Написатъ, дочь Шамиля, 1863 г., 255, 274.
Наполеонъ I. императ. Франц., р. 1769 † 1821 г. Отечественная война 1812 г. 37—76, 177—204, 353—365; упом. 78, 84—86, 92, 120, 382, 416, 417, 548—561, 579—596, 634—662, 688. 693—699. 717—719.
Нарбоннъ, гр. франц. дипломатъ, 1812 г., 592, 593, 598.
Нарышкина, Марія Антон., рожд. кнж. Святополкъ-Четвертинская, р. 1779 † 1854 г., 368, 586. 701—704.
Нарышкина, гр—ня Софія Дмт., † 1824 г., 624.
Нарышкинъ, Дмит. Львовичъ, об.-егермейстеръ, р. 1764 † 1838 г., 368, 378. 701.
Невзоровъ, 1801 г., 572.
Ней, франц. марш., 1812 г., 83, 197—200.
Нелидова, г-жа, 1813 г., 702.
Неруновичъ, Иннокентій, иркутскій епископъ, 1736 г., 540.
Нессельроде, гр. Карлъ Вас. (Карлъ-Робертъ) мн—ръ иностран. дѣлъ, въ послѣдствіи государствен. канцлеръ, р. 1780 † 1862 г., 365, 423, 593, 607, 635—656.
Нестеровъ, Аѳанасій, стольникъ, русскій посолъ въ Турцію. 1667 г., 1, 8—14, 32.
Нестеровъ, дивизіон. лекарь, 1813 г., 678.
Нечаевъ, Артемій, отставн. лб.-гвардіи сержантъ, 1732 г., 538, 539.
Николаи, бар. Алсд. Павл., статсъ-секрет., д. т. сов., членъ государ. совѣта. Сообщ. «Дневникъ барона Л. П. Николаи веденный имъ во время Венгерской кампаніи 1849 г.» 101—126; 223—251; 393—406.
Николаи, Б., 1801 г., 34.
Николаи, бар. Леонтій Павл., ген.-адъют., р. 1820 г. Дневникъ веденный имъ во время Венгерской кампаніи, 1849 г., 101—126; 223—251; 393—406.
Николаи, бар. Пав., русск. чрезвычайный посланникъ при Датскомъ дворѣ, 1820 г., 101.
Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г. Повелѣніе о напечатаніи вновь высочайшей резолюціи по дѣлу объ отрѣшеніи Тверск. гражданск. губернатора, 1826 г., 222; Венгерская кампанія 1848—1849 гг., 104—126; 230—238; 397—404; 422—425; письма къ кн. Варшавскому и Меншикову, 1854 г., 168—174; упом. 100, 167, 170, 283, 348, 380—392, 534, 544, 610, 614, 630, 631.
Николай Николаевичъ, вел. кн. 394.

Никольскій, А. А. Сообщ. «Объявленія о продажѣ людей», 39.
Ниловъ, Петръ, 1715 г., 535.
Новосильцевъ, гр. Никл. Никл., тн. сов. тов. мн—ра юстиціи, 1761 † 1838 г., 89, 96, 97, 100, 386, 705.
Нюниковъ, фельдшеръ, 1855 г., 462.

О.

Обермюллеръ, докторъ, 1854 г., 449.
Обрѣсковъ, Никл. Вас. москов. губер., 1820 г., 717. 718.
Овсянниковъ, П. А., 1858 г., 292.
Огаревъ, ген.-маіоръ, 1855 г., 468.
Одоевскій, кн. Алсд. Ив., писат., декабристъ, р. 1804 † 1839 г., 567.
Одоевскій, кн. Влдм. Өед., писат., 343.
Ожаровскій, гр., фл.-адъют., 1824 г., 133, 365, 612, 615.
Ожеро, франц. ген., 1814 г., 652. 698.
Оленинъ, Алексѣй Никл., президентъ академіи худож., † 1842 г., 534, 566.
д'Оливе (Joseph Thoullier, l'abbé d'Olivet), аббатъ, филологъ, р. 1682 † 1768 г., 508.
Омаръ-Мехтевъ, 1863 г., 255 — 275, 468—482.
Опочининъ, Өед. Конст., кам.-юнкеръ, 572.
Опочининъ, Өед. Петр., об.-гофмейстеръ, † 1852 г., 90, 92, 99, 380, 381, 390—392.
Опперманъ, гр., 1849 г., 405.
Ореусъ, И. И. Ссылка на его статью: «Дѣйствія русской сводной дивизіи ген.-адъют. Панютина, во время Венгерской войны 1849 г.», 121, 126.
Орловъ-Денисовъ, гр. Вас. Вас., ген.-адъют., р. 1780 † 1843 г., 680.
Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григ., ген.-аншефъ, р. 1737 † 1808 г., 577, 578.
Орловъ, маіоръ, помѣщ., 1802 г., 664.
Орловъ, гр. Алексѣй Өед., ген.-адъют., † 1861 г., 112, 121, 125, 230.
Орловъ, Мих. Өед., полковн., флигель-адъют., 1812 г., † 1842 г. Записки его: «Капитуляція Парижа въ 1814 г.», 633—662; упом. 202, 203, 363, 565, 566.
Орловъ, Никл. Мих. Сообщ. «Записки своего отца о капитуляціи Парижа въ 1814 г.». 633—662.
Остенъ-Сакенъ, бар. Дмит. Ерофеев., нынѣ графъ, генер.-адъют., 109, 110, 231—238, 244, 396.
Остерманъ, гр. Ив. Андр., вице-канцлеръ, р. 1725 † 1811 г., 252.
Островскій, Алксн. Никл, писатель, 530, 531.
Офенбергъ, генер., начальникъ отряда 1849 г., 229.

П.

Павелъ I, императ., р. 1754 † 1801 г. Письма къ кн. П. П. Долгорукову о тульскихъ оружейникахъ, 1797 г., 165. 166; письмо къ А. Н. Сенявину, 1797 г., 175; приказы 1798—1800 гг., 542—543; упом. 34, 90, 370, 372, 383, 507—521, 550—560, 626.
Павлова, Каролина Карлов., 1858 г., 293, 294.
Павловъ, генер., 1853 г., 313.
Паленъ, гр., 1812 г., 179—200.
Пальмерстонъ, лордъ, англ. мн-ръ 1848 г., 409—426.
Пальтенбергъ, венгерс. ген., 1849 г., 394.
Панаевъ, Аркадій Алсдр. Сообщ. Отвѣтъ на замѣтку кн. П. А. Урусова, 352; упом. 351; ссылка на его «Разсказы», 438.
Пантелѣевъ, ген. 1812 г., 68.
Панютинъ, ген.-адъют., 1849 г., 105—121, 225, 226, 391, 403.
Паркеръ, адмир., 1848 г., 410.
Парротъ, австр. ген., 1849 г., 113.
Парръ, графъ, полковн., 1814 г., 638, 653, 654.
Партуно (Partouneaux), франц. генер., 1812 г., 193—198, 359.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Өед., фельдмарш., † 1856 г. Венгерская кампанія 1849 г., 101—126; 223—251; 393—406. Война Россіи съ Турціею 1854—1855 гг., 168, 169, 170, 171; упом. 130, 131, 158, 164, 323.
Паскевичъ, кн. Өед. Ив., полковн., 1849 г., 112, 113, 226—228, 402.
Пассекъ, Алсд. Вадимов., 1858 г., 287—299.

Пассекъ, Вадимъ Васил., писатель, † 1843 г., 283, 284.
Пассекъ, Владиміръ Вадимовичъ, 1858 г., 277, 280, 299.
Пассекъ, Татьяна Петр., рожд. Кучина, р. 1810 г. «Воспоминанія ея 1859—1860 г., 277—300; упом. 351.
Пашковъ, воронежс. вице-губернаторъ, 1730 г., 537.
Пашковъ, Ипполитъ Александр., 1858 г., 277.
Пальфи, венгерс. магнатъ, 1849 г., 394.
Петерсонъ, капит., 1814 г., 639.
Петровъ, Осипъ Аѳанас., артистъ, 525, 526, 532.
Петръ I, императ., р. 1672 † 1725 г., 7, 373, 381, 515, 535, 536, 570.
Петръ II, императ., 536, 537.
Петръ III, императ., † 1762 г., 176, 552.
Пиминъ, русскій митропол., XIV стол., 2, 4.
Пироговъ, Никл. Ив., проф. медиц., хирургъ, 1854 г., 448—457, 462, 463.
Платовъ, гр. Матвѣй Ив., наказн. атаманъ войска донскаго, р. 1757 † 1818 г., 185—203, 356—360, 568, 673, 677—687, 689.
Плаутинъ, ген., 1849 г., 248, 249.
Плесси, франц. артистка петербургс. театра, 529.
Побѣдинскій, ген.-маіоръ, ярослв. помѣщ., 1802 г., 664.
Погодинъ, бывшій ген.-интендантъ дѣйствующ. арміи 1829 и 1831 гг., 144.
Пожалостинъ, Ив. Петр., акад., граверъ на мѣди, 568.
Полевъ, полквн., 1812 г., 35.
Полозовъ, сержантъ лб.-гв. преображенск. полка, 1732 г., 538.
Поль, франц. актриса, 381.
Поляковъ, капит., 1800 г., 543.
де-Понъ-Сенъ-Морисъ (de-Pont-Saint-Maurice), франц. посолъ въ Берлинѣ, 512.
Понсонби, британс. посолъ въ Вѣнѣ, 1848 г., 412.
Понятовскій, гр., 1789 г., 387.
Поповъ, А. Н. † 16 нояб. 1877 г. Его изслѣдованіе: «Отечественная война 1812 г., 35—76; 177—204; 353—365; упом. 548, 566.
Порпорино (Porporino), пѣвецъ итальян. оперы, 1773 г., 511.
Поспѣлова, г-жа М. А., 569—572.
Потаповъ, Александ. Львов., 1849 г., 122, 123, 243.
Потемкинъ-Таврическій, кн. Григорій Алсд., ген.-фельдмарш., р. 1738 † 1791 г., 508, 514, 543.
Потемкинъ, гр. Серг. Павл., писатель, р. 1787 † 1858 г., 348, 349.
Потта, австр. ген., 1849 г., 124, 229.
Потѣхинъ, Григорій, 1811 г., 675.
Похвисневъ, Мих. Никл., сенаторъ, 565, 572.
Поцо-ди-Борго, дипломатъ, 1815 г., 610, 661.
Прадтъ, аббатъ, франц. посолъ въ Варшавѣ, 1812 г., 59.
Пржецлавскій, Пав. Гиляровъ., полковн., бывшій приставъ при военно-плѣнномъ Шамилѣ. Сообщ. Записки: «Шамиль и его семья въ Калугѣ, 1862—1865 гг.», 255—276, 471—506.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, новгородс. архіепископъ, 1730 г., 537—540.
Пронскій, актеръ, 349.
Протопоповъ, дивизіон. докторъ, 1854 г., 308—333; 443.
Пуциловскій, виленскій адвокатъ, 1825 г., 96.
Пушкинъ, Алсд. Серг., р. 1799 † 1837 г., 525, 567, 666.
Пущинъ, капит. литовс. полка, 89, 90.

Р.

Рабиновичъ, могилевс. градской голова, 1812 г., 694.
фонъ-Раденъ, ротмс., 1849 г., 116, 117.
Радецкій, гр., фельдмарш., 1848—1849 гг., 408, 409, 424.
Радзивилъ, кнг-ня, 625.
Радзивилъ, кн. Доминикъ, начальн. отряда польск. войскъ, 1812 г., 70, 596.
Радзивилъ, кн., 1849 г., 125.
Раевскій, Никл. Никл., генер., 1812 г. 565, 634.

Райнеръ, эрцгерцогъ, вице-король Ломбардіи, 1848 г., 413, 421.
Райскій, хирургъ, 1854 г., 451—469.
Раль, 1857 г., 532.
Рамазановъ, Никл. Алсд., художникъ-скульпторъ, р. 1815 † 1857 г., 530.
Рашель, знаменитая артистка, 1853 г., 524, 528, 529.
Ренье, франц. ген., 1812 г., 46—68, 365.
Ридигеръ, гр. Өед. Вас., ген.-адъют. † 1856 г., 106—119; 224—240; 394—405.
Ридигеръ, подпоруч., 1849 г., 239.
Римскій-Корсаковъ, вилен. ген.-губернаторъ, 1823 г., 96.
Ришелье, герцогъ, франц. мн—ръ, 613, 614.
Рожницкій, польс. ген., 1825 г., 386, 387.
Романовскій, А. М. Сообщ. «Французы въ г. Чаусахъ въ 1812 г.», 688—696.
Росницкій, А., протоіерей. Сообщ. «Прошеніе Волгскаго именитаго гражданина Злобина, 1810 г.», 674.
Россель, Джонъ, лордъ, англ. мн—ръ, 418, 426.
Ростопчинъ, гр. Өед. Вас., московск. главнокоманд. 1812 г., р. 1765 † 1826 г., 80, 166, 367, 387, 717, 719.
Рудзевичъ, ген., 1812 г., 192, 193.
Румовскій, Степанъ, 1801 г., 34.
Румянцевъ, гр. Никл. Петр., государств. канцл. р. 1754 † 1826 г., 564, 717.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Алсд., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., 507, 510.
Руновскій, капит., 1862 г., 267, 488—490.
Рыжовъ, ген., 1854 г., 434, 439.
Рылѣевъ, Кондр. Өед., писатель, декабристъ, † 1826 г., 567.
Рюль, лейбъ-мед. пмп—цы Маріи Ѳеодоровны, 705.
Рябининъ, Д. Д. Сообщ.: «Записки проф. академика Тьебо, 1765—1785 года», 507—522.

—

С.

Сабанеевъ, ген. 1812 г., 59, 65, 199, 354, 357, 360.
Савваитовъ, Павелъ Ив., археологъ и писат., 565.
Савельевъ, А. И. генер.-маіоръ. Сообщ.: Приказы императора Павла I 1798—1800 г., 542—543.
Савельевъ, Никл. Вас., учит. исторіи и географіи, 1828 г., 208.
Савченко, Птр. губерн. регистрат., 1796 г., 672.
Савченко, Прасковья Петр., дѣвица, 1809 г., 672.
Садовскій, Провъ. Мих., актеръ, 1853 г., 531.
Сазиковъ, фабрикантъ серебряныхъ издѣлій, 488.
Сакенъ (Остенъ-Сакенъ) гр. Фабіанъ Вильгельмов., вослѣд. кн. и фельдм., р. 1752 † 1837 г., 57—73, 363, 364, 634, 644.
Салтыкова, кнг. Натал. Влдм., рожд. кнж. Долгорукова, статсъ-дама 1796 г., р. 1737 † 1812 г., 664.
Салтыковъ, гр. Вас. Өед., † 1730 г., 176.
Салтыковъ, гр. Никл. Ив., ген.-фельдм., р. 1736 † 1816 г., 543.
Салтыковъ, Өед. Петр., боярин, † 1697 г., 176.
Сальватори, докторъ, 1812 г., 718.
Сальясъ, гр. Евг. Андр., писатель, 375.
Самаринъ, актеръ, 1853 г., 531.
Самойлова, Надежда Вас., артистка, въ замуж. Макшѣева, 348, 544.
Самойловъ, Вас. Мих., артистъ, † 1839 г., 348.
де-Сангленъ, Як. Ив., дс. ст. сов., 351.
Свистуновъ, калужскій помѣщ., 1862 г., 488.
Селивановъ, Алексѣй Вас. Сообщ.: Воспоминаніе отца его о Т. Н. Грановскомъ, 205—220.
Селивановъ, Вас. Вас., р. 1813 † 1875 г., воспоминаніе его о Тим. Ник. Грановскомъ, 205—220.

Селивановъ, Мих. Ив., капит., 1727 г., 536.
Сельванъ, ген. 1849 г., 231, 232, 405.
Семенова, Екат. Семен., артистка, въ послѣдствіи кнг. Гагарина. 347.
Семеняки, П. Д., войсковой старшина, 12.
Семякинъ, Конст. Роман., генер., 1855 г., 133, 325, 429—449.
Сенъ-Сиръ, франц. марш. 1812 г., 48—74, 363.
Сенявинъ, Алексѣй Наумов., адмир. 1797 г., 175.
Сеславинъ, Алекс. Никит., полковн., партизанъ, 1812 г., 193, 194, 365, 565, 698.
Симоничъ, гр., 1849 г., 226—228.
Сипягинъ, ген.-адъют., 1816 г., 77, 78.
Ситовскій, Р. Сообщ. «Письмо империцы Екатерины II къ королю польскому», 1779 г., 252.
Скавронскій, гр. Мартынъ Карл., ген.-анш. р. 1715 † 1776 г., 176.
Скарятинъ, ген. † 1849 г., 399.
Слатинъ, С. Д. Сообщ. замѣтку: «Як. Ив. де-Сангленъ», 351.
Смола, Игнатій, митрополитъ Коломенскій, 1730 г., 537.
Соковнинъ, Пав., 572, 574.
Соколовъ, Василій, 1813 г., 681.
Сокоревъ, поруч., 1800 г., 542.
Солнцевъ, Ѳед. Григ. художн. проф. 566.
Соловьевъ, режисеръ московс. драматич. труппы, 544.
Соловьевъ, Серг. Мих., акад. Историческій очеркъ: «Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848 и 1849 годовъ», 407—426.
Солтыкъ, гр. Ссылка на соч.: «Napoléon en 1812», 75, 76, 200.
Сольмони, гр. 1812 г., 609.
Сорочинская, рожд. кнж. Голенищева-Кутузова, 1826 г., 392.
Сохацкій, 1801, г., 572.
Сперанскій, графъ Мих. Мих., р. 1772 † 1839 г., 555, 556, 565, 663, 674.
Стасовъ, Вас. Вас. Сообщ.: «Очерки и замѣтки о музыкѣ и литературѣ, А. Н. Сѣрова», 335—346; 523—534.
Стасовъ, Дмитр. Вас. Письма къ нему А. Н. Сѣрова, 1852—1853 г., 335—346; 523—534.
Стафаки, поруч. командиръ батал. греческихъ волонтеровъ, † 1854 г., 323—325.
Степановъ, Н. П. Сообщ.: «Произвольное сокращеніе Высочайшей резолюціи 1826 г.», 222.
Стояновъ, ген.-лейт., 1800 г., 543.
Стратановичъ, отств. ротмс., 1808 г., 672.
Страхова, помѣщица, 1807 г., 665.
Страховъ, колл. ассес., 1807 г., 665.
Стремоуховъ, поруч., 1800 г., 542.
Строгановъ, гр. Александръ, 1849 г., 400.
Строгановъ, гр. Григорій, 1849 г., 228.
Студенкинъ, Г. И. Сообщ.: «Поджогъ сенатскаго зданія въ С.-Петербургѣ, 1829 г.», 545—547. «Дни петербургскихъ иллюминацій въ 1812 г., 700, 701.
Стурдза, Алсд. Скарлатов., 566.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Алсд. Вас., генералиссимусъ, р. 1728 † 1800 г., 507, 543.
Сухотинъ, 1801 г., 572.
Сухтеленъ, П. К., г., 1808 г., 668, 673.
Сысоевъ, полковн., 1812 г., 689.
Сѣверцовъ. Никл. Алексѣев., орнитологъ, 1859 г., 286.
Сѣровъ, Алсд. Никл., р. 1820 † 1820 г. Очерки и замѣтки его о музыкѣ 1852—1853 г., 335—346; 523—534.
Сѣряковъ, Лавр. Аксенов., акад. граверъ на деревѣ; гравиров. портретъ кнг. Ловичъ, и проч. портреты для изд. «Русская Старина» 353; упом. 375, 568, 577.
Сѣченовъ, Ив. Мих., проф., 294.

Т.

Талейранъ, герц., Беневентскій, франц. мн-ръ иностр. дѣлъ, 606, 607, 633, 647—661.
Тальбергъ, композит., 346.
Тарасовъ, Дмит. Клемент., почетн. лб.-хирургъ, р. 1792 † 1866 г., 564, 677.
Тизенгаузенъ, гр., 575.

Тизенгаузенъ, гр.—ня, см. **Шуазель-Гуфье**.
Тимашевъ, Алсд. Егоров., 1849 г., 125, 280.
Тимофѣевъ, ген.-маіоръ, 1854 г., 167.
Тирконель, лордъ, англ. воен. агентъ, 1812 г., 179, 180, 354, 357.
Титовъ, подполковн. 1800 г., 543.
Титовъ, Л. А., могилевскій предвод. дворянства, 1871 г., 143.
Тишинъ, об.-секрет., 1730 г., 537.
Тодорскій, Ив. 1801 г., 572, 576.
Толстая, гр—ня, Анастастія Иванов., 282—285.
Толстой, гр., 1812 г., 589—591.
Толстой, гр. Ѳед. Петр., тн. сов., вице-президентъ академіи худож., художникъ, медальеръ, р. 1783 † 1873 г., 282—287, 298, 568, 664.
Толстой, гр. 1849 г., 230.
Толстой, гр. Дмт. Алсд., могилевскій губернат., 1812 г., 695.
Толстой, совѣтн. посольства, 1859 г., 298, 299.
Толтенбергъ, начальн. венгерс. отряда, 1849 г., 250.
Толь, гр. Карлъ Ѳед. (Карлъ-Вильгельмъ), ген.-адъют., р. 1777 † 1842 г. Ссылка на «Воен. Журн. 1812 г.», 192, 365.
Торвальдсенъ, художн., 582.
Тормасовъ, ген.-инф., 1812 г., 35—67; 196, 358, 365. 700.
Тотлебенъ, Эдуардъ Ив., подполковникъ 1854 г., нынѣ ген.-адъют., инжен.-ген., р. 1818 г.. 165.
Тромповскій, адъют. генер. Ридигера, 1849 г., 398.
Трощинскій, Дмт. Прокоф., дс. тн. сов., сенат., † 1829 г., 667.
Трощинскій, Петръ Прокоф., генер.-маіоръ, 667.
Турминскій, переводчикъ, 1862 г., 487—489.
Турчаниновъ, Сергѣй, капит., 1797 г., 175.
Тутолминъ, тен.-инфант. московс. воен. губернат., 1807 г., 665.
Тучковъ, ген., 1812 г., 73.
Тучковъ, ген.-лейтен., 1856 г., 141.
Тьебо (Dieudonné Thiébault) проф. академикъ. Книга его: «Воспоминанія двадцатилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, 1765—1785 г.», 507—522.
Тютчева, Дарья Ѳедоровна, фрейлина, 1859 г., 281.
Тяжеловъ, о. Арсентій Ив., законоучитель, 1828 г., 219.

У.

Уваровъ, генер.-адъют., 1814 г., 624, 625, 635.
Удино, франц. март., 1812 г., 48—76, 180—201, 303.
Уеллинтонъ, герцогъ, генералиссимусъ армій союзныхъ державъ 1812 г., англо-военный мн—ръ, 415—425, 652.
Улыбышевъ, музык. писатель, 1853 г., 337—346, 527, 528.
Умма-Дуевъ, наибъ, 1862 г., 497—506.
Урбанъ, полковн., 1849 г., 404.
Урусова, кнж. 569.
Урусовъ, кн. Павел. Алскд., ген.-адъют., генер. отъ инфант. Сообщ. «Замѣтку о разсказахъ А. А. Папаева», 351, 352, упом. 461.
Урусскій, капит., 1855 г., 463.
Усковъ, Ираклій Алексдр., 1856 г., 288.
Ушаковъ, генер., 1735 г., 540.
Ушаковъ, ген., 1849 г., 247.

Ф.

Фавье, полквн. франц. службы, 1814 г., 655, 656.
Фальконетъ, (Etiènne-Maurice-Falconnet) франц. художникъ 1766 г., р. 1716 † 1791 г., 515.
Фатиматъ, дочь Шамиля, 1863 г., 255, 274.
Фегеръ, венгерс. ген., 1849 г., 395.
Фейхнеръ, см. **Іорданъ**.
Фердинандъ, эрцгерц. австр., 1807 г., 669—671.
Фердинандъ, неаполит. кор. 1820 г., 562.
Фердинандъ, испан. король, 1822 г., 563.
Фердинандъ, импер. австр., 1848 г., 412.

Ферморъ, гр. В., ген.-аншефъ, 1759 г., 542.
Ферроне, франц. послан. при русск. дворѣ, 1818 г., 613.
Фигнеръ, партизанъ, 1812 г. 1813 г., 365, 565, 696—699.
Филаретъ, митропол. московс. 1826 г., 392.
Фишбахъ, генер., 1854 г., 326.
Фогтъ, Карлъ, натуралистъ, 294, 295, 297.
Фонъ-деръ-Ховенъ, И. Р. Сообщ: Стихотвореніе о цесарев. Константинѣ Павловичѣ, 383, 384.
Формей, (Formey, Jean-Henri-Samuel) р. 1711†1797 г. членъ Берлинской академіи, 1765 г., 508, 509.
Фотій, (Павелъ Спасскій) архимандр., настоят. Новгор. Юрьева монастыря, р. 1792 † 1838 г., 78, 566, 568.
Францъ-Іосифъ, импер. авст. 1849 г., 424.
Францъ-Карлъ, эрцг. австр. 1848 г., 413.
Фрейтагъ, ген., 1849 г., 109—115, 243—246, 402.
Фридрихсъ, Жозефина, во 2-мъ замуж. Вейссъ, †1824 г., 377.
Фридрихъ II Великій, кор. прусскій, †1785 г., 507—510, 521, 541, 547.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, прусс. король, р. 1770†1840 г., 547. 557, 558, 609, 638, 641.
Фроловъ, гер., 1849 г., 245.
Фуль, бар. Карлъ-Лудвигъ-Августъ ген. р. 1757†1826 г., 79, 565.

Х.

Ханыковъ, русск. послан. въ Дрезденѣ, 1825 г., 631.
Хвостовъ, гр. Дмитрій Ив., писатель, р. 1757†1835 г., 347, 543, 544, 566.
Херасковъ, Михаилъ Матв., писатель, р. 1733†1807 г., 569, 572.
Хитрово, ген.-маіоръ, 1800 г., 542.
Хлаповскій, Дезидерій, ординарецъ при Наполеонѣ, 382.
Хлоповъ, окольничій, русс. посолъ въ Турцію, 1683 г., 24. 33.
Хомутовъ, Мих. Григ., наказный атаманъ войска донскаго 1855 г., 138.
Храповицкій, ссылка на его Записки 1812 г., 192, 200.
Хрулевъ, Степ. Алсд. полковн., 1849 г., въ послѣдст. ген.-лейт., 239, 351, 352, 450—468.

Ц.

Цитовичъ, кап., об.-квартирмст., 1854 г. 352.

Ч.

Чаадаевъ, ген. 1849 г., 106—116, 120—125, 224—243, 396, 404.
Чаплицъ, ген. 1812 г., 60, 73, 74, 180—199, 362.
Чарторижскій, кн. Адамъ, попечитель Виленскаго учебн. округа 94—97.
Чарторижскій, кн. Константинъ, адъют. вел. кн. Константина Павлов. 92, 585.
Челищевъ, ген.-лейт., инспекторъ всей артиллеріи, 1798 г., 715. 716.
Чеплыгинъ, Петръ Семеновичъ, 1727 г., 535, 536.
Чернышевъ, кн. Алсд. Ив., флиг.-адъют., впослѣд. воен. мн—ръ, р. 1786†1852 г., 47—69, 202, 588, 609.
Четвертинская, кн—жна, Жанета Антоновна, †1854 г., 368.
Четыркинъ, глав. докторъ арміи, 1849 г., 122.
Чижиковъ, капит., 1855 г., 463.
Чириковъ, Илья, окольничій, русскій посолъ въ Турцію, 1682 г., 14.
Читау, артистка, 1853 г., 531.
Чичаговъ, адмир., главнокомандующій сухопутн: войсками, 1812 г., 35—76; 177—204; 353—365. 699.
Чумиковъ, А. А. писатель, 566.

Ш.

Шабелькій, ген., 1849 г., 124, 231.
Шабунинъ, Егоръ, колл. асссесоръ, 1829 г., 546.
Шабунинъ, Мих. Егор., канцеляристъ сената, 1829 г., 545—547.
Шаликова, кнг., А. И., 569.
Шаликова, княжна Наталья Петровна, 280—282.
Шаликовъ, кн. П. И. писатель 1828 г., 212, 213, 566.
Шамбре, М, маркизъ. Ссылка на записки объ отечеств. войнѣ, 1812 г., 62, 68, 72, 184—200, 353.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана; пребываніе его въ Калугѣ, 1862—1865 гг., 255—276; 471—506; упом.: 102, 103.
Шапюи (Chapuis), полковн. франц. службы, 1812 г. Ссылка на его записки, 67, 190, 193, 202.
Шасселю, франц. ген. 1812 г., 187, 188.
Шварценбергъ, кн. австр. главнокоманд. 1812 г., 46—67; 84, 85, 178, 185, 186, 358—365, 557, 634, 638, 641, 654.
Шварценбергъ, гр. Феликсъ, австр. первый мн—ръ. 1848 г., 423, 425.
Шевичъ, ген.-лейт., 1797 г., 165.
Шевичъ, г-жа, 1813 г., 702.
Шевченко, Тарасъ Григ., малороссійскій поэтъ, художникъ, 1859 г., 286—292, 534.
Шейдеманъ, полковн., начальн. артилл., 1864 г., 352.
Шенгелидзевъ, смотритель Обуховской больницы, 1812 г., 701.
Шеншинъ, фл. адъют., 1854 г., 170, 172,
Шефферъ, докт., проф. московс. медико-хирургич. акад.. 1808 г., 516,517,672.
Шилкинъ, подпоруч., 1800 г., 542.
Шиллеръ, докторъ, 1854 г., 444.
Шиловская, г-жа, 1857 г., 531, 532.
Шишковъ, Алсд. Сем., адмир., писатель, р. 1754 † 1841 г., 565, 572.
Шкуринъ, спб. об.-полиціймейст., 1829 г., 545, 546.
Шметтау, гр—ня, рожд. Головкина, 520.
Шмидтъ, докторъ. см. **Леппихъ**.
Шопенъ. композит., 525.
Шредеръ, секр. русск. посольства, 1812 г., 717.
Штейнгель, гр., ген. 1812 г., 48—74, 185, 186.
Штейнъ, бар., 1812 г., 200, 661.
Шуазель-Гуфье, гр., (Choiseul-Gouffier), фр. посолъ въ Константинополѣ, 1783 г., 583,
Шуазель-Гуфье, гр. Антонъ-Людвигъ-Октавъ, перъ франціи. р. 1773 † 1840 г., 579, 583, 612—642.
Шуазель-Гуфье, гр—ня Софія, рожд. гр—ня Тизенгаузенъ, р. 1793 г. Воспоминанія ея объ императорѣ Александрѣ I, 579—632; упом.: 564.
Шуанетъ, ренегатка изъ армянъ, Анна Ивановна Улуханова, жена Шамиля, 255, 262, 275, 504.
Шубертъ, Іоганъ-Христіанъ, пасторъ, 1758 г., 716.
Шубертъ, Ф. Ф. дс. ст. сов., членъ спб. академіи наукъ, р. 1758 г., авторъ «Записки о наводненіи 1824 г.,708—714.
Шубертъ, Өед. Өед., ген.—инф., членъ военн. сов.,†1865 г., 714.
Шубертъ, Өед. Өед., дс. ст. сов.,†1877 г., 714.
Шуваловъ, гр. Андр. Павл., 624.
Шуваловъ, гр. Андр. Петр., дс. тн. сов. и сенаторъ, р. 1744 † 1789 г., 507, 515, 516.
Шуваловъ, гр. Петр. Ив., фельдмарш., р. 1711 † 1762 г., 615.
Шуваловъ, гр. штб.-ротмс., 1799 г., 542.
Шуваловъ, гр. Петр. Андр,. 1849 г., 108. 112, 226, 228, 402, 697.
Шульгофъ, піанистъ и композит., 1853 г., 338.
Шульковскій, ген.-адъют., 1812 года, 177—181.
Шульцъ, архитект., 1812 г., 593, 584.

Щ.

Щебетовъ, медикъ, 1855 г., 460.
Щепкинъ, Мих. Сем., актеръ, 219, 291, 292, 530, 531.
Щербатова, княж. Анна Алексдр., въ замуж. **Александрова**, 377.
Щербатовъ, кн. ген. 1812 г., 59, 73, 182.
Щербина, Никл. Ѳед., поэтъ, писатель, 1859 г., 283, 286.
Щукинъ, калужс. губернскій предводит. дворянства, 1861 г., 473.

Э.

Эбле, франц. инжен. ген., 1812 г., 187, 188.
Эйнзидель, поруч., 1854 г., 436.
Эйсымонтъ, докторъ, 1854 г., 444.
Эмме, ген.-маіоръ, 1800 г., 543.
Энгельгардтъ, ген. 1812 г., 59.
Эртель, ген.-лейт. 1812 г., 47, 57, 72, 73, 185, 186, 363.
Эссенъ, гр. ген.-лейт. Рижскій ген.-губернат. 1812 г., 47—74, 678.
Эстергази, венгер. магнатъ, 1849 г., 394.

Ю

Юрловъ, Левъ, воронежс. епископъ, 1730 г., 537.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1877 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Записки берлинскаго профессора-академика **Тьебо**, 1765—1785 гг. Перевелъ и сообщ. съ примѣчаніями Д. Д. Рябининъ. 507

II. Императоръ Александръ I въ воспоминаніяхъ графини Шуазель-Гуфье, 1810—1825 гг. Перев. С. М. Макарова. 579

III. Записки **Михаила Ѳедоровича Орлова**: капитуляція Парижа въ 1814 г. Сообщ. Н. М. Орловъ. . . . 633

IV. Дневникъ **барона Л. П. Николаи**, веденный имъ во время Венгерской войны, 1849 г. Сообщ. Баронъ А. П. Николаи . . . . . 101; 223 и 393

V. Записки о Восточной войнѣ, 1853—1855 гг., доктора А. А. Генрици. Главы I—V: на Дунаѣ, подъ Севастополемъ и Евпаторіей.—Въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ . . . . . 301 и 427

VI. **Шамиль въ Калугѣ** въ 1862—1865 гг. Записки военнаго пристава при немъ, полковника П. Г. Пржецлавскаго . . . . . 253 и 471

стр.

VII. Воспоминанія **Татьяны Петровны Пассекъ**. 1810—1862 гг. Глава XXXII: Выѣздъ за границу.—Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой.—Поэтъ Тарасъ Шевченко: ссылка и возвращеніе.—Въ Швейцаріи.—Карлъ Фогтъ и его семья.—Встрѣча въ Парижѣ, 1859—1860 гг. . 277

Историческія изслѣдованія и біографическіе очерки.

I. Посольскія путешествія въ Турцію въ XVII столѣтіи. Очеркъ И. Е. Забѣлина 1

II. Императоръ Александръ I, 1777—1825 гг. 519

III. Отечественная война 1812 г. Глава VI: Дѣйствія адмирала Чичагова. Главы VII и VIII: Переправа Наполеона черезъ Березину. Историческое изслѣдованіе А. Н. Попова. [Окончаніе]. . . . . 35; 177 и 353

IV. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, 1779—1831 гг. Историко-біографическій очеркъ. Составилъ Е. П. Карновичъ. Главы XIV—XIX. . . . . 77 и 367

V. Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг. Статья акад. С. М. Соловьева. 407

VI. Ѳедоръ Карловичъ Затлеръ, 1805—1876 гг. Генералъ-интендантъ русской арміи во время Восточной войны, 1853—1855 гг. Біографическій очеркъ. Составилъ по подлиннымъ документамъ П. Ѳ. Н—тъ, съ примѣчаніемъ Н. К. Шильдера 127

Замѣтка по поводу очерка. Сообщ. М. И. Богдановичъ [стр. 349].

Указы, переписка, донесенія, разсказы и замѣтки.

Царствованіе Петра I.

I. Письмо кн. Я. Ѳ. Долгорукаго—кн. А. Д. Меншикову, 16-го октября 1716 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ . . 535

Царствованіе Петра II.

стр.

I. Письмо русской помѣщицы Гликеріи Ворженской, 7-го іюля 1727 г. Сообщ. Н. В. Губерти 535

Царствованіе Анны Іоанновны.

стр.

I. Георгій Дашковъ, Ростовскій архіепископъ, въ ссылкѣ на Каменномъ островкѣ, что̀ на Кубенскомъ озерѣ. Сообщ. А. Мерцаловъ 536

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Охранный листъ, выданный гр. Ферморомъ, 1759 года. Сообщ. П. А. Китицынъ 541

Царствованіе Екатерины II.

I. Письмо Екатерины II королю польскому Станиславу Августу, 30-го сентября 1779 г., съ извѣщеніемъ о рожденіи в. к. Константина Павловича. Сообщ. Р. Ситовскій. . . . 252

II. Анна Карловна Воронцова, рожденная графиня Скавронская. Замѣтка. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. 176

Царствованіе Павла I.

I. Письмо императора Павла—А. Н. Сенявину, 1797 года. Сообщ. Ив. Андреевскій 175

II. Высочайшее повелѣніе о розыскѣ капитана Сергѣя Турчанинова, янв. 1797 г. Сообщ. Ив. Андреевскій. . . . 175

III. Тульскіе оружейники въ 1797 г.: повелѣнія императора Павла—ген.-маіору кн. П. П. Долгорукову. Сообщ. В. Н. Бестужевъ-Рюминъ. 165

IV. Письмо гр. Ламсдорфа князю П. А. Зубову. 1797 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 35

V. Приказы императора Павла I-го, 1798—1800 гг. Сообщ. А. И. Савельевъ 542

VI. Повелѣніе великаго князя Александра Павловича о томъ какъ обращаться съ медицинскими чинами, 1798 г. Сообщ. И. Н. Ермаковъ 715

Царствованіе Александра I.

I. Александръ I въ одахъ 1801. 569

II. Высочайшее повелѣніе о непечатаніи объявленій о продажѣ людей, 1801 г. Сообщ. А. А. Никольскій . . . 34

III. Распоряженіе о паспортахъ иностранцевъ въ Ярославлѣ, сентябрь 1801 г. 222

стр.

IV. Высочайшій указъ о жестокостяхъ помѣщицы Страховой, 1807 г. Сообщ. М. Ѳ. Бороздинъ 665

V. Письма и повелѣнія императора Александра I—кн. А. Б. Куракину, 1808—1809 гг. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій 672

VI. Императоръ Александръ I въ Москвѣ: рѣчь сказанная дворянству 16-го августа 1816 г. 704

VII. Александръ I въ Венгріи, 1821 г. Замѣтка. Сообщ. въ 1873 г. от. К. Кустодіевъ 707

VIII. Комета въ 1811 г. Замѣтка современника. Сообщ. въ 1872 г. А. И. Артемьевъ 675

IX. Письмо Александра I о воздушномъ шарѣ Леппиха, 24-го мая 1812 г. Сообщ. П. И. Лебле 717

X. Французы въ г. Чаусахъ въ 1812 г. Разсказъ современника очевидца. Сообщ. А. М. Романовскій 688

XI. Иллюминаціи въ С.-Петербургѣ, въ 1812 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ 700

XII. Императрица Марія Ѳеодоровна: иструкція, данная гр. Головкину, 1807 г. 668

XIII. Императрица Марія Ѳеодоровна: письмо къ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной, 1813 г. Сообщ. съ примѣчаніемъ Н. Д. Быковъ 701

XIV. Императрица Елисавета Алексѣевна: письмо къ княгинѣ С. А. Мадатовой, 1825 г. 714

XV. Что долженъ давать государству университетъ? Изъ бумагъ эпохи Александра I-го. Сообщ. Профес. В. С. Иконниковъ 705

XVI. Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій: письмо 8-го октября 1801 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 577

XVII. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ: письмо къ Сперанскому, 1806 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 663

XVIII. Иванъ Никитичъ Инзовъ: письмо къ П. П. Трощинскому, 1807 г. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ 696

XIX. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ: письмо къ гр. П. К. Сухтелену, 1807 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 668

XX. Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ: письмо къ гр. П. К. Сухтелену, 1809 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 673

XXI. Василій Злобинъ, именитый гражданинъ города Вольска: всеподданнѣйшее его прошеніе, 1810 г. Сообщ. въ 1872 г. от. А. Росницкій 674

XXII. Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ: его приказъ 1809 г.

стр.

и письма къ баронету Я. В. Виллiе въ 1812—1816 гг. Сообщ. въ 1871 г. войска Донскаго ген.-лейтен. Яковъ Петровичъ Баклановъ . . . . . 673 и 677

XXIII. Партизанъ Фигнеръ: характеристическій очеркъ Д. В. Давыдова. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 696

XXIV. Графъ Армфельдъ: письмо къ гр. П. К. Сухтелену, 1812 г. Сообщ. Акад. А. Ѳ. Бычковъ 699

XXV. Причины наводненія въ С.-Петербургѣ въ 1824 г.: письмо астронома Ѳ. Ѳ. Шуберта и біографическая о немъ замѣтка 708

Царствованіе Николая I.

I. Высочайшее повелѣніе по поводу произвольнаго сокращенія резолюціи императора, 23-го января 1826-го года, по дѣлу объ отрѣшеніи Тверскаго гражданскаго губернатора. Сообщ. въ 1870 г. Н. П. Степановъ 222

II. Поджогъ зданія Сената въ С.-Петербургѣ, въ 1829 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ 545

III. Война Россіи съ Турціей, 1854—1855 гг.: письма и повелѣнія императора Николая; письма и донесенія кн. А. С. Меншикова и кн. И. Ѳ. Паскевича. 167

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XIX вѣка.

I. Замѣтка о портретѣ В. А. Жуковскаго. Сообщ. Н. Д. Быковъ 534

II. Тимофей Николаевичъ Грановскій. Воспоминаніе В. В. Селиванова. Сообщ. А. В. Селивановъ 205

III. Александръ Николаевичъ Сѣровъ: его очерки и замѣтки о литературѣ, но преимущественно о музыкѣ, 1852—1859 г. Сообщ. съ примѣчаніями В. В. Стасовъ . . . 335 и 523

Пѣсня, замѣтки и поправки.

I. Пѣсня о сынѣ Стеньки Разина. Записалъ и сообщ. крестьянинъ А. Е. Ерошкинъ 366

II. Книга, приписываемая Екатеринѣ II: „Stepan Annibale d'Albanie“. Запросъ Г. Н. Геннади и отвѣтъ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго . . . . . 349 и 547

стр.
III. Я. Ив. де-Сангленъ. Замѣтка. Сообщ. С. Д. Слатинъ. . 351
IV. „Хроника Петербургскихъ театровъ“. Замѣтки по поводу этой книги Стараго Театрала и отвѣтъ составителя „Хроники“—А. Н. Вольфа . . . . . 347 и 543
V. Замѣтки кн. П. А. Урусова и А. А. Панаева по поводу штурма Евпаторіи въ 1855 г. 351
VI. Поправки и опечатки. . . . . 548 и 721

I. «Русская Старина» въ двѣнадцати книгахъ изд. 1877 г. 721
II. Списокъ лицъ сообщившихъ «Русской Старинѣ» статьи и матеріалы 733
III. Матеріалы журнальной статистики: «Русская Старина» въ 1877 г. 375
IV. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XX-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1877 г. . . . . 1—36
V. Систематическое оглавленіе XX-го тома «Рус. Стар.». I—IV
VI. Перечень русско-историческихъ книгъ, вышедшихъ въ 1870—1877 гг. [Окончаніе].

Портреты и снимки.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавную виньетку).

II. Портретъ Московскаго митрополита Филарета. Гравировалъ на мѣди академикъ И. П. Пожалостинъ.

III. Портретъ князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, исполненъ съ весьма рѣдкаго портрета, принадлежащаго его правнуку Ѳ. К. Опочинину. Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

IV. Портретъ княгини Жанеты Ловичъ, супруги цесаревича Константина Павловича. Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ, въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

V. Портретъ Михаила Ѳедоровича Орлова, 1814 г. Рисовалъ В. С. Шпакъ, гравировалъ академикъ, граверъ Его Императорскаго Величества, Л. А. Сѣряковъ.

VI. Чертежъ: Комета въ 1811 г. (См. стр. 676).

VII. Геліографическій снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I о воздушномъ шарѣ Леппиха 24-го мая 1812 г.

(См. стр. 717).

ьный фонд
обл. библиотеки